

ТРУДЫ

ДЕСЯТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ РИГѢ

1896

Подъ редакціей графини Уваровой

Томъ I

МОСКВА

Типографія Г. Лиснера и А. Гешеля, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера
1899

Печатается по распоряжению Императорского Московского Археологического Общества,
на основании § 56 его Устава.

Председатель Графиня УВАРОВА.

1950z

81 -
БИБЛИОТКА
ИИИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

B-300

ПАМЯТИ

въ Бозѣ поживающаго

Государя Императора

Александра III Александровича

Благоговѣнно посвящаетъ

ИМПЕРАТОРСКОЕ

Московское Археологическое Общество.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

<i>Бранденбургъ, Н. Е.</i> Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губ., въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остовы убитыхъ лошадей	1
<i>Милюковъ, П. Н.</i> Отчетъ о раскопкахъ рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.	14
<i>Черепнинъ, А. И.</i> О рязанско-окскихъ могильникахъ	38
<i>Воробьевъ, Г.</i> Остатки древнихъ замковъ и земляныхъ сооружений по правому берегу Вислы, въ предѣлахъ нынѣшней Плоцкой и части Варшавской губ.	59
<i>Кащенко, Н. О.</i> Къ вопросу объ одновременности существованія человѣка и мамонта	64
<i>Покровский, О. В.</i> Къ изслѣдованію бассейна Вилии въ археологическомъ отношеніи. (Съ 4-мя табл.).	71
<i>Горощенко, К.</i> Гипсовыя погребальныя маски и особый видъ трепанаци въ курганахъ Минусинскаго округа. (Съ одной таблицей).	172
<i>Фонъ-Штернъ.</i> О поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи	189
<i>Якубовъ, К.</i> Къ вопросу о происхожденіи слова „Русь“	197
<i>Тураевъ, Б.</i> Вопросъ о Финикіяхъ въ Балтійскомъ морѣ	201
<i>Бунинъ, А. И.</i> О мѣстѣ битвы Русскихъ съ Нѣмцами, бывшей 5 апрѣля 1242 г. на льду Чудскаго озера.	214
<i>Петровъ, Н. И.</i> Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуни черезъ Ригу въ Зарайскъ въ 1224—25 гг.	220
<i>Истомина, М. П.</i> Рига и осада ея царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ	229
<i>Маркевичъ, А. А.</i> О чеканкѣ русскихъ денегъ въ г. Кокенгузенѣ въ половинѣ XVII ст.	241
<i>Багалъ, Д. И.</i> Магдебургское право въ городахъ лѣвобережной Малороссіи.	245
<i>Пьтуховъ, Е. В.</i> О нѣкоторыхъ историческихъ и литературныхъ фактахъ, связанныхъ съ именемъ Успенскаго Пеково-Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв.	256
<i>Будиловичъ, А. С.</i> О задачахъ славяно-русской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгріи	264
<i>Германъ, А.</i> О сумирскомъ языкѣ и его отношеніи къ угро-алтайскимъ языкамъ.	270
<i>Плоцанскій, В. М.</i> Керден и Кердеевичи XIV—XV в.	277
<i>Ляценко, А.</i> О времени написанія „Слова Данила Заточника“	290
<i>Мочульскій, В. Н.</i> Апокрифическое житіе ап. Петра	298
<i>Маркевичъ, А. А.</i> Русскій городъ Рига въ половинѣ XVII в.	306
<i>Звяревъ, свящ. С. Е.</i> Слѣды христіанства на Дону въ домонгольскій періодъ	316
<i>Филевичъ, И. П.</i> О разработкѣ географической номенклатуры	327
<i>Филипповъ, А.</i> Центральные русскіе архивы и ихъ значеніе для исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII в.	340
<i>Мържинскій, А. О.</i> Ромове	350

Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остовы убитыхъ лошадей.

Н. Е. Бранденбургъ.

Группировка археологическихъ свѣдѣній, изъ свода которыхъ могъ бы пролиться свѣтъ на народность тѣхъ или другихъ курганныхъ могилъ, представляется насущнымъ вопросомъ въ особенности для юга Россіи, усѣяннаго курганами крайне разнообразнаго племеннаго происхожденія. Думается поэтому, что, выдвигая въ настоящемъ случаѣ вопросъ о народности одного, довольно близко нами изученнаго типа этихъ могилъ, мы сдѣлаемъ шагъ въ желанномъ отношеніи, и если удастся обосновать этотъ типъ какъ нѣчто въ ряду прочихъ самостоятельное, то онъ можетъ прибавить звено къ искомому критериуму.

Въ средней полосѣ Кіевской губерніи, именно въ районѣ между Днѣпромъ, Ирпенью и Росью встрѣчаются въ довольно значительномъ количествѣ особаго рода могилы, отличающіяся отъ множества другихъ весьма типичной обрядностью, именно, что въ нихъ покойникамъ постоянно сопутствуютъ остовы погребенныхъ вмѣстѣ съ ними лошадей. Частности погребенія въ данномъ случаѣ обыкновенно очень устойчивы: человѣческіе скелеты постоянно въ дубовыхъ гробахъ-колодахъ положены головами на западъ (съ небольшими рѣдкими уклоненіями), и остовы лошадей находятся всегда рядомъ съ гробомъ съ сѣверной стороны, обращенные головами на западъ же, причемъ въ видѣ также крайне рѣдкихъ, единичныхъ исключеній, бывали случаи находокъ конскихъ костей непосредственно надъ самымъ гробомъ. Одинаково неизмѣнно повторяется и тотъ фактъ, что лошади видимо убиты именно здѣсь же, т.-е. въ самой могилѣ, что вполне наглядно выражается въ положеніяхъ конскихъ остововъ: конь представляется всегда какъ бы упавшимъ отъ перваго же ловкаго удара и притомъ безъ всякой агоніи, такъ какъ не замѣтно никакихъ слѣдовъ, чтобы онъ бился передъ смертью; онъ обыкновенно лежитъ на брюхѣ, или нѣсколько на боку, съ подогнутыми ногами, т.-е. въ положеніи, исключаящемъ всякую мысль о томъ, чтобы трупъ его могъ быть брошенъ сюда извнѣ и очевидно введенъ въ могилу живымъ.

Однако разновидностями тѣхъ же могилъ можетъ быть указано, что въ однѣхъ остовы лошадей лежатъ полностью, а въ другихъ при гробахъ (съ той же сѣверной стороны) систематически разложены лишь отрубленная конская голова и ноги, но всегда въ извѣстномъ порядкѣ вдоль гроба, и черепъ у западнаго конца послѣдняго. Еще разновидностью можно указать, что иногда самыя могилы устроены подъ курганомъ въ материкѣ, иногда же (хотя рѣже) — выше поверхности земли, т.-е. непосредственно въ курганной насыпи, но въ послѣднемъ случаѣ онъ очевидно принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ вставныхъ, т.-е. устроенныхъ въ курганахъ уже ранѣе существовавшихъ и принадлежавшихъ совсѣмъ другой народности, потому что подъ подобными насыпями въ подошвѣ или материкѣ обыкновенно оказываются еще другіе человѣческіе скелеты, погребенные частью въ вытянутомъ, частью въ скорченномъ (утробномъ) положеніи, при которыхъ неоднократно бывали находимы лишь каменные молотки и родъ плоскихъ кольцевидныхъ костяныхъ бляшекъ неизвѣстнаго назначенія, слѣдовъ же металловъ почти неизвѣстно, такъ какъ даже остатки бронзы при нихъ составляютъ величайшую рѣдкость. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ и самыя курганы принадлежатъ этимъ послѣднимъ погребеніямъ гораздо болѣе глубочайшей древности, никакого отношенія къ верхнимъ вставнымъ могиламъ не имѣющимъ.

Указанные варианты представляютъ однако несомнѣнно лишь частныя уклоненія основнаго типа, и ясно, что тѣ и другіе принадлежатъ одному племени; то же самое доказывается общностью ихъ культуры.

Культура эта заслуживаетъ особаго вниманія какъ по своему разнообразію, такъ и по болѣе или менѣе характернымъ особенностямъ, свойственнымъ здѣсь погребеніямъ и мужскимъ и женскимъ. Въ ней встрѣчаются издѣлія изъ золота, серебра, бронзы, желѣза, кости, шелка, шерсти и кожи, равно какъ и минералы — сердоликъ, аметистъ, кварцъ и др., а также янтарь и даже кораллы, но, не вдаваясь въ подробности, здѣсь необходимо остановиться только на нѣкоторыхъ предметахъ, которые могутъ выразить извѣстныя особенности и наводить на болѣе тѣсныя заключенія.

Въ могилахъ мужскихъ характерно постоянное присутствіе оружія, какъ-то остатковъ луковъ, стрѣлъ и главнымъ образомъ длинныхъ весьма типичныхъ сабель; встрѣчаются также желѣзные шлемы и кольчуги, но рѣдко; попадаются остатки боевого и конскаго снаряженія, какъ-то колчановъ, налучей, сѣделъ и проч., при чемъ обращаетъ на себя вниманіе видимо широко распространенное употребленіе оправы или украшеніе подобныхъ предметовъ костью; прямыхъ обоюдоострыхъ мечей не найдено ни разу. Любопытны также остатки золототканыхъ узорчатыхъ матерій и даже золотой парчи, оказавшейся однажды на гробѣ и представлявшей повидимому бортъ отъ покрывала, накинутого на послѣдній.

Въ могилахъ женскихъ значеніе многихъ предметовъ украшеній выступаетъ еще болѣе. Здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ изъ рѣдчайшихъ, если даже не первымъ случаемъ въ практикѣ курганныхъ раскопокъ, именно съ употребленіемъ для украшеній коралловъ, иногда въ видѣ маленькихъ рожковъ съ отверстіями для привѣски, иногда же въ видѣ подвѣсокъ болѣе крупныхъ; далѣе, крайне любопытны находки

небольшихъ круглыхъ металлическихъ зеркалъ (напоминающихъ скиѣскіе образцы) и тонкихъ серебряныхъ бляшекъ съ отверстіями на краяхъ, очевидно для нашивки на ткани, при чемъ на бляшкахъ замѣчаются слѣды позолоты и нѣкоторыя украшены вытѣсненными изображеніями фантастическихъ звѣрей, т.-е. также сближаются съ подобными же типами украшеній, свойственныхъ могиламъ скиѣскимъ. Повторяются массивныя серебряныя серьги, напоминающія кіевскіе образцы и имѣющія форму большого кольца съ крупной нанизкой въ видѣ двухъ сложенныхъ основаніями конусовъ, или иногда на низкой шарообразной съ большими коническими шипами; попадаются височные кольца и перстни изъ высокопробнаго золота, наконецъ одинъ разъ на шеѣ скелета найдена литая серебряная гривна, а на рукѣ у другого — такой же браслетъ, но совершенно гладкій, безъ орнамента. Привѣсокъ, болѣе или менѣе характерныхъ по своей формѣ, не встрѣчено, но нельзя не упомянуть о двухъ весьма любопытныхъ экземплярахъ конскихъ начальныхъ бляхъ отъ уздечки, ясно представляющихъ выдѣланное изъ тонкаго серебра, довольно большое изображение гусиной лапки, т.-е. вариантъ одного изъ типовъ украшеній, столь свойственнаго культурѣ кургановъ народности финно-угорской, въ сѣверной и восточной Россіи. Кромѣ того можно отмѣтить еще находку на черепѣ одного скелета небольшой матерчатой шапочки, съ наборомъ по бокамъ ея изъ подвѣшенныхъ на цѣпочкахъ серебряныхъ бубенчиковъ, и нерѣдкое присутствіе въ могилахъ бусъ изъ янтаря, сердолика и аметистовыхъ. Наконецъ замѣчается и то обстоятельство, что въ описываемой культурѣ совершенно почти отсутствуетъ глиняная посуда; только однажды былъ найденъ простой горшокъ и еще при одномъ скелетѣ оказался въ ногахъ бронзовый цилиндрической котелокъ.

Таково въ немногихъ словахъ то содержаніе могильнаго инвентаря, которое обращаетъ на себя вниманіе въ данномъ случаѣ, — содержаніе, видимо выдающееся своими нѣкоторыми особенностями¹⁾, и потому представляющее весьма интересный вопросъ,

¹⁾ Подобныя же могилы въ упоминаемой мѣстности (Коневс. у.) были уже извѣстны и ранѣе, при чемъ особенно богатымъ содержаніемъ отличались встрѣченныя проф. Д. Самоквасовымъ въ 70-хъ годахъ на р. Россавѣ. Объ одной изъ нихъ онъ, напр., сообщаетъ, что на скелетѣ, въ ней заключавшемся, были найдены: много остатковъ узорчатой и шитой золотомъ одежды; на головѣ шитая золотомъ вязка, унизанная золотыми, серебряными, костяными и бронзовыми бляхами; на шеѣ витой серебряный обручъ и ожерелье изъ каменныхъ и янтарныхъ бусъ; въ ушахъ золотыя массивныя кольца, на рукѣ серебряный витой браслетъ и перстень съ гладкимъ камнемъ; у пояса желѣзный ножикъ, бронзовое кольцо и серебряныя бляшки; на ногахъ кожаные сапожки съ деревянными каблуками и мѣдными бляхами. На лежавшемъ здѣсь же конскомъ остовѣ оказались остатки уздечки и сѣдла, украшенные серебряными и мѣдными рѣзными бляхами и кромѣ того въ ногахъ покойника найдены большой бронзовый сосудъ, глиняный горшечекъ и желѣзные обручи вѣроятно отъ ведра. (Изв. Общ. Любителей Естеств., Антроп. и Этногр., т. XXVII; Антропологич. Выставка, т. I, 202).

Эти же могилы на Россавѣ Д. Самоквасовъ вообще очерчиваетъ слѣдующими словами: „Остовы лошадиныя занимаютъ правую половину могилы и положены хребтомъ вверхъ, съ ногами, подогнутыми подъ туловище; при нихъ найдены желѣзныя удила, остатки деревянныхъ сѣделъ, обтянутыхъ кожей, желѣзныя стремена, пряжки, разныя бляхи изъ серебра, бронзы и кости, съ изображеніями на нѣкоторыхъ фантастическихъ животныхъ. Скелеты человѣческіе положены въ гробахъ, обращены головами на западъ и занимаютъ лѣвую половину могилы; при мужскихъ найдены желѣзные кольчуги, сабли, ножи, огнива и стрѣлы, при женскихъ же множество украшеній, представляющихъ собою: шапки или діадемы изъ золотой матеріи, украшенныя нѣсколькими рядами золотыхъ и серебряныхъ бляхъ и большою рѣзною, костяною бляхою наверху, золотыя ушные кольца, серебряныя шейные обручи съ слѣдами позолоты, ожерелья изъ бусъ, различныя привѣски, золотые перстни, серебряныя браслеты съ камнями, золотыя бляшки отъ поясовъ и остатки кожаной обуви и узорчатыхъ матерій“. (Тамъ же, т. XXXV; Антропол. Выст., т. III, 348).

не может ли быть определено по возможности ближе самое племя, оставившее эти могилы?

Изъ вышеизложеннаго почерпаются слѣдующія сюда относящіяся указанія:

Погребальный ритуалъ этихъ могилъ довольно опредѣлительно свидѣтельствуетъ, что народность, которой онѣ принадлежать находилась въ бытѣ кочевомъ, а не осѣдомъ, иначе неизмѣнное присутствіе въ нихъ убитыхъ лошадей лишается значенія. Въ данномъ случаѣ мы очевидно имѣемъ дѣло съ обычаемъ глубоко укоренившимся, покоящемся на извѣстныхъ вѣрованіяхъ вытекающихъ, изъ условій быта, такъ какъ въ упоминаемыхъ могилахъ остовы коней, иногда даже по два, сопутствуютъ не только мужчинамъ, но и женщинамъ, а одинъ разъ встрѣченъ даже скелетъ дитяти, при которомъ точно такъ же лежалъ цѣлый остовъ небольшого жеребенка. Подобные признаки слишкомъ характерны, чтобы лишиться всякаго оттѣнка индивидуальности и должны несомнѣнно вытекать изъ общаго кочевого склада народности, ихъ оставившей.

Затѣмъ постоянное присутствіе въ тѣхъ же могилахъ предметовъ вооруженія указываетъ, что племя было воинственное, но прочій могильный инвентарь въ то же время свидѣтельствуетъ, что оно находилось въ довольно развитыхъ сношеніяхъ съ разными культурными центрами. Сюда относятся находки янтарныхъ и другихъ бусъ и коралловъ, находки остатковъ золототканыхъ матерій и парчи, видимо происхожденія византійскаго, экземпляры большихъ серебряныхъ серегъ, напоминающихъ кіевскіе типы, высокой пробы издѣлія изъ золота и т. д. Съ другой стороны факты находокъ металлическихъ зеркалъ скиѣскихъ образцовъ и серебряныхъ бляшекъ съ характерными изображеніями фантастическихъ звѣрей, указываютъ на какую-то отдаленную связь и съ періодомъ культуры скиѣской. Все это въ совокупности намекаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ совершенно дикими номадами, а съ какимъ-то кочевымъ племенемъ, обладавшимъ своей извѣстной культурой, хотя и несамобытной, племенемъ слѣдовательно не замкнутымъ, а находившимся въ извѣстномъ общеніи съ разными болѣе цивилизованными сосѣдями и притомъ вѣроятно даже въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Наконецъ изъ ознакомленія съ тѣмъ же могильнымъ инвентаремъ почерпается указаніе, что въ разбираемой культурѣ несомнѣнно присутствуютъ элементы, свидѣтельствующіе о происхожденіи даннаго племени какъ восточнаго. На подобную связь съ востокомъ, независимо отъ упомянутаго уже кочевого быта той же народности, указываютъ и другіе признаки, во главѣ которыхъ можно поставить восточные образцы найденнаго вооруженія, какъ-то типичные шлемы съ кольчатыми бармицами и главное — постоянно повторяющіяся, характерной формы сабли; бросается въ глаза широкое примѣненіе украшенія костью какъ оружія, напр. луковъ съ ихъ принадлежностями (т.-е. колчановъ и налучей), такъ и предметовъ конскаго снаряженія, напр. сѣделъ; одинъ экземпляръ остатковъ такого сѣдла хранится въ Историческомъ Артиллерійскомъ Музеѣ въ Петербургѣ и позволяетъ нѣсколько судить о самой своей формѣ, которая вмѣстѣ съ отдѣлкой своей костью весьма сближается съ современными намъ образцами хивинскихъ сѣделъ въ томъ же Музеѣ, при чемъ любопытно даже сходство орнаментаціи костяныхъ украшеній, именно господство орнамента изъ круж-

ковъ съ точкою въ центрѣ. Наконецъ нельзя не указать и на то обстоятельство, что всѣ черепа изъ тѣхъ же могилъ отличаются замѣтной чистотой своего типа, всѣ ясно короткоголовые, а также что имѣются основанія усматривать присутствіе могилъ, совершенно тождественныхъ съ упоминаемыми, въ цѣломъ рядѣ древнихъ погребеній съ конями, открытыхъ въ остальной южной Россіи по направленію на востокъ и теряющихся въ далекихъ равнинахъ Сибири.

Но здѣсь вопросъ о географическомъ ихъ распространеніи весьма усложняется тѣмъ, что тотъ же погребальный ритуалъ не составляетъ, какъ извѣстно, типической особенности лишь какого-нибудь одного даннаго племени, а въ различныхъ вариантахъ повторяется и у многихъ другихъ¹⁾, почему является затрудненіе и въ классификаціи самыхъ могилъ. Такъ не говоря уже о томъ, что подобный же обычай убиванія коней при погребеніяхъ извѣстенъ у древнихъ Грековъ и Скивовъ и могилы съ слѣдами этого обычая открыты, напр., въ древнемъ Херсонесѣ²⁾, въ курганахъ Керченскихъ, Таманскихъ и на Кубани, онѣ же извѣстны и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа, Крыма, извѣстны въ Бессарабіи, въ области войска Донского, въ губерніяхъ Херсонской, Воронежской, Курской, Тамбовской, Астраханской, Самарской, Пермской, Оренбургской и друг. и выслѣжены даже въ далекой Сибири³⁾; вообще фактовъ, сюда относящихся, имѣется довольно, но конечно большая часть ихъ или не имѣетъ никакого отношенія къ разбираемымъ въ настоящемъ случаѣ⁴⁾, или быть-можетъ отношеніе весьма отдаленное, тѣмъ не менѣе среди остальныхъ цѣлый рядъ безъ сомнѣнія стоитъ въ непосредственной связи и съ обнаруженными на территоріи Кіевской губерніи, какъ напр. совершенно тождественная съ послѣдними могила, встрѣченная лично нами при раскопкахъ около Ногайска, которая заключала въ себѣ погребеніе съ разрубленнымъ на части конемъ и была вставною въ курганъ болѣе древняго происхожденія, т.-е. представляла полную копію съ таковыхъ же, разсѣянныхъ по Коневскому уѣзду.

Такимъ образомъ въ этнологическомъ отношеніи распространенность описываемаго типа могилъ на востокъ, также представляетъ свое значеніе.

¹⁾ Напр. одинъ изъ наиболѣе типичныхъ вариантовъ представляютъ могилы, встрѣченныя Ю. Зографомъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губ., въ которыхъ (судя по положенію черепч. костей лежавшихъ по сторонамъ конскаго остова, при чемъ ноги человѣческаго скелета вдѣты въ стремяна) покойники видимо погребались верхомъ на конѣ. Любопытно, что, по указанію В. Антоновича, въ самомъ Кіевѣ въ 1879 г. была открыта подобная же древняя могила съ погребеннымъ въ полномъ вооруженіи всадникомъ на конѣ (Изв. Общ. Любителей Естеств., Антроп. и Этнографіи, т. XXXV; Антропологич. Выст., т. III, 183, 87).

²⁾ Отчетъ Имп. Археол. Комиссіи за 1893 г., стр. 70; также Правит. Вѣстн. 1895 г., № 208.

³⁾ Д. Анучинъ: „Сави, лады и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда“, 133, 137, 139. Труды третьяго Археол. Съѣзда, т. I, 200. Записки Рус. Археол. Общества 1895 г., т. VII (В. Радловъ: Сибирскія древности). Отчетъ Имп. Археол. Ком. 1891 г., стр. 83.

⁴⁾ Однимъ изъ любопытныхъ примѣровъ въ этомъ родѣ можно привести грабительскую раскопку кургана въ ближайшихъ окрестностяхъ Ногайска въ 1877 г., при которой, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, былъ найденъ человѣческій скелетъ въ желѣзномъ шлемѣ и кольчугѣ и съ нѣсколькими яко бы мѣдными стрѣлами; по рассказамъ въ той же могилѣ находились и кости лошади. Самое интересное здѣсь представлялъ шлемъ, такъ какъ на передней части его была прикрѣплена мѣдная пластинка (ок. 3 вер. дліною) съ изображеніемъ св. Прокопія, на что указывала надпись, вырѣзанная по сторонамъ того же изображенія, именно слова: „св. Про — коп.“

Эта рѣдкая, но малоизвѣстная находка существовала нѣсколько времени въ Ногайскѣ, но затѣмъ безслѣдно куда-то исчезла.

Что касается какихъ-либо указаній хронологическихъ, то къ сожалѣнію въ тѣхъ же могилахъ, вскрытыхъ непосредственно нами, не было ни одного случая находки какой-либо монеты, которая могла бы хотя приблизительно ихъ датировать, почему въ этомъ отношеніи трудно установить болѣе или менѣе тѣсныя предѣлы.

Нельзя впрочемъ обойти молчаніемъ, что имѣются два, извѣстныхъ намъ, указанія на находки монетъ другими лицами, но указанія темныя, на которыя трудно опереться въ данномъ случаѣ. Это именно краткое упоминаніе (изъ вторыхъ рукъ) о будто бы найденной проф. Д. Самоквасовымъ въ Коневскомъ уѣздѣ, въ курганной могилѣ съ человѣческимъ и конскимъ остовами, золотой монетѣ XII вѣка¹⁾, другое же — находка г. Кожевниковымъ серебряной монеты XIV в. (въ Острогжс. уѣздѣ) въ курганной могилѣ съ человѣческимъ скелетомъ, при которомъ оказались пара стремень, остатки сѣдла, конской узды, копые и проч., но здѣсь о присутствіи конскихъ костей совсѣмъ умалчивается²⁾, въ виду чего быть-можетъ и самая могила принадлежить иной народности; въ общемъ оба факта не вносятъ ничего положительнаго.

Приведенные уже выше слѣды вліянія скиѣской культуры даютъ поводъ думать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ изслѣдованныхъ лично нами могилъ, могутъ принадлежать гораздо болѣе раннему времени, другія же частности инвентаря послѣднихъ указываютъ, что на противоположномъ рубежѣ можетъ быть поставленъ XI вѣкъ и такимъ образомъ хронологическіе предѣлы являются весьма широкими.

Вотъ все, что можно заключить изъ обзора имѣющихся матеріаловъ; интересно сопоставить ихъ съ данными историческими.

Прежде всего необходимо остановиться на извѣстіи нашей начальной лѣтописи, устанавливающей территоріальную связь между райономъ средней части Кіевской губерніи и славянскимъ племенемъ Полянъ, приурочиваемымъ лѣтописцемъ къ этой мѣстности: „Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзи Древляне, занѣ сѣдоша въ лѣсѣхъ“, говоритъ лѣтопись³⁾, прибавляя далѣе о первыхъ, какъ „особѣ жившимъ по горамъ симъ“ и связывая съ ними, какъ извѣстно, легенду о построеніи самаго Кіева. На основаніи этого указанія упоминаемыя могилы, думали, при предшествовавшихъ попыткахъ классификаціи кургановъ Кіевской губерніи, отнести именно къ Несторовымъ Полянамъ⁴⁾, но съ этимъ нельзя согласиться по многимъ причинамъ.

1) Извѣстія Общ. Любит. Естеств., Антроп. и Этнографіи, т. XXXV. Антрополог. Выст. т. III — Отдѣлъ доисторич. древн. выставки, составлен. Д. Анучинымъ, стр. 11, № 96. Въ сообщеніи самого Д. Самоквасова, касающемся тѣхъ же кургановъ (Антроп. Выст. III, 348), объ монетѣ XII в. не говорится ничего, а имѣется лишь темноватое упоминаніе о монетахъ VII—XI в. въ мѣстныхъ могилахъ „славянской (по времени) эпохи“, которыми онъ иллюстрируетъ послѣднюю, но въ другомъ его сообщеніи о томъ же (Древности — Труды Московск. Археол. Общества, т. VII, вып. 3, проток. 49) передается лишь о находкѣ „половины золотой византійской монеты“.

2) Извѣстія Общ. Любит. Естеств., Антроп. и Этнографіи, т. XXXI (Антрополог. Выст., т. II, 7).

3) Лѣт. по Лавр. сп., изд. Арх. Ком., 5.

4) Такъ проф. В. Антоновичъ, въ докладѣ своемъ на VIII Археол. Съѣздѣ въ Москвѣ — „О типахъ погребенія въ курганахъ Кіевской губерніи“, устанавливаетъ здѣсь три типа курганныхъ могилъ, изъ коихъ одинъ отводитъ погребеніямъ Славянскимъ, и подраздѣляетъ его на могилы древлянскія (въ сѣверн. части Кіевск. губ.) и полянскія — тамъ гдѣ было ядро полянской земли; къ послѣднимъ имъ приурочиваются именно тѣ, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками помѣщены остовы лошадей.

Нѣтъ никакого повода навязывать Полянамъ тотъ кочевой бытъ, который такъ ясно выражается въ интересующихъ насъ могилахъ, ибо слова самого Нестора указываютъ противное; онъ говоритъ, что „Поляномъ же жившемъ особо и володѣющемъ роды своимъ и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ“, откуда слѣдуетъ заключеніе о бытѣ ихъ какъ осѣдломъ, да и изъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго извѣстно, что Поляне имѣли даже города, какъ напр. Кіевъ, Вышгородъ и Витичевъ — на Днѣпрѣ, Родню — на устьѣ Роси, Бѣлгородъ — на Ирпени, Василевъ — на Стугнѣ и др.¹⁾ Далѣе, тому же противорѣчитъ черта воинственности, которая присуща искомому племени, черта, выражающаяся въ изобиліи оружія встрѣчающагося въ его могилахъ, тогда какъ, по словамъ Нестора, Поляне — „своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ“; послѣднимъ обстоятельствомъ конечно не исключается вполне употребительность оружія миролюбивыми Полянами, но до воинственности отсюда еще далеко. Наконецъ припомнимъ еще передаваемую Несторомъ же легенду, указывающую, что оружіе, существовавшее у Полянъ, было совершенно иного типа, чѣмъ то, которое постоянно встрѣчается въ упоминаемыхъ могилахъ: прибывшіе Хазары требуютъ отъ Полянъ дани и, получивъ по мечу съ дыма, рѣшаютъ, что дань не сулитъ добра: — „Мы ся доискахомъ оружіемъ единою стороною, рѣкше саблями, а сихъ оружіе обоудо остро, рѣкше мечъ“. Опровергать легенду вполне, — основанія нѣтъ, тѣмъ болѣе, что она не противорѣчитъ и имѣющимся даннымъ вообще о составѣ нашего древняго вооруженія въ разныхъ случаяхъ, но можно повторить и здѣсь, что именно мечей въ указываемыхъ раскопкахъ не встрѣчается вовсе.

Въ недавнее время появилось еще новое мнѣніе, выраженное хотя довольно рѣшительно, но едва ли могущее приобрести себѣ сторонниковъ. Предполагается, что часть того же племени Полянъ, называвшаяся Россами, наоборотъ отличалась настолько своей воинственностью, что, поработивъ остальныхъ, совершала далекіе походы на своихъ ладьяхъ, нападала на Константинополь и пр., и вотъ именно этимъ-то пресловутымъ завоевателямъ приписывается въ данномъ случаѣ происхожденіе сказанныхъ могилъ, въ которыхъ, говоря словами автора, онъ „всегда видѣлъ воинственныхъ Россовъ даже погребенными въ оружіи и съ конями“²⁾.

Къ сожалѣнію однако такое неожиданное рѣшеніе совершенно не вяжется хотя бы съ восточными образцами упомянутаго оружія изъ тѣхъ же могилъ, такъ что по моему мнѣнію вообще вопросъ о полянской народности послѣднихъ долженъ быть снятъ совершенно.

На почвѣ болѣе основательныхъ сближеній и, исходя изъ положенія о несомнѣнно кочевомъ бытѣ строителей разбираемыхъ могилъ, намъ приходится искать ихъ между тѣми племенами, которыя появившись съ востока зашли уже въ сравнительно позднее время въ предѣлы нынѣшней Кіевской губерніи. Южно-русскія степи вообще видѣли не мало разныхъ кочевниковъ, но изъ числа ихъ въ настоящемъ случаѣ приобретаютъ ближайшее значеніе лишь весьма немногіе, такъ какъ остальные устраняются или

1) Гр. А. Уваровъ: О признакахъ народности курганныхъ насыпей (Древности, III, вып. 3).

2) I. Хайновскій: Краткія археологич. свѣдѣнія о предкахъ Славянъ и Руси, 1896 г., вып. I, 12, 116 и др.

несовпадениемъ времени или несоответствиемъ разныхъ другихъ условий, вытекающихъ изъ вышеизложенныхъ археологическихъ данныхъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя остановиться, напр., ни на Уграхъ, ни на Скиахъ, слѣды пребыванія которыхъ въ предѣлахъ Кіевской губерніи указываются частью свѣдѣніями историческими, частью находками археологическими. Объ Уграхъ напр. извѣстно, что они были здѣсь предшественниками тюркскихъ кочевниковъ Печенѣговъ, которые вытѣснили ихъ отсюда на западъ и послѣдніе слѣды чего сохранились въ нашей лѣтописи, передающей подъ 898 годомъ, что „идоша Угри мимо Кіевъ горою, еже ся зоветъ нынѣ Угорское“, но то, что мы знаемъ о культурѣ племенъ финно-угорскихъ, совершенно не имѣетъ параллели въ культурѣ могилъ насъ занимающихъ и только одинъ предметъ изъ находокъ, сдѣланныхъ въ послѣднихъ, именно упоминавшаяся уже конская начальная бляха въ видѣ гусиной лапы, какъ символическое изображеніе, часто повторяющееся въ разнаго рода привѣскахъ среди древностей финно-угорскихъ¹⁾, представляетъ чтото выдающееся въ этомъ отношеніи; но подобное исключеніе могло быть совершенно случайнымъ, въ силу столкновения между обоими упомянутыми племенами и глубокое различіе рѣзко выступаетъ во всемъ остальномъ, не исключая какъ образцовъ оружія, такъ и самихъ погребальныхъ обрядовъ.

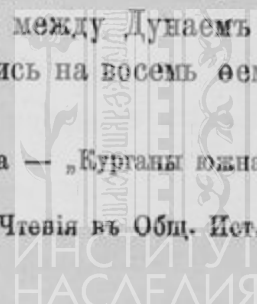
Едва ли можно серьезно остановиться и на мысли о возможной принадлежности тѣхъ же могилъ другой народности, курганы которой также встрѣчаются въ южной половинѣ Кіевской губерніи, именно Скиахъ, хотя было уже замѣчено, что нѣкоторыя точки соприкосновения культуры тѣхъ и другихъ могутъ быть констатированы. Противъ подобной возможности говоритъ многое: несвойственные Скиахъ образцы оружія и конскаго снаряженія, какъ напр. сабли, желѣзныя стрѣлы крупныхъ размѣровъ, стремена и проч., развитость культуры желѣза и серебра, общій характеръ культуры разбираемыхъ могилъ, указывающій въ большинствѣ случаевъ на періодъ болѣе поздній, устройство самыхъ могилъ, почти всегда крайне незначительные размѣры курганныхъ насыпей не только въ вышину, но и въ окружность (напр. большею частью діаметромъ до двухъ и менѣе сажень), ихъ обыкновенная скученность и т. д. Въ скиахскихъ могилахъ мы привыкли встрѣчать совсѣмъ не то, почему сближеніе съ ними въ настоящемъ случаѣ было бы совершенно произвольнымъ и слѣдов. должно быть также оставлено.

Судя по историческимъ даннымъ, ближайшее значеніе въ разбираемомъ вопросѣ должно быть отведено кочевникамъ происхожденія тюркскаго, именно Печенѣгамъ и Половцамъ, при чемъ и между ними едва ли можно колебаться въ выборѣ. О первомъ изъ этихъ племенъ встрѣчаемъ слѣдующія любопытныя извѣстія современниковъ:

Про территориальное ихъ распространеніе Константинъ Багрянородный и Кедринъ передаютъ²⁾, что въ своемъ послѣднемъ періодѣ Печенѣги жили между Дунаемъ и Днѣпромъ, при чемъ Константинъ прибавляетъ, что они раздѣлялись на восемь еемъ

¹⁾ См. I. Аспелина: *Antiquités du nord Finno-Ougrien*; также Н. Бранденбурга — „Курганы южнаго Приладожья“ (Матер. по археологіи Россіи, № 18).

²⁾ П. Сумъ: „Историческое разсужденіе о Паднакахъ или Печенѣгахъ“ (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1846 г., № 1).

(округовъ), лежавшихъ поровну на обѣихъ сторонахъ Днѣпра и управлявшихся особыми князьями, и что одна часть Печенѣговъ граничитъ съ Херсономъ, а Кедринъ поясняетъ, что послѣдніе переходили съ мѣста на мѣсто и жили подъ шатрами; кромѣ того Константинъ еще говоритъ, что въ случаѣ враждебныхъ отношеній между Руссами и Печенѣгами, послѣдніе обыкновенно нападали на первыхъ въ Днѣпровскихъ порогахъ, когда тѣ сюда за чѣмъ-либо прибывали. Слѣдуя вообще указаніямъ Константина, извѣстный Байеръ заключаетъ, что, начиная съ упомянутыхъ пороговъ, печенѣжскія кочевья распространялись вверхъ по Днѣпру почти до самаго Кіева¹⁾, и это дѣйствительно находитъ себѣ подтвержденіе напр. въ извѣстіяхъ дошедшихъ до насъ о фактѣ поѣздки католическаго миссіонера Бруна къ Печенѣгамъ въ 1006 году. Брунъ, рѣшившись на христіанскую проповѣдь послѣднимъ, покинулъ Кіевъ въ сопровожденіи самого князя Владиміра, пожелавшаго довести его до южныхъ предѣловъ своего княжества, за которымъ уже разстилалась печенѣжская степь, и, отправившись въ путь, они слѣдовали до этого рубежа верхомъ всего въ теченіе двухъ дней, гдѣ Брунъ разстался съ Владиміромъ и началъ свою проповѣдь²⁾. Отсюда можно вывести заключеніе, что пройденное ими разстояніе приблизительно равнялось всего 50—60 верстамъ³⁾, т.-е. кочевья Печенѣговъ дѣйствительно подступали съ юга довольно близко къ самому Кіеву.

О международной роли Печенѣговъ тотъ же Константинъ передаетъ⁴⁾, что мирныя отношенія къ нимъ необходимы какъ для римскаго (греческаго) императора, такъ и для Руссовъ, ибо иначе по причинѣ сосѣдства съ Печенѣгами можетъ подвергнуться опасности Херсонъ, а Руссы при враждѣ съ ними подвергаются ихъ нападеніямъ и не могутъ вести ни внѣшней торговли, ни военныхъ предпріятій. Поэтому Константинъ рекомендуетъ имѣть всегда миръ съ Пачинаками (какъ называетъ онъ Печенѣговъ), обходиться съ ними дружески, вступать въ союзы, ежегодно посылать къ нимъ дары и принимать отъ нихъ пословъ въ Константинополь, оказывая имъ всякія услуги и почести; когда императорскій посолъ отправляется въ Пачинакію, прибавляетъ онъ же, то пріѣхавъ въ Херсонъ, посылаетъ въ послѣднюю за проводниками и заложниками, которые въ такомъ случаѣ требуютъ для себя, своихъ женъ и за лошадей большихъ подарковъ; одна часть пачинакскаго народа граничитъ съ Херсономъ, ведетъ съ нимъ торговлю, провожаетъ херсонесцевъ въ Русь и въ Хозарію, при чемъ послѣдніе вывозятъ отъ себя влаттіи (шелковыя матеріи), хареріи (драгоценныя одежды), прандіи (ленты) и другіе товары; про Руссовъ же Константинъ упоминаетъ, что они покупаютъ у Пачинаковъ быковъ, овецъ и лошадей.

Не лишены интереса и значенія въ данномъ случаѣ и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя встрѣчаются у византійскихъ же писателей относительно другихъ сторонъ

1) П. Сумъ: „Ист. разсужд. о Печенѣгахъ“ (Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1846 г., № 1, стр. 13).

2) Д. Иловайскій: Ист. Россіи, т. I, 81.

3) Приблизительно здѣсь же въ исходѣ XI в. извѣстенъ городъ Треполь (нынѣшнее селеніе Триполье?) южнѣе р. Стугны, близъ котораго находился валъ, насыпанный для защиты отъ степняковъ и памятный по пораженію Святополка Кіевскаго Половцами въ 1093 г. (Тамъ же, 124).

4) П. Сумъ: „Ист. разсужд. о Печенѣгахъ“ (Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1846 г., № 1).

X АРХЕОЛОГ. СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

быта Печенѣговъ, именуемыхъ у нихъ Скиѣами¹⁾. Они описываютъ ихъ какъ народъ великорослый и многочисленный, оружіе котораго составляли лукъ, колчанъ со стрѣлами, висѣвшій на спинѣ, и метательное копьѣ²⁾; въ рѣчи, говореной Теофилактомъ императору Алексѣю (XI в.), между прочимъ упоминается, что страхъ, наведенный послѣднимъ на Печенѣговъ, принудилъ ихъ дать отдыхъ своимъ конямъ, воткнуть въ землю копыя и сложить щиты³⁾, а нѣсколько позже, именно въ 1205 г., встрѣчается любопытное извѣстіе, относящееся къ тѣмъ же Печенѣгамъ, когда они къ тому времени перешли уже за Дунай (XI в.), извѣстіе, касающееся ихъ погребальныхъ обычаевъ, что послѣ побѣды, одержанной во Фракіи, Скиѣы хоронили своихъ покойниковъ вмѣстѣ съ ихъ быстрѣйшими лошадьми, луками изъ рога и какими-то мечами, имѣвшими три острія, при чемъ вмѣстѣ съ ними же были заживо погребены и нѣсколько плѣнныхъ Грековъ⁴⁾.

Наконецъ Константинъ Багрянородный упоминаетъ при случаѣ кое-что и объ одеждѣ Печенѣговъ, говоря, что они носили платье, достигавшее только до колѣнъ, и не имѣвшее рукавовъ⁵⁾, а по изслѣдованіямъ венгерскаго ученаго Ернея — перебравшіеся въ Венгрію Печенѣги носили широкое шелковое или льняное платье и на головѣ родъ шапки — шако съ висячей подкладкой⁶⁾.

Нѣсколько свѣдѣній о тѣхъ же Печенѣгахъ находимъ и въ нашей начальной лѣтописи. Подъ 915 г. она передаетъ, что — „придоша Печенѣзи первое на русскую землю и сотворивше миръ со Игоремъ и придоша къ Дунаю“⁷⁾, съ каковыхъ поръ они многократно являются то союзниками, то врагами князей русскихъ; такъ уже въ походѣ 944 г. Игорь имѣлъ въ составѣ своего войска Печенѣговъ, которыхъ византійцы хотѣли отвлечь отъ него, пославъ имъ дары — „паволоки и злато много“, а въ 968 тѣ же кочевники осаждаютъ самый Кіевъ, при чемъ встрѣчается фактъ, могущій указывать на извѣстную постоянность сношеній между ними и Русскими, ибо въ X вѣкѣ среди кіевлянъ оказывались люди владѣвшіе печенѣжскимъ языкомъ, какъ было при той же осадѣ, когда по словамъ лѣтописи — одинъ отрокъ пробрался сквозь полчища Печенѣгомъ съ извѣстіемъ къ воеводѣ Претичу — „бѣ бо умѣя печенѣжски“. Здѣсь невольно приходится вспомнить о вышеприведенномъ уже случаѣ находки въ 1879 г. въ самомъ Кіевѣ, близъ Софійскаго собора, древней могилы разбираемаго типа, относящейся по указанію проф. В. Антоновича къ тому времени, когда площадь, занимаемая соборнымъ дворомъ, была еще не застроена и составляла загородное поле⁸⁾, такъ что легко быть можетъ, что могила эта представляетъ памятникъ пребыванія здѣсь тѣхъ же Печенѣговъ.

1) Въ XI в. имя Скиѣовъ принадлежало исключительно Печенѣгамъ, а позже оно же перешло и на Половцевъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., ноябрь: В. Васильевскій „Византія и Печенѣги“, 119).

2) П. Сумъ: Ист. разсужденіе о Печенѣгахъ (Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1846 г., № 1, стр. 28, 41)

3) В. Васильевскій: Византія и Печенѣги (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., дек. 249)

4) П. Сумъ: Истор. разсужденіе о Печенѣгахъ, 43.

5) Д. Иловайскій: Ист. Россіи, т. I, 113.

6) А. Куникъ: О тюркскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадыарскимъ источникамъ (Зап. Ак. Наукъ по 1 и 3 отд., 1855 г., т. III, вып. 5, стр. 733).

7) Лѣт. по Лавр. сп., изд. Арх. Ком.

8) Извѣстія Общества Любит. Естеств., Антроп. и Этногр., т. XXXV (Антропологич. Выставка т. III, 87).

Наконецъ еще любопытный эпизодъ изъ упомянутой осады Кіева даетъ нѣкоторое указаніе и на составъ вооруженія послѣднихъ, именно что когда воевода Святославовъ Претичъ явился на выручку Кіева, то печенѣжскій вождь, рѣшившись снять осаду и примириться съ Претичемъ, подарилъ, по словамъ лѣтописи, ему въ знакъ дружбы — „конь, саблю, стрѣлы, онъ же (Претичъ) дастъ ему бронѣ, щитъ, мечъ“. Это упоминаніе о саблѣ въ данномъ случаѣ весьма существенно.

Таковы историческія свѣдѣнія, имѣющіяся объ этомъ тюркскомъ племени, появляющемся на страницахъ исторіи въ концѣ IX вѣка, когда оно было вытѣснено изъ-за Дона Хозарами и Узами. Въ совокупности этихъ извѣстій замѣчается съ одной стороны весьма близкое совпаденіе фактовъ историческихъ съ данными археологическими, представляемыми описанными выше могилами, съ другой же изъ первыхъ почерпается и объясненіе нѣкоторыхъ особенностей культуры тѣхъ же могилъ, возбуждавшей извѣстныя недоразумѣнія. Совпаденія эти сводятся къ слѣдующему:

Во-первыхъ въ территоріальномъ отношеніи районъ распространенія могилъ съ остовами лошадей въ Кіевской губерніи, соответствуетъ вышеприведеннымъ извѣстіямъ о распространеніи печенѣжскихъ кочевьевъ здѣсь же, такъ какъ эти могилы выслѣживаются южнѣ Кіева въ уѣздахъ Кіевскомъ, Коневскомъ, Васильковскомъ, Таращанскомъ и Черкасскомъ.

Во-вторыхъ, по отношенію къ погребальному ритуалу, существованіе обычая погребенія съ конями у Печенѣговъ указывается исторически и хотя эта же обрядность была присуща многимъ кочевымъ племенамъ, но тѣмъ не менѣе въ совокупности съ прочими признаками она въ данномъ случаѣ также имѣетъ значеніе. Любопытно отмѣтить здѣсь же еще одну подробность, именно что въ описанныхъ могилахъ неоднократно бывали находимы отдѣльныя человѣческія кости, не принадлежавшія погребеннымъ въ нихъ покойникамъ, а также бывали случаи совмѣстнаго присутствія и цѣлыхъ постороннихъ скелетовъ; не придавая еще этому обстоятельству рѣшающаго значенія, можно тѣмъ не менѣе вспомнить о вышеприведенномъ фактѣ погребенія Печенѣгами во Фракіи плѣнныхъ Грековъ, въ могилахъ своихъ павшихъ соплеменниковъ.

Далѣе, имѣющіяся извѣстія о вооруженіи Печенѣговъ встрѣчаютъ близкую аналогію съ сдѣланными, сюда же относящимися находками, такъ какъ византійцы говорятъ объ употребленіи этими кочевниками луковъ, колчановъ, метательныхъ копій и щитовъ, а остатки подобныхъ предметовъ дѣйствительно встрѣчены въ разбираемыхъ могилахъ, составляя въ нихъ вообще находки довольно частыя, кромѣ щитовъ, слѣды которыхъ обнаружены всего лишь одинъ разъ. Въ Историческомъ Артиллерійскомъ Музеѣ въ Петербургѣ имѣется экземпляръ полной могилы описываемаго типа (съ конскимъ остовомъ), доставленной цѣликомъ изъ Коневского уѣзда, въ которой на крышкѣ гроба найдены сложенными сабля и копье, при чемъ послѣднее особенно любопытно тѣмъ, что у него сохранились остатки древка, ясно своими размѣрами опредѣляющіе, что копье относится именно къ разряду метательныхъ. Въ приведенныхъ извѣстіяхъ византійцевъ обращаетъ однако вниманіе, что въ нихъ не только ничего не говорится о сабляхъ, но въ свѣдѣніяхъ болѣе позднихъ даже встрѣчается какое-то темное упоминаніе о мечахъ съ тремя остріями! Впрочемъ весьма вѣроятно, что въ пер-

вомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло просто съ недомолвкой, ибо напр. изъ цитированнаго выше лѣтописнаго текста объ обмѣнѣ оружіемъ между печенѣжскимъ вождемъ и русскимъ воеводой въ X стол., можно видѣть, что въ составъ вооруженія Печенѣговъ входили именно сабли, типъ дѣйствительно чисто восточный, почему сказанное позднѣйшее извѣстіе о мечахъ съ тремя остріями, понять крайне трудно! Если здѣсь подразумѣваются клинки развѣтвляющіеся, т.-е. двухъ или трехконцовые, то можно замѣтить, что таковыя дѣйствительно были не безызвѣстны на востокѣ и по крайней мѣрѣ символическое изображеніе двухконцоваго меча (дзульфикарь) даже нерѣдко помѣщалось на мусульманскихъ знаменахъ, какъ эмблема подобнаго оружія, принадлежавшаго яко бы самому Мохаммеду; кромѣ того извѣстенъ напр. экземпляръ подобнаго восточнаго клинка въ Московской Оружейной палатѣ¹⁾, но съ другой стороны нѣтъ никакого вѣроятія допустить, чтобы подобныя мечи могли имѣть болѣе или менѣе широкое практическое значеніе и вѣрнѣе что въ приведенномъ извѣстіи скрывается какое-нибудь искаженіе или недоразумѣніе.

О прочихъ предметахъ бытовой обстановки Печенѣговъ историческихъ извѣстій не имѣется, но, сопоставляя показаніе Константина Багрянороднаго о международной ихъ роли по отношенію къ Русскимъ и Херсонесцамъ, съ культурою обнаруженною въ интересующихъ насъ могилахъ, замѣтно ясно, что именно въ подобныхъ отношеніяхъ можетъ находить себѣ объясненіе присутствіе въ тѣхъ же могилахъ такихъ предметовъ тогдашней роскоши, какъ византійскаго происхожденія ткани, кораллы, серебряныя украшенія и т. под. Становится понятнымъ, что подобныя предметы, какъ серьги напоминающія кіевскіе типы, легко могли попадать именно къ Печенѣгамъ, въ силу постояннаго соприкосновенія послѣднихъ съ кіевскою областью, какъ путемъ связей мирныхъ, такъ и столкновеній враждебныхъ. При условіяхъ, что тѣ же Печенѣги, владѣя степной частью Тавриды, оказывались сосѣдями мѣстныхъ греческихъ колоній, получали дары отъ Византіи, служили посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Херсонесцевъ съ Русью и обратно, какъ напр. нанимаясь перевозить товары тѣхъ и другихъ черезъ свои кочевья, а въ иныхъ случаяхъ являясь по-просту грабителями подобнаго каравановъ, при такихъ условіяхъ становится понятнымъ, что именно къ Печенѣгамъ могли легко попадать и разныя издѣлія византійскія; все это должно было отразиться на ихъ бытовой обстановкѣ, а такіе слѣды именно и замѣчаются въ очерченной выше культурѣ.

Наконецъ извѣстное соотвѣтствіе замѣчается и относительно условій времени, потому что, какъ уже говорено выше, — культура разсматриваемыхъ могилъ должна въ общемъ относиться къ періоду сравнительно болѣе позднему, приблизительно къ VIII—XI столѣт., т.-е. совпадаетъ съ періодомъ исторической роли тѣхъ же Печенѣговъ на югѣ Россіи, которые какъ извѣстно были въ половинѣ XI вытѣснены новыми кочевниками на западъ.

Такимъ образомъ между разбираемымъ археологическимъ матеріаломъ и приведенными историческими извѣстіями о Печенѣгахъ, оказывается любопытная параллель,

¹⁾ На немъ арабская надпись: „Нѣтъ силы и могущества безъ помощи Всевышняго. Нѣтъ добычи безъ содѣйствія Дзульфакара“.

которая невольно обращает на себя внимание и наводит на мысль об их тѣсной взаимной связи. Остается сказать еще два слова о ближайшихъ преемникахъ послѣднихъ, т.-е. о тѣхъ новыхъ кочевыхъ ордахъ, которыя непосредственно смѣнили Печенѣговъ на югѣ Россіи, именно о Половцахъ.

Въ половинѣ XI вѣка Печенѣги, ослабленные возникшими между ними усобицами, вынуждены были уступить напору надвинувшагося съ востока племени Узовъ, принимаемаго одними за племя самостоятельное¹⁾, другими же отождествляемое съ Команами или Половцами²⁾ и ранѣе кочевавшее въ степяхъ Задонскихъ. Но такъ, или иначе, эти новые кочевники, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, имѣютъ значеніе уже второстепенное, ибо во-первыхъ являются слишкомъ поздно для того, чтобы періодъ ихъ господства на югѣ Россіи соотвѣтствовалъ всѣмъ элементамъ указанной выше могильной культуры, а во-вторыхъ не имѣется никакихъ данныхъ, чтобы Половцы унаслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ ту же международную роль, о которой говорено выше и въ которой находятъ себѣ объясненіе составъ той же культуры. Во всякомъ случаѣ тѣсная единоплеменность Печенѣговъ съ Каманами, по византійскимъ источникамъ говорившихъ даже однимъ языкомъ³⁾, отнимаетъ особое значеніе въ вопросѣ о возможности принадлежности описанныхъ могилъ и этимъ Команамъ, такъ что въ данномъ случаѣ болѣе интереса представляетъ историческое указаніе, что большія плѣнные толпы упомянутыхъ Узовъ, или быть-можетъ синонимовъ ихъ — Половцевъ, послѣ разгрома ихъ русскими князьями въ 1060 г., были поселены въ южныхъ предѣлахъ Кіевской и Переяславской области, гдѣ между прочимъ ими былъ заселенъ городъ Торческъ, на р. Роси⁴⁾.

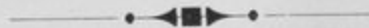
Вотъ все, что можно пока привести для разрѣшенія вопроса о народности интересующаго насъ типа могилъ въ Кіевской губерніи. Изложенныя соображенія даютъ основаніе выставить тотъ тезисъ, что погребенія съ остовами убитыхъ лошадей, по крайней мѣрѣ въ упомянутомъ районѣ, принадлежать по всей вѣроятности именно тюркскимъ кочевникамъ Печенѣгамъ.

1) Д. Иловайскій: Ист. Россіи, т. I, 113.

2) В. Васильевскій: Византія и Печенѣги, 123 (Жур. Мин. Народн. Просв., 1872 г., ноябрь).

3) В. Васильевскій: Византія и Печенѣги, 122.

4) Д. Иловайскій: Ист. Россіи, т. I, 124.

Отчетъ о раскопкахъ рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 года.

П. Миллюковъ.

Рязанская губернія представляетъ для археологовъ особенный интересъ благодаря тому обстоятельству, что на ея территоріи соприкасались съ древнѣйшихъ временъ различныя народности. Такимъ образомъ, типы археологическихъ находокъ Рязанской губерніи должны быть довольно разнообразны, — и топографическія границы отдѣльныхъ должны служить показателемъ границъ, до которыхъ распространялась соотвѣтствующая народность въ предѣлахъ губерніи. Нечего и говорить, что разъ опредѣлены будутъ границы археологическихъ типовъ и установлено ихъ соотвѣтствіе границамъ извѣстныхъ народностей, — тѣмъ самымъ будетъ приобрѣтено въ высшей степени важное основаніе для этнографической классификаціи кургановъ въ предѣлахъ не одной только Рязанской губерніи. Изслѣдованіе пограничныхъ мѣстностей примѣнялось уже систематически въ послѣдніе годы при археологическомъ изученіи Днѣпровской Руси; и здѣсь этотъ способъ не замедлилъ дать чрезвычайно важные результаты. Въ срединной Россіи, гдѣ поселенія отдѣльныхъ племенъ и народностей раскинуты были на несравненно болѣе обширныхъ пространствахъ, археологическое изученіе этнографическихъ окраинъ кажется намъ еще болѣе необходимымъ. При отсутствіи такого изученія, самыя обширныя и тщательныя изслѣдованія не могли до сихъ поръ устранить колебаній и сомнѣній по самымъ основнымъ вопросамъ археологіи срединной Россіи. Мы убѣждены, напротивъ, что систематическія раскопки на границахъ, указываемыхъ исторической этнографіей, сразу положатъ конецъ этой шаткости мнѣній. Рязанская губернія во многихъ случаяхъ могла бы послужить исходнымъ пунктомъ для такого рода археологическихъ изслѣдованій; вотъ почему мѣстныя раскопки должны имѣть общій интересъ для науки русской археологіи. Посильную иллюстрацію этого положенія мы представимъ въ концѣ настоящаго отчета о раскопкахъ, произведенныхъ въ Рязанской губ. лѣтомъ текущаго года членами Рязанской архивной комиссіи, А. И. Черепнинымъ, А. Д. Повалишинымъ, А. А. Груицу, И. И. Проходцевымъ и П. Н. Миллюковымъ на средства, пожертвованныя теперешнимъ предсѣдателемъ комиссіи, А. Д. Повалишинымъ.

Предварительно необходимо замѣтить, что раскопки текущаго лѣта составляли лишь часть работъ по систематическому изученію Рязанской губ. въ археологическомъ отношеніи. Изученіе это началось, съ начала 90-хъ годовъ, раскопками рязанскихъ „могильниковъ“. Отчетъ о результатахъ, — въ высшей степени важныхъ, — добытыхъ раскопками могильниковъ, уже сообщилъ Съѣзду членъ комиссіи А. И. Черепнинъ. Матеріаль, полученный изъ могильниковъ Ряз. губ., въ настоящее время обратилъ на себя вниманіе археологовъ и обрабатывается Императорской Археологической Комиссіей. Въ текущемъ году, по предложенію А. И. Черепнина, Рязанская Комиссія постановила перейти къ изученію другой категоріи археологическихъ памятниковъ, — болѣе позднихъ, по мнѣнію А. И. Черепнина, чѣмъ „могильники“, — именно, кургановъ. При всей недостаточности наличныхъ данныхъ о содержаніи рязанскихъ кургановъ, Комиссіи извѣстно было, однакоже, что курганныя находки въ Рязанской губерніи представляютъ четыре различные типа. Первый типъ, встрѣчающійся въ курганахъ сѣверо-западнаго угла губерніи, въ Егорьевскомъ у., характеризуется ажурными находками и привѣсками такъ наз. „мерянскаго типа“. Такимъ образомъ, курганы этой части губерніи примыкаютъ къ курганамъ Яросл. и Влад. губ., изслѣдованнымъ въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ гр. Уваровымъ. И формы, и техника, вещей, находимыхъ во всѣхъ этихъ курганахъ, роднятъ ихъ, съ одной стороны, съ болѣе ранней культурой могильниковъ Рязанской и Тамбовской губ., съ другой, съ продуктами финской культуры на всемъ протяженіи отъ Урала до Балтійскихъ провинцій. Другой типъ курганныхъ находокъ встрѣчается южнѣе перваго, тоже въ западной части губерніи, — по теченію Оки и ея правыхъ притоковъ, начиная отъ западной границы губерніи и кончая гор. Разанью. Наболѣе характерной вещью этого типа является извѣстная семилопастная височная привѣска, встрѣчающаяся также и на западъ отъ Рязанской губ., въ районѣ, границы котораго мы укажемъ впослѣдствіи. Третій типъ, встрѣтившійся пока только въ одной мѣстности на востокъ отъ Рязани (въ 10 верстахъ), отличается также хорошо извѣстными по раскопкамъ гр. Уварова серьгами въ формѣ трехъ шариковъ, укрѣпленныхъ на проволочномъ кольцѣ. Другихъ типичныхъ „мерянскихъ“ вещей при этихъ серьгахъ не встрѣчалось; конечно, только дальнѣйшія изслѣдованія могутъ рѣшить, придется ли слить и въ Рязанской губ. этотъ третій типъ съ первымъ, — или же, напротивъ, въ изслѣдованіяхъ гр. Уварова нужно будетъ точнѣе разграничить одинъ типъ отъ другого. Наконецъ, четвертый типъ курганныхъ находокъ встрѣтился въ Касимовскомъ уѣздѣ, т.-е. еще далѣе на Востокъ по теченію Волги. Этотъ типъ характеризуется чрезвычайно грубыми имитациями изъ проволоки различныхъ курганныхъ типовъ, напр. витыхъ браслетовъ, пряжекъ и т. д.; кромѣ того здѣсь встрѣчаются типичныя привѣски, тоже очень грубой работы, — въ формѣ луночекъ большого размѣра съ толстыми ручками, выходящими изъ одного конца и согнутыми (но не припаянными) къ другому; нижній край луночки отороченъ рядомъ привѣшенныхъ на проволоку пластинокъ, имѣющихъ форму удлиненной трапеціи. Этому же типу свойственны находки въ значительномъ количествѣ раковины *surgrea moneta*. Исходя изъ этихъ неполныхъ свѣдѣній, Рязанская Комиссія рѣшилась, оставивъ пока въ сторонѣ всѣ южные уѣзды губерніи, совершенно незатронутые из-

слѣдователями, сосредоточить свое вниманіе на первый разъ на теченіи р. Оки и здѣсь по возможности опредѣлить территоріальныя границы курганныхъ типовъ. Изслѣдованія начались съ Зарайскаго уѣзда. Въ этомъ уѣздѣ приведены были въ извѣстность и разработаны пять группъ кургановъ, расположенныя къ сѣв.-востоку отъ г. Зарайска, при селѣ Апоничищахъ (2 группы) и близкихъ къ нему деревняхъ Козловкѣ, Ситковѣ и Разсохѣ. Три изъ этихъ пяти группъ (на крестьянской землѣ с. Апоничищъ, въ урочищѣ, наз. „Кривишинскимъ“; затѣмъ въ Козловкѣ и Разсохѣ) оказались расположенными на краю овраговъ; четвертая и пятая группа (у д. Ситкова и на владѣльческой землѣ Графчикова, ок. Апоничищъ) также находятся недалеко отъ овраговъ. Вся эта система овраговъ связана съ притоками Оки; на днѣ нѣкоторыхъ до сихъ поръ сохранились болотца и колодцы съ родниковой водой; другіе овраги были болотистыми еще на памяти стариковъ, хотя и пересохли теперь; любопытно отмѣтить также, что невдалекѣ отъ каждой группы кургановъ (за исключ. Козловки) существуютъ городища.

Наибольшее количество кургановъ находилось въ Кривишинскомъ урочищѣ (35, изъ нихъ раскопано текущимъ лѣтомъ 22); въ Козловкѣ уцѣлѣли, между крестьянскимъ полемъ и оврагомъ, всего три кургана (всѣ раскопаны); въ Ситковѣ ихъ было 5 (раскопаны 2), въ Разсохѣ 4 (раскопаны 2); на землѣ Графчикова возлѣ Апоничищъ 11 (раскопаны 5). Изъ числа раскопанныхъ 34 кургановъ только одинъ оказался испорченнымъ и не далъ никакихъ находокъ. Остальные 33 кургана оказались принадлежащими къ одному и тому же типу, — именно къ тому, который мы поставили выше *вторымъ*. Въ виду этой однородности характера этихъ пяти группъ кургановъ, мы можемъ разсматривать ихъ, какъ одно цѣлое. Размѣры всѣхъ кургановъ были довольно незначительные. Въ имѣніи Графчикова, гдѣ курганы расположены въ настоящее время въ лѣсу и гдѣ сохраненіе ихъ первоначальной формы доказывается тѣмъ, что кругомъ ихъ большей частью сохранились канавки, высота кургановъ была отъ 2 арш. 2 в. до 3¹/₂ аршинъ. Въ остальныхъ случаяхъ курганы большею частью не поднимались выше 2 аршинъ. Случаевъ трупосоженія не было встрѣчено ни разу. Погребенія большей частью были одиночныя; но въ 6 случаяхъ встрѣтились двойныя погребенія, а въ одномъ случаѣ даже тройное. Изъ 6 случаевъ двойного погребенія въ трехъ это были — мужчина и женщина; въ другихъ двухъ лицо неизвѣстнаго пола съ ребенкомъ, въ послѣднемъ женщина съ ребенкомъ. Костякъ большею частью (въ 25 случаяхъ изъ 36) положенъ былъ ниже поверхности земли, въ ямѣ, вырытой на глубину отъ 1 вершка до 1 аршина (въ среднемъ, глубина ямы была 7 вершковъ). Но въ трехъ случаяхъ костякъ лежалъ, повидимому, прямо на поверхности, а въ 8 случаяхъ даже выше поверхности, въ насыпи на высотѣ отъ 6 вершковъ до 1 арш. 10 вершковъ. Надо, впрочемъ, прибавить, что выше уровня земли клались обыкновенно, надъ костяками взрослыхъ, дѣтскіе костяки; а въ упомянутомъ выше тройномъ погребеніи надъ мужскимъ трупомъ, лежавшимъ почти на поверхности, положены были сперва женскій (на высотѣ 9 вершковъ), а затѣмъ (на 12 вершкахъ) и дѣтскій. Въ другихъ случаяхъ, положеніе костяка надъ поверхностью сопровождалось другими ненормальностями: одинъ разъ костякъ, положенный

въ насыпи на одномъ уровнѣ съ костями ребенка, оказался безъ головы и ниже ничего больше не было найдено; другой разъ, выше насыпи положенъ былъ одинъ черепъ, а костякъ съ головой лежалъ подъ нимъ въ ямѣ (II, 22 и 11 курганы на противоположныхъ сторонахъ курганнаго поля). Если отбросить все эти случаи погребенія въ насыпи дѣтскихъ (4) или неполныхъ (2) скелетовъ, то останется всего два случая погребенія выше уровня земли (I, 5; II, 5 (?)).

Направленіе костяка было почти постоянно головой на западъ; если и случалось отклоненіе на Ю.-З. (3 случая) и С.-З. (2 случая), то, вѣроятно, это объясняется разницей мѣста восхожденія солнца лѣтомъ и зимой. Впрочемъ, два изъ этихъ случаевъ относятся къ дѣтскимъ скелетамъ, подъ которыми костяки взрослыхъ лежали совершенно правильно: здѣсь, очевидно, неправильное положеніе свидѣтельствуеетъ о нѣкоторой небрежности въ выполненіи обряда, допускавшей по отношенію къ ребенку.

Что касается положенія костяка, обыкновенно (25 случаевъ) онъ лежалъ на спинѣ; въ 6 случаяхъ на лѣвомъ боку, при чемъ въ двухъ случаяхъ изъ шести — это было положеніе мужчины, погребеннаго рядомъ съ женщиной и обращеннаго къ ней лицомъ. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ женщина была обращена тоже лицомъ къ мужчине и лежала на правомъ боку (единственный разъ во всѣхъ курганахъ); въ другомъ она лежала на спинѣ. Въ обоихъ случаяхъ костяки мужчины и женщины лежали непосредственно одинъ возлѣ другого; въ третьемъ случаѣ совмѣстнаго погребенія мужчины и женщины (см. выше) они лежали параллельно другъ другу, на разстояніи 7 вершковъ (мужчина на спинѣ, положеніе женщины нельзя было опредѣлить). Ноги постоянно были протянуты; но иногда боковое положеніе костяка (ничкомъ или навзничъ) приводило правую или лѣвую ногу въ положеніе, какое она имѣетъ при ходьбѣ. Положеніе рукъ, напротивъ, видоизмѣнялось довольно свободно. Изъ тѣхъ случаевъ, когда это положеніе можно было опредѣлить, въ четырехъ обѣ руки были протянуты вдоль костяка, въ шести лѣвая протянута, а правая согнута на тазѣ или животѣ, въ шести другихъ, наоборотъ, лѣвая согнута, а правая протянута; въ пяти случаяхъ обѣ руки были согнуты на тазу и животѣ; въ пяти случаяхъ одна изъ согнутыхъ рукъ крутымъ поворотомъ была поднята къ противоположному плечу, — и притомъ то это была правая (2 случая), то лѣвая (3 случая). Интересно отмѣтить, что въ одномъ изъ случаевъ парнаго погребенія лѣвая рука женщины лежала на поясницѣ мужчины.

При опредѣленіи длины костяка пришлось отбрасывать кости стопы, большей частью не сохранившіяся, и измѣрять разстояніе отъ брегмы до конца берцовой кости. Принимая это во вниманіе, нужно заключить, что мужское населеніе зарайскихъ кургановъ было очень высокорослое. Если оставить въ сторонѣ несомнѣнно женскіе костяки, то длина остальныхъ, въ числѣ которыхъ тоже могутъ оказаться женскіе, будетъ колебаться между 2 арш. $2\frac{1}{2}$ в.¹⁾ и 2 арш. $8\frac{1}{2}$ в. Средняя, выведенная изъ 20 измѣреній, составляетъ 2 арш. 5,85 в. безъ костей стопы. Нелишнее будетъ

¹⁾ Только одинъ случай; еще одинъ 2 арш. $3\frac{1}{2}$ в., и одинъ 2 арш. 4 в.; остальные все не мѣше 2 арш. 5 в.

замѣтить, что мужское населеніе Зарайскаго уѣзда и до сихъ поръ рѣзко выдается высотой роста (2 арш. 5,23 в.) среди всего населенія остальной губерніи (2 арш. 5 в. — 2 арш. 4,57 в.)¹⁾.

Женскіе костяки зарайскихъ кургановъ гораздо короче. У 6 измѣренныхъ экземпляровъ ростъ оказался: 1 арш. 4 в.; 2 арш.; 2 арш. 1 в.; 2 арш. 3 в.; 2 арш. 5 в.; 2 арш. 5³/₄ в. Такимъ образомъ, самыя высокіе изъ измѣренныхъ женскихъ костяковъ не достигали средняго роста мужского населенія; средняя же, если откинуть минимальную цифру (1 арш. 4 в.), составляла почти 2 арш. 3 вершка.

Къ сожалѣнію, большая часть череповъ найдена была въ очень поврежденномъ видѣ. Немногіе лучше сохранившіеся черепа были взяты для изслѣдованій, но въ настоящее время измѣренія еще не сдѣланы. На глазъ населеніе зарайскихъ кургановъ кажется субдолихоцефалами. Сопоставляя взятые изъ одной и той же могилы (I, 3) черепа, мужской и женскій, пишущій эти строки невольно обратилъ вниманіе на склонность послѣдняго къ брахицефалии. Въ семи случаяхъ найдены были у черепа волосы, за исключеніемъ одного случая (III, 3), несомнѣнно, женскіе. Цвѣтъ ихъ былъ во всѣхъ случаяхъ одинаковый, темнорусый. Припомнимъ, кстати, что населеніе рязанскихъ могильниковъ, Борковского и Кузьминскаго, отличалось чернымъ цвѣтомъ волосъ²⁾.

Въ значительной части кургановъ (101) около костяка обнаружены были остатки древесной коры. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было прослѣдить прослойку коры подъ костякомъ, въ другихъ — надъ нимъ; наконецъ, въ третьихъ случаяхъ кора, очевидно, обертывала костякъ и сверху и снизу, плотно прилегая къ нему. Въ двухъ курганахъ, гдѣ не было ясныхъ слѣдовъ коры и луба, тѣмъ не менѣе положеніе ногъ, плотно сближенныхъ къ низу, начиная съ колѣна, показывало, что эта часть костяка была чѣмъ-нибудь плотно обхвачена (II, 13, III, 3). Въ одномъ случаѣ (I, 5), наблюдалось перекрытіе могилы корой дубоваго дерева вершка на два выше скелета. Въ нѣкоторыхъ курганахъ замѣчена была подъ костякомъ (иногда только подъ головой его) тонкая прослойка бѣлаго песку. Въ курганахъ II, 13 и V, 2 эта прослойка выступала особенно отчетливо. Въ курганѣ I, 4 вмѣсто песку найдена была угольная прослойка. При костякѣ большею частью (21 разъ) находился горшокъ изъ темносѣрой глины. Обыкновенно онъ помѣщался въ ногахъ, у самыхъ подошвъ (12 случаевъ); иногда же сбоку у лѣвой (2) или правой (3) ноги. Въ трехъ случаяхъ горшокъ стоялъ у головы. Въ курганѣ III, 2 горшокъ охваченъ былъ наискось желѣзнымъ обручемъ. Въ курганахъ IV, 1 и V, 2 при горшкѣ была еще глиняная большая миска съ отлогими краями. Всѣ горшки сдѣланы на кругѣ; края ихъ у большей части отогнуты наружу, и ниже вѣнчика по выпуклой части горшка идетъ широкій орнаментъ параллельными линіями; иногда эти линіи сгруппированы по три, съ промежутками между ними. Встрѣчался рядомъ съ линейнымъ и волнистый орнаментъ. Въ богатыхъ женскихъ погребеніяхъ найдено было нѣсколько миниатюрныхъ горшковъ,

¹⁾ *Анучинъ*. О географическомъ распространеніи роста мужского населенія Россіи. С.-Пб. 1889, таблица на стр. 179.

²⁾ См. Очеркъ доисторическаго прошлаго Рязанскаго края *А. И. Черепнина*. Рязань, 1896. Стр. 26. (Отд. оттискъ изъ „800-лѣтія Рязани“).

особенно изящнаго вида, съ орнаментомъ линейнымъ и волнистымъ въ нѣсколько рядовъ. Въ тѣхъ курганахъ (14), гдѣ горшка не оказывалось при костякѣ, онъ находился иногда (3), въ видѣ обломковъ, въ верхнихъ слояхъ могилы. Здѣсь, впрочемъ, онъ могъ имѣть другое назначеніе, на которое указываетъ слѣдующая подробность устройства могилы. Въ верхнихъ слояхъ кургана обыкновенно попадались уголья; чаще всего они были разсѣяны по всему кургану, но иногда сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ, и въ этихъ случаяхъ ихъ значеніе становилось особенно понятно. Повидимому, засыпавши покойника небольшой насыпью, хоронившіе его останавливались и, прежде чѣмъ насыпать курганъ до верху, разводили на насыпи огонь для поминокъ. Затѣмъ, по окончаніи тризны, остатки ея засыпались новымъ слоемъ земли. Въ одномъ случаѣ (V, 1) очень хорошо сохранились остатки тонкихъ прутьевъ, служившихъ для костра и не успѣвшихъ сгорѣть, такъ какъ находились на самомъ днѣ небольшой ямки, въ которой костеръ былъ разложенъ. Въ другихъ случаяхъ отъ костра сохранились только большія угольные пятна (аршина $1\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ) и покраснѣвшая отъ огня глина. Можетъ-быть на тѣ же поминки указываютъ и кости птицъ и свиней, найденныя въ нѣкоторыхъ курганахъ. Связь съ тризной обломковъ горшка, находившихся въ верхнихъ слояхъ кургана, доказывается и тѣмъ, что внутри такихъ горшковъ находились иногда слѣды золы и угольевъ. Въ горшкахъ же, помѣщенныхъ у ногъ или головы костяка, слѣдовъ огня не было замѣчаемо.

Описаннымъ обрядомъ — разведенія огня надъ засыпанной наполовину могилой — объясняется также положеніе костяка въ нѣкоторыхъ курганахъ — не въ центрѣ, а въ одномъ изъ крыльевъ кургана. Такое положеніе получалось естественно въ томъ случаѣ, если костеръ для тризны разводился не надъ зарытымъ трупомъ, а нѣсколько въ сторонѣ отъ него. Дѣйствительно, чаще всего угольные пятна оказываются въ курганѣ въ сторонѣ, противоположной той, гдѣ зарытъ покойникъ.

Очевидно, при дальнѣйшемъ засыпаніи могилы центръ кургана и получался, въ этомъ случаѣ, не надъ костякомъ, а въ промежуткѣ между костякомъ и мѣстомъ тризны. Если промежутокъ этотъ былъ слишкомъ великъ, тогда насыпать надъ нимъ одинъ курганъ становилось уже трудно; поэтому, дальнѣйшее насыпаніе надъ уровнемъ тризны совершалось двумя вершинами. Такъ объясняемъ мы себѣ появленіе кургановъ, въ родѣ II, 16 или II, 8, въ которыхъ имѣются двѣ вершины, бѣльшая и меньшая, раздѣленныя сѣдловиной. Первый изъ названныхъ кургановъ расположенъ въ сторонѣ отъ Крившинскаго урочища, на другой сторонѣ оврага; онъ богатъ вещами и заключаетъ въ себѣ мужское погребеніе вмѣстѣ съ женскимъ. По снятіи обѣихъ вершинъ (ок. $\frac{1}{2}$ аршина) оказалось, что дно сѣдловины между ними и есть уровень тризны, обозначенный угольными пятнами. Подъ бѣльшей вершиной, на $1\frac{1}{4}$ арш. глубже угольныхъ пятенъ лежали костяки; а подъ малой вершиной на самомъ уровнѣ тризны найдены были зубы и челюсть свиньи и два лошадиныхъ зуба. Точно такіе же два центра имѣетъ и другой изъ названныхъ кургановъ (II, 8). Малая вершина была здѣсь на $\frac{1}{2}$ аршина ниже большой; когда обѣ вершины были снесены, то обнаружился уровень тризны, означенный здѣсь разбросанными угольками. Подъ малой вершиной, на уровнѣ угольевъ, лежалъ дѣтскій скелетъ, а подъ большой, еще на $1\frac{3}{4}$ арш.

глубже угольевъ, найденъ костякъ взрослога человѣка. Конечно, подъ малыми вершинами, ниже угольнаго слоя, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было найдено ничего. Угольный слой объединялъ ихъ въ одно цѣлое съ сосѣдными большими курганами и лишалъ самостоятельнаго значенія. По отношенію къ главному кургану — это были только арены для тризны.

Переходимъ къ описанію вещей, найденныхъ при костякахъ, начиная съ головы. Слѣдовъ головного покрытія не найдено было ни въ одномъ изъ кургановъ. Височныя украшенія, напротивъ, попадались постоянно въ женскихъ могилахъ. Въ качествѣ височнаго украшенія во всѣхъ случаяхъ (11) употреблялись исключительно упомянутыя выше характерныя семилопастныя подвѣски; только въ одномъ курганѣ (V, 2), отличавшемся вообще нѣкоторыми особенностями въ характерѣ вещей, кромѣ этихъ подвѣсокъ, у праваго виска было найдено колечко, витое жгутикомъ, а на лѣвое плечо спускались другія два колечка, безъ спайки на сходящихся узкихъ концахъ и съ своеобразнымъ орнаментомъ на расширенной средней части¹⁾.

Въ одномъ случаѣ можно было уяснить себѣ способъ прикрѣпленія височныхъ подвѣсокъ. Волоса съ обѣихъ сторонъ облегалъ дужку подвѣски; между волосами пропущенъ былъ ремешокъ, который и прихватывалъ дужку. Независимо отъ этого способа можно предположить еще другой. Дужки прикрѣплялись къ проволочному колечку, которое въ свою очередь уже было продѣто въ ремешокъ²⁾. Въ одномъ курганѣ найденъ былъ такой ремешокъ съ нѣсколькими вдѣтыми въ него проволочками, отчасти согнутыми въ кольцо, отчасти распрявленными. Къ семилопастнымъ подвѣскамъ, какъ предмету характеризующему типъ зарайскихъ могилъ, мы еще вернемся ниже; теперь же сдѣлаемъ нѣкоторыя наблюденія надъ развитіемъ типа самой подвѣски въ предѣлахъ Рязанской губерніи. Древнѣйшимъ типомъ семилопастной подвѣски, какъ уже установлено В. И. Сизовымъ, слѣдуетъ считать тотъ, въ которомъ лопасти не расширяются, а заостряются книзу, придавая привѣскѣ характеръ полувѣздочки³⁾. Замѣтимъ, что привѣски этого древнѣйшаго типа отличаются отъ позднѣйшихъ и самой своей техникой; онѣ литыя, тогда какъ позднѣйшія, повидимому, выбиты или вырѣзаны изъ металлической пластинки, и орнаментъ сдѣланъ отъ руки. Рязанскія находки дополняютъ разновидности какъ древнѣйшаго, такъ и позднѣйшаго типа привѣски, сопоставленныя въ статьѣ В. И. Сизова. Едва ли не самой древней формой слѣдуетъ считать привѣску, найденную на западной окраинѣ губерніи, у р. Осетра, въ Зарайскомъ уѣздѣ: здѣсь она имѣетъ видъ кольца, снабженнаго въ нижней своей половинѣ пятью треугольными придатками внутрь и столькими же наружу⁴⁾.

Затѣмъ слѣдуютъ формы, изданныя въ атласѣ гр. Уварова, и любопытная разновидность, найденная А. И. Черепнинымъ на поверхности Борковского могильника. Эта находка вдвойнѣ любопытна, такъ какъ съ одной стороны она доказываетъ (вмѣстѣ

1) Ср. сходный орнаментъ въ курганахъ Бронницкаго уѣзда, Моск. губ. Временникъ Общ. Ист. в. Др. XXII.

2) Ср. находку въ Звенигор. у., Моск. губ. Русск. Истор. Сборникъ, III. См. у Антоновича въ его „Раскопкахъ въ странѣ древлянъ“, стр. 48.

3) В. И. Сизовъ. О происхожденіи и характерѣ курганныхъ височныхъ колецъ и преимущественно такъ называемаго московскаго типа въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ 1895, № 6 рис. 19.

4) Издана у *Aspelin*, *Antiquités du Nord Finno-Ougrien*, III, стр. 197, № 924.

съ другими данными), что культура нижнихъ слоевъ могильника древнѣе поселенія, слѣды котораго сохранились наверху и носятъ курганный характеръ; а съ другой стороны она подчеркиваетъ принадлежность найденныхъ здѣсь курганныхъ типовъ къ болѣе древнему времени курганнаго періода. Въ томъ же Борковскомъ могильникѣ, на глубинѣ 2 аршинъ, найденъ и болѣе поздній типъ семилопастной подвѣски, но любопытно, что и тутъ лопасти еще не пріобрѣли позднѣйшаго расширенія книзу (рисунокъ 1). Этотъ позднѣйшій типъ семилопастныхъ подвѣсокъ общеизвестенъ, и мы прямо переходимъ къ дальнѣйшему развитію его въ любопытной находкѣ одного изъ вновь раскопанныхъ Зарайскихъ кургановъ. Въ курганѣ II, 15, семилопастная подвѣска имѣетъ слѣдующую форму (рисунокъ 2).

Рис. 1.

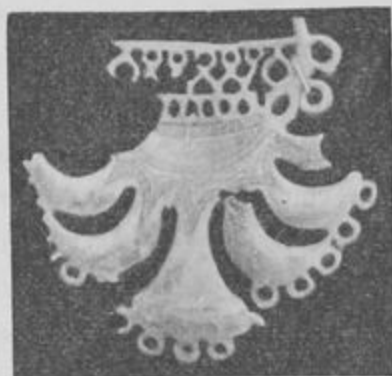

Рис. 2.

Три лопасти съ одной стороны и три съ другой отгибаются кверху и соединяются другъ съ другомъ общимъ бордюромъ изъ прорѣзныхъ кружечковъ; остается свободной только одна средняя лопасть, идущая внизъ. Надъ верхними зубчиками, покрытыми перекладинкой и превратившимися въ рядъ колечекъ, появляется ажурная полоска, составленная изъ двухъ другихъ рядовъ колечекъ, соединенныхъ между собою. Отсюда прямой переходъ къ формамъ, изображеннымъ въ статьѣ В. И. Сизова (табл. II, №№ 12—13); нижняя лопасть принимаетъ здѣсь характеръ ножки, а боковые лопасти сливаются въ нѣчто похожее на стѣнки вазы. Бордюръ изъ кружечковъ, въ свою очередь, перекрывается общей каймой. Такимъ образомъ, вновь найденная зарайская форма является промежуточной и восполняетъ пробѣлъ въ исторіи развитія типа семилопастной привѣски.

Совершаясь на нашихъ глазахъ, развитіе этого курганнаго типа, очевидно, является дѣломъ мѣстнаго искусства. Мы не хотимъ ничего утверждать относительно происхожденія прототипа изучаемой подвѣски, хотя и не видимъ пока достаточно убѣдительныхъ оснований — приписывать происхожденіе этого прототипа именно Арабамъ. Какъ бы то ни было, всѣ дальнѣйшія измѣненія типа происходятъ на русской почвѣ и притомъ, какъ увидимъ, на строго ограниченной территоріи. Распространеніе извѣстнаго курганнаго типа *только* въ извѣстныхъ географическихъ предѣлахъ само по себѣ уже говоритъ въ пользу его мѣстнаго производства. Понятно, какое значеніе пріобрѣтаетъ въ этомъ случаѣ изучаемый типъ для этнографическаго и даже

хронологическаго приуроченія кургановъ. Не останавливаясь, пока, на этомъ приуроченіи, продолжаемъ описаніе зарайскихъ находокъ.

На шеѣ женскихъ костюмовъ находимы были гривны и ожерелья изъ бусъ. Былъ впрочемъ случай, когда гривна украшала не шею, а лѣвую руку выше локтя (III, 2); въ другой разъ гривна лежала между мужчиной и женщиной, на уровнѣ груди обоихъ. Изъ пяти найденныхъ гривенъ одна была плоская, съ краями, загнутыми одинъ за другой на $\frac{1}{4}$ оборота. Въ средней части (на затылкѣ) она суживалась въ тонкую круглую проволоку; края плоской поверхности украшены были орнаментомъ изъ мелкихъ точекъ и клиньевъ.

Вторая гривна (въ упомянутой выше могилѣ V, 2) состояла изъ довольно тонкой проволоки, мѣстами обхваченной кусочками другой проволоки, свитой въ видѣ веревки. Перевивы эти расположены были далеко другъ отъ друга; каждый кусочекъ витой проволоки лежалъ при раскопкѣ отдѣльно; трудно составить себѣ представленіе, какой видъ имѣла эта гривна въ своемъ цѣломъ видѣ.

Оба конца гривны были отогнуты назадъ въ колечко.

Остальные три гривны были витыя изъ четырехъ проволокъ, предварительно свернутыхъ жгутомъ; къ обоимъ концамъ проволоки прихватывались четырехграннымъ гладкимъ стержнемъ, сводившимся тотчасъ же въ плоскую гладкую полоску, которая съ одной стороны кончалась завиткомъ. Последнія гривны были посеребрены.

Ожерелья, найденныя въ 11 женскихъ могилахъ, состояли почти исключительно изъ бусъ, при чемъ обыкновенно и въ очень большомъ количествѣ чередовались при низкѣ продолговатыя граненыя бусы изъ сердолика красноватаго цвѣта (2) и круглыя бусы изъ горнаго хрусталя (1). Въ одномъ случаѣ буса изъ горнаго хрусталя имѣла видъ двухъ усѣченныхъ семистороннихъ пирамидъ, сближенныхъ основаніями (3). Одна буса встрѣтилась изъ синяго стекла съ слѣдами раскраски, смывшимися при промываніи, на другой бусѣ раскраска глазками сохранилась (6); найдены въ томъ же курганѣ (II, 15), и граненыя сердоликовыя бусы¹⁾. Двѣ бусы состояли изъ композиціи съ разрисовкой (кург. II, 6; см. 4); наконецъ, въ курганѣ (V, 2) найдены были очень плохо сохранившіеся остатки серебряныхъ дутыхъ бусъ, украшенныхъ арабскими пирамидками крошечныхъ шариковъ, большею частью отпавшихъ и оставившихъ по себѣ слѣды въ видѣ бѣлыхъ точекъ (5). Такіе же слѣды дутыхъ бусъ съ арабскимъ орнаментомъ встрѣчались и въ нѣкоторыхъ богатыхъ курганахъ Крившинскаго урочища; но тамъ они распадались и обращались въ бѣловатый порошокъ при первомъ прикосновеніи. Въ одномъ случаѣ (II, 6) въ составъ ожерелья вошли два гладкіе матааллическіе кружка съ припаянными ушками; въ томъ же курганѣ найденъ былъ такой же гладкій кружокъ въ оправѣ изъ того же металла. Въ курганѣ съ семилопастной привѣской позднѣйшаго типа встрѣтилась, въ составѣ ожерелья, треугольная буса, повидимому, изъ композиціи, вставленная въ бронзовую оправу; къ ожерелью этотъ небольшой предметъ привѣшенъ былъ, повидимому, на

¹⁾ Это — курганъ, въ которомъ найдена была семилопастная подвѣска позднѣйшей формы; сходно съ этимъ и типы вещей, найденныя въ этомъ курганѣ должны считаться болѣе поздними сравнительно съ другими.

тоненькой бронзовой полоскѣ, загнутой на концѣ. Наконецъ въ двухъ курганахъ найдены были маленькіе крестики; въ одномъ случаѣ (II, 9) несомнѣнно, а въ другомъ (II, 7) вѣроятно они тоже входили въ составъ ожерелья. Первый крестикъ, висѣвшій на груди, внизу ожерелья, очень маленькихъ размѣровъ, обыкновеннаго курганнаго типа съ концами заканчивающимися маленькими шариками (рис. 3). Другой крестикъ, нѣсколько больше размѣромъ, сохранилъ въ круглыхъ конечныхъ углубленіяхъ слѣды эмали (рис. 4). Къ этому же разряду предметовъ слѣдуетъ отнести двѣ литыя привѣски съ изображеніемъ свастики (рис. 5), найденныя въ курганѣ II, 16. Къ сожалѣнію, точнаго положенія ихъ на костякѣ нельзя было опредѣлить.

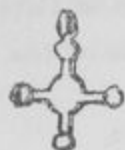

Рис. 3.

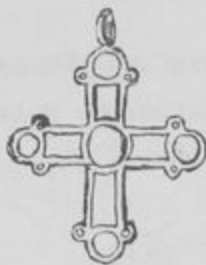

Рис. 4.

Рис. 5.

Украшеніемъ рукъ служили браслеты, кольца и перстни. Изъ 14 браслетовъ большая часть (8) были витые изъ простыхъ или крученыхъ проволокъ. Концы остались не спаянными и не сближенными, обнаруживая технику изготовленія браслета. Въ однихъ случаяхъ для браслета употреблялось простое проволочное кольцо, которое скручивалось вмѣстѣ съ простой же проволочной полоской. Въ другихъ случаяхъ проволочное кольцо скручивалось со сложенной вдвое прочной полоской, что давало особый характеръ витью (2). Дальнѣйшее усложненіе заключалось въ томъ, что и кольцо и полоска, перевивавшіяся въ браслетѣ состояли не изъ простой, а уже изъ витой проволоки (3). Кромѣ витыхъ браслетовъ (изъ бронзы) довольно часто встрѣчались литые браслеты изъ сплава съ большимъ процентомъ олова (спруды). Браслеты эти совершенно гладкіе, но на одной сторонѣ имѣется утолщеніе и орнаментъ, составляющій подражаніе скрученнымъ концамъ браслета, перевитымъ спиральной проволокой. Наконецъ, одинъ разъ — именно въ курганѣ съ семилопастной подвѣской позднѣйшаго типа, найденъ былъ браслетъ плетеный изъ тонкой проволоки на основѣ металлической пластинки.

Переходимъ къ кольцамъ и перстнямъ, украшавшимъ пальцы рукъ. Формы тѣхъ и другихъ были довольно разнообразны. Одинъ разъ или два встрѣтилось простое колечко изъ тонкой проволоки съ неспаянными концами (II, 7 курганъ съ эмальированнымъ крестомъ), другой разъ тоже совершенно гладкое литое кольцо изъ металла съ примѣсью олова. Одно кольцо съ заходящими одинъ за другой краями состояло изъ тоненькой плоской полоски, съ легкимъ утолщеніемъ къ срединѣ наружной стороны, въ видѣ ребра (какъ и въ описанной выше плоской гривнѣ). Характеръ орнамента тоже напоминалъ точечный орнаментъ гривны, вообще чуждый зарайскимъ курганамъ. Чаще (5 разъ) встрѣчалось распространенное и въ другихъ

мѣстностяхъ Россіи колючко жгутикомъ (съ запаянными краями). Но еще обычнѣе въ зарайскихъ курганахъ кольца и перстни съ расплющенной передней частью и

Рис. 6.

съ орнаментомъ на ней, большею частью прорѣзнымъ. Всѣ эти кольца и перстни — съ распаянными краями. Орнаментъ ажурныхъ колець представляется рис. 6.

Орнаментъ сплошныхъ колець — рис. 7.

Рис. 7.

Одно кольцо имѣло расширеніе въ формѣ печати, на которомъ замѣтны слѣды орнамента (въ курганѣ съ крестикомъ II, 9).

Изъ описанныхъ выше украшеній только кольца въ рѣдкихъ случаяхъ находились на пальцахъ мужского костяка; остальные вещи принадлежали специально женскому погребенію. Переходимъ къ находкамъ у пояса костяковъ того и другого пола.

Специально мужскому костяку принадлежалъ своеобразный предметъ, имѣющій для насъ, какъ увидимъ, такой же интересъ, какъ семилопастная подвѣска женскихъ могилъ. Въ курганѣ I, 5 на костяхъ лѣвой руки, у поясицы лежалъ желѣзный стержень длиною въ 4 вершка, вложенный въ деревянные ножны, нижній конецъ которыхъ былъ обложенъ бронзой. Къ верхней части стержень постепенно утолщался въ концѣ продѣто было сквозъ стержень большое (почти вершокъ въ діаметрѣ) желѣзное кольцо, свободно вращавшееся въ плоскости ноженъ. Въ другомъ курганѣ (II, 2) тотъ же предметъ (такой же длины), безъ ножекъ, найденъ былъ сложеннымъ крестъ на крестъ съ ножикомъ на особомъ четырехугольномъ кускѣ коры, положенномъ у правой ноги костяка. Надъ тѣмъ и другимъ предметомъ лежали два гладкія бронзовыя кольца, прихваченныя ремешками, и куски кожи. Вѣроятно, кольца съ ремешками служили для прикрѣпленія обоихъ предметовъ къ поясу (рис. 8).

Куски кожи у пояса и желѣзное кольцо у поясицы найдены были и въ предыдущей могилѣ; ножикъ лежалъ подъ лѣвой ногой. Бронзовыя кольца, совершенно подобныя только что описаннымъ, встрѣтились въ курганѣ II, 8 справа и слѣва у пояса, и у лѣваго кольца находился желѣзный ножикъ. Въ другомъ случаѣ (II, 12) такое же

кольцо, перехваченное широкимъ ремнемъ (съ приставшими къ нему кусками ткани) спустилось между ногъ, нѣсколько выше лѣваго колѣна, и непосредственно ниже его, черенкомъ къ нему, лежалъ ножикъ. Такое же совпаденіе гладкихъ колець (двухъ — у бедра и таза) съ остатками ножа (у лѣваго бедра) найдено было въ курганѣ IV, 1. Въ одномъ курганѣ (II, 7), на этотъ разъ *женскомъ* (всѣ предыдущіе были мужскіе), находился выше пояса кинжалъ; у рукояти кинжала пересѣкался съ нимъ, нѣсколько наискось, желѣзный стержень длиною въ 2 вершка, одинъ конецъ котораго загнутъ былъ въ кольцо, а въ другой вдѣто бронзовое колечко. Можетъ-быть въ этомъ случаѣ стержень прикрѣплялся ремешками къ какой-либо части одежды, а самъ служилъ для прикрѣпленія кинжала, замѣняя поясъ.

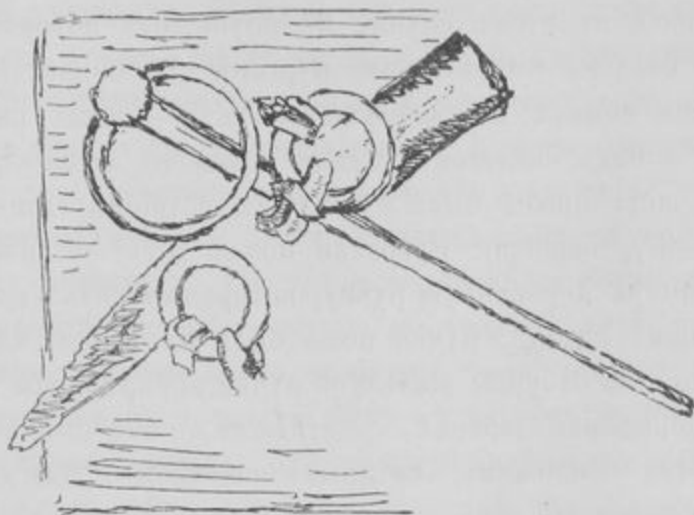

Рис. 8.

Кромѣ колець съ ремешками, прикрѣпившимися къ поясу, въ нѣсколькихъ случаяхъ найдены были и остатки самаго пояса, — именно пряжки (4 раза). Въ одномъ случаѣ это была пряжка извѣстной лирообразной формы, встрѣчающаяся и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи (II, 16?)¹⁾. Въ другомъ курганѣ (II, 8) пряжка была желѣзная. Въ томъ и другомъ случаѣ найдены были (у бедра и поясицы) описанныя выше кольца съ ремешками, а въ послѣднемъ случаѣ, какъ сказано выше, и желѣзный ножикъ. Въ третьемъ случаѣ небольшая бронзовая пряжка служила единственнымъ остаткомъ пояса (I, 2). Любопытно, что при женскихъ костюмахъ слѣдовъ кожанаго пояса не было замѣчено; въ описанномъ способѣ прикрѣпленія кинжала выше пояса, на особомъ желѣзномъ стержнѣ, можно даже видѣть, — если, конечно, онъ объясненъ вѣрно, — прямое указаніе на отсутствіе пояса въ женскомъ костюмѣ. Впрочемъ, у поясицы женскихъ костюмовъ встрѣчались находки, но только совершенно иного характера, чѣмъ описанныя выше. Въ одномъ случаѣ (II, 4) — это была замкнутая цѣпочка, составленная изъ 10 звеньевъ проволокъ, согнутыхъ въ формѣ буквы S и орнаментированныхъ поперечными насѣчками. Къ одному концу звенья

¹⁾ Атласъ къ Трудамъ 1 Археолог. Съѣзда въ Москвѣ, таб. XXXII, 27.

АРХЕОЛОГ. СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

схвачены были ручкой, свитой изъ такой же проволоки. Подобная цѣпочка встрѣчается въ раскопкахъ графа Уварова, но безъ ручки¹⁾ и гораздо болѣе грубой работы.

Въ курганѣ II, 16 въ правомъ паху женскаго костяка найденъ былъ гладкій кружокъ, — такой же, какъ описанные выше въ составѣ ожерелья. Въ лѣвомъ паху тутъ же найдены два бубенчика. И въ другомъ случаѣ (II, 7) бубенчикъ найденъ былъ около таза женскаго костяка, вмѣстѣ съ бронзовой бутылкообразной привѣской оригинальнаго типа. Въ курганѣ II, 3 два бубенчика меньшихъ размѣровъ были найдены на груди мужскаго костяка; но тутъ они могли имѣть значеніе пуговицъ.

Изъ предыдущаго изложенія можно заключить, что обычной принадлежностью мужскаго костяка былъ желѣзный ножикъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не висѣлъ у пояса (4), онъ постоянно (5 разъ) встрѣчался у конца ногъ — безразлично правой или лѣвой. Вѣроятно, онъ хранился въ этомъ случаѣ въ обуви, отъ которой, впрочемъ, не сохранилось никакихъ слѣдовъ ни въ одномъ курганѣ. Въ приведенный счетъ не вошли два случая находенія ножика въ женской могилѣ — одинъ разъ (кинжалъ) выше пояса, другой разъ — надъ скелетомъ. Длина ножиковъ колебалась отъ двухъ до 4 вершковъ. Большая часть ножей была съ однимъ остриемъ (длина этого типа ножей постояннѣе — $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ вершка). Рукоятки ножей (отъ $\frac{1}{4}$ до половины ихъ общей длины) насажены были на деревянную ручку, которая въ двухъ случаяхъ плотно обтянута кожей. Въ одномъ случаѣ, ручка ножа была желѣзная, какъ у современныхъ складныхъ ножей; по обѣ стороны желѣзной ручки прикрѣплены были черенки; гвоздики, на которыхъ держались черенки, выступаютъ по обѣ стороны. Желѣзная ручка этого ножика кончается маленькимъ желѣзнымъ колечкомъ. Изъ двухъ ножей обоюдо-острыхъ одинъ очень маленькій и имѣетъ форму копья; другой, самый большой, имѣлъ форму кинжала и находился на груди женскаго костяка (см. выше).

Изъ остальныхъ находокъ особенно любопытна дѣтская игрушка, зарытая въ курганѣ II, 19 надъ дѣтскимъ костякомъ. Игрушка эта — глиняная свистулька (рис. 9), очень напоминающая современнаго пѣтушка.

Рис. 9.

Въ шейкѣ находится отверстіе, въ которое дуютъ; по обѣ стороны спинки и сзади хвоста — пять круглыхъ дырочекъ, предназначенныхъ для измѣненія высоты звука. Если зажать пальцами нижнее отверстіе, четыре боковыхъ и одно хвостовое, и потомъ, не отнимая нижняго, по очереди открывать сперва правыя отверстія, потомъ хвостовое и лѣвыя и наконецъ нижнее, то получится слѣдующая своеобразная гамма (рис. 10):

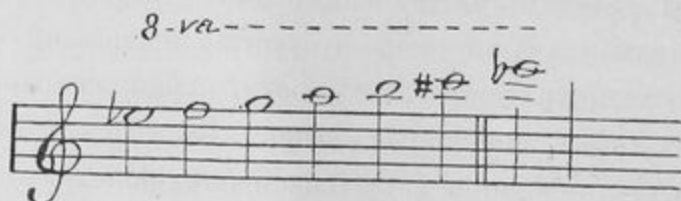

Рис. 10.

¹⁾ Ibidem, таб. XXVII, 31.

Это — чрезвычайно архаическая гамма, не признающая полутоновъ, движущаяся большими секундами и потому имѣющая въ своемъ распоряженіи только шесть ступеней¹⁾. Она нѣсколько развитѣе пятиступенной китайской гаммы, но менѣе развита, чѣмъ греческая, легшая въ основу европейской. Специалисты, конечно, заинтересуются нашимъ курганнымъ инструментомъ, съ котораго должна начинаться съ этихъ поръ всякая исторія русской музыки.

Укажемъ еще на одну небольшую вещь неизвѣстнаго назначенія, характерную, какъ грубое подражаніе арабскому орнаменту шариками. Это продолговатая лодкообразная пластинка изъ низкопробнаго серебра, нѣчто въ родѣ подражанія боченкообразной бусѣ. Найдена она въ курганѣ со свастикой и повидимому лежала около шеи и височныхъ украшеній. Другой половинки не найдено. Переходимъ къ тканямъ, найденнымъ въ зарайскихъ курганахъ. Большая изъ нихъ часть ткани шерстяная, сотканная изъ толстыхъ, грубыхъ нитокъ. Но въ курганѣ II, 15, извѣстномъ намъ семилопастной привѣской позднѣйшаго типа, найденъ былъ у шеи, на гривнѣ кусокъ парчи, тканой мишурными золотыми нитями по шелковой основѣ. Кусокъ этотъ представляетъ полосу въ 3 вершка длины и въ вершокъ ширины; вдоль широкихъ сторонъ полоски идутъ остатки бордюра шириной немного болѣе $\frac{1}{4}$ вершка; куски того же бордюра уцѣлѣли въ видѣ отдѣльныхъ ленточекъ. Съ одной короткой стороны ткань обрѣзана была, повидимому, уже при изготовленіи одежды; по крайней мѣрѣ здѣсь можно замѣтить въ плотномъ шелковомъ тканѣ около семи дырочекъ, могущихъ означать слѣды нитокъ, которыми кусокъ шелка пришить былъ къ другимъ частямъ одежды (впрочемъ, также и слѣды пришивки бордюра). Другой узкій край смятъ и согнуть около гривны, такъ что трудно разобрать, чѣмъ онъ продолжался далѣе. Во всякомъ случаѣ на уцѣлѣвшемъ кускѣ шелка мы находимъ цѣльный законченный узоръ, свидѣтельствующій, вмѣстѣ съ техникой тканья, о византійскомъ происхожденіи нашей паволоки. Характеръ узора совершенно соотвѣтствуетъ изданному гр. Уваровымъ (табл. XXXV, №№ 57 и 69). Но работа, сколько можно судить по рисунку, тамъ грубѣе, чѣмъ на нашей паволокѣ. Контуръ узора здѣсь обведены шелковой ниткой; затѣмъ внутренность ихъ заполнена мишурнымъ шитьемъ: въ линіяхъ это шитье имѣетъ видъ плетенья, въ широкихъ же мѣстахъ мишура накладывается, повидимому, сплошнымъ рядомъ ниточекъ, вродѣ глади. Цвѣтъ шелковой основы теперь коричневый, что конечно не мѣшало ему прежде быть совсѣмъ другимъ. Шитье бордюра въ одномъ мѣстѣ имѣетъ видъ елочки; въ другихъ мѣстахъ можно только рассмотреть косые ряды линій; внизу мишура на бордюръ обвалилась и осталась одна основа. Бордюръ не составляетъ съ узоромъ одного цѣлага, а былъ къ нему пришить. Технику бордюрнаго шитья можно сопоставить съ Уваровской таб. XXXV, №№ 58, 64, 67.

Вмѣстѣ съ крестиками и съ поздней формой трехлопастной подвѣски, византійская паволока даетъ возможность хронологическаго приуроченія зарайскихъ кургановъ. Крестики и паволока указываютъ на время не ранѣе XI вѣка. Припомнимъ, что ана-

1) Надо замѣтить, что высота тона нашей глиняной свистульки, какъ и современной окарины, нѣсколько колеблется въ зависимости отъ силы дыханія. Такимъ образомъ, намъ не сразу удалось высвистать на ней приведенную гамму.

логичная форма трехлопастной подвязки была найдена въ Лихвинскомъ у. вмѣстѣ съ такими вещами, древность которыхъ едва ли восходитъ дальше XII вѣка¹⁾). Надо думать, что наиболѣе поздніе изъ зарайскихъ кургановъ относятся именно къ концу XI и началу XII вѣка; да и болѣе ранніе, принимая въ расчетъ тождественность вещей и малое количество кургановъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ (самое большое число у Апонищицъ, 35 кург.), едва ли далеко отходятъ въ глубь отъ этого времени.

Съ цѣлью прослѣдить, гдѣ оканчивается описанный типъ кургановъ, не встрѣчавшійся прежде восточнѣе Рязани, Рязанская Комиссія приступила затѣмъ къ изслѣдованію кургановъ въ сосѣдствѣ съ Рязанью. До сихъ поръ поиски еще не увѣнчались успѣхомъ, и Комиссія ограничилась пока болѣе точнымъ изслѣдованіемъ курганнаго поля, расположеннаго при дер. Рубцовѣ, въ сосѣдствѣ съ Льговскимъ монастыремъ и Окой, у самага берега которой находится, въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ кургановъ, — городище и курганъ большихъ размѣровъ, о раскопкѣ котораго будетъ сказано ниже.

При д. Рубцовѣ, у самыхъ ригъ, находится 31 курганъ, изъ которыхъ 13 были нѣсколько лѣтъ назадъ раскопаны членомъ комиссіи А. В. Селивановымъ. Найденныя въ нихъ вещи, совершенно тождественныя съ найденными этимъ лѣтомъ, хранятся въ Рязанскомъ Музеѣ; дневника же не имѣется, такъ что сообщаемыя ниже свѣдѣнія о рубцовскихъ курганахъ будутъ основаны на однѣхъ только новыхъ раскопкахъ (раскопано 15 кургановъ). Сходство рубцовскихъ кургановъ съ зарайскими оказалось незначительно; гораздо больше обнаружилось между ними различій.

Сходства состояли: 1) въ погребеніи костяковъ въ ямахъ; лишь одинъ разъ, въ двойномъ погребеніи, верхній костякъ лежалъ на 4 вершка выше уровня почвы; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ костякъ положенъ въ ямѣ, и притомъ значительно болѣе глубокой, чѣмъ въ зарайскихъ курганахъ: отъ 7 вершковъ до 1 арш. 10 вер. Средняя глубина ямы въ 15 раскопанныхъ курганахъ составляетъ $14\frac{1}{2}$ вершковъ (въ зарайскихъ курганахъ средняя глубина ямы вдвое меньше — только 7 вершковъ). 2) Въ положеніи костяковъ — головой на западъ, съ отклоненіями на с.-з. и на ю.-з., на спинѣ, съ протянутыми ногами и съ руками, то согнутыми на животѣ, то съ одной изъ двухъ, протянутой вдоль. Разницу здѣсь можно было бы отмѣтить въ отсутствіи поворотовъ на бокъ, въ отсутствіи случаевъ, когда обѣ руки были протянуты; можетъ-быть также въ нѣсколько болѣе значительномъ процентѣ отклоненій отъ западнаго направленія головы. 3) Въ обычаѣ обвертывать покойниковъ корой или лубомъ, ясно отмѣченными въ двухъ случаяхъ, и подкладывать подъ ними слой бѣлаго песка, слѣды котораго найдены подъ головой и ногами покойника; любопытно, что въ послѣднемъ случаѣ покойникъ лежалъ въ очень хорошо сохранившемся гробѣ изъ долбленой колоды, отпиленной отъ цѣльнаго бревна; въ головахъ эта колода сужалась и дно ея представлялось округлымъ, въ ногахъ она расширялась и стѣнки были обтесаны прямымъ угломъ.

¹⁾ Свѣдѣнія о Лихвинскомъ кладѣ см. въ Временникѣ Общ. Ист. и Др. Россійскихъ, 1850, томъ 5-й, стр. 36.

4) Далѣе сходство можно найти въ нѣкоторыхъ антропологическихъ признакахъ: именно, въ цвѣтѣ волосъ (темнорусомъ) и въ высокому росту нѣкоторыхъ костяковъ. Но надо замѣтить, что средній ростъ рубцовскихъ покойниковъ значительно ниже зарайскихъ. Если откинуть два дѣтскихъ, имѣвшихъ 1 арш. 7 в. и 1 арш. 11 в. длины, и даже отбросить еще одну минимальную цифру (1 арш. 14 в.), то изъ остальныхъ девяти случаевъ (не ниже 2 арш. 2 вер.) средняя получится (костяки и тутъ мѣрились безъ ступни) 2 арш. 4 в. (въ зарайскихъ курганахъ 2 арш. $5\frac{4}{8}$ в.).

Такимъ образомъ нѣкоторыя сходныя черты, которыя можно подмѣтить между рубцовскими и зарайскими курганами, все-таки не доходятъ до полного тождества. Между тѣмъ различія этихъ кургановъ отъ тѣхъ очень рѣдки и бросаются въ глаза. Различія эти касаются какъ формъ погребенія, такъ и инвентаря могилы. Въ первомъ отношеніи рубцовскіе курганы отличаются тѣмъ, что 1) ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ никакой посуды, ни у ногъ или головы костяка, — ни въ насыпи кургана; 2) точно такъ же нѣтъ никакихъ слѣдовъ тризны; небольшое скопленіе угольевъ можно было замѣтить только въ одномъ курганѣ. Что касается вещей рубцовскихъ могилъ, онѣ представляютъ поразительное для такого малаго разстоянія различіе. Очень немногіе типы вещей общи тѣмъ и другимъ курганамъ. Въ качествѣ височныхъ украшеній, особенно обильныхъ въ рубцовскихъ курганахъ, здѣсь встрѣчаются неспаянныя колечки изъ гладкой проволоки съ заходящими другъ за друга краями (одинъ только разъ край отогнуть въ формѣ другимъ столь же обычнымъ типомъ височныхъ подвѣсокъ служатъ серьги, одинъ конецъ которыхъ загнуть, а на другой надѣты три шарика, укрѣпленные на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга перевитой между ними тонкой проволокой. Такія серьги въ изобиліи встрѣчались гр. Уваровымъ въ „Мерянскихъ“ курганахъ (см. табл. XXXI). Чаще всего шарикъ состояли изъ вдвое сложенной переплетенной проволоки (какъ № 3¹⁾); рѣже изъ дутыхъ бронзовыхъ бусъ, покрытыхъ бугорками; одинъ разъ проволока серьги была обвита на одномъ концѣ спирально другой проволокой, которая въ свою очередь обвита предварительно проволокой болѣе тонкой. Бусы, найденныя въ рубцовскихъ могилахъ, по большей части принадлежали къ тому типу бусъ, составленныхъ изъ композицій и орнаментированныхъ поперечными кривыми полосками (черными, бѣлыми, красными и желтыми), который лишь однажды встрѣтился въ зарайскихъ курганахъ. Браслеты здѣсь въ одномъ случаѣ повторяли типъ витого браслета, обычнаго въ зарайскихъ могилахъ; въ двухъ другихъ они были плоскіе съ геометрическимъ орнаментомъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ браслетовъ имѣлъ загнутые въ колечко концы и отличался особенно примитивнымъ орнаментомъ.

Бусами, кольцами и браслетами и ограничивался выборъ вещей рубцовскихъ кургановъ. Особенно обильно было количество колець и серегъ; встрѣчались курганы (7), въ которыхъ у лѣваго виска было подеѣшено 8, у праваго — 6 колець, или (3) по пяти колець съ каждой стороны головы. Въ одномъ только случаѣ попалась любопытная находка: позументъ, сотканный изъ золотой нити на

¹⁾ Почти тождественную форму серьги см. у *Аспелина*, изъ Бѣжичей, Тверск. губ., III вып., стр. 219.

шелковой основѣ. Позументъ этотъ лежалъ на верхней части груди. Техника работы, повидимому, одинаковая съ византійскими издѣліями зарайскаго кургана; если такъ, то тогда и дата рубцовскихъ кургановъ опредѣляется, какъ одинаковая съ зарайскими; и въ такомъ случаѣ совершенно исключается предположеніе, что различіе въ типѣ рубцовскихъ кургановъ могло бы объясняться разницей эпохи, къ которой они относятся. Единственнымъ возможнымъ объясненіемъ различія остается разница этнографическая: тутъ кстати будетъ отмѣтить, что самое названіе Рубцова указываетъ, подобно массѣ другихъ такихъ же названій, на проходившій здѣсь рубежъ. Пишущему эти строки казалось даже, что въ самомъ обличьѣ жителей Рубцова и въ ихъ костюмѣ есть разница съ сосѣдными мѣстностями. Но на этомъ наблюденіи онъ не рѣшается настаивать ранѣе проверки его лицами, болѣе знакомыми съ мѣстнымъ населеніемъ¹⁾.

Объ этнографіи древняго населенія этой мѣстности пока не представляется возможнымъ сказать что-либо рѣшительное. Другое дѣло — курганное населеніе Зарайскаго уѣзда. Здѣсь уже теперь является возможность выставить нѣкоторыя предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя. Этими предположеніями, основанными, какъ намъ кажется, на достаточно надежномъ матеріалѣ, мы и закончимъ настоящее сообщеніе.

Для того чтобъ выяснитъ принадлежность даннаго типа погребенія той или другой народности, — необходимо прежде всего выяснитъ его территоріальное распространеніе. Самымъ яркимъ признакомъ погребенія Зарайскаго типа можно считать присутствіе въ курганѣ семилопастной височной подвѣски; но, конечно, только тогда она можетъ свидѣтельствовать о тождественности погребальнаго типа, когда соединяется съ другими сходными чертами погребенія. Итакъ прослѣдимъ территорію распространенія семилопастной подвѣски по возможности *въ связи* съ характеризуемымъ ею типомъ погребенія.

Восточнѣе Рязани, какъ мы говорили, такихъ подвѣсокъ и такого способа погребенія до сихъ поръ не встрѣчалось; напротивъ, въ какомъ-нибудь десяткѣ верстъ встрѣтился типъ столь рѣзко различный, какъ мы видѣли это въ Рубцовскихъ курганахъ. Въ самой Рязани, семилопастныя подвѣски встрѣтились въ верхнемъ слоѣ Борковскаго могильника (см. выше). Правда, мы не знаемъ здѣсь общаго типа погребенія, но нѣсколько выше Рязани, въ с. Акаемовѣ, уже найдены были курганы, совершенно одинаковые по инвентарю и устройству могилы съ описанными выше зарайскими. Итакъ мы въ правѣ считать Рязань крайнимъ (до сихъ поръ извѣстнымъ)

¹⁾ Только мимоходомъ мы можемъ указать здѣсь на незаконченную еще раскопку большаго Рубцовскаго кургана (см. выше), представляющаго пока совершенную загадку. Правильно разработана только четверть кургана, — и въ этой четверти оказалось 8 погребеній въ двухъ ярусахъ, по 4 въ каждомъ. Вещей не было найдено никакихъ. Совершенно тѣмъ же характеромъ отличался большой курганъ въ престѣянскомъ полѣ дер. Красильники (у Оки, ниже Рубцова), раскопанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ членомъ Рязанской комиссіи, г. Галаховымъ. Къ сожалѣнію, дневника послѣдней раскопки въ дѣлахъ Комиссіи не найдено.

восточнымъ предѣломъ распространяемаго типа. Отсюда онъ распространяется, слѣдуя течению Оки, по ея правому берегу, черезъ Зарайскій уѣздъ къ западной границѣ губерніи, и отъ Оки поднимается вверхъ по Москвѣ-рѣкѣ. На берегахъ р. Москвы наши находки семилопастныхъ привѣсокъ продолжаются. Такъ найдены были такія привѣски вмѣстѣ съ другими вещами, совершенно тождественными съ инвентаремъ зарайскихъ кургановъ, еще въ 1838 г., у самага Звенигорода (при селѣ Верхогрязьѣ¹⁾). Изъ подробнаго описанія раскопокъ видно, что и способъ погребенія звенигородскихъ кургановъ не отличался отъ зарайскихъ. Въ четырехъ раскопанныхъ тогда курганахъ одинъ костякъ лежалъ на аршинъ ниже поверхности земли и два на поверхности („въ самомъ основаніи кургана“, по выраженію современнаго описанія). Надъ однимъ изъ послѣднихъ въ насыпи лежалъ другой женскій костякъ. Четвертый курганъ оказался семейной могилой съ тремя костяками одинъ надъ другимъ; къ сожалѣнію изъ описанія не видно, какъ относился уровень самага нижняго костяка къ уровню земли. При двухъ (женскихъ) костякахъ, положенныхъ въ насыпи, найдены были въ головахъ разбитые горшки и около нихъ уголья (ср. нашъ уровень тризны). Костяки лежавшіе подъ ними были, судя по вещамъ, одинъ мужской, другой женскій.

Пересѣкая здѣсь р. Москву и поднимаясь къ сѣверо-западной границѣ Московской губ., мы встрѣчаемся съ находкой семилопастной подвѣски при дер. Веригиной²⁾. Такимъ образомъ намѣчается линія отъ Коломны до пункта, въ которомъ сходятся границы Тверского и Старицкаго уѣзда съ границей Московской губерніи. На юго-западѣ отъ этой линіи, дѣлящей Моск. губернію пополамъ, мы встрѣчаемъ находки семилопастныхъ подвѣсокъ, — напр. на юго-зап. отъ Звенигорода, на сѣв.-вост. отъ Подольска, въ притокахъ Пахры, на южной границѣ Бронницкаго уѣзда³⁾. Вообще эти находки настолько обильны въ Моск. губ., что археологи самый типъ семилопастной подвѣски считаютъ возможнымъ называть „московскимъ“. Но мы не знаемъ случаевъ находженія этой подвѣски въ сѣверо-восточной половинѣ губерніи, начиная отъ указанной линіи. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ тамъ тоже должны изрѣдка встрѣчаться, такъ какъ мы находимъ ихъ даже внѣ предѣловъ Моск. губ., на сѣв.-востокъ, въ Юрьевскомъ и Переяславскомъ у. Владимирской губ. Но здѣсь уже гр. Уваровъ долженъ былъ признать случайными эти находки, встрѣченныя всего три-четыре раза изъ 7729 раскопанныхъ имъ и Савельевымъ кургановъ⁴⁾.

¹⁾ Описаніе и рисунки вещей см. въ Русскомъ Истор. Сборникѣ, изд. Общ. Ист. и Др. I, 284—292. М. 1838.

²⁾ У самой границы Волоколамскаго у. съ Клискимъ, направо отъ тракта изъ одного уѣзднаго города въ другой. См. рисунокъ этой подвѣски на таб. II, № 9 въ статьѣ В. И. Сизова, цитированной выше.

³⁾ См. упоминаемая гр. Уваровымъ находки у с. Успенскаго (Носова?) и близъ Екатерининской пустыни у с. Потапова. Труды I Арх. Съѣзда, II, 723. Находки въ с. Авдотынь (Тихвинскомъ) описаны съ рисунками во Временникѣ Общ. Ист. и Др. 1855, т. XXII, смѣсь, стр. 7—8. Значительная часть этихъ находокъ тождественна съ Звенигородскими; типы и орнаменты колець тождественны съ Зарайскими, (см. выше рисунки на стр. 10 и 15). Ср. также перечень находокъ въ курганахъ по р. Пахрѣ въ статьѣ А. Гамбука, о курганахъ, господствующихъ въ Московской губ. Чтенія О. И. и Др. 1869, IV. Въ двухъ послѣднихъ статьяхъ есть указанія и на высокій ростъ покойниковъ.

⁴⁾ См. только что цитированное мѣсто.

Итакъ въ ожиданіи болѣе точныхъ топографическихъ указаній мы должны признать, что находки семилопастныхъ подвѣсокъ изсякаютъ, по мѣрѣ удаленія отъ указанной нами линіи къ параллельной съ нею границѣ Владимирской губ.

Возвращаемся къ нашей исходной точкѣ и попробуемъ прослѣдить южную границу распространенія изучаемаго типа. Южная часть Рязанской губ. совершенно не изучена пока въ археологическомъ отношеніи, и здѣсь мы должны воздержаться отъ всякихъ топографическихъ опредѣленій. Напротивъ на западъ линія нашихъ находокъ намѣчается довольно явственно. На р. Осетрѣ у Зарайска найдена была та примитивная форма семилопастной подвѣски, на которую мы указывали выше по Аспелину. И западнѣе Зарайска, по границѣ Зарайскаго у. съ Каширскимъ, изученный нами типъ съ буквальной точностью повторяется въ курганахъ около Ростиславля (у самой Оки) и у Тульской деревни Смедово, сосѣдней съ Рязанскою деревней Клишинымъ. Переходя въ Тульскую губернію, мы имѣемъ отсюда семилопастныя привѣски, хранящіяся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ¹⁾. Въ сосѣднихъ съ Тульской губ. мѣстностяхъ Калужской губерніи мы опять встрѣчаемся съ позднимъ типомъ семилопастной подвѣски, найденнымъ въ с. Шмаровѣ Лихвинскаго уѣзда²⁾. Отсюда мы, къ сожалѣнію, должны сдѣлать нѣкоторый скачокъ. Но то, что мы найдемъ по ту сторону образующагося такимъ образомъ пробѣла, — оказывается особенно поучительнымъ.

Въ 1892 году М. В. Фурсовъ изслѣдовалъ курганы пяти уѣздовъ Могилевской губ. (Рогачевского, Быковского, Чериковскаго, Климовичскаго и Мстиславскаго). Излагая результаты своихъ находокъ, онъ не могъ не замѣтить, что въ Мстиславскомъ уѣздѣ (ближайшемъ къ Смоленской губ.) „курганныя раскопки обнаруживаютъ совершенно иной погребальный типъ“ — сравнительно съ остальными четырьмя уѣздами. Именно, — тогда какъ въ этихъ четырехъ уѣздахъ покойника клали обыкновенно на грунтъ и кромѣ положенія трупа въ землю практиковали также сожженіе, — „въ Мстиславскомъ у. преобладающимъ явленіемъ оказывается погребеніе въ ямахъ“. Надъ костяками въ курганахъ этого уѣзда попадалось перекрытіе дубовой корой или цѣлые „дубовые срубы“; стѣнки ямы обкладывались берестой. Припомнимъ перекрытіе, встрѣченное въ Зарайскомъ курганѣ I, 3, а также и постоянные слѣды коры кругомъ покойника. Правда, техника приготовленія гроба была, повидимому, въ Зарайскихъ курганахъ гораздо проще Мстиславскихъ: кора и лубъ прямо обвертывали костякъ, вмѣсто того, чтобы обвивать стѣнки могилы. Не было поэтому надобности и въ гвоздяхъ, — хотя одинъ гвоздь, воткнутый остриемъ и затѣмъ согнутый, и встрѣтился въ курганѣ IV, 2 нашихъ раскопокъ. Но, при указанномъ различіи въ подробностяхъ, нельзя не замѣтить общаго фамилнаго сходства. То же сходство обнаруживается и въ составѣ могильнаго инвентаря. Мы встрѣчаемъ то же полное отсутствіе оружія; тотъ же, въ видѣ исключенія, кинжалъ (3½ вершк. длиной) при женскомъ скелетѣ, какой мы встрѣтили въ курганѣ II, 7; — и, между многими другими сходными ве-

¹⁾ Сизовъ, 10.

²⁾ Временникъ, V, 36—40.

цами, тѣ же наши типичныя привѣски, „въ формѣ полувѣздъ съ дужками“. Авторъ сравниваетъ ихъ съ типомъ семилопастныхъ подвѣсокъ гр. Уварова (съ заостр. концами); но, судя по его сравненію ихъ съ „полувѣздами“, эти привѣски стоятъ ближе къ формѣ, воспроизведенной Аспелиномъ, — формѣ, которую мы склонны считать наиболѣе древней. Авторъ приведенныхъ наблюденій, основываясь на сходствѣ Мстиславскихъ кургановъ съ Древлянскими, изслѣдованными В. Б. Антоновичемъ, приходитъ къ заключенію, что въ Мстиславскомъ уѣздѣ существовала какая-нибудь колонія Древлянъ. Между тѣмъ, историко-географическія и истинно-этнографическія данныя указываютъ намъ на иное разрѣшеніе вопроса. Верховья Сожа и Десны въ предѣлахъ Череповскаго и Рославльскаго уѣзда входили издревле въ составъ Смоленскаго княжества, и, надо думать, населены были одинаковымъ со Смольянами племенемъ, такъ какъ расселеніе племенъ обыкновенно намѣчало политическія границы княжествъ¹⁾. Нѣсколько южнѣе Мстиславля уже начиналась и шла отсюда на сѣверъ область Кривичей, и въ этой области находились раскопанные г. Фурсовымъ Мозыкскіе (на р. Вехрѣ) курганы.

Есть, такимъ образомъ, весьма серіозныя основанія для того, чтобы признать изучаемый типъ кургановъ — принадлежностью *Кривичей*. Сдѣлавъ этотъ выводъ, мы получаемъ возможность освѣтить новымъ свѣтомъ исторію колонизаціи верхней Оки и пространства между нею и р. Москвой. Собственно говоря, археологія только подтверждаетъ здѣсь своими данными то, что уже раньше ея могла показать намъ топографическая номенклатура. Кривичи принесли изъ сѣверной части Могилевской губерніи на западъ Рязанской свое погребеніе въ ямахъ съ берестой и свои семилопастныя подвѣски точно такъ же, какъ изъ тѣхъ же мѣстъ они принесли въ Рязанскую губернію названія рѣкъ — Осетра и Прони. Припомнимъ здѣсь кстати, что самая значительная изъ группъ Зарайскихъ кургановъ расположена въ урочищѣ, носящемъ названіе „*Кривишинскаго*“. Если вообще такого рода показанія топографической номенклатуры имѣютъ значеніе, то надо признать это значеніе и за только что приведенными сопоставленіями.

Что касается Московской губерніи, — и здѣсь колонизація Кривичей была фактомъ весьма вѣроятнымъ, раньше чѣмъ явились, въ качествѣ его подтвержденія, археологическія находки. Припомнимъ, что еще въ серединѣ XII вѣка размежеваніе между Смоленскими и Суздальскими владѣніями не произошло окончательно, и Смоленскъ требовалъ себѣ многого того, что впоследствии сдѣлалось достояніемъ великаго княженія. Въ извѣстной уставной грамотѣ смоленскаго князя Ростислава, данной имъ въ 1150 году смоленской архіепископѣ, — въ числѣ смоленскихъ волостей упоминается „Искона“, съ которой идетъ къ Смоленску цѣлыхъ 40 гривенъ дани. Искона — это поселеніе на рѣкѣ того же имени, впадающей въ р. Москву между Можайскомъ и Рузой. Археологія показываетъ намъ, что на эту землю Смоленскъ имѣлъ права, какъ на свою колонию, заселенную однимъ съ нимъ племенемъ — Кривичей. Но онъ

¹⁾ См. *Барсовъ*, Очерки русской исторической географіи, стр. 174 и *Довнар-Запольскій*, Очеркъ исторіи кривичской и дресовичской земель до начала XIII столѣтія, 26—27.

заявлялъ свои претензіи и на болѣе восточныя мѣстности, — на какую-то „Суждали-Залѣсскую дань“, которую перехватилъ у него Юрій Долгорукій, и которую онъ все еще не потерялъ надежды вернуть себѣ обратно. Кажется, сомнительность основаній Смоленска въ этомъ случаѣ была такова же, какъ и сомнительность, по археологическимъ даннымъ, того факта, что и на сѣверо-востокъ отъ Москвы-рѣки населеніе продолжало быть сплошнымъ Кривичскимъ.

На этой стадіи нашего разсужденія, естественно, является методическій вопросъ. Если справедливо, что разсмотрѣнныя нами курганныя находки треугольника: Волоколамскъ — Рязань — Мстиславль должны принадлежать Кривичамъ, то очевидно, что и населеніе центральной кривичской мѣстности, — Смоленской губерніи, — а также и кривичскихъ окраинъ, противоположныхъ Рязани, должно было оставить курганы, родственные по типу. Къ сожалѣнію, археологическое изслѣдованіе Смоленской губерніи сильно отстаетъ отъ успѣховъ, достигнутыхъ изученіемъ сосѣднихъ губерній. Въ данномъ случаѣ Смоленская губ. опять останавливаетъ насъ, какъ раньше она остановила В. З. Завитневича, подходившаго къ ней съ юга. Мы имѣемъ только глухое указаніе В. И. Сизова, что въ Ельнинскомъ уѣздѣ, т.-е. непосредственно на сѣверъ отъ Рославльскаго, семилопастныя привѣски также встрѣчались.

Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло на окраинахъ кривичской земли. Семилопастная привѣска, сопровождавшая насъ отъ Рязани до Мстиславля, здѣсь, правда, исчезаетъ, такъ что ее, вѣроятно, придется признать свойственной лишь восточнымъ Кривичамъ. Но нѣкоторыя аналогіи въ погребеніи и характерѣ вещей остаются, а кромѣ того, является специальное сходство въ одномъ предметѣ, кажется, не находившемся до сихъ поръ нигдѣ, кромѣ этихъ двухъ окраинъ кривичской земли.

Мы говоримъ о раскопкахъ „Кургановъ на границѣ современной Литвы и Бѣлоруссіи“, произведенныхъ и описанныхъ Ѳ. В. Покровскимъ. На изслѣдованной авторомъ границѣ встрѣтились, дѣйствительно, два рѣзко различные типа кургановъ. Одинъ изъ нихъ, характеризуемый трупосоженіемъ, г. Покровскій относитъ къ Литовской народности, — и нѣтъ, кажется, основаній съ нимъ не соглашаться. Другой типъ характеризуемый положеніемъ въ землю, авторъ относитъ къ Славянамъ. И въ этомъ случаѣ можно съ нимъ согласиться; но нельзя видѣть въ этихъ Славянахъ — Дреговичей, какъ онъ предполагаетъ. Поселенія Дреговичей кончались значительно южнѣе того мѣста, гдѣ авторъ нашелъ своихъ Славянъ (Загорье, Дисненскаго у. Виленской губ., и Брянскъ, Ковенской губ., Ново-Александр. у.); отъ Дреговичей этихъ Славянъ отдѣляла вся „Черная Русь“, колонизованная Кривичами (*terra Crivitiae*, по выраженію Дунсбурга); и нѣтъ сомнѣнія, что Славяне, колонизовавшіе Двину ниже Полоцка, тоже были Кривичи.

Сравнивая теперь курганы этихъ Кривичей съ признанными нами за кривичскіе — курганами упомянутаго треугольника, мы не найдемъ между ними противоположности, но все же встрѣтимъ не мало различій. Двинскіе покойники — люди высокаго роста, какъ и Зарайскіе (средняя длина Загорскихъ пяти костяковъ 2 арш. $7\frac{3}{5}$ в.); ихъ кладутъ на западъ, на слоѣ бѣлаго песку или угля (см. нашъ курганъ I), или того и другого вмѣстѣ, въ ногахъ или у головы ихъ помещаютъ

горшокъ, въ насыпи разбрасываютъ угольки, которые иногда сливаются въ цѣлыя угольные пятна, помѣщенныя въ сторонѣ отъ покойника. Но Двинскихъ покойниковъ обыкновенно хоронятъ *не въ ямахъ*, а на поверхности земли, и тутъ же, повидимому, совершается тризна. Такимъ образомъ, признавая сходство въ существѣ обряда, мы видимъ различіе въ его выполненіи. То же можно сказать и объ инвентарѣ могилы. Это все — вещи того же назначенія, находимыя на тѣхъ же мѣстахъ костяка; но типы ихъ, или по крайней мѣрѣ техника — другіе. Браслеты здѣсь витые, но иначе, чѣмъ въ нашихъ могилахъ, кольца на пальцахъ рукъ гладкія проволочныя; ножи, какъ у Зарайскихъ покойниковъ, привѣшиваются на ремешкахъ къ поясу посредствомъ колець. Оружія здѣсь, по условіямъ мѣстности, несравненно больше. Мы видимъ, что, при отсутствіи доказательствъ *противъ* сходства этихъ погребеній съ Зарайскими, нѣтъ здѣсь достаточно яркихъ и рѣшительныхъ доказательствъ и *въ пользу* этого сходства. Зная тѣмъ не менѣе изъ историко-географическихъ данныхъ, что жители той и другой мѣстности должны быть Кривичи, мы тѣмъ съ большимъ интересомъ отнесемъ къ полному сходству въ одномъ предметѣ, который какъ разъ является довольно необычнымъ въ курганномъ инвентарѣ и до сихъ поръ продолжаетъ приводить въ недоумѣніе изслѣдователей. Въ одномъ изъ Бряславскихъ кургановъ (№ 4) „близъ пояса“ костяка „найдены“ были „обломки перержавѣвшаго желѣза; *одни изъ нихъ* группируются въ предметъ неизвѣстнаго назначенія, напоминающій по формѣ большой гвоздь или шило, длиною въ 140 мм.; изъ трехъ обломковъ составляется довольно правильной формы кольцо съ діаметромъ около 60 мм. *Остальные* обломки находятся внутри перегнившихъ кусковъ дерева и вмѣстѣ съ послѣднимъ составляютъ, по всей вѣроятности, черенокъ какого-нибудь предмета, — можетъ-быть упомянутаго выше шила“. Сопоставляя это описаніе съ находками въ Зарайскихъ курганахъ I, 5 и II, 2 (см. выше, стр. 16), мы получаемъ возможность яснѣе представить себѣ, что именно значили найденные г. Покровскимъ „обломки перержавѣвшаго желѣза“. Часть этихъ обломковъ, найденная вмѣстѣ съ кусками дерева, всего вѣроятнѣе, составляла остатки ножика съ рукояткой или ножами; а въ „большомъ гвоздѣ“ и кольцѣ нельзя не признать полного тождества съ Зарайскими стержнями, описанными выше. Подобное совпаденіе типа, найденнаго на двухъ противоположныхъ окраинахъ Кривичской территоріи, — и не встрѣчавшагося, сколько намъ извѣстно, нигдѣ болѣе, — едва ли можетъ считаться случайнымъ. Конечно, только дальнѣйшія раскопки могутъ подтвердить или опровергнуть предположеніе, что интересующій насъ предметъ составляетъ характерную особенность именно *Кривичскихъ* могилъ. Мы можемъ только отмѣтить, что указанный нами случай совпаденія — не единственный. На другомъ, южномъ концѣ той же западной окраины территоріи Кривичей, по границѣ съ Дреговичами, мы опять встрѣчаемъ среди курганныхъ находокъ ту же вещь, на этотъ разъ еще лучше сохранившуюся и яснѣе описанную. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губ., нѣсколько южнѣе Нарева (около дер. Збуча), однимъ мѣстнымъ помѣщикомъ произведены были въ пятидесятыхъ годахъ раскопки, результаты которыхъ онъ сообщилъ Виленскому профессору Ярошевичу. По описанію Ярошевича, въ изслѣдованныхъ курганахъ не было найдено ни одного трупосожженія; костяки лежали

головой на западъ, въ могилахъ, обложенныхъ внутри и заполненныхъ небольшими камнями. Среди вещей¹⁾ найдено было „какое-то желѣзное, длиною въ нѣсколько далей, оружіе, съ одной стороны острое, а съ другой заканчивающееся кольцомъ, которое при раскопкѣ было отбито“. Общій характеръ погребенія не имѣетъ *близкаго* сходства съ Зарайскимъ; но если мы припомнимъ типъ погребенія въ Мстиславльскихъ курганахъ, то найдемъ въ нихъ промежуточную форму между погребеніемъ этихъ западныхъ Кривичей и Зарайскихъ восточныхъ. Обдѣлка могильной ямы камешками (здѣсь), обкладка ея корою (въ Мстисл. у.) и обвертываніе корою самого костяка (въ Зар. у.) — все это могутъ быть разныя проявленія одного и того же обычая, видоизмѣнявшагося подѣ влияніемъ мѣстныхъ условій. Вліяніе сосѣдей на погребеніе Кривичскихъ окраинъ можно видѣть въ томъ, что на крайнемъ западѣ трупы отъ времени до времени начинаютъ обниматься, въ подражаніе сосѣднему сожженію Литовскихъ племенъ; на крайнемъ востокѣ сильнѣе развивается другая подробность: погребеніе *въ ямѣ* становится чаще, чѣмъ на поверхности, и самая яма становится глубже, — можетъ-быть тоже изъ подражанія еще болѣе глубокимъ ямамъ сосѣднихъ (Рубцовскихъ кургановъ). Инвентарь могилы также колеблется: на западѣ, очевидно по условіямъ мѣстной жизни, чаще встрѣчается оружіе; на востокѣ развивается типъ семилопастной привѣски. При обширномъ распространеніи Кривичей такія видоизмѣненія въ похоронномъ обрядѣ являются очень естественными и даютъ намъ возможность наглядно судить о степени устойчивости древнихъ формъ погребенія. Нѣкоторыя фамилыя черты обряда среди этихъ территоріальныхъ и хронологическихъ измѣненій остаются неизблѣмыми. Сюда относится отсутствіе трупосожженія, положеніе костяка головой на западъ, обычное присутствіе горшка, обычай тризны, выражающійся въ присутствіи болѣе или менѣе значительнаго количества угольевъ, привычка украшать извѣстныя части тѣла болѣе или менѣе сходными типами украшеній, класть покойника на слой песку или угля, хоронить вмѣстѣ съ нимъ жену и дѣтей, рядомъ или на уровнѣ тризны²⁾. Можетъ-быть, эти черты сходства будутъ найдены слишкомъ общими, чтобы свидѣтельствовать о присутствіи именно *Кривичскаго* населенія вездѣ, гдѣ онѣ встрѣчаются. Но за наше предположеніе говоритъ, во-первыхъ, *совмѣстное* нахожденіе всѣхъ или большинства перечисленныхъ чертъ на всемъ пространствѣ кривичской территоріи; далѣе, замѣтное отграниченіе ихъ *именно этими* самыми чертами отъ погребальныхъ обычаевъ ближайшихъ сосѣдей, — и, прежде всего, тотъ неизблѣмый историко-этногра-

1) Гвозди, мѣдные браслеты, орнаментированные зубчиками и точками, разнаго цвѣта стеклянныя бусы, круглыя и овальныя; кольца изъ серебряной и мѣдной посеребренной проволоки, цѣпочка или точнѣе шнурокъ изъ тонкой мѣдной проволоки, достаточно искусно приготовленный, но разорванный при раскопкѣ на мелкіе куски; колечко изъ низкопробнаго серебра и продолговатое колечко въ родѣ какъ бы зашпанды, ...нѣсколько грубыхъ черепковъ“ Ярошевичъ, повидимому, склоненъ былъ считать эти курганы ятвяжскими. *О. В. Покровский*. Археологическая карта Гродненской губ. Вильна, 1895, стр. 62—64.

2) Замѣтимъ, кстати, что случай, подобный Зарайскому кургану I, 3, гдѣ женщина одной рукой обнимаетъ мужчину, встрѣтился еще разъ на территоріи новгородскихъ Кривичей, на ю.-в. отъ Лядоги, у рѣкъ Ояти и Паши. По наблюденіямъ Аспелина, найденныя здѣсь вещи вообще „представляютъ нѣкоторыя особенности, встрѣчающіяся въ древностяхъ южной части Московской губ.“ *Antiquités du Nord Finno-Ougrien*, III, 224.

фическій фактъ, что въ данной мѣстности и въ данное время не жило никакое другое племя, кромѣ Кривичей. Если же эти соображенія и не могутъ претендовать на безусловную доказательность, то, во всякомъ случаѣ, намъ они кажутся заслуживающими того, чтобы специальное изслѣдованіе имѣло ихъ въ виду при будущихъ раскопкахъ кургановъ на Кривичской территоріи и отмѣчало факты, которые могутъ эти предположенія или подкрѣпить или опровергнуть.

О рязанско-окских могильникахъ.

А. И. Черепнинъ.

Съ 1888 года до настоящаго времени, въ Рязанской губерніи, по берегамъ Оки, открыто шесть древнихъ могильниковъ, однородныхъ какъ по народности и времени образованія ихъ, такъ по характеру бытовыхъ предметовъ и украшеній, найденныхъ при остаткахъ погребеній.

Могильники расположены по теченію Оки на протяженіи 250 верстъ. Три изъ нихъ, — Кузьминскій, Борковской и Пальновскій, — находятся въ Рязанскомъ уѣздѣ; два, — Старорязанскій и Тырновскій, — въ Спасскомъ, и одинъ, — Курманскій, — въ Касимовскомъ. Первый могильникъ на лѣвомъ берегу Оки, всѣ остальные — на правомъ.

Курманскій могильникъ, раскопанный въ 1888 году графомъ Ѳ. А. Уваровымъ, и Борковской, изслѣдованный въ 1892 году тремя членами Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, уже составляютъ достояніе русской археологіи ¹⁾. Матеріалы же, добытые изъ Кузьминскаго и Старорязанскаго могильниковъ, во время произведенныхъ мною раскопокъ въ 1893, 94 и 95 годахъ, и случайныя находки изъ Старорязанскаго, Пальновскаго и Тырновскаго еще не опубликованы.

Цѣль настоящаго сообщенія — представить, на основаніи всего имѣющагося въ моемъ распоряженіи археологическаго матеріала, общую характеристику рязанско-окскихъ могильниковъ и предложить вниманію археологовъ болѣе подробное описаніе женскихъ украшеній и одежды, составленное мною по тѣмъ многочисленнымъ образцамъ украшеній и остатковъ отъ разныхъ частей одежды, которые были въ моихъ рукахъ за послѣднія пять лѣтъ.

Вещественные памятники, извлеченные изъ названныхъ могильниковъ, похоронная

¹⁾ Описаніе раскопокъ Курманскаго могильника помѣщено въ XIV томѣ „Древностей“. Краткое сообщеніе о раскопкахъ Борковскаго могильника напечатано въ Трудахъ Виленскаго Съѣзда, и полное описаніе Борковскаго могильника находится въ моей статьѣ „Мѣстная Старина“, помѣщенной въ Трудахъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, — за 1894 г., вып. 2-й, и за 1895 г., вып. 2-й и 3-й.

обрядность и вся обстановка погребеній знакомитъ насъ съ своеобразною культурою древняго населенія занимавшаго обширную территорію, въ предѣлахъ которой находилась часть Рязанской губерніи (по теченію рѣки Оки), часть Московской (Дьяково городище), Владимірской (изслѣдованіе и раскопки А. А. Спицына) и Тамбовской губерній (Лядинскій, Томниковскій и Серповскій могильники). Древности, открытыя въ поименованныхъ мѣстахъ сосѣднихъ съ Рязанскою губерніей, имѣютъ много общаго съ рязанскими и, повидимому разнятся отъ послѣднихъ только по времени. Есть основаніе предполагать, что распространеніе культуры рязанско-окскихъ могильниковъ не ограничивалось названными мѣстами: слѣды ея обнаруживаются въ случайныхъ находкахъ, попадавшихся въ Каширскомъ и Тульскомъ уѣздахъ Тульской губерніи.

Этой культурѣ придаетъ особенное значеніе то обстоятельство, что она предшествоуетъ водворенію южно-русскихъ князей въ средней Россіи. Изучая остатки ея, можно отчасти познать бытъ и народность населенія, вошедшаго впоследствии въ составъ Великорусскаго народа.

Рязанско-окскіе могильники расположены частію на правомъ нагорномъ берегу Оки (Пальновскій, Старорязанскій и Тырновскій), частію — на возвышенныхъ прибрежныхъ буграхъ дюннаго происхожденія (Кузьминскій, Борковской и Курманскій). Они занимаютъ площади разной величины, — Курманскій и Кузьминскій менѣ $\frac{1}{3}$ десятины, Борковской — около $1\frac{1}{2}$ десятинъ, Старорязанскій — до 4 десятинъ. Могильники заполнены, болѣе или менѣе часто, погребеніями. Особенно часты погребенія на Борковскомъ; болѣе рѣдкія, разбросанныя погребенія находятся на Старорязанскомъ могильникѣ.

Ни на одномъ изъ вскрытыхъ могильниковъ не замѣчено насыпныхъ бугровъ или возвышеній надъ отдѣльными могилами. На изслѣдованныхъ мною могильникахъ Борковскомъ, Кузьминскомъ и частью на Старорязанскомъ поверхность древне-культурнаго пласта, — современнаго образованію могильниковъ и покрытая въ настоящее время торфянисто-песчанымъ слоемъ (отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ вершковъ толщины) позднѣйшаго происхожденія, — представляла слегка волнистую линію, съ слабыми изгибами подъема и пониженія во всѣхъ вертикальныхъ разрѣзахъ, произведенныхъ во время раскопокъ. Мѣстами же, поверхность древне-культурнаго слоя представляла почти прямую горизонтальную линію. Эти наблюденія позволяютъ думать, что надъ отдѣльными могилами не было высокихъ насыпей, а могли быть только небольшія возвышенія.

Замѣченное нами отсутствіе насыпныхъ кургановъ надъ погребеніями на рязанско-окскихъ могильникахъ представляетъ характерную особенность, отличающую ихъ отъ болѣе позднихъ курганныхъ кладбищъ, находящихся въ разныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Приведенное мною различіе во внѣшней формѣ древнихъ языческихъ могилъ является только однимъ звеномъ съ цѣлою цѣпи фактовъ, наглядно убѣждающихъ насъ въ разновременномъ образованіи извѣстныхъ намъ рязанско-окскихъ могильниковъ и курганныхъ кладбищъ: первые служатъ представителями похоронной обрядности древнѣйшаго населенія Рязанскаго края, тогда какъ вторыя относятся къ болѣе позднему и, повидимому, занесены сюда новыми насельниками, принадлежавшими къ другой народности.

Глубина могилъ, вскрытыхъ на рязанско-окскихъ могильникахъ, колебалась между $\frac{3}{4}$ и 2 аршинами. Изрѣдка встрѣчались и болѣе глубокия могилы — до $2\frac{1}{2}$ арш. Впрочемъ, такое увеличеніе глубины зависѣло отъ большей толщины верхняго слоя земли, образовавшагося надъ могилами за послѣднія столѣтія, на склонахъ отъ наплыва земли съ прилегающихъ возвышенныхъ частей могильника.

Средняя глубина большей части могилъ не превышала $1\frac{1}{4}$ аршина.

Относительно глубины могилъ, повидимому, не существовало обязательнаго однообразія: глубина, какъ мы полагаемъ, могла находиться въ нѣкоторой зависимости отъ времени года, въ какое совершалось погребеніе, отъ формы самаго похороннаго обряда и отъ возраста умершаго. Зимой, вѣроятно, копали могилы не такъ глубоко, какъ лѣтомъ, — вообще, въ теплое время года; небольшая глубина наблюдалась въ большинствѣ дѣтскихъ могилъ и погребеній въ сидячемъ положеніи. Самыя глубокия могилы содержали остатки богатыхъ мужскихъ погребеній.

Ф ор м ы по х о р о н њ .

На раскопанныхъ могильникахъ обнаружено 3 способа похоронъ: 1) *обыкновенное погребеніе*, — тѣло умершаго опускали въ могилу въ лежачемъ положеніи, на спинѣ, и только изрѣдка — склоненнымъ на правый или лѣвый бокъ; 2) *погребеніе съ трупосожженіемъ*, — трупъ умершаго предварительно сжигали на кострѣ, въ могилы; затѣмъ собирали остатки пережженныхъ костей, металлическихъ украшеній, оружія, при чемъ попадались угли, зола, пепель; все собранное зарывали въ могилу; довольно часто, вмѣстѣ съ остатками трупосожженія, въ могилахъ находили украшения и оружіе, на которыхъ не замѣтно было слѣдовъ дѣйствія огня; нѣкоторыя изъ этихъ украшеній были обернуты лубомъ, слѣдовательно не были на умершемъ во время трупосожженія, и положены въ могилу отдѣльно; и 3) *погребеніе въ сидячемъ положеніи*, — тѣло умершаго помѣщали въ могилу въ сидячемъ положеніи такъ, что ноги были протянуты горизонтально подъ прямымъ угломъ къ туловищу. Послѣдній способъ похоронъ обнаруженъ лишь при одномъ Придорожномъ бугрѣ Борковского могильника, въ 4-хъ могилахъ, и въ одной, — на Курманскомъ. На Жемчужномъ бугрѣ Борковского и другихъ могильникахъ эта форма погребенія не встрѣчалась. Можно предполагать, что этого вида похороны совсѣмъ не практиковались постояннымъ населеніемъ Рязанскаго края, — его могли занести на берега Оки пришлые или временно проживавшіе здѣсь иноземцы.

Широко распространенною формою похоронъ и самою древнею было, — *обыкновенное погребеніе*: изъ 120 вскрытыхъ могилъ на Борковскомъ могильникѣ, 101 оказалась съ остатками обыкновенныхъ погребеній, въ 12 обнаружены несомнѣнные остатки трупосожженій, въ 4-хъ могилахъ найдены погребенія въ сидячемъ положеніи, и остальные 3 могилы, по неясности признаковъ, мы не рѣшаемся отнести къ опредѣленной формѣ похоронъ. На Кузьминскомъ могильникѣ изъ 95 могилъ, 88 содержали обыкновенныя погребенія и только въ 7 найдены остатки трупосожженій.

Обыкновенныя погребенія.

Въ могилахъ съ обыкновенными погребеніями, какъ въ мужскихъ, такъ женскихъ и дѣтскихъ, находились, съ очень рѣдкими исключеніями, остатки одного костяка, лежавшаго на спинѣ, лицомъ вверхъ; иногда наблюдался наклонъ одной головы или всего костяка на правую или на лѣвую сторону; направленіе головы было преимущественно на С.В. и С.В.В.; значительно рѣже голова была обращена на Ю.В., Ю.З. и С.З. Отступленія отъ преобладающаго направленія головы на С.В. встрѣчалось довольно рѣдко, — въ общей сложности положеніе головы на Ю.В., Ю.З. и С.З. не достигало половины погребеній, въ которыхъ голова была обращена на С.В. или С.В.В. Руки и ноги обыкновенно протянуты вдоль; у немногихъ костяковъ кисти рукъ лежали на животѣ или на боковыхъ краяхъ тазовыхъ костей.

Ни въ одной могилѣ не было обнаружено остатковъ колоды или деревянныхъ гробовъ, — то и другое, видимо, не употреблялось населеніемъ, оставившимъ могильники. Во многихъ могилахъ, особенно въ женскихъ, богатыхъ бронзовыми украшениями, найдены разной величины куски полустлѣвшаго луба, иногда попадались куски толстой древесной коры, большею частію подъ головою. Остатки луба находили какъ подъ костяками, такъ и надъ ними. Нахожденіе остатковъ луба во многихъ могилахъ по нашему мнѣнію, указываетъ на распространенный обычай полагать въ могилы тѣла умершихъ на лубъ и покрывать лубомъ сверху; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ все тѣло покойника завертывали въ лубъ.

Надъ костяками и кругомъ ихъ случалось находить угольки, слѣды золы и пепла и обломки глиняныхъ горшковъ довольно грубой ручной выдѣлки. Кромѣ того, при остаткахъ погребеній, большею частію мужскихъ могилахъ, часто находились цѣльные или раздавленные тяжестью земли глиняные горшки, по одному при костякѣ. Въ женскихъ могилахъ горшки встрѣчались очень рѣдко. Горшки въ большинствѣ случаевъ помѣщались въ ногахъ умершаго и только въ рѣдкихъ случаяхъ — въ головахъ.

По размѣрамъ, формѣ и способомъ выдѣлки похоронные горшки немногимъ разнились между собою, — они грубой ручной работы, темно-сѣраго цвѣта, съ прямыми вѣнчиками, съ небольшою выпуклостью боковъ, къ дну сужены; высота ихъ отъ $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ вершковъ. Въ двухъ женскихъ могилахъ найдены между ступнями ногъ по одному крошечному горшечку, высотой $1\frac{1}{4}$ вершка. Большая часть найденныхъ горшковъ безъ украшеній, нѣкоторые же орнаментированы по вѣничку и ниже его наклонно параллельными черточками; на пяти горшкахъ ниже вѣничка расположены украшенія въ видѣ продольныхъ полосокъ изъ небольшихъ наклонныхъ линий, на другомъ — вдавленные кружочки, расположенные въ шахматномъ порядкѣ, на остальныхъ — кругомъ полосы изъ наклонно-параллельныхъ черточекъ. Въ горшкахъ, какъ кажется, содержалась пища или напитки: во многихъ горшкахъ, наполненныхъ землею или пескомъ, на внутренней сторонѣ стѣнокъ находилась густая

сѣть растительной нитевидной поросли; поросль могла развиваться внутри горшковъ только отъ нахожденія въ нихъ остатковъ какого-нибудь органическаго вещества.

Въ 9 мужскихъ и въ 3 женскихъ могилахъ найдены небольшіе цѣльные камни (красноватый и сѣрый песчаникъ) или отбитыя части отъ нихъ. Цѣльные камни имѣютъ округлую форму, два изъ нихъ, по наружной формѣ и величинѣ, похожи на куриное яйцо.

Очень рѣдко встрѣчались могилы съ двойными погребеніями, — намъ извѣстно 6 такихъ могилъ; въ 3-хъ изъ нихъ были похоронены — мужчина съ женщиною, въ 2-хъ женщина съ ребенкомъ, въ одномъ случаѣ — два мужчины рядомъ, — одинъ пожилой, другой — юноша.

Костяки, въ огромномъ большинствѣ могилъ, оказались совершенно истлѣвшими; — во многихъ могилахъ были найдены лишь ничтожные остатки отъ нихъ; между дѣтскими могилами встрѣчались и такія, въ которыхъ костяки истлѣли безслѣдно, въ другихъ же уцѣлѣли однѣ эмалевыя коронки отъ зубовъ; плохое состояніе костяковъ лишало возможности измѣрить ихъ длину, и при отсутствіи характерныхъ украшеній и оружія, — опредѣлить ихъ полъ. Изъ общаго числа извѣстныхъ мнѣ могилъ съ обыкновенными погребеніями (свыше 200), только въ 7 костяки настолько сохранились, что можно было измѣрить ихъ длину и опредѣлить форму черепа. Длина мужскихъ костяковъ отъ брегмы до конца пяточной кости была: 2 аршина $2\frac{1}{2}$ вершка (юноша), 2 аршина 4 вершка, 2 аршина $4\frac{1}{2}$ вершка, 2 аршина $4\frac{1}{2}$ вершка, 2 аршина $4\frac{3}{4}$ вершка и 2 аршина 5 вершковъ, и одинъ женскій костякъ (среднихъ лѣтъ) имѣлъ 2 аршина 2 вершка. По строенію череповъ — 5 принадлежатъ къ типу долихоцефаловъ и 4 къ типу субдолихоцефаловъ, на женскихъ же эта особенность или совсѣмъ не замѣчалась, или выражалась въ слабой мѣрѣ.

Въ 19 женскихъ и одной дѣтской могилѣ сохранились остатки волосъ, въ частяхъ косъ или въ отдѣльныхъ пучкахъ. Волоса заплетались въ одну или въ двѣ косы; въ томъ и въ другомъ случаѣ, косы были заплетены въ три пряди. Найденные волосы въ 18 могилахъ были черные и только въ 2 — темнокаштановые.

При опредѣленіи пола погребенныхъ намъ служили надежнымъ признакомъ украшенія, оружіе и другіе бытовые предметы, найденные при костякахъ. Оружіе и удила никогда не встрѣчались въ женскихъ могилахъ, и наоборотъ, въ мужскихъ — не находили головныхъ уборовъ, височныхъ подвѣсокъ, ожерельевъ, шейныхъ гривень съ круглыми коробками, крупныхъ ажурныхъ пряжекъ съ привѣсками, желѣзныхъ ножницъ и каменныхъ или глиняныхъ пряслицъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда костяки были сильно разрушены тлѣніемъ и въ могилѣ не оказывалось характерныхъ вещей, опредѣляющихъ принадлежность остатковъ къ тому или другому полу, мы относили такія погребенія къ неопредѣленнымъ. Дѣтскія могилы опредѣлялись или по малымъ размѣрамъ костяка или по незначительной величинѣ украшеній, найденныхъ въ могилѣ.

На Борковскомъ могильникѣ, въ могилахъ съ обыкновеннымъ погребеніемъ оказалось 30 мужскихъ, 20 женскихъ, 18 дѣтскихъ и 35 неопредѣленныхъ относительно пола погребенныхъ. На Кузьминскомъ изъ 88 обыкновенныхъ погребеній было 37 мужскихъ, 36 женскихъ, 6 дѣтскихъ и 14 неопредѣленныхъ. Число найденныхъ

дѣтскихъ могилъ, сравнительно съ суммою мужскихъ и женскихъ, слишкомъ незначительно. Въ дѣйствительности, оно, конечно, далеко превосходитъ приведенныя нами цифры. Безъ сомнѣнія, большое количество дѣтскихъ погребеній прошло незамѣченнымъ, вслѣдствіе полнаго разрушенія дѣтскихъ костяковъ и отсутствія при нихъ металлическихъ украшеній и другихъ бытовыхъ предметовъ. Намъ нерѣдко попадались отдѣльныя вещи и части бронзовыхъ украшеній, при полномъ отсутствіи при нихъ остатковъ костяка; такія находки приходилось относить къ случайнымъ, хотя, вѣроятно, многія изъ нихъ представляли единственное указаніе на дѣтское погребеніе.

Могилы съ остатками трупосожженій.

Погребенія остатковъ трупосожженій найдены во всѣхъ изслѣдованныхъ могильникахъ. Этого вида погребенія чередовались съ обыкновенными и не выдѣлялись отъ нихъ въ изолированныя группы. Могилы съ остатками трупосожженій имѣли отъ $\frac{3}{4}$ до 2 аршинъ глубины, средняя глубина ихъ не превышала $1\frac{1}{2}$ аршинъ. Остатки трупосожженій обнаруживались на днѣ могилъ въ видѣ пласта отъ 2 квадратныхъ четвертей до $1\frac{1}{2}$ квадратныхъ аршинъ, при толщинѣ отъ $\frac{3}{4}$ до 2 вершковъ. Пластъ состоялъ изъ мелкихъ обломковъ пережженныхъ человѣческихъ костей (отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ вершковъ длины), перемѣшанныхъ съ землею, угольками и золою. Въ этой же массѣ обыкновенно находились обломки отъ глиняныхъ горшковъ или по одному и даже по два цѣльныхъ горшка обычнаго похороннаго типа, вмѣстѣ съ оружіемъ и украшеніями.

Самое трупосожженіе совершалось не въ могилѣ, а гдѣ-то въ сторонѣ отъ нея. Послѣ трупосожженія собирали остатки пережженныхъ костей, уцѣлѣвшія части металлическихъ украшеній и оружія или безформенные слитки отъ нихъ; все это зарывали въ отдѣльную могилу; при чемъ, иногда, на остатки трупосожженія клали оружіе или украшенія, видимо, не бывшія въ огнѣ, слѣдовательно, эти предметы не были при умершемъ во время сожиганія трупа. Въ трехъ могилахъ часть найденныхъ бронзовыхъ украшеній была завернута въ тонкій лубъ; въ 2 могилахъ бронзовыя украшенія, неподвергавшіяся дѣйствию огня, лежали на кускахъ полустлѣвшаго луба, надъ остатками пережженныхъ костей.

Ни на Борковскомъ, ни на Кузьминскомъ могильникахъ не удалось открыть костровъ, на которыхъ совершались трупосожженія, и только во время пробныхъ раскопокъ Старорязанскаго могильника, произведенныхъ мною въ 1894 году по порученію Императорской Археологической Комиссіи, мнѣ представился случай ознакомиться съ устройствомъ и содержаніемъ подобнаго костра. Костеръ былъ обнаруженъ на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршинъ отъ поверхности земли и представлялъ почти сплошной пластъ углей (болѣе $3\frac{1}{2}$ аршинъ длины, въ 2 аршина ширины и до 10 вершковъ толщины), кое-гдѣ перемѣшанныхъ съ землею, пескомъ, обожженными кусочками глины, желѣзными шлаками, мелкими безформенными слитками бронзы и мѣстами — тонкими небольшими прослойками пережженныхъ костей, превратившихся отъ долгаго пребыванія въ землѣ

въ вещество, похожее на бѣловатую глину. Въ толщѣ угольнаго пласта попадались отдѣльные куски углей вершковъ до 4 длиною; по формѣ этихъ крупныхъ углей было видно, что костеръ былъ сложенъ изъ круглыхъ тонкихъ бревенъ и расколотыхъ плахъ.

Погребенія въ сидячемъ положеніи.

На Придорожномъ бугрѣ Борковского могильника было найдено 4 могилы съ остатками погребенія въ сидячемъ положеніи. Положеніе частей костяка показывало, что тѣло умершаго прислоняли спиною къ южной стѣнкѣ могилы, ноги протягивались вдоль по дну могилы перпендикулярно къ туловищу, кисти рукъ, повидимому, прижимались къ верхней части груди. Внѣшнимъ отличіемъ этого вида могилъ была незначительная глубина ихъ; по составу же могильнаго инвентаря, мы находили въ нихъ той же формы украшенія, того же типа обломки глиняныхъ горшковъ, какіе встрѣчались и при другихъ формахъ похоронъ, съ тою разницею, что въ могилахъ съ сидячимъ погребеніемъ не было найдено ни оружія, ни богатыхъ бронзовыхъ украшеній и бусъ, — вообще бѣдность инвентаря составляетъ существенный признакъ ихъ.

Ничтожное количество подобныхъ могилъ позволяетъ предполагать, что эта форма похоронъ не была распространена между постояннымъ населеніемъ Рязанскаго края.

Неопредѣленныя погребенія.

На Борковскомъ могильникѣ встрѣчено 5 погребеній, въ которыхъ оказались одни женскія украшенія безъ признаковъ истлѣвшихъ или пережженныхъ костей. Въ трехъ случаяхъ могилы были двойныя: № 51 — надъ остатками мужскаго погребенія, вершка на 4 выше ихъ, найдены одни женскія украшенія; № 58 — подъ остатками дѣтскаго погребенія, на 4 вершка ниже ихъ, лежали женскія украшенія, расположенныя въ обычномъ порядкѣ обыкновеннаго погребенія, въ какомъ мы находили ихъ на женскихъ костякахъ; и № 101 — на 2 вершка выше остатковъ мужскаго погребенія находились женскія украшенія, при полномъ отсутствіи костей.

Въ 2 могилахъ, — №№ 8 и 108, найдены женскія украшенія, беспорядочно сваленныя въ кучу, и недалеко отъ нихъ оказалось по одному мужскому погребенію.

Истинное значеніе погребеній однихъ женскихъ украшеній намъ не удалось разгадать. По поводу этой оригинальной формы погребеній можно допустить предположеніе, что тѣ рѣдкія могилы, въ которыхъ оружіе или женскія украшенія были правильно расположены въ порядкѣ положенія костяковъ въ могилахъ, слѣдуетъ разсматривать какъ остатки обыкновенныхъ погребеній съ безслѣдно разрушенными костяками. Относительно же могилъ съ беспорядочною кучею женскихъ украшеній, пока, ничего положительнаго сказать нельзя.

Оружіе и мужскія украшенія.

Мужскія и женскія могилы съ обыкновенными погребеніями и съ остатками трупосожженій представляютъ большое разнообразіе по количеству и качеству найденныхъ въ нихъ металлическихъ украшеній, оружія и другихъ бытовыхъ предметовъ: часть погребеній отличалась обиліемъ вещей; въ другихъ — количество украшеній или оружія было посредственное; наконецъ, встрѣчались и такія погребенія, въ которыхъ не находили вещей при костякахъ или остаткахъ трупосожженій, или оказывались только единичные предметы, — напр. — желѣзный ножикъ, пряжка, какая-нибудь привѣска или колечко.

Вообще же, рызанско-окскіе могильники должно признать богатыми по содержанію бытовыхъ предметовъ, — они доставили намъ большое количество разнообразныхъ металлическихъ украшеній, желѣзнаго оружія, бусъ, гончарныхъ издѣлій, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (Кузьминскій) найдено много обрывковъ и кусковъ полуистлѣвшей ткани съ разныхъ частей одежды, кожи, ремней, шнуровъ и проч.

Оружіе и остатки ременныхъ и кожаныхъ поясовъ составляютъ почти постоянную принадлежность обыкновенныхъ мужскихъ погребеній; очень рѣдко встрѣчались мужскія могилы, въ которыхъ не оказалось бы одного или нѣсколькихъ представителей древняго оружія; если не было крупнаго оружія, то при костякѣ находился ножикъ.

Вооруженіе состояло изъ копій, дротиковъ, топоровъ, мечей, стрѣлъ и, какъ кажется, изъ пращей. Найденное оружіе исключительно желѣзное, — не было встрѣчено ни одного предмета, который можно было бы признать за бронзовое оружіе. Самымъ употребительнымъ и широкораспространеннымъ оружіемъ были: копье, дротикъ и топоръ. Мечи, ножи, стрѣлы и остатки пращей (небольшіе круглые камни) встрѣчались довольно рѣдко. На Борковскомъ могильникѣ, изъ 28 обыкновенныхъ мужскихъ погребеній, желѣзные наконечники копій оказались въ 22, наконечники дротиковъ — въ 18, топоры — въ 23, крупные ножки (клинки ножей до $3\frac{1}{2}$ вершковъ длины) — въ 10, мечи — только въ 5 и треугольный наконечникъ желѣзной стрѣлы — въ 1. На Кузьминскомъ могильникѣ изъ 36 вскрытыхъ обыкновенныхъ мужскихъ погребеній, наконечники копій найдены въ 28 могилахъ, наконечники дротиковъ — въ 16, топоры — въ 26, крупные ножи — въ 3, обоюдоострые мечи — въ 2, наконечники стрѣлъ не встрѣчались.

Самый составъ вооруженія, въ отдѣльныхъ мужскихъ могилахъ, оказался въ такомъ видѣ: мечъ, копье, дротикъ, топоръ и ножикъ — въ 3 могилахъ; мечъ, топоръ и ножикъ — въ 2 могилахъ; мечъ, копье и топоръ — въ 1 могилѣ; копье, дротикъ, топоръ и ножикъ — въ 3 могилахъ; копье, дротикъ и топоръ — въ 17 могилахъ, копье и топоръ — въ 10 могилахъ; копье и дротикъ — въ 5 могилахъ; топоръ и ножикъ — въ 3 могилахъ; одинъ топоръ — въ 9 могилахъ; одно копье — въ 10 могилахъ и одинъ дротикъ — въ 5 могилахъ.

Мечи находили только въ богатыхъ мужскихъ могилахъ. Изъ семи мечей, найденныхъ нами на двухъ могильникахъ, — 3 обоюдоострые съ длиннымъ прямымъ

клинкомъ (16 и 17 вершковъ), къ концу равномерно суживающимся съ обѣихъ сторонъ, и окончивающихся остриемъ; 4 меча — прямые односторонніе (лезвее съ одной стороны), длина ихъ клинковъ не одинаковая, — отъ 11 до $13\frac{1}{2}$ вершковъ, не считая желѣзнаго стержня, служившаго для прикрѣпленія рукоятки. Одинъ изъ мечей этого вида, найденный въ 1874 году на Борковскомъ могильникѣ, во время проложенія желѣзнодорожнаго пути, вмѣстѣ съ другимъ оружіемъ и украшеніями¹⁾, имѣеть клинокъ, въ $16\frac{1}{2}$ вершковъ длины. Ни на одномъ изъ мечей не оказалось крыжа и крышки у рукоятки. Мечи влагались въ деревянные ножны; при одномъ мечѣ ножны сплошь обложены тонкими серебряными пластинками (Борковской мог. — № 63), орнаментированными по длинѣ нѣсколькими кружочками, состоящими изъ двухъ выпуклыхъ концентрическихъ окружностей, а на верхней части, у рукоятки — поперечною полоскою изъ мелкихъ параллельныхъ черточекъ. При двухъ мечахъ найдены бронзовые наконечники отъ ноженъ.

Положеніе мечей на костякахъ было не одинаковое: 4 меча найдено у пояса, съ лѣвой стороны, — 2 другіе — съ правой стороны; конецъ одного меча лежалъ на лѣвомъ плечѣ, а рукоятка у кисти лѣвой руки; при одномъ костякѣ рукоятка меча лежала немного выше лѣваго плеча, конецъ же его направлялся къ лѣвому бедру; при другомъ костякѣ рукоятка меча лежала на правомъ плечѣ, конецъ его — на правой ногѣ.

Большинство желѣзныхъ наконечниковъ копій имѣеть продолговатое листовидное перо съ небольшимъ ребромъ съ обѣихъ сторонъ посреднѣ плоскихъ поверхностей пера, плечики пера на нижней расширенной его части закруглены; втулка наконечниковъ копій круглая, суживающаяся къ основанію пера; рѣже встрѣчались наконечники копій съ ромбоидальнымъ перомъ и еще рѣже — съ узкимъ длиннымъ четырехграннымъ перомъ. Длина наконечниковъ копій колеблется между $4\frac{1}{2}$ и $7\frac{1}{2}$ вершк.

Желѣзные наконечники дротиковъ по своей формѣ представляютъ полное однообразіе и отличаются лишь величиною, — длина ихъ отъ 3 до $4\frac{1}{2}$ вершковъ. У дротиковъ отъ вершины острія спускаются книзу двѣ бородки, постепенно расходящіяся въ противоположныя стороны; длина бородокъ отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ вершка. Втулка круглая, постепенно суживающаяся къ бородкамъ.

Наконечники копій и дротиковъ находили при костякахъ преимущественно съ правой или лѣвой стороны головы и значительно рѣже — у ступней ногъ.

Желѣзные топоры, найденные на рязанско-окскихъ могильникахъ, относятся къ одному виду; своею формою они напоминаютъ короткій массивный клинъ отъ 2 до $4\frac{1}{2}$ вершковъ длины, съ продольнымъ круглымъ гнѣздомъ для насадки на рукоятку; узкое лезвее топора (не болѣе 1 вершка) на концахъ нѣсколько закруглено.

Топоры обыкновенно лежали въ головахъ или въ ногахъ костяковъ; иногда ихъ находили у колѣна или сбоку. Большая часть топоровъ была воткнута лезвеемъ въ землю. Въ двухъ случаяхъ замѣчены слѣды истлѣвшихъ рукоятокъ при топорахъ; рукоятки были кривые, повидимому, дубовыя, длиною около 1 аршина.

¹⁾ Часть оружія, украшеній, горшковъ и остатковъ костяковъ, найденныхъ случайно на Борковскомъ могильникѣ хранится въ собраніи покойнаго А. В. Антонова, въ Рязани.

Крупные ножики находились при костякахъ большею частію у пояса, съ лѣвой стороны; они имѣли деревянные черенки; на нѣкоторыхъ ножахъ сохранились остатки деревянныхъ ноженъ, обложенныхъ бронзовыми поперечными и по краямъ долевыми обоймицами. Ножики найдены двухъ видовъ, — небольшіе, съ узкимъ клинкомъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 вершковъ, прямые, лезвее съ одной стороны, и болѣе крупные ножики, имѣющіе также лезвее съ одной стороны, клинки отъ 3 до $3\frac{1}{2}$ вершковъ длины и болѣе широкіе, чѣмъ у первыхъ. Послѣдніе ножики могли служить оружіемъ при защитѣ или нападеніи, тогда какъ первые, безъ сомнѣнія, употреблялись какъ необходимое домашнее орудіе, — ихъ находили во многихъ женскихъ и даже дѣтскихъ могилахъ; крупные же ножики встрѣчались только въ мужскихъ могилахъ.

Въ богатыхъ мужскихъ могилахъ съ обыкновеннымъ погребеніемъ часто находили желѣзные удила. На Борковскомъ могильникѣ удила найдены при 15 мужскихъ погребеніяхъ, при 1 женскомъ и 1 дѣтскомъ. На Кузьминскомъ могильникѣ — въ 14 мужскихъ и 4 неопредѣленныхъ (по полу погребенныхъ) могилахъ. Удила имѣютъ однообразную форму, — они состоятъ изъ двухъ соединенныхъ колѣнъ (барашковъ) равной величины, свободные концы ихъ загнуты въ небольшое кольцо, въ эти кольца продѣто по одному болѣе или менѣе крупному кольцу, къ этимъ послѣднимъ прикрѣпляли поводья уздечки. Удила большею частію находили въ головахъ, рѣже — въ ногахъ. На Кузьминскомъ могильникѣ, въ одной могилѣ, въ головахъ мужскаго костяка, на большомъ кругломъ кускѣ бересты лежала цѣльная уздечка съ удилами и поводьями, сплошь покрытая мелкими круглыми бронзовыми бляшками, а мѣста соединенія частей уздечки прикрыты крупными круглыми бляхами, украшенными 5 накрестъ расположенными круглыми шишечками.

Замѣчательно, что ни въ одной могилѣ, ни между случайными находками не оказалось ни одного стремени. Древнее населеніе Рязанскаго края, при верховой ѣздѣ, повидимому, обходилось безъ стремень.

Значительное количество удилъ и части лошадиныхъ остововъ, найденные поблизости 5 богатыхъ мужскихъ могилъ, наглядно удостовѣряютъ, что конь былъ обычнымъ спутникомъ значительной части мужскаго населенія, принадлежавшей къ зажиточному и хорошо вооруженному сословію. По содержанію могильнаго инвентаря мужскихъ погребеній, при которыхъ найдены удила, можно думать, что только болѣе богатый классъ былъ привыченъ къ коню и выставлялъ конныхъ воиновъ.

При остаткахъ трупосоженной удила встрѣчались крайне рѣдко, — всего — въ 3 могилахъ. Въ могилахъ съ погребеніями въ сидячемъ положеніи удилъ не найдено.

Остатки ременныхъ и кожаныхъ поясовъ, или только бронзовые и желѣзные пряжки, бронзовые и серебряные наконечники и бляшки отъ нихъ — оказались во многихъ мужскихъ могилахъ. На Борковскомъ могильникѣ остатки поясовъ найдены въ 27 могилахъ, на Кузьминскомъ — въ 10. Мужскіе пояса большею частію ременные, шириною отъ $\frac{3}{8}$ до $\frac{5}{8}$ вершка. На нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны слѣды черной окраски. Между поясами попадались сшитые изъ полосы кожи, согнутой вдвое. Въ богатыхъ мужскихъ могилахъ находили пояса, украшенные серебряными или бронзовыми бляшками. Форма бляшекъ не отличалась разнообразіемъ, — встрѣчались круг-

ля, квадратныя, узкія прямоугельныя и съ закругленными углами. Очень рѣдко случалось находить бляшки другихъ формъ, напр. — сердцевидныя.

Мужчины войны щеголяли оружіемъ и поясами; другого рода украшеній найдено немного и еще меньше оказалось остатковъ одежды въ мужскихъ могилахъ.

Изъ мужскихъ украшеній встрѣчались серебряныя и бронзовыя шейныя гривны. Мужскія гривны состоятъ изъ кольца, согнутаго изъ гладкой толстой проволоки, отъ концовъ къ срединѣ утолщающейся; для застежки на одномъ концѣ загнуть крючекъ, на другомъ — петля. Иногда такія гривны украшены металлическими одиночными бусами, промежутки между ними заполнены перевивами изъ тонкой слегка сплюсненной проволоки. На Борковскомъ могильникѣ гривны найдены въ 5 могилахъ, — въ 2 серебряныя и въ 3 бронзовыя; на Кузьминскомъ могильникѣ — въ 4 могилахъ, всѣ бронзовыя.

При остаткахъ 3 мужскихъ погребеній, на мѣстѣ шеи и верхней части груди найдено по одной крупной бронзовой крестообразной фибулѣ, съ расширенною книзу ножкою и желѣзною иглою для застежки на задней сторонѣ. На рязанско-окскихъ могильникахъ до настоящаго времени собрано 15 штукъ крестообразныхъ фибулъ, между ними 3 серебряныхъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ Европейской Россіи была найдена только одна тождественная фибула въ Тверской губерніи. Вторая подобная фибула хранится въ Музеѣ покойнаго графа А. С. Уварова.

Въ четырехъ другихъ мужскихъ могилахъ, на тѣхъ мѣстахъ найдено по одной бронзовой самострѣлообразной фибулѣ съ желѣзными иглами для застегиванія. Такія фибулы часто встрѣчаются въ древнихъ могилахъ Прибалтійскихъ и юго-западныхъ губерній, а также по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей.

Въ нѣсколькихъ мужскихъ могилахъ, вмѣсто фибулъ, находили крупныя бронзовыя пряжки, какъ на верхней части груди, такъ и посрединѣ ея и у пояса. Въ 3 могилахъ найдены очень крупныя бронзовыя пряжки (до 2-хъ вершковъ въ діаметрѣ) съ семью и восемью широкими лопастями, расположенными въ равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой по наружной окружности кольца пряжки; лопасти украшены крупными шишечками, вытисненными съ обратной стороны.

Нагрудныя мужскія украшенія попадались довольно рѣдко: въ 2 могилахъ, на груди костяковъ было по одной крупной круглой бронзовой бляхѣ (до 4 вершковъ въ діаметрѣ), съ большимъ круглымъ отверстіемъ посрединѣ, прикрытымъ крышкою; кругомъ отверстія треугольныя сквозные прорѣзы; по краю бляхи украшены непрерывными рядами круглыхъ шишечекъ.

На одномъ мужскомъ костякѣ, на правой сторонѣ груди лежали двѣ небольшія фигурныя серебряныя бляшки.

Въ двухъ другихъ мужскихъ могилахъ, на мѣстѣ груди было по одной сплошной круглой бляхѣ ($2\frac{3}{4}$ вершка въ діаметрѣ) изъ тонкой бронзовой пластины, съ двумя узкими крестообразно прикрѣпленными къ ней пластинками; концы узкихъ пластинокъ, выступающіе за окружность бляхи, загнуты въ трубочку; въ трубочки продѣто по одному колечку, съ двумя подвѣшенными къ нему бронзовыми привѣсками. По краю бляхи и вдоль крестообразно расположенныхъ пластинокъ идутъ непрерывныя

ряды мелкихъ круглыхъ шишечекъ. Подобныя бляхи встрѣчались довольно часто въ женскихъ могилахъ и были найдены въ 2 дѣтскихъ могилахъ. Бляхи отличались между собою величиною (отъ $1\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{8}$ вершк. въ діаметрѣ) и орнаментомъ наружной поверхности.

Въ 20 мужскихъ могилахъ найдены бронзовые браслеты; въ большей части могилъ было по одному браслету на лѣвой рукѣ у запястья и рѣже — на правой. По два и болѣе браслетовъ на одномъ костькѣ встрѣчалось очень рѣдко. Мужчины носили двухъ видовъ браслеты: 1) согнутые изъ толстой бронзовой проволоки или массивные литые: тѣ и другіе съ расходящимися концами; у первыхъ — концы расплющены и закруглены, иногда украшены головкою змѣи; утолщенные концы у массивныхъ литыхъ браслетовъ или гладкіе, или орнаментированные точками и линиями; 2) плоскіе браслеты, согнутые изъ болѣе или менѣе узкой бронзовой пластинки, съ расходящимися концами; у нѣкоторыхъ изъ нихъ концы расширены и орнаментированы черточками. Другихъ видовъ браслеты мужчины не носили: спиральные браслеты въ нѣсколько оборотовъ и браслеты, составленные изъ нѣсколькихъ рядовъ спиральныхъ трубочекъ, мѣстами охваченныхъ бронзовыми обоймицами или украшенныхъ розетками, находили только въ женскихъ могилахъ.

При остаткахъ мужскихъ погребеній рѣдко случалось находить бронзовыя кольца на пальцахъ рукъ, — только въ 6 мужскихъ могилахъ были кольца, преимущественно на лѣвой рукѣ. Кольца найдены двухъ видовъ, — спиральныя, имѣющія отъ 5 до 7 оборотовъ, и плоскія, согнутыя изъ бронзовой пластинки, концы ихъ сведены, но не спаяны. Кольца въ видѣ жгутика и широкія ажурныя съ привѣсками въ мужскихъ могилахъ не встрѣчались, ихъ находили только на остаткахъ женскихъ погребеній.

Въ одной мужской могилѣ, у лѣваго виска найдена небольшая серебряная серьга въ видѣ колечка съ утолщеніемъ посрединѣ и несведенными концами.

Въ 5 мужскихъ подняты небольшіе куски кремня, повидимому, служившіе для высѣканія огня; но ни одного желѣзнаго огнива не было найдено. Быть можетъ, для высѣканія огня пользовались тыльемъ желѣзныхъ ножинокъ.

Въ 3 мужскихъ могилахъ оказалось по одному оселку изъ мелкозернистаго камня.

Мужскія могилы были крайне бѣдны остатками одежды. Мелкіе обрывки полуистлѣвшей шерстяной ткани, найденные въ 5 могилахъ, не даютъ опредѣленнаго понятія о мужской одеждѣ. Можно только догадываться, что верхняя одежда мужчинъ походила на полукафтаны. О головныхъ уборахъ и обуви мы также не можемъ сказать ничего положительнаго.

Женская одежда и украшенія.

Женскія могилы съ обыкновеннымъ погребеніемъ и съ остатками трупосоже- ній, не отличаясь отъ мужскихъ похоронною обрядностью, доставили несравненно большее количество металлическихъ украшеній, разнообразныхъ по формѣ и назначенію, и бусъ. Женщины любили украшенія и болѣе богатые изъ нихъ носили пестрый и сложный нарядъ. Случалось находить женскіе костьки съ ногъ до головы покрытые

разнородными металлическими украшениями. Въмѣстѣ съ металлическими вещами, довольно часто находились остатки полуистлѣвшей одежды. Обиліе остатковъ женскаго убора дало намъ возможность составить приблизительное понятіе, если не о всѣхъ частяхъ женской одежды, то о большинствѣ ихъ. Поэтому, не останавливаясь на описаніи многочисленныхъ женскихъ украшеній, найденныхъ на рязанско-окскихъ могильникахъ, я ограничусь общимъ описаніемъ ихъ одежды и украшеній.

Одежда женщинъ приготовлялась преимущественно изъ шерстяныхъ тканей, разнородныхъ какъ по качеству пряжи, такъ по способу выдѣлки и окраски, и частію изъ холста. Нижняя женская одежда состояла изъ шерстяной рубашки съ узкими рукавами, доходящими до кисти руки. Только у богатыхъ женщинъ рубашки были холщевыя, и только въ одномъ случаѣ рубашка была изъ хлопчатобумажной ткани, похожей на теперешній колѣнокоръ. На рубашку надѣвали короткую одежду изъ шерстяной матеріи; по покрою эта одежда походила на полукафтанье, спускавшееся до колѣнъ. У богатыхъ женщинъ полукафтанье на груди украшалось бронзовыми пряжками; подолъ обшивался бронзовыми коническими или плоскими трапецевидными привѣсками въ видѣ сплошной бахромы. Привѣски пришивались за мелкое колечко, продѣтое въ верхней части привѣски, непосредственно къ краю подола полукафтання, загнутому въ рубецъ или къ толстому шерстяному шнурку, который подшивали съ изнанки по самому краю подола полукафтання. Кромѣ бахромы изъ привѣсокъ, юбка полукафтання на передней сторонѣ украшалась парными, тройными и четверными бронзовыми коническими или плоскими трапецевидными привѣсками, подвѣшенными за колечки къ дужкамъ, согнутымъ изъ бронзовой проволоки.

Поверхъ полукафтання носили верхнюю одежду изъ болѣе толстой, грубой шерстяной ткани или мѣховую, вѣроятно, смотря по времени года. Къ сожалѣнію, остатки истлѣвшей верхней одежды, найденные въ одной мужской и 3 женскихъ могилахъ, такъ малы, что по нимъ нельзя составить понятія о формѣ этой одежды. Несомнѣнно только то, что верхняя мужская и женская одежда застегивалась у шеи крупными фибулами или бронзовыми пряжками.

Женскій головной уборъ состоялъ изъ разнообразныхъ, болѣе или менѣе богатыхъ повязокъ; при остаткахъ одного женскаго погребенія, на задней части черепа найдена сѣтка изъ бронзовыхъ спиралей, надѣтыхъ на ремешки. Болѣе распространенныя повязки походятъ на широкую ленту, охватывавшую голову съ верхней части лба до нижней части затылка, гдѣ концы повязки иногда перекрестно накладывались одинъ на другой и скрѣплялись пряжкой. Богатыя женщины носили головныя повязки изъ цвѣтной шерстяной ткани, сложенной вдвое или втрое, съ нашитыми на ея лицевой сторонѣ бронзовыми спиралами, круглыми бляшками, пряжками, обоймицами и плоскими колечками. У менѣе зажиточныхъ женщинъ основу головной повязки составляла полоса изъ луба или кожи, а иногда изъ луба въ срединѣ и кожи на нижней сторонѣ; такая основа обтягивалась шерстяною матеріею или съ обѣихъ сторонъ, или только съ одной лицевой стороны. Наружная сторона этихъ повязокъ постоянно украшалась вѣнчикомъ, составленнымъ изъ трехъ рядовъ бронзовыхъ спиралей, плотно прилегающихъ одинъ къ другому. На вѣнчикѣ, имѣющимъ сходство съ металличе-

скою лентою, мѣста соединенія звеньевъ спиралей прикрывались бронзовыми обоймицами, въ которыя продѣвались плоскія колечки, выступающія за край повязки, обращенный къ лицу; эти колечки, повидимому, служили для прикрѣпленія махорчиковъ изъ шерстяныхъ нитей. Иногда, вмѣсто колечекъ, по нижнему краю повязки шла сплошная бахрома изъ мелкихъ трапецевидныхъ привѣсокъ, спускавшаяся на лобъ и виски. У нѣкоторыхъ повязокъ отъ концовъ, скрѣпленныхъ на нижней сторонѣ затылка, спускались съ двухъ сторонъ на спину по три плоскія трапецевидныя рипвѣски, соединенныя въ два ряда и составлявшія какъ бы продолженіе концовъ повязки.

Кромѣ повязокъ, женщины носили и другіе головные уборы. Мы уже упоминали, что въ одной могилѣ (на Кузьминскомъ могильникѣ) найдено на затылочной части черепа украшеніе, напоминавшее сѣтку. Оно состояло изъ бронзовыхъ спиралей, расположенныхъ въ видѣ правильнаго восьмиугольника; въ центрѣ его находилось бронзовое кольцо, отъ котораго въ видѣ радіусовъ шли отдѣльныя спирали къ вершинамъ угловъ восьмиугольника. Спиралы были нанизаны на узкіе ремешки, свободные концы ремешковъ привязывались къ кольцу. Отъ двухъ спиралей-радіусовъ, направленныхъ къ нижней части затылка въ противоположныя стороны, ремешки выступали за периметръ многоугольника, къ свободнымъ концамъ ихъ было прикрѣплено по привѣскѣ, составленной изъ трехъ трапецевидныхъ привѣсокъ; — къ болѣе крупной изъ нихъ привѣшены на колечкахъ двѣ другія меньшія.

Къ повязкамъ надъ висками привѣшивались на спираляхъ, нанизанныхъ на ремешки, разной формы привѣски, спускавшіяся на плечи. Чаще другихъ встрѣчались привѣски въ видѣ конуса, сплошныя или съ продольными прорѣзами на бокахъ; рѣже попадались въ видѣ небольшой четырехугольной коробки или сидящей утки и плоскія, похожія на лягушечью лапку. Такія привѣски находили по двѣ и по три штуки по обѣимъ сторонамъ головы.

Въ составъ женскихъ головныхъ украшеній входили разной длины и формы ленты, составленныя изъ звеньевъ бронзовыхъ спиралей; онѣ прикрѣплялись къ задней части головной повязки и спускались на спину или, черезъ плечо, на грудь. Ленты имѣли отъ 7 до 10 вершковъ длины и состояли изъ трехъ или четырехъ рядовъ спиралей, соединенныхъ бронзовыми обоймицами въ одну полосу; къ концу ленты привѣшивались двѣ или три кисти изъ бронзовыхъ бутылкообразныхъ привѣсокъ. У нѣкоторыхъ лентъ число спиралей, входившихъ въ составъ отдѣльныхъ звеньевъ, уменьшалось по мѣрѣ приближенія къ концу и послѣднее звено состояло изъ двухъ или одной спирали съ бутылкообразною привѣскою на концѣ.

Женщины имѣли большое пристрастіе къ височнымъ подвѣскамъ и височнымъ кольцамъ, замѣнявшимъ имъ обыкновенныя серьги, вошедшія въ употребленіе въ Рязанскомъ краѣ значительно позднѣе. Височныя подвѣски и кольца носили не въ ушахъ и не на ушныхъ раковинахъ, — ихъ обыкновенно прикрѣпляли тонкими ремешками къ головному убору такъ, что онѣ спускались на уши или немного ниже ихъ. При отсутствіи головнаго убора, височныя подвѣски прикрѣплялись къ волосамъ. На рязанско-окскихъ могильникахъ найдено 10 видовъ разныхъ бронзовыхъ височныхъ под-

вѣсокъ. Между ними особенно любопытны, по своей архаичной формѣ и способу ношенія, круглыя четырехъ и пятилопастныя височныя подвѣски; ихъ носили по одной подвѣскѣ съ каждой стороны. Самыя красивыя височныя подвѣски своею формою напоминаютъ позднѣйшія серьги; онѣ состоятъ изъ трехлопастной бронзовой пластинки, орнаментированной завитками, къ нижнему краю пластинки припаяна полоска съ двумя круглыми выступами на свободной сторонѣ, имѣющими по одному отверстию посрединѣ; въ каждое отверстіе пропущены два колечка, къ которымъ привѣшены по двѣ продолговатыя бутылкообразныя привѣски; верхнія узкія части привѣсокъ украшены сплошнымъ перевивомъ изъ тонкой проволоки. Височными подвѣсками служили и бронзовыя кольца разной величины (отъ $\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ вершковъ въ діаметрѣ), согнутыя изъ гладкой бронзовой или мѣдной проволоки. Крупныя кольца носили по одному или по два съ каждой стороны головы. Парныя кольца обыкновенно продѣвались одно въ другое. Мелкія кольца носили по одному, по два, иногда даже по 6 съ каждой стороны. Когда височныя подвѣски состояли изъ нѣсколькихъ колець, то они соединялись одно съ другимъ маленькими колечками и представляли короткую цѣпочку. Височныя кольца прикрѣплялись къ головному убору тонкими ремешками или пропускались сквозь лоскуты кожи, пришитой къ головной повязкѣ.

Судя по остаткамъ сохранившихся косъ, женщины убирала волосы двоякимъ способомъ, — или заплетали ихъ въ одну косу, или — въ двѣ косы. Косы всегда плели въ три пряди. Въ одномъ случаѣ, въ косу былъ вплетенъ вдвое согнутый круглый ремешокъ, повидимому, предназначенный поддерживать привѣску у конца косы; въ другомъ — въ косу была вплетена тесьма. Косы постоянно спускались вдоль спины, и только въ одной могилѣ, концы двухъ косъ были сложены крестообразно на верхней части груди, возлѣ шеи. При одномъ погребеніи, вмѣстѣ съ остатками красивой черной косы, было найдено возлѣ висковъ по одной прядкѣ волосъ, закрученныхъ въ колечки.

На шеѣ женщины носили бронзовыя гривны. По формѣ гривны были не такъ разнообразны какъ височныя подвѣски, — до настоящаго времени извѣстно 6 видовъ ихъ, если не принимать за различіе особенности въ устройствѣ застежекъ. Чаше другихъ видовъ попадались гривны изъ четырехгранной, какъ бы слегка скрученной, бронзовой проволоки, съ крючкомъ на одномъ концѣ и отверстіемъ на другомъ, нѣсколько расплюсченномъ, концѣ. Гривны съ круглыми коробками и плоскія — серповидныя носили исключительно однѣ женщины и никогда не встрѣчались на мужчинахъ. Въ бѣдныхъ женскихъ могилахъ или совсѣмъ не находили гривенъ, или находили гривны изъ гладкой и четырехгранной проволоки, всегда не больше одной; въ богатыхъ же могилахъ случалось находить по двѣ, по три, въ одномъ случаѣ — даже 6 гривенъ на одномъ костякѣ.

Кромѣ гривенъ, женщины украшали шею и верхнюю часть груди ожерельями. Ожерелья были довольно разнообразны по составу и способамъ группировки ихъ; они состояли изъ бусъ, бисера, спиралей и разнаго вида металлическихъ привѣсокъ. Бусы носили преимущественно изъ красной композиціи, напоминающей красный сургучъ; онѣ встрѣчались разной величины, — отъ небольшой горошины до лѣсного орѣха;

также довольно часто находили стеклянные изнутри золоченные или посеребренные бусы, отдѣльными зернами или слитыя по двѣ, по три, а мелкія — и болѣе. Смѣшанные низки изъ бусъ, спиралей и привѣсокъ составляли самыя красивыя ожерелья. У богатыхъ женщинъ ожерелья отличались разнообразіемъ и обиліемъ, — число низокъ иногда доходило до шести. Въ среднихъ могилахъ ожерелья имѣли по двѣ или по три низки; въ бѣдныхъ же могилахъ находили по одной низкѣ, а иногда не оказывалось ни одной.

На груди женщины носили, какъ украшеніе, обыкновенныя бронзовыя пряжки, у болѣе богатыхъ — встрѣчались крупныя круглыя ажурныя пряжки, съ пятью, шестью или семью лопастями, расположенными по наружной окружности кольца; эти пряжки отличаются изящною, красивою формою; особенно красивы ажурныя пряжки съ восьмью привѣсками (до $3\frac{1}{4}$ вершк. длины).

Къ нагруднымъ женскимъ украшеніямъ принадлежали крупныя круглыя бляхи, которыя изрѣдка попадались и въ мужскихъ могилахъ. Бляхи были двухъ видовъ: 1) съ отверстіемъ посрединѣ, прикрытымъ крышкою, и 6-ю треугольными прорѣзами, звѣздообразно расположенными кругомъ отверстія; 2) круглыя сплошныя бляхи съ двумя узкими пластинками, накрестъ прикрѣпленными къ наружной поверхности ихъ. Оба вида бронзовыхъ бляхъ носили только богатая женщины.

Въ богатыхъ женскихъ могилахъ находили остатки отъ ременныхъ поясовъ съ наборомъ изъ мелкихъ серебряныхъ или бронзовыхъ бляшекъ. Женскіе пояса были немного уже мужскихъ и рѣже встрѣчались.

Браслеты и кольца были любимыхъ украшеніемъ женщинъ, — ихъ носили богатая и бѣдныя женщины, съ тою разницею, что первыя надѣвали по нѣсколько браслетовъ на обѣ руки; тогда какъ у бѣдныхъ находили по одному простому браслету или по одному спиральному кольцу, преимущественно на правой рукѣ. По матеріалу и формамъ, браслеты и кольца были довольно однообразны; они выдѣлывались изъ бронзы; болѣе $\frac{2}{3}$ всего количества браслетовъ согнуты изъ толстой проволоки; не сведенные концы ихъ расплющены и закруглены или украшены грубымъ изображеніемъ головки змѣи; изрѣдка попадались браслеты съ головками какого-то животного на концахъ, и только на одномъ браслетѣ концы украшены изображеніемъ бородатой головы мужчины. Довольно рѣдко встрѣчались массивныя литыя браслеты съ утолщенными расходящимися концами; боковыя стороны, а также плоскости концовъ ихъ почти постоянно украшены перекрещивающимися или параллельными линиями, нарѣзанными вглубь. Также рѣдко встрѣчались плоскіе браслеты, согнутые изъ болѣе или менѣе узкихъ пластинокъ, совершенно гладкихъ или имѣвшихъ овальную наружную поверхность. Между женскими браслетами оказалось 3, составленныхъ изъ бронзовыхъ спиралей, въ три или четыре ряда нанизанныхъ на ремешки и скрѣпленныхъ бронзовыми плоскими обоймицами; на одномъ изъ нихъ звенья спиралей были прикрѣплены къ кожаному ремню; на другомъ — къ обоймицамъ сверху прикрѣплены круглыя бронзовыя розетки. На рукахъ одной женщины оказалось по одному спиральному браслету, свернутому въ 16 оборотовъ изъ узкой бронзовой пластинки, плоской на внутренней и слегка выпуклой со внѣшней стороны.

Бронзовые кольца, украшавшія пальцы рукъ, были въ большемъ употребленіи, но не отличались разнообразіемъ формы. Особенно часто встрѣчались спиральныя кольца въ 5, 6 и 7 оборотовъ. Широкія ажурныя кольца, съ прикрѣпленными къ нимъ сбоку коническими или плоскими привѣсками, носили только богатыя женщины. Также рѣдко попадались кольца, согнутыя изъ узкой пластинки, и кольца, имѣвшія форму жгутика.

При остаткахъ погребенія богатой женщины (Кузьминскій могильникъ) оказались бронзовыя украшенія на ногахъ, — по одной круглой вогнутой бляхѣ на колѣняхъ и по 8 парныхъ продолговатыхъ привѣсокъ, нашитыхъ на кожу, ниже колѣна; у щиколотокъ найдено по одной крупной бронзовой пряжкѣ съ длинною обоймицею и остаткомъ полуистлѣвшаго ремня. Такого рода украшенія найдены только въ одной могилѣ. Единственная находка не допускаетъ обобщеній, поэтому мы не будемъ останавливаться на описаніи этого вида украшеній, хотя они и любопытны, какъ почти единственное указаніе на характеръ женской обуви.

Изъ общаго описанія женской одежды и украшеній видно, — какимъ разнообразіемъ и пестротою отличался нарядъ древнихъ рязанокъ. Должно замѣтить, что въ Рязанскомъ краѣ особенности древней женской одежды и украшеній сохранялись долгое время. Даже въ уборахъ рязанокъ первой половины XIX ст. уцѣлѣло многое изъ далекой старины, — измѣнился нѣсколько матеріалъ одежды и украшеній, но общій характеръ ихъ потерпѣлъ незначительныя перемѣны.

Въ обыкновенныхъ дѣтскихъ погребеніяхъ находили украшенія тѣхъ же видовъ, какіе встрѣчались въ мужскихъ и женскихъ могилахъ, съ тою разницею, что при остаткахъ дѣтскихъ костюмовъ не было оружія и болѣе красивыхъ и богатыхъ украшеній. Инвентарь дѣтскихъ могилъ оказался болѣе бѣднымъ. Въ 3 дѣтскихъ могилахъ, между украшениями найденъ небольшой браслетъ, согнутый изъ обломка шейной гривны, нагрудная бляшка изъ отломанной крышки большой бляхи, небольшое колечко, согнутое изъ части кольца съ руки взрослого человѣка. Вообще, дѣтей хотя и украшали разными металлическими вещами, но въ ихъ нарядѣ не было цѣнныхъ украшеній.

Въ могилахъ съ остатками трупосожженій найдено то же оружіе, кромѣ мечей, и тѣ же украшения, только то и другое было въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ при обыкновенныхъ погребеніяхъ. Инвентарь трупосожженій не далъ ничего выдѣляющаго этотъ похоронный обрядъ отъ обыкновеннаго погребенія, и мы не имѣемъ никакихъ основаній, чтобы усомниться въ одновременномъ образованіи ихъ съ остальными видами погребеній и разсматривать ихъ какъ оставленныя другимъ народомъ, обитавшимъ здѣсь въ иную эпоху. Матеріалы, добытые раскопками, убѣждаютъ насъ, что рязанско-окскіе могильники оставлены древнимъ мѣстнымъ населеніемъ въ теченіе продолжительнаго, но послѣдовательнаго и непрерывнаго ряда лѣтъ.

Признавая же, что могилы съ разными формами похоронъ практиковались мѣстнымъ населеніемъ одновременно, является вопросъ, — чѣмъ вызывалось разнообразіе похоронной обрядности. Сравнивая бытовые предметы и украшения въ могилахъ съ разными формами похоронъ, мы не нашли въ нихъ никакого различія ни въ формахъ,

ни въ матеріалѣ и способахъ выдѣлки. Кромѣ того, богатые, среднія и бѣдныя могилы встрѣчались какъ съ обыкновенными погребеніями, такъ и съ остатками трупосожженій. Очевидно, выборъ того или другого похороннаго обряда не зависѣлъ отъ имущественнаго или сословнаго состоянія умершихъ. Рязанско-окскіе могильники вполне подтверждаютъ мнѣніе, высказанное А. А. Котляревскимъ, что богатство или бѣдность усопшихъ опредѣляла не самый обрядъ, но только его внѣшнюю обстановку.

Съ другой стороны, археологическія изслѣдованія Рязанской губерніи доставили несомнѣнное доказательство, что древнѣйшее мѣстное населеніе хоронило умершихъ только по обряду обыкновеннаго погребенія. На это указываютъ могилы, относящіяся къ неолитической эпохѣ каменнаго вѣка и подавляющее преобладаніе могилъ съ остатками обыкновенныхъ погребеній на болѣе древнихъ рязанскихъ могильникахъ. Такимъ образомъ, въ Рязанскомъ краѣ появленіе похоронъ съ предварительнымъ трупосожженіемъ оказывается болѣе позднимъ и несомнѣнно заноснымъ, появившимся здѣсь съ прибытіемъ иноплеменныхъ насельниковъ.

На основаніи приведенныхъ фактовъ, мы объясняемъ разнообразную форму похоронъ разноплеменнымъ составомъ населенія, оставившаго рязанско-окскіе могильники. Два или болѣе племенъ разнаго происхожденія, обитавшія въ Рязанскомъ краѣ въ эпоху образованія могильниковъ, хоронили умершихъ неодинаково, — у одного племени могло быть въ обычаѣ обыкновенное погребеніе, у другого — трупосожженіе и т. д. Продолжительная совмѣстная жизнь и взаимная метисація могли сгладить многія первоначальныя различія въ бытовыхъ формахъ жизни племенъ, волею или неволею слившихся въ одинъ народъ, не измѣняя различій въ ихъ похоронной обрядности. Такимъ образомъ, при одинаковой обстановкѣ внѣшняго быта, при полномъ сходствѣ одежды, оружія, орудій и украшеній, въ похоронныхъ обрядахъ могли удержаться первоначальныя формы, свойственныя каждому отдѣльному племени, вошедшему въ составъ населенія Рязанскаго края.

Въ настоящее время мы не можемъ точно опредѣлить народность всѣхъ племенъ, входившихъ въ составъ древняго мѣстнаго населенія: для этого у насъ не имѣется еще достаточнаго количества надежнаго матеріала. Историческія указанія на составъ населенія Окской долины слишкомъ неопредѣленны и шатки, чтобы на основаніи ихъ установить подобное опредѣленіе. Антропологическій матеріалъ, собранный во время раскопокъ рязанско-окскихъ могильниковъ, настолько бѣденъ, что довольно рискованно строить на немъ положительныя выводы по этому вопросу. По найденнымъ въ могилахъ остаткамъ костяковъ, мы можемъ составить понятіе лишь о наружныхъ признакахъ крупной части древняго населенія, — оно было средняго роста, коренастое, черноволосое, длинноголовое и среднеголовое¹⁾. Эти несомнѣнныя данныя, въ связи съ особенностями похоронной обрядности, съ характеромъ собраннаго въ могилахъ инвентаря и болѣе поздними вещественными памятниками, добытыми изъ рязанскихъ курганныхъ могильниковъ и древнѣйшихъ кладовъ, — позволяютъ заключить, что большая половина древняго населенія Рязанскаго края принадлежала къ одному изъ вос-

¹⁾ По опредѣленію А. Г. Рождественскаго и Н. И. Коротнева.

точно-финскихъ племенъ. Въ періодъ образованія рязанско-окскихъ могильниковъ эта часть населенія, повидимому, не была уже господствующею въ долинѣ средней Оки, — населеніе финскаго происхожденія уже утратило свою самостоятельность и вынуждено было уступить главенство пришлому воинственному конному племени, которое въ періодъ образованія могильниковъ, какъ мы полагаемъ, составляло значительную и высшую часть мѣстнаго населенія, отличавшуюся по своему характеру отъ коренного населенія Рязанскаго края. Прошлые завоеватели, по многимъ признакамъ, принадлежали къ степнымъ кочевникамъ тюркской народности. Относительно другихъ, менѣе значительныхъ частей населенія, ничего положительнаго нельзя сказать. Допуская гадательное предположеніе, можно думать, что могилы съ остатками трупосожженій, найденныя на рязанско-окскихъ могильникахъ, оставлены Славянами, переселившимися на берега средней Оки изъ сосѣднихъ славянскихъ областей; но наше опредѣленіе народности могилъ съ остатками трупосожженій — не болѣе какъ догадка. Что же касается немногихъ могилъ съ погребеніемъ въ сидячемъ положеніи, то народность ихъ остается для насъ темною загадкой. Мы не знаемъ, откуда занесенъ этотъ похоронной обрядъ. Погребенія въ сидячемъ положеніи найдены въ Тверской и Смоленской губерніяхъ, на югѣ Россіи, на Мцхетскомъ могильникѣ (въ Закавказьѣ), по свидѣтельству Плато-Карпини, Татары язычники также хоронили умершихъ въ сидячемъ положеніи.

Итакъ, главная масса древняго населенія Рязанскаго края, по нашему мнѣнію, была *финно-тюркскаго* происхожденія; быть можетъ, съ незначительною примѣсью *Славянъ*, если только вѣрна наша догадка о народности погребеній съ трупосожженіемъ.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о времени образованія рязанско-окскихъ могильниковъ, необходимо, хотя вкратцѣ, упомянуть объ особенностяхъ Борковскаго и Старорязанскаго могильниковъ, которыя пришлось мнѣ наблюдать во время раскопокъ.

На Придорожномъ бугрѣ Борковскаго могильника были обнаружены остатки болѣе поздняго поселка. Мы нашли 9 разрушенныхъ глинобитныхъ печей, внутри нѣкоторыхъ изъ нихъ, между подомъ и обвалившимися частями свода оказалась зола, мелкіе угольки и пепель, слившіеся въ плотную массу; въ золистомъ слоѣ попадались обломки глиняныхъ горшковъ, въ одной печи найдена желѣзная пластинка, въ другой — обломокъ плоской желѣзной сковороды. Развалившіяся печи находились на разной глубинѣ отъ поверхности земли, — отъ 2 до 11 вершковъ. На томъ же бугрѣ и близъ него были найдены нижнія части 27 истлѣвшихъ столбовъ, вертикально стоявшихъ въ землѣ на глубинѣ отъ 2 до 4 вершковъ отъ поверхности земли; остатки столбовъ имѣли отъ 7 до 12 вершковъ длины и отъ 2 до 3 вершковъ въ діаметрѣ. Первые изъ найденныхъ столбовъ подали поводъ къ неосновательной догадкѣ, — не представляютъ ли они остатки памятниковъ надъ погребеніями Борковскаго могильника. Впрочемъ, это заблужденіе скоро разсѣялось, — дальнѣйшія изслѣдованія рязанско-окскихъ могильниковъ выяснили истинное назначеніе столбовъ и удостовѣрили, что они не имѣютъ никакой связи съ могилами и не могутъ быть приурочены къ „столбамъ“ лѣтописи или надмогильнымъ памятникамъ. Кромѣ развалившихся печей и остатковъ — столбовъ, на той же части могильника, на глубинѣ 5 вершковъ отъ по-

верхности земли оказался пластъ черной лоснящейся земли, содержащій большое количество желѣзныхъ шлаковъ. Затѣмъ на Придорожномъ бугрѣ, на разной глубинѣ, найдено большое количество случайныхъ находокъ; между ними оказалось нѣсколько вещей, которыя по своей формѣ рѣзко отличались отъ аналогичныхъ предметовъ, собранныхъ въ могилахъ. Тутъ же въ 1874 и 75 годахъ были найдены два клада съ арабскими диргемами, чеканенными въ VIII и IX ст. по Р. Х. Большая часть диргемовъ относилась къ IX ст. Самыми древнѣйшими изъ извѣстныхъ намъ монетъ, бывшихъ въ кладахъ, были двѣ серебряныя сассанидскія монеты Хозроя II (VII ст.)¹⁾ и затѣмъ 5 аббасидскихъ диргемовъ VIII ст.; изъ новѣйшихъ мнѣ пришлось видѣть одинъ саманидскій диргемъ Насра, сына Ахмеда, царствовавшего съ 914 по 943 г. по Р. Х.

Всѣ поименованныя находки представляютъ остатки поселка, бывшаго на Придорожномъ бугрѣ. Ихъ нельзя отнести къ погребеніямъ Борковского могильника: между ними и могильнымъ инвентаремъ не замѣчается никакой связи. Различіе формъ между бытовыми предметами и украшениями, найденными въ могилахъ, и случайными отличительными находками, собранными на Придорожномъ бугрѣ, нахождение развалившихся печей и истлѣвшихъ столбовъ только на одной части Борковского могильника и полное отсутствіе ихъ на другихъ могильникахъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что печи, столбы, клады и другія вещи принадлежатъ къ другой, болѣе поздней эпохѣ. Ни въ одной изъ вскрытыхъ могилъ рязанско-окскихъ могильниковъ не найдено ни цѣлой монеты, ни мелкаго обломка отъ нихъ. Арабскія монеты появились въ Рязанскомъ краѣ послѣ образованія могильниковъ. Судя по времени чекана монетъ, клады были зарыты въ землю въ разное время, — одинъ въ концѣ IX ст., другой — въ концѣ X ст. Можно съ увѣренностію предполагать, что въ концѣ IX ст. поселокъ уже существовалъ надъ частью Борковского могильника. Слѣдовательно, рязанско-окскіе могильники древнѣе IX ст. Образование ихъ приблизительно мы относимъ къ VII и VIII ст. по Р. Х.

Рядомъ съ площадью Старорязанскаго могильника также находили арабскіе диргема аббасидскаго чекана, тогда какъ во вскрытыхъ могилахъ его не оказалось ни одной монеты.

На сколько можно судить по пробнымъ раскопкамъ, Старорязанскій могильникъ занимаетъ большую площадь, — не менѣе 4 десятинъ. Одна часть его лежитъ подъ городищемъ Старой Рязани, другая, вѣроятно, большая, выдвигается за оврагъ, пересѣкающій могильникъ, на поле крестьянъ села Шатрищи. Оврагъ разросся за послѣднія 60—70 лѣтъ; мѣстные крестьяне называютъ его „Черная рѣчка“. Отвѣсные берега оврага, протянувшагося версты на 2, съ каждымъ годомъ обваливаются, при чемъ нерѣдко на дно его выпадаютъ разныя вещи разрушенныхъ древнихъ могилъ. Изъ другихъ извѣстныхъ могильниковъ — Борковской также былъ раскинутъ на большой площади. Невольно обращаетъ на себя вниманіе совпаденіе основанія на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ историческихъ и доисторическихъ большихъ го-

¹⁾ Эти монеты сохраняются въ собраніи древностей А. В. Автонова археолога, съѣздѣ въ Ригѣ.

родовъ въ Рязанскомъ краѣ. Старая Рязань и Переяславль Рязанскій (нынѣшняя Рязань) были самыми заселенными центрами вел. кн. Рязанскаго. И оба они были основаны на мѣстѣ или рядомъ съ древнѣйшими большими селеніями Рязанскаго края. О величинѣ этихъ доисторическихъ поселковъ мы судимъ по обширности могильниковъ, оставленныхъ ихъ населеніемъ.

Многочисленные остатки культуры неолитической эпохи каменнаго вѣка, найденные въ разныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи, по берегамъ Оки и ея большихъ притоковъ, цѣлый рядъ древнихъ могильниковъ, открытыхъ за послѣдніе годы свидѣтельствуютъ о заселеніи Рязанскаго края съ древнѣйшихъ временъ. Инвентарь могильниковъ, отличающійся обиліемъ оружія и украшеній, представляетъ многочисленные вещественные памятники довольно развитой и своеобразной культуры. Вся обстановка погребеній, найденныхъ на рязанско-окскихъ могильникахъ, указываетъ на зажиточность древняго мѣстнаго населенія и на воинственный характеръ значительной его части.

Изучая остатки доисторическаго прошлаго Рязанскаго края, мы убѣждаемся, что задолго до прибытія на берега Оки южно-русскихъ князей Рязанскій край былъ заселенъ народомъ, вышедшимъ изъ дикаго состоянія и обладавшимъ зачатками общестственности и культуры.

Дальнѣйшія археологическія изслѣдованія, безъ сомнѣнія, еще болѣе расширятъ наше знакомство съ прошлымъ нашихъ отдаленныхъ предковъ.

Остатки древнихъ замковъ и земляныхъ сооружений по правому берегу Вислы, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Плоцкой и части Варшавской губерній.

Г. Воробьевъ.

По правому берегу Вислы между нѣмецкою границей и Варшавой можно еще встрѣтить остатки старинныхъ замковъ и земляныхъ сооружений — окоповъ, насыпей, кургановъ и т. п.

Въ Плоцкѣ, приблизительно въ концѣ XI вѣка, построенъ былъ на берегу Вислы, неподалеку отъ кафедральнаго собора, деревянный замокъ, въ которомъ проживали владѣтели Плоцка — князья Мазовецкіе и даже нѣкоторые короли польскіе, имѣвшіе здѣсь свою резиденцію, а именно: Владиславъ-Германъ и сынъ его — Болеславъ III Кривоустый¹⁾. Въ 1354 г. король польскій Казиміръ Великій построилъ намѣсто этого деревяннаго замка, пришедшаго въ ветхость, новый каменный и обвелъ его — двойной каменной стѣной и двойными рвами для защиты города и всей вообще Мазовіи отъ набѣговъ Пруссавъ и крестоносцевъ. Въ 1657 г. Шведы вторгнулись въ Плоцкъ, разорили городъ и совершенно разрушили замокъ. Остатки замковыхъ стѣнъ разобраны были Пруссавами, владѣвшими краемъ, въ концѣ прошлаго столѣтія. Отъ замка уцѣлѣли двѣ башни; одна — надъ Вислой, стоявшая при замковыхъ воротахъ и служившая тюрьмой. Изъ опасенія, чтобы верхняя часть этой башни не обрушилась на примыкавшій костелъ бенедиктинскій (нынѣшнее зданіе женской гимназіи) 18 іюля 1799 г. послѣдовало постановленіе на сеймикѣ въ Раціонжѣ о снесеніи верхней части (почти половины) башни, что и исполнено было тогда же. Оставшуюся часть башни покрыли крышей. Въ такомъ видѣ этотъ историческій памятникъ древности существуетъ въ Плоцкѣ и понынѣ²⁾. Другая башня стоитъ подалеже отъ берега, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ кафедральнаго собора (къ с.-з.); представляется она въ видѣ высокаго и довольно широкаго четырехугольнаго столпа, оканчивающагося круглымъ

¹⁾ Они и погребены въ Плоцкомъ кафедральномъ соборѣ. Объ этомъ соборѣ — въ своемъ родѣ тоже замѣчательномъ памятникѣ старины — см. нашу ст. „Кафедральный соборъ въ Плоцкѣ“ въ *Историческ. Вѣст.* 1895 г., т. LXII, стр. 543—560.

²⁾ Видъ этой башни помѣщенъ нами, въ числѣ прочихъ рисунковъ историческихъ памятниковъ Плоцка, на стр. 452 т. XLIX *Всемирной Иллюстр.* (1893 г.). О безцеремонномъ обращеніи съ этимъ памятникомъ сдѣланы въ свое время указанія въ *Нов. Врем.* (№ 5915) и въ *Истор. Вѣст.* (октябрь 1882 г.).

куполомъ съ четырьмя небольшими башенками по угламъ. На ней болѣе, чѣмъ на первой, видны слѣды позднѣйшихъ передѣлокъ, и только кладка нижней части башни свидѣтельствуесть о ея древнемъ происхожденіи. Въ настоящее время она служитъ соборной колокольней¹⁾.

Въ посадѣ Бобровникахъ, Липновскаго уѣзда, Плоцкой губ.²⁾, существуютъ еще остатки стѣнъ замка, построеннаго крестоносцами въ XV в. По пространству, занимаемому развалинами, и объему фундамента можно судить, что замокъ былъ весьма обширный и массивный, и такимъ образомъ вполне соответствовалъ военнымъ цѣлямъ. До послѣдняго раздѣла Польши здѣсь было хранилище городскихъ и земскихъ дѣлъ Добржинской земли. Разрушеніе замка началось еще при прусскомъ правительствѣ.

Въ уѣздномъ городѣ плоцкой губ. — Рыпинѣ³⁾, при въѣздѣ въ него съ Серпецкаго тракта, сохранились каменные ворота — остатокъ укрѣпленій, сооруженныхъ въ XIV ст. бывшими владѣльцами Рыпина, князьями Добржинскими и Ленчицкими. По мѣстнымъ рассказамъ, еще двадцать лѣтъ назадъ, здѣсь были развалины стариннаго княжескаго замка, часть стѣны съ башнею и фортификаціонныя укрѣпленія⁴⁾.

Въ деревнѣ Радзике-Дуже, гмины Вомпельскъ, Рыпинскаго уѣзда, есть еще нѣкоторые слѣды стѣнъ, существовавшихъ тамъ когда-то замка. Судя по ихъ расположенію и толщинѣ — замокъ этотъ въ свое время имѣлъ оборонительное назначеніе.

Въ посадѣ Шренскѣ, Млавскаго уѣзда, Плоцкой губ., видны развалины замка, построеннаго, по свидѣтельству польскаго историка Свѣнцикаго („Hist. patrijst.“), Плоцкимъ воеводою Феликсомъ Шренскимъ, умершимъ, какъ видно изъ надгробія, находящагося въ Шренскомъ костелѣ, 30 марта 1630 года. Замокъ былъ опоясанъ каменною стѣною и рвомъ, которые, по словамъ мѣстныхъ старожиловъ, существовали еще въ началѣ настоящаго столѣтія. Въ стѣнѣ, со стороны посада, находились ворота, въ которыя велъ, переброшенный черезъ ровъ, мостъ. По угламъ стѣнъ возвышались четыре круглыя башни, съ бойницами. Въ Шренскомъ замкѣ, стоящемъ уединенно среди болотъ, во время Барской конфедераціи имѣли пребываніе многіе конфедераты. При прусскомъ правительствѣ одинъ изъ тогдашнихъ владѣльцевъ Шренска снесъ стѣны замка, оставивъ только одинъ жилой домъ.

Въ уѣздномъ городѣ (Плоцкой губ.) Цѣхановѣ, на берегу рѣки Лыдыни, находятся развалины замка, построеннаго кн. Мазовецкимъ Янушемъ и позднѣе передѣланнаго королевою Боною, супругою Сигизмунда I. По расположенію стѣнъ замка, составляющихъ правильный четырехугольникъ, по толщинѣ, вышинѣ и прочности послѣднихъ можно предполагать, что замокъ этотъ имѣлъ предназначеніе чисто военное, для защиты отъ набѣговъ непріятеля. Съ одной стороны замка протекаетъ рѣчка Лыдыня; съ другой — проведенный отъ нея искусственный каналъ, наполненный водою, а съ прочихъ сторонъ лежатъ болота, что дѣлаетъ пунктъ этотъ неприступнымъ. На двухъ

¹⁾ Рисунокъ — во *Всем. Иллюстр.* XLIX, 452.

²⁾ 59 вер. отъ Плоцка.

³⁾ 69 вер. отъ Плоцка.

⁴⁾ Нельзя не пожалѣть, что наши мѣстныя власти не слѣдуютъ примѣру своихъ прусскихъ собратьевъ въ дѣлѣ охраненія историческихъ памятниковъ старой Польши отъ уничтоженія.

углахъ южной, обращенной къ городу, стороны стоятъ двѣ башни, изъ которыхъ восточная служила тюрьмою, а западная — арсеналомъ. Первая имѣла одинъ лишь входъ вверху, черезъ небольшое круглое отверстіе, въ которое преступниковъ опускали на веревкахъ на дно башни. Надо думать, что рѣдко кто могъ высидѣть болѣе или менѣе продолжительное время въ такой тюрьмѣ. Опущенный сюда считался живо погребеннымъ. Вторая башня имѣла входъ снизу, по каменной лѣстницѣ, вдѣланной въ стѣну. Наверху обѣ башни обрамлены были зубчатою отдѣлкой и бойницами, въ которыхъ сосредоточивались оборонительныя силы и куда, судя по врѣзавшимся около нихъ въ стѣну ядрамъ, направлялись, главнымъ образомъ, дѣйствія непріятели. До XVI вѣка замокъ служилъ мѣстопребываніемъ многихъ Мазовецкихъ князей. Еще въ 1646 г. внутреннія постройки его находились въ цѣлости и представляли удобныя жилища помѣщенія, такъ что 1 марта того года ночевала здѣсь Марія-Людвика, вторая супруга короля Владислава IV. Послѣ первой Шведской войны, въ 1657 г., вмѣстѣ съ Цѣхановымъ палъ и замокъ, отъ котораго остались только наружныя стѣны и небольшая одноэтажная постройка внутри, служившая до послѣдняго раздѣла Польши судилищемъ и архивомъ. По занятіи части края прусскимъ правительствомъ, мѣстность, на которой расположенъ замокъ, составлявшая староство Опиногурское, обращена была въ казенное имѣніе, арендаторъ котораго разобралъ всѣ внутреннія постройки замка, а кирпичъ употребилъ на болѣе практичное съ его точки зрѣнія дѣло, именно построилъ изъ него пивоваренный заводъ. Остовъ замка сохранился хорошо и по виду своему принадлежитъ къ наиболѣе замѣчательнымъ памятникамъ древности въ Польшѣ¹⁾.

Кромѣ перечисленныхъ еще не такъ давно встрѣчались развалины замковъ во многихъ городахъ и мѣстностяхъ по правому берегу Вислы (въ Вышгородѣ, Добржинѣ, Закрочимѣ — на высокихъ холмахъ, круто опускающихся къ Вислѣ, въ пос. Радзановѣ — на искусственной насыпи, среди болотъ, въ Модлинѣ Червинскѣ, но нынѣ не осталось отъ нихъ и слѣдовъ²⁾).

Переходя затѣмъ къ землянымъ сооружениямъ, прежде всего замѣтимъ, что всѣ они издали похожи на курганы или могильныя насыпи. При ближайшемъ и внимательномъ разсмотрѣніи ихъ оказывается, что они составляютъ или составляли правильный кругъ, съ углубленіемъ или котловиною посрединѣ. Нѣкоторые окопы представляютъ по два и даже по три ряда такихъ насыпей, расположенныхъ кругами, въ правильныхъ другъ отъ друга интервалахъ. Исслѣдователь мѣстной старины В. Гаварецкій, основываясь на авторитетныхъ по этому вопросу сочиненіяхъ Раковецкаго

¹⁾ Видъ его помѣщенъ нами во *Всем. Иллюстраціи* (1894 г.) т. LI, стр. 276.

²⁾ Въ Модлинѣ, на мѣстѣ котораго теперь возвышаются грозныя Новогеоргіевскія укрѣпленія, еще при Янѣ-Казимірѣ существовала сильная крѣпость, подробно описанная Самуиломъ Пуфендорфомъ въ его „Дѣянїяхъ“ Карла-Густава (Нюр. 1696). Въ Червинскѣ (одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ польскихъ, нынѣ незначительный посадъ Плонскаго уѣзда, Варшавской губ.), на холмѣ при Вислѣ, стоялъ нѣкогда замокъ, обращенный въ 1-й пол. XII в. въ монастырь братства „канониковъ латеранскихъ“ (нынѣ женскій монастырь норбертанокъ). Въ настоящее время, вслѣдствіе неоднократныхъ перестроекъ и переделокъ, не осталось и слѣдовъ замка. Но тѣмъ не менѣе первобытный строительный матеріалъ монастырскаго костела, состоящій изъ массивнаго мѣстнаго камня гранитной породы, и сохранившіеся еще при костелѣ двѣ башни свидѣтельствуютъ о несомнѣнной своей глубокой древности. Видъ Червинска, съ его древнимъ аббатствомъ,

Вислы весьма поэтиченъ.

(„Ostanie cywilnym dawnych slowian“) и Суровецкаго („Sledzenie początków państw slowianskich“), утверждаетъ, что не всѣ такіе окопы сооружены съ военными цѣлями. Нѣкоторые изъ нихъ, а именно самые громадныя, имѣющіе видъ окружностей съ котловинами посрединѣ, относятся еще къ первымъ вѣкамъ славянской осѣдлости въ Европѣ и извѣстны подъ именемъ континъ (kontiny). Сюда древніе Славяне собирались или для совѣщаній подъ руководствомъ старѣйшинъ, или для языческихъ богослуженій. Окопы эти, по большей части, извѣстны нынѣ въ народѣ подъ именемъ шведскихъ. Легко допустить, что Шведы, не разъ побывавшіе въ здѣшней сторонѣ въ XVII ст., пользовались нѣкоторыми изъ этихъ древнихъ окоповъ и останавливались при нихъ, какъ наиболѣе удобныхъ оборонительныхъ пунктахъ, почему народъ и сохранилъ за окопами этими названіе шведскихъ. Выдающіеся изъ этихъ „земляныхъ памятниковъ“ слѣдующіе.

Въ Плоцкой губерніи.

Въ направленіи отъ пос. Бѣльска до пос. Дробина, въ Плоцкомъ уѣздѣ, при шоссеиной дорогѣ, въ 23 вер. отъ губернскаго города, на земляхъ имѣнія Мокржкъ, находится кругообразная насыпь, имѣющая видъ батареи. Площадь ея (безъ рововъ и валовъ) въ длину $27\frac{1}{2}$, а въ ширину $22\frac{1}{2}$ саж.; окружность — 75 саж. Поверхность площади насыпи ровная. Вокругъ насыпи, со стороны имѣнія Ультово и Мокржкъ, идетъ насыпной валъ, длиною 95, а шириною 1 саж.; съ западной стороны находится спускъ къ ручью, а съ сѣверной вѣздъ на насыпь. Валъ прежде былъ гораздо выше, лѣтъ 25 назадъ его начали разбирать при проведеніи шоссеиной дороги.

У дер. Вильканово, гмины Свенцице, того же уѣзда, на протяженіи $\frac{1}{4}$ вер. по правой сторонѣ дороги, ведущей къ дер. Наквасинъ, среди луговъ находится поросшій кустарниками курганъ кругообразной формы, съ впадиной на верхней поверхности. Окружность его 100 шаговъ. Въ 1873 г. курганъ этотъ былъ раскопанъ археологомъ, графомъ А. Пржездзецкимъ и при этомъ найдены: уголь, кирпичъ и пепель. Подробная опись кургана и найденныхъ въ немъ вещей напечатана въ „Bibliot. Warszawsk.“ за 1873 г.

Въ той же гминѣ, у дер. Оршимово, на протяженіи не болѣе 250 шаговъ, находится курганъ, тоже съ углубленіемъ наверху. Подробное описаніе его помѣщено въ той же „Bibliot. Warszaw.“ за 1873 г.

Такіе же точно курганы существуютъ: около деревень: Дрвалы (11 вер. отъ Плоцка), Пробощевице (14 в. отъ П.), Бульково (28 в.) и подъ заштатнымъ городомъ Вышгородомъ — въ Плоцкомъ уѣздѣ, въ дер. Заржичево, подъ деревнями Тупадлы, Моково и посадомъ Скемпе — въ Липновскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ пос. Раціонжа — въ Серпецкомъ уѣздѣ и у дер. Радзики — въ Роспинскомъ уѣздѣ. Не мало „земляныхъ памятниковъ“ и въ Млавскомъ уѣздѣ. Такъ, у д. Увержижъ, гмины того же имени, имѣется земляная насыпь, въ родѣ батареи. Площадь ея продолговатая, четырехугольная, длиною 120, шириною 60 и окружностью 360 шаговъ. Поверхность площади поросла лѣсомъ; съ восточной стороны устроены вѣздъ. Мѣстные жители, при вывозѣ изъ него земли, находятъ желѣзные кольца, мѣдныя пряжки конской упряжи, кости и т. п.

На разстояніи 2-хъ верстъ отъ дер. Богуржина и Завады, видна земляная насыпь, подобная предыдущей. Площадь этой насыпи, расположенной въ сухой, низкой и безлѣсной мѣстности, кругообразна.

Подобный же окопъ, поросшій кустарникомъ и омываемый съ с.-в. и ю.-з. сторонъ ручьемъ, сохранился почти въ цѣломъ видѣ (съ южной стороны немного разсыпанъ) между дер. Нидзгора и Милотки въ гминѣ Зелена. Внутренняя часть его въ длину и ширину = 92 шагамъ; окружность же его 103 шага. Вышина вала до 5 саж. Сооруженіе окопа приурочивается народомъ къ Шведамъ.

На разстояніи 1 вер. отъ деревень Ступскъ и Дембскъ и $\frac{1}{2}$ вер. отъ д. Стржалково, гмины Ступскъ, въ лѣсу имѣнія Ступскъ, находится земляная насыпь, поросшая травой, вышиною 2 и шириною 62 аршина, со входомъ съ ю.-з. стороны, насыпанная, по народному преданію, также къ Шведами.

Въ дер. Шидлово (гмина Дембскъ), по правой сторонѣ шоссе, по направленію изъ Млавы въ уѣздн. г. Праснышъ, находятся соединенные, между собой три земляные вала, поросшіе кустарниками. Противъ первой внутренней площади вала есть еще особая трехугольная насыпь съ внутреннею болотистою площадью.

При дер. Славогура-Старая, у дороги, существуетъ древнее кладбище. На могилахъ положены камни различной величины и формы. Судя по наружному виду, нѣкоторыя изъ могилъ были семейныя. По показанію окрестныхъ жителей, на кладбищѣ были производимы раскопки съ научною цѣлью, при чемъ подъ камнями найдены горшки съ пепломъ и человѣческія кости. Пространство кладбища = 200 □ аршинъ.

Въ Варшавской губерніи.

По правую сторону тракта, ведущаго отъ уѣзднаго города Плонска, въ посадѣ Сохоцинѣ, не болѣе полуверсты отъ сохоцинскаго моста, при р. Дзялдовкѣ, на землѣ д. Бѣле-бржезница, находится насыпь, почему-то носящая здѣсь названіе „наполеоновской горы“¹⁾. Насыпь эта со стороны р. Дзялдовки вышиною около 7 саж., со стороны же дер. Бѣле-бржезницы, при заслоняющемъ хвойнякѣ на довольно обширномъ и гористомъ пространствѣ, равно какъ и со стороны тракта — мало замѣтна. Поверхность ея представляетъ собою квадратное, довольно обширное углубленіе среди котораго растутъ нѣсколько березъ и остаются едва замѣтными слѣды давно сгнившихъ пней.

Шесть съ небольшимъ лѣтъ назадъ Варшавскимъ университетомъ было получено сообщеніе войта гм. Помѣхово, г. Веселовскаго, объ открытіи на поляхъ дер. Коссево, Плонскаго же уѣзда, доисторическаго кладбища. Обслѣдованіе мѣста находки, порученное университетомъ проф. Д. Я. Самоквасову, привело къ открытію остатковъ гробницы (неолитическаго) періода. Описаніе этой гробницы помѣщено въ № 145 „Правит. Вѣст.“ 1890 г.

¹⁾ Старожилы рассказываютъ, что эта насыпь дѣло рукъ Французовъ и, будто бы, относится къ тому времени, когда Наполеонъ I, послѣ дѣла подъ Фриландомъ (14 іюня 1807 г.), квартировалъ въ Сохоцинѣ, въ сохранившемся до сихъ поръ деревянномъ домикѣ. Другое существующее мнѣніе, приурочиваетъ возникновеніе сохоцинской насыпи ко временамъ Карла XII шведскаго.

Къ вопросу объ одновременности существованія человѣка и мамонта.

Н. Э. Казценко.

Одновременное существованіе человѣка и мамонта считается въ настоящее время почти вполне прочно установленнымъ фактомъ. И, дѣйствительно, въ пользу этого мнѣнія имѣются довольно убѣдительныя данныя. Значеніе давно извѣстныхъ доисторическихъ рисунковъ мамонта и разныхъ подѣлокъ изъ мамонтовыхъ костей, правда, еще могло быть оспариваемо, но въ послѣднее время накопилось большое количество новыхъ фактовъ. Не говоря уже о томъ, что мамонтовыя кости нерѣдко были находимы въ тѣхъ же самыхъ слояхъ, въ которыхъ оказывались налицо также и кости человѣка или продукты его дѣятельности, особеннымъ и рѣшительнымъ доказательствомъ одновременнаго существованія человѣка и мамонта по справедливости считаются такого рода случаи, когда не только въ одномъ мѣстѣ съ мамонтовыми костями были находимы слѣды присутствія человѣка, такіе, напр., какъ каменные и костяныя издѣлія, но еще и сами мамонтовыя кости были расколоты, обожжены, или вообще носили на себѣ болѣе или менѣе ясныя слѣды употребленія человѣкомъ въ пищу различныхъ составныхъ частей тѣла мамонта. Такого рода находки были описаны Ф. И. Каминскимъ и К. М. Теофилактовымъ въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губ., графомъ Уваровымъ въ Муромскомъ уѣздѣ Владимирской губ., И. С. Поляковымъ и А. И. Келсіевымъ въ Воронежскомъ уѣздѣ, В. Б. Антоновичемъ и П. Я. Армашевскимъ въ Кіевѣ. Въ западной Европѣ изрѣдка также попадаются подобнаго рода находки, какъ это можно видѣть, напр., изъ описаній Сидеро и Маковского.

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ характеръ находокъ былъ приблизительно одинъ и тотъ же. Именно, вмѣстѣ съ каменными орудіями, иногда также древеснымъ углемъ, золой и мелкими кусочками перегорѣлой кости, находимы были массы костей, принадлежащихъ различнымъ животнымъ и носящихъ на себѣ слѣды употребленія этихъ животныхъ въ пищу человѣкомъ. Кости мамонта встрѣчались здѣсь разрозненными, перемѣшанными съ костями другихъ, самыхъ разнообразныхъ, животныхъ и всегда оказывались принадлежащими различнымъ, обыкновенно даже весьма многимъ индивидуумамъ. Собственно скелета мамонта, т.-е. костей одного определеннаго

индивидуума, съ признаками употребленія его въ пищу человѣкомъ, насколько мнѣ извѣстно, находимо не было. Всѣ упомянутыя только что находки не могутъ быть принимаемы за что-либо другое, какъ только за кучи разнообразныхъ отбросовъ, которыя накопились у мѣстъ стоянки доисторическаго человѣка каменнаго періода. Заслуживаетъ упоминанія еще и то обстоятельство, что въ Сибири, несмотря на извѣстное всѣмъ богатство этой страны мамонтовыми остатками, ни разу до настоящаго года ничего подобнаго находимо не было, и такимъ образомъ вопросъ о томъ, была ли въ эпоху мамонта обитаема также и Сибирь, съ увѣренностью не могъ быть разрѣшенъ.

Въ настоящемъ докладѣ я, именно, имѣю въ виду обратить вниманіе Съѣзда на единственный въ своемъ родѣ случай, изслѣдованный мною въ текущемъ году вблизи Томска. Единственнымъ въ своемъ родѣ я называю его во-первыхъ потому, что онъ рѣшаетъ поставленный выше вопросъ относительно Сибири, а во-вторыхъ потому, что здѣсь идетъ дѣло не о кучѣ разнообразныхъ костей, а о почти полномъ скелетѣ одного опредѣленнаго индивидуума мамонта, носящемъ, по моему мнѣнію, несомнѣнные признаки того, что это животное было употреблено въ пищу современнымъ ему человѣкомъ.

Мѣсто, гдѣ найденъ мамонтъ, находится на берегу р. Томи, вблизи г. Томска, въ разстояніи не болѣе полуверсты отъ его крайнихъ домовъ. Здѣсь берегъ р. Томи образуетъ крутой обрывистый мысъ, возвышающійся надъ уровнемъ рѣки на 20 сажень. Геологическій обзоръ этой мѣстности, произведенный по моей просьбѣ хранителемъ минералогическаго и геологическаго кабинета Томск. университета А. Н. Державинымъ, показалъ, что основаніе берега составляетъ глинистый сланецъ, верхняя поверхность котораго достигаетъ высоты 6 саж. надъ уровнемъ р. Томи. Надъ глинистымъ сланцемъ до высоты нѣсколько менѣе 18 сажень, располагаются слоистые болѣе или менѣе глинистые пески, содержащіе пласты гальки и зеленовато-сѣрой глины. Всю эту мощную толщу, занимающую до 12 сажень въ вертикальномъ направленіи, А. Н. Державинъ рассматриваетъ какъ прибрежное отложеніе обширнаго водоема, существовавшаго здѣсь въ третичный періодъ. Самый верхній слой этой толщи составляетъ мелкій свѣтлый песокъ, ближайшій же къверху слой гальки располагается на высотѣ 15 сажень отъ уровня р. Томи. Наконецъ, верхняя толща обрыва, занимающая нѣсколько болѣе 2 сажень, состоитъ изъ богатой углесолями лёссовидной глины, прикрытой слоемъ суглинка, переходящаго къверху въ черноземъ. Эта толща по всѣмъ признакамъ имѣетъ воздушное происхожденіе.

Сбоку обрыва въ него впадаетъ боковой оврагъ недавняго происхожденія. На правомъ краю этого оврага и обнаружили кости мамонта, вслѣдствіе новаго обвала земли, происшедшаго весной настоящаго года. Первое извѣстіе было получено мной отъ одного горшечника утромъ 15-го апрѣля, и въ этотъ же день начаты были раскопки, которыя пришлось вести съ большимъ трудомъ, такъ какъ земля была еще совершенно мерзлой. Какъ показали раскопки, замерзаніе простиралось на глубину отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 метровъ въ вертикальномъ и почти на столько же въ горизонтальномъ направленіи, отъ края оврага. Кости оказались лежащими на глубинѣ $3\frac{1}{2}$ метровъ,

но такъ какъ онѣ располагались вблизи оврага, то положеніе большей части изъ нихъ приходится на долю замерзшаго пространства. Раскопки велись такимъ образомъ, что ни одна кость не была ни вынимаема, ни сдвигается до тѣхъ поръ, пока не обнажилась вся плоскость, на которой онѣ были разсѣяны. Когда же была расчищена площадка, занимавшая около 28 кв. метровъ, то кости были очищены съ ихъ верхней поверхности и сфотографированы въ томъ самомъ положеніи, какое онѣ имѣли, находясь въ землѣ. Затѣмъ, однако, раскопки были расширены, такъ что вся площадь раскопокъ заняла около 60 кв. метровъ. На прилежащихъ частяхъ этого вновь раскопаннаго пространства найдено еще нѣсколько мелкихъ костей. Далѣе же по периферіи не попадалось болѣе ни костей, ни описанныхъ ниже признаковъ присутствія человѣка (угля, кремней и пр.). Площадь, занимаемая костями, представляла приблизительно форму неправильнаго овала, одинъ боковой сегментъ котораго срѣзанъ краемъ обрыва. Какъ показываютъ фотографіи, кости были расположены въ полномъ безпорядкѣ, такъ что, напр., черепъ и первый шейный позвонокъ (атлантъ) располагались вблизи двухъ противоположныхъ концовъ овала. Позвонки всѣ разъединены и разбросаны по одиночкѣ между другими костями. Точно такъ же кости разныхъ конечностей совершенно перепутаны между собой. Ребра отчасти цѣлыя, отчасти въ кускахъ, разбросаны повсюду, и, что особенно интересно, они расположены подъ другими болѣе крупными костями, такъ какъ будто они были объѣдены и брошены на землю раньше, чѣмъ громоздкія и тяжелыя кости. Подъ костями и между ними повсюду располагается только изрѣдка прерывающійся слой прекрасно сохранившагося древеснаго угля, достигающій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толщины 10 мм. Подъ углемъ, въ свою очередь, находится приблизительно такой же толщины слой покраснѣвшей и уплотненной, вслѣдствіе обжиганія, глины. Въ двухъ мѣстахъ, гдѣ по всей вѣроятности долѣе всего были разводимы костры, слои угля и обожженной глины располагались сплошнымъ и достигающимъ максимальной толщины слоемъ. Благодаря присутствію этой почти непрерывной прослойки древеснаго угля, можно было опредѣлить рельефъ почвы того времени, когда костры разводились. Оказалось, что вблизи оврага поверхность почвы была почти совершенно плоска, затѣмъ она слегка возвышалась и на разстояніи около 3 метровъ отъ края оврага начинался довольно крутой подъемъ. Здѣсь, на возвышеніи, находился одинъ изъ уже упомянутыхъ остатковъ костра, особенно обширный и съ значительнымъ количествомъ кусковъ перегорѣлыхъ костей. Крупныя кости, расположенныя въ другихъ мѣстахъ, были только покрыты углемъ съ одной стороны (нижней), но не носили на себѣ слѣдовъ продолжительнаго дѣйствія огня. Въ одномъ мѣстѣ было найдено два куска полуистлѣвшаго дерева, длиной приблизительно отъ 10 до 15 сантим., толщиной и шириной до 2 сантим. Это дерево передано для изслѣдованія проф. В. В. Сапожникову, которому пока удалось выяснитъ, что остатки принадлежатъ какой-то лиственной породѣ. Наконецъ, здѣсь же, между костями и подъ ними, часто въ непосредственномъ съ ними соприкосновеніи, найдено значительное количество кремневыхъ осколковъ, очевидно отбитыхъ искусственно, такъ какъ они почти всегда носятъ слѣды удара (Schlagmarke). Чаше всего они попадаютъ въ самое

угольномъ слоѣ, и во всякомъ случаѣ внѣ предѣловъ того пространства, на которомъ располагаются кости и уголь, а равно выше и ниже этой плоскости они совершенно не встрѣчаются (для полной увѣренности въ этомъ, площадка, по уборкѣ костей, была раскопана вглубь еще приблизительно на $\frac{1}{2}$ метра, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и глубже).

Перехожу теперь къ болѣе подробному описанію главныхъ объектовъ: костей и кремневыхъ осколковъ. Скелетъ мамонта оказался почти совершенно полнымъ. Недостають только нѣсколькихъ позвонковъ (между прочимъ, второго шейнаго), глазоваго конца одного изъ бедеръ, значительной части мелкихъ костей изъ переднихъ и заднихъ ступней и нѣсколькихъ реберъ. Впрочемъ, такъ какъ многія ребра найдены разбитыми, то съ точностью выяснить, какихъ именно изъ нихъ недостають, затруднительно. Тѣ изъ трубчатыхъ костей, которыя не были раздроблены, нижняя челюсть, кости ступней, а также атлантъ и нѣкоторые другіе позвонки, сохранились прекрасно. Плоскія же кости сохранились хуже, такъ что иногда ломались при выемкѣ и доставкѣ на мѣсто. Принадлежность всѣхъ костей одному и тому же экземпляру мамонта (вида *E. primigenius*) не можетъ быть подвергаема никакому сомнѣнію, такъ какъ ни одна кость не найдена въ двухъ однородныхъ экземплярахъ, а всѣ въ числѣ одного праваго и одного лѣваго экземпляра, вполне соответствующихъ другъ другу. Мамонтъ, видимо, былъ молодъ, такъ какъ эпифизы его костей отчасти были найдены въ отдѣлившемся состояніи (однако сохраняющими свое правильное отношеніе къ діафизамъ), отчасти легко отдѣлялись при дальнѣйшихъ манипуляціяхъ съ костями. Нужно замѣтить, что нѣкоторыя кости (нижняя челюсть, нѣсколько кусковъ реберъ и кусокъ плечевой кости, прекрасно пришедшійся къ другому ея куску, откопанному мной) были унесены до начала раскопокъ и отчасти распроданы тѣмъ самымъ горшечникомъ, отъ котораго я узналъ объ открывшемъ кости обвалѣ. Но затѣмъ унесенныя кости были отчасти выкуплены мной, отчасти добровольно предоставлены мнѣ. Что касается черепа, то въ одномъ мѣстѣ обрыва еще до начала раскопокъ мною были замѣчены куски характерной порозной кости изъ лобныхъ пазухъ мамонта, каковое обстоятельство и заставило предполагать, что черепъ разбитъ искателями. Однако, при раскопкахъ оказалось, что черепъ лежитъ хотя и близко отъ края обвала, но на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, въ еще нетронутой замерзшей землѣ. Онъ оказался не имѣющимъ свода, который совершенно раздробленъ. Куски отъ свода черепа найдены разбросанными на площадкѣ раскопокъ между другими костями и, что особенно интересно, нѣкоторые такіе куски были найдены въ угольномъ слоѣ большого кострища (на возвышеніи). Такъ какъ это кострище находилось на глубинѣ около 3 метровъ отъ нынѣшней поверхности земли и приблизительно на такомъ же разстояніи отъ края обвала, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что черепъ разбитъ не теперь, но тогда же, когда мамонтъ погибъ. Что касается бивней, то два куска, повидимому отъ одного и того же бивня, и нѣсколько мелкихъ кусковъ найдены въ разныхъ мѣстахъ той же площадки. Такъ какъ эти куски сохранились очень плохо и рассыпаются при малѣйшихъ манипуляціяхъ съ ними, то трудно судить о томъ, дѣйствительно ли одного изъ бивней недостають. Сравнительно хорошо сохранился

небольшой плоскій осколокъ отъ концевой части бивня, отбитый наискось. Осколокъ этотъ, судя по его величинѣ и формѣ, могъ бы, пожалуй, служить для скобленія или другихъ подобныхъ дѣйствій, однако онъ не представляетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ искусственной обработки или хотя бы искусственного отбиванія, а потому гораздо вѣроятнѣе, что онъ отбитъ самимъ мамонтомъ, можетъ-быть во время предсмертной его борьбы.

Изъ трубчатыхъ костей самыя большія и содержащія наибольшее количество костяного мозга, именно оба бедра и одно плечо, раздроблены отчасти на крупные куски, отчасти на мелкіе осколки. Крупные куски мною подобраны одинъ къ другому, такъ что общая форма раздробленныхъ костей восстановлена. Легко замѣтить, что каждая кость была разбита сильными ударами въ двухъ мѣстахъ вблизи концовъ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ кончается костномозговая полость и компактное костное вещество ея трубчатой стѣнки, утончаясь, постепенно переходитъ въ губчатое вещество. Здѣсь находится слѣдъ удара (Schlagmarke) въ видѣ разможенного сводообразнаго края костной стѣнки, или расходящихся отсюда трещинъ; отдѣльные мелкіе осколки трубчатыхъ костей имѣютъ чрезвычайно рѣзко очерченные, иногда даже прямолинейные края. Первоначально можно было бы даже предполагать, что эти осколки произошли не отъ простого удара, но отъ дѣйствія тяжелаго рубящаго орудія. Однако, тщательное изслѣдованіе подъ лупой и сравненіе съ имѣющимися въ Археологическомъ Музеѣ Томскаго Университета несомнѣнно рѣзанными и рубленными ископаемыми костями убѣдило меня въ неосновательности этого предположенія. Я думаю, однако, что такой характеръ осколка кости могутъ имѣть только въ томъ случаѣ, если кость раздробляется въ свѣжемъ состояніи. Такимъ образомъ, осколки могли бы служить здѣсь лишнимъ доказательствомъ въ пользу того, что кости были раздроблены въ свѣжемъ состояніи, если бы прочія обстоятельства даннаго случая оставляли бы въ этомъ сомнѣніи. Какихъ-либо признаковъ искусственной обработки или попытокъ употребить этотъ матеріалъ для подѣлокъ ни на одной кости не найдено.

Нужно еще замѣтить, что въ числѣ мелкихъ костей оказались двѣ чрезвычайно своеобразной формы и еще два обломка, очевидно отъ парныхъ къ нимъ костей (т.-е. костей другой стороны того же индивидуума). Послѣ долгихъ безуспѣшныхъ попытокъ опредѣлить эти кости, я воспользовался любезнымъ предложеніемъ академика Ф. Б. Шмидта, который, отправляясь въ Юрьевъ, взялъ ихъ съ собой, для того чтобы посоветоваться съ проф. А. Розенбергомъ. Этотъ уважаемый специалистъ по ископаемымъ позвоночнымъ также не нашелъ возможнымъ съ точностью опредѣлить предъявленные ему кости, но высказалъ предположеніе, что вѣроятно, онѣ принадлежатъ къ подъязычному аппарату того же мамонта. Къ сожалѣнію, мои попытки разыскать гдѣ-либо для сравненія соотвѣтственныя части не только мамонта, но хотя бы слона, остались безрезультатными по той причинѣ, что всѣ осмотрѣнные мною черепа и даже полные скелеты слоновъ оказались лишенными этихъ частей. Наконецъ, еще прибавлю, что при детальной разборкѣ костей между ними нашлась одна копытная фаланга какого-то двукопытнаго. Но такъ какъ на самомъ мѣстѣ раскопокъ она замѣчена не была, то я не увѣренъ въ томъ, что она найдена вмѣстѣ съ мамонтомъ, а не попала въ число

костей случайно. Такимъ образомъ, при этихъ раскопкахъ не добыто ни одной кости, относительно которой можно было бы съ увѣренностью сказать, что она находилась вмѣстѣ съ мамонтомъ, но принадлежитъ не ему.

Относительно кремневыхъ осколковъ прежде всего нужно замѣтить, что они приготовлены изъ рѣчной гальки, такъ какъ на очень многихъ осколкахъ видна часть характерной наружной поверхности гальки. Впрочемъ, между осколками попадаются также и крупные отбитые куски несомнѣнной гальки. Совершенно такія гальки находимы были мною на берегахъ р. Томи, и я полагаю, что матеріалъ для приготовления кремневыхъ осколковъ былъ принесенъ современниками мамонта съ берега рѣки, такъ какъ въ лёссѣ, въ которомъ найденъ скелетъ, сколько-нибудь подходящихъ галекъ совершенно нѣтъ (очень рѣдко встрѣчаются даже самые мелкіе камешки величиной въ горошину или немного болѣе), а равно нѣтъ ихъ и въ ниже расположенномъ пескѣ (самый поверхностный слой гальки располагается, какъ выше сказано, въ 15-ти саженьяхъ надъ уровнемъ рѣки, слѣдовательно на 3 сажени глубже плоскости нахождения мамонта). Хотя собственно характерныхъ ядрищъ (нуклеусовъ) мною найдено не было, однако осколки несомнѣнно были приготовлены на мѣстѣ, такъ какъ иначе здѣсь могли бы быть только такіе осколки, которые могли имѣть практическое примѣненіе, какъ орудія, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь найдено еще болѣе осколковъ мелкихъ и безформенныхъ, едва ли могшихъ къ чему-нибудь служить и потому очевидно полученныхъ какъ побочный продуктъ при выдѣлкѣ орудій. Осколковъ перваго рода (орудій) найдено около 30-ти; осколковъ же втораго рода — гораздо болѣе сотни. Осколки, имѣющіе значеніе отбивныхъ орудій, вообще представляютъ величину небольшую, не болѣе 50—60 мм. въ длину, что и понятно, если принять въ расчетъ, что они приготовлены изъ гальки. Цвѣтъ они имѣютъ преимущественно темно-сѣрый, дымчатый, рѣже свѣтло-коричневый или бѣловатый. Всѣ они, однако, по строенію оказались подходящими ближе къ роговику, чѣмъ къ настоящему кремню, какъ показало изслѣдованіе нѣкоторыхъ небольшихъ осколковъ, весьма любезно произведенное по моей просьбѣ академикомъ А. П. Карпинскимъ. Форма осколковъ, весьма разнообразна. Нѣкоторые похожи на одно- или двустороннія ножки, другіе на скребки, ланцеты и т. п. Въ общемъ, однако, они представляютъ видъ орудій довольно неопредѣленнаго характера, хотя несомнѣнно, что ими можно рѣзать или скоблить не только мясо, но и болѣе твердые предметы. Одна сторона каждаго осколка слегка выпукла, другая совершенно плоска или вогнута. Выпуклая сторона весьма часто ограничена только двумя крышеобразно сходящимися плоскостями, но нерѣдко также она бываетъ ограничена и бѣльшимъ числомъ разнообразно пересѣкающихся плоскостей. Почти на каждомъ изъ осколковъ можно отчетливо видѣть мѣсто удара (Schlagmarke), а на нѣкоторыхъ замѣтны также слѣды приостренія или такъ называемой вторичной оббивки, изрѣдка и слѣды поврежденій отъ употребленія въ дѣло. Что касается отсутствія ядрищъ, то оно легко объясняется, если вспомнить, что раскопки велись при замерзшей почвѣ, при чемъ приходилось откалывать куски земли значительной величины. Ядрища же изъ гальки не могли быть велики, а потому легко могли остаться незамѣченными. По той же причинѣ и осколки замѣчены были навѣрно далеко не всѣ.

Такъ какъ на указанномъ мѣстѣ не найдено ни костей другихъ животныхъ, кромѣ мамонта, ни костей человѣка, ни черепковъ посуды или какихъ-либо другихъ признаковъ постоянной стоянки человѣка въ этомъ или вблизи этого мѣста, то я полагаю, что данный скелетъ принадлежитъ мамонту съѣденному вдали отъ жилья человѣка, на случайномъ мѣстѣ, именно на томъ, на которомъ мамонтъ палъ. Въ высшей степени вѣроятно притомъ, что мамонтъ палъ не случайно, но былъ убитъ человѣкомъ. По крайней мѣрѣ, молодой возрастъ этого экземпляра и свойства мѣстности, которая едва ли могла быть когда-либо болотистой, дѣлаютъ мало вѣроятными какъ смерть его отъ дряхлости, такъ и смерть вслѣдствіе увязанія въ прибрежномъ болотѣ. Наконецъ, сломанные бивни безъ какихъ бы то ни было признаковъ попытокъ употребить ихъ на подѣлки заставляютъ предполагать въ этомъ случаѣ предсмертную борьбу и, конечно, не съ какими-нибудь хищными животными, такъ какъ въ этомъ случаѣ расположеніе костей было бы иное и на нихъ были бы замѣтны слѣды зубовъ. Правда, здѣсь не найдено никакого орудія, которымъ можно было бы убить мамонта, но вѣдь орудія могли быть и таковы, что не имѣли возможности такъ долго сохраниться въ землѣ, или они могли быть унесены владѣльцами, какъ предметы цѣнные. Не найдено вѣдь и ничего такого, чѣмъ можно было бы раздробить черепъ и трубчатые кости мамонта, а между тѣмъ это раздробленіе — фактъ. Но какъ бы то ни было, если даже мы допустимъ, что этотъ мамонтъ не былъ убитъ человѣкомъ, а былъ найденъ уже въ видѣ трупа, то все же очевидно, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя части мамонта были съѣдены современнымъ ему человѣкомъ. Думать, что мамонтъ могъ сохраниться въ замороженномъ состояніи и затѣмъ быть съѣденнымъ человѣкомъ, жившимъ позднѣе, едва ли возможно по отношенію къ мѣстности, лежащей около Томска. Такимъ образомъ описанная находка представляетъ намъ хотя неполную, но живую и новую картину изъ того отдаленнаго прошлаго, котораго хронологическую давность едва ли кто-либо рѣшится опредѣлить. Она представляетъ намъ отрывокъ изъ жизни человѣка каменнаго періода, остатки его пиршества, состоявшагося, по всей вѣроятности, послѣ удачной охоты.

Къ изслѣдованію бассейна Виліи въ археологическомъ отношеніи.

Ө. В. Покровскаго.

Начатое нами по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ 1893 году ¹⁾ производство археологическихъ изысканій на границѣ современной Литвы и Бѣлоруссіи доведено было въ 1894 году ²⁾ до того мѣста, гдѣ граница эта дѣлаетъ крутой поворотъ на западъ. Отсюда направленіе ея опредѣляется приблизительно 55° сѣв. широты, при чемъ непосредственно прилегающими къ ней мѣстами являются съ С. районы Свенцянской и Михайловской волостей, отчасти обследованные нами уже въ 1894 году, а съ Ю. — Александровская волость, Свенцянскаго у., и сосѣдняя съ нею площадь, которая ограничивается съ В. озеромъ Нарочь, а съ З. рѣкою Виліей, на пространствѣ ея теченія отъ 54°40' до 54°50' с. ш. Эта площадь, съ присоединеніемъ сюда Александровскаго волостного района, и была мѣстомъ нашихъ археологическихъ изысканій въ настоящемъ 1895 г. Главнымъ объектомъ наблюденій на этомъ пространствѣ служили курганы, хотя не оставлены были безъ вниманія и другіе, оказавшіеся здѣсь, археологическіе памятники, именно: мѣста старыхъ — доисторическихъ поселеній, кремневые мастерскія и предметы каменнаго вѣка. Помѣщаемое ниже описаніе археологическихъ памятниковъ и представляетъ результатъ нашихъ археологическихъ наблюденій въ 1895 г.

А. Курганы.

Курганы представляютъ для нашихъ мѣсть самый распространенный изъ археологическихъ памятниковъ. На отмѣченномъ выше, подлежащемъ обследованію, районѣ который легко изучить по прилагаемой при семь картѣ (рис. 11) они наблюдались въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) на кладбищѣ села Занарочь, 2) на полѣ деревни Выголененты, 3) на берегу р. Виліи, близъ дер. Рымшанцы, 4) на заброшенномъ полѣ и

¹⁾ Труды Виленскаго Археологическаго Съѣзда, т. I, стр. 166 и сл.

²⁾ Ibid. т. II, стр. 50 и сл.

въ лѣсу, близъ села Засвири, 5) близъ дер. Гузковъ, 6) въ лѣсныхъ урочищахъ — Тушѣ и Погорѣльѣ, близъ дер. Понизья, 7) на полѣ, близъ заст. Черная Лужа,

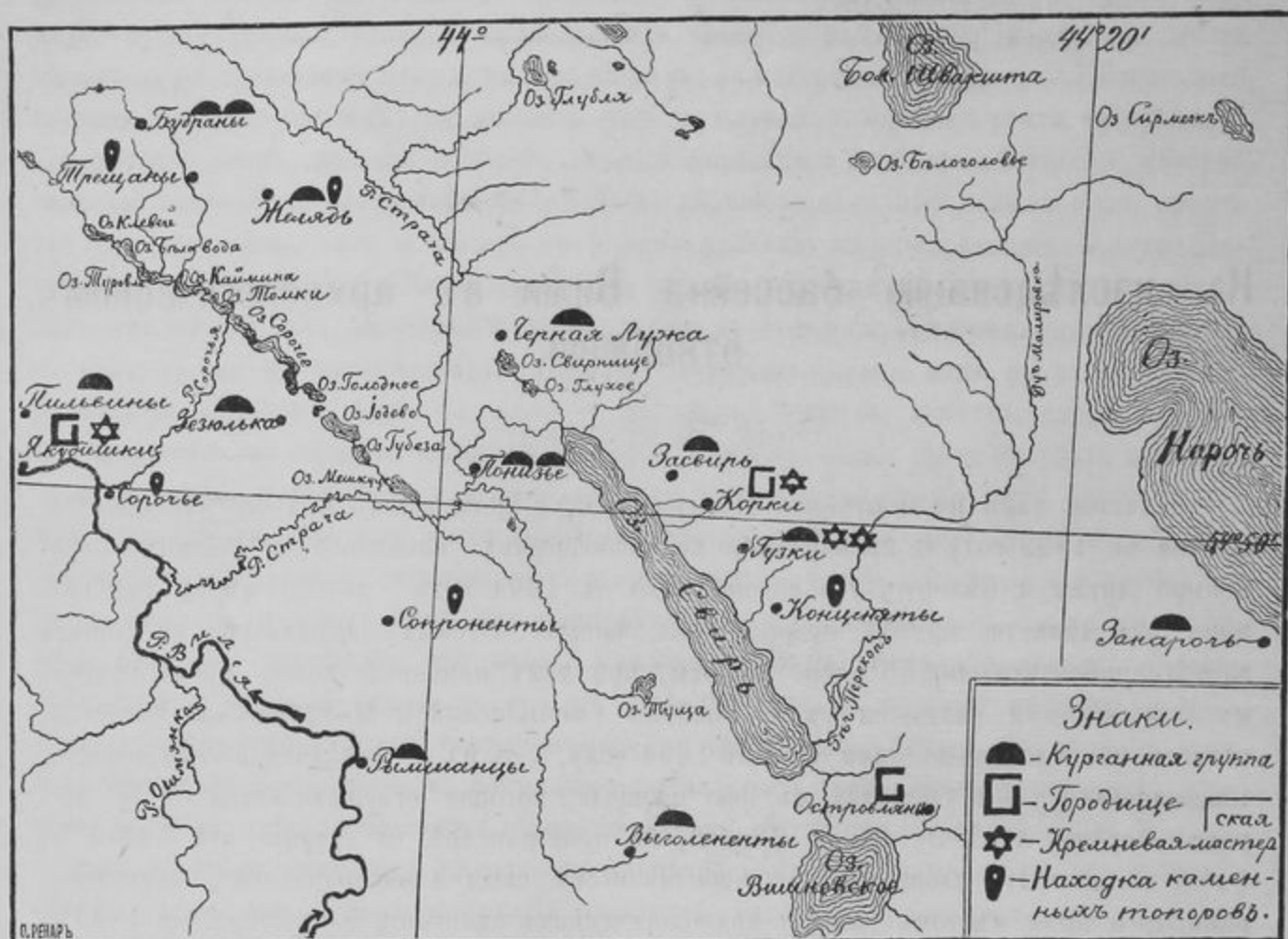

Рис. 11.

8) на пасѣкѣ, близъ дер. Пальвины, 9) близъ лѣсничѣвки Зезюльки, въ им. Сидоршикахъ, 10) близъ мѣст. Желяди и 11) въ казенномъ и помѣщичьемъ лѣсу, близъ дер. Будрань.

I. Занарочскіе курганы.

Село Занарочь расположено на низменномъ юго-западномъ берегу озера Нарочь, подъ $54^{\circ}48'$, приблизительно, сѣверной широты и подъ $44^{\circ}26'$ в. д. По обнародованнымъ ранѣе свѣдѣніямъ¹⁾ курганы занарочскаго района находятся въ двухъ мѣстахъ, именно: 17 кургановъ на занарочскомъ кладбищѣ и нѣсколько кургановъ въ лѣсу им. Августово, находящемся въ двухъ верстахъ отъ села, на берегу того же

¹⁾ О. Покровский. Археологическая карта Виленской губерціи. Вильна, 1893 г., стр. 32—36.

озера Нарочь. Августовскіе курганы въ пятидесятихъ годахъ были отчасти изслѣдованы Киркоромъ¹⁾, который о происхожденіи ихъ сообщаетъ легенду, приурочившую эти курганы ко времени чумы.

По наблюденіямъ же самого Киркора, занарочскіе курганы—стародавнія языческія могилы. Два изъ августовскихъ кургановъ были Киркоромъ раскопаны. На глубинѣ, приблизительно, сажени въ обоихъ курганахъ найдено было по глиняному горшку съ пепломъ пережженныхъ костей.

При первоначальномъ осмотрѣ занятой занарочскими курганами и прилегающей къ нимъ площади наше вниманіе невольно поражено было обиліемъ сферическихъ и овальныхъ холмовъ, производящихъ полнѣйшую иллюзію погребальныхъ кургановъ. Холмы указанной формы прилегаютъ къ восточной сторонѣ села Занарочи и къ западной деревни Близиновъ (названіе второй половины села) и даютъ такимъ образомъ основаніе считать занарочскую - кладбищенскую группу за незначительную часть громаднаго могильника, протягивавшагося неширокою, впрочемъ, полоскою на разстояніе, по крайней мѣрѣ, версты. — Точно такъ же и въ Августовскомъ лѣсу курганообразные холмы занимаютъ площадь около квадратной версты. — Холмы близъ с. Занарочи, при незначительныхъ, въ большинствѣ случаевъ, размѣрахъ, расположены одинъ возлѣ другого, августовскіе же раздѣлены по лѣсу или по одиночкѣ, или группами въ нѣсколько штукъ. При изслѣдованіи занарочскихъ кургановъ раскопано было (нѣкоторые — вполнѣ, а другіе — отчасти) и шесть курганообразныхъ холмовъ, — три — близъ Занарочи и три — въ августовскомъ лѣсу, при чемъ получились слѣдующіе результаты: всѣ холмы круглые за исключеніемъ одного овальной формы; въ окружности они имѣютъ отъ 20 до 31 шаговъ. Почва вездѣ песчаная, вслѣдствіе чего холмы во многихъ мѣстахъ замѣтно разрушены и разрушаются вѣтромъ. Подъ покровомъ, толщиною въ шесть вершковъ, культурный слой, въ видѣ черной земли съ примѣсью черепковъ гончарной работы, обломковъ кирпича, черепковъ отъ сосудовъ и костей.

Приведенныя данныя отрицаютъ, такимъ образомъ, возможность причисленія разсматриваемыхъ холмовъ къ категоріи погребальныхъ кургановъ и заставляютъ признать ихъ за естественныя образованія, — по всей вѣроятности, — дюны, образовавшіяся еще въ то время, когда занятая холмами мѣстность была свободна отъ лѣсныхъ зарослей. Въ виду общезвѣстнаго свободного отношенія къ фактамъ Киркора, едва ли не должна быть признана естественность происхожденія и тѣхъ двухъ (по нашимъ наблюденіямъ и свидѣтельству очевидцевъ — одного) „кургановъ“, по поводу раскопки которыхъ Киркоръ заявляетъ, что въ августовскихъ курганахъ попадаются урны съ костями.

Такимъ образомъ за несомнѣнно погребальные курганы въ Занарочскомъ районѣ могутъ быть признаны только тѣ холмы, которые находятся на теперешнемъ Занарочскомъ кладбищѣ, и изъ которыхъ нѣкоторые уже заняты позднѣйшими могилами.

¹⁾ Biblioteka Warszawska, 1855. Z. CLXXIV.

Мѣстный народъ называетъ курганы „колотовками“¹⁾ и это названіе прилагаетъ лишь къ курганамъ, находящимся на кладбищѣ, въ августовскомъ же лѣсу подъ этимъ именемъ слыветъ лишь одинъ холмъ, перерытый накрестъ Киркоромъ.

Въ виду положенія кургановъ на кладбищѣ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ даже заняты позднѣйшими могилами, мы не считали умѣстнымъ долго останавливаться на этихъ курганахъ и ограничились раскопкою лишь трехъ изъ нихъ, болѣе другихъ удаленныхъ отъ современныхъ могилъ.

Курганъ № 1-й.

Окружность 30 шаговъ. Поперечникъ 11 арш. 6 в. Высота 1 арш. 9 вершк. Рвовъ кругомъ незамѣтно.

На самой вершинѣ кургана глиняный сосудъ лѣпной работы изъ желтоватой, глины, въ формѣ усѣченного конуса съ слабо-выпуклыми, впрочемъ, боками. Сосудъ былъ наполненъ жжеными костями и прикрытъ сверху перевернутымъ вверхъ дномъ, такой же формы и качества, сосудомъ. Вслѣдствіе положенія сосудовъ на самой поверхности кургана (дно сосуда проросло даже дерномъ), а также взаимнаго ихъ положенія, оба сосуда оказались во время раскопки въ состояніи почти полного разрушенія, и величина ихъ можетъ быть опредѣлена лишь приблизительно. Диаметръ дна сосуда-урны около 120 mm, а высота около 230 mm; диаметръ дна сосуда-крышки миллиметровъ около 300, а половина окружности его отверстія около 350 mm; высота этого второго сосуда должна быть нѣсколько болѣе высоты перваго. — Въ небольшомъ разстояніи на 3. отъ центра кургана оказался третій подобный же сосудъ. Онъ былъ перевернутъ вверхъ дномъ такимъ образомъ, что послѣднее совпадало съ поверхностью грунта.

Какъ одинъ изъ верхнихъ и этотъ сосудъ былъ наполненъ жжеными костями, съ тѣмъ, впрочемъ различіемъ, что здѣсь костей значительно больше и онѣ крупнѣе. Послѣднее обстоятельство, въ связи съ другими аналогичными фактами²⁾, даетъ основаніе видѣть въ содержимомъ послѣдняго сосуда остатки тризны или же, можетъ-быть, животной жертвы; тогда какъ кости, оказавшіяся въ сосудѣ — на поверхности кургана, по всей вѣроятности, остатокъ погребальнаго костра.

Курганъ № 2-й (овальный).

Окружность 32 шага. Длина, съ С.-В. на Ю.-З., 12 арш. 9 вершк. Ширина 9 арш. 7 вершк. Высота 1 арш. 11 вершк. Ровъ едва замѣтенъ лишь съ западной стороны.

По грунту — слой темной земли, которая около центра кургана переходитъ въ совершенно черный цвѣтъ (по всей вѣроятности, органической перегной); здѣсь же

¹⁾ Можетъ-быть, искаженное „волотовка“, а можетъ-быть и отъ слова колотить, бить (на войнѣ).

²⁾ О. Покровскій. Археологическія экскурсіи по Виленской губерніи. Вильна, 1893, стр. 39 — 40.

и самый грунт нѣсколько понижается. Въ западной половинѣ кургана, на высотѣ двѣнадцати вершковъ надъ грунтомъ, — слой золы съ мелкими углями. Въ сѣверо-восточной части кургана, на грунтѣ, найдены два маленькихъ осколка черенка.

Курганъ № 3-й¹⁾.

Окружность 56 шаговъ. Поперечникъ 15 арш. 8 вершк. Высота 1 арш. 13 вершк. Курганъ былъ, очевидно, окруженъ кольцомъ симметрично расположенныхъ ямъ и всходовъ, изъ которыхъ три ямы и два всхода между ними довольно ясно замѣтны съ Ю.-В., Ю. и Ю.-З.

Периферіи курганной насыпи состоятъ изъ темной земли, и слой такой же земли наблюдается по всему грунту надъ насыпью. Въ сѣверной части кургана, на высотѣ одного аршина надъ курганомъ, — кучка очень мелкихъ жженныхъ костей.

Примѣчанія.

Средняя величина кургановъ этой мѣстности, на основаніи произведенныхъ измѣреній опредѣляется слѣдующими размѣрами: окружность 39 арш., поперечникъ 12 арш. 3 вершк., высота 1 арш. 11 вершк. Преобладающая форма кургановъ — сферическій сегментъ; есть также, какъ напр. № 2-й, и овальные курганы.

Насыпь, — однородный съ сосѣднею почвою желтый сыпучій песокъ, чѣмъ, вѣроятно, объясняется и почти полное уничтоженіе окружающихъ курганы рововъ.

Обрядъ погребенія — трупосожженіе внѣ кургана и помѣщеніе праха вверху курганной насыпи то въ глиняной урнѣ, то непосредственно въ землѣ.

Вѣроятные слѣды (курганъ № 1) жертвы или, можетъ-быть, тризны.

Полное отсутствіе бытовыхъ предметовъ.

Въ виду незначительнаго количества раскопанныхъ (по указаннымъ выше причинамъ) кургановъ, указанные сейчасъ общія положенія должны быть принимаемы съ ограниченіемъ.

II. Выголенентскіе курганы.

Дер. Выголененты (народн. — Выголеняты) — Вишневской волости, Свенцянскаго уѣзда. Положеніе ея опредѣляется приблизительно 44°7' в. д. и 54°43' с. ш. Курганы находятся въ разстояніи версты на С.-В. отъ деревни, на каменистомъ полѣ, которое, вслѣдствіе неплодія почвы, засѣвается не болѣе одного раза въ пять лѣтъ. По болѣе раннимъ различнымъ свѣдѣніямъ²⁾ число здѣшнихъ кургановъ опредѣляется въ одинъ — два десятка, на самомъ же дѣлѣ здѣсь ихъ всего четыре, изъ которыхъ

¹⁾ Вершина кургана разрыта мѣстнымъ псаломщикомъ.

²⁾ О. Покровскій. Археологическая карта Виленской губерніи, въ Трудахъ Вилен. Отд. Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. 1893 г.

три одинаковой приблизительно величины (окружность 35 шаговъ) и одинъ большій. Форма кургановъ — правильный сферическій сегментъ, и всѣ они имѣютъ на своей поверхности прикрытый уже дерномъ сплошной каменный покровъ изъ крупныхъ булыжниковъ.

Курганы, или, по мѣстному названію, окопы, по мнѣнію народа, остались отъ французовъ и были сооружены въ качествѣ постаментовъ для орудій. Народъ убѣжденъ, что въ курганахъ скрыты сокровища, что и вызвало раскопку ихъ сосѣднимъ помѣщикомъ, по заявленію котораго однакожь ничего, даже костей, не было найдено. Не богаче по результатамъ оказалась и произведенная нами раскопка двухъ кургановъ, хотя, по свидѣтельству крестьянъ, при запашкахъ окружающей курганы мѣстности находили желѣзные предметы наподобіе копій.

III. Рымшанскіе курганы.

Дер. Рымшанцы, прежде Нестанишской, а теперь Вишневецкой волости, Свенцянскаго уѣзда, расположена на берегу Вилии, въ томъ приблизительно мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ 54°45' параллель. Курганы находятся въ разстояніи полуверсты на Ю. отъ деревни, на крестьянской землѣ дер. Нестанишекъ. Разстояніе ихъ отъ праваго берега р. Вилии не болѣе 100 сажень. Всѣхъ кургановъ насчитывается — семь. Шесть изъ нихъ расположены по одной прямой линіи, въ направленіи съ С. на Ю., при чемъ первые четыре, считая съ С., находятся одинъ отъ другого въ разстояніи около 30 шаговъ, разстояніе же между четвертымъ и пятымъ, и пятымъ и шестымъ вчетверо больше (120 шаговъ). Седьмой курганъ находится въ десяти саженьяхъ къ З. отъ перваго — сѣвернаго. Явственные и до сихъ поръ слѣды поля на занимаемой курганами площади и песчаная почва достаточно выясняютъ причину, почему рымшанскіе курганы въ настоящемъ своемъ состояніи не достигаютъ вѣроятно половины своей первоначальной высоты; особенно сильному разрушенію подверглись южные курганы, гдѣ только при внимательномъ наблюденіи возможно различить нѣкоторый подъемъ ихъ надъ уровнемъ сосѣдней почвы.

Мѣстные жители называютъ курганы „колотовками“ и, не придавая имъ вообще особеннаго значенія, считаютъ ихъ военными могилами.

О существованіи рымшанскихъ кургановъ, до настоящаго ихъ изслѣдованія, никакихъ свѣдѣній въ археологической литературѣ не имѣлось, и мы на курганы эти попали совершенно случайно. Цѣлю нашей поѣздки въ данномъ случаѣ были курганы при дер. Сопроненты, которые мѣстными крестьянами называются „кѣпцами“, но которые оказались не насыпными курганами, а случайно образовавшимися возвышеніями.

Въ Рымшанской группѣ раскопано было нами четыре, съ слѣдующими результатами, кургана.

Курганъ № 1-й.

Окружность 50 шаговъ. Поперечникъ 16 арш. 8 вершк. Высота 1 арш. 4 в. На вершинѣ кургана углубленіе. По бокамъ курганъ обложенъ камнями. Рвовъ кругомъ незамѣтно: по всей вѣроятности, они уничтожились во время запашки здѣсь поля.

Подъ курганной насыпью, по грунту, черный пластъ съ крупными, по мѣстамъ, вкрапинами изъ красной (обожженной) земли и древесныхъ углей. Подобный же пластъ наблюдается и въ самой насыпи кургана, — въ западной ея половинѣ. Этотъ послѣдній, начинаясь близъ западной периферіи на высотѣ шести вершковъ надъ грунтомъ, состоитъ сначала изъ темной земли, ближе же къ срединѣ въ немъ преобладаетъ красная (жженная) земля, а въ самомъ центрѣ, гдѣ этотъ пластъ поднимается до десяти вершковъ надъ уровнемъ почвы, онъ состоитъ изъ земли черного цвѣта. Въ юго-западной части кургана, на грунтѣ найденъ былъ обломокъ гвоздевиднаго, четырехграннаго стержня. Въ сѣверо-восточной периферіи кургана, на грунтѣ, найденъ конскій зубъ. Въ направленіи на Ю.-З. отъ центра, — въ углубляющейся въ грунтѣ ямѣ, — оказалось большое количество жженныхъ костей, среди которыхъ найдены два безформенныхъ слитка бронзы, четыре небольшихъ обломка листовой бронзы и желѣзная пряжка круглой удлиненной формы, съ параллельными продольными краями. Шпинѣкъ вращался на тончайшей изъ продольныхъ сторонъ.

Курганъ № 2-й.

Окружность 35 шаговъ. Поперечникъ 12 арш. 4 вершка. Высота 1 арш. 7 вершк. На вершинѣ едва замѣтное углубленіе. Съ боковъ курганъ обложенъ камнями. Рвовъ кругомъ незамѣтно: вѣроятно они уничтожены распашкой.

Въ центрѣ кургана — углубляющійся нѣсколько въ грунтъ пластъ черной земли; здѣсь же курганная насыпь до высоты двѣнадцати вершковъ надъ грунтомъ перемѣшана съ мелкими жженными костями, и въ ней найдены три такихъ же, какъ и въ предыдущемъ курганѣ, обломка листовой бронзы, но еще меньшихъ размѣровъ.

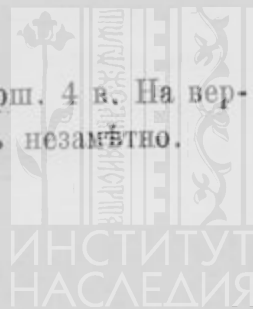
Курганъ № 3-й.

Окружность 60 шаговъ. Поперечникъ 20 арш. Высота 1 арш. 4 в. На вершинѣ кургана — впадина, по бокамъ — камни. Рвовъ также незамѣтно.

Въ срединѣ кургана, на высотѣ грунта, — конскія кости въ безпорядкѣ, поверхъ которыхъ, также въ безпорядкѣ, нѣсколько значительной величины камней. Подъ лошадиными костями, въ вырытой въ грунтѣ ямѣ, песокъ перемѣшанъ съ мелкими жженными костями.

Курганъ № 4-й.

Окружность 44 шага. Поперечникъ 13 арш. 7 в. Высота 1 арш. 4 в. На вершинѣ кургана впадина, а по бокамъ онъ обложенъ камнями. Рвовъ незамѣтно.

Въ срединѣ, на поверхности кургана, — три камня; подъ ними черная земля съ углями. Въ центрѣ кургана, — яма въ грунтѣ, но въ заполняющей ее землѣ ни костей ни другихъ какихъ-либо предметовъ не оказалось.

Примѣчанія.

Измѣренія раскопанныхъ кургановъ даютъ слѣдующую среднюю величину для римшанскихъ кургановъ: окружность 47 шаг., поперечникъ 15 арш. 9 в., высота 1 арш. 5 в. Незначительная высота кургановъ, сравнительно съ размѣрами ихъ въ горизонтальномъ направленіи, кромѣ возможнаго естественнаго разрушенія и порчи кургановъ во время запашекъ должна быть объясняема, кажется, и первоначальною формою кургановъ, т.-е. и при самомъ возникновеніи римшанскіе курганы имѣли, вѣроятно, форму весьма невысокихъ сферическихъ сегментовъ.

На вершинѣ всѣхъ, по крайней мѣрѣ, раскопанныхъ кургановъ наблюдается небольшое пониженіе почвы. Пониженіе это принадлежитъ далекому прошлому и не есть слѣдствіе преднамѣренной порчи кургановъ, а, очевидно, — результатъ погребенія праха не на самой почвѣ, а въ грунтовой ямѣ. Часть курганной насыпи, приходившаяся надъ погребальною ямою, подвержена была, очевидно, большому осѣданію, вслѣдствіе чего въ этой части и должно было, на первыхъ же порахъ существованія кургана, обнаружиться пониженіе.

Всѣ курганы по бокамъ обложены камнями.

Полное уничтоженіе окружавшихъ курганы рововъ можно, кажется, объяснить незначительною глубиною этихъ послѣднихъ, которая, въ свою очередь, можетъ быть объяснена отчасти незначительнымъ объемомъ курганныхъ насыпей, а главнымъ образомъ тѣмъ, что насыпь, кромѣ извлеченной изо рва земли, составлялась также и изъ земли, вынятой изъ могильной ямы, и, повидимому, изъ почвы, взятой съ мѣста погребальнаго костра.

Обрядъ погребенія — трупосожженіе внѣ кургана. Погребальный костеръ находился, повидимому, вблизи мѣста предполагаемаго кургана, о чемъ можно догадываться на основаніи расположенія жженныхъ костей въ курганахъ и по пятнамъ красной и черной, вообще перегорѣлой земли въ курганныхъ насыпяхъ. Въ курганахъ, напри- мѣръ, второмъ и третьемъ, жженыя кости перемѣшаны съ пескомъ такимъ образомъ, что онѣ какъ будто вмѣстѣ съ этимъ пескомъ перекинуты съ погребальнаго костра въ курганъ просто лопатой. Точно такъ же верхній слой темной и красной земли въ первомъ курганѣ не можетъ быть объясняемъ въ качествѣ остатковъ бывшаго здѣсь костра, а вѣроятно, при возведеніи насыпи до высоты этого слоя, случайно перекинута была сюда перегорѣлая земля съ мѣста погребальнаго костра. — Во всѣхъ курганахъ остатки праха, по крайней мѣрѣ, въ большей ихъ части, помѣщаются въ неглубокой грунтовой ямѣ; при чемъ ни въ одномъ случаѣ не только не обнаружено присутствія погребальныхъ урнъ, но даже не наблюдается болѣе или менѣе тщательной укладки праха: наоборотъ, кости, какъ сейчасъ выше замѣчено, безъ всякаго порядка перемѣшаны съ пескомъ насыпи.

Обрядъ погребенія сопровождался, повидимому, жертвоприношеніемъ коня, какъ объ этомъ можно судить по находкамъ конскихъ костей отчасти въ первомъ, а главнымъ образомъ, въ третьемъ курганѣ. Состояніе и количество конскихъ костей въ третьемъ курганѣ показываютъ, что конь предъ погруженіемъ въ курганъ не подвергался сожженію на кострѣ, и равнымъ образомъ не цѣликомъ помѣщался въ курганѣ, а, повидимому, дѣлился на части, изъ которыхъ однѣ зарывались въ курганъ вмѣстѣ съ останками праха, а другія, можетъ-быть, сжигались въ качествѣ жертвы, или, можетъ-быть, употреблялись во время тризны.

Со стороны находокъ предметовъ личнаго наряда а также и бытовыхъ римшанскіе курганы поражаютъ крайнею бѣдностію, которая обусловливается, по всей вѣроятности, не самымъ обрядомъ погребенія, а вѣроятною бѣдностію погребенныхъ въ курганахъ людей. Не достигающая и десятка кургановъ римшанская группа, очевидно, принадлежала небольшому поселку въ нѣсколько дворовъ, и, по естественному порядку вещей, народъ въ такомъ захолустѣ не могъ отличаться ни богатствомъ наряда, ни разнообразіемъ бытовыхъ предметовъ.

IV. Засвирскіе курганы.

Село Засвиры, Свирской волости, Свенцянскаго уѣзда, расположено на восточномъ берегу озера Свирь, верстахъ въ пяти отъ сѣверной его оконечности. Географическое положеніе села опредѣляется, приблизительно, $54^{\circ}51'$ с. ш. и $44^{\circ}8'$ в. д.

Курганы разбросаны на обширной, въ нѣсколько десятинъ, площади, непосредственно прилегающей къ селу съ юго-западной стороны. Площадь, занятая курганами, можетъ быть названа скорѣе холмистою, нежели ровною, и въ общемъ представляетъ нѣкоторую покатость въ направленіи къ озеру Свирь, которое находится отъ кургановъ въ разстояніи не болѣе полуверсты. Наибольшая, восточная, часть занятой курганами площади составляетъ въ настоящее время церковную собственность; бывшая прежде подъ полемъ, теперь она представляетъ пустырь. Западная часть принадлежитъ казнѣ и находится подъ лѣсомъ.

Всѣхъ кургановъ въ засвирской группѣ насчитывается до двухсотъ: изъ этого числа около восьмидесяти расположены въ казенномъ лѣсу (рис. 12), а остальные на церковной землѣ, — бывшемъ, а отчасти и теперь существующемъ, полѣ. Въ этомъ же числѣ должны быть отмѣчены и три кургана, находящіеся въ названномъ лѣсу, за такъ называемымъ „Шлыковымъ“ болотомъ, прилегающимъ къ главной группѣ съ западной стороны.

По своимъ размѣрамъ Засвирскіе курганы могутъ быть причислены къ разряду кургановъ средней величины: окружность ихъ колеблется въ предѣлахъ 65 — 20 шаговъ, а высота ни въ одномъ случаѣ не достигаетъ даже и двухъ аршинъ.

Форма кургановъ — сферическій сегментъ и лишь два-три кургана насыпаны на четырехугольномъ, повидимому, основаніи. Рвы, окружающіе курганы, то пред-

ставляютъ рядъ круглыхъ ямъ, расположенныхъ по правильной окружности при основаніи кургана, то образуютъ правильное кольцо, въ большинствѣ случаевъ, съ четырьмя перерывами — всходами. Всходы въ послѣднемъ случаѣ всегда правильно ориентированы по странамъ свѣта. У нѣкоторыхъ кургановъ кольцеобразный, раздѣленный всходами на четыре части, ровъ замѣняется четырьмя, обыкновенно, овальными, расположенными съ противоположныхъ сторонъ, ямами, при чемъ однако курганная насыпь не теряетъ своей сферической формы.

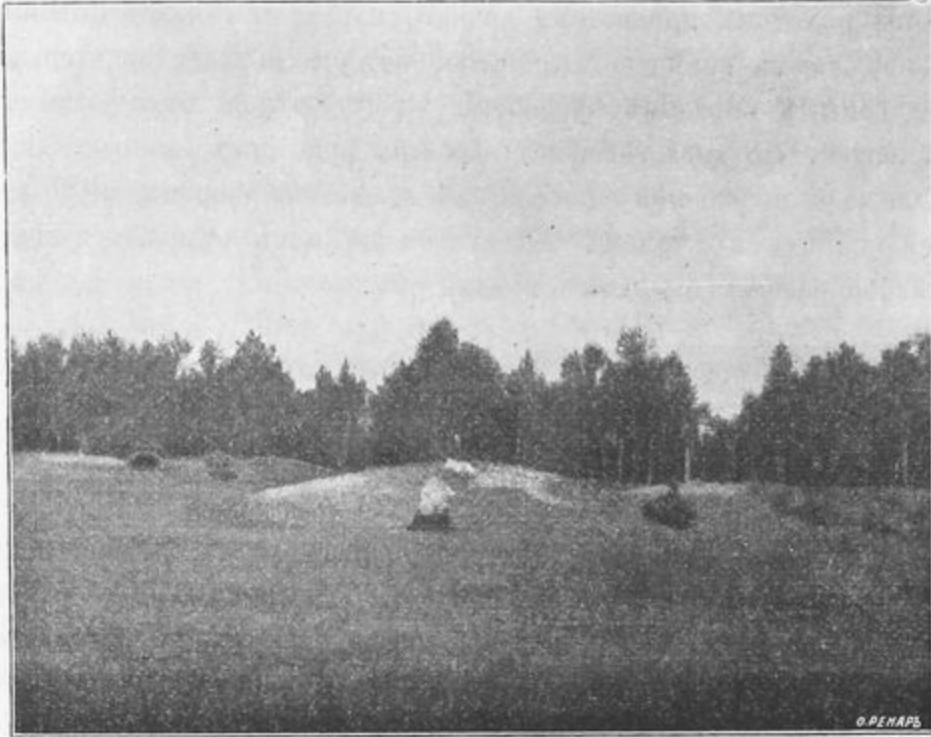

Рис. 12.

Что касается взаимнаго расположенія кургановъ, то лучше сохранившіеся изъ нихъ (именно, находящіеся въ казенномъ лѣсу) производятъ впечатлѣніе скученности: многіе изъ нихъ настолько близко расположены одинъ въ отношеніи другого, что правильность ихъ рововъ, а также и всходовъ, иногда исчезаетъ, такъ какъ и тѣ и другіе являются въ такомъ случаѣ общими для двухъ сосѣднихъ кургановъ. Также въ близкомъ разстояніи между собою находятся и тѣ изъ кургановъ, расположенныхъ на церковной землѣ, которые прилегаютъ непосредственно къ лѣсу; находящіеся же въ сѣверо-восточной периферіи группы разбросаны поодиночкѣ, въ разстояніи нѣсколькихъ аршинъ, а иногда и саженой одинъ отъ другого. Впрочемъ послѣднее обстоятельство едва ли не результатъ существовавшего, а отчасти и теперь находящагося здѣсь поля, при запашкахъ котораго многіе изъ кургановъ уничтожены.

У мѣстныхъ жителей Засвирскіе курганы называются то просто буграми, то копцами, и происхожденіе ихъ, по обычному для этихъ мѣстъ представленію, приурочивается къ Шведскимъ войнамъ.

Въ Засвирской группѣ нами раскопано двадцать кургановъ.

К у р г а н ъ № 1-й.

Окружность 45 шаговъ. Поперечникъ, черезъ верхъ, 15 арш. 12 вершк. Высота насыпи надъ грунтомъ 1 арш. 2 вершка. Ровъ, почти прямой, уцѣлѣлъ съ сѣверной стороны и часть (яма) такого же вѣроятно рва замѣтна съ В.; всходы уцѣлѣли съ С.-В. и С.-З.

По грунту — темная прослойка, гдѣ, въ разстояніи полутора аршинъ на С.-С.-З. отъ центра, оказались древесные угли. Въ самомъ центрѣ кургана, надъ грунтомъ, — двѣ-три жженныхъ косточки. Въ разстояніи 3 арш. 7 вершк. на Ю. отъ центра, также на грунтѣ, — кучка жженныхъ костей, среди которыхъ помѣщались: желѣзные ножикъ и шило, двѣ глиняныхъ пряслицы и обломки бронзовой пластинчатой гривны. — Ножикъ и шило простой, обычной формы. Пряслицы имѣютъ на боковой поверхности одного изъ нихъ пять, параллельныхъ основанію, нарѣзовъ, образующихъ шесть рельефныхъ кольцеобразныхъ рубцовъ; боковая же поверхность второго орнаментирована двумя мелкими желобками. Нѣкоторую характерность представляетъ орнаментъ первой пряслицы, наблюдавшійся нами, кромѣ имѣющихъ быть отмѣченными ниже фактовъ, прежде всего лишь въ трехъ случаяхъ¹⁾. Обломки гривны, которые носятъ на себѣ явные слѣды огня, ясно опредѣляютъ форму предмета, остатки котораго они составляютъ, — это пластинчатый шейный обручъ, состоявшій изъ стержня, сзади кругаго, толщиной около 4^{mm}, а спереди расклепаннаго въ желобчатая серповидныя пластины. Лицевая сторона пластинъ обработана въ формѣ двуграннаго угла. Ни орнамента, ни слѣдовъ обычныхъ для такихъ пластинъ подвѣсокъ не наблюдается. Въ общемъ, предметъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, особенно, для кургановъ сѣверо-западной Россіи.

К у р г а н ъ № 2-й.

Окружность 38 шаговъ. Поперечникъ 13 арш. 7 вершк. Высота 1 арш. 4 в. Ровъ замѣтенъ съ западной, южной и сѣверо-восточной сторонъ.

По грунту — слой черной земли съ угольными вкрапинами. Болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, углей въ этомъ слоѣ наблюдается на Ю. отъ центра кургана. Въ самомъ центрѣ, на грунтѣ, кучка жженныхъ костей, поверхъ которыхъ были компактно уложены желѣзные топоръ, копьѣ и ножъ и около нихъ — бронзовая пряжка и шпинецъ къ ней. — Топоръ (рис. 13) изъ разряда узкоклинковыхъ; длина его 180^{mm}, длина обуха, по направленію топорща, 70^{mm}, длина лезвья, по направленію хорды, 62^{mm}. — Копьѣ имѣетъ въ длину 97 (втулка) + 213 = 310^{mm}, наибольшая ширина клинка 42^{mm}. Втулка конической формы; клинокъ — въ формѣ эллипсиса съ непропорціонально вытянутымъ въ сторону носка краемъ. До половины почти клинка и какъ бы служа продолженіемъ втулки, идетъ выпуклина, отчасти напоминающая одно-

¹⁾ Подобной формы пряслицы найдены были нами въ 1892 году въ им. Серлинтахъ, Виленскаго у., и въ 1894 году въ м. Линтупахъ, Свенцянскаго у. О. Покровский. Археологическія экскурсіи по Виленской губ. Вильна, 1893 г., стр. 30 и Труды Виленскаго Археологическаго Съезда. Томъ II. Въ 1895 году такая же пряслица доставлена была въ Им. Арх. Комиссію изъ Трокскаго у., Виленской губ.

именныя особенности, наблюдаемыя въ бронзовыхъ копьяхъ и, отчасти, въ желѣзныхъ¹⁾. — Всѣ три предмета хорошей сохранности и носятъ слѣды тщательной ра-

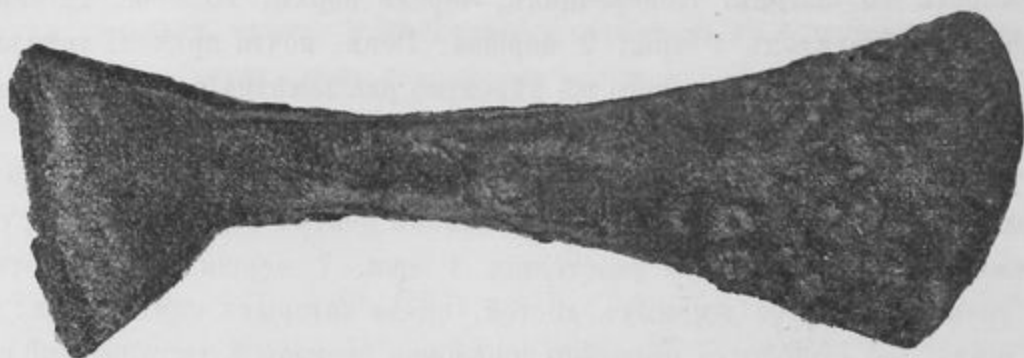

Рис. 13.

боты. — Пряжка (табл. 1, фиг. 1), величиною приблизительно въ 60×40 к. милл., продолговатая, съ переднею частью, обработанной въ формѣ широкой желобчатой пластины, которая съ лицевой стороны орнаментирована гнѣздами поперечныхъ нарѣзныхъ линий и поперечными также желобками. Игла представляетъ ту особенность, что она прикрѣплена была не къ пряжкѣ, а, судя по тремъ пробоинамъ на ея пластинчатой верхушкѣ, непосредственно къ самому застегиваемому предмету, — поясу, платью и пр.

Курганъ № 3-й.

Окружность 25 шаговъ. Поперечникъ 8 арш. 8 в. Высота 1 арш. 4 в. При основаніи кургана, съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной сторонъ, замѣтны ямы.

По грунту, подъ насыпью, — слой черной земли, въ центрѣ котораго лежали въ беспорядкѣ желѣзные, — топоръ, копье, ножъ, кресало, и бронзовые, — пряжка, кольцо и бубенчикъ. Топоръ — изъ разряда ширококлинковъ; длина его — 162mm , ширина, по направленію хорды лезвья, 95mm , а по обуху — 65mm . Нѣкоторую характерность топора представляетъ сравнительная правильность ограничивающихъ его края кривыхъ линий. Копье длиною въ 300mm ; трубчатая втулка (100mm) конической формы; клинокъ въ формѣ четырехгранной пирамиды съ ромбoidalною площадью. Ножъ простой, длиною въ 115mm . Кресало — наиболѣе распространенной эллиптической формы съ такимъ же прорѣзомъ посрединѣ. Пряжка (табл. 1, фиг. 2) вылита въ видѣ массивнаго, эллиптической — въ поперечномъ разрѣзѣ — формы стержня, съ посъ постепеннымъ утолщеніемъ отъ середины къ оконечностямъ, и имѣетъ кольцеобразную форму. Виѣшній діаметръ кольца — 42mm , внутренній — 26mm . Съ лицевой стороны пряжка орнаментирована завитками изъ нарѣзныхъ линий; игла изъ круглой проволоки обхватываетъ пряжку въ видѣ широкой пластины. По своей формѣ и орнаменту пряжка эта совершенно одинакова съ найденною на Дрогичинскомъ горо-

¹⁾ Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien №№ 850—3. ср. Материалы по археологическому наследію Россіи, № 10. Т. X, 33.

дищѣ¹⁾. Кольцо — замкнутое, изъ круглой проволоки. Бубенчикъ четырехлепестковый весьма миниатюрень и, по своему назначенію, несомнѣнно, аналогиченъ съ тѣми, которые въ большомъ количествѣ наблюдаются на нагрудныхъ подвѣскахъ — цѣпяхъ, находящихся въ Люцинскомъ и въ другихъ этого типа могильникахъ²⁾.

К у р г а н ъ № 4-й.

Окружность 35 шаговъ. Поперечникъ 13 арш. Высота 1 арш. 5 в. Кругомъ кургана едва замѣтный ровъ.

Начиная отъ центра кургана по направленію на З., по грунту, слой мелкихъ жженныхъ костей, среди которыхъ найдены желѣзные удила и серпъ. Удила, простой формы, состоятъ изъ двухъ круглыхъ колець, соединенныхъ посредствомъ двухъ стержней. Толщина каждаго кольца 8^{mm}, а внѣшній діаметръ — 60^{mm}; длина стержня, при нѣсколько большей сравнительно съ кольцами толщиной, — 100^{mm}. Такой же обычно-простой формы и серпъ. Совмѣстная находка въ курганѣ серпа и удила, *при отсутствіи другихъ предметовъ*, характеризуетъ описанный курганъ, какъ одинъ изъ тѣхъ, которые цѣлыми группами встрѣчаются въ Литовской половинѣ Виленской губерніи. При описаніи одной изъ такихъ группъ³⁾ мы имѣли случай замѣтить, что подобные курганы ни въ хронологическомъ ни въ этнографическомъ отношеніи не составляютъ самостоятельнаго явленія сравнительно съ курганами, характеризующимися находками оружія и предметовъ личнаго наряда, и принадлежать лишь тѣмъ лицамъ, которыя должны были, можетъ-быть, отбывать военную повинность въ кавалерійскомъ строю. Нахождение описаннаго — „кавалерійскаго“ кургана въ данномъ случаѣ среди другихъ обычныхъ кургановъ, кажется, можетъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ упомянутаго предположенія.

К у р г а н ъ № 5-й.

Окружность 35 шаг. Поперечникъ 13 арш. Высота 1 арш. 6 в. Курганъ окруженъ былъ кольцомъ симметрично расположенныхъ ямъ, изъ которыхъ пять на краю сѣверной половины, ясно различаются и до сихъ поръ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи на С.-З. отъ центра кургана, на грунтѣ, двѣ-три жженныхъ косточки, и неподалеку отъ нихъ, въ разныхъ мѣстахъ, найдены желѣзный серпъ, два обломка бронзоваго жгута и глиняная пряслица. Серпъ отличается оригинальностью своей формы: клинокъ его, образуя правильную, сравнительно дугу, на концѣ обнаруживаетъ ясную тенденцію загиба вверхъ и, такимъ образомъ, напоминаетъ бронзовые серпы. Обычныхъ для желѣзныхъ серповъ зубчатыхъ, по лезвею, нарѣзовъ — нѣтъ. Серпы подобной формы, если не считать нѣсколькихъ экземпляровъ, о которыхъ рѣчь ниже, и одного обломка, доставленнаго въ нынѣшнемъ

¹⁾ Матеріалы по археологіи Россіи, № 4. Табл. II, 29.

²⁾ Матеріалы по археологіи Россіи, № 14. Табл. IV и V. Ср. напр., Bähr. Die Gräber der Liven. Taf. III, G. I, 7.

³⁾ Першукштовской; см. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II, стр. 70.

году Имп. Арх. Комиссіи изъ Трокскаго уѣзда, встрѣчаются при раскопкѣ кургановъ въ первый разъ. Въ виду указанныхъ особенностей формы, серпы эти не могли имѣть ни обычнаго теперь для предметовъ этого рода назначенія, ни приписываемаго нашими прежними мѣстными археологами¹⁾ курганнымъ серпамъ значенія орудія при закланіи поминальныхъ жертвъ. Вообще, если серпы эти могли имѣть практическое значеніе, то они могли съ удобствомъ и пользою употребляться при отдѣленіи, на примѣръ, коры отъ деревьевъ, при обработкѣ сферическихъ поверхностей и т. п. — Обломки найденнаго бронзоваго жгута свиты изъ трехъ довольно массивныхъ круглыхъ проволокъ и имѣютъ общую толщину — 7^{mm}. Предметъ, часть котораго они составляли, опредѣляется съ точностію, — это одинъ изъ весьма распространенныхъ, особенно въ прибалтійскихъ курганахъ, шейныхъ обручей. Пряслица — цилиндрической формы, съ боковою поверхностью, покрытой параллельными желобками. Со стороны орнамента пряслица представляетъ промежуточное звено между однородными предметами изъ кургана № 1.

Курганъ № 6-й.

Окружность 60 шаговъ. Поперечникъ 19 арш. Высота 1 арш. 6 в. Кругомъ — едва замѣтный ровъ съ едва также замѣтными, съ С.-З. и Ю.-В., всходами.

Кромѣ древесной головни и обожженаго песку, оказавшихся близъ юго-восточной периферіи, при раскопкѣ кургана обнаружено четыре погребальныхъ пятна: первое въ разстояніи полутора аршинъ на Ю. отъ центра, на высотѣ четырнадцати вершковъ надъ грунтомъ; второе — въ разстояніи трехъ съ половиною аршинъ, отъ центра на Ю.-В; третье — въ разстояніи двухъ съ половиною аршинъ на Ю.-Ю.-В., и четвертое — въ разстояніи двухъ аршинъ на С.-З. Одинаковая для трехъ послѣднихъ пятенъ высота надъ грунтомъ — 12 вершковъ. Всѣ четыре пятна состояли изъ мелкихъ жженныхъ костей, среди которыхъ въ первомъ найдены бронзовые, — шейный обручъ и орнаментная спиралька и стеклянная буса, а во второмъ обломки разрушившихся подъ влияніемъ огня бронзовыхъ предметовъ; въ двухъ остальныхъ пятнахъ ничего, кромѣ костей, не оказалось.

Шейный обручъ (табл. I, фиг. 3) приготовленъ изъ круглой проволоки, длиною въ 680^{mm} и толщиною въ 2³/₄^{mm}, согнутой въ настоящемъ своемъ состояніи въ 1¹/₃ оборота. Одинъ конецъ обруча загнуть въ формѣ тупого крючка и заканчивается неправильно-конической формы пуговкой, другой расклепанъ въ тонкую пластинку, въ формѣ двойной петли. Благодаря такому устройству петли, размѣры обруча можно было, по желанію, увеличивать и сокращать на 50^{mm}. На обручѣ оказались три спиральныхъ бронзовыхъ колечка сохраненные и на изображеніи; одно изъ нихъ, въ пять оборотовъ, состоитъ изъ очень тонкой (толщиною не болѣе одного миллиметра) трехгранной проволоки, при чемъ діаметръ оборота равняется 18^{mm}. Два другихъ (по всей вѣроятности, части одной, разломленной на двое, спирали) въ 4 и 3 оборота, приготовлены изъ тонкой пластинки, шириною въ 3^{mm}; діаметръ спиральнаго обо-

¹⁾ О. Покровскій. Виленскій Музей древностей. Табл. XIV, 12.

рота — 16^{mm}. Орнаментная спиралька, въ одиннадцать оборотовъ, приготовлена изъ полуовальной проволоки и отличается миниатюрностию своей формы; внѣшній діаметръ оборота — 4^{mm}. — Буса изъ синяго стекла, неправильно-цилиндрической формы.

Изъ тринадцати бронзовыхъ обломковъ, найденныхъ во второмъ пятнѣ: шесть обломковъ круглой проволоки составляли, повидимому, одинаковый съ описаннымъ шейный обручъ; обломокъ листовой бронзы, орнаментированный на лицевой сторонѣ наръзными линиями, можетъ быть часть петли этого обруча, только болѣе нарядной, чѣмъ въ предыдущемъ экземплярѣ и три конечныя части браслета.

Курганъ № 7-й.

Окружность 41 шагъ. Поперечникъ 14 арш. Высота 1 арш. 4 в. При основаніи курганъ окруженъ кривыми, по направленію правильной окружности, мысами, раздѣленными одинаковой съ ними длины всходами. Теперь мысы и всходы замѣтны лишь съ С.-В. и Ю.-З.

По всему грунту кургана слой крупныхъ древесныхъ углей вперемѣшку съ большимъ количествомъ жженныхъ костей. Судя по густотѣ угольного слоя и по обилію жженныхъ костей, на мѣстѣ кургана былъ сожженъ умершій вмѣстѣ съ своимъ конемъ, или, по крайней мѣрѣ, послѣдній надъ прахомъ своего господина. Въ разныхъ мѣстахъ угольного пласта расположены въ безпорядкѣ: около сѣверо-западной периферіи — обломки глинянаго горшка; около восточной периферіи — обломки меча, желѣзная игла отъ пряжки, желѣзный ножикъ и мелкіе бронзовые шарики-дробинки; въ разстояніи четырехъ аршинъ на Ю.-З. отъ центра — безформенные бронзовые слитки и среди нихъ — бронзовые же — перстень и бубенчикъ; въ самомъ центрѣ овальныя пластинчатая желѣзныя кольца и желѣзная игла отъ пряжки, и, наконецъ, въ незначительномъ разстояніи отъ послѣднихъ предметовъ на З. — желѣзная пряжка.

Горшокъ, судя по обломкамъ, отличался миниатюрными размѣрами и былъ приготовленъ на гончарномъ кружкѣ изъ сѣрой глины съ примѣсью мелкаго швира.

Перстень согнутъ изъ массивнаго, почти круглаго, стержня, который, по направленію къ оконечностямъ, постепенно становится тоньше; концы заходятъ одинъ за другой и не спаяны. Наибольшая толщина стержня около 7^{mm}. Верхушка перстня по бокамъ орнаментирована имитирующими спираль наръзами. При общей простотѣ и стереотипности перстень этотъ все-таки ближе другихъ напоминаетъ однородные предметы съ остр. Мона и изъ нѣкоторыхъ другихъ прибалтійскихъ могильниковъ¹⁾.

Два пластинчатыхъ кольца совершенно одинаковой величины и формы, и каждое изъ нихъ приготовлено изъ тонкой, не болѣе полумиллиметра, пластинки, шириною въ 9^{mm}. Пластинка эта согнута въ формѣ овальнаго кольца, и концы ея скрѣплены при помощи штифтика, образующаго однимъ, свободнымъ своимъ концомъ ушко-

¹⁾ Hartmann. Das Vaterländische Museum zu Dorpat. Taf. XI, 8. — Bähr. Die Gräber der Liven. Taf. VI, 10. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. № 2118 и одинъ экземпляръ Вил. Музея изъ раскопокъ Э. Вольтера.

колечко. На штифтикѣ, внутри смыкаемыхъ имъ концовъ пластинокъ, вращается, въ перпендикулярной къ плоскости кольца оси, слабо загнутый на одномъ концѣ стерженецъ. Черезъ ушко одного изъ описываемыхъ колецъ проходитъ небольшое колечко, величиною около 19^{mm} , по его внѣшнему діаметру.

Едва ли описанныя кольца могли имѣть другое значеніе, кромѣ обойницъ деревянныхъ, или кожаныхъ ноженъ меча, ножа и т. п., по крайней мѣрѣ, они ничѣмъ не отличаются отъ одноименныхъ предметовъ, наблюдаемыхъ и теперь на ножнахъ меча.

Пряжка — въ формѣ кольца, правильность котораго нарушается лишь въ незначительной части, на которой, очевидно, вращалась игла.

Курганъ № 8-й (четыреугольный).

Окружность 33 шага. Длина, съ С.-З. на Ю.-З., 11 арш. 8 в. Ширина 10 арш. Высота 1 арш. 8 в. При основаніи кургана, соотвѣтственно длинѣ сторонъ, четыре прямыхъ рва; всходы при углахъ.

Границы занимаемой курганомъ площади были намѣчены слоемъ бѣлаго песку, толщиной около четырехъ вершковъ.

Въ срединѣ кургана, на угольной, непосредственно лежащей на грунтѣ, подстилкѣ — костякѣ, отъ котораго уцѣлѣли лишь части локтевыхъ и бедренныхъ костей и верхняя часть черепа. Судя по этимъ остаткамъ, костякъ лежалъ въ направленіи съ З. (голова) на В., при чемъ оконечности были вытянуты вдоль корпуса. Около остатковъ черепа найдена стеклянная посеребренная буса; близъ таза — бронзовое кольцо-перстень; недалеко отъ нижней оконечности лѣваго бедра каменный топоръ. Близъ правой ноги желѣзный ножъ, а около оконечности лѣвой ноги глиняный горшокъ, недалеко отъ котораго найдена каменная пряслица. Бусы подобно найденной одинъ изъ самыхъ распространенныхъ предметовъ, находимыхъ въ курганахъ, топографическое положеніе которыхъ опредѣляется современными границами бѣлорусскаго племени¹⁾. Перстень согнутъ изъ овальной пластинки, наибольшая ширина которой 9^{mm} ; концы заходятъ одинъ за другой и не спаяны. По верхушкѣ, на лицевой сторонѣ, ромбoidalные нарѣзы линий. Каменный топоръ-клинь изъ камня сѣраго цвѣта (офанитъ?) и въ настоящемъ своемъ состояніи носить слѣды сильнаго разрушенія.

Горшокъ обыкновенной кубышчатой формы приготовленъ на гончарномъ кружкѣ изъ желтоватой глины. Высота его 120^{mm} , діаметръ дна — 75^{mm} , діаметръ отверстія — 110^{mm} . Края раструба загнуты внутрь. На днѣ горшка — клеймо, состоящее изъ двухъ рельефныхъ концентрическихъ колецъ. И по своей формѣ, и по размѣрамъ, и, наконецъ, со стороны надоннаго клейма, горшокъ этотъ ближе всего стоитъ къ однородному экземпляру, найденному нами въ 1893 году въ одномъ изъ Загорскихъ, Дисненскаго у., кургановъ²⁾ и вообще, по сравненію съ другими однородными предметами, характеризуетъ славянское погребеніе³⁾.

¹⁾ О. Покровскій. Виленскій музей древностей. Табл. VII, 6 и Археологическія экскурсіи по Виленской губерніи, стр. 47. Ср. Календарь Сѣверо-Западнаго края на 1890 г., научно-литературный отдѣлъ, стр. 14.

²⁾ Труды Виленскаго Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 166.

³⁾ О. Покровскій. Виленскій Музей древностей. Табл. XVI, общее заключеніе.

Курганы № 9 по 15-й.

Не представили никаких интересных особенностей и предметов.

Курганъ № 16-й (четыреугольный).

Окружность 50 шаг. Длина, съ С.-В. на Ю.-З., 18 арш. Ширина 14 арш. 8 в. Высота 1 арш. 6 в. Рвовъ незамѣтно, и курганъ, вѣроятно, насыпанъ изъ приносной земли.

Около центра кургана, на грунтѣ, на угольной подстилкѣ, — четыре, поставленныхъ рядомъ по одной прямой линіи, горшка. Въ разстояніи трехъ аршинъ на З. отъ центра, также на грунтѣ, — небольшое количество жженныхъ костей и вмѣстѣ съ ними — желѣзный ножикъ, бронзовая пряжка и обломки кольца изъ неопредѣленного металла. На Ю.-З.-З., на разстояніи четырехъ аршинъ отъ центра, — желѣзный топоръ. Всѣ четыре горшка плосчатой формы и приготовлены изъ сѣрой глины и съ наружной стороны были смазаны, повидимому, желтоватой глиной. Точная величина наименьшаго горшка діаметръ дна — 100^{mm}, высота — 145^{mm}, приблизительный діаметръ нѣскольکو овальнаго раструба 155^{mm}. Остальные горшки, при извлеченіи изъ нихъ земли, распались на части, и точная величина ихъ не можетъ быть опредѣлена. Впрочемъ, всѣ они отличаются отъ описаннаго лишь нѣскольکو большими размѣрами. Всѣ четыре горшка были наполнены одинаковымъ съ курганною насыпью пескомъ и, слѣдовательно, помѣщены были въ курганъ безъ всякаго содержимаго. Нѣкоторую характерность ножа изъ этого кургана представляетъ непропорціональная толщина тыля и тенденція наклона клинка внизъ, какую онъ долженъ былъ обнаруживать въ соединеніи съ рукояткой. Пряжка — въ формѣ современной латышской саксты, приготовлена изъ шестиграннаго стержня, толщиной въ 2—3^{mm}, на концахъ расклепаннаго и завитаго въ формѣ двухъ правильныхъ цилиндриковъ. Приблизительный діаметръ пряжки около 30^{mm}. Игла — простой гвездеобразной формы. Весь предметъ покрытъ бирюзоваго цвѣта патиною и обращаетъ на себя вниманіе тщательностью работы, необычной для такихъ маленькихъ сакстъ. Обломки кольца, по всей видимости, составляютъ части браслета. Топоръ — узкоклинковой формы; высота его 180^{mm}, длина, по направленію хорды, дугообразнаго лезвья — 67^{mm}, обухъ овальной формы, длиною, по направленію топорща, около 65^{mm}. Клинокъ обнаруживаетъ тенденцію изгиба въ сторону топорща.

Курганъ № 17-й.

Окружность 49 шаг. Поперечникъ 17 арш. Высота 1 арш. 12 в. Вершина разрушена вѣтромъ, и едва ли курганъ не былъ даже испорченъ кладоискателями. Ровъ, бывший вокругъ кургана, заплылъ, хотя по оставшимся отъ него слѣдамъ и теперь можно предполагать, что онъ состоялъ изъ чередующихся со всходами небольшихъ ямъ.

К у р г а н ь № 18-й.

Окружность 40 шаг. Поперечникъ 14 арш. Высота 1 арш. Рвовъ незамѣтно, потому что курганъ находится среди бывшего вокругъ его поля.

Въ центрѣ кургана, на грунтѣ, значительное, сравнительно, количество жженныхъ костей, и среди нихъ желѣзные — умбо, копье и ножъ и бронзовый спиральный перстень съ обломками такого же спирального кольца. Въ разстояніи двухъ съ половиною аршинъ на В. отъ центра, также на грунтѣ, очень мало жженныхъ костей и здѣсь же желѣзный ножъ и бронзовая пряжка.

Умбо круглый съ плоскими бортами, 150^{mm} въ діаметрѣ; выпуклая часть въ формѣ цилиндра, величиною въ $\pi 46^2 19^{mm}$, выведенная конусомъ величиною въ $\frac{\pi 46^2 35^{mm}}{3}$.

По краю умбо — орнаментъ, изъ точкообразныхъ выпуклинъ; здѣсь же — три пробоины для гвоздей, посредствомъ которыхъ умбо прикрѣплялся къ щиту. Одна половина предмета сохранилась замѣчательно хорошо, очевидно, вслѣдствіе сильнаго дѣйствія огня, слѣды котораго обнаруживаются въ красной, какъ краска, окалинѣ; другая же половина покрыта слоемъ ржавчины. Умбо, принадлежа вообще къ разряду нерѣдкихъ находокъ въ курганахъ нашего края, въ большинствѣ случаевъ представляются въ описанной нами формѣ. Кромѣ найденнаго одновременно съ описываемымъ ¹⁾ какъ аналогичные экземпляры должны быть отмѣчены — семь умбоновъ Виленскаго Музея ²⁾ одинъ — изъ гробяллоовскихъ, Виленскаго у., кургановъ ³⁾ и одинъ найденный въ Утянахъ, Ковенской губерніи ⁴⁾. Копье — длиною въ 240^{mm}; клинокъ эллиптической, съ удлинениемъ по направленію къ оконечности, формы, длина 125^{mm}, наибольшая ширина 40^{mm}; втулка — конической формы и соединяется съ клинкомъ посредствомъ цилиндрической шейки. Хотя весь предметъ покрытъ густымъ слоемъ ржавчины, тѣмъ не менѣе около раструба втулки можно наблюдать орнаментъ, въ формѣ трехъ нарѣзныхъ линій, образующихъ три, параллельныхъ краямъ раструба, рельефныхъ пояска. Въ разстояніи 50 милл. отъ оконечности клинокъ согнутъ почти подъ прямымъ угломъ. На клинкѣ сохранились остатки тонкой ткани. Пряжка изъ этого кургана приготовлена изъ круглой, сплюснутой съ двухъ сторонъ, проволоки и имѣетъ форму четырехугольника съ закругленными углами и вогнутыми продольными сторонами; приблизительный размѣръ ея около 18×30 кв. милл. Игла вращается на кратчайшей сторонѣ.

К у р г а н ь № 19-й.

Окружность 28 шаг. Поперечникъ 9 арш. 8 в. Высота 12 вершк. Ровъ при основаніи неправильный, очевидно, потому, что къ кургану непосредственно прилегаютъ другіе.

¹⁾ См. ниже — курганы близъ Черной Лужи.

²⁾ Каталогъ предметовъ Виленскаго музея древностей. 1885 г. Отд. Г. № 438 — 444.

³⁾ Виленскій Вѣстникъ, 1891 г. № 242.

⁴⁾ E. Tyszkiewicz. Badania archeologiczne. Tab. II, 3.

Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, жженыя кости и среди нихъ желѣзные топорь и копье и бронзовые, — пряжка и пара серегь. — Топорь (табл. III, фиг. 1) изъ разряда ширококлинковыхъ; высота его 150^{mm}. Клинокъ трапецидальной формы, наибольшая ширина его, по направленію лезвья, 100^{mm}; средняя высота около 60^{mm}. Обухъ сфероидальной формы, съ выступомъ въ сторону топорща. Вверху бородки зарубка. — Копье (табл. III, фиг. 2) обращаетъ на себя вниманіе тщательностію его работы. Трубочатая втулка, длиною въ 75^{mm}, имѣетъ форму усѣченного конуса, правильность котораго нарушается нѣкоторою выпуклостію боковъ. Клинокъ, длиною въ 175^{mm}, на всемъ протяженіи представляетъ въ поперечномъ сѣченіи фигуру ромба съ вогнутыми незначительно краями, при чемъ въ наиболѣе широкой (близъ втулки) части продольная діагональ ромба равняется 23^{mm}, а поперечная — двѣнадцати. Плечики клинка обработаны по направленію правильной дуги. Со стороны формы копье больше всего находитъ для себя сходства въ одномъ изъ финляндскихъ экземпляровъ позднѣйшаго времени¹⁾, хотя сходство это можетъ быть и случайное. — Пряжка (табл. III, фиг. 3), въ одной половинѣ сильно поврежденная огнемъ, имѣла форму не вполне замкнутого кольца и приготовлена изъ массивнаго, въ поперечномъ разрѣзѣ овальнаго, стержня. Оба конца пряжки обработаны, повидимому, въ формѣ лошадиныхъ ногъ; по крайней мѣрѣ, самыя оконечности ясно обнаруживаютъ попытку мастера придать имъ форму лошадинаго копыта. Приблизительный внѣшній діаметръ пряжки 54^{mm}, а внутренній 32^{mm}. Игла, уцѣлѣвшая только отчасти, однимъ концомъ напаяна, въ качествѣ рубчика, на пластинчатое кольцо, при помощи котораго она вращается на пряжкѣ. — Серьги состоятъ изъ колець сохранившихъ только на одномъ экземплярѣ, бубенчикъ составлявшій ихъ украшеніе (табл. III, фиг. 4).

К у р г а н ь № 20-й.

Окружность 37 шаг. Поперечникъ 14 арш. Высота 1 арш. 3 в. Окружающій курганъ ровъ дѣлится всходами на четыре части; всходы съ С.-В., Ю.-В., Ю.-З. и С.-З. Вершина кургана разрушена вѣтромъ и на поверхности, въ разныхъ мѣстахъ, наблюдаются жженыя кости.

Подъ всей насыпью, по грунту, густой слой земли чернаго цвѣта въ перемѣшку съ большимъ количествомъ древесныхъ углей. На всемъ протяженіи пласта разбѣяны въ безпорядкѣ мелкія жженыя кости, и собрано, также въ разныхъ мѣстахъ, до четырнадцати различныхъ желѣзныхъ и бронзовыхъ предметовъ, именно: въ самомъ центрѣ кургана — желѣзный наконечникъ стрѣлы, въ нѣкоторомъ разстояніи на С.-З. — желѣзная шпора, въ разстояніи полутора аршина отъ центра на С. — желѣзный наконечникъ копья, въ разстояніи 1³/₄ арш., на Ю. отъ центра — два желѣзныхъ предмета неопредѣленнаго назначенія, въ разстояніи двухъ аршинъ отъ центра, въ томъ же направленіи, — желѣзные колокольчикъ и пряжка; въ разстояніи двухъ съ половиной аршинъ на Ю.-З. отъ центра — бронзовые бубенчикъ и

¹⁾ Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. № 1541.

АРХЕОЛОГ. СВЯЗЪ ВЪ РИГѢ.

пряжка; въ трехъ, приблизительно, аршинахъ на С.-В. отъ центра — бронзовая пряжка — сакста и, наконецъ, въ послѣднемъ же направленіи, въ разстояніи трехъ съ половиной аршинъ отъ центра — желѣзные удила, стремена и топоръ.

Наконечникъ стрѣлы — въ формѣ долота; наибольшая, по направленію лезвея, ширина его — 14mm ; отсюда наконечникъ постепенно переходитъ въ четырехгранный стержень, а потомъ почти въ круглый — шиловидный насадъ. Общая длина наконечника — 160mm .

Шпора въ той своей части, посредствомъ которой она прикрѣплялась къ обуви, имѣетъ форму дуги, высотой въ 95mm ; разстояніе между оконечностями, приблизительно (одинъ конецъ отломленъ), около 100mm ; образующій дугу стержень въ поперечномъ разрѣзѣ представляетъ полукругъ съ діаметромъ въ 10mm . Игла — въ формѣ круглаго стержня съ постепеннымъ утолщеніемъ по направленію къ оконечности, гдѣ стержень заканчивается конусомъ. Длина иглы около 40mm . Вся шпора съ лицевой стороны орнаментирована набитыми точками, а игла въ ближайшей къ дугѣ части украшена бугорчатымъ пояскомъ (табл. III, фиг. 5).

Копье длиною въ 250mm , и наибольшая ширина клинка 35mm . Клинокъ, очевидно въ моментъ погребенія, изогнутъ въ формѣ кольца, такъ, что окружность его незамкнута не болѣе какъ на одну пятую своей величины.

Каждый изъ двухъ одинаковыхъ предметовъ — неопредѣленнаго назначенія состоитъ изъ двухъ пластинокъ, соединенныхъ при помощи двухъ гвоздиковъ въ двухъ параллельныхъ плоскостяхъ. Ширина каждой пластинки 15mm , длина 59mm , толщина не болѣе одного миллиметра. Концы пластинокъ срѣзаны по направленію полуокружности. Гвоздики проходятъ близъ самыхъ оконечностей, и длина ихъ или, что то же, разстояніе между пластинками равняется 8mm . Описанныя пластинки, не имѣя самостоятельнаго значенія, служили, очевидно, для скрѣпленія отдѣльныхъ частей въ какихъ-нибудь предметахъ вооруженія или конской сбруи (табл. III, фиг. 6).

Колокольчикъ склепанъ изъ двухъ пластинъ при помощи гвоздей и, по своей формѣ, ближе всего стоитъ къ параллелепипеду, съ болѣе или менѣе закругленными только двугранными углами. Язычокъ подвѣшенъ къ укрѣпленной въ донышкѣ дужкѣ. Черезъ пробоину, сдѣланную въ срединѣ донышка, проходитъ искривленный гвоздь, который очевидно имѣетъ значеніе ушка. Кромѣ одинаковаго съ описаннымъ колокольчика, принадлежащаго Виленскому Музею¹⁾, какъ аналогичный предметъ долженъ быть отмѣченъ одинъ колокольчикъ изъ мордовскихъ древностей²⁾.

Пряжка приготовлена изъ плоскаго стержня, толщиной около 3mm и шириною въ $5 — 6\text{mm}$. Гвоздевидная, кривая игла соединена съ пряжкой при посредствѣ кольцевиднаго изгиба одного изъ ея концовъ. Длина иглы, опредѣляющая и наибольшее протяженіе всей пряжки, — около 60mm . Передняя дуга пряжки съ лицевой стороны орнаментирована поперечными нарѣзными линиями (табл. III, фиг. 7).

Пряжка (табл. III, фиг. 8) изъ витого стержня и имѣетъ форму незамкнутаго кольца, величиною въ 31mm , по его внѣшнему діаметру. Концы загнуты вверхъ и

¹⁾ Каталогъ музея, 1885 г. Отд. Г., № 409.

²⁾ Aspelin Antiquités du Nord Finno-Ougrien, № 864.

имѣютъ форму звѣриныхъ головокъ. Пряжка эта находитъ для себя не мало вполнѣ аналогичныхъ, даже до полной тождественности, предметовъ. Сюда относятся одинъ экземпляръ Эстонскаго Музея изъ Реиде ¹⁾, пряжка изъ Люцинскаго могильника ²⁾ и нѣсколько экземпляровъ (одинъ серебряный) изъ собранія гр. Плятера, въ Вильнѣ ³⁾

Пряжка сакста (табл. III, фиг. 9) приготовлена изъ круглаго, орнаментированнаго спиральнымъ нарѣзомъ, стержня, толщиною въ 4^{mm}. Внѣшній діаметръ пряжки 35^{mm}. Расклепанные концы обычно приподняты вверхъ и завиты въ видѣ цилиндрическихъ колечекъ. Обычная гвоздевидная игла, кажется, желѣзная. За исключеніемъ величины, пряжка во всѣхъ отношеніяхъ тождественна съ однимъ изъ однородныхъ предметовъ Люцинскаго могильника ⁴⁾ и съ такимъ же изъ кургановъ Минской губерніи ⁵⁾.

Бубенчикъ — двулепестковый и имѣетъ форму правильнаго шара, величиною въ 17^{mm} по его діаметру. По направленію окружности, отдѣляющей лепестки отъ чашечки, — двѣ нарѣзныхъ параллельныхъ линіи.

Удила — въ формѣ двухъ колець изъ круглой проволоки, соединенныхъ двумя четырехгранными стержнями; длина одного стержня 96^{mm}, а другого 77^{mm}.

Стремена (рис. 14) въ формѣ полуовальныхъ колець, высотой въ 112^{mm} и шириною

Рис. 14.

около 118^{mm}. Слабо выгнутыя подножки эллиптической формы, съ наибольшею шириною въ 36^{mm}. Переходъ подножки въ луку въ обоихъ стременахъ отмѣченъ отроостками

¹⁾ Hartmann. Das vaterländische Museum. s. 83. № 106.

²⁾ Матеріалы по археологій Россіи, № 14. Табл. VI, I.

³⁾ Большая часть предметовъ коллекціи гр. Плятера состоитъ изъ курганныхъ находокъ въ окрестностяхъ Швекшени, Ковенской губерніи.

⁴⁾ Матеріалы по археологій Россіи, № 14. Табл. VI, 6.

⁵⁾ В. Завитневичъ. Вторая археологическая экскурсія въ Припятское полѣсье. Табл. № 6с.

ушками. Лука расклепана въ перпендикулярной къ подножкѣ, плоскости, и на вершинѣ—остроконечной формы. Ушки замѣняются четырехугольными пробоями въ вершинѣ луки. На лукѣ одного стремени замѣтны слѣды орнамента, въ формѣ спирально нарѣзныхъ линий. — При общей стереотипности формы, стремена эти больше всего обнаруживаютъ сходства съ однороднымъ, отмѣченнымъ Бэромъ, экземпляромъ изъ ливонскихъ древностей¹⁾.

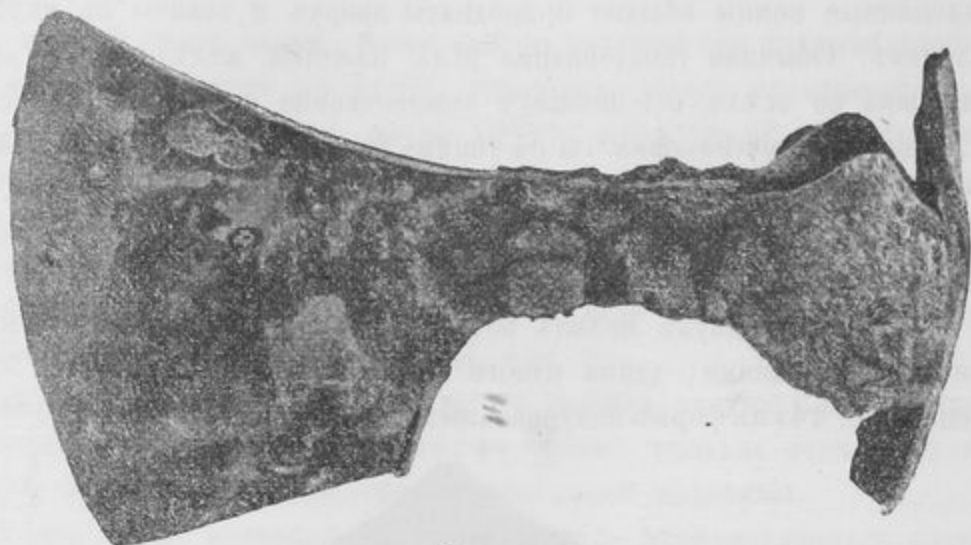

Рис. 15.

Топоръ изъ разряда ширококлинковыхъ (рис. 15). Высота его 162^{mm}. Высота клинка около 70^{mm}, а длина его, по направленію хорды лезвия, 103^{mm}. При общей стереотипности топоръ представляетъ нѣкоторую характерность со стороны обработки обуха, именно, втулка ограничивается съ боковъ ромбоидальными пластинами, а сверху — параллелограммоидальною. Подобную обработку обуха можно наблюдать среди ливонскихъ²⁾ и бѣлорусскихъ древностей³⁾.

К у р г а н ы №№ 21 и 22-й.

Оба эти кургана были раскопаны дѣтьми уже послѣ нашего отъѣзда изъ Засвири, и изъ вещей добытыхъ въ нихъ, доставлены намъ, изъ перваго кургана — топоръ, желѣзное кольцо и безформенные бронзовые слитки, а изъ втораго — глиняная пряслица, желѣзная игла и шило.

П р и м ѣ ч а н і я.

Выше было замѣчено, что среди Засвирскихъ кургановъ, обнаруживающихъ вообще форму невысокихъ сферическихъ сегментовъ, наблюдается два-три кургана съ четырехугольнымъ основаніемъ. Изслѣдованіе этихъ кургановъ даетъ основаніе считать ихъ четырехугольную форму явленіемъ не преднамѣреннымъ со стороны строителей

¹⁾ Bähr. Die Gräber der Liven. Taf. XVI, 7.

²⁾ Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. № 2007.

³⁾ В. Завитневичъ. Вторая археологическая экскурсія въ Припетское полѣсье. Табл. ш 4.

кургановъ, а, повидимому, чисто случайнымъ. Четырехугольные курганы, наблюдаемые на С. мѣстности — отчасти и въ Свенцянскомъ, а главнымъ образомъ въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ, характеризуются обыкновенно предварительнымъ опредѣленіемъ границъ кургана, при помощи древесныхъ углей или бѣлаго песка, и своеобразнымъ, почти постояннымъ, положеніемъ рвовъ, при основаніи кургана¹⁾; здѣсь же не наблюдается ни того ни другого, и четырехугольная форма здѣшнихъ кургановъ, кажется, результатъ случайнаго отступленія, при рытьѣ рва для насыпи кургана, отъ правильнаго криволинейнаго направленія.

Незначительные размѣры кургановъ должны быть объясняемы естественнымъ разрушеніемъ кургановъ, такъ какъ они состоятъ изъ сыпучаго песка, и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишенаго даже и тощаго травяного покрова. Средняя указанная величина съ наибольшимъ приближеніемъ опредѣляетъ размѣры кургановъ, расположенныхъ въ срединѣ группы: курганы, выдающіеся по своимъ бѣльшимъ размѣрамъ, находятся близъ периферій.

Обрядъ погребенія. Прежде всего долженъ быть отмѣченъ единственный, вѣроятно во всей группѣ, случай погребенія не жженаго костяка, — въ курганѣ № 8. Подробности этого погребенія указаны въ описаніи кургана, здѣсь же не излишне отмѣтить, кромѣ самого факта присутствія въ курганѣ цѣльнаго костяка, находеніе при немъ стекляннй посеребренной бусы, глинянаго, съ надоннымъ рисункомъ, горшка и каменнаго топора. Фактъ погребенія не жженныхъ труповъ въ томъ видѣ, какъ онъ обнаруженъ въ данномъ случаѣ представляетъ болѣе частое и, можно сказать, даже обычное явленіе въ мѣстахъ, расположенныхъ на В. описываемой мѣстности — въ бывшей землѣ Дреговичей²⁾. Точно такъ же и стеклянныя бусы указанного вида составляютъ одинъ изъ болѣе часто находимыхъ предметовъ въ дреговическихъ именно курганахъ³⁾. Наконецъ, по установившемуся мнѣнію, и глиняные горшки съ надонными рисунками составляютъ особенность славянскаго погребенія⁴⁾. Эти три факта даютъ достаточно основаній для того, чтобы опредѣлять погребеніе въ восьмомъ курганѣ въ смыслѣ принадлежности его, иноплеменнику, — очевидно, восточному сосѣду тѣхъ засвирскихъ жителей, которымъ принадлежатъ всѣ остальные описанные нами курганы.

За исключеніемъ описаннаго случая, во всѣхъ остальныхъ курганахъ обрядъ погребенія — трупосожженіе. Въ одномъ курганѣ (№ 7) обнаруживаются ясныя слѣды бывшаго здѣсь же, повидимому, костра, но костеръ этотъ, по аналогіи съ другими однородными явленіями, остатокъ не личнаго, кажется, погребенія, а сожженія, по всей вѣроятности, коня. Такимъ образомъ, подъ условіемъ отрицанія въ 7-мъ курганѣ личнаго костра, трупосожиганіе всегда производилось внѣ кургана, — на сторонѣ и въ разныхъ, всякій разъ, повидимому, мѣстахъ: по крайней мѣрѣ, слѣдовъ кострищъ или пепелищъ по сосѣдству съ курганами не обнаружено. Для воспроизведенія по-

¹⁾ Труды Виленскаго IX археологическаго Съѣзда. Томъ II, стр. 61.

²⁾ Труды IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ, 1895 г. Т. 1, стр. 221. В. З. Завитневичъ; формы погребальнаго обряда въ могильныхъ курганахъ Минской губ. и др.

³⁾ О. Покровскій. Археологическія экскурсіи по Виленской губерніи. 1893 г., стр. 47.

⁴⁾ О. Покровскій. Виленскій музей древностей. Табл. XV I.

дробной картины трупосожженія достаточныхъ данныхъ нѣтъ, хотя, если судить по замѣтнымъ на всѣхъ бытовыхъ предметахъ а также и на остаткахъ личнаго наряда слѣдамъ огня, умершаго клали на костерь въ его парадномъ одѣяніи и съ атрибутами его общественнаго и частнаго быта. Слѣды огня наблюдаются также и на предметахъ конской сбруи, и это говоритъ объ одновременномъ сожженіи съ умершимъ и его коня, но происходило ли сожженіе умершаго и его коня на одномъ кострѣ, или на разныхъ, — ни того ни другого утверждать нѣтъ основаній. Незначительные остатки личнаго праха вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими въ огнѣ предметами снаряженія умершаго переносились на мѣсто предполагаемаго кургана и здѣсь возводилась надъ ними насыпь. Погребальныхъ урнъ (вмѣстилищъ праха) ни въ одномъ курганѣ не обнаружено. Положеніе праха и другихъ предметовъ совпадаетъ обыкновенно съ центромъ основанія кургана. Въ нѣкоторыхъ курганахъ наблюдается по нѣскольку погребеній, — въ разныхъ мѣстахъ курганной насыпи. Изъ нѣсколькихъ погребеній, одновременнымъ съ возведеніемъ кургана, должно считаться, очевидно, центральное, остальные же принадлежатъ позднѣйшему сравнительно времени. Фактъ этотъ говоритъ о необязательности возведенія кургана надъ прахомъ каждаго умершаго и объ обычай пользоваться для погребенія праха уже готовыми курганами.

Предметы, найденные въ курганахъ съ трупосожженіемъ, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ группамъ: а) предметы личнаго наряда, б) бытовые и в) принадлежности конской сбруи.

а) Предметы личнаго наряда: 1) *Серьги*. Значеніе серьги, повидимому, должно быть усвоено кольцу, съ подвѣшеннымъ къ нему бубенчикомъ, найденному въ курганѣ № 19. 2) *Шейныя украшенія*. Сюда относятся обломки пластинчатой гривны изъ кургана № 1, два обрывка жгута изъ 5-го кургана, и два шейныхъ обруча (одинъ въ обломкахъ) изъ тонкой проволоки, — оба изъ кургана № 6. Цѣльный обручъ изъ послѣдняго кургана представляетъ нѣкоторую оригинальность со стороны его затвора, вообще же обручи не отличаются отъ обычныхъ предметовъ этого рода изъ прибалтійскихъ кургановъ. Къ разряду также шейныхъ украшеній должны быть отнесены стеклянная синяя буса и бронзовая спиралька изъ кургана № 6. 3) *Нагрудныя украшенія*. Чаше другихъ повторяющійся въ курганахъ предметъ нагруднаго украшенія составляютъ пряжки, которыя найдены въ шести курганахъ (№№ 2, 3, 16, 18, 19 и 20). Всѣ пряжки бронзовыя, — съ преобладающею подковообразною формою, которую можно считать прототипомъ употребляющейся и до сихъ поръ преимущественно у латышей — пряжки-саксты. Пряжки изъ кургановъ 3-го и 20-го, вплоть до детальныхъ ихъ особенностей, находятъ для себя полную аналогію среди литовско-латышскихъ древностей конца предыдущаго тысячелѣтія. Какъ части нагрудныхъ также украшеній слѣдуетъ, повидимому, трактовать и три бубенчика, — изъ кургановъ 3-го, 7-го и 20-го. Послѣдніе два могли имѣть значеніе самостоятельныхъ, до нѣкоторой степени, подвѣсокъ, первый же, въ виду его миниатюрности, очевидно, — заключительное звено наперсной цѣпи или спиральнаго жгута. 4) *Наручныя украшенія* — браслеты и перстни. Обломки первыхъ, оказавшіеся въ 6-мъ и 16-мъ курганахъ, обнаруживаютъ примитивную простоту и стереотипность этихъ предметовъ,

имѣвшихъ форму обыкновенныхъ массивныхъ обручиковъ. Изъ перстней, одинъ (курганъ № 18) — въ формѣ спирали, и другой (курганъ № 7) — въ формѣ массивнаго кольца съ утолщеніемъ на верхушкѣ. Наиболѣе обычная для прибалтійскихъ кургановъ — форма перваго перстня, хотя и послѣдній не составляютъ исключительнаго явленія. Въ общемъ же перстни эти, какъ и браслеты, отличаются безыскусственностью и стереотипностью. Рядъ личныхъ украшеній долженъ быть пополненъ упоминаніемъ кольца изъ кургана № 3, которое очевидно служило подвѣскою къ поясу, — не столько, впрочемъ, въ качествѣ украшенія, сколько, по всей вѣроятности, въ цѣляхъ удобнѣйшаго прикрѣпленія къ поясу кошелька съ кресаломъ и кремнемъ и нѣкоторыми другими предметами¹⁾.

б) *Бытовые предметы* могутъ быть подраздѣлены на двѣ категоріи, — предметы домашняго быта и военные. Къ первой категоріи должны быть отнесены семь ножей (изъ кургановъ 1-го, 2-го, 3-го, 7-го, 16-го и 18, два), два шила (курганы 1-й и 22-й), игла (курганъ 22-й), кресало (курганъ 3-й), два серпа (курганы 4-й и 5-й), четыре глиняныхъ пряслицы (курганы 1-й, 5-й и 22-й) и глиняные горшки. Предметы военнаго быта, состоятъ преимущественно изъ топоровъ и копій; первыхъ найдено шесть, — въ курганахъ — 2-мъ, 3-мъ, 16-мъ, 19-мъ, 20-мъ и 21-мъ, — вторыхъ пять, — въ курганахъ 2-мъ, 3-мъ, 18-мъ, 19-мъ и 20-мъ. Кромѣ того, по одному военному предмету найдено было въ курганахъ 7-мъ, 18-мъ и 20-мъ, — въ 7-мъ — остатки меча съ ножами, — въ 18-мъ — умбо и въ 20-мъ — наколочникъ стрѣлы.

Всѣ ножи отличаются небольшими размѣрами и принадлежать, очевидно, къ разряду ножныхъ, т.-е. такихъ, которые до послѣдняго времени носили на поясѣ, на примѣръ, витебскіе латыши²⁾ и которые до сихъ поръ употребляются въ Припетскомъ Полѣсьѣ.³⁾ Шилья, иглы и кресало — обычной, употребляющейся и теперь, формы. — Изъ *серповъ*, — одинъ (курганъ 4) такой же, какъ и теперь, формы и принадлежитъ къ разряду нерѣдко находимыхъ въ курганахъ, обыкновенно, совмѣстно съ предметами конской сбруи, чаще всего, съ удилами; другой серпъ (курганъ № 5), вслѣдствіе его детальныхъ особенностей (см. выше), очевидно, не могъ имѣть усвоеннаго серпамъ практическаго значенія, и такимъ образомъ его слѣдуетъ, кажется, трактовать какъ символическій знакъ, можетъ-быть, специально приготовленный для погребальнаго обряда. Серпы этого вида до сихъ поръ, кажется, не имѣли прецедента въ археологической практикѣ, и по сравненію съ серпами перваго, обычнаго типа, представляютъ ту особенность, что всѣ они найдены совмѣстно съ предметами, характеризующими женскія погребенія. — Пряслицы, со стороны ихъ общей формы (высокій, сравнительно, цилиндръ) и боковаго спиральнаго орнамента, ближе всего стоятъ къ однороднымъ предметамъ изъ кургановъ литовской половины Виленской губерніи, хотя, въ виду стереотипности, вообще, пряслицъ, факту этому не слѣдуетъ придавать рѣшающаго значенія въ вопросахъ этнографическаго или хро-

¹⁾ Труды IX Археолог. Съѣзда. Т. I, стр. 230.

²⁾ О. Покровскій. Виленскій музей древностей. Табл. XIV, 10 — 11.

³⁾ Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 230.

нологического, по отношенію къ курганамъ, характера. — Всѣ горшки лѣпной работы, и дѣльные изъ нихъ (курганъ № 16) площадой формы. При несомнѣнномъ знакомствѣ строителей кургановъ съ гончарнымъ кружкомъ (см. напр., хотя бы 8-й курганъ), присутствіе въ курганахъ лѣпныхъ исключительно горшковъ должно быть объясняемо, съ наибольшею, кажется, вѣроятностію, въ смыслѣ ритуальнаго требованія, а можетъ-быть и простого, утратившаго свой первоначальный ритуальный характеръ, обычая¹⁾. — Топоры двойкой формы: два (курганы 2 и 16) — узкоклиновыя, у остальныхъ четырехъ клинокъ въ формѣ широкой пластины. Болѣе обычна для литовскихъ кургановъ первая форма, преобладающее же въ курганахъ количество топоровъ второй формы, можетъ-быть, находится отчасти въ зависимости отъ вліянія восточныхъ сосѣдей, въ курганахъ которыхъ чаще наблюдается именно эта послѣдняя форма. При одновременномъ употребленіи топоровъ обѣихъ этихъ формъ, древнѣйшими должны считаться, повидимому, топоры первой формы, по крайней мѣрѣ въ качествѣ прототипа ихъ можетъ быть указана одна изъ формъ бронзоваго топора²⁾. — Копья характерныхъ особенностей не представляютъ и, какъ вообще предметъ стереотипный, могутъ служить лишь показателемъ степени воинственности оставившаго курганы народа.

При сопоставленіи количества кургановъ, въ которыхъ оказались предметы вооруженія (8), съ общемою суммою раскопанныхъ кургановъ (22), обнаруживается высокая степень воинственности оставившаго курганы племени (болѣе 36%), что находилось, вѣроятно, въ зависимости отъ его пограничнаго положенія, а можетъ-быть и вызывалось тѣмъ политическимъ броженіемъ и раздробленностью, которыя должны были существовать и существовали въ эпоху образованія литовскаго государства.

г) *Предметы конскаго убора* состоятъ изъ двухъ паръ удилъ найденныхъ въ 3-мъ и 20-мъ курганахъ, двухъ *пряжекъ*, изъ кургановъ 7-го и 20-го, и одного колокольчика, изъ кургана 20-го. Къ этой же категоріи предметовъ должны быть отнесены и кавалерійскіе атрибуты, — стремяна и шпора изъ кургана также 20-го. — Нѣсколько характернѣе другихъ предметовъ шпора (см. описаніе выше), но она, къ сожалѣнію, не находитъ для себя аналогичныхъ предметовъ среди курганныхъ древностей, всѣ же остальные предметы настолько стереотипной формы, что указанная аналогія ихъ въ такой же мѣрѣ возможна и съ употребляющимися до сихъ поръ однородными предметами.

Вопросъ о времени происхожденія Засвирскихъ кургановъ, вслѣдствіе отсутствія точныхъ хронологическихъ данныхъ, въ родѣ, напримѣръ, находки монетъ, можетъ быть рѣшенъ лишь въ формѣ гипотезы, и, вдобавокъ, — гипотезы очень растяжимой. Дѣло въ томъ, что предметы болѣе характерные, какъ, напр., шейный обручъ изъ кургана № 6, или серпъ изъ кургана 5-го, или вовсе не находятъ для себя аналогій, или же аналогичны съ предметами недатированныхъ также кургановъ, другіе же предметы настолько стереотипны, что хронологическія показанія ихъ настолько же сомнительны, насколько растяжима ихъ аналогія. Тѣмъ не менѣе, за недостат-

¹⁾ Aspelin Antiquités du Nord Finno-Ougrien, стр. 59.

²⁾ Объ этомъ нѣсколько подробнѣе см. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 196.

комъ другихъ данныхъ, приходится обратить вниманіе на аналогію послѣднихъ именно предметовъ и въ частности пряжекъ, которыя среди предметовъ личнаго наряда занимаютъ въ количественномъ отношеніи первое мѣсто. Во-первыхъ, почти всѣ пряжки подковообразной формы и слѣдовательно принадлежатъ къ позднѣйшему періоду желѣзнаго вѣка¹⁾. Во-вторыхъ, пряжки, найденныя въ 3-мъ и 20-мъ курганахъ, настолько типичны, что въ случаѣ возможности для нихъ аналогіи, послѣдняя не можетъ считаться случайностію, а очевидно результатъ одновременнаго происхожденія предметовъ. Аналогія эта — есть; именно пряжка 3-го кургана одинакова съ однороднымъ предметомъ съ Дрогичинскаго городища, а пряжка 20-го кургана — съ такимъ же предметомъ изъ Люцинскаго могильника. Дрогичинская пряжка, правда, сама нуждается въ хронологическомъ опредѣленіи, Люцинскій же могильникъ русская археологія находитъ возможнымъ причислять къ X вѣку. Въ виду этого факта и для Засвирскихъ кургановъ возможно допустить существованіе ихъ въ X-мъ вѣкѣ. На то же время косвеннымъ образомъ указываетъ и погребеніе въ курганѣ 8-мъ, которое по своему типу однородно съ курганами, находящимися на В. и Ю.-В. отъ описываемой мѣстности. Послѣдніе въ довольно значительномъ количествѣ обследованы и, какъ оказалось, относятся къ X вѣку²⁾. Впрочемъ это указаніе времени не должно быть понимаемо въ смыслѣ точнаго хронологическаго опредѣленія кургановъ: въ виду нѣкотораго разнообразія найденныхъ въ курганахъ предметовъ, а также въ виду необычно (для кургановъ съ трупосожженіемъ) значительнаго количества кургановъ, время образованія Засвирскаго могильника должно опредѣляться, кажется, нѣсколькими столѣтіями, среди которыхъ X вѣкъ занимаетъ, можетъ-быть, центральное мѣсто, или, едва ли не вѣроятнѣе, отмѣчаетъ время возникновенія могильника, конецъ котораго долженъ совпадать съ введеніемъ христіанства.

Для этнографическаго опредѣленія могильника какъ факты, имѣющіе значеніе, должны быть отмѣчены бѣлорусское нарѣчіе у окрестнаго населенія и, съ противоположной стороны, полнѣйшее сходство погребальнаго обряда и курганныхъ находокъ съ тѣми же предметами въ земляхъ исконно литовскихъ. Рѣшающее, очевидно, значеніе въ данномъ вопросѣ долженъ имѣть послѣдній фактъ, такъ какъ, въ виду почти пограничнаго литовско-славянскаго положенія присвирскаго населенія, бѣлорусскій говоръ его можетъ быть объясненъ или естественною ассимиляціею литовцевъ славянами, или вообще незначительнымъ передвиженіемъ этнографической границы по направленію на С.-З.

V. Гузковскіе курганы.

Дер. Гузки — Шеметовской волости, Свенцянскаго уѣзда. Географическое положеніе ея опредѣляется 44°10' в. д. и 54°48' с. ш. Курганы, или, говоря точнѣе слѣды бывшихъ когда-то кургановъ, наблюдаются въ разстояніи полуверсты на Ю.-З.

¹⁾ Для даннаго мѣста этотъ періодъ можно опредѣлить VIII в. и введеніемъ христіанства. См. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien.

²⁾ Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 221 и сл.

АРХЕОЛОГ. СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

отъ деревни, въ такъ называемой мѣстности Шиптарихи. Вслѣдствіе почти полнаго уничтоженія кургановъ, о существованіи ихъ никто изъ окрестныхъ жителей, конечно, не подозрѣвалъ, и намъ удалось напасть на нихъ совершенно случайно. При осмотрѣ береговъ Свирскаго озера, около дер. Гузковъ мы случайно встрѣтили пастуха этой деревни, который, зная о цѣли нашей прогулки, сообщилъ, между прочимъ, что и онъ разъ въ Шиптарихахъ нашелъ топоръ и желѣзную шляпу (очевидно, умбо). Согласившись указать намъ мѣсто находки, пастухъ привелъ насъ на упомянутыя Шиптарихи. Мѣсто это представляетъ ровную площадь, — съ слабою травяною растительностію, а по мѣстамъ и съ большими проталинами сыпучаго песку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песчаныхъ проталинъ валялись въ незначительномъ количествѣ мелкія жженыя кости и ничтожные обломки глиняныхъ лѣпныхъ черепковъ. При первомъ взглядѣ на остатки этихъ костей и черепковъ не оставалось сомнѣнія, что передъ нами мѣсто бывшихъ когда-то здѣсь кургановъ, при дальнѣйшемъ же осмотрѣ мѣстности намъ удалось найти, на З. отъ разрушенныхъ кургановъ, среди можжевельныхъ порослей, и довольно правильной формы холмикъ — съ ясными слѣдами его искусственнаго происхожденія и нѣсколько мѣстъ, отмѣченныхъ камнями, въ расположеніи которыхъ можно было предполагать также нѣкоторую искусственность. Произведенная нами здѣсь раскопка обнаружила, что упомянутый холмикъ, несомнѣнно, — погребальный курганъ, а также и нѣкоторые изъ камней — остатки боковыхъ обложекъ кургановъ.

Холмикъ-курганъ № 1-й.

Окружность 37 шаг. Поперечникъ 14 арш. Высота надъ грунтомъ 1 арш. 2 в. Съ сѣверо-западной стороны едва замѣтные слѣды рва. По краямъ курганъ обложенъ камнями; наблюдаются также камни, уже вросшіе въ землю, и на вершинѣ кургана.

Въ центрѣ кургана, на грунтѣ, — мелкія жженыя кости въ перемѣшку съ древесными углями, среди которыхъ оказался бронзовый спиральный перстень въ четыре оборота и изъ трехгранной проволоки, толщиною около $1\frac{1}{2}$ mm, внутренній діаметръ оборота 17 mm.

Мѣсто (2-е), обозначенное нѣсколькими, расположенными безъ всякаго порядка, камнями.

На глубинѣ десяти вершковъ, подъ оказавшеюся насыпною землею, на грунтѣ — мелкія жженыя кости и среди нихъ — желѣзный серпикъ, два бронзовыхъ спиральныхъ кольца и бронзовые же безформенные слитки. — Длина серпа, по тылю, — 147 mm, — по направленію тетивы — 100 mm; преобладающая ширина 18—19 mm. Обычныхъ для серпа зубцовъ — нѣтъ, да и вообще предметъ этотъ, въ виду его миниатюрности, не могъ имѣть практическаго примѣненія: его слѣдуетъ считать или дѣтской игрушкой, или, можетъ-быть, символическимъ изображеніемъ серпа, а слѣдовательно, и вообще земледѣлія. Какъ аналогичные предметы должны быть отмѣчены: желѣзный

серпъ Стокгольмскаго Музея изъ Rimforsa, Ostergötland¹⁾, серповидный ножъ изъ Ясногорскаго могильника, Ковенской губ.²⁾ и одинъ серпикъ изъ Роннебурга, относимый проф. Аспелиномъ къ древнѣйшему періоду желѣзнаго вѣка³⁾. Со стороны формы и размѣровъ ближе всего стоитъ къ нашему послѣдній. — Кольца, въ нѣсколько оборотовъ, приготовлены изъ плоской ленточки, шириною приблизительно въ 3^{mm}; и по всей вѣроятности, имѣли значеніе орнамента на цилиндрической рукояткѣ какого нибудь предмета, хотя для перваго возможно и самостоятельное значеніе, — въ качествѣ перстня.

Мѣсто (3-е), обозначенное камнями.

На площади замкнутой намѣчаемою камнями окружностью, подъ слоемъ насыпной земли, не толще пяти вершковъ, обнаружены мелкія жженыя кости въ двухъ мѣстахъ, при чемъ въ первомъ среди костей найденъ желѣзный серпъ, а во второмъ желѣзный наконечникъ копья. — Серпъ (табл. II, фиг. 1) обращаетъ вниманіе нѣкоторыми особенностями своихъ формъ: насадъ его въ видѣ довольно массивной пластины, шириною около 25^{mm}, и длиною не менѣе (самый конецъ, повидимому, разрушился) 88^{mm}, такъ что онъ и безъ вкрѣпленія въ дерево могъ служить невольнѣ неудобною рукояткой; правильность образуемой серпомъ дуги въ срединѣ послѣдней нарушается: клинокъ серпа идетъ здѣсь почти по прямолинейному направленію; конецъ же его напоминаетъ серпъ, о которомъ была рѣчь при описаніи одного изъ Задвинскихъ кургановъ. — Копье обращаетъ на себя вниманіе своими миниатюрными размѣрами: общая длина его 180^{mm}, изъ которыхъ 80 приходится на долю конической втулки, 30 — на цилиндрической формы шейку, и только 70 — на долю клинка. Вслѣдствіе сильнаго поврежденія клинка ржавчиной, нельзя положительно утверждать, какую изъ двухъ — эллиптическую или ромбоидальную форму имѣлъ клинокъ, видно только, что онъ былъ не шире 25^{mm}. Во втулкѣ до сихъ поръ сохраняются остатки древка, по которымъ можно судить о значительно большей толщинѣ древка, сравнительно съ діаметромъ раструба втулки.

П р и м ѣ ч а н і я .

Полное почти уничтоженіе кургановъ и происходящая отсюда незначительность добытыхъ въ нихъ вещей, самую собою, не позволяютъ дѣлать болѣе или менѣе точныхъ обобщеній, и такимъ образомъ приходится ограничиться лишь нѣсколькими общаго характера замѣчаніями.

Во-первыхъ, обрядъ погребенія — трупосожженіе внѣ кургана и, во-вторыхъ, положеніе праха въ курганѣ всегда совпадаетъ съ поверхностью грунта. Оба эти факта сближаютъ Гузковскіе курганы съ наиболѣе обычными вообще Литовскими и, въ частности съ сосѣдними Засвирскими курганами, отъ которыхъ они находятся

¹⁾ Montelius. Antiquités suédoises, № 485.

²⁾ Pamietnik Fizyjozraficzny. Tom VI. Driat IV. Tab. IV, 7.

³⁾ Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, № 1798.

въ разстояніи 2—3 версть. Такимъ образомъ, всѣ тѣ замѣчанія, какія умѣстны по отношенію къ Засвирскимъ курганамъ, до нѣкоторой степени приложимы и къ курганамъ Гузковскимъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что послѣдніе принадлежатъ къ болѣе раннему, повидимому, времени сравнительно съ первыми. На сравнительную древность Гузковскихъ кургановъ, кромѣ почти полного ихъ разрушенія подъ вліяніемъ времени, намекаетъ находка въ нихъ двухъ своеобразной формы серповъ. Меньшій изъ этихъ серповъ, какъ указано выше, ближе всего стоитъ по формѣ къ однородному предмету изъ древнѣйшаго періода желѣзнаго вѣка, аналогичные же для наибольшаго серпа предметы были, между прочимъ, находимы совмѣстно съ желѣзными римскими фибулами, значительная древность которыхъ также подтверждается нѣкоторыми основаніями¹⁾. Оба эти обстоятельства и слѣдуетъ имѣть въ виду при хронологическомъ опредѣленіи Гузковскихъ кургановъ и на основаніи ихъ курганы эти причислить, по крайней мѣрѣ, ко времени возникновенія Засвирскаго могильника.

VI. Понизовскіе курганы.

Именемъ Понизья обозначается теперь нѣсколько поселеній, слившихся въ одну деревню, Свирской волости, Свенцянскаго уѣзда. Географическое положеніе Понизья опредѣляется 54°51' с. ш. и 44°2' в. д. Курганы около Понизья находятся въ двухъ мѣстахъ, — въ разстояніи полуверсты на Ю.-В. отъ восточнаго конца деревни въ урочищѣ Туца, и въ разстояніи саженой двухсотъ на Ю.-З.-З. отъ западнаго конца, въ ур. Погорѣлье. Туцанскіе курганы, за исключеніемъ одного (см. № 1 изъ раскопанныхъ) — съ ясно выраженными признаками предметовъ подобнаго рода, представляютъ собою небольшія плоскія возвышенія, изъ которыхъ нѣкоторыя лишены даже правильности очертаній и такимъ образомъ допускаютъ мысль объ ихъ естественномъ происхожденіи. Всѣхъ такихъ возвышеній въ Туцѣ насчитывается едва десятокъ, и расположены они одинъ отъ другого въ разстояніи саженой пяти-десяти. — Погорѣльскіе курганы расположены отчасти на крестьянской и отчасти на казенной, поросшей можжевельникомъ и сосновымъ лѣсомъ, землѣ, прилегающей непосредственно къ правому берегу значительной рѣчки Строчи. Всѣ здѣшніе курганы, за исключеніемъ одного (см. № 5 изъ раскопанныхъ), отличающагося отъ другихъ и своею формою (усѣченный конусъ) и большими размѣрами, представляютъ небольшія, а иногда и едва лишь замѣтныя возвышенія въ формѣ сферическихъ сегментовъ. Всѣхъ кургановъ насчитывается въ Погорѣльѣ десятка полтора, и взаимное разстояніе между ними, такъ же какъ и въ Туцѣ, около 5—10 саженой. Въ противоположность Туцанскимъ Погорѣльскіе курганы были по бокамъ обложены камнями. Теперь, впрочемъ, камни наблюдаются только на нѣкоторыхъ курганахъ, съ другихъ же они разобраны въ позднѣйшее время для деревенскихъ построекъ. Кромѣ того, на вершинѣ всѣхъ

¹⁾ См. виже, напр. Желядскіе курганы.

почти Погорѣльскихъ кургановъ замѣтны углубленія, современные, по всей вѣроятности, образованію самыхъ кургановъ. У мѣстныхъ крестьянъ курганы называются копцами и значеніе ихъ опредѣляется то въ смыслѣ защитныхъ насыпей, то въ смыслѣ военныхъ могилъ. Подъ нашимъ наблюденіемъ близъ Понизья раскопано восемь кургановъ, три (№№ 1—3) въ урочищѣ Тущѣ и пять (№№ 4—8) въ ур. Погорѣлье.

Курганъ № 1-й.

Окружность 30 шаг. Поперечникъ 11 арш. Высота 1 арш. 14 в. Съ сѣверной и восточной сторонъ замѣтны части рва, раздѣляющіяся при сѣверо-восточномъ пунктѣ окружности кургана всходомъ. По грунту пластъ древесныхъ углей въ перемѣшку съ пережженою красною землею. Предметовъ никакихъ не найдено.

Курганъ № 2-й.

Окружность 60 шаговъ. Поперечникъ 19 арш. 8 в. Высота 1 арш. 10 в. Рвовъ вокругъ кургана незамѣтно.

По грунту пластъ темной земли съ примѣсью древесныхъ углей и красной перегорѣлой земли. Около середины кургана на Ю.-З. отъ центра, на грунтѣ, мелкія жженыя кости въ перемѣшку съ углями и черной землей; среди костей оказались желѣзные — топоръ, два копья, ножикъ и двѣ пряжки. Въ нѣкоторомъ разстояніи на С. отъ центра, также около середины кургана, на грунтѣ, обнаружено большое количество крупныхъ, по всей вѣроятности, лошадиныхъ, жженныхъ костей и среди нихъ — желѣзная пряжка и бронзовые щипчики. Выше костей оказалось нѣсколько камней, едва ли не служившихъ для нихъ покрытіемъ.

Топоръ изъ разряда узкоклинковыхъ, отличается небольшими размѣрами; высота его 170^{mm}; длина лезвья, по прямому направленію, 60^{mm}; длина овальнаго обуха, по направленію топорща, — 55^{mm}. Оба копья одинаковой формы, и лишь незначительно различаются по величинѣ. Подобные предметы имѣются въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ Виленскомъ Музеѣ¹⁾, найденные, по всей вѣроятности, въ курганахъ Виленской губерніи, и также нѣсколько экземпляровъ, найденныхъ нами по сосѣдству съ Понизьемъ, въ курганахъ Чернолужанскихъ²⁾. — Щипчики (табл. I, фиг. 4) въ мѣстѣ сгиба (ушко) состоятъ изъ круглой проволоки, которая по направленію къ оконечностямъ переходитъ въ четырехгранную, расклепанную на концахъ въ плоскую, пластинку. Изъ довольно многочисленныхъ однородныхъ предметовъ³⁾ ближе другихъ, по своимъ размѣрамъ и формѣ, стоитъ къ нашему № 1746 проф. Аспелина, относимый имъ къ древнѣйшему періоду желѣзнаго вѣка въ прибалтійскихъ губерніяхъ; наибольшее же

¹⁾ Каталогъ музея, 1885 г. Отд. Г. №№ 6—58.

²⁾ См. ниже.

³⁾ См. Ворсо. Сѣверныя древности Королевскаго Музея въ Бопенгагенѣ. Спб. 1861 г., стр. 60. Montelius. Antiquités suédoises, № 200, 201 и 527. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, № 884, 1746 и 1841. Матеріалы по археологіи Россіи, № 14. Табл. XIII.

сходство эти щипчики обнаруживаютъ съ однородными желѣзными предметами изъ кургановъ Чернолужанскихъ¹⁾ и до мельчайшихъ подробностей, со включеніемъ сюда даже бирюзовой окраски патины, повторяютъ щипчики изъ Урре'я²⁾. — Пряжка (табл. III, фиг. 10) выгнута изъ желѣзнаго прута овальной формы, длина ея 38^{mm}, ширина 21^{mm}. Шпинекъ въ формѣ клюва. Лицевая сторона кольца орнаментирована поперечными нарѣзными линіями.

Курганъ № 3-й оказался естественнаго происхожденія.

К у р г а н ъ № 4-й.

Окружность 35 шаг. Поперечникъ 10 арш. 8 в. Высота надъ грунтомъ 1 арш. 6 вершк. Рва кругомъ незамѣтно; по краямъ курганъ обложенъ камнями.

На В. отъ центра кургана, на высотѣ десяти вершковъ надъ грунтомъ, кучка мелкихъ жженныхъ костей. По грунту пластъ красноватой жженой земли. Около центра кургана углубляющаяся на 12 вершковъ въ грунтъ яма, заполненная пескомъ съ угольными вкрапинами. На днѣ этой ямы — кучка не вполнѣ пережженныхъ костей, среди которыхъ различаются остатки очень толстаго черепа. По сосѣдству съ костями оказались желѣзные, топоръ, копье, ножъ и шило. На внутренней поверхности втулки топора остатки приварившейся пряжки.

К у р г а н ъ № 5-й.

Окружность 73 шага. Поперечникъ 23 арш. Высота 1 арш. 7 в. Кругомъ кургана ровъ: всходовъ незамѣтно. Прежде курганъ былъ обложенъ камнями, которые увезены отсюда для починки дороги. На поверхности кургана наблюдаются слѣды ямъ, въ которыхъ крестьяне сосѣдней деревни зарывали на зиму картофель. По грунту слой черной земли съ красными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пятнами. Въ самой насыпи, по мѣстамъ, попадаютъ древесные угли. Около середины, углубляющаяся на одинъ приблизительно аршинъ въ грунтъ, яма, заполненная землей, которая въ нижней части перемѣшана съ мелкими жженными костями, среди которыхъ найдена желѣзная пряжка обыкновенной для этой мѣстности формы. Нѣсколько выше костей, приблизительно, на уровнѣ грунта, оказалась бронзовая спираль, приготовленная изъ тонкой пластинки, шириною въ 4^{mm}.

К у р г а н ъ № 6-й.

Окружность 27 шаговъ. Поперечникъ 10 арш. 8 в. Высота 14 вершк. Рва кругомъ незамѣтно. Камни, облежавшіе края, вынуты въ позднѣйшее время.

¹⁾ См. ниже.

²⁾ Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga 1896. Taf. XXIX, 15.

Подъ серединою насыпи углубляющаяся на 1 арш. 2 в. въ грунтъ яма, на днѣ которой наблюдаются древесные угли, и найденъ поврежденный ржавчиною желѣзный насадъ ножа съ незначительной уцѣлѣвшей частью клинка.

Курганъ № 7-й.

Окружность 38 шаг. Поперечникъ 12 арш. 11 в. Высота 1 арш. 5 в. Съ С.З.З. и Ю.Ю.В.— слѣды рва въ формѣ едва замѣтныхъ ямъ. По краямъ курганъ обложенъ камнями. На вершинѣ — углубленіе, и въ немъ оказалось двѣ-три жженыхъ, повидимому, косточки.

По грунту — темная, съ вкрапинами древесныхъ углей, земля; попадаются угли и въ самой насыпи. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, жженыя кости, въ перемѣшку съ древесными углями, и среди нихъ обломки бронзоваго, по всей вѣроятности, орнаментнаго колечка. Подъ костями воткнутые въ грунтъ желѣзный топоръ, два копы и ножъ. Близъ сѣверо-восточной периферіи костяного пятна — обломки глинянаго горшка.

Курганъ № 8-й.

Окружность 52 шага. Поперечникъ 16 арш. Высота 1 арш. 9 в. Рва не видно. По краямъ курганъ обложенъ камнями.

По грунту — слой темной земли съ большимъ количествомъ древесныхъ углей. Другой слой темной земли, съ мелкими угольными вкрапинами, наблюдается на высотѣ одного аршина надъ первымъ. Въ нижнемъ слоѣ, около середины кургана, — жженыя кости и среди нихъ желѣзные шпоры и пряжка. Обѣ шпоры (табл. III, 11) одинаковой формы. Каждая изъ нихъ приготовлена изъ стержня, длиною въ 68^{mm}, имѣющаго въ поперечномъ разрѣзѣ форму полукруга, величиною въ 7^{mm} по діаметру. Стержень образуетъ дугу, длиною, по направленію хорды, въ 52^{mm}. Вершина дуги, служащая точкою опоры для иглы, расклепана и обработана въ формѣ четырехугольника, величиною въ 10×12 кв. милл. На одной изъ внѣшнихъ сторонъ четырехугольника — изогнутый въ формѣ крючка отростокъ, длиною въ 8^{mm}. Игла, конической формы, величиною въ $\frac{\pi 3^{\circ} 9^{\text{mm}}}{3}$. Къ дугѣ съ внутренней стороны прикрѣплена

изогнутая въ такую же дугу пластинка, служившая для вкрѣпленія между нею и дугою шпоры ремня, посредствомъ котораго, очевидно, шпора прикрѣплялась къ обуви. При всей своеобразности формы, шпоры эти тѣмъ не менѣе находятъ для себя очень близкую аналогію въ бронзовой шпорѣ Митавскаго Музея, изъ Капседена ¹⁾ относимой къ древнѣйшему періоду желѣзнаго вѣка въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Такой же формы шпоры мы имѣли случай наблюдать въ Берлинскомъ Этнографическомъ Музеѣ ²⁾; найдены онѣ въ Kossewen'ѣ (Вост. Пруссія) и относятся, по тамошней классификаціи, къ позднѣйшему времени римско-императорскаго періода (100—350 гг. по Р. X.). Пряжка одной формы съ вышеописанными.

¹⁾ Aspelin. Antiquités du Nord-Finno-Ougrien, № 1843.

²⁾ Führer durch das Museum für Völkerkunde. Berlin, 1893. s. 35.

П р и м ѣ ч а н і я.

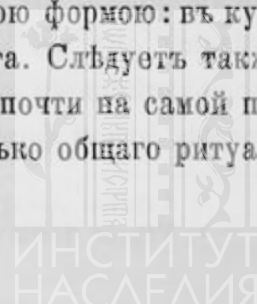
Изъ трехъ раскопанныхъ въ Туцанской группѣ кургановъ только въ одномъ (2) были обнаружены ясные слѣды погребенія и только здѣсь найдено было нѣсколько предметовъ, поэтому о какихъ бы то ни было обобщеніяхъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи: въ дополненіе къ тому, что сказано въ описаніи кургана съ содержаніемъ (3-го), слѣдуетъ лишь отмѣтить общее сходство найденныхъ въ курганѣ вещей съ однородными предметами Погорѣльской группы и еще большее — съ такими же предметами Чернолужанскихъ кургановъ, хотя погребеніе въ Туцанскомъ курганѣ, со стороны нѣкоторыхъ его подробностей, равно какъ и со стороны внѣшней формы кургана, представляетъ нѣкоторыя особенности, намекающія, повидимому, на позднѣйшую модификацію. Неизлишне также отмѣтить присутствіе въ Туцанскомъ курганѣ остатковъ коня: фактъ этотъ можетъ служить посредствующимъ звѣномъ, дополняющимъ аналогію съ Погорѣльскими и Чернолужанскими курганами кургановъ Рыншанскихъ¹⁾, сходство между которыми, кромѣ того, обнаруживается въ помѣщеніи остатковъ погребальнаго костра и грунтовой ямѣ.

Общія черты Погорѣльскихъ кургановъ могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ:

Обрядъ погребенія — трупосожженіе, которое производилось, повидимому, близъ самого кургана, о чемъ можно догадываться по присутствію вкрапинъ древесныхъ углей въ насыпяхъ почти всѣхъ кургановъ и красной (жженой) земли въ курганѣ пятомъ. Особенно рѣзко выступаютъ угольные пласты въ курганѣ 8-мъ. Въ виду отсутствія близъ этого, сравнительно большого, кургана периферіальнаго рва, и, съ другой стороны, вслѣдствіе не настолько все-таки значительнаго количества углей, чтобы въ нихъ можно было предполагать остатокъ бывшаго здѣсь именно костра, слѣдуетъ, кажется, допустить, что вся насыпь этого кургана составила изъ земли, взятой съ мѣста погребальнаго костра, который по этому самому едва ли могъ далеко находиться отъ мѣста кургана.

Остатки костра, — кости и огнеупорные предметы, — переносились въ заранѣе, очевидно, приготовленную яму и здѣсь зарывались извлеченною изъ ямы землею, а потомъ насыпь эта пополнялась отчасти землею, взятою у самого основанія кургана и, кажется, одновременно — съ мѣста погребальнаго костра. Вслѣдствіе характера почвы размѣры ямъ въ горизонтальномъ направленіи не поддаются опредѣленію, глубина же ихъ колеблется въ предѣлахъ 8—18 вершковъ, или, выражая ее посредствомъ средняго арифметическаго числа, равняется 13 вершкамъ. Погребеніе въ ямѣ является, впрочемъ, только наиболѣе обычною, но не исключительною формою: въ курганѣ, напримѣръ, восьмомъ прахъ оказался на поверхности грунта. Слѣдуетъ также отмѣтить фактъ обнаруженія жженныхъ костей въ курганѣ № 7-й почти на самой поверхности насыпи. Послѣдній фактъ касается, впрочемъ, не столько общаго ритуала

¹⁾ См. выше.

погребенія, сколько частнѣйшихъ, кстати замѣтить, обычныхъ при наблюдаемомъ въ нашихъ мѣстахъ обрядѣ трупосожженія, случаевъ погребенія праха въ готовомъ уже курганѣ.

Средняя величина раскопаннаго кургана опредѣляется слѣдующими измѣреніями: окружность 45 шаговъ, поперечникъ $14\frac{1}{2}$ арш., высота 1 арш. 5 вершковъ. Если же исключить данныя, относящіяся къ пятому изъ раскопанныхъ кургановъ, выдѣляющемуся, какъ выше замѣчено, особенно большими размѣрами, то приведенныя числа должны быть понижены до слѣдующихъ величинъ: окружность 38 шаговъ, поперечникъ 12 арш. 7 вершк., высота 1 арш. 5 верковъ. Но и эти размѣры опредѣляютъ среднюю величину лишь не болѣе половины Погорѣльскихъ кургановъ, курганы же остальной половины представляютъ едва замѣтные подъемы почвы, узнаваемые часто лишь по присутствію около нихъ камней. Какъ характерныя отчасти особенности Погорѣльскихъ кургановъ, кромѣ каменнаго бокового покрова, должны быть отмѣчены очень незначительные размѣры, или даже полное отсутствіе, периферіальныхъ рвовъ и наблюдаемая на поверхности кургановъ стародавнія ямы. Послѣднія, какъ и въ Рымшанскихъ курганахъ (см. выше), очевидно результатъ погребенія въ грунтовой ямѣ, незначительные же размѣры или даже отсутствіе периферіальныхъ рвовъ опредѣляется едва ли не обычаемъ насыпать курганъ отчасти изъ земли, взятой по близости погребальнаго костра, и естественнымъ, конечно, заполненіемъ погребальной ямы извлеченною изъ нея же землею.

Общая сумма добытыхъ въ Погорѣльскихъ курганахъ предметовъ едва достигаетъ полутора десятковъ; здѣсь найдены: три желѣзныхъ ножа, два узкоклинковыхъ топора, три (одно съ обратными зубцами) копья, одно шило, остатки бронзовыхъ орнаментныхъ спиралей, двѣ желѣзныя шпоры и три такихъ же, поясныхъ, очевидно, пряжки. Такимъ образомъ, если не считать послѣднихъ трехъ предметовъ, ни въ одномъ курганѣ не оказалось предметовъ личнаго наряда, и, наоборотъ, нѣтъ почти ни одного кургана, въ которомъ бы не найдено было по крайней мѣрѣ намековъ на быть военный. Въ частности, напримѣръ, ножи, — эти обычные спутники мирной жизни, и тѣ въ Погорѣльскихъ курганахъ отличаются значительными сравнительно размѣрами и такимъ образомъ и они едва ли не имѣли значенія военнаго оружія. Изъ всѣхъ Погорѣльскихъ предметовъ наибольшую характерностью отличаются шпоры (курганъ № 8) находящія для себя аналогію лишь въ древнѣйшихъ однородныхъ предметахъ желѣзнаго вѣка. Характерна также и пряжка изъ того же кургана, изогнутая въ своихъ продольныхъ сторонахъ, не наблюдаемая въ курганахъ позднѣйшаго времени.

Послѣднія два обстоятельства являются однимъ изъ скудныхъ вообще фактовъ, указывающихъ на сравнительную, хотя бы, напримѣръ, относительно Засвирскихъ (см. выше) кургановъ, древность Погорѣльскихъ кургановъ. На сравнительную также древность намекаетъ и преобладающій въ Погорѣльскихъ курганахъ фактъ погребенія праха ниже поверхности грунта, — въ ямѣ.

На основаніи обряда погребенія и общаго характера находокъ Погорѣльская, равно какъ и Тушанская курганныя группы должны быть причислены къ разряду кургановъ Литовскихъ.

VII. Чернолужанскіе курганы.

Заст. Черная Луза, Свирской вол., Свенцянскаго у., получившій свое названіе отъ небольшого озера того же имени, находится, считая отъ м. Свири по направленію къ Вильнѣ, на третьей верстѣ Полоцкаго тракта. Астрономическое положеніе застѣнка опредѣляется, приблизительно, $44^{\circ}5'$ в. д. и $54^{\circ}52'$ с. ш. Курганы находятся въ разстояніи саженей ста на С.В. отъ застѣнка и не далѣе одной версты на С.С.В. отъ озера Черной Лужи. Начинаются они у самого Полоцкаго тракта и тянутся отсюда по направленію на С.С.В. по одной изъ грядъ волнистой вообще здѣшней мѣстности. Площадь, занятая курганами, находится подъ полемъ крестьянъ дер. Кучекъ. Вслѣдствіе песчаной, бесплодной почвы поле это распахивается лишь по мѣстамъ и то не ежегодно, поэтому часть кургановъ въ настоящее время находится на полосахъ не распаханыхъ или даже на мѣстахъ совсѣмъ нетронутыхъ, другая же часть — подъ полевыми посѣвами. Вслѣдствіе распашки вокругъ кургановъ поля настоящая величина ихъ не можетъ считаться дѣйствительною, тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ можно различать по величинѣ курганы двухъ родовъ, — большіе и меньшіе. Типичнымъ образцомъ первыхъ можетъ считаться № 1-й изъ раскопанныхъ (см. ниже), для вторыхъ — № 2-й. Взаимное разстояніе между курганами, свободными отъ запашки, не превосходитъ обыкновенно пяти саженей, нерѣдко же курганы прилегаютъ непосредственно одинъ къ другому. Всѣхъ кургановъ, находящихся на свободныхъ отъ запашки мѣстахъ, насчитывается теперь до сорока, и столько же, если не болѣе, ихъ уничтожено, несомнѣнно, при распашкахъ поля. Во время запашекъ, по словамъ крестьянъ, попадаетъ здѣсь множество мелкихъ костей, и не разъ находимы были желѣзные копыя. Говорятъ также о разныхъ вещахъ, найденныхъ сосѣднимъ помещикомъ Хоминскимъ, который дѣлалъ попытку раскопки Чернолужанскихъ кургановъ. Мѣстнаго названія для обозначенія кургановъ нѣтъ, но крестьяне выражаютъ мнѣніе, что на курганахъ стояли когда-то Шведы, а за деревней „Русскіе“, одновременно со Шведами, стояла Екатерина. Подъ вліяніемъ послѣдняго сообщенія мы сочли своею обязанностію заглянуть и въ деревню „Русскіе“, которая находится на самомъ берегу озера Черной Лужи. Дѣйствительно, близъ самой деревни оказалось два, совершенно однородныхъ по внѣшнему виду съ Чернолужанскими, кургана, къ сожалѣнію, сильно поврежденные, зарываніемъ въ нихъ на зиму картофеля. Такимъ образомъ изслѣдованію подвергнуты были исключительно Чернолужанскіе курганы, гдѣ и раскопано двѣнадцать экземпляровъ.

К у р г а н ъ № 1-й.

Окружность 45 шаг. Поперечникъ 16 арш. Высота 1 арш. 6 в. Рва незамѣтно: насыпь состоитъ изъ крупнаго рѣчнаго гравія, въ нижнихъ частяхъ (въ грунтовыхъ ямахъ) настолько чистаго, что онъ, какъ будто, предъ употребленіемъ въ дѣло былъ предварительно промытъ.

Подъ насыпью въ двухъ мѣстахъ углубленіе на 13 вершковъ въ грунтъ, — одно около центра кургана, а другое въ юго-западной его части. Въ самомъ центрѣ кургана, на высотѣ грунта, оказалось двѣ-три едва замѣтныхъ жженныхъ косточки; въ нѣкоторомъ разсѣяніи на Ю.З., на такой же высотѣ, — кремневый ножикъ обычной, неправильной формы, длиною въ 75^{mm} и шириною около 20^{mm}.

Курганъ № 2-й.

Окружность 28 шаг. Поперечникъ 8 арш. Высота 1 арш. 4 в. Ровъ, вѣроятно, уничтоженъ, потому что курганъ находится среди бывшаго поля.

Курганная насыпь на 9 вершковъ углубляется въ грунтъ. На днѣ ямы, внутри кольца изъ мелкаго озернаго, также весьма чистаго, гравія, — слабѣе чѣмъ въ другихъ, обыкновенно, случаяхъ, пережженные кости. По краямъ костяного пятна въ разныхъ мѣстахъ оказались бронзовый браслетъ и два такихъ же кольца и желѣзные — копье, римская фибула и пряжка. Браслетъ въ 1¹/₃ оборота, — изъ четырехгранной проволоки, толщиною въ 2¹/₂^{mm}. Копье (Табл. II, 2) клинокъ овальный, длиною въ 130^{mm} и шириною (наибольшую) въ 35^{mm}; по срединѣ, во всю длину его, — острое ребро; втулка коническая, длиною въ 90^{mm}, и до сихъ поръ заполнена остатками древка. Послѣдній фактъ говоритъ о непосредственномъ погруженіи ея въ курганъ, помимо погребальнаго костра, что также подтверждается, (кстати замѣтить, — и для всѣхъ предметовъ этого кургана), сильнымъ ея и другихъ желѣзныхъ предметовъ окисленіемъ. При своей, въ общемъ, стереотипной формѣ копье отличается возможнымъ для предметовъ этого рода изяществомъ и напоминаетъ копье изъ перваго Межанскаго кургана¹⁾. Фибула — въ состояніи сильнаго окисленія, и поэтому детальныя особенности ея могутъ быть восстановлены лишь посредствомъ сравненія съ тождественными, судя по всему, предметами изъ Желядскихъ кургановъ²⁾. Пряжка также, какъ и фибула, покрыта ржавчиною; имѣетъ она форму овальную и орнаментирована мелкими нарѣзами; игла — въ формѣ птичьяго клюва. При общихъ чертахъ сходства съ другими пряжками описываемыхъ кургановъ, этотъ экземпляръ отличается большею массивностію и сравнительнымъ изяществомъ.

Курганъ № 3-й.

Окружность 31 шагъ. Поперечникъ 13 арш. Высота 1 арш. 5 в. Рва кругомъ незамѣтно. Курганная насыпь, начиная почти съ периферіей, углубляется въ грунтъ приблизительно на поларшина и до этой высоты состоитъ изъ земли чернаго цвѣта. На всемъ почти протяженіи кургана, непосредственно надъ чернымъ пластомъ, разсѣяны мелкія жженные кости, которыя около центра кургана углубляются отчасти и въ черный пластъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи на З. отъ центра кости перемѣшаны

¹⁾ См. Труды Виленскаго Археологическаго Съѣзда. Томъ II, стр. 173. Неизлишне замѣтить, что и браслеты этихъ двухъ кургановъ, при всей ихъ простотѣ, обнаруживаютъ замѣчательное сходство.

²⁾ См. Желядскіе курганы, №№ 7, 10 и 11.

съ красною, жженою землею и здѣсь оказались: желѣзный узкоклинковый топоръ, два копья или дротика и ножъ, и обломки бронзоваго колечка изъ плоской пластинки, шириною въ 4^{mm}. Въ срединѣ южной половины кургана, на половинѣ высоты насыпи, подъ прикрытіемъ камней, — другое погребальное пятно, въ видѣ жженныхъ костей, среди которыхъ помѣщались: желѣзный топоръ, два копья, ножъ и желѣзная же римская фибула. Ножъ со стороны тыля обнаруживаетъ незначительную тенденцію изгиба внизъ. Насадъ въ формѣ трехугольной пластины, длиною въ 58^{mm}. Кривизна тыля характеризуетъ ножъ со стороны сравнительной его древности, хотя, впрочемъ, этотъ признакъ и не такъ ясно выраженъ здѣсь, какъ въ другихъ аналогичныхъ предметахъ изъ тѣхъ же, рассматриваемыхъ кургановъ ¹⁾. Топоръ, копья и ножъ второго погребальнаго пятна обнаруживаетъ замѣчательное сходство съ однородными предметами перваго погребенія. Фибула состоитъ изъ ровной на всемъ протяженіи пластинки, толщиною въ два миллиметра и шириною въ 8^{mm}, согнутой, въ плоскости ея ширины, въ видѣ правильной полуокружности, имѣющей, по направленію внѣшняго діаметра, 55^{mm}. Свободнымъ концомъ лука переходитъ въ служащій замычкою фибулы желобокъ, длиною въ 27^{mm}, чрезъ другой же конецъ ея проходитъ круглый стержень, длиною въ 35^{mm}, образующій ось спиральной пружины. Пружина зажата на оси при помощи двухъ (уцѣлѣла одна) шаровидныхъ гаекъ. Какъ на единственный пока вполне аналогичный предметъ мы можемъ указать на такую же фибулу, доставленную въ 1895 году въ Импер. Арх. Комиссію изъ Трокскаго уѣзда; въ общихъ же чертахъ сходство съ этою фибулою обнаруживаютъ и найденныя въ предыдущемъ курганѣ, и фибулы изъ Желядскихъ и Пильвинскихъ кургановъ ²⁾.

К у р г а н ъ № 4-й.

Окружность 18 шаговъ. Поперечникъ 7 арш. 8 вершк. Курганъ распахиваемъ и поэтому въ настоящее время поднимается надъ сосѣднею почвою не болѣе 6 вершк. Окружнаго рва незамѣтно. На поверхности кургана наблюдается нѣсколько мелкихъ жженныхъ косточекъ и четыре камня.

Основаніе насыпи углубляется вершковъ на шесть въ грунтъ, и здѣсь, на бѣлопесочной подстилкѣ, пластъ черной земли въ перемѣжку съ древесными мелкими углями; никакихъ другихъ признаковъ погребенія не обнаружено.

К у р г а н ъ № 5-й.

Окружность 38. Поперечникъ 11 арш. 14 в. Высота 1 арш. 6 в. (вершина отчасти развѣяна вѣтромъ). Рва кругомъ незамѣтно.

По грунту — обычный пластъ черной земли. Курганъ выдѣляется изъ ряда другихъ по количеству обнаруженныхъ въ немъ погребеній, а также и по характернымъ

¹⁾ См. ниже.

²⁾ См. ниже.

особенностямъ нѣкоторыхъ изъ этихъ погребеній. Въ центрѣ кургана, вершка на три выше чернаго слоя, жженыя кости внутри кольцеобразной ограды изъ булыжныхъ камней. Въ разстояніи одного аршина на Ю.-Ю.-В. отъ центра, въ грунтовой ямѣ, сложенный изъ цѣльныхъ и битыхъ (плитки) булыжныхъ камней ящикъ съ дномъ и крышкойю. Дномъ ящика служитъ одинъ, обращенный болѣе гладкою стороною вверхъ, камень; также и крышка состоитъ изъ одного камня, обращеннаго гладкою стороною внизъ. Стороны камней, образующія дно и крышку, могутъ быть опредѣлены величиною, приблизительно, въ квадратный полуаршинъ, а емкость ящика не болѣе кубическаго полуаршина. Ящикъ до самыхъ краевъ углубленъ въ материкъ, такъ что крышка его приходится въ одной плоскости съ поверхностью грунта. Въ ящикѣ — мелкія жженыя кости и среди нихъ — бронзовый браслетъ и такое же спиральное кольцо и желѣзные щипчики и пряжка. Въ разстояніи аршинъ полутора на С. отъ центра, на высотѣ вершковъ пяти надъ грунтомъ, — желѣзная пряжка. Въ разстояніи аршинъ двухъ на Ю. отъ центра такой же какъ вышеописанный и въ такомъ же положеніи каменный ящикъ незначительно меньшихъ, впрочемъ, размѣровъ. Какъ и тамъ, въ этомъ ящикѣ оказались жженыя, крупныя (можетъ быть не человѣческія) кости и среди нихъ желѣзная пряжка. Въ разстояніи двухъ аршинъ на С.-З. отъ центра, на высотѣ четырехъ вершковъ надъ грунтомъ, — мелкія жженыя кости и среди нихъ двѣ желѣзныя пряжки и бронзовое колечко. Наконецъ, въ разстояніи двухъ аршинъ на Ю.-В.-В. отъ центра, третій, каменный ящикъ также съ мелкими жжеными костями, среди которыхъ найдены двѣ глиняныхъ пряслицы.

Найденный въ курганѣ браслетъ — въ формѣ неправильнаго кольца въ $1\frac{1}{2}$ оборота, изготовленъ изъ четырехгранной проволоки, толщиною въ 3×3 кв. милл.; приблизительный діаметръ около 50mm . Отъ браслета, найденнаго въ курганѣ № 2, этотъ отличается меньшимъ лишь діаметромъ. Перстень — въ три оборота изъ трехгранной проволоки, толщиною въ 2mm . Щипчики (таб. I, 4) изъ полуовальнаго стержня, который на концахъ расклепанъ въ равносторонніе треугольники. Длина щипчиковъ 96mm , ширина, при оконечностяхъ, — 24mm . Со стороны общей формы щипчики одинаковы съ найденными во второмъ Понизовскомъ ¹⁾ курганѣ. Всѣ пряжки подобныя тѣмъ которыя воспроизводятся на табл. III. 7 и 9 обыкновенной овальной формы; игла — въ формѣ хоботка; стержень, образующій кольцо, почти круглый и въ передней части орнаментированъ въ высшей степени тонкими спиральными наръзами.

Одна изъ пряслицъ одинакова съ найденною въ первомъ Засвирскомъ курганѣ и др. ²⁾.

К у р г а н ъ № 6-й.

Окружность 30 шаг. Поперечникъ 11 арш. 7 в. Высота надъ грунтомъ 1 арш. 6 в. Съ сѣверо-восточной стороны замѣтны слѣды рва. На поверхности кургана раз-

¹⁾ См. выше.

²⁾ См. выше.

бросано нѣсколько мелкихъ жженныхъ косточекъ и четыре небольшихъ булыжника: слѣды, вѣроятно, разрушеннаго погребенія. Попадаются жженные кости также и непосредственно подъ дерномъ. Въ срединѣ кургана углубленіе вершковъ на 13 въ грунтъ, наполовину почти заполненное землею чернаго (дегтярнаго) цвѣта. Слой такой же земли наблюдается, по грунту, и въ западной части кургана. Около центра кургана, почти непосредственно надъ слоемъ черной земли, двѣ-три жженныхъ косточки среди лежащихъ въ беспорядкѣ небольшихъ булыжниковъ. Въ разстояніи аршина на Ю.-В. отъ центра, на высотѣ 12 вершковъ надъ грунтомъ, жженные кости, среди четырехъ небольшихъ булыжниковъ. Въ такомъ же разстояніи на Ю.-З. отъ центра, на грунтѣ, — кучка жженныхъ костей и въ ней — желѣзный ножъ и пряжка. Въ разстояніи около двухъ аршинъ на С. отъ центра, на грунтѣ, — прикрытыя камнями жженные кости и среди нихъ желѣзная рукоятка отъ щита и пряжка обыкновенной для этой мѣстности формы, а рядомъ, съ сѣверной стороны, желѣзное умбо, топоръ, ножъ и два воткну-тыхъ въ грунтъ копья. Рукоятка отъ щита — въ формѣ прямой, тонкой пластины, длиною въ 146^{mm} и шириною въ 21^{mm}; при концахъ пластина нѣсколько расширяется; прикрѣплялась рукоятъ къ щиту при посредствѣ наблюдающихся до сихъ поръ на концахъ пластины пробойнъ. Умбо во многихъ мѣстахъ покрыто налетомъ ржавчины и носить явные слѣды поврежденій. Поля его плоскія, шириною въ 26^{mm} и по краю орнаментированы выпуклинами. Выпуклая часть при основаніи имѣетъ цилиндрическую форму къ вверху, заканчивается конусомъ; общій объемъ выпуклости $\pi 48^2 22 + \pi 44^2 38$

$\frac{3}{3}$. Въ общемъ умбо это представляетъ промежуточное звено между двумя такими же предметами, изъ которыхъ одинъ найденъ въ Чернолужанскомъ же десятомъ¹⁾ курганѣ, а другой въ семнадцатомъ Засвирскомъ, причемъ описываемое умбо значительно ближе стоитъ по формѣ къ послѣднему²⁾. Топоръ узкоклиновыи, ножъ обычной простой формы. Копья (табл. IV, 2) различаются между собой лишь незначительными особенностями и обнаруживаютъ нѣсколько детальныя подробности, сближающихъ ихъ съ нѣкоторыми экземплярами изъ Лядинскаго, Тамбовской губ., могильника³⁾.

Курганы №№ 7, 8 и 9-й не представили ничего особеннаго.

Въ курганѣ № 10 при погребеніи, схожемъ съ вышеописанными, найденъ также умбо (рис. 16), плоскія поля котораго отчасти разрушенныя ржавчиною и искривленныя во время, вѣроятно, пребыванія предмета въ огнѣ, имѣютъ въ ширину 40^{mm}; по краю они орнаментированы сплошнымъ рядомъ чеканныхъ сферическихъ сегментовъ. Выпуклая часть умбо въ формѣ (не вполнѣ, впрочемъ, правильной) полусферы, величиною, по діаметру, въ 145^{mm}. На поляхъ умбо восемь пробойнъ, въ двухъ изъ которыхъ уцѣлѣли гвозди, посредствомъ которыхъ умбо прикрѣплялся къ щиту. Гвозди эти приготовлены изъ почти круглыхъ проволокъ, толщиною около

¹⁾ См. ниже.

²⁾ См. Засвирскіе курганы № 17; тамъ же и указаніе аналогичныхъ предметовъ.

³⁾ Матеріалы по археологіи Россіи, № 10. Табл. X, 32.

5^{mm}, и снабжены шляпками въ формѣ правильныхъ сферическихъ сегментовъ, величиною въ 15^{mm}, по діаметру сѣченія. На основаніи изгибовъ гвоздей, толщина щита опредѣляется въ 14^{mm}. При сравненіи съ однородными предметами, характеризующимися сферическою вообще формою выпуклыхъ частей¹⁾, больше всего этотъ умбо обнаруживаетъ сходства съ экземпляромъ изъ кургана въ Hammenhög, Skåne, находящемся въ Стокгольмскомъ Музеѣ и относимомъ къ древнѣйшему періоду желѣзнаго вѣка въ Скандинавіи. Сходство между нашимъ и скандинавскими умбо простирается даже на форму уцѣлѣвшихъ въ нихъ гвоздей. Рукоятка отъ щита желобчатой формы,

Рис. 16.

длиной въ 142^{mm}, по направленію къ оконечностямъ постепенно расширяется и на одномъ концѣ обрѣзана по прямой линіи, а на другомъ — по не вполнѣ правильной кривой; наибольшая ширина ея 40^{mm}. Въ находящихся при оконечностяхъ пробойнахъ до сихъ поръ сохраняются такіе же, какъ и въ поляхъ умбо, гвозди. Клинокъ ножа, найденнаго въ этомъ курганѣ имѣетъ форму среднеширокую, суживающуюся къ концу, пластиной, длиною въ 60^{mm}. Со стороны общей формы онъ напоминаетъ намъ фигуру такихъ же бронзовыхъ предметовъ и желѣзныхъ — древнѣйшаго вре-

¹⁾ Ворсо, Сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ, № 340.— Montelius. Antiquités suédoises, №№ 282 и 517.—Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien № 1300.—Katalog d. Ausstellung z. X arch. Kongress in Riga. Taf. XII, 4.

мени ¹⁾. Копья этого кургана (табл. IV, 1 и 3) имѣютъ клинокъ — овальной формы съ срѣзанными по прямому направленію краями; длина его 97^{mm}, наибольшая ширина — 25^{mm}. Втулка въ формѣ конуса, переходящаго, на шейкѣ, въ четырехгранную пирамиду; длина втулки 150^{mm}, внѣшній діаметръ раструба 20^{mm}. Копье третье (табл. II, 3): клинокъ правильной эллиптической формы, величиною по продольной оси — въ 115^{mm} и по поперечной — въ 22^{mm}; втулка коническая, длиною въ 93^{mm}; діаметръ раструба около 20^{mm}. Всѣ копия изъ этого кургана отличаются изяществомъ работы и, въ виду незначительности размѣровъ, имѣли, вѣроятно, значеніе дротиковъ. Похожи они на экземпляръ изъ Mästaremala, Blekinge ²⁾, и на копье изъ Ясногорскихъ, Ковенской губерніи, кургановъ ³⁾. Характерный для всѣхъ этого кургана предметовъ налетъ окарины производитъ полнѣйшую иллюзію окраски ихъ въ красный цвѣтъ.

К у р г а н ъ № 11-й.

Окружность 40 шаг. Поперечникъ 15 арш. Высота 1 арш. 13 в. У сѣверной половины едва замѣтные слѣды рва и, въ самой точкѣ сѣвера, — востока. На сѣверной также сторонѣ сохранились остатки, повидимому, каменной обложки кургана.

Въ срединѣ кургана небольшое углубленіе въ грунтъ, прикрытое представляющими нѣкоторое подобіе мостовой камнями, среди которыхъ попадаются мелкія жженыя кости. Плоскость мостовой совпадаетъ съ поверхностью грунта.

Предметы найденные въ курганѣ № 12 схожи съ вышеописанными; копия воспроизводятся на табл. II, 4 и 5.

П р и м ѣ ч а н і я.

Общій для всѣхъ кургановъ обрядъ погребенія — трупосожженіе внѣ кургана. Судя по присутствію въ нижнихъ частяхъ большинства кургановъ пластовъ черной земли, представляющей что-то въ родѣ органическаго перегноя, слѣдуетъ, повидимому, предполагать, что погребальный костеръ находился не по сосѣдству съ курганомъ, гдѣ почва — желтый песокъ, а можетъ быть въ сосѣднихъ низинахъ, или даже на болотистыхъ берегахъ озера Черной Лужи. Замѣчательная сохранность желѣзныхъ предметовъ, вслѣдствіе покрывающей ихъ окарины, свидѣтельствуетъ что вмѣстѣ съ прахомъ предавались огню и разные атрибуты домашняго и общественнаго быта умершаго. Нѣкоторое, повидимому, исключеніе представляетъ курганъ № 2, въ которомъ желѣзныя вещи оказались въ состояніи сильнаго окисленія, а въ наконечникѣ копья — даже остатки дровка. Такое состояніе вещей указываетъ, повидимому, на непосредственное погруженіе ихъ въ курганъ, помимо костра; но если обратить вниманіе на состояніе и самыхъ костей, оказавшихся въ этомъ курганѣ, то едва ли не

¹⁾ См. напр. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Période ancienne de l'age du fer dans les provinces Baltiques, № 1794.

²⁾ Montelius. Antiquités suédoises. Le premier age du fer, № 275.

³⁾ Pamiętnik Fizyjoğraficzny. Tom. VII. 1887 г.— Dzial. IV. Tab. VII, i.

вѣроятно же будетъ объяснять указанное состояніе вещей лишь не особенно высокою температурою костра; и такимъ образомъ сожженіе умершаго совместно съ предметами найденными въ курганахъ остается безусловно общимъ явленіемъ.

Остатки праха съ погребальнаго костра переносились, конечно, на мѣсто кургана. Употреблялись ли для перенесенія праха, какъ это наблюдается въ болѣе сѣверныхъ Литовскихъ курганахъ, глиняные горшки — рѣшить это на основаніи данныхъ раскопки нельзя, хотя неизлишне замѣтить, что и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ занятой курганами площади попадаются мелкіе черепки, иногда, — лѣпной работы, которые, очевидно, имѣютъ отношеніе къ курганамъ, но какое отношеніе лѣпные горшки имѣли къ обряду погребенія въ Чернолужанскихъ курганахъ должно оставаться невыясненнымъ. Остатки погребальнаго костра лишь въ трехъ курганахъ (№№ 1, 9, 12) оказались на поверхности грунта, въ большинствѣ же они помѣщаются нѣсколько ниже его, т.-е. въ грунтовой ямѣ. Размѣры ямъ въ горизонтальномъ направленіи не поддаются опредѣленію, и, вѣроятно, потому, что бока ихъ, по всѣмъ признакамъ, не имѣли правильныхъ очертаній: только въ двухъ курганахъ (№№ 6 и 7) глубина ямъ доходитъ до 13 вершковъ, въ остальныхъ она не всегда достигаетъ и полуаршина: отсюда, образованіе ямы, кромѣ ритуальнаго требованія, можетъ быть опредѣлено и какъ естественный результатъ разчистки мѣста подъ курганъ. Тѣмъ не менѣе средняя глубина погребальной ямы, если принимать въ расчетъ только курганы съ такими ямами, должна быть опредѣлена въ девять приблизительно вершковъ. Помѣщаемые въ этой ямѣ, (или, также и на грунтѣ), остатки погребальнаго костра оказываются въ большинствѣ случаевъ расположенными непосредственно на землѣ, въ шести же курганахъ обнаружены слѣды, повидимому, подстилки; именно: въ 1-мъ и 2-мъ курганахъ значеніе такой подстилки должно быть усвоено оказавшемся на днѣ ихъ пласту гравія, а въ 4-мъ курганѣ — бѣлому озерному песку; въ пятомъ курганѣ центральное погребеніе — внутри ограды изъ булыжника; въ 10-мъ курганѣ подстилка изъ булыжниковъ имѣла чашеобразную форму, и, наконецъ, въ 11-мъ курганѣ незначительные остатки праха оказались (можетъ быть, провалились сюда чрезъ промежутки между камнями) подъ камнями, уложенными на подобіе мостовой. Считать ли подстилку въ перечисленныхъ курганахъ ритуальнымъ требованіемъ и такимъ образомъ для остальныхъ кургановъ равнозначущимъ ей считать наблюдаемые тамъ слои черной земли, или же смотрѣть на нее какъ на дѣло лишь особеннаго вниманія къ праху нѣкоторыхъ умершихъ: для положительнаго рѣшенія обоихъ этихъ вопросовъ данныя совершенно одинаково недостаточны. Неизлишне, впрочемъ, упомянуть здѣсь, что въ нѣкоторыхъ Литовскихъ курганахъ,¹⁾ бѣлопесочная, преимущественно, подстилка настолько обычное явленіе, что она съ большою вѣроятностію можетъ быть опредѣляема въ смыслѣ ритуальнаго именно, если не требованія, то, по крайней мѣрѣ, обычая.

Послѣ указанной той или другой укладки остатковъ погребальнаго костра, надъ послѣдними возводился курганъ. Выше уже замѣчено, что въ Чернолужанской группѣ

¹⁾ См. напр. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 166 и слѣд. или О. Покровскій. Археологическія экскурсіи по Виленской губервіи.

различаются курганы двухъ величинъ, на основаніи же данныхъ раскопки средняя величина кургана опредѣляется слѣдующими измѣреніями: окружность 33 шага, поперечникъ 11 арш. 13 в., высота 1 арш. 3 в. Размѣры, такимъ образомъ, очень незначительные, что, вѣроятно, отчасти объясняется преобладающимъ обычаемъ погребенія въ грунтовой ямѣ, подѣ условіемъ чего, и при небольшихъ размѣрахъ кургана, прахъ оказывался подѣ солиднымъ покрѣтіемъ. Въ зависимости отъ незначительныхъ размѣровъ кургановъ находится, по всей вѣроятности, и отсутствіе при курганахъ периферіальныхъ рововъ: рвы эти если даже и существовали, то они, во всякомъ случаѣ, не отличались значительною глубиною и, такимъ образомъ, подѣ влияніемъ времени и сохи земледѣльца очень легко могли изгладиться; возможно также и то, что, въ виду потребности для насыпи незначительнаго количества земли, послѣдняя бралась не съ правильной, кольцеобразно окружающей курганъ площади, а вообще безъ правильнаго порядка,—лишь съ сосѣдней съ курганомъ площади. Предполагать, въ виду отсутствія рововъ у кургановъ, образованіе насыпи изъ приносной земли нѣтъ, повидимому, необходимыхъ основаній, такъ какъ большая часть насыпи во всѣхъ курганахъ состоитъ изъ однороднаго съ почвою курганной площади песку.

Высказанныя доселѣ замѣчанія относятся исключительно къ центральному, — главному погребенію, которымъ собственно и обуславливалось возведеніе кургана; но въ нѣкоторыхъ курганахъ (№№ 3, 4, 5, 6, 8), кромѣ главнаго, наблюдаются иногда слѣды второстепенныхъ погребеній, т.-е. остатки погребальнаго костра, помѣщенные уже въ готовомъ, насыпанномъ надѣ другимъ, болѣе раннимъ погребальнымъ пятномъ, курганѣ. Остатки второстепенныхъ погребеній наблюдаются въ различныхъ мѣстахъ начиная почти со дна грунтовой ямы и кончая поверхностью кургана. Обычное для мѣстныхъ кургановъ съ трупосожженіемъ явленіе это прежде всего показываетъ вообще, конечно, необязательность возведенія самостоятельнаго кургана надѣ каждымъ погребеніемъ и, по отношенію къ Чернолужанскимъ курганамъ, представляетъ ту особенность, что здѣсь второстепенное погребеніе характеризуется, такими чертами, подѣ влияніемъ которыхъ это погребеніе, до нѣкоторой степени, ступшевываетъ центральное — главное. Въ общихъ чертахъ второстепенное погребеніе рисуется въ слѣдующемъ видѣ: въ готовомъ уже курганѣ вырывается болѣе или менѣе значительной глубины и цилиндрической формы яма; на днѣ этой ямы помѣщается, плоскою стороною вверхъ, большой камень, а края выкладываются, до высоты приблизительно полуаршина, болѣе мелкими, отчасти разбитыми, камнями; въ образовавшійся такимъ образомъ каменный ящикъ высыпаются остатки погребальнаго костра и сверху прикрываются такимъ же, какъ приблизительно и дно, камнемъ; послѣ всего этого яма засыпается, конечно, землею. Самая характерная черта этого погребенія — это, очевидно, каменный ящикъ, при обнаруженіи котораго въ самостоятельныхъ (центральныхъ) погребеніяхъ, его слѣдовало бы, конечно, трактовать въ смыслѣ опредѣляемой ритуаломъ погребальной урны, но такъ какъ въ данномъ случаѣ ящики оказываются лишь во второстепенныхъ погребеніяхъ, то имъ, кажется, и не слѣдуетъ придавать значенія болѣе того, какое принадлежитъ обыкновенному свидѣтельству нѣкотораго особеннаго вниманія погребавшихъ къ праху умершаго. При сопоставленіи съ цен-

тральными погребеніями, фактъ присутствія камней при второстепенныхъ погребеніяхъ можетъ служить, до нѣкоторой степени, подтвержденіемъ опредѣленія наблюдаемыхъ при главныхъ погребеніяхъ слоевъ темной земли и т. д. (см. выше) въ смыслѣ ритуальныхъ требованій для праха подстилки.

Съ точки зрѣнія вещественныхъ находокъ, Чернолужанскіе курганы могутъ быть причислены, для нашихъ мѣстъ, къ разряду наиболѣе богатыхъ: на двѣнадцать раскопанныхъ кургановъ, или точнѣе на восемь кургановъ съ содержаніемъ, число найденныхъ предметовъ простирается до пятидесяти, т.-е., среднимъ счетомъ, на каждый курганъ приходится по 6 болѣе или менѣе цѣльныхъ предметовъ. Всѣ предметы, со стороны ихъ практическаго назначенія, могутъ быть сведены къ двумъ группамъ. Первую группу составляютъ предметы личнаго наряда; сюда относятся: два бронзовыхъ браслета (курганы № 2 и 5-й), два-три бронзовыхъ спиральныхъ перстня (курганы 5, 7-й и, м. б., 2-й), двѣ желѣзныхъ римскихъ фибулы (курганы 2 и 3-й), десять желѣзныхъ пряжекъ (курганы 2, 5, 6, 10 и 12-й) и пара желѣзныхъ щипчиковъ (курганы 5 и 9-й). Какъ наиболѣе характерные предметы должны быть отмѣчены фибулы и пряжки. Оригинальность первыхъ заключается не столько, впрочемъ, въ ихъ формѣ, сколько въ металлѣ, изъ котораго они приготовлены. Если при сравнительной трудности обработки желѣза, оно тѣмъ не менѣе является матеріаломъ предмета и сравнительно сложнаго по структурѣ и имѣющаго нарочитое значеніе украшенія, то, очевидно, желѣзо не успѣло еще окончательно демократизироваться до металла малоцѣннаго, — до матеріала, исключительно, обыденно-обиходныхъ вещей. На ту же идею намекаютъ и желѣзныя пряжки. Въ то время какъ желѣзныя пряжки позднѣйшаго періода характеризуются простѣйшею примитивною формою (четыреугольникъ, кольцо) и отсутствіемъ орнамента, пряжки Чернолужанскихъ кургановъ, за исключеніемъ одной, представляютъ не лишнюю изящества фигуру овала съ вогнутой внутрь одной или двумя продольными сторонами и всѣ онѣ покрыты орнаментомъ. Со стороны формы орнаментъ этотъ не идетъ, правда, далѣе имитациі спиральной навивки, но за то въ нѣкоторыхъ экземплярахъ работа его настолько тонкая, что она ясно обнаруживаетъ взглядъ мастера на желѣзную пряжку, не только какъ на простой обиходный предметъ, но и какъ на предметъ украшенія. Въ виду приведенныхъ соображеній, желѣзныя римскія фибулы и описываемыя пряжки должны быть отнесены къ почтенной старинѣ, — едва ли не къ первому періоду желѣзнаго вѣка. Остальные предметы личнаго наряда, вслѣдствіе ихъ незначительнаго количества, а также стереотипной простоты, могутъ служить лишь общимъ показателемъ простоты личнаго наряда, обуславливавшейся, можетъ быть, матеріальною бѣдностью народа, а можетъ быть — бытовымъ ригоризмомъ, намекъ на который заключается отчасти въ обилии попадающагося въ курганахъ оружія. Нѣкоторыя хронологическія данныя, намѣчаемыя этими предметами (см. выше, — описаніе ихъ), не стоятъ въ противорѣчій съ общими предположеніями о времени происхожденія Чернолужанскихъ кургановъ.

Вторая группа, за исключеніемъ трехъ глиняныхъ пряслицъ (курганы 5 и 7-й) и, можетъ быть, ножей, представляющихъ предметы домашняго обихода, состоитъ

изъ принадлежностей военнаго снаряженія. Сюда относятся четыре топора (курганы 3, 6 и 10-й), десять копій (курганы 2, 3, 6, 10 и 12-й) и части (умбо и рукоятки) двухъ щитовъ (курганы 6 и 10-й). Всѣ четыре топора узкоклинковаго типа, который можетъ считаться, по преимуществу, Литовскимъ и, при наличномъ существованіи его съ топорами ширококлинковыми, долженъ, все-таки, считаться болѣе древнимъ, по сравненію съ послѣдними, типомъ. Въ частности, какъ нѣкоторая, не особенно важная, впрочемъ, но все-таки намекающая на сравнительную древность, особенность Чернолужанскихъ топоровъ должны быть отмѣчены незначительные размѣры образуемаго клинкомъ и топорищемъ угла, вслѣдствіе чего топоръ въ цѣломъ видѣ получаетъ фигуру остраго крюка ¹⁾. По отношенію къ копьямъ какъ нѣкоторыя, до извѣстной степени, общія особенности должны быть отмѣчены незначительные общіе ихъ размѣры и, въ частности, незначительные размѣры клинковъ по отношенію къ цѣлымъ предметамъ. Почти общею также для всѣхъ копій является ромбоидальная, или, по крайней мѣрѣ, приближающаяся къ ней, форма клинка. Обращаетъ, наконецъ, на себя вниманіе и наблюдаемая въ большинствѣ копій тщательность работы: по всѣмъ признакамъ, послѣ кузнечной выдѣлки копьа подвергались тщательной обработкѣ при помощи точильнаго бруска. Вообще же, еслибы, не смотря на обычную стереотипность копій потребовалось указаніе наиболѣе аналогичныхъ предметовъ, то Чернолужанскіе копьа, по ихъ общему впечатлѣнію, должны быть поставлены рядомъ съ однородными предметами прибалтійскихъ древностей перваго періода желѣзнаго вѣка ²⁾. Принимая въ расчетъ незначительные размѣры большинства Чернолужанскихъ копій, практическое примѣненіе ихъ слѣдуетъ трактовать въ смыслѣ дротиковъ. Въ виду всего лишь двухъ экземпляровъ умбо и приведеннаго выше подробнаго описанія ихъ, здѣсь остается напомнить лишь то, что умбо, какъ и большинство остальныхъ предметовъ, указываютъ также на глубокую древность Чернолужанскихъ кургановъ, совпадающую, по крайней мѣрѣ, съ границею двухъ періодовъ желѣзнаго вѣка.

Замѣчанія относительно обнаруженныхъ въ курганахъ предметовъ вооруженія должны быть пополнены указаніемъ на относительное количество кургановъ съ оружіемъ. Если принимать въ расчетъ всю сумму раскопанныхъ кургановъ, то процентъ кургановъ съ оружіемъ выражается числомъ 42%, подъ условіемъ же исключенія кургановъ, въ которыхъ не оказалось вещественныхъ памятниковъ, онъ поднимается до 55%, или даже до 63%: и въ томъ и другомъ случаѣ процентъ настолько значительный, что онъ намекаетъ чуть не на поголовное вооруженіе оставившаго курганы народа.

Принимая въ соображеніе тѣ данныя, которыя заключаются въ описаніи отдѣльныхъ кургановъ и въ общихъ замѣчаніяхъ какъ относительно обряда погребенія, такъ и найденныхъ въ курганахъ вещественныхъ памятниковъ, въ Чернолужанскихъ курганахъ слѣдуетъ признать Литовскія могилы, по крайней мѣрѣ, той переходной

¹⁾ Сравни. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II, стр. 172.

²⁾ См. напр. Montelius. *Antiquités suédoises, et Aspelin. Antiquités du Nord Fiano-Ougrien.*

эпохи, когда и форма погребенія и типъ предметовъ древнѣйшаго періода являются еще преобладающими надъ ихъ позднѣйшею модификаціею.

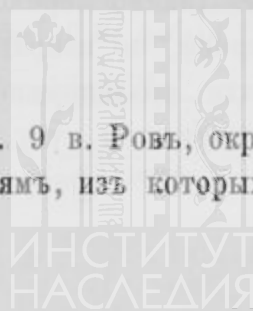
VIII. Пильвинскіе курганы.

Мѣстоположеніе деревни Пильвины, Александровской вол., Свенцянскаго у., опредѣляется приблизительно $43^{\circ}51'$ в. д. и $54^{\circ}51'$ с. ш. Курганы находятся въ разстояніи версты на Ю.-Ю.-З. отъ деревни и въ такомъ же почти разстояніи отъ праваго берега р. Вилии, на которомъ, между прочимъ, до сихъ поръ наблюдается городище и невдалекѣ отъ него слѣды, повидимому, мастерской кремневыхъ стрѣлокъ. Мѣсто, занятое курганами, представляетъ совершенно ровную поверхность и въ прежнее время находилось подъ лѣсомъ, теперь же здѣсь лишенная всякой растительности сѣча. Курганы группируются въ трехъ мѣстахъ по линіи съ С.-З.-З. на Ю.-В.-В. Центральная группа состоитъ изъ двѣнадцати кургановъ, изъ которыхъ два, находящіеся около середины, отличаются большими сравнительно размѣрами, хотя всѣ вообще курганы этой группы производятъ впечатлѣніе низкихъ расплывчатыхъ насыпей. Общая для всѣхъ этихъ кургановъ форма — очень не высокій сферическій сегментъ, хотя рвы около нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣютъ близкое къ прямолинейному направленіе. Всѣ курганы въ этой группѣ обложены по краямъ крупными камнями. Вторая, восточная группа находится въ разстояніи 230 шаговъ отъ первой и состоитъ изъ девятнадцати кургановъ. Сравнительно съ первой группой, курганы здѣсь отличаются значительно большими размѣрами и обращаютъ на себя вниманіе правильностію своей почти полусферической формы. Каменной обложки по краямъ ни на одномъ курганѣ не наблюдается. Третью группу составляютъ пять небольшихъ холмиковъ, находящихся въ разстояніи 230 шаговъ на С.-З.-З. отъ центральной. И правильность формы всѣхъ этихъ холмиковъ и наблюдаемые около нихъ слѣды рвовъ даютъ всѣ основанія для опредѣленія ихъ въ смыслѣ погребальныхъ кургановъ, тѣмъ не менѣе раскопка трехъ меньшихъ изъ этихъ холмиковъ не обнаружила ни въ одномъ изъ нихъ обычныхъ слѣдовъ погребенія, и такимъ образомъ вопросъ объ искусственномъ происхожденіи этихъ холмиковъ не можетъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Взаимное разстояніе между отдѣльными курганами во всѣхъ группахъ колеблется въ предѣлахъ 5—10 саженой. Мѣстные жители называютъ курганы копцами и считаютъ ихъ военными могилами.

Не считая трехъ холмиковъ западной группы, въ Пильвинахъ раскопано нами 14 кургановъ, — шесть (1—6) въ центральной группѣ и восемь (7—14) въ восточной.

Курганъ № 1-й.

Окружность 42 шага. Поперечникъ 15 арш. Высота 1 арш. 9 в. Ровъ, окружающій курганъ, состоитъ изъ трехъ разной величины кривыхъ ямъ, изъ которыхъ

большая прилегаетъ къ кургану съ южной стороны, а изъ двухъ остальныхъ одна — съ сѣверо-сѣверо-восточной, а другая — съ сѣверо-западной. Промежутки между оконечностями ямъ также различны; наибольшій наблюдается при восточной периферіи кургана, а два остальныхъ, на С. и З., — въ обычной формѣ всходовъ. По бокамъ курганъ обложенъ камнями. На вершинѣ — два углубленія, давняго, повидимому, происхожденія.

По грунту слой земли чернаго (дегтярнаго) цвѣта, и такое же пятно наблюдалось на высотѣ девяти вершковъ, въ разстояніи трехъ аршинъ на С.-З. отъ центра. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, жженыя мелкія кости.

Курганъ № 2-й.

Окружность 30 шаг. Поперечникъ 12 арш. Высота 1 арш. 2 в. По сторонамъ кургана, съ С., Ю., В. и З., четыре прямолинейныхъ рва; всходы съ С.-В., Ю.-В., С.-З. и Ю.-З. По краямъ курганъ обложенъ камнями; на вершинѣ — небольшое углубленіе. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, жженыя кости, и въ разстояніи около аршина на Ю.-В. отъ нихъ найденъ безформенный, маленькій обломокъ желѣза. Въ разстояніи двухъ аршинъ на Ю.-В. отъ центра кургана, на высотѣ семи вершковъ надъ грунтомъ, жженыя кости и среди нихъ — бронзовый браслетъ и два такихъ обломка, желѣзная римская фибула, серпъ и шило, и двѣ глиняныхъ пряслицы: къ югу отъ этихъ предметовъ найденъ осколокъ кремня. Въ разстояніи трехъ аршинъ на Ю.-З. отъ центра, на высотѣ 8 вершковъ, третья кучка жженныхъ костей и въ ней — желѣзное шило, съ двумя, надѣтыми на него, глиняными пряслицами.

Браслетъ въ формѣ овальнаго кольца, съ продольной осью въ 58^{mm}. Образующій его круглый, толщиною въ 4^{mm}, стержень, по направленію къ оконечностямъ, переходитъ въ четырехгранныя пирамиды, ромбоидальныя основанія которыхъ опредѣляются величиною въ 9^{mm}, по ихъ продольной діагонали и въ 7^{mm} по поперечной. Изъ двухъ обломковъ, одинъ — конецъ одинаковаго съ предыдущимъ браслета, а другой представляетъ плоскую, шириною въ 6^{mm}, ленточку съ рельефнымъ рубчикомъ по срединѣ. Фибула (табл. III, 12): излучина изъ четырехграннаго стержня, который въ части, образующей луку, свить на подобіе спирали, а на концѣ расклепанъ и согнутъ въ желобокъ — опорный пунктъ для свободнаго конца иглы. Толстѣйшій край желобка орнаментированъ косыми крестиками и поперечными линиями. Пружина спираль состоитъ изъ круглой проволоки, которая, послѣ трехъ оборотовъ, по направленію отъ середины къ оконечности шарнира, переходитъ, въ формѣ дуги, на другой конецъ послѣдняго и послѣ трехъ также оборотовъ здѣсь, по направленію къ срединѣ, непосредственно переходитъ въ иглу. Общая длина фибулы, по направленію иглы, 64^{mm}, ширина, по направленію пружиннаго шарнира, 36^{mm}. Лука — въ формѣ правильной почти полуокружности, величиною въ 43^{mm} по ея діаметру. Толщина стержня, образующаго луку, 4^{mm}, а толщина проволоки, изъ которой состоитъ спираль и игла, около 2^{mm}. Фибула эта до мельчайшихъ подробностей сходна съ тремя такими же

предметами изъ Желядскихъ кургановъ¹⁾ и такую же, по всѣмъ признакамъ, форму имѣла поврежденная ржавчиною фибула изъ второго Чернолужанскаго кургана²⁾. Если присоединить сюда фибулу изъ третьяго Чернолужанскаго кургана³⁾ и однородную съ ней, найденную въ Трокскомъ уѣздѣ⁴⁾, то этимъ исчерпана будетъ вся сумма аналогичныхъ, изъ русскихъ находокъ, предметовъ: всѣ другія, нерѣдко находимыя въ русскихъ курганахъ, римскія фибулы представляютъ существенныя отличія отъ перечисленныхъ выше и со стороны составляющаго ихъ металла и со стороны формы и взаимной величины отдѣльныхъ частей каждой такой фибулы. Значительно большую во всѣхъ отношеніяхъ аналогію находятъ для себя разсматриваемыя фибулы въ нѣсколькихъ экземплярахъ заграничныхъ музеевъ: напр. бронзовыя фибулы въ Берлинскомъ Національномъ Музеѣ⁵⁾ и такія же бронзовыя и желѣзныя въ Берлинскомъ Этнографическомъ Музеѣ⁶⁾ и Вѣнскаго Естественнаго-Историческаго⁷⁾. Серпъ, въ соединеніи съ насадомъ, имѣющимъ фигуру равнобедреннаго треугольника, высотой въ 70^{mm}, представляетъ довольно правильную дугу, длиною, по направленію тетивы, въ 210^{mm}, и высотой въ 90^{mm}. Средняя ширина самой пластины — 16^{mm}. Кончикъ серпа изогнутъ въ формѣ обычнаго для рукоятокъ бронзовыхъ серповъ изгиба. Зубцовъ по лезвію нѣтъ. Кромѣ такого же почти экземпляра изъ четвертаго Пильвинскаго же кургана, серпъ этотъ обнаруживаетъ весьма много сходства съ однородными предметами изъ 4-го Гужковскаго и 5-го Засвирскаго кургановъ⁸⁾. Шило — обычной, какъ и теперь формы. Пряслицы съ боковою поверхностью орнаментированы параллельными рубчиками.

К у р г а н ь № 3-й.

Окружность 35 шаг. Поперечникъ 11 арш. Высота 1 арш. 8 в. Ровъ отчетливо замѣтенъ только при подошвѣ сѣверной половины кургана, и здѣсь же ясно различаются три всхода, — съ С., С.-В. и С.-З. На вершинѣ кургана наблюдалось нѣсколько мелкихъ жженыхъ костей.

Въ разстояніи двухъ аршинъ на Ю.-В. отъ центра, на высотѣ 12 вершковъ надъ грунтомъ, — жженыя мелкія кости и желѣзный ножикъ, копье и пряжка. Въ самомъ центрѣ кургана, на грунтѣ, — жженыя кости и среди нихъ желѣзная пряжка. Ножъ: клинокъ длиною въ 110^{mm}; средняя ширина его — 13^{mm}, лезвее какъ у сточеннаго ножа; боковыя поверхности въ ближайшей къ тылю части — желобчатыя; насадъ въ формѣ широкой пластины, длиною въ 50^{mm}. Копье миниатюрныхъ размѣ-

1) См. Желядскіе курганы, №№ 7, 10 и 11-й.

2) См. выше.

3) См. выше.

4) См. Ibid.

5) Führer und Catalog durch die königlichen Museum zu Berlin. 1894. II, s. 46.

6) Führer durch das Museum für Völkerkunde, 1895. S. 18. Seitenschr. 4 A: фибулы Римско-императорскаго періода; 403, — изъ времени переселенія народовъ и стр. 22, Seitenschr. 10 B: фибулы Римско-императорскаго періода.

7) Allgemeiner Führer durch das k. k. naturhistorische Hofmuseum, 1895. S. 145. Schr. 13—13; фибулы позднѣйшаго періода бронзоваго вѣка.

8) См. выше.

ровъ; клинокъ его ромбоидальный, насадъ, длиною въ 95^{mm}, — въ формѣ круглаго стержня. Пряжка овальной формы, образована изъ круглаго стержня. Игла съ обычнымъ изгибомъ при вершинѣ, — вращается на кольцѣ при помощи изогнутаго въ дугу отростка, прикрѣпленнаго къ основанію.

Вторая пряжка отличается отъ первой большими размѣрами.

К у р г а н ъ № 4-й.

Окружность 28 шаг. Поперечникъ 11 арш. 9 в. Высота 1 арш. 8 в. При основаніи кургана, съ восточной стороны, очень глубокой и широкой ровъ; большой также ровъ и съ западной стороны; съ сѣверной стороны широкой всходъ. Южная сторона кургана болѣе пологая и непосредственно переходитъ здѣсь въ ровную сосѣднюю площадь. По краямъ курганъ обложенъ камнями.

Въ разстояніи полутора аршинъ на Ю.-З. отъ центра, на грунтѣ, жженыя кости и среди нихъ — желѣзный серпъ и шило одинаковые съ вышеописанными. Такія же кости, на грунтѣ, — и въ самомъ центрѣ кургана, и среди нихъ — желѣзное шило и глиняная пряслица.

К у р г а н ъ № 5-й.

Окружность 33 шага. Поперечникъ 13 арш. Высота 1 арш. 3 в. Съ С., В. и Ю.-З. глубокия овальныя ямы. По краямъ курганъ обложенъ камнями.

Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, жженыя кости и среди нихъ желѣзная пряжка и бронзовое колечко. Въ разстояніи двухъ аршинъ на С.-В. отъ центра, — на высотѣ восьми вершковъ надъ грунтомъ, — жженыя кости и среди нихъ желѣзное шило. Пряжка овальная съ выгибомъ на срединѣ и съ иглой въ видѣ хоботка орнаментированнаго поперечными нарѣзами. Стержень, образующій кольцо, съ внутренней и нижней сторонъ плоскій, а съ лицевой — овальный и здѣсь орнаментированъ имитирующими спираль мелкими рубчиками. Пряжка эта во всѣхъ отношеніяхъ одинакова съ нерѣдкими находками подобныхъ предметовъ въ курганахъ Чернолужанскихъ¹⁾. Шило обычной простой формы.

Курганъ № 6-й ничего не представилъ особеннаго.

К у р г а н ъ № 7-й.

Окружность 37 шаг. Поперечникъ 14 арш. Высота 1 арш. 14 в. Кругомъ кургана — шесть симметрично расположенныхъ ямъ и столько же всходовъ.

Около середины кургана, по грунту, на красной (перегорѣлой) землѣ, — жженыя кости, среди которыхъ коренной конскій зубъ. Здѣсь же, въ самомъ центрѣ кургана, найдены желѣзныя удила и стремя. Въ разстояніи 2¹/₂ аршинъ на Ю.-З.-З.

¹⁾ См. выше.

отъ центра, также на грунтѣ, второе костяное пятно, съ подобными же находками стрема и пряжки. Удила простой формѣ двухъ колець, соединенныхъ посредствомъ двухъ же, различной длины и формы, стержней. Толщина круглago, образующаго кольца, стержня 5^{mm}, а внѣшній діаметръ колець 45^{mm}. Изъ соединительныхъ стержней, одинъ — четырехгранный, длиною въ 83^{mm}, а другой круглый, длиною въ 103^{mm}. Стремя: дуга — изъ круглago стержня, толщиною въ 7^{mm}, который, въ средней его части, будучи нѣсколько расклеванъ и согнутъ въ формѣ четырехугольника, образуетъ ушко стремня; высота дуги 110^{mm}, разстояніе между оконечностями, или, что тоже, длина подножки — 100^{mm}. Подножка представляетъ самостоятельную пластинку, шириною въ 17^{mm}, которая заклепана между оконечностями дуги, обработанными въ формѣ кружковъ, — величиною въ $\pi 12^2$ милл. По срединѣ подножки, снизу, продольный желобокъ. Второе стремя, не смотря на совмѣстную находку его съ предыдущимъ, представляетъ, сравнительно съ послѣднимъ, нѣкоторыя особенности: дуга его изъ четырехграннаго стержня, толщиною въ 6^{mm}; ушко хотя также четырехугольное, но изъ самостоятельной, приваренной къ вершинѣ дуги, пластинки; подножка значительно толще и нѣсколько выгнута въ сторону дуги; желобка также нѣтъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ стремя одиноково съ предыдущимъ. Пряжка изъ четырехграннаго стержня, толщиною въ 5^{mm}, согнутаго въ формѣ почти квадрата съ слабоогнутыми сторонами и закругленными углами. Игла въ обычной формѣ кривого стержня.

Курганы №№ 8—14-й приблизительно однихъ размѣровъ, съ слабою темною прослойкой и пятнами красной (перегорѣлой) земли; въ курганѣ № 12-й — удила и пряжка обыкновенной формы.

П р и м ѣ ч а н і я.

Пильвинскіе курганы, какъ уже выше замѣчено, группируются въ трехъ мѣстахъ, но, въ виду безрезультатности раскопокъ западной группы, объектами для археологическихъ наблюденій могутъ считаться только центральная и восточная группы.

Не смотря на близкое сосѣдство восточной и центральной группъ, а также и на одинаковый, въ общихъ чертахъ, обрядъ погребенія, именно, трупосожженіе, каждая изъ этихъ группъ представляетъ нѣкоторыя, не лишеныя интереса, особенности. Особенности эти касаются, во-первыхъ, строенія и внѣшняго вида кургановъ, во-вторыхъ, нѣкоторыхъ подробностей обряда погребенія, и, наконецъ, обнаруженныхъ въ курганахъ вещественныхъ памятниковъ.

Разность *внѣшней формы* кургановъ обуславливается неодинаковостью ихъ размѣровъ: въ то время какъ, на основаніи точныхъ измѣреній, средняя величина кургановъ восточной группы опредѣляется числами 37 шаговъ (окружность основанія кургана), 14 аршинъ (поперечникъ, черезъ верхъ) и 1 арш. 10 вершк. (высота надъ курганомъ), для средней величины кургановъ центральной группы размѣры эти понижаются до 31 шаг. (окружность), 11 арш. 12 вершковъ (поперечникъ) и 1 арш.

4 вершк. (высота). Если прибавить сюда и бóльшую, по естественному порядку вещей, глубину периферіальныхъ рвовъ при первыхъ курганахъ, то отсюда, само собою очевидно, почему курганы центральной группы имѣютъ видъ, какъ и выше замѣчено, небольшихъ расплывчатыхъ сферическихъ сегментовъ; тогда какъ курганы восточной группы производятъ впечатлѣніе большихъ, почти цѣлыхъ, полушарій. Другая отличительная особенность кургановъ центральной группы состоитъ, какъ также замѣчено выше, въ томъ, что всѣ они по краямъ обложены камнями въ противоположность полному отсутствію камней на курганахъ восточной группы.

Обрядъ погребенія для центральной группы рисуется въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ: умершій сожигается на кострѣ, гдѣ-то въ сторонѣ отъ кургана, въ своемъ, небогатомъ впрочемъ, нарядѣ и съ нѣкоторыми предметами его быта, и остатки погребального костра или переносятся на мѣсто предполагаемаго кургана, гдѣ они, послѣ помѣщенія непосредственно на грунтѣ, и засыпаются землею (курганъ), или же зарываются въ готовомъ уже курганѣ (см. курганы 2-й, 3-й, 4-й и 5-й), насыпанномъ надъ прахомъ ранѣе умершаго. По общимъ признакамъ погребенія въ восточной группѣ, и здѣсь также умершій сожигается на кострѣ внѣ кургана, но, повидимому, не одинъ, а совмѣстно съ своимъ боевымъ¹⁾ конемъ. Остатки погребального костра, какъ и въ центральной группѣ, и здѣсь также переносятся на мѣсто предполагаемаго кургана, гдѣ такимъ же, какъ и тамъ, образомъ засыпаются землею; но въ силу ли отсутствія обычая снаряженія умершаго предметами личного украшенія и бытовыми, или же потому, что вслѣдствіе высокой температуры костра (можетъ быть, обусловливавшейся присутствіемъ на немъ коня), происходило не только полное уничтоженіе личного праха но и личныхъ предметовъ, въ курганахъ восточной группы остатки погребального костра оказываются состоящими исключительно изъ огнеупорныхъ предметовъ конской сбруи и изъ небольшого количества, едва ли не конскихъ также исключительно, костей. Да и эти незначительные остатки оказались лишь въ половинѣ раскопанныхъ кургановъ, тогда какъ въ другой половинѣ (курганы 8-й, 11-й, 13-й и 14-й) никакихъ слѣдовъ погребального костра не обнаружено. Такимъ образомъ, въ то время какъ при возведеніи кургана центральной группы преобладала, повидимому, идея сохраненія остатковъ погребального костра, здѣсь, наоборотъ, выступаетъ на первомъ планѣ коммеморативное значеніе кургана: потому что, подъ условіемъ только усвоенія этого именно значенія курганамъ восточной группы, и можно объяснить присутствіе здѣсь кургановъ безъ всякаго содержанія. Въ зависимости отъ того же коммеморативнаго значенія кургановъ находится, можетъ быть, и необычный для другихъ кургановъ фактъ отсутствія здѣсь второстепенныхъ погребеній, — въ готовомъ уже курганѣ.

По отношенію къ *вещественнымъ памятникамъ* различіе между восточною и центральною группами заключается какъ не въ одинаковомъ пропорціонально количествѣ, такъ и въ различномъ характерѣ найденныхъ въ тѣхъ и другихъ курганахъ предметовъ. Въ курганахъ восточной группы всѣ предметы — исключительно принад-

¹⁾ См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II, стр. 97, пр. 104.

лежности конскаго (точнѣе, кавалерійскаго) снаряженія, и на восемь раскопанныхъ здѣсь кургановъ приходится всего лишь шесть предметовъ: двое удиль (курганы 7-й и 12-й), двѣ пряжки (ibid.) и пара стремянъ. Всѣ эти предметы отличаются безъискусственною во всѣхъ отношеніяхъ простотою и поэтому съ одинаковою степенью достовѣрности могутъ быть аналогизируемы какъ съ самыми древними, такъ и съ современными однородными предметами. — Предметы изъ центральной группы, наоборотъ, личнаго характера, и на шесть раскопанныхъ здѣсь кургановъ насчитывается ихъ болѣе двухъ десятковъ, именно: одна желѣзная римская фибула (курганъ 2-й), три такихъ же пряжки (курганы 3-й и 5-й), два бронзовыхъ браслета (курганъ 2-й) и обломки, можетъ быть, перстней (курганы 2-й и 5-й), пять желѣзныхъ шильевъ (курганы 2-й, 4-й и 5-й), два серпа (курганы 2-й и 4-й), пять глиняныхъ пряслицъ (курганы 2-й и 4-й) и одинъ желѣзный ножъ и копье (изъ кургана № 3-й). Какъ наиболѣе характерные изъ этихъ предметовъ должны быть отмѣчены желѣзная фибула, пряжка изъ 5-го кургана и желѣзные серпы. Желѣзная фибула во всѣхъ отношеніяхъ сходна съ такими же тремя предметами изъ кургановъ Желядскихъ и съ однимъ изъ кургановъ Чернолужанскихъ и, по указаннымъ тамъ основаніямъ¹⁾, можетъ служить признакомъ сравнительной древности кургановъ; точно также и пряжка, по своей и овальной съ выгибомъ формѣ и спиралевидному орнаменту, совершенно однородна съ такими же предметами изъ тѣхъ же Чернолужанскихъ кургановъ и указываетъ, вмѣстѣ съ фибулою, если не на одновременность Пильвинскихъ кургановъ съ Чернолужанскими, то, по крайней мѣрѣ, на хронологическую ихъ близость. — Серпы изъ Пильвинскихъ кургановъ должны быть отличаемы отъ серповъ обыкновенной формы, нерѣдко встрѣчающихся въ Литовскихъ курганахъ, обыкновенно съ предметами конскаго убора: особенность ихъ составляютъ незначительность размѣровъ, отсутствіе зубцовъ и особенно характерный загибъ вверхъ носка. Серпы подобной формы, какъ уже замѣчено въ находящемся выше описаніи ихъ, за исключеніемъ одного обломка, доставленнаго въ прошломъ году въ Имп. Арх. Комиссію изъ Трокскаго уѣзда, найдены нами въ Гуцковскихъ и Засвирскихъ курганахъ. Оригинальная форма этихъ серповъ, намекающая на отдаленную, правда, дегенерацию ихъ изъ бронзовыхъ кривыхъ ножей, и фактъ находки ихъ въ Трокскомъ уѣздѣ и Пильвинскихъ курганахъ совмѣстно съ желѣзными фибулами говоритъ о сравнительной древности этихъ серповъ и, по отношенію къ Пильвинскимъ курганамъ, такимъ образомъ является вторымъ, послѣ фибулъ, косвеннымъ показателемъ ихъ сравнительной старины; присутствіе же подобнаго серпа въ Засвирскихъ, позднѣйшихъ сравнительно, курганахъ²⁾, повидимому, уничтожаетъ значеніе этого показателя. Устраненіе этого противорѣчія едва ли не естественнѣе всего искать въ томъ примиряющемъ взглядѣ, по которому Пильвинскіе курганы должны быть поставлены (кстати замѣтить, вмѣстѣ съ Гуцковскими³⁾) на хронологической границѣ древнѣйшаго и новѣйшаго періода для нашихъ мѣстъ желѣзнаго вѣка, — должны быть отне-

1) См. выше.

2) См. Засвирскіе курганы. Примѣчанія.

3) См. выше.

сены къ тому переходному, продолжавшемуся, можетъ быть, не одну сотню лѣтъ, времени, за центральный пунктъ котораго можетъ быть принятъ VIII вѣкъ нашей эры. Описанные серпы, такимъ образомъ, едва ли не могутъ быть трактуемы въ качествѣ одного изъ характерныхъ предметовъ этого переходнаго времени. — Остальные предметы центральной группы не представляютъ характерныхъ признаковъ, кромѣ той общей желѣзнымъ предметамъ особенности, что всѣ они отличаются незначительными размѣрами, намекающими какъ будто на особенную цѣнность желѣза въ глазахъ ихъ современниковъ. Въ частности, на примѣръ, наконечникъ копья отличается такою миниатюрностью, что его можно признать или за эмблематическій знакъ, или за дѣтскую игрушку. — Копье это является единственнымъ предметомъ военного быта во всѣхъ курганахъ центральной группы, — фактъ свидѣтельствующій о мирномъ характерѣ погребенныхъ въ курганахъ лицъ и, до нѣкоторой степени, являющій новое отличіе этихъ кургановъ отъ восточной группы.

Приведенный перечень детальныхъ особенностей восточной и центральной группъ естественнымъ образомъ вызываетъ вопросъ объ ихъ взаимномъ отношеніи. Въ виду одинаковой, въ общихъ чертахъ, формы погребенія (трупосожженіе), характеризующей литовскіе, по преимуществу, курганы, вопросъ съ этнографической точки зрѣнія можетъ считаться излишнимъ, и, такимъ образомъ, остается рѣшить какъ относятся эти курганы между собою, съ хронологической точки зрѣнія. Уже разъ прежде ¹⁾ мы имѣли случай высказать предположеніе, что курганы, характеризующіеся находками исключительно предметовъ конскаго снаряженія и серповъ, даже въ случаѣ топографической ихъ обособленности, не представляютъ основаній относить ихъ къ иному времени и народу, сравнительно съ наиболѣе обычными курганами, характеризующимися находками личныхъ по преимуществу предметовъ: особенности же кургановъ объясняются, можетъ быть, тѣми отличительными обязанностями, которыя несли при жизни тѣ лица, которыя въ нихъ погребены. Если бы допустить эту точку зрѣнія по отношенію къ Пильвинскимъ курганамъ, то раздѣленіе ихъ на двѣ группы можно бы было объяснить только какъ результатъ сословнаго, такъ сказать, дѣленія оставившаго курганы народа. Но это объясненіе нѣсколько не мирится съ другими представляемыми курганами данными: въ курганахъ восточной группы хотя и не обнаружено точныхъ хронологическихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе полное сходство найденныхъ въ нихъ предметовъ конской сбруи съ однородными современными и фактъ присутствія одинаковыхъ съ ними кургановъ въ группахъ несомнѣнно позднѣйшихъ ²⁾, а также и существованіе подобныхъ кургановъ съ нѣкоторыми намеками хронологическихъ данныхъ ³⁾, — все это указываетъ на позднѣйшую эпоху происхожденія восточной группы Пильвинскихъ кургановъ; для происхожденія же центральной группы, какъ мы видѣли, намѣчается болѣе раннее время. Такимъ образомъ, въ виду всѣхъ указанныхъ выше предположеній, какъ наименѣе встрѣчающій противорѣчій долженъ быть отмѣченъ тотъ взглядъ, по которому обѣ Пильвинскія группы, принадлежа одному

1) Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. II, стр. 96.

2) См., напр., Засвирскіе курганы.

3) См., напр., Зезюльскіе курганы.

и тому же племени, а, можетъ быть, даже и одному поселенію, относятся къ двумъ различнымъ эпохамъ: восточная къ позднѣйшему періоду желѣзнаго вѣка, а центральная ко времени, ему предшествовавшему.

IX. Зезюльскіе курганы.

Зезюлька, прежде — корчма, а теперь лѣсничевка имѣнія Подлипые, находится въ районѣ Александровской волости, Свенцянскаго уѣзда, въ разстояніи четырехъ верстъ отъ дер. Жукойни (волостное правленіе), по дорогѣ въ м. Свирь. Географическое положеніе Зезюльки опредѣляется $54^{\circ}51'$ с. ш. и $43^{\circ}52'$ в. д. Курганы расположены на З. отъ Зезюльки, по обѣимъ сторонамъ упомянутой выше дороги, на землѣ двухъ сосѣднихъ имѣній, — Сидоришекъ и Подлипыя; всего кургановъ насчитывается здѣсь не болѣе двухъ съ половиной десятковъ, именно: пять на подлипской землѣ и 20 на сидоришской. Площадь, занятая курганами, въ настоящее время находится подъ лѣсомъ, и нѣкоторые изъ кургановъ, кромѣ древесныхъ порослей, покрыты густою растительностію грубыхъ сорныхъ травъ. Преобладающая форма кургановъ — невысокій сферическій сегментъ, хотя не мало есть и такихъ кургановъ, которые, въ соединеніи съ окружающими ихъ и до сихъ поръ весьма ясно различаемыми рвами, производятъ впечатлѣніе цѣлыхъ полусферъ. Замѣчательная сохранность послѣднихъ и правильность ихъ очертанія невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе, при первомъ наблюденіи могильника, и, такимъ образомъ, курганы эти являются характернѣйшими представителями всей группы. Взаимное разстояніе между курганами колеблется въ предѣлахъ 3—5 сажень. У мѣстныхъ жителей курганы называются копцами и считаются могилами изъ временъ шведскихъ войнъ. Одинъ изъ кургановъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ раскопанъ владѣльцемъ имѣнія Сидоришекъ, Пашкевичемъ, но въ немъ ничего, по словамъ очевидца раскопки, не было найдено. Подъ нашимъ наблюденіемъ въ Зезюльской группѣ раскопано было десять кургановъ, — съ слѣдующими результатами.

К у р г а н ъ № 1-й.

Окружность 41 шагъ. Поперечникъ 13 арш. Высота 2 арш. 8 в. Кругомъ кургана ровъ съ четырьмя всходами (перерывами), — на С., Ю., В. и З.

Въ периферіяхъ, по грунту, попадаетъ немного древесныхъ углей; около середины кургана, также по грунту, пластъ бѣлаго песку. Въ Ю.Ю.З. четверти кургана, на грунтѣ, полусожженный костякъ: среди мелкихъ, лежащихъ въ безпорядкѣ, жженныхъ костей, можно было различать очертаніе черепа, и наблюдалось правильное расположеніе верхней половины позвоночника. Черепъ, очевидно, обращенъ былъ теменемъ на С.С.В., къ центру кургана, а рядъ позвонковъ лежалъ по прямому

направленію отъ черепа на Ю.Ю.З. Близъ темени найдена бронзовая спираль, около мѣста, соответствующаго правому плечу, оказались обрывки бронзовой цѣпочки, а въ мѣстѣ, совпадающемъ съ серединою груди, тщательно уложены были желѣзные удила и колокольчикъ. — Спираль — изъ неправильной, то полуовальной, то плоской проволоки; діаметръ спиральнаго оборота 5mm , длина всей спирали 40mm . — Цѣпь изъ спиральныхъ, въ два оборота, колець, свитыхъ изъ тонкой круглой проволоки. По сравненію съ другими такими же предметами изъ Латышскихъ и Ливонскихъ кургановъ¹⁾, обрывки эти, несомнѣнно, — остатокъ нагруднаго банта-подвѣски. Удила находятся въ состояніи сильнаго окисленія, тѣмъ не менѣе форма ихъ вполне очевидна: основную часть ихъ (мундштукъ) составляютъ два сцѣпленныхъ стержня, внѣшніе концы которыхъ обработаны въ формѣ колець съ кольцеобразными же, находящимися въ перпендикулярной къ кольцамъ плоскости, ушками. Длина каждаго стержня 90mm , внѣшній діаметръ кольца 20mm , — ушка 15mm . Черезъ каждое ушко продѣто по кольцу. Удила (рис. 17) снабжены усиками, въ формѣ круглыхъ тонкихъ стержней,

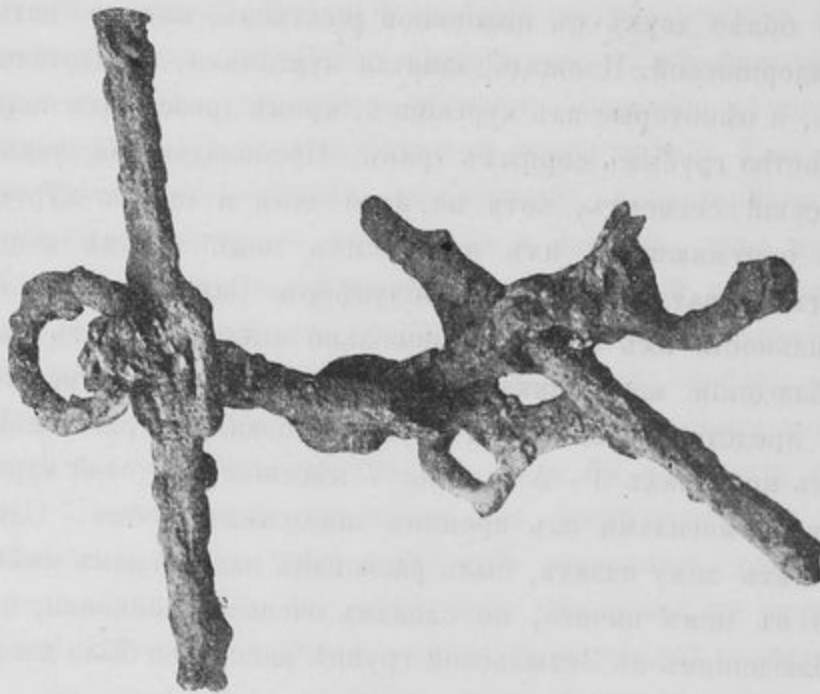

Рис. 17.

длиною въ 140mm , концы одного изъ которыхъ (усиковъ) обработаны въ формѣ шариковъ. Къ срединѣ каждаго усика прилепана, въ одной съ нимъ плоскости, пластинчатая, полукруглая скоба, съ такимъ же четырехугольнымъ ушкомъ. Посредствомъ этихъ скобокъ усики и укрѣплены въ кольцеобразныхъ концахъ мундштука. Какъ наиболѣе аналогичный съ этими удилами отмѣтимъ экземпляръ изъ Лядинскаго, Тамбовской губерніи, могильника²⁾. Колокольчикъ — въ формѣ цилиндра или, точнѣе,

¹⁾ См., напр., Bähr. Die Gräber der Liven. Taf. IX и др.; также Матеріалы по археологій Россіи, № 14. Табл. IV и V и др.

²⁾ См. Матеріалы по археологій Россіи, № 10. Табл. X, 6. Ср. Aspelin-Antiquités du Nord Finno-Ougrien, №№ 859 и 965.

усѣченного конуса, діаметръ основанія котораго 43^{mm}, высота—52^{mm}. Донышко представляетъ едва замѣтную выпуклость и соединялось со стѣнками, очевидно, при помощи припая. Чрезъ средину его проходитъ овальное колечко, внѣшняя часть котораго служитъ ушкомъ для колокольчика, а внутренняя гнѣздомъ для язычка. Язычекъ гвоздевидной формы съ наибольшею (на концѣ) толщиной въ 7^{mm}. Колокольчикъ этотъ обнаруживаетъ много сходства съ подобнымъ же, но значительно большихъ размѣровъ, изъ Лядинскаго могильника ¹⁾.

К у р г а н ь № 2-й.

Окружность 37 шаг. Поперечникъ 12 арш. 12 в. Высота 1 арш 10 в. Кругомъ—шесть симметрично расположенныхъ овальныхъ ямъ и столько же всходовъ.

По грунту слой бѣлаго песку, который около средины кургана перемѣшанъ съ мелкими древесными углями. Около средины того же кургана, непосредственно надъ песочнымъ слоемъ, попадаютъ кое-гдѣ мелкія жженыя косточки, и 2—3 косточки оказались, на грунтѣ, также въ разстояніи аршинъ двухъ, по направленію къ центру, отъ юго-западной периферіи кургана. вмѣстѣ съ послѣдними костями найдены два небольшихъ обломка бронзоваго, пластинчатаго, шейнаго обруча, желѣзный ножикъ и глиняная пряслица. Въ разстояніи также двухъ аршинъ отъ южной периферіи кургана найденъ обломокъ бронзоваго витого шейнаго обруча. Оба обломка пластинчатаго обруча—части пластины, лицевая сторона которой обработана была въ формѣ двуграннаго угла и орнаментирована по краямъ двумя нарѣзными линіями; ширина пластины 16^{mm}. Обломокъ витого обруча представляется свитымъ изъ трехъ круглыхъ проволокъ, заканчивающихся на одномъ концѣ тремя коническими пуговками, а на другомъ—одною такою же пуговкою и двумя пластинками. Обручъ этотъ былъ, вѣроятно, одинаковъ съ такимъ же предметомъ изъ Лынтунскихъ, Свенцянскаго уѣзда, кургановъ ²⁾.

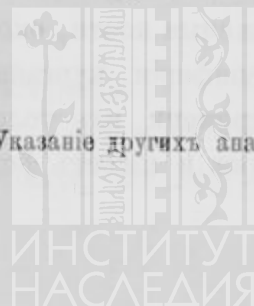
К у р г а н ь № 3-й.

Окружность 37 шаг. Поперечникъ 11 арш. Высота 12 в. Рва кругомъ не замѣтно.

Въ срединѣ кургана, на грунтѣ,—слой бѣлаго песку, поверхъ котораго остатки погребальнаго костра, бывшаго, можетъ быть, на мѣстѣ кургана, какъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ весьма толстый слой древесныхъ углей. Непосредственно на угляхъ лежатъ кости,—то жженыя измельченныя, то болѣе крупныя—истлѣвшія и, повидимому, огнемъ нетронутыя. Жженыя кости попадаютъ также и въ самой насыпи,—въ юго-западной четверти кургана, гдѣ болѣе сплошною массою лежатъ онѣ около центра этой четверти на высотѣ десяти вершковъ надъ грунтомъ, т.-е. непосредственно почти подъ дерномъ.

¹⁾ Матеріалы по археологіи Россіи, № 10, Табл. X, 13.

²⁾ Труды Виленскаго IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II. Табл. IX, 7. Указаніе другихъ аналогичныхъ предметовъ см. Ѡ. Покровский. Виленскій музей древностей. Табл. X, 4.

К у р г а н ь № 4-й.

Окружность 50 шаг. Поперечникъ 16 арш. Высота 2 арш. 2 в. Кругомъ едва замѣтный ровъ съ четырьмя перерывами (всходами), — съ С., Ю., В. и З.

По грунту — слой бѣлаго песку. Пятна бѣлаго песку вмѣстѣ съ мелкими древесными углями попадаютъ также на всемъ протяженіи насыпи, до высоты двѣнадцати вершковъ надъ грунтомъ (Въ срединѣ кургана была вырыта яма до глубины двухъ аршинъ въ грунтъ, тѣмъ не менѣе никакихъ болѣе рельефныхъ признаковъ погребенія не обнаружено).

К у р г а н ь № 5-й.

Окружность 28 шаг. Поперечникъ 11 арш. Высота 1 арш. 8 в. Рва кругомъ не замѣтно.

По грунту слой бѣлаго песку, который около периперій перемѣшанъ съ мелкими древесными углями, а около середины кургана совершенно теряется въ массѣ крупныхъ древесныхъ углей, — очевидныхъ остатковъ бывшаго на мѣстѣ кургана костра. Среди углей попадаютъ мелкія жженыя кости. Въ разстояніи двухъ аршинъ на С.З.З. отъ центра, на грунтъ, вмѣстѣ съ костями и углями найдены желѣзныя удила, а около сѣверо-восточной периферіи остатковъ костра оказался желѣзный серпъ обычной формы. Удила состоятъ изъ двухъ стержней, внѣшніе концы которыхъ обработаны въ формѣ колець; чрезъ оба кольца стержней проходитъ по другому круглому кольцу, величиною въ 29^{мм} по ихъ внѣшнему діаметру.

К у р г а н ь № 6-й.

Окружность 23 шага. Поперечникъ 10 арш. 8 в. Высота 12 вершк. Рва кругомъ не видно.

По грунту едва замѣтный слой, повидимому, золы съ мелкими углями.

К у р г а н ь № 7-й.

Окружность 33 шага. Поперечникъ 12 арш. Высота 2 арш. 3 в. Остатки рва, въ видѣ кривыхъ ямъ, замѣтны съ С.В., С.З. и отчасти съ Ю.З. Всходы до сихъ поръ наблюдаются съ С., В. и З. Въ направленіи на Ю. курганъ осыпался.

По грунту слой бѣлаго песку съ мелкими древесными углями. Въ центрѣ кургана, на грунтъ, — крупныя, повидимому, конскія, не жженыя кости, и среди нихъ желѣзныя удила и стремяна. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ конскихъ костей — мелкія жженыя кости, около сѣверной периферіи которыхъ — желѣзное копьѣ. Около сѣверной периферіи кургана, на грунтъ, — желѣзный ножъ. Лука лучше сохранившагося стремяна изъ толстой пластины; подножка его составляетъ одно цѣлое съ боками луки и имѣетъ форму тонкой пластины, снабженной во всю длину ея, съ внѣшней

стороны, рельефнымъ рубчикомъ. Подножка выгнута внутрь стремени, а образующая ее пластина при оконечностяхъ согнута въ направлѣніи боковъ луки, такъ что послѣдніе въ ближайшихъ къ подножкѣ частяхъ представляютъ лопатообразныя фигуры. Пластинчатое ушко стремени соединяется съ лукою при помощи такой же вогнутой съ боковъ шейки.

К у р г а н ъ № 8-й.

Окружность 33 шага. Поперечникъ 12 арш. 8 в. Высота 1 арш. 5 в. Кругомъ едва замѣтные слѣды рва.

По грунту пластъ бѣлаго песку, толщиною вершковъ въ 6, непосредственно надъ которымъ, около середины кургана, мелкія жженыя кости, а въ самомъ центрѣ кургана крупныя, плохо сохранившіяся (не жженыя), повидимому, конскія кости. Среди послѣднихъ оказались желѣзныя удила и пряжка.

К у р г а н ъ № 9-й.

Окружность 36 шаг. Поперечникъ 11 арш. Высота 1 арш. 4 в. Кругомъ кургана было, повидимому, восемь симметрично расположенныхъ рвовъ и ямъ, которые въ настоящее время лучше замѣтны съ сѣверной половины кургана.

По грунту пластъ бѣлаго песку, толщиною вершка въ 3—4; по направленію къ центру пластъ этотъ постепенно утолщается до 6—8 вершковъ. Никакихъ признаковъ погребенія въ курганѣ не обнаружено.

К у р г а н ъ № 10-й.

Окружность 40 шаг. Поперечникъ 14 арш. 10 в. Высота 1 арш. 9 в. Часть окружающаго курганъ рва замѣтна только съ сѣверной стороны.

По грунту слой бѣлаго песку съ пятнами красной (пережженой) земли, которая, кстати замѣтитъ, попадаетъ и въ другихъ мѣстахъ курганной насыпи. Въ периферіяхъ насыпи попадаетъ много древесныхъ углей. Въ разстояніи двухъ аршинъ на Ю.Ю.В. отъ центра кургана, непосредственно надъ бѣлопесочнымъ слоемъ, оказался желѣзный серпъ; отсюда, по направленію къ центру, идетъ слой мелкихъ жженныхъ костей въ перемежку съ древесными углями; въ разныхъ мѣстахъ этого слоя найдены желѣзныя удила, пряжка и три обломка неопредѣленнаго назначенія. Серпъ по формѣ одинаковъ съ найденнымъ въ 5-мъ курганѣ. Удила отличаются отъ найденныхъ въ 1-мъ курганѣ лишь нѣсколько большею массивностію и тѣмъ, что скоба у одного изъ усиковъ переходитъ въ постепенно суживающуюся пластину, сопровождающую усикъ до его конечныхъ расширеній.

П р и м ѣ ч а н і я.

Зезюльскіе курганы, принадлежа, по своему общему характеру, къ разряду тѣхъ, которые мы предложили бы характеризовать наименованіемъ — „кавалерійскіе“, представляютъ ту особенность, что въ нихъ, кромѣ исключительныхъ для другихъ

такихъ же кургановъ находокъ серповъ и принадлежностей конскаго снаряженія, попадаются, хотя и въ незначительномъ количествѣ, предметы личнаго наряда, помогающіе хотя отчасти разобратъ въ рѣшеніи этнографическаго и хронологическаго вопросовъ по отношенію къ кавалерійскимъ курганамъ. Для той же цѣли имѣютъ отчасти значеніе и нѣкоторыя, наблюдаемыя въ Зезюльскихъ курганахъ, особенности погребальнаго обряда.

Общій для всѣхъ Зезюльскихъ кургановъ обрядъ погребенія — трупосожженіе. Въ двухъ (№№ 3-й и 5-й) изъ десяти раскопанныхъ кургановъ оказалось настолько значительное количество древесныхъ углей, что есть все основанія предполагать присутствіе костра на самомъ мѣстѣ кургановъ. Остатки подобныхъ костровъ, какъ мы имѣли случай и выше и прежде замѣтить, встрѣчаются по одиночкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ группахъ, но такъ какъ они наблюдаются всегда совмѣстно съ предметами конской збруи, а не рѣдко (какъ, между прочимъ, и здѣсь, — въ курганѣ № 3) — и съ не дожженными конскими костями, то поэтому вѣроятнѣе считать ихъ остатками не погребальнаго, а жертвеннаго костра, и, такимъ образомъ, общимъ для всѣхъ Зезюльскихъ кургановъ фактомъ должно считаться сожженіе умершаго внѣ кургана. Судя по присутствію въ нѣкоторыхъ курганахъ вкрапинъ изъ древесныхъ углей, красной (жженой) земли, а иногда и мелкихъ жженныхъ костей, нужно полагать, что погребальный костеръ находился обыкновенно по сосѣдству съ предполагаемымъ курганомъ. Наблюдаемые во многихъ курганахъ остатки коня даютъ основаніе предполагать, что на костеръ вмѣстѣ съ умершимъ возлагался и его боевой конь. Присутствіе на кострѣ такого большого подлежащаго сожженію матеріала должно было обусловливать значительные размѣры костра и его высокую температуру. Въ случаѣ выполненія этого условія огонь могъ поглащать прахъ до полнаго уничтоженія, вслѣдствіе чего, можетъ быть, и являлись оказывающіеся теперь безъ всякаго содержанія курганы; наоборотъ, при недостаточно рассчитанныхъ размѣрахъ костра, прахъ сгоралъ далеко не до полнаго уничтоженія, и отсюда, кажется, можно объяснить и присутствіе въ нѣкоторыхъ курганахъ разложившихся (конскихъ) костей, и обнаруженіе въ курганѣ первомъ части личнаго костюма съ нормальнымъ положеніемъ костей, и сильное окисленіе нѣкоторыхъ желѣзныхъ предметовъ. Но какъ бы то ни было, въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывались остатки отъ костра, — огнеупорные предметы, кости и т. п., — они переносились (едва-ли просто не перекидывались при помощи лопаты) на мѣсто предполагаемаго кургана. Въ виду обнаруженія въ основаніи всѣхъ раскопанныхъ кургановъ бѣлопесочнаго пласта, нужно полагать, что мѣсто кургана намѣчалось при помощи именно бѣлаго песку. Фактъ этотъ, наблюдаясь спорадически вообще въ мѣстныхъ курганахъ, съ особенною, — такою же, какъ въ Зезюлькѣ, — рельефностію обнаруживается въ такъ называемыхъ Плятеровскихъ¹⁾ курганахъ, изъ которыхъ нѣкоторые, кстати замѣтить, представляютъ сходство съ Зезюльскими и со стороны вещественныхъ находокъ. Обусловливалось-ли присутствіе въ курганѣ бѣлопесочнаго пласта ритуальнымъ требованіемъ, или определялось

¹⁾ См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ I, стр. 166 и слѣд. и Томъ II, стр. 65.

простымъ обычаемъ, свидѣтельствующимъ о сравнительной лишь аккуратности обряда, равно какъ приносился-ли бѣлый песокъ съ находящагося невдалекѣ отъ кургановъ озера, — что наиболѣе вѣроятно для Плятеровскихъ кургановъ, — или же извлекался изъ подъ почвы (въ Зезюлькѣ бѣлый песокъ залегаетъ на глубинѣ около аршина) близъ самыхъ кургановъ, — каждый изъ этихъ вопросовъ можетъ рѣшаться на основаніи одинаково вѣроятной догадки. Но какъ бы то ни было, въ Зезюлькѣ остатки погребальнаго костра всегда оказываются лежащими на бѣломъ пескѣ. — Въ остальныхъ частяхъ курганная насыпь состоитъ изъ желтаго песку. Песокъ этотъ для большинства кургановъ извлекался изъ окружающихъ ихъ и до сихъ поръ довольно глубокихъ рововъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ курганы 3-й, 5-й и 6-й, оказавшіеся безъ всякихъ признаковъ периферіальныхъ рововъ. Возможно, конечно, что бывшіе, можетъ быть, при нихъ рвы запыли въ послѣдствіи, вслѣдствіе рыхлости курганныхъ насыпей; но въ виду того, что эти именно курганы и оказываются насыпанными на мѣстѣ костровъ, едва-ли не вѣроятнѣе предполагать, что земля для этихъ кургановъ, вслѣдствіе нѣкотораго препятствія, представляемаго, можетъ быть, не вполне потушимымъ еще костромъ, бралась не близъ самаго костра, а слѣдовательно и кургана, но на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, и, такимъ образомъ, причины для образованія рва совсѣмъ не было. — Средняя величина кургана, на основаніи данныхъ раскопки, опредѣляется слѣдующими измѣненіями: окружность 36 шаговъ, поперечникъ 12 арш. 7 вершк., высота 1 арш. 9 вершковъ. По сравненію съ наиболѣе распространеннымъ по сосѣдству типомъ кургановъ, Зезюльскіе отличаются большою, сравнительно, высотой, что, въ соединеніи съ полною иногда сохранностію периферіальныхъ рововъ, производитъ иллюзію значительно большихъ дѣйствительной величины насыпей.

Съ точки зрѣнія находки вещественныхъ памятниковъ, Зезюльскіе курганы должны быть причислены къ разряду сравнительно богатыхъ: въ то время какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ называемые, кавалерійскіе курганы оказываются въ большей части пустыми, въ Зезюлькѣ курганы съ содержаніемъ составляютъ 60%; кромѣ того здѣсь, какъ уже выше замѣчено, кромѣ предметовъ конской збруи и серповъ, оказались и нѣкоторые другіе предметы. Впрочемъ, общая сумма находокъ не болѣе двухъ десятковъ; ее составляютъ слѣдующіе предметы: обломки бронзовыхъ, — витой и пластинчатой, — гривень (курганъ 2-й), обрывки бронзовой цѣпи изъ спиральныхъ (въ два оборота) колець и бронзовая орнаментная спиралька (курганъ 1-й), глиняная пряслица (курганъ № 2-й), два желѣзныхъ ножика (курганы 2-й и 7-й), одно копье (курганъ 7-й), два серпа (курганы 5-й и 10-й), пара стремянъ (курганъ 7-й); пять паръ удиль (курганы 1-й, 5-й, 7-й, 8-й и 10), двѣ желѣзныхъ пряжки (курганы 8-й и 10-й) и желѣзный, цилиндрической формы, колокольчикъ (курганъ 1-й). Всѣ перечисленные предметы, какъ видно изъ приведеннаго выше описанія ихъ, отличаются стереотипностью формы и въ общемъ могутъ имѣть значеніе лишь нѣкотораго показателя быта доисторическихъ насельниковъ Зезюльки. Такъ какъ остатки збруи, по несомнѣннымъ признакамъ, принадлежать боевому именно коню, а не рабочей лошади, то, синонимируя эти остатки съ находками оружія, нужно будетъ признать

высокую степень воинственности доисторических насельниковъ Зезюльки потому что курганы съ находками предметовъ збури составляютъ 50% раскопанныхъ, а принимая въ расчетъ лишь курганы съ содержаніемъ—83%. Воинственный характеръ народа до нѣкоторой степени опредѣляетъ его ригоризмъ по отношенію къ личному наряду, и этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять крайнюю бѣдность Зезюльскихъ кургановъ относительно остатковъ личнаго наряда. Но какъ ни ничтожны находки въ Зезюльскихъ курганахъ остатковъ личнаго наряда, они, за отсутствіемъ другихъ данныхъ, остаются единственнымъ источникомъ, проливающимъ нѣкоторый свѣтъ на современную происхожденію кургановъ эпоху. Въ остаткахъ цѣпи (к. 1-й) и витой и пластинчатой гривнѣ (к. 2-й) легко узнаются однородные предметы¹⁾ изъ другихъ Литовскихъ, а также Латышскихъ и Ливонскихъ кургановъ, происхожденіе которыхъ должно быть отнесено къ началу, приблизительно, текущаго тысячелѣтія. Если присоединить сюда замѣчательное, до детальныхъ подробностей, сходство найденнаго въ первомъ курганѣ колокольчика съ остатками такого же предмета изъ Рацкихъ кургановъ²⁾ относящихся также къ X—XII стол.³⁾, то для Зезюльскихъ кургановъ первые вѣка текущаго тысячелѣтія, съ значительною вѣроятностію, могутъ считаться временемъ ихъ происхожденія.

Съ этнографической точки зрѣнія, принадлежность Зезюльскихъ кургановъ Литовскому племени не возбуждаетъ, повидимому, никакихъ сомнѣній.

Х. Желядскіе курганы.

Мѣстоположеніе м. Желяди, Александровской вол., Свенцянскаго уѣзда, опредѣляется приблизительно $54^{\circ}55'$ с. ш. и $43^{\circ}55'$ в. д. Мѣсто, когда-то занятое курганами, находится въ разстояніи около двухъ верстъ на С.В. отъ мѣстечка, на берегу рѣки Струны. Въ настоящее время мѣсто это представляетъ запущенное поле, на которомъ по мѣстамъ наблюдаются мелкія сосновыя поросли. О существованіи здѣсь кургановъ можно было догадываться по нѣкоторымъ случайнымъ находкамъ, во время запашекъ, копій и, разъ, „обруча“, отъ самыхъ же кургановъ уцѣлѣли лишь два, едва замѣтныхъ, холмика и нѣсколько камней, которые кое-гдѣ своимъ положеніемъ намѣчаютъ правильныя дуги и такимъ образомъ даютъ основаніе считать эти камни остаткомъ периферіальныхъ обложекъ кургановъ.— Въ виду почти полнаго уничтоженія кургановъ, они, само собою, не могли останавливать на себѣ вниманія сосѣднихъ жителей, и такимъ образомъ никакихъ рассказовъ о нихъ въ народѣ не существуетъ. Обычное среди народа названіе кургановъ — копцы.— Наше изслѣдованіе этого почти совершенно уничтоженнаго могильника состояло въ производствѣ раскопокъ въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ, по тѣмъ или другимъ признакамъ, можно было предполагать существованіе кургановъ.

1) Указанія аналогичныхъ предметовъ см. выше — въ описаніи кургановъ.

2) См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ I, стр. 189.

3) Ibid. стр. 179. Имп. Арх. Комиссія находитъ возможнымъ относить происхожденіе Рацкихъ кургановъ къ X столѣтію: см. Отчетъ Комиссіи за 1893 г.).

Мѣсто 1-е, обозначенное нѣсколькими расположенными по правильной окружности камнями.

Почва замкнутого камнями пространства на глубину четырехъ вершковъ состояла изъ насыпного песку, подъ которымъ оказался, около вершка толщиной, пластъ древесныхъ углей. Около середины угольного пласта — мелкія жженныя кости и среди нихъ найдены были два обломка бронзовой римской фибулы, обнаруживающіе ясныя слѣды дѣйствія на нихъ огня; тѣмъ не менѣе, при соединеніи обломковъ, получается довольно полная фигура одного цѣлаго предмета. Излучина фибулы состоитъ изъ тонкой пластинки, шириною въ 8^{mm}; приблизительная длина луки, по направленію иглы, 48^{mm}, наибольшая высота около 20^{mm}. Пружина-спираль въ 8+8 оборотовъ, и состоитъ изъ круглой тонкой проволоки, которая образуетъ также и поперечную луку — тетиву; діаметръ спирального оборота 7^{mm}. Ось спирали — бронзовая, и на концахъ ея надѣты двѣ не вполне правильныхъ шестигранныхъ призмы (табл. 1, 5). Общая длина фибулы, по направленію несуществующей теперь, впрочемъ, иглы, — 78^{mm}, ширина, по направленію оси спирали, — 58^{mm}. Вслѣдствіе простоты работы, аналогія этой, равно какъ и слѣдующей¹⁾ фибулы возможна лишь со стороны общей формы, хотя и въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить сравнительной ея близости къ однороднымъ предметамъ изъ древнѣйшаго желѣзнаго періода въ Прибалтійскихъ губерніяхъ²⁾ и къ такимъ же предметамъ изъ Боркинскаго, близъ Рязани, могильника³⁾.

Мѣсто 2-е, внутри четырехъ большихъ камней.

Насыпной пластъ — толщиной вершка въ три. Около середины обозначеннаго камнями мѣста углубленіе до семи вершковъ въ грунтъ, заполненное древесными углями. Около углей нѣсколько мелкихъ жженныхъ косточекъ.

Мѣсто 3-е, погребенія не обнаружило никакихъ признаковъ.

Мѣсто 4-е, обозначенное небольшою кучею камней.

До глубины вершковъ четырехъ — насыпная земля; ниже ея — пластъ древесныхъ углей, который около середины понижается до глубины 8 вершковъ, и здѣсь непосредственно подъ нимъ — жженныя кости и, среди нихъ, — бронзовая фибула и слиточекъ стеклянныхъ бусъ. — Фибула отличается отъ найденной въ 1-мъ мѣстѣ лишь нѣкоторыми только особенностями. Составляющая излучину пластинка принимаетъ только на концѣ желобчатую форму и, будучи подогнута внизъ, образуетъ опору для конца иглы. На концѣ желобка двойной отростокъ, который, прихватывая желобокъ къ излучинѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ для послѣдней орнаментомъ. Общая длина фибулы, по направленію иглы, 50^{mm}, ширина, по направленію оси пружины, 36^{mm}.

¹⁾ См. мѣсто 4-е.

²⁾ Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien N, napр. 1831.

³⁾ Труды Виленскаго IX Археологическаго Съѣзда. Томъ I, стр. 88, рис. 39.

Мѣста 5-е и 6-е, обозначенныя камнями, ничего особеннаго не представили.

Мѣсто 7-е, обозначенное камнями.

Въ срединѣ намѣченнаго дугою круга, подъ насыпнымъ слоемъ, толщиною въ 5 вершковъ, два обуглившихся бревна, въ разстояніи полутора аршинъ одно отъ другого. Бревна лежали въ параллельномъ направленіи съ С.З.З. на Ю.В.В. и между ними оказались мелкія жженыя кости, среди которыхъ найдены желѣзная римская фибула и пряжка. — Фибула совершенно одинакова съ найденною во второмъ Пильвинскомъ курганѣ¹⁾: недостаетъ лишь здѣсь шарика на концѣ оси спирали.

Мѣсто 8-е, обозначенное не вполне правильной окружностью.

Насыпная земля наблюдается до глубины восьми — девяти вершковъ. Около средины бывшаго здѣсь очевидно кургана, на грунтѣ, который, кстати замѣтить, покрытъ темною землею съ угольными вкрапинами, — ограда въ формѣ полуокружности изъ большихъ булыжниковъ; въ заполняющей ограду землѣ обнаружено двѣ-три жженныхъ косточки. — Въ нѣкоторомъ разстояніи на Ю. отсюда такой же, какъ и въ пятомъ Чернолужанскомъ курганѣ²⁾, ящикъ изъ булыжника но безъ крышки. Въ заполняющей ящикъ землѣ — мелкія жженыя кости.

Мѣсто 9-е, намѣчающее часть окружности, приблизительно около 12 арш.

Насыпная земля до глубины 9 вершковъ. По грунту слой бѣлаго песку. Въ центрѣ кургана, на грунтѣ, — чашеобразная куча большихъ камней. Въ нѣкоторомъ разстояніи на Ю. отсюда, на бѣлопесочномъ слоѣ — мелкія жженыя кости, поверхъ которыхъ тонкій слой мелкихъ древесныхъ углей.

Мѣсто 10-е, обозначенное нѣкоторымъ подъемомъ и лежащими камнями.

Подъ насыпною землею, на глубинѣ 11 вершковъ, — слой бѣлаго песку съ угольными вкрапинами. Въ одномъ мѣстѣ, вершковъ на 10 ниже бѣлопесочнаго слоя, очень много жженныхъ костей, среди которыхъ найдены слѣдующія вещи: желѣзная римская фибула, серебряное спиральное кольцо, бронзовое колечко, два бронзовыхъ обломка неопредѣленнаго назначенія и слитокъ стекловидной массы. — Фибула во всѣхъ отношеніяхъ одинакова съ найденною въ мѣстѣ 7-мъ. Спиральное почти въ три оборота кольцо изъ серебряной — низкопробной пластинки, шириною въ $2\frac{1}{2}$ mm и толщиною не болѣе 1 mm. Лицевая поверхность пластинки обработана въ формѣ ряда перемежающихся четырехугольных выступовъ и пониженій.

¹⁾ См. выше.

²⁾ См. выше.

Мѣсто 11-е, близъ ряда камней, расположенныхъ по прямой линіи.

На В. отъ камней — земля, до глубины семи вершковъ, насыпная; подъ ней слой черной (дегтярной) земли и въ немъ жженыя кости, среди которыхъ найдены желѣзная фибула пряжка и такое же копье. Фибула одинакова съ найденными въ 7-мъ и 10-мъ мѣстахъ; пряжка одинакова съ вышеописанными.

Мѣсто 12-е, обозначенное нѣсколькими камнями.

Насыпной пластъ имѣетъ въ толщину около 9 вершковъ; подъ нимъ слой бѣлаго песку въ перемежку съ черной землей. Въ одномъ мѣстѣ, непосредственно надъ грунтомъ, найдены два обломка жженой кости.

Примѣчанія.

Въ виду почти полнаго разрушенія Желядскихъ кургановъ, не только общія заключенія, но даже и самыя основанія для такихъ заключеній не идутъ далѣе болѣе или менѣе вѣроятныхъ лишь предположеній, и лишь одинъ фактъ можетъ считаться достовѣрно установленнымъ, — это общій для всѣхъ кургановъ обрядъ погребенія — трупосожженіе. Почти несомнѣнно также и то, что костеръ погребальный помѣщался не на мѣстѣ предполагаемаго кургана, а внѣ его. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаружено, правда, значительное количество близъ остатковъ праха древесныхъ углей, но угольные пласты въ данныхъ случаяхъ не настолько значительны, чтобы считать ихъ не тронутыми съ мѣста остатками костра: по аналогіи съ другими болѣе опредѣленными погребеніями, угли эти могли попасть въ курганы или въ качествѣ подстилки для остатковъ праха, или, едва ли не вѣроятнѣе, случайно перекинуты сюда съ костра вмѣстѣ съ остатками праха. Подъ условіемъ послѣдняго предположенія, является, съ своей стороны, намекъ на непосредственное сосѣдство погребальнаго костра съ мѣстомъ предполагаемаго кургана.

Мѣсто погребальнаго пятна въ курганахъ въ большинствѣ случаевъ совпадаетъ съ поверхностью грунта, въ трехъ же случаяхъ (мѣсто 2-е, 4-е и 10-е) прахъ оказался на восемь, въ среднемъ выводѣ, вершковъ ниже поверхности грунта. Послѣднее явленіе аналогично съ преобладающею формою погребенія въ курганахъ Чернолужанскихъ, Понизовскихъ и отчасти Римшанскихъ¹⁾ и, какъ въ первыхъ изъ этихъ кургановъ, можетъ быть объяснено въ зависимости отъ расчистки мѣста подъ курганъ. Но на какой бы высотѣ прахъ ни находился, вездѣ онъ оказывается лежащимъ на подстилкѣ, состоящей то изъ древесныхъ углей (мѣсто 1-е, 2-е, 4-е, 5-е), то изъ бѣлаго песку (мѣсто 9-е, 10-е и 12-е), то изъ темной, какъ дѣготь, земли. Фактъ этотъ весьма обычный для мѣстныхъ кургановъ, — одинаково, — какъ для болѣе древнихъ, такъ и для позднѣйшихъ. Какъ на модификаціи, кажется, той же подстилки слѣдуетъ смотрѣть и на тѣ два, превратившіяся въ угли, бревна,

¹⁾ См. выше.

среди которых оказался прахъ въ мѣстѣ седьмомъ. Въ двухъ случаяхъ, въ мѣстахъ 8-мъ и 9-мъ, въ срединѣ оказались большіе камни, расположенные въ 8-мъ мѣстѣ въ формѣ кольца, а въ 9-мъ — въ видѣ чаши: хотя остатки праха, и то въ видѣ 2—3 косточекъ, оказались только среди камней послѣдняго мѣста, тѣмъ не менѣе объ эти группы камней должны быть признаны аналогичными съ тѣмъ выложеннымъ камнями чашеобразнымъ углубленіемъ, въ которомъ оказался прахъ въ десятомъ Чернолужанскомъ курганѣ. Совершенно аналогично, наконецъ, и также характерно, какъ въ пятомъ Чернолужанскомъ курганѣ, оказалось второстепенное погребеніе въ мѣстѣ 8-мъ, гдѣ прахъ былъ заключенъ въ сложенный изъ булыжника ящикъ. Вообще, со стороны болѣе характерныхъ случаевъ погребенія, Желядскіе курганы больше всего обнаруживаютъ сходства съ курганами Чернолужанскими.

Величина кургановъ, вслѣдствіе почти полного ихъ уничтоженія, конечно, не можетъ быть указана съ точностію, но во всякомъ случаѣ самый фактъ распушки на мѣстѣ кургановъ поля показываетъ, что они не отличались большими размѣрами. При сопоставленіи, подъ вліяніемъ непосредственныхъ наблюденій, Желядскихъ кургановъ съ другими сосѣдними, скорѣе всего возникаетъ мысль о сходствѣ ихъ, со стороны величины и формы, съ курганами центральной Пильвинской группы, тѣмъ болѣе, что въ пользу этой аналогіи подкупаетъ и фактъ присутствія на площади Желядскихъ кургановъ камней, — вѣроятныхъ остатковъ, какъ и въ Пильвинскихъ курганахъ, боковой обложки, и общехарактерное сходство найденныхъ въ обѣихъ этихъ группахъ вещей.

Вещи, найденныя въ Желядскихъ курганахъ, состоятъ изъ двухъ бронзовыхъ римскихъ фибулъ (мѣста 1-е и 4-е), трехъ такихъ же желѣзныхъ предметовъ (мѣста 7-е, 10-е и 11-е), двухъ желѣзныхъ пряжекъ (мѣсто 7-е, круглая, и 11-е, овальная), одного серебрянаго спиральнаго кольца (мѣсто 10-е), двухъ слитковъ стекла (мѣста 4-е и 10-е), одного копья (мѣсто 11-е) и нѣсколькихъ бронзовыхъ, неопредѣленнаго назначенія, обломковъ (мѣста 1-е и 10-е). Въ общемъ, такимъ образомъ, преобладаютъ предметы личнаго наряда, и присутствіе только въ одномъ мѣстѣ копья, — кстати замѣтить, миниатюрныхъ размѣровъ, — говоритъ о мирномъ характерѣ современниковъ происхожденія кургановъ. Изъ предметовъ личнаго наряда преобладаютъ и болѣе характерны римскія фибулы. Фибулы эти вообще свидѣтельствуютъ о сравнительной древности (чему не противорѣчатъ и другіе предметы) Желядскихъ кургановъ, и въ частности, замѣчательное сходство желѣзныхъ фибулъ съ такимъ же предметомъ изъ центральной Пильвинской группы¹⁾ заставляетъ признать одновременность Желядскихъ кургановъ съ центральными Пильвинскими.

Вообще, на основаніи сходства нѣкоторыхъ случаевъ погребенія въ Желядскихъ курганахъ съ преобладающею формою погребенія въ курганахъ Чернолужанскихъ, а также на основаніи сходства предметовъ изъ Желядскихъ кургановъ съ однородными изъ центральныхъ Пильвинскихъ, происхожденіе Желядскихъ кургановъ, повидимому, не позднѣе предпослѣднихъ вѣковъ прошедшаго тысячелѣтія.

¹⁾ См. выше.

XI. Будранскіе курганы.

Мѣстоположеніе дер. Будранъ, Александровской вол., Свенцянскаго у., опредѣляется приблизительно $54^{\circ}56'$ с. ш. и $43^{\circ}50'$ вост. долг. Курганы находятся въ сосѣдней съ деревнею, такъ называемой, Будранской казенной лѣсной дачѣ и въ лѣсу им. Шайкуны, гдѣ они разбросаны безъ всякаго порядка небольшими группами на пространствѣ верстѣ около двухъ. Наибольшая въ количественномъ отношеніи группа расположена въ разстояніи 300—400 саж. на Ю.З. отъ дер. Будранъ. Изъ насчитывающихся здѣсь двадцати двухъ кургановъ, двѣнадцать расположены на казенной землѣ и десять на землѣ им. Шайкунъ. Всѣ курганы этой группы сферической формы и средней величины. Взаимное разстояніе между ними саженой около пяти. Въ разстояніи саженой ста на С. отсюда, при дорогѣ въ им. Шайкуны, есть еще 2—3 такихъ же кургана, и курганы также были, очевидно, на сосѣднемъ полѣ заст. Погулянки, потому что во время запашекъ здѣсь, по рассказамъ лѣсника, были найдены топоры и копыя. Въ разстояніи около версты на Ю.Ю.З. отъ первой группы, за, такъ называемымъ, Троцкимъ мостомъ, по шайкунскому лѣсу разбросано еще до полутора десятка кургановъ, изъ которыхъ пять лежатъ сейчасъ же за Троцкимъ мостомъ, другіе пять въ разстояніи саженой двухсотъ на З. отсюда, а остальные, по одиночкѣ, въ разныхъ мѣстахъ. Курганы, расположенные у самаго Троцкаго моста, отличаются небольшими сравнительно размѣрами и приближающеюся къ полусферѣ формою, остальные же имѣютъ форму невысокихъ сферическихъ сегментовъ, а одинъ изъ кургановъ эллиптической формы. Остатки, наконецъ, кургановъ находятся и на сосѣдней съ лѣсомъ пѣсекѣ, гдѣ на нерѣдкихъ здѣсь песчаныхъ лысилахъ наблюдаются пятна древесныхъ углей, иногда съ примѣсью незначительнаго количества жженыхъ косточекъ, и гдѣ, между прочимъ, найденъ былъ точильный брусокъ, современный, вѣроятно, происхожденію кургановъ.

Характерную особенность Будранскихъ кургановъ составляютъ наблюдаемая среди нихъ кольцеобразные валы, или, точнѣе, окруженные валами весьма мелкія ямы. Такихъ кольцеобразныхъ валовъ насчитывается четыре, — три среди ближайшихъ къ Будранамъ кургановъ и одинъ на срединѣ почти разстоянія между главнѣйшими группами Затроцкихъ кургановъ. Первые три кольца расположены по одной прямой линіи, приблизительно, съ С. на Ю. въ разстояніи, — первое отъ второго, — 85 шаговъ и, второе отъ третьяго, — 5 шаговъ. На срединѣ, приблизительно, разстоянія между первымъ и вторымъ кольцомъ наблюдается, кромѣ того, небольшое круглое пониженіе почвы, но безъ ограничивающаго его вала. Размѣры валовъ-колець опредѣляются приблизительно: окружность, по вершинѣ вала, отъ 21 до 45 шаговъ; внѣшній діаметръ кольца-вала отъ 13 до 22 арш.; ширина вала, черезъ верхъ отъ 4 до 5 арш. 9 вершк.; высота вала надъ грунтомъ до 15 вершк.; входъ (пониженіе вала) съ С. Положеніе замкнутой валомъ площади относительно грунта не можетъ быть опредѣлено съ точностію.

Будранскіе валы-кольца, представляя вполне аналогичное явление съ такими же наблюдаемыми среди Роцкихъ, Опсовскихъ и Довборскихъ кургановъ¹⁾, Ковенской губерніи, отличаются большею высотой валовъ и при первомъ взглядѣ производятъ впечатлѣніе сферическихкихъ — чашеобразныхъ углубленій.

Возвращаясь непосредственно къ курганамъ, которые, у мѣстныхъ жителей называются копцами, слѣдуетъ отмѣтить мѣстный обычный взглядъ на нихъ, какъ на остатки какой-то стародавней войны; при чемъ, курганы, находящіеся ближе къ Будранамъ, въ народномъ разговорѣ, обыкновенно, противопоставляются курганамъ Затроцкимъ, т.-е. на мѣстѣ первыхъ, во время предполагаемой войны, находилась одна изъ воюющихъ сторонъ, а за Троцкимъ мостомъ — другая.

Почти всѣ находящіеся на казенной землѣ курганы испорчены, такъ какъ въ недавнее еще время крестьяне сосѣдней деревни зарывали обыкновенно на зиму въ курганахъ картофель. Былъ одинъ случай раскопки кургана и владѣльцемъ им. Шайкунъ. Ни при зарываніи картофеля ни при раскопкѣ кургана помѣщикомъ никакихъ вещей не найдено. Подъ нашимъ наблюденіемъ раскопано десять кургановъ, — шесть — въ ближайшей къ Будранамъ группѣ, и четыре — въ Затроцкомъ лѣсу.

К у р г а н ъ № 1-й.

Окружность 38 шаг. Поперечникъ 14 арш. Высота 2 арш. Кругомъ семь симметрично расположенныхъ ямъ и столько же всходовъ: и тѣ и другіе яснѣе обозначаются съ сѣверо-восточной стороны.

Подъ серединою насыпи, на грунтѣ, лошадиный костякъ въ направленіи съ Ю.В. (голова) на С.З. Длина черепа $8\frac{1}{2}$ вершк., — шеи 13 вершк., — корпуса 1 арш. 7 в. Вообще, лошадь, повидимому, мелкой, до сихъ поръ преобладающей въ Литвѣ, породы. Расположеніе костей показываетъ, что лошадь убита была на самомъ мѣстѣ кургана. Въ зубахъ оказались желѣзные удила, а около мѣста подсѣдельника — двѣ желѣзныхъ пряжки. Всѣ три предмета въ состояніи сильнаго окисленія. Удила въ формѣ двухъ колець, соединенныхъ трехзвенчатою цѣпью. Обѣ пряжки одинаковаго размѣра и были приготовлены изъ плоской, повидимому, пластинки; форма ихъ — съ закругленными углами квадратъ, а величина 50×50 кв. милл. Игла — обычной гвоздевидной формы.

К у р г а н ъ № 2-й.

Окружность 29 шаг. Поперечникъ 9 арш. 4 в. Высота 14 в. Кругомъ шесть симметрично расположенныхъ ямъ и столько же всходовъ.

По грунту слабая темная прослойка. Никакихъ слѣдовъ погребенія не обнаружено.

К у р г а н ъ № 3-й.

Окружность 38 шаг. Поперечникъ 15 арш. Высота 1 арш. 10 в. Отъ окружавшаго курганъ рва до сихъ поръ сохранилось только пять ямъ съ четырьмя между

¹⁾ Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 166 и сл.

ними всходами. Съ сѣверо-сѣверо-западной стороны курганъ въ давнее, повидимому, время испорченъ.

Около сѣверо-восточнаго края кургана, надъ самымъ грунтомъ, найденъ желѣз-ный серпъ. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, нѣсколько жженныхъ косточекъ. Попадались жженные кости и вверху курганной насыпи, но появленіе ихъ здѣсь едва ли не слѣдствіе упомянутой порчи кургана. Серпъ обыкновенной ¹⁾ формы.

К у р г а н ъ № 4—6-й.

По грунту слабая темная прослойка съ угольными вкрапинами. Другихъ слѣдовъ погребенія не обнаружено.

К у р г а н ъ № 7-й.

Окружность 30 шаг. Поперечникъ 10 арш. 5 в. Высота 1 арш. 11 в. Кругомъ едва замѣтный ровъ; всходы едва также различаются только съ Ю.-З. и Ю.-В.

По грунту очень слабая темная прослойка, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ перемѣшку съ древесными углями. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, на бѣлосочной подкладкѣ, — мелкія жженные кости и среди нихъ нѣсколько (преимущественно — обломковъ) бронзовыхъ бляшекъ; близъ сѣверо-западной периферіи костяного пятна — глиняный горшокъ. Всѣ бляшки — изъ листовой бронзы и, за исключеніемъ одной, имѣютъ форму сферическихъ сегментовъ. И по своей формѣ и со стороны составляющаго ихъ матеріала, бляшки эти живо напоминаютъ однородные предметы изъ Мемлянскихъ, Свенцянскаго уѣзда, кургановъ ²⁾, и какъ тѣ, очевидно, имѣли значеніе пронизей, такъ называемой, кольчужной ткани. Горшокъ — въ видѣ плоски и отличается своими миниатюрными размѣрами.

Въ курганѣ № 8-й никакихъ слѣдовъ погребенія не обнаружено.

К у р г а н ъ № 9-й (овальный).

Окружность 43 шага. Длина, съ В. на З., 19 арш. Ширина 16 арш. Высота 1 арш. 9 в. Кругомъ кургана ровъ съ яснѣе замѣтнымъ всходомъ съ юго-западной стороны.

На высотѣ 4—8 вершковъ надъ грунтомъ, въ направленіи отъ центра кургана на С.-В., наблюдается полоса древесныхъ углей. а) Въ нѣкоторомъ разстояніи на Ю.-З. отъ центра кургана, непосредственно подъ дерномъ, жженные кости, поверхъ которыхъ были компактно уложены топоръ, два копья и ножъ. б) Кучка жженныхъ костей оказалась также на высотѣ десяти вершковъ надъ грунтомъ, около юго-восточной периферіи кургана, и здѣсь же помѣщались желѣзный топоръ и два копья.

¹⁾ См. напр. Засвирскіе курганы, № 4.

²⁾ См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II. Табл. XI, 21—22.

Оба топора узкоклинковые, обухъ одного (рис. 18) изъ нихъ украшенъ четырьмя боковыми, по направленію топорнища, отроутками, изъ которыхъ два внѣшніе орнаментированы поперечными нарѣзами. Образцы подобной обработки обуха можно наблюдать, напр., въ древностяхъ Мордовскихъ, Мерянскихъ, Финляндскихъ¹⁾ и Латышскихъ²⁾,

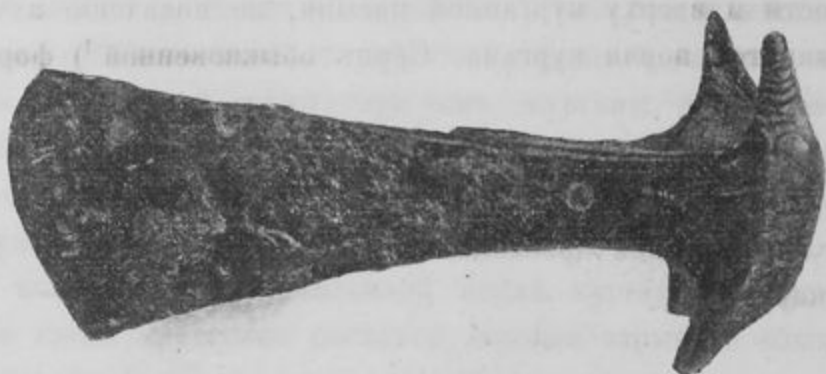

Рис. 18.

съ тою впрочемъ особенностію, что въ нашемъ экземплярѣ отроутки выступаютъ рельефнѣе и вообще вся обработка топора отличается большею чистотою. Оба копы одинаковой почти величины и формы, — съ овальными клинками и коническими втулками.

Большое копы: клинокъ овальный, длиною въ 160^{mm} и шириною (наибольшею) въ 35^{mm}; втулка коническая, длиною въ 93^{mm}. Несмотря на состояніе сильнаго окисленія, предметъ производитъ впечатлѣніе аккуратной обработки, и (при общей стереотипности) взаимнымъ отношеніемъ своихъ частей ближе другихъ напоминаетъ № 1959 эстонскихъ древностей у Аспелина³⁾. Меньшее копы: клинокъ эллиптической формы, величиною, по направленію продольной оси, въ 110^{mm}, и по поперечной — 27^{mm}; втулка коническая, длиною въ 80^{mm}; размѣры его весьма незначительны.

К у р г а н ъ № 10-й.

Окружность 43 шага. Поперечникъ 21 арш. Высота 1 арш. 4 в. Кругомъ — восемь симметрично расположенныхъ ямъ и столько же всходовъ. На вершинѣ кургана углубленіе.

Около середины кургана, въ насыпи, непосредственно надъ грунтомъ, — нѣсколько мелкихъ жженныхъ косточекъ. Никакихъ другихъ остатковъ погребенія не оказалось.

П р и м ѣ ч а н і я.

Будранскіе курганы не представляютъ сконцентрированной въ одномъ мѣстѣ компактной группы: они разбросаны безъ всякаго порядка (иногда даже по одиночкѣ) на пространствѣ, по крайней мѣрѣ, двухъ квадратныхъ верствъ. Съ этимъ внѣшнимъ

¹⁾ Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, №№: 902, 935 и 1585.

²⁾ Матеріалы по археології Россіи, № 14. Табл. XV, 7.

³⁾ Antiquités du Nord Finno-Ougrien.

безпорядкомъ расположенія кургановъ какъ будто находится въ соотвѣтствіи и наблюдаемое въ разныхъ курганахъ разнообразіе погребеній, касающееся, впрочемъ, не общаго ритуала, а лишь его детальныхъ особенностей.

Курганы, расположенные ближе къ дер. Будранамъ и представляющіе наиболѣе значительную въ количественномъ отношеніи группу, принадлежатъ къ разряду такъ называемыхъ кавалерійскихъ и, такимъ образомъ, должны быть поставлены въ наиболѣе тѣсную хронологическую и этнографическую связь съ выше описанными курганами восточной Пильвинской группы и съ Зезюльскими. Какъ и тамъ, въ Будранскихъ курганахъ этого характера сожженіе праха происходитъ внѣ кургана, и въ большинствѣ случаевъ прахъ также сжигается до полного уничтоженія; по крайней мѣрѣ, остатки погребальнаго костра, въ видѣ мелкихъ жженныхъ костей, оказались изъ шести раскопанныхъ кургановъ всего только въ двухъ. Изъ остальныхъ четырехъ, въ трехъ ничего не оказалось, а въ одномъ (№ 1-й), при отсутствіи всякихъ признаковъ костра, — цѣльный лошадиный скелетъ. Оба эти факта, т.-е. и значительный процентъ пустыхъ кургановъ, и присутствіе конскихъ костей составляютъ обычное для кавалерійскихъ кургановъ явленіе. Правда, въ большинствѣ такихъ кургановъ конскія кости оказываются раздробленными и лежащими въ безпорядкѣ, и можно указать лишь только три случая изъ мѣстной практики, гдѣ конскій скелетъ оказался въ болѣе или менѣе цѣломъ состояніи, — это 1-й Швейцарскій курганъ¹⁾, послѣдній Першукштовскій²⁾ и одинъ изъ кургановъ Пошвинскихъ³⁾, — но и въ этихъ случаяхъ скелетъ сопровождается остатками погребальнаго костра, — прахъ умершаго, въ Будранскомъ же курганѣ конскій костякъ оказывается совершенно самостоятельнымъ. Факту этому, впрочемъ, едва ли, въ виду его единичности, слѣдуетъ придавать значенія болѣе того, сколько можетъ имѣть косвенное доказательство возможности исключительно коммеморативныхъ кургановъ, т.-е. такихъ, которые насыпались лишь въ качествѣ памятника по умершемъ, хотя бы прахъ послѣдняго по какимъ нибудь причинамъ и отсутствовалъ.

По наиболѣе обычному для кавалерійскихъ кургановъ явленію, находки въ Будранскихъ этого рода курганахъ ограничиваются исключительно принадлежностями конской збруи и серповъ: во всѣхъ шести раскопанныхъ курганахъ найдены лишь удила, двѣ пряжки (курганъ 1-й) и серпъ (курганъ 3-й). Всѣ эти вещи по сравненію съ однородными предметами даже и кавалерійскихъ кургановъ отличаются простотою и стереотипностію ихъ формы.

Средняя величина раскопанныхъ Будранскихъ кавалерійскихъ кургановъ опредѣляется слѣдующими измѣреніями: окружность 35 шаговъ, поперечникъ 13 арш., высота 1 арш. 7 вершковъ. Размѣры эти, впрочемъ, должны быть нѣсколько повышены въ виду того, что, вслѣдствіе порчи большинства кургановъ, приходилось раскапывать главнымъ образомъ курганы меньшихъ размѣровъ, оказывавшіеся въ большей сохранности. Если судить о курганахъ по общему впечатлѣнію, то средняя ве-

1) Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 216.

2) Idem. Т. II, стр. 75.

3) Bibl. Warsz. 1885. Z. CLXXV, str. 25—26.

личина ихъ ближе всего можетъ быть выражена размѣрами перваго изъ раскопанныхъ кургановъ.

Курганы, расположенные ближе къ южной периферіи всей курганной площади, отличаются, въ противоположность сейчасъ описаннымъ, расплывчатою формою, такъ что при значительныхъ горизонтальныхъ протяженіяхъ (окружность 43 шага, поперечникъ около 20 аршинъ) они имѣютъ въ высоту нѣсколько менѣе даже полутора аршина. Въ этомъ отношеніи, изъ описанныхъ выше группъ, они болѣе всего напоминаютъ курганы Позисовскіе, Туцанскіе и большую часть Засвирскихъ, съ которыми они имѣютъ и наибольшее сходство въ детальныхъ подробностяхъ погребенія, т.-е. и здѣсь, очевидно, трупосожженіе производилось внѣ кургана, прахъ, вмѣстѣ съ другими остатками погребальнаго костра, помѣщался или непосредственно на грунтѣ въ центрѣ предполагаемаго кургана, или зарывался въ готовомъ уже курганѣ. Среди вещественныхъ находокъ такихъ кургановъ принадлежностей конской сбруи обыкновенно не наблюдается: обычныя находки здѣсь остатки личнаго наряда и предметы бытовые, — преимущественно, — военное оружіе. Въ частности, всѣ находки въ Будранскихъ этого рода курганахъ состоятъ изъ четырехъ копій, двухъ топоровъ и одного ножа (все — въ курганѣ 9-мъ).

Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить нѣкоторыя особенности кургановъ, расположенныхъ около середины курганной площади, — у Троцкаго моста. Съ внѣшней стороны, курганы эти отличаются отъ двухъ другихъ типовъ небольшими сравнительно размѣрами, и при средней, приблизительной, величинѣ окружности въ 25 шаговъ, — поперечника въ 10 аршинъ и высоты — въ $1\frac{1}{2}$ аршина, производятъ впечатлѣніе округленныхъ сверху коническихъ насыпей. Въ одномъ (раскопано — два, — №№ 7 и 8), оказавшемся съ содержаніемъ, курганѣ прахъ лежалъ въ центрѣ, на бѣлопесочной подстилкѣ и рядомъ съ нимъ помѣщался глиняный горшочекъ лѣпной работы. Послѣднія два обстоятельства сближаютъ это погребеніе съ наиболѣе обычнымъ, наблюдаемымъ въ болѣе сѣверныхъ Литовскихъ курганахъ¹⁾.

Несмотря на указанныя особенности отдѣльныхъ Будранскихъ кургановъ, все-таки не можетъ, кажется, возникнуть вопроса о различіи ихъ съ хронологической и этнографической точки зрѣнія. Не разъ выше, при описаніи цѣлыхъ группъ, съ которыми аналогичны тѣ или другіе Будранскіе курганы, уже высказано было предположеніе, что курганы, характеризующіеся находками исключительно предметовъ кавалерійскаго снаряженія, должны быть усвоены тому же времени и народу, которому принадлежатъ и курганы съ предметами личнаго наряда и военнаго оружія, т.-е. литовцамъ позднѣйшаго археологическаго періода; и такимъ образомъ, Будранскіе курганы, представляя совмѣстное существованіе этихъ двухъ типовъ, являютъ лишь новое подтвержденіе указаннаго сейчасъ предположенія, обоснованнаго, главнымъ образомъ, на аналогіи курганныхъ находокъ.

Фактомъ, какъ будто подтверждающимъ ту же одновременность разныхъ Будранскихъ кургановъ, служатъ и наблюдаемые въ крайнихъ пунктахъ курганной пло-

¹⁾ См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 166 и сл.

щадя земляные валы-кольца. Подобные кольца-валы въ нашей личной практикѣ встрѣчаются въ третій разъ: два первыхъ раза они наблюдаемы были въ 1893 году, въ Рацкой и Опсовской курганныхъ группахъ¹⁾. Нѣкоторое отличіе Будранскихъ колець состоитъ въ томъ, что они, сравнительно съ Рацкими и Опсовскими, нѣсколько выше и поэтому являются яснѣе очерченными. Въ этомъ отношеніи они возбуждаютъ мысль о сходствѣ ихъ съ кольцеобразными же, преимущественно, валами, такъ называемыми майданами²⁾. Вопросъ о назначеніи майдановъ, по отсутствію въ нихъ какихъ бы то нибыло находокъ, въ современной археологической наукѣ остается пока открытымъ. Правда, В. Б. Антоновичъ въ одномъ изъ своихъ рефератовъ на X Археологическомъ Сѣздѣ опредѣлялъ майданы въ смыслѣ древнѣйшихъ городищъ, но это опредѣленіе можетъ имѣть значеніе болѣе простой догадки развѣ только потому, что оно принадлежитъ одному изъ авторитетнѣйшихъ представителей русской археологической науки. По тѣмъ же причинамъ и по отношенію къ Будранскимъ кольцамъ-валамъ приходится ограничиться лишь предположеніемъ, высказаннымъ нами при описаніи Опсовскихъ кургановъ; т.-е. валы-кольца, по аналогіи съ наблюдаемымъ до сихъ поръ въ южно-русскихъ губерніяхъ подобнымъ же явленіемъ, могли имѣть значеніе приспособленій, специально устраиваемыхъ для поминальной трапезы — тризны.

I—XI. Общія замѣчанія.

Всѣ описанныя выше одиннадцать курганныхъ группъ, какъ уже выше замѣчено, находятся въ юго-восточной части Свенцянскаго уѣзда. Астрономическое положеніе занимаемой ими площади съ достаточною точностію можетъ быть опредѣлено $43^{\circ}45'$ — $44^{\circ}30'$ в. д. и $54^{\circ}40'$ — $54^{\circ}55'$ с. ш. Такимъ образомъ площадь эта имѣетъ наибольшее протяженіе съ З. на В., и середина ея, которая почти совпадаетъ съ находящимся около сѣверной оконечности Свирскаго озера мѣстечкомъ Свирь, приходится около девяностой, считая отъ Вильны, версты стариннаго Полоцкаго тракта. Въ гидрографическомъ отношеніи площадь эта характеризуется сравнительнымъ обиліемъ озеръ, входящихъ при посредствѣ, въ большинствѣ случаевъ, рѣки Страчи въ систему Вилии. Наибольшая часть курганныхъ группъ, а равнымъ образомъ и наибольшія въ количественномъ отношеніи группы концентрируются въ срединѣ площади, — около сѣверной оконечности Свирскаго озера, или, что тоже, — мѣстечка Свирь. Фактъ этотъ, свидѣтельствующій о сравнительной густотѣ здѣсь народонаселенія въ доисторическія времена, достаточно объясняется тѣми благоприятными бытовыми условіями, которыя опредѣляются присутствіемъ здѣсь и большого озера, и оживленнаго, по всей вѣроятности, и въ доисторическія времена тракта. Въ другихъ

¹⁾ См. Труды IX Археологическаго Сѣзда. Томъ I, стр. 166 и сл.

²⁾ Лично наблюдать майдановъ намъ не приходилось: говоримъ о нихъ на основаніи свѣдѣній, которыя находимъ, напримѣръ, у А. А. Бобринскаго, — Раскопки кургановъ въ окрестностяхъ Смѣлы. Т. II и въ Чтеніяхъ въ обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. III, стр. 10—16 и 21—25.

мѣстахъ отмѣченной площади курганныя группы встрѣчаются по одиночкѣ и въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ незначительнаго, не всегда достигающаго и двухъ десятковъ, числа кургановъ, такъ что общая сумма кургановъ, со включеніемъ въ нее и Засвирской, единственной, достигающей 170 кургановъ, группы, не превосходитъ четырехсотъ, — числа на триста, по крайней мѣрѣ, квадратныхъ верствъ, очевидно, очень ограниченнаго. Скромнымъ также числомъ, — именно въ 28 кургановъ, выражается и средняя арифметическая величина курганной вообще группы. Эта незначительная средняя величина не составляетъ, впрочемъ, исключительнаго явленія разсматриваемой площади: она должна быть признана общимъ фактомъ для болѣе широкаго сосѣдняго района, характеризующагося преобладающимъ обрядомъ погребенія — чрезъ трупосожженіе. Незначительность средней величины особенно рельефно выступаетъ при сравненіи ея съ соотвѣтствующимъ числомъ для кургановъ съ ингуаціею. Не говоря уже о расположенныхъ на С. отъ Западной Двины и на Ю. отъ средняго Нѣмана могильникахъ, число погребеній въ которыхъ измѣряется сотнями, средняя величина курганной группы въ сосѣдней, напримѣръ, Минской губерніи опредѣляется¹⁾ числомъ 53, почти вдвое большимъ сравнительно съ нашимъ. Факту этому, впрочемъ, не слѣдуетъ, повидимому, придавать значенія доказательства слабой населенности разсматриваемой площади въ курганную эпоху: едва ли не съ большею достовѣрностью онъ объясняется нѣкоторыми особенностями погребальнаго обряда. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ группахъ нерѣдко оказываются курганы безъ всякаго содержанія, что даетъ ясный намекъ на усвояемое курганамъ съ трупосожженіемъ по преимуществу коммеморативное значеніе, т.-е. аналогичное съ современными надмогильными памятниками, и, слѣдовательно, какъ теперь не всякая могила отмѣчается памятникомъ, такъ и по отношенію къ курганамъ — общая сумма той или другой группы далеко не выражаетъ числа сожженныхъ здѣсь праховъ. Съ другой стороны, довольно обычнымъ явленіемъ оказывается фактъ погребенія въ готовомъ уже курганѣ, насыпанномъ надъ ранѣ сожженнымъ прахомъ, что, на основаніи простаго арифметическаго расчета, само собою должно понижать общую сумму кургановъ каждой такой группы. Чтобы судить, на сколько въ зависимости отъ подобнаго обычая погребенія могло сокращаться общее число кургановъ группы, достаточно указать на центральную — Пильвинскую, напримѣръ, группу, гдѣ второстепенныя (въ готовой насыпи) погребенія обнаружены въ 66% всего числа раскопанныхъ кургановъ, или на группу Чернолужанскую, гдѣ процентъ этотъ поднимается до 75. Не безъ вліянія на среднюю величину группъ оказывается, наконецъ, и не высокая степень сохранности кургановъ: отъ Гузковскихъ, напримѣръ, и отъ Желядскихъ кургановъ ко времени нашей раскопки ихъ оставались на столько слабые слѣды, что о количествѣ кургановъ въ этихъ мѣстахъ нельзя составить даже и приближительнаго представленія.

Отмѣченное почти полное уничтоженіе Гузковскихъ и Желядскихъ кургановъ хотя и составляетъ исключительное явленіе, тѣмъ не менѣе и остальные курганы

¹⁾ См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 221.

оказываются далеко не въ ихъ первоначальномъ состояніи. Лучше другихъ сохранились курганы восточной Пильвинской группы и Зезюльскіе, особенно послѣдніе, гдѣ можно указать такіе экземпляры, которые благодаря прикрытію ихъ травой и древесными порослями, до сихъ поръ сохраняютъ, несомнѣнно, свою первоначальную величину и форму. Остальная большая часть кургановъ, отчасти вслѣдствіе естественныхъ причинъ (курганная насыпь повсюду — изъ сыпучаго песка), а главнымъ образомъ вслѣдствіе положенія ихъ теперь или среди полей или на выгонахъ, настолько измѣнила свою величину и форму, что на первый взглядъ многіе курганы различной сравнительно конструкціи производятъ впечатлѣніе одинаковыхъ почти насыпей. Если бы на основаніи этихъ первоначальныхъ впечатлѣній, съ присоединеніемъ сюда даже произведенныхъ во время раскопокъ измѣреній, мы попытались опредѣлить форму и размѣры кургановъ, то для всѣхъ почти группъ общою формою кургана оказался бы сферическій сегментъ, не превосходящій шестидесяти шаговъ по окружности основанія (3-й Рымшанскій, на примѣръ, и 6-й Засвирскій курганы) и двухъ съ половиной аршинъ въ высоту (1-й Зезюльскій курганъ), или, выражая размѣры кургана посредствомъ средняго арифметическаго, пришлось бы общою нормою кургана признать сферическій сегментъ, имѣющій 37 шаговъ по окружности основанія, 12 аршинъ 13 вершковъ въ поперечникѣ (черезъ верхъ) и 1 арш. 7 вершк. въ высоту. Но такое, основанное на первоначальныхъ впечатлѣніяхъ, обобщеніе формы кургановъ не вполне, повидимому, отвѣчаетъ дѣйствительности. При болѣе внимательномъ — детальномъ изученіи формы, особенно въ соединеніи съ разнохарактерными въ разныхъ курганахъ находками и нѣкоторыми особенностями погребенія, является возможность различать три, по крайней мѣрѣ, разновидности кургановъ. Во-первыхъ, курганъ расплывчатой формы, характеризующійся, не пропорціонально, сравнительно съ высотой, большими размѣрами въ горизонтальномъ направленіи. При своемъ возникновеніи такой курганъ, по всей вѣроятности, имѣлъ форму близкую къ полусферѣ, которая, подъ вліяніемъ времени и естественнаго разрушенія, постепенно переходила въ очень невысокій сферическій сегментъ, теперь — иногда едва-лишь замѣтно поднимающійся надъ сосѣдней почвой. Нерѣдко такой курганъ снабжался при основаніи вѣнцомъ изъ крупныхъ булыжныхъ камней: въ этомъ случаѣ, при дальнѣйшемъ естественномъ разрушеніи, онъ переходитъ въ форму, напоминающую очень не высокой усѣченный конусъ. — Вторую разновидность составляютъ курганы, характеризующіеся своею компактною формою: въ противоположность курганамъ первой категоріи, они при меньшихъ, сравнительно съ тѣми, горизонтальныхъ размѣрахъ почти всегда оказываются значительно большими въ высоту. Курганъ второй разновидности, какъ можно судить на основаніи нѣкоторыхъ замѣчательной сохранности экземпляровъ, при своемъ возникновеніи имѣлъ форму правильнаго, на сколько это, конечно, возможно для составляющаго курганъ матеріала, конуса. Въ случаѣ естественнаго разрушенія курганъ этой формы переходитъ обыкновенно въ близкій къ полусферѣ сегментъ. Каменной обкладки по бокамъ въ этихъ курганахъ никогда почти не наблюдается. — Наконецъ, какъ третья разновидность должны быть отмѣчены курганы въ формѣ сферическихъ сегментовъ,

отличающихся незначительными, какъ въ горизонтальномъ такъ и въ вертикальномъ направленіи, размѣрами. Со стороны общей формы они, такимъ образомъ, очень близко стоятъ къ курганамъ первой категоріи, но они должны быть выдѣлены въ особую группу какъ по нѣкоторымъ особенностямъ прикрываемыхъ ими погребеній, такъ и нѣкоторымъ внѣшнимъ особенностямъ: сюда относятся, кромѣ незначительности размѣровъ насыпей, преобладающее отсутствіе периферіальныхъ рововъ и наблюдаемая очень часто на вершинахъ этихъ кургановъ углубленія; точно также каменный боковой покровъ, по сравненію съ курганами первой категоріи, оказывается здѣсь болѣе преобладающимъ явленіемъ. Прилагая эту классификацію къ изслѣдуемымъ курганамъ, наиболѣе типичными представителями для первой разновидности слѣдуетъ признать большинство кургановъ Засвирскихъ и нѣкоторые изъ Будранскихъ, для второй — почти все Зезюльскіе курганы и восточную группу Пильвинскихъ, для третьей — курганы Чернолужанскіе, центральные Пильвинскіе и Погорѣльскую группу Позировскихъ кургановъ.

Кромѣ отмѣченныхъ трехъ видовъ кургановъ, въ одномъ случаѣ въ Будранской группѣ и въ двухъ-трехъ — въ Засвирской обнаруживается, повидимому, еще четвертая — овальная форма кургана. Чаще и съ яснѣе выраженными признаками подобная форма кургана наблюдается въ мѣстахъ, расположенныхъ на сѣверъ отсюда: на пространствѣ, на примѣръ, между верхнимъ теченіемъ Дисны и Западной Двины овалы курганы составляютъ не только преобладающее въ нѣкоторыхъ могильникахъ въ количественномъ отношеніи явленіе, но и характеризуются такими детальными подробностями строенія, а иногда и особенностями содержаемаго ими обряда погребенія, которыя ясно отличаютъ ихъ отъ кургановъ центрическихъ, въ упомянутыхъ же Будранскомъ и Засвирскихъ курганахъ, кромѣ незначительнаго уклоненія отъ формы сферическаго сегмента, никакихъ особенностей, по сравненію съ другими сосѣдними курганами не обнаружено, и, такимъ образомъ, овальную форму ихъ, съ большимъ основаніемъ, слѣдуетъ считать случайнымъ отклоненіемъ отъ нормы, почему, слѣдовательно, форма эта и не можетъ итти въ расчетъ при классификаціи разсматриваемыхъ кургановъ по внѣшнему виду.

При указаніи внѣшняго вида кургана каждой изъ трехъ, отмѣченныхъ сейчасъ, категорій не разъ упомянуто было о наблюдаемой по бокамъ нѣкоторыхъ кургановъ каменной обкладкѣ. Обкладка эта состоитъ обыкновенно изъ средней величины (пуда, въ среднемъ, въ два) камней, уложенныхъ въ два, по большей части, одинъ надъ другимъ ряда. Какъ уже выше замѣчено, на курганахъ 2-й категоріи — коническихъ — каменной обкладки почти никогда не наблюдается, на курганахъ же двухъ остальныхъ категорій — сферическихъ — она составляетъ явленіе спорадическое. Обстоятельство это даетъ ясный намекъ, что каменная обложка не только не считалась ритуальнымъ требованіемъ, но не была даже и явленіемъ наиболѣе обычнымъ. По всей вѣроятности, это — простое условіе комфорта, хотя, можетъ быть, и не безъ прецедента въ болѣе почтенной старинѣ: по крайней мѣрѣ, въ сосѣднихъ, на примѣръ, Антесорскихъ и Межанскихъ курганахъ¹⁾ которые не моложе первой половины прошлаго

¹⁾ Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. II, стр. 76.

тысячелѣтія, каменный, чуть не сплошной, покровъ оказывается всеобщимъ явленіемъ.— При такомъ взглядѣ на дѣло, весьма вѣроятна и догадка, почему, на примѣръ, каменная обкладка, наиболѣе повидимому, какъ увидимъ впослѣдствіи, отвѣчающая идеѣ коническаго кургана, не наблюдается ни на одномъ почти изъ этихъ кургановъ: ограда въ два-три камня вокругъ сферическаго сегмента совершенно достаточна для того, чтобы предохранить его отъ быстрого разрушенія и въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени поддержать его форму; но та же самая ограда, очевидно, не можетъ достигать своей цѣли, въ случаѣ огражденія ею насыпи, имѣющей форму высокаго конуса.

По общераспространенному явленію, при основаніи большей части изслѣдованныхъ кургановъ наблюдаются рвы. О первоначальной величинѣ, — емкости рововъ, по настоящему ихъ состоянію, конечно, судить нельзя, если только не имѣть въ виду шаблоннаго правила, — чѣмъ болѣе курганъ, тѣмъ болѣе емкости и ровъ. Что же касается формы, — продольнаго направленія рва, то въ этомъ отношеніи преобладаетъ, въ соотвѣтствіи съ формою основанія кургановъ, ровъ приближающійся къ правильной окружности, — кольцеобразный, хотя, впрочемъ, никогда кольцо это не бываетъ вполне замкнутымъ: обыкновенно оно прерывается перегородками нетронутаго грунта, образующими, такъ называемые, всходы — подъемы на курганъ. Ни правильной ориентировки, ни качественного ни количественнаго постоянства по отношенію къ всходамъ не наблюдается, въ зависимости отчего и периферіальный кольцеобразный ровъ, по отношенію къ его детальнымъ подробностямъ, обнаруживаетъ большое разнообразіе: то онъ состоитъ изъ двухъ почти полуокружностей, раздѣленныхъ только узкими перегородками (всходами), то изъ трехъ или четырехъ дугъ иногда равныхъ по величинѣ, иногда различныхъ, раздѣляющихся то широкими, то узкими всходами, то, иногда, въ перемѣшку — тѣми и другими вмѣстѣ; очень часто периферіальный ровъ слагается изъ расположенныхъ по правильной окружности, чаще всего, шести или восьми ямъ, то овальной, то совсѣмъ круглой формы, причемъ ямы эти находятся или въ одной общей симметріи, или соединяются въ двѣ симметричныхъ группы, на примѣръ, три — по одну сторону кургана и три по другую: есть также случаи, когда одна изъ такихъ симметричныхъ группъ ямъ замѣняется однимъ дугообразнымъ ровомъ и т. д. вплоть до уничтоженія всякой правильности рововъ, особенно въ случаяхъ сосѣдства между курганами, когда для послѣднихъ рвы становятся общими.

Болѣе рѣдкое явленіе, по отношенію къ разсматриваемымъ курганамъ, составляютъ периферіальные рвы, расположенные по направленію сторонъ правильнаго четырехугольника. Подобные рвы, отличаясь правильностію при овальныхъ курганахъ, при курганахъ, какъ разсматриваемые, центрическихъ обыкновенно имѣютъ форму длинныхъ овальныхъ ямъ, прилегающихъ къ кургану съ четырехъ противоположныхъ сторонъ и представляющихъ едва-ли не случайный результатъ, какъ уже выше замѣчено, отклоненія отъ правильнаго криволинейнаго направленія.

Соединялась-ли съ извѣстною формою рва какая нибудь внутренняя идея, или, можетъ быть, форма рва обуславливалась тѣми или другими внѣшними обстоятель-

ствами при возведеніи кургана, или, наконецъ, она — дѣло простой случайности, — всѣ эти вопросы, очевидно, должны оставаться безъ отвѣта, и, такимъ образомъ, говоря о разнообразіи формъ периферіальныхъ рововъ, мы имѣемъ въ виду лишь отмѣтить только налично существующій фактъ. Въ цѣляхъ фактической также полноты необходимо упомянуть и о курганахъ съ полнымъ отсутствіемъ периферіальныхъ рововъ. Въ нѣкоторыхъ группахъ, напримѣръ, въ Чернолужанской и Понизовской, курганы такіе составляютъ преобладающее явленіе, а въ небольшихъ группахъ Выгонянской и Рымшанской число ихъ — всѣ сто процентовъ. Правда, всѣ эти группы находятся или находились среди полей, и, слѣдовательно, отсутствіе рововъ можетъ быть объяснено уничтоженіемъ во время запашекъ, но возможно также и другое объясненіе въ смыслѣ отрицанія самаго происхожденія рововъ. Дѣло въ томъ, что большая часть кургановъ безъ рововъ отличаются небольшими размѣрами, и почти во всѣхъ этихъ курганахъ погребальное пятно оказывается въ грунтовой ямѣ. Такимъ образомъ насыпь въ этихъ курганахъ прежде всего слагалась изъ земли, извлеченной изъ ямы, а потомъ уже дополнялась постороннею, и такъ какъ послѣдняя, вслѣдствіе незначительности кургановъ, требовалась не въ большомъ количествѣ, и съ другой стороны, мѣсто кургана оказывалось уже точно обозначеннымъ, то для дополненія насыпи земля могла быть извлекаема хотя и близъ самаго кургана, но не съ намѣченной ранѣе кольцеобразной площади, и слѣдовательно рва съ крутыми боками, какой только и могъ уцѣлѣть до настоящаго времени, могло совсѣмъ и не быть. — Наиболѣе естественная причина отсутствія рововъ — образованіе насыпи изъ приносной земли въ примѣненіи къ рассматриваемому случаю, повидимому, не имѣетъ значенія: за исключеніемъ перваго Чернолужанскаго кургана, во всѣхъ остальныхъ насыпь состоитъ изъ земли, совершенно одинаковой съ подпочвою занимаемыхъ курганами площадей.

Для полноты описанія внѣшняго вида кургановъ слѣдуетъ упомянуть о наблюдаемыхъ на вершинѣ нѣкоторыхъ кургановъ ямахъ, которыя, кстати замѣтить, должны быть отличаемы отъ ямъ позднѣйшаго происхожденія, образовавшихся вслѣдствіе порчи кургановъ кладоискателями, или вслѣдствіе распространеннаго мѣстнаго обычая зарывать въ курганахъ на-зиму картофель. Нѣтъ, повидимому, основанія объяснять эти ямы и какъ результатъ давнишней искусственной порчи кургановъ. Отмѣчаемые ямы представляютъ собою небольшія углубленія въ формѣ правильнаго сферическаго сегмента и наблюдаются только въ тѣхъ группахъ, которыя характеризуются преобладающимъ погребеніемъ въ грунтовой ямѣ, именно, по отношенію къ рассматриваемымъ курганамъ, — въ Погорѣльской группѣ Понизовскихъ кургановъ и въ большинствѣ кургановъ Рымшанскихъ. Кромѣ того, при сравненіи этихъ углубленій съ погребальными ямами, обнаруживается болѣе или менѣе замѣтный параллелизмъ, т.-е. чѣмъ глубже погребальная яма, тѣмъ рельефнѣе очерчивается углубленіе на вершинѣ кургана. Этихъ двухъ фактовъ, кажется, совершенно достаточно для того, чтобы объяснить происхожденіе рассматриваемыхъ углубленій естественнымъ путемъ и во время, непосредственно слѣдовавшее за возведеніемъ кургановъ: часть курганной насыпи, приходившаяся надъ грунтовой ямою, заполненною пересыпанною землею

и вообще веществомъ, допускающимъ большую сравнительно съ грунтомъ сжимаемость, естественнымъ образомъ подвергалась и большому осѣданію, чѣмъ тѣ части насыпи, которыя лежали непосредственно на грунтѣ, а, слѣдовательно, здѣсь, само собою, и должно было образоваться углубленіе.

Кромѣ кургановъ, въ одной изъ обследованныхъ группъ, именно — Будранской, наблюдается еще другой родъ искусственныхъ насыпей, — это земляные кольцеобразные валы. Колецъ такихъ въ Будранской группѣ находится четыре, три среди кургановъ главнѣйшей сѣверной части, и одно — въ южной, — среди разбросанныхъ поодиночкѣ кургановъ. Величина наибольшаго изъ колецъ опредѣляется слѣдующими измѣреніями: окружность по вершинѣ вала 45 шаговъ, внѣшній діаметръ кольца 22 аршина, ширина вала, черезъ верхъ, 5 арш. 9 вершк., высота вала надъ уровнемъ внѣшней сосѣдней площади — 15 вершковъ; соотвѣтствующіе размѣры для наименьшаго изъ колецъ выражаются слѣдующими числами: 21 шагъ (окружность), 13 арш. 8 вершк. (поперечникъ), 5 аршинъ (ширина вала) и 1 арш. 1 вершокъ (высота вала). Земля для валовъ извлекалась, повидимому, изъ замыкаемыхъ ими площадей, хотя уровень послѣднихъ въ настоящее время находится почти на одинаковой высотѣ съ внѣшнею площадью и только въ одномъ кольцѣ онъ ниже ея на 10 вершковъ. За исключеніемъ послѣдняго вполне замкнутаго кольца, въ остальныхъ валъ прерывается, — въ двухъ по одному разу, — съ С. и С.-З., и въ одномъ — два раза — съ З. и Ю.-В. Прерывы эти, очевидно, входы внутрь кольца. Вслѣдствіе незначительныхъ размѣровъ замыкаемыхъ кольцами площадей, послѣднія, въ соединеніи съ внутренними боками окружающихъ ихъ валовъ, производятъ впечатлѣніе чашеобразныхъ — сферическихъ углубленій. Подобныя кольца, но лишь съ менѣ высокими только валами, въ большемъ количествѣ наблюдаются среди кургановъ, находящихся на С.-В. отсюда, — на границѣ Ново-Александровскаго и Дисненскаго уѣздовъ. Имѣютъ ли какое нибудь отношеніе разсматриваемыя кольца къ южно-русскимъ, такъ называемымъ, майданамъ, по недостатку личнаго наблюденія послѣднихъ, утверждать не рѣшаемся, хотя вслѣдствіе бѣльшихъ размѣровъ майдановъ, сравнительно съ нашими кольцами, и въ виду замѣтной въ археологической наукѣ тенденціи подводить майданы подъ категорію городищъ, думается, что эти два рода сходныхъ по внѣшнему виду археологическихъ памятниковъ стоятъ особнякомъ: по крайней мѣрѣ, при наблюденіи обнаруживающихся въ нашихъ мѣстахъ колецъ не можетъ являться и мысли о принадлежности ихъ къ разряду укрѣпленій; происхожденіе ихъ, несомнѣнно, находится въ непосредственной зависимости отъ погребальнаго обряда. Но какое значеніе кольца эти имѣли въ процессѣ погребенія, по отсутствію на замыкаемыхъ ими площадяхъ какихъ бы то ни было культурныхъ остатковъ, — рѣшеніе этого вопроса не идетъ далѣе простой догадки. Не повторяя всѣхъ, высказанныхъ нами ранѣе¹⁾, возможныхъ предположеній о назначеніи колецъ, ограничимся указаніемъ аналогичнаго факта изъ современной практики. Въ южно-русскихъ губерніяхъ подобные валы-кольца обыкновенно насыпаются рабочими артелями въ

¹⁾ Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ I, стр. 207.

мѣстахъ производства работъ и имѣють исключительное значеніе приспособленій для артельной трапезы. Думается, что и объясненіе назначенія наблюдаемыхъ среди кургановъ-колець въ смыслѣ приспособленій для общей трапезы, можетъ быть, — тризны должно считаться наиболее вѣроятною, пока, догадкою.

Обрядъ погребенія.

За исключеніемъ одного случая ингумациі, въ Засвирской группѣ¹⁾, наблюдаемый во всѣхъ курганахъ обрядъ погребенія — трупосожженіе. Изъ сотни, приблизительно, раскопанныхъ кургановъ только въ трехъ обнаружено болѣе или менѣе значительное количество древесныхъ углей, допускающее, по крайней мѣрѣ, возможность существованія костра на мѣстѣ самаго кургана, но и въ этихъ трехъ случаяхъ определеніе углей въ смыслѣ остатковъ личнаго костра не можетъ считаться безусловно достовѣрнымъ фактомъ. Подобные остатки костровъ мы имѣли случай наблюдать ранѣе, — разъ въ Швейцарской, около Вильны, группѣ²⁾ и въ другой разъ — близъ Першукшты, Свенцянскаго уѣзда³⁾, но въ обоихъ этихъ, кстати замѣтить, единичныхъ для своихъ группъ случаяхъ, поверхъ остатковъ костра оказались, безъ нарушенія правильности въ расположеніи костей, значительные остатки обожженныхъ конскихъ скелетовъ. Присутствіе на кострищахъ этихъ остатковъ, при отсутствіи, съ другой стороны, кострищъ въ другихъ сосѣднихъ курганахъ, довольно ясно намекало на жертвенный, или, можетъ быть, обиходный, но только не личный характеръ костровъ. Едва ли не то же значеніе, съ болѣею вѣроятностію, должно быть усвоено и тремъ отмѣченнымъ случаямъ, тѣмъ болѣе, что въ различныхъ мѣстахъ всѣхъ кострищъ оказались остатки конскаго убора. Подъ условіемъ, такимъ образомъ, отрицанія у этихъ кострищъ точнаго характера, является всеобщимъ фактъ сожженія праха внѣ кургана. Такъ какъ ни близъ одной изъ курганныхъ группъ слѣдовъ болѣе или менѣе обширныхъ кострищъ не обнаружено, но отсюда можно предполагать, что сожженіе праха происходило не на определенномъ, всякій разъ — одномъ и томъ же мѣстѣ, а въ мѣстахъ для каждаго новаго костра самостоятельныхъ. Нерѣдкіе случаи обнаруженія въ курганныхъ насыпяхъ гнѣздъ древесныхъ углей и вкрапленій красноватой жженой земли позволяютъ догадываться, что костеръ находился обыкновенно по сосѣдству съ предполагаемымъ курганомъ, потому что, по наиболее простому и естественному объясненію, угли могли попасть въ насыпь случайно свалившись съ периферій костра въ ровъ, изъ котораго бралась земля для насыпи. Судя по замѣчательной сохранности большинства оказавшихся въ курганахъ желѣзныхъ вещей и яснымъ слѣдамъ огня на вещахъ бронзовыхъ и стеклянныхъ, умершій возлагался на костеръ, повидимому, въ нарядномъ одѣяніи и съ атрибутами его домашняго быта и общественнаго положенія.

Сожженіе личнаго праха нерѣдко сопровождалось погребеніемъ коня. Особенно часто фактъ этотъ наблюдается по отношенію къ тѣмъ курганамъ, которые съ вѣщи-

1) Подробное описаніе этого случая см. выше.

2) Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 216.

3) Ibid. Т. II, стр. 70.

ней стороны характеризуются конической, въ моментъ ихъ образованія, формою: слѣды конскаго погребенія въ этихъ курганахъ выступаютъ съ такою рельефностію и въ такомъ доминирующемъ количествѣ, что они въ большинствѣ случаевъ не только заслоняютъ личное здѣсь погребеніе, но и оказываются исключительнымъ содержаніемъ кургана. Въ силу этого, между прочимъ, обстоятельства мы и находимъ возможнымъ усвоить этимъ курганамъ наименованіе кавалерійскихъ. Остатки погребенія коня обнаруживаются въ курганахъ то (главнымъ образомъ) въ видѣ предметовъ конской збруи, — всегда, почти, съ слѣдами сильнаго дѣйствія на нихъ огня, — то въ видѣ костей частію жженныхъ, частію — гнилыхъ, и одинъ разъ, въ третьемъ будранскомъ курганѣ, обнаруженъ совершенно цѣлый костякъ коня, убитаго, несомнѣнно, на мѣстѣ самаго кургана. Такимъ образомъ, преобладающею формою погребенія коня было сожженіе. Происходило ли сожженіе коня совмѣстно съ личнымъ прахомъ, или — на самостоятельномъ кострѣ — положительныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ, но слабымъ же намекамъ, заключающимся, съ одной стороны, въ отсутствіи во многихъ кавалерійскихъ курганахъ личного праха (что мы объясняемъ цонынѣ уничтоженіемъ его на кострѣ подъ вліяніемъ высокой температуры, обусловливавшейся присутствіемъ на этомъ же кострѣ и коня), и, съ другой, въ обнаруженіи въ нѣкоторыхъ курганахъ костровъ съ исключительно конскими останками, можно, повидимому, полагать, что одинаково было въ обычаѣ, — сожженіе коня и совмѣстно съ личнымъ прахомъ и — на самостоятельномъ кострѣ. По слабымъ намекамъ также приходится судить и о значеніи сожженія, или, вообще, погребенія, коня въ личномъ погребальномъ обрядѣ. Съ апіорной точки зрѣнія, наблюдаемые въ курганахъ остатки коня могутъ быть опредѣляемы или въ смыслѣ слѣдовъ погребальной жертвы, или тризны, или, наконецъ, могутъ быть рассматриваемы въ качествѣ обыкновеннаго бытового предмета. Если имѣть въ виду, что большинство находимыхъ въ курганахъ предметовъ конскаго убора характеризуютъ боевого именно коня, а не обыкновенную рабочую лошадь, а также фактъ почти полнаго отсутствія слѣдовъ конскаго погребенія въ тѣхъ курганахъ, которые характеризуются находками военнаго оружія, — топоровъ и копій, — то оказывается, повидимому, больше фактическихъ основаній опредѣлять курганнаго коня въ смыслѣ обыкновеннаго бытового предмета, т.-е. конь или его остатки отмѣчаютъ собою курганъ — могилу кавалериста — подобно тому, какъ, напримѣръ, пряслица характеризуетъ женское погребеніе.

Остатки погребальнаго костра — мелкія жженыя кости и предметы личного наряда и бытовые переносились, конечно, въ курганъ. Только въ одномъ случаѣ, въ первомъ Занарочскомъ курганѣ, жженыя кости, при отсутствіи, кстати замѣтить, всякихъ при нихъ предметовъ, оказались собранными въ глиняный, лѣпной горшокъ, плосчатой формы, который, послѣ прикрытія его другимъ нѣскольکو большихъ размѣровъ горшкомъ, помѣщенъ былъ на самой вершинѣ кургана. Фактъ этотъ, находя для себя полную аналогію въ нѣкоторыхъ изъ Приднепровскихъ ¹⁾ и, ближе, Придвинскихъ ²⁾ кургановъ, по отношенію къ рассматриваемому району представляетъ

¹⁾ См. напр. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ I, стр. 224.

²⁾ Ibid. стр. 166 и сл.

явленіе исключительное и, какъ принадлежащій такому могильнику, который по нѣ-которымъ обстоятельствамъ¹⁾ оставленъ былъ безъ всесторонняго обследованія, не можетъ итти въ расчетъ при опредѣленіи положенія праха въ курганахъ рассматри-ваемого района. За исключеніемъ этого случая, погребальныхъ урнъ ни въ одномъ курганѣ не обнаружено. Въ четырехъ, правда, курганахъ (7-й и 16-й Засвирскіе, 7-й Погорѣльскій и 7-й Будранскій) оказались глиняные сосуды и, вдобавокъ, лѣп-ной работы, что, при несомнѣнномъ знакомствѣ съ гончарнымъ кружкомъ, говорить о непосредственномъ отношеніи этихъ сосудовъ къ погребенію, но вслѣдствіе отсут-ствія въ нихъ содержанія, также вслѣдствіе изолированнаго ихъ, по отношенію къ праху, въ курганѣ положенія и, наконецъ, въ виду почти миниатюрности двухъ изъ этихъ сосудовъ, усвоить имъ значеніе погребальныхъ урнъ нельзя. Наибольшее, о чемъ въ этомъ направленіи можно догадываться по отношенію къ сосудамъ — это употребленіе ихъ въ цѣляхъ наиболѣе комфортабельнаго перенесенія остатковъ праха съ костра на мѣсто кургана, но ничтожное количество найденныхъ въ курганахъ горшковъ умалываетъ значеніе даже и этой догадки. Судя по отсутствію постоянной ком-пактной укладки праха, въ нерѣдкихъ курганахъ обнаруживающагося въ формѣ ко-стяныхъ лишь вкрапинъ, а также (чтобы не возвращаться второй разъ къ вопросу), въ виду отсутствія среди костей древесныхъ углей, процессъ перемѣщенія праха съ костра на курганъ рисуется въ слѣдующемъ приблизительно видѣ: когда горѣніе прекращалось, присутствующіе при погребеніи непосредственно, повидимому, руками выбирали изъ потухшаго костра уцѣлѣвшія кости и также непосредственно руками, а можетъ быть и при помощи лопать, горшковъ и т. п., пересыпали эти кости въ кур-ганъ, перемѣщая туда же одновременно и уцѣлѣвшія на кострѣ металлическія вещи.

Переходя къ положенію праха въ курганѣ, считаемъ не излишнимъ предупре-дить, что здѣсь имѣется въ виду только главное въ каждомъ курганѣ погребеніе, т.-е. то, которымъ обусловливалось возведеніе самаго кургана: о второстепенныхъ погребеніяхъ — въ готовомъ уже курганѣ рѣчь ниже. Итакъ, главное погребальное пятно во всѣхъ курганахъ оказывается около середины основанія, но такъ какъ одни изъ кургановъ насыпаны были непосредственно — на не разчищенной, даже, почвѣ, для другихъ же мѣсто разчищалось въ формѣ вырытія сферическаго, повидимому, углубленія, то, поэтому, и прахъ, совпадая съ центромъ основанія кургана, оказы-вается то на высотѣ грунта, то на большей или меньшей глубинѣ, не превосходящей, впрочемъ, 1 арш. и 2 верш. (единственный случай — въ шестомъ Погорѣль-скомъ курганѣ). Болѣе обычнымъ явленіемъ оказывается положеніе праха на уровнѣ грунта; въ отношеніи большинства группъ оно, въ то же время, оказывается и явле-ніемъ исключительнымъ: погребеніе же ниже грунта, не составляя нигдѣ исключи-тельной формы, обнаруживается съ большею рельефностію въ Погорѣльской группѣ Понизовскихъ кургановъ и въ Чернолужанскихъ курганахъ, и слабѣе — въ курганахъ Рымшанскихъ и въ разрушенной Желядской группѣ. Средняя глубина положенія праха въ Погорѣльскихъ курганахъ опредѣляется въ 13 вершковъ, въ Чернолужанскихъ

¹⁾ См. выше.

въ 10, а въ Римшанскихъ и Желядскихъ курганахъ прахъ залегаетъ непосредственно подъ уровнемъ почвы. Происхождение ямъ въ послѣднихъ курганахъ и вообще ямъ незначительной глубины хотя и можно объяснять какъ случайный результатъ очистки мѣста подъ курганъ, но въ общемъ его едва ли возможно считать случайнымъ явленіемъ. Въ виду сходства погребеній во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, положеніе праха въ курганѣ хотя и не можетъ считаться факторомъ, строго опредѣляющимъ этнографическую или хронологическую границы погребенія, тѣмъ не менѣе въ положеніи праха въ грунтовой ямѣ едва ли не слышится, откликъ сѣдой старины, — не утратившій еще силы, прежде, — предшествовавшей, для нашихъ мѣстъ, трупосоженію ингумациі, — всеобщій обычай¹⁾. Во всякомъ случаѣ, если даже судить и по другимъ признакамъ, курганныя группы съ смѣшаннымъ положеніемъ праха, — на грунту и ниже его, — оказываются болѣе древними сравнительно съ тѣми, гдѣ погребеніе въ ямѣ совершенно отсутствуетъ. Но на какой бы глубинѣ ни находился прахъ, онъ въ большинствѣ случаевъ оказывается лежащимъ, — точнѣе, разсыпаннымъ, — непосредственно на землѣ: нѣкоторыя особенности въ этомъ отношеніи представляютъ курганы Зезюльскіе, Чернолужанскіе и Желядскіе. Во всѣхъ Зюзельскихъ курганахъ между грунтомъ и насыпью оказывается прослойка изъ бѣлаго озернаго песку въ вершокъ, приблизительно, средней толщины; въ нѣкоторыхъ изъ Чернолужанскихъ кургановъ прахъ лежалъ то поверхъ крупнаго рѣчнаго гравія, то на пластахъ черной, въ родѣ болотно-торфянаго перегноя, земли, а въ двухъ случаяхъ подъ нимъ оказались уложенные на подобіе мостовой камни; въ Желядской группѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ прахомъ находились то мелкіе древесные угли, то бѣлый несокъ, и въ двухъ случаяхъ около середины основанія разрушенныхъ кургановъ оказались чашеобразныя кучи камней. Однимъ словомъ, во всѣхъ перечисленныхъ курганахъ подъ прахомъ наблюдается подстилка, и въ большинствѣ случаевъ состоящая изъ вещества, имѣющаго отношеніе къ водѣ. При отсутствіи всеобщности подобной подстилки, считать ее дѣломъ ритуальнаго требованія нѣтъ, конечно, достаточныхъ основаній, тѣмъ не менѣе, въ виду того, что она является однимъ изъ самыхъ распространенныхъ фактовъ, весьма часто наблюдающимся и на прилегающемъ къ рассматриваемому мѣсту довольно обширномъ районѣ²⁾, ее слѣдуетъ признать, по крайней мѣрѣ, благочестивымъ обычаемъ, т.-е. фактомъ, имѣющимъ нѣсколько большее, чѣмъ простое условіе погребальнаго комфорта, значеніе.

Приведенныя сейчасъ указанія, относительно положенія остатковъ погребальнаго костра въ курганѣ, касаются, какъ уже мы замѣтили выше, главнаго погребальнаго пятна. Но кромѣ главнаго погребальнаго пятна, совпадающаго, обыкновенно съ центромъ основанія кургана, въ послѣднемъ иногда оказывается по нѣскольку (не болѣе, впрочемъ, повидимому, четырехъ) погребеній второстепенныхъ, т.-е. остатки погребальнаго костра, помѣщенные въ готовый уже, насыпанный надъ ранѣе сожженнымъ прахомъ, курганъ. Какъ наиболѣе характерные случаи второстепеннаго погребенія

¹⁾ См. Межанскіе курганы въ Трудахъ IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II, стр. 80.

²⁾ См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Т. I, стр. 166 и слѣд. Т. II, стр. 50 и сл. и Покровский.—Археологическія экскурсіи по Виленской губерніи. Вильна, 1893 г.

должны быть отмѣчены три погребенія въ пятомъ Чернолужанскомъ курганѣ и одно въ восьмомъ Желядскомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ остатки погребальнаго костра, состоявшіе исключительно почти изъ мелкихъ жженныхъ костей, оказались уложенными въ каменные ящики. Одинаковые почти во всѣхъ четырехъ случаяхъ ящики судя по всему, приготовлены были такимъ, приблизительно, образомъ: въ курганѣ, около его периферіи, вырывается цилиндрической, приблизительно, формы яма, имѣющая въ поперечникѣ около аршина и углубляющаяся на поларшина, приблизительно, въ грунтѣ. На днѣ ямы помѣщается камень, обращенный гладкою, измѣряющеюся, приблизительно, въ половину квадратнаго аршина, стороною вверхъ, а бока ямы выкладываются болѣе мелкими, отчасти битыми, камнями. Въ образовавшійся такимъ образомъ каменный ящикъ высыпаются остатки погребальнаго костра, и сверху прикрываются такимъ же, какъ дно, камнемъ. Въ заключеніе всего ящикъ, конечно, засыпался землею до сравненія вырытой для него ямы съ поверхностью кургана. Несмотря на соблазнительное сходство описанныхъ каменныхъ ящиковъ съ костями, характеризующими инсинерацію позднѣйшаго бронзоваго періода на Скандинавскомъ полуостровѣ, имъ едва ли, впрочемъ, слѣдуетъ придавать значеніе болѣе того, сколько можетъ имѣть всякое другое условіе комфортабельности погребальнаго обряда, тѣмъ болѣе, что присутствіе каменныхъ ящиковъ составляетъ явленіе исключительное и, въ добавокъ, принадлежащее погребенію не главному, а второстепенному. За исключеніемъ четырехъ описанныхъ, исключительныхъ случаевъ, во всѣхъ остальныхъ курганахъ второстепенное погребеніе состоитъ обыкновенно изъ небольшого количества жженныхъ мелкихъ костей, нерѣдко, совмѣстно съ нѣкоторыми предметами личнаго наряда, или бытовыми. По всѣмъ признакамъ фактическая сторона этого обряда состояла въ томъ, что остатки погребальнаго костра, находившагося, по всей вѣроятности, по сосѣдству съ курганами, переносились, какъ и въ главномъ погребеніи, на одинъ изъ готовыхъ уже кургановъ (по естественному порядку вещей, надо полагать, насыпанный надъ прахомъ умершаго, находившагося въ какихъ-нибудь особыхъ отношеніяхъ къ погребаемому), и здѣсь помѣщались непосредственно въ вырытой, никогда почти, впрочемъ, не достигающей глубины грунта, ямѣ, которая заполнялась, конечно, потомъ землею. О сравнительномъ количествѣ второстепенныхъ погребеній по отношенію къ главнымъ и о степени повторяемости ихъ въ курганахъ разныхъ категорій мы уже имѣли случай замѣтить выше, что же касается причинъ, обуславливавшихъ погребеніе въ готовомъ курганѣ, то въ этомъ отношеніи приходится ограничиться болѣе или менѣе вѣроятными лишь предположеніями. Если по общепринятому, весьма вѣроятному, предположенію, размѣры кургана обуславливались общественнымъ положеніемъ погребеннаго въ немъ лица, то, по тому же предположенію, отсутствіе самостоятельной насыпи надъ прахомъ, или, что то же, погребеніе въ готовомъ — пустомъ курганѣ характеризуетъ не высокое общественное положеніе погребеннаго. Судя по характеру находокъ, такими социальными изгоями, не удостоенными кургана, въ большинствѣ случаевъ оказываются женщины, хотя не малый, повидимому, процентъ второстепенныхъ погребеній выпадаетъ и на долю мужскихъ.

Но какъ не каждый прахъ удостоивался возведенія самостоятельнаго кургана, такъ, наоборотъ, возведеніе кургана не всегда, повидимому, обусловливалось наличнымъ существованіемъ праха. Въ тѣхъ курганахъ, которые мы отмѣчаемъ наименованіемъ кавалерійскихъ, отсутствіе праха является настолько обычнымъ, что курганы съ содержаніемъ, въ родѣ предметовъ конской збруи, не всегда даже и совмѣстно съ жжеными костями, оказываются явленіемъ чуть не исключительнымъ. Всѣ попытки отыскать въ подобныхъ курганахъ, по крайней мѣрѣ, слѣды праха, оказываются безуспѣшными, и такимъ образомъ остается признать эти курганы исключительно коммеморативными, т.-е. насыпанными въ качествѣ памятниковъ по поводу лишь сожженія умершаго. Если имѣть въ виду, что эти пустые курганы наблюдаются исключительно въ тѣхъ группахъ, которыя характеризуются сожженіемъ коня, и если допустить, что сожженіе коня происходило на одномъ кострѣ съ личнымъ прахомъ, то отсутствіе въ этихъ курганахъ праха, до нѣкоторой степени, можно объяснить естественнымъ путемъ: присутствіе на кострѣ коня должно было обусловливать большіе сравнительно размѣры костра и высокую, слѣдовательно, его температуру, подъ вліяніемъ чего прахъ и менѣе огнеупорные предметы могли сгорать до полного уничтоженія. Не возможно, правда, допустить полного уничтоженія для предметовъ изъ желѣза, каковы удила, стремяна и т. п., но эти предметы, дѣйствительно, иногда и оказываются въ разсматриваемыхъ курганахъ то компактно сложенными около середины насыпи, то въ безпорядкѣ въ различныхъ мѣстахъ насыпи разбросанными. Съ другой стороны, возможно, что, при отсутствіи праха, не считалось нужнымъ помѣщать въ курганъ уцѣлѣвшіе отъ костра предметы, а можетъ быть желѣзные предметы и вовсе отсутствовали въ снаряженіи умершаго и сожигаемаго съ нимъ коня и т. д.

Выражая въ краткихъ словахъ касающіяся особенностей погребальнаго обряда наблюденія и сопоставляя эти особенности съ детальными чертами внѣшняго строенія кургановъ, хотя и нельзя констатировать полного исключительнаго между ними параллелизма, тѣмъ не менѣе фактъ наибольшаго соответствія тѣхъ или другихъ особенностей погребенія съ извѣстною формою кургана существуетъ на лицо. Такъ, не говоря уже о всеобщемъ сожженіи праха внѣ кургана и общемъ для всѣхъ также кургановъ отсутствіи погребальныхъ урнъ, мы видимъ, что положеніе праха ниже грунта составляетъ исключительную почти особенность небольшихъ сферическихъ кургановъ и никогда почти не наблюдается въ большихъ этой формы курганахъ, равно какъ и въ курганахъ коническихъ, гдѣ прахъ всегда оказывается на поверхности грунта. Сожженіе совмѣстно съ личнымъ прахомъ коня составляетъ наиболѣе характерную особенность кургановъ конической формы, и особенность этихъ только кургановъ составляютъ курганы коммеморативные т.-е. безъ всякаго содержанія. Съ противоположной стороны, погребенія второстепенныя, такъ обычные для обоихъ видовъ сферическихъ кургановъ, въ этихъ, коническихъ, курганахъ никогда почти не наблюдаются и т. д.

Предметы, находимые въ курганахъ. Отмѣченный сейчасъ параллелизмъ между формою кургановъ и главнѣйшими особенностями погребальнаго обряда значительно

яснѣе обнаруживается въ отношеніи формы кургановъ и находимыхъ въ курганахъ предметовъ. Чтобы судить о степени соответствія между формою кургановъ и находимыми въ нихъ предметами, достаточно указать на тотъ фактъ, что по внѣшнему виду кургана, подъ условіемъ, конечно, болѣе или менѣе значительной его сохранности, легко напередъ угадывается характеръ возможныхъ въ немъ находокъ. Вслѣдствіе этого при исчисленіи находокъ естественнѣе всего было-бы, повидимому, группировать ихъ съ точки зрѣнія внѣшней классификаціи кургановъ; но въ виду существованія смѣшанныхъ курганныхъ группъ и естественнаго или искусственнаго поврежденія первоначальной формы кургановъ, — т.-е. фактовъ, открывающихъ возможность широкаго субъективизма въ дѣлѣ классификаціи, — а также въ виду того обстоятельства, что по отношенію ко многимъ предметамъ, принадлежащимъ разнымъ по формѣ курганамъ, различіе касается не самого существа предметовъ, а лишь ихъ детальныхъ свойствъ, мы находимъ болѣе предпочтительнымъ общій перечень предметовъ, съ присоединеніемъ сюда замѣчаній о болѣе характерныхъ для каждой курганной формы предметахъ.

Вся сумма найденныхъ въ курганахъ предметовъ можетъ быть сведена, по обычаю, къ слѣдующимъ тремъ категоріямъ: а) предметы личнаго наряда, б) — бытовые и в) принадлежности конскаго или, точнѣе, кавалерійскаго убора.

а) Предметы личнаго наряда, если не считать сомнительнаго характера серьги, — въ формѣ подвѣшеннаго къ колечку бубенчика (Засвирь, к. 19), и нѣкоторыхъ простѣйшей формы пряжекъ, — очевидно, — поясныхъ застежекъ, группируются около шеи, груди и рукъ. Шейныя украшенія состоятъ, главнымъ образомъ, изъ бронзовыхъ обручей. За исключеніемъ одного обруча (Засвирь, к. 6; здѣсь же остатки другого такого же, повидимому, обруча) изъ тонкой круглой проволоки, представляющаго нѣкоторую оригинальность со стороны его затвора, состоящаго изъ крючка и двойной, въ формѣ цифры 8, плоской петли, всѣ остальные обручи — это обычные для позднѣйшихъ прибалтійскихъ кургановъ витыя и пластинчатые (безъ подвѣсокъ) гривны. Не принадлежа, вообще, къ числу частыхъ находокъ, шейные обручи все-таки чаще оказываются въ большихъ сферическихъ курганахъ, рѣже — въ коническихъ, и никогда — въ малыхъ сферическихъ. Къ разряду также шейныхъ украшеній должны быть отнесены миниатюрная стеклянная синяя буса изъ 6 Засвирскаго кургана и слитокъ бусъ и стеклянный шлакъ изъ кургановъ Желядскихъ.

Къ нагруднымъ украшеніямъ должны быть отнесены разныя подвѣски и пряжки. — По остаткамъ въ первомъ Зезюльскомъ курганѣ, привѣска, можетъ быть, — бантъ, состояла здѣсь изъ обычныхъ для Латышскихъ кургановъ спирали и цѣпи изъ неспаянныхъ, спиральныхъ, въ два оборота, колець, и, по всѣмъ признакамъ, заключительное звѣно подобной же наперсной цѣпи представляетъ собою миниатюрный бубенчикъ изъ 3 Засвирскаго кургана. Изъ находокъ въ курганахъ Понизовскихъ и Чернолужанскихъ какъ нагрудныя привѣски могутъ быть объяснены бронзовые (одна пара) и желѣзныя (двѣ пары) щипчики, по детальнымъ особенностямъ ихъ формы стояція ближе къ однороднымъ предметамъ бронзоваго, для прибалтійскихъ странъ, вѣка, чѣмъ, къ такимъ же предметамъ позднѣйшаго періода желѣзнаго вѣка. — Пряжки —

одинъ изъ самыхъ распространенныхъ среди курганныхъ находокъ предметовъ — и, со стороны ихъ формы, могутъ быть подведены подъ слѣдующія три категоріи. Во-первыхъ, такъ называемыя римскія фибулы. Римскія фибулы находимы были исключительно въ малыхъ сферическихъ курганахъ и, со стороны составляющаго ихъ металла, подраздѣляются на бронзовыя и желѣзныя. По своей оригинальности большой интересъ представляютъ послѣднія. Въ такомъ значительномъ сравнительно количествѣ въ данномъ случаѣ онѣ обнаружены въ первый разъ и по сравненію съ другими двумя-тремя случаями ихъ находокъ едва ли не могутъ быть опредѣляемы, какъ одинъ изъ характерныхъ признаковъ Литовскихъ кургановъ. Со стороны размѣровъ и внѣшней формы всѣ шесть найденныхъ фибулъ болѣе или менѣе одинаковы. Излучина ихъ представляетъ правильную почти полуокружность, величиною, по діаметру, около 40—50 мм, состоящую то изъ плоскаго четырехграннаго стержня (табл. III, фиг. 13), согнутаго въ плоскости его широкихъ сторонъ, то изъ стержня скрученнаго на подобіе спирали. Пружина имѣетъ не болѣе шести обыкновенно оборотовъ и состоитъ изъ круглой проволоки, которая непосредственно переходитъ въ иглу, опирающуюся своимъ свободнымъ концомъ на обработанный обыкновенно въ формѣ желобка свободный конецъ излучины. По сравненію съ бронзовыми однородными предметами, фибулы эти отличаются сравнительною чистотою работы, въ чемъ, до нѣкоторой степени, можно усматривать намѣкъ на туземное происхожденіе этихъ фибулъ, — на изготовленіе ихъ въ мѣстныхъ кузнечныхъ мастерскихъ, владѣвшихъ большимъ, по обыкновенію, умѣньемъ обращаться съ желѣзомъ, чѣмъ съ бронзой. — Бронзовыхъ фибулъ найдено всего двѣ, (табл. I фиг. 6 и 7) — обѣ въ Желядскихъ курганахъ и обѣ онѣ, какъ сейчасъ замѣчено, отличаются, сравнительно съ предыдущими, простою безыскусственною работою. Излучина ихъ въ формѣ почти плоской слабо изогнутой въ лукъ пластинки; спиральпружина, какъ и въ желѣзныхъ фибулахъ, состоитъ изъ общей съ иглою круглой проволоки. — Вторую категорію составляютъ пряжки овальныя напоминающія при замкнутомъ шпинькѣ, фигуру кренделя. Всѣ почти эти пряжки найдены въ курганахъ Чернолужанскихъ и Понизовскихъ, т.-е. главнымъ образомъ, слѣдовательно, въ малыхъ сферическихъ. Приготовлены онѣ, обыкновенно, изъ желѣзнаго то овальнаго, то полуовальнаго, то, иногда, четырехграннаго и, вообще, неправильнаго, въ поперечномъ разрѣзѣ, стержня: или чаще всего — въ формѣ полуовальнаго, въ поперечномъ разрѣзѣ, хоботка. Среднюю величину такой пряжки можно опредѣлить въ 40×25 кв. мм. Съ лицевой стороны большинство пряжекъ орнаментировано преимущественно имитирующими спиральную навивку нарѣзами. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ орнаментъ отличается тонкою работою, что, а также и фактъ частыхъ находокъ этихъ пряжекъ совмѣстно съ пряслицами, т.-е. въ женскихъ погребеніяхъ, едва-ли не опредѣляетъ значенія этихъ пряжекъ скорѣе въ смыслѣ наряднаго украшенія, чѣмъ простаго обиходнаго предмета, — поясной застежки. — Къ третьей категоріи должны быть отнесены пряжки подкововидныя, найденныя исключительно въ курганахъ Засвирскихъ и характеризующія обыкновенно позднѣйшій, для нашихъ и вообще Прибалтійскихъ мѣстъ, періодъ желѣзнаго вѣка. Всѣ эти пряжки незначительной величины, такъ что діаметръ наибольшей изъ нихъ не превосходитъ 50 мм.

Приготовлены онѣ изъ бронзовыхъ, преимущественно овальныхъ въ поперечномъ разрѣзѣ, стержней, покрытыхъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ несложнымъ орнаментомъ изъ нарѣзныхъ линий. Въ двухъ пряжкахъ обработка окончностей зооморфическаго характера (табл. 1, фиг. 8).

Наручныя украшенія по обыкновению состоятъ изъ браслетъ и перстней. — Браслеты всѣ бронзовые и два изъ нихъ найдены въ Чернолужанскихъ курганахъ, одинъ — въ Пильвинскихъ и три — въ Засвирскихъ. Чернолужанскіе браслеты — въ формѣ простыхъ обручиковъ изъ четырехгранной тонкой проволоки, и при всей ихъ простотѣ, обнаруживаютъ замѣчательное сходство съ однородными предметами изъ упомянутыхъ выше, очень старыхъ, Межанскихъ кургановъ. Остальные браслеты, за исключеніемъ одного (изъ 16 Засвирскаго кургана) поврежденнаго до потери формы, представляютъ также стереотипной формы обручки изъ круглыхъ стержней, съ постепеннымъ параимидальнымъ утолщеніемъ по направленію къ окончностямъ. — Изъ перстней оригинальнѣе другихъ найденный въ десятомъ Желядскомъ мѣстѣ. Онъ представляетъ собою спираль въ три оборота изъ плоской проволоки, которая съ лицевой стороны обработана въ видѣ ряда перемежающихся высокихъ и низкихъ квадратиковъ. Перстень этотъ изъ низкопробнаго, повидимому, серебра. Остальные перстни бронзовые и представляютъ собою обычные или спирали изъ тонкой, преимущественно, трехгранной проволоки, или неспаянныя кольца изъ массивныхъ стержней съ утолщеніемъ и иногда спиральными нарѣзами на мѣстѣ верхушки перстня.

б) Бытовые предметы могутъ быть подраздѣлены на двѣ главныхъ группы, — предметы домашняго обихода и военные.

Къ предметамъ домашняго быта должны быть отнесены глиняныя пряслицы и желѣзные шилья, иглы (одна), кресало (одно), серги и ножи. — Наибольшее количество пряслицъ оказывается въ курганахъ сферическихъ: въ курганахъ жеконическихъ пряслица найдена всего одинъ разъ. Со стороны детальныхъ подробностей формы, можно различать пряслицы въ видѣ двухъ, соединенныхъ основаніями, усѣченныхъ конусовъ и пряслицы цилиндрическія, орнаментированныя по боковой поверхности однимъ или нѣсколькими, въ послѣднемъ случаѣ имитирующими спираль, рельефными бугорками. Пряслицы первой формы чаще всего наблюдаются въ малыхъ сферическихъ курганахъ, цилиндрическія же, преимущественно, — въ большихъ, и, въ частности, пряслицы съ боковымъ спиралевиднымъ орнаментомъ составляютъ, повидимому, принадлежность не широкаго исключительно литовскаго курганнаго района. — Шилья и игла совершенно такой же, какъ и теперь, формы. Шилья исключительно попадаются въ курганахъ сферическихъ и чаще въ малыхъ, нежели въ большихъ, причемъ изъ первыхъ они попадаются почти исключительно въ курганахъ, обложенныхъ камнями. За исключеніемъ одного, всѣ шилья найдены совместно съ пряслицами, т.-е. въ женскихъ погребеніяхъ, что, такимъ образомъ, опредѣляетъ ихъ, въ противоположность современному употребленію, въ смыслѣ предметовъ женскаго обихода. — Единственное кресало (Засвирь, к. 3), наиболѣе обычной эллиптической формы съ такимъ же прорѣзомъ по срединѣ и съ усѣченными концами. — Находимые въ курганахъ серпы двойкой формы. Обыкновенные, отличающіеся отъ

современныхъ лишь нѣсколько меньшими размѣрами, серпы наблюдаются исключительно въ курганахъ коническихъ, гдѣ они находятся по большей части совмѣстно съ предметами конскаго кавалерійскаго убора, а нерѣдко составляютъ и единственное содержаніе кургана. Фактъ этотъ, т.-е. совмѣстное нахожденіе серповъ исключительно съ предметами кавалерійскаго снаряженія не можетъ находить для себя достаточныхъ объясненій и во всякомъ случаѣ возбуждаетъ сильное сомнѣніе въ отношеніи приложенія къ нимъ общепринятаго опредѣленія курганныхъ серповъ въ смыслѣ эмблематическихъ знаковъ земледѣлія. Серпы второй формы встрѣчаются, наоборотъ, исключительно въ курганахъ сферическихъ и, главнымъ образомъ, въ малыхъ — обложенныхъ камнями. Чтобы судить о формѣ этихъ серповъ нужно представить себѣ пластинку, шириною около 20 мм, изогнутую въ формѣ почти полуокружности, и на одномъ концѣ (насадѣ) переходящую въ равнобедренный треугольникъ, а на другомъ изгибающуюся въ обратномъ общей кривизнѣ направленіи. Такимъ образомъ, серпъ этотъ до нѣкоторой степени напоминаетъ обращенный рукояткою на мѣсто конца бронзовый, или также бронзовой кривой ножъ, но съ большимъ лишь изгибомъ его пластины. Обычныхъ для серпа зубцовъ здѣсь не наблюдается, напротивъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ свободный конецъ также затупленъ, какъ и тылье. При такой формѣ рассматриваемые серпы, конечно, не могли имѣть усвояемаго такимъ предметамъ практическаго назначенія, и вообще если возможно предположить для нихъ какое нибудь практическое примѣненіе, то это — употребленіе ихъ въ качествѣ скобели при обработкѣ кривыхъ поверхностей. Но едва-ли не вѣроятнѣе возможная по отношенію къ нимъ догадка, опредѣляющая ихъ въ смыслѣ эмблематическаго знака, приготовлявшагося сцѣально для погребенія, т.-е. подобно тому, какъ, при существованіи гончарнаго кружка, было обычнымъ дѣломъ изготовленіе для погребенія лѣпныхъ сосудовъ, такъ возможенъ былъ и обычай замѣны при погребеніи практическаго серпа приблизительною копіею его древнѣйшаго прототипа. — То же символическое значеніе, по всей вѣроятности, слѣдуетъ усвоить и миниатюрному серпику изъ 2 Гужковскаго кургана, хотя, впрочемъ, по отношенію къ этому предмету возможно и другое опредѣленіе — въ значеніи кривого ножика. — Ножи, за исключеніемъ одного, всѣ найдены въ курганахъ сферическихъ, — въ одинаковомъ почти количествѣ какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ. Всѣ они отличаются болѣе или менѣе стереотипною формою, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что у нѣкоторыхъ лезвее обработано въ формѣ сточенаго ножа, а одинъ два чернолужанскихъ экземпляра обнаруживаютъ тенденцію искривленія тыля. Большая часть ножей (преимущественно, изъ большихъ кургановъ) отличается небольшими размѣрами, что опредѣляетъ ихъ въ смыслѣ обычныхъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ сосѣднихъ народовъ до послѣдняго времени, такъ называемыхъ поясныхъ ножей, ножи же изъ Понизовскихъ и Чернолужанскихъ кургановъ — большихъ сравнительно размѣровъ, и они едва-ли не имѣли преимущественнаго значенія военнаго оружія.

Къ предметамъ несомнѣнно военнаго оружія относятся желѣзные топоры, кобли, умбо и мечи. — Топоры — двоякой формы, — узкоклинковые и ширококлинковые, и попадаются они исключительно въ сферическихъ курганахъ, при чемъ въ малыхъ сфе-

рических — топоры исключительно узкоклинковые. За исключением одного (Будраны, к. 5) узкоклинкового, у котораго обухъ снабженъ четырьмя слабо орнаментированными усиками, и одного также, — (Засвиры, к. 20) ширококлинкового, обухъ котораго съ двумя четырехугольными отроетками, всѣ топоры простой стереотипной формы. Изъ двухъ этихъ типовъ, топоръ узкоклиновый представляетъ наиболѣе частое явленіе въ мѣстныхъ курганахъ, и ему можетъ быть усвоено названіе по преимуществу литовскаго топора. За узкоклиновымъ топоромъ должна быть признана, повидимому, и большая также древность: по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшихъ Литовскихъ курганахъ типъ этотъ является исключительнымъ, и здѣсь довольно ясно обнаруживается дегенерация его изъ азіатскаго бронзоваго топора. — Наконечники копій представляютъ самый распространенный предметъ курганныхъ находокъ: по отношенію къ числу кургановъ съ содержаніемъ они составляютъ нѣсколько болѣе 50%, хотя при этомъ въ коническихъ курганахъ копье найдено всего одинъ разъ. За исключениемъ двухъ (Понизье, к. 7 и Черная Лужа, к. 12) дрововидныхъ наконечниковъ, имѣвшихъ, по всей вѣроятности, значеніе дротиковъ, а можетъ быть даже и рыболовной остроги, всѣ копия со стороны общей формы отличаются обычно стереотипностью, по отношенію же къ детальнымъ подробностямъ онѣ обнаруживаютъ такое разнообразіе, что каждая новое копье представляетъ чуть не новый типъ. Впрочемъ, все это разнообразіе, очевидно, дѣло простой случайности, поэтому, оставляя его въ сторонѣ, отмѣтимъ тѣ особенности, какія, по общему впечатлѣнію, отличаются большинство копій изъ малыхъ, необложенныхъ камнями, кургановъ. Сюда относятся, во-первыхъ, незначительные вообще размѣры копій, намекающіе на употребленіе ихъ преимущественно въ качествѣ дротиковъ, во-вторыхъ не пропорціо-нально малые размѣры клинка относительно втулки, въ-третьихъ, приближающаяся чаще къ ронбу, а иногда и къ эллипсису форма клинка, и, наконецъ, сравнительная чистота обработки нѣкоторыхъ копій. По всѣмъ этимъ признакамъ упомянутыя копия нигдѣ не находятъ для себя больше аналогичныхъ предметовъ, какъ среди Прибалтійскихъ (Скандинавскихъ) древностей перваго періода желѣзнаго вѣка. Заканчивая рѣчь о копияхъ обращаю вниманіе на таблицу IV гдѣ, подъ ориг. 4, представлено копье изъ 11-го и фиг. 5 изъ 10 Понизовскихъ кургановъ, пропущенные при описаніи раскопокъ, при чемъ считаю не излишне упомянуть, что иногда совмѣстно съ ними, а также и самостоятельно, попадаются въ курганахъ спиральныя бронзовыя кольца, которыя, по всей вѣроятности, представляютъ остатки орнамента на древкахъ копій, или, вообще, на цилиндрическихъ деревянныхъ рукояткахъ разныхъ предметовъ. — Умбо найдено всего три, — два въ Чернолужанскихъ курганахъ и одинъ въ Засвирскихъ. При общей шляповидной формѣ, они различаются тѣмъ, что въ двухъ изъ нихъ выпуклая часть обработана въ формѣ опирающагося на цилиндръ конуса, а въ одномъ Чернолужанскомъ — она сферической формы. Последнее обстоятельство сближаетъ этотъ умбо съ однородными предметами древнѣйшаго для прибалтійскихъ странъ желѣзнаго періода, хотя и вообще умбо для нашихъ мѣстъ обыкновенно характеризуютъ сравнительную древность кургановъ. — Мечей цѣльныхъ въ исследуемыхъ курганахъ не найдено и только въ 7-мъ Засвирскомъ курганѣ обнаружены

обойницы отъ ноженъ, въ формѣ двухъ плоскихъ колецъ изъ листового желѣза, и челнообразное, желѣзное же, перекрестіе отъ рукоятки меча. Судя по аналогіи съ однородными предметами, перекрестіе принадлежало обоюдоострому мечу, обычному для мѣстъ западной Россіи изъ конца прошлаго и начала текущаго тысячелѣтій. — Къ предметамъ военнаго также снаряженія слѣдуетъ причислить и небольшое долотечко изъ 20-го Засвирскаго кургана: это, очевидно, необычный бытовой предметъ, а наконечникъ стрѣлы, на что указываетъ и совмѣстная съ долотечкомъ находка разныхъ военныхъ атрибутовъ, какъ-то: топора, копья, стрѣмянъ, шпоръ и т. п.

в) Къ предметамъ конскаго непосредственно убора относятся удила, стремяна и нѣсколько экземпляровъ желѣзныхъ, грубой работы, круглыхъ или четырехугольных пряжекъ; но къ этой же категоріи предметовъ мы находимъ возможнымъ причислить и три шпоры и два желѣзныхъ колокольчика. Всѣ предметы конскаго убора—изъ желѣза, и, за весьма рѣдкими исключеніями, всѣ они найдены въ курганахъ коническихъ. Наибольшее въ количественномъ отношеніи число находокъ—10—приходится на долю удила. Большинство удила отличается грубою работою и стереотипною формою: обыкновенно они состоятъ изъ двухъ колецъ, соединенныхъ посредствомъ двухъ также (въ одномъ случаѣ—трехъ) стержней. Въ двухъ случаяхъ удила снабжены усиками, но и усики такой же стереотипной формы не вполнѣ правильныхъ цилиндрическихъ стержней безъ всякихъ орнаментовъ. — Стремянъ найдено всего три пары. За исключеніемъ едва замѣтныхъ насѣчекъ на лукъ одного изъ стремянъ, никакихъ характерныхъ особенностей стремяна не представляютъ, со стороны же общей формы предметъ этотъ, по самому существу, стереотипенъ на протяженіи цѣлыхъ тысячелѣтій. — Изъ трехъ шпоръ, пара одинаковыхъ найдена въ 8-мъ Понизовскомъ курганѣ, а третья въ 20-мъ Засвирскомъ. Уже фактъ отсутствія колесика на концѣ иглы всѣхъ трехъ шпоръ свидѣтельствуетъ о сравнительной древности всѣхъ этихъ предметовъ, но особенно архаической формою отличаются Понизовскія шпоры. Каждая изъ нихъ представляетъ дугу изъ полуовальнаго стержня, длиною въ 60 миллим., вмѣсто иглы снабжена коническимъ шипомъ, высотой всего въ 10 миллим., опирающимся на расклепанную въ формѣ квадрата средину дуги. Съ присоединеніемъ сюда другихъ мелкихъ подробностей, шпоры подобной формы находятъ для себя полную аналогію даже среди однородныхъ предметовъ бронзоваго, для средней Европы, вѣка. — Въ совершенно обратномъ направленіи датируются, по аналогіи, послѣдніе два предмета представленнаго перечня, — желѣзные колокольчики. Одинъ изъ нихъ, — цилиндрической формы, — найденъ въ первомъ Зезюльскомъ курганѣ, а другой, — въ формѣ параллелепипеда, — въ 20-мъ Засвирскомъ. Только находка ихъ въ курганахъ говоритъ за сравнительную ихъ древность, въ сущности же колокольчики такой формы и теперь нерѣдко наблюдаются въ деревнѣ на шеѣ коровъ.

Изъ приведеннаго сейчасъ перечня находокъ обнаруживается, что упомянутый выше параллелизмъ между формою кургановъ и находимыми въ нихъ предметами можетъ быть выраженъ въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ. — Какъ наиболѣе характерныя находки для малыхъ сферическихъ кургановъ должны быть отмѣчены желѣзные римскія фибулы и такія же кренделевидныя пряжки, нагрудныя, въ формѣ

щипцовъ подвѣски, желѣзные эмблематическіе серпы и умбо. Топоры и копья, составляющіе принадлежность обѣихъ категорій сферическихъ кургановъ, въ этихъ малыхъ курганахъ характеризуются, топоры — исключительно узкоклинковой формой, а копій — небольшими сравнительно размѣрами. — По отношенію къ большимъ сферическимъ курганамъ наиболѣе обычными находками, кромѣ упомянутыхъ сейчасъ копій и топоровъ, оказываются бронзовые шейные обручи, такіе же подкововидныя пряжки, а также нагрудныя привѣски, бронзовые простѣйшей формы браслеты и перстни, и вообще предметы личныхъ украшеній, характеризующіе позднѣйшій для прибалтійскихъ странъ археологическій періодъ. — Характернѣйшіе предметы коническихъ кургановъ — желѣзные обычной формы серпы и такія же удила и стремяна и вообще принадлежности конскаго убора. Встрѣчающіеся въ этихъ курганахъ въ исключительныхъ случаяхъ предметы личного наряда и бытовые одинаковы съ находимыми въ большихъ сферическихъ курганахъ.

Если, съ другой стороны, обратить вниманіе на практическое назначеніе найденныхъ въ курганахъ предметовъ, то приведенный перечень ихъ обнаруживаетъ сравнительную бѣдность предметовъ личного наряда и замѣчательное богатство военнаго оружія, свидѣтельствующее чуть не о поголовномъ вооруженіи (мужского, конечно, поколѣнія) оставившаго курганы народа. Первое изъ этихъ обстоятельствъ объясняется, отчасти, бѣдностью народа, а отчасти, можетъ быть, и военнымъ ригоризмомъ. Последний же фактъ, судя по не лишеннымъ достовѣрности намекамъ, съ нѣкоторою вѣроятностію можетъ быть объясненъ тѣмъ политическимъ броженіемъ, которое, по отношенію къ рассматриваемымъ мѣстамъ, непосредственно предваряетъ историческую эпоху, и въ частности, по отношенію къ рассматриваемымъ курганамъ, ихъ пограничнымъ для двухъ разныхъ племенъ положеніемъ.

Хронологическое и этнографическое опредѣленіе кургановъ.

Предметовъ съ точнымъ хронологическимъ обозначеніемъ, въ родѣ, напримѣръ, монетъ, ни въ одномъ изъ кургановъ не найдено, поэтому время происхожденія кургановъ можетъ быть опредѣлено лишь на основаніи аналогіи найденныхъ въ нихъ предметовъ и слѣдовательно, съ допускающимъ широкую растяжимость лишь приближеніемъ. Для Прибалтійскихъ губерній, а попутно съ ними и для Литвы, непосредственно предшествующій историческому времени, такъ называемый, желѣзный вѣкъ дѣлится обыкновенно на два неравныхъ періода, пограничнымъ пунктомъ которыхъ считается конецъ V столѣтія нашей эры.

Упомянутаго дѣленія желѣзнаго вѣка на періоды держатся финляндскіе археологи¹⁾, по теоріи же остзейскихъ археологовъ²⁾ пограничнымъ пунктомъ двухъ также періодовъ желѣзнаго вѣка считается VIII. ст. Впрочемъ, по заявленію тѣхъ же археологовъ, первый періодъ съ яснѣе выраженными особенностями является только въ

1) Aspelin. — Antiquités du Nord Finno-Ougrien, p. 327.

2) Katalog der Ausstellung, zum X archäologischen Kongres; введение.

предѣлахъ до VI в., время же съ VI по VIII в. остается пока страницю сравнительно темною въ археологiи края. — Отмѣченное сейчасъ разногласіе (не представляющее кстати замѣтить, полного противорѣчія) не примиряется-ли во взглядѣ забалтійскихъ археологовъ¹⁾, которые дѣлятъ желѣзный вѣкъ на три періода, — древній (—450 г.), средній (450 — 700) и новый (700—).

Каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ признаковъ, своеобразною формою находимыхъ въ курганахъ предметовъ. При сравненіи²⁾ съ ними находокъ изслѣдуемыхъ кургановъ оказывается, что всѣ предметы большихъ сферическихкихъ кургановъ представляютъ полное сходство съ однородными предметами позднѣйшаго періода, предметы же малыхъ сферическихкихъ кургановъ чаще всего находятъ аналогичные для себя предметы въ древнѣйшемъ періодѣ. Впрочемъ, аналогія послѣднихъ предметовъ въ большинствѣ случаевъ не простирается далѣе общей формы, со стороны же детальнаго подробностей, предметы эти представляютъ, по всѣмъ признакамъ, продуктъ позднѣйшей работы, хотя, очевидно, не безъ вліянія древнѣйшихъ, не потерявшихъ еще практическаго вліянія, оригиналовъ. Въ виду этого курганы съ такимъ содержаніемъ, т.-е. малые сферическіе, могутъ быть отнесены, по крайней мѣрѣ, къ тому переходному времени, когда древній типъ предметовъ еще не утратилъ своего долженствующаго значенія, т.-е. къ первой половинѣ позднѣйшаго періода, которую можно опредѣлить VI—VIII, приблизительно, вѣками нашей эры. Для большихъ сферическихкихъ кургановъ, такимъ образомъ, остается послѣдняя половина позднѣйшаго періода, т.-е. время — въ предѣлахъ IX вѣка и введенія въ разсматриваемыхъ мѣстахъ христіанства. Послѣдняя дата, кромѣ общей предметной аналогіи, косвеннымъ образомъ подтверждается и упомянутымъ выше случаемъ (въ Засвирской группѣ) ингумации, представляющей всѣ черты погребенія, наблюдаемаго у восточныхъ, по отношенію къ разсматриваемымъ мѣстамъ, сосѣдей въ X вѣкѣ. Что касается коническихкихъ кургановъ, то въ виду совмѣстнаго ихъ иногда находенія съ большими сферическими курганами, а также въ виду одинаковости, хотя рѣдко, но все-таки попадающихся въ нихъ остатковъ личнаго наряда съ однородными предметами также изъ большихъ сферическихкихъ кургановъ, очевидно, что и время происхожденія коническихкихъ кургановъ не должно быть отличаемо отъ времени происхожденія кургановъ большихъ сферическихкихъ. Несущественныя разности, касающіяся формы и погребальнаго обряда въ этихъ двухъ видахъ кургановъ, не даютъ также поводовъ различать ихъ и съ этнографической точки зрѣнія. Разности эти съ значительною степенью вѣроятности могутъ быть объяснены нѣкоторыми особенностями общественнаго быта, которыя можно предполагать у оставившаго эти курганы народа. Общеизвѣстный, уже на первыхъ порахъ литовской исторіи, фактъ отбыванія нѣкоторыми лицами военной повинности въ кавалерійскомъ строю, по всей вѣроятности, восходитъ своимъ началомъ къ доисторической эпохѣ, и въ немъ, повидимому, слѣдуетъ искать причины, почему надъ разными единоплеменниками насыпались и различныя по формѣ и отличающіяся по содержанію курганы.

1) Montelius, — *Antiquités suédoises*; предис. къ *Age du fer*.

2) См. выше — детальное описаніе кургановъ.

Вопросъ о томъ, какому племени принадлежатъ разсматриваемые курганы, подобно хронологическому ихъ опредѣленію, можетъ быть рѣшаемъ только на основаніи аналогическихъ только заключеній. Дѣло въ томъ, что современное, сосѣднее съ курганами населеніе, говоритъ русскимъ нарѣчіемъ, и такимъ образомъ, по естественному порядку вещей, и въ курганахъ прежде всего слѣдовало ожидать особенностей славянскаго погребенія, на самомъ же дѣлѣ ни обрядъ погребенія ни найденные въ курганахъ предметы не представляютъ ничего почти общаго съ находящимися по сосѣдству, на В. отсюда, славянскими курганами, а напротивъ обнаруживаютъ всѣ черты того погребенія, которое является преобладающимъ на широкомъ сравнительно районѣ, расположенныхъ на З. отсюда, земель исконно-литовскихъ. Въ виду этого принадлежность разсмотрѣнныхъ кургановъ литовскому именно племени никакихъ сомнѣній возбуждать не можетъ.

Б. Мѣста старыхъ поселеній.

Слѣды старыхъ поселеній въ разсматриваемомъ районѣ наблюдаемы были въ трехъ мѣстахъ, около дер. Островлянъ, заст. Якубинскъ и дер. Корокъ. Такъ какъ главною задачею нашихъ изслѣдованій служили описанныя выше курганныя группы, то представляемое ниже описаніе старыхъ поселеній, не претендуя на характеръ всесторонняго ихъ обслѣдованія, имѣетъ цѣлію указать лишь внѣшній видъ этихъ поселеній и отмѣтить тѣ незначительные, правда, результаты, какихъ удалось достигнуть при попутномъ съ курганными раскопками ихъ изслѣдованія.

Островлянское городище.

Дер. Островляны — Шеметовской вол., Свенцянскаго уѣзда. Астрономическое положеніе ея опредѣляется $44^{\circ}16'$ в. д. и ш. с. $54^{\circ}45'$ см. Городище, извѣстное подъ этимъ именемъ и у народа, находится въ разстояніи 200—300 саж. на СЗ. отъ деревни. Расположено оно въ живописной, сравнительно, холмистой мѣстности и представляетъ собственно искусственнымъ образомъ обработанный по направленію склоновъ конечный пунктъ одного изъ холмовъ, идущаго въ направленіи съ ЮВ. на СЗ. Въ боковой перспективѣ городище напоминаетъ фигуру усѣченнаго конуса и поднимается надъ сосѣднею площадью на 6—7, приблизительно, аршинъ, высота же его надъ гребнемъ холма, часть котораго оно составляетъ, не болѣе 2—3 аршинъ. Окружность городища при основаніи равняется 270 шагамъ, а кругомъ верхней площади—200 шаговъ. Площадь овальной формы, длиною, совпадающею съ направлениемъ самого холма, въ 74 шага и шириною въ 60 шаговъ. По направленію на СЗ., т.-е. къ оконечности холма, площадь обнаруживаетъ незначительное пониженіе и нѣсколько суживается. Въ прежнее время на городищѣ очевидно находилось поле, а теперь большая, сѣверо-западная часть площади подъ тощимъ дерновымъ покровомъ

вомъ, въ юго-восточной же части преобладаютъ пятна, лишенныя всякой растительности. Склоны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поросли кустарникомъ. На мѣстахъ, лишенныхъ растительнаго покрова, наблюдаются въ замѣтномъ количествѣ мелкіе глиняные черепки и обломки костей животныхъ. Городище, кромѣ своего характернаго названія, у мѣстныхъ жителей никакимъ вниманіемъ не пользуется. О какихъ-нибудь находкахъ на немъ, кромѣ костей и черепковъ, ничего не слышно, за исключеніемъ одного случая, когда, по словамъ сопровождавшаго насъ на городище мальчугана, найдена была глиняная трубка¹⁾. При случайномъ посѣщеніи городища, здѣсь подъ нашимъ наблюденіемъ выкопано было, для опредѣленія толщины культурнаго слоя, шесть въ разныхъ мѣстахъ ямъ. Въ первой ямѣ грунтъ оказался на глубинѣ 14 вершковъ, во второй—20 вершковъ, въ третьей—15 вершковъ, въ четвертой—11 вершковъ, въ пятой—26 и въ шестой—22 верш. Средняя, такимъ образомъ толщина культурнаго слоя равняется 18 вершкамъ, причемъ наибольшей толщины этотъ слой достигаетъ въ восточной части городища. Состоитъ онъ изъ чернаго перегара, въ которомъ въ большомъ количествѣ попадаются битыя кости крупныхъ животныхъ и черепки глиняныхъ сосудовъ. За рѣдкимъ исключеніемъ, слѣдовъ огня на костяхъ незамѣтно. Преобладающее количество черепковъ лѣпной работы. Цѣльныхъ предметовъ ни въ одной изъ раскопанныхъ ямъ не оказалось, такъ что для предметной характеристики городища весь матеріалъ исчерпывается двумя—тремя черепками, одной цѣльной воловьей костью и двумя кусками стекляннаго, повидимому, шлака.

Якубишское замчиско.

Подъ означеннымъ именемъ извѣстно у окрестныхъ жителей мѣсто стараго поселенія, находящееся въ разстояніи сажени пятидесяти, внизъ по теченію рѣки Виліи, отъ заст. Якубишки, Александровской волости, Свенцянскаго уѣзда. Замчиско расположено на правомъ берегу Виліи и небольшого притока ея рѣчки Дудки (рис. 19). Въ фотографической передачѣ оно производитъ впечатлѣніе усѣченной пирамиды, т.-е. представляетъ иллюзію искусственной ея обдѣлки, на самомъ же дѣлѣ это естественная часть крутого здѣсь (вверхъ по теченію Виліи), берега, отдѣленная лишь отъ главнаго массива прорытымъ рѣчкою Дудкою глубокимъ оврагомъ. Высоту замчиска надъ уровнемъ воды приблизительно можно опредѣлить сажени въ пять, по прямому же разстоянію отъ его углового пункта до р. Виліи 10 саж., а до рѣчки Дудки 7 саж. 2 арш. Обращенная къ Виліи сторона замчиска представляетъ крутой обрывъ, образовавшійся отъ постепеннаго до сихъ поръ продолжающагося разрушенія берега водою какъ Виліи, во время разливовъ, такъ и атмосферною. Вслѣдствіе разрушенія берега уничтожилась очевидно и большая часть культурнаго слоя, который теперь, судя по цвѣту почвы распахиваемого на замчискѣ поля, простирается въ глубь площади всего лишь на нѣсколько аршинъ. Толщина культурнаго слоя опредѣляется довольно точно, благодаря обрыву, въ два аршина. Состоитъ онъ, по обыкновенію изъ

¹⁾ Ср. Литейныя формочки съ Дьякова, близъ Москвы, городища.

чернаго перегара, изъ котораго, по обрыву, торчатъ въ значительномъ количествѣ глиняные черепки, кости крупныхъ животныхъ и, въ одномъ мѣстѣ, что-то въ родѣ кирпичей. При всемъ этомъ, кстати замѣтить, культурный слой сплошь изрытъ слѣдами ласточекъ. Какихъ-нибудь, соединенныхъ съ замчискомъ, разказовъ у сосѣднихъ жителей не слышно, при обвалахъ же здѣсь земли прежде находимы были иногда желѣзные ножики, ключи и т. п., и разъ найдена была половина ножницъ. При спускѣ, подъ нашимъ наблюдениемъ, въ сторону обрыва небольшой части культурнаго пласта изъ обычно попадающихся здѣсь предметовъ нами отобрано было, между прочимъ, нѣсколько черепковъ глиняной и гончарной посуды, одна цѣльная воловья кость, два рога, изъ которыхъ одинъ — лосиный, обломокъ желѣзнаго серпа и оби-

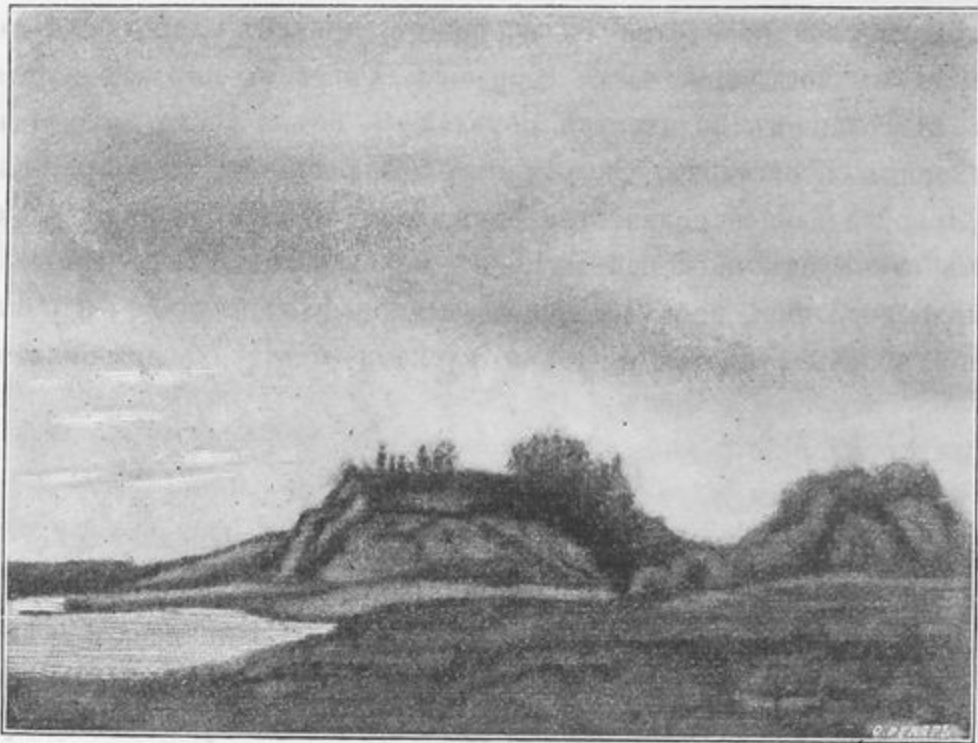

Рис. 19.

тый, безъ правильной, впрочемъ, формы, кремень. Нѣкотораго вниманія изъ всѣхъ этихъ предметовъ заслуживаютъ черепки глиняныхъ лѣпныхъ сосудовъ. Сосуды, части которыхъ составляютъ эти черепки, имѣли, по нѣкоторымъ признакамъ, плосчатую форму и приготовлялись то изъ красноватой, то, преимущественно, изъ темносѣрой жвироватой глины и нерѣдко снабжались орнаментомъ. На всѣхъ найденныхъ четырехъ черепкахъ съ орнаментомъ, послѣдній наблюдается исключительно на наплечномъ рубчикѣ и въ трехъ случаяхъ состоитъ изъ ряда перемѣжающихся, оттиснутыхъ, очевидно, лучинкою, углубленій и зубцовъ, а въ одномъ случаѣ рубчикъ сопровождается двумя рядами углубленій, оттиснутыхъ при помощи указательнаго и большаго пальцевъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ до сихъ поръ наблюдаются оттиски ногтей. Подобный орнаментъ повторяется также на черепкахъ находящагося

на С. отсюда, верстахъ приблизительно въ тридцати, Богуцимскаго пиликальниса¹⁾, и фактъ этотъ, до нѣкоторой степени, указываетъ на одновременность съ послѣднимъ Якубишскаго замчиска, хотя хронологическое опредѣленіе обоихъ этихъ мѣстъ старинныхъ поселеній пока не находятъ для себя достаточныхъ данныхъ. Не далѣе версты, правда, отъ Якубишскаго замчиска находятся курганы²⁾, но въ какомъ хронологическомъ отношеніи находятся они къ замчиску, опять-таки, по отсутствію одинаковыхъ въ этихъ мѣстахъ находокъ, должно считаться невыясненнымъ.

Слѣды стараго поселенія при дер. Коркахъ.

Дер. Корки — Свирской вол., Свенцянскаго уѣзда. Слѣды стараго поселенія обнаружены въ разстояніи, приблизительно, версты отъ деревни, — на восточномъ берегу Свирскаго озера, тамъ, гдѣ пересѣкаетъ его 54°50' параллель. Мѣсто это извѣстно у окрестныхъ жителей то подъ именемъ Макаришекъ, то Песковъ, то Лысой, т. е. лишенной растительнаго покрова, или, что то же, песчаной горы. Расположено оно по вершинѣ обращеннаго къ озеру откоса, поднимающагося надъ уровнемъ воды не болѣе аршинъ десяти. О существованіи здѣсь стараго поселенія никто ранѣе не предполагалъ, и обнаружить его удалось совершенно случайно, благодаря присутствію на откосѣ окрашеннаго въ темный цвѣтъ песчанаго пятна, на которомъ валялись мелкіе осколки черепковъ и желѣзные шлаки. При первомъ же наблюденіи этого пятна не трудно было догадаться о причинѣ его происхожденія: на вершинѣ откоса, на глубинѣ десяти вершковъ, подъ наноснымъ песчанымъ слоемъ лежалъ пластъ культурной черной земли, вслѣдствіе естественнаго разрушенія котораго со сѣдніа съ нимъ мѣста откоса и были окрашены въ темный цвѣтъ. Изслѣдованіе этого пласта, состоявшее въ срытіи нѣкоторой его части со стороны откоса и въ вырытіи ямъ въ мѣстахъ предполагаемаго его распространенія, обнаружило приблизительно ширину его въ 20 аршинъ и длину аршинъ около 70. Наибольшая толщина пласта 10—13 вершковъ, — со стороны откоса. Можетъ быть потому, что отъ культурнаго пласта уцѣлѣла здѣсь только меньшая его часть, пластъ этотъ, по сравненію съ Островлянскимъ и Якубишскимъ, отличается бѣдностью содержанія: кости попадаются въ немъ въ ничтожномъ количествѣ, въ небольшомъ также количествѣ и глиняные черепки, только желѣзныхъ шлаковъ здѣсь значительно больше, а въ одномъ мѣстѣ они оказались сложенными въ кучу, величиною въ нѣсколько пудовъ. Для характеристики содержанія культурнаго пласта изъ собранныхъ на откосѣ и вырытыхъ изъ самого пласта предметовъ нами было отобрано нѣсколько глиняныхъ черепковъ гончарной и лѣпной работы, обломокъ точильнаго бруска и нѣсколько кусковъ шлака. На трехъ глиняныхъ черепкахъ, гончарной, кажется, работы, есть орнаментъ въ видѣ кривой, волнистой линіи. Одинъ глиняный обломокъ — часть, несомнѣнно, такого же, неопредѣленнаго назначенія, можетъ быть — пряслицы, кружка, обломки какого попадались ранѣе на Богуцимскомъ пиликальнисѣ³⁾.

¹⁾ См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II. Табл. XIII.

²⁾ См. выше Пильвинскіе курганы.

³⁾ См. Труды IX Археологическаго Съѣзда. Томъ II. Табл. XIII, 48.

Рядомъ съ описаннымъ мѣстомъ, отдѣляясь отъ него оврагомъ съ безымяннымъ ручейкомъ, наблюдается нѣсколько (6—7) незначительныхъ холмиковъ, производящихъ иллюзію очень небольшихъ кургановъ. Вскрытіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ холмиковъ обнаружено и здѣсь также присутствіе культурной земли съ черепками глиняныхъ сосудовъ.

Данныхъ для хронологическаго опредѣленія Коркинское поселеніе представляетъ еще менѣе, чѣмъ предыдущее Якубишское замчиско. Изъ описанныхъ выше курганныхъ группъ, Засвирская и Гузковская находятся отъ Коркинскаго городища не много далѣе версты.

В. Кремневая мастерскія.

Подъ именемъ кремневыхъ мастерскихъ мы разумѣемъ мѣста, — въ большинствѣ случаевъ, покрытыя сыпучимъ пескомъ площади, — на которыхъ ясно обнаруживаются слѣды обработки здѣсь въ доисторическія времена кремневаго оружія. Обычныя находки такихъ мѣстъ, кромѣ безформенныхъ осколковъ кремня, состоятъ обыкновенно изъ кремневыхъ (чаще разбитыхъ, чѣмъ цѣльныхъ) наконечниковъ стрѣлъ, ножи-ковъ, скребковъ, наконечниковъ дротиковъ, кинжаловъ, нуклеусовъ и т. п. Почти постоянно также наблюдаются въ подобныхъ мѣстахъ глиняные черепки очень грубой лѣпной работы. Сравнительно рѣже попадаются каменные (не кремневые) топоры, и еще рѣже металлическіе предметы. Изъ мѣстъ, ближайшихъ къ вилейскому бассейну, чаще всего наблюдаются кремневая мастерскія на берегахъ Нѣмана, Бобра, Нарева и Зап. Буга ¹⁾, по берегамъ же и вообще въ бассейнѣ рѣки Вилии, до послѣдняго времени, о кремневыхъ мастерскихъ никакихъ свѣдѣній не существовало. Этотъ недостатокъ свѣдѣній говоритъ, впрочемъ, не столько объ отсутствіи кремневыхъ мастерскихъ въ бассейнѣ Вилии, сколько о недостаточности въ этомъ направленіи археологическихъ наблюденій. По крайней мѣрѣ, мы, напримѣръ, при отсутствіи прямой цѣли изученія кремневыхъ мастерскихъ, на не большомъ сравнительно пространствѣ Вилейскаго бассейна имѣли случай наблюдать четыре такихъ мастерскихъ, — три на восточномъ берегу Свирскаго озера и одну — близъ самой Вилии, у заст. Якубишекъ.

Первая Свирская мастерская.

Яснѣе другихъ обозначающаяся, мастерская эта находится на такъ называемой Лысой (вслѣдствіе отсутствія здѣсь растительности) или Гузковской (вслѣдствіе принадлежности ея дер. Гузкамъ) горѣ, расположенной въ разстояніи двухъ слишкомъ верстъ на Ю. З. отъ села Засвири и въ ста, приблизительно, саженьяхъ отъ Свирскаго

¹⁾ Перечень кремневыхъ мастерскихъ — первобытныхъ стоянокъ см. О. Покровскій. Археологическая карта Виленской губерніи. Вильна, 1893 г. и Археологическая карта Гродненской губерніи. Вильна, 1895 года).

озера (рис. 20). Гора представляет собственно ровную, не болѣе десятины, площадь, окруженную съ С.-З. оврагомъ съ болотистымъ ручейкомъ, а съ Ю.-З. и Ю. ограниченную поросшимъ ольхою болотомъ, простирающимся отсюда вплоть до самаго озера. Поверхность горы состоитъ изъ сыпучаго песку, на которомъ разбѣяны въ значительномъ количествѣ мелкіе камни, въ числѣ которыхъ встрѣчается не мало и мелкихъ кремней. — По свидѣтельству мѣстнаго пастуха, на горѣ въ прежнее время попадалось много „ладныхъ скалокъ“ (искусно обдѣланныхъ обломковъ кремней), оставшихся, по его словамъ, отъ войны, во время которой употреблялись кремневые ружья. Другой крестьянинъ сообщалъ о находкѣ на этой горѣ мѣдной цѣпочки и, по сосѣдству съ горою, желѣзнаго копья. Послѣ вырытія на горѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ямокъ, оказалось, что почва состоитъ изъ не тронутаго желтаго песку,

Рис. 20.

т.-е. полное отсутствіе культурнаго пласта, и только на поверхности почвы валялись въ большомъ количествѣ осколки кремня и мелкіе глиняные черепки. Изъ тридцати трехъ собранныхъ здѣсь кремней, едва ли не большая часть представляетъ безформенные осколки, какіе должны были получаться при обработкѣ кремневаго оружія, и только нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно составляютъ части такъ называемыхъ кремневыхъ ножицъ, имѣвшихъ значеніе, можетъ быть, наконечниковъ стрѣлъ. Большинство ножицъ обычной неправильной четырехгранной или трехгранной формы. Преобладающій цвѣтъ кремня пепельный, съ темнымъ иногда отливомъ. Всѣ восемнадцать черепковъ грубой лѣпной работы. Матеріаль ихъ — желтоватая съ примѣсью крупнаго хивиру глина. Кромѣ кремней и черепковъ на

Гузковской горѣ найдены: осколокъ шлифованнаго каменнаго (не кремневаго) топора, небольшой камень съ слѣдами также, повидимому, искусственной его обработки, и часть желѣзнаго, архаической формы, гвоздя.

Вторая Свирская мастерская.

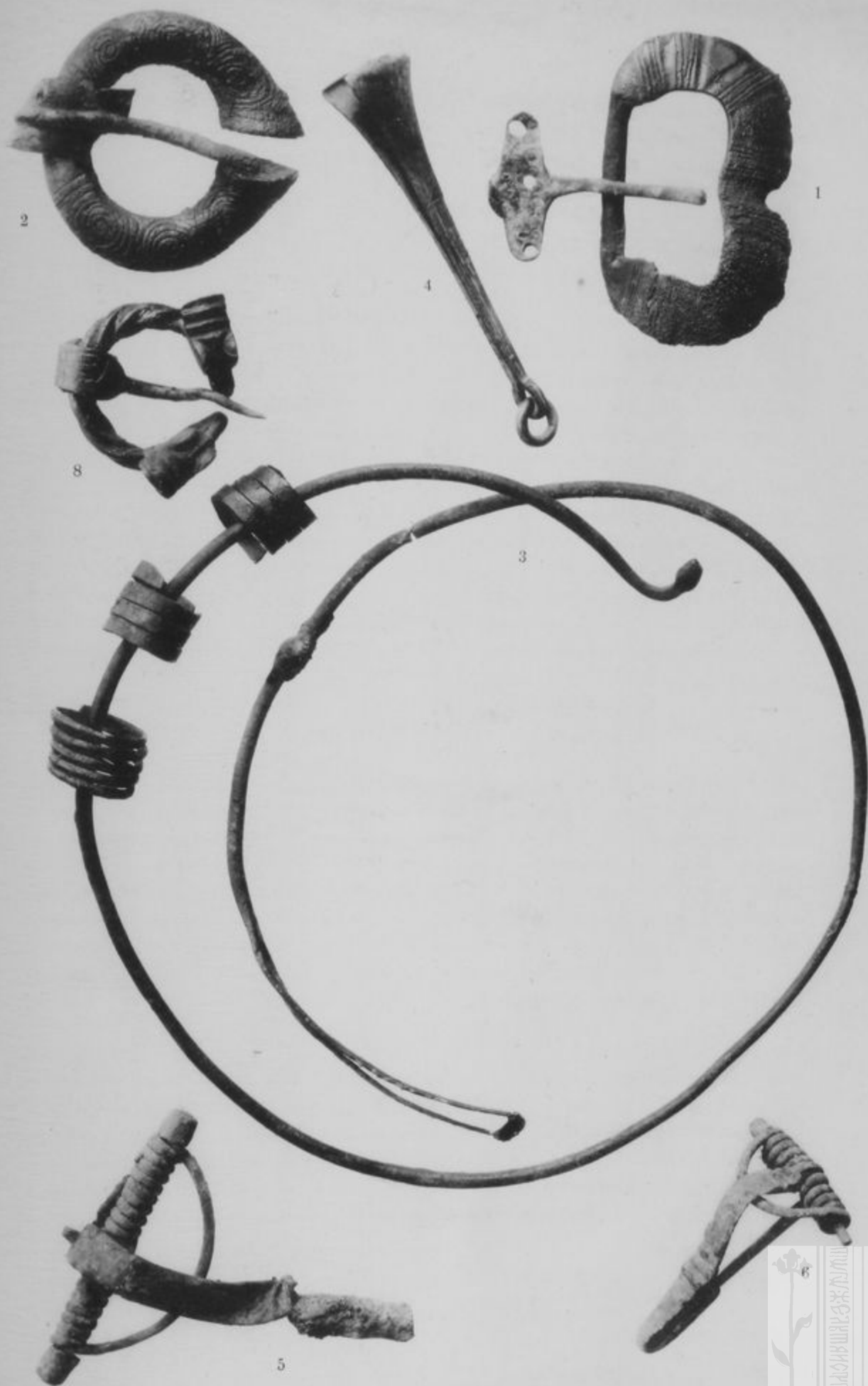
Вторая, какъ и предыдущая, мастерская находится также на землѣ крестьянъ дер. Гузковъ, — на такъ называемой Волчьей горѣ. Отъ Лысой горы Волчья находится въ разстояніи около версты на Ю., а отъ Свирскаго озера менѣе ста сажень и представляетъ собою невысокую гряду, окруженную со всѣхъ сторонъ болотистыми низинами. Длина горы, въ направленіи съ С.-З. на Ю.-Ю.-З., 360 шаговъ, ширина, чрезъ верхъ, 60 шаговъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гора поросла можжевельными кустами, въ большей же части поверхность ея — желтый сыпучій песокъ, подъ которымъ, на глубинѣ двухъ-трехъ вершковъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ наблюдаются пятна темнаго цвѣта, а въ одномъ мѣстѣ лопата обнаружила пластъ твердой бурой земли. На поверхности почвы въ значительномъ количествѣ наблюдаются осколки кремня и кое-гдѣ глиняные черепки. По словамъ живущаго на горѣ пастуха прежде кремней здѣсь было значительно больше, но „ладнѣйшіе“ изъ нихъ выбраны крестьянами для кресель. Всѣ собранные нами кремни такого же цвѣта и такой же формы, какъ и на предыдущей Лысой горѣ; точно также и всѣ здѣшніе десять черепковъ — лѣпной работы, хотя матеріалъ ихъ отличается меньшею грубостью и болѣе темною окраскою.

Третья Свирская мастерская.

Незначительные слѣды этой мастерской наблюдаются по склону въ сторону озера отъ упомянутыхъ выше курганообразныхъ холмиковъ, находящихся по сосѣдству съ описаннымъ выше старымъ коркинскимъ поселеніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого склона, лишенныхъ травяного покрова, собрано было такихъ же, какъ и на предыдущихъ мастерскихъ, девять обломковъ кремневыхъ пожиковъ и три лѣпныхъ черепка; кромѣ того здѣсь найдены были небольшой слиточекъ темнаго стекла и желѣзный кружокъ, въ родѣ шляпки большого гвоздя, толщиною около 2mm. и въ 25mm. по его діаметру. Послѣдніе два предмета, впрочемъ, возможно, что принадлежать и позднѣйшему времени.

Якубишская мастерская.

Заст. Якубишки расположена на правомъ берегу Вили, — въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ 54°50' с. ш. Слѣды кремневой мастерской наблюдаются въ разстояніи сажень пятидесяти на С.-В. отъ застѣнка, — на песчаной, лежащей среди поля площади, длиною, съ В. на З., въ 300 шаговъ и шириною около 60. Слѣды обработки кремня здѣсь значительно слабѣе, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ мѣстахъ, такъ что, при всемъ вниманіи, намъ удалось собрать всего лишь семь, съ признаками бо-

2

3

4

1

5

INSTITUTS
PĀRVAJĀSĪBAS
VĒSTURĀ

лѣе или менѣе искусственной обдѣлки, осколковъ кремня и только три глиняныхъ, лѣшней работы черепка. Найденные здѣсь, — желѣзный гвоздь, обломокъ листового желѣза, что-то вродѣ стекляныхъ шлаковъ, и три обломка изразцовъ, — могли попасть сюда случайно и въ позднѣйшее время.

Г. Предметы каменнаго вѣка.

Встрѣчающіеся на пространствѣ Виленской губерніи предметы каменнаго вѣка состоятъ исключительно изъ топоровъ (со сверлинами) и клинцевъ, приготовленныхъ изъ мѣстныхъ каменныхъ породъ, — въ большинствѣ случаевъ, — изъ сѣраго булыжника. Попадаютъ они обыкновенно на поляхъ, гдѣ и находятъ ихъ во время запашекъ крестьяне. Наиболѣе обычное названіе каменныхъ топоровъ въ бѣлорусской половинѣ Виленской губ. „перунова стрѣла“, „громовая стрѣла“, „громница“, а въ Литовской „перкуна кулька“. По наиболѣе распространенному въ народѣ повѣрью, стрѣлы эти, падая на землю во время грома, обыкновенно па нѣсколько лѣтъ (на 7, на 12) погружаются въ почву и только потомъ уже появляются на поверхности земли. Нерѣдко стрѣлы эти окружаются у народа ореоломъ таинственности, и имъ приписывается значеніе цѣлебныхъ талисмановъ, а иногда и прямо значеніе лѣкарства, вслѣдствіе чего приготовляемый изъ нихъ порошокъ въ разныхъ видахъ дается больнымъ людямъ и хворому скоту¹⁾. Но едва ли не чаще наблюдается у народа индифферентное отношеніе къ каменнымъ топорамъ, т.-е. полное отсутствіе попытки объяснить ихъ происхожденіе и эксплуатировать ихъ хотя бы въ указанномъ выше направленіи. Въ зависимости отъ того или другого народнаго взгляда на каменные топоры и приобрѣтеніе ихъ сопровождается болѣе или менѣе различными условіями: въ то время какъ, напримѣръ, владѣльцы топоровъ, соединяющіе съ ними чудодѣйственную силу, никогда почти не соглашаются на ихъ уступку, люди безъ предвзятыхъ взглядовъ охотно уступаютъ изъ за 10—20 коп. Во время описываемой экскурсіи намъ въ одинаковомъ, повидимому, количествѣ приходилось встрѣчаться съ каждымъ изъ упомянутыхъ выше взглядовъ, и вся сумма приобрѣтенныхъ нами топоровъ опредѣляется незначительнымъ количествомъ въ 17 экземпляровъ. Топоры эти приобрѣтены въ слѣдующихъ мѣстахъ, — Свенцянскаго исключительно уѣзда: Дер. Сопроненты, дер. Сорочье, дер. Жукойна, дер. Мелканы, дер. Трещаны и дер. Конценяты.

¹⁾ Подробное указаніе разнаго отношенія у народа къ каменнымъ топорамъ см. *Θ. Покровскій Археологическая карта Виленской губ. 1893 года.*

Гипсовые погребальные маски и особый видъ трепанаціи въ курганахъ Минусинскаго округа.

Ю. Горощенко.

Раскопки кургановъ Минусинскаго округа, производимыя болѣе пяти лѣтъ по порученію Археологической Комиссіи Александромъ Васильевичемъ Адриановымъ, дали обильный матеріалъ и большую краниологическую коллекцію, обработкой которой я теперь занимаюсь. Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ побудилъ меня выдѣлить изъ этой работы нѣсколько страницъ для настоящаго сообщенія, имѣющаго научный интересъ какъ для археолога, такъ и для антрополога¹⁾.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію масокъ и трепанаціи череповъ, не безполезно дать краткое описаніе двухъ кургановъ, въ которыхъ обнаружено было то и другое. Маски были найдены въ обоихъ курганахъ, трепанированные же черепа были найдены въ одномъ — на Солянномъ озерѣ.

Курганъ „Е“ на Тагарскомъ островѣ на Енисеѣ близъ Минусинска представляетъ обширную четвероугольную могилу, стѣны которой были выложены бревнами; въ разныхъ мѣстахъ на днѣ кургана попадались въ отдѣльности слѣдующіе предметы: 1) кучка обожженныхъ человѣческихъ костей и размягченная гипсовая маска, 2) черепки горшка и куски маски, 3) семь череповъ, надъ ними кучка жженныхъ костей (человѣческихъ), около нихъ и подъ ними много костей въ беспорядкѣ, 4) цѣльный костякъ въ порядкѣ, но съ перегорѣвшими тазомъ и костями ногъ, на лѣвомъ плечѣ куски гипса — слѣды маски; далѣе 5) куски маски, рядомъ съ ними кучка жженныхъ костей, 6) куски обожженной маски; нѣкоторая часть деревянныхъ стѣнъ могилы оказалась обгорѣвшей, другія части не обгорѣли; обуглившіяся кости находились по всей могилѣ, имѣвшей на днѣ въ длину и ширину по $3\frac{1}{2}$ саж. приблизительно; 7) въ необгорѣвшей части могилы на выступавшей изъ стѣны каменной плитѣ находилась маска или, судя по кускамъ, цѣлый бюстъ, пустой внутри, и отъ нижней части шеи распространявшійся въ подставку, — такимъ образомъ въ древней могилѣ былъ устроенъ оригинальный кронштейнъ съ бюстомъ; на этой горизонталь-

¹⁾ Редакція „Трудовъ X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ“ любезно позволила мнѣ сообщеніе мое, посланное въ Ригу въ 96-мъ году, дополнить и исправить согласно новѣйшимъ даннымъ раскопокъ, что мною и сдѣлано въ февралѣ 98 года.

ной плитѣ передъ обломками гипса лежала куча жженныхъ костей; 8) въ 4-хъ футахъ отсюда еще маска и въ 3-хъ футахъ подъ бревнами двѣ маски, около нихъ двѣ груды горѣлыхъ костей; 9) горшокъ съ облежавшей его маской; двѣ маски одна надъ другой, и рядомъ съ верхней на каменной плиткѣ кучка обгорѣвшихъ костей; 10) неподалеку скелетъ въ беспорядкѣ, но можно допустить, что трупъ первоначально было дано сидячее положеніе со скрещенными ногами, вблизи горшокъ и рядомъ маска, неподалеку опять двѣ маски. Въ послѣднемъ углу находилась куча обуглившихся костей и куски маски.¹⁾ Обломки масокъ попадались такъ же, какъ и обломки горшковъ, въ одиночку, въ виду чего можно допустить, что маски при погребеніи иногда разбивались людьми также, какъ и горшки. Заканчивая описаніе этого кургана, А. В. Адриановъ останавливается на одной маскѣ и говоритъ слѣдующее: „въ песокѣ лежалъ дѣтскій (можетъ быть женскій) костякъ, на лицевой части была надѣта гипсовая маска, вполне сохранившаяся; я снялъ ее съ лица осторожно и, любясь изящными, красивыми чертами лица, поставилъ около себя, чтобы посушить ее на солнышкѣ; къ крайнему моему сожалѣнію, а въ ту пору прямо къ моему ужасу, маска была разбита камнемъ, неосторожно брошеннымъ однимъ изъ игравшихъ мальчиковъ. Маска настолько плотно прилегала къ лицу, что кусочки гипса такъ и остались въ глазницахъ, на носу, на лбу и около ушныхъ отверстій²⁾“.

Другой курганъ, въ которомъ послѣ двѣнадцатилѣтняго промежутка А. В. Адриановъ снова нашелъ маски, находится на Солянѣмъ озерѣ Скочинскаго въ 60 верстахъ отъ Минусинска; онъ былъ раскрытъ въ 95 г. и законченъ въ 97 году; въ этомъ курганѣ впервые были найдены трепанированные черепа, и обрядъ погребальныхъ масокъ въ немъ оказался осложненнымъ нѣкоторыми варіаціями. Курганъ этотъ принадлежитъ къ группѣ „чаатасъ“, насыпь его высотой 4 аршина, въ окружности 47 саж.; могила четырехугольная, глубиною 2 саж., ширины и длины около 4 саж., по сторонамъ выложена толстыми горбылями, обугленными по угламъ могилы; дно выстлано досками почти сплошь. На днѣ кости образуютъ въ одномъ мѣстѣ сплошной слой въ 4 вершка толщиною, въ которомъ было 6 череповъ, разломанныхъ, части ихъ разбросаны; въ углахъ по нѣсколько череповъ въ рядъ или одинъ на другомъ; въ сѣверномъ углу было 5 череповъ, здѣсь полосаю въ 1,2 метра ширины и два метра длины беспорядочно шли иструхшія кости, въ которыхъ было 4 испорченныхъ черепа, вещей здѣсь не было. Далѣе, вдоль сѣв.-зап. стороны — куча костей; у западнаго угла куски 9 череповъ; въ вост. углу тоже много костей и 2 черепа.

Всѣхъ череповъ въ могилѣ было 55, (а можетъ быть значительно больше); большинство изъ нихъ съ масками; нѣкоторые обмазаны глиной, затѣмъ слоемъ гипса и потомъ опять глиной, покрывавшей иногда не только весь черепъ, но и первые позвонки; мѣстами маски покрашены ярко-красной краской, иногда съ чер-

¹⁾ Здѣсь вездѣ имѣются ввиду кости человѣческія; найдено между прочимъ медвѣжья челюсть; предметы, по словамъ г. Адрианова, были какъ бронзовые, такъ и желѣзные.

²⁾ А. В. Адриановъ. „Путешествіе на Алтай и за Саяны“. Омскъ. Здѣсь же подробное описаніе кургана.

ными полосками на щеках; у нѣкоторыхъ череповъ набиты глиной всѣ отверстия черепа (глазницы, носъ, уши), иногда все пространство между вѣтвями нижней челюсти и тутъ же первые шейные позвонки. Черепа лежали иногда теменемъ вверхъ, чаще — лицомъ внизъ, и въ обоихъ случаяхъ подъ черепами можно найти шейные и спинные позвонки, тазъ, пальцы рукъ или концы бедряныхъ и плечевыхъ костей; можно подуматъ, что покойники были похоронены сидя или стоя; большая часть череповъ имѣютъ пробитые виски. Изъ вещей найдены были: желѣзный ножъ, мѣдный налѣчникъ и пуговица, кусокъ желѣзнаго предмета, мѣдный кружокъ, обернутый кожей, и кусочки мѣди; въ восточ. углу — костяныя игла, лопаточка и стрѣла и мѣдный кружокъ; около череповъ часто встрѣчались золотыя пластинки, въ которыхъ иногда были обернуты кусочки дерева. Въ могильной землѣ сверху до низу часто попадались угольки; золы и кострищъ нѣтъ; жженныя кости изрѣдка встрѣчаются на днѣ могилы, но обряда трупосожженія въ этомъ курганѣ г. Адриановъ не нашель и полагаютъ, что его здѣсь нѣтъ¹⁾. На днѣ могилы оставались слѣды сожженныхъ кучекъ какого-то растенія; интересно то, что и въ вышеописанномъ курганѣ на Тагарскомъ островѣ на днѣ могилы найдена была куча сожженной хвои и костей.

Въ послѣднемъ курганѣ масокъ, отдѣльно стоявшихъ, не встрѣчалось; снять же ихъ съ черепа не удавалось: онѣ разсыпались при прикосновеніи.

Такъ какъ въ курганѣ были найдены на ряду съ мѣдными (бронзовыми?) предметами и желѣзные, то въ этомъ отношеніи курганъ Соляного озера представляетъ новую черту сходства съ курганомъ Тагарскаго острова; въ многочисленныхъ курганахъ, раскопанныхъ г. Адриановымъ, желѣзо встрѣчалось весьма рѣдко, и почти только два названныхъ кургана представили образчики позднѣйшаго металла. Сходство этихъ двухъ кургановъ выражается еще въ томъ, что въ нихъ обоихъ были найдены скелеты, погребенные „можно думать сидя или стоя“, а также и кучки: въ одномъ жженной хвои, въ другомъ — какого-то растенія; этихъ признаковъ въ другихъ курганахъ почти не встрѣчается.

І. М а с к и.

Добытыя по сіе время маски находятся: одна въ Антропологическомъ Музеѣ Московскаго Университета (табл. V, 1.), одна въ Минусинскомъ Мѣстномъ Музеѣ (фиг. 2), пять масокъ были посланы въ Археологическую Комиссію (фиг. 3 и 4), но по наведеннымъ справкамъ въ Археологической Комиссіи оказывается, что Комиссія ихъ получила побитыми (въ пути) и въ такомъ видѣ отослала ихъ въ Историческій Музей въ Москву; кромѣ этого въ Минусинскомъ Музеѣ хранится нѣсколько фраг-

¹⁾ Подробное описаніе этого кургана появляется вѣроятно въ недалекомъ будущемъ въ изданіяхъ Археологической Комиссіи.

ментовъ масокъ (рис. 5 и 6). Маски впервые были найдены г. Адриановымъ въ 1883 г., затѣмъ нашель ихъ г. Клеменцъ послѣ того снова г. Адриановъ.

Литературы о маскахъ вообще не имѣется. Маски были найдены: 1) на Тагарскомъ островѣ близъ самаго Минусинска, 2) на Соленомъ озерѣ въ 60 верстахъ на Ю.-В. отсюда и 3) въ 60 верстахъ на Югъ (въ Улусѣ Нурилькова), о послѣднемъ курганѣ у меня свѣдѣній не имѣется и указаніе на эту „находку взято изъ работы г. Клеменца — Древности Минусинскаго Музея“.

Такимъ образомъ районъ распространенія масокъ очень ограниченъ, и не смотря на массу раскопанныхъ кургановъ Минусинскаго округа, только 3 или 4 изъ нихъ заключали въ себѣ маски. Поэтому можно думать, что разсматриваемый нами похоронный обрядъ существовалъ здѣсь не долгое время.

Для чего дѣлались, какое значеніе имѣли эти маски? Это вопросъ, на который трудно отвѣтить съ точностью; вообще въ погребальныхъ маскахъ приходится видѣть явленіе, аналогичное по своей основной идеи съ бальзамированіемъ труповъ у Перуанцевъ и Египтянъ и съ обычаемъ послѣднихъ хоронить вмѣстѣ съ муміей статую умершаго: какъ у этихъ народовъ, такъ у древнихъ обитателей Минусинскаго округа была своя самобытная и, можетъ быть, богатая культура, и тамъ и здѣсь стремились сохранить черты лица умершаго, оставить по извѣстнымъ соображеніямъ культа — нетлѣнный образъ его, — и приходили къ этой цѣли различными путями.

Если подобная аналогія покажется нѣсколько эксцентричной, то можно указать на другія у народовъ, родственная связь которыхъ съ обитателями Минусинскаго курганнаго царства весьма возможна: у Остяковъ Вост. Сибири, по словамъ Тайлора¹⁾, „когда умираетъ человѣкъ, они ставятъ грубое деревянное изображеніе его, приносятъ ему жертвы и воздаютъ почести, а вдова цѣлуетъ его и ласкаетъ. Обыкновенно эти изображенія по истеченіи трехъ мѣсяцевъ хоронятъ“; тоже говоритъ и Кастрень. У Киргизовъ нѣчто подобное существовало еще въ первой половинѣ нашего вѣка: А. Левшинъ въ 1832 году описываетъ слѣдующую картину обряда поминокъ: „трагическія представленія: плачь и рыданія продолжаются весьма долго: иные, до истеченія года, ежедневно возобновляютъ ихъ по утрамъ и вечерамъ передъ куклою, или болваномъ, который, будучи одѣтъ въ платье покойника, служитъ плачущимъ вмѣсто его изображенія“²⁾.

У Монголовъ-Торгоутовъ по сообщенію А. А. Ивановскаго „знатныхъ лицъ... сжигаютъ на кострѣ. Для костра употребляются сухія дрова и сало... Пепель, оставшійся послѣ сожженія, особенно знатныхъ лицъ, лама собираетъ въ небольшую мѣдную урну, а потомъ, смѣшавъ его съ глиною, дѣлаетъ изъ послѣдней фигуру человѣка и ставитъ ее тамъ, гдѣ умершій сожженъ“³⁾. Если здѣсь упомянуть еще

¹⁾ „Доисторическій бытъ“, стр. 143.

²⁾ Харузинъ. „Киргизы Букеевской орды“, т. I, стр. 106 (А. Левшинъ. Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ степей. 1832 г.).

³⁾ А. А. Ивановскій. „Монголы Торгоуцы“, стр. 24. Подробно въ „Трудахъ VII Арх. Съѣзда“, и о томъ же въ „Congrès International d'Arch. préhistorique et d'anthropologie“ 11-ème sess. à Moscou. Т. I,

объ обычаѣ Киргизовъ въ концѣ прошлаго вѣка ставить („втыкать“) поверхъ надгробнаго деревяннаго сруба, болванъ, изображающій лицо и тѣло человѣка, то мы съ одной стороны исчерпаемъ пожалуй всѣ способы дѣлать изображеніе умершаго, которые практикуются при обрядѣ погребенія народами, связанными можетъ быть въ своемъ прошломъ съ курганнымъ населеніемъ Южной Сибири, — а съ другой стороны перейдемъ къ древнему обычаю ставить каменные бабы¹⁾. Обрядъ погребальныхъ масокъ легче будетъ поставить въ связь съ только что упомянутыми обрядами, послѣ ближайшаго ознакомленія съ масками, къ чему мы теперь и перейдемъ.

Маски дѣлались изъ гипса, и притомъ можно утверждать съ увѣренностью, что онѣ выдѣлывались при помощи формъ, т.-е. такъ, какъ это дѣлается теперь.

Изъ словъ А. В. Адрианова, гдѣ онъ говоритъ объ „изящныхъ, красивыхъ чертахъ лица“ на маскѣ, изъ взгляда на прилагаемый снимокъ съ маски и (табл. V, 2) съ частей ея (фиг. 5—9)—можно заключить, что искусство дѣлать маски достигало у курганныхъ жителей того совершенства, на которомъ оно стоитъ теперь; допустить выдѣлку масокъ отъ руки — это значило бы допустить у первобытнаго народа искусство скульптуры развитымъ въ такой высокой степени, какой мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Пользуясь формой, легко получить удовлетворительную маску — особенно съ покойника: для этого обыкновенно обмазываютъ лицо покойника толстымъ слоемъ глины или какой нибудь легко остывающей и затвердѣвающей массы; въ этой массѣ получится углубленіе, передающее всѣ черты лица; если это углубленіе, оставшееся отъ лица, заполнить гипсомъ и вынуть его, когда онъ затвердѣетъ, изъ формы, то мы получимъ точное скульпторное изображеніе лица. Курганные обитатели очевидно именно такъ и дѣлали. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и видъ задней стороны маски (фиг. 7—9): въ форму, полученную съ лица, наливался полужидкій гипсъ и покрывалъ всю ея поверхность слоемъ отъ 1 до 2 или 3 сантиментовъ; впадины на лицѣ человѣка, глазницы и подносовая область, на формѣ выходили въ видѣ возвышеній, наливаемый на поверхность формы гипсъ стекалъ съ этихъ возвышеній, и маска въ этихъ мѣстахъ ставилась тонкой, непрочной; чтобы устранить такое неудобство, на эти мѣста на задней сторонѣ маски наливался или накладывался снова густой гипсъ, и такимъ образомъ на оборотней сторонѣ маски получались ненормальные возвышенія въ видѣ конусовъ въ области глазницъ и въ видѣ плитки въ подносовой области (фиг. 7); эти ненормальные возвышенія рѣзко бросаются въ глаза и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что они положены уже на готовый основной слой гипса и притомъ положены умышленно; задняя сторона маски не имѣетъ углубленій на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лицо представляетъ рѣзкія выпуклости, какъ напр. носъ; въ двухъ случаяхъ²⁾ углубленіе формы, соотвѣтствовавшее носу, сплошь было заполнено гипсомъ, въ двухъ другихъ случаяхъ гипсовые носы имѣли небольшія продольныя углубленія на задней сторонѣ;

стр. 176. На распространенность обычая дѣлать изображеніе умершаго частью изъ его останковъ, частью изъ другого матеріала указываетъ Г. Спенсеръ въ своихъ „Основаніяхъ Соціологіи“ § 155.

¹⁾ Въ сущности всѣ подобныя формы почитанія или поклоненія умершимъ подчинены одной идеи фетишизма.

²⁾ Я видѣлъ и рассматривалъ только одну цѣльную маску, одну часть другой маски (носъ, ротъ и подбородокъ) и еще два носа.

эти углубленія (на двухъ носахъ) были сдѣланы очевидно палочкой или мизинцемъ небольшой руки съ цѣлью, чтобы гипсъ глубже осѣлъ и цѣликомъ заполнилъ углубленіе формы. Итакъ остается притти къ единственному заключенію, что маски дѣлались не отъ руки, а при посредствѣ формы (третьяго способа даже существовать не можетъ), — иначе нельзя было бы ничѣмъ объяснить, какъ довольно равномерную толщину стѣнокъ маски, такъ и характеръ ея обратной стороны.

На вопросъ о томъ, дѣлались ли маски и съ живыхъ, отвѣтить конечно трудно, потому что для рѣшенія его не имѣется достаточнаго количества масокъ, на которыхъ можно было бы уловить черты, освѣщающія этотъ вопросъ; теоретическія же соображенія приведутъ скорѣе всего къ отрицательному рѣшенію.

Здѣсь весьма важно разобраться въ способахъ употребленія масокъ. Среди обширнаго и, можно сказать, хаотическаго разнообразія различныхъ обрядовъ и проявленій культа, господствовавшихъ среди курганнаго населенія Минусинскаго округа, обрядъ погребальныхъ масокъ носитъ оригинальный и въ то же время невыдержанный, неустановившійся характеръ: маски то являются окрашенными со вкусомъ хорошей красной краскою, то остаются бѣлыми; то онѣ лежатъ на черепѣ, то отдѣльно, покрывая сожженные кости, или же стоятъ на каменныхъ плитахъ, нарочно для нихъ устроенныхъ, иногда съ расширеніемъ подъ маской, которая въ этомъ случаѣ превращается въ бюстъ; разбросанные куски масокъ, которыя разбивались при погребеніи, какъ простые горшки, вызываютъ непріятный вопросъ — къ чему было дѣлать маски, если ихъ тутъ же разбивать; обожженные маски говорятъ въ пользу того же мнѣнія, что масками иногда не дорожили; возможно что это — дѣло случая или какого нибудь посторонняго обстоятельства (хотя едва-ли), но пока матеріала еще не много, приходится считаться и съ этимъ страннымъ явленіемъ и признавать что оно умышленно было допущено курганными жителями.

Такимъ представляется обрядъ въ его болѣе или менѣе чистомъ видѣ, безъ тѣхъ варіацій, о которыхъ будетъ сейчасъ сказано. Мы видимъ, что этотъ обрядъ имѣетъ нѣкоторую дѣйствительную аналогію съ указанными обрядами Остяковъ, Киргизовъ и Таргаутовъ: у послѣднихъ дѣлаютъ изъ пепла умершаго фигуру очевидно того же самаго умершаго человѣка; въ курганъ Тараскаго острова покрывали маскою кучку сожженныхъ костей вѣроятно того же человѣка, съ котораго была снята маска; въ обоихъ случаяхъ останки покойника и его изображеніе остаются соединенными какъ бы въ одно цѣлое, и притомъ оба обряда связаны съ трупосоженіемъ. Съ обрядами Остяковъ и Киргизовъ погребальныя маски имѣютъ то сходство, что во всѣхъ случаяхъ изображеніе покойника оставалось нѣкоторый значительный промежутокъ времени на глазахъ у живыхъ родственниковъ и служило предметомъ почитанія или предметомъ, передъ которымъ совершался тотъ или другой обрядъ поминокъ. Высказать такое мнѣніе относительно масокъ даетъ основаніе то обстоятельство, что оба кургана съ масками заключаютъ въ себѣ массу покойниковъ и по сравненіи ихъ съ другими большими курганами Минусинскаго округа позволяютъ думать, что они или оставались открытыми цѣлые мѣсяцы, а можетъ быть и годы, и закрывались послѣ достаточнаго накопленія въ нихъ покойниковъ.

или же курганъ устраивался послѣ накопленія ихъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, — въ обоихъ случаяхъ маска должна была дѣлаться на болѣе или менѣе свѣжемъ трупѣ, и до окончательнаго погребенія ея въ курганѣ могло протечь не мало времени; что же касается воздаванія почести маскамъ или совершенія передъ ними обряда поминокъ, то подобная мысль сама собою напрашивается какъ логическое умозаключеніе, посылками которому служить принадлежность масокъ къ обряду погребенія съ одной стороны, и съ другой — тотъ атрибутъ божественности, который составляетъ всеобщій, универсальный элементъ культа мертвыхъ у первобытныхъ народовъ, и которымъ надѣлены бывають останки умершаго: маска, совершеннѣйшая форма памятника умершему и лучшая изъ останковъ сожженнаго трупа безъ сомнѣнія служила предметомъ культа.

На ряду съ масками обыкновеннаго типа въ курганѣ Соленнаго озера встрѣтились, какъ сказано выше, еще нѣкоторыя варіаціи этого обряда¹⁾: въ немъ найденъ комъ пластической глины, обхватившій нѣсколько первыхъ шейныхъ позвонковъ, (черепъ былъ съ маской, и на глинѣ слѣды гипса; въ другомъ случаѣ также были покрыты толстой массой глины пять шейныхъ позвонковъ), и нижняя челюсть, но слѣдовъ маски или гипса не было. Кромѣ того въ этомъ курганѣ встрѣчаются черепа, у которыхъ глазницы, носовыя и ушные отверстія забиты красной пластической глиной и притомъ очень плотно: такъ, напримѣръ, носовая полость черепа настолько заполнена глиною, что носовыя раковины, части рѣшетчатой кости и сошникъ кажутся цѣликомъ заложеными въ массу глины, которая заняла все пространство между этими костями; пазуха или пустое пространство черепа, лежащее подъ нижнею поверхностью глазницы и непосредственно за скуловою костью, въ двухъ случаяхъ также было значительно наполнено глиною, которая попала сюда вѣроятно изъ глазничнаго углубленія, а можетъ быть и изъ носовой полости; въ нѣсколькихъ случаяхъ глина наполняла собою всѣ пустоты и промежутки въ верхней части лица черепа такъ плотно и такъ нѣжно, какъ это можетъ сдѣлать только жидкость: тонкія и хрупкія кости носовой полости оставались совершенно цѣлыми, и оставили точный отпечатокъ на затвердѣвшей теперь глинѣ; эту глину, не разрушая ее, нельзя было вынуть даже изъ глазницъ, которыя представляютъ полусферическое углубленіе съ незначительнымъ загибомъ по краямъ. Изъ сказаннаго нужно заключить, что глиною отдѣлывали уже готовый костный черепъ, обнаженный отъ всѣхъ мускуловъ, (иначе говоря, *истлѣвшій*) такъ какъ искусственное удаленіе мышцъ носовой полости и притомъ такое тщательное и полное представляется не только невѣроятнымъ, но даже невозможнымъ.

Часто на глинѣ имѣются слои гипса толщиной въ 3—4 милиметра; эти слои гипса нужно считать за слѣды маски хотя бы потому, что на нихъ въ одномъ случаѣ была сдѣлана краскою черта, соответствующая прорѣзу глаза. На нѣкоторыхъ черепахъ глина покрывала всю верхнюю часть лица равномернымъ слоемъ,

¹⁾ Въ этомъ курганѣ цѣлыхъ масокъ найдено не было, но нѣкоторые обломки по словамъ А. В. Адрианова, представляютъ типъ снятыхъ съ лица масокъ т.-е. типъ масокъ Тагарскаго о-ва.

на этомъ слоѣ лежитъ слой гипса, покрытый въ свою очередь глиной. Въ одномъ случаѣ (черепъ № 159) верхняя часть черепа (лобная и часть теменныхъ костей) покрыта красной глиной (слой въ 1—2 мм.), глазницы и носовое отверстіе набиты ею же, сверху глины на черепѣ такой же слой гипса, и на черепѣ слой перегнившей растительной массы (травы?); черепъ мужской, лѣтъ 30—40 и оказывается трепанированнымъ. На одномъ обломкѣ поверхъ нѣжной красной глины кусокъ гипса толщиной въ 2 сент. На основаніи имѣющагося матеріала раскопокъ всѣ эти варіаціи обряда масокъ въ курганѣ Соляного озера можно раздѣлить на два типа: въ одномъ случаѣ *черепъ* обмазывался или замазывался только глиною, причемъ иногда глина облегалась скелетъ шеи и нижней части лица, въ другомъ случаѣ обмазанный глиною *черепъ* покрывался слоемъ гипса, а иногда еще въ третій разъ слоемъ глины; слѣдовъ одного гипса на черепѣ, какъ остатковъ маски, не встрѣчалось, въ курганѣ же при раскопкѣ попадались куски гипсовыхъ масокъ, притомъ около череповъ или на нихъ, иногда даже цѣлыя маски¹⁾, но были ли онѣ изъ одного гипса, или ихъ сопровождалъ и слой глины, какъ на рассмотрѣнныхъ мною черепахъ, мнѣ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ мы видимъ и послѣ близкаго рассмотрѣнія добытыхъ череповъ можемъ прійти къ положительному заключенію, что отдѣлка одною глиною или двумя слоями гипса и глины производилась надъ *черепомъ* покойника, отъ котораго остался одинъ скелетъ, и что эта операція не тождественна со способомъ полученія гипсовыхъ масокъ со свѣжаго трупа: съ черепа нельзя получить маски, похожей на человѣческое лицо. Можетъ быть во избѣжаніе этого именно неудобства глазницы черепа и новое отверстіе заполнялись глиною и въ носовомъ отверстіи оставляли выступающій изъ него кусокъ глины, чтобы такимъ образомъ заполнить глиною тѣ дефекты, которые остались на лицѣ по истлѣніи головы; „реставрированное“ такимъ способомъ лицо, будучи покрыто слоемъ гипса, дастъ, конечно, образчикъ, хотя и грубый, маски человѣческаго лица.

Теперь мы можемъ перейти къ вопросу, какой смыслъ и значеніе имѣли эти видоизмѣненія обряда погребальныхъ масокъ. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что во всѣхъ случаяхъ на черепахъ Соляного озера первымъ, основнымъ слоемъ служить глина, имѣющая отличныя пластическія свойства, именно такая глина и можетъ служить лучшимъ матеріаломъ для формъ, при посредствѣ которыхъ выдѣлывались маски Тагарскаго острова; какъ въ чистомъ обрядѣ масокъ, такъ и здѣсь первымъ пріемомъ служить обмазываніе глиною лица тамъ и черепа здѣсь; обмазываніе глиною какъ на Тагарскомъ островѣ, такъ и здѣсь, захватывало иногда и всю шею, но тамъ дѣлалось это на трупѣ, и потому давало возможность получить гипсовый бюстъ, здѣсь же на скелетѣ, результатомъ чего получался большой комъ, въ которомъ шейные позвонки и нижняя челюсть были цементированы глиною. Маска получавшаяся на черепѣ послѣ накладки на него гипсоваго слоя во-первыхъ не могла быть легко снята съ черепа вслѣдствіе необходимой въ данномъ случаѣ

¹⁾ Въ курганѣ Соляного озера цѣлыя гипсовыя маски встрѣтились на двухъ или трехъ черепахъ; снять же маску удается очень рѣдко по техническимъ условіямъ раскопокъ.

равномѣрности и незначительной толщины стѣнокъ ея, а во-вторыхъ не представляла удовлетворительнаго сходства съ лицомъ покойника, и вѣроятно по этимъ причинамъ оставялась на черепѣ всегда или большею частью. Нѣтъ сомнѣнiя, что этотъ обрядъ служилъ позднѣйшимъ видоизмѣненiемъ обряда масокъ, и принялъ эту форму именно потому, что объектомъ его являлся черепъ; но почему именно черепъ, а не трупъ или голова только что умершаго человѣка?!

Единственное болѣе или менѣе вѣроятное рѣшенiе этого крайне интереснаго вопроса, какое мы только можемъ сдѣлать на основанiи матеріала раскопокъ, заключается въ томъ предположенiи, что тѣ покойники, на черепахъ которыхъ были найдены глиняныя маски, до самаго процесса погребенiя, находились внѣ кургана нѣкоторый, можетъ быть даже болѣе или менѣе опредѣленный, промежутокъ времени, въ теченiе котораго они превращались въ скелеты и въ такомъ видѣ уже погребались въ курганѣ. Подобному предположенiю не противорѣчитъ находенiе въ этомъ курганѣ скелетовъ покойниковъ, погребенныхъ „можно думать, сидя или стоя“, такъ какъ въ дневникѣ раскопокъ А. М. Адрианова нѣтъ указанiй, чтобы черепа именно этихъ скелетовъ были обдѣланы глиною, а также и потому, что найденные въ курганѣ обломки гипсовыхъ масокъ, снятыхъ съ лица трупа, должны принадлежать скорѣе всего тѣмъ умершимъ, которые были погребены въ видѣ труповъ; въ пользу допущеннаго нами предположенiя говорятъ не только указанное выше громадное число погребенiй въ одномъ курганѣ и невозможность допустить, что эти покойники умерли одновременно, но и нѣсколько случаевъ находенiя г. Адриановымъ въ другихъ курганахъ вывѣтрившихся (на воздухѣ) костяковъ, при чемъ въ одномъ большомъ курганѣ со многими скелетами онъ замѣтилъ на нихъ различныя степени вывѣтриванiя, выражавшіяся въ большей или меньшей бѣлизнѣ кости и другихъ его свойствахъ, что послужило ему основанiемъ предположить обычай „перехораниванiя“¹⁾.

Въ курганѣ Тагарскаго острова маски большею частью были связаны съ обрядомъ трупосожженiя, — при этомъ условiи естественно полученiе маски съ лица, а не дѣланiе ея на черепѣ, и кромѣ того при обрядѣ трупосожженiя маска должна была сниматься вскорѣ же послѣ смерти, такъ какъ обычай сжигать трупы по самому религіозному значенiю своему долженъ исключать возможность предварительнаго истлѣванiя трупа, — и дѣланiе маски, слѣдовательно, было въ этомъ случаѣ обрядомъ, который совершался *при самомъ погребенiи* сожженнаго трупа *въ курганѣ*. Если у людей, хоронившихъ умершихъ въ курганѣ Солянаго озера, былъ обычай держать часть ихъ нѣкоторое время внѣ кургана и погребать въ немъ уже скелеты ихъ, то становится достаточно яснымъ, что дѣланiе масокъ, какъ чисто-погребальный обрядъ или формальность, и здѣсь должно было соединиться съ послѣднимъ и въ то же время наиболѣе главнымъ моментомъ обращенiя съ умершими, т.-е. съ ихъ по-

¹⁾ Современные народы Монголіи имѣютъ обыкновение оставлять трупы умершихъ на поверхности почвы, иногда въ опредѣленныхъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ образуется своего рода кладбище, въ которомъ хищныя звѣри оставляютъ большею частью только черепа покойниковъ. Комбинація этого обычая, въ основѣ котораго лежатъ требованiя культа, съ обычаемъ устраивать курганы, дала бы въ результатѣ то, что мы сейчасъ предположили относительно нашихъ кургановъ.

гребеніемъ (въ курганѣ), а потому своимъ объектомъ въ данномъ случаѣ могъ имѣть только черепъ. Разсматриваемую нами вариацию обряда масокъ нужно признать позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ потому, что вообще обрядъ масокъ естественнѣе всего могъ возродиться, какъ принадлежность трупосожженія, съ которымъ было связано превращеніе труповъ въ небольшую кучу углей: маска была здѣсь единственнымъ средствомъ защитить отъ пламени индивидуальность умершаго; затѣмъ и, вѣроятно, вскорѣ же обрядъ этотъ въ силу своихъ привлекательныхъ достоинствъ легко былъ перенятъ людьми, хоронившими въ курганѣ трупы умершихъ, а также и тѣми, которые хоронили въ курганѣ скелеты; въ послѣднемъ случаѣ обрядъ былъ извращенъ, вѣроятно, не столько вслѣдствіе предположенной нами причины — предварительнаго храненія мертвыхъ внѣ кургана, которую можно было бы считать побочной, сколько вслѣдствіе причины болѣе общей, играющей главную роль въ процессѣ дифференціаціи обрядовъ и обычаевъ, и заключающейся въ томъ, что одна, часто внѣшняя, сторона обряда принимается за самое содержаніе его или по ошибкѣ, или въ виду нѣкоторыхъ удобствъ подобнаго приѣма, сводящаго, въ концѣ концовъ, весь обрядъ нерѣдко къ одной символической формальности.

III. Трепанированные черепа.

Такъ какъ видъ трепанаціи, открытый въ курганѣ Соляного озера, производился исключительно на височной области черепа, то его можно было бы назвать видомъ „височной“ трепанаціи, въ отличіе отъ другихъ видовъ или формъ. собранныхъ и описанныхъ профессоромъ Дмитріемъ Николаевичемъ Анучинымъ¹⁾. Отверстіе, которое дѣлалось здѣсь, имѣло большею частью овально-четыреугольную форму, длинная ось отверстія направлена въ сторону лица и лежитъ почти горизонтально при обыкновенномъ положеніи черепа, — иначе говоря, эта ось почти всегда параллельна наибольшему продольному діаметру черепа; отверстіе лежитъ по возможности ниже и ближе къ ушному отверстию, гдѣ височная кость становится значительно толстой и крѣпкой, чѣмъ и опредѣляетъ нижнюю границу отверстія; величина отверстія на разныхъ черепахъ слѣдующая: длина (въ сантиметрахъ), 6,₈; 5,₀; 6,₈; 6,₅; 6,₀; 4,₂; — для отверстій на правой сторонѣ черепа; для лѣвой стороны эти величины меньше и равны 4,₀; 4,₀; 5,₀; 4,₀; 5,₀; кромѣ того есть черепъ (№ 155) съ однимъ отверстіемъ на лѣвой сторонѣ длиною — 7,8; ширина или вѣрнѣе высота отверстій для обѣихъ сторонъ равна 3,₈; 4,₈; 3,₀; 2,₈; 3,₈; 3,₈; 3,₈; 4,₀; 3,₈; 4,₂ и для черепа № 145 — 5,₈ сент.; вообще же говоря, отверстія эти величиною приблизительно съ куриное яйцо. Не всегда отверстіе захватывало лобную кость, но

¹⁾ „Амулетъ изъ кости человѣческаго черепа и трепанація череповъ въ древнія времена въ Россіи“. (Труды Виленскаго Археологическаго Съѣзда Г—I; стр. 286.)

всегда теменную, большею же частью оно лежитъ на височной кости, отнимая у ней почти всю чешую. Трепанованные черепа представлены на прилагаемыхъ при семъ снимкахъ (рис. 21—23). Трепанация производилась на разсматриваемыхъ чере-

Рис. 21.

Рис. 22.

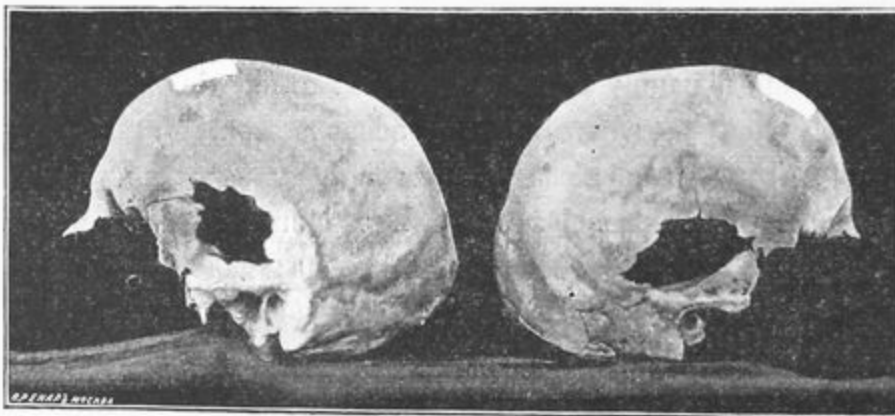

Рис. 23.

пахъ посредствомъ сильнаго остраго орудія, вѣроятно же всего, ножа довольно массивнаго: иногда нѣкоторыя части краевъ отверстія имѣютъ въ длину одного сантиметра сплошную какъ бы полированную поверхность; изрѣдка на такой поверхности удается

даже замѣтить, что костныя частицы слеглись въ одну сторону вдоль по краю отверстія и этимъ направленіемъ указываетъ на то, что ножъ рѣзалъ (а не пилил) кость, сохраняя къ ней перпендикулярное направленіе¹⁾; края отверстій въ нѣкоторыхъ частяхъ часто имѣютъ характеръ излома, который легко допустить, какъ вспомогательное средство къ дѣйствию рѣжущаго орудія.

Присматриваясь ближе и пристальнѣе къ краямъ отверстія, мы вынуждены предположить, что трепанация производилась *на свѣжемъ или довольно сыромъ черепѣ* съ невывѣтрившеюся костью; основаніемъ этому выводу служитъ не только указанный нами гладкій полированный край отверстія со слегшимися по его поверхности частями кости, но также и то обстоятельство, что верхняя граница отверстія обыкновенно проходитъ немного выше височнаго шва: еслибы черепъ былъ пролежавшимъ нѣкоторое время, сухимъ и обнаженнымъ отъ различныхъ покрововъ, и если цѣлью трепанации было вообще сдѣлать отверстіе или изъять чешую височной кости, то верхнимъ краемъ отверстія, его естественной границей, послужилъ бы височный шовъ, зарастающій въ глубокой старости и вообще легко раскрывающійся; наконецъ — трепанационныя отверстія, мало различаясь по величинѣ, значительно разнятся по своему топографическому положенію на черепѣ: въ одномъ случаѣ изъята вся височная чешуя, въ другомъ, — только передняя половина ея, а теменная и лобная кости задѣваются то значительно, то немного; чѣмъ же можно объяснить все это, какъ не тѣмъ, что ножъ трепанатора прокладывалъ себѣ дорогу на угадъ сквозь кожу и мышцы, которыми былъ покрытъ черепъ. Но здѣсь, какъ во всемъ, что касается хаотическаго культа населенія курганнаго царства, нужно сдѣлать добавленіе или исключеніе: на одномъ черепѣ височная чешуя вырѣзана цѣликомъ и такъ аккуратно, что верхней границей отверстія служитъ височный шовъ, лобная кость почти не задѣта, теменная затронута мало, и край ея, лежащій подъ верхнимъ краемъ височной чешуи, остался на нѣкоторомъ протяженіи не поврежденный; здѣсь приходится предположить не столько случайность, сколько трепанацию на сухомъ, оботлѣвшемъ черепѣ.

Если замѣченныя нами на черепахъ и приведенныя выше условія трепанации побуждаютъ насъ предположить, что трепанация въ большинствѣ случаевъ производилась *на голову*, а не на сухомъ черепѣ, то самъ собой является вопросъ, на живомъ ли человѣкѣ или на головѣ трупа производилась эта операція. Можно безъ колебаній утверждать, что эта операція была смертельной: ни на одномъ изъ трепанированныхъ череповъ не было замѣтно заростанія краевъ кости или какой-нибудь реакціи костнаго вещества; сама величина височнаго отверстія, большею частью лежащаго на обѣихъ сторонахъ черепа, говоритъ въ пользу того же мнѣнія; если бы разсматриваемый нами видъ трепанации былъ представленъ на одномъ или на двухъ черепахъ,

¹⁾ Допускать здѣсь дѣйствіе долота, а не ножа, вельзя; во-первыхъ потому, что слѣдовъ частичнаго выбиванія кости мы на черепахъ не нашли, и что долото не могло представить собою *рѣжущаго* орудія, и во-вторыхъ потому, что долото можетъ примѣняться только въ цѣляхъ осторожности, о которой въ нашемъ случаѣ не могло быть рѣчи, такъ какъ эта трепанация была если не посмертной, то навѣрное смертельной.

то тогда еще оставалось бы мѣсто для сомнѣнія, не образчикъ ли это неудачнаго приѣма трепанаціи надъ живымъ (съ лѣчебною цѣлью), но цѣлый рядъ дюжины череповъ исключаетъ подобное толкованіе.

Но признавать этотъ видъ трепанаціи „смертельнымъ“ и въ то же время допускать, что онъ производился надъ живыми, это значило бы признавать фактъ убиванія людей именно этимъ способомъ. Подобный случай кажется невѣроятнымъ, но все же слѣдуетъ сказать кое что и въ его пользу. Курганъ № 8 на Соляномъ озерѣ принадлежитъ къ группѣ „Чаатасъ“. Этимъ именемъ минусинскіе инородцы называютъ типичную группу кургановъ съ большими стоячими каменными плитами („ча-тасъ“ — на языкѣ минусинскихъ татаръ значитъ „камень войны“?); по словамъ А. В. Адриана группа ча-тасъ состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ кургановъ и одного большаго, главнаго, стоящаго особнякомъ; въ одномъ изъ такихъ главныхъ кургановъ и были найдены трепанированные черепа; главный курганъ „чаатаса“ бываетъ богаче по содержанію, чѣмъ побочные, но существуетъ ли коренная разница между ними во внутреннемъ устройствѣ или погребальныхъ обрядахъ, сказать пока трудно; уже одинъ внѣшній видъ группы „ча-тасъ“ указываетъ на то, что здѣсь происходило погребеніе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ; были ли это похороны вождя, аналогичныя скиѣскимъ, или похороны павшихъ на войнѣ, на что указываетъ неизвѣстнаго происхожденія названіе ихъ словомъ „чаатасъ“, — рѣшить пока невозможно; но если допустить любой изъ этихъ возможныхъ случаевъ, то фактъ убиванія людей при похоронахъ не можетъ быть невѣроятнымъ: въ первомъ случаѣ мы здѣсь видѣли бы примѣръ довольно распространеннаго въ древнія времена обычая со смертью вождя убивать его женъ, приближенныхъ и слугъ, во второмъ случаѣ мы увидѣли бы весьма возможное у древнихъ обитателей Минусинскаго округа явленіе — убиваніе военно-плѣнныхъ. Однако разсужденія въ этомъ направленіи лишены болѣе или менѣе твердой почвы. Поэтому мы оставимъ мысль, что трепанація производилась надъ живыми, и признаемъ ее видомъ „посмертной“ трепанаціи, т. - е. что ее совершали надъ мертвыми. Это послѣднее предположеніе окажется гораздо болѣе вѣроятнымъ: дѣло въ томъ, что среди трепанированныхъ череповъ нѣсколько штукъ оказалось обдѣланными глиною, такъ какъ это было описано въ отдѣлѣ о маскахъ, и три черепа (№ 151, 159, 169) поверхъ сохранившагося на нихъ кое-гдѣ слоя глины имѣли слѣды слоя гипса; *трепанированныхъ череповъ со слѣдами исключительно гипсовой маски не было*; такимъ образомъ оказывается, что трепанированные черепа служили *иногда* объектомъ обряда масокъ и при томъ не чистаго обряда, а его варіаціи, описаніе которой привело насъ къ тому выводу, что черепа, подвергавшіеся отдѣлкѣ глиняной маской, должны были предварительно потерять отъ процесса гніенія мускулы и другіе покровы. Нужно замѣтить, что насъ привело къ этому выводу наблюденіе свойствъ, представленныхъ только нѣсколькими, а не всѣми черепами; это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ для упрека въ неправильныхъ умозаключеніяхъ. Какъ теперь совмѣстить это обстоятельство и то, что трепанація производилась надъ черепомъ, еще покрытымъ мускулами и кожей? Самое простое и легкое для насъ рѣшеніе состояло бы въ томъ, что покойнику вскорѣ

послѣ его смерти прорѣзывали виски (трепанировали), затѣмъ оставляли гдѣ-нибудь ожидать времени погребенія въ курганѣ, въ которомъ впослѣдствіи и погребали его трепанированный и обдѣланный маскою черепъ. (Всѣ данныя, которыя заключаются въ наблюденіяхъ надъ черепами, всѣ частныя сообщенія, сдѣланныя изъ этихъ наблюденій, — словомъ все, что приводитъ меня къ только что высказанной мысли, изложены въ настоящемъ докладѣ по возможности полно, и потому то или другое предположеніе мое по вопросу болѣе глубокому, а иногда очень трудному, конечно, ни для кого не обязательно, — поэтому я позволяю себѣ нѣсколько продолжить разсужденіе на затронутую тему.) Для чего же, спрашивается, нужно было трепанировать голову умершаго? Вообще трепанация могла производиться или 1) съ цѣлью полученія амулета, или 2) съ цѣлью дать возможность духу умершаго выйти наружу, или 3) для того, чтобы удалить, вынуть мозги, что могло имѣть различныя цѣли. Мы остановимся на послѣднемъ пунктѣ; дѣйствительно, височная область представляетъ самую слабую сторону черепа и при желаніи удалить мозгъ, не повреждая особенно цѣлости головы, всякій избралъ бы именно эту область; два височныхъ отверстія необходимы для полной очистки полости черепа отъ мозга, и величина ихъ подходитъ для этой цѣли; мозгъ могли удалять или для того, чтобы принести его въ жертву богамъ, или вообще для какихъ-нибудь обрядовъ, вызываемыхъ культомъ, или же съ цѣлью дать возможность головѣ скорѣе превратиться въ скелетъ; послѣднее мнѣніе кажется довольно вѣроятнымъ: если трупъ до погребенія въ курганѣ лежалъ въ открытомъ полѣ и его объѣдали разныя животныя, какъ это мы видимъ на „кладбищахъ“ монголовъ, то черезъ нѣсколько недѣль онъ уже могъ превратиться въ чистый скелетъ, и только одинъ черепъ оставался надолго наполненнымъ гниющимъ веществомъ; если родственники умершаго имѣли въ виду похоронить кости его въ курганѣ, то они естественно могли натолкнуться на этотъ способъ подготовки трупа къ погребенію, а если они еще имѣли въ виду покрыть маскою его черепъ, то трепанация въ данномъ случаѣ, какъ средство очищенія черепа, становится еще болѣе вѣроятной. Какъ видно изъ описанія кургана Соляного озера, черепа были размѣщены въ немъ преимущественно по угламъ, иногда въ два ряда — одинъ на другомъ; схематическое изображеніе этого кургана напоминаетъ собою какую-то кладовую череповъ, другія кости лежатъ кучами или пластами, — эта картина еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что здѣсь погребены были не трупы, а скелеты, отъ которыхъ черепа отдѣлились сами собою еще внѣ кургана; лежавшій въ полѣ костякъ или черепъ былъ какъ бы лишенъ всякой заботы со стороны родственниковъ, когда же наступала пора погребенія въ курганѣ, это, можетъ быть, большое торжество и цѣлое событіе для племени, тогда черепамъ отдавались всѣ попеченія, на которыя были способны люди этого времени.

Здѣсь интересно еще одно обстоятельство, что среди 17 достаточно сохранившихся трепанированныхъ череповъ 12 принадлежали мужчинамъ, одинъ женскій и 4 сомнительныхъ; маски тоже почти всѣ принадлежали женщинамъ, если считать только тѣ маски, которыя можно было отнести къ извѣстнымъ черепамъ; въ курганѣ Тагарскаго острова изъ 8 или 10 масокъ двѣ были женскія.

Встрѣчаясь среди многочисленныхъ раскопанныхъ кургановъ Минусинскаго округа съ двумя выдѣляющимися своимъ оригинальнымъ содержаніемъ, задаешься вопросомъ, не представляетъ ли собою эта группа людей особаго племени, особаго антропологическаго типа среди древняго курганнаго населенія. Конечно, подобный вопросъ не можетъ трактоваться здѣсь хотя бы съ нѣкоторою обстоятельностью, но я все-таки позволю себѣ привести нѣсколько цифровыхъ данныхъ преимущественно для лицъ, интересующихъ и слѣдящихъ за крапіологической литературой ¹⁾.

Горизонтальная окружность (А) для череповъ изъ кургана № 8 Солянаго озера равна 522 (средніе для 19 чер.); для череповъ изъ кургановъ Тагарскаго острова А—515 (средн. для 31), для всѣхъ же остальныхъ Минусинскихъ кургановъ гориз. окружн. равна 519 (для 41 измѣренія). Рядовое расположеніе этой окружности по предѣламъ выразится въ слѣдующей таблицѣ:

Предѣлы.	470—480	481—490	491—500	501—510	511—520	521—530	531—540	541—550	Всѣхъ.
Кург. № 8 Сол. оз.....	—	—	3	—	5	6	3	2	19
Тагар. о-въ.....	2	3	2	4	6	12	1	1	31
Остальные.....	1	1	3	11	8	8	4	5	41
Всѣ.....	3	4	8	15	19	26	8	8	91

Черепной указатель $\left(\frac{Q}{L}\right)$ для 22 череповъ кургана № 8 Солянаго оз. будетъ равенъ въ среднемъ 73,62; для 27 череповъ Тагарскаго о-ва 75,₉₀ и для остальныхъ — 76,₃₁ (среднее для 41 измѣр.).

Въ рядовомъ расположеніи указатель представится такъ:

Предѣлы.	60, ₆₂	64, ₇₈	66—68, ₀₀	68, ₀₀ —70	70—72	72—74	74—76	76—78	78—80	80—82	82—84	84—86	86—88	88—90	90, ₅₅	Всѣхъ.
Сол. оз.	—	—	1	2	3	4	3	6	1	1	—	1	—	—	—	22
Тагар. о-въ	—	—	1	1	3	2	4	9	5	1	—	1	—	—	—	27
Остальные.....	1	1	1	—	6	8	5	6	4	3	3	—	2	—	1	41
Всѣ.....	1	1	3	3	12	14	12	21	10	5	3	2	2	—	1	90

¹⁾ Подробное изученіе всѣхъ курганныхъ череповъ Минусинскаго округа представитъ моя работа, которая будетъ издана Минусинскимъ мѣстнымъ Музеемъ.

Размѣры высотнаго указателя будутъ: 98,₉₀ для 14 чер. Солянаго озера; 91,₄₉ для 18 чер. Тагарскаго о-ва, и 95,₄₃ для 31 черепа изъ остальныхъ кургановъ; рядовое расположеніе высотнаго указателя будетъ:

	78, ₈₂	80, ₀₁ —82	82—84, ₀₀	84—86	86—88	88—90	90—92	92—94	94—96	96—98	98—100	100—102	102—104	104—106	106—108	108—110	110—112	112, ₄₉	Всѣхъ.
Сол. оз.	—	1	—	—	—	—	—	1	3	2	1	2	—	1	1	2	—	—	14
Таг. о-въ.....	—	—	—	—	—	1	2	2	4	4	1	2	—	1	—	1	—	—	18
Остальн.	1	—	—	1	3	3	2	5	2	2	6	1	1	2	—	1	—	1	31
Всѣ.....	1	2	—	1	3	4	4	8	9	8	8	5	1	4	—	4	—	1	63

Я оставляю эти данныя безъ соответственныхъ поясненій и разбора и укажу только на одну сторону ихъ, что черепа изъ кургана Солянаго озера по средней величинѣ черепнаго указателя представляютъ рѣзко выраженную долихоцефалію; такой длинноголовости не наблюдается ни у одного изъ многочисленныхъ преимущественно азіатскихъ народовъ, длинный списокъ которыхъ повторяется въ русской антропологической литературѣ. Слѣдовательно и въ антропологическомъ отношеніи, какъ и въ бытовомъ, Минусинскіе курганы представили намъ обособленный типъ народа.

Описанные въ настоящемъ сообщеніи обряды курганнаго населенія, а также его антропологическія особенности и характеристика, по скольку онѣ могутъ быть установлены посредствомъ изученія череповъ, пріобрѣтаютъ въ данномъ случаѣ еще большую цѣнность потому, что ихъ вѣроятно можно будетъ отнести къ опредѣленному народу, оставившему письменные памятники: по словамъ г. Адрианова руническія надписи Минусинскаго округа составляютъ почти исключительную принадлежность кургановъ группы „ча-тасъ“, и это обстоятельство имѣетъ величайшую важность, — оно даетъ не только возможность выдѣлить изъ кургановъ Минусинскаго округа тѣ, которые относятся къ древнему тюркскому народу, оставившему въ южной Сибири и въ Монголіи руническія надписи, но еще вѣроятно позволитъ на основаніи содержанія надписей объяснить многое неясное, что мы находимъ въ курганахъ и объясняемъ по своему. Матеріалъ же раскопокъ въ свою очередь можетъ быть раскрыть ту или другую загадку въ содержаніи руническихъ памятниковъ ¹⁾.

¹⁾ Руническая азбука впервые была установлена нѣсколько лѣтъ тому назадъ датскимъ ученымъ В. Томсеномъ, и отчасти академикомъ В. Радловымъ; послѣдній, какъ глубокой тюркологъ, переводить теперь руническія надписи и издаетъ ихъ подъ названіемъ: „Die alttürkische Inschriften“; руны оказались древнѣе уйгурскихъ памятниковъ письменности. Исторію открытія рунъ, распространенности ихъ и въкоторыя другія свѣдѣнія можно найти въ брошюрѣ г. Клеменца: „Сѣверо-азіатскія руническія письмена и чтеніе ихъ“. Иркутскъ, 1895 г.

Но будетъ ли часть матеріала раскопокъ приурочена къ народу руническихъ надписей, разборъ которыхъ составляетъ великое событіе и злобу дня доисторической археологии, или нѣтъ, — во всякомъ случѣ богатыя коллекціи предметовъ и череповъ изъ Минусинскихъ кургановъ и нѣкоторыя бытовья черты, скрывавшіяся подъ курганной насыпью, даютъ цѣнный матеріалъ для этнологіи населенія бронзового вѣка въ Минусинскомъ округѣ. Это населеніе значительно интересуется насъ потому, что оно оставило послѣ себя слѣды довольно высокой культуры, и можно прибавить — культуры болѣе или менѣе оригинальной, обособленной: свѣдѣнія о курганахъ, раскопанныхъ въ другихъ областяхъ Азіатской Россіи, позволяютъ выдѣлить Минусинскій округъ въ курганный районъ особаго типа, и нѣкоторая замкнутость минусинской территоріи очевидно способствовала процвѣтанію культуры, которая является можетъ быть самымъ лучшимъ образчикомъ для обширнаго курганнаго пространства Азіи. На замкнутость Минусинскаго округа, особенно въ древнѣйшее время, указываетъ авторъ „Каталога Томскаго Археологическаго Музея“ В. М. Ф.; находя для этого округа въ древнія времена только два трудныхъ пути сообщенія съ окружающими пространствами Сибири и Монголіи, онъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ каталогу говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Нынѣшній Минусинскій округъ, столь изобилующій археологическими памятниками и находками представлялъ, особый центръ древняго курганнаго царства... По характеру и изяществу бронзовыхъ издѣлій минусинскія древности стоятъ выше Зап.-Сибирскихъ, хотя имѣютъ много общихъ типовъ...“ Эти строки были написаны лѣтъ 14 тому назадъ, и послѣдовавшія раскопки отчасти подтвердили мнѣніе автора, — описанные обряды погребенія, какъ гипсовые маски и трепанация череповъ, составляющіе пока исключительную принадлежность Минусинскихъ кургановъ, на ряду съ другими сложными обрядами погребенія, говорятъ въ пользу самобытности и дѣйствительной оригинальности культуры, развернувшейся когда-то на почвѣ благодатнаго Минусинскаго края какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы, оставивъ намъ нѣмыхъ свидѣтелей своихъ, безслѣдно исчезнуть въ водоворотѣ доисторическаго теченія жизни. Но однихъ свидѣтелей ученые теперь уже заставили говорить, у другихъ они читаютъ въ глазахъ отраженіе былой жизни, и близко то время, когда древнее курганное царство будетъ покорено, завоевано наукою; въ началѣ списка лицъ, ведущихъ эту наступательную войну, стоятъ имена Александра Васильевича Адрианова, упорно добывающаго драгоценныя матеріалы, и Николая Михайловича Мартянова, создавшаго и одухотворяющаго своею личностью славный Минусинскій Музей; труды ихъ на пользу мѣстной археологии не могутъ не вызвать чувства полнаго уваженія и благодарности.

О поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи.

Фонъ-Штернъ.

Совѣтъ X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ постановилъ въ засѣданіи своемъ 15 августа принять предложеніе профессора фонъ - Штерна Съѣзду — выработать циркулярное сообщеніе о поддѣлкѣ классическихъ древностей на югѣ Россіи для распространенія его во всѣхъ специальныхъ органахъ и общихъ журналахъ и поручить Императорскому Московскому Археологическому Обществу составленіе подобнаго циркуляра.

Это рѣшеніе совѣта Съѣзда вызвано было двоякаго рода соображеніями. Съ одной стороны Археологическій Съѣздъ не могъ не обратить вниманія на крайнее неотрадное явленіе, что фальсификація предметовъ классической древности приняла на югѣ Россіи въ послѣднее время весьма значительные размѣры. Между тѣмъ какъ еще лѣтъ 10—15 тому назадъ поддѣлки керченскихъ и ольвійскихъ древностей попадались довольно рѣдко, въ отдѣльныхъ экземплярахъ неважной работы, онѣ теперь, производимыя въ большемъ количествѣ, переполняютъ рынокъ и отличаются притомъ нерѣдко такимъ мастерствомъ въ отдѣлкѣ и въ концепціи, что ими уже введены были въ заблужденіе серьезные ученые и опытные коллекціонеры. Достаточно вспомнить о мнимыхъ обогащеніяхъ многихъ изъ нашихъ русскихъ собраній и о приобрѣтеніи якобы ольвійскихъ золотыхъ вещей въ Краковѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Парижѣ, достаточно упомянуть о томъ, что маститый Эрнстъ Курціусъ призналъ золотую корону изъ коллекціи одного Николаевского собирателя настоящей древностью и что французскіе ученые съ жаромъ защищаютъ подлинность купленной для Лувра тиари Сантафарна, — чтобы убѣдиться въ томъ, что вопросъ о поддѣлкѣ южно-русскихъ древностей является въ настоящее время въ высшей степени жгучимъ и своевременнымъ для археологіи. Съ другой стороны совѣтъ Съѣзда, по обсужденію мѣръ, принимаемыхъ для прекращенія или по крайней мѣрѣ ограниченія дѣятельности поддѣльвателей, дошелъ до убѣжденія, что для него, какъ и для Археологическихъ Обществъ остается только одно средство, чтобы успѣшно бороться съ этимъ зломъ, а именно, придавать поддѣлкамъ фальсификаторовъ какъ можно болѣе широкой гласности и этимъ предостерегать публику отъ покупки поддѣлокъ.

Во исполненіе даннаго ему порученія Императорское Московское Археологическое Общество сдѣлавъ необходимыя сообщенія въ спеціальныя археологическія органы, считаетъ нелишнимъ помѣстить статью проф. Штерна и въ Трудахъ Съѣзда.

Дѣятельность фальсификаторовъ весьма разнообразна и простирается на всѣ группы предметовъ, которыми интересуются археологи и собиратели: поддѣлываются монеты, росписныя вазы, терракотты, надписи и преимущественно золотыя вещи. Смотри по опытности, образованію и художественному вкусу поддѣлывателей, фальсификаты предметовъ только что перечисленныхъ категоріей бываютъ весьма различнаго достоинства: рядомъ съ весьма грубыми и наивными по технику и концепціи работами встрѣчаются мастерски скомпанованныя и исполненныя поддѣлки, заслуживающія серьезнаго вниманія специалистовъ. Смотри дальше по болѣе или менѣе выгоднымъ условіямъ фабрикаціи и по спросу публики, фальсификаторы явно предпочитаютъ поддѣлываніе предметовъ (лишь) нѣкоторыхъ изъ названныхъ группъ, между тѣмъ какъ относительно другихъ ограничиваются лишь единичными попытками.

Въ виду этого въ настоящемъ сообщеніи не можетъ быть посвящено одинаковое вниманіе всѣмъ перечисленнымъ категоріямъ поводѣловъ. Предлагаемый здѣсь опытъ имѣеть лишь цѣлью, съ оставленіемъ всякихъ деталей, въ самыхъ крупныхъ чертахъ отмѣтить важнѣйшія особенности главныхъ продуктовъ преступнаго промысла и представить бѣглую характеристику какъ общей дѣятельности фальсификаторовъ такъ и своеобразныхъ (ихъ) приѣмовъ сбыта сфабрикованнаго ими товара.

1) Что касается поддѣлки монетъ греческихъ колоній черноморскаго побережья и босфорскаго царства, то можно здѣсь ограничиться немногими замѣчаніями. Дѣйствительно хорошихъ поддѣлокъ этихъ монетъ существуетъ вообще сравнительно немного, и лучшіе экземпляры, напр. монетъ босфорскихъ царей, сдѣланы за-границей, а не у насъ. Правда, лѣтъ 10—15 тому назадъ нашелся въ Керчи художникъ, поддѣлывавшій съ большимъ усердіемъ и умѣньемъ преимущественно серебряныя автономныя монеты Пантикапей. Но эти такъ называемыя „Сазоновскія“ монеты, которыя весьма тщательно были отчеканены, часто на древнемъ серебрѣ, и такъ художественно сработаны, что только нѣкоторая сухость рѣзца можетъ служить наиболѣе характернымъ признакомъ ихъ поддѣльности, теперь весьма рѣдко попадаются въ продажѣ. Тоже самое можно сказать о хорошо выполненныхъ мѣдныхъ Керкимишскихъ монетахъ, когда-то сфабрикованныхъ въ Евпаторіи; и ихъ образчики не замѣчаются болѣе въ обращеніи.

Работающая въ настоящее время съ такимъ успѣхомъ шайка фальсификаторовъ, — которую для краткости позволимъ себѣ по мѣстожительству двухъ дѣятельныхъ распространителей ея продуктовъ назвать Очаковской, — только одинъ разъ пробовала свои силы на поддѣлкѣ монеты, избравъ для этой цѣли съ большой ловкостью самый цѣнный, единственно извѣстный ольвійскій золотой статеръ. Недурная концепція рисунка и разныя детали, прибавленныя должно быть для увеличенія интереса, показываютъ, что шайка воспользовалась услугами человека, хорошо изучившаго монетное дѣло Ольвіи, но исполненіе работы оставляетъ въ техническомъ отношеніи пожелать многого. Не лучше удалась попытка отчеканить тѣмъ-же

штемпелемъ серебряныя монеты; тѣмъ не менѣе мошенники достигли своей цѣли: монеты эти нашли покупателей. Большинство же распространенныхъ у насъ поддѣльныхъ монетъ такъ грубо отлито, что едва-ли ими могутъ быть введены въ заблужденіе настоящіе нумизматы. Большое количество однако этихъ часто на рынкѣ попадающихся монетъ показываетъ, что существуетъ спросъ на нихъ; ихъ дешевизна повидимому часто соблазняетъ неопытныхъ коллекціонеровъ и любителей. Недавно еще полиціей открыта была въ домѣ тарутинскаго мужика цѣлая фабрика для изготовленія подобныхъ монетъ.

2) Также суммарно, какъ о поддѣлкѣ монетъ, можно было бы трактовать о современной фабрикаціи росписныхъ вазъ, еслибъ вопросъ о ней усложнялся въ самое послѣднее время. Если оставить въ сторонѣ тѣ частые случаи, что изъ ловко подобранныхъ обдѣланныхъ и дополненныхъ древнихъ черепковъ находимыхъ въ различное время и различныхъ мѣстахъ, составляются цѣльные сосуды, искусственно потомъ подмазанные и прикрашенные, — то въ области дѣйствительной поддѣлки до сихъ поръ возможно было различать въ общемъ два главныхъ типа. Къ одному принадлежатъ маленькіе чернолаковые арибаллы, лекины, чаши и кувшинчики, въ большинствѣ случаевъ украшенные женскими головами или грифонами. Эти краснофигурныя изображенія отличаются плохо сдѣланными контурами и обнаруживаютъ нерѣшительную, какъ бы дѣтскую руку керамиста. Въмѣсто трудно подражаемаго античнаго лака, эти сосуды притомъ покрыты какимъ-то грубымъ фирнисомъ, а иногда прямо черной масляной краской. Ко второму типу относятся сосуды съ рельефными украшениями и изображеніями. На одноцвѣтныя, чернолаковыя, новыя, или, часто даже древнія, вазы налѣпливаются, для увеличенія ихъ цѣнности, разныя рельефныя украшения и фигуры, скомпаванныя иногда въ цѣлыя сценки. Прибавленіемъ богатой позолоты и вазной росписи этимъ продуктамъ придается довольно изящный на первый взглядъ видъ. Какъ на поучительные образчики подобной работы укажемъ на вазу въ коллекціи одного николаевского любителя и на амфору, находящуюся у одного одесскаго торговца древностями; послѣдняя представляетъ собою подраженіе знаменитой С.-Петербургской вазѣ съ изображеніемъ спора между Аѳиной и Посидономъ. При нѣкоторомъ вниманіи не трудно убѣдиться въ поддѣльности подобныхъ рельефныхъ сосудовъ. Грубое, совсѣмъ не античное исполненіе этихъ фигуръ выдаетъ неопытность современной руки. Въ самое послѣднее время и Очаковская шайка взялась за изготовленіе росписныхъ вазъ, преимущественно древне-греческихъ гидрей. Съ технической стороны всѣ эти появившіеся въ послѣднемъ мѣсяцѣ на южно-русскомъ рынкѣ древностей сосуды сработаны безупречно. Они сдѣланы изъ хорошей, сильно обожженной глины и покрыты лакомъ и росписаны изображеніями до второго обжиганія, такъ что лакъ не стирается спиртомъ. Задняя сторона всѣхъ этихъ гидрей украшена одной громадной пальметтой, и на всѣхъ изображена большая женская голова съ остроконечнымъ головнымъ уборомъ; образцомъ для этой пальметты, женской головы и самой формы сосуда служила повидимому хранящаяся въ Одесскомъ Музеѣ южно-итальянская гидрея изъ коллекціи графа Воронцова. Поддѣльватели однако не довольствовались простымъ

копированіемъ этого образца, а по своему обыкновению, старались прибавленіемъ завятныхъ по ихъ мнѣнію украшеній увеличить цѣнность предмета. Противъ всякой античной практики они всю площадь сосуда покрыли фигурными изображеніями, не обращая притомъ надлежащаго вниманія на различіе стилей вазовыхъ рисунковъ различныхъ эпохъ. Это смѣшеніе стилей — (рядомъ съ сравнительно поздними женскими головами встрѣчаются фигуры въ характерѣ работы V вѣка) служитъ лучшимъ доказательствомъ дерзкой поддѣлки.

3. Въ большемъ количествѣ, чѣмъ росписныя вазы новѣйшей фабрикаціи, встрѣчаются въ обращеніи у торговцевъ древностями, въ коллекціяхъ частныхъ собирателей и въ музеяхъ ученыхъ обществъ поддѣльныя терракоты. Мѣстомъ ихъ производства является Керчь, — ихъ фабрикантами мелкіе торговцы или простые „счастливики“, относительно которыхъ едва ли можно предполагать, чтобы они отличались утонченнымъ художественнымъ вкусомъ и хорошимъ техническимъ умѣньемъ.

Если ихъ продукты тѣмъ не менѣе распространены въ значительной массѣ, то это объясняется слѣдующими обстоятельствами. Во-первыхъ, извѣстно, что раскопанныя на югѣ Россіи терракоты бываютъ весьма различнаго достоинства: рядомъ съ фигурами, которыя по красотѣ и изящности могутъ поспорить съ настоящими та-нагрскими, встрѣчаются весьма грубыя неискусныя варварскія подражанія греческимъ образцамъ. Итакъ, довольно часто можетъ показаться сомнительнымъ, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ такимъ варварскимъ подражаніемъ или съ новѣйшей поддѣлкой. Какъ на главный признакъ различія можно указать, что при первыхъ замѣчается, несмотря на всю грубость исполненія, извѣстная творческая свѣжесть и, наивность концепціи, между тѣмъ какъ новѣйшія поддѣлки, въ общемъ, отличаются какой-то безхарактерной гладкостью и осторожностью въ проведеніи контурныхъ линій. Во-вторыхъ же способствуютъ сбыту сработанныхъ и по лучшимъ греческимъ образцамъ терракотъ, своеобразныя манипуляціи фабрикантовъ и торговцевъ.

Зная хорошо, что ихъ поддѣлки не могутъ достигать ни легкости вѣса, ни равномерности обжига настоящихъ терракотъ и въ виду этого желая замаскировать эти недостатки и придать имъ вполне древній видъ, они часто разбиваютъ только что сфабрикованныя статуетки и посуду въ формѣ звѣриныхъ или человѣческихъ тѣлъ на мелкіе куски, склеиваютъ ихъ потомъ, вставляютъ еще хуже обожженные обломки, подкрашиваютъ ихъ разными составами, замазываютъ ихъ известью и въ такомъ „реставрированномъ видѣ“ выпускаютъ въ продажу. Такъ какъ въ такой предлагаемой для покупки коллекціи находятъ всегда для отвода глазъ нѣсколько настоящихъ древностей, то торговцы весьма часто достигаютъ своей цѣли, и только впоследствии при продолжительномъ разсмотрѣніи пріобрѣтенныхъ фигуръ и сравнительномъ анализѣ ихъ стиля возникаютъ сомнѣнія въ ихъ подлинности. Фальсификаторы впрочемъ не за-даются цѣлью создавать новые типы или придумывать весьма мудренныя и рѣдкія формы для своихъ элаборатовъ; они ограничиваются главнымъ образомъ воспроизведеніемъ уже извѣстныхъ образцовъ и предпочитаютъ особенно маски, гротески и статуетки одѣтыхъ женскихъ фигуръ. Если имѣть сообщенныя здѣсь указанія въ виду, то

путемъ сравнительно-стилистическаго анализа, и внимательнаго техническаго изученія данныхъ фигуръ въ большинствѣ случаевъ удастся дойти въ вопросѣ о подлинности или поддѣльности до прочныхъ результатовъ.

4) Опаснѣе въ научномъ отношеніи, чѣмъ эта фабрикація терракотъ, является поддѣлываніе надписей. Отсылая читателей за подробностями къ статьямъ В. В. Латышева и Д. Р. фонъ-Штерна, посвященнымъ вопросу о поддѣлкѣ надписей на югѣ Россіи, ограничимся здѣсь немногими замѣчаніями. За малочисленными исключеніями, вся фабрикація надписей сосредоточена въ рукахъ очаковской шайки поддѣлывателей. Первыя ихъ попытки были сравнительно невелики: на свинцовыхъ и аспидныхъ дощечкахъ, а затѣмъ и на маленькихъ плиткахъ итальянскаго мрамора вырѣзывались въ пестрой смѣси всевозможныя монограммы, бессмысленныя лигатуры и греческія буквы различныхъ періодовъ, рѣдко сочетаемыя въ правильные слоги. Если-бъ не удалось какому-то ловкому члену этой шайки во время раскопки могилы, произведенной въ присутствіи одного извѣстнаго южно-русскаго коллекціонера, подсунуть незамѣтнымъ образомъ такую плитку подъ голову скелета, то едвали эти загадочныя надписи, изготовленныя въ изрядномъ количествѣ, такъ долго волновали бы умы ученыхъ; неожиданность или появленія и ловкія манипуляціи продавцовъ объясняютъ первоначальную удачу обмана. Съ начала девяностыхъ годовъ Очаковское товарищество упрочило за собою содѣйствіе болѣе опытныхъ эпиграфистовъ. Въ элорабатахъ главнаго ихъ сотрудника замѣчается послѣдовательный и быстрый прогрессъ, такъ что на первыхъ порахъ плоды его фантазіи должны были считаться и считались интересными и важными историческими документами. На древнихъ мраморныхъ плитахъ, приобрѣтенныхъ въ Керчи и Ольвіи, весьма тщательно вырѣзывались длинныя, связныя греческія тексты. Характеръ разъ избраннаго шрифта строго выдержанъ, и съ большимъ умѣньемъ всякій разъ примѣненъ подходящий къ періоду описываемыхъ событій шрифтъ; въ эпиграфическомъ отношеніи надписи почти безукоризненны. Конечно попадающіяся въ нихъ странности и ошибки должны были поражать специалистовъ, но такъ какъ и настоящія ольвійскія надписи не безгрѣшны, то нельзя было на одномъ этомъ основывать окончательный приговоръ. Только съ увеличеніемъ матеріала дана была возможность сравнительнаго изученія, которое въ вопросѣ о подложности повело къ прочнымъ результатамъ. Оказывается, что эти надписи представляютъ собой композиціи на заимствованные мотивы; онѣ состоятъ по большей части изъ фразъ, взятыхъ изъ различныхъ настоящихъ надписей, но такъ умѣло склеенныхъ, что получается связный и интересный текстъ. Ихъ авторъ знакомъ хорошо съ эпиграфической литературой, и имѣетъ порядочныя свѣдѣнія въ области древней исторіи и топографіи нашего Черноморскаго побережья — но онъ успѣлъ позабыть школьную грамматику греческаго языка. Вѣрное образованіе падежей, сочетаніе ихъ съ предлогами и управленіе падежей въ зависимости отъ глаголовъ составляютъ для него характерный камень преткновенія.

По весьма понятнымъ причинамъ въ послѣдніе два года поддѣльныя надписи на южно-русскомъ рынкѣ древностей не появлялись больше. Очаковская шайка однако не прекратила своей дѣятельности, она напротивъ продолжала ее въ широкихъ раз-

мѣрахъ, но сосредоточила ее главнымъ образомъ на болѣе выгодной для нея поддѣлкѣ золотыхъ вещей, конечно и раньше уже практиковавшейся.

5) Определить съ точностью годъ или даже десятилѣтіе, когда на югѣ Россіи приступили къ поддѣлыванію античныхъ золотыхъ вещей, едва ли возможно. Слѣдуетъ ограничиться общимъ замѣчаніемъ, что въ тѣхъ коллекціяхъ древнихъ золотыхъ вещей, которыя составлены были до восьмидесятихъ годовъ, встрѣчается сравнительно мало фальсификацій, и что первыя поддѣльныя золотыя вещи сработаны въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ.

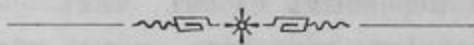
Съ восьмидесятихъ годовъ поддѣлки уже чаще попадаютъ на рынокъ древностей и съ тѣхъ поръ фабрикація ихъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Къ начальному періоду этого усиленнаго производства относится серія вещей, пожертвованныхъ Одесскому Музею однимъ извѣстнымъ археологомъ и любителемъ. Въ числѣ этихъ предметовъ обращаетъ на себя вниманіе золотая пластинка, на которой плоскимъ рельефомъ изображена мѣологическая сценка, скомпанная изъ двухъ довольно распространенныхъ мотивовъ. Точно такая же пластинка находится въ Петербургѣ, въ частномъ собраніи, и третья, немного иной формы, но украшенная тѣмъ же, одинакимъ образомъ вычеканеннымъ изображеніемъ, недавно была приобрѣтена въ Екатеринославѣ однимъ одесскимъ торговцемъ древностей. Мы остановились на этой сравнительно немаловажной серіи, потому что она является типичной въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ мѣстомъ ихъ мнимаго находенія называется Ольвія. Тоже самое повторяется при всѣхъ дальнѣйшихъ фальсификаціяхъ — и это не случайное обстоятельство. Помимо тѣхъ, что главные распространители этихъ поддѣлокъ живутъ въ Очаковѣ, верстахъ въ тридцати отъ древней Ольвіи, именно при нынѣ существующихъ условіяхъ сообщенія и культуры, которыя почти исключаютъ возможности справокъ и разслѣдованій на мѣстѣ, удобнѣе всего приписывать находки подобныхъ предметовъ этой древне-греческой колоніи. Во-вторыхъ, какъ упомянутая бляшка изготовлена была въ трехъ экземплярахъ, такъ вообще характерно для элаторатовъ очаковской шайки, что они распространены въ нѣсколькихъ, только иногда слегка измѣненныхъ изданіяхъ. Такъ напр. пущены въ оборотъ 2 одинаковыхъ коробочки (въ Одесск. Музеѣ), 2 золотыхъ короны въ видѣ гладкаго обруча съ тисненными узорами и пальметтами (одна въ Севастополѣ, другая во владѣніи торговца), 2 почти одинаковыхъ золотыхъ маски (въ Франкфуртѣ и Краковѣ), 2 пары золотыхъ сандалій (въ Краковѣ и въ коллекціи извѣстнаго русскаго археолога), 2 пары серегъ въ формѣ дельфина (въ Николаевѣ и Одессѣ), нѣсколько одинаковыхъ амфорчиковъ, браслетовъ и т. д. и т. д.

Перечислять и описывать всю массу извѣстныхъ до сихъ поръ поддѣлокъ и распространяться о своеобразныхъ приѣмахъ ихъ сбыта, значило бы слишкомъ расширить рамки настоящаго сообщенія; отсылая читателей за подробностями къ статьямъ А. Л. Бертье-Делагарди и Э. Р. фонъ-Штерна, ограничимся здѣсь общимъ указаніемъ наиболѣе характерныхъ чертъ всей этой фабрикаціи поддѣльныхъ золотыхъ вещей. Прежде всего надо сказать, что и въ этой отрасли преступной дѣятельности очаковской шайки замѣчается быстрый прогрессъ. Разница въ смыслѣ усовершенствован-

нія техники и художественной конценціи между первыми ея работами и короной въ Николаевѣ или статуеткой крылатой Ники и франкфуртскимъ ожерельемъ не меньше, чѣмъ между этими послѣдними элаборатами и „ольвійскими“ сокровищами въ Луврѣ. Въ техническомъ отношеніи всѣ болѣе замѣчательные продукты этой фабрики сработаны весьма тщательно; между тѣмъ какъ при первыхъ издѣліяхъ припайка скани, зерна и филиграна отличается болѣе блѣднымъ цвѣтомъ, впоследствии въ этомъ отношеніи работа золотыхъ дѣлъ мастера стала безукоризненной: припайку ни по цвѣту, ни по виду отличить невозможно. Характерно для этихъ фальсификацій, что ихъ мастеръ старается употреблять какъ можно больше излишняго матеріала. Почти во всѣхъ поддѣльныхъ ожерельяхъ и во многихъ серьгахъ встрѣчаются такія античныя частички, — золотыя бусы, подвѣски разныхъ формъ, медальоны, — которыя такъ часто вводятъ въ заблужденіе покупателей; кромѣ того охотно имъ вставляются подлинныя стеклышки, алмадины и другіе древніе камни, столь легко и обильно добываемые въ Керчи отъ разныхъ пронизей и перстней. Въ этомъ отношеніи фабриканты даже слишкомъ далеко заходятъ; такъ напр., изобиліе дешевыхъ стеклянныхъ подвѣсокъ при ожерельѣ въ Луврѣ и вставленныя стеклышки въ корону изъ коллекціи Николаевского любителя между прочимъ уже могутъ служить признакомъ поддѣльности этихъ вещей. Дальше замѣчательно, что большая часть поддѣлокъ, въ подражаніе подлиннымъ вещамъ извѣстнаго періода, покрыта красною патиною. Но эта патина положена болѣе толстымъ и неровнымъ слоемъ, чѣмъ она бываетъ на настоящихъ вещахъ, и притомъ легко совсѣмъ стирается, между тѣмъ какъ она на древнемъ золотѣ, хотя и также непрочна, однако мѣстами крѣпко держится, какъ бы впилаясь въ самый металлъ. Потомъ заслуживаетъ вниманія, что всѣ болѣе крупныя предметы очаковской фабрики изукрашены для увеличенія интереса надписями. Одинъ разъ одна и та же надпись встрѣчается на двухъ предметахъ — на коронѣ въ Николаевѣ и на золотомъ блюдѣ въ Херсонѣ; въ общемъ для каждой вещи сдѣланы и соотвѣтствующія ея назначенію надписи. Какъ доказываютъ ихъ характерныя особенности, — невѣрное образованіе падежей, ошибки противъ правилъ согласованія, напр. на маскахъ въ Краковѣ и Франкфуртѣ, на коронѣ въ Николаевѣ и т. д. — онѣ составлены тѣмъ же авторомъ, который является сочинителемъ наилучшихъ поддѣльныхъ надписей на мраморѣ. Что касается наконецъ художественной конценціи и умѣнья фальсификатора, то можно сказать, что изготовленныя имъ изобрѣтенія и рисунки тѣмъ лучше, чѣмъ ближе онъ придерживается античныхъ образцовъ. Правда и въ такомъ случаѣ иногда дѣло не обходится безъ недоразумѣній. Копія аттического вазоваго рисунка изъ „Denkmaler Baumeister'a“ на діадемѣ въ Николаевѣ или голова горгоны на коронѣ изъ той же коллекціи могутъ служить краснорѣчивыми примѣрами въ этомъ отношеніи. Но въ общемъ эта композиція на заимствованные мотивы нарисована и исполнена весьма недурно; но какъ только фальсификаторъ довѣряетъ своимъ собственнымъ силамъ и преподноситъ плоды своей фантазіи, античный характеръ и стиль не выдержаны и допущены всевозможныя странности и промахи. Въ тѣсной связи съ этимъ находится, что фальсификаторъ имѣетъ довольно слабое представленіе о стилѣ искусства опредѣленнаго періода.

Прямымъ слѣдствіемъ этого недостатка является, что онъ даже на самомъ удачномъ своемъ произведеніи — тиарѣ Сентафарна — не сумѣлъ избѣжать изображенія стилистически не соединимыхъ орнаментовъ и типовъ.

Изъ представленныхъ здѣсь суммарныхъ наблюденій можно вывести заключеніе, что главой и душой Очаковской шайки является человекъ съ нѣкоторымъ образованіемъ. Онъ обладаетъ несомнѣнными свѣдѣніями въ области археологии, добытыми можетъ быть путемъ собиранія южно-русскихъ древностей; въ его распоряженіи находится и порядочная библіотека; сочиненія Бурачкова, сборникъ Латышева, древности Толстаго и Кондакова, изданія Археол. Комиссіи, „Denkmäler Baumeister'a“, „Bilderatlas zur Weltgeschichte“ Wiener'a (Taf. 17—23) и т. д. служатъ его настольными книгами. Но его познанія въ области теоріи искусствъ и исторіи стилей слабы и школьную грамматику греческаго языка онъ успѣлъ позабыть. Придерживаясь рамокъ циркулярнаго сообщенія, мы должны были ограничиться этими общими указаніями и намеками; надѣмся, что и ихъ достаточно, чтобы заставить любителей и коллекціонеровъ быть осторожными и обратить должное вниманіе на поддѣлку классическихъ древностей на югѣ Россіи. Только при такомъ вниманіи и достижимо ограниченіе преступной дѣятельности фальсификаторовъ.

Къ вопросу о происхожденіи имени „Русь“.

Ю. Якубовъ.

Въ обширной научной литературѣ о началѣ Русскаго государства вопросъ о происхожденіи имени „Русь“ занимаетъ, какъ извѣстно, довольно видное мѣсто и рѣшался разными учеными различнымъ образомъ, въ тѣсной связи съ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ самаго главнаго вопроса. Имя это производили отъ названія приморской области въ Швеціи Roslagen (Шлецеръ, Розенкампфъ, Карамзинъ, Погодинъ и др.), отъ области при Ботническомъ заливѣ Ryssaland (Бутковъ), отъ области Rossengau (Крузе), отъ области Рустрингги (Гольманъ) ¹⁾ и т. д. Проф. Будилевичъ въ сообщеніи, сдѣланномъ на VIII археологическомъ съѣздѣ, производилъ названіе „Русь“ отъ готской области Росъ-Готаландія. Наконецъ Д. П. Иловайскій, совершенно отвергающій лѣтописное извѣстіе о призваніи князей, ставитъ имя „Русь“ въ связь съ названіями рѣкъ „Росъ“ и „Русъ“ и съ названіемъ упоминаемаго у древнихъ писателей народа Роксаланъ ²⁾.

Между учеными, признающими въ общемъ достовѣрность извѣстія нашей начальной лѣтописи объ основаніи Русскаго государства, за послѣднее время, можно сказать, утвердилось мнѣніе, по которому, во-первыхъ, имя „Русь“ ставится въ связь съ финскимъ словомъ Ruotsi (у Эстовъ Rootsi), употребляемомъ у нынѣшнихъ Финновъ (западныхъ) для обозначенія Швеціи и Шведовъ, и, во-вторыхъ, самое финское названіе производится отъ общины гребцовъ gods-män, gods karlar, жившихъ на шведскомъ берегу Балтійскаго моря, въ области Рослагенъ (Roslagen, Rodslagen) и предпринимавшихъ походы на восточный берегъ Балтійскаго моря, въ земли, населенныя Финнами и Славянами.

Первая половина этого мнѣнія, особенно подробно развитая послѣ академика Куника ³⁾ въ новѣйшее время датскимъ ученымъ Томсенемъ ⁴⁾, едва ли можетъ возбуждать сомнѣнія, если только вообще признавать достовѣрность извѣстія о при-

¹⁾ Шлецеръ, „Несторъ“ въ русск. переводѣ Языкова, ч. I, стр. 137; Розенкампфъ, „Обозрѣніе Кормчей Книги“, стр. 248 и слѣд. Погодинъ, „Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи“, т. II, стр. 142 и слѣд.

²⁾ Д. Иловайскій, „Разысканія о началѣ Руси“, стр. 66—74.

³⁾ Въ сочиненіи „Die Beaufung der Sshvedischen Rodsen durch Finen und Slaven“, 1841—1845.

⁴⁾ См. его сочиненіе „Ryska rikets grundläggning“ („Основаніе русскаго государства“), Stockholm, 1882.

пломъ заморскомъ племени Русь. Заимствованіе имени „Русь“ Славянами у западныхъ Финновъ представляется, въ такомъ случаѣ, правдоподобнымъ и естественнымъ, такъ какъ несомнѣнно, что западные Финны раньше восточныхъ Славянъ поселились у береговъ Балтійскаго моря и вошли въ сношенія съ Норманнами. Особенно убѣдительно подтверждается это наблюденіями финнологовъ надъ составомъ западно-финскихъ нарѣчій и вліяніемъ на эти нарѣчія со стороны другихъ языковъ. Оказывается, что вліяніе древне-скандинавскаго языка на языкъ западныхъ Финновъ было раньше вліянія славянскаго языка и началось въ то время, когда западные Финны еще жили вмѣстѣ, т.-е. не успѣли раздѣлиться на отдѣльные племена¹⁾; слѣдовательно Финны раньше Славянъ узнали Норманновъ, путешествія которыхъ къ восточнымъ берегамъ Балтійскаго моря и въ нынѣшнюю Россію начались задолго до основанія Русскаго государства.

Но чтò касается второй половины вышеприведеннаго мнѣнія — по вопросу о производствѣ самого финскаго слова Ruotsi, то трудно удовлетворится тѣмъ рѣшеніемъ, какое предлагаетъ Томсенъ, а вслѣдъ за нимъ и многіе другіе современные ученые. Трудно допустить, справедливо замѣчаетъ и академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, чтобы названіе народа могло происходить отъ общины гребцовъ. „Еще неизвѣстно, прибавляетъ онъ, точно ли финское слово не имѣетъ другого происхожденія²⁾“.

Весьма любопытное указаніе въ этомъ отношеніи сдѣлано было еще въ 1871 году покойнымъ профессоромъ Гельсингфорскаго университета, Юліусомъ Крономъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ финской народной поэзіи и финскихъ нарѣчій. Къ сожалѣнію, указаніе это тогда не обратило на себя должнаго вниманія, вѣроятно, потому, что замѣтка Крона помѣщена была въ малоизвѣстномъ финскомъ литературномъ журналѣ „Kirjallinen Kuukauslehti“ („Ежемесячный Литературный Журналъ“). Не говоря уже о русской исторической литературѣ, которая очень слабо связана съ шведско-финской литературой и почти не имѣетъ о ней свѣдѣній, даже среди самихъ финляндскихъ ученыхъ замѣтка Крона прошла, повидимому, незамѣченной и не вызвала никакихъ возраженій или разъясненій. Нужно замѣтить, что финляндскіе историки, касаясь въ своихъ трудахъ вопроса объ основаніи русскаго государства (и въ особенности объ участіи, какое принимали финскія племена въ этомъ событіи), вообще принимаютъ норманскую теорію въ томъ видѣ, какъ она изложена въ послѣднее время Томсеномъ³⁾. Одинъ изъ новѣйшихъ финляндскихъ изслѣдователей, г. Снельманъ, въ своей книгѣ „Itämeren Suomalaiset itsenäisyytensä aikana“ („Прибалтійскіе финны во времена своей самостоятельности“), появившейся въ Гельсингфорсѣ въ 1894 году, приводя изслѣдованія Томсена, высказываетъ даже, что варяжскій вопросъ этими изслѣдованіями можно считать рѣшеннымъ. Впрочемъ и онъ мнѣніе Томсена о производствѣ слова Ruotsi отъ *ropsmaen*, *rops-karlar* (гребцы) приводитъ съ

¹⁾ Гельсингфорскій профессоръ Доннеръ насчитываетъ общихъ заимствованій изъ древне-скандинавскаго языка въ финскомъ, эстонскомъ и ливскомъ языкахъ до 27. Начало скандинавскаго вліянія на эти языки онъ относитъ къ V стол. до Р. Хр. См. сборникъ „Suomen Kirjallisuuden Seuran Vissikymmenvuobinen Jahla“ („Пятидесятилѣтній юбилей финскаго литературнаго общества“) стр. 228—229.

²⁾ Бестужевъ-Рюминъ, „Русская Исторія“, т. I. стр. 93.

³⁾ См. наур., Коскинена (Форсмана) „Исторія финскаго народа“ („Suomen Kansan historia“), Шюбергсона „Исторію Финляндіи“ („Finlands historia“) и др.

нѣкоторымъ колебаніемъ, хотя, въ то же время, почему то положительно заявляетъ, что имя Ruotsi не финскаго происхожденія¹⁾. Но Ю. Кронъ (о мнѣніи котораго и онъ тоже ничего не упоминаетъ) весьма убѣдительно, какъ намъ кажется, пытается доказать именно чисто-финское происхожденіе этого слова, и весьма желательно было бы, чтобъ знатоки финскихъ нарѣчій обратили вниманіе на его объясненіе и высказались, насколько основательны его филологическія соображенія.

Приводимъ, въ виду этого, здѣсь замѣтку Крона цѣликомъ въ переводѣ съ финскаго языка изъ журнала „Kirjallinen Kuukauslehti (за 1871 годъ, стр. 136), съ нѣкоторыми поясненіями:

„Что значитъ названіе Ruotsi? Названіе это производятъ обыкновенно отъ имени шведской провинціи Roslagen, ближайшей къ Аландскимъ островамъ, и полагаютъ, что названіе ея сдѣлалось у насъ (т.-е. у финляндскихъ Финновъ) названіемъ всей страны (Швеціи), подобно тому какъ изъ названія Viro²⁾ возникло названіе всей Эстляндіи. Но нѣкоторыя сохранившіяся въ эстонскомъ языкѣ рѣченія указываютъ, по-видимому, на иное происхожденіе. Словомъ Rootsi veri (см. эстонскій словарь Видемана, столбецъ 1490) у Эстовъ обозначается то же явленіе, которое мы называемъ: Rohjan palo, Reuvon, Revon или Ruijan tulet³⁾. Точно также выраженіе: Rootsi hobu употребляется какъ названіе Малой Медвѣдницы (созвѣздія въ сѣверной части неба) и для обозначенія сѣвернаго направленія. Наконецъ, въ-третьихъ, Норвегію, сѣверная часть которой у насъ носитъ имя Ruija, Эстонецъ называетъ: vana Rootsi (старая Rootsi). Сама собою возникаетъ отсюда мысль, что Ruotsi и Ruija — одно и то же. Но допускаютъ ли законы фонетики такое тождество? Допускаютъ и, можно сказать, положительно требуютъ. Въ Финляндіи, напримѣръ, слово miija (женщина, жена), которое въ Русской Карелии и у Эстонцевъ имѣетъ первоначальную форму mutso, показываетъ, что *ts* смягчается въ *ij*. Такое же, хотя дошедшее только еще до половины смягченіе обнаруживаютъ однозначущія въ эстонскомъ языкѣ слова: gudsuma и gudjuma, по-фински: painaa, rutistaa (давить, сдавливать). Такое же тождество существуетъ между эстонскимъ kaatsas и нашимъ kaatio⁴⁾. Затѣмъ, что *io* и краткое *i* могутъ чередоваться, это доказываютъ въ финскомъ языкѣ многіе примѣры: kuomi и kumi—одно и то же (стукъ, грохотъ), точно также—kuoma (въ сказкахъ Русской Карелии) и kummi (кумъ), puhtaa и pohtaa (взбалтывать). Наконецъ, есть въ эстонскомъ языкѣ слово roots, genitivus rootsu (похудѣвшее животное), которое, очевидно, представляетъ древнѣйшую форму нашего слова gujo (то же значеніе). Въ обоихъ этихъ словахъ видимъ тѣ же самыя измѣненія согласныхъ и гласныхъ, какъ и въ словахъ Ruotsi и Ruija. Такимъ образомъ Ruotsi есть, по-видимому, финское названіе Скандинавіи и означаетъ, очевидно, если мы обратимъ вниманіе

¹⁾ А. Н. Snellman, „Itämeren Suomalaiset itsenäisyytensä aikana“, стр. 62—63.

²⁾ Эстляндія у финляндскихъ финновъ называется теперь Viro, а эстонцы — Virolaiset. Раньше же это названіе означало лишь часть Эстляндіи.

³⁾ Финскія названія сѣвернаго сіянія: rohja — сѣверъ, palo—пламя; Ruija употребляется теперь въ языкѣ финляндскихъ финновъ какъ названіе области на сѣверѣ Скандинавіи; tuli (множ. число tulet) — огонь.

⁴⁾ Kaatio (и эстонск. kaatsas)—названіе одежды, „полуштанн“.

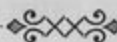
на то, что это слово употребляется о созвѣздіи Сѣверной Медвѣдицы, — сѣверную страну. Оно, какъ видимъ, вполне соотвѣтствуетъ по значенію народному названію Скандинавовъ, которые были Норманны (сѣверные люди) и говорили на норренскомъ языкѣ“.

Итакъ, сущность мнѣнія Ю. Крона сводится къ тому, что имя „Русь“ есть просто финскій переводъ имени „Норманнъ“. Нельзя не признать, что такое объясненіе, если только вѣрна его филологическая основа, всего проще и яснѣе разрѣшаетъ загадочный и запутанный вопросъ. Остается, правда, тогда не выясненнымъ, откуда собственно прибыла призванная сѣверными Славянами и Финнами Русь; но зато, при допущеніи гипотезы Ю. Крона, лѣтописное извѣстіе о призваніи изъ-за моря Варяговъ-Руси-Норманновъ легче можно согласовать и съ тѣмъ мнѣніемъ, по которому въ составъ призванной дружины могли входить не одни только Шведы, но и жители прочихъ прибалтійскихъ странъ, а въ томъ числѣ и Славяне.

Къ доводамъ Ю. Крона можемъ добавить со своей стороны, что въ финской поэмѣ „Калевалѣ“ мы нашли форму Rutja во встрѣчающемся нѣсколько разъ выраженіи Rutjan koski (водопадъ Рутья¹⁾). Какъ видно изъ пояснительнаго словаря къ „Калевалѣ“, изданнаго финскимъ литературнымъ обществомъ, форма Rutja по значенію соотвѣтствуетъ формѣ Ruija (т. е. означаетъ тоже въ нынѣшнемъ языкѣ финляндскихъ Финновъ сѣверную Норвегію) и составляетъ, такимъ образомъ, переходную форму между указываемыми Ю. Крономъ видоизмѣненіями одного и того же корня Ruotsi и Ruija.

¹⁾ См. „Kalevala“, изданіе финскаго литературнаго общества, Гельсингфорсъ, 1877 г., пѣснь 12, стихъ 473 и пѣснь 17, стихи 233, 423 и 570. Въ концѣ изданія пояснительный словарь.

²⁾ См. тамъ же, стр. 379.

Вопросъ о Финикіянахъ въ Балтійскомъ морѣ.

Б. Тураевъ.

Къ числу наиболѣе темныхъ пунктовъ исторіи древняго міра слѣдуетъ причислить вопросъ о географическихъ предѣлахъ непосредственныхъ морскихъ и торговыхъ сношеній Финикіянь. Мы знаемъ, правда, что въ сферу ихъ торговли входилъ весь тогдашній культурный міръ и даже многія страны, лежавшія за его предѣлами, но какъ далеко заходили ихъ морскія экспедиціи и какую область захватывала ихъ прямая торговля—вотъ вопросы, которые возбуждаютъ глубокой интересъ, но на которые весьма трудно дать опредѣленные отвѣты. До сихъ поръ продолжаетъ возбуждать сомнѣнія и вызывать новыя попытки притти къ опредѣленнымъ результатамъ вопросъ о положеніи Офира — восточнаго предѣла ихъ торговой державы ¹⁾; недавно только помирились съ фактомъ, что южнымъ предѣломъ ихъ экспедицій былъ мысъ Доброй Надежды ²⁾; что же касается запада и сѣвера, то здѣсь дѣло обстоитъ еще хуже: не дальше, какъ 22 года тому назадъ такой органъ, какъ *Zeitschrift der Deutschen Morgenländische Gesellschaft* находилъ возможнымъ открывать свои страницы для разбора поддѣльныхъ финикійскихъ надписей, найденныхъ въ Бразиліи ³⁾; во всякомъ случаѣ, на счетъ дѣйствительнаго предѣла финикійскихъ путешествій въ Атлантическомъ океанѣ и сѣверныхъ моряхъ существуютъ только гипотезы. При утратѣ туземной литературы и необходимости довольствоваться поздними компиляціями греко-римскихъ писателей, нѣкоторое пособіе могутъ оказывать лишь вещественные памятники-предметы торговли, получавшіеся Финикіянами и, въ свою очередь, ввозимые ими. Для сѣвера Европы такими предметами, привлекавшими предприимчивыхъ семитовъ, по единогласному свидѣтельству древности, были олово

1) *Peters*. Das goldene Ophir Salomos. Eine Studie zur Geschichte der phönikischen Weltpolitik. München, 1895. *Feigl*. Das Goldland Ophir. *Oesterreichische Monatschrift für den Orient*. 1896, 76 сл.

2) *W. Müller*. Die Umseglung Africas durch phönikische Schiffer. Rathenow 1894.

3) *Schlottmann*. Die Sogenannte Inschrift von Parahyba. XXVIII, 481. Находили «финикійскія» надписи и на сѣверѣ Европы. Въ 1878 г. Вѣнское Антропологическое Общество поручило проф. А. Мюллеру въ Ольмюцѣ завѣяться надписью на кускѣ явара, найденномъ въ Ольденбургскомъ герцогствѣ и хранящемся въ велико-герцогскомъ собраніи. Мюллеръ не нашелъ препятствія къ признанію финикійскаго происхожденія и разобразъ: «латху прокололъ.... Тиръ». (*Mittheilungen der anthropolog. Gesellsch. zu Wien*. VII (1878), 239). Трудно сказать, что это за надпись: поддѣльная или руническая. Во всякомъ случаѣ издатели *Corpus Inscr. Semiticarum* прошли ее молчаніемъ.

и янтарь. Этимъ-то продуктамъ и обязанъ сѣверъ Европы своими первыми связями съ культурнымъ міромъ.

Если мы теперь заглянемъ въ исторію науки, то увидимъ, что наиболѣе авторитетные изъ старыхъ ученыхъ относились къ интересующему насъ вопросу крайне осторожно. Такъ, отецъ финикійскихъ студій — Бохартъ, прискавшій семитическія этимологіи для Британніи и Оулэ, не дерзнулъ пускаться въ Ютландскіе проливы, чтобы отыскивать къ востоку отъ нихъ финикійскіе слѣды; равнымъ образомъ и Моверсъ, при всей той легкости, съ какой ему удавалось отыскивать на югѣ финикійскія колоніи и ихъ торговые пути, ограничивается относительно сѣвера замѣткой, что онъ представляетъ обширное поле для предположеній. „Но мы не будемъ вступать на него“, продолжаетъ онъ: „прибавимъ только, что Финикіяне, вѣроятно, очень рано завели правильныя сношенія изъ Гадъ съ Британскими островами, а Каррагеняне, впоследствии, дали этому дѣлу новую организацію, основавъ подъ начальствомъ Имилькона новыя колоніи или упрочивъ старыя Тирскія и, вѣроятно, устроили на Сорлингенскихъ островахъ станцію для с. з. торговли“¹⁾. Подобныхъ же взглядовъ держались и многіе другіе ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ, напр.: Укертъ²⁾, Ределобъ³⁾, Гумбольдтъ⁴⁾, Мюлленгофъ⁵⁾ и Лонмейеръ⁶⁾; они находили возможнымъ сопутствовать Финикіянамъ только до береговъ Нѣмецкаго моря. Но находились ученые, дорожившіе возможностью начинать исторію Прибалтійскихъ областей съ финикійскаго періода. Однимъ изъ первыхъ доказывавшихъ это былъ Гесснеръ⁷⁾; его взгляды нашли сочувствіе у знаменитаго Шлецера, а въ 1782 г. бургомистръ Данцига Уннгагенъ прямо назвалъ свой городъ однимъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ и торговавшимъ еще съ Финикіянами. Но болѣе другихъ оставили слѣдъ въ наукѣ изъ ученыхъ этого направленія Геренъ, Нильсонъ⁸⁾ и Ружемонтъ⁹⁾. Первый держится мнѣнія о непосредственной торговлѣ Финикіянь съ Балтійскимъ побережьемъ въ своихъ знаменитыхъ: „Ideen über Politik, den Verkehr und Handel der vornehmsten Völker der Welt“; второй, на основаніи находимыхъ въ Скандинавіи и противоположномъ германскомъ берегу бронзовыхъ вещей, а также гробницъ и скульптуръ нашелъ возможнымъ написать цѣлую книгу о финикійскомъ періодѣ исторіи Швеціи, Мекленбурга и другихъ Балтійскихъ областей, представивъ съ достаточной ясностью и полнотой не только общій ходъ ея, но даже и отдѣльныя стороны жизни финикійскихъ культуртрегеровъ сѣвера и германскихъ туземцевъ, особенно религію и

1) Ст. Phönizien у Эрша и Грубера XXIV, 363.

2) Geogr. d. Griech. und Römer.

3) *Thule*. Die phönizischen Handelswege nach d. Norden, ins besondere nach dem Bernsteinlande. Leipzig, 1855.

4) Kosmos, II, 410.

5) Deutsche Alterthumskunde I, 223; говоритъ только о Нѣмецкомъ морѣ. Ср. Vorwort III.

6) Ist Preussen das Bernsteinland der alten gewesen? Königsb. 1872.

7) Göttinger gelehrte Anzeiger 1753 г.

8) Die Ureinwohner des skandinavischen Nordens. Aus d. Schwedischen. Hamburg, 1866.

9) Die Bronzezeit oder die Semiten im Occident. Gutersloh. 1869. Намъ Крузе въ своихъ *Necroliconica*

тоже былъ не прочь присоединиться къ подобнымъ мнѣніямъ: онъ начинаетъ исторію Прибалтійскаго края съ Финикіянь, ищетъ мѣсто дѣйствія мѣна о Фазонтѣ въ Курляндіи, съ острововъ *Basilia* — на Эзелѣ. Впрочемъ, онъ самъ признается, что кромѣ поздней монеты изъ Панорма (стр. 29), финикійскихъ слѣдовъ здѣсь нѣтъ.

культъ. Нечего и говорить, что подобныя явленія были возможны только при томъ состояніи свѣдѣній о древнемъ Востокѣ, какое господствовало во время появленія прилежнаго труда Нильсона¹⁾. Наконецъ, Ружемонтъ пошелъ дальше всѣхъ и рѣшился опредѣлить точную хронологію семитической торговли янтаремъ, начиная съ 1500 г. до Р. Х.

Въ новый фазисъ вступилъ вопросъ со времени появленія серьезно-научнаго труда Садовскаго²⁾, поставившаго себѣ задачей прослѣдить на основаніи физико-географическихъ изслѣдованій и разсмотрѣній археологическихъ находокъ тѣ пути, по которымъ шли сухопутныя торговыя сношенія юга съ сѣверомъ. Въ меньшемъ масштабѣ и при меньшемъ количествѣ данныхъ въ этомъ направленіи уже работала раньше Редслобъ, но онъ занимался путями чрезъ Галлію, трудъ же Садовскаго имѣеть въ виду, главнымъ образомъ, Германію и, отчасти, востокъ Европы. Главное значеніе его — указаніе на важность знанія географическихъ условій для культурно-историческихъ выводовъ и удачная, въ общемъ, попытка классификаціи археологическихъ находокъ. Это особенно важно въ такомъ вопросѣ, какъ нашъ, гдѣ почти нѣтъ литературныхъ источниковъ. Конечно, Садовскому принадлежитъ только починъ въ этомъ дѣлѣ и вызвать рядъ работъ по освѣщенію этого сложнаго вопроса. Для финнскійской теоріи его работа имѣла, пожалуй, отрицательное значеніе: вмѣстѣ съ Генте³⁾ и Вальдманномъ⁴⁾ онъ склоненъ перенести главную роль въ торговлѣ янтаремъ на Этрусковъ; послѣдніе, какъ доказали эти ученые, въ болѣе древнее время, вели довольно оживленныя сухопутныя сношенія съ сѣверомъ, что доказывается оставленными слѣдами.

Итакъ, прежде всего обратимся къ древнимъ авторамъ. Со времени Мюлленгофа, которому наука обязана детальнымъ изученіемъ важнаго географическаго произведенія древности — *Ova maritima* Феста Авіена⁵⁾, этотъ памятникъ признается, не смотря

1) Не касаясь этимологій и комбинацій Нильсона, въ свое время бывшихъ, быть можетъ и убѣдительными, замѣтимъ, что описанныя имъ древности, дѣйствительно крайне интересны и принадлежать къ эпохѣ т. наз. Микенской культуры, что признано даже знатоками послѣдней. Въ этомъ отношеніи особенно интересны мечи и кинжалы, которые распространены вплоть отъ Египта до Скандинавіи. Между прочимъ на Археологической Выставкѣ при Сѣздѣ, въ числѣ предметовъ, присланныхъ Берлинскимъ музеемъ für Völkerkunde есть два меча этого типа: № II 9813—8 списка предметовъ, доставленныхъ на выставку и № 4 списка, найденный въ Македоніи; что мечи этого рода были въ Египтѣ въ глубокой древности, доказываетъ м. проч. изображеніе на Берлинскомъ саркофагѣ Себеко времени средняго царства (Lepsius-Aelteste Texte des Todtenbucher, таб. 37); о мечахъ этого рода въ Микенахъ и сопоставленіи ихъ съ гомеровскими ἀγυρόηλοι (см. м. проч. у Гельбига, Das Homerische Epos 241, и т. д.). Наиболее авторитетный въ настоящее время знатокъ скандинавскихъ древностей Монтелиусъ, признаетъ б. ч. туземное происхожденіе любовитныхъ бронзовыхъ предметовъ (за исключеніемъ, впрочемъ, описанныхъ мечей); что же касается матеріала, то бронза, по его мнѣнію, привозилась уже въ сплавленномъ видѣ самими же обитателями Скандинавіи; на ихъ морской и предпріимчивый характеръ указываютъ изображенія дѣлныхъ флотилій на скалахъ. Орнаментъ онъ признаетъ свойственнымъ исключительно Скандинавіи (Montelius. Die Kultur Schwedens in vorchristliche Zeit, übersetzt v. c. Appel. II Aufl. Berl. 1885, стр. 41—85).

2) Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, der Dnipr und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres (Aus polnisch. von A. Kohn). Jena, 1877.

3) Ueber den etruskischen Tauschhandel nach d. Norden. Frankf. 1875.

4) Das Bernstein im alterthum. Прекрасная работа, помѣщенная въ Einladung-Programm Феллинской гимназіи за 1882 г. Кромѣ нихъ вопросомъ о торговыхъ путяхъ во восточной Европѣ интересовался другой польскій ученый — Ходжевичъ, сдѣлавшій въ 1888—89 г. объ этомъ 5 сообщеній въ Academie des Inscriptions et Belles Lettres (Comptes rendus XVI).

5) Deutsche Alterthumskunde I.

на свое позднее появленіе на свѣтъ, заключающимъ въ себѣ древнѣйшія свѣдѣнія классическихъ народовъ о западѣ и составленнымъ если не по финикійскимъ, то, во всякомъ случаѣ, по очень древнимъ источникамъ. Между прочимъ въ немъ находятся ссылки и на утраченный периплъ кареагенянина Имилькона. Это описаніе запада находится въ IV книгѣ его произведеній¹⁾.

(80) „Кругъ земли широко раскинулся и вода обтекаетъ вокругъ него. Но тамъ, гдѣ глубокое море пробирается отъ Океана, чтобы эта пучина нашего моря растянулась на длинное пространство, находится Атлантическій заливъ. Здѣсь городъ Гадиръ, прежде называвшійся Өарсисомъ, здѣсь и столпы неумоимаго Геркулеса — Авила и Кальпе; послѣдняя — на лѣвой сторонѣ названной земли, а къ Ливіи ближайшая — Авилы. Они оглашаются свирѣпымъ сѣвернымъ вѣтромъ, но держатся увѣренно на мѣстѣ.

(90) И здѣсь возвышается вершина выдающейся цѣпи; древнѣйшіе вѣка назвали ее Эстримніемъ; вся высокая громада скалистой выси обращена, главнымъ образомъ, къ теплomu южному вѣтру. Подъ вершиной же этого мыса разверзается для жителей Эстримнійскій заливъ; въ немъ открываются острова Эстримниды, далеко лежащіе и богатые металлами: оловомъ и свинцомъ. Велика сила здѣсь у народа: надменный духъ, успѣшная изобрѣтательность. (100) Изъ-за торговыхъ цѣлей они на всякаго рода судахъ и привычныхъ челнахъ разсѣкаютъ море, бурное на обширное пространство и пучину Океана, полного чудовищами. Они не умѣютъ покрывать киля сосной или кленомъ, не гнутъ, согласно обычаю, изъ ели стручковидныхъ челноковъ, по, удивительное дѣло, всегда прилаживаютъ суда, связывая шкуры и часто пробѣгаютъ на кожѣ обширное море. Отсюда всего два дня пути на суднѣ до Священнаго острова — такъ называли его древніе — (110) который лежитъ среди волнъ, обильный лугами и его населяетъ на широкомъ пространствѣ народъ Іерновъ. Вблизи, напротивъ, открывается островъ Альбіоновъ. У Өарсійскихъ кареагенянъ были торговыя сношенія въ предѣлахъ эстримнійскихъ, а также колонисты и народъ, толкающійся внутри Геркулесовыхъ столповъ доходили до этихъ морей, которыя, какъ утверждаетъ пуіецъ Имильконъ, едва можно проѣхать въ четыре мѣсяца, что онъ и самъ, по его словамъ, испыталъ. (120) Никакое дуновеніе вѣтра не подгоняетъ корабля; медленная влага лѣниваго моря неподвижна. Онъ прибавилъ еще и то, что среди пучины выдается масса красныхъ лишаевъ, которые часто, подобно кустарнику, задерживаютъ корабль. Онъ передаетъ, что и заднія части кораблей не опускаются въ глубину моря и дно едва покрыто малымъ количествомъ воды. И туда и сюда постоянно снуютъ морскіе звѣри и медленно и лѣниво ползущія суда плаваютъ среди чудовищъ. (130) Если кто-либо осмѣлится отсюда, отъ острововъ Эстримнійскихъ столкнуть челнъ въ воду на Ликаснову сторону свѣта, гдѣ твердѣетъ воздухъ, онъ подойдетъ къ области лигуровъ, лишенной жителей, такъ какъ она опустошена рукой кельтовъ и давнишними частыми войнами и лигуры, будучи изгнаны, какъ это бываетъ часто, когда заставляетъ сила, пришли сюда. Обильны эти мѣста неровностями: дикія скалы

¹⁾ Переводъ сдѣланъ по изданію Holder'a. Oenipons 1887.

и грозныя горы соединяются съ небомъ. (140) Бѣглый народъ долго жилъ среди этихъ скалистыхъ тѣснинъ, прячась отъ волнъ, такъ какъ онъ боялся моря вслѣдствіе давней опасности. Послѣ спокойствія и досуга, при безопасности, усиливающей смѣлость, рѣшился вытти изъ высокихъ убѣжищъ и спуститься къ приморскимъ мѣстамъ. — Позади этихъ мѣстъ, которыя мы выше описали, открывается большой заливъ обширнаго моря до самой Офіуссы. Назадъ отъ этихъ береговъ до Средиземнаго моря, туда, гдѣ оно дѣлаетъ, (150) какъ я раньше сказалъ, заливъ въ землю и которое называютъ Сардскимъ, тянется семидневный путь для пѣшехода. Офіусса простирается впередъ на столько, на сколько, какъ ты слышалъ, и Целоновъ островъ въ области грековъ; се въ древности называли Oestymnis“.

Имя „Эстримиды“ встрѣчается только здѣсь и всѣ попытки объяснить его не могутъ быть названы удачными ¹⁾. Равнымъ образомъ, не легко отождествить ихъ съ извѣстными въ современной географіи. Мюлленгофъ, которому этотъ памятникъ обязанъ первымъ детальнымъ изученіемъ, видитъ, что вполне естественно, въ Альбюнѣ — Британію, въ Іери — Ирландію, въ Эстримнскомъ мысѣ — Бретань, въ заливѣ, идущемъ къ Офіуссѣ — Бискайское море. Но для того, чтобы доказать это, ему пришлось считаться съ затрудненіемъ въ стихахъ 85 и 87—88, гдѣ отъ Гадировъ авторъ непосредственно переходитъ къ Иракловымъ столпамъ, замыкавшимъ Средиземное море. Ученый вышелъ изъ этого затрудненія, предположивъ послѣ половины 88 стиха пропускъ, переносившій читателя къ другимъ „Иракловымъ столпамъ“, находившимся на с. з. Европы ²⁾. Такой пріемъ показался Унгеру ³⁾ произвольнымъ и неосновательнымъ; онъ открылъ противъ Мюлленгофа цѣлый походъ и объявилъ Эстримнѣй — мысомъ св. Винцента, острова Эстримнѣйскіе, Альбюнъ и Іерне — лежащими у береговъ Испанской Галиціи. Наконецъ, нашъ соотечественникъ, проф. Сонни ⁴⁾ высказалъ новое, на мой взглядъ, довольно правдоподобное мнѣніе о томъ, что пропуска нѣтъ, а неудобные стихи вставлены неудачно и некстати самимъ Авіеномъ, что оригиналъ начиналъ обзоръ морского берега съ сѣвера, съ тамошнихъ Иракловыхъ столповъ, что Эстримнѣй — Коривалль, Эстримиды — острова Сорлингенскіе (Сцилли), Альбюнъ и Іери — Великобританія и Ирландія. При такихъ условіяхъ произведеніе Авіена много выигрываетъ въ стройности и цѣльности; нѣтъ надобности предпола-

¹⁾ Напр. Делевеля, Pytheas, невѣрно изъ семитич. яз. «невѣдомые народы».

²⁾ Deutsche Alterthumskunde I, 89. Замѣчу, что слухъ о существованіи на сѣверѣ Иракловыхъ столповъ передаетъ Тацитъ въ «Германіи» (84); говоря о Фризахъ у Рейна, онъ присоединяетъ: «молва расарождаетъ, что до сихъ поръ еще существуютъ Геркулесовы столпы. Доходилъ ли сюда Геркулесъ, или вообще все величественное повсюду мы привыкли относить къ его славі. Не было недостатка отваги у Друза Германскаго, но океанъ не позволилъ ему изслѣдовать себя и Геркулеса. Послѣ него никто уже болѣе не пытался и нашли, что болѣе почетно вѣровать, чѣмъ знать о дѣяніяхъ боговъ». Редслобъ (Thule, 21) по этому поводу предполагаетъ, не сохранилось ли въ этой темной замѣткѣ отдаленнаго воспоминанія о существованіи здѣсь финнѣйскихъ маяковъ и агентовъ.

³⁾ Die Kassiteriden und Albion въ *Rheinisches Museum für Philologie*. NF XXXVIII (1888), стр. 157 сл. Въ 1886 г. вышла статья А. Хаблера, Die Nord und westküste Hispaniens (Лейпцигская гимназ. программа). Авторъ беретъ сторону Мюлленгофа (стр. 42), но, къ сожалѣнію, ему пришлось выпустить при печатаніи краткой статьи длинный разборъ Авіеновой «Ora Maritima», а также ея толкователей Унгера и Мюлленгофа и ограничиться лишь голословнымъ осужденіемъ мнѣній первого.

⁴⁾ De Massiliensium rebus quaestiones. Petropoli 1887, стр. 21 сл.

гать, какъ это дѣлаетъ Унгеръ, будто авторъ дважды описываетъ одно и тоже; кромѣ того становится понятнымъ продолжительность путешествія Имилькона: едва ли до Галиціи отъ Гадъ или даже Картагена 4 мѣсяца пути, даже при условіи потери времени на основаніе колоній. Мы знаемъ изъ Плинія ¹⁾, что онъ былъ отправленъ на сѣверъ Европы въ то самое время, когда знаменитый Ганнонъ ѣздилъ на югъ. Хотя и говорится, что экспедиція была снаряжена „ad caetera Eurgorae poscenda“, но вѣроятно, и въ ея программу входило основаніе новыхъ городовъ „ливіофиникіянъ“. Это время какъ разъ совпадало съ экономическимъ переворотомъ въ Картагенскомъ государствѣ, съ переходомъ отъ мелкаго землевладѣнія къ крупному, отъ кустарной промышленности къ фабричной, а потому грандіозная колонизація обездоленныхъ членовъ общества, предпринятая самимъ государствомъ, была совершенно кстати. Гдѣ были на европейскомъ берегу основаны Имилькономъ колоніи, потеря его перипла сдѣлала для насъ неизвѣстнымъ; но что онѣ были, ясно изъ отрывка современника Перикла Евктемона Аѣинскаго, который Авіентъ также включилъ въ свой периплъ:

(375) „За столпами по берегу Европы жители Картагена владѣли нѣкогда поселеніями и городами. У нихъ было обыкновеніе строить суда съ плоскимъ дномъ, чтобы челнъ съ широкимъ задомъ могъ проскальзывать по неглубокому морю“. (Далѣе идетъ новая ссылка на Имилькона, причемъ повторяется въ другихъ, а иногда и тѣхъ же словахъ уже извѣстное намъ изъ приведенной выше цитаты; интересно заключеніе этой выдержки: (414) „Мы это издаемъ для тебя, сообщенное давно въ глуби Пуническихъ анналовъ“). Отнесеніе факта въ давнопрошедшее время принадлежитъ, очевидно, Авіену: едва ли могъ такъ выразиться Псевдо-Скилакъ, младшій современникъ Ганнона и Имилькона. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло другихъ извѣстій объ основанныхъ послѣднимъ колоніяхъ; по ту сторону столповъ только древній Гадиръ попалъ на страницы исторіи; что же касается другихъ мѣстностей, то лишь позднѣйшія имена ихъ открываютъ обширное поле для упражненій въ семитической филологіи.

Страбонъ ²⁾, для котораго старое имя Эстримидъ было давно забытымъ и едва ли понятнымъ, помѣщаетъ эти острова подъ именемъ Касситеридъ = „Оловянныхъ“ въ числѣ „лежащихъ у Испаніи“ и, заканчивая описаніемъ ихъ книгу объ Испаніи, прибавляетъ, что первымъ изъ Римлянъ обратившимъ вниманіе на ихъ рудники, былъ извѣстный побѣдитель Лузитанъ консуль П. Крассъ и что раньше только Финикіянѣ торговали съ жителями, которые рисуются здѣсь уже не тѣми красками, что у Авіена: это кочевники, занимающіеся скотоводствомъ и получавшіе отъ Финикіянъ взамѣнъ металловъ глину, соль, вещи изъ бронзы. Рассказывается далѣе о томъ, что Картагеняне ревниво оберегали путь къ этимъ островамъ и даже нарочно навели свой корабль на мель, чтобы погубить римскій. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь то же явленіе, которое замѣчается всегда при торговыхъ сношеніяхъ народовъ, сто-

¹⁾ Hist. N. II, 169.

²⁾ III, 5, 11.

ящихъ на различныхъ уровняхъ культуры: Финикіяне вывозили изъ острововъ металлы и затѣмъ возвращали ихъ назадъ въ обработанномъ видѣ. Но заходили ли они дальше этихъ острововъ? Вступали ли ихъ суда въ Нѣмецкое море и Датскій архипелагъ? На это у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ литературныхъ указаній¹⁾ и напрашивается вопросъ, могли ли они а priori заходить туда? Физической невозможности, я думаю, нельзя предполагать. Правда, судоходство по этимъ мелководнымъ морямъ не легко и не всегда безопасно, но они умѣли справляться съ неудобствами плаванья и были опытны въ путешествіяхъ вдоль береговъ; стоитъ только вспомнить объ экспедиціи вокругъ Африки, гдѣ имъ приходилось преодолевать всевозможныя затрудненія, а также въ Средиземномъ и Черномъ моряхъ. Для націи, обогнувшей мысъ Доброй Надежды, разстояніе отъ Годиръ до Балтійскаго берега было слишкомъ ничтожно и не могло составить, въ случаѣ необходимости, серьезнаго затрудненія. Но дѣло въ томъ, что этой необходимости нельзя предполагать. Что могло тянуть сюда Кароагенянь? Мы знаемъ, что объѣздъ Африки былъ предпринятъ по инициативѣ фараона Нехао и при желаніи самихъ Финикіянь избавиться отъ греческой конкуренціи, заградившей имъ сѣверный путь къ богатствамъ западной Африки; намъ извѣстно, что сокровища Офпра были слишкомъ заманчивы и могли возбуждать желаніе завязать съ нимъ непосредственныя торговыя сношенія. Между тѣмъ на Балтійское море ихъ могъ привлекать только янтарь. Но, во-первыхъ, янтарь того же качества въ то время находился еще въ изобиліи и къ з. отъ Ютландіи, у Гамбурга и устья Эльбы, гдѣ его и до сихъ поръ еще находятъ по временамъ и откуда могли получить его доходившіе до этихъ мѣстъ Кароагеняне; во-вторыхъ, въ кароагенское время торговля этимъ продуктомъ давно уже велась по рѣчнымъ и сухопутнымъ прямымъ путямъ и находилась, какъ доказали Генто, Вальдманъ и Садовскій, въ рукахъ Этрусковъ. Наконецъ, спросъ на этотъ предметъ роскоши въ кароагенскій періодъ былъ значительно меньше, чѣмъ въ болѣе древнее и болѣе позднее время. Исслѣдованія Гельбиха²⁾ доказали, что въ пору господства греческаго классическаго искусства цѣнился не матеріаль, а творчество, и блестящій янтарь уступилъ мѣсто мрамору и расписнымъ вазамъ не только въ собственной Греціи, но и въ Италіи, гдѣ, начиная съ IV в. онъ почти исчезаетъ изъ гробницъ. Да и раньше, онъ встрѣчается главнымъ образомъ къ востоку отъ Аппенинъ, у Болоньи, гдѣ и держался дольше и получался, вѣроятно, непосредственно сухимъ путемъ съ сѣвера; къ з. же отъ Аппенинъ господство янтара было весьма непродолжительно, благодаря вліянію греческихъ

1) Было время, когда такіа указанія пытались извлечь изъ географическихъ именъ сѣвера. Напр. К. Мюллеръ, *Geographi Minores*, II, 106, производилъ упоминаемое у Плинія со словъ Метродара и Тимел (37, 61 и 4, 94) имя острова «Абаль» отъ семитическаго אבאל, אבאל = «островъ Ваала», а Гекатеево Амазіево море считалъ переводомъ Βασιλεία = אבאל, אבאל = «царскій островъ». Точно также и Нильсонъ I. с. всюду видѣлъ имена, производимыя отъ верховнаго бога Финикіянь. На это Мюллергофъ (I, 484) и др. замѣчаютъ, что эти имена хорошо объясняются изъ языковъ народовъ, населяющихъ берега Балтійскаго моря и однородны съ современными «Бельтъ», «Балтика» и т. н. *Αμάχτιος* м. б. слово греческое = не замерзающій. О мнимой финикійской вадисси, найденной въ Ольденбургѣ см. выше.

2) Osservazioni sopra il commercio dell'ambra. *Atti della R. Accademia dei Lincei*. Memorie della classe di Scienze morali etc. 1877, 415.

колоній, и дѣйствительно, янтарь находятъ здѣсь лишь въ гробницахъ (до 7-го в.), предшествующихъ греческому періоду и на ряду съ произведеніями финикійской эпохи. Янтарь этотъ, находимый въ Италіи, по изслѣдованіямъ знатока его съ физико-химической стороны, Гельма ¹⁾, не сицилійскій, а настоящій сѣверно-европейскій, выбрасываемый Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями и находимый въ ископаемомъ состояніи до подошвъ Средне-Германскихъ горъ. Что Италія въ глубокой древности вела сама торговлю съ сѣверомъ, на это указываютъ археологическія находки, попадающіяся на всемъ протяженіи до Скандинавіи по рѣчнымъ путямъ: напр., мечи Микенскаго типа и т. п. Въ Скандинавіи найдено даже въ одной гробницѣ раковина изъ Средиземнаго моря ²⁾.

Итакъ, если участіе Кароагенянъ въ торговлѣ янтаремъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посѣщеніе ими Балтійскаго моря не можетъ считаться доказаннымъ, то въ какомъ отношеніи къ нашему вопросу стоятъ древніе Финикіяне? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ глубокой древности географическія открытія не всегда дѣлались постояннымъ достояніемъ науки и человѣчества: они забывались и потомъ приходилось ихъ снова дѣлать. Едва ли Кароагеняне могли воспользоваться результатами путешествія ихъ восточныхъ единоплеменниковъ вокругъ Африки: сами они доходили только до Зеленаго мыса; едва ли также имъ былъ извѣстенъ путь въ Офиръ. А потому нашъ вопросъ является вполне законнымъ: возможно, что и сѣверныя моря, посѣщавшіяся тиро-сидонскими мореходами не входили въ кругъ торговыхъ интересовъ Кароагенянъ. Нельзя упускать изъ вида, что въ Микенскую эпоху янтарь очень цѣнился въ Греціи и Шлиманъ нашелъ въ 1, 3 и 4 микенскихъ гробницахъ болѣе 1000 янтарныхъ бусъ вмѣстѣ съ самыми важными драгоценностями; по изслѣдованіямъ Гельма въ Данцигѣ, этотъ янтарь опять-таки оказался сѣверно-европейскимъ. Повидимому, янтарное ожерелье находится въ рукахъ одного изъ пословъ народа Кефтіу на египетской гробницѣ Рехмира времени фараона Тутмеса III ³⁾. Въ Египтѣ также находятъ, хотя и довольно рѣдко, янтарныя бусы, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не было ихъ химическаго изслѣдованія. Съ легкой руки Лепсіуса ⁴⁾ искать этотъ продуктъ въ Египтѣ уже было отчаялись, и даже Гельмъ, въ лабораторіи котораго перебивали янтари чуть ли не со всего міра, даже не упоминаетъ о существованіи его въ Египтѣ. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, въ Египтѣ есть и свой янтарь на Черномъ морѣ и было бы крайне интересно опредѣлить, какого рода янтарь попадаетъ въ археологическихъ находкахъ. Во всякомъ случаѣ послѣднія не часты и, вѣроятно, янтарь не пользовался въ долині Нила особеннымъ распространеніемъ; слово *sakal*, навязываемое египетскому языку Плиніемъ ⁵⁾, не встрѣчается въ немъ. Точно также и въ другихъ странахъ древняго Востока мы

¹⁾ Mittheilungen über Bernstein въ *Schriften der Naturforschenden Gesellschaft in Danzig* V, 13 и 14 (1882), VI, 2 (1885) и др.

²⁾ Montelius l. c.

³⁾ *Hoskins. Travels in Ethiopia*, таб. 46—49.

⁴⁾ *Les métaux dans les inscriptions égyptiennes. Trad. p. W. Berend (Bibl. de l'école des hautes études* XXX, 71).

⁵⁾ 37, 36 говорятъ о природномъ египетскомъ янтарѣ.

не замѣчаемъ, чтобы янтарь особенно цѣнился. Многіе хотѣли найти его въ Вѣтхомъ завѣтѣ, но на этой почвѣ трудно придти къ опредѣленнымъ выводамъ; техническія названія металловъ для насъ мало понятны, контекстъ не облегчаетъ ихъ пониманія, а переводчики въ данномъ случаѣ не могутъ считаться безусловно авторитетны. Оппертъ увѣренъ¹⁾, что ἤλεκτρον, упоминаемый въ извѣстномъ видѣніи славы Господней у пророка Іезекииля и переведенной „видѣніе Илектра“ — янтарь, но во всѣхъ трехъ мѣстахъ греческаго перевода стоитъ въ родит. пад.; это насъ лишаетъ возможности опредѣлить родъ слова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его значеніе какъ сплава золота и серебра (ὁ ἤλεκτρος), или янтара (τὸ ἤλεκτρον). Указываютъ также на ἤλεκτρον — одинъ изъ 12 драгоценныхъ камней на эфодѣ Первосвященника²⁾, переведенный у 70-ти *lyguriou*, въ Vulg. *ligurius* — словомъ, близкимъ къ *lyguriou*, также употреблявшимся у грековъ для обозначенія янтара; нѣкоторые ученые даже находятъ этимологию этого имени — отъ ἤλεκτρον „захватывать“. На это можно замѣтить, что едва ли это слово еврейское. Въ египетскихъ текстахъ встрѣчается металлъ *nšmt*³⁾, что, въ силу фонетическихъ законовъ, пожалуй, можетъ по семитически = ἤλεκτρον, а этотъ продуктъ не можетъ обозначать янтара, такъ какъ упоминаются какъ нѣчто обычное приготовляемые изъ него амулеты⁴⁾; янтарныхъ амулетовъ въ Египтѣ не было. Наконецъ, нельзя не коснуться вопроса, поднятаго Оппертомъ относительно янтара въ Ассиріи⁵⁾, по поводу двухъ сохранившихся безъ начала и конца строкъ на одномъ ассирійскомъ обелискѣ Британскаго музея. Путемъ всевозможныхъ натяжекъ онъ вычиталъ въ нихъ финикійскихъ купцовъ, водимыхъ, согласно общему голосу древности, малой Медвѣдицей и добывавшихъ янтарь изъ Балтійскаго моря. Къ сожалѣнію здѣсь нѣтъ рѣчи ни о Финикіянахъ, ни о купцахъ, ни о Медвѣдицѣ, ни о Балтійскомъ морѣ и добываніи чего либо, а тѣмъ болѣе янтара⁶⁾, ни одного кусочка котораго не отыскано до сихъ поръ среди развалинъ ассирійскихъ городовъ⁷⁾.

Теперь возникаютъ два вопроса: 1) какимъ образомъ велась торговля янтаремъ въ это древнее время и 2) принимали ли въ ней участіе Финикіяне? Для рѣшенія перваго вопроса мы располагаемъ какъ литературными данными, такъ и археологическими находками, но какъ то, такъ и другое довольно неопредѣленно. Мы уже видѣли, что приходится еще въ Микенскій періодъ признать существованіе сношеній юга съ отдаленнымъ сѣверомъ; съ легкой руки Мюлленгофа⁸⁾ ученые вычитали въ Одиссеѣ даже упоминаніе о его бѣлыхъ ночахъ⁹⁾; разбросанные по континенту

1) *Recueil de travaux* I. с.

2) Исх. 28, 19.

3) *Papug. Harris I* въ перечисленіяхъ даровъ царя храмамъ; различается два сорта; одинъ названъ «настоящимъ» (34^a, 1, 41^a3, 52^b5, 70^a9).

4) Книга Мертвыхъ по изд. Лепсіуса. Гл. 159, 2. Ср. *Brugsch, Wb.* 810 и *Spp.* 699.

5) *L'ambre jaune chez les Assyriens* въ *Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptienne et assyrienne* II, 33 сл.

6) Литературу по этому вопросу и исторію дебатовъ см. у *Jensen'a, Kosmologie etc.* 49. Вопросъ сданъ въ архивъ не смотря на упорство Опперта, который еще въ 1887 г. говорилъ въ засѣданіи Академіи Написей о сношеніяхъ въ древнее время Чернаго моря съ Балтійскимъ (*Comptes rendus* IV, 15, стр. 172).

7) *Perrot-Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité* II, 708.

8) *Deut. Alterth.* изд. 1870 г., I, стр. 5.

9) X, 81—86.

Европы памятники, напоминаюціе Микену и Востокъ, свидѣтельствуютъ объ обмѣнѣ точно также, какъ и находки Балтійскаго янтаря на югѣ. Точно также и находки золота въ могилахъ западной части Балтійскаго моря, соотвѣтствующихъ древнему періоду т. наз. бронзоваго вѣка, указываютъ, повидимому, не то, что этотъ драгоценный металлъ поступалъ сюда съ юга въ обмѣнъ на янтарь, котораго попадаетея меньше всего именно въ могилахъ этого періода, причемъ уменьшеніе идетъ параллельно распространенію золота ¹⁾). Конечно, сношенія эти не могли быть прямыми; послѣдній этапъ ихъ находился, вѣроятно, въ рукахъ Этрусковъ или Финикіянь, до нихъ же сѣверные продукты доходили, переходя отъ народа къ народу. Такой порядокъ вещей существовалъ очень долго: до самаго путешествія при Неронѣ римскаго всадника на сѣверъ ²⁾ Римляне не знали прямого пути къ Балтійскому морю и еще Діодоръ ³⁾ рассказываетъ, какъ янтарь собирается на упомянутомъ уже нами островѣ Василіи и доставляется жителями послѣдняго на противоположацій материкъ, а оттуда „доходитъ въ нашу область по описанному способу“, т. е. какъ и олово — къ Ронѣ. Отсюда будетъ понятно и классическое мѣсто у Геродота ⁴⁾, констатировавшаго фактъ полного отсутствія свѣдѣній о сѣверѣ у своихъ современниковъ: „о западныхъ окраинахъ Европы не могу сообщить ничего достовѣрнаго, такъ какъ не допускаю, что Ериданомъ называется у варваровъ рѣка, впадающая въ море къ сѣверу, отъ которой, говорятъ, приходитъ къ намъ янтарь, и незнаю о существованіи Касситеридъ, съ которыхъ приходитъ къ намъ олово. Во-первыхъ, само имя „Ериданъ“, выдаетъ, что оно эллинское, а не варварское и сочинено какимъ либо поэтомъ; во-вторыхъ, не смотря на старанія, не могу услышать ни отъ одного очевидца, что существуетъ море по ту сторону Европы. Все-таки олово и янтарь доходятъ до насъ, происходя изъ крайнихъ предѣловъ“. Страбонъ спустя нѣсколько вѣковъ на этотъ счетъ выразился еще сильнѣе ⁵⁾: „Еридана нѣтъ нигдѣ на землѣ“. Это доказываетъ, что понятіе объ Ериданѣ было и въ древности такимъ же неопредѣленнымъ, какимъ оно осталось и для новыхъ ученыхъ ⁶⁾ и что отождествленіе его съ По и приуроченіе сюда мифа Фаэтона далеко не было общераспространеннымъ и постояннымъ: напротивъ, уже Геродотъ полемизируетъ противъ мнѣнія о Ериданѣ, впадающемъ въ Сѣверное морѣ. Замѣчанія его относительно невѣроятности варварскаго происхожденія имени рѣки для насъ не могутъ быть убѣдительно; напротивъ, является большое искушеніе произвести его отъ семитическаго корня רַי „стекать“ и сопоставить съ именемъ знаменитой Палестинской рѣки, а также Иордана Критскаго. Въ такомъ случаѣ пришлось бы, подобно Мюлленгофу, отнести происхожденіе рассказовъ объ янтари и даже мифѣ о Фаэтонѣ къ доставлявшимъ этотъ продуктъ Финикіянамъ, го-

¹⁾ Olshausen, Das alte Bernsteinland. *Verhandl. d. Berl. Gesell. für Anthropologie.* 1890, 270—297 и 286—319.

²⁾ Plin. 37, 45.

³⁾ V, 23. 5.

⁴⁾ III, 115.

⁵⁾ V, p. 215.

⁶⁾ Такъ, Фоссъ и Мюлленгофъ (I, 221) склонны видѣть въ немъ Рейвъ; Оппертъ (I, с. 42) — Вислу, Ольсгаузенъ — Эльбу; нѣкоторые рѣчку Радауну у Данцига, а также Рову (Christ), Зап. Двинну (Вауль) и т. д.

ворившимъ Грекамъ о „рѣкѣ“ вообще. Конечно, такъ далеко итти рисковано, тѣмъ болѣе, что существуютъ и греческія этимологіи этого слова¹⁾. Въ сѣверномъ происхожденіи янтаря были убѣждены, какъ мы видимъ, Греки времени Геродота; это для его времени вполне понятно: почти къ той же эпохѣ относится извѣстный кладъ съ древностями и монетами изъ Ольвіи, найденный въ Шубинѣ близъ Бромберга, т. е. уже въ самой области Балтійскаго моря²⁾. Многочисленныя находки янтаря въ обработанномъ видѣ на всемъ нашемъ великомъ водномъ пути³⁾ могли бы говорить также въ пользу существованія сношеній чрезъ материкъ Балтійскаго моря съ Чернымъ, если бы онѣ были приведены въ хронологическій порядокъ и подвергнуты физико-химическому анализу⁴⁾. Конечно, существованіе этихъ сношеній въ V в. не обязываетъ вѣрить въ то, что они велись и въ XV или X; очень возможно, что въ это отдаленное время янтарь шель по другому, болѣе западному пути, обильному микенскими слѣдами, что Эльба, Рейнъ и Рона имѣютъ право на тождество съ Эриданомъ, а греческое имя янтаря *λυγύριον* носить въ себѣ указаніе на народъ, принимавшій наиболѣе дѣятельное участіе въ торговлѣ продуктомъ и, во всякомъ случаѣ, бывший виднымъ посредникомъ въ ней. Что дѣло все-таки не обходилось безъ Финикіянъ, на это довольно ясно указываетъ исторія Евмея въ XV пѣсни Одиссеи. Рассказавъ о томъ, какъ Финикіянка — рабыня на островѣ Сирѣ — сговорила съ пріѣхавшими туда ея единоплеменниками — купцами, поэтъ продолжаетъ отъ лица Евмея:

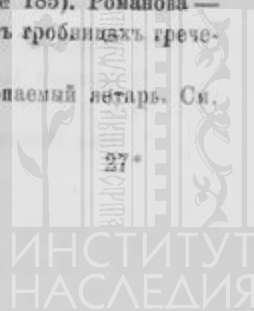
Тѣ же (т. е. купцы) годъ цѣлый оставшись на островѣ нашемъ прилежно
Свой крутобокій корабль нагружали, торгуя товаромъ.
Но когда изготовился въ путь нагруженный корабль ихъ,
Ими былъ вѣстникъ о томъ къ финикійской рабынѣ отправленъ;
Въ домъ онъ отца моего дорогое принесъ ожерелье
Крупный электронъ, оправленный въ золото съ чуднымъ искусствомъ;
Тѣмъ ожерельемъ моя благородная мать и рабыни
Всѣ любовались; оно по рукамъ ихъ ходило и цѣну
Разную всѣ предлагали. А онъ по условію, молча
Ей головою кивнулъ и потомъ на корабль возвратился.
Изъ дому, за руку взявши меня, поспѣшила со мною
Выйти она
. я за нею пошелъ, ничего не размысли.
Пристани славной, поспѣшно идя, наконецъ мы достигли.
Тамъ оплыватель морей, ожидалъ насъ корабль финикійскій.

¹⁾ Окончаніе — *δανός (οὐτιδανός)* Mallenhof, I, 218 и др.

²⁾ О находкахъ см. у Садовскаго и Вольдмана, 85.

³⁾ Ibid. Къ этому можно еще прибавить: находку Роговича въ 1875 г. (Голосъ, 1875, № 185). Романова — въ Могилевской губ. («Древности», XIII, 141), Предела — на островѣ Березани въ 1883 г. въ гробницахъ греческаго типа (VI Арх. Съездъ въ Одессѣ; отчетъ И. В. Помяловскаго въ Ж. М. Н. П. 1885).

⁴⁾ Это тѣмъ болѣе необходимо, что во многихъ мѣстахъ Россіи есть мѣстный, ископаемый янтарь. См. статью Э. П. Кеннена въ Ж. М. Н. П. 1893, 301.

Подобное же ожерелье одинъ изъ жениховъ Пенелопы предназначилъ ей въ подарокъ (XVIII, 295):

. . . Цѣпь изъ обдѣланныхъ въ золото съ чуднымъ искусствомъ
Свѣтлыхъ, какъ солнце большихъ янтарей...

Мѣста эти довольно краснорѣчивы; къ сожалѣнію и они могутъ допускать различные толкованія. Въ текстѣ стоитъ:

XV, 459: ἤλυθ' ἀνήρ πολυῖδρις ἐμοῖ εἰς δώματα πατρός
χρῖσειον ὄρμον ἔχων, μετὰ δ' ἠλέκτροισιν ἔεργτο

XVIII, 295: ὄρμον πολυδαίδαλον]
χρῖσειον ἠλέκτροισιν ἐεργμένον, ἠέλιον ὥς.

т. е. „золотое ожерелье, унизанное бусами изъ илектра“. Спрашивается, съ какимъ словомъ мы имѣемъ дѣло? Съ „ἠλεκτρος“ — сплавъ золота и серебра, или „ἠλεκτρον“ — янтарь: косвенный падежъ въ обоихъ случаяхъ дѣлаетъ возможнымъ и то, и другое. Однако безусловно всѣ ученые видятъ здѣсь именно янтарь. Не говоря уже о Бутманнѣ¹⁾, который всѣ упоминанія илектра у Гомера относитъ къ янтарю, его болѣе критическій продолжитель, авторъ статьи „Electrum“ въ энциклопедіи Pauly¹⁾ находитъ, что въ приведенныхъ нами мѣстахъ естественнѣе всего видѣть янтарь. Не сомнѣвается въ этомъ и Ebeling²⁾, и Лепсіусъ въ своемъ трудѣ о металлахъ, упоминаемыхъ въ египетской литературѣ. Отнесясь съ довольно строгимъ отрицаніемъ къ другимъ мѣстамъ Гомеровскаго эпоса, гдѣ упоминается это сомнительное слово, онъ продолжаетъ³⁾: „напротивъ, въ двухъ мѣстахъ Одиссеи, гдѣ Финикіяне приносятъ ожерелье изъ золота, окруженнаго ἠλέκτροισιν и блистающее, какъ солнце, дѣло можетъ итти только о бусахъ и т. п. изъ янтаря: для ожерелій подобнаго рода янтарь превосходенъ. Съ другой стороны, въ обоихъ мѣстахъ у Гомера стоитъ множественное число, какъ и у Аристофана, гдѣ говорится о бусахъ янтаря (Всад. 532). Ни τὰ, ни οἱ, ни αἱ ἠλεκτροί не имѣютъ смысла, когда дѣло идетъ о металлѣ, и „ὄρμος χρυσοῖς ἐεργμένος“ былъ бы невозможностью даже въ устахъ поэта. Напротивъ, это выраженіе очень удобно для янтаря, который находятъ и обрабатываютъ въ кусочкахъ, но который нельзя плавить въ слиткахъ, какъ металл“. Это объясненіе вполнѣ принимаетъ Гельбихъ⁴⁾, дополняетъ его эстетическими соображеніями и иллюстрируетъ его ссылкой на ожерелья, находимыя въ древне-этрусскихъ гробницахъ. Я, со своей стороны, могу еще разъ сослаться на ожерелье, изображенное въ рукахъ одного изъ пословъ Кефтіу. Въ настоящее время мнѣ неизвѣстно ни одного толкователя Гомера или историка древняго искусства, который бы не раздѣлялъ этого мнѣнія, и придется признать, что Греки, дѣйствительно, соединяли представленіе о торговлѣ янтарными издѣльями съ Финикіянами. Бутманнъ полагалъ, что тотъ янтарь — сицилійскій. Въ настоящее время микенскія находки и изслѣдованія

¹⁾ Abhandl. d. Berl. Akad. 1818, 38 сл. Mythologus II, 337.

²⁾ Lexicon Homer. 539.

³⁾ l. c.

⁴⁾ Das Homer. Epos 182.

Гельма доказали его сѣверное происхожденіе. Какимъ образомъ доходилъ этотъ продуктъ къ Финикіянамъ — чрезъ По, Рону или какую либо другую, болѣе сѣверную рѣку, шель ли сухимъ путемъ, или получался непосредственно съ береговъ Нѣмецкаго моря, мы пока не имѣемъ возможности рѣшить окончательно; несомнѣнно только, что уже въ отдаленное время финикійскаго господства на Средиземномъ морѣ сѣверъ Европы, благодаря своимъ произведеніямъ, находился въ сношеніяхъ съ культурнымъ міромъ.

О мѣстѣ битвы Русскихъ съ Нѣмцами, бывшей 5 апрѣля 1242 г., на льду Чудскаго озера.

А. Бунина.

Въ числѣ запросовъ, поставленныхъ на разрѣшеніе X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ, находится и запросъ: о мѣстоположеніи *Воронья камня*, при которомъ произошла битва кн. Александра Ярославича съ Нѣмцами.

Извѣстіе объ этой битвѣ, наиболѣе обстоятельно изложенное, находится въ 1-й Новгород. лѣтописи, въ которой она описана, подъ 6750 г., такимъ образомъ: „поиде кн. Александръ съ Новгородци и съ братомъ Андреемъ и съ Низовци, на Чюдскую землю, на Нѣмци, ... и яко быша на земли, пусти полкъ весь въ зажитіа, и Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша въ разгонѣ, и усрѣтоша я Нѣмци и Чюдь у моста, и бихася ту, и убиша ту Домаша брата посаднича, служба честна, и инѣхъ съ нимъ избиша, а инѣхъ руками изымаша, а иніи къ князю прибѣгоша въ полкъ; князь же вспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдь поидоша по нихъ. Узрѣвъ же кн. Александръ и Новгородци, поставиша полкъ на *Чудскомъ озерѣ*, на *Узмени*, у *Воронья камня*, и наѣхаша на полкъ Нѣмци и Чюдь, и прошибошася свиньею сквозѣ полкъ; и бысть сѣча ту велика Нѣмцемъ и Чюди... и пособи Богъ Александру, а Нѣмци ту падоша, а Чюдь даша плеча; и гоняче биша ихъ на 7-ми верствѣ по льду, до Суболичьскаго берега, и паде Чюди безъ числа, а Нѣмецъ 400, а 50 руками яша, и приведоша въ Новгородъ, а бихася мѣсяца апрѣля въ 5“¹⁾.

Мѣстоположеніе *Воронья камня*, при коемъ происходила эта битва, опредѣлялось уже, но въ различныхъ пунктахъ, гг. Ю. Трусманомъ, Н. И. Костомаровымъ и И. И. Василевымъ.

Г. Ю. Трусманъ, въ ст. *О мѣстѣ ледоваго побоища въ 1242 г.*²⁾ полагаетъ, что Русскіе, наступая по обыкновенному (?) зимнему пути, подошли къ устью р. Омовжи, можетъ быть намѣреваясь отсюда двинуться къ Дерпту, а Нѣмцы шли вдоль той же рѣки по направленію къ Новгороду, въ виду чего Русскіе отступили и остановились на льду Чудскаго озера; что подъ *Вороньимъ камнемъ* лѣтописи разумѣлся громадный камень,

¹⁾ Полн. Собр. Рус. лѣт. III. 53—54.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1884 г. явн. стр. 44.

виднѣющійся изъ воды озера, въ 60 шагахъ отъ нынѣшняго с. Воронья, расположеннаго на самомъ берегу Чудскаго озера, въ 5—7 вер. къ С. отъ устья Омовжи; что битва происходила частію на льду озера и частію на берегу его; и что разбитые Чудь бѣжали по льду около берега, къ Ю. отъ мѣста битвы, до д. Сосницъ (эст. Pedasi), находящейся на выступѣ берега, въ 7 вер. отъ с. Воронья. Но съ такимъ объясненіемъ хода дѣла нельзя согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ. Цѣлью похода Русскихъ, по всей вѣроятности, былъ Юрьевъ (Дерптъ), какъ центръ управленія края, и потому они должны были слѣдовать по прямому пути, ведущему къ этому городу; допуская же предположеніе, что они совершили путь по льду озера и вступили въ Чудскую землю только лишь при устьѣ р. Омовжи, а затѣмъ слѣдовали вверхъ по этой рѣкѣ, — нельзя было бы примѣнить выраженіе лѣтописи: „и яко быша на земли, пусти полкъ весь въ зажитіа“, — такъ какъ мѣстность по нижнему теченію Омовжи на 13 вер. болотистая и незаселенная, а далѣе вверхъ рѣки, на остальныхъ 22 верстахъ, хотя и населенная, но русская рать не могла идти по ней въ разсыпномъ видѣ, не подвергая себя опасности быть уничтоженной по частямъ. Съ другой стороны и Нѣмцы не могли предпринимать походъ на Новгородъ, направляясь по той же Омовжѣ, въ то время, когда подвластной имъ землѣ угрожалъ сильный непріятель, а что это имъ было извѣстно, видно изъ того, что они находились въ полной готовности дать ему отпоръ, какъ это показываетъ дѣло ихъ съ русскимъ развѣдочнымъ отрядомъ Домаша и вслѣдъ затѣмъ наступленіе на главныя силы русской рати. За симъ, отступая передъ противникомъ на озеро, кн. Александръ имѣлъ возможность избрать выгодную позицію для сраженія; но указываемая въ 5 вер. къ С. отъ устья Омовжи скала у нынѣшняго с. Воронья, не могла представлять никакой опоры, и притомъ она находится въ такой части озера, въ коей, вслѣдствіе слабости льда, зимою прокладываются только лишь береговыя тропы, а переѣздъ черезъ самое озеро невозможенъ¹⁾ почему русская рать, въ случаѣ неудачнаго исхода сраженія, подвергалась бы опасности быть опрокинутой въ воду на срединѣ озера, — чего кн. Александръ конечно не могъ непредусмотрѣть. Наконецъ, нельзя и представить себѣ, какъ могла произойти битва двухъ многочисленныхъ ратей на такомъ тѣсномъ мѣстѣ, потому что если допустить предположеніе, что она происходила частію на льду озера и частію на берегу его, — чего лѣтописью не подтверждается, — то силы противниковъ должны были бы расположиться такимъ образомъ: русскій строй — стоять параллельно съ берегомъ, а Нѣмцы и Чудь — на берегу, съ котораго они и двинулись своей клинообразной колонной, — но въ такомъ случаѣ нельзя объяснить: какъ могли разбитые Чудь обратиться въ бѣгство по льду около берега, тогда какъ у нихъ для этого былъ свободный тылъ, съ котораго имъ непріятель не угрожалъ; если же эта клинообразная колонна шла къ мѣсту сраженія по льду вдоль берега, то русскій строй долженъ былъ стоять перпендикулярно къ берегу, упираясь въ него своимъ правымъ флангомъ, а въ этомъ случаѣ битва не могла происходить частію на берегу; кромѣ того, при такомъ расположеніи силъ

¹⁾ Географическій словарь Семенова, V. 732.

противниковъ, разбитые Чудь, хотя и получали возможность обратиться въ бѣгство по льду около берега, то подвергались бы преслѣдованію на 11 верстѣ, такъ какъ выступъ берега съ д. Сосницами на немъ, находится на такомъ разстояніи отъ с. Воронья, по лѣтописи же Вороній камень долженъ находиться отъ Суболицкаго берега въ 7 верстахъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ указываемая скала, близъ нынѣшняго с. Воронья, не могла быть тѣмъ Воронимъ камнемъ, при которомъ произошла битва 1242 года.

Н. И. Костомаровъ, въ своей Исторіи Новгорода, Пскова и Вятки ¹⁾ указываетъ мѣсто сраженія 1242 г. у скалы Вороній камень, на Узмени, при поворотѣ изъ Псковскаго оз. въ Чудское, и хотя отмѣчаетъ такую подробность, какъ происхожденіе названія этой скалы оттого, что тамъ постоянно кружатся вороны, но точнымъ образомъ мѣстоположенія ея не опредѣляетъ. На 3-хъ-верстной военно-топографической картѣ въ С.-З. части Псковскаго оз., при началѣ суженной части Чудскаго (Теплаго) озера, показанъ только о-въ Салло и въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ его з. берега маленькій островокъ безъ названія, разстояніемъ отъ С.-З. берега озера въ 2 вер. Поэтому, если историкъ подъ скалою Вороній камень разумѣлъ этотъ островокъ, то онъ не соотвѣтствуетъ лѣтописному разсказу, какъ по разстоянію отъ берега, такъ и по нахожденію въ Псковскомъ, а не въ Чудскомъ озерѣ, на которомъ происходила битва ²⁾.

И. И. Василевъ, въ своихъ Оп. Ст.-Геогр. слов. Псковскаго у. ³⁾ и Псковская губ. ⁴⁾ указываетъ на небольшой о-въ Варанье (Матюсовъ, а въ др. м. Матиновъ), находящійся близъ западнаго берега Псковскаго оз., полагая, что при немъ происходила битва 1242 г. Но о-въ этотъ также не соотвѣтствуетъ лѣтописному разсказу какъ потому, что находится на Псковскомъ, а не на Чудскомъ озерѣ, такъ и потому, что онъ удаленъ отъ Чудской земли съ ея Суболицкимъ берегомъ.

Вообще, относительно всѣхъ разсмотрѣнныхъ выше опредѣленій мѣстоположенія Воронія камня, надобно замѣтить, что его искали близъ западнаго берега Чудскаго или Псковскаго озера, а между тѣмъ, по смыслу лѣтописнаго извѣстія, его слѣдовало искать на Чудскомъ оз., прямо противъ западнаго берега, въ 7 верстахъ.

По изображеніи хода событій съ подробными картами: военно-топографической, Шуберта и специальной, я полагаю, что приведенное извѣстіе лѣтописи можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ.

¹⁾ Изд. 1868 г. т. I стр. 363.

²⁾ Нельзя не обратить вниманіе на то, что Костомаровъ въ своемъ изложеніи хода дѣла, совершенно невѣрно передаетъ лѣтописное извѣстіе. Такъ, изъ его разсказа видно, что дѣйствія развѣдочнаго отряда въ Чудской землѣ происходили до выхода кн. Александра изъ Пскова, тогда какъ этотъ отрядъ былъ посланъ изъ главныхъ силъ въ то время, когда они находились уже въ Чудской землѣ; что Нѣмцы и Чудь шли уже по льду Чудскаго озера, съ цѣлюю дойти до Пскова, и только тогда кн. Александръ выступилъ изъ Пскова по льду же, слѣд. не бывши предварительно въ Чудской землѣ; что у Воронья камня кн. Александръ установилъ свое войско свиньею, а по приближеніи Нѣмцевъ, онъ двинулъ свою свинью рыломъ на непріятеля и разрѣзалъ нѣмецкій строй, тогда какъ, наоборотъ, нѣмецкая рать была построена свиньею и она разрѣзала русскій строй.

³⁾ Стр. 184.

⁴⁾ Изд. 1996 г. стр. 40 и 218.

Русская рать, подъ предводительствомъ кн. Александра, выступивъ изъ Пскова, направилась по льду черезъ Псковское озеро¹⁾ къ устью р. Воо (по Сп. нас. м. Псков. губ. р. Лыбовская), гдѣ вступила въ Чудскую землю и продолжала затѣмъ путь къ Юрьеву, по Суболицкой области, между берегомъ оз. Чудскаго (суженной его части, наз. оз. Теплыхъ) и р. Аа, правымъ притокомъ р. Омовжи или Эмбаха. Во время слѣдованія по Чудской землѣ ратники шли нѣсколькими дорогами, забирая по пути продовольствіе у мѣстныхъ жителей, къ чему представлялась возможность въ этомъ краѣ и тогда, вѣроятно, такъ же довольно населенномъ, какъ въ настоящее время. Одновременно со вступленіемъ въ Чудскую землю, отъ главныхъ силъ былъ отдѣленъ развѣдочный отрядъ Домаша и Кербета, для собиранія свѣдѣній о силахъ и мѣстонахожденіи непріятеля, и шелъ лѣвѣе главныхъ силъ, верстахъ въ 7-ми. Отрядъ этотъ, достигнувъ *Моста*, неожиданно встрѣтилъ значительныя непріятельскія силы, выступившія навстрѣчу Русскихъ, и былъ разбитъ. При этомъ, относительно слова *Мостъ* надобно замѣтить, что это должно быть собственное имя и, несомнѣнно, названіе селенія, такъ какъ трудно допустить, чтобы лѣтописецъ, желая обозначить мѣсто столкновенія, могъ дать такое неопредѣленное указаніе, какъ мостъ въ обыкновенномъ смыслѣ: онъ скорѣе назвалъ бы рѣку, черезъ которую устроенъ мостъ. Поэтому, вѣроятно, подъ *Мостомъ* лѣтописи надобно разумѣть дер. *Хаммасть* (въ 18 вер. къ Ю.-В. отъ Юрьева),— названіе коей²⁾ передѣлано лѣтописцемъ на русскій ладъ, подобно тому, какъ названіе г. *Кастра* (Стар. и Нов. Кастерь, на р. Омовжѣ, ниже Юрьева), передѣлано въ нашихъ актахъ и лѣтописяхъ въ *Костерь*. Когда остатки разбитаго развѣдочнаго отряда прибѣжали къ кн. Александру и принесли извѣстіе о наступленіи непріятеля, главныя силы русской рати находились на одной высотѣ съ д. *Хаммасть*, въ 7—8 вер. отъ нея къ В., въ мѣстности лѣсистой и болотистой, какою она представляется еще и теперь. Такъ какъ въ такой мѣстности невозможно было выбрать удобной позиціи для сраженія, то кн. Александръ отступилъ съ своими силами на озеро, въ суженной его части (оз. Теплое), по льду перешелъ его поперекъ и, приблизившись такимъ образомъ къ Псковскому берегу около него занялъ позицію на *Узмени*, у *Вороней камня*. Что такое *Узмень* — опредѣлить трудно, потому что подъ такимъ названіемъ встрѣчаются какъ озера (напр. озеро *Узмень*, около бывшаго гор. Усвята), такъ и селенія (напр. д. *Узмень* на берегу Жижецкаго оз., *Торопецкаго у.*, и с. *Узмень* на берегу оз. *Верито*, *Бѣжецк. у.*); *Вороней же камень* существуетъ и въ настоящее время, подъ названіемъ *Вороней острова* (онъ показанъ на всѣхъ вышеназванныхъ картахъ) и находится въ ю. части собственно Чудскаго оз., въ 400 саж. къ С. отъ Гдовскаго берега, въ 5¹/₂ вер. къ С.-З. отъ погоста *Кобыльяго городища* и въ 7 вер. отъ З. (Суболицкаго) берега Чудскаго озера. Островъ этотъ, пространствомъ въ 2 дес.

¹⁾ Переѣздъ зимою по льду возможенъ какъ по Псковскому, такъ и по суженной части Чудскаго — Теплому оз. (Геогр. Слов. Семенова V. 732).

²⁾ Названіе этой деревни подписывается на картахъ различно: *Хаммасть*, *Хамастъ*, *Гамастъ* и кажется правильнѣе было бы: *Амасть* — по рус. зубъ, а участниками въ дѣлѣ могло быть передано лѣтописцу въ формѣ просто *Масть*.

АРХЕОЛОГ. СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

1920 кв. саж., лѣтъ 100 тому назадъ (при генеральномъ межеваніи) былъ покрытъ дровянымъ лѣсомъ, по коему производились сѣнные покосы. На занятой при этомъ островѣ позиціи, русская рать построилась развернутымъ фронтомъ, обращеннымъ къ наступающему съ запада непріятелю. Сраженіе началось тѣмъ, что Нѣмцы и Чудь клинообразной колонной стремительно ударили на русскій строй и прорвали его, рассчитывая дѣйствовать во флангъ разъединенныхъ частей русской рати и, такимъ образомъ, успѣшнѣе разбить ее; но непріятельская колонна была охвачена Русскими съ обѣихъ сторонъ и сама подверглась страшному поражению, при чемъ однихъ Нѣмцевъ пало 400 человекъ (а по др. лѣтоп. 500), остальные же 50 взяты въ плѣнъ; а Чудь, понесъ поражение, обратились въ бѣгство, но были преслѣдуемы Русскими и понесли при этомъ еще огромныя потери, безъ числа, какъ говоритъ лѣтописецъ. Преслѣдованіе это продолжалось по льду, до Суболицкаго берега, на протяженіи 7 верстъ, т.-е. на семь разстояніи, отдѣляющемъ Вороній о-въ отъ западнаго берега озера, у котораго оно было прекращено, безъ сомнѣнія потому, что, достигнувъ своей земли, остатки Чуди нашли надежное прикрытіе въ лѣсахъ. Эта битва, какъ происходившая все время на льду, получила въ нашихъ лѣтописяхъ названіе *ледоваго побоища*.

Вороней камень упоминается въ лѣтописи еще подъ 1463 годомъ¹⁾ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1462 г. Псковичи построили *Новый городецъ* надъ Великимъ озеромъ, для защиты своего побережья отъ Нѣмцевъ, которые постоянно на него нападали. Въ 1463 г. марта 21 Нѣмцы пришли ратью къ этому городку и „оступаша его, начаша пушки шибати на городъ, а иная сила Нѣмецкая начала воевать и жечь Псковскіе исады“; но когда, на слѣдующій день, на выручку городка прибыли Псковичи, то Нѣмцы, помѣтавши свой запасъ, отбѣжали отъ него и чередъ озеро поспѣшно ушли въ свою землю. Псковичи остались въ городкѣ, но несмотря на это, Нѣмцы опять пришли 27 марта и выжгли два большихъ исада²⁾: *Островцы* и *Подольше*. Посадникъ городка послалъ извѣстіе объ этомъ во Псковъ, и Псковичи соединившись съ пригорожанами, въ болѣе значительныхъ силахъ, прибыли 30 марта къ городку, но не застали уже Нѣмцевъ, такъ какъ они опять ушли въ свою землю. Тогда „посадники Псковскіе и Псковичи начаша думать, куда пойти за ними? и сдумаша пойти и поидоша къ *Воронью камени* и вшѣха вся Псковская сила на озеро. И пришедши доброхотъ изъ зарубезья Чудинъ, и сказа посадникамъ Псковскимъ, что сила Нѣмецкая готова и хотять ударить на сію ночь на *Колминое*; и Псковичи възвратихся на тую же ночь, и поидоша на *Колминое*, и придоша тамо поразу и узрѣша, что Нѣмцы жгутъ по нашей волости и воюють и церковь Колпинскую зажгоша и иныхъ исадовъ много жгутъ“. Псковичи, не ждавши ни часу, ударили на Нѣмцовъ на *Колминой рѣкѣ* противу церкви и произвели великую сѣчу, обратили Нѣмцовъ въ бѣгство и преслѣдовали ихъ овы сѣкучи, а иныя бодучи... „и биша ихъ въ погоню на 15 верстъ до *Коховъ рѣцѣ* и за Кохову, двѣма путжи гоняшея“... и по обѣимъ путямъ куды бѣгли Нѣмцы мостъ лежитъ труція Нѣмецкаго“³⁾.

¹⁾ Псков. 1 лѣт.: 223.

²⁾ Исадами называются рыбацкія селенія.

³⁾ Псков. 1 лѣтоп. 222—223.

Изъ числа упомянутыхъ въ этомъ лѣтописномъ извѣстїи мѣсть, подъ *Новымъ городкомъ* слѣдуетъ разумѣть бывшїй Псковскїй пригородъ *Кобылій*, какъ онъ и называется въ другихъ спискахъ лѣтописи¹⁾ нынѣшній погостъ *Кобылье городище*, на берегу Чудскаго оз., при началѣ рч. Кобылки; исады *Островцы* и *Подолъше*, по смыслу лѣтописнаго извѣстїя, находившіеся по близости Новаго городка, существуютъ иньѣ и расположены на берегу Чудскаго озера, къ С. отъ Кобыльяго городища, одно въ 9, а другое въ 11 верстахъ; *Колминое* — должно быть нын. село Колпино (Псков. у. на о-вѣ Колпинѣ, въ 27 вер. къ Ю. отъ Кобыльяго городища и въ 44 вер. къ СЗ. отъ Пскова), что подтверждается словами лѣтописи: „и Псковичи възвратисея“, т.-е. поѣхали отъ Воронья камня по направленію къ Пскову; р. *Колпина*, съ которой у Колпинской церкви Псковичи ударили на Нѣмцовъ, — собственно проливъ, отдѣляющїй отъ материка о-въ Колпинѣ, на западномъ берегу котораго находится с. Колпино, р. *Кохова*, къ которой направилось преслѣдованіе бѣжавшихъ Нѣмцовъ, — должна быть нын. р. Меда (по Сп. насел. м. Псков. губ. Гнилуша), — составляющая границу между Псковской и Лифляндской губерніями, — а что она прежде называлась Каховой можно заключать изъ того, что она протекаетъ черезъ оз. Кахово и при ней находятся селенія, на правомъ берегу: Журово Кахово, Бубинцы Кахово, оба къ ЮЗ. отъ села Колпина въ 12 и 10 верстахъ, и Карики Кахово — на одной высотѣ съ нимъ, а на лѣвомъ берегу: д. Каххова и д. Кахква²⁾. Что же относится до *Воронья камня*, то, по смыслу приведеннаго лѣтописнаго извѣстїя, пунктъ этотъ долженъ находиться на пути предпринятаго Псковичами похода изъ Новаго городка (Кобыльяго городища) въ Чудскую землю, а въ виду этого его мѣстоположеніе и въ настоящемъ случаѣ будетъ вполнѣ соответствовать *Вороню* о-ву, который, какъ къ выше объяснено, находится къ СЗ. отъ Кобыльяго городища (Новаго городка) въ 5½ вер., а отъ берега Чудской земли въ 7 верстахъ, и къ такому заключенію не можетъ представляться препятствїя въ томъ, что о-въ этотъ отстоитъ отъ с. Колпина въ 30 верстахъ, такъ какъ разстояніе это весьма возможно проѣхать, въ мартѣ мѣсяцѣ, съ вечера одного дня до утра слѣдующаго.

Обращаясь за симъ къ провѣркѣ, предполагаемыхъ гг. Трусманомъ, Костомаровымъ и Василевымъ, мѣсть Воронья камня относительно села Колпина — пункта несомнѣнно опредѣленнаго, — находимъ, что скала у с. Вороньяго отстоитъ отъ Колпина въ 53 вер., скала при поворотѣ изъ Псковскаго оз. въ Чудское — въ 7½ вер. и о-въ Варанья — въ 8½ вер., а въ виду такихъ разстояній нельзя не заключить, что если первое изъ нихъ слишкомъ значительно, чтобы его можно было проѣхать въ одну ночь, то два послѣднія слишкомъ малы, чтобы на нихъ потребовалось такое же время, и потому ни одинъ изъ этихъ трехъ пунктовъ не можетъ быть признанъ за мѣсто Воронья камня, соответствующее и лѣтописному извѣстїю 1463 года.

¹⁾ Псков. 1 лѣт. 221—222 стр., въ выноскахъ.

²⁾ Здѣсь представляется еще примѣръ того, что лѣтописецъ, при записыванїи собственныхъ именъ, въ которыхъ явственно слышится звукъ а, — употребляетъ о, и не только чудское Каххова, но и русское Кахово передаетъ въ формѣ Кохова.

Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуни черезъ Ригу въ Зарайскъ въ 1224—25 гг.

Н. И. Петровъ.

Сказаніе это занесено въ „Русскій Временникъ“ или въ такъ называемую Костромскую лѣтопись, подъ заглавіемъ „О пришествіи Николина образа изъ Карсуни на Рязань“¹⁾. Съ теченіемъ времени оно осложнилось нѣкоторыми дополненіями и вариантами и образовало двѣ редакціи, краткую и обширную, которыя обѣ дополнены сказаніями „О убіеніи благовѣрнаго князя Θεодора Георгіевича Рязанскаго Батыемъ“ и „о принесеніи чудотворнаго образа Николы Корсунскаго изъ Зарайска на Коломну и паки пришествіи въ Зараскъ“ въ 1513 и 1515 годахъ, и слѣдовательно получили свою законченность не раньше XVI вѣка. Судя по внутреннимъ признакамъ обѣихъ редакцій, краткая изъ нихъ должна быть ближе къ первоисточнику, чѣмъ пространная, такъ какъ меньше заключаетъ въ себѣ ошибокъ и риторическихъ водянистыхъ пространеній.

По краткой редакціи сказанія, образъ св. Николая Зарайскаго до 1224 года стоялъ „во градѣ Корсуни посредѣ града, идѣже бѣ церковь св. апостола Іакова, брата Господня по плоти, въ ней же служаше пресвитеръ Евстаѳій“. Въ этомъ году святитель Николай трижды являлся во снѣ пресвитеру Евстаѳію, повелѣвая ему взять его образъ и съ женою Θεодосією и сыномъ Евстаѳіемъ итти въ Рязанскую Землю: „азъ бо,—говорилъ святитель,—такъ хочу образомъ моимъ быти и чудеса творити, и мѣсто прославити“. Когда же пресвитеръ Евстаѳій не рѣшался оставить родину и предпринять трудный путь въ невѣдомую страну, то на него напала глазная болѣзнь, отъ которой онъ исцѣлился, помолившись св. Николаю и обѣщавшись исполнить его повелѣніе. Евстаѳій хотѣлъ направить свой путь въ Рязань черезъ Половецкую Землю. Но святитель Николай „паки явился іерею Евстаѳію и рече ему: неполезно ти есть итти чрезъ Половецкую землю, но иди во усть Днѣпра, и сяди въ корабль и дойди моря Варяжскаго (въ Нѣмецкія области), и оттуда иди сухимъ путемъ до великаго Новаграда, и тако до Рязанскія земли невозбранно дойдеши, вездѣ чести пріемля“. Іерей Евстаѳій такъ и поступилъ: „и приде въ усть Днѣпра, и сяде въ корабль въ Пантское море, еже словеть море Русское, и дойде моря Варяжскаго, и приде

¹⁾ „О перенесеніи иконы св. Николая изъ Корсуни въ Новгородъ, въ 1223 г.“ Куника, въ „Ученыхъ Запискахъ Император. Академіи Наукъ по I и III отд.“, т. II, 1854 г., вып. 5, стр. 747 и сл.

въ области Нѣмецкія во градъ Ригу, и мало пребывъ въ немъ поиде оттуду сухимъ путемъ, приде во градъ Кесъ, и оттуду въ великій Повградъ къ великому князю Ярославу Всеволодовичу и къ сыну его великому князю Александру Невскому, и пребысть тамо многи дни, въ ня же великій чудотворецъ Никола въ великомъ Новѣ-градѣ многи недужны исцѣли, и показа своя преславная чудеса“. Изъ великаго Новгорода пресвитеръ Евстаіій отправился въ Рязанскую землю и въ 1225 году прибылъ въ городъ Красный, нынѣшній Зарайскъ, гдѣ былъ благоговѣнно встрѣченъ мѣстнымъ удѣльнымъ княземъ Ѳеодоромъ Георгіевичемъ. Этому князю, тогда еще неженатому, предсказано было святителемъ Николаемъ, въ сонномъ видѣніи, что онъ получитъ вѣнецъ царства небеснаго съ женою и сыномъ своимъ. И дѣйствительно, когда въ 1237 году Батый наступалъ на Рязанскую землю, то князь Ѳеодоръ Георгіевичъ убиенъ былъ по приказанію самого Батыя, а молодая супруга его княгиня Евпраксія, получивъ вѣсть о мученической смерти своего мужа и не желая живою отдаться на оскверненіе татарамъ, взяла на-руки грудного младенца своего князя Іоанна и вмѣстѣ съ нимъ бросилась съ высокаго терема на землю и „заразися до смерти“, отчего будто бы и самый городъ Красный сталъ называться Зараскомъ или Зарайскомъ¹⁾.

Въ пространной редакціи вначалѣ прибавлено вптѣватое предисловіе и вставленъ разсказъ о крещеніи св. равноапостольнаго князя Владимира въ Корсуни. Что же касается существеннаго, фактическаго содержанія этой редакціи, то она повторяетъ то же самое, что передаетъ и краткая редакція, съ небольшими лишь отличіями отъ послѣдней. О Корсунской церкви, въ которой первоначально находился образъ св. Николая, въ пространной редакціи сказано, что этотъ образъ „въ странѣ гречестѣй во славнѣмъ градѣ Корсунѣ, у торго, посередѣ града, въ его имя созданной церкви стояше, при церкви св. апостола Іакова, брата св. Іоанна Богослова. Въ той убо церкви св. апостола Іакова самодержавный великій князь Владиміръ Святославичъ Кіевскій и всея Россіи пріять святое крещеніе“. По свидѣтельству этой редакціи, пиршество по случаю брака св. Владимира съ царевною Анною происходило въ царской палатѣ за алтаремъ церкви св. Николая: „а идѣже греческіи царіе въ веселии пребываху, и та палата царская была устроена великая близъ онаго храма великаго чудотворца Николая за алтаремъ. Сій же многочудесный образъ чудотворца Николая тогда убо во градѣ Корсунѣ во оной церкви бѣше“. Такимъ образомъ, по смыслу сказанія пространной редакціи, въ Корсуни была особая церковь св. Николая, въ которой, во время крещенія св. Владимира, находился уже и образъ сего святителя. Затѣмъ, по пространной редакціи, пресвитеръ Евстаіій, совершивъ морской путь до Нѣмецкія земли, идетъ не въ Ригу, здѣсь не упоминаемую, а прямо во градъ Кесъ и оттуда — въ великій Новгородъ²⁾.

1) „Чудотворный образъ святителя Христова и чудотворца Николая Зарайскаго“. Изданіе второе. Рязань, 1892.

2) „Сказаніе о принесеніи образа св. Николая изъ Карсуны въ г. Зарайскъ въ 1225 году“, изд. свящ. І. Добролюбова, Москва, 1891. См. „Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“, кн. 15, 1852 г., Смѣсь, стр. 11—21. Въ первомъ изъ этихъ изданій вмѣсто *Кесъ* ошибочно напечатано *Кесе*.

Въ концѣ нѣкоторыхъ списковъ сказанія сдѣлана замѣтка: „се письмо написа Евстаѳьевъ сынъ Корсунской Евстаѳій на память роду своему“. На этомъ основаніи полагають, что сказаніе составлено сыномъ Корсунскаго пресвитера Евстаѳія, принесшаго въ Зарайскъ чудотворный образъ св. Николая, тоже Евстаѳіемъ, т.-е. очевидцемъ и даже участникомъ описываемыхъ событій¹⁾. Но анализъ сказанія, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ редакціяхъ его, показываетъ, что авторъ его не имѣлъ вѣрнаго представленія ни о географическомъ мѣстоположеніи Корсуны, ни объ его исторіи, и слѣдовательно не былъ современникомъ и очевидцемъ описываемыхъ въ немъ событій: 1) съ именемъ Корсуны извѣстны были два древнихъ города — Херсонесъ Таврической, находившійся близъ нынѣшняго Севастополя, и Корсунъ Кіевской губерніи, нынѣ мѣстечко Каневского уѣзда. Послѣдній нѣкоторые считаютъ колонією древняго Херсонеса Таврическаго²⁾. Въ сказаніи несомнѣнно подъ Корсунемъ разумѣется Херсонесъ Таврической, такъ какъ, по пространной редакціи сказанія, городъ Корсунъ находился въ греческой землѣ, и въ немъ принялъ крещеніе св. равноапостольный князь Владимиръ. Но невѣрно извѣстіе пространной редакціи сказанія о томъ, будто бы св. равноапостольный князь Владимиръ получилъ крещеніе въ корсунской церкви св. апостола Іакова, брата св. Іоанна Богослова. Это извѣстіе, котораго нѣтъ въ краткой редакціи сказанія, стоитъ въ прямомъ противорѣчьи съ извѣстіемъ нашей начальной лѣтописи о томъ, что крещеніе св. Владимира происходило въ корсунской церкви пресв. Богородицы, стоявшей въ центрѣ города, на рыночной площади, „идѣже торгъ дѣють корсуняне“. 2) Если и существовали въ древнемъ Херсонесѣ Таврическомъ церкви св. апостола и св. Николая, то въ нихъ во время крещенія св. Владимира не могъ находиться образъ св. Николая, извѣстный нынѣ подъ именемъ Зарайскаго, потому что этотъ образъ — позднѣйшаго происхожденія. По краямъ его находится 17 изображеній событій изъ жизни и чудесъ святителя, изъ коихъ послѣднее есть „перенесеніе мощей святаго Николы чуд.“ изъ Муръ Ликійскихъ въ Баръ градъ³⁾. А это событіе случилось уже къ концу XI вѣка, въ 1087 году⁴⁾, раньше котораго и не могъ быть написанъ образъ св. Николая Зарайскаго. Да и послѣ этаго времени этотъ образъ не могъ явиться въ Херсонесѣ Таврическомъ, принадлежавшемъ къ греческой церкви, такъ какъ послѣдняя не празднуетъ изображеннаго на образѣ перенесенія мощей святителя въ Баръ⁵⁾. 3) Въ 1223 году Корсунъ, дотолѣ принадлежавшій къ Трапезунтской имперіи, опустошенъ былъ турецкимъ пра-

¹⁾ „Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“, кн. 15, 1852 г., Смѣсь, стр. 11—21; „Чудотворный образъ святителя Христова и чудотворца Николая Зарайскаго“, изданіе 2, Рязань, 1892 г., стр. 25.

²⁾ „Сказаніе о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи“, Похилевича, Кіевъ, 1863.

³⁾ Хронометрографическій рисунокъ его см. въ брошюрѣ: „Чудотворный образъ святителя Христова и чудотворца Николая Зарайскаго“, 2 изд., Рязань, 1892. Названія боковыхъ изображеній опредѣлены нами по иконѣ сего святителя, находящейся въ Церковно-Археологич. Музеѣ при Кіев. Дух. Академіи, подъ № 7636-мъ.

⁴⁾ „Установленіе въ Русской церкви праздника 9 мая“, А. Красовскаго, въ Трудахъ Кіев. Дух. Ак., декабрь, 1874 г., стр. 542 и др.

⁵⁾ Тамъ же.

вителемъ Синопа Этумомъ или Гетумомъ¹⁾, что дѣйствительно могло послужить для корсунскаго пресвитера Евстаѳіа достаточнымъ побужденіемъ къ переселенію его изъ Херсонеса въ Россію; но направленіе его пути и самая возможность его представляются мало вѣроятными. По обѣимъ редакціямъ сказанія, Корсунскій пресвитеръ Евстаѳій „приде въ усть рѣки Днѣпра и сяде въ корабль въ Пантское море, еже словеть море Русское, и дойде моря Варяжскаго“. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ пресвитеръ Евстаѳій долженъ бы былъ ѣхать изъ Херсонеса сначала Понтійскимъ или Русскимъ моремъ, чтобы потомъ войти „въ усть рѣки Днѣпра“, а не наоборотъ. Несообразность опредѣленія указаннаго пути устранилась бы, если бы мы подъ Корсунемъ разумѣли не Херсонесъ Таврической, а Корсунъ Кіевскій; потому что въ такомъ случаѣ пресвитеръ Евстаѳій могъ бы плыть сначала Днѣпромъ, до устья его, а потомъ моремъ Русскимъ или нынѣшнимъ Чернымъ и изъ него сдѣлать громадный морской путь вокругъ всей Западной Европы въ море Варяжское. Но, не говоря уже о томъ, что мы не имѣемъ права подразумѣвать въ сказаніи Корсунъ Кіевскій, и самъ по себѣ этотъ путь возбуждаетъ неменьшія недоразумѣнія, такъ какъ едва ли былъ возможенъ въ то время, по крайней мѣрѣ безъ пересадки, и во всякомъ случаѣ представлялся бы излишнимъ при существованіи болѣе краткаго, легкаго и прямого пути изъ Корсуна Кіевского въ Ригу по Днѣпру и Западной Двинѣ. Но ѣхалъ ли бы пресвитеръ Евстаѳій изъ Херсонеса Таврическаго на сѣверъ, или изъ Корсуна Кіевского на югъ, къ устью Днѣпра далѣе, во всякомъ случаѣ онъ долженъ бы былъ ѣхать черезъ нынѣшнюю Новороссійскую степь, занятую тогда Половцами, которые совершенно отрѣзали пути сообщенія между Тавридой и Кіевской землей.

На основаніи сказаннаго мы полагаемъ, что образъ св. Николая Зарайскаго не былъ первоначально въ Херсонесѣ Таврическомъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ образъ по справедливости могъ называться корсунскимъ. Корсунскими иконами въ древней Руси первоначально назывались иконы, вывезенныя св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ въ Кіевъ изъ Корсуна Таврическаго, т.-е. писанныя греческими Корсунскими иконописцами, а затѣмъ и всякія другія иконы, писанныя по образцу греческихъ корсунскихъ иконъ. Судя по имѣющимся описаніямъ, образъ св. Николая Зарайскаго несомнѣнно принадлежитъ къ числу иконъ корсунскаго письма: „живопись на образѣ, — говоритъ одинъ описатель, — древняя византійская высокаго стила“²⁾, т.-е., по крайней мѣрѣ, въ византійскомъ стилѣ. По всей вѣроятности, названіе сего образа Корсунскимъ и подало поводъ автору сказанія понять это названіе въ буквальномъ, географическомъ смыслѣ и прійти къ легендарному домыслу о томъ, какимъ способомъ этотъ образъ могъ быть перенесенъ изъ Корсуна въ Рязанскую землю.

Гдѣ первоначально находился образъ св. Николая Зарайскаго, — объ этомъ трудно сказать что нибудь съ увѣренностію. Но можно съ нѣкоторымъ основаніемъ

¹⁾ „Ученныя Записки Импер. Академіи Наукъ по I и III отдѣл.“, т. II, 1854 г., вып. 5, стр. 739; „Черноморье“, Ф. Бруна, ч. I, Одесса, 1879 г., стр. 171.

²⁾ „Чудотворный образъ святителя Христова и чудотворца Николая Зарайскаго“, 2 изданіе, Рязань, 1892 г., стр. 6. Къ сожалѣнію, это описаніе слишкомъ кратко и неопредѣленно и ничего не говоритъ о языкѣ надписей на иконѣ, долженствующемъ имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ о происхожденіи иконы. Не славянскія ли на немъ надписи?

предполагать, что первоначально находился онъ въ Кіевѣ. Здѣсь несомнѣнно былъ въ дотатарскую эпоху образъ св. Николая съ изображеніями на поляхъ событій изъ жизни и чудесъ святителя, одного типа съ образомъ св. Николая съ семью боковыми изображеніями, изъ коихъ пять представляютъ собою одноличныя изображенія, шестое — преставленіе святителя, а седьмое — перенесеніе его мощей. Образокъ этотъ найденъ въ землѣ, въ Кіевской губерніи, въ селѣ Глуховцахъ, Бердичевского уѣзда¹⁾, и, по всей вѣроятности, представляетъ собою воспроизведеніе какого либо мѣстнотимаго кіевского образа св. Николая, который могъ быть написанъ лишь по установленіи въ Русской церкви, около 1089 года, праздника 9 мая въ память перенесенія мощей святителя Николая изъ Муръ Ликійскихъ въ Баръ градъ²⁾. Но въ настоящее время въ Кіевѣ нѣтъ уже ни одного образа св. Николая съ изображеніемъ на поляхъ событій изъ жизни и чудесъ святителя; слѣдовательно, этотъ древній образъ или погибъ во время смутъ, или унесенъ былъ изъ Кіева въ другое мѣсто.

Онъ могъ быть унесенъ изъ Кіева въ одно изъ разореній этого города въ дотатарскую эпоху. Наболѣе крупными изъ такихъ разореній были: въ 1169 году сыномъ Андрея Боголюбскаго Мстиславомъ Андреевичемъ и въ 1202 году Рюрикомъ Ростиславичемъ, тогдашнимъ великимъ княземъ кіевскимъ (1180—1214 гг.), изъ роду князей Смоленскихъ. Послѣднее разореніе, по времени, ближе подходитъ къ 1224—5 годамъ, въ которые, по извѣстію сказанія, перенесенъ былъ образъ св. Николая Зарайскаго сначала въ Ригу, а потомъ въ Великій Новгородъ и въ Рязанскую землю. Посредствующимъ, передаточнымъ пунктомъ въ этомъ случаѣ долженъ быть Смоленскъ. Рюрикъ Ростиславичъ, происходя изъ Смоленскихъ князей, всегда питалъ симпатіи къ своему родному городу и опирался на него въ своихъ притязаніяхъ на кіевскій великокняжескій престолъ, а потому, разоривъ и ограбивъ въ 1202 году непокорный ему Кіевъ, предоставилъ добычу и въ частности награбленныя святыни кіевскія Смольянамъ.

Могли святыни кіевскія переходить въ Смоленскъ и не въ качествѣ военной добычи. Во время княженія въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича, братъ его Давидъ Ростиславичъ долго княжилъ въ кіевскомъ Вышградѣ и, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, перенесъ изъ Вышгорода въ Смоленскъ мощи святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба³⁾. Сынь Рюрика Ростиславича Владимиръ около 13-ти лѣтъ занималъ кіевскій великокняжескій престолъ (1223—1236 гг.) и въ 1236 году удалился въ родной Смоленскъ, въ которомъ и сложилъ свои кости.

Во всякомъ случаѣ, намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что образъ св. Николая, извѣстный нынѣ подъ названіемъ Зарайскаго, перенесенъ былъ изъ Кіева въ Смоленскую землю въ началѣ XIII вѣка.

¹⁾ См. его въ Церковно-Археологич. Музеѣ при Кіев. Дух. Академіи, подъ № 4195. Фототипически издавъ, въ натуральную величину, въ „Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ“, Н. А. Леопардова, серія 2, вып. 1, Кіевъ, 1891 г., табл. III, № 6.

²⁾ „Установленіе въ Русской церкви праздника 9 мая“, А. Красовскаго, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, декабрь, 1874 г., стр. 584.

³⁾ „Труды Кіевской Дух. Академіи“, июль, 1895 года, стр. 485 и 486.

Смоленскъ, въ свою очередь, издавна находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ Норманнами и Нѣмцами и вообще съ Западною Европою черезъ посредство Западной Двины. По Двинѣ Русскіе ходили къ Варяжскому морю и на островъ Готландъ, находящійся на самой срединѣ Балтійскаго моря, между Швеціею и нынѣшнюю Курляндскою губерніею. Основанный въ XIII вѣкѣ на Готландѣ городъ Висби, въ которомъ впоследствии было до 200,000 жителей, былъ центромъ обширной торговли Запада съ Востокомъ. Сюда-то по преимуществу направлялись русскіе товары изъ Новгорода, Смоленска, Витебска и Полоцка. Сюда же приходили и нѣмецкіе корабли. Наконецъ, предприимчивые нѣмецкіе купцы, рѣшившись завязать прямыя сношенія съ народами, жившими на восточномъ побережьи Балтійскаго моря, пристали случайно къ устью Двины, въ бассейнѣ которой жили Ливы, Зелы и Русскіе, вскорѣ проникли миль на шесть во внутрь страны и, съ позволенія туземцевъ, выстроили на одной горѣ городокъ Иксуль, въ которомъ можно было бы безопасно продолжать торговлю. Это случилось раньше 1143 года. Вскорѣ явились сюда и нѣмецкіе миссіонеры, для обращенія туземцевъ въ католичество, и епископы, — и одинъ изъ послѣднихъ Альбертъ, видя, что мѣстопробываніе епископовъ въ Иксуль, за отдаленностію отъ моря, крайне неудобно и необезпечено, выбралъ, въ 14-ти верстахъ отъ моря, мѣсто, которое Ливы называли Ригою, и здѣсь весною 1201 года основалъ городъ Ригу, вскорѣ сдѣлавшійся центромъ торговли между Нѣмцами и Русскими. Въ 1203 году въ Ливоніи основался Ливонскій орденъ меченосцевъ, который къ 1207 году завоевалъ всѣ ливскія, латышскія и чудскія земли. А такъ какъ эти завоеванія съ одной стороны преграждали Русскимъ исконный ихъ путь для торговли съ Готскимъ берегомъ, а съ другой — нарушали вассальныя права сосѣднихъ русскихъ князей по отношенію къ туземцамъ, то отсюда возникъ цѣлый рядъ непріязненныхъ столкновеній сосѣднихъ русскихъ князей съ пришлыми Нѣмцами и попытокъ заключить миръ въ видахъ безпрепятственности торговли съ обѣихъ сторонъ. Къ сожалѣнію, Русскіе боролись и мирились съ Нѣмцами не совокупными силами, а разрозненно, поодиночкѣ и потому постепенно уступали верхъ Нѣмцамъ. Въ этомъ отношеніи нужно различать отношенія къ Нѣмцамъ съ одной стороны Полоцка и Смоленска, съ другой — Новгорода и Пскова.

Въ 1210 году Полоцкъ и Смоленскъ заключили первый договоръ съ Ригою. Въ 1212 году Полоцкій князь Владимиръ заключилъ съ Межскимъ епископомъ новый союзъ, но въ 1216 году разсорился съ Ригой и съ большимъ войскомъ изъ Полочанъ и Литвы собрался-было для осады Риги; но, входя въ корабль, скоропостижно умеръ. Съ тѣхъ поръ несогласія Полочанъ и Смольнянъ съ Нѣмцами продолжались вплоть до первой битвы Русскихъ съ Татарами на р. Калкѣ въ 1223 году. Въ литовской хроникѣ, вслѣдъ за описаніемъ этой битвы, говорится: „князь смоленскій, полоцкій и другіе русскіе князья отправили пословъ въ Ригу съ просьбой о заключеніи мира, который и былъ возстановленъ по всѣмъ статьямъ, какъ онъ существовалъ издавна“¹⁾. По мнѣнію академика Куника, русскіе послы прибыли въ Ригу къ осени 1223 года

¹⁾ „Рѣка Западная Двина“, А. Сапунова, Витебскъ, 1893 г., стр. 265—271.

АРХЕОЛОГ. СВЯЗЬ ВЪ РИГѢ.

и оставались здѣсь еще и въ январѣ 1224 года¹⁾. Въ это-то время и могъ быть перенесенъ въ Ригу курсунскій образъ св. Николая, извѣстный впоследствии подъ именемъ Зарайскаго, и оставаться здѣсь нѣкоторое время.

Въ Ригѣ, вѣроятно съ самаго основанія ея въ 1201 году, селились и Русскіе, которымъ уже въ XIII столѣтіи предоставлены были гражданскія права. Эти Русскіе, вѣроятно, служили посредниками между Нѣмцами и пріѣзжими своими земляками. Въ качествѣ рижскихъ гражданъ, они пользуются правомъ заморской торговли. Напримѣръ, нѣкто Тимошка, около 1327 года, велъ торговлю въ Любекѣ. Кромѣ этихъ Русскихъ, постоянныхъ жителей Риги, тамъ была значительная колонія временно пріѣзжавшихъ Русскихъ, состоявшая изъ купцовъ, кормчихъ, носильщиковъ и т. п. Въ Ригѣ былъ даже такъ называемый Русскій Конецъ, гдѣ были дома и лавки Русскихъ, а въ предмѣстьи Риги — русская деревня. Съ появленіемъ въ Ригѣ Русскаго Конца, появилась тамъ и православная церковь во имя св. Николая. Она состояла подъ вѣдомствомъ полоцкаго епископа, который присылалъ для нея священниковъ, и просуществовала до взятія Риги Шведами въ 1621 году, а Русскій Конецъ истребленъ былъ пожаромъ въ 1677 году²⁾.

Для насъ неизвѣстно съ точностію, когда былъ храмовой праздникъ Рижской Николаевской православной церкви, 6 декабря, или 9 мая. Въ Рижскомъ Церковно-Археологическомъ Музеѣ наиболѣе древнею иконою представляется намъ створчатая икона XVII вѣка, съ изображеніями на ней нѣкоторыхъ событій изъ жизни и чудесъ св. Николая, а въ томъ числѣ и перенесенія мощей его³⁾. Она поступила въ Музей вмѣстѣ съ другими старинными иконами изъ Рижской Алексѣевской церкви и является какъ бы преемницею храмовой иконы древней Рижской Николаевской церкви. А это обстоятельство даетъ поводъ предполагать, что древняя Рижская Николаевская церковь построена была въ честь перенесенія мощей св. Николая изъ Муръ Ликійскихъ въ Баръ градъ, празднуемаго 9 мая, — и основаніе ея въ Ригѣ могло имѣть какую-либо связь съ перенесеніемъ курсунскаго образа св. Николая въ Рязанскую землю черезъ Ригу.

Но въ Ригѣ недолго находился образъ св. Николая. Въ томъ же 1223 году онъ перенесенъ былъ въ Кесь, нынѣшній Венденъ, находившійся тогда въ сферѣ политическихъ интересовъ великаго Новгорода, а затѣмъ и въ самый великій Новгородъ.

Новгородъ удачнѣе отстаивалъ свои интересы отъ покушеній Нѣмцевъ и успѣшнѣе боролся съ ними, чѣмъ Полоцкъ и Смоленскъ. Еще въ 1195 году Новгородцы заключили съ Готами и Нѣмцами договоръ на всей своей волѣ, какъ это они дѣлали и въ послѣдствіи времени⁴⁾. Когда же Нѣмцы, утвердившись на восточномъ побережьи Балтійскаго моря, стали завоевывать Ливонію, то Новгородъ и Псковъ долго

¹⁾ „Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ по I и III отдѣл.“, т. II, С.-Петербургъ, 1854 г., стр. 777.

²⁾ „Рѣка Зап. Двина“, А. Сапунова, Витебскъ, 1893 г., стр. 279.

³⁾ По описи № 47. Есть въ этомъ Музеѣ и другая старинная икона св. Николая того же типа.

⁴⁾ „Приморскіе Венденскіе города“, О. Фортинскаго, Кіевъ, 1877 г., стр. 364, 365, 369 и слѣд.

боролись съ ними и съ успѣхомъ отстаивали отъ нихъ свои владѣнія. Въ число спорныхъ между Новгородомъ и Нѣмцами пунктовъ былъ и городъ Кесь, нынѣшній Венденъ, захваченный Нѣмцами и укрѣпленный магистромъ венденскимъ Бертольдомъ. Въ сентябрѣ 1218 года новгородскій князь Святославъ Мстиславичъ, старшій сынъ великаго князя кіевскаго Мстислава Романовича, предпринялъ походъ на Кесь, но возвратился изъ этого похода безъ успѣха. Въ 1221 году другой новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ, братъ предыдущаго, тоже ходилъ подъ Венденъ или Кесь, при чемъ оказалось, что около замка были дома и деревня¹⁾, въ которыхъ, вѣроятно, жили туземцы. Здѣсь-то впоследствии и могъ остановиться пресвитеръ Евстаѳій съ курсунскою иконою св. Николая, на пути въ Новгородъ. Когда это случилось, на это есть указаніе въ самомъ сказаніи, что пресвитеръ Евстаѳій, немного побывъ въ Ригѣ, „пойде оттуду сухимъ путемъ, приде во градъ Кесь, и оттуду въ великій Новгородъ къ великому князю Ярославу Всеволодичу и къ сыну его великому князю Александру Невскому“²⁾. Ярославъ же Всеволодовичъ былъ новгородскимъ княземъ три раза: первый разъ въ 1215 году, второй — въ 1223 году и третій — въ 1226—1228 годах³⁾. Хронологическая дата сказанія (1224—1225 гг.) наиболѣе приближается ко времени вторичнаго княженія Ярослава Всеволодовича въ Новгородъ, т. е. къ 1223 году. Слѣдовательно, въ этомъ году пресвитеръ Евстаѳій былъ съ курсунскою иконою св. Николая и въ Кеси, и въ этомъ же году пришелъ съ нею и въ Новгородъ.

Остальной путь образа св. Николая Зарайскаго изъ великаго Новгорода въ Рязанскую землю и время принесенія его въ городъ Красный въ 1225 году не возбуждаютъ большихъ недоумѣній и могутъ быть приняты съ большою вѣроятностію.

Итакъ, по нашему мнѣнію, въ основѣ разсматриваемаго сказанія лежитъ дѣйствительный фактъ перенесенія образа св. Николая Зарайскаго черезъ Ригу въ Рязанскую землю, но не изъ Херсонеса Таврическаго, а изъ Кіева, по среднему и верхнему теченію Днѣпра и по Двинѣ, черезъ Смоленскъ. По крайней мѣрѣ, фактъ этого перенесенія имѣетъ всѣ признаки вѣроятія и возможности, которыхъ не можетъ поколебать и очевидная легендарность нѣкоторыхъ подробностей сказанія. Послѣдняя объясняется литературными источниками сказанія и отчасти неумѣньемъ автора пользоваться ими. По нашему мнѣнію, авторъ сказанія, желая объяснить происхожденіе названія иконы курсунскою, наводилъ по этому предмету историко-литературныя справки и воспользовался съ одной стороны извѣстнымъ сказаніемъ о путешествіи св. апостола Андрея Первозваннаго, черезъ устье Днѣпровское, въ Кіевъ и Новгородъ, а съ другой — сказаніемъ объ Антоніи Римлянинѣ Новгородскомъ и прибытіи

¹⁾ „Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ по I и III отдѣленіямъ“, т. II, С.-Петербургъ, 1854 г., стр. 322, 323, 750—752.

²⁾ „Чудотворный образъ святителя Христова и Чудотворца Николая Зарайскаго“, 2-е изданіе, Рязань, 1892 г., стр. 13.

³⁾ „Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ по I и III отдѣленіямъ“, томъ II, 1854 г., стр. 808, 810 и 816.

церковныхъ сосудовъ и утвари изъ Рима въ Великій Новгородъ морскимъ путемъ черезъ Варяжское море; но онъ смѣшалъ эти два различныя сказанія въ одно противорѣчивое цѣлое и примѣнилъ ихъ къ перенесенію курсунской иконы св. Николая въ Рязанскую землю. Если устранить изъ сказанія эти литературныя позаимствованія, то останется только фактъ перенесенія иконы св. Николая въ Рязанскую землю обследованнымъ нами путемъ, т.-е. черезъ Ригу, Кесь и Новгородъ.

Рига и осада ея царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

М. П. Истомина.

I.

Московскіе государи, завершая объединеніе сѣверно-русскихъ областей, не оставляли безъ вниманія и весьма важный вопросъ о Балтійскомъ побережьи. На первомъ планѣ тутъ стояла Лифляндія, по замѣчанію одного изъ историковъ половины XVIII в.: „Эта прекрасная страна, по пространству вмѣщающая сто миль, имѣющая лучшіе портовые города, счастливая всѣми способностями къ торговлѣ, изобилующая урожаемъ всякаго рода хлѣба“ и пр.¹⁾

Въ промежутокъ отъ конца XVI-го по первые годы XVIII-го вѣка во внѣшней политикѣ московскихъ государей было, какъ извѣстно, три движенія къ Балтійскому поморью, болѣе энергически выразившихся: въ царствованіи Іоанна IV, Алексѣя Михайловича и Петра Великаго.

Балтійскій вопросъ, какъ это съ такою обстоятельностью разсмотрѣно въ капитальномъ трудѣ проф. Г. В. Форстена, служившій въ теченіи болѣе двухъ столѣтій исходною точкою для многихъ политическихъ комбинацій государствъ не только сѣверо-восточной, но центральной и западной Европы (Германіи, Франціи и даже Испаніи), едва ли не энергичнѣе всего въ XVI в. выдвигается на очередь, благодаря попыткѣ Іоанна IV-го завладѣть Ливонією. Понадобилась цѣлая коалиція сосѣднихъ государствъ, чтобы помѣшать этимъ стремленіямъ. Въ результатѣ получилось распадѣніе политическаго организма, именуемаго Ливонскимъ Орденомъ, при чемъ на долю Польши выпали лучшія части ливонскаго наслѣдства, а именно Лифляндія съ такимъ первокласнымъ портомъ, какъ Рига. На послѣднюю, хотя и безуспѣшно, мѣтилъ неоднократно и Іоаннъ IV, очевидно понимая, что въ обладаніи Ригею кроются наибольшіе интересы, связанные съ развитіемъ торговли на восточномъ побережьи Балтики. Городъ этотъ уже съ XIII-го в. играетъ весьма важную роль въ ходѣ ган-

¹⁾ „Лифляндія въ древнихъ и многихъ даже до нашихъ временъ дѣяніяхъ и перемѣнахъ ея“ собрано и издано въ свѣтъ на польскомъ языкѣ лифляндскимъ каштеляномъ Іоанномъ Августомъ Ейльзеномъ 1750 г., печатано въ Вильнѣ въ академической Его Кор. Вел. типографіи іезуитнаго братства. И пользовался переводомъ на русскій языкъ, сдѣланнымъ въ 1802 г. въ Петербургѣ. Рукопись послѣдняго съ собственноручными добавленіями митрополита Евгенія хранится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора.

зейской торговли, такъ какъ служилъ главнымъ пунктомъ экспорта льна и конопли. Значеніе это напрасно старались подорвать шведскіе короли, какъ напр. Карль IX, насильственными мѣрами, захватомъ судовъ, или же трактатами, напоминающими въ миниатюрѣ континентальную систему Наполеона I, съ цѣлью изолировать Ригу изъ района торговыхъ оборотовъ, наиболѣе выгодныхъ для нея¹⁾. Къ такимъ договорамъ, большею частью тщетно, шведскіе государи старались склонить сосѣдніе торговые города и государства, какъ напр. Нидерландскіе штаты и т. п. Рижане зорко сторожили свои торговые интересы, а вмѣстѣ съ другими и свою независимость. Городъ Рига, хотя по традиціи и считался архіепископскимъ, но на самомъ дѣлѣ до 1561 г. — т. е. до перехода къ Польшѣ — пользовался почти полною автономіею не только въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, но даже и во внѣшнихъ сношеніяхъ: главная роль по всѣмъ этимъ вопросамъ принадлежала городскому рату²⁾. Своимъ верховнымъ протекторомъ Рига считала германскаго императора³⁾. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи городъ старался занять въ составѣ земель, на которыя, конечно, номинально, распространялась юрисдикція императоровъ Священной Римской Имперіи, ту же позицію, какъ вообще, имперскіе города въ Германіи. Въ такомъ положеніи находилась Рига въ періодъ существованія Ливонскаго Ордена. Переходъ къ Польшѣ не могъ конечно не повліять на такой строй отношеній, вѣками выработавшійся въ Ригѣ. Хотя переходъ этотъ и былъ до извѣстной степени добровольнымъ, хотя онъ и сопровождался торжественнымъ обѣщаніемъ Сигизмунда II - Августа оставить неприкосновеннымъ всѣ права и привилегіи Рижанъ⁴⁾, у послѣднихъ очень скоро начинаются несогласія съ польскою администраціею⁵⁾. Несогласія эти, обнаруживающіяся почти по всей Лифляндіи, возрастали все болѣе и болѣе и въ концѣ первой четверти XVII-го в. облегчили Густаву-Адольфу осуществленіе намѣченной имъ программы — покоренія Лифляндіи, а вмѣстѣ съ ней и города Риги. Этотъ послѣдній городъ, можно сказать, и составлялъ главную цѣль ливонской войны, предпринятой съ Польшею шведскимъ королемъ; между тѣмъ какъ еще въ XVI в. Рижане въ виду опасности, грозившей имъ отъ утвержденія шведскаго вліянія на правой сторонѣ Двины, предпочли планъ Кетлера о добровольномъ соединеніи съ Польшею. Весьма естественнымъ послѣ сказаннаго является вопросъ, чѣмъ собственно со стороны польской администраціи было вызвано недовольство у Лифляндцевъ вообще и въ частности у Рижанъ? Г. В. Форстенъ, разсматривая въ своемъ вышеупомянутомъ капитальномъ трудѣ⁶⁾ обстоятельства, вызвавшія столкновенія Лифляндцевъ съ польскою администраціею, указываетъ какъ главную и едва ли не единственную причину „систематическую рекатолизацию“ ливонскихъ областей, начавшуюся со временъ Стефана Баторія и особенно усилившуюся при фанатическомъ Сигизмундѣ III, тогда какъ авторъ уже цитированнаго нами сочиненія: „Лифляндія въ древнихъ и многихъ даже до

1) Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ, т. II, стр. 8.

2) См. меморандумъ городского рата гильдіямъ 19 сент. 1561 г. Bienemann. 398—400.

3) Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ, 1 т. 249 с.

4) Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв., 1 т. стр. 251.

5) *ibid.* 1, 489 и 610 стр.

6) Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв.

нашихъ временъ дѣянiяхъ и переменъ ея“, Іоаннъ-Августъ Гильзенъ, жившій въ половинѣ прошлаго вѣка, намѣчаетъ совершенно другія причины отпаденiя Ливонiи отъ Польши въ двадцатыхъ годахъ XVII в. „Извѣстно, говоритъ онъ, что въ потерѣ Лифляндiи (Польшею) споспѣшествовало худое обхожденiе съ Лифляндцами, поелику кромѣ многихъ другихъ обидъ, *губернiи и староства въ Лифляндiи отдавались не тамошнимъ обывателямъ, какъ ограничилъ договоръ подданства, но чужимъ и съ исключенiемъ самихъ лифляндцевъ*. Сверхъ того, подъ предлогомъ уличенiя, недоказаннаго законнымъ образомъ, въ зогласiи ихъ (т. е. Лифляндцевъ) съ непрiятельскою стороною (со Шведами), отнимаемы были собственныя ихъ вотчины, которыя старосты, имѣющiе въ лифляндскихъ замкахъ польскiе гарнизоны, нахально себѣ занимали и присоединяли къ своимъ староствамъ“...¹⁾ Какъ видно отсюда, Гильзенъ главною причиною недовольства Лифляндцевъ на Польшу, облегчившаго Шведамъ покоренiе Лифляндiи, выставляетъ захваты польскими администраторами староствъ въ недавно присоединенной странѣ. Подобнымъ способомъ дѣйствию вызываемо было недовольство главнымъ образомъ конечно въ средѣ ливонскаго дворянства. Ставши на эту точку зрѣнiя, намъ будетъ понятно, почему въ то время, какъ многiя области, гдѣ дворянство составляло безраздѣльно господствующiй классъ, сравнительно легко переходили къ Шведамъ — города предпочитали все-таки политическую унию съ Рѣчью Посполитою. Рижане, не смотря на свои разногласiя съ польскою администрацiею и недовольство польскими порядками, очевидно во многомъ нарушавшими прежнюю автономiю города, мужественно оборонялись отъ Шведовъ, уступивъ подъ конецъ только лишь силѣ шведскаго оружiя²⁾. Вообще чрезъ всю исторiю Риги въ XVI и началѣ XVII вв. красною нитью проходитъ болѣе охотное стремленiе къ соединенiю съ Польшею, нежели со Швециею, послѣ того какъ стало очевиднымъ, что невозможно сохранить прежнюю независимость посреди могущественныхъ сосѣдей. Интересы округовъ и городовъ въ этомъ случаѣ очевидно двоились. 15-го сентября 1621 г. послѣдовала сдача Риги Густаву-Адольфу, „первою заботою котораго было обезпечить за Рижанами ихъ торговыя преимущества; Рига стала главнымъ стапельнымъ пунктомъ Ливонiи и Курляндiи, однимъ изъ самыхъ значительныхъ торговыхъ городовъ Швеции въ XVII столѣтiи³⁾. Приобрѣтенiе восточной части Балтiйскаго побережья дѣйствительно дало Шведамъ громадныя выгоды по сосредочiю здѣсь хлѣбной торговли: отсюда въ то время шель главный отпускъ хлѣба изъ Восточной Европы въ Западную. Первое мѣсто по экспорту хлѣба въ этомъ районѣ принадлежало Ригѣ, оттуда ежегодно вывозилось 200,000 тоннъ хлѣба⁴⁾.

II.

Мы теперь подошли къ тому періоду въ исторiи г. Риги, который собственно и составляетъ нашу цѣль въ данномъ случаѣ. Предварительный очеркъ былъ намъ

¹⁾ См. предисловіе къ означенному сочиненiю.

²⁾ Cronholm (Объ осадѣ Риги) I, с. 374—396, Oxenstirna Skrifter, I, II, с. 163, 167.

³⁾ Г. В. Форстенъ. Балтiйскiй вопросъ, II т., 167 с.

⁴⁾ *ibid.*, II т. 171 стр.

необходимъ, какъ увидитъ читатель, чтобы лучше отѣнить тѣ стороны въ трактуемомъ сюжетѣ, которыхъ придется коснуться далѣе.

Съ распаденіемъ Ливонскаго Ордена мѣстное рыцарство отодвигается на второй планъ, главная сила и импульсъ страны сосредоточиваются въ приморскихъ городахъ, среди коихъ первое мѣсто безспорно принадлежало Ригѣ. Отъ обладанія этимъ городомъ въ значительной степени зависѣло какому изъ сосѣднихъ государствъ, такъ кровопролитно боровшихся за ливонское наслѣдство въ XVI и XVII стол., будетъ принадлежать господство на восточномъ побережьи Балтійскаго моря. Такъ по крайней мѣрѣ стоялъ этотъ вопросъ съ конца XVI по конецъ XVII в. Это понималъ уже до извѣстной степени Іоаннъ IV, его точку зрѣнія раздѣлялъ и царь Алексѣй Михайловичъ, поставившій себѣ цѣлью въ войнѣ, начатой со Шведами въ 1656 году, прежде всего овладѣть Ригою; въ противномъ случаѣ этотъ неудавшійся походъ представляется какою-то отрывочною попыткою, проистекавшею лишь изъ одного стремленія нанести какой бы то ни было ударъ могущественному сосѣду, особенно опасному послѣ грозныхъ успѣховъ Карла X въ Польшѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ кампанію, предпринятую Алексѣемъ Михайловичемъ противъ Шведовъ, нужно разсматривать какъ вторую значительную диверсію — въ московскій періодъ русской исторіи — изъ той эпопеи „Drang nach Westen“, прологъ которой скрывается еще въ походахъ Ярослава I, энергическое развитіе котораго указано Іоанномъ IV, а осуществленіе судьбою исторіи назначено Петру I и его преемникамъ. Русскіе историки, какъ напр. покойный проф. Соловьевъ¹⁾, мимоходомъ говорятъ о такомъ въ сущности далеко не лишнемъ значенія фактѣ, какъ стремленіе царя Алексѣя Михайловича овладѣть Ригою.

Гораздо больше вниманія этому факту удѣляютъ современники той эпохи — Лифляндцы. Ихъ взглядъ мы можемъ прослѣдить въ изданной вскорѣ послѣ неудавшейся осады Риги „Gründliche und Wahrhaftige Relation von der Belagerung der Königlichen Stadt Riga in Livland и пр.²⁾ Реляція эта, составленная въ 1657 г., принадлежитъ пастору Зонтагу, бывшему впослѣдствіи лифляндскимъ генераль-суперинтендентомъ. Она указываетъ и Соловьевымъ при перечисленіи тѣхъ источниковъ, которыми онъ пользовался для описанія шведской войны при Алексѣѣ Михайловичѣ³⁾. Компилацию главнымъ образомъ этой Реляціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими источниками⁴⁾ представляетъ также статья Д. И. Шлуна, напечатанная въ „Отечествен. Запискахъ“ за 1822 г. (мартъ и апрѣль): „Осада Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1656 г.“

¹⁾ Ист. Россіи, т. X, стр. 410, изд. 1860 г.

²⁾ Полное заглавіе этого сочиненія слѣд.: Grundliche und wahrhaftige Relation von der Belagerung der Königlichen Stadt Riga in Livland, wie und welcher Gestalt Selbige von dem grausamen Feinde den Moscoviter den 22-sten August 1656 angefangen und den 5-ten October wieder aufgehoben, auch was während der Zeit denkwürdiges vorgegangen, ingleichen wieviel Granaten und Feuer-Kugeln aus Mörsern in die Stadt eingeworfen und Canonenschüsse hinaus geschehen“.

³⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. X, примѣч. 95 (изд. 1896).

⁴⁾ Кромѣ Реляціи Д. И. Шлуна пользовался еще слѣдующими источниками: Kelchs's „Livlandsche Geschichte“, Puffendorfs „De rebus Caroli Gustawi“, „Sammlung Rüssischer Geschichte“ 9-ten Band, Wagner's „Russische Geschichte“ 2-ten Band.

На основаніи этихъ матеріаловъ мы и постараемся извлечь нѣкоторыя данныя: 1) о положеніи города Риги подъ шведскимъ владычествомъ въ полов. XVII вѣка; 2) насколько были прочны связи, соединявшія такіе важные пункты въ недавно завоеванной области, какъ городъ Рига съ завоевателями Шведами; 3) о причинахъ неудачи, понесенной Русскими въ этомъ предпріятіи; какое вліяніе, по мнѣнію современниковъ, неудавшаяся осада Риги оказала на исходъ войны, предпринятой Алексѣемъ Михайловичемъ противъ Шведовъ.

Поводомъ къ войнѣ московскаго государства со Швеціею въ 1656 г. несомнѣнно послужили слишкомъ быстрые успѣхи шведскаго оружія въ Польшѣ, заставившіе Яна Казимира бѣжать въ Силезію; вслѣдствіе этихъ успѣховъ, неожиданныхъ въ такой степени даже для самихъ Шведовъ, Карлъ X пытается въ сферу вліянія отнятыхъ у Польши областей привлечь и Литву, которую царь Алексѣй Михайловичъ считалъ уже своимъ приобрѣтеніемъ¹⁾. Эти обстоятельства обострили отношенія между двумя сосѣдями, совмѣстно воевавшими съ Польшею. Но причины шведской войны, принятой Алексѣемъ Михайловичемъ, крылись гораздо глубже: онѣ вытекали изъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ отношеній московскаго правительства къ Балтійскому вопросу; то было наслѣдіе XVI вѣка, только прерванное, но далеко еще не рѣшенное Столбовскимъ договоромъ, какъ напрасно полагалъ Густавъ-Адольфъ. Алексѣй Михайловичъ и окружавшіе его совѣтники, въ числѣ коихъ на первомъ планѣ въ ту пору нужно считать и патриарха Никона, со свойственною всегда московскому правительству проницательностью, ясно понимали, что Швеція гораздо опаснѣе анархической Польши. До какой степени московское правительство смотрѣло серьезно на неминуемую борьбу со Швеціею изъ-за прибалтійскихъ провинцій, видно уже изъ того, что царь Алексѣй Михайловичъ предварительно вступаетъ въ сношенія съ датскимъ королемъ Фридрихомъ съ цѣлью привлечь послѣдняго къ союзу противъ Швеціи. Очевидно, тутъ зарождается комбинація о коалиціи противъ могущественнаго сосѣда — комбинація, осуществившаяся полустолѣтіемъ позже при иныхъ условіяхъ. Въ этихъ переговорахъ съ Даніею обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе мотивы, выставлявшіеся московскимъ посломъ Мышецкимъ Фридриху датскому: „шведскій король всякими мѣрами промышляетъ, чтобъ ему *Варяжскимъ моремъ встѣмъ одному завладѣть*, въ торговыхъ промыслахъ встѣмъ большое утѣсненіе сдѣлать“²⁾... Шведскіе короли, начиная съ Густава-Адольфа, дѣйствительно весьма широко пользовались своимъ правомъ закрывать порты въ покоренныхъ ливонскихъ городахъ для вывоза хлѣба за границу. Переговоры о заключеніи союза съ Даніею противъ Швеціи однако не привели къ цѣли, намѣченной московскимъ правительствомъ. Послѣ неудачи образовать коалицію, царь Алексѣй Михайловичъ предпринимаетъ уже борьбу со Шведами, располагая только лишь силами своего государства.

Мы вкратцѣ воспроизведемъ событія, сопровождавшія походъ на Ригу и осаду этого города Алексѣемъ Михайловичемъ; подробности остановимся только на намѣчен-

1) Исторія Россіи Соловьева, т. 10, стр. 394 и сл. (изд. 1860 г.).

2) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. X, стр. 407—408 (изд. 1860 г.).

АРХЕОЛОГ. СВЯЗЬ ВЪ РИГѢ.

ныхъ выше пунктахъ, присоединивъ нѣкоторые детали, имѣющія, какъ намъ кажется, топографическій мѣстный интересъ.

По извѣстію вышеуказанныхъ мною лифляндскихъ историковъ, царь Алексѣй Михайловичъ, начиная войну со Швеціей, отправилъ шестнадцатитысячный отрядъ для завоеванія Кореліи, а самъ во главѣ стотысячной арміи двинулся въ Лифляндію. Главною цѣлью похода на этотъ разъ, подобно тому, какъ и за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ въ ливонской кампаніи Густава Адольфа, былъ городъ Рига. На пути Русскимъ сдался нынѣшній Двинскъ, переименованный тогда изъ Динабурга въ Борисоглѣбскъ, а затѣмъ штурмомъ былъ взятъ Кокенгаузенъ. Тогдашній намѣстникъ Лифляндіи, графъ Магнусъ Делагарди, не былъ въ состояніи съ имѣвшимися у него подъ рукою военными силами воспротивиться вторженію Русскихъ въ Лифляндію. Сама Рига по состоянію своихъ укрѣпленій и боевой готовности находилась въ ту пору въ довольно плачевномъ положеніи: укрѣпленія форштадта, воздвигавшіяся Шведами, не были еще окончены; въ такомъ видѣ, по мнѣнію специалистовъ, они скорѣе затрудняли защиту города. Въ городѣ числилось: пѣхотинцевъ 1800, конницы легкой и тяжелой 2000 человекъ и около 1500 вооруженныхъ обывателей, всего такимъ образомъ около 5000 человекъ, носившихъ оружіе. Пушекъ, ядеръ и пороху было недостаточно, солдаты были не одѣты; денегъ не было: за годъ предъ тѣмъ, а именно въ 1655-мъ году, король Карлъ-Густавъ взялъ заимообразно изъ городской казны 100,000 талеровъ, но вмѣсто уплаты ограничился тѣмъ, что въ такую критическую минуту, какую тогда переживало населеніе Риги, „далъ позволеніе гражданамъ самимъ защищаться по возможности“¹⁾. Иностранные купцы задолжали Рижанамъ по торговымъ оборотамъ къ тому времени болѣе милліона талеровъ, но подоспѣвшая война препятствовала полученію этихъ денегъ. Торговля Риги въ періодъ шведскаго владычества (съ 1626 г.) упала вслѣдствіе чрезмѣрныхъ пошлинъ, наложенныхъ шведскимъ правительствомъ. Изъ всего сказаннаго, я полагаю, можно сдѣлать выводъ, что періодъ шведскаго господства — по крайней мѣрѣ въ первое время послѣ присоединенія Лифляндіи — далеко не могъ считаться благопріятнымъ для Риги. Съ переходомъ къ Швеціи городъ даже потерялъ по сравненію съ тѣмъ, когда онъ находился подъ властью Польши: какъ экономической строй, такъ и самое городское управленіе поставлены были въ гораздо большую зависимость отъ администраціи, нежели прежде. Единственное преимущество сводилось къ тому, что, съ переходомъ къ Швеціи, Рижане могли быть спокойны относительно своего лютеранскаго вѣроисповѣданія, чего нельзя сказать про періодъ польскаго господства — особенно въ царствованіе фанатическаго Сигизмунда III-го.

Рига вмѣстѣ съ остальною Лифляндіею была присоединена Шведами въ XVI вѣкѣ такъ сказать въ самый разгаръ завоевательныхъ стремленій, обнаруженныхъ шведскою политикою въ ту эпоху. Выгоды отъ приобрѣтенія Ливоніи еще не успѣли покрыть затратъ, положенныхъ на ея завоеваніе, а между тѣмъ Швеція при Карлѣ X

¹⁾ Отецеств. Зап. 1822 г., мартъ, ст. Д. И. Шегунъ „Осада Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ“, стр. 296.

выступаетъ въ цѣломъ рядѣ новыхъ военныхъ предпріятій, далеко не отличавшихся ни тою обдуманностью цѣли, ни тѣмъ совершенствомъ въ исполненіи задуманнаго, которыя составляли отличительную черту въ дѣйствіяхъ Густава - Адольфа. Новые войны потребовали опять громаднхъ затратъ, весьма чувствительныхъ для небогатаго государства. Шведское правительство хотѣло покрыть такіе расходы увеличенными пошлинами, займами и пр. — однимъ словомъ, форсированными финансовыми операціями, которыя главною тяжестью падали на богатые приморскіе города Ливоніи. Подобный способъ дѣйствія шведскаго правительства, вызвалъ, весьма естественно, неудовольствіе со стороны горожанъ. Неудовольствіе это, правда, сказывалось пассивно, но тѣмъ не менѣе даетъ себя знать: достаточно сравнить напр. ту энергію, какую обнаруживали Рижане въ моменты прежнихъ опасностей, угрожавшихъ имъ отъ непріятели — хотя бы при осадѣ города Густавомъ-Адольфомъ въ 1621-мъ году, — съ настроеніемъ, ясно проглядывающемъ при осадѣ Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1656 г. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ это мы сейчасъ увидимъ, у Рижанъ нѣтъ и тѣни прежней активности. Уже до начала осады многіе граждане, узнавъ о приближеніи непріятели, стали покидать Ригу. Нельзя сказать, чтобы и шведская администрація подавала въ этомъ отношеніи благой примѣръ: одною изъ первыхъ выѣхала изъ города — въ виду ожидаемой осады — жена правителя Лифляндіи, графиня Делагарди; ея отъѣздъ конечно вызвалъ большой переполохъ среди мѣстныхъ дамъ: состоятельныя рижанки по этому примѣру спѣшили также выѣхать изъ города: одни изъ горожанъ отправляли свои семейства въ Любекъ, другіе — въ Курляндію.

Связь между различными классами населенія никогда не была сильна въ Ливоніи, а наоборотъ: покореніе Ливоніи крестоносцами и послѣдовавшая за тѣмъ колонизація этого края изъ Германіи положили рѣзкую грань отчужденія между возникшими здѣсь при такомъ процессѣ общественными классами. Не говоря уже о туземномъ элементѣ — порабощенномъ крестьянствѣ¹⁾, даже между горожанами и рыцарствомъ въ исторіи Ливоніи повсемѣстно замѣтенъ довольно рѣзкій антогонизмъ. Въ исторіи Риги — уже въ первыя столѣтія по возникновеніи этого города — мы видимъ не мало кровавыхъ столкновеній съ орденскимъ рыцарствомъ: послѣднее большею частью тщетно хотеть подчинить себѣ городъ, энергически и съ успѣхомъ отстаивавшій свою независимость отъ такихъ попытокъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ вѣкахъ установившихся отношеніяхъ только не многіе изъ дворянъ сосѣдняго округа прибыли вмѣстѣ со своими людьми для защиты Риги отъ Русскихъ, хотя, по словамъ вышеуказаннаго нами современника²⁾, эти немногіе дворяне, явившіеся на защиту города, весьма усердно помогали осажденнымъ.

Полное отсутствіе интенсивности при осадѣ Риги въ 1656-мъ году обнаруживаетъ сельское населеніе близлежащихъ деревень. Какъ шведская администрація

¹⁾ Г. В. Форстенъ называетъ крестьянъ Ливоніи въ періодъ существованія ордена „страдальцами“. Балтійскій вопросъ, I, 61 с.

²⁾ Автора реляціи, пастора Зонтага.

края, такъ отчасти и сами Рижане еще до начала осады Русскими рассчитывали было на помощь сосѣднихъ поселянъ, полагая, что цѣлая масса ихъ изъ страха предъ непріателемъ ¹⁾ устремиться въ городъ съ цѣлью — найти здѣсь убѣжище въ минуту опасности, и въ благодарность за оказанное покровительство охотно возьмется помогать осажденнымъ при защитѣ города. Въ ожиданіи такого наплыва были даже заранѣе сдѣланы объявленія въ сосѣднемъ округѣ, приглашавшія окрестныхъ поселянъ искать убѣжища во время предстоявшей осады въ Ригѣ. Но ожиданія эти оказались ошибочными, а объявленія остались почти безъ всякаго результата, ибо на это воззваніе явилось не болѣе 300 поселянъ. Изъ выжженнаго самими жителями форштата прибыло въ городъ 700 человекъ, но какъ эти послѣдніе, такъ и поселяне, явившіеся, какъ только что сказано, въ количествѣ трехсотъ человекъ, прямо отказались взяться за оружіе и участвовать въ защитѣ города ²⁾, съ судьбою котораго была въ ту пору до весьма значительной степени связана судьба всей Лифляндіи.

Изъ всѣхъ слоевъ общества въ моментъ осады Риги въ 1656 году наибольшую энергію проявило лютеранское духовенство, очевидно и наиболѣе склонявшееся къ шведскому режиму: какъ предъ осадой, такъ и во все время послѣдней пасторы уговаривали и увѣщевали всѣхъ къ общей защитѣ, всячески стараясь поддержать мужество осажденныхъ ³⁾.

Отношенія между шведскою администраціею и городскимъ управленіемъ Риги въ разсматриваемый періодъ были проникнуты взаимнымъ недоверіемъ. Для примѣра возьмемъ между прочимъ одинъ фактъ, на нашъ взглядъ прекрасно иллюстрирующий такое отношеніе шведской администраціи къ городскому управленію Риги и обратно. Въ самый разгаръ осады среди Рижанъ разнесся слухъ, что правитель Лифляндіи графъ Магнусъ Делагарди собирается покинуть городъ, захвативъ съ собою нѣсколько офицеровъ и отрядъ конницы; предлогомъ для этого намѣренія служило будто бы съ одной стороны желаніе защитить по возможности отъ непріятеля близлежащія мѣстности округа, а съ другой — раздобыть для своихъ солдатъ аммуницію, въ чемъ тѣ дѣйствительно нуждались. Между тѣмъ, по словамъ автора-современника ⁴⁾, этотъ слухъ былъ пущенъ нарочно шведскою администраціею съ цѣлью произвести такимъ образомъ давленіе на городское управленіе Риги и добиться отъ послѣдняго снабженія гарнизона всѣми необходимыми запасами, „чего прямо потребовать было *неблагоразумно* и несправедливо“ ⁵⁾. Только такимъ путемъ цѣль была достигнута: городская хозяйственная администрація снабдила шведскій гарнизонъ всѣмъ необходимымъ. Если въ критическую минуту осады приходилось прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, то это служитъ нагляднымъ показателемъ того, каковы были *вообще* от-

¹⁾ Непріятель (т.-е. московская рать) названъ въ реляціи „grausamen Feinde“; татары же и калмыки, коихъ въ арміи Алексѣя Михайловича насчитывалось 8000, судя по прилагаемому къ нимъ эпитету (Menschenfresser), болѣе всего вызвали ужасъ въ лифляндцахъ — очевидно по воспоминаніямъ, удрѣввшимся у сторожиловъ еще со времени Ливонской войны при Іоаннѣ IV.

²⁾ „Отечеств. Зап.“ 1822 г., мартъ, стран. 301.

³⁾ См. „Gründliche und Wahrhaftige Relation von der Belagerung der Königlichen Stadt Riga“.

⁴⁾ Gründliche und Wahrhaftige Relation и „Отеч. Записки“ 1822 г., IV, стр. 31.

⁵⁾ Ibid.

ношенія городского рата Риги къ шведской администраціи. Впрочемъ, сопоставляя раньше сказанное, мы тутъ не видимъ ничего удивительнаго. Такое взаимоотношеніе являлось естественнымъ результатомъ самого образа дѣйствій шведскаго правительства относительно покоренныхъ приморскихъ городовъ Лифляндіи въ описываемую пору. Карлъ X въ пылу другихъ завоевательныхъ увлеченій, какъ было сказано и раньше, не обращалъ должнаго вниманія на нужды и потребности провинціи, доставшейся Швеціи съ такимъ трудомъ. Приморскіе города присоединеннаго края приходили въ видимый упадокъ отъ экономической политики, наносившей уронъ ихъ обширной торговлѣ; все сводилось къ тому, чтобы выжать изъ нихъ на сколько возможно болѣе доходовъ ad hoc. Взамѣнъ этой экономической эксплуатаціи прибалтійскіе города ничего не получали — даже въ смыслѣ огражденія собственной безопасности отъ покушеній со стороны сосѣдей, которые конечно не могли примириться съ тѣмъ, что отъ нихъ ускользнула такая провинція, какъ Лифляндія: оставляя укрѣпленія такого важнаго пункта, какъ Рига, недоконченными, содержа тамъ недостаточный для защиты города гарнизонъ, Карлъ X, узнавъ о движеніи Русскихъ, строго наказалъ гражданамъ Риги „и не думать о сдачѣ“, а „позволилъ имъ защищаться собственными средствами“. При всѣхъ перечисленныхъ условіяхъ такое позволеніе и притомъ въ такой моментъ невольно отзывалось горькою ироніею...

Авторъ неоднократно цитируемой нами реляціи — лютеранскій пасторъ, занявшій впоследствии довольно важный постъ лифляндскаго генералъ-суперинтенданта, въ своемъ описаніи проникнуть очевидно недружелюбнымъ отношеніемъ къ Русскимъ, отъ него скорѣе всего можно ожидать симпатій къ лютеранскому шведскому правительству, но и онъ тѣмъ не менѣе не въ состояніи прикрыть наготы фактовъ свидетельствующей о безотрадномъ положеніи Риги въ описываемый періодъ шведскаго владычества.

Сказаннаго, полагаю, совершенно достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о внутреннемъ состояніи Риги въ половинѣ XVII в. Теперь обращаюсь къ описанію самой осады.

III.

Овладевъ, какъ мы видѣли Кокенгаузеномъ, Русскіе двинулись прямо къ Ригѣ. Армія ихъ расположилась отъ Клейнъ-Юнгфернгофа вдоль по берегу Двины. Еще до открытія настоящей осады Русскіе пытались прервать сообщеніе между Ригею и моремъ, для чего хотѣли завладѣть Динамюнде — нынѣ Усть-Двинскомъ, или по крайней мѣрѣ отрѣзать послѣдній отъ Риги, но эти планы не удались.

Первая неудача имѣла важное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ осады, такъ какъ осажденные получали необходимые запасы и подкрѣпленія именно этимъ путемъ — съ моря; объясняется она отсутствіемъ у Русскихъ флотилии, годной къ дѣйствіямъ на морѣ. Хотя изъ добычи, захваченной впоследствии рижанами въ лагерѣ царя Алексѣя Михайловича — уже по снятіи осады, оказалось, что Русскіе, собираясь въ походъ, заготовили значительное число лодокъ, 200 струговъ большихъ и малыхъ, а также 4 моста на судахъ, но эта флотилія, при очевидномъ отсутствіи людей, привѣвшихъ

управляться на морѣ, была приспособлена только къ дѣйствіямъ на рѣкѣ. Настоящая осада открылась 22 августа и продолжалась по 5 октября 1656 года. Русскіе дѣлали чрезвычайныя усилія, чтобы завладѣть городомъ. Они пытались подойти къ городу въ трехъ мѣстахъ: у замка, у Баннаго бастиона (Badstubenbastion) и у Марстальскихъ воротъ. Неудачи Русскихъ современники-лифляндцы объясняли слѣдующими двумя причинами: во-первыхъ, недостаткомъ въ хорошихъ инженерахъ и артиллеристахъ, а во-вторыхъ, отсутствіемъ цѣльнаго плана въ стратегическихъ дѣйствіяхъ¹⁾. Поэтому осаждающіе причиняли гораздо большій вредъ зданіямъ, нежели людямъ. Многія зданія сильно пострадали. Д. И. Шлунъ, писавшій въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, говоритъ, что подъ сводами церкви св. Іакова указывались три бомбы, съ надписью на латинскомъ яз., вставленные въ тѣ самыя отверстія, которыя были пробиты во время осады 1656 г.²⁾

Обстрѣливая городъ днемъ и ночью, Русскіе успѣли сдѣлать подкопъ подъ Банную башню (Badstuben Rondel), а съ батареи, устроенной на стѣнахъ Іисусовой церкви, сильно беспокоили осажденныхъ. Царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ овладѣть Ригю во что-бы то ни стало, хотя пользовавшійся его довѣріемъ шотландецъ Лесли доказывалъ невозможность осуществленія этого плана вслѣдствіе наступающаго осенняго времени, а также и по причинѣ несогласій, очень часто возникавшихъ между военачальниками Русскими и иностранцами. Наконецъ, эти доводы, значительная убыль въ войскахъ, слухи о приближеніи вспомогательныхъ шведскихъ отрядовъ, а вмѣстѣ съ послѣдними и самого короля Карла X побудили Алексѣя Михайловича дать приказъ о снятіи осады. 5 октября 1656 г. Русскіе покинули окрестности Риги и направились обратно. Такъ окончилась неудачная попытка царя Алексѣя Михайловича овладѣть Ригю. Постараемся опредѣлить причины этой неудачи.

Мы видѣли раньше, чѣмъ лифляндскій историкъ, описывавшій это событіе, какъ современникъ — довольно обстоятельно, объясняетъ причину такой неудачи: отсутствіемъ у Русскихъ въ то время хорошихъ инженеровъ и артиллеристовъ, а также и цѣльнаго стратегическаго плана въ дѣйствіяхъ. Съ послѣднимъ до известной степени нельзя не согласиться, тогда какъ относительно отсутствія знающихъ свое дѣло инженеровъ и артиллеристовъ тотъ же современникъ приводитъ въ концѣ своего описанія факты, не совсѣмъ согласные съ выводомъ, сдѣланнымъ нѣсколькими страницами раньше.

„По уходѣ Русскихъ, говоритъ онъ, Рижане только и увидѣли ясно всю опасность, которой подвергались: они нашли 18 батарей и 7 траншей, построенныхъ осаждавшими на довольно длинномъ протяженіи, а именно отъ Марстальскихъ воротъ до самой Вейды (т.-е. городской окраины, гдѣ начинался уже выгонъ для пастьбы скота), при чемъ эти грозныя сооруженія оканчивались всего лишь на разстояніи какой-нибудь одной сажени отъ городского рва. Слѣдовательно, осаждавшимъ оставался собственно одинъ шагъ, чтобы повести удачный штурмъ и овладѣть городомъ“.

¹⁾ „Отечеств. Зап.“ 1822 г., IV, 21.

²⁾ Ibid. 27—28 стр.

Вотъ почему, передавая впечатлѣнія своихъ согражданъ по этому поводу, цитируемый нами авторъ въ заключеніе своего описанія невольно восклицаетъ: „казалось, что только самъ Господь Богъ спасъ городъ отъ угрожавшей ему неминуемой сдачи!“ Отсюда ясно видно, что при большей энергіи руководителей и устраненіи раздоровъ между русскими и иноземными военачальниками, которые много вредили успѣху дѣла, Рига была бы взята еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, хотя удержать этотъ пунктъ, не располагая флотомъ, было бы конечно невозможно.

Тѣ же самые современники лифляндцы, какъ можно судить на основаніи словъ автора реляціи, приписывали неудавшейся осадѣ Риги громадное вліяніе на исходъ всей кампаніи, предпринятой противъ Шведовъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Съ ихъ точки зрѣнія Рига, устоявъ противъ Русскихъ, была главною виновницею послѣдовавшаго вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ мира. Въ этомъ взглядѣ есть несомнѣнная доля истины: видя въ Ригѣ ключъ къ обладанію Балтійскимъ побережьемъ, Алексѣй Михайловичъ послѣ неудачной осады этого города считалъ очевидно проигранною борьбу за Ливонію. Неудачу эту не могло вознаградить и взятіе Русскими Юрьева, какъ не могла загладить и энергія Нащокина, такъ усиленно помогавшаго продолженію борьбы за Ливонію. Историческій ходъ событій отвлекъ на время вниманіе правителей Московскаго государства съ сѣверо-запада къ юго-западу — Украинѣ и Польшѣ. Московскіе государи въ половинѣ XVII в. все-таки еще не сознали вполне, какое значеніе можетъ имѣть для Россіи обладаніе Ливоніею не только по отношенію къ Швеціи и Польшѣ, а даже и западной Европѣ вообще. Вполнѣ определенное сознаніе этого проникаетъ собою политику русскаго правительства только лишь къ началу XVIII в. — при Петрѣ Великомъ, которому наконецъ суждено было гигантскими усиліями осуществить стремленія своихъ предшественниковъ, сказывавшіяся почти на протяженіи двухъ столѣтій. При осуществленіи этой задачи Петръ прокладываетъ и новые пути сравнительно съ предыдущимъ. Мы видѣли, что московскіе государи, а именно Іоаннъ IV и Алексѣй Михайловичъ, равно какъ и шведскіе короли въ лицѣ Густава-Адольфа, для утвержденія своего владычества въ Ливоніи прежде всего добивались обладанія старинными приморскими центрами и главнымъ образомъ Ригою; между тѣмъ Петръ, не рассчитывая по ходу дѣла въ началѣ Сѣверной войны овладѣть всею Ливоніею, спѣшитъ построеніемъ Петербурга въ пустынной дотолѣ Ингріи создать оплотъ для утвержденія Русскихъ на Балтійскомъ поморьѣ. Этому оплоту предстояло современемъ занять здѣсь господствующее положеніе, отодвинувъ на второй планъ прежніе приморскіе города Ливоніи, а въ томъ числѣ даже и Ригу, послѣ того какъ Петру Великому удалось всю эту завѣтную окраину включить наконецъ въ составъ территоріи земель Россійской Имперіи.

Въ своемъ краткомъ очеркѣ мы разсмотрѣли лишь, такъ сказать, одну страницу и притомъ сравнительно для весьма небольшого района изъ исторіи вопроса, на нашъ взглядъ далеко не лишенаго интереса: о положеніи прибалтійскихъ провинцій подъ властью Швеціи и о группировкѣ разныхъ общественныхъ слоевъ населенія въ нихъ незадолго до начала присоединенія этихъ областей къ Россіи. Вопросъ этотъ имѣетъ одинаковое значеніе какъ съ точки зрѣнія мѣстной исторіи, въ которой онъ впрочемъ,

до нѣкоторой степени уже выясненъ, такъ и для русской исторіи, гдѣ онъ почти не затрогивался. Болѣе подробное изученіе источниковъ въ этомъ направленіи могло бы уяснить многое и въ ходѣ Сѣверной войны и еще болѣе въ первыхъ шагахъ русской политики относительно сѣверо-западныхъ окраинъ послѣ Ништадскаго мира. Такихъ источниковъ, совершенно еще не тронутыхъ рукою изслѣдователя, какъ намъ пришлось узнать въ періодъ кратковременнаго пребыванія въ Ригѣ на минувшемъ X Археологическомъ Съѣздѣ, хранится въ мѣстныхъ архивахъ различныхъ учреждений весьма и весьма не мало.

О чеканкѣ русскихъ денегъ въ г. Кокенгузенѣ въ половинѣ XVII г.

А. Маркевича.

Въ описаніи Московскаго государства, составленномъ въ половинѣ XVII в. извѣстнымъ Котошихинымъ, въ разсказѣ о чеканкѣ мѣдныхъ денегъ, сохранилось случайное указаніе, что, когда во время борьбы Москвы съ Швеціей за Ливонію войсками царя Алексѣя Михайловича между прочимъ занятъ былъ г. Кокенгузенъ, здѣсь существовалъ денежный (монетный) дворъ и чеканились русскія деньги. Ни видѣть такихъ денегъ, ни читать о нихъ что-либо мнѣ не приходилось; нѣтъ никакихъ свѣдѣній о нихъ и среди тѣхъ обильныхъ распоряженій о г. Кокенгузенѣ, которыя намъ извѣстны за время отъ 1656 по 1659 г., тѣмъ не менѣе заподозрить вѣрность указанія Котошихина я не рѣшался, такъ какъ изученіе труда его давно привело меня къ убѣжденію, что, если у Котошихина приведенъ отдѣльный, точно опредѣленный фактъ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ таковой дѣйствительно имѣлъ мѣсто; притомъ слишкомъ ужъ неправдоподобнымъ казалось бы предположеніе, что Котошихинъ прямо выдумалъ извѣстіе о Кокенгузенскомъ денежномъ дворѣ. Въ то же время Котошихинъ имѣлъ полную возможность знать объ этомъ денежномъ дворѣ, ибо провелъ въ Ливоніи время съ 1658 по 1660 годъ, т.-е. именно то самое, когда только и могъ работать Кокенгузенскій денежный дворъ (см. далѣе). Жилъ тогда Котошихинъ преимущественно въ занятомъ русскими войсками г. Юрьевѣ (Дерптѣ), состоя при нашихъ послахъ, ведшихъ переговоры съ шведскими уполномоченными, при чемъ въ числѣ пословъ былъ знаменитый Аѳ. Лавр. Ординъ Нащокинъ, въ то время воевода въ г. Кокенгузенѣ, или какъ этотъ городъ сталъ называться Царевичевъ Дмитріевъ градъ; поэтому Котошихинъ могъ даже и бывать въ этомъ послѣднемъ городѣ, о которомъ, кстати сказать, московское правительство очень заботилось, сильно укрѣпило его и вообще стремилось создать изъ него крупный административный центръ.

Я очень желалъ бы въ богатыхъ нумизматическихъ коллекціяхъ Риги и вообще Прибалтійскаго края отыскать хоть одинъ экземпляръ русской монеты, чеканеной въ Кокенгузенѣ; къ сожалѣнію, въ коллекціи, выставленной при Съѣздѣ, такового не оказалось; но зато здѣсь можно найти небольшое косвенное доказательство

справедливости показанія Котошихина. Еще во времена Ордина, въ половинѣ XVI в., Рижскій архіепископъ, которому тогда принадлежалъ Кокенгузенъ, чеканилъ здѣсь монету¹⁾, и нѣсколько серебряныхъ шиллинговъ, чеканеныхъ въ 1540 и 1547 г., въ Кокенгузенѣ, находились на выставкѣ при Съѣздѣ²⁾. Вполнѣ вѣроятно предположеніе, что монетный дворъ, хотъ и не всегда работавшій, оставался въ Кокенгузенѣ и позднѣе, при польскомъ и шведскомъ владычествѣ, и этимъ обстоятельствомъ воспользовалось московское правительство, чтобы возобновить здѣсь чеканку монеты, въ чемъ была настоятельная необходимость, когда нашими войсками былъ занятъ Кокенгузенъ и когда, по выраженію одного акта, деньги чеканились „днемъ и ночью наспѣхъ“. Впрочемъ, болѣе основательныхъ соображеній ждемъ отъ мѣстныхъ нумизматовъ.

Не трудно обозначить возможное время чеканки въ Кокенгузенѣ русской монеты; такъ какъ городъ этотъ былъ въ московскихъ рукахъ съ 13 августа 1656 г. по конецъ іюня 1661 г., то чеканка и относится къ этимъ годамъ. По всей вѣроятности, началась она именно въ болѣе раннѣе время этого періода, т.-е., если не тотчасъ по занятіи города, когда нужно было его укрѣпить, и организовать и пр., то все-таки не позже 1657 г., ибо еще въ 1654 г. начались извѣстныя монетныя операціи въ Московскомъ государствѣ, а съ 1655 г. шла усиленная чеканка денегъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ, усилившаяся къ 1657 году; вполнѣ понятно, что, получивъ въ свое распоряженіе еще одинъ — Кокенгузенскій монетный дворъ, московское правительство не преминуло вскорѣ же утилизировать его. Съ такою же вѣроятностью можно предположить, что чеканка русской монеты въ Кокенгузенѣ происходила до самаго возвращенія его Шведамъ, такъ какъ московскія монетныя операціи закончились лишь въ 1663 г.

Чеканились въ Кокенгузенѣ, по показанію Котошихина, такія же самыя деньги, какія чеканились тогда и на московскихъ монетныхъ дворахъ, т.-е. мѣдныя алтынники, грошевики и копейки величиною въ старыя серебряныя копейки.

Завѣдывали чеканкою на денежныхъ дворахъ вѣрные головы и цѣловальники изъ гостей и изъ торговыхъ людей; можетъ-быть, въ Кокенгузенѣ къ этому дѣлу привлечены были и мѣстные люди; во всякомъ случаѣ дѣло денежное не было въ вѣдѣніи воеводъ, чѣмъ вѣроятно и объясняется отсутствіе свѣдѣній о немъ въ воеводскихъ отпискахъ государю въ 1656—1659 г.³⁾ Не знаемъ, относить ли къ кокенгузенскимъ завѣдующимъ показаніе Котошихина, который въ данномъ случаѣ не выдѣляетъ этого денежнаго двора изъ числа другихъ московскихъ, что завѣдующіе ими покупали мѣдъ на Москвѣ и въ Швеціи и привозили на денежный дворъ съ царскою мѣдью вмѣстѣ и приказывали дѣлать деньги, а сдѣлавъ свозили съ денежнаго двора съ царскими деньгами вмѣстѣ, и царскія деньги въ казну отдавали, а свои къ себѣ отвозили. О послѣдующей расправѣ съ завѣдующими относительно Кокенгузена нѣтъ указаній, ибо она имѣла мѣсто въ 1661—1662 г., когда Кокенгузенъ уже былъ возвращенъ Швеціи.

¹⁾ Kat. der Aussstell. zu X Arch. Kongr. S. 221.

²⁾ *ibid.* S. 223.

³⁾ Акты Моск. Госуд. т. II.

Очень возможно, что московскія мѣдныя деньги кокенгузенской чеканки гдѣ-либо и сохранились; въ небольшомъ собраніи монетъ, находящихся въ Музеѣ Рижскаго духовнаго училища, я видѣлъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ времени царя Алексѣя Михайловича, отысканныхъ въ здѣшнемъ краѣ; познакомиться съ ними ближе мнѣ не пришлось. Но и полное исчезновеніе кокенгузенскихъ мѣдныхъ денегъ въ свою очередь было бы легко объяснимо. Въ шведскихъ областяхъ и вообще за границею иногда московскія мѣдныя деньги ходить не могли, такъ какъ выпущены онѣ были по несоотвѣтственно высокой сравнительно съ ихъ дѣйствительной цѣнностью нарицательной цѣнѣ; даже въ моментъ самаго сильнаго паденія ихъ курса цѣна ихъ стояла все-таки гораздо выше ихъ дѣйствительной цѣнности; значить, эти деньги обращались только въ Московскомъ государствѣ, гдѣ и были уничтожены вслѣдствіе указа 1663 г., и въ этомъ общемъ крушеніи ихъ погибли и кокенгузенскія деньги, которыхъ, разумѣется, было гораздо менѣе, нежели битыхъ въ Москвѣ. И московскія мѣдныя деньги этого времени довольно рѣдки; денегъ, чеканенныхъ тогда въ Новгородѣ и Псковѣ, относительно чего имѣется официальное указаніе, относящееся къ 1663 г., долго не было въ рукахъ нумизматовъ, да и теперь онѣ составляютъ большую рѣдкость. Не мудрено поэтому, что кокенгузенскія монеты и совсѣмъ не попадались нумизматамъ, которые притомъ могли смѣшивать ихъ, напр. вслѣдствіе неясности штемпеля, съ новгородскими или даже съ московскими. Съ другой стороны, такъ какъ г. Кокенгузенъ переименованъ былъ тогда въ Царевичевъ Дмитріевъ градъ и на монетахъ могъ находиться штемпель, указывающій на это послѣднее названіе, то нашимъ нумизматамъ и подавно нелегко было разобраться въ этомъ случаѣ. Указъ же 1663 г. не могъ упомянуть о кокенгузенскихъ деньгахъ, подобно тому какъ онъ упомянулъ о новгородскихъ и псковскихъ, ибо г. Кокенгузенъ былъ тогда уже возвращенъ Шведамъ, и чеканка тамъ русской монеты сама собою прекратилась.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній я полагаю, что показаніе Котошихина о существованіи въ его время въ г. Кокенгузенѣ Московскаго денежнаго двора и чеканкѣ здѣсь московскихъ денегъ должно быть принято.

Послѣ прочтенія моего реферата уважаемый профессоръ М. Н. Бережковъ, не отрицая правильности показанія Котошихина о существованіи въ его время кокенгузенскаго монетнаго двора, возразилъ мнѣ, что нѣтъ необходимости допускать его преемственность монетному двору Рижскаго архіепископа въ XVI в., такъ какъ, по мнѣнію проф. Бережкова, чеканка денегъ представлялась тогда столь не труднымъ дѣломъ, что его легко было устроить гдѣ угодно въ скоромъ времени. Я и самъ не настаиваю на указанной выше преемственности, видя въ ней лишь косвенное подтвержденіе показанія Котошихина; могъ же быть устроенъ монетный дворъ въ Кокенгузенѣ потому, что его, какъ указано было выше, предположено было сдѣлать важнымъ областнымъ центромъ. Но не могу не указать, что организація монетнаго двора и чеканка монетъ были дѣломъ далеко не столь простымъ, и въ доказательство приведу слова Котошихина же: „Денежный дворъ; а въ немъ сидятъ для досмотру денежнаго дѣла дворянинъ да діакъ. А дѣлаютъ деньги (слѣдуетъ описаніе ихъ). А привозятъ ефимки и серебро прutowое и тянутое (пропускаемъ подро-

ности). А денежных мастеровъ для того дѣла берутъ изъ вольныхъ и изъ торговыхъ людей, кто похочетъ, съ поруками и за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ, что имъ, будучи у царскаго дѣла, не воровать серебра и денегъ не красть и въ серебро мѣди и олова и иного ничего не примѣшивать, и въ домѣхъ своихъ воровскихъ денегъ не дѣлати никакихъ (очевидно, воспользовавшись казенными приспособленіями) и чекановъ не красть и воровски подѣ чеканы не подрѣзывать. А будетъ тѣхъ *денежныхъ мастеровъ, чеканщиковъ, подметчиковъ, рѣзальщиковъ, тянущиковъ, отжимальщиковъ съ 200 человекъ*¹⁾. Правда, Котошихинъ говоритъ о Московскомъ монетномъ дворѣ, который былъ не чета Кокенгузенскому, но характеръ монетнаго дѣла былъ вездѣ одинаковый и очевидно, для чеканки монеты требовались спеціальныя приспособленія.

¹⁾ Гл. VII, п. 9.

Магдебургское право въ городахъ лѣвобережной Малороссіи.

Д. И. Багален.

I. Постановка вопроса.

Настоящій рефератъ представляетъ краткое резюме изъ обширнаго изслѣдованія, посвященнаго судьбѣ нѣмецкаго городского права въ предѣлахъ лѣвобережной Малороссіи, т.-е. нынѣшнихъ Черниговской и Полтавской губ. Изслѣдованіе мое не вполне еще закончено, но я не вижу въ этомъ препятствія, чтобы сдѣлать изъ него предварительное сообщеніе; сверхъ того — признаюсь откровенно — меня соблазнила мысль выступить съ нимъ передъ такой аудиторіей, какую я имѣю честь видѣть нынѣ передъ собою. Замѣчу кстати, что двѣ главы моей работы были напечатаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ журн. Мин. Нар. Просв.; всѣхъ же главъ въ моемъ изслѣдованіи 7. Съ сущностью каждой изъ нихъ я и думаю познакомить своихъ уважаемыхъ слушателей.

Вопросу о магдебургскомъ правѣ въ Литвѣ и юго-западной Руси (т.-е. правобережной Малороссіи) посвящены два капитальныхъ труда, взаимно другъ друга дополняющихъ — проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова¹⁾ и В. Б. Антоновича²⁾, служащій предисловіемъ къ цѣлому тому документовъ, собранныхъ авторомъ и напечатанныхъ въ 5-й части „Архива ю.-зап. Россіи“. Но не менѣе любопытно прослѣдить нѣмецкое городское право и въ той (лѣвобережной) Малороссіи, которая съ 1854 г. (со времени Переяславскаго договора Богдана Хмельницкаго) находилась подъ властью Россіи и освободилась, слѣдовательно, отъ польскаго вліянія, бывшаго, какъ извѣстно, проводникомъ магдебургскаго права въ Литву и юго-зап. Русь. Вопросы этого касались только мимоходомъ, при случаѣ, въ своихъ трудахъ Г. Θ. Карповъ, А. Θ. Кистяковскій и А. М. Лазаревскій и ихъ работы еще болѣе только доказали необходимость спеціальнаго изслѣдованія о городахъ лѣв. Малороссіи вообще, и о магдебургскомъ правѣ ихъ въ частности. Я и рѣшилъ взять на себя эту послѣднюю задачу. Мой трудъ основанъ частію на печатныхъ первоисточникахъ (въ общемъ

¹⁾ Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. С.-Пб. 1868 г.

²⁾ Акты о городахъ юго-зап. Россіи.

весьма скудныхъ) большею же частію на архивныхъ матеріалахъ, извлеченныхъ изъ Харьковскаго историческаго архива, рукописнаго отдѣленія б-къ покойнаго проф. А. О. Кистяковскаго, А. М. Лазаревскаго и П. С. Ефименка и отчасти московскихъ хранилищъ. Получился въ общемъ довольно богатый запасъ данныхъ; достаточно напримѣръ, замѣтить, что въ моемъ распоряженіи имѣется полная коллекція жалованныхъ грамотъ всѣмъ городамъ за исключеніемъ одного Переяслава.

II. Магдебургское право въ польскій періодъ.

Прежде всего обращаемся къ вопросу о магдебургскомъ правѣ въ лѣвобережной Малороссіи еще при польскомъ владычествѣ, т.-е. до Переяславскаго трактата 1654 г. Въ это время лѣвобережная Украина, въ особенности южная ея часть, послѣ старой грозы татарскаго нашествія, переживала моментъ оживленной вторичной колонизаціи, шедшей рука объ руку съ обороной края. Польское правительство придавало важное значеніе этому спорному пограничью и потому старалось привлечь къ себѣ симпатіи мѣстнаго населенія разными льготами и преимуществами. Обычною формою ихъ было магдебургское городское право, получившее давно уже широкое распространеніе въ предѣлахъ Польши, Литвы и юго-западной Руси. И дѣйствительно, въ это время его получили Черниговъ, Стародубъ, Нѣжинъ и Переяславъ; цѣлому же ряду болѣе мелкихъ городовъ и мѣстечекъ дарованы были ограниченныя привилегіи, чаще всего выливавшіяся въ форму извѣстныхъ цеховыхъ братствъ. Раньше всѣхъ получилъ жалованную грамоту основанный кн. К. К. Острогожскимъ Переяславъ — въ 1585 г. Въ 1-й пол. XVII в. магдебургскимъ правомъ начинаютъ пользоваться Черниговъ, Стародубъ и Нѣжинъ. Это право было имъ даровано подъ вліяніемъ соображеній экономическаго характера: правительство такимъ путемъ рассчитывало вызвать увеличеніе числа городскихъ жителей. Переходя къ общей оцѣнкѣ магдебургскаго права въ городахъ лѣвобережной Малороссіи, мы должны замѣтить, что оно не вполне гарантировало населеніе ни въ правовомъ, ни въ экономическомъ отношеніи. Тѣ ограниченія городского самоуправления, которыя имѣли мѣсто въ правобережной Малороссіи и которыя дали поводъ проф. Антоновичу высказать отрицательный взглядъ на значеніе самихъ привилегій, существовали и здѣсь, ибо характеръ управленія и сословный составъ населенія тамъ и здѣсь былъ почти одинаковъ. И здѣсь кромѣ магистратскаго было еще старостинское управленіе. И здѣсь существовало вредное вліяніе религіозной исключительности. И здѣсь кромѣ мѣщанъ жили еще казаки, шляхтичи и евреи, уклонявшіеся отъ исполненія городскихъ повинностей. Въ Переяславѣ евреи играли такую же роль, какъ и въ Юго-Западномъ краѣ. Имъ были отданы на откупъ всѣ городскіе доходы. Они получили прочную осѣдлость въ городѣ (построили себѣ на городской землѣ дома, лавки), забрали въ свои руки едва ли не всю торговлю — и не несли городскихъ повинностей. Правда, въ 1623 г. евреи вошли въ составъ мѣщанскаго сословія; это разрѣшило юридическую сторону дѣла,

хотя едва ли могло принести существенную пользу въ торгово-промышленной конкуренціи обѣихъ общественныхъ группъ. Но не слѣдуетъ закрывать глазъ и на очень важныя свѣтлыя стороны магдебургскаго права. Несомнѣнно, что тѣ хартіи, которыя получили малороссійскіе города, предоставили значительныя права мѣщанамъ, укрѣпили за ними формально поземельную собственность, доставили свободу промысловъ и торговли, освободили ихъ отъ различныхъ повинностей въ пользу государства и различныхъ присудовъ, сопряженныхъ съ поборами. Все это ставило мѣщанъ привилегированныхъ городовъ (т.-е. пользовавшихся магдебургскимъ правомъ) въ положеніе, которому завидовали и къ которому стремились жители всѣхъ остальныхъ городовъ. Благодарное дѣйствіе новаго порядка вещей бывало особенно замѣтно въ началѣ, пока окружающія неблагоприятныя условія не успѣвали еще нанести ему съ разныхъ сторонъ чувствительныхъ ударовъ. Такъ было, напримѣръ, въ Нѣжинѣ и Переяславѣ. Оба эти пункта получили магдебургское право въ моментъ ихъ возрожденія изъ развалинъ; оба они представляли изъ себя до полученія привилегій *городища* и самое дарованіе имъ привилегій было вызвано желаніемъ возродить ихъ изъ пепла и запустѣнія и вдохнуть въ нихъ новую жизнь. И послѣдующая судьба ихъ въ значительной степени оправдала эти надежды; оба они въ половинѣ XVII в. являются видными населенными пунктами, а Нѣжинъ достигъ даже большаго торговаго значенія.

III. Судьба малорусскаго мѣщанства со времени возсоединенія Руси и отношеніе его къ магдебургскому праву.

Въ 1654 г. лѣвобережная Малороссія перешла подъ власть Московскаго государства, которое вовсе не знало магдебургскаго права. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ оно должно было прекратить свое существованіе; и оно, конечно, исчезло бы, если бы тѣ города, которые пользовались имъ, не стали ходатайствовать передъ новымъ правительствомъ о подтвержденіи его; мало того — ихъ примѣру послѣдовали и другіе, и число „привилегированныхъ“ пунктовъ значительно возрасло сравнительно съ предшествующимъ періодомъ. Это уже само по себѣ служитъ яркимъ свидѣтельствомъ сочувствія къ нему со стороны городского населенія. До сихъ поръ мы въ точности не знали, какіе города лѣвобережной Малороссіи, перешедшей въ подданство Россіи, и съ какого времени стали пользоваться магдебургскимъ правомъ; поэтому намъ теперь прежде всего нужно остановиться на судьбѣ малорусскаго мѣщанства въ отношеніи его къ магдебургскому праву со времени присоединенія Малороссіи къ Россіи. Посмотримъ прежде всего, какое вліяніе оказало на малороссійское мѣщанство возстаніе Богдана Хмельницкаго. Оно захватило казаковъ и крестьянъ, мѣщанъ же коснулось только въ незначительной степени. И это вполне понятно: во-1-хъ, мѣщане, по самому свойству своихъ мирныхъ занятій, не могли особенно сочувствовать войнѣ, а во-2-хъ, они пользовались и безъ того значительными привилегіями, между

тѣмъ казаки и крестьяне должны были еще добыть ихъ „казацкою саблею“. Но необычайная удача возстанія Хмельницкаго, очевидно, повліяла и на нихъ. Шли въ казаки по большей части молодые ремесленники, но имъ подражали подь часъ даже бурмистры и райцы, т.-е. представители магдебургіи; они „себѣ, по выраженію самовидца, бороды голили и до того войска ишли, бо тѣи себѣ зневагу держали, котрій бы зъ бородою неголеною у войску былъ. Такъ діаволь учинилъ себѣ смѣхъ зъ людей статечныхъ“. Въ этой послѣдней фразѣ выражается официальный взглядъ лѣтописца на военную горячку, охватившую все южно-русское населеніе при Богданѣ Хмельницкомъ. Дѣйствительно, вся лѣвобережная Малороссія въ то время, можно сказать, совершенно оказачилась. Тотъ *классъ* общества, положеніе котораго было прежде гораздо безправнѣе мѣщанства, получилъ теперь правительственное значеніе. Русское правительство предоставило Малороссіи значительную внутреннюю автономію, а хозяевами въ ней оказались представители сословія, поднявшаго возстаніе, т.-е. казачества — гетманъ, генеральная, полковая и сотенная старшина. Вся Малороссія была раздѣлена на полки. Все свободное населеніе ея (исключая небольшого количества духовныхъ и шляхтичей — послѣднихъ оказалось 188 чел.) московскіе послы раздѣлили, согласно со своими обычаями — на двѣ группы — казачество (военное сословіе) и посполство или мѣщанство (тяглое сословіе); перваго оказалось 62,949 чел., втораго 62,454 чел. Такая огромная цифра мѣщанъ объясняется тѣмъ, что сюда вошли не только мѣщане „привилегированныхъ“ городовъ, но и жители второстепенныхъ городковъ и даже многочисленное тогда сельское населеніе (такъ называемые свободные посполитые). Г. Лазаревскій въ своей книгѣ о посполитыхъ доказалъ, что въ началѣ, при Богданѣ Хмельницкомъ, не было рѣзкой разницы между казаками и посполитами; теперь намъ приходится дополнить эту мысль и заявить, что разница между посполитымъ крестьяниномъ и мѣщаниномъ была еще менѣе значительна. Небольшое число привилегированнаго мѣщанства четырехъ малороссійскихъ городовъ, пользовавшихся нѣкогда магдебургскимъ правомъ, тонуло, такъ сказать, въ общей массѣ посполства и имъ понадобились нѣкоторыя усилія, чтобы добиться прежняго льготнаго положенія. Ихъ стремленіямъ впрочемъ помогло то, что всѣ общественныя группы, слившіяся было на время, ради общаго дѣла, почти въ одну безусловную массу, очень скоро потянули врознь, стали стремиться къ сословному обособленію, въ томъ числѣ и доминирующая группа — казачество. Но трудность заключалась въ томъ, что Центральное русское правительство имѣло дѣло только съ представителями казачества (да духовенства). Нужно было, слѣдовательно, дать знать о себѣ и своихъ привилегіяхъ. Это и сдѣлали прежде всего два самые извѣстные Москвѣ въ то время города — Кіевъ и Переяславъ. Они показали Центральному правительству, что въ Малой Россіи кромѣ казацкаго управленія существовалъ еще и старый городской урядъ, основанный, подобно казацкому, на выборномъ началѣ. Россія, признававшая раньше казацкую автономію, не имѣла основаній отвергнуть мѣщанской магдебургіи, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя въ ея глазахъ должна была казаться гораздо болѣе невинной и менѣе опасной, чѣмъ казацкая администрація, объединенная въ лицѣ гетмана и имѣвшая постоянныя притязанія на извѣстную самостоятельность въ сферѣ

ви́шней политики. Другіе города получили подтвердительныя грамоты на магдебургское право нѣсколько позже и притомъ не одновременно: Черниговъ въ 1655 г., Нѣжинъ — въ 1660 г., Стародубъ — въ 1666 г. Изъ новыхъ городовъ получили магдебургское право: Почаръ, Почепъ, Мглинь (и м. б. Остеръ и Козелець) — въ 1666 г., Полтава и Новгородъ-Сѣверскъ — уже въ XVIII в. (въ 1752 г.). Не останавливаясь на любопытной и вмѣстѣ съ тѣмъ запутанной исторіи полученія этими городами магдебургскаго права, замѣтимъ только, что остальные полковые и сотенные города (а ихъ была цѣлая масса) не попали въ разрядъ этихъ привилегированныхъ центровъ и имѣли у себя низшую степень самоуправленія, извѣстную подъ именемъ „ратушнаго уряда“.

IV. Организація городского самоуправления.

Мы подошли теперь къ самому существенному вопросу — объ организаціи городского самоуправления. Организація эта опредѣлялась съ одной стороны жалованными грамотами (касавшимися ее впрочемъ только въ общихъ чертахъ), а главное сборниками нѣмецкаго магдебургскаго права въ ихъ польскихъ редакціяхъ и передѣлкахъ. Фактическое дѣйствіе этихъ послѣднихъ доказывается дошедшими до насъ рѣшеніями магистратскихъ судовъ и другими документами, рисующими намъ тогдашнюю дѣйствительность. Такимъ образомъ, мы для своей характеристики городского магистратскаго самоуправления пользуемся двоякими данными, взаимно другъ друга поясняющими и дополняющими, — одни рисуютъ то, что должно было быть, а другая, — что было въ дѣйствительности. Обладая такимъ надежнымъ источникомъ, какъ судебныя рѣшенія и разныя дѣла о состояніи городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, мы рѣшили разсмотрѣть и анализировать еще одинъ важный источникъ — именно 26-ю главу „правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“, специально посвященную организаціи магистратскаго самоуправления. Эта книга, какъ извѣстно, представляла опытъ кодификаціи малороссійскаго права, исполненный, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны южно-русскими юристами въ 1743 г. Хотя этотъ сводъ и не былъ утвержденъ, значить осталась безъ примѣненія и 26-я его глава, но она, по словамъ покойнаго проф. А. О. Кистяновскаго, можетъ дать намъ болѣе точное представленіе объ организаціи городского самоуправления, чѣмъ основные источники ея — Саксонское Зерцало и Книга Порядка, потому что кодификаторы закрѣпили здѣсь не магдебургское устройство, изложенное въ этихъ руководящихъ книгахъ, а то видоизмѣненное, которое существовало въ ихъ время въ Малороссіи и было блѣдною тѣнью самого предмета. Это — очень важное значеніе знаменитаго криминалиста, но оно для полной убѣдительности нуждалось еще въ проверкѣ фактами живой дѣйствительности. Мы и приняли на себя подобный трудъ, т.-е юридическія нормы мы вездѣ подтвердили фактическими справками исторіи. Организацію магистратамъ лѣвобережной Малороссіи послѣ 1654 г. дали сочиненія Павла Щербича „Saxon Saxi prava polski majdebursky nazywajęce Speculum Saxonium“ и Бартоша Гроицкаго „Porządek Sadowy

Spraw miejskich prawa majdeburgskiego“. Впрочемъ онѣ же дѣйствовали тутъ и раньше при польскомъ владычествѣ, хотя и тогда уже вмѣстѣ съ ними былъ въ употребленіи и итловскій статутъ, нѣкоторые же юристы практики могли быть знакомы и съ латинскою передѣлкою нѣмецкаго *Saxenspiegel*'я (Яснера); известно, что даже составители „правъ“ 1743 г. имѣли въ своихъ рукахъ 4 книги магдебургскаго права на латинскомъ языкѣ и даже сдѣлали изъ нихъ кое-какія позаимствованія. *Saxon* и *Porząddek no tradyciі* продолжали удовлетворять практическимъ потребностямъ магистратскихъ судовъ во 2-й пол. XVII и 1-й пол. XVIII в., новыхъ книгъ не было; о составленіи ихъ никто не думалъ — ни сами мѣщане, ни гетманскій урядъ, ни тѣмъ менѣе центральное русское правительство. Единственное, что можно было тогда сдѣлать это перевести ихъ на болѣе доступный русскій языкъ. И такіе переводы стали являться еще съ XVII в.; въ XVIII в. оказалось такихъ переводовъ, сокращеній и передѣлокъ уже много (они дошли и до насъ). Не описывая здѣсь ихъ подробно, мы замѣтимъ, что эти послѣдніе не могутъ быть названы редакціями и представляютъ только чрезвычайно слабое отраженіе той редакціонной дѣятельности, которая господствовала въ Польшѣ и произвела тамъ цѣлую печатную литературу магдебургскаго права. Наряду съ нѣмецкими „законными“ книгами въ магистратскихъ судахъ дѣйствовалъ литовскій статутъ. И это понятно. Ни Саксонъ, ни Порядокъ не были законодательными сборниками официальнаго происхожденія. Въ противоположность имъ Литовскій Статутъ представлялъ изъ себя настоящій (и притомъ очень полный) судебникъ, собраніе дѣйствующихъ узаконеній въ систематическомъ порядкѣ. Но и въ немъ былъ пробыль, касавшійся именно городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ. Такимъ образомъ, оба памятника взаимно дополняли другъ друга; потому то обоими ими и пользовались магистраты (также точно какъ и полковые казацкіе суды употребляли кромѣ Статута Саксонъ и Порядокъ). Важное значеніе имѣло здѣсь то обстоятельство, что нѣмецкое городское право прямо рекомендовало въ случаѣ отсутствія въ немъ самомъ извѣстныхъ указаній обращаться къ другимъ законодательнымъ памятникамъ и даже обычаю. Но между Статутомъ и Нѣмецкимъ Городовымъ правомъ оказывались нерѣдко противорѣчія; сами они въ это время представляли изъ себя уже, такъ сказать, культурный пережитокъ и были очень мало приспособлены къ новымъ условіямъ народной жизни. Являлась необходимость, слѣдовательно, въ новомъ законодательномъ сборникѣ, который бы стоялъ въ болѣемъ соотвѣтствіи съ жизнью и мѣстными обычаями. Такимъ сборникомъ и должны были оказаться „Права“ 1743 г. и въ частности 26-я ихъ глава, „о магистратѣ или урядѣ гродскомъ у привиліюванныхъ и другихъ меньшихъ городовъ, о судахъ ихъ гродскихъ и о другихъ должностяхъ“, составленная главнымъ образомъ на основаніи книги порядка, отчасти Саксона и Статута, приспособленныхъ къ живой дѣйствительности.

Покончивъ съ элементами, опредѣлявшими городскую организацію, переходимъ теперь къ особенностямъ этой послѣдней. Замѣтимъ прежде всего, что центральное русское правительство въ противоположность польскому относилось съ полными довѣрїями къ малороссійскимъ городамъ и не оставило даже за собою права утвержденія войтовъ. Факты свидѣтельствуютъ, что существовало значительное разнообразіе маги-

стратскихъ порядковъ въ различныхъ городахъ. Въ Нѣжинѣ, напримѣръ, они достигли наибольшей полноты и цѣльности; наоборотъ въ такихъ городахъ какъ Остеръ мы видимъ только блѣдную тѣнь ихъ. Это разнообразіе отражалось прежде всего на численности магистратскихъ урядниковъ: въ Нѣжинѣ, напримѣръ, въ 1766 г. былъ войтъ, вице-войтъ, 6 бурмистровъ, 26 райцевъ и писарь; въ Стародубѣ въ 1721 г. былъ войтъ, 8 бурмистровъ, 5 райцевъ, 5 лавниковъ и писарь; въ другихъ городахъ — значительно меньше. Обращаясь къ вопросу о функціяхъ различныхъ должностныхъ лицъ, мы замѣчаемъ значительное отступленіе отъ нормъ, установленныхъ „Законными книгами“. И Порядокъ, и Саксонъ, и Право Хелминское различаютъ административныя функціи магистратскихъ урядниковъ отъ судебныхъ; первыя относятся къ коллегіи райцевъ и бурмистровъ (городской радѣ), вторыя — войта и лавниковъ (лавѣ). Въ дѣйствительности же, въ городахъ лѣв. Малороссіи, онѣ смѣшивались; и по 26-й главѣ „Правъ“ войту принадлежала административная и судебная власть; остальные урядники также должны были засѣдать и въ судѣ, и въ городской радѣ. Полицейскія обязанности магистраты дѣлили съ полковыми или сотенными канцеляріями и такъ какъ сфера вѣдомства тѣхъ и другихъ не была строго разграничена, то нерѣдко между ними происходили столкновения. Магистратскіе суды вѣдали всѣми дѣлами (гражданскими и уголовными), касавшимися двухъ сословій — мѣщанъ и посполитыхъ (городскихъ); но такъ какъ въ качествѣ челобитчиковъ сюда являлись и лица другихъ сословій (казаки), то на судѣ магистратскомъ присутствовали и представители казацкаго уряда; всяческія гражданскія сдѣлки вносили въ акты магистратскія книги повидимому всѣ сословія. Магистратскій судъ принималъ мѣры къ охранѣ имущества малолѣтнихъ, бралъ поручительство и такъ называемыя „заруки“, т.-е. заклады. Апелляція на рѣшенія магистратскихъ судовъ восходила сначала въ полковыя канцеляріи, а потомъ прямо въ генеральный войсковой судъ. Въ своихъ приговорахъ суды ссылаются на Щербича, Гроицкаго, и Литовскій Статутъ, указывая иногда въ точности самыя страницы или же приводя изъ нихъ подлинныя выдержки, но бѣльшею частію дѣлая на нихъ неопредѣленныя ссылки. Многіе приговоры поэтому отличаются суровостью наказаній и въ этомъ виноваты были сами кодексы; одинъ изъ нихъ дышалъ средневѣковою жестокостью, а другой (Статутъ) также былъ очень строгъ по отношенію къ лицамъ „простого стану“; Нѣжинскій магистратскій судъ, напримѣръ, за кражу лошадей велѣлъ повѣсить трехъ цыганъ, а за простую кражу денегъ съ коморы присудилъ къ „урѣзанью уха“ (любимое членовредительство магистратскихъ судовъ). Въ процессѣ употреблялась пытка — прижиганье раскаленнымъ желѣзомъ. Но формализмъ и суровость чужеземнаго права, заставшаго въ своемъ содержаніи и не смягчавшагося сообразно съ новыми условіями жизни, должны были смущать совѣсть судей. Эти послѣдніе взяты были непосредственно изъ народной среды и знали гораздо лучше народныя юридическіе обычаи, чѣмъ законъ. Являясь судьями по совѣсти и убѣжденію, они, естественно готовы были перейти на сторону обычая въ томъ случаѣ, если между нимъ и закономъ выходило противорѣчіе. При томъ самъ законъ (въ руководящихъ книгахъ магдебургскаго права) признавалъ силу и даже законность обычая. Въ приговорѣ по дѣлу

объ изнасилованіи Насти Лишихи Гавриломъ Кондратенкомъ судъ привелъ выдержку изъ Саксона, который назначалъ смертную казнь за это преступленіе, но въ дѣйствительности поставилъ очень легкій приговоръ (чтобы Гаврило „во всемъ перепросилъ“ потерпѣвшую и ея мать, т.-е. извинился передъ ними и наградилъ ихъ изъ своего имѣнія) — и это потому что „акторская сторона“ (т.-е обвинительница) его горломъ даровала (буквально — отъ смертной казни освободила). Еще болѣе интересенъ случай полной отмены наказанія за убійство въ виду просьбы объ этомъ вдовы покойника; вдова отказалась преслѣдовать виновнаго, отказалась даже отъ пахатнаго поля, которое ей предлагалъ судъ изъ имущества виновнаго и просила только о томъ, чтобы этотъ послѣдній „поедналъ священника на проводъ за душу небощика и чтобы долги небощика расплатилъ, что кому винно“. Здѣсь насъ поражаетъ высокое нравственное достоинство вдовы покойника, которая заботится только о душѣ и о доброй памяти его. Формализмъ писанаго права ослаблялся участіемъ въ процессѣ, въ активной роли слѣдователей, самаго населенія; и это выражалось въ формѣ извѣстныхъ копновъ судовъ. Въ гражданскихъ искахъ также замѣтно стремленіе судей рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію; этимъ объясняется желаніе ихъ примирять тяжущихся, если этого требовали, по ихъ мнѣнію, интересы обѣихъ сторонъ; этимъ можно объяснить и такое, напримѣръ, рѣшеніе Стародубовскаго магистра. Жена мѣщанина Саввы Левонича жаловалась, что ея мужъ пропиваетъ въ шинкахъ все имущество. Судъ, постановилъ, что если кто изъ шинкарей даетъ ему въ долгъ какого-либо напитка, то не будетъ имѣть права требовать своего долга изъ имущества этого пьяницы.

V. Судьба городского самоуправления.

Слѣдя за судьбою городскихъ общинъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, въ теченіе 2-й пол. XVII. и до к. XVIII в., мы приходимъ къ заключенію, что онѣ старались только удержать прежнія права и отнюдь не претендовали на приобрѣтеніе новыхъ. Идеаль ихъ былъ не въ будущемъ, а въ прошломъ. Мало того: всѣ онѣ, въ бблшей или мѣньшей степени, потеряли и то, что прежде имѣли. Цѣлый рядъ обстоятельствъ неблагопріятно отражался на ихъ судьбѣ и постепенно уменьшалъ ту скромную долю самоуправления, которою онѣ пользовались. Гражданское городское управленіе нашло себѣ повсемѣстно опаснаго врага въ представителяхъ военной организаціи тогдашней Малороссіи — казацкихъ полковникахъ, сотникахъ и т. п. Полковымъ канцеляріямъ удалось было даже поставить магистраты въ прямую зависимость отъ себя, но эта зависимость продолжалась не долго; ихъ притязанія были признаны незаконными и магистраты подчинены генеральной войсковой канцеляріи и генеральному войсковому суду, но косвенное вліяніе казацкаго уряда продолжалось. Каждый магистратъ долженъ былъ вести борьбу отдѣльно, на свой собственный страхъ и рискъ; сознанія сословнаго единства, общности интересовъ у привилегированнаго мѣщанства не могло выработаться. Города добивались самоуправления не сообща, а

отдѣльно и не въ одно и тоже время, пользовались имъ не въ одинаковой степени и отстаивали его не съ одинаковымъ успѣхомъ. Между тѣмъ казачество въ лѣвобережной Малороссіи сознавало себя отдѣльнымъ сословіемъ, права котораго утверждались генерально царскими пожалованіями. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ тамъ гдѣ сталкивались интересы мѣщанъ и казаковъ, большіе шансы на успѣхъ имѣли послѣдніе. А такія столкновенія были во всѣхъ городахъ лѣвобережья, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, потому что всюду казачество составляло видную часть городского населенія и стремилась освободиться отъ всякихъ городскихъ повинностей. И если притязанія его временно имѣли успѣхъ даже въ такихъ центрахъ какъ Нѣжинъ, Стародубъ, Черниговъ, то въ меньшихъ городахъ магистратское управленіе совсѣмъ было уже слилось съ казацкимъ. Нѣжинскому магистрату приходилось сверхъ того вести упорную борьбу съ Греческимъ Нѣжинскимъ Братствомъ. Это была иностранная корпорація, пріобрѣвшая мало-по-малу чрезвычайно широкое самоуправленіе и забравшая въ свои руки всю городскую торговлю. Греческіе купцы рано появились въ Малороссіи. Уже при Богданѣ Хмельницкомъ они получили универсалы на право вольной, безошлинной торговли по всѣмъ малороссійскимъ городамъ и мѣстечкамъ и право собственного суда: ни полковники, ни сотники, ни атамань, ни войты не должны были имѣть къ нимъ никакого касательства. Они поняли, что при тогдашнемъ соціальномъ строѣ Малороссіи, имъ не слѣдовало смѣшиваться съ массой населенія, а удобнѣе было составить особую корпорацію. И вотъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVII в. въ Нѣжинѣ образовалось Греческое Братство, обязанное своимъ происхожденіемъ энергіи мѣстнаго священника Христофора Дмитріева. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно напоминало, нѣмецкій торговый домъ въ Великомъ Новгородѣ. Имѣя въ своихъ рукахъ городскую торговлю, Греки однако были свободны отъ всякихъ городскихъ повинностей, которыя ложились тяжелымъ бременемъ на нѣжинскихъ православныхъ мѣщанъ. Это, конечно, было очень несправедливо — и магистратъ постоянно (хотя и тщетно) указывалъ на эту несправедливость правительству. Трудно было мирно ужиться этимъ двумъ общественнымъ корпораціямъ (магистрату и братству) на узкой территоріи г. Нѣжина. Но тогдашнее время не давало никакой возможности выйти изъ заколдованнаго круга уничтожающихъ другъ друга привилегій. Все, что могло, выпрашивало себѣ какую-либо льготу, зная что только она ставитъ его въ привилегированное положеніе, нисколько не заботясь о тѣхъ коллизіяхъ, которыя логически изъ нихъ вытекали.

VI. Цеховыя братства.

Переходимъ теперь наконецъ къ краткой характеристикѣ тѣхъ организацій, которыя казались исключительно ремесленнаго класса городскихъ обществъ — именно цеховъ или цеховыхъ братствъ. Эта организація составляла непремѣнную составную часть магистратской, входила въ нее, но очень часто существовала и независимо отъ нея, даже въ такихъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ не было магдебургскаго права.

Мы не будем останавливаться здѣсь на подробностяхъ цехового строя, хотя въ нашемъ распоряженіи имѣется по этому вопросу очень богатый матеріаль, сдѣлаемъ только общее заключеніе, что эта организація отличалась гораздо ббльшимъ единообразіемъ и жизненною устойчивостью, чѣмъ Магдебургія въ узкомъ смыслѣ этого слова. Въ концѣ XVIII вѣка мы видимъ въ цехахъ тѣ же самые распорядки, тѣ же обычаи, тѣ же уставы, какіе были въ 1-й половинѣ XVII в. Центральное правительство вовсе не касалось цеховъ, а мѣстный козацкій урядъ считалъ ихъ повидимому законнѣйшею принадлежностью ремесленниковъ и выдавалъ самостоятельно „фундовальныя листы“ на ихъ учрежденіе. Во всѣхъ этихъ листахъ они называются братствами. И это отождествленіе ремесленныхъ цеховъ съ церковными братствами было не только въ названіи, но и въ дѣйствительности. Всѣ они ставили себѣ двоякую цѣль — регулированіе своего ремесла и заботу о приходскомъ храмѣ и тѣсно связанныхъ съ нимъ просвѣдительныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ — школъ и шпиталѣ (т.-е. богадѣльнѣ). Цехи имѣли собственные дома („братскіе“), имущество, доходы, правосуды надъ братчиками и т. п. Будучи проникнуты сословною исключительностью (это была дань вѣку), корпораціи эти въ тоже самое время сильно развивали и поддерживали въ тѣхъ кругахъ, которыя захватывали, духъ общественной солидарности и способствовали развитію не формальной, а живой искренней религіозности, чувства любви къ ближнему и благотворительности. Братства лѣвобережной Малороссіи сѣзали свои задачи сравнительно съ таковыми же учрежденіями правобережной Украйны (Львовскими, Кіевскими и др.); но за то расширились количественно и сѣтью своею буквально покрыли всю Малороссію. Они не заводили здѣсь высшихъ училищъ, но за то создали такое громадное количество народныхъ школъ, отъ котораго не далеко ушло (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и отстало) наше время. Церковь, школа и шпиталь были тѣсно связаны другъ съ другомъ и являлись созданіемъ самого народа. Приходъ представлялъ изъ себя живую единицу, проникнутую одинаковыми нравственными интересами и свободную отъ всякой внѣшней регламентаціи, которая бы нарушала его внутреннюю независимость.

Въ иномъ положеніи находилось магистратское самоуправленіе въ собственномъ смыслѣ этого слова. Оно не только не получило такого широкаго распространенія какъ цехи, наоборотъ сдѣлалось исключительной привилегіей очень немногихъ общинъ. Чрезвычайно важное значеніе имѣло то обстоятельство, что магдебургское право не захватывало всѣхъ группъ городского населенія; внѣ его стояли такія выдающіяся по своему значенію сословія, какъ шляхетство и казаки, имѣвшіе свое собственное самоуправленіе. Между казацкимъ и мѣщанскимъ самоуправленіемъ была огромная разница. Первое широко раскинулось по всей странѣ и вылилось въ стройную іерархическую форму съ тремя, такъ сказать, концентрическими кругами: низшее мѣсто занималъ сотенный отрядъ, среднее — полковой, третье — самое высокое — генеральный. Въ противоположность ему мѣщанскія общины были разрознены и не могли ни вести совмѣстной борьбы за свои права, ни выработать какихъ-либо общихъ мѣръ для нея. Тамъ была іерархія должностей; здѣсь всѣ общины были совершенно независимы другъ отъ друга и не имѣли никакой высшей власти надъ собою съ характеромъ

выборнаго представительства. Цеховые порядки не смотря на свое иноземное происхождение, быстро привились въ Малороссіи и, слившись съ церковнымъ правомъ, братствами, сдѣлались даже какъ бы чисто національными и народными учрежденіями; Магдебургія же никогда не могла сдѣлаться столь близкой для народной массы и оставалась все-таки чужероднымъ институтомъ

О нѣкоторыхъ историческихъ и литературныхъ фактахъ, связанныхъ съ именемъ Успенскаго Псково-Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв.

Е. В. Пѣтухова.

Въ трехъ верстахъ отъ станціи Псково-Рижской желѣзной дороги „Печеры“, въ 44 верстахъ отъ Пскова и 248 отъ Риги, въ живописнѣйшей мѣстности, въ углубленіи между высокими горами, стоитъ окруженный своими прекрасно сохранившимися отъ XVI вѣка стѣнами Псково-Печерскій Успенскій первоклассный монастырь, одинаково замѣчательный своими историческими заслугами въ прошломъ (военно-политическими — какъ сильная твердыня, выдержавшая нѣсколько вражескихъ осадъ, и просвѣтительно-религіозными — какъ оплотъ православія на границѣ съ иновѣрными народностями) и своимъ важнымъ современнымъ значеніемъ (какъ всеми уважаемый центръ религіознаго поклоненія для обширной окружающей его области съ весьма разнообразнымъ этнографическимъ и вѣроисповѣднымъ составомъ). Возникши въ отдаленную эпоху на границѣ ливонскихъ земель и русскихъ и самоотверженно служа, когда того требовали обстоятельства, своими внѣшними и внутренними силами не только ближайшему къ нему Пскову, съ которымъ онъ связанъ былъ іерархической зависимостью, но и интересамъ всей русской земли въ XVI и XVII вв., Псково-Печерскій монастырь долженъ привлекать къ себѣ вниманіе всякаго, интересующагося судьбами взаимныхъ отношеній русскаго государства къ Прибалтійской окраинѣ. Не ставя себѣ никакихъ широкихъ задачъ, я въ настоящемъ случаѣ хотѣлъ бы обратить вниманіе на нѣкоторые факты изъ прошлой политической и духовной жизни этого монастыря, преимущественно съ историко-литературной точки зрѣнія¹⁾.

¹⁾ Для знакомства съ исторіей Псково-Печерскаго монастыря служатъ:

1. Псковская Лѣтопись (П. С. Р. Л. т. IV; Псковская Лѣтопись изд. М. Погодинымъ. М. 1837), извѣстія въ которую о Печерскомъ монастырѣ могли заноситься мѣстнымъ псковскимъ лѣтописателемъ въ виду принадлежности обители къ Псковской епархіи и вообще находженія ея въ предѣлахъ Псковской земли. Проф. *Ключевскій* (Житія святыхъ, стр. 249) предполагаетъ и существованіе нѣкогда сохранившейся до насъ мѣстной монастырской лѣтописи игумена Корнилія (1529—1570), которой могъ пользоваться псковскій лѣтописатель и на которую дѣлается ссылка въ одномъ изъ позднѣйшихъ сказаній о Печерскомъ монастырѣ, составленномъ въ началѣ XVII вѣка. Въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ помимо Псковскаго, свѣдѣнія о Печерскомъ монастырѣ скудны и случайны.

Самое начало монастыря предание, нашедшее себя выражение уже в первоначальных исторических источниках обители, связывает с именем священника церкви св. Николая и великомуч. Георгия в Юрьеве Ливонском (построенной вел. кн. Ярославом Владимировичем Киевским и ныне не существующей) Иоанна, который после того как немцы-католики стали притеснять в Юрьеве православных, отошел в Псков. Он вскоре явился одним из первых основателей Печерской обители, что было в связи с чудесным появлением иконы Богородицы, по на-

2. Грамоты, акты, дарственные записи царей и цариц и частных лиц и прочие документы, касающиеся главным образом истории внешнего, материального роста обители и приписанных к ней монастырей и церквей. Документы эти хранятся частью в архиве монастыря, частью в архивах и книгохранилищах разных общественных учреждений, напр. №№ LIV—LVI библ. Румянцевского Музея заключает в себя списки с весьма многих и замечательных из подобных документов XVI и XVII вв. (А. Востоков, Опис. рук. Рум. Музеума, стр. 86—90).

3. Повести и сказания, касающиеся Печерского монастыря. „Повесть о начале Печерского монастыря иже во граде Пскове. Нач. Вся убо яже в лето и яже под лето бываемая Божия благодѣяния о человецех не лето есть таити...“ Списки ее: Сборн. Волокол. м-ря в М. Д. А. пис. в 1536 году № 659, л. 143—148; Четь-Миней Герм. Тулунова Тр.-С. Лавры пис. в 1632 году № 679 (408), л. 209 об.—218; Сборник И. П. Библ. Древлехр. Погод. № 1553 XVII в.; л. 163—191. Ср. еще Строева Библиол. Словарь, стр. 182. 380. В конце Повести сказано, что она написана в 7039 (1531) году при держ. вел. кн. Василия и при архиепископе Новгородском и Псковском Макарии, игуменом Корнилием (1529—1570), который касательно своих источников и вообще отношения к труду выражается так: „ничто же вписах от своего ума, еже не бы, но еже бысть и бывает и яже слышахом или яже видѣхом и извопрошавше правое положихом“ (А. Бычков, Описание рукописных сборников, ч. I, стр. 88). Историческая достоверность этой повести вызвала отзыв проф. Ключевского, что источники игум. Корнилия „внушают полное доверие к его сказанию, одному из любознательнейших памятников для истории монастырской колонизации, особенно для определения связи ее с земской“ (Жития святых, стр. 250). — После Корнилия в XVI и XVII вв. было несколько лиц, описавших некоторые обстоятельства из жизни Печерского монастыря, руководясь личными впечатлениями или живыми слухами на месте. Сюда относятся: „Повесть о приходе Литовского короля Стефана с великим и гордым воинством на великий, славный и Богом спасаемый град Псков“ (изд. О. М. Бодянский в Чт. Общ. Ист. и Др. 1847, № 7); ср. Переписную книгу домовою казны патр. Никона во Врем. Общ. Ист. и Др. т. XV, 1852, стр. 100: „Книга в подесть о Печерском монастыре и о избавлении града Пскова, писанная, от пленения польскаго и литовскаго короля Обатура“; эту повесть некоторые склонны были считать произведением старца Псковского Елеазарова монастыря Серапиона (Евений, Словарь о пис. дух. чина, II, изд. 2, стр. 200; Филарет, Обзор дух. лит., стр. 164); в рукописи же Древлехр. Погодина № 902 автор называется Григорием (Строев, Библи. Словарь, стр. 379. Ср. Ключевский, Жит. св., стр. 315). — Далее, в 1587 году игумен Мелетий, по желанию боярина и псковского воеводы кн. Ник. Ром. Трубецкого написал „О чудесах пречистой Богородицы от иконы честнаго ее Успения“ (Строев, Библи. Словарь, стр. 211). В 1601 году игумен Иоаким, по приказанию архиепископа Псковского и Изборскаго Геннадия, составил устав „О крестохождении, по завѣту осадных людей в Печерском монастыре, в Пскове Святей Живоначалней Троице в недѣлю седмую по пасце“ (Строев, Библи. Словарь, стр. 378). К началу или первой четверти XVII века принадлежат: „Сказание о нашествии иноплеменикъ к Печерскому монастырю“ (1611 года), „О чудесах пречистой Богородицы от иконы честнаго ее Успения иже во Псковской области в Печерском монастыре и от иконы Умиления, зовома Владимирская“ (1621—1624) и др. (См. Строев, Библи. Словарь, стр. 353. 378—379; Бычков, Опис. сборн., стр. 152—153). — В XVII в. некоторым из этих отдельных трудов, на основе Корнилевой Повести, дана была общая обработка, имѣющаяся, напр., в рукописи Соловецкаго м-ря, ныне Каз. Дух. Ак., № 671 (609), л. 222—320 (Описание, II, стр. 544—545. Ср. Ключевский, назв. соч., стр. 315—316. Другой труд такого же сборнаго характера представляет „Летопись Псково-Печерскаго монастыря“, неизвестно кем составленная и сохранившаяся в рукописи, писанной в 1692 году иеродиаконом Питиримом; эта рукопись хранится теперь в ризнице Псково-Печерскаго монастыря, между другими наиболее замечательными рукописями обители. В XVII же веке возник и „Псково-Печерский Патерик“, по составу своему весьма похожий на только что названный Сборник статей о монастыре в Соловецкой рукописи; Строев указывал список его в Моск. Синод. библиотек № 564 XVII в. (Библи. Словарь, стр. 378—379). О других

родному преданію, на мѣстѣ основанія монастыря¹⁾. Въ названной Юрьевской церкви остался священникъ Исидоръ, которому и суждено было вмѣстѣ со своими 72 духовными дѣтьми принять мученическую смерть отъ Нѣмцевъ: ихъ побросали въ рѣку Амовжу (Эмбахъ). Это случилось 8 января 1472 года. Упомянутому страшному событію посвящено было интересное чтеніе д-ра *Фед. Бейзе* въ Эстонскомъ Ученомъ Обществѣ въ Дерптѣ 17 янв. 1876 года, гдѣ авторъ именно приводитъ въ связь съ нимъ основаніе Псково-Печерскаго монастыря: „Исторія возникновенія сего по-рубейнаго убѣжища, — говоритъ онъ — такъ тѣсно связана съ описаннымъ выше страшнымъ дерптскимъ событіемъ, что служащая доселѣ приютомъ духовной учености, врачевницею и питательницею, убѣжищемъ истерзанныхъ душъ и священнымъ мѣстомъ послѣдняго успокоенія и во всякое время года посѣщаемая многочисленными богомольцами, обитель сія представляется уму не иначе, какъ въ связи съ послѣдствіями, сопряженными съ упомянутымъ событіемъ“²⁾.

Въ первомъ половинѣ XVII вѣка игуменъ Корнилій успѣшно проповѣдывалъ христіанство между Ливонской „Чудью“ и доходилъ даже до Новаго городка (Нейгаузъ), лежавшаго уже за предѣлами русской земли.

Затѣмъ, изъ послѣдующей исторіи монастыря выдается по своему драматическому характеру осада его войсками польскаго короля Стефана Баторія въ 1581 г. Еще въ предшествовавшихъ этому военныхъ дѣйствіяхъ Стефана Баторія противъ Пскова въ томъ же 1581 году монастырскіе псково-печерскіе служители принимали дѣятельное участіе въ пользу Псковичей, перехватывая русскихъ плѣнниковъ, обозы со съѣст-

рукописяхъ XVII в., касающихся исторіи Псково-Печерскаго монастыря, см. „Опись келейной казны патріарха Филарета Никитича 1630 года августа 26“ въ Русской Истор. библіотекѣ, т. III, стр. 907—908; А. Поповъ, Рукописи Хлудова, стр. 498.

Съ начала нынѣшняго столѣтія уже начинаютъ появляться печатныя историческія извѣстія о Псково-Печерскомъ монастырѣ. Въ 1807 году въ Москвѣ напечатано было первое изданіе книжки „Повѣсть о началѣ и основаніи Печерскаго монастыря, взята изъ древнихъ лѣтописцевъ, обрѣтающихся въ книгохранилищѣ онаго монастыря“. Эта повѣсть составлена главнымъ образомъ на основаніи только что названной „Лѣтописи“ и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія: о первоначальной исторіи монастыря (стр. 1—57); о прец. Маркѣ Печерскомъ, который былъ, согласно преданію, родоначальникомъ псково-печерскихъ отшельниковъ, и о переложеніи мощей его, священноинока Іоны, и его супруги инокини Вассы изъ старыхъ ветхихъ гробовъ въ новые (стр. 57—61), о житіи и подвигахъ псковскихъ чудотворцевъ Тимофея (вел. кн. Доманта) (стр. 62—89) и Гавріила (вел. кн. Всеволода) (стр. 89—94), о „Рукописаніи“ послѣдняго объ устроеніи въ Новгородѣ церкви Іоанна Предтечи (стр. 94—98) и его же „Уставѣ о церковныхъ судѣхъ и о людѣхъ и о мѣрилахъ торговыхъ“ (стр. 99—105), о св. Николаѣ Юродивомъ (стр. 106—108) и о св. Саввѣ, основателѣ Крыпецкой обители вблизи Пскова (стр. 108—161). Второе изданіе этой книжки неизвѣстнаго автора было выпущено въ Псковѣ въ 1849 году. Сочиненію этому, во всякомъ случаѣ весьма полезному для знакомства съ исторіей м-ря, но написанному совершенно безъ критики, въ позднѣйшихъ историческихъ работахъ придавался однакоже характеръ первоисточника (см. Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. III. Рига 1880, стр. 471—473; т. IV. Рига 1883, стр. 187—193). Изъ другихъ сочиненій, относящихся къ Псково-Печерскому монастырю и имѣющихъ характеръ болѣе или менѣе дѣльнаго повѣствованія о его судьбахъ, должно назвать „Описаніе Псково-Печерскаго перво-класснаго монастыря“. Дерптъ 1821, 2 изд. Дерптъ 1832; „Псково-Печерскій монастырь“. С.-Пб. 1860, 2-е изд. Новгородъ 1864; „Первоклассный Псково-Печерскій монастырь“. Островъ 1893. Нахонецъ, краткія справочныя свѣдѣнія о монастырѣ можно найти въ извѣстномъ трудѣ В. В. Зетрискаго „Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи, съ библиографическимъ указателемъ“. I—II. С.-Пб. 1890—91, № 398.

¹⁾ Новгородскія Лѣтописи. Изд. Археограф. Комиссіи. С.-Пб. 1879, стр. 308.

²⁾ Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. III, стр. 467.

ными припасами и побивая небольшіе непріятельскіе отряды, такъ что когда 29 октября польскія войска подступили подъ самый монастырь и начали его разбивать снарядами, то нашли въ братіи монастырской уже довольно опытныхъ и отважныхъ защитниковъ своей родной святыни. Нѣсколько недѣль неудачныхъ военныхъ дѣйствій противъ монастыря побудили короля обратиться къ братіи, въ весьма мягкихъ выраженіяхъ, съ предложеніемъ сдаться и съ обѣщаніемъ предоставить всѣмъ жизнь, имущество, и свободу; но монастырская братія нашла это предложеніе „льстивымъ“ и объявила черезъ схимника Патермуфія осаждающимъ свой полный отказъ и намѣреніе защищаться до послѣдней возможности, требуя со своей стороны удаленія непріятелей отъ стѣнъ обители. Вскорѣ, послѣ заключенія мира съ Россіей, военныя дѣйствія прекратились, и Печерскій монастырь такимъ образомъ счастливо вышелъ изъ трудныхъ обстоятельствъ, сохранивъ свою цѣлость и достоинство и не мало послуживъ общему успѣху Русскихъ въ войнѣ съ Поляками и Нѣмцами¹⁾. Въ эту эпоху монастырь, обладавшій уже значительными матеріальными и нравственными силами, сыгралъ весьма видную политическую роль, выпавшую на его долю въ виду его пограничнаго положенія.

Наконецъ, въ смутное время Московскаго государства, при непрерывныхъ войнахъ, Печерскій монастырь съ 1607 по 1613 годъ былъ неоднократно обезпокоиваемъ проходомъ черезъ него шведскихъ и польскихъ войскъ, которыя нерѣдко занимали стѣны этой обители и истощали ее грабежомъ и требованіями денегъ; причина этого опять лежала въ особенностяхъ географическаго положенія монастыря, находившагося, такъ сказать, на главной дорогѣ международныхъ сообщеній. И вообще только лишь со времени счастливаго завершения многолѣтней борьбы за польско-шведско-ливонскія земли Петромъ Великимъ въ началѣ XVII вѣка Псковско-Печерскій монастырь, который Царь-Преобразователь заново укрѣпилъ окопами, почувствовалъ себя въ безопасности.

Съ именемъ Псковско-Печерскаго монастыря или лицъ, принимавшихъ въ немъ ближайшее участіе, связано нѣсколько литературныхъ фактовъ въ XVI и XVII вв., достойныхъ упоминанія.

На первомъ мѣстѣ по времени стоитъ здѣсь имя благодѣтеля, усерднаго строителя и жертвователя на монастырь государева дьяка во Псковѣ Мисюря или Михайлы Григорьевича Мунехина, который вмѣстѣ съ подьячимъ Артюшей Псковитиномъ обратили вниманіе, какъ говорится въ Псковской Лѣтописи подъ 1519 и 1523 гг., на неизвѣстную до тѣхъ поръ малолюдную обитель на Ливонской границѣ, начали туда часто ѣздить и привлекать вниманіе другихъ людей къ чудесамъ исцѣленія тамошней иконы Божьей Матери. Мисюрь одарилъ монастырь деньгами и землею и построилъ новую большую церковь въ горѣ въ честь Успенія съ придѣлами въ честь Киево-Печерскихъ преподобныхъ Антонія и Θεодосія; въ монастырѣ было учреждено игуменство, установлено общежитіе и стали правильно совершаться церковныя повседневныя службы²⁾. Къ этому-то именно Мисюрю обращены были два извѣстныхъ

¹⁾ См. рассказъ объ этомъ событіи въ книгѣ митр. Евгенія „Исторія княжества Псковскаго“, Ч. I. Кіевъ 1831, стр. 230—235.

²⁾ П. С. Р. Л. IV, 293, 295; VI, 29; Псковская Лѣт., изд. М. Погодинымъ, стр. 186.

послания старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филоея, изъ которыхъ въ одномъ, писанномъ въ 1522 году, авторъ упрекаетъ псковскихъ начальниковъ за то, что они не допускали священниковъ исповѣдывать и приобщать св. таинъ умиравшихъ отъ моровой язвы¹⁾; во-второмъ посланіи Филоея обличаетъ сильно распространившуюся вѣру во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка и въ концѣ развиваетъ идею о Москвѣ — третьемъ Римѣ²⁾. Оба посланія своимъ обращеніемъ къ Мисюрю Мунехину могутъ служить указаніемъ на относительную просвѣщенность этого, безъ сомнѣнія, энергическаго, умнаго и ревностнаго къ дѣламъ церкви человѣка.

Съ Псково-Печерскимъ монастыремъ соединено и не маловажное въ исторіи древней русской письменности имя игумена Троице-Сергіева монастыря старца Артемія, извѣстнаго литовскаго изгнанника-добровольца и одного изъ даровитѣйшихъ и убѣжденнѣйшихъ представителей того направленія древне-русской религіозной жизни, которое отмѣчено именемъ школы „заволжскихъ старцевъ“. Жизнь старца Артемія до сихъ поръ мало извѣстна, особенно первая ея половина, но изъ соборной грамоты 1554 года, которая послана была въ Соловецкій монастырь, мѣсто заключенія Артемія, и гдѣ изложены были обвиненія его въ сочувствіи ереси М. Башкина, видно, что до знакомства съ ученіемъ „заволжскихъ старцевъ“ Артемій провелъ нѣкоторое время въ Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ; изъ Печерскаго монастыря Артемій ѣздилъ, пользуясь близостью разстоянія, въ пѣмецкій городокъ Нейгаузъ (куда, какъ мы видѣли, хаживалъ и игумень Корнилій), чтобы въ бесѣдѣ съ знающими и книжными людьми выяснитъ себѣ болѣе точно различіе между вѣрой католической и православной. Эта религіозная пытливость, бывшая на Руси въ XVI вѣкѣ, можно сказать, стихійной, была поставлена Артемію его московскими судьями въ вину, такъ какъ-де Артемій и безъ испытанія долженъ былъ знать всѣ преимущества православной вѣры надъ католической³⁾. Артемій осужденъ былъ на Московскомъ соборѣ 1554 г. какъ еретикъ и сосланъ на строгое заточеніе въ Соловецкій монастырь, откуда однакоже вскорѣ успѣлъ бѣжать въ Литву и явиться тамъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ православія въ своихъ посланіяхъ, писанныхъ къ разнымъ лицамъ въ Россіи и за ея предѣлами⁴⁾. Такимъ образомъ, Псково-Печерскій монастырь, насколько можно предполагать, своей близостью къ центрамъ католической жизни въ Ливоніи, содѣйствовалъ Артемію на первыхъ шагахъ его религіозной пытливости и тѣмъ самымъ сыгралъ извѣстную роль въ исторіи склада тѣхъ идей и воззрѣній, которыя сдѣлали изъ Артемія одну изъ интереснѣйшихъ личностей нашей литературной исторіи XVI вѣка.

Нѣкоторую связь съ Псково-Печерскимъ монастыремъ имѣла въ XVI вѣкѣ и другая, еще болѣе извѣстная историческая и литературная личность — князь А. М. Курбскій, глубокой почитатель старца Артемія, считавшій себя его духовнымъ ученикомъ⁵⁾ и давшій о немъ, какъ объ историческомъ дѣятелѣ, самый сочувственный

¹⁾ Дополн. къ Акт. Истор. I, № 23.

²⁾ Правосл. Собесѣдникъ, 1861, II, стр. 78—96.

³⁾ Акты Археограф. Экспедиціи I, стр. 251; П. Занковъ. Старецъ Артемій, писатель XVI вѣка. С.-Пб. 1887 г., стр. 4, 14; С. Садковскій, Артемій игумень Троицкій. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1891. IV, стр. 38, 66.

⁴⁾ Они напечатаны въ Русской Истор. Библиотекѣ, т. IV. С.-Пб. 1878, стр. 1201—1448.

⁵⁾ Сказанія кн. Курбскаго, ч. II, 1 изд., стр. 163—164.

отзывъ¹⁾. Кн. Курбскій, рассказывая о жестокихъ поступкахъ царя Ивана Грознаго, удѣляетъ въ своей Исторіи памяти извѣстнаго уже намъ игумена Псково-Печерскаго монастыря Корнилія и старца того же монастыря Вассіана Муромцева, также мученически пострадавшихъ отъ царя, слѣдующія строки: „Тогда же убиенъ отъ него (царя) Корнилій, игумень, Печерскаго монастыря начальникъ, мужъ святой и во преподобіи многъ и славенъ; бо отъ младости своей во мнишескихъ трудѣхъ провозсіалъ и монастырь онъ предреченный воздвиже со многими труды и молитвами къ Богу, идѣже и безчисленныя чудеса прежде истекали, благодатию Христа Бога нашего и Пресвятыя его Матери молитвами, поколь было имѣній ко монастырю тому не взято, и нестяжательно мниси пребывали; егда жъ мниси стяжанія почали любити, паче же недвижимыя вещи, сирѣчь села и веси; тогда угасоша божественныя чудеса. И тогда вкупѣ убиенъ съ нимъ другій мнихъ, ученикъ того Корнилія, Васьянъ именованъ, по нареченію Муромцевъ; мужъ былъ ученый и искусный и въ священныхъ писаніяхъ послѣдователь. И глаголють, ихъ вкупѣ во единъ день орудіемъ мучительскимъ нѣкакимъ раздавленныхъ; вкупѣ и тѣлеса ихъ преподобномученическія погребены²⁾“. Къ этому старцу Вассіану Муромцеву, котораго ученость и знаніе св. Писанія такъ высоко оцѣниваетъ кн. Курбскій, по о которомъ, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ другихъ извѣстій, и написалъ онъ три посланія изъ Литвы, Первые два посланія, писанныя около 1570 года, посвящены (первое цѣликомъ, а второе — на половину, книжному вопросу — о такъ называемомъ „Никодимовомъ Евангеліи“, противъ подлинности котораго горячо возражаетъ Курбскій; кромѣ того, во-второмъ посланіи авторъ касается западныхъ религіозныхъ заблужденій, хвалитъ православную русскую вѣру, присоединяя однакоже къ этому вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкую и живую обличительную характеристику разныхъ общественныхъ сословій въ Россіи³⁾); въ третьемъ посланіи Курбскій жалуется Вассіану на игумена Псково-Печерскаго монастыря за отказъ ссудить его деньгами, говоритъ о претерпѣнныхъ имъ напастяхъ и взведенныхъ на него клеветахъ въ ереси, упрекаетъ какого-то архіерея въ потворствѣ царю Ивану Васильевичу и грозитъ инокамъ монастыря карою небесъ за ихъ жестокосердіе⁴⁾.

Это обращеніе кн. Курбскаго за матеріальной помощью къ Псково-Печерскому монастырю указываетъ, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ посланіями его къ старцу Вассіану, на извѣстную близость его къ обители⁵⁾; но что такая переписка съ опальнымъ

¹⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 178—181.

²⁾ Сказанія кн. Курбскаго, ч. II, стр. 163—164. — Въ стѣнахъ монастыря намъ пришлось слышать передаваемый по преданію рассказъ о томъ, что причиной гнѣва Ивана Грознаго на Корнилія былъ извѣтъ на игумена со стороны завистниковъ и враговъ монастыря, будто Корнилій, воздвигая вокругъ монастыря крѣпкія стѣны (еще и нынѣ хорошо сохранившіяся) имѣлъ въ виду враждебныя дѣйствія противъ самого царя; царь, въ припадкѣ подозрительности и гнѣва, приказалъ немедленно предать смерти Корнилія въ самыхъ вратахъ монастыря, но потомъ, быстро раскаявшись въ этомъ своемъ поступкѣ, посѣпшилъ одарить монастырь богатыми дарами, часть которыхъ, въ видѣ цѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (цѣпь отъ наперстнаго креста, ложка, ножикъ, вилка, бархатный кошелекъ для денегъ, усажанный камнями, и проч.) и теперь сохраняется въ монастырской ризницѣ.

³⁾ Православный Собесѣдникъ 1863, I.

⁴⁾ А. Бычковъ, Описаніе рукописныхъ сборниковъ, стр. 55.

⁵⁾ Есть извѣстіе, что Курбскій, дорожа бесѣдами съ игуменомъ Корниліемъ, по временамъ прожи-

человѣкомъ, притомъ отчасти касающаяся и самого монастыря, позднѣе могла покоить иноковъ своимъ содержаніемъ, видно изъ слѣдующей интересной приписки на копіи XVII вѣка послѣдняго изъ названныхъ выше посланій кн. Курбскаго къ Васиану: „вымите, Бога ради, положено посланіе подъ печью, страха ради смертнаго, а писано въ Печеры, одно въ столбцѣхъ, а другое въ тетратяхъ, а положено подъ печью въ избушкѣ в моей в малой. Писано дѣло государское, а вы то отошлите любо къ государю, а любо ко Пречистой въ Печеры. Да остались тетратки переплетены, а кожа на нихъ не положена, и вы тѣхъ, Бога ради, не затеряйте“¹⁾.

Наконецъ, изъ числа отдѣльныхъ литературныхъ фактовъ, связанныхъ съ именемъ Псково-Печерской обители, слѣдуетъ упомянуть, что въ рукописи Имп. Публ. б-ки Древлехр. Погодина № 1554, пятый отрывокъ XVII в., л. 45, есть „Уложеніе о ектеньяхъ“, въ концѣ котораго замѣчено, что это Уложеніе принесено съ Аѳонской горы въ Псковскій Печерскій монастырь іеромонахомъ Левкією Каппедокіяниномъ въ 1561 году²⁾“, и еще — что одна изъ любопытнѣйшихъ находокъ за послѣдніе годы въ области древнерусскихъ литературныхъ памятниковъ, „Слово о погибели рускыя земли³⁾“ отыскана именно въ рукописи XV вѣка въ ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря.

Что же касается современнаго просвѣтительнаго и религіозно-политическаго значенія Псково-Печерскаго монастыря, непосредственно связаннаго съ его прошлымъ, то, оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ въ его цѣломъ видѣ, какъ выходящій за предѣлы настоящаго сообщенія, я позволю себѣ привести лишь одинъ мѣстный отзывъ, основанный на близкомъ изученіи и наблюденіи дѣла и соединяющій въ себѣ вмѣстѣ съ сужденіемъ о фактахъ нѣкоторыя desiderata для будущаго: „Великое религіозно-политическое значеніе Псково-Печерской обители было бы возстановлено, если бы и къ сему важному пункту православно-русскому обращено было столько же правительственнаго вниманія и общественнаго интереса, сколько пріобрѣтають себѣ новыя мѣста. Псково-Печерскій монастырь, съ древнею иконою Успенія Божіей Матери въ теченіе столѣтій является предметомъ глубочайшаго благоговѣнія не только Русскихъ, но и прибалтійскихъ инородцевъ. При возрастающемъ среди послѣднихъ движеніи къ православію, весьма легко можетъ быть организовано паломничество въ древнюю обитель изъ всѣхъ частей Рижской епархіи... Не меньшее значеніе Псково-Печерскій монастырь можетъ имѣть какъ для инородцевъ, переселяющихся изъ Прибалтійскихъ губерній въ Псковскую, такъ и для полувѣрцевъ, которые прямо являются родными чадами святой обители, не получившими пока надлежащаго духовнаго воспитанія. Здѣсь удобнѣе всего и цѣлесообразнѣе сосредоточить исходный пунктъ для столь неотложныхъ мѣропріятій по тѣснѣйшему сближенію инородцевъ съ Русскими и по утверженію среди нихъ православія. Псковскій уѣздъ плотнѣе, чѣмъ другіе уѣзды

валъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ: *Е. Лебедевъ*, Инородческій вопросъ въ Псковской губерніи въ связи съ религіозно-политическимъ значеніемъ Псково-Печерскаго монастыря. Псковъ 1891, стр. 3.

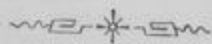
¹⁾ *А. Бычковъ*, Описаніе рукописныхъ сборниковъ, стр. 142.

²⁾ *А. Бычковъ*, Описаніе рук. сборниковъ, стр. 94.

³⁾ Памятники древней письменности. № LXXXIV. Сообщ. *Хр. М. Лопарева*. С.-Пб. 1892.

губерніи, населенъ колонистами изъ Латышей и Эстовъ. Самое густое населеніе ихъ и вся масса полувѣрцевъ находится именно въ четырехъ волостяхъ Псково-Печерскаго края¹⁾“. Несомнѣнно, что на такое значеніе Псково-Печерскій монастырь имѣеть всѣ историческія права, служа въ продолженіе долгаго времени для православнаго населенія западной окраины нашего отечества крѣпкимъ политическимъ оплотомъ и богатымъ источникомъ нравственно-религіознаго назиданія; въ этомъ отношеніи роль его близко подходитъ къ роли Троице-Сергіевой Лавры для средней Россіи или Кіево-Печерской Лавры для юга.

¹⁾ *Е. Лебедевъ*, Иностранческій вопросъ, стр. 31. Ср. *Ю. Труманъ*, Полувѣрцы Псково-Печерскаго края. „Живая Старина“, вып. I, 1890.

О задачахъ славяно-русской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгріи.

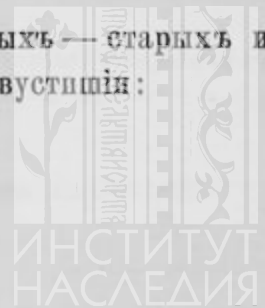
А. С. Будиловича.

Хотя мѣстная прибалтійская археологія не можетъ не считаться основною задачею Археологическаго Съѣзда, собравшагося въ г. Ригѣ, тѣмъ не менѣе часть его вниманія, какъ Съѣзда общерусскаго, должна, конечно, быть обращена и на другія важныя задачи русской археологіи, отчасти же и тѣсно съ нею связанной археологіи общеславянской. Въ этомъ предположеніи я позволяю себѣ обратить вниманіе на вопросъ, который, выходя за рамки археологіи прибалтійской, составляетъ однако органическую часть археологіи русской, особенно для древнѣйшихъ періодовъ русской жизни, когда она протекала параллельно съ жизнью прочихъ славянскихъ народовъ, отчасти и въ тѣсномъ взаимодействіи съ послѣдними. Къ тому же нельзя упускать изъ виду, что даже для тѣхъ русскихъ археологовъ, которые склонны ограничивать задачи своей науки изслѣдованіемъ доисторическихъ и историческихъ древностей въ предѣлахъ русскаго государства, превращая такимъ образомъ археологію изъ науки этнологической въ науку государственную, — не можетъ быть совершенно чуждою археологія венгерская или угорская, въ частности же археологія угрорусская и т. д., ибо въ противномъ случаѣ они были бы лишены возможности изучать русскую археологію сравнительно съ русскими родственными ей отдѣлами археологіи европейской, т.-е. были бы лишены того сравнительно-историческаго метода, который оказался столь плодотворнымъ въ языковѣдѣніи, мифологіи, этнологіи, социологіи, даже вообще въ исторіи и прочихъ наукахъ гуманитарныхъ, въ томъ числѣ и въ общей археологіи.

Но и независимо отъ этихъ методологическихъ соображеній, археологія областей и народовъ нынѣшней Венгріи не можетъ быть для насъ безразлична и по своему содержанію.

Не раздѣляя высококомѣрнаго взгляда на эту землю мѣстныхъ — старшихъ и новыхъ — патриотовъ, выраженнаго въ извѣстномъ латинскомъ двустишіи:

Exstra Hungariam non est vita:
Si est vita, non est ita,

мы не можем однако не признать, что по своему географическому положению, племенному составу и культурно-историческимъ отношеніямъ страна эта имѣетъ особую важность для научнаго изученія вообще, а археологическаго въ частности, особенно въ системѣ археологіи славянорусской. Въ самомъ дѣлѣ, Венгрія — это какъ бы мостъ отъ областей русскихъ къ чехо-словенскимъ съ одной стороны, а сербо-хорватскимъ и словинскимъ съ другой, въ болѣе же широкомъ смыслѣ — отъ міра восточнаго, сарматскаго, потомъ грекославянскаго, къ міру западному, римскому, романогерманскому.

Такое значеніе принадлежитъ Венгріи не въ настоящее лишь время, но еще болѣе — въ прошедшемъ, во всякомъ же случаѣ съ той отдаленной поры, когда, по словамъ нашей начальной лѣтописи, „сѣли суть словѣни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ земля угорьска и болгарска“.

То обстоятельство, что въ серединѣ Венгріи и на ея юго-восточной окраинѣ живутъ довольно плотной массой народы неславянскіе, именно: Мадыяры и Румыны, вовсе не лишаетъ этой страны значенія срединнаго узла всего славянства, ибо названные инородцы настолько смѣшались со Славянами, въ смыслѣ физическомъ и нравственномъ, что являются нынѣ какъ бы полуславянами и, слѣд., законнымъ предметомъ изученія въ славянской этнологіи, исторіи, археологіи. Съ другой стороны, чудское происхожденіе мадыяръ дѣлаетъ ихъ территорію, преданія, бытъ, важнымъ подспорьемъ для чудскаго отдѣла нашей археологіи, въ которой они должны занять мѣсто на ряду съ Эстами, Финнами, Корелю, Мордвою и другими нашими инородцами чудскаго корня.

Чтобы видѣть всю важность для славяно-русской археологіи вопросовъ, рѣшеніе которыхъ невозможно безъ основательнаго изученія вещественныхъ и бытовыхъ остатковъ угро-славянской старины, достаточно напомнить хоть нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, напр. о времени поселенія Славянъ за Карпатами и расселенія ихъ оттуда; объ отношеніи угорскихъ и дакійскихъ Славянъ къ Дакамъ и Гетамъ, Иллирамъ и Языгамъ, Кельтамъ и Германцамъ, Римлянамъ и Валахамъ; о происхожденіи и древнѣйшихъ границахъ закарпатской Руси; о мѣстоположеніи и племенныхъ соотношеніяхъ Бѣлой Сербіи и Бѣлой Хорватіи; о древнѣйшихъ племенныхъ отношеніяхъ Славянъ Эрако-Болгарскихъ съ одной стороны, а Панноно-Хорутанскихъ съ другой; о племенныхъ отношеніяхъ и дальнѣйшихъ перерожденіяхъ Гунновъ и Аварь, Угровъ и Печенѣговъ, Половцевъ и Узовъ; о племенномъ составѣ и культурномъ наслѣдіи великоморавскаго государства; о первоначальной площади распространенія кириллицы и глаголицы; о паннонизмѣ въ церковно-славянской письменности, въ связи съ исторіей Задунайской Венгріи; о времени и обстоятельствахъ распространенія христіанства между подкарпатскими Славянами; о роли Венгріи въ культурной борьбѣ міра латинонѣмецкаго съ грекославянскимъ и т. п. При изученіи „Славянскихъ Древностей“ Шафарика на каждой почти страницѣ можно замѣтить, сколь важнымъ подспорьемъ было для него, при разработкѣ этого сочиненія, близкое знакомство съ географіей, этнографіей и исторіей родной ему Венгріи. Потому-то позволительно высказать предположеніе, что слабая разработка угро-славянскихъ древностей является главнымъ тормазомъ въ дальнѣйшемъ развитіи славянской археологіи и исторіи.

Но быть можетъ намъ стоитъ лишь подождать и всѣ упомянутые, равно какъ и другіе, смежные, вопросы угро-славянской древности будутъ постепенно рѣшены мѣстными силами, въ частности же мадьярскими учеными учрежденіями и обществами, въ какихъ нѣтъ недостатка въ Будапештѣ и многихъ другихъ городахъ нынѣшней Венгріи? Вѣдь имѣются же тамъ археологическія общества, музеи, коллекціи, производятся раскопки, изслѣдованія, изданія, словомъ, живетъ и развивается мадьярская археологическая наука, въ интересахъ которой организована была и выставка древностей, въ составѣ общей будапештской милленарной выставки 1896. Конечно, все это имѣется въ Венгріи, и на содѣйствіе мѣстной мадьярской археологіи можно до нѣкоторой степени рассчитывать по вопросамъ археологіи доисторической, а также по археологіи эпохъ римской, кельтской, до нѣкоторой же степени и готской, гуннской, аварской, мадьярской, половецкой, турецкой. Но по отношенію къ археологіи угро-славянской на труды ученыхъ и учреждений мадьярскихъ мы рассчитывать никакъ не должны.

Со времени возникновенія и постепеннаго развитія въ Венгріи мадьяризма, какъ національно-политической тенденціи, задавшейся цѣлью заглушить всѣ немадьярскія народности Венгріи и переплавить ихъ въ народность мадьярскую, перестали появляться въ ней ученые, которые, подобно старымъ Белю, Вагнеру, Бортоло-Мендесу, Катонѣ, Фейеру и н. др., не игнорировали вполне и славянства въ своихъ изслѣдованіяхъ и изданіяхъ. Теперь началось систематическое замалчиваніе въ прошломъ всего славянскаго, такъ что уже Мадьяры являются главнымъ героемъ венгерской исторіи, хотя всѣмъ извѣстно, что не они, а Славяне были господствующимъ народомъ Венгріи не только при Арпадовичахъ, но и въ позднѣйшіе вѣка, при Корвинѣ, Запольѣ, Раковскомъ, вплоть до Кошута и Деака, вслѣдствіе чего исторія Венгріи настолько же славянская, какъ и исторія Хорватіи, Чехіи, Польши и вообще — западнаго славянства.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи мадьярскій шовинизмъ дошелъ до того, что задался цѣлью вытравить все это славянство не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ Венгріи. Нагляднымъ доказательствомъ того служитъ упомянутая милленарная выставка, на которой въ историческомъ отдѣлѣ собрано много остатковъ старины мадьярской, отчасти и латинской, нѣмецкой, румынской, но почти ничего славянскаго. Единственное исключеніе сдѣлано для Хорватовъ и Сербовъ-босняковъ, которые впрочемъ не входятъ уже въ Венгрію и имѣютъ особую исторію и особія стремленія, тяготя, въ смыслѣ и національномъ и политическомъ, вовсе не къ Будапешту, а къ Загребу и отчасти Бѣлграду.

Мы не должны, впрочемъ, удивляться указанному смѣшенію въ нынѣшней мадьярствующей Венгріи задачъ научныхъ съ политическими. Болѣе или менѣе это замѣтно и въ другихъ австрійскихъ земляхъ, напр. въ Галичинѣ, Чехо-Моравіи, Словѣніи, Далмаціи. Да и вся Габсбургская имперія опирается скорѣе на историческомъ, чѣмъ на естественномъ правѣ, болѣе на традиціяхъ, чѣмъ на народныхъ желаніяхъ и интересахъ. Потому-то и въ исторіи возрожденія австрійскихъ Славянъ чуть ли не главными дѣятелями пришлось быть археологамъ и историкамъ, каковы напр.

Добровскій, Добнеръ, Шафарикъ, Палацкій, Томекъ, Эрбенъ, Воцель и др. Даже Колларъ въ своей знаменитой поэмѣ: „Дочь Славы“, которая признается чуть не евангеліемъ всеславянства, призналъ нужнымъ опираться главнымъ образомъ на археологическихъ данныхъ. Отсюда понятно, почему мадьярскіе шовинисты, воздвигнувъ гоненіе на Славянъ современныхъ, должны были принять мѣры, чтобы уничтожить ихъ въ венгерскомъ прошломъ,— закопать ихъ, такъ сказать, въ землю и прикрыть эти могилы монументами мадьяризма. Въ этихъ именно видахъ и сооружаютъ они теперь такіе монументы въ семи пунктахъ, якобы прославленныхъ въ исторіи Арпада, фальсифицированной по анонимному нотарію короля Бѣлы. Въ числѣ этихъ семи пунктовъ находится между прочимъ урочище Соборъ подъ Нитрою, въ самомъ названіи котораго ясно выражается связь съ церковной исторіей славянской, а не мадьярской.

Такимъ образомъ мадьярская археологія, при нынѣшнемъ ея направленіи, является не сотрудникомъ, а скорѣе врагомъ археологіи угро-славянской, которая, вслѣдствіе того, должна дѣйствовать совершенно самостоятельно, если желаетъ разрѣшить хоть часть основныхъ своихъ задачъ по отношенію къ этой странѣ и ея населенію. Такая самостоятельность тѣмъ необходимѣе, что въ нынѣшней Венгріи болѣе или менѣе успѣшно развивается лишь политическая литература, въ частности же, публицистика. Исторіографія же сильно поотстала, какъ видно изъ существующаго въ ней культа легендарной хроники упомянутаго анонима Бѣлы. Полумионическій разсказъ послѣдняго о событіи, столь отдаленномъ отъ него, какъ прибытіе въ Венгрію Арпадовой или вообще мадьярской орды, считается въ этой исторіографіи какъ бы догматомъ вѣры, который по случаю милленарнаго юбилея скрѣпленъ санкціею обѣихъ палатъ и включенъ въ сводъ законовъ. По отношенію къ нынѣшней мадьярской филологіи тоже подтверждается незаконченнымъ еще споромъ послѣдователей Буденца съ одной стороны, а Вамбери съ другой, о чудскомъ или тюркскомъ происхожденіи нынѣшнихъ мадьяръ. Много ли можно ожидать славяновѣдѣнію отъ такой исторіи, археологіи, филологіи, этнологіи?

Самостоятельныя разысканія въ области угро-славянской археологіи представляются тѣмъ болѣе настоятельными, что количество ея источниковъ съ каждымъ годомъ не увеличивается, а убываетъ. Я не имѣлъ возможности провѣрить нареканія мѣстныхъ славянскихъ ученыхъ на тенденціозное сокрытіе мадьярскими археологическими институтами слѣдовъ и остатковъ угро-славянской стороны; но упрекъ этотъ представляется не невѣроятнымъ въ виду общеизвѣстнаго факта насильственнаго закрытія мадьярскимъ правительствомъ Словенской Матицы въ Турчанскомъ св. Мартинѣ, съ ея бібліотекою, архивомъ, музеемъ, которые если и не погибли еще, то стали совершенно недоступны для изученія. Столь же насильственнымъ представляется упомянутый уже выше тенденціозный подборъ предметомъ, выставленныхъ въ историческомъ отдѣленіи будапештской выставки 1896 г. Никто не повѣритъ, что въ государственныхъ и частныхъ древохранилищахъ Венгріи, а отчасти Австріи, Турціи и другихъ сосѣднихъ странъ ничего не осталось отъ многовѣковой жизни и дѣятельности угорскихъ Славянъ. Очевидно, остатки эти упрятавы на заднихъ планахъ

музеевъ и архивовъ, если вообще они не исключены, такъ сказать, изъ описей по пригодности.

Если къ этому прибавить, что въ нынѣшней Венгріи систематически вытѣсняется славянскій языкъ изъ употребленія не только оффиціального, но по возможности и частнаго; что административными мѣрами и оффиціальной картографіей постепенно вытравляются славянскія названія — городовъ, селеній, рѣкъ, горъ, урочищъ и т. п., замѣняясь испорченными или новосочиненными названіями мадьярскими, въ родѣ напр. Балатонъ вм. Блатно, Каса вм. Кошицы, Бартфи вм. Бардеевъ и т. п.; что даже въ фамиліальныхъ названіяхъ все славянское искусственно и насильственно замѣняется мадьярскимъ; что вслѣдствіе такого гнета со стороны государства постепенно замираетъ и въ народномъ употребленіи Словаковъ, Угро-Русовъ, Угро-Сербовъ, Угро-Хорватовъ и т. п. славянская рѣчь, пѣсня, сказка, словомъ всѣ живыя преданія славянской старины: то нельзя не признать, что по истеченіи нѣсколькихъ десятилѣтій не можетъ не сократиться матеріаль уgro-славянской археологіи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совершенно исчезнуть. А съ тѣмъ вмѣстѣ затруднится или даже исчезнетъ возможность рѣшенія многихъ основныхъ вопросовъ славянской древности, такъ или иначе обусловленныхъ изученіемъ вещественныхъ и бытовыхъ ея остатковъ въ Венгріи.

Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находятся въ этомъ отношеніи земли угрорумынскія, а именно тѣ части Семиградія, Баната, Буковины, которыя входятъ въ племенной районъ археологіи румынской. Послѣдняя имѣетъ сильные центры и въ самой Венгріи, гдѣ еще сохранилась часть румынской аристократіи и богатаго духовенства, и еще болѣе въ Румынскомъ королевствѣ, ученыя учрежденія и общества котораго принимаютъ, наряду съ богатыми частными лицами, живѣйшее участіе во всемъ, что относится къ исторіи и этнологіи австро-угорскихъ Румыновъ.

Въ гораздо меньшей степени могутъ въ этомъ отношеніи опираться на заграничныя научныя центры угорскіе славяне, особенно Словаки и Угро-Руссы, ибо Сербы и Хорваты по нуждѣ могутъ иногда пользоваться содѣйствіемъ ученыхъ бѣлградскихъ и загребскихъ. Словаки лишь въ слабой мѣрѣ могли опираться въ этомъ отношеніи на сосѣднихъ Чехо-Морованъ, а Угро-Руссы еще менѣе — на Галичанъ, которые сами довольно беспомощны въ борьбѣ съ враждебными стремленіями не только въ жизни, но и въ наукѣ. Правда, отъ времени до времени въ Венгріи появлялись и наши славяновѣды, напр. Надеждинъ, Срезневскій, Ламанскій, Гротъ, Кочубинскій, Филевичъ и н. др., которымъ наука обязана нѣкоторыми важными вкладами въ угро-славянскую исторію, этнологію, археологію; но подобныя частныя поѣздки, предпринимаемыя обыкновенно въ одиночку и со скудными средствами, не могутъ восполнить тѣхъ громадныхъ пробѣловъ въ указанныхъ областяхъ славяновѣдѣнія, для устраненія коихъ необходимы коллективныя усилія богатыхъ матеріальными и нравственными средствами учреждений и обществъ, — въ родѣ напр. тѣхъ, какія были въ послѣдніе годы направляемы въ Россіи на изученіе археологіи и этнологіи Кавказа, Крыма, Средней Азіи.

Необходимыя для этнологическаго и археологическаго изслѣдованія Венгріи силы и средства можно бы, полагаю, собрать, если бы во главѣ подобнаго научнаго пред-

пріятія стало русское Археологическое Общество, которое могло бы въ этомъ случаѣ обратиться къ содѣйствію археологовъ червоно-русскихъ, чехо-словенскихъ, сербо-хорватскихъ, румынскихъ и друг. при посредствѣ соотвѣтственныхъ заграничныхъ учреждений и обществъ. Можно бы, кажется, разсчитывать при этомъ и на содѣйствіе нашей Академіи Наукъ, Императорскаго Географическаго общества, Лѣтописца Нестора и др. Это было бы предпріятіемъ, достойнымъ нынѣшняго положенія русской науки вообще, а русской археологіи въ частности, ибо не можетъ же послѣдняя ограничить свои изслѣдованія древностями скиескими, чудскими, тюркскими и другими инородческими, оставляя на заднемъ планѣ древности славянскія или славяно-русскія, если онѣ находятся за нынѣшними, случайными предѣлами русскаго государства.

Правда, экспедиція въ нынѣшнюю Венгрію, хотя бы даже столь невинная, какъ археологическая, могла бы возбудить разныя подозрѣнія въ мадыарскомъ или мадыаронскомъ обществѣ и слѣдов. вызвать нѣкоторыя затрудненія для участниковъ. Но затрудненія эти не могли бы быть столь значительны, какъ тѣ, съ которыми приходилось бороться Пржевальскому, Станлею, Нансену и побѣждать ихъ подъ знаменемъ науки. Въ данномъ случаѣ, славянскіе археологи могли бы, полагаю, разсчитывать на содѣйствіе и русской дипломатіи, которой было бы не трудно исходатайствовать у мѣстныхъ властей разрѣшеніе для членовъ экспедиціи производить раскопки, изучить музеи, бібліотеки, архивы и т. п.

Но если коллективное предпріятіе этого рода оказалось бы невозможнымъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, то быть можетъ найдется въ Россіи частный любитель археологіи, который на собственные средства снарядитъ подобную экспедицію, какъ это сдѣлалъ недавно мадыарскій графъ Зичи, изучавшій въ Россіи родину мадыаръ и составившій значительную коллекцію, фигурировавшую на Будапештской выставкѣ 1896 года.

Подобная, даже частная, русская археологическая экспедиція, направленная въ страну, которая по нашей начальной лѣтописи была именно колыбелью славянства, могла бы не только дать важные научные результаты, но и поддержать духъ угрославянъ, укрѣпить ихъ народную память, хранящую столько остатковъ „живой старины“, слѣдов. спасти отъ гибели хоть часть послѣдней.

На основаніи изложеннаго я просилъ бы съѣздъ выразить пожеланіе, чтобы наши археологическія учрежденія и общества включили Венгрію въ кругъ своихъ изслѣдованій, отъ времени до времени снаряжали бы туда научныя экспедиціи и оказывали содѣйствіе частнымъ лицамъ при изученіи и изданіи хранящихся въ ней остатковъ славянской древности.

О сумирскомъ языкѣ и его отношеніи къ угро-алтайскимъ языкамъ.

Д-ра А. Германа.

Сумерійскій или, какъ правильнѣе сказать, сумирскій языкъ — древнѣйшій культурный языкъ міра. Около тысячи лѣтъ до Рождества Христова его больше не существовало, но извѣстія о немъ въ литературѣ его, состоящей изъ клинообразныхъ писемъ, восходили ко времени болѣе 4500 лѣтъ до Р. Хр. Въ теченіе 3500 лѣтъ своего существованія языкъ съ первыхъ началъ, когда сумирцы изобрѣли свою систему письма, развивался и достигъ постепенно значительной высоты, о которой мы получили извѣстія только посредствомъ изслѣдованія и чтенія клинообразныхъ писемъ на камняхъ въ развалинахъ Вавилона и другихъ сосѣднихъ городовъ. Родина сумирцевъ находилась въ синеарской землѣ, а именно въ области рѣкъ Евфрата и Тигра. Сумирскій языкъ былъ раздѣленъ на два нарѣчія, собственное сумирское въ южной и аккадское въ сѣверной части. Южное нарѣчіе было чище сѣвернаго, но оба составляли одинъ сумирскій языкъ.

Сумирскій языкъ исчезъ изъ міра. Его мѣсто занялъ древній ассирійскій языкъ, получившій въ наслѣдство сумирскую культуру и большую часть сумирской религіи, которая составляетъ и нынѣ еще ассирійско-сумирскую мифологію. Сумирскій языкъ сдѣлался для ассирійцевъ священнымъ богослужебнымъ языкомъ — подобнымъ образомъ, какъ напр. латинскій языкъ католической церкви. Еще до Рождества Христова древній ассирійскій языкъ также исчезъ изъ міра. Его литература, какъ и сумирская, написанная клинообразными знаками, осталась на камняхъ въ развалинахъ месо-потамскихъ и сосѣднихъ городовъ почти до нашего времени, а именно до начала 19-го столѣтія. Нѣмецкіе, англійскіе и французскіе ученые начали читать каменные таблицы ассирійцевъ. Они узнали, что ассирійцы были народъ чисто семитическаго происхожденія. Они замѣчали также, что кромѣ ассирійскаго языка существовалъ еще другой языкъ въ клинообразныхъ письменахъ, но не могли читать его. Наконецъ нѣкоторымъ ученымъ удалось прочесть и другой языкъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ 19-го столѣтія. А этотъ языкъ былъ именно сумирскій.

Интересенъ сталъ потомъ вопросъ о томъ, къ которому племени принадлежалъ сумирскій народъ по даннымъ его языка. Французскій ученый Оппертъ (Oppert)

и английскій знатокъ клинообразныхъ писемъ Роалинсонъ (Rawlinson) высказали то мнѣніе, что сумирскій языкъ принадлежитъ по происхожденію къ уралоалтайскимъ языкамъ. Къ нимъ присоединился финляндскій ученый Юрьё-Коскиненъ (Yrjö Koskinen). Потомъ французскій ученый Ленорманъ (Lenormant), отличный знатокъ клинообразныхъ писемъ, былъ того же мнѣнія, что именно сумирцы, по даннымъ ихъ языка, были народъ урало-алтайскаго или еще точнѣе даже угро-финскаго происхожденія. Къ нему присоединились и английскіе ученые Смисъ (Smith) и Сэйсъ (Saussure), хорошо занимавшіеся чтеніемъ клинообразныхъ писемъ и угро-алтайскими языками. За ними послѣдовали нѣмецкіе ученые Онкенъ (Onken) и Гоммель (Hommel) и большое число другихъ нѣмецкихъ и французскихъ изслѣдователей.

Но и *противъ* этого сродства угро-алтайскихъ языковъ съ сумирскимъ языкомъ выступило нѣсколько ученыхъ, и главнымъ образомъ трое, именно: французскій ученый Галеві (Halévy), нѣмецкій знатокъ сумирскаго языка Гауптъ (Paul Haupt) и доцентъ санскритскаго языка въ Гельсингфорсѣ Доннеръ (Donner). Но надо сказать, что Галеві и Гауптъ слабо или вовсе не занимались угро-финскими языками, а Доннеръ, написавшій нѣсколько хорошихъ сочиненій по угро-финскому сравнительному языковѣдѣнію, какъ мнѣ кажется, нарочно игнорируетъ множество сродныхъ мотивовъ и элементовъ. О другихъ противникахъ сродства сумирскаго языка съ угро-алтайскими не хочу говорить, потому что они, по незнанію угро-финскихъ языковъ, не имѣютъ никакого значенія. Самые лучшіе знатоки угро-финскихъ языковъ — финскіе ученые Кастренъ (Castrén) и Альквистъ (Ahlgqvist) не имѣли случая высказать свое мнѣніе противъ или за, но по характеру ихъ филологическихъ изслѣдованій ихъ можно причислить къ первой группѣ, предполагающей сродство сумирскаго языка съ угро-финскими.

Обратимся теперь къ самому сравненію языковъ, о которыхъ у насъ рѣчь.

Чтобы установить сродство одного языка къ другому или другимъ, мы должны найти подобныя, похожія или идентическія формы 1) по фонетикѣ, 2) по этимологіи, 3) по лексикографіи и 4) по синтаксису — во всѣхъ сравниваемыхъ языкахъ.

Касательно фонетики сумирскаго языка надо сказать, что цѣлая его звуковая конструкція имѣетъ такой же простой прозрачный характеръ, какой имѣютъ всѣ угро-алтайскіе языки. Свойство языка таково, что каждое слово въ началѣ своемъ имѣетъ только одинъ согласный звукъ — по примѣру бѣльшей части угро-алтайскихъ языковъ, избѣгающихъ въ началѣ словъ сложныхъ звуковъ ч, щ, ц и пр. Въ срединѣ словъ согласный звукъ слѣдуетъ послѣ гласнаго и гласный послѣ согласнаго, какъ въ угро-финскихъ языкахъ, а дифтонговъ или сложныхъ согласныхъ мало. Слова имѣютъ большею частію только одинъ слогъ, рѣдко два, очень рѣдко три слога.

Однимъ изъ главныхъ признаковъ угро-алтайскихъ языковъ считаютъ такъ называемую вокальную гармонию или сходство гласныхъ звуковъ внутри одного несложнаго слова. Этотъ важный грамматическій законъ состоитъ въ томъ, что гласные звуки раздѣляются на три части: 1) твердые а, о, и, 2) мягкіе ä, ö, ü и э, средніе е, і. Если первый слогъ слова имѣетъ твердый гласный, то и слѣдующіе слоги должны имѣть твердые гласные, а если первый слогъ имѣетъ мягкій гласный, то и прочіе

слоги должны имѣть также мягкіе гласные. Только слова, имѣющія первымъ гласнымъ средній (е или і) могутъ имѣть или твердые или мягкіе гласные въ другихъ слогахъ. Такой законъ существуетъ на примѣръ въ верроскомъ нарѣчій эстскаго языка, а потомъ еще въ финскомъ, мадьярскомъ, турецкомъ, тунгузскомъ и манджурскомъ языкахъ. Такой законъ существуетъ и въ сумирскомъ языкѣ, но такъ какъ здѣсь мягкихъ гласныхъ ä, ö, ü нѣтъ, то вмѣсто этихъ являются е и и, а твердыми остаются а и о и среднимъ только і. Если въ первомъ слогѣ находится и, то въ слѣдующихъ слогахъ гласные превращаются также въ и, подобнымъ образомъ, если въ первомъ слогѣ е или і, то въ слѣдующихъ тоже і, напр. *suma* „дать“, *niņa* „Астартѣ“, *ēna* „господинъ“ получаютъ по вокальной гармоніи форму *sumi*, *niņi*, *ēni*. Такъ и суффиксы *-naп* и *-naв* превращаются въ *-niп* и *-niв* и пр.

Этотъ законъ вокальной гармоніи, — хотя языкъ имѣетъ повидимому другіе звуки для словъ, — въ самомъ дѣлѣ составляетъ то же самое звуковое явленіе, которое мы находимъ въ названныхъ угро-алтайскихъ языкахъ, и уже поэтому каждый знатокъ долженъ относить сумирскій языкъ къ угро-алтайскимъ языкамъ. Такъ и поступилъ въ особенности французскій изслѣдователь Ленорманъ, на что и имѣлъ право. Эта сторона дѣла должна быть тѣмъ болѣе основною, когда мы знаемъ, что законъ вокальной гармоніи существуетъ только въ угро-алтайскихъ языкахъ, а его вовсе нѣтъ въ аrio-европейскихъ.

Касательно этимологій надо сперва замѣтить, что сумирскій языкъ не имѣетъ грамматическаго рода словъ, т. е. у него нѣтъ словъ мужскаго, женскаго и средняго родовъ, какъ напр. имѣютъ почти всѣ языки аrio-европейскаго происхожденія. Древній ассирійскій языкъ имѣлъ слова мужскаго и женскаго родовъ, какъ и всѣ семитическіе языки, поэтому очень различался отъ сумирскаго языка, отъ котораго онъ заимствовалъ много словъ. Какъ извѣстно, всѣ языки угро-алтайскихъ народовъ безъ исключенія не имѣютъ никакого грамматическаго рода словъ. Въ томъ и состоитъ одинъ изъ главныхъ признаковъ ихъ сродства какъ между собою такъ и съ сумирскимъ языкомъ. Всѣ языки угро-алтайскихъ народовъ, какъ и сумирскій, обозначаютъ естественный мужской и женскій полъ особенными отдѣльными словами, не имѣющими для себя, по грамматикѣ, ни мужскаго, ни женскаго, ни средняго родовъ.

Относительно отдѣльныхъ словъ надо сказать, что сумирскій языкъ по лексикографической сторонѣ еще не достаточно изслѣдованъ и обработанъ. Мы просто не знаемъ всѣхъ сумирскихъ словъ, составляющихъ обширную литературу клинообразныхъ писемъ на камняхъ въ развалинахъ ориентальныхъ городовъ. Можно надѣяться, что количество ихъ будетъ увеличиваться въ будущемъ. Но число тѣхъ словъ, которыя до сихъ поръ стали извѣстны и изъ которыхъ состояли прочитанные сумирскіе тексты, соотвѣтствуетъ по значенію и смыслу подобнымъ словамъ угро-алтайскихъ языковъ. Это число не очень велико, но, по количеству всего запаса извѣстныхъ словъ, довольно достаточно для сравненія. Оно составляетъ и матеріалъ для сравненія сумирскаго языка съ другими угро-алтайскими языками по лексикографіи.

Въ послѣдующемъ изложеніи я приведу нѣсколько словъ:

По-сумирски ad или adda „отець“, по-медійски atu, adda, по-эстски att, ата или ätt, по-фински ati „тесть“, по-мадьярски atya „отець“, по-остякски ата, по-вогульски aze, по-вотякски ataj, по-мордовски ата „старикъ“, по-черемисски асі, ati, ата. Корень слова перешель, кажется, и въ аrio-европейскіе языки напр. по-гречески *ἄττα*, по-русски от-ець. Кромѣ того сумирцы имѣли бога Atar, „отца“ свѣта.

По-сумирски umeda или по закону вокальной гармоніи emeda, eme „жена“, по-эстски ema „мать“ или по вокальной гармоніи emä, съ этимъ словомъ сродно ämm „теща“, по-фински emä „мать, самка“, по-остякски emi, imi „мать“, оттого evi „дѣвочка“, по-черем. eve „мать“, по-вотски ämmä „бабушка“, по-фински еще „ämmä“ баба. Съ сумирскаго въ еврейскій яз. em „мать“.

По-сумирски mi, me, me's „мужчина“, по-эстски mees, по-фински mies. По Альквисту это слово имѣетъ ту же самую основу какъ русское слово „мужъ“ и латинское „mas“, но это слово — сумирско-аккадское, по своему происхожденію и также перешло въ аrio-европейскіе языки.

По-сумирски nene „женщина, дѣвица“, по-эстски neid, neiu, neitji „дѣвица“, по-фински neito, neiti, neitsyt, по-лопарски nieid, neit, neita, по-мадьярски né, по-маньчжурски neinei, по-китайски niu, по-зырянски nil. Съ той же основы по-фински painen „жена“, по-вотски и вепски paine, по-эстски paene или paine, по-ливски pai, по-мадьярски nő.

По сумирски an „небо“, анна, аннаб „богъ, богиня“ или „отець, мать“, по-медійски, аннар, по-турецки и татарски ана „мать“, по мадьярски апуа „мать“, по-вотякски ана, анаі, по-остякски анги, по-лопарски aedne, по-вотски enne, по-тунгузски änä „мать“, по-эстски (въ феллинскомъ нарѣчій) änn „мать“.

По-сумирски akku „большой“, по-медійски ukku, по-фински ukko „дѣдушка, старикъ“, а также мифологическое божество по-эстски также ukku, Уку, по-вепски uk.

По-сум. tur „сынъ, ребенокъ“, но также „начальникъ“, по-медійски tar, по-эст. (въ верроскомъ нарѣчій) tsura „юноша“, по мадъ. gyermek „ребенокъ“, по-морд. tsur „сынъ“, по-турецки (въ восточн. нар.) tura „королевскій дворъ, начальникъ“.

По-сум. êrim, êriv, êri „рабъ, слуга“, по-эст. oги, по-фин. oгja, по-ливски vërg. Другая форма сумирскаго слова egi, иги, иг „слуга“, по-мадьярски ùg „господинъ“. По Юрьё-Коскинену аrio-европейскій корень по-санкр. аугja, по-нѣм. Ehre по-франц. air того же происхожденія. Мадырское слово ùg находится въ фин. яз. ugos, по-зыр. veres или verös, а также по-литовски vugas, по-латышски virs и по-латински vir. По мнѣнію Коскинена сумирцы брали себѣ арийцевъ въ качествѣ слугъ, поэтому столь разныя понятія соединяются въ одномъ словѣ.

По-сумирски malag „шкиперъ“, по-эстски mōla „весло“, по-фински mela, по-вепски и вотски mela, по-лопарски malle, по-мордовски milä.

По-сумиро-аккадски gu или ge „ночь“, по фин. yö, по-эст. õõ, по морд. ve, по-чер. jut, по-вотяк. üi, по-зыр. voi, по-лопар. igja, по-ост. at, по-вог. i и edi, по мадыр. éj, ejszaka, по-турецки gedsche.

По-сум. âr „страна свѣта“, по-мадьярски or-szág „страна, земля“, по-эст. kaar, по-фин. kaari.

По-сум. tag „камень“, по-турецки tach, tasch, по-фин. tahko „точильный камень“, по-эст. tahk, по-лив. togos.

По-сум. kur „гора“, по-фин. korkea „высокій“, по-эст. korge, того же происхождения название земли „Корея“ и по-китайски као, можетъ быть и по-русски и славянски „гора“.

Hea или Eä была у сумирцевъ богиня доброты или благости. Это название должно имѣть тотъ же корень какъ по-эст. hää, hea, „добрый, благосклонный“, по-фин. huvu, по-мадь. jó, по-турецки eüi, по-китайски hao.

Отдѣльные слова можно находить общія у сумирскаго языка съ другими языками, напр. по сум. gala „великій“, по-эст. Kole „страшный, громадный“, по сум. sagig „сумасшествіе“, по-эст. jögedus, по фин. jokeus; по-сум. kal „сердечный“, тронутый“, по-эст. hale, сум. jaga или sada „по-эст. sūda, по-фин. jydän; по-сум. ila „черезъ“, по-эст. üle; по-сум. meni „поди“ по-эст. mine; по-сум. ena или eni „господинъ“, по-эстски onu „дядя“ (по значенію „гость, господинъ“ „küla, onu“); dingir „богъ“, по-турецки tengri; по-сум. uzu „мясо“, по-мадь. hus; по-сум. til „полный“, по-мадь. tele; по-сум. pal „мечъ“, по-мадь. pallos; по-сум. mar „до-рога, по-мадь. tor; по-сум. ar „носъ“, по-мадь. orr; по-сум. nab „свѣтъ“, по-мадь. nar „день“; по-сум. sal „vulvā“, по-мадь. szül „родить“; по-сум. ud „солнце“, по-монгольски ud; по-сум. è „домъ“, по-турецки ev; по-сум. gallies „дорогой“, по-эст. и фин. kallis.

Родина сумирскаго народа имѣла название „Sumir“. Это слово, какъ объясняетъ Юрьё-Коскиненъ, можно сопоставить съ названіемъ Финляндіи „Suomi“. Звуковаго родства въ этихъ словахъ нельзя отрицать. Ленорманъ полагаетъ, что „Sumir“ происходитъ отъ имени одной рѣки. Часть финляндскихъ ученыхъ объясняетъ, что слово „Sumi“ сходно съ финскимъ словомъ „suo“ т. е. „болото“, такъ какъ Финляндія имѣетъ болотистый характеръ. Надо сказать, что и сумирская земля имѣла болотистый характеръ, поэтому можно полагать, что и слово „Sumir“ получило свое значеніе отъ „болота“.

Слово „Akkad“, другое названіе сумирской родины, какъ объясняетъ Ленорманъ, означаетъ возвышенность, гора.

Мѣстоимѣнія личныя сумирскаго языка имѣютъ, безъ сомнѣнія, тѣ же самыя основы, которыя существуютъ почти во всѣхъ угро-алтайскихъ языкахъ. Но надо сказать, что эти самыя основы или элементы встрѣчаются и въ аrio-европейскихъ языкахъ, а поэтому нѣкоторые ученые, напр. Галеви и Доннеръ, утверждаютъ, что эти элементы не исключительно угро-алтайскіе и не могутъ служить доказательствомъ сродствá между сумирскимъ языкомъ и угро-алтайскими. Нельзя отрицать, что дѣйствительно въ нѣкоторыхъ аrio-европейскихъ языкахъ существуютъ мѣстоимѣнія, состоящія изъ подобныхъ элементовъ. Но это не доказательство противъ сродствá сумирскаго языка съ угро-алтайскими. Сумирскій языкъ, существовавшій прежде всѣхъ извѣстныхъ языковъ какъ языкъ культурный, имѣлъ вліяніе и на аrio-европейскіе языки, но самъ остался угро-алтайскимъ языкомъ. Характеръ его такого рода. Поэтому и мѣстоимѣнія ближе угро-алтайскимъ чѣмъ аrio-европейскимъ. Ленорманъ приводитъ мѣстоимѣнія

какъ неоспоримыя доказательства сродства между сумирскимъ языкомъ и другими угро-алтайскими и даетъ намъ слѣдующее сравненіе оныхъ: 1-е лицо: по-сумирско-аккадски *mi*, по-древне-мед. *mī* (родительный пад.), по-фин. *ma*, по-эст. *ma*, по-вотьяк. *mon*, по-мордовски *mon*, по-зырянски *me*, по-черем. *min*, по-мадьяр. *en* (въ которой формѣ первая буква *m* исчезла), по-уйгурски *man*, по-якутски *min*, *lin*, по-турецки *im*, по-монг. *bi* (родит. *mini*), по-манжурски *bi* (род. тоже *mini*); 2-е лицо: по-сум.-акк. *zu*, по-фин. *sa*, по-эст. *sa*, по-вотьяк. *ton*, по-мор. *ton*, по-зыр. *te*, по-чер. *tin*, по-мад. *te*, по-якут. *an*, по-турец. *sen*, по-монг. *zi*, по-манд. *si* (род. *sini*); 3-е лицо: по-сум.-акк. *na*, *ni*, по-фин. *ne* (множ. ч.), по-эст. *need* (множ. ч.) по-мад. *on*, по-як. *kinī*, по-турец. *ol* (множ. ч. *an-lar*), по-бурятски *epe*, по-тунузски *n*; 1-е лицо множ. ч.: по-сум.-акк. *me*, по-фин. *me*, по-эст. *meie*, *me*, по-вотьяк. *mi*, по-морд. *min*, по-зыр. *mi*, по-чер. *mi* (надо прибавить еще по-мад. *mi*). Вотъ сравненіе Ленормана. Надо присовокупить еще, что сумирское окончаніе третьяго лица единственнаго числа *bi* находится также въ финскомъ языкѣ какъ *pi*, *vi*; оно сродно съ древне-медійскимъ *hube*, якутскимъ *bu*, *ba* и турецкимъ *bu*, такъ и съ этскимъ окончаніемъ *b*.

Еще болѣе, чѣмъ это простое сравненіе, доказываетъ сродство сумирскаго языка съ угро-алтайскими способъ присоединенія possessивныхъ суффиксовъ къ корню имени существительнаго. Этотъ способъ тотъ же самый, который существуетъ напр. въ финскомъ и мадьярскомъ языкахъ, хотя суффиксы, какъ кажется, частью, по составу звуковъ, иные. Такъ напр. по-сумирски *adda-mi* „отецъ мой“, по-фински *isa-ni*, по-мадьярски *atyá-m*; по-сум. *adda-su* „отецъ твой“, по-фин. *isa-si*, по-мадьярски „*atyá-d*“; по-сум. *adda-na* „отецъ его“, по-фин. *sa-nsa*, по-мад. *aty-ja*; по-сум. *adda-me* „отецъ нашъ“, по-фин. *isa-mme*, по-мад. *atyá-nk* и пр. Такого способа присоединенія possessивныхъ суффиксовъ какъ и самыхъ суффиксовъ не существуетъ въ аrio-европейскихъ языкахъ, что подтверждаетъ мнѣніе Ленормана, который не замѣтилъ вполне этого обстоятельства.

Имена числительныя сумирскаго языка по изслѣдованію Ленормана также особенно сродны съ-угро-финскими. Ленорманъ записываетъ слѣдующее (pag. 250):

	1	2	5	6	7	10
По-сум.	<i>id</i>	<i>kas</i>	<i>s'a (esa 15)</i>	<i>as</i>	<i>sisna</i>	<i>ge</i>
По-фин.	<i>ykji</i>	<i>kaksi</i>	<i>viisi</i>	<i>kuusi</i>	<i>seitseman</i>	<i>kymmenen</i>
По-эст.	<i>uks</i>	<i>kaks</i>	<i>kiis</i>	<i>kuus</i>	<i>seitse</i>	<i>kumme</i>
По-чер.	<i>ik</i>	<i>kak</i>	<i>vis</i>	<i>kut</i>	<i>sim</i>	
По-морд.	<i>vaike</i>	<i>kavto</i>	<i>vate</i>	<i>koto</i>	<i>sisem</i>	<i>kamen</i>
По-зыр.	<i>otik</i>	<i>kyk</i>	<i>vit</i>	<i>kvait</i>	<i>sizim</i>	
По-ост.	<i>it</i>	<i>kat</i>	<i>vet</i>	<i>chut</i>	<i>tabet</i>	<i>jong</i>
По-мад.	<i>egy</i>	<i>két</i>	<i>öt</i>	<i>hat</i>	<i>het</i>	<i>tiz</i>

Бросая взглядъ на эти формы именъ числительныхъ, мы дѣйствительно должны признать, что сходство ихъ поразительно. Имена числительныя играютъ, какъ извѣстно, главную роль въ дѣлѣ установленія сродства между языками.

Сумирскій глаголь имѣетъ меньше всего сходства съ угро-алтайскимъ, но все-таки существуютъ моменты сродства. Такъ напр. 3-е лицо глагола имѣетъ почти

всегда сокращенную форму, какъ это существуетъ въ финскомъ, эстскомъ, мадьярскомъ, турецкомъ и другихъ языкахъ. Потомъ мы находимъ число сродныхъ словъ, напр. по-сум. *mal* „жить“, по-ост. *val*, по-зыр. *ol*, по-мадь. *él-*, по-эст. *ela-*, по-фин. *elä-*; по-сум. *kuq* или *gval* „быть“, по-мадь. *val-*, *vala-*, по-фин. и эст. *ole-*, по-мандж. *o-*; по-сум. *khal* „убить“, по-тур. *gal* „умереть“, по-мадь. *hal-*, по-эст. *kool-*, по-фин. *kuole-*; по-сум. *bil* или *pil*, по-фин. *pol-ttaa*, по-эст. *pole-*; по-сум. *gien* „поворачивать“, по-фин. *kaan-tää*, по-эст. *kaana-*; по-сум. *gin* „говорить“, по-эст. *kon-ele-*; по-сум. *tab*, по-фин. *taraa*, по-эст. *taba-* и пр.

По синтаксису мы не имѣемъ довольно матеріала для сравненія. Сумирскія сложныя формы, напр. *tursal*, дословно „дита-дочь“, т.-е. молодая дѣвица, по-эст. *tutarlaps*, по-мандж. *sargan-jui*; *si-me*, дословно „глаза вода“ т.-е. слеза, по-эст. *silma-wesi*, по-мандж. *yasa-i-muke* и пр. доказываютъ всетаки соотношеніе сумирскаго языка къ угро-алтайскимъ языкамъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ, приведенныхъ мною данныхъ, къ объясненію соотношенія между сумирскимъ языкомъ и угро-алтайскими, я прихожу къ тому мнѣнію, что сумирскій языкъ сроденъ съ угро-алтайскими языками и сумирскій народъ по происхожденію близокъ къ народамъ монголо-финскаго племени. Мы получимъ еще болѣе доказательствъ этого сродства, когда клинообразная литература, по запасу словъ и формъ, будетъ изслѣдована еще основательнѣе. Но и то, что мы знаемъ до сихъ поръ, довольно достаточно для того, чтобы имѣть утвердительное мнѣніе объ этомъ сродствѣ. Цѣлыя законы языка, соотвѣтствующіе подобнымъ закономъ другихъ языковъ, не могутъ быть случайными. Угро-алтайскіе языки, въ особенности угро-финскіе, имѣютъ прадѣда или, по крайней мѣрѣ, старшаго брата въ сумирскомъ языкѣ.

Кердеи и Кердеевичи XIV—XV в.

(По даннымъ историковъ и суд. акт. книгъ).

В. М. Площанскій.

Кердеи или Кердеевичи¹⁾ стали извѣстными въ исторіи западной Руси и Польши со второй половины XIV в. Одни служили въ роли примирителей сначала литовскимъ князьямъ, затѣмъ польскому королю; другіе вели съ самаго начала усѣбную борьбу съ русскими и литовцами за упроченіе польской власти на Руси. Вступивъ въ службу Польши, они не только усердствовали въ вѣрности королямъ, но рано принесли имъ въ жертву также свою православную вѣру и русскую національность. Уже Грицко Поморянскій, рьяный защитникъ Польши въ Холмской странѣ, дважды женившійся на иностранкахъ, перешелъ въ латинство и воспитывалъ въ немъ своихъ дѣтей, назвавъ двоихъ младшихъ чуждыми для Руси именами.

Признательные короли дарили двухъ Грицковъ Кердеевичей, отца и сына, своимъ довѣріемъ, землями и чинами. Первый Грицко, ставъ польскимъ шляхтичемъ, получилъ должность старосты и имѣнія, второй, Поморянскій, кромѣ новыхъ вотчинъ добился въ скоромъ времени званія воеводы. Ему принадлежали имѣнія въ разныхъ польско-русскихъ земляхъ, которыя перешли къ его дѣтямъ. Послѣдній изъ его сыновей переселился въ Теребовлю, гдѣ управлялъ предоставленнымъ ему старостствомъ. Галицкими имѣніями Кердеевъ владѣли державцы или арендаторы, которые впоследствии сдѣлались ихъ вотчинниками.

По происхожденію, вотчиннымъ имѣніямъ и мѣсту дѣятельности ихъ, различаемъ *Кердеевичей Волынскихъ* и *Галицко-Подольскихъ*. О послѣднихъ, игравшихъ выдающуюся роль въ Холмской Руси, собраны нами новыя, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не лишеныя интереса, данныя.

I. Кердеевичи Волынскіе XIV в.

Въ договорѣ, заключенномъ въ Гроднѣ 13 августа 1358 г. между князьями Земовитомъ Мазовецкимъ и Кейстутомъ Литовскимъ, съ согласія Ольгерда и другихъ

¹⁾ Между Кердеями и Кердеевичами нѣтъ разницы въ документахъ. Одинъ и тотъ же представитель рода названъ разъ Кердеемъ (Кирдеемъ), другой разъ Кердеевичемъ (или Кирдеевичемъ).

старшихъ князей Литвы, принимали участіе, между прочимъ, Олизаръ и Васько Кердеевичи въ качествѣ комиссаровъ, назначенныхъ съ литовской стороны для установленія границъ между Литвою и Мазовіею. При заключеніи мира между литовскими князьями въ 1366 г. упоминаются Олизаръ со стороны Ольгерда. Въ 1386 г. Васько Кердеевичъ находится вмѣстѣ съ другими волынскими вельможами, которые, раньше признавая верховную власть надъ собою князя Любарта, впоследствии подчинились Ягайлу. Одинъ изъ нихъ, Олехно Дмитровичъ, сначала упорствовалъ, но уже въ 1387 г. Васько Кердеевичъ и прочіе (7) русскіе вельможи ручались королю Владиславу за Олехна, что онъ впредь вѣрно будетъ служить королю; въ противномъ случаѣ они доставятъ его въ руки Ягайла подъ страхомъ уплаты пени въ 1000 грив.

Отъ этихъ Кердеевичей произошли: Гаврило Шило Кердеевичъ, какъ сторонникъ Свидригайла, подписавшій грамоту въ Луцкѣ 5 ноября 1430 г., затѣмъ Олизаръ Шиловичъ и др.¹⁾

II. Кердеевичи Галицко-Подольскіе XIV и XV в.

Олизаръ и Васько Кердеевичи, жившіе съ потомствомъ своимъ на Волыни, не считаются родственниками Грицка Кердеевича, который, по словамъ Длугоша, получилъ отъ короля Людвика гербъ „Кердеевъ“ въ награду за отличіе его при осадѣ Белзскаго замка въ 1377 г. и названъ „Кердеемъ“. На „простое“ его происхожденіе изъ *Поморянъ*²⁾, о чемъ историкъ говоритъ, не указываютъ документы. Хотя при имени его въ документахъ не добавлено происхожденіе, то есть основаніе предполагать, что его имѣніемъ былъ *Орининъ* или *Горининъ*³⁾, который по смерти его перешелъ во власть сына и, вскорѣ, его внука. Кердеевичами „изъ Поморянъ“ писались уже сынъ Грицка и его потомки. Когда Поморяны сдѣлались собственностью Кердеевичей — точно опредѣлить не можемъ. Въ Холмскихъ и Красноставскихъ актахъ стали лишь съ 1443 г. добавлять къ имени воеводы Грицка: „изъ Поморянъ“ (*Hruszko de Pomorzany*), изъ чего можно бы заключать, что Грицку, какъ многимъ другимъ, король Владиславъ пожаловалъ имѣніе за венгерскій походъ. Въ одномъ, однако, документѣ Перемышльскаго лат. епископа Януша, отъ 23 мая 1431 г., является свидѣтелемъ „Грицко Кердеевичъ изъ Поморянъ, староста Холмскій“; второй извѣстный документъ, гдѣ читается „Грицко изъ Поморянъ“, данъ въ венгерской Будѣ 29 сентября 1442 г.: значить, кромѣ одной грамоты отъ 1431 г., до 1442 г. Грицко не названъ „Поморянскимъ“ ни въ отдѣльныхъ документахъ, ни въ Холмско-Красноставскихъ запискахъ. Если первый документъ (отъ 1431 г.) подлинный, а не позднѣйшая поддѣлка или копія его, въ которой писцомъ самовольно добавлены при имени Грицка

1) См. Даниловичъ: *Skarbiec dyplomatów I*, 198, № 417, 211. Нарушевичъ: *Transakcyje* 23, 203; Нарбутъ, V, 87, 166. У Нарбута ошибочно напечатано „Kondiewicz“. Голембевскій 77, 89, 402.

2) Поморяны — м. въ Галиціи, Золочевского уѣзда.

3) Мѣстечко Подольской губерніи, Каменецкаго уѣзда.

слова: „изъ Поморянъ“, тогда вѣрно, что Грицко владѣлъ уже въ 1431 г. Поморянами, за исключеніемъ однако участка¹⁾.

1) Грицко Кердеевичъ.

Грицко Кердеевичъ держалъ, послѣ смерти Спитка Мельштынскаго, уже въ 1401 г., замокъ Каменецкій въ званіи старосты, тогда была имъ подписана грамота на десятину Каменецкимъ францисканамъ; ему же въ 1410 г. была выдана королевская грамота на имѣніе Кормыльче, Каменецкаго уѣзда; онъ находится между присутствующими при выдачѣ королевскихъ грамотъ въ Медикѣ 1404 г., во Львовѣ въ 1404, 1405 и 1411 гг., наконецъ упоминается также свидѣтелемъ въ королевской грамотѣ, данной Олехну Дмитровичу во Львовѣ 15 августа 1414 г. (помѣщ. въ Холм. акт. 1648 г.). Онъ и жена его, Кляра, надѣлили Львовскую доминиканскую церковь щедрыми доходами, гдѣ и похоронены около 1430 г. У нихъ были сыновья: *Дмитрій изъ Шпиклосъ* и *Грицко изъ Поморянъ*²⁾.

2) Дмитрій Кердеевичъ изъ Шпиклосъ.

О дѣятельности Дмитрія Шпиклоскаго, повидимому незанимавшаго никакой должности въ республикѣ, акты немного упоминаютъ; онъ владѣлъ имѣніями въ Галицкой Руси: Шпиклосы, Подбереже, Выжняны, Урмань и Ремизовцы³⁾. Изъ Львовскаго акта 3 декабря 1445 г. узнаемъ о заявленіи Дмитрія, что онъ Львовскимъ Доминиканамъ обезпечилъ на вѣчныя времена отъ каждаго спуска прудовъ: Урманскаго по 12, Ремизовецкаго по 4 копы грошей, обязывая за то монаховъ служить обѣдни при алтарѣ св. Креста, подъ которымъ почиваютъ его родители Грицко и Кляра, также нѣкоторые его друзья, и гдѣ онъ самъ желаетъ быть погребеннымъ вмѣстѣ съ женой и своими потомками. — Въ „Трудахъ Подол. епарх. ком. VII“ упоминается *Дмитрій Кердеевичъ* подъ 1493 г., въ Львовскихъ же актахъ 1469 и 1486 гг. — *Петръ Шпиклоскій*, вѣроятно сыновья его.

3) Грицко Кердеевичъ изъ Поморянъ.

Дѣятельность Грицка Грицковича, по свидѣтельству исторіи, начинается съ 1430 г., по Холмскимъ и др. судебнымъ актамъ и документамъ, — съ 1431 г. и кончается съ смертю его въ 1462 г.

По даннымъ историковъ, Грицко Кердеевичъ былъ въ 1430 г., т.-е. вскорѣ послѣ кончины литовскаго великаго князя Витовта, со Шафранцемъ и др. подъ Кременцемъ, замка не взялъ, но, опустошивъ окрестности, возвратился подъ Луцкъ;

¹⁾ Кромѣ Кердеевичей, писались Поморянами: Иоанъ Свинка (Львов. акты 1441, 1463—66, 1469, 1473, 1475 гг.) и Николай Свинка, на вдовѣ котораго (Доротѣ) женился въ 1490 г. Сигизмундъ Кердеевичъ. Затѣмъ, въ 1411 и 1461 гг. упоминается еще Андрей изъ Поморянъ, бывший вмѣстѣ съ Иоанномъ Свинкою въ Венгріи въ 1441—1443 гг.

²⁾ Сыномъ (если не внукомъ) ихъ могъ быть также упоминаемый въ Каменецкихъ актахъ 1431 г. староста Скальскій Янушъ Кердей (См. Иванъ Поморянскій).

³⁾ Шпиклосы и Ремизовцы въ Золочевскомъ, Подбереже во Львовскомъ, Выжняны и Урмань въ Бережанскомъ уѣздѣ.

оттуда отправился съ Бучацкими и др. подъ Каменецъ-Подольскій, гдѣ онъ и товарищи его поймали литовскаго старосту Довгерда и отъ имени Польши завладѣли городами Каменцемъ, Смотричемъ, Скалою и Червоногородомъ.

Въ 1431 г. Грицко занималъ во главѣ своего отряда, состоявшаго изъ русскихъ, замокъ въ Ратнѣ; отсюда, напавъ на отрядъ Свидригайла, находившійся подъ начальствомъ князя Сенька Романовича, поразилъ его, убивъ полководца. Однако, послѣ похода Грицка на Луцкъ и Каменецъ, гарнизонъ въ Ратнѣ взбунтовался, вмѣстѣ съ жителями города, противъ Польши и сдался князю Свидригайлу.

Въ 1433 и 1434 гг. Грицко, сражаясь съ Пинскимъ княземъ Александромъ Носомъ, занялъ замки въ Холмѣ и Люблинѣ, затѣмъ, когда Носъ двинулся къ Бугу, Грицко заложилъ ему дорогу и около Грубешова произошло сраженіе: отрядъ Носа былъ разбитъ и самъ вождь плѣненъ. Съ того времени Холмъ былъ свободенъ отъ Свидригайловыхъ набѣговъ.

Въ 1440 г. воевода Подольскій Грицко Кердеевичъ, каштелянъ Львовскій Сенько и Мазовецкіе князья проводили молодого великаго князя Казиміра въ Вильну, гдѣ, вопреки расчетамъ польской политики, онъ торжественно былъ объявленъ самостоятельнымъ великимъ княземъ Литвы. Въ этомъ году отправился въ г. Буду приглашенный на венгерскій престолъ король Владиславъ и вскорѣ, т.-е. уже въ началѣ 1441 г. отбыли туда, по приказу короля, воеводы Грицко Кердей (Подольскій), Петръ изъ Спрова (Русскій) и Янъ изъ Тенчина (Краковскій) и другіе во главѣ военныхъ полчищъ для борьбы съ противниками Владислава и сторонниками вдовы Альберта II. Грицко однако не оставался при королѣ до трагической его кончины подъ Варною. О пребываніи Грицка въ Венгріи видно изъ королевскихъ грамотъ 1441, 1442 и 1443 гг. Затѣмъ онъ проживалъ въ Холмщинѣ, на чтѣ указываютъ намъ Красноставскіе акты.

18 сентября 1451 г. Грицко является делегатомъ съ польской стороны на польско-литовскомъ сеймѣ въ Парчевѣ, вмѣстѣ съ Краковскимъ епископомъ Сбигневомъ Олесницкимъ и др.

Въ 1459 г. было постановлено въ Петровѣ выслать въ Валахію воеводу Одровонжа и Грицка, или одного изъ нихъ¹⁾.

Въ документахъ первыхъ десяти томовъ „Львовскихъ актовъ“, напечатанныхъ въ 1868—1884 гг. упоминается: староста Холмскій, затѣмъ воевода Подольскій Грицко Кердей или Кердеевичъ, или просто: Грицко изъ Поморянъ (разъ „изъ Винникъ“), также: Грицко воевода Подольскій. Онъ является свидѣтелемъ на грамотахъ, данныхъ во Львовѣ: 23 мая 1431 г., 30 іюля 1448 г., 15 мая 1456 г., 5 апрѣля 1460 и 18 іюня 1462 г.²⁾; въ Краковѣ: 8 марта 1440 г.; въ Будѣ: 16 іюня 1441 г.,

¹⁾ Данныя о Кердеевичахъ сообщаютъ между прочимъ: Длугошъ XI, 588, 628; Бѣльскаго хроника подъ 1432 и 1441 гг.; Стрыйковскій XVII, 563; Нарбутъ VII, 12, 47; VIII, 9, 102, 145; Морачевскій II, 186, 189, 209, 262; Бандтке: *Fus polon. Conv. Petros. 1459 celebr.*, 64; Шараневичъ: *Ист. Гал.-Вол. Руси* 355, 405, 430, — *Rys wewn. stos. Gal. wsch.* 11, 13, 15; Акты Зап. Россіи I, 104 — 5; Архивъ Ю-Зап. Рос. VIII, II, 17 (пред.); Труды Под. еп. ист. стат. Ком. VII, 321; Н. Теодоровичъ: *Опис. церк. прих. Вол. еп. III*, 14. Въ Львов. Наук. Сборникѣ 1867 г. помѣщенъ кievскій документъ Свидригайла отъ 9 декабря 1442 г., гдѣ между совѣтниками князя названъ также Грицко Кердеевичъ. Былъ ли то нашъ Грицко?

²⁾ На документѣ 25 ноября 1462 г. значится уже Станиславъ изъ Ходча воеводой Подоліи.

29 сентября и 1 октября 1442 г.; въ Петровѣ: 28 апрѣля 1458 г. и въ Новомъ Корчинѣ 12 и 17 декабря 1461 г. На собственной грамотѣ, данной имъ во Львовѣ 12 марта 1459 г. онъ подписался: Грицко изъ Поморянъ воевода Подольскій и староста Теробовельскій.

Кромѣ того, Грицко Кердеевичъ упоминается свидѣтелемъ въ извѣстной намъ королевской грамотѣ, данной въ пользу русской церкви въ Будѣ, 22 марта 1443 г.; вторая, данная въ Будѣ еще 30 сентября 1442 г., грамота указываетъ на то, что король Владиславъ принялъ на себя обязательство уплатить каштеляну Краковскому Ивану изъ Чижова долгъ Грицка Кердея изъ Поморянъ въ 200 гривенъ, обеспечивая эту сумму на Вашковцахъ и Зарѣчьи въ Сандомірской землѣ¹⁾.

Изъ Холмскихъ и Красноставскихъ актовъ видно, что Грицко Кердей лишь временно оставлялъ Холмскую землю, когда этого требовалъ личный его или государственный интересъ; пребываніе его въ Холмщинѣ считалось тогда обезпеченіемъ ея за Польшею. Онъ съ 1431—1456 гг. засѣдалъ въ судахъ: въ Холмѣ (1431—1439), въ Красноставѣ (1432—1456) и разъ въ Грубешовѣ (1453). Въ отсутствіе его являлись въ Холмскій судъ отъ его имени и по личнымъ своимъ дѣламъ его приближенные или служебники (*familiages*)²⁾. Насколько полезною для Польши оказалась служба Грицка въ Холмщинѣ, можно судить по скорости повышенія его въ чинахъ, съ оставленіемъ его на одномъ мѣстѣ и въ первой должности старосты до 1438 г. Въ 1433 г., 8 мая, Грицко засѣдалъ въ Красноставскомъ судѣ еще въ одномъ званіи старосты Холмскаго, въ 1434 г. — старосты Холмскаго и каштеляна Львовскаго, въ 1435 г. прибавленъ ему титулъ старосты Теробовельскаго; въ 1439 г. онъ значится уже воеводой Подольскимъ, предсѣдательствующимъ въ королевской комиссіи въ Красноставѣ; наконецъ видимъ его въ 1451 г. воеводой Подольскимъ, старостой и державцею Красноставскимъ. Последнее званіе перешло на двухъ его сыновей.

О дѣятельности Грицка въ качествѣ старосты - судьи отмѣчаемъ нѣкоторые болѣе интересныя данныя нашихъ акт. книгъ.

Первое засѣданіе Холмскаго съѣзда, въ которомъ встрѣчаемъ старосту Грицка Кердея³⁾, происходило 4 июня 1431 г. Въ собраніи присутствовали тогда также староста Сандомірскій Іоаннъ, Росса Герантъ изъ Подоліи и какой-то Исачко Гладирка. Тогда Белзскій землевладѣлецъ Мрочко изъ Юрчева обвинялъ слугу Грицка, Фалислава, въ убійствѣ брата; Грицко, принявъ поруку за слугу, согласился уплатить Мрочку 60 гривенъ головщины. — Затѣмъ Оома изъ Монагичъ, Грубешовскій войтъ Петро и Адальбертъ изъ Хохлова поручились старостѣ Грицку за Николая Барциковскаго, вызваннаго въ судъ воеводой Холмскимъ Маравкою⁴⁾. Поручители обязались

1) Пташицкій: Опис. кн. и акт. Лит. метрики стр. 249, № 290.

2) Въ 1431 г.: писарь (*notarius*) старосты Грицка Николай Млечко; въ 1432 г.: пѣкіе Лука, Сильвестръ, Георгій и Лаврентій; въ 1436 г.: Войтко; въ 1437 г.: Бартошъ; въ 1453 и 1457 гг.: Пачоса и Дзикъ. По суд. запискамъ, Грицко съ 1439 г. проживалъ больше въ Красноставѣ, чѣмъ въ Холмѣ.

3) До Грицка старостами Холмскими были: Матвѣй (1428 г.), затѣмъ Волчко (1429—1431 гг.)

4) Съ 1430 г. Николай Моравка значится также Красноставскимъ писаремъ земскимъ. Городскихъ воеводъ было тогда больше въ Холмѣ. Въ 1432 г. упоминаются въ актахъ Иванъ Чаншиловскій и Сбцгневъ, въ 1433 г. — Левъ Клодницкій.

доставить Николая въ срокъ, въ противномъ случаѣ уплатятъ старостѣ копъ 60 грошей пени. И Николай передалъ себя во власть своихъ поручителей, принявъ на себя возвратить имъ всѣ убытки.

Въ Холмскомъ засѣданіи 12 февраля 1432 г. въ присутствіи, между прочимъ, владыки Холмскаго (неизвѣстнаго имени) и повѣреннаго старосты Грицка, Лукаша (Lucassius), Холмскій воевода Иванъ Чаншиловскій жаловался на сына Зиновья изъ Млодутина, назначеннаго ему старостой въ товарищи ратнаго дѣла и находившагося подъ его начальствомъ вмѣстѣ съ пасынкомъ его, Чаншиловскаго, а также съ однимъ челоуѣкомъ, что онъ, дойдя до Грубешова, сбѣжалъ отъ пасынка, захвативъ съ собою лошадь, стоимостію въ 4 копы, разную одежду, стоимостію въ одну копу, и причинивъ всего убытка въ 20 гривенъ. Сынъ Зиновія возразилъ ему, что воеводскій пасынокъ, напротивъ, добровольно отпустилъ его изъ Грубешова на свободу. Тогда воевода положилъ свою шапку (*mitram suam posuit* — въ лит.-рус. актахъ: „ставилъ шапку“) говоря: „я готовъ послать за своимъ пасынкомъ!“ Обвиненный, выслушавъ жалобу воеводы, просилъ назначить сторонамъ срокъ для явки предъ судъ старосты, что и сдѣлано. Между тѣмъ Зиновьевичъ успѣлъ помириться съ Чаншиловскимъ, уплативъ послѣднему двѣ копы грошей вознагражденія за причиненные ему убытки.

Въ Красноставской книгѣ того же года упоминается объ арестованіи въ Холмѣ воеводой Авраамомъ дворянъ Добеслава и Станислава изъ Вельгоржа и также Павла изъ Держковичъ за какія-то преступленія. Староста Грицко освободилъ ихъ изъ заключенія „на слово“, однако подъ условіемъ, что, если не явятся на судъ по вызову старосты или воеводы, тогда будутъ осуждены къ утратѣ шляхетства и чести.

Затѣмъ изъ одного Холмскаго акта 1433 г. узнаемъ, что староста Холмскій Грицко отдалъ шляхтичу Роську изъ Могильницы мѣстную церковь и принадлежащую ей землю во владѣніе. Вводъ Роська совершенъ, по повелѣнію старосты, судьей Холмскимъ Альбертомъ. Далѣе же находимъ заявленіе Роська, что онъ спорную могильницкую церковь съ землею уступилъ своему брату Исачку подъ обезпеченіемъ 30 гривенъ залога.

Въ 1439 г. двор. Гришка Несторова заявила о полученіи ею отъ Матвѣя Смока записи на 50 грив. Подольскій воевода Грицко показалъ, что онъ видѣлъ упомянутую грамоту въ ящикѣ послѣ смерти владыки (*vidit in cista post obitum vladicae*). Владычный слуга Вашко утверждалъ съ своей стороны, что Несторова приходила за полученіемъ записи къ священнику („попу“) Тараху; тотъ однако не счелъ себя въ правѣ выдать ей такую.

Въ запискахъ 1432—1440 гг. часто упоминается староста Холмскій, на котораго ссылались судьи и отъ его имени разрѣшали спорныя дѣла.

О частныхъ дѣлахъ Грицка Кердея или Кердеевича находимъ въ Холмскихъ и Красноставскихъ актахъ, между прочимъ, слѣдующее:

Въ 1437 г. Андрушко Угровецкій поручился Грицку за Θεодора Бразича въ уплатѣ 6-ти копъ грошей.

Въ 1438 г. Грицко уплатилъ Ванькѣ Квасиловскому (*de Quasylow*) 50 грив. долга за Рафаила Ярославскаго.

Въ 1443 г. онъ же заявляетъ о выданной имъ Николаю Дзику изъ Лоева долговой записи на 110 грив., тоже Ивану Гидо (Годзу?) на 120 грив. подъ залогъ им. *Стрыева*.

Въ 1444 г. имъ же выдана Ванькѣ Квасиловскому долговая записъ на 100 грив. къ дню св. Михаила; въ случаѣ неустойки, Грицко допускаетъ вводить Ваньку въ свое имѣніе *Винники*, Львовскаго повѣта (или уѣзда).

Въ 1446 г. Иванъ Погорѣлоставскій зоветъ въ судъ Якова Вербковицкаго и Петра Горжковскаго, перучившихся ему за взятый Грицкомъ серебряный кушакъ, стоимостью въ 20 грив. — Грицко тоже привлеченъ къ иску. — Грицко ручается Ивану Гозду изъ Гдешина за Михалка Сангневовича въ 60 гр. на 120 грив. долга подъ залогъ с. Стрыева. Съ другой стороны, Яковъ Гарбовскій ручается Грицку за Михалка Сангневовича въ уплатѣ 60 грив. Въ случаѣ неустойки, Грицко будетъ введенъ въ имѣнія Гарбовскаго: Велебичи и Бартошовичи¹⁾, заложенные въ 120 грив.

Въ 1447 г. Дерславъ Жолковскій (истецъ), Иванъ Гоздъ Гдешинскій, Грицко Кердей и Иванъ Квасиловскій отложили судебныя дѣла до прибытія короля въ Красноставъ, на третій день послѣ его приѣзда.

Въ 1450 г. Игнатъ Жданскій ручается Николаю Суходольскому за Грицка въ уплатѣ долга 110 грив. Кромѣ Жданскаго должны еще поручиться за воеводу Альбертъ Лацовскій и Красноставскій войтъ Станиславъ Прибыславскій. (По запискѣ 1451 г., Грицко велѣлъ имъ поручиться за себя Суходольскому). Николай Суруговскій²⁾ ручается въ уплатѣ долга за Грицка, послѣдній же долженъ уплатить Якову Витковскому 24 зол. къ дню Рождества Христова. — Иванъ Лабуньскій велъ процессъ съ Грицкомъ Поморянскимъ по какому-то дѣлу о 6-и коровахъ съ телятами и 6-и волахъ, стоимостью въ 16 грив., кромѣ убытковъ.

1453 г. указываетъ на *бракосочетаніе* овдовѣвшаго *Грицка* съ *Доротою Кіанскою*. Грицко уступаетъ тестю Ивану Кіанскому весь свой участокъ въ Быстрицѣ, Люблинскаго повѣта, вслѣдствіе чего Дорота, супруга Грицка, отказывается отъ вѣнковой записи. — Тогда же Николай Палуковскій поручился Грицку за еврея Мошка, арендатора „мостоваго“ въ Красноставѣ.

Въ 1454 г. Страхота изъ Якубовичъ заявляетъ объ уступленіи своему сыну Николаю 130 грив., записанныхъ на *Стницъ*, заложенной ему Грицкомъ съ согласія короля. Эту сумму слѣдовало выплатить Николаю какъ наслѣдіе по матери его Маргаритѣ. Грицко заложилъ Вержбятѣ Сѣницкому половину с. Суругова (Sugowow), которую самъ держалъ въ залогъ отъ Николая Волковскаго въ 42½ грив.

Въ 1456 г. Николай Волковскій продаетъ им. Суруговъ и половину с. Якубовичъ за 1000 грив. Ивану Чижовскому, каштеляну и старостѣ Краковскому. Грицко, являсь въ судъ, заявляетъ о поручительствѣ его Чижовскому за бывшаго владѣльца

1) Им. Бартошевичи ок. 1476 г. принадлежало князьямъ Красничинскимъ, затѣмъ, въ началѣ XVI в., Решовскимъ.

2) Въ актѣ сказано: Nicolaus de Surhow. Суруговъ, нынѣ Суруговъ, въ Красноставскомъ уѣздѣ. Вообще мы переводимъ, в. пр. de Żółkwa — Жолковскій, вм. изъ „Жолквы“, что одно и то же.

Сурогова Николая Волковскаго. Съ своей стороны Иванъ Чижевскій обязался уплатить Грицку 100 грив. къ дню Рождества Христова.

Николай Палюковскій обязался возратить Грицку полусеребряную чашу, на которую далъ поруку за еврея Мошка, арендатора „мостоваго“.

Съ того времени Грицко Кердей Поморянскій не является въ суды. Въ 1457 г. упоминается еще его слуга Дзикъ, а съ 1459 г. выступают на сцену одни лишь его сыновья (отъ перваго брака) *Иванъ* и *Сигизмундъ* и дочь *Ядвига*, жившая при нихъ до своего замужества въ 1464 г. (См. Сигизмундъ).

Кромѣ принадлежавшихъ Грицку Кердеевичу Поморянъ, Винникъ и Подбережа, Стрыева, участка въ Быстрицѣ и дома съ земельнымъ участкомъ Дзика въ Холмѣ (дара короля Казимира въ 1451 г.), онъ пользовался державами въ корол. Сѣницѣ и Красноставѣ, также доходами управляемыхъ имъ староствъ. Даниловичъ¹⁾ сообщаетъ содержаніе условій, подъ которыми Грицко держалъ свое староство. Онъ клятвенно обязался староство Холмское вмѣстѣ съ принадлежавшими ему городами (замками) не отпускать никому другому, лишь венгерско-польскому королю или кому онъ прикажетъ; по смерти короля староство будетъ возвращено Коронѣ; затѣмъ обѣщаетъ ежегодно платить по 400 гривенъ въ пользу королевской казны, 100 гривенъ — за стаціи (военные постои), 100 грив. — каноникамъ и римско-катол. церкви въ Холмѣ и отдавать первымъ по 10 сосудовъ (vasa) рыбъ для стола.

Изъ подтвердительной грамоты, данной архіепископомъ Львовскимъ Григоріемъ въ Чарнушовичахъ 26 іюня 1454 г., видно, что воевода Грицко изъ Поморянъ обезпечилъ существованіе лат. приходской церкви въ Бѣлкѣ, назначивъ въ пользу ея, между прочимъ, десятину съ (русскихъ) крестьянъ Подбережа. Затѣмъ, по Львовскому акту 12 марта 1459 г., Грицко изъ Поморянъ заявляетъ, что по судебному рѣшенію жители его села Винникъ могутъ рубить дрова въ лѣсахъ до самаго Львова и, наоборотъ, жителямъ Львова дозволяется тоже до самаго села Винникъ, пока не послѣдуетъ окончательное разграниченіе между г. Львовымъ и с. Винниками.

4) Иванъ Кердеевичъ изъ Поморянъ.

Объ Иванѣ Грицковичѣ узнаемъ изъ нашихъ актовыхъ книгъ, что онъ присутствовалъ въ Красноставскомъ судѣ въ 1459, 1461 и 1463 гг., пользовался родительскимъ добромъ въ Холмщинѣ и Галиціи, былъ съ 1459 г. державцею и, послѣ смерти отца, съ 1463 г., вмѣстѣ съ братомъ Сигизмундомъ, старостою Красноставскимъ до кончины своей около 1469 г. Въ Львовскихъ актахъ подъ 1463 г. братья Иванъ и Сигизмундъ Кердеевичи названы старостами Теребовельскими и державцами Гумницъ, Романовки, Новоселки²⁾ и пр., въ нашихъ же (Холм.-Красност.) актахъ одинъ только Сигизмундъ въ первый разъ въ 1478 г. названъ старостой Теребовельскимъ, т.-е. когда онъ дѣйствительно переселился въ Теребовлю. Сигизмундъ очень часто упоминается въ нашихъ актахъ и, еслибы онъ ранѣе 1478 г. состоялъ

¹⁾ Skarbiec dypl. 1485: Inwentarz Warszawickiego: Polonia 1441.

²⁾ Гумнице (Гумниска), Романовка — села Теребовельскаго, Новоселка — Перемышлянского уѣзда въ Галиціи.

старостой Теробовельскимъ, непременно было бы это отмѣчено въ одномъ или другомъ случаѣ. Ошибка въ Львовскихъ актахъ тѣмъ вѣроятнѣе, что отецъ Грицко постоянно пользовался этимъ званіемъ съ 1435 г.

Въ виду того, что дѣятельность Ивана въ Холмщинѣ отмѣчена въ нашихъ актахъ лишь съ 1459 по 1468 г., является вопросъ, гдѣ онъ пребывалъ раньше и не былъ ли Иванъ тѣмъ Янушемъ Кердеевичемъ, который въ 1431 г. упоминается старостой Скальскимъ? Въ 1430 г., какъ извѣстно, Грицко Кердей и его товарищи завладѣли отъ имени Польши, между прочимъ, также Скалой, гдѣ, какъ и въ другихъ городахъ, отнятыхъ у литовцевъ, былъ поставленъ во главѣ управленія свой чело-вѣкъ. Старостой для Скалы вѣроятно былъ назначенъ сынъ Грицка Иванъ, или, какъ тогда его звали, Янушъ, который вѣроятно и отличился военными доблестями. Сопоставляя время жизни и возможный возрастъ въ 1430 г. Грицка и Януша, можно допустить, что послѣдній былъ старшимъ сыномъ, а не братомъ перваго. Младшимъ сыномъ его былъ Сигизмундъ, упоминаемый на нѣсколько лѣтъ позже, и всегда на другомъ мѣстѣ, когда рѣчь идетъ объ обоихъ братьяхъ. Возвращеніе обоихъ Кердеевичей изъ Подолія въ Холмщину можно объяснить небезопаснымъ положеніемъ въ какомъ они находились въ виду татарскихъ набѣздовъ и продолжительной борьбы Литвы съ Польшей о владѣніи Подоліей. Съ другой стороны могло быть желаніе состарѣвшагося ихъ отца Грицка имѣть сыновей въ своей близости.

5) Сигизмундъ Кердеевичъ „изъ Оринина“ и „изъ Поморянъ“.

Сигизмундъ Кердеевичъ, упоминаемый въ судебныхъ актахъ и отдѣльныхъ грамотахъ съ 1437 по 1533 г., т.-е. въ продолженіе 96 лѣтъ, не могъ быть однимъ и тѣмъ же лицомъ, писавшимся сначала „изъ Оринина“, затѣмъ уже „изъ Поморянъ“; въ такомъ случаѣ считалось бы за нимъ въ 1533 г., по крайней мѣрѣ, 120 лѣтъ жизни, что немыслимо. Въ виду этого, историки считаютъ Сигизмунда „изъ Оринина“ другимъ лицомъ неизвѣстнаго происхожденія. По нашимъ соображеніямъ, одинъ Сигизмундъ былъ сыномъ Грицка, который, вѣроятно съ 1431 г.¹⁾, когда отецъ былъ назначенъ старостой Холмскимъ, получилъ въ свое владѣніе родовой Орининъ и сталъ писаться „изъ Оринина“, послѣ же смерти отца и передачи Оринина въ другія руки²⁾, онъ, равно какъ и братъ Иванъ, писался „изъ Поморянъ“ до смерти своей въ 1499 г. Упоминаемый въ 1533 г. Сигизмундъ изъ Поморянъ могъ быть только его сыномъ и наслѣдникомъ.

Между документами, напечатанными въ первыхъ десяти томахъ во Львовѣ, находимъ три: отъ 1437, 1441 и 1458 гг., въ которыхъ упоминается Сигизмундъ изъ Оринина, тоже въ Холмско-Красноставскихъ запискахъ подъ 1456 (2 раза), 1459 и 1472 гг. Именно въ 1437 г.³⁾ видимъ его въ званіи Львовскаго хорунжія свидѣ-

¹⁾ Грицко, вполнѣдствіи Поморянскій, владѣлъ еще въ 1430 г. Орининымъ, когда занялъ Каменецъ.

²⁾ Балинскій и Липинскій и др. упоминаютъ подъ 1474 г. о Грицкѣ или Григоріи К. изъ Оринина, подстолиі Каменецкомъ, устроившемъ рим. к. церковь въ Орининѣ; Шар. приводитъ изъ Галлиц. актовъ 1500 г. Николая К. изъ Оринина.

³⁾ Въ этой грамотѣ напечатано: Sigismundus Kerdeowicz de Choczen ошибочно вм. de Chorenin. (Akta Lwow. T. I, 25).

телемъ вѣнковой записи, данной въ Галичѣ Яковомъ Скарбкомъ изъ Горы женѣ своей Фіеннѣ на с. Шараньчуки. Изъ другой грамоты, данной въ Будѣ 6 ноября 1441 г. узнаемъ, что Сигизмундъ изъ Оринина принималъ, вмѣстѣ съ Грицкомъ, участіе въ венгерскомъ походѣ; въ вознагражденіе трудовъ этого похода, король записываетъ Сигизмунду 100 гривенъ на им. Цвикловцахъ и Устьи, Каменецкаго повета, съ желаніемъ однако, чтобы лично тамъ проживалъ (*et hoc volumus, ut ibi faciat personalem mansionem*). Затѣмъ въ документѣ, составленномъ въ Коломнѣ 3 февраля 1458 г., Сигизмундъ Кердей значится подкоморіемъ Каменецкимъ¹⁾.

16 іюня 1456 г. Сигизмундъ изъ Оринина (*de Horynin*), безъ опредѣленія званія, присутствовалъ вмѣстѣ съ отцемъ въ Красноставскомъ судѣ. Въ то же время Сигизмундъ является поручителемъ за Ивана изъ Чицова, каштеляна Краковскаго, отъ чего (въ 1459 г.) былъ Янушемъ Лацовскимъ освобожденъ. Въ 1472 г. разъ онъ названъ „Орининскимъ“²⁾.

По нашимъ актовымъ даннымъ, Сигизмундъ изъ Поморянъ, состоя державцею (*tenentarius*) Красноставскимъ, выдалъ въ 1464 г. сестру свою замужъ; послѣ смерти брата Ивана онъ въ 1470 г. дѣлается старостой Красноставскимъ; въ 1477 г. женится; въ 1478 г. переселяется съ званіемъ старосты въ Теробовлю, гдѣ, по Галицкимъ актамъ, въ 1490 г. опять женится на Доротѣ Сѣнинской, вдовѣ Ник. Свинки, и, наконецъ, въ 1499 г. умираетъ. Если затѣмъ считать Сигизмунда Орининскаго однимъ лицомъ съ Поморянскимъ, то онъ (конечно не въ первый разъ) женился въ 1477 г., имѣя по крайней мѣрѣ 65 лѣтъ отъ роду (принимая въ 1437 г. 25-ти лѣтній его возрастъ), при женитьбѣ его въ 1490 г. ему могло быть 78, а при смерти — 87 лѣтъ жизни. Какъ ни странны для насъ эти женитьбы Сигизмунда на 65 и 78 гг. жизни, онѣ допускаемы, такъ какъ подобные случаи бывають и въ наше время. Въ пользу тождественности Сигизмунда изъ Оринина и Сигизмунда изъ Поморянъ говоритъ также то обстоятельство, что первый Грицко Кердей едва ли настолько подчинился повымъ вѣяніямъ политики, чтобы одного изъ своихъ сыновей назвалъ Сигизмундомъ. Различая же Сигизмунда Орининскаго отъ перваго Сигизмунда Поморянскаго, мы должны бы говорить о существованіи трехъ, вмѣсто двухъ, Сигизмундовъ.

Изъ нашихъ актовъ видимъ также, что Сигизмундъ Грицковичъ засѣдалъ въ Красноставскомъ судѣ въ 1456, 1470, 1472, 1477 и 1478 гг., въ Холмскомъ судѣ въ 1476 г. и присутствовалъ на Красноставскомъ съѣздѣ 1477 г., на которомъ шляхта Холмской земли, желая умножить свои доходы, постановила наложить разныя новыя повинности на крестьянъ и поселенцевъ въ своихъ имѣніяхъ³⁾.

¹⁾ Akta Lwowskie. T. V, 110; VI, 39.

²⁾ Красност. а. кв. № 19826, 232, 233, 251; № 19827, 46. Въ этихъ запискахъ постоянно читаемъ: Sigismundus de Horynin.

³⁾ Постановленія эти п. загл. Statuta terrigenarum omnium in terra et districtibus Chelmensi, Crasnostaviensi, Hrubyeschoviensi et Sczebrzeschiensi (№ Красност. а. кв. 19827, л. 100) Мацѣвскій помѣстилъ въ своемъ сочиненіи п. загл. Historia prawodawstw slowianskich (VI, 413), выписавшыя гдѣмъ-то изъ нашей книги въ 1846 г. съ нѣкоторыми ошибками и пропусками.

Семейныя и имущественныя дѣла Сигизмунда записаны въ нашихъ книгахъ съ 1459 по 1485 г.

Въ 1459 г. Янушъ Лащовскій заявляетъ въ судѣ объ освобожденіи Сигизмунда и Конинскаго отъ поруки.

Въ 1464 г. Сигизмундъ отдаетъ Красноставское имѣніе въ управленіе своему писарю¹⁾ и назначаетъ державцу Велибича Якова Гарбовскаго его замѣстителемъ.

Въ то время состоялся бракъ *Ядвиги Грицковны* съ Иваномъ изъ Великой Быхавы, которому Сигизмундъ обязался уплатить ко дню Рождества Христова 100 гривенъ приданого за сестрою и 40 грив. на ея выправу, затѣмъ, въ случаѣ неустойки, допустить ввѣдъ Быхавскаго во владѣніе пошлиною „мостоваго“ въ Красноставѣ. Ядвига, явясь въ судъ, признаетъ себя удовлетворенною братомъ. По запискѣ 1467 г., Сигизмундъ долженъ еще Быхавскому уплатить 60 грив., а въ 1468 г. заключена между ними какая-то сдѣлка.

Въ томъ же 1468 г. Сигизмундъ продаетъ Холмскому земскому писарю патеру Станиславу Жолковскому „мостовое“ въ Красноставѣ на 6 лѣтъ за 125 гривенъ.

Онъ же отдаетъ въ 1469 г. Станиславу Недоспѣльскому село Стрыевъ въ залогъ за 500 гривенъ, затѣмъ въ 1472 г. — державцѣ Красноставскаго войтовства Николаю Бзовскому разныя угодья въ Красноставѣ въ аренду, и въ 1473 г., тому же, мельницу въ залогъ за 60 гривенъ.

Въ 1474 г. Петръ Недоспѣльскій, опекунъ дѣтей покойнаго брата Станислава, состоитъ временнымъ владѣльцемъ заложеннаго Сигизмундомъ им. Стрыева по записи на 200 гривенъ.

Въ 1476 г. Сигизмундъ ведетъ судебное дѣло съ Пелкой Эбермутомъ и Павломъ Ясенскимъ и закладываетъ патеру Жолковскому мельницу въ Красноставѣ за 40 гривенъ.

Въ 1477 г. 2 іюня, записаны акты, относящіеся къ *бракосочетанію Сигизмунда Поморянскаго* съ Еленой, дочерью Львовскаго подкоморія Георгія Струмилы изъ Дмошина²⁾. Сигизмундъ заявляетъ, что получивъ за женою своею 200 грив. приданого и 100 грив. выправы, онъ обезпечиваетъ въ ея пользу 600 грив. вѣновною записью на половину всѣхъ доходовъ Красноставской державы и имѣній, въ случаѣ же обратнаго перехода Красностава къ королю, на всѣ другія, собственныя и заложенныя ему, имѣнія. Съ другой стороны, Елена заявляетъ объ уничтоженіи записи, такъ какъ отецъ ея Струмило не уплатилъ всего приданого Сигизмунду и послѣдній достаточно обезпечилъ ея вѣно на унаслѣдованныхъ имъ послѣ отца Грицка денежныхъ суммахъ и вотчинахъ.

Въ 1478 г. Сигизмундъ продаетъ пат. Жолковскому домъ и земельный участокъ Дзика за 20 грив. — Павелъ Ясенскій, подскарбій коронный и староста Холмскій и

¹⁾ *Notabili suo notario*. Имъ былъ рим.-к. священникъ Станиславъ Жолковскій, писарь земскій Холмскій.

²⁾ Георгій Струмило изъ Дмошина упоминается въ Львовскихъ документахъ 1442, 1445, 1456 и 1460 гг. хорунжимъ Львовскимъ, 1461—1464, 1466, 1469, 1470, 1473 и 1476 гг. — подкоморіемъ Львовскимъ. Въ документѣ 1488 г. говорится о вдовѣ пок. каштеляна Львовскаго Георгія Струмилы, Елисаветѣ изъ Подошницъ. (Akta Lwowskie II—VII).

Белзскій, обязывается уплатить Петру Недоспельскому 200 грив. за Сигизмунда и, согласно волѣ короля, принимаетъ на себя поруку за Сигизмунда, одолжившаго у Николая Бзовскаго 500 грив., въ томъ, что Бзовскій будетъ взимать пошлину и владѣть мельницею до уплаты 500 гривенъ. Такимъ же образомъ сыновья Страхоты, Иванъ и Петръ, будутъ владѣть с. Сѣницею, пока не будутъ имъ уплачены 230 грив., по долговой записи Сигизмунда и покойнаго его отца Грицка Кердея Поморянскаго. — Сигизмундъ продаетъ Ивану Сѣницкому за 50 грив. свой лугъ около рѣки Сѣницы, начинающійся отъ границъ с. Сѣницы до луговъ Красноставскаго плебана, согласно привилегіи короля.

Далѣе находимъ, что 3 февраля того же 1478 г. на Петрковскомъ сеймѣ была похищена серебряная печать Сигизмунда Кердеевича, данная имъ Холмскому судѣ Петру Трёмбачевскому на храненіе. — Тогда же возный отъ имени Сигизмунда три раза пытался было занять вещи князя Александра Красничинскаго, но напрасно; вслѣдствіе этого князь подвергнулся пени и въ имѣніе его Сулиміръ былъ введенъ, вмѣсто истца, уже преемникъ его Красноставскій староста Иванъ изъ Притыка.

Этимъ кончились дѣла отбывшаго изъ Красностава Сигизмунда, назначеннаго старостой въ Теревовлѣ. Онъ являлся въ Красноставъ по дѣламъ еще въ 1480 и 1485 гг.

Въ 1480 г. Сигизмундъ былъ позванъ въ судъ дворяниномъ Иваномъ Кривскимъ какъ поручитель, вмѣстѣ съ Пелкой Эбермутомъ изъ Погорѣлостава, за князя Александра или Гурка Красничинскаго, обязаннаго возвратить Кривскому двухъ бѣглыхъ кметей: Николая Гломба и Матвѣя Кошля. Сигизмундъ уладилъ дѣло, уплативъ 60 гривенъ.

По акту 7 февраля 1485 г., во владѣніи Краковскаго епископа Іоанна Решовскаго находился въ Красноставѣ дворъ (curia) Сигизмунда, отъ котораго епископъ желалъ отказаться. Тогда Сигизмундъ, явась въ Красноставскій судъ, воспретилъ судѣ, подсудку и возному принимать въ акты отказъ (resignatio) епископа и заявилъ о полученіи 50 грив. отъ епископа на счетъ двора или усадьбы.

Говоря о семейныхъ отношеніяхъ Сигизмунда изъ Поморянъ, мы упомянули о вторичной женитьбѣ его въ 1490 г. на Доротѣ, сестрѣ Сѣнинскихъ и вдовѣ Николая Свинки. Изъ королевской грамоты, данной въ Краковѣ 23 октября 1492 г., видно, что Янъ Гологорскій (Сѣнинскій) занялъ послѣ смерти Свинки имѣнія Кальное и Бобрчаны. Король Янъ Альбертъ повелѣваетъ воеводѣ Краковскому и старостѣ Львовскому, Спитку изъ Ярослава, заботиться о томъ, чтобы эти имѣнія были вскорѣ возвращены Доротѣ, женѣ Сигизмунда изъ Поморянъ, старосты Теревовельскаго.

Кончина Сигизмунда послѣдовала въ 1499 г., а упоминаемый въ 1532 и 1533 гг. Сигизмундъ изъ Поморянъ непременно былъ уже его сыномъ.

По грамотѣ, данной Сигизмундомъ I въ Краковѣ 6 февраля 1532 г., король предлагаетъ воеводѣ Сандомірскому Оттону изъ Ходча учинить справедливость Кердею изъ Поморянъ, турецкому послу Имбрѣ-пашѣ, касательно им. Померянъ, оставленныхъ въ Польшѣ послѣ плѣненія его турками. Въ другой грамотѣ, данной въ Петрковѣ 10 февраля 1533 г., король приказываетъ подкоморію Сандомірскому и старостѣ Теревовельскому удовлетворить Сигизмунда Кердея, отъ котораго выкупилъ имѣнія.

Поморянами завладѣли братья Дороты, Сѣвинскіе изъ Гологоръ, которые въ Бускѣ 14 февраля 1549 г. составили актъ о дѣлѣжѣ между собой вотчинныхъ имѣній.

Впослѣдствіи Поморяны перешли въ руки короля Іоанна Собѣскаго и его сыновей, нынѣ большее землевладѣніе въ Поморянахъ принадлежитъ графамъ Потоцкимъ.

Изъ Галицко-Подольскихъ Кердеевичей упоминаются въ началѣ XVI в. *Михаилъ* изъ *Тенетникъ* (Рогатинскаго у.), *Станиславъ К.* войскій Каменецкій и др., но въ какихъ они родственныхъ связяхъ находились съ Сигизмундомъ, сказать не можемъ. Для этого нужно бы намъ просмотрѣть акты другихъ архивовъ, что намъ не возможно, но возможно другимъ, которые, пребывая на мѣстѣ, желали бы дополнить нашу историко-родословную монографію о Кердеевичахъ XIV—XV в. или исправить въ ней ошибки и пробѣлы.

О времени написанія „Слова Даниїла Заточника“.

А. Лященко.

„Слово“ или „Моленіе Даниїла Заточника“ извѣстно русскимъ ученымъ болѣе 75 лѣтъ, и за столь продолжительное время появился цѣлый рядъ статей объ этомъ любопытномъ памятникѣ. Въ заслугу изслѣдователямъ „Слова“ безспорно могутъ быть поставлены: историческія объясненія къ памятнику, указаніе источниковъ, откуда, какъ пчела, Даниїль „собиралъ сладость словесную и разумъ“, наконецъ разсмотрѣніе особенностей двухъ главныхъ редакцій „Слова“. Со всѣмъ тѣмъ, очень важные вопросы о времени появленія „Слова“, о князѣ, къ которому оно написано, наконецъ объ общемъ значеніи памятника рѣшаются различно.

Главную причину разнорѣчій, по нашему мнѣнію, нужно видѣть въ самомъ методѣ изслѣдованія. Изслѣдователи гораздо больше обращали вниманіе на то, чтобы какъ-либо обосновать свои апріорные домыслы, чѣмъ на всестороннее разсмотрѣніе „Моленія“, въ особенности со стороны исторической. Допущенныя отступленія отъ правильнаго метода сдѣлались роковыми: многіе только повторяли предположенія, до нихъ высказанныя; нѣкоторые, чувствуя несостоятельность этихъ предположеній и не сумѣвъ побѣдить встрѣченныхъ при собственномъ изученіи затрудненій, отрицаютъ историческую основу „Моленія“, существованіе Даниїла, а въ самомъ „Моленіи“ видятъ произведеніе, неизвѣстный авторъ котораго (дружинникъ), воспользовавшись *литературною* формой посланія къ князю, внесъ въ него господствовавшіе взгляды лучшихъ людей на разныя стороны русской жизни въ удѣльно-вѣчевой періодъ... Сказанное сейчасъ, мы постараемся подтвердить сперва собственнымъ разсмотрѣніемъ главнѣйшаго вопроса о времени написанія „Моленія Даниїла Заточника“ и имени князя, къ которому оно адресовано.

„Слово Даниїла Заточника“ дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ, не всегда сходныхъ между собою. Первая редакція, признаваемая древнѣйшей, извѣстна пока по тремъ спискамъ: Толстовскому (теперь Императорской публичной бібліотеки) начала XVII в., Копенгагенской публичной бібліотеки XVII в. и бібліотеки С.-Петербургской духовной академіи, тоже XVII в.¹⁾ Списковъ второй редакціи два: Ундольскаго

¹⁾ Что касается яко бы особаго Морозовскаго списка, изданнаго Сахаровымъ въ „Сказаніяхъ русскаго народа“, то это не что иное, какъ воспроизведеніе Толстовскаго списка. Сравни. отзывъ А. С.-скаго объ изданіи „Слова Даниїла Заточника“ Шляпкина въ „Библіографіи“ 1890, стр. 8-9.

(теперь Румянцевскаго музея), XV в. и Чудовской библіотеки XVII в. Наконецъ есть двѣ передѣлки „Слова“ (одна извѣстна по Соловецкой рукописи, нынѣ Казанской духовной академіи, другая — по списку гр. Д. Н. Толстого), изгладившія многія древнія черты памятника.

Толстовскій списокъ не даетъ имени князя, но называетъ его „сыномъ великаго царя Владимира“; списки Копенгагенскій и Академическій называютъ князя прямо Ярославомъ Володимировичемъ, сыномъ великаго царя (К. — великаго князя) „Володимера“. Въ обоихъ спискахъ второй редакціи „Моленіе адресовано къ Ярославу Всеволодовичу, сыну великаго царя (великаго князя) Всеволода“. Вотъ первое и очень важное затрудненіе, которое намъ необходимо разсмотрѣть. Мы попытаемся рѣшить вопросъ объ имени князя, не отдавая предпочтенія той или другой редакціи, въ виду того, что въ каждой изъ нихъ сохранились древнѣйшія черты.

По обѣимъ редакціямъ, Ярославъ — князь Переяславля Южнаго (это признается всѣми изслѣдователями); Даниль оказывается сосланнымъ на озеро Лаче — въ Новгородской землѣ (нынѣ въ Олонецкой губ.; изъ него вытекаетъ р. Онега). Ссылать въ Новгородскую землю могъ только Новгородскій князь. Что дѣло идетъ о князѣ, которому близка Новгородская область видно и изъ игры словъ: „Кому Бѣлоозеро, а мнѣ чернѣе смолы, кому Новгородъ, а мнѣ углы опали“. Итакъ, если мы найдемъ такого князя съ именемъ Ярослава, который одновременно княжилъ и въ Переяславлѣ Южномъ и въ Новгородѣ, то именно къ нему и должно быть адресовано „Слово Данила Заточника“. Такимъ именно княземъ былъ *Ярославъ Всеволодовичъ* (р. 1191, † 1246). Онъ призванъ былъ изъ Переяславля Новгородцами, послѣ отъѣзда отъ нихъ Мстислава Удалого, и прибылъ въ Новгородъ въ 1215 г.; Ярославъ велъ себя въ Новгородской землѣ какъ въ завоеванной странѣ и потому удержался здѣсь тогда недолго, до знаменитой Липецкой битвы (въ апрѣлѣ 1216 г.). Вторично призвали его Новгородцы въ 1223 г. году, и вскорѣ Ярославъ ознаменовалъ себя удачными походами въ Чудскую землю; въ 1224 г. въ Новгородѣ опять является другой князь. Въ 1225 г. съ *переяславскими войсками* Ярославъ удачно отбиваетъ (у Усвята) у литовцевъ весь полонъ, взятый ими въ Новгородской землѣ. Съ этого времени онъ предпринялъ изъ Новгорода цѣлый рядъ походовъ, занялъ (1226) часть Еми (южной Финляндіи), крестилъ кореловъ, сосѣдей Еми (1227), отбилъ Емь, хотѣлъ итти съ вызванными изъ *Переяславля* полками на Ригу, но псковичи воспротивились походу. Этотъ отказъ вызвалъ и раздоры князя съ новгородцами. Снова появляется Ярославъ въ Новгородѣ послѣ 1230 г.; въ 1234 онъ одерживаетъ побѣды надъ нѣмцами и литовцами. Въ 1236 г. Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ сына Александра (Невскаго) и отправился въ Кіевъ. Послѣ несчастной битвы при Сити, Ярославъ занялъ великокняжескій престолъ во Владимірѣ; въ 1243 г. Батыемъ Ярославъ былъ признанъ старѣйшимъ княземъ на Руси. Въ 1245 г. онъ опять былъ въ Ордѣ, и на пути къ великому хану на берега Амура умеръ 30 сентября 1246 г., какъ думали современники отъ отравленія¹⁾. Если мы обратимъ вниманіе на то, что Ярославъ самъ въ „Словѣ“

¹⁾ А. В. Экземлярскій, Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ. Спб. 1889, стр. 7—19,

нигдѣ не называется великимъ княземъ, и что дѣятельность его въ Новгородской землѣ была особенно замѣтной въ промежутки его княженія въ Новгородѣ между 1223 и 1236, то мы вправѣ предположить, что „Слово Данила Заточника“ вѣроятнѣе всего могло быть написано именно въ эти 13 лѣтъ. (Ниже мы постараемся основать предполагаемую нами вслѣдъ за проф. Голубинскимъ причину ссылки Данила; вотъ почему мы привели рядъ указаній о походахъ Ярослава въ Новгородской области).

Теперь перейдемъ къ вопросу: могъ ли отецъ Ярослава, Всеволодъ, бывшій конечно великимъ княземъ, называться въ памятникахъ литературныхъ и историческихъ не только „великимъ княземъ“, но и „великимъ царемъ“. У нашихъ историковъ на этотъ вопросъ мы можемъ найти слѣдующіе отвѣты: „Всеволодъ Георгіевичъ — говоритъ Карамзинъ — спокойно и тихо представился на пятьдесятъ осьмомъ году жизни, оплакиваемый не только супругою, дѣтьми, боярами, но и всѣмъ народомъ: ибо сей государь, называемый въ лѣтописяхъ *Великимъ*, княжилъ счастливо, благо-разумно отъ самой юности, и строго наблюдалъ правосудіе“¹⁾. Вотъ слова Соловьева: „Князь было общее неотъемлемое названіе для всѣхъ членовъ Рюрикава дома. Старшій въ родѣ князь назывался *великимъ*; но сначала въ лѣтописи мы встрѣчаемся очень рѣдко этотъ титулъ при имени старшаго князя; обыкновенно онъ придается только важнѣйшимъ князьямъ, и то при описаніи ихъ кончины, гдѣ лѣтописецъ обыкновенно въ украшенной рѣчи говорить имъ похвалы. Ярославъ первый называется великимъ княземъ Русскимъ; здѣсь слово *Рускій* однозначительно съ *Всероссійскій*, князь *всѣя Руси*... Но если въ южной лѣтописи мы такъ рѣдко встрѣчаемъ названіе „Великій князь“, то въ сѣверной Руси оно начинаетъ прилагаться къ имени *Всеволода III* и сыновей его, державшихъ старшинство; здѣсь даже это названіе начинаетъ употребляться одно безъ собственнаго имени для обозначенія Всеволода III. Великими князьями *всѣя Руси* названы Мономахъ при описаніи его кончины, и Юрій Долгорукій при описаніи кончины Всеволода III; первый съ достаточнымъ правомъ, второй, какъ видно, изъ особеннаго усердія сѣвернаго лѣтописца къ князьямъ своимъ. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, въ похвалѣ Мономаху и сыну его Мстиславу, слово „великій“ поставлено позади собственныхъ именъ ихъ; также не разъ поставлено позади имени Всеволода III, не одинъ разъ явно для отличія его отъ другого Всеволода, князя Рязанскаго... Для означенія высшей власти, *также изъ болѣе ути-востности и усердія*, относительно князей употреблялись слова „царь, царскій“²⁾.

Царемъ, напримѣръ, названъ въ лѣтописи Изяславъ II Мстиславичъ. Романъ Галицкій въ лѣтописи называется „самодержцемъ всей русской земли“³⁾. Еще Калайдовичъ указалъ въ „Словѣ“ митрополита Никифора, современника Владимира Мономаха, выраженіе что Богъ Мономаха отъ *царское* и *княжеское* крови смѣсило⁴⁾. Изъ словъ Никифора можно заключить, *почему* титулъ царя могъ быть присвоенъ потомкамъ Мономаха. Въ виду приведенныхъ историческихъ указаній, несколько не

¹⁾ Исторія государства Россійскаго, изд. Эйнерлинга. Спб. 1872, т. III, стлб. 82.

²⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, т. III, гл. 1. (Изд. „Тов. Общ. П.“) стр. 671—672.

³⁾ Лѣтопись по Ипатьевскому списку. Спб. 1871 г. стр. 479.

⁴⁾ Памятники Россійской словесности XII в. М. 1821, стр. 227.

странно то обстоятельство, что Данилъ въ своемъ посланіи къ Ярославу Всеволодовичу называетъ его отца великимъ царемъ¹⁾).

На вопросъ, что естественнѣе: замѣна ли переписчиками отчества князя Ярослава Всеволодовича — Владимировичемъ или наоборотъ „мы безъ колебанія отвѣчаемъ, что естественнѣе первое, т.-е. мы убѣждены, что отчество „Владимировичъ“ есть позднѣйшее искаженіе. Въ самомъ дѣлѣ, для Данила и Всеволода, и его сынъ были людьми очень близкими и хорошо извѣстными; но такъ ли это было для позднѣйшаго переписчика? Съ развитіемъ Московскаго княжества и объединенія земель около Москвы особенную популярность стало пріобрѣтать имя Владимира Мономаха, родоначальника Владимиро-Суздальскаго дома; въ московское именно время создавалась легенда о Мономаховыхъ регаліяхъ. Естественно, что для позднѣйшихъ переписчиковъ, особенно XVI—XVII в., имя Всеволода было настолько же чуждымъ, насколько имя Владимира близкимъ. Замѣтка перваго имени послѣднимъ могла явиться или по невѣжеству, или даже по неудачному домыслу²⁾. Притомъ, мы должны принять въ расчетъ и то, что отчество „Всеволодовичъ“ сохранилъ нашъ древнѣйшій списокъ, XV в.

Мы имѣемъ полное основаніе назвать замѣну Всеволодовича Владимировичемъ неудачной, потому что Ярослава Владимировича, „сына великаго царя (князя) Владимира“, *никогда не было*. Изъ восьми сыновей Владимира Мономаха, котораго только и можно разумѣть подъ именемъ великаго царя (князя) Владимира, не было ни одного съ именемъ Ярослава. Исслѣдователямъ поэтому приходилось подыскивать или такого Ярослава, который не былъ сыномъ Мономаха, или такого Мономаховича, который не носилъ имени Ярослава. Необходимость же того или другого выбора основывалась на *неправильномъ* и недоказанномъ предположеніи, что „Слово“ написано въ XII в.: требовался такимъ образомъ и князь XII вѣка. Ярославъ Владимировичъ отыскался среди многочисленнаго рода Мономаховичей; это былъ сынъ Владимира Мстиславича, слѣдовательно правнукъ Владимира Мономаха (на этомъ имени особенно настаивали Срезневскій, Миллеръ и Порфирьевъ). Уже одно то, что, принявъ это имя за первоначальное въ „Словѣ“, мы отступаемъ отъ прямого текста памятника, *во всѣхъ спискахъ* котораго Ярославъ названъ *сыномъ* великаго Всеволода (Владимира), не говоритъ въ пользу этого мнѣнія. Но противъ него говорятъ и историческія основанія. Отецъ Ярослава Владимировича, Владимиръ Мстиславичъ, былъ едва ли ни ничтожнѣйшимъ изъ всѣхъ Мономаховичей, не отличался никакими личными доблестями, игралъ самую постыдную роль въ княжескихъ междоусобіяхъ; только четыре мѣсяца занималъ онъ старшій еще тогда столъ въ Кіевѣ, и то занималъ обманомъ. Андрей Боголюбскій

1) Самъ Ярославъ Всеволодовичъ называется „честнымъ и великимъ“ въ житіи Александра Невскаго написанномъ современникомъ. См. „Сказаніе о жизни Александра Невскаго“, сообщил архим. Леонидъ. Спб. 1882 („Памятники древней письменности“ XXXVI) стр. 6.

2) О. А. Безсоновъ предполагаетъ рядъ изводовъ XII в. и позднѣйшихъ. „Списокъ, служившій Карамзину для разнорѣчій“, говоритъ онъ, „князя назвалъ Ярославомъ, и потому историографъ сдѣлалъ догадку, что Георгій Долгорукій могъ имѣть славянское имя Ярослава. Но онъ не сказалъ намъ, какое въ списокѣ прибавлено отчество, если Владимировичъ — то опять это далеко и странно, если Всеволодовичъ, — то это былъ бы своеобразный изводъ, близкій къ нашему въ списокѣ XV в.“ (т.-е. Ундельскаго). — Меня появленіе отчества „Всеволодовича“ въ 1-й редакціи нисколько бы не удивило; оно было бы однимъ изъ лучшихъ доказательствъ въ пользу моего мнѣнія.

не признавалъ его, и только смерть Владимира (1171) спасла его еще отъ одного постыднаго пораженія. Вотъ отзывъ о немъ лѣтописца: „Много перенесъ онъ бѣдъ, бѣгая отъ Мстислава то въ Галичъ, то Венгрію, то въ Рязань, то къ половцамъ, но все по своей винѣ, потому что неустойчивъ былъ въ крестномъ цѣлованіи“¹⁾. Является совершенно невѣроятнымъ, чтобы гдѣ-либо Владимиръ Мстиславичъ былъ названъ великимъ царемъ (княземъ) въ то время, когда въ XII в. такой титулъ прилагался только къ Владимиру Мономаху. Всѣ списки „Слова“ еденогласно удерживаютъ титулъ великаго за отцомъ князя Ярослава, такъ что это мѣсто не можетъ считаться позднѣйшею вставкою; это титулованіе — очень существенная для насъ черта древнѣйшей основы „Слова“ и сильное доказательство противъ признанія древнѣйшимъ именемъ въ „Словѣ“ имени Ярослава Владимировича. За признаніе этого имени говоритъ только одно то, что Ярославъ Владимировичъ былъ Новгородскимъ княземъ съ 1181 по 1199 г., доказательство очевидно очень слабое и нисколько не подрывающее нашего предположенія о Ярославѣ Всеволодовичѣ.

Г. Безсоновъ²⁾, а вслѣдъ за нимъ другіе, предполагаютъ, что „Слово Данила Заточника“ первоначально было адресовано Андрею Владимировичу, князю Переяславскому. Мы не будемъ разбирать этого мнѣнія; скажемъ только, что подставленіе на мѣсто ясно читаемаго въ четырехъ спискахъ имени Ярослава какого-либо другого имени не можетъ быть признано приемомъ сколько нибудь научнымъ. Но для такого подставленія были конечно свои причины; причины эти заключались — во-первыхъ, въ неправильномъ предположеніи, что „Слово Данила Заточника“ написано было въ XII в., во вторыхъ, въ игнорированіи того, что не одинъ Владимиръ Мономахъ могъ называться великимъ княземъ или великимъ царемъ, что титулъ „великаго“ послѣ Мономаха былъ присвоенъ Всеволоду III. Какъ же создалось предположеніе о написаніи „Слова“ въ XII в.?

Первый опубликованный сперва Карамзинымъ³⁾ потомъ Калайдовичемъ⁴⁾ (Толстовскій), какъ мы уже упоминали, не давалъ имени князя, называя его только сыномъ великаго царя Владимира. Вполнѣ естественно было первоначальное предположеніе, что въ „Словѣ“ разумѣлся Юрій Долгорукій. Далѣе, въ „Словѣ“ приводятся слѣдующія слова, приписываемыя Ростиславу: „не лгалъ бо ми — говоритъ Заточникъ — Ростиславъ князь: лѣпше ми смерть, а не курское княженіе“. Ростиславъ былъ княземъ Южнаго Переяславля въ концѣ XII в. Еще Калайдовичъ отмѣтилъ, что эти слова въ лѣтописи приписаны Андрею Владимировичу, отжившему въ Переяславлѣ въ 1135—1141 гг. Это мнѣніе о принадлежности „Слова“ къ XII в. настолько стало безспорнымъ, что когда появились новые списки памятника, съ полнымъ именемъ князя, ни разу не былъ поднятъ вопросъ, правильно ли первоначальное приуроченіе „Слова“ къ XII в. О первомъ основаніи такого приуроченія (т.-е. о догадкѣ,

¹⁾ Прекрасный разборъ мнѣнія Срезневскаго и Миллера о Ярославѣ Владимировичѣ представилъ г. Модестовъ въ своей статьѣ „О посланіи Данила Заточника“ („Журналъ Мин. Просв.“ 1880, X 11, стр. 189—191).

²⁾ Статья Безсонова въ „Москвитинѣ“ 1856, № 7 и 8.

³⁾ Ист. Госуд. Рос.

⁴⁾ Памятники рос. слов. XII в.

что „Слово“ было адресовано къ Юрію Долгорукому) намъ говорить нечего, такъ какъ оно безусловно было устранено вновь найденными списками „Слова“. Повидимому за современность „Слова“ Юрію или вообще XII в. говоритъ выраженіе Даниїла: „не лгалъ бо ми Ростиславъ князь“. Вопросъ сводится, слѣдовательно, къ тому, какъ понимать здѣсь слово „ми“: означаетъ ли эта фраза, что Даниїль передаетъ лично имъ слышанныя отъ князя Ростислава слова, или слово „ми“ имѣетъ здѣсь какое-либо другое значеніе? Безъ всякаго сомнѣнія, „ми“ имѣетъ здѣсь значеніе *dativus ethicus* или такъ называемаго А. А. Потебней дательнаго поэтическаго. Употребленіе въ этомъ значеніи „ти“ придаетъ, по словамъ Буслаева, особенную искренность и наивность разговорнаго начала“. Этотъ дательный, по мнѣнію Потебни¹⁾, „выражаетъ сознание живости, съ какою пѣвецъ или расказчикъ представляетъ себѣ то, о чемъ говорить; интересъ, какой принимаетъ въ этомъ онъ самъ („ми“), или вмѣстѣ съ слушателями (намъ), или какой онъ предполагаетъ во второмъ лицѣ (ти, малорусское тобѣ, вамъ), какъ отраженіе интереса перваго лица“. Какъ примѣры такого дательнаго Потебня приводитъ: „Что ми шумить, что ми звенить рано предъ зорями“ (изъ „Слова о полку Игоревѣ“); „Не лгалъ бо ми (т. е. не „мнѣ“, а „вѣдь“ в. „я знаю“) Ростиславъ князь“ (изъ нашего „Слова Даниїла Заточника“). Такой дательный поэтическій въ „Словѣ Даниїла Заточника“ встрѣчается не разъ; напри- мѣръ: 1) „Княже мой господине! аще *ти* есмь на рати ни хоробръ, но на словесехъ *ти* есмь крѣпокъ“. 2) „Кому *ти* есть Переславль, а мнѣ Гореславль“²⁾. Наконецъ, мы можемъ привести наиболѣе разительный примѣръ изъ „Слова Даниїла Заточника“ (второй редакціи): „Святополкъ и виноватъ будя, избивъ братію, но тако *ти* есть крѣпокъ, едва къ вечеру, рече, силою одолѣ Ярославъ“. Если „ти“ въ этой фразѣ понимать не какъ дательный поэтическій, то Святополкъ окажется современникомъ князя Ярослава Всеволодовича.

Итакъ, мы видимъ, что текстъ самого „Слова“ не даетъ никакихъ основаній признавать его памятникомъ XII вѣка.

Мы выше привели нѣсколько указаній о походахъ князя Ярослава Всеволодовича въ Новгородской землѣ. Въ походахъ этихъ часто участвовали пришедшія съ Ярославомъ переяславскія войска; рядъ походовъ былъ предпринятъ княземъ на Емь, жившую тогда въ южной части нынѣшней Олонецкой губ., и на сосѣдей Еми — Кореловъ, большую часть которой князь даже крестилъ. Этими походами можетъ быть легко объяснимо странное на первый разъ появленіе одного изъ дружинниковъ Ярослава Всеволодовича на озерѣ Лачѣ. Но какая же причина ссылки нашего Даниїла? На этотъ счетъ существуютъ разныя предположенія. Но самый текстъ „Слова“, на который изслѣдователи обратили мало вниманія, даетъ наиболѣе правдоподобный изъ возможныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Вслѣдъ за указаніемъ своего горестнаго положенія въ ссылкѣ, идетъ какъ бы оправданіе автора. Притомъ, я нахожу необходимымъ обратить вниманіе на то, что тонъ этого оправданія самый *положитель-*

¹⁾ „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.“ въ „Филологическихъ Запискахъ“ 1877, в. II, стр. 6 и сл. (есть и отд. оттиски этой статьи). Воронежъ, 1877.

²⁾ Потебня, *op. c.*, 10.

мый, вовсе не похожий на условные отвѣты по поводу совѣтовъ князя: „или ми речеши“.

Вотъ это мѣсто: „Княже, мой господине! аще еси на рати *не велии хоробръ*, но въ словесѣхъ крѣпокъ. Тѣмъ собирай храбрыя и совокупляй смысленія. Луче единъ смысленъ паче десяти безъ ума“... Далѣе идутъ историческіе примѣры: указывается, яко бы Святославъ (язычникъ) въ войнѣ съ греками ободрялъ малочисленную дружину свою словами изъ Второзаконія: „поженеть единъ сто, а сто подвигнетъ тьму“. Повторяя затѣмъ снова, что „умень мужъ не велии бываетъ на рати храбръ, но крѣпокъ въ замыслѣхъ, *да тѣмъ собирати мудрыя*“, Даниилъ настаиваетъ на томъ, что побѣда не всегда бываетъ на сторонѣ силы, что гораздо выше силы стоитъ разумъ: „многажды безнарядіемъ полцы погибають“. Авторъ приводитъ въ примѣръ Святополка (оговариваясь, что Святополкъ безусловно виноватъ въ убійствѣ братьевъ), оказавшагося очень сильнымъ непріателемъ для Ярослава, который одолѣлъ его только къ вечеру.

Изъ этого двукратнаго упоминанія Данииломъ о собственной трусости мы выводимъ, что именно за трусость и постигла его немилость князя. Весьма вѣроятно, что Даниилу запрещено было оставаться при князѣ, и приказано остаться на Лачѣ, подъ началомъ княжескихъ тиуновъ. Послѣднее для него было, повидимому, горше перваго, и Даниилъ молитъ князя явить ему „зракъ лица своего и избавить отъ власти тиуновъ. Преданіе, занесенное въ позднѣйшіе списки „Слова“, говоритъ, что Даниилъ получилъ прощеніе.

Что Заточникъ сосланъ былъ на оз. Лаче „едва ли не за трусость на войнѣ“, предполагалъ еще проф. Голубинскій.

Цѣль нашего реферата, пересмотрѣть снова вопросъ о времени написанія „Слова Даниила Заточника“ и дать на него посильный отвѣтъ, закончена. Наше рѣшеніе этого вопроса устраняетъ всѣ несообразности; при немъ оказываются ненужными произвольныя, ни на чемъ не основанныя предположенія о написаніи „Слова“ къ Андрею Владимировичу, потомъ Ростиславу Юрьевичу, какъ думалъ г. Безсоновъ и другіе.

Мы не будемъ однако вступать въ полемику ни съ представителями этого взгляда, ни съ г. Модестовымъ, мнѣніе котораго объ отсутствіи исторической основы „Моленія“ стоитъ одиноко. Его аргументація слишкомъ слаба, въ родѣ положеній, что еслибы Даниилъ былъ лицомъ историческимъ, то его „Слово“ не передѣлывалось бы. Но мы имѣемъ передѣлки словъ даже такого уважаемаго автора и несомнѣнно существовавшаго лица, какъ Кирилль Туровскій. Притомъ при памяти предположенія г. Модестова о чисто-литературной формѣ „Моленія Д. З.“, послѣднее является памятникомъ исключительнымъ въ древней Руси. Приписать свое или передѣланное слово Іоанну Златоустому или какому-либо другому авторитетному писателю, было на Руси явленіемъ обычнымъ; равно какъ возможно было созданіе тенденціознаго произведенія и приписаніе его перу почитаемыхъ святителей (напр. „Бесѣда Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ“). Но воспользоваться литературною формою для вымышленнаго происшествія и приписать собственное сочиненіе *неизвѣстному и неавторитетному лицу*, — такое явленіе было исключительнымъ и едва ли возможнымъ.

Наконецъ, я упомяну о попыткѣ новаго выясненія вопроса о Даніилѣ Заточникѣ, сдѣланной г. Щуратомъ въ IX т. „Записокъ научоваго товариства імени Шевченко“ (1896 г.). Признавая слабой аргументацію г. Модестова, г. Щурать однако согласенъ съ его отрицаніемъ историческаго существованія Даніила. Центръ статьи — сравненіе „Слова Д. З.“ съ просительными поэмами Михаила Глики, хрониста XII в., и его современника Ѳедора Птохопродрома. Разборъ этихъ сравненій завелъ бы насъ очень далеко. Мы отмѣтимъ здѣсь только то, что Ѳедоръ Птохопродромъ привлеченъ для сравненія совсѣмъ напрасно: сходства у него съ „Моленіемъ“ нѣтъ никакого. Что касается сравненій нашего памятника съ Михаиломъ Гликой, то нѣкоторое сходство между ними есть. Однако, при констатированіи его необходимо быть осторожнымъ. Приведу два-три примѣра: начало „Слова“ („вострубимъ, братіе“ и т. д.) напоминаетъ одно мѣсто у М. Глики; но мы должны помнить, что оно навѣяно псалмами. Таково же мѣсто, гдѣ Даніилъ жалуется на свое одиночество, оставленіе друзьями: и у Заточника, и подобное мѣсто у Глики явилось опять-таки подъ вліяніемъ Псалтири. Совпадаютъ, наконецъ, 2—3 пословицы; но и тутъ вѣроятіе всего, что у обоихъ произведеній былъ одинъ источникъ: пословицы сочинять очень трудно, и М. Глика взялъ ихъ или изъ устъ народа или изъ гномическихъ сборниковъ.

Наиболѣе невѣроятнымъ кажется намъ допустить вліяніе М. Глики на Даніила, потому что поэмы перваго, появившись во *второй половинѣ XII в.*, едва ли могли пріобрѣсти такую популярность, чтобы сдѣлаться извѣстными на Руси къ началу XIII в., къ которому мы относимъ написаніе „Сл. Д. З.“ Г. Щурать, требовавшій у Миллера и Шляпкина не одного только голаго указанія на сходные съ „Моленіемъ“ памятники западно-европейскіе, но и доказательствъ, „былъ ли какой-либо изъ этихъ памятниковъ извѣстенъ на Руси“, не пытался, да и не могъ дать доказательствъ извѣстности у насъ поэмъ М. Глики не только въ XIII в., но и вообще, даже въ позднѣйшее время.

Итакъ, нашъ выводъ тотъ, что „Слово Д. З.“ написано, по всей вѣроятности, въ двадцатыхъ годахъ XIII в. дружинникомъ князя Ярослава Всеволодовича Даніиломъ, сосланнымъ на озеро Лаче за трусость на войнѣ.

Апокрифическое житіе Ап. Петра.

В. Н. Мочульскій.

Въ бібліотекѣ Загребской академіи, въ рукописномъ сборникѣ сербскаго письма встрѣтилась мнѣ статья, которая по своему содержанію представляетъ родъ краткаго апокрифическаго житія Ап. Петра. Статья эта находится въ сборникѣ XVI в. подъ № III. а. 10 на лл. 45—49 и носитъ слѣдующее заглавіе: „Глаго стаго апла петра какъ жить по възнесенію гдѣмь“. Это краткое апокрифическое житіе весьма интересно, какъ по своему отношенію къ существующимъ апокрифическимъ житіямъ Ап. Петра, такъ и само по себѣ — по своимъ оригинальнымъ вставкамъ и прибавкамъ. Въ виду того, что этотъ интересный памятникъ нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, не изданъ, я и счелъ полезнымъ опубликовать самый текстъ, представивъ при этомъ посильныя объясненія.

Содержаніе этого житія слѣдующее:

По Вознесеніи Господнемъ Ап. Петръ пошелъ въ пустыню и сказалъ: я согрѣшилъ предъ Господомъ и не долженъ быть въ мірѣ и, отправившись, нашелъ пещеру (вертепъ), гдѣ росъ семилѣтній финикъ. И удивился Апостоль и сказалъ: великое чудо я вижу: всякій финикъ послѣ 40 лѣтъ рождаетъ плодъ, здѣсь же нахожу семилѣтній финикъ, дающій плодъ. И поселился здѣсь Ап. Петръ и прожилъ шесть мѣсяцевъ. И сошелъ Господь (съ неба) и, принявъ образъ ловца, явился къ Ап. Петру и сказалъ ему: миръ тебѣ, отче, на что Апостоль отвѣтилъ тѣмъ же привѣтствіемъ. Послѣ этого ловець спросилъ его, нѣтъ ли у него чего-либо съѣдобнаго? Ап. Петръ отвѣтилъ: Господь мой приказалъ — ничего съ собой не носить, вотъ почему онъ ничего и не имѣетъ. На вопросъ ловца, кто такой учитель, который такъ его училъ, Ап. Петръ съ плачемъ отвѣтилъ, что его зовутъ Исусъ Христосъ Назарянинъ, и что онъ мертвыхъ воскресилъ, прокаженныхъ очистилъ и многихъ бѣсноватыхъ исцѣлилъ, и что его продали фарисеи и распяли и погребли, а онъ на третій день воскресъ, а потомъ взошелъ на небеса. Я же согрѣшилъ предъ нимъ, вотъ почему и нахожусь нынѣ въ пустынѣ. Тогда ловець сказалъ: если ты былъ ученикомъ такого учителя, то иди въ Римъ и проповѣдуй о немъ міру: я только что услышалъ о немъ, и мое сердце привязалось къ нему. На вопросъ Петра, гдѣ найти корабль, который могъ бы перевезть его въ Римъ, ловець сказалъ: иди утромъ къ морю и тамъ всегда стоятъ

корабли. И сошелъ Петръ къ морю и увидѣлъ плавающій корабль, и, подзавъ къ себѣ, увидалъ въ немъ двухъ мужей и молодого отрока. Правителемъ корабля былъ архангелъ Михаиль, кормчимъ — архангелъ Гаврииль, а отрокъ — былъ самъ Иисусъ Христосъ. Петръ обратился къ нимъ съ просьбой — перевезть его въ Римъ. На это правитель корабля спросилъ его, что онъ дастъ имъ въ уплату за провозъ. Ап. Петръ отвѣтилъ: учитель мой приказалъ — не носить съ собою ни куска хлѣба. Правитель корабля сказалъ: будь намъ другомъ; когда же будешь въ Римѣ и что-либо добудешь, дашь и намъ. Ап. Петръ согласился и взошелъ на корабль. Здѣсь на кораблѣ начали его спрашивать объ учителѣ, о которомъ онъ только что упомянулъ. Ап. Петръ рассказалъ имъ, что этотъ учитель — есть Иисусъ Христосъ, родившійся отъ Дѣвы Маріи въ Вифлеемѣ Іудейскомъ; онъ воскрешалъ мертвыхъ и многія чудеса совершилъ на земли; что его предалъ невѣрный ученикъ, а затѣмъ его распяли и погребли, а онъ въ 3-й день воскресъ изъ мертвыхъ. Послѣ этого кормчій сказалъ: если ты ученикъ такого учителя, почему ты пошелъ въ пустыню. Петръ съ плачемъ отвѣтилъ: согрѣшилъ Господу моему, ибо онъ меня училъ, а я отрекся отъ него. Кормчій сказалъ: великія чудеса рассказываешь ты о своемъ учителѣ, а именно: что ученикъ предалъ его, а ты отвергся отъ него. На это Петръ не отвѣтилъ ничего. Тогда возмутилось море, и поднялись великія волны, такъ что угрожали потопленіемъ кораблю. Петръ, видя это, сказалъ: ради меня вы погибаете, а потому вверзите меня въ море, да не погибнете изъ-за меня. Старѣйшина корабля сказалъ: отче, стань на молитву къ Богу твоему и, если услышишь тебя Богъ твой и мы увѣруемъ въ него. Петръ сталъ на молитву и море успокоилось. Старѣйшина сказалъ: воистину великъ Богъ твой, отче, и я увѣровалъ въ него. Петръ крестилъ архангела и далъ ему имя Содержитель. И затѣмъ сказалъ Петръ Содержителю: крести меня, такъ какъ я не крещенъ, и назови меня Петръ, ибо мое другое имя Симонъ. Архангелъ крестилъ Петра и, нарекъ ему имя, сказалъ: отче, проповѣдуй о немъ (о Христѣ), да увѣришь міръ и благодать отъ него (отъ Господа) приимешь. Петръ же не зналъ, кто такіе были въ кораблѣ. Архангелъ сказалъ: отче, если ты такъ увѣрилъ меня, купи у меня этого отрока, который, при старости твоей, послужитъ тебѣ. Отрокъ сказалъ: отче, купи меня, ибо ты дорогъ мнѣ, и я хотѣлъ бы быть съ тобою. Петръ сказалъ: я радъ былъ бы имѣть отрока, но не имѣю чего дать (чѣмъ заплатить). Кормчій отвѣтилъ: мы подождемъ до тѣхъ поръ, пока не соберешь. И продалъ Христа Петру за 12 златиць. Выйдя изъ корабля, Петръ съ отрокомъ сѣлъ предъ Римомъ. И сказалъ отрокъ: отче, уловлю тебѣ рыбы. Петръ согласился. Отрокъ забросилъ удицу въ море и, когда извлекъ одну рыбу изъ воды, другія рыбы сами начали выпрыгивать на сухую землю. Отрокъ сказалъ: видишь, отче, какъ рыбы прыгаютъ тебя ради. Петръ не зналъ, кто былъ ловець рыбъ. Одинъ изъ знатныхъ мужей, по имени Каравистъ, проходя мимо и видя отрока, ловящаго рыбу, сказалъ Петру: продай мнѣ отрока и я дамъ тебѣ 24 таланта. Отрокъ также началъ просить: продай, отче, меня и возьми таланты и отдай 12 златиць тому, кому долженъ, а 12 златиць останется тебѣ. Петръ продалъ Христа Карависту. Каравистъ же взялъ отрока въ домъ свой. Въ ту же ночь Каравистъ съ же-

ною видѣли одинъ и тотъ же сонъ и, воспрянувъ ото сна со страхомъ, стали разсказывать другъ другу одинъ и тотъ же сонъ: будто отрокъ лежитъ въ огненномъ пламени и огненная лѣствица стояла отъ земли до небесъ и ангелы служили отроку тому. И возсталъ Каравистъ съ женою своею и поклонился отроку и сказалъ: Господи, ты дай намъ законъ, другого учителя кромѣ тебя мы не имѣемъ, и желасмъ держаться твоего закона. И собралъ Каравистъ весь городъ свой и крестилъ Христосъ 12 тысячъ. Въ это время передали отроку, что Петра распинаютъ стремглавъ, и отверзъ ему Христосъ сердечныя очи, и узналъ Петръ Христа и воскликнулъ Петръ гласомъ велиимъ: о Господи, не достаточно ли, что я отвергся отъ тебя, но и кромѣ того — продалъ тебя Карависту. Христосъ принялъ душу Петрову. Этимъ и заканчивается нашъ памятникъ.

Апостольскія дѣянiя разсказываютъ о Петрѣ (12, 17), что онъ, послѣ чудеснаго освобожденiя изъ оковъ темницы въ Иерусалимѣ, куда заключилъ его царь Иродъ, вышелъ и отправился въ другое мѣсто (*ἔξῆζθῶν ἐπορεύθη εἰς ἕτερον τόπον*). Однако жъ изъ дальнѣйшаго нисколько не явствуется, чтобы это другое мѣсто былъ Римъ. Далѣе церковная традицiя объ Апостолѣ Петрѣ разбивается на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна, согласно съ показанiями 1-го посланiя (1 Петр. 1, 1), говоритъ о его путешествiи въ понтiйскiя страны, находящiяся при Черномъ морѣ, и въ Вавилонъ; а другая вѣтвь (согласно съ символическимъ значенiемъ) говоритъ о его путешествiи на Западъ въ Римъ (1 Петр. 5, 13)¹). Итакъ существуетъ двойкая легенда объ Апостолѣ Петрѣ. Первая указываетъ на страны при Черномъ морѣ, другая — на Римъ, какъ главные пункты миссионерской дѣятельности Ап. Петра.

Понтiйская легенда объ Ап. Петрѣ, по словамъ Липсиуса, очень древняя (R. Lipsius. Die Apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden B. 1, s. 27).

По апокрифическимъ „дѣянiямъ Петра и Андрея“ онъ пошелъ съ своимъ братомъ въ страну варваровъ; но мы первоначально должны были бы указать на „*περίοδοι Ἀνδρέου*“, гдѣ гораздо раньше говорится о его путешествiи и дѣянiяхъ на Понтѣ и Босфорскомъ царствѣ. Напротивъ того извѣстiе о его дѣятельности въ Вавилонѣ рано было перенесено на его тезку Симона Кананита, который вмѣстѣ съ Симономъ Петромъ также подвизался въ Босфорiйскомъ царствѣ и даже въ Британiи.

Въ апокрифическихъ „дѣянiяхъ Ап. Андрея и Матѳея“ говорится, что Матѳеи пошелъ въ городъ людоедовъ, которые всѣхъ, попавшихся въ ихъ руки, ослѣпляли и посредствомъ чародѣйнаго напитка отнимали разумъ съ тѣмъ, чтобы черезъ 30 дней пожрать. Ап. Матѳеи былъ схваченъ, ослѣпленъ и вверженъ въ темницу. Здѣсь онъ обратился съ молитвой ко Христу. Христосъ явился ему и обѣщалъ послать Ап. Андрея для его спасенiя. Тогда является Христосъ Андрею и убѣждаетъ его идти въ землю людоедовъ. Андрей сначала колеблется, но потомъ, вслѣдствiе настаиванiй Христа, соглашается, и отправляется съ своими учениками къ морскому берегу. Здѣсь онъ нашелъ малый корабль, въ которомъ кормчимъ былъ самъ Христосъ, а помощниками — два ангела въ человѣческомъ образѣ. Андрей ихъ не узналъ. Спра-

¹) См. въ концѣ — стр. 29 (25).

вившись о томъ, что корабль идетъ въ страну людоедовъ, онъ просить ихъ принять на корабль, хотя при этомъ признается, что они не имѣютъ ни денегъ на проѣздъ, ни провіанта. Когда же Апостоль объявилъ, что они прибыли къ кораблю по приказанію Христа, они тотчасъ были приняты на корабль и накормлены. Здѣсь же въ „*дѣяніяхъ Андрея и Матѳея*“ упоминается случайно также Ап. Петръ. По приказанію Андрея Матѳея съ учениками Андрея похищается облакомъ и переносится на гору, гдѣ находится Ап. Петръ (Ibid, V. I. Ss. 550—553).

Продолженіемъ „*дѣяній Андрея и Матѳея*“ служатъ „*дѣянія Петра и Андрея*“, которыя существуютъ на греческомъ языкѣ лишь въ отрывкахъ. Кромѣ того эти послѣднія дѣянія существуютъ въ обработкѣ также на еоіопскомъ языкѣ. Въ этихъ „*дѣяніяхъ Петра и Андрея*“ говорится, что Ап. Андрей — послѣ того, какъ оставилъ городъ людоедовъ — былъ восхищенъ свѣтлымъ облакомъ и перенесенъ на гору, гдѣ находились Петръ, Матѳея и Александръ. Послѣ привѣтствія Ап. Андрей началъ рассказывать о страданіяхъ, вынесенныхъ имъ въ городѣ людоедовъ. Но вотъ является Христосъ въ образѣ отрока, привѣтствуетъ Петра, какъ главнаго епископа своей церкви, потомъ Андрея и приказываетъ имъ идти въ городъ варваровъ (Ibid. s. 554).

Легенда о дѣятельности Петра и его брата Андрея въ странахъ при Черномъ морѣ, на Понтѣ, въ Каппадокіи и Виѳиніи, очень древнія. Что эта дѣятельность на Понтѣ касается главнымъ образомъ Петра, видно изъ 1-го посланія Ап. Петра, гдѣ указывается на христіанскіе округа (общины) на Понтѣ, въ Галатіи, Каппадокіи, Азіи и Виѳиніи. На древность этой легенды указываютъ слова Оригена въ III т. его комментаріевъ на кн. Бытія, гдѣ онъ говоритъ: „Петръ, кажется, проповѣдывалъ въ Понтѣ, Галатіи, Виѳиніи, Каппадокіи и Азіи Іудеямъ“ (Ibid., 2 B. 1, s. 5).

Католическія „*πράξεις Ἀνδρέου*“, которыя упоминаются у Епифанія Монаха, а также у неизвѣстнаго — Енокіаста и въ *ἰλόμνημα* Греческихъ Миней, говорятъ, что оба брата по вознесеніи Христа на небо отправились изъ Іерусалима въ Антиохію въ Сиріи, откуда въ Тіану въ Каппадокіи, потомъ въ Анкиру въ Галатіи, гдѣ они обратили въ христіанство Онисима, наконецъ въ Синопъ на Понтѣ. Мѣстная традиція Синопская на Понтѣ говоритъ о продолжительной дѣятельности братьевъ здѣсь и указываетъ гору на пустынномъ островѣ въ шести миляхъ отъ города, гдѣ они имѣли пребываніе, а также указываетъ здѣсь на сидѣніе обоихъ Апостоловъ, сдѣланное изъ бѣлаго камня (Ibid., 2 B. s. 5).

Сказанія, перешедшія въ католическія „*πράξεις Ἀνδρέου*“ говорятъ о сильной борьбѣ Апостоловъ съ малоазіатскими Іудеями, которые отождествляются здѣсь съ людоедами; кромѣ того говорятъ далѣе о пребываніи обоихъ братьевъ въ Синопѣ и, наконецъ, о томъ, что Петръ отсюда пошелъ на Западъ, а Андрей — на Востокъ. Впрочемъ здѣсь понтійская легенда соединяется уже съ римской. Римская легенда о Петрѣ существовала совершенно независимо отъ понтійской и встрѣчается весьма рано у Евѳонитовъ, Гностиковъ и Католиковъ въ первоначальномъ видѣ — въ связи съ легендой о Симонѣ Магѣ, какъ продолженіе борьбы Ап. Петра съ своимъ двойникомъ, начавшейся въ Кесаріи, Финикіи и Антиохіи. Впрочемъ, по словамъ Ли-

сіуса, понтійская сага древнѣе, вѣроятно, гностическихъ *περίοδοι Ἀνδρέου* и католическихъ *πράξεις Πέτρον* (Ibid., В. 1. s. 27). Католическія „*πράξεις Ἀνδρέου*“, по словамъ Липсіуса, относятся по своему происхожденію къ концу VIII вѣка. Главнымъ источникомъ для нихъ послужили гностическіе „*περίοδοι Ἀνδρέου*“, которые доходятъ до 2-й половины II вѣка. Какъ источникъ послѣднихъ мы имѣемъ древнюю легенду, которая обоихъ братьевъ — Петра и Андрея — помѣщаетъ въ прибрежныхъ городахъ Чернаго моря для обращенія широко распространеннаго здѣсь Иудейства (Ibid. 2 В. 1. s. 7). Столѣтіемъ раньше, чѣмъ возникли католическія „*πράξεις Ἀνδρέου*“, появляется: „*ῥμιζία εἰς τοὺς ἁγίους Πέτρον καὶ Παῦλον*“ — Патриарха Софронія Иерусалимскаго († 638). Греческій текстъ не изданъ. Но за то мы имѣемъ фрагментъ подъ заглавіемъ: „*Sophronii Patriarchae Hierosolymitani de laboribus certaminibus et peregrinationibus Ss. Petri et Pauli* — въ латинскомъ переводѣ (Bibliotheca Patrum ed. de la Bigne. Paris 1589. Т. VII, col. 153 sq.). Этотъ фрагментъ находится въ связи, по всей вѣроятности, съ какой-либо гомилией. Онъ даетъ полную біографію Петра до его мученической смерти въ Римѣ. Вначалѣ сообщаются свѣдѣнія о родителяхъ, а затѣмъ исторія дѣтства братьевъ-Апостоловъ, что также воспроизводится въ вышеупомянутыхъ „*πράξεις Ἀνδρέου*“, а также въ „*ὑπόμνημα*“, и въ греческой Миней и Менологіумѣ подъ 29 іюня (Menæon. Venedig. 1683. s. piz!) Менологіи Василя Македонянина у Миня: Patr. gr. 117, 513; III. 145 Albani (Ibid. 2 В. 1. s. 7). По этой біографіи Петръ приходитъ въ Римъ и здѣсь вмѣстѣ съ Павломъ терпитъ мученическую смерть въ 13-й годъ царствованія Нерона.

Большая часть Софронія повторяется въ болѣе точномъ видѣ въ *ὑπόμνημα*, которыя ложно приписываются Симеону Метафрасту (Нап. въ Acta Ss. Jun. Т. V. р. 411—424). Здѣсь, между прочимъ, говорится о путешествіи Ап. Петра въ Антиохію, Таренсъ, Андриану въ Ликіи, Ефесъ, Смирну, потомъ въ Македонію и Грецію, гдѣ главными пунктами миссіи были Филиппи, Фессалоники, Коринѣ и Патра; наконецъ черезъ Сицилію въ Римъ. Въ посѣщеніи Патры видно подражаніе путешествіямъ Павла, что впослѣдствіи въ позднѣйшихъ преданіяхъ образовало мостъ между понтійской и римской легендой о Петрѣ. Ближайшее соединеніе понтійской легенды съ римской замѣчается, какъ мы упомянули выше, въ сказаніяхъ, вошедшихъ въ католическія „*πράξεις Ἀνδρέου*“, гдѣ, между прочимъ, говорится уже, что изъ Синопа Ап. Петръ пошелъ на Западъ, а Андрей — на Востокъ.

Здѣсь также разсказывается о томъ, что каждый праздникъ Троицы Апостолы сходились въ Иерусалимъ. Въ одинъ изъ такихъ праздниковъ Ап. Петръ и Андрей встрѣтились въ Иерусалимѣ съ другими Апостолами и потомъ путешествовали вмѣстѣ съ Іоанномъ, Варооломеемъ и обоими Филиппами — въ Антиохію въ Сиріи, гдѣ Петръ отсталъ и вмѣстѣ съ Ап. Павломъ рукоположилъ Маркіана и Панкратія епископами Сициліи (Ibid. 2 В. 1, s. 5).

Встрѣча Петра съ Павломъ въ Антиохіи, о чемъ говорится въ посланіи къ Галатамъ (2, 11), относится уже къ тому времени, когда Петръ былъ на Западѣ, т.-е. въ Римѣ и Италіи, и заботился объ устроеніи церкви христіанской на Западѣ.

Изъ позднѣйшей контаминаціи Понтійской и Римской легенды о Петрѣ выяс-

няется также то странное обстоятельство, что послѣ вторичнаго путешествія Апостоловъ въ Иерусалимъ на праздникъ Троицы вмѣсто отошедшаго на Западъ Симона Петра тотчасъ является Симонъ Кананитъ, который въ сопровожденіи Ап. Андрея подвизается затѣмъ снова въ странахъ на Черномъ морѣ у Алановъ, Абасговъ и въ Севастополѣ (Ibid. 2 В. 1, с. 6).

Что касается спеціально римской легенды о Петрѣ, то Липсіусъ въ своемъ сочиненіи: „Die Quellen der römischen Petrussage“, ss. 1—12 (въ *Jahrbüchern für protestantische Theologie*, 1876, s. 579 ff. 588 ff.) указалъ, что легенда о римскомъ пребываніи Петра и его тамошней мученической кончинѣ уже со II вѣка существуетъ въ двойномъ видѣ: 1) по одной — Петръ и Павелъ соединяются мирно въ общей дѣятельности и общей смерти въ Римѣ; они вмѣстѣ прибыли въ Римъ, вмѣстѣ основали римскую церковь и вмѣстѣ потерпѣли здѣсь мученіе; по другому сказанію — Ап. Петръ отправляется въ Римъ для того, чтобы бороться съ своимъ двойникомъ и противникомъ — Симономъ Магомъ, подъ маской котораго скрывается никто иной, какъ Ап. Павелъ, и чтобы въ немъ обличить ложнаго апостола и обманщика. Тотъ-же Липсіусъ старался доказать, что послѣдній видъ легенды есть первоначальный, изъ которой впоследствии уже образовался первый видъ и образовался въ интересахъ католической церкви, дѣйствовавшей въ языческихъ предѣлахъ.

Свидѣтельства объ обоихъ видахъ римской легенды относятся къ срединѣ IV вѣка. Обращаясь послѣ сказаннаго къ нашему житію, мы прежде всего замѣчаемъ въ немъ нѣкотораго рода контаминацію двухъ легендъ — понтійской и римской. Такъ въ началѣ нашего житія говорится о томъ, что Петръ пошелъ въ пустыню и поселился въ пещерѣ (вертепѣ). Это нѣсколько напоминаетъ мѣстную Синопскую легенду, въ которой говорится, что Петръ поселился на горѣ, на пустынномъ островѣ. Затѣмъ въ житіи идутъ общіе мотивы о томъ, 1) какъ Петру является Христосъ въ видѣ ловца и убѣждаетъ его идти въ Римъ для проповѣди, и 2) какъ Петръ отправляется къ морскому берегу, гдѣ находитъ корабль, а въ немъ Христа и двухъ ангеловъ, которыхъ Петръ не узнаетъ. Эти общіе мотивы встрѣчаются, какъ въ „дѣяніяхъ Ап. Андрея и Матѳея“, такъ и въ „дѣяніяхъ Ап. Петра и Андрея“, съ тѣмъ однако различіемъ, что въ указанныхъ „дѣяніяхъ“ кормчимъ является самъ Христосъ, тогда какъ въ разсматриваемомъ житіи онъ является въ видѣ отрока, котораго впоследствии архангелъ продаетъ Петру.

Что касается чуда, которое сотворилъ мнимый отрокъ, при чемъ вслѣдъ за пойманной рыбой начали сами выпрыгивать рыбы изъ моря на сухую землю, то оно представляется довольно оригинальнымъ. Въ апокрифическомъ „*Дѣтствѣ Христа*“ и въ *de Nativitate Mariae*, среди прочихъ чудесъ Христа мы находимъ чудо оживленія засушенной рыбы (см. Миша, *Dictionnairees des Apocryph*, t. I, p. 1078 и 1148), но подобнаго нашему мы здѣсь не встрѣчаемъ. Сонъ Карависта есть также общій библейскій мотивъ. Для рѣшенія вопроса, когда возникъ нашъ памятникъ, мы не находимъ въ самомъ памятникѣ никакихъ данныхъ. Косвеннымъ показателемъ, впрочемъ, можетъ служить индексъ отреченныхъ книгъ. Такъ въ древнемъ текстѣ этой статьи, найденномъ А. Н. Пыпинымъ въ Погодинскомъ Номоканонѣ XIV в.

подъ № 31, на лл. 186—189, упоминается уже наше: „Житие апла Петра что рыбы по соуху ходили. Дѣтство Хво, что Га ѓтрочатемъ продавалъ еретикъ писалъ“ (См. Изслѣдованія для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ. Лѣт. занятій Археографической Коммисіи 1861, В. 1, стр. 25—26). По словамъ А. Н. Пыпина — эта статья о ложныхъ книгахъ представляетъ самую древнюю редакцію, какая только была до сихъ поръ отыскана. Кромѣ того, по словамъ того же А. Н. Пыпина, въ данномъ спискѣ запрещенныхъ книгъ мы находимъ крайне любопытный текстъ, въ которомъ мы въ первый разъ встрѣчаемъ и самую рамку нашего позднѣйшаго индекса (Ibid. стр. 25). „Когда нашъ грамотникъ, говоритъ далѣе А. Н. Пыпинъ, хотѣлъ ближе обозначить книгу, упомянутую указателемъ и знакомую ему въ славянскомъ переводѣ, онъ приводилъ въ двухъ словахъ что-нибудь изъ ея содержанія, что особенно обращало на себя его вниманіе, напр. *хоженіе Петрово, что Христа отрочатемъ продавалъ и что рыбы по суку ходили*“ (Ibid. стр. 28). Итакъ нашъ памятникъ существовалъ уже въ XIV в., а возникнуть могъ нѣсколько и ранѣе. Что касается языка памятника, то и здѣсь, къ сожалѣнію, мы не находимъ точныхъ данныхъ для вѣрнаго опредѣленія времени и мѣста его происхожденія. Одно лишь можемъ сказать, что памятникъ нашъ, возникши на почвѣ церковно-славянскаго языка, попалъ въ руки сербскаго книжника, который нѣсколько передѣлалъ его, придавъ ему сербскую окраску.

Приложеніе.

Изъ сборника Загребской Академіи, XVI в. подъ № III. а. 10.

Л. 45. Слово ста́ апла петра какѡ жѣтъ по възнесенію гснмь.

По възнесенію га́ нашего ісѹ хѡ петръ вниѣ къ поустинноу и рѣ азъ съгрѣши гдѣмь ѹесо раи азъ въ мирѣ іесамъ шѣ и ѡвръте вьртопъ и приде вьртопъ. Финикъ ѡ. лѣнь гѣ ражають и поуѡнсе и рѣ. велне уоѡо вниѣхъ вьсакн финикъ сатворнвѣе. ѡ. лѣ ржають и поѡдъ творить. зѣ вижоу. ѡ. лѣтанъ финикъ ража и рѣ зѣ боѡдоу азъ и тоу и жикѣ ѡ финице мѣъ .ѡ. и саниде гѣ іакѡ іеннъ локѣъ сѣтворнсе приѣ ка петроу и рѣ ка емоу (Л. 45 об.) миръ тебъ ѡѣе. ѡнъ же такоже ѡвща къ немоу. ѡѣе ловаць рѣ къ немоу. ѡѣе ели уто снѣдно. петаръ рѣ. не рѣ мнѣ гѣ мон носити съ собо́ ни уто того раи сико ходимъ. ловаць рѣ кто ти бѣ оуѡнтель иже тако и тебъ оуѡаше петръ с плаѡемъ рѣ ісѹ хѣ назариннъ иже мртвнѣ вьскрѣси прокажени ѡѡнсти и многи бесни прогна того пра́ше фарісен и распеше и и́грекоше и вьскрѣ. гѣ. днѣ възнде на нѣса азъ съгрѣшиъ іемоу того раи іесамъ въ поѡстинноу. сен ловаць рѣ еѡ ѡѣе такоѡз оуѡнтелѣ зуѣннѣ вилъ іен ѡнъ въ римъ и проповѣдан ѡ немъ мироу азъ днѣ сншахомъ ѡ немъ и срѣе (Л. 46) мое ѡ неге не ѡлюѡнсе. петръ рѣ ѡ вратѣ гѣ ѡврѣсесе корабъ да прѣвѣземъсе въ римъ. ловаць рѣ ѡѣе сѣиѡн на ѣро на мѡре вьсега корабн ѡвретаютсе и сѣиѣ петръ на мори и внѣ корабъ плакаѡщи и призка ѡ. и внѣ. бѣ. моѡжа и ѡтроѡе млаѡ старешнна корабѡѣ вьше архѣглъ миѡханлъ. крнимтѣлъ корабѡѣ вьше архѣглъ гѣрнлъ. ѡтроѡе веше ісѹ хѣ. петръ рѣ братнѣ прѣвѣзете

мене страна въ римь старешинна коракоу рѣ что хоцеша намь дати. петрь рѣ оуунтель мон глѣше не носити ни комада хлеба. стрешинна коракоу рѣ боуи намь дръжань еа како въ римоу двѣздеша намь дадаси. петрь рѣ боуи по глѣз твоемоу. да ега кинде петрь въ корабь и зпроси и рѣ како ие оуунтель твои еже тако и глѣши ѿ немь. петрь рѣ ису хъ ронсе ѿ деви марне въ витлѣоме ноуенсцемь таи мртавне въскри. и многне по земан билегн сътвори того прѣда некерни оууеникъ и распеше и погребеше и въскрѣ трѣхн дань и крьмитель рѣ къ петроу ега такоаго оуунтела зуеникъ билъ еси поуто тако и пошль. петрь съ плауемь рѣ съгрѣшихъ гѣи моиемоу понеже ѿнь мене оууаше азъ же того ѿврьгохсе, (Л. 47.) крьмитель рѣ. велико уѣо саншоу ѿе еже глѣши ѿ оуунтелоу твоиемоу на како оууеникъ прѣдсть иего а ти ѿврьжесе ѿ него. петрь не ѿкѣца ниуто. тога море възмоутисе велики придоше казин ко да потонеть корабь же петрь рѣе мене ра сико погнѣнете на кризите мене въ море. да ви мене ради не потонете. старешинна кораба рѣ ѿе стани на мѣтве къ боу твоиемоу. да аще саншають тебѣ бѣ ни вероуиемь вънь. петрь ста на мѣтве. тога оутиша море. старешинна рѣ къ истинно великъ бѣ твои ѿе да како и оукерниши мене. петрь архггла крти иего и наре нме иемоу съдръжитель (Л. 47 об.) и пакн петрь рѣ съдръжителоу крьсти мене понеже не крьшенъ иеамь азъ и нариц нме мое петрь понеже нме мое ие сѣмонь такоже архггла крти петра и наре нме иемоу ѿе проповѣдан ѿ немь да оукернишь миръ и благодеть ѿ него примниши. не ведеше бо петарь тко соутъ въ корабли арханггль (рѣ). ѿе ега сико оукериль иеси ме. коупи ми сие ѿтроуе иеже ие оу насъ. понеже старь иеси да ти послоужитъ. ѿроуе рѣ. ѿе коупи мене. понеже драгъ ми иеси да коуоу с тобомь. петрь рѣ велико ра вихъ уеденоу но не имамь уесо дати. крьмитель рѣ ами да те уеканиѿ доиже собереша и продасте ха петроу за. кѣ. златиць нзышадъ петрь нзы кораба съ ѿтроуетемь и седе прѣ римѿ ѿтроуе рѣ ѿе оулѿвоу ти рибѣ. петрь рѣ оулѿоки ми уѣо ѿтроуе крьже оуицоу къ море и еа рибоу нзыврьже тога дроугниѣ рибн саме на сзхо нзыскахоу ѿтроуе глѣше ѿѣе кинши ли како рибн скауз тебе рѣн. петрь не ведеше ловни рибн кто ие иениъ ѿ велики моужь минноу нме иемъ каравнисть и кне ѿтроуе ловеше и рѣ къ петроу. продан ми ѿтроуе сие дамь тебѣ таланатъ. кѣ. и рѣ ѿтроуе продан мене ѿе и възми таланте и дажъ ге еси доуужанъ. кѣ. златиць. тѣбѣ. кѣ. ѿстанеть. петрь проасть ха каравнистоу. каравнисть ѿтроуе кеѣ въ домь свои и въ ноци (Л. 48 об.) кне (к)аравнисть съ женою своею ениъ сань и въспрѣноу стасе ѿба съ страхомь дроугъ дроугоу поведаше ениъ сань. ѿтроуе лежалше въ пламенъ ѿганемоу и ѿгниа лествица стокаше ѿ земле до нбъ и аггли слоужеть ѿтроуе тоу и вьста (к)аравнисть съ женою своею и поклоньстасе ѿтроуетоу рѣста. гѣ ти дан намь законъ нного зунтела не имамѿ разке тебѣ. твои законъ хоцѣ дрожатн и сабра каравнисть въсь градъ свои и крти хъ. кѣ. тицишь. тога поведаше ѿтроуе тоу гдѣ распинають петра стрмоглабъ и ѿврьже иемоу хъ сѣлуни ѿн и позна петрь ха и кличе петрь гломь великинемь ѿ гѣ не доста ли что ѿврьгохсе тебѣ на и пакн продахо тебѣ (к)аравнисть. хъ прнетъ дхо петровъ. боу же нише сла въ ке.

Въ статьѣ: „Сѣго Епифаніа епкпа кѣпръскаго. ѿ стѣхъ аплѣхъ. гдѣ кждо нхъ проповѣда. и како и гдѣ сконушѣ. и стѣа нхъ тѣлеса, гдѣ и къ коемь мѣсть лежѣтъ“ (по Вѣвской р-си XVII в. подъ № 6, на Л. 1) объ Апостолѣ Петрѣ читаемъ слѣдующее: „Сѣмонь петръ врѣховный аплѣмъ иже каззе въ свой послани проповѣда въ понть. и въ Галатин. въ каппадокин. и въ вѣоннин и италин. и въ ассин. и къ илриць. послѣже въ римь. при неронѣ црѣ. и распѣ бѣ стрѣмоглабъ. самомоу нзколошу тако змрѣти. и погребень бысть къ тожде римѣ“.

Русскій городъ Рига въ половинѣ XVII в.

А. Маркевича.

Извѣстно, что большіе города, съ развитою цивилизаціей, производятъ очень сильное впечатлѣніе на знакомящихся съ ними жителей менѣе культурныхъ странъ, которые иногда выражаютъ свои чувства даже въ наименованіи какихъ-либо родныхъ или новыхъ мѣстностей названіемъ поразившихъ ихъ городовъ; этимъ отчасти объясняется повторяемость на земномъ шарѣ именъ: Лондонъ, Парижъ, Петербургъ, Римъ, даже Одесса, а вѣроятно и Рига и др.; хотя бывають и иныя причины, напр. желаніе увѣковѣчить на новомъ мѣстѣ память о родинѣ и т. п.

Въ половинѣ XVII в. г. Рига была крупнымъ культурнымъ центромъ и не могла не поражать своей цивилизаціей попадавшихъ въ нее русскихъ людей; и вотъ, совершенно неожиданно, вдаль отъ нея, на противоположномъ концѣ Россіи появляется другая Рига, маленькій городокъ, просуществовавшій весьма не долго; тѣмъ не менѣе съ судьбой его познакомиться не безынтересно хотя бы уже потому, что здѣсь мы имѣемъ какъ бы строчку изъ области народныхъ русско-балтійскихъ отношеній; притомъ въ печати объ этой Ригѣ сообщено очень не многое — нѣсколько словъ въ XI т. Исторіи Россіи Соловьева, на основаніи документовъ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, которыми мы теперь воспользовались; отрывки изъ нихъ сообщены также въ Историч. Описаніи Земли Войска Донского, вып. 2-й, Новочерк. 1876 г., но даты документовъ указаны здѣсь не вполне ясно и точно.

Къ половинѣ XVII в. Донское казачество было еще достаточно самостоятельно¹⁾ тѣмъ не менѣе донскіе казаки постоянно участвовали въ тѣхъ войнахъ, какія тогда вела Москва; такъ они дѣйствовали въ московскихъ войнахъ во время борьбы съ Польшею за Малороссію (при чемъ въ 1656 г. были подъ Вильною, гдѣ, между прочимъ, взяли чудотворный образъ Пресв. Богородицы Одигитріи, который въ 1662 г. возвратили Вильнѣ); позднѣе донцы участвовали и въ чигиринскихъ походахъ.

Конечно, принимали участіе донскіе казаки и въ войнѣ Московскаго государства со Шведами, о чемъ упоминаетъ и Котошихинъ, хотя вскользь; изъ донскихъ дѣлъ

¹⁾ Объ отношеніяхъ Дона къ Московскому государству см. у Котошихина „О Россіи“ 3 изд. стр. 151—153.

известно, что конные донцы дѣйствовали и во время неудачной осады Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; есть нѣкоторое основаніе полагать, что въ числѣ ихъ былъ и знаменитый Стенька Разинъ (о чемъ далѣе). Достаточно ли были вознаграждены казаки за помощь Москвѣ, не знаемъ; но, вѣроятно, они сами не дали себя въ обиду; можемъ сопоставить указаніе, что участвовавшіе тогда же въ войнѣ за Инфлянты запорожцы остались очень довольны результатами своей дѣятельности¹⁾. Гораздо позже, въ 1774 г., донскіе казаки основательно ограбили нѣкоторыя мѣстности Курляндіи и отдѣлались отъ розыска тѣмъ, что дали воеводѣ бояр. кн. И. Ан. Хованскому „два возника каретные и иные многіе подарки“²⁾.

Можетъ-быть, внѣшній видъ г. Риги очень понравился донскимъ казакамъ; не невозможно, что побывали они и внутри города; во всякомъ случаѣ очевидно — Рига произвела на донцовъ сильное впечатлѣніе, которое и выразилось у нихъ, какъ сейчасъ увидимъ, весьма реальнымъ образомъ.

Нѣтъ цѣли подробно останавливаться на одной изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни далекаго казачества — ихъ грабежахъ по р. Волгѣ. Вслѣдствіе географическихъ условій этимъ удобнѣе всего было заниматься казакамъ такъ наз. „верховыхъ“ донскихъ городковъ, которые устраивались именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ р. Донъ и, еще болѣе, его притокъ р. Иловля, очень близко подходятъ къ Волгѣ и ея притоку Камышанкѣ. Изъ построеннаго гдѣ-либо на перевалѣ городка легко было казакамъ падать на Волгу, грабить плившія суда и затѣмъ, въ случаѣ опасности, укрываться на Дону, который по стародавнимъ обычаямъ не выдавалъ бѣглецовъ и преступниковъ, а если въ иныхъ случаяхъ и расправлялся съ ними, то только для очистки себя отъ нареканій со стороны московскаго правительства, и число приносимыхъ жертвъ бывало незначительное. Такъ, на устьи р. Чира былъ городокъ, гдѣ часто зимовали казаки, дѣлая отсюда набѣги на Волгу и на Каспійское море; въ 1627—1628 г. въ этотъ городокъ ушло 600 казаковъ, бывшихъ во враждѣ съ болѣе степенными донскими казаками „нижнихъ“ городовъ.

Въ половинѣ XVII в. безпорядки на Дону сильно увеличились вслѣдствіе дѣйствія тѣхъ причинъ, которыя въ сравнительно непродолжительномъ времени привели къ Разиновщинѣ; въ числѣ этихъ безпорядковъ имѣлъ мѣсто слѣдующій случай.

Въ 1657 г. отрядъ донскихъ казаковъ, можетъ-быть, подъ начальствомъ Василія Прокофьева, являющагося позднѣе главнымъ у нихъ дѣятелемъ, занимался грабежами на Волгѣ и затѣмъ бѣжалъ на Донъ. Опасаясь преслѣдованія, отрядъ этотъ основалъ на р. Донѣ, ниже р. Иловли, въ скрытномъ мѣстѣ въ пустомъ юртѣ, между казачьихъ городовъ Иловлинскаго, и Паншинскаго около полудня пути отъ нихъ, на Паншинскомъ островѣ³⁾, особый городокъ и назвалъ его Ригюю. Не сомнѣваемся, что Прокофьевъ и товарищи принадлежали къ числу тѣхъ казаковъ, которые недавно дѣйствовали подъ настоящею Ригюю. Свою Ригю, хорошо охраняемую уже

1) Лѣтоп. Сая. Величко I, 309—312).

2) Соловьевъ И. Р. XII изд. 2, стр. 348; извл. изъ Арх. М. Юст. Столбцы Приказн. Ст. № 1619.

3) Иловлинскій городокъ на р. Иловлѣ близъ впаденія ея въ Донъ, Паншинскій ниже, на Дону, при впаденіи р. Панской; казачій же городокъ былъ, вѣроятно, тамъ, гдѣ теперь Трехъ-островная станція.

островнымъ положеніемъ (по показанію одного изъ казаковъ: „взять де того города лѣтомъ до зимняго пути нельзя никоими дѣлы, потому — пришла де около городка со всѣхъ сторонъ вода“), казаки еще довольно сильно укрѣпили, окруживъ земляными окопами, построили здѣсь себѣ дома, видимо рассчитывая на продолжительное пребываніе въ Ригѣ, особенно зимою, такъ какъ лѣтомъ имъ удобнѣе было „добывать зипуны“, и организовались по образцу донского войска; атаманомъ былъ Василій Прокофьевъ, у него былъ есаулъ Степанъ Ѳедоровъ, оба выходцы изъ Самары (самаряне), также иная старшина. Казаковъ въ этомъ городѣ было человѣкъ около ста¹⁾.

Разумѣется казаки поселились въ Ригѣ не для мирнаго времяпровожденія; поэтому, перезимовавъ здѣсь, они въ маѣ 1659 г. перетащили суда въ р. Камышанку, ограбили близъ нынѣшняго посада Дубовки нѣсколькихъ плившихъ по Волгѣ купцовъ и благополучно возвратились съ добычею въ Ригу. Возможно, конечно, что подобныя грабежи лѣтомъ этого года и повторились.

Вѣсть о грабежахъ пошла по Донскому краю; уже весною разнесли ее ѣхавшіе съ Волги торговые люди. Случайно намъ извѣстно, что такимъ путемъ узнали о грабежахъ въ Сиротинскомъ городкѣ²⁾, и нѣтъ основанія видѣть здѣсь, что-либо исключительное, какъ и въ томъ, что въ Сиротинскомъ городкѣ нашелся донской казакъ Пашка Григорьевъ сынъ, прозвищемъ Сальной, отправившійся въ далекую Ригу для покупки всякой награбленной рухляди, такъ что въ Ригѣ началась и торговля. Но гораздо болѣе отправилось туда казаковъ съ иными цѣлями. Именно изъ Сиротинскаго городка въ началѣ августа (въ Оспожинъ постъ) какое-то начальствующее тамъ лицо — донской казакъ Ѳедька Сидоровъ сынъ Немытовскій отпустилъ „для зипуна“ двухъ казаковъ, переселившихся въ этотъ городъ, изъ московскихъ мѣстъ, Ходеряхина да Золотарева; пошли они на Иловлю будто бы за звѣремъ, съ капканы, но Немытовскій зналъ, что они идутъ „на гульбу“ для „воровства“. Къ нимъ пристали еще человѣкъ пять, иные изъ того жъ города, другіе изъ иныхъ мѣстъ; былъ даже татаринъ изъ Астрахани. Вся эта партія и примкнула „своею волею“ къ воровскимъ казакамъ, какъ, вѣроятно, и нѣкоторыя другія, подобныя же, и приняла участіе въ дальнѣйшихъ грабежахъ.

Въ концѣ августа казаки изъ Риги 80 человѣкъ и больше, съ атаманомъ В. Прокофьевымъ и есауломъ Ст. Ѳедоровымъ совершили нападеніе снова на Дубовскія мѣста, при чемъ они „по насадамъ и по стругамъ и по ватагамъ людей грабили и прикащиковъ били и мучили“³⁾. Погулявъ на Волгѣ недолгое время, казаки пошли степью на р. Иловлю, гдѣ сѣли въ струги и ушли въ свой городокъ.

Съ вѣстью о беспорядкахъ явился въ Саратовъ къ воеводѣ Дан. Хитрово царинскій стрѣлецкій сотникъ Вас. Переславцевъ съ стрѣльцами. Разспросивъ его вое-

¹⁾ См. Арх. М. И. Дѣлъ, Донск. Дѣла, дѣло 7168/1659 г., ноября 11, № 9, отписку саратовскаго воеводы государю 16 октября и приложенныя къ ней показанія казаковъ, также дѣло 7168/1660 г., мая 23; см. далѣе.

²⁾ Находящемся, впрочемъ, недалеко отъ впаденія р. Иловли въ Донъ.

³⁾ Показаніе плѣнныхъ казаковъ 15 октября (ibid); они говорятъ о своемъ участіи въ 2 хъ походахъ на Волгу. Такъ какъ второй несомнѣнно тотъ, который былъ въ концѣ сентября, то первый былъ скорѣе всего августовскій; см. далѣе въ текстѣ.

вода немедленно отправилъ саратовца Леонт. Климова съ служилыми людьми отъ Саратова внизъ по Волгѣ въ урочища р. Дубовки, отъ Саратова въ 150 верстахъ, и о своемъ распоряженіи 3 сентября отписалъ государю²⁾.

Климовъ, конечно, уже не засталъ казаковъ на мѣстѣ грабежа; онъ отправился тогда по ихъ слѣдамъ шляхомъ отъ Волги до Иловли, прошелъ верстъ съ 30 и убѣдился, что ему казаковъ не догнать; послѣ этого онъ вернулся въ Саратовъ и 14 сентября подалъ воеводѣ о доѣздѣ своемъ память. По этимъ вѣстямъ Хитрово въ тотъ же день назначилъ для охраны мѣстности („на стоянку“) и для поиска надъ воровскими казаками 100 саратовскихъ добрыхъ людей конныхъ стрѣльцовъ да сто пѣшихъ стрѣльцовъ, которые должны были итти стругами. По 14 сентября же воевода получилъ царскую грамоту съ повелѣніемъ немедленно отправить 50 конныхъ и 117 пѣшихъ стрѣльцовъ на службу къ кн. Григ. Сунч. Черкасскому съ товарищи⁴⁾. Исполнивъ царское приказаніе, воевода, вѣроятно, въ ожиданіи новыхъ распоряженій, оставшихся въ Саратовѣ разныхъ людей на поискахъ за казаками послать не посмѣлъ (ibid).

Въ концѣ сентября воровскіе казаки изъ Риги снова побѣжали на Волгу; было ихъ человѣкъ 70, и начальствовали ими атаманъ Петрушка Григорьевъ сынъ Кулыча, прежній царицынскій стрѣлецъ, да есауль Ивашко Григорьевъ сынъ Самаренинъ; Прокофьевъ же и Ѳедоровъ съ 16 казаками оставались въ Ригѣ.

Въ это время ѣхалъ Волгою изъ Астрахани на соляномъ стругѣ, принадлежавшемъ москвитину Гостиной сотни торговому человѣку Ѳед. Гороховому, приказчикъ Карпъ Селивановъ. При проѣздѣ его мимо Царицына, около урочища Шишкинъ островъ, въ 170 верстахъ отъ Саратова, ночью напали на стругъ казаки (по показанію Селиванова человѣкъ 80), били и пытали, жгли на огнѣ приказчика и его рабочихъ и ограбили его. „А въ тое пору (такъ писалъ потомъ Хитрово государю)плыли сверху въ двухъ стругахъ вятскихъ черкасы (т.-е. черкесы), которые ѣхали съ Москвы въ Астрахань, Казъ Булата мурзы князь Муцалова сына Черкаскаго уздени Муртаза Алексѣевъ съ товарищи; и тѣ жъ воровскіе казаки (т.-е. ограбившіе Селиванова) къ тѣмъ черкасамъ приступали и съ тѣми черкасами и съ служилыми людьми, которые были у нихъ черкасъ въ греблѣ и въ провожатыхъ, былъ бой долгое время и тѣ де струги они казаки взяли и вземъ тѣхъ черкасъ всѣхъ порубили, а животы поймали, и пошли казаки съ Волги рѣки степью пѣши на Иловлю жъ рѣку; а для того грабежнаго живота нести имали они казаки работныхъ многихъ людей, и тѣхъ работныхъ людей они отпустили, а иные пошли съ ними охотно въ казаки“.

Селивановъ 29 сентября явился въ Саратовъ и доложилъ о случившемся воеводѣ, который по этимъ вѣстямъ послалъ изъ Саратова для поиску до того урочища (Шишкина острова), до казачьихъ переходовъ и до р. Иловли саратовца сына боярскаго Петра Климова съ 200 конныхъ и посаженныхъ на коней пѣшихъ стрѣльцовъ

²⁾ Д. 6168/7159 г., в. 11, № 9.

⁴⁾ Начиналась война съ Рѣчью Посполитой и принимались усиленныя мѣры послѣ Константинопольскаго поражения.

„по нагорной сторонѣ и велѣлъ ѣхать возлѣ Волги крѣпкими мѣсты займища и по шляхамъ разѣздити и высмотрить накрѣпко, гдѣ тѣ воровскіе казаки и въ которыхъ мѣстахъ урочище ихъ воровской городокъ, и на приточныхъ мѣстахъ тѣхъ казаковъ велѣлъ ждать 2 недѣли и больше для того, чтобъ великаго государя торговымъ и всякихъ чиновъ людямъ проѣхать было изъ Астрахани и сверху въ Астрахань безстрашно, а съѣхавъ гдѣ тѣхъ воровскихъ казаковъ, велѣлъ надъ ними промыслять, поискъ чинить, сколько милосердый Богъ помощи подаетъ“. Обо всемъ этомъ Хитрово 29 октября же отписалъ государю.

По показанію плѣнныхъ казаковъ, шайка ихъ возвращалась въ свой городокъ уже на зимовку, когда П. Климовъ доѣхалъ ее на Иловлѣ обѣ урочище обѣ островкахъ за днище до Дона. Произошелъ бой, при чемъ Климовъ хоть и одолѣлъ казаковъ, но результаты его побѣды были въ сущности маловажными; изъ его донесенія видно, что казаки потеряли одного убитымъ и двухъ плѣнными и все же ушли по Иловлѣ крѣпкими мѣстами займища въ свой городокъ. Климовъ, въ донесеніи хваля службу своихъ воиновъ, особенно отмѣчаетъ шестерыхъ, при чемъ саратовецъ сынъ боярскій Обр. Мордвиновъ убилъ мужика, пятидесятникъ конныхъ стрѣльцовъ Тим. Кондратьевъ взялъ въ плѣнъ мужика Кондр. Ходеряхина, и конный стрѣлецъ Вас. Шатчанинъ взялъ въ плѣнъ мужика Неф. Золотарева. Какъ эти, особенно отличившіеся, такъ и остальные лица „государю служили и бились явственно“; но не видно, чтобы изъ нихъ, хоть кто-либо былъ даже раненъ. 15 октября Климовъ возвратился въ Саратовъ и представилъ воеводѣ донесеніе о боѣ съ казаками и двухъ плѣнныхъ казаковъ, которыхъ воевода пыталъ накрѣпко. Ходеряхинъ и Золотаревъ съ пытки рассказали свою біографію, затѣмъ сдѣлали показанія о своемъ пребываніи въ Сиротинскомъ городкѣ и уходѣ къ воровскимъ казакамъ, описали воровской городъ Ригу и, наконецъ, подробно сообщили о двухъ волжскихъ грабежахъ и своемъ въ нихъ участіи; винась во всемъ, они однако приводили относительно себя кое-какія смягчающія вину обстоятельства. Хитрово приказалъ посадить плѣнныхъ въ тюрьму до указа, а распросныя и пыточные рѣчи ихъ и донесеніе П. Климова о боѣ при отпискѣ отправилъ съ П. Климовымъ же 16 октября къ государю (ibid).

Разумѣется всѣ эти донесенія о грабежахъ обратили на себя вниманіе и центрального московскаго управленія и 11 ноября послана была отъ государя грамота Донскому войску и его атаману Осипу Петрову съ приказаніемъ выслать на г. Ригу войско „воровскихъ казаковъ бить, а атамана Прокофьева и есаула Ѳедорова съ товарищи переимать и привести къ себѣ въ войско и имъ за ихъ воровство учинить по войсковому праву — казнить смертью, чтобъ на то смотря такъ инымъ воровать было не повадно; а послати бо въ тотъ воровской городокъ Ригу нынѣшнимъ зимнимъ путемъ, для того что лѣтнею порою изъ того городка разойдутся на воровство“. О томъ, что будетъ сдѣлано, приказано отписать и государю (ibid).

Войско не посмѣло послушаться царскаго приказа (тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это же самое время получена была царская грамота, извѣщавшая войско о московскихъ успѣхахъ въ Малой Россіи, гдѣ пала партія Выговскаго и невоизбранный гетманъ Юрій Хмельницкій согласился на многія московскія требованія, усиливавшія

влияніе Москвы на этотъ край ¹⁾ и зимою 1659—1660 г. на Ригу отправлены были казаки, ее и разорившіе. Вотъ какъ говорится объ этомъ разореніи въ послѣдующей царской грамотѣ, очевидно, по московскому канцелярскому обычаю, повторяющей войсковой докладъ: „Посылали вы, атаманы и казаки, для поиску за волжскими ворами, которые, воровавъ на Волгѣ, и перешли съ Волги на Донъ и городокъ было они себѣ воровской межъ верховыхъ городовъ поставили въ пустомъ юртѣ, — своихъ низовыхъ казаковъ многихъ людей конныхъ и пѣшихъ съ пушками, и тѣ ваши посыльщики тотъ городокъ взяли съ большимъ боемъ и подкопами, и многихъ людей у нихъ воровъ въ приступѣ побили, а иныхъ живыхъ поймали, и городокъ ихъ воровской сожгли и разорили совсѣмъ, и старшинъ ихъ воровскихъ заводчиковъ, атамана и есаула съ товарищи десять человекъ привезли для вершенья къ вамъ живыхъ и вы распрося тѣхъ воровъ повѣсили“. Съ извѣщеніемъ объ этихъ событіяхъ отправлены были въ Москву 14 апрѣля 1660 г. станичный атаманъ Леонтій Фроловъ съ товарищи. Но, повидимому, войско на этотъ разъ сообщало московскому правительству свѣдѣнія не вполне вѣрныя; имѣется указаніе (см. далѣе), что изъ взятыхъ въ городкѣ казаковъ пострадало только два человека заводчиковъ; т.-е. можетъ-быть, они были казнены и, вѣроятно, это были рижскій, атаманъ Прокофьевъ и его есауль Ѳедоровъ; остальные же казаки, человекъ 60, безо всякой кары отпущены были по своимъ городкамъ и пока отданы на поруки, съ тѣмъ чтобы лѣтомъ того же года явиться въ Войско для расправы.

Во всякомъ случаѣ русская Рига тѣмъ и покончила свое кратковременное существованіе; но рижане, спасшіеся отъ погрома, не только не унялись, но, наоборотъ, немедленно же возобновили прежнюю активную дѣятельность. Не успѣло московское правительство отвѣтить на войсковое доношеніе 14-го апрѣля, а также поблагодарить войско за присылку въ 20-хъ числахъ мая крымскихъ языковъ и сообщений о крымскихъ дѣлахъ, какъ получило извѣстіе, которое передадимъ словами царскаго указа, посланнаго 29 мая изъ Москвы атаману Науму Васильеву и донскимъ казакамъ: „Въ нынѣшнемъ въ 168 г. мая въ 26 д. писалъ къ намъ в. государю, съ Царицына воевода Дмитрій Давыдовъ: апрѣля въ 26 д. пришелъ на Царицынъ съ Чернаго Яру Царицына города стрѣлецъ Ивашко Дементьевъ, а сказала въ распросѣ ему: ѣхалъ де онъ съ Чернаго Яру на Царицынъ Волгою и, какъ будетъ о Филимоновскомъ острову, и въ тѣхъ де мѣстахъ объявились на Волгѣ въ лодкахъ воровскіе казаки, человекъ съ шестьдесятъ и больше, и насадъ гостя Михаила Гурьева погромили и за нимъ де Ивашкою съ того насаду гонялись, и онъ де Ивашко убѣждалъ отъ нихъ на берегъ на нагорную сторону; и по тѣмъ де вѣстямъ посылалъ онъ Дмитрій за тѣми воровскими казаками нашихъ в. государя ратныхъ людей Волгою и посыльщики его тѣхъ воровъ не съѣхали, а въ распросѣ сказали, что гостя Михаила Гурьева насадъ погромили — видѣли, да тѣ жъ де воры въ другомъ мѣстѣ на Волгѣ погромили шлавъ (?) гостя Василия Шорина (извѣстнаго московскаго богача), да кладной стругъ нижегородскихъ людей погрома, и побѣжали

¹⁾ См. Арх. М. Ин. Д., Донск. дѣло, грамота 7168/1659 г., ноябрь 11, № 10.

на низъ Волгою; а то де ему Дмитрію подлинно вѣдомо, — отъ вашихъ же верховыхъ городковъ отъ казаковъ: какъ вы посылали изъ войска на тотъ воровской городокъ (т.-е. на Ригу) и, взявъ тѣхъ воровъ, и изъ нихъ взяли дву человекъ, а до стальныхъ всѣхъ отпустили жить по городамъ, не учиня имъ ничего по вашему войсковому праву, и велѣли имъ быть по веснѣ къ себѣ въ войско. И тѣ воры, которыхъ вы отпустили, человекъ съ 60, да къ тому пристали и иные воры, на Волгѣ воруя, насады и суда громятъ и людей убиваютъ и грабятъ и всякія злости нашимъ людямъ чинятъ“. Государь, похваляя войско за крымскія вѣсти, дѣлалъ выговоръ ему за слишкомъ снисходительное отношеніе къ жителямъ бывшей Риги и и требовалъ, чтобы войско продолжающіеся грабежи прекратило¹⁾.

Отъ царской грамоты 29 мая 1660 г. сохранился брульонъ, гдѣ донесеніе посыльщиковъ воеводѣ Давыдову отъ 2 мая изложено слѣдующимъ образомъ: „они за тѣми воровскими казаками до Филимоновскаго острову ѣздили и о томъ де урочищѣ гостя Михайла Гурьева насадъ воровскіе казаки погромили, и они де за тѣми ворами ѣздили и до Чернаго Яру, и на Черномъ де Яру сказывали имъ громленные люди, нижегородецъ торговый человекъ Мартышко Матвѣевъ со товарищи, что ихъ тѣ воровскіе казаки кладной ихъ стружокъ погромили до ихъ приѣзду на Черный Яръ за 4 дня, да въ ту же пору въ томъ мѣстѣ и насадъ гостя Василя Шорина погромили жъ, и погромя тотъ насадъ и кладной ихъ стружокъ, тѣ воровскіе казаки побѣжали внизъ Волгою рѣкою; а говорили де тѣ воровскіе казаки, что де имъ бѣжать за море, и забирали съ собою съ тѣхъ насадовъ всякія судовыя снасти и смолу. А тѣ казаки прежніе съ Дону, пришли на Волгу воровать нынѣшней весною, которые въ прошломъ году воровали на Волгѣ и зимовали на Дону. И царицынскій воевода Дмитрій Давыдовъ посылалъ на Донъ по Пяти-избамъ городу²⁾ для провѣдыванья тѣхъ воровскихъ казаковъ, и ему подлинно съ Дону вѣстно учинилась, что впрямь тѣ жъ прежніе воровскіе казаки пошли на Волгу человекъ съ 60 и больше; а какъ де зимою посылали вы отъ войска на воровской ихъ городокъ, и взяли только съ собою къ вамъ въ войско дву человекъ заводчиковъ, а тѣхъ всѣхъ воровскихъ казаковъ, давъ ихъ на поруки, распустили по городамъ жить и велѣли де вы имъ быть къ себѣ на лѣто; и тѣ де воровскіе казаки, не ходя къ вамъ въ войско, ушли съ Дону на Волгу, и съ тѣхъ де разгромленныхъ дву насадовъ гулящихъ людей человекъ съ 50 и больше пристали къ тѣмъ же воровскимъ казакамъ; „Черный де Яръ они проѣзжали ночью“.

Повидимому, никакихъ серьезныхъ послѣдствій царскій указъ 29 мая не имѣлъ; въ теченіе лѣта 1660 г. казаки продолжали свои грабежи и даже дѣйствительно прорвались въ Каспійское море; объ этомъ въ послѣдующей царской грамотѣ къ войску говорится слѣдующее: воровскіе казаки... „которые съѣзжали изъ вашихъ же верховыхъ казачьихъ городовъ, объявились на Волгѣ и на Яикѣ и около Астрахани на устьяхъ Волги рѣки и на морѣ, и нашимъ торговымъ людямъ, также и персидскаго

¹⁾ Арх. М. Ин. Д., Донск. д., дѣло 7168/1660 г. мая 23, грамота отъ 29 мая.

²⁾ Пяти-избенная станица лежитъ на Дону нѣсколько ниже Трехъ-островянской и выше Черской.

шаха купчинамъ и торговымъ людямъ чинять всякое разореніе¹⁾. По продолжающимся жалобамъ 12 августа послана была къ войску царская грамота съ приказаніемъ: „Къ тѣмъ воровскимъ казакамъ послати отъ себя съ Дону нарочно, и отъ себя къ нимъ отписати, чтобы они отъ воровства своего отстали и съ моря, и съ Яику, и съ Волги сошли, и велѣно ихъ вамъ уговаривать всякими мѣрами, и только они отъ такого своего воровства не отстануть и васъ ни въ чемъ не послушаютъ, и вамо велѣно изъ войска Донского послать на нихъ ратныхъ людей и велѣно надъ ними промыслъ чинить, чтобъ ихъ отъ того воровства усмирить“ (ibid.). Объ исполненіи указа велѣно было писать государю. Но войско не писало ничего, да, кажется, и мѣръ никакихъ не приняло, почему жалобы на казацкіе грабежи все продолжались. „И нынѣ (зимою 1660 г., какъ это видно изъ царской грамоты отъ 5 декабря этого года атаману Науму Васильеву — ibid.) били челомъ намъ, вел. государю, гости и разныхъ городовъ торговые люди, у которыхъ промыслы въ Астрахани и во Кизылбаши и за которыми на откупъ наши, вел. государя, учуги и рыбныя ловли, что де тѣ воровскіе казаки на морѣ персидскаго шаха купчинъ и всякихъ торговыхъ людей разбиваютъ и грабятъ и со персидскимъ шахомъ ссорятъ и путь на морѣ въ Кизылбаши отняли и ихъ гостей нашихъ и торговыхъ людей около Астрахани учуги на Волгѣ громятъ и разоряютъ и впередъ всякимъ зломъ хвалятся, и многихъ къ себѣ воровъ вновь призываютъ, а иныхъ работныхъ людей у промысловъ съ собою въ воровство на силу емлютъ; а къ инымъ нашимъ торговымъ людямъ атаманъ ихъ Паршинъ (Паришко? т.-е. Парфеній) Ивановъ съ товарищи письма посылаетъ, а пишетъ: буде они хотятъ не разорены быть, чтобъ къ нимъ присылали запасъ и вино, и медъ, и муку, и порохъ, и свинецъ, угроживая имъ и хваляся всякое зло надъ ними чинить, и отъ того своего воровства не преставаютъ, чинять всякія злости пуще прежняго. Въ которое время у насъ, вел. государя, чинять съ непріатели войны, тѣ воровскіе ваши жъ донскіе бѣглые казаки въ то жъ время чинять нашимъ, вел. государя, людямъ всякія злости пуще непріателя“. Челобитья вызвали посылку 6 декабря 1660 г. новой царской грамоты войску съ приказаніемъ принять немедленно мѣры (тѣ же, какія указывались и въ прежнихъ грамотахъ) для прекращенія беспорядковъ, въ особенности потому, что изъ за нихъ происходятъ ссоры между московскимъ и персидскимъ государствами (ibid.).

Приняты ли тогда были какія-либо мѣры — неизвѣстно; но, что, казацкіе грабежи на Волгѣ не прекращались до самой Разиновщины, это достаточно извѣстно; нѣтъ только указаній на участіе въ нихъ казаковъ прежней Риги; почему не имѣемъ основанія долѣе слѣдить за такими беспорядками. Однако, что мѣсто г. Риги на Дону выбрано было очень удобно для данной цѣли, видно изъ того, что здѣсь и позднѣе устраивались воровскіе городки; даже Разинъ свой первый лагерь основалъ около Паншинскаго городка, а второй въ Качалинскомъ городкѣ.

Сказано было выше, что Стенька Разинъ, по всей вѣроятности, тоже дѣйствовалъ при московскихъ войскахъ во время шведской войны и бывалъ въ шведскихъ

¹⁾ Арх. М. Ин. Д., Донск. дѣла, изъ дѣла 7169 г. сентября 14, грамота 5 декабря.
Археолог. съездъ въ Ригѣ.

владѣніяхъ; этимъ, кажется мнѣ, слѣдуетъ объяснить, что во время бунта, въ 1670 г., онъ разослалъ по корельскимъ и игрорскимъ крестьянамъ грамоты, якобы за рукою и печатью бывшего патріарха Никона, конечно призывая этихъ крестьянъ къ борьбѣ съ московскимъ правительствомъ. Грамоты Разина попали въ г. Ригу (уже настоящую), и о нихъ шведскіе генералы Врангель и Тотте извѣстили находившагося тогда въ Ригѣ полковника русской службы фонъ-Стадена. Что въ Ригѣ въ это время весьма интересовались донскими дѣлами, видно изъ того, что въ какихъ-то рижскихъ курантахъ, отъ 19 ноября 1670 г., было напечатано, будто царь ищетъ случая помириться съ Стенькою Разинымъ, который и самъ не прочь отъ мира, но предлагаетъ слѣдующія условія: 1) чтобы государь сдѣлалъ его царемъ казанскимъ и астраханскимъ; 2) далъ ему на войско 20 бочекъ золота; 3) выдалъ ему 8 чело-вѣкъ ближнихъ бояръ, которыхъ за грѣхи ихъ Стенька умыслилъ казнить; 3) чтобы Никонъ былъ попрежнему патріархомъ. Какъ видно, редакторы тогдашнихъ рижскихъ газетъ имѣли о русскихъ дѣлахъ совершенно фантастическія представленія; подобный же вздоръ сообщали они и о громкомъ въ то время дѣлѣ патр. Никона. Тѣмъ не менѣе все это не очень обезпokoило московское правительство, и фонъ-Стадену поручено было добыть и доставить въ Москву не только грамоты Разина, но и людей, ихъ привезшихъ, а также домогаться, чтобы печатавшіе ложныя извѣстія о московскихъ дѣлахъ рижскіе газетчики были жестоко наказаны.

Что было сдѣлано въ Ригѣ въ этомъ отношеніи — мнѣ неизвѣстно, такъ какъ относительно послѣднихъ сообщенныхъ мною фактовъ я пользуюсь лишь немногими печатными указаніями¹⁾, съ большимъ трудомъ поддающимися провѣркѣ. Но весьма возможно, что рижскіе архивы и библіотеки хранятъ обильные матеріалы для исторіи сношеній между Дономъ и балтійскими провинціями Швеціи, и опубликованіе этихъ матеріаловъ было бы весьма желательно.

Послѣ прочтенія мною, 3 августа 1896 г., на Археологическомъ Съѣздѣ приведеннаго реферата, ко мнѣ обратился уважаемый Александръ Андреевичъ Чумаковъ съ заявленіемъ, что ему помнится что-то о службѣ донскихъ казаковъ въ Даніи, и, по моей просьбѣ, обѣщалъ поискать у себя въ бумагахъ свѣдѣній о столь интересномъ фактѣ. А. А. Чумаковъ исполнилъ свое обѣщаніе, и въ половинѣ декабря я получилъ отъ него настолько интересное письмо, что позволяю себѣ привести его здѣсь почти полностью:

„Я обѣщаль вамъ на Съѣздѣ въ Ригѣ доставить свѣдѣнія о донскихъ казакахъ, служившихъ де въ Даніи. Перерывъ мои старыя бумаги, я нынѣ являюсь передъ вами съ повинной, съ признаніемъ, что по давности времени и плохой (?) старческой памяти я не совсѣмъ точно передалъ вамъ фактъ о казакахъ. Занимаясь въ шведскихъ архивахъ болѣе полувѣка тому назадъ, въ 1843 г., я наткнулся тамъ на листокъ нѣмецкой газеты, содержаніе котораго, исправивъ старинную орфографію, выписываю:

„Wöchentliche Zeitung. Anno 1645 № 43. Aus Moscau wird berichtet (dass) die

¹⁾ Сообщены Соловьевымъ въ И. Р. XII изд. 2, стр. 224—225, на основаніи документовъ, находящихся въ Арх. М. Ин. Дѣлъ, но точно имъ не обозначенныхъ.

Donischen Kosaken haben bei dem Grossfürsten ¹⁾, wegen Erlegung u. Entrichtung (уплатѣ) ihrer hinterstelligen Goldes, angehalten und weil d. Grossfürst zu solchen Auszahlung als bald nicht gerathen können (?), habe Graf Woldemar (Дарскій) beim Grossfürsten angesuchet, dass ihm selbige bemeldete Kosaken zu seinem Hr. Vater, des Königs in Dänemark, Dienste möchten überlassen werden, mit Verheiss, dass sie aller refluirenden (refluere) Anforderung aus dem Reich Dänemark sollen richtig bezahlet werden. Was ihm (Woldemar) vom Grossfürsten für Bescheid darauf geworden, ist noch unwissend. Mann will aber nicht glauben, dass d. Grossfürst darin consentiren möchte, da sowohl die geistlichen als auch weltlichen Herrn ihm Gr. Woldemar wegen der Heirath ganz widrig.... Далѣ говорится о томъ, что гр. Вольдемара при дворѣ Алексѣя Михайловича никто не любитъ и что его бракъ на царевнѣ можетъ ввести въ Россіи новую вѣру. Въ заключеніи корреспонденціи — что въ Россіи много „крика“ изъ-за новаго Дмитрія (Самозванца) ²⁾ и что всѣ присылаемыя и отсылаемыя письма распечатываются и читаются“.

Остается пожалѣть, что А. А. Чумаковъ въ послѣдней части письма не привелъ выписки изъ газеты, а ограничился лишь бѣглыми замѣчаніями.

¹⁾ Царь Алексѣй Михайловичъ.

²⁾ О комъ рѣчь? Скорѣе всего о Лубѣ, но какъ выдавалъ себя за сына царя Дмитрія. Въ 1646 г. явилось нѣсколько самозванцевъ, но они не выдавали себя за Дмитріевъ (см. Соловьевъ И. Р. X, изд. 2-ое, стр. 114–118).

Слѣды христіанства на Дону въ домонгольскій періодъ.

Свящ. С. Е. Звѣрева.

Ни въ одной древней лѣтописи, ни въ позднѣйшихъ историческихъ актахъ нѣтъ прямыхъ извѣстій о времени распространенія христіанства на Дону. Выгодное географическое положеніе Придонскаго края, по теченію одной изъ главнѣйшихъ рѣкъ нашей равнины, сдѣлало извѣстнымъ этотъ край со временъ глубокой древности. Среднее теченіе р. Дона, еще задолго до христіанской эры, захватывалось торговымъ путемъ изъ черноморской греческой колоніи Ольвіи, идущимъ отъ устьевъ Буга и Днѣпра въ сѣверо-восточномъ направленіи, примѣрно, чрезъ нынѣшнія губерніи Херсонскую, Екатеринославскую, Харьковскую, *Воронежскую*, Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую, Самарскую, Оренбургскую¹⁾ и далѣе на востокъ въ сибирскія земли, съ одной стороны, и къ сѣверу Индіи — съ другой²⁾. Находки древнихъ монетъ на Дону въ среднемъ, а также и въ нижнемъ теченіи этой рѣки указываютъ на торговья сношенія Дона съ черноморскими греческими колоніями, а быть можетъ и непосредственно съ Македоніей (II в. до Р. Хр.), Римской Имперіей вообще (I в. до Р. Хр. — I и II вв. послѣ Р. Хр.), Босфоромъ (III в. по Р. Хр.), Византіей (VII—XI вв.) и даже съ отдаленнымъ Самаркандомъ (X в.)³⁾. Съ образованіемъ

1) *Θ. Мищенко*. Этнографія Россіи у Геродота. Журн. Мин. Народн. Просв. 1896 г. Май, стр. 88.

2) *Ibid.*, стр. 89.

3) Намъ извѣстны слѣдующія относящіяся сюда находки, по „Каталогу предметовъ, доставленныхъ на археологическую выставку при IX Археологическомъ Съѣздѣ въ 1893 г. въ г. Вильнѣ“ (Вильна 1893 г., стр. 117—118):

I. Въ нижней части Дона найдена македонская монета Персея (168 г. до Р. Хр.).

II. При рѣкѣ Царицѣ (притокъ Дона), близъ пос. Верхнецарицынскаго — серебряная тетродрахма остр. *Θасоса*.

III. Въ окрестностяхъ стан. Елизаветовской, въ нижней части Дона, — четыре серебряныхъ римскихъ монеты I в. до Р. Хр. и I в. по Р. Хр.

IV. По рѣкѣ Чирѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Донъ — пять серебряныхъ римскихъ монетъ I и II вв. по Р. Хр.

V. На городищѣ древн. *Танаиса*, при устьѣ Дона, — монета изъ сплава золота съ серебромъ, босфорская, *Савромата IV* (214 г. по Р. Хр.).

VI. Въ юртѣ Романовской станицы, при р. Донѣ, — золотая византійская монета, относящаяся къ эпохѣ послѣ Юстиніана и Ираклія (610—641 гг.).

VII. Въ юртѣ Пяти-избянской станицы, при р. Донѣ, — золотая византійская монета *Алексія Компена* (1081—1118 г.).

Русскаго государства Донской край сдѣлался для русскихъ перепутьемъ между Камскою Болгаріею и Византіею, а впоследствии между Москвою и Крымомъ. На Донъ шла тогда дорога съ Оки изъ бассейна Волги: а) по р. Вердѣ (притокъ Прони, впадающей въ Оку) и двумъ Табаламъ Верхней и Нижней, текущимъ въ Донъ, и б) по рр. Рановѣ и Хуитѣ (притокамъ той же р. Прони) съ переволокомъ на р. Рясу, впадающую въ Воронежъ, притокъ Дона¹⁾.

Такимъ образомъ, не только въ эпоху крещенія Руси св. Владимиромъ, но и въ болѣе отдаленное время Донъ, извѣстный у грековъ подъ именемъ Танаиса, былъ историческою рѣкою и, какъ свидѣлствуютъ разнаго рода бытовья археологическія находки по берегамъ этой рѣки и ея притоковъ²⁾, служилъ обиталищемъ и поприщемъ дѣйствій разныхъ народностей Азии и Европы³⁾. Не даромъ рѣка эта считалась когда-то пограничною между этими двумя частями свѣта⁴⁾. Съ распространениемъ христіанства въ черноморскихъ греческихъ колоніяхъ, оно путемъ торговыхъ сношеній могло быть занесено и на Донъ⁵⁾, но по отдаленности этой мѣстности отъ главныхъ центровъ христіанства и вслѣдствіе подвижности мѣстнаго населенія, вѣра Христова не могла здѣсь утвердиться прочно. Въ XIII в. и началѣ XIV в. на Дону, повидимому, еще держалось язычество. Около с. Гвазды, Павловскаго уѣзда, Воронежской губерніи, не такъ давно найденъ былъ мѣдный буддійскій кумирь, съ надписью на санскритскомъ языкѣ, 1306 г.⁶⁾. Два бронзовыхъ истукана найдены еще въ области войска Донскаго, близъ поселка Усть-Мечетинскаго, при

Кромѣ того, близъ р. Оскола (притокъ Донца), въ предѣлахъ нынѣшняго Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губ. найдены золотыя византійскія монеты императоровъ Артемія-Анастасія (713—716 г.) и Льва IV (775—780). — *Воронежскія Губ. Вѣдом.* 1896 г. № 73 и 1870 г. № 9.

Близъ с. Боршева, Коротоякскаго уѣзда, Воронежск. губ. на правомъ берегу Дона, найдена серебряная монета, принадлежащая саманидскому государю Насръ-бень-Ахмеду и чеканенная въ Самаркандѣ въ 302 (914/915) году, съ прибавленіемъ имени халифа Муктедирь-Биллаха. — См. *Приложеніе къ этнограф. альбому и этнограф. картѣ Воронежской губ.*, составл. дѣйств. членомъ Императорскаго Русскаго Географ. Общества *Н. Второвымъ*. Рукопись Ими. Р. Геогр. Общ. № 342/5, стр. 3, примѣч. — О находкахъ на Дону древнихъ монетъ см. также наши „Матеріалы на археологіи Дона“ — Воронежъ 1895 г. Оттискъ изъ Пам. кн. Воронежской губ. на 1894 г.

1) *М. А. Веневитиновъ*. По поводу пятисотлѣтія перваго русскаго путешествія по Дону. Оттискъ изъ XIV т. „Древностей“ Императорскаго Московскаго Археол. Общ. Москва 1890 г., стр. 6. — *Д. И. Иловайскій*. Исторія Рязанскаго княжества. Москва 1858 г., стр. 295—297.

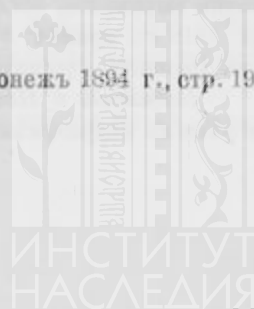
2) По каталогу Виленской Археол. выставки, стр. 117 и слѣд. — Что Придонскій край служилъ мѣстомъ поселеній съ глубокой древности, лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить значительное количество хранящихся въ Областномъ музеѣ войска Донскаго и въ Воронежскомъ Губернскомъ музеѣ первобытныхъ древностей — каменныхъ и бронзовыхъ орудій и курганныхъ предметовъ.

3) Разные бытовые предметы, время отъ времени открываемые на Дону, знакомятъ насъ съ мелочными подробностями древне-придонской жизни, съ вооруженіемъ древнихъ обитателей Дона, съ ихъ одеждой, съ домашней обстановкой и т. п.; но находки эти не настолько изслѣдованы, чтобы по нимъ можно было точнѣе указать народность разновременныхъ насельниковъ Дона и хронологически обозначить пребываніе той или другой народности на Дону. — Съ VII в. здѣсь утверждаются Хозары. Подъ г. Воронежемъ извѣстны хозарскія городища (Очеркъ замѣч. древностей Воронежской губ. Воронежъ 1890 г. стр. 35—40). Во второй полов. X в. по рр. Дону и Донцу кочевали Печенѣги. Въ XI вѣкѣ появляются на Дону Половцы.

4) *У Болховитинова*, Описаніе Ворон. губ. Воронежъ 1800 г., стр. 1.

5) Въ низовьяхъ Дона лежала греческая колонія *Танаисъ*.

6) Матеріалы по археологіи Дона. *Памятная книжка Ворон. губ. 1894 г.* Воронежъ 1894 г., стр. 197 отдѣлъ III.

слияніи рѣкъ Мечетной и Большой (притоковъ Донца)¹⁾. Эти находки, однакоже, должны быть разсматриваемы, какъ остатки древняго язычества на Дону.

Въ началѣ XI вѣка христіанство близко подходитъ къ Придонскому краю уже изъ русскихъ областей. Городъ Курскъ является въ это время христіанскимъ городомъ²⁾. Въ Муромѣ, въ 1096 году, уже стоитъ Спасскій монастырь, хотя вѣра Христова держится тамъ еще слабо, такъ что первый муромо-рязанскій князь Ярославъ-Константинъ Святославичъ (внукъ в. кн. Ярослава I, 1096—1129) долженъ быть вступить въ открытую борьбу съ языческой партіей, когда захотѣлъ крестить народъ³⁾. Земля Вятичей, лежавшая частію въ нынѣшней Орловской губ., по сосѣдству съ Воронежскою губерніею, просвѣщена св. Кукшею, въ XII вѣкѣ⁴⁾.

Къ этому же именно времени относится лѣтописный фактъ, свидѣтельствующій о болѣе или менѣе прочной славянорусской колонизаціи Дона. „При расселеніи Славянъ по русской равнинѣ и съ распространеніемъ ихъ по Окѣ, имѣ, — скажемъ словами Соловьева, — необходимо было захватывать и Донскую систему“⁵⁾ близости окскихъ притоковъ къ верхнему Дону. Нельзя съ точностію указать время, когда началось колонизаціонное движеніе Славянъ къ Дону и по верховьямъ этой рѣки, но интересно въ данномъ случаѣ лѣтописное упоминаніе о древнемъ г. Воронежѣ подъ 1177 годомъ⁶⁾, въ связи съ указаніемъ сидѣвшихъ на Воронежѣ князей, дѣтей князя Глѣба Ростиславича Рязанскаго († 1177 году), по одной древней родословной⁷⁾. Если принять лѣтописное извѣстіе о Воронежѣ, какъ свидѣтельство о населенномъ славянорусскомъ городкѣ (въ низовьяхъ р. Воронежа, недалеко отъ впаденія ея въ Донъ)⁸⁾, и признать достовѣрнымъ показаніе родословной о сидѣвшихъ здѣсь

1) По *Каталогу Виленской выставки*, стр. 115, табл. VI.

2) См. житіе препод. Феодосія Печерскаго.

3) У *Доброклонскаго*, Руководство по исторіи Русской церкви. Вып. I. Москва 1883 г. стр. 17.

4) *Ibid.*, стр. 18.

5) *Исторія Россіи*. Т. I. Москва 1851 г., стр.

6) *Полн. собр. лѣтоп.* Т. I, подъ 1177 г.

7) Рукопись бібліотеки г. Муромцова (Баловнево, Данковск. уѣзда Рязанск. губ.) — *Ворон. Епарх. Вѣдом.* 1888 г. № 23, стр. 1146.

8) Мнѣніе о существованіи г. Воронежа въ XII вѣкѣ впервые было высказано Болховитиновымъ въ „*Описаніи Ворон. Губ.*“ — „Въ концѣ XII столѣтія, — читаемъ здѣсь (стр. 8), — упоминается уже существующимъ городъ Воронежъ, и именно по тому случаю, что бѣжалъ въ него, отъ брата своего Всеволода Владимирскаго, въ 1177 году, князь Ярополкъ Владимирскій же; и когда Всеволодъ требовалъ у рязанцевъ, чтобы они выдали ему ушедшаго къ нимъ Ярополка, то, — говоритъ продолжатель Несторовой лѣтописи, — рязанцы же, *пхавше въ Воронежъ*, сами привели его въ Володимиръ (Нестор. лѣтоп., стр. 262). Изъ сего видно, — утверждалъ Болховитиновъ, — что Воронежъ тогда уже существовалъ и состоялъ подъ владѣніемъ російскихъ рязанскихъ князей“. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 35): „Городъ Воронежъ есть изъ числа древнѣйшихъ російскихъ городовъ, ибо онъ въ лѣтописяхъ російскихъ упоминается существовавшимъ еще въ 1177 г. отъ Р. Хр. (См. Несторъ лѣтописецъ и другіе подъ симъ годомъ)“.

Болховитиновъ основывался на свидѣтельствѣ т. н. Несторовой и другихъ лѣтописей, и потому, мнѣніе его о существованіи Воронежа въ XII вѣкѣ было въ свое время принято и долго безспорно держалось въ наукѣ. *Карамзинъ*, въ своей Исторіи Государства російскаго, истолковалъ приведенное лѣтописное выраженіе, согласно съ Болховитиновымъ, какъ первое упоминаніе о городѣ Воронежѣ (т. III, изд. 1818 г., примѣч. 51). Мнѣніе Болховитинова раздѣлялъ и *Погодинъ* (Разысканія о городахъ и предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ. *Журн. Мин. Вн. Дѣлъ* 1848 г., ч. XXIII, стр. 460).

Надежинъ и *Неволинъ* первые высказали предположеніе (въ цитир. статьѣ Погодина, стр. 460, 471): не рѣка ли подразумѣвается въ указанномъ лѣтописномъ выраженіи? Съ сомнѣніемъ отнесся къ приня-

князьяхъ, то весьма важно указать еще на другой лѣтописный же фактъ, что за этихъ князей, какъ князей, безъ сомнѣнія, христіанскихъ, ходатайствовалъ въ 1187 году предъ в. кн. Всеволодомъ епископъ черниговскій Порфирій: „бѣ бо тогда, — замѣчаетъ лѣтописецъ, — Рязань и Черниговъ — едина епископья¹⁾“.

На основаніи только что приведенныхъ данныхъ, Воронежское Придонье (Рязанскую окраину) уже въ XII вѣкѣ можно бы признать христіанскимъ. Такъ дѣйствительно и полагаетъ профессоръ Голубинскій, увѣряя, что „значительная часть нынѣшней Воронежской губерніи“ уже „входила“ тогда „въ предѣлы Черниговской епархіи²⁾“.

тому пониманію этого выраженія и *Соловьевъ*. „Сомнительно, говоритъ онъ, упоминается ли здѣсь городъ: въ Лаврентьевскомъ спискѣ стоитъ: „*ѣхавше (рязанцы) въ Вороножь*“; но въ древнѣйшемъ Ипатьевскомъ: „*ѣхавше Вороножь*“. Неизвѣстно, слѣдовательно, какой предлогъ былъ въ подлинникѣ — *въ*, или *на*, при чемъ послѣдній означалъ бы только рѣку Воронежъ, на которой князь Ярополкъ могъ стоять съ рязанскимъ отрядомъ для наблюденія за Половцами“. Сомнѣніе почтеннаго историка поддерживалось еще тѣмъ, что „для означенія движенія къ городу употребительнѣе былъ мѣстный падежъ безъ предлога: „*ѣхавше Вороножо*“ (Ист. Россіи, т. I, Москва 1851 г., примѣч. 15). — Въ специальной „Исторіи Рязанскаго княжества“, изд. въ 1858 г. уже нѣтъ разсужденія о лѣтописномъ выраженіи, и самый фактъ, связанный съ упоминаніемъ о г. Воронежѣ, излагается иначе: „Онъ (Ярополкъ) удалился въ пограничныя степи, куда-то на рѣку Воронежъ и тамъ, гонимый страхомъ, переходилъ изъ одного мѣста въ другое. (Никон. лѣт. II, 235, 236. Ист. Ряз. княжества *Иловайскаго*. Москва 1858 г., стр. 60).

Мнѣніе Болховитинова продолжало однакоже держаться въ наукѣ. *Германовъ* (Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Воронежской губ. *Записки Географ. Общ.* 1857 г. кн. XII, 187, 241), *Скиада* (Историко-статистическій очеркъ Воронежской губ. — *Памятная книжка Воронежской губ.* на 1861 г., 70—71), *архимандритъ Макарій* (Сборникъ церковно-историческихъ и статистич. свѣдѣній о Рязанской епархіи. *Чтенія Общ. Ист. и Древн. при Моск. Университетѣ*. 1863 г., № 2, стр. 18), *архимандритъ Димитрій* (Постепенное населеніе Воронежской губ. *Ворон. Епарх. Вѣдом.* 1886 г., № 5, стр. 137) принимали это мнѣніе.

Въ послѣднее время *Шмурло* въ изслѣдованіи своемъ „Митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ), какъ ученый. Спб. 1888 г.“ призналъ мнѣніе Болховитинова о древнемъ Воронежѣ „ошибочнымъ“; но мнѣніе это, какъ указано было нами въ критической замѣткѣ на книгу Шмурло (*Ворон. Епарх. Вѣдомости* 1888 г. № 23, стр. 1146), подтверждается „Родословною“ князей рязанскихъ въ рукописномъ сборникѣ „Сказанье родословія“, составленномъ въ 1667 г. (см. выше примѣч. 15). Эта „Родословная“, вполнѣ согласуясь въ указаніяхъ именъ князей рязанскихъ съ родословными у *Новикова* (Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ. Москва 1878 г., стр. 53—60) и *Воздвиженскаго* (Историч. обзоръ Рязанской губ. Москва 1822 г., стр. 182—190), точнѣе опредѣляетъ княженія, называя городъ при имени каждаго князя. Въ этой „Родословной“ и дѣтяхъ князя рязанскаго Глѣба (ум. 1177 г.), читаемъ: „А у князя Глѣба Ростиславича Рязанскаго дѣти:

Князь Романъ Рязанской бездѣтнѣй — на Ливнахъ, и на *Воронежъ* былъ же,
Князь Игорь — на Резани, на Ливнахъ и на *Воронежъ*,
Князь Всеволодъ — на Резани, на Ливнахъ и на *Воронежъ*,
Князь Святославъ — на Резани, на Ливнахъ и на *Воронежъ*“.

Въ дальнѣйшихъ строкахъ „Родословной“ упоминанія о Воронежѣ не встрѣчается. Но для насъ въ данномъ случаѣ важно, что воронежскіе князья упоминаются въ XII вѣкѣ: въ это время существовали, слѣдовательно, и городъ Воронежъ.

¹⁾ *Полн. собр. русск. лѣт.* Воскрес. лѣтоп. II, стр. 115. Рязанскія Достопамятности, собр. архимандр. Іеронимомъ, съ примѣч. *Г. Добролюбова*. Рязань 1889 г. Изд. Рязанской Ученой Арх. Комиссіи.

²⁾ „Епархіа Черниговская, — читаемъ у Голубинскаго, — до открытія епархіи Рязанской (между 1187 и 1207 гг.), обнимала все удѣльное княжество Черниговское, какъ особое цѣлое, т.-е. области собственно Черниговскую, Рязанскую и Муромскую и землю Вятчей съ Радимичами. Собственно область Черниговская обнимала нынѣшнюю губернію Черниговскую и не менѣе половины нынѣшней губерніи Курской (но г. Курскъ включительно); область Муромско-Рязанскую составляли — юго-восточный уголъ губерній Владимирской, губернія Рязанская и значительная часть губерній Тульской, *Воронежской* и Тамбовской; земля Вятчей съ Радимичами — восточная часть губерній Московской и большая часть губерній Калужской и Орловской“ (*Голубинскій*. Ист. Русск. церкви. Т. I, перв. половина тома. Москва 1880 г., стр. 549). Подобное же мнѣніе — въ предисловіи къ труду о. *Діева* „Черниговская епархіа послѣ Батыя,

Христіанство могло распространяться здѣсь вмѣстѣ съ славянорусской колонизаціей края¹⁾.

Изъ городовъ Воронежскаго Придонья до половины XIII вѣка упоминается въ лѣтописи только Воронежъ (да и то неопредѣленно); но несомнѣнно, что были здѣсь въ то отдаленное время и другіе города, тѣ „грады красны“, о которыхъ съ сожалѣніемъ вспоминаетъ діаконъ Игнатій, отмѣчая свои впечатлѣнія при путешествіи по Дону въ 1389 г. въ составленномъ имъ описаніи третьяго путешествія Пимена, митрополита Московскаго, въ Константинополь. „Аще бо и быша грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ, — говорятъ онъ здѣсь о городкахъ, существовавшихъ нѣкогда по верхнему и отчасти среднему теченіямъ р. Дона, — точію мѣста: пустошь все и не населено. Не бѣ бо видѣти челоувѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество“...²⁾ Невольно вспоминаешь при этомъ лѣтописныя свѣдѣнія о нашествіи Батыя на Русь въ 1237 году и о первомъ столкновеніи его съ рязанскими князьями „близъ предѣлъ рязанскихъ“³⁾, „на рѣкѣ на Воронежѣ“...⁴⁾ „И бысть сѣча зла и ужасна, — повѣствуетъ лѣтописецъ, — и ту убіенъ бысть... Всеволодъ Пронской и многіе князи мѣстныи и воеводы крѣпкіи“...⁵⁾ Подъ этими „мѣстными князьями и воеводами крѣпкими“ нужно, конечно, разумѣть мелкихъ рязанскихъ князей и воеводъ, управлявшихъ неизвѣстными намъ существовавшими въ юго-восточныхъ предѣлахъ древняго Рязанскаго княжества городками, исчезнувшими съ лица земли во

именуемая Брянскою“. Москва 1892, стр. 2 (Отд. оттискъ изъ февр. кн. Чтеній въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія за 1892 г.).

По *Погодину*, специально занимавшемуся разысканіями о городахъ и предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ (см. выше, примѣч. 16), границы древняго Черниговскаго княжества, а слѣдовательно и епархія, простирались до „степеней Воронежскихъ“. Слѣдуя *Погодину*, мы должны будемъ пограничную черту древней Черниговской епархія въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губ. провести по Бобровскому уѣзду и продолжить чрезъ уѣзды Острогожскій, Бирюченскій и Валуйскій до р. Оскола, т.-е. включить въ составъ этой епархія всю сѣверо-западную часть губерніи.

1) Припомнимъ здѣсь отдѣльныя случаи обращенія въ христіанство Половцевъ, кочевавшихъ въ юго-восточныхъ окраинахъ Россіи и между прочимъ на *Дону* (XI в.). *Доброклонскій* — Руководство по истор. русской Церкви. Москва 1883 г., стр. 19—20 перв. выпуска. См. также *Никон. лѣтоп.* подъ 1116 г. Того же лѣта, — читаемъ здѣсь, — Ярополкъ ходи на Половецкую землю къ рѣцѣ, зовомой Донъ, и ти взя полонъ много, и взя три грады половецкіе Валинь, Чешлюевъ, Юсугровъ и приведе съ собою ясы и жену полони себѣ ясыню“ (христіанку?).

2) У *Болховитинова* въ „Описаніи Ворон. губ.“ стр. 10.

3) Рязанскія Достопамятности, подъ 1237 г., стр. 14. — Полн. собр. русск. лѣтоп. Т. III, стр. 53.

4) *Ibid.* — Въ то (1237 г.) лѣто придоша иноплеменницы, глаголеміи татарове на землю Рязанскую и стаха о *Нузль* (П. С. Р. Л. т. VII, стр. 139, — „ту *Онузъ*“, Соф. Врем. ч. I, стр. 238 — „по *Онузъ*“; Русск. Врем. I, 92 — „на *Онозъ*“; Ник. II, стр. 371 — „по *Онозъ*“) и взяша ю и стаха станомъ ту“. — Здѣсь, очевидно, указаніе на населенное мѣсто, городокъ, близъ предѣловъ рязанскихъ, на р. Воронежѣ. (Слич. *Погодина* цитиров. статью, „Разысканія о городахъ и пред. русск. княжествъ“).

5) *Иловайскій* „не вѣрять существованію этой битвы о которой упоминаетъ Ник. лѣт. II, 371“; „впрочемъ, говоритъ онъ, отступленіе князей, вѣроятно, не обошлось безъ ошибокъ съ передовыми татарскими отрядами, которые ихъ преслѣдовали“ (Ист. Ряз. кн., по изд. 1858 г. стр. 130, примѣч. 125). Для насъ въ данномъ случаѣ важна не „битва“, а упоминаніе о князьяхъ мѣстныхъ и воеводахъ: едва ли описатель битвы или одной изъ ошибокъ (употребляемъ возраженіе *Иловайскаго*) рязанскихъ князей съ Татарами въ Придонскомъ краѣ употребилъ выраженіе мѣстный вообще о рязанскихъ князьяхъ и воеводахъ, а не о тѣхъ изъ нихъ, кои управляли мѣстностью, гдѣ происходили первыя столкновенія рязанскихъ князей съ Татарами въ 1237 году.

время второго монгольского нашествия¹⁾ (— чѣмъ косвенно подтверждается населенность Придонскаго края въ домонгольскій періодъ). Замѣтимъ, при этомъ, что едва ли бы діаконъ Игнатій сталъ такъ печаловаться объ уничтоженныхъ татарскимъ погромомъ придонскихъ городахъ, если бы то были — *языческія* поселенія! Лѣтописецъ, описывая шествіе Батюга къ Рязани, говоритъ, что татары на пути своемъ „много святыхъ церквей огневи предаша и монастыри и села пожгоша²⁾“. Путь лежалъ частію по Придонскому краю.

О христіанскомъ характерѣ древне-придонскихъ поселеній, уничтоженныхъ монголами, даютъ основаніе предполагать и позднѣйшія (XIV в.) грамоты русскихъ митрополитовъ Θεогноста и Алексія на Червленный Яръ „къ баскакамъ, и къ сотникомъ, и къ игуменомъ, и къ попомъ и ко всѣмъ крестьяномъ Червленнаго Яру и ко всѣмъ городомъ по Великую Ворону³⁾“. Въ грамотахъ этихъ говорится о спорѣ изъ-за управленія древне-придонскими поселеніями, возникшемъ съ открытіемъ Сарайской епархіи (1265 г.), между епископами этой новой епархіи, простиравшими свою власть на Донъ, въ области Червленскаго Яра и Рязанскими владыками съ давняго времени („по давному“⁴⁾) вѣдавшими этою мѣстностью, и объ окончательномъ разрѣшеніи названнаго спора въ пользу Рязанскаго владыки. „Пріѣхалъ ко мнѣ, — пишетъ митрополитъ Θεогностъ въ своей грамотѣ, — владыка Рязанскій... и привезъ ко мнѣ грамоту брата моего Максима митрополита, а другую грамоту Петра митрополита, — и управливають владыку Рязанскаго и велятъ ему держати всего передѣла того по Великую Ворону... И того дѣля нынѣ пишу къ вамъ и явно сътворяю, какъ то по тѣмъ грамотамъ братьи моей митрополитовъ, управливаю владыку Рязанскаго, ать вѣдаетъ передѣлъ тѣ весь по Великую Ворону... А что будетъ церковная пошла, и то ему давайте по давному, по церковному обычаю⁵⁾“.

Весьма важно въ приведенной выдержкѣ изъ грамоты митрополита Θεогноста упоминаніе о раннѣйшихъ грамотахъ по спорному вопросу митрополита Максима (1283—1305) и митрополита Петра (1305—1326), утвердившихъ за Рязанскими владыками всѣ земли

¹⁾ Существованія русскихъ городовъ на берегахъ Дона въ періодъ домонгольскій не отрицаетъ и *Иловайскій*. Говоря о появленіи на Дону Половцевъ въ XI вѣкѣ, онъ замѣчаетъ: „Русскіе города на берегахъ Дона и поселенія на Воронежѣ, кажется, не мѣшали варварскимъ ордамъ иногда раскидывать свои кочевья внутри угла, который образуютъ эти двѣ рѣки“ (Ист. Ряз. княж., стр. 112—113, по изд. 1858 г.).

²⁾ У *Иловайскаго*, *ibid.*, стр. 114—115.

³⁾ Акты Историч. Т. I, № 1 и 3. Первая грамота начинается словами: „Благословеніе Θεогноста Митрополита всея Руси къ дѣтемъ моимъ къ баскакомъ, и къ сотникомъ, и къ игуменомъ, и къ попомъ, и ко всѣмъ христіаномъ Черленаго Яру, и ко всѣмъ городомъ по Великую Ворону“. Вторая: „Благословеніе Алексія Митрополита всея Руси, ко всѣмъ христіаномъ, обрѣтающимся въ передѣлѣ Черленаго Яру, и по карауломъ возлѣ Хапоръ, до Дону, попомъ и діакономъ, и къ баскакомъ, и къ сотникомъ, и къ бояромъ“.

⁴⁾ Здѣсь интересно отмѣтить, по свидѣтельству договорныхъ грамотъ в. к. Ивана Васильевича, сына его и братьевъ, съ в. к. Рязанскимъ Иваномъ же Васильевичемъ 1484 г., „давнюю“ зависимость верховьевъ Дона и отчасти средняго теченія этой рѣки отъ князей Рязанскихъ (У *Болговитинова*, стр. 11—12). В. к. Василій Васильевичъ (Темный, 1425—1462) купилъ нѣкоторыя мѣста въ верховьяхъ р. Дона. В. к. Іоаннъ Васильевичъ (III-й) въ 1496 г. простиравъ владѣніе свое далѣе Дона и даже на многіе города, бывшіе до времени издавна рязанскими (*ibid.*).

⁵⁾ Акты Историч. Т. I, № 1, стр. 1.

археолог. сѣздѣ въ ригѣ.

по верхнему и среднему теченіямъ р. Дона, по Червленный Ярѣ включительно¹⁾. Можно думать, что названныя грамоты вызваны были стремленіемъ митрополитовъ къ упорядоченію церковной жизни въ отдаленномъ отъ центра юговосточномъ углу тогдашней Руси, распатанной татарскимъ погромомъ. Въ этихъ же, конечно, видахъ, а равно и для распространенія христіанства между монголами, состоялось учрежденіе въ столицѣ Батыя, Сараѣ (на Волгѣ), особой епископской кафедрой. Церковная жизнь въ древне-Придонскихъ поселеніяхъ, судя по грамотамъ митрополитовъ Теоноста и Алексія, была довольно развита. Митрополиты обращаются въ нихъ между прочимъ „къ именуемому и попомъ и ко всѣмъ христіаномъ Червленнаго Яру и ко всѣмъ городомъ по Великую Ворону“. Въ области Червленнаго Яра²⁾ было, очевидно, нѣсколько христіанскихъ городовъ съ церквами и даже монастырями. Грамоты эти относятся къ XIV вѣку; но церковная жизнь въ области Червленнаго Яра не могла развиваться до указанной степени послѣ монгольскаго нашествія. Намъ извѣстно въ XIII—XIV вѣкахъ запустѣніе южной и юго-восточной Руси, переѣзды и выселенія оставшихся здѣсь князей въ Москву и вообще въ предѣлы сѣверо-восточной Руси. Вышеупомянутый діаконъ Игнатій положительно свидѣтельствуетъ о современномъ ему запустѣніи береговыхъ земель Дона на значительномъ протяженіи. Въ грамотахъ митрополитовъ Теоноста и Алексія мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ остатками древне-христіанскихъ поселеній, возникшихъ на Дону еще въ домонгольскій періодъ нашей исторіи. Никоновская лѣтопись, дѣйствительно, называетъ намъ такія поселенія еще подъ 1148 годомъ. „Князь Глѣбъ Юрьевичъ, — читаемъ здѣсь, — иде къ Резани и бывъ во градѣхъ Червленнаго Яру и по Велицѣй Воронѣ, и пакы возвратися³⁾“... Какой народности принадлежали эти поселенія, въ грамотахъ не указывается⁴⁾, и это молчаніе въ связи съ упоминаніемъ въ нихъ о „сотникахъ“, „боярахъ“, не служитъ ли свидѣтельствомъ того, что то были поселенія — славяно-русскія? Характерно упоминаніе о „баскакахъ“: область Червленнаго Яра, совмѣстно со всей Русью, подпала, очевидно, подъ иго монгольское.

Утверждая за Рязанскими владыками верхне-придонскія христіанскія поселенія по Великую Ворону, анализируемая нами грамоты митрополитовъ Теоноста и Алексія даютъ основаніе предполагать о существованіи христіанскихъ же поселеній на Дону ниже Червленнаго Яра, входившихъ въ отношеніи церковнаго управленія въ составъ

1) Кромѣ того сохранился списокъ съ отказной грамоты Сарайскаго епископа Софонія, которую онъ далъ на Костромскомъ соборѣ: „Се азъ Епископъ Сарайскій Софоній пишу сію грамоту предъ господиномъ моимъ Преосвященнымъ Теоностомъ Митрополитомъ всея Россіи и предъ братьею своею Епископы Антономъ Ростовскимъ и Даниломъ Суздальскимъ, отсель потомъ не вступатися въ предѣлахъ Рязанской на Великую Ворону, а оже вступлюся, осужденъ буду каноны“. Историч. Обзор. Рязанской іерархіи *Воздвиженскаго*. Москва. 1820 г., стр. 25.

2) Разумѣется, по толкованію Иловайскаго, „все степное пространство, заключенное между рр. Воронежъ, Дономъ, Хопромъ и Великой Вороней“. Ист. Ряз. кн., стр. 142, примѣч. 142.

3) Никон. Лѣтоп. II, 105. — *Венежитиновъ*, стр. 1, 12 и 14.

4) Интересно слич. договорныя грамоты в. к. Іоанна Васильевича III съ Рязанскими князьями (Болховитиновъ, стр. 12, 13) XV в. — Въ грамотахъ этихъ также не указывается какой либо особой народности въ предѣлахъ Придонскаго края; между тѣмъ какъ въ смежныхъ съ Дономъ мѣстностяхъ такая народность (*мордва*) называется.

„Сарайскаго передѣла“. Извѣстно, что Сарайскіе епископы назывались „Сарайскими и Подонскими“¹⁾, какъ управлявшіе этими, неизвѣстными намъ, христіанскими поселеніями въ нижней части р. Дона.

О христіанскихъ, ниже-придонскихъ, поселеніяхъ мы пока не имѣемъ надлежащихъ *историческихъ* свѣдѣній за древнѣйшій періодъ нашей исторіи. Мы знаемъ только, что еще до основанія русскаго государства, а именно въ первой половинѣ IX вѣка, владѣвшіе въ то время Дономъ Хазары обращались къ Византійскому императору Теофилу съ просьбою прислать къ нимъ искусныхъ зодчихъ для построенія крѣпости. Теофиль охотно исполнилъ эту просьбу Хазаръ, народа христіанскаго, и на Дону около 835 г. (по другимъ — 837 г.) была построена протоспагаріемъ Петроною Каматизомъ крѣпость Саркелль. Это названіе, по мнѣнію Константина Багрянороднаго и его современника, извѣстнаго подъ именемъ Леонтія Константинопольскаго (X в.), въ переводѣ значило „Бѣлая гостиница“, „Бѣлый домъ“, „Бѣлая усадьба“. Въ русскихъ же лѣтописяхъ Саркелль извѣстенъ былъ подъ именемъ „Бѣловежи“²⁾. Какъ построенная греками для народа, среди котораго христіанство уже утвердилось болѣе или менѣе прочно, крѣпость Саркелль, конечно, носила христіанскій характеръ, имѣла въ центрѣ укрѣпленія храмъ, какъ то въ послѣдствіи наблюдается при устройствѣ укрѣпленій въ христіанской Руси. Въ 969 году крѣпость Саркелль или Бѣловежа была взята в. к. Святославомъ: „и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаровъ и градъ ихъ Бѣловежю *взя*“³⁾, говоритъ объ этомъ событіи лѣтописецъ. — Дальнѣйшихъ упоминаній о крѣпости Саркелль не встрѣчается въ историческихъ памятникахъ.

Значительно ранѣе постройки Саркелла, въ низовьяхъ Дона находилась, какъ мы уже упоминали, торговая греческая колонія Танаисъ⁴⁾. Здѣсь же извѣстна болѣе поздняя колонія — венеціанская и генуэзская Тана⁵⁾.

Если не считать извѣстій о присоединенной в. к. Святославомъ къ русскимъ владѣніямъ хозарской крѣпости Саркелль⁶⁾, мѣстонахожденіе которой на Дону до сихъ поръ не приурочено къ какому-либо опредѣленному пункту, то у насъ нѣтъ другихъ частныхъ *историческихъ* свѣдѣній о существовавшихъ по нижнему Дону христіанскихъ поселеніяхъ, прикосновенныхъ къ Россіи и, съ учрежденіемъ Сарайской епархіи, перешедшихъ въ вѣдѣніе Сарайскаго епископа. Фактъ же существованія такихъ поселеній, предполагаемый грамотами митрополитовъ XIV вѣка, оказывается несомнѣннымъ и для болѣе ранняго времени послѣ недавнихъ археологическихъ на-

¹⁾ У Строева. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей. Москва. 1875 г.

²⁾ Труды IX Археологическаго Съѣзда въ г. Вильнѣ. Москва. 1895 г. Статья: „Гдѣ находилась хазарская крѣпость Саркелль“, стр. 265—266.

³⁾ Полн. собр. русск. лѣт. Т. I, стр. 56.

^{4—5)} Труды IX Арх. Съѣзда, стр. 265. — Acta et diplomata graeca, edid. Miclosich et Müller. Wien. № CLXII. Здѣсь упоминаются священники изъ г. Таны (*ταναιται*). Актъ относится къ 1356 г. — Священники — *ταναιται* находились, какъ видно изъ этого акта, въ церковной зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, которому приносили они жалобу на Аланскаго епископа, ихъ притѣснителяго (Сообщено Ю. А. Кулаковскимъ).

⁶⁾ О разрушеніи Саркелла въ лѣтописяхъ не упоминается.

ходокъ въ этой части Дона, состоящихъ изъ цѣлаго ряда христіанскихъ памятниковъ X—XII вѣковъ.

Всѣ эти памятники найдены въ юртѣ Цимлянской станицы, области войска Донскаго, въ такъ-называемомъ „Поповомъ городищѣ“.

Есть извѣстіе о находкѣ здѣсь еще въ 1820 г. *янтарнаго креста*¹⁾. Въ 1884 году г.г. В. И. Сизовымъ и В. К. Трутовскимъ открыта внутри городища, занимающаго пространство около трехъ десятинъ, „древняя стѣна какого-то зданія, имѣвшаго, повидимому, *закрученіе*“²⁾. Раскопками 1887 г. констатировано здѣсь мѣстонахождение *христіанскаго храма* и обнаружены три обломка колоннъ, на одной изъ которыхъ находится *изображеніе креста* Византійскаго стиля³⁾.

Близъ древней стѣны еще г.г. Сизовымъ и Трутовскимъ найдены:

1) *Два креста-складня*, отлитые изъ мѣди. Оба креста лежали у скелета. Кресты украшены по краю рубчиками, образующими какъ бы веревочку. Подобные кресты, говоритъ Сизовъ, *встрѣчаются въ курганахъ центральной Россіи*, и потому, по его мнѣнію, могутъ быть отнесены къ XI—XII вѣкамъ⁴⁾.

2) Фрагментъ сосуда красной глины, обжогой и цвѣтомъ напоминающій херсонскіе сосуды, украшенъ рельефнымъ *изображеніемъ креста* равноконечнаго съ расширенными и закругленными краями. Подобнаго типа кресты, говоритъ Сизовъ, *встрѣчаются на херсонскихъ монетахъ X вѣка*⁵⁾.

3) *Крестикъ равноконечный*, вырѣзанный изъ камня сѣроватаго цвѣта. Подобные кресты, по словамъ Сизова, могутъ относиться къ X вѣку, но *встрѣчаются и позднѣе*⁶⁾.

Въ 1887 году внутри Цимлянскаго „Попова городища“ найдены:

4) Состоящій изъ двухъ половинокъ (цѣлый) бронзовый крестъ, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ Распятія Господа нашего Иисуса Христа; на оборотной сторонѣ — углубленіе восьмиконечнаго креста съ остатками металлической эмали сребровиднаго цвѣта, которою углубленіе это было заполнено⁷⁾.

5—6) Бронзовыя вызолоченныя двѣ половинки отъ разныхъ крестовъ — одна съ изображеніемъ Распятія, другая съ иконой „Знаменія Божіей Матери“.

7) Обломокъ одной половинки бронзоваго креста съ изображеніемъ, по всей вѣроятности, св. Архистратига Михаила.

8) Небольшой крестикъ мѣдный, составлявшій, вѣроятно, какое-либо украшеніе. Въ ушкѣ этого крестика — приржавѣвшій металлическій (тоже мѣдный) обломокъ.

1) Труды I Археол. Съѣзда. Т. I, стр. 170. Примѣчаніе.

2) Труды VI Археол. Съѣзда, Т. IV, стр. 275.

3) Ibid., стр. 279. — Обломки мраморныхъ колоннъ, имѣвшихъ въ діаметрѣ болѣе 2 четв. аршина, были найдены въ Цимлянскомъ городищѣ еще въ концѣ прошлаго столѣтія. — Труды I Арх. Съѣзда, Т. I, стр. 170. Примѣч.

4) Ibid., стр. 275.

5) Ibid., стр. 276.

6) Ibid., стр. 277.

7) Христіанскія древности Цимлянскаго „Попова городища“, показанныя подъ №№ 4—11, были изданы нами въ *Памятной книжкѣ Воронежской губ.* 1894 г. въ приложеніи къ нашей статьѣ „Матеріалы по археологій Дона“. Кромѣ того часть этихъ древностей (безъ № 7) изданы въ Трудахъ IX Археологическаго Съѣзда рис. 71, стр. 272. — Древности эти хранятся въ Донскомъ областномъ Музеѣ, въ г. Новочеркасскѣ.

9) Крестикъ бронзовый, или изъ спрута, съ ушкомъ.

10) Двѣ половинки мѣднаго, или быть можетъ — изъ спрута, покрытаго патиною, креста, съ изображеніемъ *святыхъ русскихъ князей и страстотерпцевъ Бориса и Гльба* (первый — въ правой рукѣ держитъ церковь, а второй — въ лѣвой, кажется, крестъ) и *русскою надписью* ихъ именъ.

11) Крестъ изъ какого-то простого сѣраго камня съ просверленною вверху дырочкою для подвѣски.

Вмѣстѣ съ перечисленными христіанскими древностями, представляющими собою незначительную часть подобнаго рода древностей Цимлянскаго „Попова городища“, съ давняго времени расхищаемаго окрестнымъ населеніемъ, здѣсь найдена еще не безынтересная для насъ *русская монета*, такъ-называемое „Владимірово серебро“ третьяго типа ¹⁾.

Присутствіе русской монеты между перечисленными находками и русскихъ крестовъ не говоритъ ли за существованіе русской народности въ предѣлахъ Цимлянскаго городища? Судя же по общему характеру населенія южной Россіи въ домонгольскій періодъ ²⁾, русскіе, вѣроятно, перемѣшивались здѣсь съ другими народностями, на что указываетъ и смѣшанный характеръ открытыхъ здѣсь памятниковъ ³⁾.

Такимъ образомъ, хотя нѣтъ прямыхъ извѣстій о времени распространенія христіанства на Дону, а есть только косвенныя (выгодное географическое положеніе Придонскаго края; торговыя сношенія съ Черноморскими греческими колоніями, въ первые вѣка по Рожд. Христовѣ; близость къ Дону русскихъ областей, принявшихъ христіанство въ XI—XII вѣкахъ, въ связи съ прочною колонизаціею Придонскаго края русскими около этого времени; грамоты XIV вѣка митрополитовъ Теофоста и Алексія на Червленый Яръ, бросающія свѣтъ на время домонгольское), однако ихъ достаточно для убѣжденія въ томъ, что христіанство въ Придонскомъ краѣ существовало уже въ домонгольское время. Къ этому выводу пришелъ, какъ мы видѣли, и профессоръ Е. Е. Голубинскій, имѣющій въ виду, впрочемъ, не весь Донъ, а только его верховье и отчасти среднее теченіе этой рѣки въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губерніи. Христіанскія древности X—XII вѣковъ, открытыя въ Цимлянскомъ горо-

¹⁾ Издана въ *Пам. кн. Ворон. губ.* 1894 г. Монета эта и нѣкоторыя изъ находокъ въ Цимлянскомъ городищѣ (въ томъ числѣ одна половинка мѣднаго креста, каменный крестикъ и др.) приобрѣтены изъ рукъ крестьянъ (Труды IX Арх. Съѣзда, стр. 273).

²⁾ Проф. *Знаменскаго*. Руководство по русской церковной исторіи. Казань 1888 г., стр. 16.

³⁾ Кресты, означенные у насъ подъ №№ 4—7 по типу отнесены къ „Корсунскимъ“ X—XI вѣковъ. Кресты эти были на разсмотрѣніи профессоровъ Д. Ив. Прозоровскаго и Н. В. Покровскаго. — Первый призналъ кресты Корсунскими. Особенно интереснымъ онъ считалъ изображеніе на одномъ изъ крестовъ Божіей Матери, такъ какъ видѣлъ на груди ея греческое изображеніе „Знаменія“ т.-е. Спасителя. Форма эта — „воплощеніе“, или изображеніе Спасителя во чревѣ ведется чуть-ли не со времени Константина, посвятившаго Богоматери свой городъ. У насъ, въ Россіи, въ Новгородѣ, она получила названіе „Знаменія“, и Божія Матерь изображалась по поясъ, съ воздѣтыми кверху руками.

Второй далъ о крестахъ такой отзывъ: „На нихъ видны остатки металлической эмали, весьма твердой. Надписи и изображенія чисто византійскія. Кресты такого типа были носимы монахами на спицѣ. Особая форма эмалированнаго креста на одномъ изъ крестовъ (№ 4) есть чисто греческая и появилась она съ VIII до XII вѣка; но по другимъ признакамъ кресты эти можно отнести къ періоду между X—XII вѣками“ (*Памяти. кн. Ворон. губ.* 1894 г., стр. 198—199).

дицѣ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и нижняя часть Дона была просвѣщена христіанствомъ и, повидимому, даже ранѣе того времени, когда произошло знаменательное событіе крещенія русскаго народа при св. Владимирѣ¹⁾.

¹⁾ По постройкѣ, Цимлянское городище производитъ впечатлѣніе „древняго укрѣпленнаго жилища“ Надъ р. Дономъ, на полугорѣ, находится въ этомъ мѣстѣ „огромный камень, на которомъ высѣченъ крестъ“ (Труды IX Арх. Съѣзда, стр. 267) „византійской формы съ греческою (?) надписью, отъ времени значительно утратившеюся“ (ibid., 275).

О разработкѣ географической номенклатуры.

И. П. Филевича.

Вопросы, связанные съ географической номенклатурой, были не разъ обсуждаемы на археологическихъ сѣздахъ, а рядъ предлагаемыхъ сѣздамъ относительно ея запросовъ, не получившихъ достаточнаго разъясненія, тянется непрерывно до настоящаго сѣзда. Запросы эти, и частнаго, и общаго характера, показываютъ, что обсужденіе научнаго значенія номенклатуры еще далеко не закончено.

Настоящія замѣчанія могутъ быть поэтому не неумѣстны. При крайней сложности предмета, они врядъ ли могутъ исчерпать его, но я рѣшаюсь предложить ихъ вниманію сѣзда въ томъ убѣжденіи, что уясненію подобныхъ вопросовъ значительно содѣйствуетъ общее обсужденіе.

Исторія разработки занимающаго насъ матеріала можетъ быть изложена въ немногихъ словахъ.

Номенклатура играетъ роль уже на первыхъ страницахъ нашего дѣписанія. Здѣсь встрѣчаемъ такія, напримѣръ, соображенія: „и отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ, яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава“. Тоже о Полочанахъ: „на-рекошася Полочане рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота“, а также о Полянахъ: „Полями прозвани быша, зане въ поли сѣдяху“ (Лавр. 5, 28). Подобныя соображенія доказываютъ, какъ естественно чувство, что „земля есть книга, въ которой исторія человѣческая записывается въ географической номенклатурѣ“ (Надеждинъ). Этимъ и объясняется цѣлый рядъ ссылокъ на номенклатуру, начиная съ древности и до настоящаго времени. Въ большинствѣ случаевъ эти ссылки выражались или въ остроумныхъ, а иногда и весьма неуклюжихъ этимологизаціяхъ названій, или въ комбинаціяхъ, основанныхъ на созвучіи словъ. Послѣднія, вытекаая изъ простой ассоціаціи звуковъ, приводили обыкновенно къ воздушнымъ путешествіямъ въ безбрежномъ пространствѣ, къ произвольнымъ гипотезамъ о племенныхъ миграціяхъ, и они-то главнымъ образомъ составили номенклатурѣ плохую славу матеріала крайне ненадежнаго. Достаточно указать на цѣлый рядъ соображеній о Руси и Ляхахъ, которыя основаны исключительно на подобозвучіи, на мнѣнія о связи Чеховъ и амударьинскихъ Кехіевъ, Суоми и Сумировъ и т. п., имъ же нѣсть числа. Сюда

же слѣдуетъ отнести общеизвѣстныя указанія на связи Смолянъ, Дреговичей, Кривичей балканскихъ и русскихъ, соображенія Бѣляева о полоцкой колонизаціи на широкомъ пространствѣ земель западнорусскихъ, Хлѣбовскаго о поморской колонизаціи въ земляхъ ляхскихъ и проч. и проч. Крайностей избѣжали лишь весьма немногіе изслѣдователи, не обходившіе номенклатуры, но, кажется, избѣжали только потому, что они пользовались номенклатурой лишь какъ вспомогательнымъ матеріаломъ. Выводы ихъ опирались на другихъ, преимущественно письменныхъ данныхъ, а номенклатура привлекалась лишь по столько, по сколько она подтверждала эти выводы, и слѣдовательно, самостоятельнаго значенія ей не приписывалось.

Въ славянской литературѣ прежнихъ лѣтъ мнѣ извѣстны двѣ попытки освѣтить значеніе географической номенклатуры, какъ самостоятельнаго научнаго матеріала. Одна принадлежит Ходаковскому, другая Надеждину.

Ходаковскій отмѣтилъ одинъ безспорный фактъ — частую повторяемость нѣкоторыхъ названій на громадномъ пространствѣ нынѣшней славянской территоріи и указалъ связь этого факта съ нѣкоторыми сторонами жизни славянскаго племени. Объяснять этотъ фактъ случайностью не было никакой возможности, и теорія Ходаковскаго, высказанная къ тому же съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, плѣняла многихъ не только въ первой четверти нынѣшняго вѣка, но и долго спустя.

Надеждинъ, подобно Ходаковскому, настаиваетъ на самостоятельномъ значеніи номенклатуры, но объясненіе этого значенія онъ нашелъ не въ поэтическихъ и религіозныхъ представленіяхъ народа, а въ томъ, что номенклатура представляетъ слѣдъ существованія и дѣятельности человѣка, иначе говоря, представляетъ *фактъ этнологическій*. Въ этомъ смыслѣ Надеждинъ указалъ на географическую карту, какъ на „первую страницу исторіи“, какъ на *самостоятельный ея источникъ*, ибо „одинаковость чекана“ особенно географическихъ названій на извѣстномъ пространствѣ территоріи есть прямое и, конечно, древнѣйшее свидѣтельство о племенномъ характерѣ ея населенія. Надеждинъ рассмотрѣлъ карту современной Россіи, и по предѣламъ распространенія на ней преимущественно рѣчныхъ названій, какъ наиболее устойчивыхъ и слѣдовательно древнихъ, намѣтилъ приблизительно древнѣйшія границы племенъ (подробнѣе объ этомъ въ моей Ист. др. Руси I, 25 сл.).

Взгляды Ходаковскаго и Надеждина представляютъ двѣ самостоятельныя теоріи, охватившія громадный матеріалъ и представившія попытку объяснить его значеніе. Въ настоящее время не можетъ быть спора, что теорія Ходаковскаго искусственна, и въ развитіи науки она представляетъ, такимъ образомъ, лишнее подтвержденіе того факта, что искусственныя теоріи и системы предшествуютъ естественнымъ. Также точно не можетъ быть спора, что знаменитый Надеждинскій „Опытъ исторической географіи русскаго міра“ полагаетъ начало *географіи этнологической*. Ясно, въ чемъ заключается ея отличіе отъ географіи исторической. Послѣдняя обращается къ картѣ, какъ къ пособію, налагаетъ на нее мѣста и границы, указываемыя другими источниками и, такимъ образомъ, получаетъ условныя, конечно, карты извѣстнаго времени. Для географіи этнологической карта, т.-е. современная карта, имѣетъ значеніе самостоятельнаго источника, который долженъ быть изученъ всесторонне, и только послѣ такого изу-

ченія добытый результатъ поступаетъ въ распоряженіе историка, получающаго, такимъ образомъ, новый матеріаль, подлежащій его освѣщенію.

Каково же современное положеніе этнологической географіи у насъ въ Россіи? Положеніе это нельзя характеризовать вообще. Разныя части русской территоріи разработаны въ номенклатурномъ отношеніи неодинаково, а это оказываетъ весьма замѣтное вліяніе на отношеніе у насъ къ номенклатурному матеріалу.

Что касается положенія дѣль съ специально русской географической номенклатурой, то вотъ какъ сравнительно недавно характеризовалъ его покойный проф. Н. Барсовъ. Говоря о затрудненіяхъ, какія приходилось ему встрѣчать при своихъ работахъ, онъ отводитъ „главное мѣсто указаніямъ и свидѣтельствамъ современной географической номенклатуры, за которыми признается обыкновенно важное значеніе, но, собственно говоря, признается больше на вѣру, чѣмъ по сознательному и оправданному критикой убѣжденію“. Если прибавить, что данныя этой номенклатуры привлекались Барсовымъ лишь какъ дополненіе къ указаніямъ письменныхъ источниковъ¹⁾, а въ цѣломъ рядѣ очерковъ древнерусскихъ земель, представленныхъ кіевской школой, мы имѣемъ лишь краткіе очерки исторической географіи за время съ X или даже XI по XIV в., то нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ одного изъ представителей этой школы, что номенклатура нашихъ западныхъ областей, какъ этнологическій матеріаль, совершенно не подвергалась разработкѣ (*И. Голубовскій*, *Истор. Смол. з.* 39), и слѣдовательно приведенныя выше слова Барсова сохраняютъ полную силу и теперь. Но если состояніе разработки географической номенклатуры въ полосѣ древнерусскихъ княжествъ не представляетъ матеріала для обсуждения, то о другихъ частяхъ Россіи этого нельзя сказать. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи финскій сѣверо-востокъ. Въ разработкѣ его древности, за отсутствіемъ письменныхъ свидѣтельствъ, видное мѣсто заняла географическая номенклатура.

Уже Шёгрень ожидалъ отъ основательнаго изученія рѣчныхъ и другихъ названій не только „благодѣтельныхъ“, но даже „неожиданныхъ“ для исторіи Россіи послѣдствій. Не меньшее значеніе придавали географической номенклатурѣ Кастренъ и Европеусъ. Въ послѣднее время проф. И. Н. Смирновъ представилъ возможно полный анализъ номенклатуры финскаго сѣверо-востока въ цѣломъ рядѣ историко-этнографическихъ очерковъ о Черемисахъ, Вотякахъ, Пермькахъ и Мордвѣ. Изложу вкратцѣ главнѣйшія его соображенія по занимающему насъ вопросу.

„Первый вопросъ, который долженъ поставить себѣ изслѣдователь, приступающій къ исторіи Пермьковъ (равно какъ, прибавлю, и всякаго другого племени) — это вопросъ о ихъ древней родинѣ — были ли они аборигенами занимаемыхъ нынѣ земель или пришли въ нихъ откуда нибудь извнѣ. Отвѣтъ на него заключается прежде всего въ мѣстныхъ названіяхъ зыряно-пермьскаго края. Разбираясь въ этихъ названіяхъ, мы

¹⁾ Данныя современной карты разработаны Барсовымъ главнымъ образомъ по отношенію къ названіямъ, связаннымъ съ названіями т. н. племенъ. По предѣламъ распространенія этихъ названій Барсовъ пытался опредѣлить племенные границы древнихъ частей русскаго славянства. Въ большинствѣ случаевъ, однако, эти названія, по своему чисто топонимическому характеру, не могутъ привести ни къ какимъ заключеніямъ, и номенклатура должна здѣсь уступить мѣсто другимъ дисциплинамъ. (*Ср. Ист. др. Руси*, 45, 216).

можемъ опредѣлить этнографическія наслоенія края, что принадлежало когда-то племени Коми и что другимъ этнографическимъ элементамъ“ (Пермяки 78). Такое опредѣленіе облегчается на финской территоріи тѣмъ обстоятельствомъ, что финскія названія текучихъ водъ состоятъ обыкновенно изъ слова, обозначающаго воду, рѣку съ какимъ нибудь опредѣляющимъ свойство отдѣльной рѣки или ручья словомъ¹⁾. Въ области нынѣшнихъ Пермскихъ преобладаютъ названія съ окончаніемъ *ва* или *шоръ*. Особенный интересъ представляетъ для насъ первое.

Окончаніе *ва* замѣняется въ устахъ Русскихъ и, повидимому, Вотяковъ окончаніемъ *ма*, которому, какъ увидимъ, принадлежитъ извѣстная роль въ объясненіи смысла финскихъ названій и слѣдовательно въ финской этнологіи. Эти окончанія оказываются въ дѣйствительности однозначными. Путь, какимъ добытъ этотъ результатъ, весьма интересенъ. Онъ намѣченъ уже въ очеркѣ „Вотяки“, гдѣ изслѣдователь, по выдѣленіи изъ всей массы мѣстныхъ названій тѣхъ словъ, которыя объясняются изъ вотскаго языка, а также русскихъ, встрѣтилъ множество такихъ словъ, которыя, съ точки зрѣнія вотскаго языка, оказываются комплексами звуковъ безъ всякаго значенія. Повторяющимися частями въ этихъ названіяхъ являются звуки *ма* и *вай*. Сопоставленіе такихъ названій съ пермскими доказываетъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ общіе корни (приведенъ перечень такихъ названій), а это даетъ право заключить, что суффиксы *ма* и *ва*, связанные съ одними и тѣми же корнями, должны быть тождественны по значенію. „Въ виду того, что *ва* въ зыряно-пермяцкомъ нарѣчьи означаетъ воду и рѣку, мы, говоритъ г. Смирновъ, заключаемъ, что тоже значеніе имѣетъ и *ма*. Этотъ выводъ, правильность котораго оспаривать трудно, имѣетъ важное историко-географическое и этнографическое значеніе. Онъ даетъ намъ право сказать, что народъ, разбросавшій по губерніямъ Костромской, Вологодской, Вятской и Пермской массу рѣчныхъ названій съ окончаніемъ на *ма*, говорилъ языкомъ, представлявшимъ одно изъ развѣтвленій обширной группы діалектовъ, отъ которыхъ въ настоящее время уцѣлѣли зырянскій, пермяцкій и вотскій. Наше убѣжденіе въ его правильности укрѣпляется еще тѣмъ, что кромѣ параллельныхъ пермяцкихъ названій мы имѣемъ и параллельныя вотяцкія²⁾.

Такимъ образомъ извѣстное кастреновское объясненіе названій на *ма* (якобы изъ *маа* — земля) оказывается искусственнымъ и невѣрнымъ. Вѣрное объясненіе добыто путемъ сопоставленія рѣчныхъ названій на значительномъ пространствѣ древнефинской территоріи. Изученіе карты открываетъ и другіе признаки рѣчной номенклатуры. Нѣкоторыя названія распространены лишь на небольшомъ пространствѣ, что придаетъ имъ особенно руководящее значеніе въ глазахъ этнографа. Такъ, на примѣръ, названія съ окончаніемъ *вай* „распространены въ уѣздахъ Глазовскомъ, Сарапульскомъ, Малмыжскомъ; совершенно отсутствуютъ въ Вятскомъ, Орловскомъ, Котельницкомъ;

¹⁾ Подробный перечень этихъ опредѣлителей приведенъ проф. Смирновымъ въ его докладѣ на Моск. Междунар. Конгрессѣ доистор. археол. и антропологій: Contributions à l'ethnographie préhistorique de la Russie centrale et du nord-est. См. Труды Конгресса, т. I, стр. 104—108.

²⁾ Вотяки 30—39. Рядъ параллелей въ названіяхъ на *ма* и *ва* стр. 33, на *ма* и *шоръ*, стр. 34. Къ этимъ даннымъ прибавлены новыя въ „Пермякахъ“ стр. 80.

дважды встрѣчаются въ Слободскомъ и одинъ разъ въ Нолинскомъ“ (Вотяки 34). Въ другихъ случаяхъ обнаруживается какая-то связь между номенклатурными фактами. Такъ рѣки съ окончаніемъ *югъ* являются большею частью притоками рѣкъ съ окончаніемъ *ма* (Перм. 82).

Предѣлы распространенія рѣчныхъ названій съ характерными пермскими признаками оказываются, далѣе, весьма широкими. Начиная обзоръ ихъ съ тѣхъ мѣстъ, „гдѣ Пермь до сихъ поръ составляютъ плотную, обособленную языкомъ и бытомъ массу“ (Пермск. губ.), проф. Смирновъ указываетъ ихъ на сѣверѣ — въ бассейнѣ Вычегды, Печоры и за Ураломъ до Оби, на юго-востокѣ по Чусовой и Камѣ до устья Вятки, далѣе, на западѣ, въ области сѣверныхъ притоковъ Ветлуги, въ губерніяхъ Костромской, Владимирской, Московской, даже Калужской. Протва является ихъ крайнимъ представителемъ на югѣ. На сѣверо-западѣ граница этихъ названій совпадаетъ съ границей губерній Вологодской и Новгородской, далѣе они тянутся въ Олонецкой и Архангельской (Пермьки, 90—98). Но не исключительно эти названія характеризуютъ всю отмѣченную территорію. „На западъ отъ р. Юга до истоковъ Сухоны, захватывая обширную территорію на сѣверѣ до Ледовитаго океана и на югѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти до Волги“ оказываются названія съ окончаніемъ *ма*. Они встрѣчаются въ такомъ количествѣ, что ихъ распредѣленіе слѣдуетъ считать такимъ же фактомъ, какъ существованіе массы однородныхъ названій на *ва* (Пермскій край) и *лей* (Поволжье отъ Нижняго до Саратова), т.-е. они указываютъ на „былое присутствіе какой-то крупной народности“. Ей принадлежатъ, по мнѣнію проф. Смирнова, названія самыхъ крупныхъ рѣкъ очерченной территоріи — Сухоны, Мезени и вѣроятно Двины, причемъ первоначальныя формы этихъ названій, неискаженныя Русскими, всего вѣроятнѣе сохраняются въ названіяхъ мелкихъ рѣчекъ, какъ Суконька (га), Меженга. Очень можетъ быть, что и названіе Двина образовалось изъ болѣе ранняго Двинга (Пермьки 99—102. Ср. 43, гдѣ указано, что названіе Двина не можетъ стоять въ связи съ зырянскимъ словомъ *вынъ* — сила, какъ думалъ Шёгрень, ибо откуда въ русской формѣ явилось бы *д*).

Какому народу принадлежатъ эти названія — Лопарямъ или Югрѣ, это требуетъ выясненія и прежде всего по тѣмъ даннымъ языка земли, какія заключаются въ безспорно лопарскихъ и безспорно югорскихъ названіяхъ рѣкъ. Карта указываетъ взаимодействие названій обоихъ типовъ, т.-е. съ окончаніемъ *ма* (*ва*) и *ма*. „Нѣкоторыя изъ названій на *ма* представляются сложными изъ пермскихъ названій съ окончаніями на *ма* (*ва*) и *шоръ* съ угорскимъ или лопарскимъ (?) суффиксомъ *ма*“, напримѣръ, Молм-анга и Молома, Вамшер-анга и Вамшоръ и др. (Перм. 105—106). Это явный слѣдъ борьбы племенъ. Слѣды Вогуловъ замѣтны здѣсь и въ топографіи, какъ замѣтны они по восточнымъ притокамъ Камы (Перм. 109). „Факты, которые мы привели, замѣчаетъ проф. Смирновъ, свидѣтельствуютъ что на очерченномъ пространствѣ Коми жили 1) не одни, 2) не одновременно, а передвигались постепенно съ юга на сѣверъ, въ область Югры. Отношенія Коми къ народу, который жилъ на западѣ отъ р. Юга, недостаточно ясны. Что онъ изстари занималъ теченіе Сухоны слѣдуетъ уже изъ самаго названія этой рѣки. Но какимъ образомъ Коми являются на западѣ

въ бассейнѣ Костромы, Вязьмы, Москвы-рѣки, занимая островъ, окруженный югорскими и болгарскими Финами? Этотъ вопросъ, равно какъ и вопросъ о томъ, когда жила Пермь за Ураломъ въ области Обскаго бассейна и жила ли она тамъ или только заходила на промыслы, мы оставляемъ открытымъ“ (Перм. 111—112). Роль этнологической географіи кончена, обслѣдованіе намѣченныхъ ею вопросовъ должны взять на себя другія дисциплины, задача которыхъ значительно упрощается, благодаря окончательному выводу этнологической географіи, по которому оказывается, что „на пространствѣ, которое нынѣ занимаютъ и прежде занимали Коми, нѣтъ другихъ слѣдовъ, кромѣ оставленныхъ этими послѣдними и Югрой († Лопари?)“ (Перм. 113).

Весь этотъ результатъ добытъ изученіемъ карты¹⁾. Окончательное его уясненіе требуетъ, конечно, филологическаго анализа названій, но, во-1-хъ и самъ по себѣ добытый результатъ не маловаженъ. Онъ возбуждаетъ вопросы и въ значительной степени освѣщаетъ путь ихъ рѣшенія. Во-2-хъ для филологическаго анализа требуется прежде всего полное сведеніе того же номенклатурнаго матеріала, т.-е. полное изученіе карты. Безъ этого филологъ не будетъ стоять на твердой почвѣ. И это понятно. Повторяемость названій обуславливается самою ихъ сущностью: названія не могутъ быть комплексами звуковъ безъ значенія, а представляютъ въ общемъ или характеристику природы мѣста, или — дѣятельности человѣка, или, наконецъ, простую отмѣтку связи человѣка съ мѣстомъ. Такъ это у Финновъ (*Смирновъ*, Вотяки 31, Мордва 6), такъ это и у Славянъ, т.-е. въ частности и у Русскихъ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе чистой въ номенклатурномъ отношеніи славянской полосѣ (см. мою *Ист. др. Руси*, 99 слл.), и естественно поэтому, что рядъ одноименныхъ названій, среди которыхъ могутъ быть формы древнѣе или лучше сохранившіяся, долженъ представлять для филолога исходный матеріалъ при анализѣ и объясненіи названій. Приведенный выше примѣръ объясненія названій Сухона, Мезень и, быть можетъ, Двина представляетъ тому лучшее доказательство. Если онъ и не объясняетъ смысла названій, то несомнѣнно представляетъ единственный путь къ уясненію этого смысла и уже поэтому составляетъ дѣйствительно, а не мнимое приобрѣтеніе науки, какъ многія чисто филологическія, т.-е. отрѣщенные отъ карты объясненія. Выше указано было такое объясненіе названія Двина у Шёгрена. По другому такого же рода объясненію, акад. Куника, тоже названіе стоитъ въ связи съ числомъ два „so dass demnach Dwina (vgl. bini und bis; dwynà, Dualform für Zwillinge; ahd zuinnilinc, zwēne masc. u. s. w.) der entzweiende oder zwei Ufer des festen Landes trennende Fluss sein würde“. (*Bielenstein*, *Die Grenzen...* 490. По

¹⁾ Изъ указанныхъ работъ проф. Смирнова особеннаго вниманія въ занимающемъ насъ отношеніи заслуживаютъ „Пермяки“. Здѣсь карта разработана всего полнѣе, оттого и выводы чрезвычайно существенные. Что касается „Мордвы“, то, на мой взглядъ, почтенный авторъ остановился здѣсь на полупутѣ, — не раздвинувъ номенклатурнаго анализа за предѣлы нынѣшней мордовской территоріи, на губерніи Тамбовскую, Воронежскую, Курскую, Орловскую, гдѣ прежде предполагалъ первоначальную мордовскую территорію (Черемисы 10), и вслѣдствіе этого долженъ былъ ограничиться весьма нерѣшительнымъ выводомъ: „благодаря открытію сокращенныхъ мордовскихъ мѣстоназваній, необходимость искать древнюю редицу Мордвы далеко за предѣлами ея нынѣшняго края какъ будто устранивается“ (стр. 10). Открытіе это врядъ ли можетъ успокоить изслѣдователей.

миѣнію акад. Куника, это названіе было перенесено Новгородцами и на сѣверную Двину. Почему именно на с. Двину, а не на всякую другую рѣку — неизвѣстно). О различіи между объясненіемъ перваго и втораго рода говорить, конечно, нечего; но что это различіе обуславливается именно методомъ изслѣдованія древности, доказательство на лицо. Акад. Куникъ въ своемъ объясненіи исходитъ изъ того, что з. Двина протекаетъ по значительной части той территоріи, которая „als erster nachweisbarer Ursitz des Slavenstammes anzusehen ist“. По другому методу древнѣйшая территорія племени, которую можно съ точностью указать, должна быть опредѣлена прежде всего по даннымъ номенклатуры, и слѣдовательно въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время, если и можно говорить о первоначальной территоріи Славянъ, то во всякомъ случаѣ къ ней надо подходить отъ рѣчныхъ названій, а не наоборотъ — ставить предположеніе о древнѣйшей славянской территоріи исходной точкой ихъ объясненія¹⁾. Впрочемъ, о методѣ изученія древности я имѣлъ случай подробно говорить въ другомъ мѣстѣ (Ист. др. Руси I, 25—68).

Возвращаясь къ даннымъ номенклатуры, замѣчу, что опредѣленные типы названій характеризуютъ не только нынѣшній сѣверо-востокъ Россіи. Въ „Ист. др. Руси“ (стр. 123) я имѣлъ случай отмѣтить рядъ рѣкъ съ окончаніемъ *сса, са, за, ша* на территоріи между Вислой, Березиной дѣлр., Припятью и моремъ. Этотъ рядъ представляетъ прямую параллель рядамъ названій на *ма (ва), ма, лей*, но относить его насчетъ финнизма едва ли слѣдуетъ до подробнаго изученія карты Литовской территоріи.

Что касается славянской, въ частности русской, номенклатуры, то указанная выше категорія названій выражаются въ ней не отдѣльными опредѣлителями, придающими номенклатурѣ типичный характеръ, а суффиксами. Сущность, конечно, остается таже, но, благодаря этому, на русской территоріи нельзя указать типичныхъ полосъ, подобныхъ финскимъ или литовской (?). Быть можетъ, поэтому анализъ славянской номенклатуры, особенно распредѣленіе ея матеріала по извѣстнымъ группамъ, труднѣе. (Заслуживающій вниманія опытъ такого распредѣленія представилъ *T. Wojciechowski*, *Chrobacya. Rozbior starożytności slowiańskich*. Kraków 1872). Зато очень ярко обнаруживается на картѣ территорія сравнительно однородной и смѣшанной номенклатуры, намѣчается такимъ образомъ гнѣздо племени и его окраины. Не малое значеніе получаетъ въ этомъ случаѣ и тотъ фактъ, что порубежья хранятъ слѣды прежняго населенія въ мѣстныхъ названіяхъ однородныхъ съ племен-

¹⁾ Въ указанномъ мѣстѣ акад. Куникъ очень горячо, словами Катона, призываетъ къ разработкѣ рѣчной номенклатуры: „ceterum censeo, potamologiam comparativam componendam et colendam esse“. Присоединяясь всецѣло къ этому призыву, не могу не указать на одно весьма смущающее меня обстоятельство. Акад. Куникъ утверждаетъ здѣсь же, „что находящаяся въ пеленкахъ спеціальная дисциплина — сравнительная потамологія“ — пинаугурирована статьей Милленгофа о Дунаѣ. Извѣстно однако, что Милленгофъ въ этой статьѣ представилъ лишь филологическій анализъ слова Дунай, точнѣе — анализъ комплекса звуковъ, составляющихъ это слово. Никакой рѣшительно справки съ картой въ статьѣ Милленгофа не имѣется, и до сихъ поръ остаются неизвѣстными какъ предѣлы, такъ и степень распространенія названія Дунай въ географической номенклатурѣ. Какое же, спрашивается, отношеніе имѣетъ статья Милленгофа къ сравнительной потамологіи или къ сравнительной топографической ономастикѣ, на которую акад. Куникъ возлагаетъ тоже не малыя надежды?

ными. На финскомъ сѣверо-востокѣ имѣется цѣлый рядъ такихъ примѣровъ (см. *Смирновъ*, Черемисы 11—14; Вотяки 8—10, 13; о слѣдахъ Вогуль, Пермьяки 109), и именно поэтому нельзя не придавать значенія совершенно аналогичнымъ фактамъ, какіе замѣчаются на западныхъ русскихъ окраинахъ: на Карпатахъ (Ист. др. Руси 170 сл., 186, 209) и въ Побужьи, гдѣ на небольшомъ сравнительно пространствѣ, преимущественно въ нынѣшнихъ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ, имѣется свыше 20 названій связанныхъ съ именемъ Руси. — На Карпатской территоріи замѣчается далѣе таже двойственность названій, какую у насъ представляетъ крайній сѣверо-востокъ, причѣмъ тутъ и тамъ открывается одинаковая необходимость справокъ относительно названій у мѣстнаго населенія. Какъ многія названія на территоріи Вогуль имѣютъ на нашихъ картахъ зырянскій характеръ, потому что сообщены были Русскимъ зырянскими проводниками (Пермьяки 112), такъ на территоріи угасающей угорской Руси при оффиціальному Iglencz существуетъ названіе Глинянецъ, при Also-Karaslo — Зарѣчье и проч. и проч. — названія, о которыхъ можно узнать только или на мѣстѣ, или изъ церковныхъ схематизмовъ. Въ этихъ же схематизмахъ попадаются и другія указанія: „Czerchalom — antea Dubrovka, Gombas — olim Hribocz et Vogotnicza“. Къ какому времени относятся эти antea и olim — неизвѣстно, какъ неизвѣстно въ точности, къ какому времени относится, на примѣръ, замѣна названія Сухона — Шелонью. (*Замысловскій*, Герберштейнъ 155). Во всякомъ случаѣ значеніе этихъ примѣровъ не подлежитъ сомнѣнію, и еще Надеждинъ требовалъ „предварительной работы надъ географической номенклатурой, восходящей отъ нынѣшнихъ названій къ древнимъ старобытнымъ, первоначальнымъ черезъ весь рядъ измѣненій, которыя они вытерпѣли“.

Опредѣленіе измѣненій или исторія названій расширяетъ данныя современной карты, но именно это обстоятельство и должно, кажется, опредѣлять порядокъ номенклатурныхъ работъ. Надо прежде имѣть что расширять, т.-е. надо собрать матеріалъ, представляемый современной географической номенклатурой и надлежащимъ образомъ его разработать и только послѣ этого приступать къ расширенію и углубленію. На этомъ порядкѣ номенклатурныхъ работъ я смѣю особенно настаивать, какъ въ виду указаннаго выше безспорнаго значенія данныхъ современной географической карты, такъ и въ виду того, что самый успѣхъ разработки исторіи названій требуетъ не только полнаго изученія карты, но и дополняющихъ ее справокъ на мѣстѣ. Доказательства можно найти въ работѣ Н. Н. Оглоблина, Объяснительная записка къ картѣ полоцкаго повѣта во второй половинѣ XVI в. (Сборникъ Археол. Инст. 1880 кн. III—IV). Главнымъ источникомъ для этой работы послужили полоцкія писцовыя книги за время 1563—73 гг. и книга Рубежей. Весь матеріалъ, доставленный этими книгами, выражается въ цифрахъ такимъ образомъ: 1) поселеній 551; 2) пустыхъ пунктовъ (т.-е. еще сравнительно недавно населенныхъ) 226; 3) пустошей 577 — всего 1354; кромѣ того безыменныхъ пунктовъ (т.-е. не описанныхъ, даже не поименованныхъ, а только перечисленныхъ) 1088. Итого вмѣстѣ 2442. (III, 23). Дополнительныя данныя прибавили еще 56 пунктовъ. При нанесеніи этого матеріала на карту удалось опредѣлить: 1) населенныхъ пунктовъ 190 (изъ 587 пунктовъ

писцовыхъ книгъ и дополнительныхъ данныхъ); 2) пустыхъ 40 (изъ 226); 3) пустошей 121 (изъ 599 писцовыхъ книгъ и дополи. данн.). Всего такимъ образомъ 351 пунктъ изъ 1412. При этомъ болѣе или менѣе достовѣрно опредѣлено 180 пунктовъ, а сомнительно 171 пунктъ (III, 27). Таковы результаты обследованія памятника особенно богатаго номенклатурнымъ матеріаломъ и притомъ за позднее сравнительно время. Незначительность результата можетъ дать поводъ указывать на подвижность и слѣдовательно ненадежность матеріала. На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Въ дѣйствительности мѣняется лишь характеръ населенности, и это очень ярко опредѣляется разными видами пустыхъ пунктовъ, куда относятся: 1) селища и пустоши съ храмами; 2) деревни съ пустыми дворами; 3) пустоши съ печищами; 4) наконецъ мѣста, гдѣ не осталось слѣдовъ жилья, а лишь названіе (III, 21). Именно этотъ послѣдній видъ и доказываетъ, что, при частыхъ измѣненіяхъ характера населенности, характеръ номенклатуры собственно не мѣняется, ибо движеніе совершается въ одномъ кругѣ: названія поселеній становятся названіями урочищъ и наоборотъ — новыя поселенія въ большинствѣ случаевъ получаютъ названія урочищъ, на которыхъ возникли. То, на что съ необыкновенной наглядностью указываютъ полоцкія писцовыя книги, происходитъ, конечно, и въ другихъ мѣстахъ (для примѣра ср. *T. Wojciechowski*, *Chrobascy*), такъ что взаимный обмѣнъ названій поселеній и урочищъ можно считать фактомъ достаточно установленнымъ. Конечно, съ увеличеніемъ населенія, расчисткой лѣсовъ и проч., должны возникать и новыя названія, но во-1-хъ они не могутъ выходить изъ предѣловъ указанныхъ выше категорій названій, а во-2-хъ въ номенклатурныхъ выводахъ можетъ имѣть значеніе или общій характеръ названій, при однородности, или процентное ихъ отношеніе при разнородности названій, т.-е. не отдѣльные, а массовые факты, которые не могутъ не имѣть значенія этнологическихъ показателей. Вотъ почему незначительное сравнительно количество населенныхъ г. Оглоблинымъ на карту пунктовъ объясняется съ гораздо большей вѣроятностью, не измѣнчивостью названій, а неполнотой матеріала, какимъ изслѣдователю пришлось ограничиться. Г. Оглоблинъ „не успѣлъ ознакомиться“ съ мѣстными изданіями Витебской губерніи (губернскими и епархіальными вѣдомостями и памятными книжками) (III, 28), и что для насъ гораздо важнѣе — даже 3-верстная карта оказывается недостаточной для научнаго изслѣдованія. „Большая часть рубежей, говоритъ г. Оглоблинъ, описывается очень подробно: при описаніи ихъ упоминаются не только населенные и другіе пункты, рѣки, рѣчки, ручьи, озера, озерки, болота („мхи“ и „мшары“), горы, поля, лѣса, пожни, но и такіе мелкіе признаки, какъ — суходоль, поляна, дубъ, камень и т. п. (встрѣчаются два непонятныхъ термина: „рѣпище“ и „тяжница“). Понятно, что изъ всѣхъ этихъ признаковъ я могъ пользоваться только такими крупными, какъ рѣки, рѣчки, ручьи, озера, озерки и болота. Правда, на 3-верстной картѣ можно различать и поля, и лѣса, и горы, но всѣ они — безъ названій“ (III, 35). Еще примѣръ. Въ рукописи упоминается „Нещерда, городъ“. По книгѣ Большого Чертежа извѣстно, что онъ стоялъ на озерѣ. Но на картахъ Витебской губерніи „подлѣ оз. Нещерды нѣтъ никакого селенія съ именемъ Нещерды... на 3-верстной военно-топографической картѣ есть знакъ селенія,

но — безъ имени“ (IV, 12). Очевидно, для нанесенія на карту этого пункта требуется справка на мѣстѣ и не только относительно непомѣченнаго на картѣ названія селенія, но и его урочищъ. Въ иномъ, конечно, положеніи находился бы изслѣдователь, будь у него подъ руками полный номенклатурный словарь.

Каковы результаты географическаго анализа болѣе древнихъ памятниковъ можно видѣть въ трудѣ А. Биленштейна (*Die Grenzen des lettischen Volksstammes. S.-P.-brg.* 1892). Биленштейнъ разсмотрѣлъ по письменнымъ памятникамъ XIII в. весь номенклатурный матеріалъ нынѣшней латышской территоріи. Въ итогѣ получилось 172 названія. Но внушительность этой цифры значительно ослабляется при распредѣленіи названій по областямъ и особенно по округамъ. Для округа Эрваленъ имѣется, напри- мѣръ, всего 1 названіе; въ четырехъ округахъ — всего по 2 названія, въ двухъ — по 3. Наибольшее количество названій для одного округа не превышаетъ 16 (*Die Grenzen, 320—321*). Если принять во вниманіе, что формы названій нерѣдко искажены до крайности, въ другихъ случаяхъ, гдѣ названія не соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ, приуроченіе ихъ къ опредѣленнымъ мѣстамъ представляетъ не малыя затрудненія даже для мѣстнаго человѣка (какъ г. Биленштейнъ, и при исключительно благопріятныхъ условіяхъ работы) и многія приуроченія Биленштейна возбуждаютъ сомнѣнія (см. отзывъ проф. Беценбергера (*Magazin d. lett-literar. Gesellschaft Bd. XIX, 3 St. Mitau 1894, стр. 97*), наконецъ, что трудно быть увѣреннымъ, принадлежатъ ли указываемыя въ документахъ названія дѣйствительно жителямъ данной мѣстности или они приведены со словъ проводниковъ (подобно тому, какъ это мы видѣли у насъ на сѣв.-вост. съ зырянскими названіями на территоріи Вогуль, и какъ это можно сказать о названіяхъ въ орденскихъ дорожникахъ; ср. отв. Беценбергера стр. 90), то нельзя не сказать, что всестороннее изслѣдованіе названій латышскаго края за XIII в. дало результаты болѣе чѣмъ скромныя. Вотъ почему одинъ изъ критиковъ труда г. Биленштейна — проф. Ширренъ — отнесся къ его статистическимъ даннымъ за XIII в. весьма скептически (*Magazin, 62*), а другой — Беценбергеръ — и совсѣмъ не упомянулъ о нихъ.

Все сказанное даетъ, кажется, основаніе утверждать, что на исторію названій мы можемъ надѣяться лишь въ весьма отдаленномъ будущемъ. Сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи можно будетъ ждать лишь тогда, когда номенклатурный матеріалъ будетъ изученъ систематически по памятникамъ, по крайней мѣрѣ за нѣсколько вѣковъ. Что однако отсутствіе исторіи названій вовсе не лишаетъ значенія данныя современной географической карты, это мы видѣли, говоря о финскомъ сѣверо-востокѣ. Тоже самое можно сказать и о латышской части прибалтійскаго края. Оба упомянутые критика труда Биленштейна единогласно придаютъ существенное значеніе имѣющимся у Биленштейна даннымъ современной номенклатуры (*Атласъ V, 2*), а г. Беценбергеръ, не соглашаясь съ Биленштейномъ относительно приоритета Латышей, считаетъ возможнымъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, отослать читателя прямо къ указанной картѣ, вмѣсто всякихъ соображеній. (Отзывъ, *Magaz. 132*). Слѣдуетъ при этомъ принять во вниманіе, что изъ данныхъ современной номенклатуры Биленштейнъ воспользовался лишь названіями поселеній (*Güter u. Bauerhöfe, Die Grenzen, 355*), совершенно оставивъ въ сторонѣ названіе водъ и урочищъ. Свой матеріалъ

Биленштейнъ однако нанесъ на карту и показалъ на ней процентное отношеніе финскихъ названій къ латышскимъ. Результатъ этого мы видѣли¹⁾.

Въ томъ-то и заключается значеніе номенклатуры, что она вводитъ въ самую сущность этнологическихъ процессовъ, а при паложеніи ея данныхъ на карту вполне наглядно представляются ступени воздѣйствія племенныхъ массъ другъ на друга, т.-е. какъ разъ то, о чемъ почти вовсе не говорятъ письменные источники.

Рядъ полосъ съ различнымъ номенклатурнымъ характеромъ — то съ названіями по языку однородными или опредѣленнаго типа, то съ названіями смѣшанными (напр. одни въ хорографіи, другія въ топографіи) или двойственными, то съ искаженными, какъ бы представляющими послѣднюю стадію борьбы, то наконецъ съ названіями уродливо искаженными или бессмысленно передѣланными — этотъ рядъ полосъ представляетъ яркую иллюстрацію этнологическихъ и вмѣстѣ историческихъ процессовъ, опредѣляя ихъ районъ полосами замиранія и прилива извѣстнаго рода звуковъ.

Этотъ матеріалъ можно свести къ цифрамъ, наложить на карту и получить такимъ образомъ наглядное отраженіе постепеннаго хода указанныхъ процессовъ. Это своего рода лѣтопись, и, безъ сомнѣнія, очень яркая. Надо прежде всего изучить эту лѣтопись, обследовать въ возможной полнотѣ ея данныя, и только послѣ этого наступитъ естественный чередъ для привлеченія данныхъ по исторіи названій.

Языкъ земли въ тѣхъ полосахъ, которыя, въ большей или меньшей свѣжести формъ своей номенклатуры, увлекаютъ иногда изслѣдователя далеко отъ нынѣшняго ядра племени, воскрешаетъ передъ нами отдаленнѣйшую древность, обнаруживаетъ ея дѣйствительный племенной характеръ и избавляетъ такимъ образомъ изслѣдователя отъ той ошибки, которая столько вреда причиняла и причиняетъ наукѣ: ошибки судить о далекой старинѣ по современности, о древней, напр., Руси по нынѣшней Россіи. Въ тоже время номенклатура, указывая изслѣдователю опредѣленные районы племенныхъ воздѣйствій, заставляетъ его твердо держаться земли и не увлекаться племенными миграціями по случайнымъ намекамъ и упоминаніямъ, ибо изслѣдователь долженъ имѣть дѣло не съ единичными номенклатурными фактами, а съ цѣлыми полосами, въ языкѣ земли которыхъ безспорно отпечатлѣвается процессъ племенныхъ взаимодѣйствій.

Вотъ почему съ номенклатурными указаніями совпадаютъ рѣшительно всегда указанія этнографіи и діалектологіи — дисциплинъ, столь же ярко освѣщающихъ воздѣйствія массъ другъ на друга. То, что напримѣръ сообщаетъ проф. Смирновъ объ обрусѣніи Пермь (172—174), повторяется точка въ точку съ Русью на рубежахъ польскомъ, словацкомъ, малярскомъ, румынскомъ (Ист. др. Руси, 189—213, 241—272), гдѣ эта Русь съ отдаленныхъ временъ подвергается воздѣйствію сосѣдей, болѣе сильныхъ въ тѣхъ мѣстахъ своею массой, а въ позднѣйшее время и историческими традиціями. Тѣ же самыя явленія повторяются и должны повторяться рѣшительно вездѣ, при тѣхъ же условіяхъ, вездѣ одинаково отражаясь, какъ въ номен-

¹⁾ Правда, авторъ и его критикъ совершенно расходятся въ объясненіи карты, но это едва ли было бы возможно, если бы въ нее былъ включенъ и матеріалъ хорографической, особенно названія водъ.

археолог. сьездъ въ ригѣ.

клатурѣ, такъ въ языкѣ и бытѣ населенія. Для изученія послѣднихъ номенклатура во многихъ отношеніяхъ можетъ представлять руководящія указанія: названія рѣкъ и урочищъ представляютъ діалектическія формы въ наиболѣе неизмѣненномъ видѣ, а, по связи многихъ названій съ именами или прозвищами первыхъ поселенцевъ, съ характеромъ ихъ дѣятельности и природой мѣста, она представляетъ богатый матеріалъ для освѣщенія всѣхъ этихъ данныхъ (см. напр. у *Смирнова* (Вотяки) списокъ вотяцкихъ языческихъ именъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ патронимическихъ названій).

Остается еще одинъ вопросъ — о хронологіи названій. Теперь на этомъ вопросѣ, кажется, нѣтъ надобности долго останавливаться. Поскольку этнологическая географія освѣщаетъ прото- и даже доисторическіе процессы, они, понятно, и не могутъ подлежать обычно-историческому годовому опредѣленію. Требованіе хронологіи названій имѣло въ свое время большое значеніе. Оно сдерживало охотниковъ до произвольныхъ гипотезъ, основанныхъ на созвучіяхъ или подобозвучіяхъ. Гипотезы эти, при прежнемъ такъ называемомъ прогрессивномъ методѣ изслѣдованія древности, дѣйствительно не обогащали, а лишь засоряли науку. Въ настоящее время можно указать примѣръ, когда номенклатурныя данныя выдерживаютъ хронологію геологическую. (См. въ указанномъ отзывѣ *Беценбергера* замѣчанія о возрастѣ названій *jūga* и *krántas*. *Magazin* 124 сл.). Не слѣдуетъ забывать, что этнологическая географія имѣетъ дѣло не съ отдѣльными названіями, а съ массовыми фактами, съ цѣлыми полосами. Требовать въ этомъ случаѣ ссылокъ на письменныя свидѣтельства нѣсколько странно, а защищать старый методъ изслѣдованія древности можно въ настоящее время развѣ по недоразумѣнію. Не могу не привести здѣсь прекрасныхъ словъ проф. *Беценбергера*: *Ist die Methode der vorgeschichtlichen Forschung noch nicht wissenschaftlich genug, ist sie selbst noch zu sehr der Tummelplatz dilletantischen Thatendranges, so nehme man sich ihrer doch lieber an, als dass man stumpfsinnig zusieht, wie Jahr für Jahr die einzigen Reste unserer ungeschriebenen Geschichte unausgenützt vernichtet werden*“ (Отзывъ к. в.).

Однимъ словомъ, если справедливы слова *Гримма*: „есть болѣе живыя свидѣтельства о народахъ, чѣмъ кости, гробы и оружіе, это — ихъ языкъ“, то въ ряду этихъ свидѣтельствъ языка географическая номенклатура должна занять одно изъ видныхъ мѣстъ, при освѣщеніи вопросовъ, связанныхъ съ протоисторіей народовъ.

Едва ли можно спорить, что собраніе и разработка этого матеріала не должны быть откладываемы.

Правда, лѣтопись, начертанная въ языкѣ земли, отличается въ общемъ устойчивостью. *Великороссъ* до сихъ поръ называетъ свои рѣки и урочища по-фински; наоборотъ, *Нѣмецъ*, *Мадьяръ*, *Румынъ* называетъ ихъ по-славянски: такъ трудно стереть ту печать, какую налагаетъ на землю племя, положившее въ нее первый культурный трудъ. Тѣмъ не менѣе, вѣковое массовое воздѣйствіе должно брать свое, и особенно топографія мѣняется, искажается какъ на сѣверо-восточныхъ, такъ и на юго-западныхъ окраинахъ нашего племени, и слѣдовательно научный матеріалъ сокращается, а мы, говоря словами проф. *Беценбергера*, смотримъ на это съ тупымъ равнодушіемъ.

Все сказанное сводится къ одному выводу: *надо собрать номенклатурный материалъ, чтобы сдѣлать возможной дѣйствительно научную его обработку.*

Какъ это сдѣлать?

Мнѣ кажется, нельзя найти болѣе подходящаго мѣста для обсужденія этого вопроса какъ именно археологическій съѣздъ не только по тому, что онъ представляетъ авторитетное собраніе людей знаній и опыта, но и по тому, что, по своей организаци, наши съѣзды имѣютъ наибольшую возможность осуществить такое дѣло. Периодически кочуя по Россіи, они каждый разъ близко знакомятся съ извѣстнымъ ея райономъ, возбуждаютъ и привлекаютъ къ научнымъ интересамъ мѣстныя силы. Мнѣ думается, что было бы возможно включить въ число задачъ подготовительныхъ комитетовъ приготовленіе номенклатурнаго словаря того округа (или извѣстной его части), гдѣ долженъ собраться съѣздъ. Такимъ образомъ постепенно подготовлялись бы *материалы* для словаря географической номенклатуры восточной Европы, съ территоріей которой связано столько существенныхъ вопросовъ, относящихся къ древности и гдѣ номенклатура играетъ извѣстную роль. (См. напр. *L. Niederle, O pŕivodu Slovanŭ. Praha 1896, стр. 76*). Сразу о словарѣ и думать не слѣдуетъ: онъ все равно превратился бы въ матеріалъ, только менѣе полный, чѣмъ мѣстные словари. Кромѣ того въ такомъ сложномъ дѣлѣ имѣетъ существенное значеніе планъ, система расположенія матеріала, между тѣмъ трудно заранѣе предусмотрѣть всѣ подробности, иногда мелочи, которыя однако могутъ имѣть существенное значеніе. При предварительномъ составленіи мѣстныхъ словарей, наилучшая система выработается естественнымъ путемъ, да и самый матеріалъ можно легче обозрѣть.

Въ этихъ матеріалахъ должны быть обозначены:

- 1) Названія водъ текучихъ и стоячихъ съ обозначеніемъ ихъ природныхъ особенностей.
- 2) Названіе всѣхъ другихъ живыхъ урочищъ, а также и рукозданныхъ съ обозначеніемъ ихъ топическаго характера и примѣчательности.
- 3) Полный топографическій списокъ съ обозначеніемъ при каждомъ названіи его природнаго характера и принадлежащихъ къ нему урочищъ.

Представляя вниманію съѣзда настоящія, быть можетъ, неполныя и отрывочныя замѣчанія, я буду радъ, если они хоть сколько-нибудь посодѣйствуютъ уясненію вопросовъ и устраненію недоумѣній, какія до сихъ поръ связаны съ географической номенклатурой.

Центральные русскіе архивы и ихъ значеніе для исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII в.

А. Филиппова.

Какъ извѣстно, въ началѣ XVIII столѣтія къ Россіи были присоединены герцогства Лифляндское и Эстляндское. Хотя присоединенныя провинціи и управлялись въ XVIII вѣкѣ вообще автономно, а русское правительство въ началѣ cadaго новаго, послѣ Петра В., царствованія подтверждало, какъ лифляндскаго, такъ и эстляндскаго „рыцарства благопринесенныя привилегіи, преимущества, ритерское земское право, суды, статуты, договоры и хвальныя обыкности, тако-жь и пожалованныя вновь отъ всепресвѣтлѣйшихъ предковъ (россійскихъ государей) привилегіи“ и пр., а городамъ Ригѣ, Ревелю и другимъ дозволяло „отъ правительства до правительства... содержать благополученныя привилегіи, гражданскія права, уставы, суды, цехи, вольности“ и другія ихъ привилегіи — сложные интересы центра и самихъ присоединенныхъ провинцій, естественно, создавали живой и постоянный оборотъ взаимныхъ отношеній, такъ или иначе вліяя на строй частной и общественной жизни окраины и создавая въ ней тѣ или иныя условія правопорядка. То, напр., центральное правительство, всегда весьма благожелательно относившееся къ развитію и процвѣтанію балтійскихъ провинцій, находило нужнымъ внести, въ интересахъ центра и самихъ провинцій, тѣ или иныя измѣненія въ ихъ „хвальныя обыкности“; то сами эти провинціи, въ лицѣ своихъ правительственныхъ учрежденій, или общественныхъ группъ, недовольствуясь почему-либо „благопринесенными привилегіями“, хотѣли дальнѣйшаго развитія своего мѣстнаго права, а потому и просили внести въ прежнія грамоты позднѣе „учиненныя земскія заключенія“, или дать имъ новое „лифляндское уложеніе“, такъ какъ „древнія рыцарскія права весьма неявственны и многоаго разъясненія требуютъ... отчего сумнѣнія бывають и многія тяжбы“; то, наконецъ, какъ цѣлыя корпораціи, такъ и отдѣльныя лица обращались къ центральному правительству съ разнообразными челобитьями, жалобами и пр., при чемъ одни просили милостей, пожалованій, назначенія на службу и пр., другія ходатайствовали о разрѣшеніи ихъ взаимныхъ споровъ и пререканій и т. п. Неудивительно поэтому, что центральные архивы наши, какъ, напр., Архивъ Министерства Юстиціи, въ Москвѣ, или Сенатскій Архивъ, въ Петербургѣ, будучи вообще богатѣйшими хранилищами древнихъ актовъ,

отразили въ себѣ все многообразіе этихъ отношеній и интересовъ, оставивъ въ десяткахъ тысячъ документовъ громадный матеріалъ по исторіи мѣстнаго края. Зная, какъ дорого и любезно уму и сердцу мѣстнаго образованнаго общества все то, что относится къ изученію прошедшаго его родного края и имѣя предъ собою громаднѣйшій и богатѣйшій, но совершенно еще почти не разработанный, матеріалъ по исторіи Лифляндіи и Эстляндіи XVIII вѣка, я позволю себѣ, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, указать на первоисточники къ познанію этой исторіи, хранящіеся въ двухъ архивахъ нашихъ — Сенатскомъ, въ Петербургѣ и Архивѣ Министерства Юстиціи, въ Москвѣ. Богатствами этихъ двухъ архивовъ не исчерпывается, конечно, все содержаніе актовъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ исторіи края, но мы и не имѣли въ виду дать полнаго описанія всѣхъ архивовъ. Всѣ первоисточники, относящіеся къ исторіи Лифляндіи и Эстляндіи XVIII вѣка, частію напечатанные, а еще болѣе — хранящіеся пока въ названныхъ мною двухъ важнѣйшихъ нашихъ архивахъ, могутъ быть отыскиваемы либо въ актахъ тѣхъ обще-имперскихъ учреждений, которыя такъ или иначе касались управленія названными провинціями, либо въ тѣхъ особыхъ учрежденіяхъ, или же особыхъ отдѣлахъ обще-имперскихъ учреждений, какіе уже въ началѣ XVIII вѣка были образованы въ центрѣ для лучшей администраціи этихъ провинцій. Понятно, поэтому, что, если съ одной стороны Высочайшія повелѣнія и резолюціи, журналы, протоколы и указы Верх. Тайн. Совѣта, Кабинета министровъ, Прав. Сената, коллегій и пр., въ той или иной мѣрѣ, но постоянно въ теченіе XVIII вѣка касаются Лифляндіи и Эстляндіи и среди нихъ, поэтому, то и дѣло упоминаются имена лицъ и мѣстъ этого края, то съ другой стороны обширное дѣлопроизводство *особой* камеръ-конторы лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, или *отдѣльной* юстицъ-коллегіи тѣхъ же лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, а также и дѣла, т. н. „Лифляндской экспедиціи“, состоявшей при Прав. Сенатѣ (не говоря уже о цѣломъ рядѣ частныхъ комиссій, возникавшихъ въ XVIII и XIX вв. и касавшихся прибалтійскаго края) содержатъ въ себѣ драгоцѣннѣйшія данныя по исторіи края не только за XVIII, но и за предшествующія столѣтія (такъ, напр., изъ привилегій городовъ и сословій, равно и частныхъ лицъ, нѣкоторыя восходятъ къ XIII—XIV вѣкамъ). Что же это за данныя и каково ихъ содержаніе? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, надо имѣть въ виду слѣдующее. Указанные акты относятся во 1-хъ, къ дѣламъ камеръ-конторы и во 2-хъ, юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, а эти учрежденія являются *особыми* правительственными мѣстами, выдѣленными, въ интересахъ наилучшей администраціи названныхъ провинцій, изъ обще-имперской камеръ-коллегіи и юстицъ-коллегіи. Назначеніемъ же камеръ-коллегіи было, какъ извѣстно, завѣдываніе, главнымъ образомъ, окладными и неокладными доходами государства, а одно время и государственными расходами. Первоначально, этою коллегіею вѣдались сборы и въ Лифляндіи съ Эстляндіею, пока, въ 1725 г., отъ нея не отдѣлилась особая камеръ-контора лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ. Затѣмъ, позднѣе, именно въ 1733 г., изъ обще-имперской юстицъ-коллегіи, которая являлась, между прочимъ, *апелляціонною* инстанціею для подчиненныхъ ей судебныхъ мѣстъ (въ томъ числѣ и дѣйствовавшихъ въ Лифляндіи и Эстляндіи), въ свою очередь вы-

что высшая центральная инстанція, Пр. Сенатъ, является разрѣшителемъ юридическаго спора, возникшаго между представителями мѣстныхъ общественныхъ классовъ, а во 2-хъ, что Сенатъ утверждаетъ „правость“, т.-е. справедливость своихъ рѣшеній, на безспорныхъ документальныхъ данныхъ, потребованныхъ имъ отъ рыцарства, которое, впрочемъ, и само не отказывается отъ обязательства представить необходимыя доказательства „правости“ своихъ притязаній на названныя выше „шляхетныя мѣстности“. Неудивительно поэтому, что въ актахъ камеръ-конторы и юстиць-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, мы встрѣчаемъ, „то въ подлинникахъ, то копіяхъ и сборникахъ, грамоты на разныя права и преимущества, пріобрѣтенныя сословіями, городами и частными лицами отъ разныхъ правителей, начиная отъ архіепископовъ и гермейстеровъ и кончая русскими государями (въ сборникахъ привиллегій записаны нѣкоторыя, относящіяся къ XIII—XIV вв.)“; разные документы, опредѣляющіе порядокъ раскладки и сбора разныхъ податей и пошлинъ, такъ называемые гаковые списки (Hacken - Liste), арендныя исчисления (Arrende - Ausrechnungen) и „deducti-ones“, или отчеты объ имѣніяхъ, а затѣмъ всякіе акты, относящіеся къ судебнымъ тяжбамъ, дѣламъ управленія и суда, сношеніямъ названныхъ учреждений съ мѣстными и обще имперскими учреждениями и т. д., и т. д. Въ свою очередь дѣла „Лифляндской экспедиціи“ содержатъ разнаго рода акты, относящіеся до сношеній Пр. Сената какъ съ камеръ-конторою и юстиць-коллегіею лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, такъ и съ учреждениями и лицами, дѣйствовавшими въ самихъ присоединенныхъ провинціяхъ. Въ цѣломъ, изученіе этого матеріала должно обогатить исторію мѣстнаго края подлинными и важнѣйшими данными по администраціи и сношеніямъ его съ центральными учреждениями имперіи. Матеріалъ этотъ заслуживаетъ вниманія еще и потому, что, будучи сосредоточенъ въ особыхъ книгахъ и связкахъ дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, онъ представляетъ много удобствъ для изученія. Впрочемъ, документы этихъ учреждений, какъ можно судить по описанію „Памятной книжки Московскаго Архива Министерства Юстиціи“ (М. 1890 г., стр. 77 сл.), изъ которой мы беремъ вышеприведенныя данныя, доселѣ еще вполне не разобраны и ихъ описаніе только что начато; вслѣдствіе этого, несомнѣнно вполне своевременнымъ является запросъ В. Н. Сторожева о необходимости составленія полного ихъ обзорѣнія¹⁾. Но даже изъ того, что извѣстно о содержаніи дѣлъ этихъ учреждений и объ ихъ количественномъ богатствѣ, — документы камеръ-конторы (по упомянутой выше „книжкѣ“) составляютъ 2489 книгъ (изъ нихъ 74 относятся ко времени до XVIII в.) и 2812 дѣлъ; документы юстиць-коллегіи — 356 книгъ и 5334 дѣла²⁾, — ясна для всякаго ихъ важность. Миѣ кажется, что и Археологическій Съѣздъ могъ бы принять какія-либо мѣры для составленія ихъ описи, болѣе отвѣчающей ихъ значенію.

Не меньшую важность имѣютъ, хотя и съ болѣшимъ трудомъ отыскиваются, тѣ архивные документы, касающіеся мѣстной исторіи, которые заключены въ актахъ

¹⁾ Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ (М. 1896 г.), стр. 44.

²⁾ Дѣла „Лифляндской экспедиціи“ Пр. Сената сосредоточены въ 52-хъ книгахъ.

дѣлопроизводства *обще-русскихъ* центральныхъ учреждений XVIII вѣка, имѣвшихъ случай, по тому или иному поводу, заниматься судьбою какъ цѣлаго края, такъ и отдѣльныхъ лицъ и корпорацій. Десятки тысячъ — если не сотни — актовъ этихъ учреждений, хранящихся только въ названныхъ нами 2-хъ Архивахъ, касаются весьма перѣдко и мѣстнаго края. Конечно, извлеченіе этихъ документовъ изъ общей массы возможно бѣльшею частію лишь подъ условіемъ просмотра ихъ всѣхъ въ совокупности. Впрочемъ, въ послѣдніе годы появилось нѣсколько превосходныхъ изданій этихъ документовъ, или ихъ „Описей“, которыя значительно облегчаютъ, по крайней мѣрѣ, для отдѣльныхъ царствованій, пользованіе этими, еще недавно мало доступными, документами. Такъ, начатое нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданіе „Докладовъ и приговоровъ Пр. Сената“ за время царствованія Петра В., обѣщаетъ, когда будетъ вполне окончено, много новаго и неизвѣстнаго матеріала, касающагося, между прочимъ, и Прибалтійскаго края. Такъ, нынѣ уже почти законченное въ „Сборникѣ Им. Русскаго Историческаго Общества“ изданіе „протоколовъ, журналовъ и указовъ Верх. Тайн. Совѣта“ открываетъ возможность судить, по нѣкоторымъ важнымъ документамъ Совѣтской дѣятельности, о той политикѣ, которой держалось это учрежденіе по отношенію къ присоединеннымъ провинціямъ. Такъ, далѣе, отдѣльные томы „Сенатскаго Архива“, содержащаго журналы и опредѣленія Пр. Сената, которые почему-либо сохранились въ названномъ Петербургскомъ Архивѣ, рельефно отражаютъ интересы тѣхъ же провинцій, поскольку о нихъ предстательствовали ихъ депутаты, или поскольку самъ Пр. Сенатъ обращалъ на нихъ вниманіе. Не касаясь другихъ, менѣе важныхъ изданій архивныхъ документовъ XVIII вѣка, не можемъ, однако, не отмѣтить еще превосходной „Описи высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящихся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ“, составленной П. Барановымъ. Эта „Опись“, обнимающая время отъ Петра В. до царствованія Елисаветы Петровны включительно, вмѣстѣ съ указателемъ, даетъ возможность, — каждому желающему *предварительно* ознакомиться съ содержаніемъ актовъ Сенатскаго Архива, — обзрѣть не только высочайшія повелѣнія, указы и резолюціи, но и указы Верх. Тайн. Совѣта, Кабинета министровъ, Пр. Сената и другихъ учреждений указаннаго выше періода нашей новой исторіи. Въ частности, по отношенію къ Лифляндіи и Эстляндіи, эта „Опись“ служитъ нагляднымъ показателемъ той связи и тѣхъ отношеній, какія постепенно завязывались и крѣпли съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе, между центромъ и этою окраиною Россіи. Особенно обращаетъ на себя въ этомъ превосходномъ списокѣ указовъ движеніе мѣстнаго населенія, преимущественно въ лицѣ дворянства, на службу въ центръ, а затѣмъ и та постоянная мобилизація, въ разныхъ видахъ, недвижимостей, какая ясно отмѣчается въ длинномъ рядѣ указовъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ первой половины XVIII вѣка. Если поэтому, между тысячами указовъ, — въ большинствѣ случаевъ ненапечатанныхъ, а лишь хранящихся въ названномъ *Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ*, — мы встрѣчаемъ постоянно наименованіе фамилій и доселѣ извѣстныхъ въ этомъ краѣ, а послѣдовательный рядъ этихъ указовъ является какъ бы собраніемъ данныхъ для составленія ихъ формулярныхъ списковъ, то указы, касающіеся мѣстностей, мызь, мѣстечекъ Лифляндіи и Эстляндіи, показываютъ пере-

ходы ихъ отъ однихъ владѣльцевъ и собственниковъ къ другимъ и пр.¹⁾ Конечно, указанныя „Описи“ архивныхъ документовъ, какъ бы онѣ ни были превосходно изданы, не могутъ замѣнить самихъ архивовъ, но, какъ мнѣ кажется, уже простое обозрѣніе этихъ описей должно побудить всякаго интересующагося исторіею мѣстнаго края къ изученію и самихъ архивныхъ данныхъ. Нечего говорить, конечно, что содержаніе этихъ данныхъ не ограничивается только что указанными вопросами, а обнимаетъ собою цѣлый рядъ ихъ; но моею цѣлію и не было коснуться здѣсь всѣхъ этихъ вопросовъ, но лишь указать на нѣкоторые важнѣйшіе изъ нихъ.

Обозрѣвъ кратко содержаніе архивныхъ документовъ, касающихся Прибалтики, и отмѣтивъ наиболѣе доступный способъ ихъ нахождения, попытаюсь привести нѣсколько документовъ, извлеченныхъ изъ названныхъ архивовъ, чтобы наглядно видѣть, что мы можемъ узнать изъ нихъ. Два вопроса особенно занимали правящіе классы балтійскихъ провинцій — во 1-хъ, удержаніе, а при случаѣ и развитіе своего автономнаго положенія и, во 2-хъ, созданіе *уложенія*, которое привело бы въ порядокъ и выразило въ общихъ правовыхъ нормахъ разрозненныя, разнорѣчивыя, нерѣдко мало-понятныя мѣстныя узаконенія, слагавшіяся вѣками, внесе въ нихъ все то, что вызывалось интересами и потребностями новаго времени. По отношенію къ первому вопросу заслуживаетъ вниманія слѣдующій эпизодъ, происшедшій послѣ воцаренія младенца-императора Іоанна Антоновича, вскорѣ послѣ сверженія регенства герцога Бирона и назначенія правительницею Анны Леопольдовны. По обычаю, съ новымъ царствованіемъ стали поступать „прошенія“ отъ дворянства и городовъ о подтвержденіи прежнихъ привилегій, преимуществъ и вольностей. Такъ поступили „прошенія герцогства лифляндскаго ландратовъ и общаго рыцарства, а именовъ оныхъ депутатовъ, того жъ герцогства ландратовъ Готгарда-Вильгельма ф. Берга и Отто-Фабіанъ Фрейгера ф. Розена“, а отъ „эстляндскаго герцогства ландратовъ и общаго рыцарства“ депутатами явились ландраты Магнусъ-Габріель Кноррингъ и баронъ Георгъ Іоганнъ ф. Штакельбергъ (Штакельбергъ — по транскрипціи самого документа); отъ г. Риги прошеніе поступило отъ бургомистровъ и ратмановъ, „а именовъ оныхъ, отъ уполномоченныхъ депутатовъ бургомистра Георга Берета и ратсгера Адама-Генриха Шварца, секретаря Валентина Готста, большой гильдіи старшины Готфрида Брокзаугена и малой — старшины же Іоганна-Христофора Клеберга. Прошенія эти разсматривалъ Пр. Сенатъ и, какъ видно изъ журнала Сената отъ 9 января 1741 г., найдя, что г. Рига²⁾ просить „высочайшею генеральною конфирмаціею утвердить“

1) Вотъ нѣкоторыя имена лицъ и мѣстъ Лифляндіи и Эстляндіи, упоминаемыя, по тѣмъ или инымъ поводамъ, въ указахъ, сохранившихся въ Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ за время съ Петра В. до кончины Елисаветы Петровны (первые два тома „Описи“, содержащіе списокъ изъ 7954 №№, третій — 4279 №№, всего же 12233 №№): ф. Анрепъ, ф. Бенкендорфъ, ф. Гогенбахъ, Вульфъ, ф. Гагенмейстеръ, Гилленштуббе, б. Гизенъ, Дегио, б. ф. Дельвигъ, ф. Кейзерлингъ, б. Корфъ, ф. Левештеръ, ф. Ливенъ, б. Менгденъ, ф. Нолькенъ, ф. Поль, б. Стремфельдъ, ф. Фитингофъ, б. ф. Штакельберги и мн. др.; мѣстности: Виращъ, Вастемойсъ, Врангельсгофъ, Воррокиль, Гелленормъ, Гольстъ-Фершгофъ, Гроссъ-Роопъ, Кольценау, Лайцемъ, Матценъ, Мацаль, Монзекиль, Пурце, Сюслеваъ, Цевтенгофъ и мн. др. (транскрипція фамилій и мѣстностей удержана современная тѣмъ указамъ, въ которыхъ онѣ упоминаются).

2) Такъ же, впрочемъ, какъ Ревель, Нарва, Перновъ, Дерить. — Сенатскій Архивъ, т. II, стр. 379 и сл., п. 18—23.

лишь то, чѣмъ она уже владѣетъ, приказалъ „сочиня противъ данной тому городу въ 730 г... государыни императрицы Анны Иоанновны конфирмаціи формуляръ, для высочайшей Его И. Величества апробаціи, взнестъ при всеподданнѣйшемъ доношеніи“. Что же касается „прошеній“ эстляндскаго и лифляндскаго рыцарства, то, замѣтивъ, что они просятъ „сверхъ оныхъ прежнихъ всемилостивѣйшихъ конфирмацій“, приказалъ для высочайшей конфирмаціи внести въ формуляръ (т.-е. въ проектъ формы конфирмаціи) *лишь то*, чѣмъ владѣло то и другое рыцарство раньше. Къ этому постановленію журнальная запись добавляетъ слѣдующее: „а что показанное рыцарство (эстляндское¹⁾), *сверхъ оныхъ прежнихъ всемилостивѣйшихъ конфирмацій*, просятъ вновь о подтвержденіи рыцарскаго земскаго права, статutowъ, договоровъ и универсаловъ, ритермаортской капитуляціи и учиненныхъ *послѣ* всемилостивѣйше данныхъ резолюцій, земскихъ заключеній, и о пожалованіи на оное всемилостивѣйшей конфирмаціи, о томъ во ономъ всеподданнѣйшемъ доношеніи представить, что *нынѣ въ новую конфирмацію, сверхъ оныхъ прежнихъ, дополняютъ не безъ сумнѣнія*, ибо отъ нихъ прежде о томъ челобитья не было и въ данныхъ привилегіяхъ не написано, *особливо жъ сеймскія заключенія*, какъ о томъ и изъ челобитья ихъ видно, учинены *послѣ* данныхъ тому городу (герцогству?) всемилостивѣйшихъ конфирмацій, — а въ какой силѣ, и не имѣется ли въ тѣхъ сеймскихъ заключеніяхъ, *какой прежнимъ*, — съ которыми они подъ російскую державу пришли и даннымъ отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, — *привилегіямъ отмыны*, того изъ нынѣшняго ихъ челобитья видѣть невозможно“. Затѣмъ, черезъ 2 недѣли, именно 23 января того же года, Пр. Сенатъ „допустилъ“ въ свое засѣданіе депутатовъ лифляндскаго и эстляндскаго рыцарствъ и городовъ Нарвы, Риги, Ревеля, Пернова и Дерпта, при чемъ имъ было объявлено, что „оныя конфирмаціи, для всемилостивѣйшей Его И. Величества апробаціи подадутся въ Кабинетъ“. Къ этому журналъ Пр. Сената добавляетъ, что „особливо же при этомъ эстляндскаго, лифляндскаго рыцарства депутатамъ объявлено, что *сверхъ прежнихъ конфирмацій по нынѣшнему ихъ прошенію о сеймскомъ заключеніи и о прочемъ, въ тѣхъ конфирмаціяхъ писано (въ Кабинетъ) не будетъ*. При чемъ изъ тѣхъ депутатовъ эстляндскій ландратъ, баронъ фонъ Штакельбергъ просилъ, чтобы въ конфирмаціи, между прочимъ, написать *объ Уложеніи* и о соизволеніи противъ того, какъ и въ конфирмаціи Его И. В., блаженные и вѣчно-достойныя памяти Петра В., написаны жъ (Пр. Сенатъ), приказалъ: „тѣ слова внести“. Спустя почти мѣсяць, именно 21 февраля, Пр. Сенату было доложено, что „поданныя при докладѣ въ Кабинетъ изъ Сената Лифляндіи, Эстляндіи и острова Эзеля, города Риги, Ревеля, Нарвы, Пернова и Дерпта всему шляхетству и мѣщанству... подтвердительныя привилегіи“, подписаны именемъ Его И. Величества правительницею, „а тотъ докладъ возвращенъ безъ резолюціи“, т.-е., иначе говоря, подтверждено

¹⁾ По отношенію къ прошенію лифляндскихъ ландратовъ и рыцарства Пр. Сенатъ приказалъ: на основаніи прежнихъ привилегій сочинить формуляръ и для всемилостивѣйшей Его И. Величества апробаціи взнестъ при всеподданнѣйшемъ доношеніи, *а что сверхъ прежней конфирмаціи просятъ, о томъ представить въ такой же силѣ, какъ и о эстляндскомъ рыцарствѣ, выше сего изображено*“ (ibid., стр. 381).

все, что было дано раньше, вопрос же о новыхъ привилегіяхъ оставленъ безъ разсмотрѣнія¹⁾. Надо при этомъ замѣтить, что въ правленіе Анны Леопольдовны вообще весьма благосклонно относились къ прибалтійскимъ провинціямъ, и этому времени принадлежитъ знаменитый указъ, что „въ Лифляндіи и Эстляндіи мызы на арендѣ никому, кромѣ тамошняго шляхетства, не имѣть и ежели понынѣ еще у нѣкоторыхъ, кромѣ тамошняго шляхетства, мызы на арендѣ имѣются, хотя бы и указами отданы, у оныхъ немедленно отобрать и отдать на аренду тамошнему шляхетству, дабы оныя, оказуемую въ ихъ пользу высочайшую Его И. Величества милость, чувствовать и дѣтей своихъ въ службу Его И. Величества съ наивыящею охотою отдавать могли“ и пр.²⁾

Перейдемъ теперь къ вопросу объ Уложеніи. Вопросъ этотъ былъ давняго происхожденія. Уже въ такъ называемыхъ „аккордныхъ пунктахъ“, заключенныхъ генераль-фельдмаршаломъ гр. Б. И. Шереметевымъ при сдачѣ Лифляндіи, было сказано, что „дѣла судить и рѣшать, пока впредь... полное и совершенное Уложеніе въ Лифляндіи собрано и издано быть можетъ“, о чемъ „просить у Его Величества надлежитъ“. Просьба объ этомъ, дѣйствительно, послѣдовала со стороны лифляндскаго дворянства, и уже 12 октября 1710 г., канцлеръ гр. Головкинъ объявилъ лифляндскимъ уполномоченнымъ, что „Его Величество соизволяетъ на это, когда наступитъ мирное время“. Уже послѣ Петра В., въ 1728 г., „лифляндскіе ландраты били челомъ, лифляндскаго-де Уложенія, по которому судъ отправляется, недовольны имѣются и большей части людямъ неизвѣстны, и полнаго Уложенія не учинено, а древнія рыцарскія права весьма неясны и многого изъясненія требуютъ, чего ради уже по многимъ привилегіямъ и введеннымъ древнимъ обыкновениямъ и по общимъ нѣмецкимъ правамъ рѣшаются, которыя также не всѣмъ извѣстны“, почему и просили, „чтобы о томъ тамошнему генераль-губернатору... для сочиненія того Уложенія нѣкоторыхъ въ правахъ искусныхъ особъ опредѣлить“³⁾. Затѣмъ, именнымъ указомъ, состоявшимся въ В. Т. Совѣтѣ „за недовольствомъ лифляндскаго уложенія и неясныхъ древнихъ рыцарскихъ правъ“ позволено было „для всенародной той земли пользы Уложеніе вновь сочинить“ (Пол. Собр. Закон., т. VIII, № 5330), выбравъ къ тому самимъ лифляндцамъ „въ тамошнихъ правахъ добрыхъ и искусныхъ людей“ и представивъ проектъ въ В. Т. Совѣтѣ. Вскорѣ затѣмъ въ Сенатъ было прислано извѣстіе отъ лифляндскихъ ландратовъ и ландмаршала, что „по тому указу уже выбраны лифляндскимъ шляхетствомъ въ правахъ искусства особы и оныя такое земственное право по земственнымъ привилегіямъ и областнымъ опредѣленіямъ и обыкностямъ сочинить и въ порядокъ привести намѣрены“. Послѣ этого, въ 1732 г. Пр. Сенатъ вошелъ съ докладомъ на высочайшее имя, въ которомъ, между прочимъ, предлагалъ „къ тому (Уложенію) съ коронной стороны 2 особы опредѣлить и имъ (въ комиссію) присутствовать и ежели, что Вашего И. Величества права и интереса случится, то имъ напомнить и примѣчать“. Императрица Анна Иоанновна не нашла,

1) Ibid., стр. 584 сл., пунктъ 6.

2) Ibid., стр. 419, пунктъ 19.

3) Арх. Мин. Юст., журн. в прот. Сената, кн. 165/2046, листъ 80 и сл.

однако, нужнымъ назначать представителей „съ коронной стороны“ и повелѣла, согласно съ прежними указами, сочинять то Уложеніе „добрымъ и въ тамошнихъ правахъ искуснымъ людямъ“¹⁾. Составленіе Уложенія продолжалось болѣе 10 лѣтъ и было готово къ концу 1740 г. Въ началѣ слѣдующаго оно было внесено лифляндскими депутатами въ Кабинетъ на апробацію, съ просьбою, по утвержденіи проекта „издать въ печать позволить“. Кабинетъ, однако, не нашелъ возможнымъ рѣшить столь важное дѣло сразу и безъ внимательнаго изслѣдованія, почему и повелѣлъ образовать особую комиссію, въ составъ которой введены были и русскіе люди (президентъ юстицъ-коллегии кн. Трубецкой, совѣтникъ Квашнинъ-Самаринъ). Комиссія эта должна была рассмотретьъ проектъ, „взявъ за основаніе прежнія лифляндскія права и слича съ тѣмъ новосочиненнымъ уложеніемъ“, а также „наблюдая при томъ высочайшую власть и государственный интересъ“; затѣмъ, проектъ изъ комиссіи долженъ былъ перейти на рассмотрѣніе сначала коллегии лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, а затѣмъ и Сената, съ мнѣніемъ коего онъ долженъ былъ быть въ заключеніе внесенъ въ Кабинетъ. Затѣмъ, какъ извѣстно, въ слѣдующее царствованіе Кабинетъ былъ уничтоженъ, а самъ проектъ остался безъ рассмотрѣнія.

Для полноты обзора архивныхъ данныхъ, частію нынѣ напечатанныхъ, а частію извлеченныхъ нами изъ дѣлъ Пр. Сената, приведемъ еще нѣсколько указовъ, касающихся Балтійскаго края и его обитателей. Въ началѣ 1726 г. вниманіе Пр. Сената, а затѣмъ и Верх. Тайн. Совѣта обратилъ вопросъ о печатяхъ городовъ Лифляндіи. Именно, Сенатъ донесъ Верх. Тайн. Совѣту, что въ разныхъ городахъ Лифляндской губерніи употребляются шведскія, одинаковыя для всѣхъ городовъ, печати, отчего-де происходитъ „конфузія“. Совѣтъ, возвративъ это доношеніе Сенату, потребовалъ отъ него собранія справокъ, какого рода печати были „при шведскомъ владѣніи“, какія стали употребляться послѣ завоеванія Лифляндіи и какія надлежало бы, по мнѣнію Сената, употреблять тамъ нынѣ. Въ началѣ 1728 г., когда Сенатъ доставилъ нужныя данныя для рѣшенія вопроса, Совѣтъ повелѣлъ замѣнить на печатяхъ изображеніе шведскаго герба и „написаніе королевскаго имени“ російскимъ гербомъ, „съ надписаніемъ имени Императорскаго Величества“, сдѣлавъ при этомъ различныя печати для отдѣльныхъ присутственныхъ мѣстъ губерніи²⁾. Изъ другого сенатскаго протокола узнаемъ, что Сенату и герольдмейстерской его конторѣ пришлось не мало хлопотать и по вопросу о гербахъ частныхъ лицъ. Еще въ 1725 г., напр., по именному указу, состоявшемуся въ Сенатѣ, повелѣно было лифляндцу фонъ-Дитмару и его 12-ти товарищамъ дать шляхетство и „на оное обычайные дипломы, какъ при владѣніи шведскомъ давались, и гербы, освидѣтельствовавъ герольдмейстеру, въ тѣ дипломы внести“. Гр. Сантій, помощникъ герольдмейстера, согласно этому указу, гербы лифляндцевъ разсматривалъ и нарисовалъ новые „противъ прежнихъ съ отмѣною“, представивъ, въ своемъ мнѣніи Сенату, въ пользу этой отмѣны „нѣкоторые резоны“, а именно, онъ указывалъ, что лифляндцами гербы сочинены „противно герольдскимъ регуламъ“;

¹⁾ Арх. М. Ю., *ibid.*, л. 81 оборотъ; срав. „Оп. Сен. Арх.“, т. II, № 4486.

²⁾ См. мою „Исторію Сената въ правленіе В. Т. Совѣта“, стр. 299 сл.

но сочинители просили, однако, оставить имъ прежнюю форму ихъ гербовъ. Тогда Сенатъ рѣшилъ отправить, какъ ту, такъ и другую форму въ Академію Наукъ, гдѣ профессоръ д-ръ Бекенштейнъ, обучавшій студентовъ „герольдической наукѣ“, долженъ былъ дать свое заключеніе о спорныхъ гербахъ, при чемъ Сенатъ хотѣлъ затѣмъ представить все это дѣло въ Совѣтъ на разрѣшеніе „по обстоятельствамъ разностей формы“¹⁾. Случай съ лифляндскими гербами, только что рассказанный нами, не былъ единственнымъ: когда въ другой разъ гр. Сантій предложилъ нѣсколькимъ лифляндцамъ дать гербы „съ нѣкоторою убавкою противъ того, какъ имъ были они даны при шведскомъ владѣніи“, лифляндцы эти подали, черезъ герцога Голштинскаго, свои челобитныя прямо въ Совѣтъ, прося дозволенія пользоваться прежними гербами²⁾... Большой, далѣе, интересъ, особенно въ бытовомъ отношеніи, представляютъ сохранившіяся въ громадномъ количествѣ челобитья частныхъ и должностныхъ лицъ, подававшіяся правительству по самымъ разнообразнымъ поводамъ; среди этихъ челобитій не мало находимъ такихъ, гдѣ просителями являлись жители Прибалтійскаго края. Вотъ, напр., ригирунгсъ-ратъ Фитингофъ пишетъ, что онъ въ герцогствѣ Лифляндскомъ, — несмотря на то, что тамъ по штату положено 2 ригирунгсъ-рата, — „дѣла 14 лѣтъ правилъ одинъ для того, что на ваканцію другого ригирунгсъ-рата опредѣлено не было“. Вотъ жена генерала Дукласса, назначеннаго въ низовый корпусъ, проситъ избавить мужа ея отъ дальней командировки „ради нужды и бѣдности“ остающейся семьи; ежели же этого сдѣлать нельзя, „то хотя для такой дальней мужу моему посылки въ Эстляндіи или Лифляндіи къ пропитанію мнѣ съ дѣтьми дать на аренду деревню“. Или Кабинетъ предписываетъ Сенату разсмотрѣть прошеніе лифляндца Класа Раламба о мѣстности его Пурце или Изенгофъ, въ которой-де ему принадлежитъ „не токмо одна его часть, но и прочія сонаслѣдниковъ части“³⁾ и т. д., и т. д.

Какъ ни кратокъ былъ нашъ обзоръ архивныхъ документовъ, касающихся исторіи Лифляндіи и Эстляндіи въ первую половину XVIII вѣка, но и онъ, надѣмся, дастъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ сокровищахъ, какими владѣютъ центральные архивы наши для многосторонняго, на первоисточникахъ основаннаго, изученія судебъ края не только со времени присоединенія его къ Россіи, но и гораздо раньше. Несомнѣнно, что любители старины вообще и старины этого края въ частности найдутъ въ этихъ хранилищахъ много важнаго, новаго и интереснаго матеріала, прекрасно освѣщающаго жизнь и дѣянія прошлаго.

¹⁾ Арх. М. Юст., жур. и прот. Сен., кн. 92/1973, л. 24 и об.

²⁾ Сборн. И. Русскаго Истор. Общ., томъ LXIII, стр. 43 сл.

³⁾ См. Арх. М. Юст., дѣла Пр. Сен. по б. Каб., кн. 7/1084, л. 216, 534 и многіе другіе; Арх. М. Иностр. Дѣлъ, д. по б. Каб., 1739 г., св. № 46, л. 45.

Ромове.

Археологическое изслѣдованіе А. Э. Мѣржинскаго.

Введеніе.

Нами былъ уже разобранъ въ статьѣ „О надровскомъ жрецѣ огня Криве“¹⁾ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ о бытѣ и вѣрованіяхъ литовскаго племени, въ частности Пруссовъ, т.-е. вопросъ о мнимомъ верховномъ жрецѣ всего литовскаго культа, Криве; въ настоящемъ трудѣ мы постараемся, насколько позволятъ скудные источники, по возможности точно разрѣшить другой вопросъ, — о мнимомъ средоточіи вышеназваннаго культа, т.-е. о Ромове²⁾.

Я съ тѣмъ большимъ рвеніемъ принялся за разработку этого вопроса, такъ какъ мнѣ было передано предсѣдателемъ Императорскаго Археологическаго Общества, графиней Прасковьей Сергѣевной Уваровой, что въ Бозѣ почившему Государю Императору, Александру III угодно было указать на необходимость разработки вопроса о Ромове.

По данному вопросу до настоящаго времени можно назвать лишь одинъ серьезный источникъ, а именно — хронику Дусбурга. Нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ о Ромове, являются главнымъ основаніемъ для нашего изслѣдованія.

Petri de Dusburg, Ordinis Teutonici Sacerdotis, Chronicon Prussiae etc. ed Christophorus Hartknoch. Ienae 1679. Lib. III, c. V. — Критическое изданіе съ примѣчаніями сдѣлано М. Теппенъ, подъ заглавіемъ: „Chronicon Terre Prussie“ въ „Script. Rer. Prussicarum“ Bd. I. 1861. Отсюда перепечатана выдержка въ „Źródłach do Mytologii Litewskiej“, Варшава 1896.

Въ началѣ XVI в. (1526) извѣстнымъ монахомъ Грунау была написана хроника, изданная въ 1875 году въ Лейпцигѣ Перльбахомъ, подъ заглавіемъ: „Simon Grunau's Preussische Chronik“.

Въ различныхъ мѣстахъ хроники находимъ подробное описаніе Ромове и находящихся тамъ священныхъ предметовъ. Такъ какъ хроника эта служила главнымъ и, можно сказать, единственнымъ источникомъ для всѣхъ послѣдующихъ авторовъ, сообщающихъ свѣдѣнія о Ромове, то мы сдѣлаемъ ниже критическій разборъ сообщеній хроники Грунау по каждому частному вопросу въ отдѣльности; по нѣкоторымъ, требующимъ подробнаго изслѣдованія, пунктамъ въ концѣ настоящаго труда будутъ при-

1) Труды IX Археологическаго съѣзда въ Вильнѣ 1893 г.

2) Съ цѣлью разысканія источниковъ и пособій для разработки этого вопроса, равно какъ и вообще по литовской мифологіи, я посѣтилъ Кенигсбергъ, Гданскъ, Фрауенбургъ, Браунсбергъ, затѣмъ Берлинъ и Вѣну. Начальство библиотекъ вездѣ оказывало мнѣ любезнѣйшее содѣйствіе, за которое считаю долгомъ выразить мою искреннѣйшую благодарность.

соединены „Приложенія“, принимающія иногда даже видъ особыхъ монографій. Мы вынуждены поступить такимъ образомъ въ виду отсутствія монографій по данному вопросу; ибо если и существуетъ какая-либо, то, не будучи основана на критической разработкѣ матеріала, она не возстановляетъ исторической истины и лишена поэтому научнаго интереса (см. напр. Bender'a, ниже).

Изъ авторовъ, описывавшихъ Ромове по сообщеніямъ Грунау, главнѣйшіе слѣдующіе.

1) Lucas David. Preussische Chronik etc. herausgegeben von Ernst Hennig. Königsberg 1812.

2) Caspar Henneberger. Kurtze Beschreibung des Landes zu Preussen. Königsberg 1584.

3) Тотъ же. Erklärung der preussischen grösseren Land-Taffel oder Mappen etc. Durch Casparum Hennebergerum. Königsberg 1595.

4) Caspar Schütz. Historia rerum Prussicarum. Das ist Wahrhafte und eigentliche Beschreibung des Landes Preussen. Zerbst 1592, Leipzig 1599.

5) M. Waissel. Chronica Alter Preussischer, Eifflendischer etc. Historien. Königsberg 1599.

6) Christophorus Hartknoch въ диссертацияхъ, приложенныхъ къ его изданію Дусбурга, именно въ Dissert. VI p. 109, а также въ сочиненіи „Altes und Neues Preussen“, Frankfrt. 1685, даетъ подробное описаніе Ромове, также, конечно, по Грунау. Хотя этотъ почтенный ученый и критикъ и выражаетъ сомнѣніе относительно нѣкоторыхъ сообщеній Грунау о Ромове, однако онъ не приходитъ ни къ какому окончательному заключенію и идетъ по слѣдамъ своего источника.

7) Значительный шагъ впередъ дѣлаетъ извѣстный прусскій историкъ Voigt: „Geschichte Preussens“ Bd. I. Königsbrg. 1827, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія упрекаетъ даже Грунау въ недостоверности сообщенныхъ данныхъ; тѣмъ не менѣе въ описаніи Ромове и его священныхъ предметовъ и онъ слѣдуетъ за своимъ предшественникомъ. Voigt однако предполагаетъ, что хотя Ромове въ извѣстный періодъ дѣйствительно являлось центромъ всего прусскаго культа, но съ теченіемъ времени каждая прусская область создала свое отдѣльное Ромове, т.-е. священное мѣсто, и своего отдѣльнаго верховнаго жреца, котораго онъ называетъ Griwe. Въ особомъ прибавленіи къ 1-му тому, p. 639—649, Voigt доказываетъ, вопреки Грунау, что центръ культа Ромове находился въ Самбii (Samland).

8) Только Тоерпен въ „Geschichte der preussischen Historiographie“, Berlin 1853. (и „Historisch-comparative Geographie von Preussen“, Gotha 1858) прямо и безусловно отказываетъ Грунау въ достовѣрности сообщенныхъ имъ историческихъ фактовъ вообще, а въ частности описанія Ромове, утверждая даже, что если Грунау и описываетъ дѣйствительный историческій фактъ, то искажаетъ его и передаетъ по своему усмотрѣнію и на свой ладъ. Что касается Ромове, то Тоерпен считалъ Грунау авторитетомъ еще въ статьѣ „Geschichte des Heidenthums in Preussen“ (Neue Preussische Provincial-Blätter Bd. I и II, Königsberg 1846), сохраняющей и до нынѣ значеніе, но въ вышеуказанныхъ трудахъ онъ доказываетъ, что сообщаемыя Грунау свѣдѣнія о Ромове, а именно о существованіи пресловутой троицы высшихъ божествъ прусскихъ, не имѣютъ никакого фактическаго основанія. Несмотря на то, что Тоерпен проложилъ путь къ дальнѣйшей разработкѣ вопроса, ему не удалось склонить къ своему мнѣнію послѣдующихъ авторовъ, придерживавшихся фантазіи Грунау.

9) Даже такой знатокъ языковѣдѣнія, какимъ по справедливости считается Poesche, въ сочиненіи „Die Arier“, Iena 1879, p. 117, слѣдуетъ мнѣнію, что въ Ромове былъ культъ мнимой троицы, а именно: Pykullus (?), Potrimpos, Perkunas.

10) Авторы, специально занимавшиеся прусско-литовскими вѣрованіями, также считаютъ Грунау авторитетомъ; главѣйшій представитель этихъ ученыхъ, Bender, даже защищаетъ его въ диссертации „De veterum Prutenorum diis“, Brunsbergae 1865, и въ статьѣ „Zur Altpreussischen Mythologie und Sittengeschichte, Altpreussische Monatsschrift“, ed. Reicke und Wichert, т. II, 1865 г., т. IV, 1867.

11) На сообщеніяхъ Грунау основываетъ свои изслѣдованія извѣстный труженникъ по латышской исторіи и мѣологии, Henri Wissendorf de Wissokuok, принимающій прусское Ромове за центръ культа всей литовской земли, а находившагося тамъ жреца — верховнымъ жрецомъ (Krivu-Krivaitis или Kriviu-Kriws) всѣхъ другихъ жрецовъ (Krivі), находившихся въ многочисленныхъ, разсѣянныхъ по всей прибалтійской землѣ Ромове. Слѣдуя личному мнѣнію Дусбурга, Wissendorf утверждаетъ, что во всей этой землѣ господствовало теократическое правленіе подъ главенствомъ названнаго Krivu-Krivaitis. Вмѣсто Ромове онъ пишетъ послѣдовательно Рамава (Ramawa); см. „Notes sur la Mythologie des Lataviens. Extrait de la Revue des Traditions Populaires“. Paris 1893, p. 14—15.

Несмотря на то, что выводы обоихъ названныхъ авторовъ совершенно противоположны тѣмъ, къ какимъ пришли мы, мы считали своею обязанностью указать на ихъ труды, какъ на заслуживающіе должнаго вниманія.

Монографіи о Ромове разбираютъ преимущественно вопросъ о мѣстоположеніи мнимаго центра прусско-литовскаго культа. Мы считаемъ это совершенно лишнимъ, такъ какъ Дусбургъ и даже Грунау ясно указываютъ, что Ромове лежало въ прусской области — Надровіи. Если же мы и касаемся въ настоящемъ трудѣ этого вопроса, то лишь съ цѣлью представить различныя о немъ мнѣнія и ихъ основаніе.

12) Первая такого рода монографія это — Martini Ieschke. Dissertatio de quercu Romowe, gentilibus olim Prussis sacra. Regiomonti 1674, in 4-to; перепечатана въ Acta Borussica Ecclesiastica, Civilia, Literaria etc. Bd. I, 1730, p. 518—531. Опровергая мнѣнія Гвагнина и др., утверждающихъ, якобы священный дубъ съ истуканами (который Іешке называетъ Ромове) находился на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположенъ городъ Heiligenbeil, авторъ приходитъ къ заключенію, что существовало два священныхъ дуба: одинъ въ Heiligenbeil, посвященный божеству Gurcho или Gorcho; другой же, съ истуканами трехъ главныхъ божествъ, находился въ Ромове, лежащемъ въ Натанги, какъ это старался доказать уже до Іешке Геннебергеръ. Трудъ этотъ, лишенный критически разработанныхъ основаній, не имѣетъ никакого научнаго значенія.

12) На основаніи мнѣнія Voigt'a, что каждая прусская область имѣла свое Ромове и своего жреца, Винклеръ задался цѣлью отыскать мѣсто, гдѣ находилось Вармійское Ромове, и изложилъ результаты своихъ соображеній въ статьѣ: „Romowe in Warmien vom Obersteuerinspector von Winkler“. Zeitschrift für die Geschichte und Alterthumskunde Ermlands. Bd. III, Jahrgang 1864 - 66, Braunsberg 1866, p. 521—526. Основываясь на сообщеніи Schütz'a, p. 27: „der König (Ottokar) zog noch bei Winterszeit nach der Balga, von dannen auff Romowe oder Rikajoten (?); eroberte die feste (?) und verbrante die grosse Eiche mit sampt iren Göttern“ etc., авторъ утверждаетъ, что упомянутое Ромове было расположено въ Варми; что именно это Ромове слѣдуетъ считать центромъ прусскаго культа, и что тутъ стоялъ священный дубъ съ истуканами трехъ высшихъ божествъ. Далѣе, желая опредѣлить, въ какой мѣстности Варми оно находилось, авторъ указываетъ на существующій нынѣ фольваркъ Rejoten, принадлежащій къ имѣнію Pohren, свентосѣверскаго уѣзда (Kreis Heiligenbeil), какъ на мѣсто бывшаго Ромове, на слѣдующихъ основаніяхъ: „Da ferner bei verschiedenen Chronisten ausser dem gewöhnlichen Namen Romowe, als Heiligthum, auch noch die Benennung Rikajot, Rikajot (Riks auch Reiks heisst herscher) gebraucht wird, so dürfte wol eine Spur darauf führen,

wo ein ähnlicher Name uns entgegentritt, den von König Ottokar zerstörten Göttersitz zu vermuthen. Die Gegend, wo der Name des zu dem gute Pohren gehörigen Vorwerks Rejoten uns so bedeutsam (?) erscheint, darf uns um so' mehr als das ermländische Romowe erkannt werden, als gerade in dieser richtung uns der anmarsch des Kreuzheers aus den vorhin entwickelten (strategischen) gründen erfolgen konnte“.

Schütz, на котораго ссылается Винклеръ, описываетъ походъ короля Оттокара въ 1245 г. изъ вармійскаго Эльбинга и Балги въ самбійское Medenowe и въ дальнѣйшіе предѣлы по Дусбургу, III, с. 70, ed. H., но отъ себя прибавляетъ, чего у Дусбурга нѣтъ, — якобы король разрушилъ лежавшее на этомъ пути Ромове и сжегъ дубъ съ мнимыми богами. Такое описаніе Ромове принадлежитъ Грунау, а Schütz'у принадлежитъ перенесеніе Ромове Грунау изъ Надровіа въ сѣверные предѣлы Варміи и приписаніе Оттокару разрушенія его; Schütz забылъ, что это же самое Ромове съ тѣми же святынями онъ помѣстилъ уже разъ, тоже произвольно, въ отдаленной Галиндіи (fol. 3).

И вотъ на такомъ призрачномъ основаніи Винклеръ строить свои выводы, для оправданія которыхъ не могутъ быть достаточны никакіе стратегическіе доводы, имъ приводимые. Равнымъ образомъ ошибочна его мысль, якобы усадьба Rejoten напоминаетъ Rickoyot, т.-е. другое названіе Ромове, такъ какъ намъ извѣстно, что Rickoyot — вмѣсто Ромове — есть фантазія Грунау. До него никто не приводитъ этого названія; послѣ него оно встрѣчается лишь у его подражателей.

14) A. Rogge въ статьѣ „Der preussische Landberg, das älteste Romowe“ (A. P. M. Sch. XIV, p. 585—92, 1877 г.) и затѣмъ въ „Urpreussen“, ibid., p. 289 sqq., утверждаетъ, что въ округѣ свентосѣкерскомъ (Heiligenbeil), а именно, между деревнями Thomasdorf и Schirten, на лѣвомъ берегу рѣчки Jarft, возвышенность, поднимающуюся на 200' (Landberg), и слѣдуетъ считать за Ромове, гдѣ зажигали огни (Sobotki); а по „Urpreussen“, стр. 293, деревню Regitten, напоминающую Rickayott, слѣдуетъ признать за мѣстопребываніе Criwe. Отсюда, послѣ занятія этой области крестоносцами, Criwe убѣгаетъ въ Самбію, гдѣ его резиденціей была деревня Romehnen (докум. 1325 г.) или Rumanowe (док. 1329), позднѣе Romaun (док. 1335 г.), Rumbow (док. 1349 г.), — пока онъ снова не былъ принужденъ бѣжать въ Надровію и уже отсюда въ Литву, въ Romaun на Невяжѣ (стр. 293).

Ромове, о которомъ идетъ рѣчь, находилось въ Надровіи, а не въ Варміи; перенесенія Criwe являются произвольной комбинаціей автора, придуманной для соглашенія мнѣній различныхъ ученыхъ.

15) Friederici помѣстилъ въ Sitz. Ber. der Altertumsgesellschaft Prussia за 1875 г. статью „Das preussische Romowe“, а въ A. P. M. Sch. XIII, 1876 г., стр. 228—53, другую — „Ueber die Lage Romowes oder Oberpriestersitzes im heidnischen Preussen“. Правильно опираясь на авторитетъ Дусбурга, что Ромове находилось въ Надровіи, авторъ ставитъ трудный для разрѣшенія вопросъ, въ какой части Надровіи могло оно находиться. Въ виду отсутствія какихъ-либо указаній въ источникахъ, онъ основываетъ свои выводы на сходствѣ названій извѣстныхъ мѣстностей. Онъ говоритъ, что для защиты Ромове жители Надровіи, Шалавоніи и Судавіи построили крѣпость Willow, Welow (Илава надъ Преглой); неподалеку находилась деревня Kreiwutschen, напоминающая Criwe, который могъ имѣть тутъ свою столицу; прибавляетъ однако, что это могло одинаково обозначать „Кривая деревня“ (Krummsdorf); деревня же Abeliszken можетъ обозначать „деревня Abeles'a“ (sic), который по L. David'у (стр. 64, примѣч.) былъ претендентомъ на должность (sic) Criwe послѣ смерти Bruten'a(!); гор. Romanuppen на рѣчкѣ Luchinne напоминаетъ Ромове. Принявъ все это во вниманіе, авторъ выставляетъ гипотезу, что весьма вѣроятно, что Romanuppen есть отыскиваемое Ромове: „In ermangelung unumstösslicher beweise für die einstige stätte Romowes scheint durch

die frühere untersuchung wenigstens bis zu einem hohen grade wahrscheinlich gemacht zu sein, dass Romanuppen an der Auxinne als der geeignetste ort anzusehen ist, wo das alte Romove sich befunden haben könne“ (A. P. M. Sch., XIII, 250).

Wilow, Welow, дѣйствительно, построили для защиты отъ нападенія крестоносцевъ и Сембовъ на надровскую землю, но не специально для защиты Ромове. Дер. Kreiwutschen не могла быть столицей Crive, который для обереганія священнаго огня и для прорицаній долженъ былъ жить въ самомъ Ромове. Kreiwutschen несомнѣнно значить „Кривая деревня“, какъ отмѣчаетъ самъ авторъ; а подобныхъ названій, образованныхъ отъ kreivas, krivas — кривой, было множество (см. Słownik Geograficzny, Географическій Словарь, s. v.); нѣсколько приводитъ также Sprogis въ своемъ словарѣ. — Abeliszken никоимъ образомъ не обозначаетъ деревни Абелеса. Abeles, братъ жены Litphon'a, не могъ быть претендентомъ на должность Crive послѣ смерти Брутена. Брутено не могъ умереть, такъ какъ онъ является произведеніемъ прославленнаго фальсификатора, Грунау, который вымышленныхъ Видевута и Брутена надѣлилъ властью на подобіе Моисея и Аарона. Съ другой стороны, Crive не есть названіе должности, а имя собственное; а претендовать на не существующую должность — смѣшно. Litpho — плодъ фантазіи Грунау; самого Abeles'a составилъ Friederici изъ Apeles'a для облегченія этимологии „Abeliszken“. Это названіе образовано отъ Abelis, Obelis — яблоня, отъ которой много мѣстностей получили названія; см. Sprogis, Словарь, и Słownik Geograficzny (Географическій Словарь) s. v. Abele, Abelin, Abeliny и т. п.

Такъ какъ Ромове слѣдовало искать въ Надровіи, то мы считаемъ обоснованной догадку, что Романупре на Auxinne, въ силу сходства звуковъ можетъ быть Ромове; ничего большаго не добивался самъ авторъ. Съ одинаковымъ однакожь основаніемъ можно было бы предположить, что искомое Ромове есть другое Романупре на рѣкѣ Ромона, въ Столупянскомъ уѣздѣ (Stallupönen), также находящееся въ Надровіи. Но это догадка; а положительнаго результата нѣтъ.

Затѣмъ авторъ хочетъ указать, что произошло по разрушеніи Ромове. Благодаря тому, что Tirsko, прусскій вождь, измѣнивически предалъ крестоносцамъ крѣпость Welaw, часть жителей Надровіи съ Криве и идолами переселились въ сосѣднюю Литву, о чемъ якобы свидѣлствуютъ названія: Romain (so nannte man das neue (!) heiligtum in Litauen), Welun (feste, zum schutze der heiligen insel Romayn) и, кромѣ того, названіе Кривичей (!) (landschaft Crivicie oder Kriwizen, die domäne des litauischen Crive). Тутъ комментаріи считаемъ излишними.

Этимъ мы ограничимся. Рядъ авторовъ, перечисленныхъ выше, можно было бы пополнить еще писателями польскими, каковы: Strykowski, Kojałowicz, Murinius, Narbutt, Kraszewsk, равно какъ литовскими, напр. Dowkont, и русскими; но это не увеличило бы качественно матеріала, такъ какъ со времени Грунау вездѣ находимъ одно и то же съ различными видоизмѣненіями.

Другіе источники, какъ народное преданіе, и вспомогательныя сочиненія, бросающія хотя бы лучъ свѣта на нашъ вопросъ, будутъ указаны при изложеніи въ надлежащемъ мѣстѣ.

Ромове.

§ 1. Первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ серьезнымъ источникомъ является хроника Дусбурга, которая гласитъ, что въ мѣстности (*locus*) Romow¹⁾, находящейся въ Надрови, жилъ главный жрецъ, охраняющій вѣчный огонь въ этомъ же Ромове; что къ нему приходили узнавать, не видѣлъ ли онъ покойника, отправляющагося въ загробный миръ; что здѣсь послѣ побѣды сжигали третью часть добычи, вручаемой жрецу, въ жертву богамъ. Этимъ ограничиваются сообщенія хроники Дусбурга.

Спустя два столѣтія, въ началѣ XVI в. (1526 г.), хроника Грунау сообщаетъ, что въ Пруссiи, въ мѣстности, называемой Rickojot²⁾ или Romowe³⁾, стоялъ дубъ громадной величины⁴⁾, зеленѣвшій лѣтомъ и зимой; дубъ этотъ раздѣлялся на три равныя части, и въ каждой изъ нихъ, какъ будто въ искусственномъ окнѣ, стоялъ идолъ⁵⁾; одинъ изъ нихъ изображалъ „Perkuno“, другой „Patrumpro“, третiй „Patollo“. Передъ Perkuno, какъ говоритъ Грунау въ одномъ мѣстѣ (р. 78), или же передъ всѣми тремя идолами, какъ упоминаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (р. 89), горѣлъ неугасаемый пламень. Въ одномъ или трехъ шагахъ отъ дуба, на высотѣ семи локтей отъ земли, были повѣшены завѣсы (*tuchir*, — платы), за которыя никто не имѣлъ права входить, кромѣ „Kirwaito“ и главнѣйшихъ вайделотовъ. Если же приходили другiе, то для нихъ раздвигали завѣсы. Вокругъ дуба жили въ палаткахъ или хижинахъ вайделоты⁶⁾.

Относительно достовѣрности сообщенiй Дусбурга мы уже неоднократно высказывали свое мнѣнiе⁷⁾, равно какъ и относительно извѣстiй монаха Грунау⁸⁾. Мы не измѣняемъ нашего взгляда на обоихъ этихъ писателей и теперь; напротивъ, мы стараемся еще болѣе обосновать его относительно Грунау при разборѣ сообщаемыхъ послѣднимъ подробностей о Ромове, составляющихъ главнѣйшую часть настоящаго труда.

Такъ какъ со времени полнаго разгрома и обезлюденiя Надрови въ 1275 г. до окончанiя хроники Грунау прошло слишкомъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, а христiанство немедленно уничтожало вещественные памятники язычества, вырубая священныя рощи или отдѣльныя священныя деревья, — то Грунау никоимъ образомъ не могъ не только

1) Такъ пишетъ Дусбургъ. Такъ какъ намъ не извѣстно ни одной мѣстности прусской или литовской съ окончанiемъ -ow, то, по аналогiи съ другими мѣстностями, напр. Velove и т. д., мы принимаемъ написанiе Romowe. См. § 2 въ концѣ.

2) «Sie (т.-е. боги) auch wellen, und die wonungk des Kirweiden mit seinen waydloten und der gotte sollen heissen Rickoyott» и т. д. Grunau, стр. 89; Rickoyto — стр. 62.

3) «Er (Болеславъ Храбрый) zogk ken Rickoyott addir Romowe», Grunau, стр. 80; «Sie baueten Rickoyot aber Romowe» (Romewe — очевидно, ошибка), стр. 81. — Названiе Romowe взято, несомнѣнно, у Дусбурга III, 5. — Rickoyot, Rickoyoto и т. п. есть выдумка Грунау. Отъ корня rik производятся rikis, riks — господианъ, прусс. rikaūt, литовск. rikauti — господствовать; а такъ какъ -ot, лит. -otas, образуетъ имена личныя, то Rickoyot не можетъ обозначать «herrensitz», жилище господина. Правда, намъ извѣстно Biota, названiе литовскаго озера, но образованiе этого слова неизвѣстно. — О rikis и производныхъ отъ корня rik см. Nesselmann, «Thes.» s. v. Есть также rikauti — шумѣть, кричать, веселиться; но тутъ значенiе этого корня rik должно быть другое; см. Nesselmann, Wört. L. Spr., стр. 449.

4) «In einer eichen, dy 6 elen dicke war», Грунау, стр. 62; должно быть, 6 локтей въ диаметръ. Помѣщенiе боговъ въ отверстiяхъ дуба не мѣшаетъ ему писать далѣе: «Bruteno im mit seinen götthin eine sonderliche wonungbaute», Gr., стр. 62.

5) «Und die eiche war gleich in drei teil geteilet, in iglichem, wie in eim gemachten fenster, stundt ein abgott», Gr., стр. 78.

6) Тамъ же.

7) Въ послѣднiй разъ въ «Źródła do Mytologii Litewskiej», II, 1—3.

8) «Nuncius cum baculo», Варшава; 22—25; см. «Wisła», томъ IX.

не видѣть эти столь подробно описанные имъ памятники, но даже не застать при жизни своей ихъ остатки; слѣдовательно, свѣдѣнія о нихъ онъ долженъ былъ почерпнуть изъ какихъ-либо другихъ источниковъ. Тѣ же источники, на которые онъ ссылается, почти всѣ намъ извѣстны; но въ нихъ нигдѣ нѣтъ описанія Ромове. Только одна хроника епископа Христіана, на которую Грунау часто ссылается, неизвѣстна намъ по той простой причинѣ, что ея никогда не существовало; она является чистымъ вымысломъ Грунау. Хроника же Ярослава плоцкаго и Дневникъ Дивониса, которыми якобы пользовался епископъ, вымышлены единственно съ цѣлью придать достовѣрность существованію и авторитету хроники Христіана¹⁾. Остается такимъ образомъ предположить, что и описаніе Ромове также представляетъ плодъ собственной фантазіи Грунау.

Такой отрицательный результатъ даетъ намъ полное право отказать Грунау въ достовѣрности всѣхъ его сообщеній. Но иногда и фантастическія произведенія создаются на почвѣ дѣйствительности; а Грунау отличается свойствомъ воссоздавать по крупицѣ истины совершенно вымышленное цѣлое. Поэтому мы разложимъ сообщенное имъ описаніе на составныя части и, разбирая ихъ поочередно, постараемся выяснитъ, что изъ нихъ слѣдуетъ признать заслуживающимъ довѣрія, и что слѣдуетъ отбросить, какъ ошибочное. Пробнымъ камнемъ въ данномъ случаѣ послужитъ Дусбургъ; затѣмъ — нѣсколько замѣчаній, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ у позднѣйшихъ, заслуживающихъ довѣрія писателей; наконецъ — преданіе. Такимъ путемъ мы найдемъ и опредѣлимъ основаніе для возможнаго рѣшенія нашей задачи.

§ 2. Дусбургъ ясно свидѣтельствуетъ, что Ромове находилось въ Надровіи, и выраженіе его „scilicet in Nadrowia“ можетъ служить доказательствомъ, что онъ справлялся о мѣстоположеніи Ромове. Равнымъ образомъ и Грунау въ концѣ концовъ признаетъ, что оно находилось въ Надровіи²⁾.

Несмотря на такое ясное указаніе, какое даетъ Дусбургъ, нашлось немало писателей, которые, не нашедши никакого Ромове въ Надровіи, усматривали его или въ мѣстности со сходнымъ названіемъ внѣ Надровіи, или же тамъ, гдѣ по преданію находился какой-нибудь священный дубъ. А такъ какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ придерживались ошибочнаго мнѣнія, что существовало одно лишь Ромове, бывшее религиознымъ центромъ не только для Пруссіи, но и для всѣхъ литовскихъ земель и сосѣднихъ язычниковъ, — то они не колебались признавать таковымъ центромъ каждый свое Ромове. Такъ, напр., Геннебергеръ, заставшій вблизи Schippenbeil, въ прежней Натангіи, деревни Rohmsdorf и Rykgarben, устанавливаетъ центръ культа здѣсь, остроумно доказывая свое мнѣніе тѣмъ, что Rohmsdorf и Rykgarben весьма сходны съ Romowe и Rickajot; что на мѣстѣ прежняго храма (?) въ Ромове, посвященнаго мнимымъ тремъ главнымъ божествамъ, или по близости въ послѣдствіи былъ построенъ монастырь во имя Св. Троицы (Trifaltigkeit); что раньше эта мѣстность называлась Podollen, безъ сомнѣнія отъ имени божества Patollo; наконецъ, тѣмъ, что Дусбургъ ошибочно напи-

¹⁾ Toeppen, «Geschichte der Preuss. Hist.», p. 178—181; «Nuncius c. baculo», 22—25.

²⁾ «In diesem lande (Nadrowien) hott auch vorzeiten inne gelegen ein Rickoyott do ist eine stelle der geistlichkeit nach ihrem unglouben im ihrtumb», p. 86; «So hett berufft Widewuto der koningk alle mennung des volcks uff Nadrowien vor-eine mechtige eche», p. 87. — «Um den ort wo sich alle diese heilighümer zusammenfinden sollten, ist Grunau im zweiten tractat verlegen; denn da seine Scandianer von der Ostsee über das frische haff kommen und ihren hauptsitz an dessen küsten aufchlagen, so war es ihm unbequem das hauptheiligthum in dem entfernten Nadrauen, wo es nach Dusburg lag, anlegen zu lassen. Er nennt also den ort vorläufig gar nicht und gesteht es erst im dritten tractat, dass es wirklich Nadrauen gewesen sei». Toeppen, «G. P. H.», 191—2. — Въ пользу Надровіи высказывается также Lukas David, стр. 21; равнымъ образомъ и M. Waissel, стр. 17, пвшуцій вмѣсто Romowe — Romoüe; Friederici, «Ueber die lage Romows» и Ewald, «Die Eroberung Preussens durch die Deutschen», I, стр. 143.

салъ Nadrovia вмѣсто Natangia¹⁾. — Гарткнохъ, убѣжденный доводами Геннебергера, желаетъ примирить мѣстныя послѣдныя съ Дусбургомъ и для этого произвольно расширяетъ южныя границы Надровіи, включая въ нихъ помянутыя деревни Rohmsdorf и Ruckgarben²⁾. Гарткноху слѣдовало много писателей, каковы, напр., Ostermeyer³⁾ и Waszko⁴⁾. — Caspar Schütz⁵⁾, съ своей стороны, разсмотрѣвъ карту Пруссіи Генриха Зееля⁶⁾ (библіотекаря герцога Альбрехта прусскаго), гдѣ отмѣчена въ Галиндіи кака-то деревушка Rom, Rumi, принимаетъ за мѣсто пресловутаго центра культа эту именно деревушку. Словомъ, при опредѣленіи мѣстоположенія руководящей нитью было тожество или сходство звуковъ наименованій.

Другіе писатели, подчеркивая главнымъ образомъ „священность“ дуба, принимали за Ромове ту мѣстность, гдѣ по преданію росло такое дерево, — и прежде всего — священный дубъ, — не обращая вниманія, носила ли эта мѣстность наименованіе Ромове, или нѣтъ. А такъ какъ въ Heiligenbeil (въ Варміи) находился извѣстный дубъ, которому преданіе приписывало тѣ же качества, какими якобы обладалъ дубъ въ Ромове, то Daubmann⁷⁾, а за нимъ Marcin Murinius⁸⁾ и Guagnin⁹⁾, перенесли мнимый центръ культа въ эту мѣстность; такъ же поступили Стрыйковскій¹⁰⁾ и его компиляторъ Кояловичъ¹¹⁾.

Такимъ образомъ оставленіе безъ вниманія дѣйствительнаго источника, или же желаніе поправить его — привели къ путаницѣ понятій, такъ что въ концѣ концовъ возникли сомнѣнія, слѣдуетъ ли Ромове называть мѣстность (locus у Дусбурга), какъ указываетъ источникъ, или же — дубъ съ священными предметами или съ какимъ-либо вымышленнымъ святилищемъ; были, наконецъ, и такіе, которые именемъ Ромове опредѣляли и мѣстность и дубъ.

Уже Грунау положилъ начало этой путаницѣ, называя дубъ и жилище Криве и его вайделотовъ словомъ, изобрѣтеннымъ имъ самимъ, — Rickoyto¹²⁾; этимъ же словомъ онъ опредѣляетъ всю мѣстность вмѣстѣ съ помянутымъ священнымъ дубомъ¹³⁾, и наконецъ, ни съ того, ни съ сего, называетъ эту мѣстность еще другимъ названіемъ:

¹⁾ Henneberger, «Erklär. «s. v.» Trifaltigkeit», стр. 464—5; срав. Hartknoch, D. VI, стр. 121—2.

²⁾ Dissert., VI, § 11, стр. 122: «Nadroviam olim etiam cis Pregelam, sive ad ripam Pregelae australem fuisse extensam, ita ut et Romovam intra fines suos contineret, etiamsi hodie vulgo in Natangia censeatur»; см. Voigt, «Geschichte Preussens», I, 161.

³⁾ «Kritischer Beitrag zur altpreussischen Religionsgeschichte», p. 42—3.

⁴⁾ «Geschichte von Preussen», Band I, p. 160.

⁵⁾ «Historia Rerum Pruss. oder Wahrhafte Beschreibung», etc., fol. 3: Romowe im Galinderland.

⁶⁾ Это первая карта, специально посвященная Пруссіи; она была приложена къ «Theatrum Orbis Terrarum» Авраама Ортелиуса въ 1570 г., а впоследствии къ первому изданію Schütz'a, Zerbst, 1592.

⁷⁾ «Kurtzer Auszug der preussischen Kroniken» etc., Königsberg, 1566, in 4-to, въ началѣ.

⁸⁾ Wojcicki, «Biblioteka Starożytna», Warsz. 1844, т. IV, стр. 10; см. Henneberger, «Erklär.», стр. 464.

⁹⁾ «Prussiae Descriptio» (Elzev.). 1642, стр. 297.

¹⁰⁾ Варшавское изданіе, стр. 142—3.

¹¹⁾ «Historiar. Lituan.», pars I, lib. I, p. 21; цитата изъ Гарткноха l. l. p. 119. Сравн. Voigt, «Gesch. Preuss.», I, стр. 160—1; на стр. 160 онъ касается также въ свою пользу упрека, неосновательно сдѣланнаго Дусбургу, якобы послѣдній ошибся, написавъ вмѣсто Natangia — Nadrovia. Упрекъ основанъ на словахъ: «Fuit autem in medio nationis hujus perverse, scilicet in Nadrovia, Romow», а Надровія не находилась въ самой серединѣ Пруссіи. Не слѣдуетъ однако такъ подчеркивать «in medio»; это можетъ обозначать — среди, посреди, in mitten, а не in der mitte, въ самой серединѣ.

¹²⁾ «Diese eiche und die wouung des crywen adir Kyrwaiden mit allen seinen waidolotten, das woren priester, sie nannten Rickoyto». Grunau, p. 62; см. § 1, прим. 2.

¹³⁾ «Seine göthe zu Rickoyott... iren crywen ken Ryckoyto schicken»... «den zu Rickoyotto sie nannten Kirwsito», p. 70; ... «Bey den Kirwaiden zu Rickoyott viel waidler waren»... «So imadt war und seinen bilde zu Rickoyott ein erungk gelobet hatte»... «man quam ken Rickoiot»... «ebren den zu Rickoyott...» Grunau, p. 94.

„Rickoyott, или Romove“¹⁾ (о котором до сихъ поръ не упомянулъ) и помѣщаетъ ее въ Надрови^{1а)}.

Waissel называетъ и мѣстность, и жилище боговъ — Romowe²⁾. Praetorius³⁾ самъ не имѣлъ яснаго представленія о дѣлѣ и съ видимымъ колебаніемъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что Ромове — мѣстность, а въ другомъ, — что такъ называли дубъ особаго вида, по которому его считали священнымъ; затѣмъ, — что срастаться такимъ особымъ образомъ, — по-старо-прусски значить Romiu (?) и Rombiu, Rombothi (можетъ быть rombūti); что „Rombotha“ (?) — значить дерево, выросшее такимъ образомъ, по какому узнавали, что въ немъ пребывало божество; что въ небудзынскомъ приходѣ росла ель такого рода, — „rumbota egle“, которую чтили, какъ святыню, а пилигримы, отправляясь къ ней, говорили: „Eikim Rombhowa“, и что эти слова для удобства произношенія измѣнились въ „Eikim Rommowa“⁴⁾; что въ саду его въ Небудзынѣ росла такого рода груша, и ее называли „Rombhota Krauszis“ (должно быть, rombūtas krauszis).

Отъ неизвѣстнаго мнѣ изъ другихъ источниковъ слова romboti, rombūti, — можетъ быть part. perf. pass. rombotas, rombūtas; слѣдовательно, rombūtas aužūlis, rombūtas krauszis, rombūta egle, — означало бы дубъ, грушу, ель, выросшія особымъ образомъ. Этимъ однако не объясняется форма Rumbhowa, или собственно Rombuwa vel Rumbuwa. Зная съ полной увѣренностью, что священныя деревья называются „жилищемъ боговъ“, а buwas означаетъ жилище, обиталище, butas же — домъ, сѣни, — rombuwas и rombutas можно перевести буквально — „священное жилище“.

Инымъ путемъ направился Voigt. Отыскавъ въ документахъ, что вблизи западнаго берега Самбіи, у моря, находится деревня Romehnen, которую документъ отъ 1315 г. называетъ Rummowe; а док. отъ 1335 г. — Romaun; что близъ нея было священное поле, далѣе священный лѣсъ и кромѣ того мѣсто, носящее названіе Brandtstat (пепелище), — Voigt безъ колебаній переноситъ именно сюда средоточіе культа⁵⁾. Указанія знаменитаго историка неоспоримы; ошибка заключается лишь въ томъ, что онъ вообще предполагаетъ для всей Пруссіи центръ культа, хотя и на извѣстный лишь періодъ времени⁶⁾. Въ другомъ мѣстѣ этотъ же ученый говоритъ, что кромѣ этого древняго священнѣйшаго мѣста были и другія, носившія такія же или похожія на Ромове названія; и можетъ быть, вездѣ, гдѣ жилъ какой-нибудь Griwe⁷⁾ и поблизости находился священный лѣсъ, — эти названія имѣли то же значеніе блаженнаго спокойствія и глубокаго молчанія, какое имѣло главное Ромове⁸⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ приводитъ двѣнадцать названій мѣстностей, похожихъ на Ромове, расположенныхъ въ разныхъ сторонахъ Пруссіи⁹⁾.

¹⁾ См. § 1, прим. 3.

^{1а)} См. § 2, прим. 1.

²⁾ «Chronica», p. 18: «die stelle da die grosse eiche stund, do die drey abgötter woren und da der hohepriester wohnte, dieselbe hiessen sie Romoüe nach der stadt Rom»; а p. 17: «haben die wonung (der götter) genennet Romoüe».

³⁾ Buch IV, с. I, § 8 и с. II, § 1, рукопись. Pierson этого не напечаталъ; въ приложеніи I приведены слова оригинала.

⁴⁾ Buch IV, с. 2, § 3. Прилож. I.

⁵⁾ Band I, p. 640—644.

⁶⁾ «Und es scheint also die behauptung gewagt werden zu können, dass es für die zeiten, von welchen die sage spricht, auch in der that nur Ein Romove für Preussens sämtliche bewohner gegeben habe». I, стр. 161—2.

⁷⁾ Такъ пишетъ Voigt имя Griwe, обосновывая свое мнѣніе — I, стр. 696—708; даже Griwe Griwaito; ibid. стр. 144.

⁸⁾ «Vielleicht hatte jeder ort, wo ein Griwe seinen wohnsitz und ein naher heiliger wald ein heiligthum der götter umschloss, dieselbe bedeutungsvolle bezeichnung». Ibid. I, стр. 596.

⁹⁾ Ibid. примѣч. 1.

Но названія мѣстностей, происходящія отъ корней *gam*, *gom*, *gum*, были распространены не только въ Пруссіи, а и на Жмуди и въ верхней Литвѣ. Уже Дусбургъ упоминаетъ *Romene* въ *Auxtote* съ многозначительнымъ эпитетомъ: *villa sacra*¹⁾. Въ Географическомъ словарѣ Спрогиса²⁾, въ которомъ, по древнимъ актамъ XVI в., исчислены географическія названія жмудской земли, мы находимъ значительное число такого рода названій, равно какъ и въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Ковенской губ.³⁾; не мало ихъ и въ Виленской губ.⁴⁾. Весьма важное варшавское изданіе „*Słownik Geograficzny*“, том IX (Географическій Словарь), приводитъ множество ихъ, въ Пруссіи и Литвѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что нѣкогда вся территория вдоль нижней Вилии, Нѣмана и нижней Неважи съ незапамятныхъ временъ называлась *Romaune*⁵⁾.

Безъ сомнѣнія, значительная часть перечисленныхъ въ упомянутыхъ источникахъ и трудахъ мѣстностей могла быть основана послѣ введенія христіанства, заимствуя свое названіе или отъ имени собственнаго, какъ напр., Романъ, Ромейко и т. п., или же отъ главнаго селенія, котораго онѣ были хуторами. Но во всякомъ случаѣ остается не малое число, восходящее къ вѣременамъ языческимъ. Поэтому интересной задачей для специалистовъ было опредѣленіе значенія корня, отъ котораго было произведено столько именъ и названій. Сдѣланы были попытки въ этомъ направленіи, и пришли къ тому выводу, что имена и названія эти произведены отъ того же корня, что и *gamas*, *gomas* — спокойствіе⁶⁾. Мы постараемся точнѣе обосновать этотъ выводъ, предоставляя окончательное рѣшеніе суду знатоковъ-лингвистовъ.

Словами, произведенными отъ упомянутаго корня, обозначали:

- 1) всю территорию жмудскую, *Romaine terra, regio*;
- 2) островъ при впаденіи Дубиссы въ Нѣманъ;
- 3) большое число деревень, хуторовъ въ Пруссіи, Литвѣ и у Латышей (Лифляндіи), *Ramoten circa Swanenfeld*⁷⁾, *Ramothien villa*⁸⁾ въ Пруссіи; *Romene*⁹⁾ въ Литвѣ; *Romini* на Жмуди; *Rohmeskalna, Ruhmene, Ramkau, Ramkas* въ латышской землѣ.
- 4) рѣки *Rominta, Romene* въ Пруссіи;
- 5) озера — *Roma lacus*¹⁰⁾ *Romitten see* въ Пруссіи;
- 6) лѣса — *Rominterwald* и т. д. въ Пруссіи.

Ежели столько различныхъ предметовъ получили названіе отъ корня *Ram*, то, предположивъ, что корень у нихъ одинъ и тотъ же, общее его значеніе должно быть такое, которое соответствовало бы качествамъ и признакамъ этихъ предметовъ. Даже такіе случаи, что, напр., лѣсъ (*Rominte*) получилъ названіе отъ рѣки (*Rominte*) или наоборотъ, — не могутъ слишкомъ вліять въ смыслѣ суженія границъ значенія корня.

1) «...versus Austechiam..., in qua villam, dictam Romene, quae secundum ritus eorum sacra fuit, combussit». Dusburg, III, 259 (252).

2) Вильно, 1838 г.

3) Ковно, 1892 г.; такихъ названій около 55; за присылку этой полезной книги приносимъ искреннюю благодарность г. Гуковскому.

4) Какъ мы имѣли возможность убѣдиться изъ ненапечатанныхъ матеріаловъ, любезно доставленныхъ и вѣрившихъ намъ гр. Адамомъ Плятеромъ, за что просимъ принять нашу благодарность.

5) «Terra», Wigand, стр. 584, 560 въ «Sc. R. Pr.» II; «Regio Romagyn», Herm. de Wart., стр. 92 («Sc. R. Pr. II»).

6) *Rhesa de religionis christianae in Lith. gente primordiis. Programma. Regiomonti. 1819, стр. 15. «Romas enim et ramus, adjectiva lithuanica, vim quietis et silentii indicant»; за нимъ повторять Voigt, I, 596, прим. 1, и другіе писатели.*

7) Cod. Dipl. Warm., т. I, стр. 499, № 310.

8) Ibid. т. II, стр. 529, № 497; Cod. Pruss., III, стр. 162.

9) Dusburg, III, 259 (252).

10) Cod. Pruss., II, 53; другія см. «Słownik Geograficzny», т. IX (Географическій Словарь, томъ IX в. ч.).

Кромѣ того, отъ того же корня производятся существительныя и прилагательныя, существующія до сихъ поръ въ живомъ литовскомъ языкѣ, какъ напр., литовское *gamas* — спокойный; *gomas* — тишина, спокойствіе; *gomus* и *gamus* — тихій, спокойный, блаженный; *gamupe*, *gomupe* — нѣжность, благодать; *gimti* — быть спокойнымъ; *gamuti* — успокоивать и т. п.; латышское *gahms* — спокойный, прирученный, переносное значеніе — набожный; *gaminti* — покоить, т.-е. хоронить; прусское *gams* — добронравный (*sittig*)¹⁾.

Итакъ, основное значеніе этого корня — спокойствіе, — въ страдательномъ значеніи „быть спокойнымъ“, въ дѣйствительномъ — „успокоивать, смягчать“, и т. п. Если прибавить къ корню *gom-* суффиксъ *ovja=ove*²⁾, получится *Romowe*, — мѣсто спокойствія или успокоенія, умилоствленія, напр., боговъ; отсюда — мѣсто богослуженія, священное мѣсто и т. д.

Въ самой Пруссіи есть большое количество населенныхъ мѣстъ съ названіями, оканчивающимися на *-ove*; въ одномъ только самбійскомъ документѣ находимъ слѣдующія: *Quedenove*, *Bledove*³⁾, *Geydove*, *Sabenove*, *Labegove*, *Bonove*, *Lynthove*, *Sunegove*, *Velove*, *Grebove*, *Rudove*, *Kaumelabegove*⁴⁾, въ другомъ: *Valdove*, *Dragedove*⁵⁾.

Примѣняя результатъ къ названіямъ мѣстностей, произведеннымъ отъ *Ram*, перечисленнымъ выше, мы приходимъ къ заключенію, что они должны обозначать или спокойную страну, островъ и т. п., т.-е. вообще затишье; или же спокойную рѣку, озеро; въ переносномъ значеніи — блаженное, святое; въ активномъ значеніи — мѣсто, приносящее покой, успокоеніе.

Изъ всѣхъ мѣстностей, произведенныхъ отъ корня *Rom*, только одна *Romene* въ Литвѣ, имѣетъ эпитетъ *Sacra*⁶⁾. А такъ какъ въ надровскомъ *Romove* находился весьма чтимый Огонь, то мы безъ колебанія можемъ признать его тоже священнымъ. Остальныя же названія могутъ обозначать одни — святыню, другія — затишье. Отсутствіе какихъ-либо указаній вынуждаетъ насъ сдѣлать такое обобщеніе.

Изъ предыдущаго однако не слѣдуетъ, что священныя мѣста обозначались только словами отъ корня *Rom-*; въ дѣйствительности существовали священныя мѣста съ другими наименованіями, какъ, напр., *Seten*⁷⁾ = *Szatyje*. *Wendzigola* же хотя и не имѣетъ такого эпитета, но несомнѣнно была священной, разъ тутъ находились священныя дома, „*domus sacrae*, *aedes sacrae*“⁸⁾.

§ 3. Въ надровскомъ *Romove*, по мнѣнію Грунау, росъ дубъ громадныхъ размѣровъ, въ шесть локтей толщиною, считавшійся священнымъ.

Культь деревьевъ, растущихъ одиноко или массама и образующихъ роци и лѣса, былъ весьма распространенъ у большей части народовъ, какъ выяснилъ и доказалъ *Mannhardt* въ сочиненіяхъ: „*Der Baumkultus der Germanen*“⁹⁾ и „*Antike Wald- und*

1) Мы намѣренно не выходимъ за предѣлы литовскаго яз.; слова отъ корня *gam* въ другихъ словахъ см. *Curtius*, «*Grundzüge*», ed. V, p. 325, № 454, приведена и литература.

2) *Schleicher*, «*Gramm. der lit. Sprache*», Bd. I, p. 110.

3) Въ оригиналѣ очевидно ошибка — *Blodeve*.

4) *Cod. Dipl. Warm.*, томъ II, Reg. 24 отъ 1258 г.

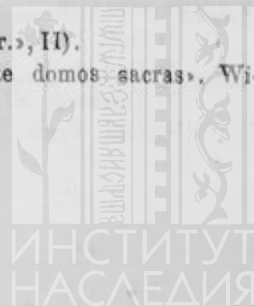
5) *Ibid. doc.* 387.

6) См. выше стр. 359, примѣч. 1.

7) «*Villam Sethen, quae dicitur sancta*». *Herm. de Wart.*, стр. 81 (въ «*Sc. R. Pr.*», II).

8) «*Fugiunt tamen ad edes sacras*», а раньше авторъ о нихъ говоритъ: «*stant ante domos sacras*». *Wigand*, стр. 623—4, въ «*Sc. R. Pr.*», II.

9) Берлинъ, 1875.

Feldkulte¹⁾). Въ литовскихъ областяхъ этотъ культъ составлялъ характерную черту, занимающую одно изъ первыхъ мѣстъ. Почитаніе, выказываемое деревьямъ и роцамъ, основывалось главнымъ образомъ на убѣжденіи, что въ нихъ пребывало божество, духъ-покровитель, или же душа человѣка. При этомъ породы деревьевъ могли быть различныя, — преимущественно дубъ, кленъ, рябина и т. п. Признакомъ того, что въ извѣстномъ деревѣ пребывало какое-нибудь высшее существо или божество, какъ выяснено до настоящаго времени, была или древность и громадность дерева, или же особенная форма его²⁾. Иеронимъ Прагскій, посланный, какъ извѣстно, Владиславомъ Ягелло на Жмудь для обращенія язычниковъ, прибылъ въ мѣстность, не опредѣленную точно въ жмудской землѣ, гдѣ находилось нѣсколько священныхъ роцъ, изъ которыхъ одна пользовалась особеннымъ почетомъ. Когда ее, по приказанію Иеровима, уже наполовину вырубилъ, очередь пришла рубить старый дубъ, который преимущественно предъ другими считали священнымъ и жилищемъ божества, такъ что никто не рѣшался поднять на него топоръ. Тогда Иеронимъ, взявъ топоръ, сталъ самъ рубить и, при помощи окружающихъ, послѣдовавшихъ теперь его примѣру, повалилъ громаду³⁾.

Мы уже приводили въ другой работѣ⁴⁾ примѣры того, что въ литовскихъ земляхъ деревья, въ частности дубы, достигали огромныхъ, даже необыкновенныхъ размѣровъ; тамъ же указано было, которыя изъ этихъ деревьевъ были ясно названы священными; гдѣ нѣтъ такого указанія, тамъ источники ничего не говорятъ о священности. Къ такимъ деревьямъ можно присоединить еще дубы *Vaublis* и *Vamblis*. Въ имѣнии *Bordzie* въ Россіенскомъ уѣздѣ (прежде Коршовскомъ) на горѣ *Wiszniukalnas* (холмъ вишенъ) росъ дубъ, называвшійся *Vaublis*; у подошвы холма росла дубовая роца. Владѣлецъ помянутаго имѣнія, Діонисій Пашкевичъ, велѣлъ въ мартѣ 1812 г. срубить этотъ дубъ; пень имѣлъ въ окружности 19 литовскихъ локтей и шесть дюймовъ; въ діаметрѣ болѣе толстаго конца — семь локтей, болѣе тонкаго — пять съ половиною локтей. Выгнившая середина имѣла въ окружности тринадцать локтей и пять дюймовъ; въ здоровой части пня насчитали семьсотъ слишкомъ слоевъ, не считая надгнившей части въ нѣсколько дюймовъ, въ которой нельзя было различить слоевъ, и коры толщиною также въ нѣсколько дюймовъ. Въ пнѣ владѣлецъ велѣлъ вырубить два отверстія въ локоть каждое, чтобы проникнуть внутрь, и въ пустой, дуплистой части пня устроилъ хранилище оружейныхъ и иныхъ древностей⁵⁾.

Въ имѣнии *Sterkfauki*, въ шести миляхъ отъ им. Бордзе, между Стерклавками и г. Юрбаркомъ, близъ прусской границы, росъ дубъ большихъ размѣровъ, носившій

1) Берлинъ, 1877. — Интересныя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія изъ кавказскихъ областей сообщаетъ впервые гр. Уварова: «Выше, въ горахъ св. Николая (въ Осетин), заповѣдная роца, до которой никто не смѣлъ дотронуться подѣ страхомъ неминуемо ослѣпнуть. Въ Дергафскомъ ущельѣ, неподалеку отъ Кубани, — святое дерево». Кавказъ. Москва, 1887, стр. 26. «Мы часто выѣзжаемъ на берегъ Цейлона (въ Осетин), а потомъ снова углубляемся въ лѣсъ, встрѣчаемъ полянки съ пасущимися стадами. Это уже завѣтный лѣсъ, святилище осетинское, въ которомъ находится и Рекомъ лѣсъ, въ которомъ никто не рѣшается на воровство или на другое преступленіе». *Ibid*, стр. 58—9. Ср. Bastian, *Der Baum in vergleichender Ethnologie*, въ *Zeitschr. für Völkerpsychologie*, T. V. 1868 p. 287, 316, Tylor *La civilisation Primitive traduit par Barbier*. 1878 T. II. p. 279—298.

2) «*Źródła do Myt. Litewskiej*», I, стр. 51—78. Относительно громадности см. примѣч. 11.

3) «*Ventum erat ad medium nemoris, ubi quercum vetustissimam et ante omnes arbores religione sacras et quam potissime sedem (scil., deorum?) esse putabant... Neque jam quisquam erat, qui ferrum exercere auderet. Tum Hieronymus... ad arborem adacto ferro, adiuvante multitudine, ingens onus... prostravit*». *Sc. R. Pr.*, IV, p. 237. — Перепечатку цѣлаго этого мѣста видѣть съ разборомъ мы помѣстимъ въ «*Źródła do Myt. Lit.*», II, № XXXIX. — И понинѣ подобнымъ образомъ чтятъ старое дерево Осетини: «Иногда въ урочищахъ этихъ нѣтъ даже постройки; тогда все уваженіе, весь почетъ воздается какому-нибудь старому дереву, которое и обививается приношеніями». Гр. Уварова, «Кавказъ», I, стр. 25—6.

4) «*Źr. M. L.*», I, стр. 62—3.

5) «*Dziennik Warszawski*», т. IV, за апрѣль, май, июнь 1826 г., № 11, стр. 37—46.

АРХЕОЛОГ. СВЪЗДЪ ВЪ РИГѢ.

подобное же названіе, т.-е. Bamblis¹⁾). — Въ лѣсу, тянувшемся вдоль Инстербургскаго уѣзда (in dem Bertiningischen Walde unter dem Insterburgischen Gebiet) Praetorius видѣлъ дубъ, имѣвшій внизу двадцать шесть, а на высотѣ человѣческаго роста въ восемнадцать локтей въ обхватъ²⁾. Гуковскій въ „Описаніи Россіенскаго уѣзда“³⁾ передаетъ интересныя подробности относительно дуба, находившагося въ мѣстности Rotusz, въ десяти верстахъ отъ Колтынянъ. Подъ нимъ, какъ гласитъ преданіе, происходили языческія жертвы и собирався народъ по пятницамъ, затѣмъ по воскресеньямъ. Прибитый къ дереву крестъ Спасителя по мѣрѣ разростанія дуба, казалось вросалъ въ него, что еще болѣе усиливало священность дерева. Говорятъ, лѣтъ 80 или 90 тому назадъ (т.-е. между 1803—1813 гг.) еще собирались подъ этимъ дубомъ по воскресеньямъ крестьяне; зарѣзавъ барана, они отправлялись въ бывшую по близости часовню, а вернувшись, варили барана и пировали. О дальнѣйшей судьбѣ этого дуба авторъ не сообщаетъ. I. Бушскій въ *Opisanie Historyczno-Statystyczne powiatu Rossieńskiego* (въ „Описаніи Россіенскаго уѣзда“)⁴⁾ говоритъ о томъ же дубѣ, что будто бы окрестные крестьяне еще въ то время (1874 г.) собирались у него по пятницамъ (?). „Въ нѣсколькихъ (?) миляхъ отъ Колтынянъ, въ урочищѣ, называемомъ Rotusz, есть огромный дубъ, прикрѣпленный на которомъ крестъ собираетъ въ каждую пятницу окрестныхъ крестьянъ на молитву. Дубъ этотъ, по мѣстнымъ преданіямъ, былъ въ языческія времена мѣстомъ жертвоприношеній“. Несомнѣнно, это былъ священный дубъ.

Что касается того, всякое ли дерево, и именно дубъ, громадныхъ размѣровъ являлось предметомъ почитанія, — то это вѣроятно, но за отсутствіемъ указаній доказано быть не можетъ⁵⁾. Можно однако же предположить, что въ ряду великановъ-деревьевъ почитаемо было наиболѣе величественное⁶⁾.

Но можно считать во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ, что каждое дерево, независимо отъ размѣровъ и породы его, признавалось особенно священнымъ въ томъ случаѣ, когда стволъ его, развѣтвляясь, опять сросался въ одно цѣлое, — или если вѣтвь срослась снова со стволомъ⁷⁾. Кромѣ того, есть указанія, что три дерева, выросшія изъ одного ствола, были особенно чтимы, т.-е. считались священными. Одно такое указаніе касается трехъ священныхъ липъ (въ Bardehmen, въ нынѣшней восточной Пруссіи), выросших изъ одного корня, которымъ уже болѣе шестисотъ лѣтъ; другое — трехъ дубовъ на кладбищѣ въ Schaaken (въ той же восточной Пруссіи), передъ которыми прохожіе и донныя снимаютъ шапки⁸⁾.

Вѣра въ священность деревьевъ этого рода была извѣстна и распространена также и у арійскихъ и другихъ народовъ. Священность основывалась на приписываемой имъ чудесной силѣ исцѣлять больныхъ, страдающихъ грыжей, искривленіемъ и т. п. Для

¹⁾ Ibid, стр. 89, примѣч. 2.

²⁾ Buch IV, с. 1, § 17. Такъ какъ Pierson не напечаталъ этого, мы въ приложеніи I дѣлаемъ выписку изъ кенигсбергской рукописи.

³⁾ Ковно, 1893, стр. 123.

⁴⁾ Вильно, 1874, стр. 117.

⁵⁾ См. однако Erasmus Stella: Praecellentes arbores, ut robora, quercus, deos inhabitare dixerunt. ... (arbores) huiusmodi religiose, ut numinum domos colebant».

⁶⁾ *Žr. Myt. Lit.*, I, стр. 51—78.

⁷⁾ См. ниже и приложеніе I, caput II, § 3 sqq; приложеніе II.

⁸⁾ «Und die heilige linde bei Bardehmen? Die ist aber auch heilig. Drei solche gleiche stämme aus einer wurzel so schön gewachsen... und ist über 600 jahre alt... Unsere grosseltern haben ihn (d. baum) für heilig gehalten... Und bei den drei eichen auf dem kirchhofe von Schaaken nimmt noch mancher von euch die mütze ab, wenn er vorübergeht». *Scenen aus dem volksleben der preuss. Litauer. Preuss. Prov. Blätter*, 1838, p. 400 sqq. Святость числа три также могла имѣть тутъ значеніе, какъ это отмѣчено въ *Žr. M. L.*, I, 186. О томъ, что тутъ проходили или проносили больныхъ между стволами въ видахъ излѣченія, — здѣсь упоминаемъ вѣтъ.

исцѣленія больной или самъ проползаль чрезъ отверстие ствола, или же его протаскивали, въ убѣжденіи, что больной избавится отъ болѣзни, оставивъ ее въ деревѣ. Въ различныхъ мѣстностяхъ при этомъ соблюдали различныя церемоніи. Кратко упоминаетъ о такомъ способѣ врачеванія Яковъ Гримм¹⁾; болѣе обстоятельно и научно обработалъ этотъ вопросъ Mannhardt²⁾; Gaidoz посвятилъ этому вопросу особую монографію³⁾. Mannhardt, поставивъ цѣлью возможно всестороннее изслѣдованіе культа деревьевъ и растеній, преимущественно полевыхъ, — со свойственной ему эрудиціей, опираясь на громадный матеріалъ со всѣхъ концовъ земли, выяснилъ основныя идеи этого культа. Что касается непосредственно интересующаго насъ вопроса, онъ рѣшаетъ его такъ же, какъ и Гриммъ. Gaidoz же, занявшись исключительно указаннымъ актомъ проползанія или протаскиванія, уясняетъ историческій ходъ этого обычая, примѣнявшагося къ дугообразно выросшимъ надъ землей корнямъ, къ деревьямъ съ естественными или искусственно, путемъ расщепленія образованными отверстиями; къ разсѣливамъ или сквознымъ дырамъ въ камняхъ, утесахъ и скалахъ. Наконецъ, приведя примѣры, въ какія формы облекло этотъ глубоко укоренившійся обычай христіанство въ разныхъ мѣстностяхъ, Gaidoz приходитъ къ тому же результату, къ какому пришли Гриммъ и Маннгардтъ⁴⁾.

Изъ указанныхъ сочиненій оказывается, что помянутый обычай былъ распространенъ во всей Западной Европѣ. Въ Сѣдлецкой губерніи онъ сохранился, «какъ говорить, и до настоящаго времени⁵⁾; примѣра изъ несмѣшанныхъ русскихъ областей мы не знаемъ⁶⁾. О. Kallas изъ Тайлова въ Эстони описываетъ интересную подробность обрядовъ, совершаемыхъ во второй день Пасхи: когда выносили св. образъ изъ церкви, — нѣсколько сотъ человекъ изъ собравшагося народа хотѣли пройти подъ иконой⁷⁾. Это живо напоминаетъ описанный Gaidoz'омъ французскій обычай, составляющій лишь измѣненіе первоначальнаго языческаго: „Une image venerée et regardée, comme miraculeuse, sert au même usage. C'est ainsi qu'à Ligny-en-Barrois (Meuse) à la fête de Nôtre-Dame-des-Vertus, on promène une image de la Sainte Vierge qui serait la copie de l'une des images de saint Luc... On la porte, comme autrefois, en procession par les rues, le cinquième dimanche après Pâques; et avant qu'elle sorte de l'église, deux prêtres la soutiennent en l'air, pendant que plusieurs milliers de pélerins satisfont la dévotion qu'ils ont de passer dessous⁸⁾».

1) Deutsche Mythologie, II p. 1118.

2) См. прим. 1 и 2 и Приложение III.

3) Un vieux rite médical. Paris, 1892.

4) «Il faut donc recourir à une explication plus simple, — nous voulons dire, plus matérielle, et nous la trouvons, comme l'avaient déjà fait Grimm et Strackerjan, dans la théorie de la transplantation des maladies. C'est la théorie, qui se rencontre au fond de rites innombrables de la médecine populaire, rites, par lesquels on croit transporter à une pierre, ou à une plante, ou à un animal la maladie, dont on souffre». Gaidoz, стр. 78. — «...Le rite curatif de passer par une ouverture ou sous un objet ouvert, afin d'y laisser son mal a été revivifié et rejéuni à l'époque chrétienne, par la croyance à la vertu surnaturelles des reliques des saints», стр. 74; см. Приложение III.

5) Устно сообщилъ д-ръ Высокинскій изъ Сѣдлецкой губ.

6) Можетъ быть, случайно; срав. Н. И. Троицкаго. Слѣды язычества и пр. Культъ огня, дерева и камня пам. книжка Тульской губ. на 1893 годъ. — Но тутъ говорится только о почитаніи деревьевъ вообще — а не о цѣлебной ихъ силѣ.

7) Vor der kirche, aus welcher sich der zug in bewegung setzen sollte, hatte sich eine kette von mehreren hundert menschen gebildet, die alle unter den bildern durchgehen wollte. Einiges über Seind von O. Kallas. Sitzungsberichte d. gel. estn. gesellschaft. Dorpat, 1895; стр. 88.

8) Gaidoz, стр. 50. Вообще вся глава IV, стр. 35—55, составляетъ указаніе вышесказанныхъ языческихъ обычаевъ, которые церковь обратила въ свою пользу.

Вполнѣ сходное вѣрованіе господствовало въ прусскихъ областяхъ:

1. Praetorius рассказываетъ, что въ окрестностяхъ Рагниты въ Шалавоніи ему показывали дубъ со странно сросшимися вѣтвями, почитавшійся всеми окрестными жителями священнымъ¹⁾.

2. Древне-прусское Romiu, Rombiu, Rombothi значитъ „срастаться“ и употребляется въ томъ случаѣ, когда на деревѣ сраслась вѣтвь съ вѣтвью. Въ Ромове находился дубъ, считавшійся священнымъ и особенно излюбленнымъ мѣстопребываніемъ боговъ. Поэтому мѣсто (?), или собственно дубъ называли Rommowe (sic)²⁾.

3. Древніе Пруссы считали святыней (heiligum) не всякій дубъ или дерево, а лишь дерево, называемое Rombhota, т.-е. страннымъ образомъ сросшееся. Такія деревья донынѣ чтятъ тайно въ Надровіи и Шалавоніи³⁾.

4. Въ лѣсу, принадлежащемъ къ Небудзынскому приходу, еще въ 1664 г. была ель съ двумя вѣтвями, снова сросшимися на концѣ, къ которой стекались все жители не только Надровіи и Шалавоніи, но даже изъ Жмуди и Литвы, принося въ даръ платы, помочи, одежды и деньги; такъ какъ вѣрили, что калѣка или больной грыжей, пролѣзши чрезъ эти двѣ вѣтви, исцѣлится. Эту ель также называли gumbūta egle и, собираясь отправиться къ ней, говорили: Eikim Rombhowa⁴⁾.

5. Кажется, Praetorius подразумѣваетъ тутъ тотъ же дубъ, что въ пунктѣ 1. „По нашему мнѣнію, считались священными всякаго рода деревья, которыхъ стволъ, развившись, опять сросся въ цѣлое: на полѣ въ Рагницкой области росъ дубъ такого вида, считавшійся священнымъ. Страдающіе грыжей проползали черезъ отверстіе, образованное развѣтвленіемъ ствола, въ убѣжденіи, что это ихъ исцѣлитъ. Въ моемъ саду въ Небудзынѣ росла такого же вида груша, Rombotha Krauszis (должно быть gombūtas Krauszis). Около нея я разъ засталъ молящагося на колѣняхъ старика“. Послѣ долгихъ разспросовъ, онъ признался наконецъ слугѣ Преторіуса, что его прислалъ сюда какой-то вайделотъ изъ Жмуди, для отысканія подобнаго дерева съ цѣлю излѣчить внука, страдающаго грыжей. Кромѣ того, онъ добавилъ, что знаетъ maldininkas'a (молельщика, жреца), который, если бы ему позволили, охотно поселился бы со всей семьей у этого дерева; и это принесло бы и хозяину счастье⁵⁾.

6. Faber сообщаетъ любопытныя подробности о священномъ дубѣ въ дремучемъ лѣсу между Bajorgallen и Rudschen въ Рагницкомъ округѣ. На высотѣ нѣсколькихъ футовъ отъ земли стволъ развѣтвлялся на два главныхъ; одинъ изъ нихъ пустилъ толстую вѣтвь, вросшую опять въ стволъ, въ видѣ излучины, образуя такимъ образомъ отверстіе. Больные глазами, параличемъ рукъ и ногъ и другими болѣзнями совершали путешествіе въ нѣсколько миль къ этому дубу въ надеждѣ исцѣленія. Чтобы добраться до упомянутаго отверстія, приставляли толстую вѣтвь съ обрубленными боковыми вѣтками и по ней, какъ по лѣстницѣ, поднимались къ отверстію и трижды пролѣзали сквозь него; затѣмъ привязывали какое-нибудь приношеніе къ излучинѣ, на которой было уже полно помочей, платовъ, ножиговъ и т. п. Монеты клали подъ дубомъ⁶⁾.

7. Кажется, о томъ же дубѣ идетъ рѣчь въ отчетѣ о лекціи проф. Беззенбергера: Невдалекѣ отъ Рагниты находился дубъ, вѣтви котораго срослись, образуя отверстіе.

1) Buch IV, с. 1, § 6. Такъ какъ Pierson, приводя извлеченія изъ рукописи Преторіуса, пропустилъ вышеупомянутые примѣры, мы приводимъ ихъ по рукописи въ Прилож. I.

2) Ibid, § 8.

3) Ibid, с. II, § 1.

4) Ibid, § 3.

5) Ibid, § 5.

6) См. Прилож. II.

Кто пролѣзъ черезъ него, избавлялся отъ болѣзни. Вѣра и обычай распространены въ народѣ до сихъ поръ¹⁾.

Изъ всего вышесказаннаго оказывается, что Грунау за основаніе описанія дуба въ Ромове принялъ дѣйствительно существующую вѣру въ священность деревьевъ, особенно дубовъ, особой формы, которую онъ измѣнилъ сообразно своимъ намѣреніямъ. Существовалъ ли въ дѣйствительности такой дубъ въ Ромове, — можно лишь предполагать, но не доказать. Дусбургъ совершенно не упоминаетъ о немъ.

§ 4. По сообщенію Грунау дубъ въ надровскомъ Ромове зеленѣлъ лѣтомъ и зимой. Эта подробность сильно занимала ученыхъ. Такъ какъ не знали ни дуба, ни другого лиственнаго дерева, которое въ сѣверныхъ краяхъ было бы и лѣтомъ и зимой покрыто неувядающей зеленью, то этотъ признакъ старались объяснить разнымъ образомъ. Въ этомъ направленіи, очевидно, наиболѣе потрудился Praetorius, который объясняетъ объемъ дуба тѣмъ, что онъ росъ на плодородной почвѣ; вѣчную зелень его листьевъ тѣмъ, что дубъ былъ обрызгиваемъ кровью закалываемыхъ подъ нимъ жертвъ, — и въ доказательство такого объясненія прибавляетъ въ видѣ аксіомы, что кровь обладаетъ удивительною способностью сохранять зелень листы. „Und ist gewiss, dass das blut der menschen und thiere eine sonderliche kraft einen Baum grün zu erhalten habe“. Къ этому присоединился еще и неугасавшій огонь передъ дубомъ, въ достаточной степени согрѣвавшій воздухъ; кромѣ того, курево, которое всыпали въ огонь и, наконецъ, висѣвшія вокругъ дуба завѣсы на высотѣ семи локтей, также придавали немало тепла²⁾. Однако, несмотря на всѣ эти натянутыя объясненія, изобрѣтенныя Преторіусомъ, онъ самъ имъ, въ концѣ концовъ, не вѣритъ и признается, что это, должно быть, были дьявольскія чары. Даже столь трезвый умъ, какъ Hartknoch, прибѣгаетъ къ такому же объясненію; упомянувъ о неувядавшей зелени Упсальскаго дерева, онъ заявляетъ, что, по его твердому убѣжденію, тутъ дѣйствовала нечистая сила; то же объясненіе онъ примѣняетъ и къ дубу въ Ромове³⁾. До Гарткноха такъ же высказался Lucas David: „ohne zweiffels aus des teuffels getrieb oder verblendung“ (р. 27). Только Henneberger (Erklär. р. 465) объясняетъ, хотя и неудачно, якобы густота листы не пропускала ни дождя, ни снѣга, и такимъ образомъ сохранялась зелень; на что Arnoldt возражаетъ, что въ такомъ случаѣ лишь нижніе слои листы, а не верхніе и верхушка оставались бы зелеными⁴⁾. Проф. Fischer, пишущій по Гарткноху, утверждаетъ, что постоянные жертвенные огни и кучи навоза отъ жертвенныхъ животныхъ согрѣвали воздухъ и землю, такъ что и то и другое способствовало постоянному сохраненію дубомъ зелени и листы⁵⁾. Вотъ до чего дошло священное Ромове и прославленный Криве, господствующій надъ всей Литовской областью и живущій среди громаднхъ складовъ скотскаго навоза. Bender, защитникъ Грунау, считаетъ этотъ признакъ мѣомъ и утверждаетъ, что вѣчно зеленая омела на дубахъ и липахъ послужила началомъ для сложившейся затѣмъ вѣры въ деревья съ такимъ свойствомъ⁶⁾.

1) Mitteilungen der litauisch-literarischen gesellschaft. 1883, стр. 396—7, примѣч. 1.

2) Buch IV, с. 1, § 18.

3) «Hoc vero diabolica factum esse arte certum habeo». Dissert. VI, p. 112.

4) Arnoldt, Kurzgefasste Kirchengeschichte. Königsberg, 1769, стр. 20.

5) Prof. Fischer, Vernünftige Gedanken von der Natur, p. 480, § 677, meint, es habe ganz natürlich zugehen können, indem die vielen opfer und feuer, welche tag und nacht dauerten, die gegend in einem warmen dampfe erhalten und die weitläufigen wurzeln mit blut und mist der opferthiere gedünget, auch wol mit misthaufen an der nordseite bedeckt worden. Diese erklärung ist indessen begreiflicher, als des Hennebergers seine (Erkl. der preuss. landtafel, p. 465), welcher meynet, es sey solches daher gekommen, dass weder regen noch schnee durchkommen mögen. Arnoldt l. l. 19—20.

6) «Zur altpreuss. Mythologie etc.» въ А. Р. М. Schr., Bd. IV, стр. 16—17, прим. 20: «Wir zweifeln nicht, dass der glaube an die heiligen immergrünen bäume durch die immergrüne mistel entstanden ist, zuma

Изъ всего этого мы отмѣтимъ то несомнѣнное обстоятельство, что Грунау первый ввелъ въ литовскую миеологию вѣчно-зеленый дубъ и помѣстилъ его въ надровскомъ Ромове. Слѣдуя его примѣру, всѣ послѣдующіе писатели приписывали это свойство дубу въ усмотрѣнномъ ими Ромове.

Однако же вышесказаннымъ заключеніемъ отнюдь не рѣшается главная задача — выясненіе причинъ и источниковъ подобной идеи Грунау. Является ли упомянутая вѣчная зелень его собственнымъ изобрѣтеніемъ, на которое могъ навести его эпитетъ вѣчнаго огня, или же онъ вынесъ готовое уже представленіе изъ какихъ-либо другихъ источниковъ?

И вотъ, пересматривая рядъ писателей, упоминающихъ равнѣ Грунау о священныхъ деревьяхъ, мы находимъ, что его описаніе дуба и прочихъ священныхъ предметовъ въ Ромове наиболѣе похоже на описаніе дерева и священныхъ предметовъ въ Упсалѣ, принадлежащее Адаму Бременскому. И хотя Грунау нигдѣ не ссылается на него, мы однако можемъ указать незатертые и убѣдительные слѣды того, что описаніе Ромове въ общемъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ составлено по образцу описанія Упсалы. Такъ, оба писателя говорятъ о вѣчно-зеленомъ деревѣ, о троицѣ главныхъ божествъ, объ обоготвореніи заслуженныхъ людей послѣ смерти; оба сохраняютъ въ описаніи одинъ и тотъ же порядокъ. Другія, еще болѣе точныя указанія на подражаніе выяснятся при разборѣ подробностей.

Не поколеблетъ нашего убѣжденія и утвержденія и то замѣчаніе, что Адамъ Бременскій былъ изданъ лишь черезъ шестьдесятъ девять лѣтъ по написаніи хроники Грунау¹⁾; равно какъ и то, что ни въ Гданскѣ, гдѣ Грунау былъ монахомъ, ни въ Эльбингѣ²⁾, гдѣ онъ также жилъ, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда нахождения тамъ кодекса Адама, такъ какъ Грунау могъ познакомиться съ нимъ черезъ писателей, пользовавшихся въ своихъ работахъ рукописью Адама Бременскаго³⁾.

Однако, и этимъ объясненіемъ главный вопросъ о вѣчной зелени также не исчерпывается, а лишь переносится изъ надровскаго Ромове въ скандинавскую Упсалу, отъ Грунау къ Адаму Бременскому. Несомнѣнно, ни въ Ромове, ни тѣмъ болѣе въ Упсалѣ, не могло быть листовнаго дерева съ подобнымъ свойствомъ. Откуда же у Адама Бременскаго явилось такое свѣдѣніе въ текстѣ: „Nobilissimum illa gens (Sueonum) templum habet, quod Ubsola dicitur“, а въ схолии 134-ой: „Prope illud templum est arbor maxima, late ramos extendens, semper viridis in hieme et aestate; cujus illa generis sit, nemo scit“⁴⁾.

die pflanze schon für heilig galt...» «Nachträglich ersehe ich, dass schon Baczko, Geschichte Preussens, I, 160, denselben grund für die immergrüne bäume nach Preuss. Tempe, II, 513—522, angiebt; ebenso Bock, Naturgeschichte».

1) Первое полное изданіе, заключающее «Descriptio insularum aquilonis», вышло трудомъ Эрпольда Линденбруха, въ 1595 г., Lugduni Batavorum ex officina Plantiniana, apud Franciscum Raphelengium, in 4-to.

2) Въ Давидгѣ онъ былъ послушникомъ; см. предисловіе Геннеберпера въ «Erkl. der preuss. landtaf.». Относительно Эльбинга онъ говоритъ: «im jare hab ich viel mol im kloster zum Elbinge... gesehen»; стр. 75; наконецъ, онъ вообще побывалъ во многихъ прибалтійскихъ городахъ.

3) Гарткнохъ первый обратилъ вниманіе на сходство съ Адамомъ Бременскимъ, но не сдѣлалъ соответственныхъ выводовъ. Затѣмъ за подражаніе энергически высказался Тоеппен, Geog. Pr. Hist., стр. 186: «Er (Grunau) führt den Adam von Bremen zwar nirgend ausdrücklich als seine quelle an, auch war dieser schriftsteller damals noch nicht gedruckt, aber die nachrichten desselben waren in mehrere andere chronicken übergegangen und auf irgend einem vielleicht sehr weiten wege auch zu Grunau gelaugt». Такое голословное утвержденіе, хотя и серьезнаго ученаго, не убѣдило-бы насъ, если-бы мы сами не пришли къ тому-же убѣжденію, рассмотрѣвъ и сопоставивъ у обоихъ писателей — а) диспозицію и б) подробности, — какъ это выяснится при дальнѣйшемъ изложеніи.

4) Adami Bremensis Gesta Hamaburg. ex rec. Lappenbergii, ed. 2a, Hannov., 1876: Descriptio insularum aquilonis, с. 26, р. 174; при дальнѣйшемъ изложеніи я пользовался прекраснымъ предисловіемъ къ этому-же изданію, составленнымъ Waitz'омъ.

Извѣстно, что Адамъ Бременскій, отправившись вскорѣ послѣ 1069 г. къ датскому королю, Svend Esthritson'у, находившемуся тогда, по всей вѣроятности, въ Зеландіи, — отъ него и многихъ другихъ услышалъ и записалъ подробности, касающіяся сѣверныхъ странъ¹⁾; ему сообщали ихъ также архіепископъ Adalbert²⁾, равно какъ и епископъ датскій, имя котораго неизвѣстно³⁾, какой-то нордальбингенскій дворянинъ⁴⁾, спутники епископа Адальварда младшаго⁵⁾, по всей вѣроятности также и Wilhelmus, епископъ Зеландіи, нѣкогда бывший канцлеромъ Канута Великаго, и Адальбертъ старшій, бывший епископъ готскій и шведскій⁶⁾; наконецъ, авторъ ссылается на видѣнное имъ самимъ и другими очевидцами⁷⁾. Все это — серьезные свидѣтели, доставлявшіе автору свѣдѣнія о собственной родинѣ для написанія „Gesta“ и большей части схолій, объясняющихъ текстъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ переписчики внесли въ текстъ, другія остались на мѣстѣ. Большая часть ихъ принадлежитъ самому автору, который по мѣрѣ накопленія свѣдѣній, записывалъ ихъ уже по окончаніи сочиненія⁸⁾ — для пополненія свѣдѣній; другія схоліи — меньшая часть — принадлежатъ чужой рукѣ. Интересующая насъ 134-я схолія не содержитъ никакихъ указаній, по которымъ можно было бы опредѣлить ея автора; однако намъ извѣстно, что это одна изъ наиболѣе древнихъ схолій, такъ какъ мы находимъ ее уже въ кодексѣ, принадлежащемъ къ XI или началу XII в.⁹⁾, т.-е. почти одновременномъ съ рукописью автора. Поэтому наиболѣе вѣроятно, что схолія эта, равно какъ и многія другія, была дописана самимъ Адамомъ Бременскимъ; а содержащееся въ ней свѣдѣніе доставилъ ему, несомнѣнно, одинъ изъ вышеназванныхъ свидѣтелей, — во всякомъ случаѣ скандинавецъ, знавшій Эдду, такъ какъ нѣкоторыя мѣста являются ея буквальный переводомъ.

Приводимъ текстъ Эдды съ дословнымъ переводомъ.

*Эдда*¹⁰⁾.

*Переводъ*¹¹⁾.

1. Ascr Ygdrasils, hann er oeztr vida (Grimnismal, 44).
2. Ask rinn er allra trea mestr ok beztr (Gylfagunning 15).
3. Iimar hans dreifast um allan heim ok standa yfir himni, (Gylfag., 15).
4. pat barr er breidask um land ok Iimar, Mimameidr heitir. (Fiols., 19, 20).

1. Ясень Ygdrasils, онъ (есть) высочайшій изъ деревьевъ.
2. Ясень этотъ (есть) всѣхъ деревьевъ больше и лучше.
3. Вѣтви его распростираются надъ цѣлымъ свѣтомъ¹⁾ и поднимаются за небо.
4. Это дерево, которое раскидывается вокругъ міра, Mimameidr называется.

1) «Narravit mihi rex Danorum sepe recolendus»; ibid, IV, 25; срави. I, 50, 54; II, 24—26; 28; 32, 36, 41, 42, 78; III, 22, 53: «a quo (rege Suein) etiam clementissime susceptus, ut omnes, magnam hujus libelli materiam ex ejus ore collegi»; IV, 21, 37, 38.

2) III, 2, 15, 46, 55.

3) I, 59.

4) III, 21.

5) IV, 21.

6) II, 10, 31, 44, 46.

7) II, 32, 44, 58, 60, 67; III, 57, 60.

8) Напр., схоліи 65, 119; 73, 77, 78, 81, 113, 122, 136, 137, 141; а также 135, 138. «Scholia multa ab ipso Adamo codici operis sui in margine addita esse vix dubium est», говоритъ G. Waitz въ упомянутомъ изданіи Ад. Бременскаго, подтверждая свое мнѣніе доказательствами, которыми я воспользовался.

9) Codex Lugdunensis у Pertz'a № 8.

10) A. Müllenhof, «Deutsche Altertumskunde», Band V, Берлинъ, 1883 г., стр. 104.

11) Кромѣ перевода Simrock'a «Die Edda», изд. 8-е, Штутгартъ, 1882 г., я имѣлъ, благодаря любезности проф. Беззенбергера, дословный переводъ приведенныхъ мѣстъ.

5. Stendr oe yfir groenn Urdarbrunni.
(Voluspa 18A. 19B.).

6. pat mangi veit af hoerjum rotum renn.
(Fiols, 20).

5. Стоитъ вѣчно зеленое надъ Urdarbrunni.

6. Что никто (не) знаетъ, изъ какихъ корней (оно) растеть.

Сопоставивъ помянутую 134-ю схолю съ только-что приведенными словами Эдды, мы убѣждаемся, что *arbor maxima* соотвѣтствуетъ 1, 2; *late ramos extendens* = 3, 4; *semper viridis* = 5; *cujus illa generis sit, nemo scit* = 6.

Врядъ ли нужно болѣе яснаго доказательства, что 134 схолия является не только пересказомъ, но даже дословнымъ переводомъ Эдды.

Ygdrasil, Yggdrasil — миѳическое дерево міра. По миѳнію метеоролога Adalbert'a Kuhn'a²⁾, представление о немъ возникло изъ сравненія тучъ, разстилающихся по небу длинными, часто переплетающимися полосами, съ деревомъ, охватывающимъ все небо. Миѳ о древѣ міра Ygdrasil получилъ начало изъ извѣстной формаціи тучъ, которая сѣверный нѣмецъ и донинѣ насыщаетъ *Wetterbaum*³⁾. Греческая нимфа Мелія (Ясень) является дочерью Океана или Посейдона, т.-е. моря, которое въ миѳахъ очень часто обозначаетъ небесное море, небо⁴⁾. Другого миѳнія держится Mannhardt: какъ каждое хозяйство въ Скандинавіи, каждый хуторъ, деревня, уѣздъ и область имѣли своего *Värdträd*, т.-е. дерево-покровителя, такъ и весь міръ имѣлъ такого покровителя въ видѣ ясени, называемаго Ygdrasil⁵⁾; такой взглядъ кажется и намъ болѣе вѣроятнымъ. Миѳическія личности и предметы обладаютъ обыкновенно тѣми же качествами, что и земные, но въ болѣе высокой степени; поэтому миѳическія деревья — вѣчно зелены. Качество Ygdrasil'a, перенесенное на уисальское дерево, Адамъ Бременскій распространилъ своимъ сочиненіемъ, и отсюда-то Грунау перенесъ это качество въ одну изъ прусскихъ областей, Надровію, на громадныхъ размѣровъ дубъ и помѣстилъ его въ скромной мѣстности, называемой Ромове. Наслѣдники Грунау по перу щедрой рукой одарили вѣчной зеленью каждое дерево, считавшееся священнымъ.

§ 5. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Грунау говоритъ, что дубъ въ Ромове раздѣлялся на три равныя части; что въ каждой изъ нихъ находилось отверстіе на подобіе окошка; что въ этихъ отверстіяхъ стояли статуи *Perkun'a*, *Patrymp'a* и *Patull'a*.

Намъ трудно даже мысленно представить себѣ дубъ или какое-нибудь другое дерево, — одно, раздѣленное неизвѣстно чѣмъ и какъ на три равныя части, и въ каждой

1) Дословно: вокругъ дѣлаго свѣта.

2) *Herabkunft des Feuers*. Берлинъ, 1859 г., стр. 131.

3) *Ibid*, стр. 25; ср. Schwartz, «*Der Ursprung der Mythologie*», стр. 180 и прим. 1 тамъ-же.

4) *Herabkunft d. Feuers*, стр. 25.

5) *Baumkult*, стр. 56—6. — Nyerups, «*Nord. Mythologie*», стр. 128—9, того миѳнія, что дерево въ Уисаль есть локализациа дерева міра Ygdrasil (Mannhardt, l. l., p. 56). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что вѣчно-зеленныя деревья были извѣстны и у другихъ народовъ. Grimm, «*Deutsche Mythologie*», I, 69, приводитъ стихи *Herricus'a*, написанныя около 876 г. о такой группѣ въ Auxerre:

.....Stabat gratissima quondam
urbe pirus media, populo spectabilis omni;
non quia pendentium flavebat honore pirorum,
nec quia perpetuae vernabat munere frondis:
sed deprensarum passim capita alta ferarum
arboris obscoenae patulis haerentia ramis
praebebant vano plausum et spectaculo vulgo.

Указываемъ, что наша задача заключается въ выясненіи того, что Грунау почерпнулъ свидѣніе о вѣчной зелени у Адама Бременскаго, а не въ выясненіи начала этого вѣрованія.

изъ нихъ отверстіе, повидимому сквозное (fenster), и несомнѣнно на одной высотѣ отъ земли, какъ требовало этого сравнительное равенство трехъ высшихъ божествъ; тѣмъ труднѣе допустить, что подобное дерево могло дѣйствительно вырасти такимъ образомъ само собою. Очевидно, Грунау тутъ принялъ за основаніе дерево, считавшееся по своему виду священнымъ, которое описано выше, въ § 3; и затѣмъ самовольно придавъ ему нужную для задуманнаго описанія форму, въ дѣйствительности невѣроятную. Отверстія, образовавшіяся вслѣдствіе сращенія ствола или вѣтви, онъ, въ качествѣ монаха, представилъ себѣ на подобіе нишъ въ костелахъ, въ которыя вставляли святыхъ. Такія отверстія ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть искусственными (вырубленными), такъ какъ священныя деревья нельзя было повреждать. Затѣмъ, въ эти мнимыя окна Грунау вставилъ статуи трехъ прусскихъ боговъ. На число три повліяло не столько обрядовое священное число, сколько нарочитое сближеніе съ христіанскимъ догматомъ о Св. Троицѣ, главнымъ же образомъ — слѣпое подражаніе Адаму Бременскому¹⁾, какъ мы постараемся доказать въ дальнѣйшемъ изложеніи. А именно, Адамъ Бременскій описываетъ святилище въ Упсалѣ слѣдующимъ образомъ: „In hoc templo, quod totum ex auro²⁾ paratum est, statuas trium deorum veneratur populus, ita ut potentissimus eorum Thor in medio solium habeat triclinio; hinc et inde locum possident Wodan et Fricco“. — У Грунау мѣсто Тора занимаетъ Перкуно, — божество, взятое изъ дѣйствительныхъ народныхъ вѣрованій, чтившееся во всѣхъ литовскихъ земляхъ. Въ литературу впервые ввелъ его Алпкеке, подъ 1219 г., говоря о походѣ литовцевъ на островъ Oesel:

Zu Swurben vuren sie ubir se,
Das ist genant das osterhap,
Als es perkune ir apgot gab,
Das nimmer so hart gevros³⁾.

Вмѣсто Фрикко Грунау ставитъ своего Patollo, Patullo, вмѣсто Водана — Potrympo, Patrympo и т. п. — Близкія этимъ названія, Natrimpe и Patollus, находимъ впервые въ „Collatio Episcopi Warmiensis“ отъ 1418 г.⁴⁾ Любопытный монахъ, странствующій по всей странѣ, могъ читать этотъ документъ или въ Фрауэнбургѣ или въ Эльбингѣ, вѣроятнѣе же всего въ Данцигѣ, гдѣ онъ былъ монахомъ⁵⁾. Однако Грунау измѣнилъ названіе источника Natrimpe въ Potrympo, можетъ быть, потому, что слышалъ гдѣ-нибудь подобную форму или оборотъ рѣчи. Съ этихъ поръ названіе это перешло въ литературу⁶⁾.

1) «Grunau legt grossen nachdruck darauf, dass die bilder jener drei hauptgötter von den Scandianern aus ihren früheren wohnsitzen mitgebracht seien. Wie aber dort in dem haupttempel von Upsala die drei hauptgötter Thor, Wodan und Fricco dargestellt, konnte Grunau bei Adam von Bremen sehr genau finden — was liegt also näher, als dass er sich diese beschreibung zum muster genommen habe?» Toeppen, «Gesch. Pr. Hist.», стр. 190. Догадка Теппена будетъ обоснована въ нашей работѣ.

2) Вмѣсто deauratum, т.-е. позолоченный.

3) Livl. Reimchronik v. 1434—37; см. «Źródła Myt. Lit.», I, стр. 116. Ошибочно приписываютъ первое въ литературѣ упоминаніе о Перкувѣ — Грунау, какъ напр., Bender, «De veteribus Pruten. Diis», 1865, стр. 21, прим. 33: «Attamen non observari non potest, certum ante Grunovium documentum de Perkuno non extare, nisi excipias, quod Dusburgius refert, tonitrua esse culta». За нимъ повторяютъ позднѣйшіе писатели.

4) Źródła Myt. Lit., II, 144.

5) Объ Эльбингѣ § 4, прим. 7; о Данцигѣ Luc. David, Bd. I, стр. 99, Bd. VII, 191, Bd. VIII, 10.

6) Черезъ четыре года послѣ окончанія хроникъ Грунау, т.-е. въ 1530 г., была написана «Agenda Ecclesiastica», въ которой также находимъ названіе Potrympus и другое — Antrympus. По хронологическимъ даннымъ можно было бы предположить какую-нибудь связь «Agenda» съ хроникой; но, не имѣя никакихъ указательствъ, и ни малѣйшаго указанія, мы не принимаемъ этой связи. Предполагаемъ лишь, что въ то время существовало выраженіе, похожее на упомянутыя названія.

Адамъ Бременскій, перечисляющій скандинавскія божества, во главѣ ставитъ Тора съ эпитетомъ *potentissimus*, затѣмъ Водана и, наконецъ, Фрикко. Нѣчто подобное хотѣлъ сдѣлать, слѣдуя своему образцу, и Грунау, говоря: „*Patollo, der obirster abgott*“; за нимъ слѣдуетъ *Potrimppo (sic)*, и, наконецъ, *Perkuno*¹⁾. Если порядокъ вычисления боговъ долженъ обозначать порядокъ ихъ старшинства, то Грунау выказываетъ, какъ часто съ нимъ случается, удивительно слабую память и непослѣдовательность, ставя въ другихъ мѣстахъ во главѣ *Potrumppo*, затѣмъ *Patollo* и въ концѣ *Perkuno*²⁾ или же — *Potrimppo (Perkuno)*³⁾, *Patollo*; или *Perkuno*, который дѣйствительно соотвѣтствуетъ Тору, далѣе *Potrumppus* и *Patollus*⁴⁾.

Затѣмъ Адамъ Бременскій объясняетъ значеніе скандинавскихъ боговъ, ихъ символы и обстоятельства, при которыхъ имъ приносили жертвы: „*Quorum (deorum) significationes ejus modi sunt. Thor, inquit, praesidet in aëre, qui tonitrus et fulmina, ventos imbresque, serena et fruges gubernat. Alter Wodan, id est furor, bella gerit, hominique ministrat virtutem contra inimicos. Tertius est Fricco, pacem voluptatemque largiens mortalibus. Cujus etiam simulacrum fingunt cum ingenti priapo. Wodanem vero sculpunt armatum, sicut nostri Martem solent. Thor autem cum sceptro Iovem simulare videtur*“⁵⁾. *Si pestis et famis imminet, Thor ydolo lybatur, si bellum. — Wodani; si nuptiae celebrandae sunt, — Fricconi*⁶⁾.

По примѣру и въ порядкѣ Ад. Бременскаго, который каждому изъ названныхъ боговъ опредѣляетъ соотвѣтственную область: одному — атмосферическихъ явленій, другому — войны, третьему — мира, надѣляя каждого сверхъ того соотвѣтственнымъ символомъ, — и Грунау приписываетъ своимъ богамъ извѣстный кругъ дѣятельности и символъ (*cleinott*). Все это, однако, онъ дѣлаетъ свойственнымъ ему образомъ, мѣшая правду съ неправдой, выдумывая тамъ, гдѣ у него недостаетъ матеріала. Вотъ что пишетъ Грунау о своихъ божествахъ.

„*Perkuno war der dritt abgott, und man in anruffte umbs gewitters willen, domit sie regen hetten und schon wetter zu seiner zeit und in der donner und blix kein schaden thett*“⁴⁾. *Tract. III, c. III, p. 94.*

„*Und die eiche war gleich in 3 teil geteilet, in iglichem, wie in eim gemachten fenster stundt ein abgott und het vor sich ein cleinott. Die eine seite hilt das bild Perkuno inne... und sein cleinott war, domit man stetis feuir hette von eichenem holtze tag und nacht*“⁴⁾. *Tract. II, p. 78.*

На хоругви *Videvut'a* были вытканы изображенія 3-хъ божествъ, изъ которыхъ „*das ander (Perkuno), war wie ein zorniger man und mittelmässig alten sein angesicht wie feuer und gekronet mit flammen, sein bart craus und schwartz*“⁴⁾. *Tract. II, c. V, p. 77.*

„*Potrimppo der ander abgott der von Brudenia war und dieser war ein gott des gluckis in streitten und sust in anderen sachtin*“... *Tract. III, c. III, p. 94.*

„*Du andre seite (дуба) hilt ynne das bildt Potrumppi und het vor sein cleinot eine slange und die wardt in einem grosen toppe irnert mit milch von den waydolottinen und stetis mit garwen des getreides bedeckt*“⁴⁾. *Tract. II, § 2, p. 78.*

1) Grunau, стр. 63; 94—5.

2) Ibid, стр. 3.

3) *Perkuno* въ этомъ мѣстѣ (Grunau, 77) не названъ, почему мы и поставили скобки; изъ контекста видно, что Грунау не могъ тутъ имѣть ввиду никакого другого бога, кромѣ *Perkuno*.

4) Grunau, стр. 78.

5) Ad. Brem., с. 26.

6) Ibid, с. 27.

Изображение Potrimpo на хоругви Videvut'a было слѣдующее:

„das eine war wie ein man junger gestalt ane bardt, gekronett mit sangelen (колосьями) und frolich sich irbot und der gott vom getreide und hies Potrimpo“. Tract. II, c. V, p. 77.

„Patollo der obirster abgott der Bruteni also ettwan genant die einwoner Brudenie, itzund Preussen genant. Dieser war ein irschrecklicher got des nachtes, spuk im hause zu treiben, sunderlich in den hofen der edlinge...

So war er auch ein got der todtin“. Tract. III, c. III, p. 94.

„Das dritte bilde (въ дубѣ) Patolli hilt inne die dritten seitte, und sein cleinott war ein todten kopff von eim menschin, pferde und ku“. Tract. II, p. 78.

„Das dritte bilde (на хоругви) war ein alter mann mitt einem langen groen bardt und seine farbe gantz totlich, war gekronet mit einem weiszen tuche, wie ein morbant“. Tract. II, c. V, p. 77.

Объ ихъ фигурѣ на хоругви говорить: blo waren ire cleider und woren bustbilder“. Ibid.

Сходства Перкуна съ Торомъ поразительно; оба они были богами атмосферическихъ явленій, какъ Юпитеръ въ Римѣ и Зевсъ у Грековъ. Однако одно это обстоятельство не давало бы намъ права утверждать, что Грунау слѣдовалъ образцу Ад. Бременскаго; подробности, составляющіе цѣлое, расположеніе и порядокъ описанія при- нуждаютъ насъ признать это.

Переходя къ этимъ подробностямъ, мы видимъ ясно, что „gewitter, regen, donner und blix“ — соотвѣтствуетъ „tonitrua, fulmina, venti, imbres“ у Ад. Бременскаго; „schönwetter“, „serena“. Только „fruges“ Грунау не приписываетъ своему Perkuno, такъ какъ это, какъ увидимъ, нужно ему было для другого божества. Но въ символахъ замѣчается разница; скипетръ является общеизвѣстнымъ символомъ власти; а вѣчный огонь врядъ ли можетъ служить символомъ, такъ какъ извѣстно, что у Литовцевъ огонь составлялъ особое божество, чтимое выше другихъ; возможно ли допустить, что общепочитаемое божество могло быть символомъ другого божества? По словамъ Ростовскаго, „Perkuno ignem in silvis sacrum... perpetuum alunt“¹⁾, можно лишь заключить, что въ честь Перкуна жгли огонь, а не то, что огонь былъ его символомъ.

Надѣленію властью двухъ остальныхъ боговъ доставило Грунау не мало хлопотъ, несмотря на образецъ. Зачѣмъ же, однако, изобрѣтательная фантазія и то удобное обстоятельство, что Natrimpe и Patollus въ „Collat. Ep. Warm.“ названы безъ всякихъ указаній на кругъ ихъ власти. Этихъ боговъ можно было надѣлить какою угодно властью.

Воданъ у Ад. Бременскаго ясно опредѣляется въ качествѣ бога войны. Прускаго или литовскаго божества этого рода Грунау не зналъ; не знаемъ до сихъ поръ и мы, несмотря на Narbutt'a; о существованіи бога мира намъ также ничего не извѣстно. Очевидно, Литовцы не дошли еще до отвлеченныхъ понятій въ этомъ направленіи, а тѣмъ болѣе до обожествленія ихъ. Между божествами, извѣстными намъ по достовѣрнымъ источникамъ, одинъ лишь Perkunas проявляетъ воинственное настроеніе, но богомъ войны онъ нигдѣ не называется. Онъ ударяетъ и бьетъ: „Perkune dēvaiti, ne muszki unt mana“ — Перкунъ-божокъ, не ударяй въ меня (Ласицкій); онъ рубитъ мечемъ, напр., мѣсяць: „Perkuns didey supukes, Ji kardu perdalyjo“²⁾ — Перкунъ, страшно разгнѣванный, разсѣкъ его мечемъ (мѣсяць); онъ сокрушаетъ дубъ: „Perkuns žal'aužola parmusze“³⁾ — Перкунъ сокрушилъ зеленый дубъ. Въ латышскихъ пѣсняхъ

1) Rostowski Lituanicarum, Societatis Jesu historiarum pars I pag. 118. Vilnae, 1768.

2) Nesselmann, «Lit. Volksl.». № 2.

3) Ibid, № 4.

мы находимъ: „Perkons-батюшка имѣеть девять сыновей; трое ударяють, трое гремять, трое мечуть молніи“¹⁾. „Ударь въ источникъ, Perkons, до самаго дна, вчера въ немъ утонула дочь Солнца, вымывая кувшины“²⁾. „Греми, греми Perkons; разбей мость на Двинѣ, чтобы Поляки и Литовцы не напали на мою родную страну“³⁾. Невѣстка въ отчаяніи взываетъ къ громамъ и молніямъ: „Разбейте мою свекровь, чтобы я могла сама свободна побрякивать ключами“⁴⁾. Другія божества (spectra, visa у Ласицкаго) пугають, какъ наши духи. Итакъ, какъ кажется, Литовцы не знали спеціальнаго бога войны; хотя Латышамъ было очень легко создать покровительницу войны въ лицѣ кара-mâte⁵⁾. Въ волынской лѣтописи было бы умѣстно, чтобы собранные подъ Возвягломъ литовскіе полки призывали бога войны; между тѣмъ они обращаются къ Dėvuriks'у, Andaj'у и всѣмъ богамъ съ возгласомъ „Janda“⁶⁾. Передъ битвой крестоносцы призывають на помощь Бога, Куронцы же призывають (боговъ) по своему обычаю: „die christen rifen got von humilriche, du kurn rifen noch erin site“⁷⁾. Правда, это сказано вообще, но кого именно призывали Куронцы, выясняется въ послѣдующемъ изложеніи, что послѣ побѣды они приносятъ жертвы не одному богу, т.-е. войны, а богамъ вообще⁸⁾.

Не найдя такимъ образомъ опредѣленнаго бога войны, Грунау вышелъ изъ затрудненія тѣмъ путемъ, что для своего Patrimpo взялъ всѣ атрибуты Водана: „bella gerit“, т.-е. „glück in streitten“ (р. 95), у бога Фрикко также всѣ: „rasem et voluptatem“, передавая это посредствомъ „glück in andern Sachin“ (р. 95), а отъ Тора — сохранный съ этой цѣлью атрибутъ „fruges“ — „gott des getreides“ (р. 77)⁹⁾. Въ качествѣ символа онъ придалъ ему змѣя, который дѣйствительно считался предзнаменованіемъ

1) Спросишь «Памятники Латвйского Народнаго Творчества. Вильна 1868 г.», стр. 112, № 2.

2) Ibid, № 4.

3) Ibid, № 6.

4) Ibid, № 7.— Даже самое названіе Perkunas наводитъ на значеніе, — ударяющій, бьющій; мы производимъ его отъ корня pag, per, изъ котораго образуется pergi, periau, persu; perti — 1) ударять, бить, 2) ударять, бить, съѣчь березовыми вѣтками парящагося въ банѣ; а perus, pertis — бить себя ими въ банѣ, париться. Отъ того же корня «pag» образуется польское «pгаб» 1) бить кого «wургаб kogo» т.-е. избить кого, лит. iszperu. 2) стирать «pгаб bielizne», собственно бить бѣлье палками, какъ это до сихъ поръ дѣлается въ деревняхъ. Поэтому говорятъ также: Perkunas (молнія) musza, — Перкувъ ударяетъ, польск. piogun uderza, латышск. Perkons spert.

Суффиксъ -kunas я считаю сложнымъ изъ -ka- + unas; первоначальная форма *Per.—kas, а затѣмъ Per-k-una-s, *Parkas, Pag-k-un(a)-s. Если Bretkunas чисто-литовское имя, а не нѣмецкое bret-chen, то это было-бы единственное личное имя, на —kunas, которое мнѣ извѣстно.

Зато мы знаемъ много названій мѣстностей съ этимъ окончаніемъ. Большая часть ихъ образована отъ имени владѣльца, что обыкновенно наблюдается въ Литвѣ; однако, въ этихъ именахъ есть —ka, -k, уже въ темъ напр., Jan(e)k, лит. *Jankas, Jankuny деревня; Jac-e-k, *Jackas, Jackuny; Bartek, *Bartkas, *Bartkuny; Wojtek, *Wojtkas, Wojtkuny; Szemek, *Szymkas, Szymkuny; Marek, *Markas, Markuny; Maciek, *Macikas, Macikuny, и т. д.

Въ Ковенской губерніи есть свыше 150 мѣстностей («Списокъ населенныхъ мѣстъ Ковенской губ.» Ковно, 1892 г.), оканчивающихся на—kuny, часть которыхъ я не могу свести къ извѣстнымъ мнѣ собственнымъ именамъ. Одни изъ нихъ образованы, какъ кажется, отъ прилагательныхъ, напр. Didkuny (Ново-Александрійскій уѣздъ, № 598, см. «Списокъ»), отъ didis — большой; (соответственно этому — Wielikuny (Вилькомирскій уѣздъ, № 368, ibid). Находимъ также Nagkuny (№ 1881 ibid) наряду съ Naguny (№ 88 ibid).— Сопоставленіе Perkunas лат. quercus, древ.-вѣм. forha въ знач. Eichengott не убѣждаетъ меня.

⁵⁾ Повторяемъ, что до сихъ поръ о такомъ богѣ мы ничего не читали въ источникахъ; Usener и Solmsen, «Lettische Götternamen» упоминають kurru-mâte s. v.—Kowas можетъ быть фантазіей Narbutt'a; другіе писатели его не знаютъ.

⁶⁾ Žr. Myt. Lit., I, 139.

⁷⁾ Alnpeke, 2637—8.

⁸⁾ Ibid, 4693 sqq.; 4875; 6086.

⁹⁾ Вопросъ о мнимомъ Patrimpo до того запутанъ, что для его разбора нужно было вынести особое

и вѣстникомъ успѣха, если его встрѣчали неожиданно; поэтому это былъ бы весьма соответственный символъ. Однако тутъ мы должны повторить замѣчаніе, сдѣланное касательно огня, какъ символа Перкуна: змѣй пользовался у Литовцевъ большимъ почетомъ, выкормленный дома или же дикій, внѣ дома, — особенно же змѣй, называвшійся *Gyvate* (*Gyvotės, Givoitos*)¹⁾, поэтому мы сомнѣваемся, чтобы, будучи нѣкотораго рода божествомъ, онъ могъ въ то же время быть символомъ другого божества²⁾.

Дальнѣйшій кругъ власти, приписываемый „*Patrum*“ Грунау, также лишень правдоподобія. По Грунау, это не только богъ успѣха въ бою, но также и въ иныхъ дѣлахъ. Между тѣмъ намъ доподлинно извѣстно, что общеизвѣстнымъ божествомъ всякаго успѣха и счастья во всѣхъ литовскихъ земляхъ была *Lajma, Lajmele*³⁾, которая и нынѣ еще живетъ въ устахъ народа и въ его пѣсняхъ. Именно изъ Пруссіи, вѣрованіями которой исключительно занимается Грунау, мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ о ея существованіи. „*Laima szauke, Laima reke*“ — *Laima* призываетъ, *Laima* зоветъ⁴⁾; „*Laimužes subocleje*“ — въ колыбели *Laimy*⁵⁾. „*Quid Laimelle tibi praestabit*“⁶⁾; *Laimelle* — богиня легкихъ родовъ⁷⁾. Развѣ могъ рядомъ съ столь распространенной и глубоко вкоренившейся вѣрой въ *Laima* остаться *Potrimpus* или, что еще невѣроятнѣе, занимать среди боговъ первостепенное мѣсто?

Богиней земледѣльческихъ плодовъ, которую, какъ это было указано нами въ другомъ мѣстѣ⁸⁾, призывали (особенно въ Пруссіи) при всякой работѣ на пашнѣ, была *Zeminele*; слѣдовательно и въ этомъ случаѣ приписываемый *Potrimpus* Грунау атрибутъ „*gott des getreides*“ и причисленіе его къ главнымъ богамъ — оказываются ложными. — При этомъ принявъ во вниманіе, что уже въ *Agenda*, написанной спустя четыре года послѣ окончанія хроники Грунау, т.-е. въ 1530 г.⁹⁾ этотъ же „*Potrimpus*“ объясняется посредствомъ римскаго Кастора [собственно, *Поллукса*¹⁰⁾, что въ концѣ концовъ сводится къ одному и тому же], а черезъ нѣсколько еще лѣтъ, около 1551 г., Янъ Малецкій называетъ его „*deus fluviorum et fontium*“¹¹⁾, — можно ли предположить, что въ теченіе болѣе-менѣе двадцати съ небольшимъ лѣтъ богъ успѣха на войнѣ или

1) «*Gyvotem (serpentem)*» у Каллимаха, «*Vita Sbignei Cardinalis*», ed. Finkel, стр. 29; Guaguin пишетъ *Givoitos* (*Ducatus Samog.*); см. также Brückner, *Archiv für Slav. phil.* XII, 179.

2) Это тоже болѣе менѣе мнѣніе Теллена, «*Geschichte d. Heidenthums in Preussen*», N Pr. Pr. Bl, I, 1846 г., стр. 313: «*Die schlange steht zu Potrimpus anderwärts nicht in der geringsten beziehung; nur das ist gewiss, dass man heilige schlangen in den heiligen wäldern unterhielt und pflegte, aber es wird nirgend gesagt, dass sie einem bestimmten gott geheiligt seien. Hier (т.-е. у Грунау), wo Potrimpus als gott des glückes beschrieben wird, ist die verbindung allerdings erklärlich, da die schlange ebenfalls die glückspenderin ist*». По нашему мнѣнію, о существованіи символовъ у Литовцевъ не можетъ быть и рѣчи; во времена, когда «*omnis creatura*», всякое твореніе и предметъ, можетъ считаться божествомъ, не нужно никакихъ символовъ.

3) Schleicher, *Sitz. Ber. der Wiener Acad.*, 1852, Bd. IX, стр. 549. Brodowski *Lexic.* «*Fortuna: Laima Glück-Göttin.*»

4) Nesselmann, «*Lit. Volksl.*» № 8.

5) Чтобы положенное въ ней дитя было счастливо; *ibid.*, № 6 (стр. 5).

6) *Laima*, какъ языческая богиня счастья, ничего не поможетъ. Klein въ предисловіи къ литовскимъ церковнымъ пѣснямъ отъ 1666 г., см. Lasicius ed. *Mhdt.* p. 41 (118).

7) *Leimele* очевидно ошибка, Praetorius стр. 31. О латышской *Laima* — Спрогисъ. «*Пам. Лат. Нар. твор.*», стр. 303—308. Литературу см. у Usener'a и Solmsen'a, «*Lit. u. Lett. Götter Nam.*» г. в. Общеизвѣстно «*Taip Laima leme*», такъ *Laima* рѣшила.

8) *Žg. Myt. Lit.*, I, стр. 14, гдѣ свидѣтельства изъ XVII вѣка.

9) *Agenda* эта называется собственно «*Constitutiones Synodales Evangelicae*»; была подана 7 января 1530 г. Кенигсбергскому собору, слѣдовательно, написана позже всего — въ 1529 г. Въ печати она неизвѣстна; списалъ ее Boltz. Рукопись сохраняется въ Государств. Кенигсбергскомъ Архивѣ подъ заглавіемъ *Boltzsche Sammlung* № 17, in 4-to. О *Potrimpus* — тамже стр. 6.

10) Ошибку докажемъ въ Приложеніи V, при разборѣ *Agenda* (№ 3).

11) «*Libellus de sacrificiis etc.*»; см. Прилож. V № 7, стр. № 8.

въ мирное время успѣлъ преобразиться въ бога рѣкъ и источниковъ. Не является ли такого рода неувѣренность, разногласіе и даже противорѣчіе доказательствомъ того, что писатели сами не знали значенія „Potrimpus“¹⁾.

Если бы мы, соотвѣтственно нашимъ выводамъ (§ 5, текстъ и прим. 4) приняли, вмѣсто Potrimpus, Potrimpe, написаніе Natrimpe, то вопросъ не выигралъ бы относительно ясности, такъ какъ неизвѣстно, что обозначаетъ Natrimpe; Bender даже утверждаетъ наоборотъ, что Natrimpe — ошибка, вмѣсто Potrimpe¹⁾.

Приписавъ Perkunus'у функціи Тора, Potrimpus'у функціи Водана и Фрикко, Грунау исчерпалъ атрибуты трехъ скандинавскихъ боговъ, приведенныхъ Адамомъ Бременскимъ. Для Patollus'a ничего не осталось, и поэтому Грунау долженъ былъ тутъ извернуться самъ.

Существованіе бога Patollus по „Collatio Ep. Warm.“ не подлежитъ сомнѣнію, но значеніе его намъ неизвѣстно. Грунау называетъ его богомъ душъ умершихъ (got der todtn) и ночныхъ привидѣній, приписывая ему въ качествѣ символа мертвую голову, черепъ лошади и коровы.

Разсмотримъ литовскія божества смерти. Литовцы и Жмудины называли божество человѣческихъ душъ—Vėlona (Lasicki), Vėlonis²⁾. Лясковскій у Ласицкаго говоритъ: Vėlona, deus animarum (собственно dea anim.); ему приносили жертвы, когда кормили души. Жертву составляли лепешки, неизвѣстнаго намъ вида, называемыя Sikies: „Sikies Vėlones penukszlas“ — Sikies Vėlonis'a — пища, ѣда³⁾. Тотъ же Лясковскій приводитъ формулу приглашенія бога: „Vėloni su vėlems atejk musump unt stala“ — Vėlonis съ душами приходи къ намъ къ столу⁴⁾. У Латышей покровительницей душъ была Velia-māte, какъ показываютъ народныя пѣсни: Velia-māte меня обманула; у Velia-māte гнется жердь, когда она сушитъ одежду⁵⁾.

Итакъ, Vėlonis, Velia-māte являются богами душъ, уже покинувшихъ тѣло; въ Надровіи и Шалавоніи принимаетъ души послѣ разлученія съ тѣломъ Žeminele, богиня земли⁶⁾, какъ Žemes-māte у Латышей⁷⁾. Богиней или, вѣрнѣе, призракомъ, причиняющимъ смерть, извѣстнымъ во всѣхъ литовскихъ земляхъ, является Giltine, демонъ въ тѣсномъ смыслѣ заразы и мора, въ общемъ — смерти⁸⁾. На Жмуди и въ Литвѣ Giltine имѣетъ жало, отъ котораго и получила названіе (geliū, geliau, gelti — колоть) и которымъ она сосетъ ядъ изъ труповъ, лежащихъ въ могилахъ и, жала, впускаетъ ядъ въ людей, отъ чего они и умираютъ⁹⁾. Въ Литвѣ Giltine также влѣзаетъ

1) Bender для спасенія Patrimpus у Грунау, принимаетъ упомянутую ошибку; или, также наоборотъ, что Natrimpe, можетъ быть какое-нибудь неизвѣстное божество; «Num Natrimpe, perperam scriptum sit pro Patrimpe, an numen aliquod adhuc ignotum designet, difficile erit ad indicandum». De Vet. P. D., стр. 22, прим. 39.

2) Wolter, Dauksza, стр. 121—123; Vėlona можетъ быть существомъ женскимъ.

3) Въ оригиналѣ: «Sikies Vielonia pemixlos»; pemixlos очевидно ошибка — вмѣсто penukszlas, какъ въ Слов. Szygwid'a: «Pokarm-Pemiksulas», а «Pokarmowy-Penukszlinis»; см. Mhd. Las., стр. 185; вмѣсто Vėlonis. Schl. Gr., стр. 188.

4) Въ подлинникѣ: «Vielona velos (?) atteik musump und stala.

5) Спрогисъ. Памятники стр. 217, пѣсня 16; стр. 219, пѣсня 29.

6) Žg. Myt. Lit., I, стр. 15.

7) Спрогисъ, ibid., стр. 218, пѣсня 21.

8) Она уже въ XVI в. имѣетъ значеніе смерти: «Giltines arba smirties amžinos». Dauksza, стр. 5, стихъ 28 въ изд. Вольтера.

9) Морская дѣва, описанная въ «Конрадѣ Валленродѣ Мицкевича» — не литовская; см. Прилож. IV. Наше описаніе основано на извѣстїи, полученномъ изъ окрестностей Кунишекъ, Вилькомірскаго уѣзда, напечатанномъ въ Предисловіи Кс. Олехновича къ его сборнику пѣсенъ. Я воспользовался этимъ въ «Compte-Rendu du Congrès à Buda-Peszt», 1875, т. I, стр. 465—480 и въ «Wędrowiecъ» за 1890 г., — объясняя, почему въ морзду владѣи пожины для стрижки овецъ; см. Прилож. IV. — Независимо отъ этого, основываясь также на Олехновичѣ, д-ръ I. Bassanovicius написалъ статью о Giltine: «Ueber die bestimmung der schaafscheere in lit. gräbern», Correspondenz-Blatt d. deutschen Ges. f. Anthropologie etc. München, 1888, № 1.

большимъ въ бокъ, причиняетъ имъ боль или убиваетъ ядомъ. Обобщеніе ея въ демона смерти видно также въ фразахъ: „Giltine žmogu pasmaugta“ — G. человекъ задушила; „giltine žmogu pasuka“, — G. человекъ шею свернула¹⁾. У Латышей проклинаютъ: „kai tewi Dziltine nuraut“ — чтобы тебя G. побрала²⁾. Въ прусской Литвѣ существуетъ овѣмеченная форма Geltän, Gaeltan, изъ чего народная этимологія образовала привидѣніе gelbzähn, а пугая дѣтей, говорятъ „Giltine atein“ и „de Gelltän kommt“³⁾; она беретъ людей безъ различія возрастовъ: „Giltine ne weizd dantu“⁴⁾ — G. не смотритъ въ зубы; къ этому Frischbier присоединяетъ выписку изъ „Preuss. wörterbuch“ Hennig'a, Königsb. 1785 г., стр. 84: „Giltine war bei den alten heidnischen Preussen die würge und pestgöttin, oder der tod.“ Выше уже упомянуто, что она душитъ людей: „Kad tawe Giltine nusmaugtu“, — чтобы тебя G. задушила! а когда зараза коситъ людей, то говорятъ: G. обходить — „Giltine suka“⁵⁾. Dowkont, несомнѣнно по собственному почину, дѣлаетъ ее женой Pikol'a⁶⁾ (?).

Если на Жмуди, въ Литвѣ и у Латышей существовало особое божество, покровительствующее душамъ умершихъ, и особое божество смерти, то и въ Пруссіи наряду съ Giltine, Geltän, т.-е. божествомъ, причиняющимъ смерть, могъ существовать покровитель умершихъ. Однако никоимъ образомъ нельзя доказать, былъ ли имъ Patollus; мы до сихъ поръ считаемъ его божествомъ мѣстнымъ, вармійскимъ, неизвѣстнаго значенія; такъ какъ въ виду столькихъ фальсификацій, какія мы до сихъ поръ разоблачили у Грунау, на свидѣтельство его никоимъ образомъ полагаться нельзя.

Теперь обратимся къ символамъ Patollus'a, какими являются якобы мертвая голова и черепъ лошади и коровы.

Мы знаемъ изъ Wulfstan'a, что Пруссы считали величайшимъ несчастіемъ найти гдѣ-нибудь человѣческую кость, которая не была погребена; тотчасъ необходимо было умилостивить божество. Авторъ говоритъ объ окрестностяхъ Эльбинга и далѣе⁷⁾. Кей-стуть, наткнувшись на непогребенное тѣло убитаго, велѣлъ его тотчасъ сжечь⁸⁾. Итакъ, можно ли допустить, чтобы предметъ, оскорблявшій и гнѣвившій божество, могъ быть въ то же время его символомъ?

Вообще у язычниковъ былъ обычай затыкать головы жертвенныхъ животныхъ на жердяхъ, палкахъ, тычинахъ въ знакъ принесенной жертвы. Во времена христіанства головы убитыхъ лошадей, скота, птицъ и т. д. прибывали, напр., надъ воротами или верхушкѣ конюшенъ, хлѣвовъ и т. п., для отвращенія чаръ⁹⁾. Относительно Пруссіи

¹⁾ Dauksza, ed. Wolter, s. v. p. 77.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Frischbier, «Preuss. Sprichw». № 4205.

⁴⁾ Schleicher, «Lituanica Sitz. Ber. d. Kais. A. d. Wiss. Wien, 1854, стр. 97: «neveizd Giltine dantis, die G. schaut nicht nach den zähnen».

⁵⁾ Nesselm., «Lit. W.», стр. 255, s. v. Giltine; Thes. s. v. «geltän, ein gespenst, das häufig in den volcksmärchen genannt wird». Kurschat, Wörtb., s. v. и Schleicher l. l.; N. P. P. B. 1849, Bd. VIII p. 471 и 1866, Bd. XI p. 256; см. Dauksza ed. Wolter s. v. Giltine; стр. 77; Usener l. l. s. v.

⁶⁾ Jokybs Laukys Buda Senowes-Letuwiū, Petropilie, 1845, стр. 97. «Pukolo arba piktojo Dijwo buwusis žmogo Giltine, kokius wakus yra tórieies, taipat niera žinoma; bet kaip smertis yra newijnoks, taip ir Giltine newijnoki buo, kou szenden dar patarlie rodo, sako: Ek sau po giltiniū arba giltiniū kaŕa» — женой Pukolo или злого бога была Giltine; какіяхъ имѣла дѣтей, теперь неизвѣстно; но какъ родъ смерти былъ неоднаковый, такъ и G. была неоднаковая, что еще до сихъ поръ доказываетъ пословица: иди себѣ къ Гилтинамъ (на погибель?), или (будь) добычей Гилтинъ. — Kaŕa, по мнѣнію St. Rauba, значить добыча; въ словаряхъ я такого значенія не нашелъ.

⁷⁾ См. Žr. Myt. Lit., I, стр. 36.

⁸⁾ Wigand, с. 43.

⁹⁾ Объ Аллеманахъ свидѣтельствуєтъ Agathias изъ Myrin'a, что они приносили въ жертву богамъ отрубленныя конскія головы: «ἵπλους τε καὶ βόας καὶ ἄλλα ἅτα μυρία καρατομόντες ἐπιθιάζουσι» (ed. Boisson. 28 5). Германцы послѣ побѣды въ Тевтобургскомъ лѣсу прибили къ пнямъ (truncis) конскія головы: «Adjacebant, гово-

Praetorius (p. 26) говоритъ: „die jetzigen, Nadrauer, Salavonier, Sudauer pp. haben den gebrauch, wenn sie im spätherbst das vieh einstellen, pflegen sie in den ochsenstall einen ochsenkopf, in den pferdestall einen pferdekopf hineinzuhängen. Dies war wol ursprünglich ein geschenk für Pikullus, um ihn zu besänftigen“.

Возможно, что Грунау воспользовался этимъ обычаемъ. Толкованія же Преторіуса очевидно ошибочны, хотя бы мы даже на мѣсто подозрительнаго Pikullus'a поставили дѣйствительно чтившагося прусскаго бога, причиняющаго зло и убытки. Если головы животныхъ привѣшивали для отвращенія вредящаго божества, а потомъ чарь, то какимъ же образомъ онѣ могутъ быть символомъ этого же божества?

Слѣдовательно, символы бога умершихъ и духовъ являются также выдумкой Грунау.

Если у Адама Бр. относительно мѣста, на небѣ исключительно властвуетъ Торъ, являясь повелителемъ небесныхъ явленій, слѣдовательно и такихъ, которыя вліяютъ на урожай (fruges) на землѣ, — то на землѣ власть раздѣляется такимъ образомъ, что Воданъ управляетъ военными дѣлами, а Фрикко — мирными. Грунау, несмотря на доказанное подражаніе, уклоняется отъ этого раздѣленія власти, приписывая исключительное господство на небесахъ Перкуну, Potrimpe же является владыкой земли, управляющей успѣхомъ одинаково какъ въ военныхъ, такъ и въ мирныхъ дѣлахъ, а также въ урожаѣ; а Patollo, какъ богу умершихъ, Грунау опредѣляетъ, хотя и не высказываетъ этого прямо, — подземное царство. Такое раздѣленіе теоретически имѣетъ извѣстное логическое основаніе. Въ описаніи же изображеній на мнимомъ знамени Videvut'a проглядываетъ другой принципъ раздѣленія боговъ, основанный на теченіи человѣческой жизни, т.-е. молодости, возмужалости и старости, безъ указанія вышеуказанныхъ атрибутовъ. А именно, Potrimpro изображенъ молодымъ, безбородымъ, съ вѣнцомъ изъ колосьевъ на головѣ, съ веселымъ лицомъ¹⁾. Perkuno былъ среднихъ лѣтъ, съ черной курчавой бородой, въ огненной коронѣ, съ лицомъ, исполненнымъ гнѣва, „какъ огонь“²⁾. Potollo —

ривъ Тацитъ, Annales, I, 61, fragmina telorum, equorumque artus, simul truncis arborum antefixa ora». Плиній, Н. Н., XIX, с. 10, совѣтуетъ противъ гусеницъ поставить въ саду шесть, а на него надѣть конскую голову: «in totum vero necari urcas, si palo imponantur in hortis ossa capitis ex equino genere». Въ Скандинавіи для отвращенія враговъ надѣвали на высокія жерди головы принесенныхъ въ жертву богамъ лошадей, съ раскрытыми при помощи колышковъ пасти и обращенными въ сторону ожидаемаго врага. Такую жерль называли nidstaung, neidstange. «Immolati diis equi abscissum caput conto excipiens, subjectis stipitibus distentos faucium rictus aperuit, sperans se primos Erici conatus atrocis spectaculi formidine frustraturum». Saxo Gram., pag. 75. — Венды для отвращенія надежа домашняго скота натякали на колья заборовъ, окружающихъ конюшни и хлѣва, головы бѣшеныхъ лошадей и скота; если домовой душилъ лошадей, то владѣвали въ ясли конскую голову; она навѣрно отгонитъ домового. Praetorius (другой, не М. Praet. прусскій), Weltbeschreibung, II, 162—3. — Ledebur видѣлъ у казачковъ множество лошадиныхъ шкуръ и головъ, составляющихъ остатки жертвъ, выставленныхъ на помостѣ (gerüst); голова была обращена на востокъ или западъ, смотря по тому, была-ли принесена жертва доброму духу или злему. (Reise nach dem Altai. Berlin 1830 54/55). Еще до сихъ поръ крестьяне Мекленбургія, Люнебурга, и Голстейна вырѣзаютъ на крайнихъ конькахъ домовой крыши лошадиныя головы съ мордами, обращенными отъ себя т.-е. на внѣ. Это безъ сомнѣнія остатки языческихъ вѣровавій, значеніе которыхъ забыто, служащія въ настоящее время только для орнаментаціи. См. Jahrbücher des meklenburgischen Vereins etc. II, 118; Grimm. Deut. Myth. Bd. I, 41/2; 65—68; II 625—630. — Тотъ же обычай сохраняется въ Прусской Литвѣ, нпр. въ Kiaunoden, деревнѣ вблизи Клайпеды (Мемеля) и въ другихъ мѣстностяхъ, см. Bezzenberger Bemerkungen zu Virchows aufsatz. Die altpreussische bevölkerung, Sitz. Ber. der Prussia, heft 18. Ksgbg. 1893, pag. 5 (1); p. 4 (6) и рисунки Taf. I, № 7; Taf. III. Taf. IV, № 1; онѣ находятся также на могильныхъ памятникахъ. Taf. V, №№ 1, 2, 3, 4. — Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ я видѣлъ въ южныхъ уѣздахъ Познанскаго лошадиныя головы, чаще женщины втиды, и т. п., прабитныя на щипцевыхъ стѣнахъ конюшенъ, стоялъ и пр. О Латшахъ см. Einhorn Wiederlegunge, Riga 1627 въ S. R. Liv. II, 644.

1) См. выше выдержки изъ Грунау.

2) Тамъ же и прим. 9.

старикъ, съ сѣдой бородой, съ повязкой изъ бѣлаго платъ вмѣсто короны, съ смертельно-блѣднымъ лицомъ, какъ у умирающаго старца¹⁾.

Грунау старается увѣрить насъ, что онъ составилъ описаніе по знамени Видевута, царствовавшаго, по его мнѣнію, около 500 г. по Р. Х. Гдѣ сохранилось оно въ теченіе тысячи лѣтъ (до 1526 г.) и такъ хорошо сохранилось, что изображенія боговъ и буквы на немъ не были повреждены; гдѣ видѣлъ его Грунау, гдѣ скрылось оно послѣ описанія такъ, что послѣ Грунау его никто не видѣлъ, — все это останется, по всей вѣроятности, навсегда его тайной. Предположить, что описаніе составлено по епископу Христіану (XIII в.), — невозможно, зная, что эта хроника есть фикція Грунау²⁾. Впрочемъ, если бы даже она и существовала, то все же являлся бы вопросъ, откуда Христіанъ въ XIII в. получилъ свѣдѣнія, притомъ такія подробныя, — о знамени V вѣка. Итакъ, не нужно болѣе яснаго доказательства, что описаніе знамени со всѣми подробностями является самымъ безцеремоннымъ подлогомъ. Кромѣ того, замѣтимъ, что нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи у Литовцевъ и Пруссавъ знаменъ въ первые вѣка; среди добычи крестоносцевъ знаменъ нѣтъ. Первое упоминаніе о „insignia Lithwanorum“ я имѣлъ случай прочесть въ *Chronicon Dubnicense* подъ 1351 г.

§ 6. Выяснивъ, что какъ дубъ, такъ и вѣчная его зелень заимствованы отъ Адама Бременскаго; что число боговъ и мнимая очередь ихъ первенства также сочинены по образцу описанія того же Ад. Бременскаго; что атрибуты прусскихъ боговъ являются лишь повтореніемъ атрибутовъ боговъ скандинавскихъ, — мы, кажется, вправѣ не безъ основанія предположить, что помянутые у Грунау „bilder“, долженствующіе изображать *Perkunas'a*, *Potrympo* и *Patollo* и стоящіе³⁾ уже въ извѣстныхъ намъ отверстіяхъ дерева, являются также лишь переводомъ „statuae“ у Ад. Бременскаго, т.-е. что подъ „bilder“ слѣдуетъ разумѣть статуи или статуэтки.

Но какъ раньше все то, что Грунау заимствовалъ у Ад. Бременскаго, оказалось несогласнымъ съ истиной для Пруссіи, такъ и существованіе статуй трехъ боговъ, по образцу Ад. Бременскаго, — слѣдуетъ причислить къ фальсификаціямъ. Мы могли бы ограничиться такимъ выводомъ, если бы не желали придать затронутому вопросу принципиальнаго значенія, такимъ образомъ обобщая его: представляли ли Литовцы вообще своихъ боговъ въ изображеніяхъ или статуяхъ изъ какого-либо матеріала въ человѣческомъ образѣ?

Арійскіе народы, которые чувствовали еще свою полную зависимость отъ природы и ея явленій, небесныхъ или земныхъ, обращались къ нимъ непосредственно, воздавая

1) Тамъ же.

2) *Nuncius cum baculo*. Варш. 1895 стр. 22—25. — При этомъ случаѣ не могу удержаться отъ сообщенія впечатлѣнія, произведеннаго на меня при чтеніи Грунау. Не смотря на добросовѣстный и подробный разборъ хроники Грунау Тейхеномъ (Тоеррен), остаются нѣкоторые пробѣлы относительно источниковъ, которыми онъ воспользовался. Мы даже въ этой маленькой части хроники, занимающейся прусскими вѣровааніями, замѣчаемъ нѣкоторыя неровности, заключающіяся въ томъ, что съ одной стороны поражаютъ насъ наивныя, да лишены здраваго смысла рассказы и противорѣчія; съ другой же стороны свѣдѣнія, сообщенныя со всею послѣдовательностью и строго обдуманна, какъ нпр. послѣдовательное подражаніе Адаму Бременскому вообще, и подробное описаніе знамени Видевута въ частности. Это пошевелъ возбуждаетъ въ насъ подозрѣніе, не пользовался ли Грунау какимъ то трудомъ, составленнымъ ловкимъ и умнымъ писателемъ, и не соединилъ ли онъ заимствованныя изъ него свѣдѣнія со своими собственными, безобразными выдумками. Такимъ образомъ объяснились бы противорѣчія въ описаніи прусскихъ божествъ, находящіяся въ двухъ разныхъ мѣстахъ, относительно ихъ власти и ихъ вида. Но это отнюдь не повліяло бы на результаты нашего изслѣдованія. Выдумка осталась бы выдумкой — все равно — оказалась бы виновникомъ ея одна личность или двѣ. — Пока этотъ вопросъ не будетъ окончательно рѣшенъ, мы только можемъ считать виновникомъ — Грунау.

3) *In iglichem (teile) wie in eim gemachten fenster stund ein abgott (Gr. 73); do ir (божество) bilde stundt in der eichen. p. 95.*

АРХЕОЛОГ. СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

имъ поклоненіе въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись имъ; такимъ образомъ, они молились непосредственно солнцу, лунѣ и звѣздамъ и т. п., растеніямъ, животнымъ, водамъ, камнямъ. Только въ послѣдствіи возникаетъ мысль о ихъ производителѣ, а вслѣдъ за тѣмъ антропоморфизмъ, на который могъ повліять также культъ духовъ послѣ смерти. Литовцы выступаютъ на историческое поприще именно въ періодъ перехода къ антропоморфизму; свѣдательно, на основаніи уже этого, такъ сказать, теоретическаго взгляда на исторію религіозныхъ вѣрованій можно было бы утверждать, что статуи боговъ въ Литвѣ не могло быть.

Перейдемъ однако въ область фактовъ. Весьма знаменательно, что на всемъ обширномъ пространствѣ, которое съ незапамятныхъ временъ занимала Пруссія, обѣ Литвы и Латыши, въ теченіи цѣлыхъ шести или семи столѣтій — отъ начала XII вѣка (у Латышей) и XIII в. (въ Пруссіи и обѣихъ Литвахъ), т. е. отъ нашествій на эти земли Ордена и до настоящаго времени мы не нашли ни одного вещественнаго памятника, который бы изображалъ какого-нибудь бога и былъ несомнѣнно литовскаго происхожденія.

Правда, въ Курскомъ заливѣ выловили восемь фигурокъ грубаго издѣлія изъ янтарной плитки, человѣкообразныхъ; но ни народнаго происхожденія, ни значенія ихъ мы не знаемъ. Матеріалъ вѣроятно мѣстный; однако и въ этомъ случаѣ неизвѣстно, какому народу принадлежитъ самое издѣліе. Памятники эти несомнѣнно каменнаго вѣка и восходятъ къ незапамятнымъ временамъ. Кромѣ того, извѣстно, что восточныя берега моря и зависящіе отъ нихъ края материка постоянно и до сихъ поръ подвергаются и подвергались измѣненію. Нынѣшній Курскій заливъ, по мнѣнію Берендта а затѣмъ Берренбергера¹⁾, простирался за рѣку Jûga, которая является остаткомъ этого моря и напоминаетъ его своимъ названіемъ. А такъ какъ jûges только въ литовскомъ обозначаетъ море, то прибрежными жителями должны бы являться Литовцы. И дѣйствительно, вся Самбія является наносной землей. Но какъ бы это ни было, во всякомъ случаѣ Курская коса, если и существовала въ то время, то находилась слишкомъ далеко отъ литовскаго материка и могла быть заселена народомъ иного происхожденія.

Историческимъ фактомъ является и то обстоятельство, что скандинавскіе народы съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшаго времени часто надвигались на земли, лежащія на востокъ отъ нихъ, слѣдовательно, на Самбовъ, Эстовъ, Куровъ; поэтому они могли занять и даже заселить лежавшую по пути косу. А такъ какъ у нихъ были изображенія боговъ въ человѣческомъ видѣ, то помянутые памятники могли происходить отъ нихъ²⁾.

Другимъ вещественнымъ памятникомъ представляется камень, изображающій, по ученому преданію, Potrimpo, находящійся до сихъ поръ въ Христбургѣ. Осмотрѣвъ слѣпокъ, находящійся въ Völkermuseum въ Берлинѣ, я пришелъ къ убѣжденію, что это — общеизвѣстная каменная баба³⁾.

Никакихъ другихъ такого рода мнимо-литовскихъ памятниковъ мы не знаемъ.

Равнымъ образомъ знаменателенъ тотъ фактъ, что яснаго доказательства существованія изображеній боговъ, сдѣланныхъ рукою человѣческой, относительно Литвы — въ литературѣ также нѣтъ. Между тѣмъ, мы могли бы во всякомъ случаѣ ожидать какихъ-либо, хотя вскользь сказанныхъ указаній въ описаніяхъ походовъ крестноносцевъ и меченосцевъ, совершавшихъ свои набѣги въ глубь и въ ширь языческихъ земель. Нельзя приписать это случайности; ибо если указываются священныя рощи, лѣса, де-

¹⁾ Berendt, Schriften d. phys.-ökon. Gesell. X. p. 138; Berrenb., Bemerkungen zu d. Werke Bielenstein etc. p. 499.

²⁾ Klebs, Der Bernsteinschmuck der Steinzeit. Königsb. 1882.

³⁾ Gigas, der sogenannte Potrimpus etc. Ztschrft. d. histor. Vereins in Marienwerder. 1877.

ревни и городки, черезъ которые совершался ихъ опустошительный походъ, то почему же не упоминалось бы о томъ, что въ томъ или иномъ мѣстѣ они нашли и разрушили идолы? Молчаніе довольно знаменательное. Молчитъ Дусбургъ, посвятившій цѣлую главу спеціально прусскимъ вѣрованіямъ, молчитъ, очевидно, потому, что не видѣлъ никакихъ идоловъ, и ничего не слышалъ о ихъ существованіи; молчатъ папскія буллы и послѣдующіе за Дусбургомъ писатели, вплоть до Грунау. Зато у насъ есть рѣшительное и убѣдительно свидѣтельство пастора Einhorn'a, жившаго въ XVII в. среди Латышей, во многихъ мѣстахъ преданныхъ еще языческимъ обычаямъ, — который, слѣдя за ними по обязанности и записывая ихъ, категорически отрицаетъ существованіе идоловъ въ какомъ-либо видѣ и существованіе языческихъ святилищъ: „Латыши, говоритъ этотъ авторъ, хотя и имѣли много боговъ и богинь, но не ставили имъ ни храмовъ, ни алтарей, гдѣ могли бы совершать свое богослуженіе или приносить жертвы. Ибо ничего въ этомъ родѣ не найдено въ этой странѣ, и нѣтъ ни малѣйшаго слѣда этихъ вещей, исключая одно то, что они имѣли особая роци и лѣса, въ которыхъ воздавали поклоненіе богамъ и молились имъ. Однако въ нихъ нигдѣ не найдено ни храмовъ, ни алтарей, никакого столба, ни идола (Götzenbild)¹⁾).

Если же мы и находимъ указанныя ясно „idola, templa“, гдѣ рѣчь идетъ о литовскихъ вѣрованіяхъ, то это не болѣе, какъ фраза, свойственная христіанскимъ писателямъ, употребляемая ими для обозначенія вообще язычества, не принимая во вниманіе, существовало ли дѣйствительно поклоненіе истуканамъ или нѣтъ. Такое выраженіе сложилось во времена борьбы христіанства съ язычествомъ, особенно съ Греками и Римлянами, которые возводили храмы и идолы. — Такъ, свидѣтель, рассказывавшій Канапаріусу о мученичествѣ св. Войтѣха, не видѣлъ идоловъ; какъ свидѣтельствуешь объ этомъ молчаніи въ „Vita S-ti Adalberti“; тѣмъ менѣе могъ видѣть ихъ Канапаріусъ, не бывшій въ Пруссіи; а все-таки онъ пишетъ что св. Войтѣхъ отправился въ Пруссію „deos et idola debellaturus“²⁾. Съ другой стороны, св. Войтѣхъ, очевидно не знавшій о Пруссахъ, ничего кромѣ того, что они язычники, обратился къ нимъ якобы со слѣдующими словами: „ut simulacra surda et muta“³⁾ (relinquerent)⁴⁾. — Это скорѣе фраза Канапаріуса, а не св. Войтѣха. Сила привычки объясняетъ неточность такихъ выраженій⁴⁾.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда *idolum* имѣетъ конкретное значеніе, относящееся къ реальному предмету, — этотъ предметъ никогда не представляется въ видѣ статуи. Такъ, въ Христбургскомъ договорѣ 1249 г. ясно говорится: „*idolum* Kurcho“, — что, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается снопомъ или пучкомъ колосьевъ, сдѣланнымъ послѣ оканчанія жатвы⁵⁾. Treter въ „Vita S-ti Anselmi“ называетъ *idolum* — священное дерево у Пруссовъ⁶⁾. Praetorius (стр. 23) называетъ *idolum* — козью шкуру, растянутую и повѣшенную на высокомъ шестѣ⁷⁾. Длугошъ, приводя огонь, животныхъ и т. п., называетъ все это — *idola* и даже *simulacra*. Guagnin, описывая въ текстѣ священный огонь, замѣчаетъ на поляхъ: „*Ignis, lituanicum idolum*“.

Отстаивающіе существованіе у Литовцевъ фигуръ боговъ, ссылаются на рассказъ Преторіуса (стр. 27) и на лингвистическія доказательства.

Вотъ текстъ Преторіуса: „Mir fällt ein, was ich einsmahl bey einem fischer in dem dorf Karckel gesehen. Derselbe hat anstatt der fahnen auf dem mast seines botes eine statuum

1) Historia Lettica Sc. R. Liv. II, p. 583; см. ŽML I. 96.

2) ŽML I. 89.

3) Фраза заимствована изъ Св. Пис., см. Аввакумъ 2. 18.

4) Длугошъ не указавъ ни на одного истукана, пишетъ *idola*, а затѣмъ «*contractis et exterminatis idolis*».

5) ZML I, p. 88 и пр.; p. 92.

6) Тамъ же.

7) Тамъ же 91. см. Прил. VI.

beim ruder aufgerichtet. Er hatte nemlich von borcken gemacht ein bild eines menschen, dass am kopf zween gesichter, eines vornen, eines hinten waren, an beyden aber war das maul aufgesperret; an den schultern waren zween ziemlich grosse flügel, daneben er seine hände ausgestreckt, die rechte aufwärts, die linke erdwärts; in der linken hielt er einen fisch; in der rechten ein fässchen. Auf dem haupt war ein hahn gemacht. Das bildt nente er Wejopattis (т.-е. повелитель вѣтровъ). Ich muthmasse, dass vordem die alten Preussen dem Perdoytus (?) eine solche statuam mögen gesetzt haben. Denselben fischer hielt der weiland Pfarrer daselbst N. Isingius¹⁾ vor einen recht alten preussischen heyden, und den er nicht vermögen könnte, dass er zur kirchen ginge. Wenn dieser fischer den Wejopatys ansahe, hub er seine beyde hände auf, insonderheit wenn es ungestüm wetter war. Denselben soll er auch Wejpons, auch öfters Wejdiews (богъ вѣтровъ) genennet haben“.

Не нужно особенной догадливости, чтобы замѣтить, что описанная фигура, выструганная изъ коры (хотя бы и самой большой), была собственно игрушкой, принадлежавшей замѣнить недостающій на мачтѣ флагъ, указывавшій направление вѣтра, — и поэтому-то у нея были „довольно длинныя“ крылья, чтобы они легче поддавались дуновению вѣтра. Преториусъ, завзятый изслѣдователь старо-прусскаго быта, всюду выискивалъ какую-нибудь старопрусскую особенность. Чтобы увѣрить себя и другихъ, что эта игрушка была изображеніемъ божества, онъ прибавляетъ, будто бы помянутый пруссъ, особливо во время бури, поднималъ руки, какъ бы молясь этой фигурѣ. Этого не могли видѣть ни Praetorius, ни Isingius. Кто знаетъ тогдашнія драконовы предписанія властей духовныхъ и свѣтскихъ противъ языческихъ обрядовъ, угрожающія жестокими муками за малѣйшее проявленіе язычества²⁾, тотъ не можетъ предположить, чтобы даже самый закоренѣлый язычникъ могъ рѣшиться на что-либо подобное публично, мало того, въ присутствіи духовнаго лица. Вышеприведенное свидѣтельство, при своемъ преувеличенномъ характерѣ, слишкомъ мало серьезно, чтобы на немъ строить столь важные, даже принудительные выводы.

Глубокій знатокъ литовскаго быта и языка, Беззенбергеръ³⁾, прочтя въ неизданной рукописи перевода Св. Писанія Bretkunas'a (= Br.), что послѣдній передаетъ то же выраженіе *idolum, götze*, т.-е. идолъ, божокъ, литовскимъ *stuļpas* (рѣже *stuļpa*), столбъ; затѣмъ, что *stuļpas* у того же Br. является синонимомъ для *ebrozaz* (и *abrozaz*), *bild*, — образъ, — выводитъ заключеніе: 1) что язычники Литовцы поклонялись предметамъ, похожимъ на столбы, называемымъ *stuļpai*; 2) что такъ какъ *stuļpas* есть синонимъ къ *ebrozaz*, то можно было бы предположить, что на такомъ столбѣ находилось изображеніе, образъ какого-то бога, — изъ чего получилось бы значеніе „*götzenbild*“, идолъ. Вычитавъ потомъ въ какомъ-то молитвенникѣ, что рядомъ съ *stuļpas* поставлено *baļwonas* (въ предложении: *stuļpū, meadziū arba baļwoniū (sic)*) полагаетъ, что если *baļwonas* дѣйствительно значитъ „*götzenbild*“, то оно обозначаетъ изображеніе другого, отличнаго отъ *stuļpas* божества.

Изслѣдовавъ подробно этотъ предметъ въ особомъ приложеніи (VI) мы пришли къ тому убѣжденію, что Литовцы въ самомъ дѣлѣ почитали не столбы, а только предметы на нихъ находящеяся, назвавъ все это въ совокупности названіемъ „*Stuļpai*“; затѣмъ, что этими предметами не были изображенія въ видѣ человѣка, но либо шкуры въ жертву принесенныхъ животныхъ, либо пуки колосьевъ разнообразнаго хлѣба или травы; что *baļwonas*, вшедшее въ литовскій языкъ въ значеніи чтимаго язычниками

1) Johann Christian Ising, около 1665 диаконъ въ Кенигсбергѣ. Arnoldt. K. G. p. 599 § 6.

2) *ŽMI*. II p. 121 и dd. p. 132; p. 149.

3) *Mythologisches in altlitauischen Texten. Beiträge zur Kunde d. indogerm. Sprachen* I p. 41—47.

предмета, сохранило за собой это общее значение, а *stufas* и *mēdis* составляют только особые роды этих предметов. Къ нимъ также принадлежатъ торчащія надъ землей камни или вообще извѣстные камни, а вѣроятно также оставшіеся при священныхъ деревьяхъ¹⁾.

§ 7. При описаніи скандинавскихъ божествъ Адамъ Бременскій сообщаетъ, что къ сонму боговъ причисляли также людей, пользовавшихся при жизни большимъ почетомъ. „*Colunt et deos ex hominibus factos, quos pro ingentibus factis immortalitate donant*“. Равнымъ образомъ поступаетъ Грунау. Онъ также послѣ описанія трехъ прусскихъ божествъ имѣетъ своихъ знаменитыхъ людей, поставленныхъ за ихъ заслуги на ряду съ богами. Такими являются божества *Wurschayto*, или *Worschayto*, или *Borsskayto*, и *Szwaybrotto* или *Iszwambrato*. Король *Witewuto* послѣ смерти получилъ первое имя, а братъ его, *Bruteno* другое: „*den Koningk sie nannten Worskayto und den Kirwaito (Bruteno) Iszwambrato*“²⁾. Между тѣмъ достаточно извѣстно, что такихъ божествъ никогда не существовало. *Virszaitis*, — (такъ слѣдуетъ правильно писать вмѣсто *Wurschayto*, *Borsskayto* и т. п.) — назывался жрецъ, всякій разъ избираемый участвующими въ жертвоприношеніи³⁾. *Szwaybrotto* же и т. п. названія — это два произвольно соединенныя прусскія слова: *swais* свой, и *brote* или *bratis* братъ; слѣдовательно *swais brote*, *swais bratis* есть буквальный переводъ нѣмецкаго „*sein bruder*“⁴⁾.

Названіе *Widewutus* Грунау заимствовалъ у *Erasmus Stella*, имя же *Bruteno* самъ придумалъ⁵⁾.

1) Подробности въ Прил. VI.

2) *Grup.* 79. — Забывъ о томъ, что онъ раньше сказалъ, пишетъ на стр. 95 и 96, что, наоборотъ, *Bruteno* назывался послѣ смерти не *Wurschayto*, а *Witewuto-Schwaybrotto*: «*Diesen (т.-е. Wurschayto) die Bruden (т.-е. Пруссы) in (=ihn) selber einem gott irwelten, wen es war ihr Kirvait gewesen Bruteno*» (p. 95)... «*in (т.-е. Szwaybrotto) auch selber die Brudeni einen gott gemacht... wen so er ihr. Konningk war und Witewuto genannt*» (p. 96).

3) См. статью Прусскій Жрецъ *Sicco*, въ трудахъ Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ (1890) § 3. — *Coznaszcy Sicco. Lwów* 1891. — Отгискъ изъ журнала *Przewodnik Naukowy i Literacki* 1891.

4) *Mannhardt* первый объяснилъ это слово; см. Грунау, ed. *Perlbach* p. 79 прим. — Грунау пишетъ также *Iszwambrato* (p. 3) *Iszwambrato* (p. 79). Буква *I* можетъ быть протетической, или также остатокъ отъ литовскаго, въ прусскомъ очень рѣдко попадающаго союза *Ir, u*.

5) *Brutenus Bruteno* и т. п., какъ собственное имя личности, первый разъ читается у Грунау. *Witewutus, Vitovudus*, не произошло отъ польскаго *Wojewoda*, какъ я раньше полагалъ, но отъ имени вел. князя литовскаго *Vytautas*, которое у писателей XV вѣка подвергалось ми гимъ видоизмѣненіямъ, впр. *Vitoldus* (aen. *Sylvius; Hieronymus Prag.*). «*Dis ist Witoldis sache wedir Jagal...*» (doc. съ конца XIV в., см. *S. R. Pr.* II 712). — *Witoldt* (у *Борнбаха* XVI в. подъ 1381 год.). — *Wytaudus, Wytaut* (*Wigand* XV в. *S. R. Pr.* II 606 и во многихъ другихъ мѣст.). *Wytowt* (doc. XIV в. см. *Voigt Gesch. Preuss. V.* 128). *Wytavt* (*Wytard* очевидная опечатка. *Herm. de Wart. S. R. Pr.* II 82). Оставивъ другія видоизмѣненія этого имени, обратимся къ болѣе для насъ важному. Въ рукоп. XV вѣка, найденной профессоромъ *Ранке* въ библиотекѣ *Chigi* въ Римѣ, и заключающей въ себѣ компіляцію, составляющую краткій очеркъ исторіи нѣмецкаго ордена, читаемъ: *Susceperunt preterea domini cruciferi... Vitoldum sive Alexandrum Vitovudum, magnum ducem Lytwaniae, fratrem Vladislai Jagellonis, in gubernatorem...* *S. R. Pr.* IV. 235. — Въ другой рукоп., также XV в., и также компіляціи и такого же содержанія, что и упомянутая, находящейся въ Гёттингенской библиотекѣ, одна часть имѣетъ заглавіемъ: *A. d. 1410 15 mensis Iulii fer. III ipso die divisionis apostolorum, rex Poloniae, dictus Yagyelo... cum fratre Vittovudo (Vittorudo видимая опеч.), alias Vitoldo, iniit certamen cum magistro Prussiae, nomine Cunrado (!) Jungingen* (Э. прим. f.).

Слѣдовательно *Vitovudus* — имя вел. кн. литовскаго *Vytautas*.

Сравнивъ же обѣ хроники между собою, оказывается, что онѣ въ сообщенія фактовъ XV вѣка пользовались, между прочими, однимъ общимъ источникомъ, вѣроятно хроникой, изъ которой обѣ заимствовали также имя в. князя въ формѣ *Vitovudus*. Слѣдовательно въ это время читалась форма *Vitovudus* по крайней мѣрѣ въ трехъ хроникахъ и могла быть извѣстной специалистамъ. Такимъ специалистомъ былъ извѣстный фальсификаторъ

Такимъ образомъ вышеуказанное свидѣтельство о дальнѣйшемъ рабскомъ подражаніи Адаму Бременскому, о произвольномъ сплетеніи и сочетаніи его сообщеній съ выдумками Эрасма Stella, примноженными собственными вымыслами, и о неизвѣстно уже сколько разъ повторяемой нарочно фальши Грунау.

§ 8. Указаніемъ на обожаніе знаменитыхъ людей Адамъ Бременскій кончаетъ свое описаніе скандинавскихъ божествъ, а Грунау былъ вынужденъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ искать себѣ другого руководителя.

Изъ описанія дуба въ Ромове казалось-бы, — а писатели прусско-литовскихъ вѣрованій и придерживаются этого мнѣнія, — что этотъ дубъ потому считался священнымъ, что въ его отверстіяхъ помѣщались три божества и что такимъ образомъ онъ являлся ихъ жилищемъ. Уже самъ Грунау пишетъ: *die (Cimbri) brochten mit ihn (съ собой) 3 bilde ihrer abgotte (p. 94). — Zu Rickoyott, do ir bilde stund in der eichen (p. 95). — In iglichem (teil der eiche) stund ein abgott (p. 78). So hett berufft Widowuto der Konigk alle menungk (мужей) des volcks uff Nadrowien vor eine mechtige eche... und sprach also: liebes volck, du solt wissen, und uns haben irwelet und dis land unser götte, sunderliche dis heylig holtz, dy eiche, in welcher sie bey dir wonen wellen... (p. 87). — So wisset, und euer götte nindert, wen alhie in dieser heiligen eichenn haben irwelet ire wonungk und sie wellen allhie besucht sein (p. 88).* Между тѣмъ дѣло представляется иначе. Родившійся въ Tolkemitten монахъ еще изъ дому вынесъ преданія о священныхъ деревьяхъ; затѣмъ, бродя по разнымъ странамъ Пруссіи, онъ слышалъ о нихъ среди народа; наконецъ онъ читалъ о нихъ и у своего любимаго образца, Эрасма Стелла, пользовавшагося въ это время громадной извѣстностью, и называвшаго великолѣпные дубы въ Пруссіи прямо жилищемъ и домомъ боговъ¹⁾.

исторіи Erasmus Stella, писавшій прусскую исторію съ древнѣйшихъ временъ до призванія нѣмецкаго ордена въ Пруссію Конрадомъ Мазовецкимъ... Стелла, вычитавъ имя Vitovudus въ одной изъ упомянутыхъ хроникъ или въ какомъ-нибудь иномъ документѣ, обратилъ его въ Vidvutus, и личности, носившей это имя, приписываетъ всевозможныя установленія, само собою разумѣется, всѣ вымышленныя. Онъ первый знаетъ, что Vidvutus по происхожденію Алапинецъ (Alapini, срав. выдуманнаго Lit-alapini), который, избранный королемъ соединеннымъ съ Алапами Боруссами, издалъ новыя законы и ввелъ порядки въ общественную и религіозную жизнь народа. Этими данными воспользовался другой не меньшій фальсификаторъ Грунау, который переименовалъ отъ Эрасма имя короля Vidvutus въ формѣ Widowutus, Widewuto, и т. п., дѣлаетъ его также королемъ и законодателемъ, но только Пруссовъ (Brutteneu). Не довольствуясь этимъ и желая знать еще больше Эрасма, онъ сочиняетъ дальнѣйшія дѣянія Видовута на основаніи фактовъ, сообщенныхъ Св. Писаніемъ о законодателѣ Моисей, что уже впрочемъ и у Эрасма замѣтно. Какъ Моисей собираетъ еврейскій народъ и даетъ ему наставленія, точно такъ дѣйствуетъ и Видевутусъ среди своихъ Брутеноевъ. Оставивъ всѣ подробныя аналогіи, на которыя укажемъ въ другомъ мѣстѣ (въ *Źródłach do Mytologii Litewskiej*), обратимъ вниманіе еще на одну болѣе важную. Какъ въ Св. Писаніи Ааронъ былъ братомъ Моисея и въ то же время высшимъ духовнымъ лицомъ Евреевъ, точно также придумалъ Грунау для своего Видовута брата, Брудено, и дѣлаетъ его высшимъ жрецомъ Брутеноевъ, назвавъ эту должность *Kirvaito*, на подобіе имени нѣкаго высшаго жреца въ Надрови, *Sriwe*, вычитаннаго у Дусбурга. Этимъ и объясняется, почему Грунау, знающій немного прусскій языкъ, брата Видевута, Брудено, назвалъ по-пруссски *Szwambrotto* («его (т.-е. Видовута) братъ»). Изъ всего приведеннаго оказывается: 1) что Vidovutus, Vidvutus, Widowutus и пр.—изуродованное имя вел. князя Vitaŭtas; 2) что Брудено, братъ Видовута придуманъ Грунау, и 3) что преданіе о Видовутѣ и Брудено образовалось въ другой половинѣ XV. в. и началъ XVI в. на основаніи ложныхъ давнихъ, вымышленныхъ относительно Видовута отчасти Эрасмомъ Стелла, и отчасти Грунау; между тѣмъ какъ Брудено принадлежитъ дѣлкомъ къ выдумкамъ Грунау.

1) *Præcellentes arbores, ut robora, quercus, deos inhabitare dixerunt, ex quibus sciscitantibus responsa reddi audiebantur; ob id nec hujuscemodi arbores caedebant, sed religiose, ut numinum domos, colabant.* Грунау подражалъ Эрасму, пользуется извѣстіемъ, что священными деревьями были даваемы спрашиваемымъ отѣты. Поэтому и онъ о своемъ священномъ дубѣ въ Ромове пишетъ, что въ отѣтѣ было слышно «*bräuten in der eichen*» (p. 95); см. § 3 и прим. 5.

Руководствуясь всѣмъ этимъ Грунау помѣстилъ придуманныя имъ статуи своихъ боговъ также въ дубѣ въ Ромове, и такимъ образомъ приобрѣлъ своимъ выдумкамъ нѣкоторое основаніе.

Безпокоило его однако то, что скандинавскія божества стояли въ святыни; поэтому слѣдовало Грунау, что-либо подобное въ этомъ родѣ придумать и для своихъ прусско-литовскихъ божествъ. И тутъ онъ нашелся. Онъ придумалъ, какъ мы уже раньше упомянули, что вокругъ дуба на высотѣ семи локтей были развѣшены занавѣсы, за которыя нельзя было никому входить, кромѣ Kirvaito; и что если кто приходилъ, положимъ, съ жертвоприношеніями и т. п., то занавѣсы раздвигались. — Эти-то занавѣсы, отдѣляющія святыя предметы отъ народа, совокупно съ упомянутымъ запрещеніемъ, — живо напоминаютъ еврейскую святыню и удивительно сходны съ предписаніями, касающимися ея постройки въ Exod. XXVI 1—35¹⁾. — И не удивительно. Монаху, ознакомленному требованіемъ своего званія съ Св. Писаніемъ, само собою, невольно представлялась образцомъ еврейская святыня, которому и слѣдовалъ. Въ доказательство приведемъ нѣкоторые примѣры. „И повѣсиши завѣсу на столпѣхъ: и внесеши тамо внутрь завѣсы кивотъ свидѣнія: и раздѣляти будетъ завѣса вамъ посредѣ святилища и посредѣ святая святыхъ. И закрѣши завѣсою кивотъ свидѣнія въ святая святыхъ“. Exod. XXVI. 33. — И рече Господь къ Моисею: Глаголи Аарону, брату твоему, да не входить по вся часы въ святое внутрь завѣсы... Сице увидетъ Ааронъ въ святое съ тельцемъ отъ говядь грѣха ради, и съ овномъ на всесожженіе“. Lev. XVI. 2. 3. „И внесе кивотъ въ скинію и возложи покровъ завѣсы“. Ex. XL. 21. См. III Крон. 14; Ев. св. Мате. XXVII. 57.

Въ сравненіи съ необузданной фантазіей Грунау святыня его имѣетъ еще скромный видъ; между тѣмъ послѣдователи его, какъ напр. Гвагини, пятьдесятъ лѣтъ спустя (1578), уже пишутъ, что Прусы своимъ божествамъ воздвигнули подъ извѣстнымъ дубомъ съ громадными издержками великолѣпную святыню²⁾. — И несмотря на все вышеуказанное еще многіе ученые не могутъ отказаться отъ мнѣнія, будто бы Литовцы строили своимъ богамъ святыни.

Наше совсѣмъ противное мнѣніе подтверждается еще двумя ясными, положительными свидѣтельствами. Одно Каллимаха съ конца XV вѣка, который, опровергая мнѣніе нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, а главнымъ образомъ Длугоша, будто бы Литовцы происходили отъ Римлянъ, утверждаетъ, что ихъ начала слѣдуетъ скорѣе искать у Галловъ, на томъ основаніи, что Литовцы наравнѣ съ Галлами молятся въ священнѣхъ рощахъ, и не имѣютъ никакихъ святынь. „Ceterum Gallicae ac non Romanae originis argumentum adducitur idyoma, omnino ab Italo abhorrens; mos praeterea et religio consecrandorum nemorum, sine ullis templis, ritu Gallorum Druidarum, quae Romanis, habentibus deorum aedes et ministeria sacrorum, diversa sunt³⁾).

Второе свидѣтельство изъ XVII в. касается Латышей. Въ немъ извѣстный намъ пасторъ Einhorn прямо говоритъ, что Латыши не устраивали своимъ божествамъ никакихъ святынь: „Diese Letten aber, ob sie schon viel götter und göttinnen gehabt, haben sie doch keine tempel oder altäre ihnen erbawet, da sie ihren gottesdienst oder opfer hätten verrichten mögen; denn es ist im geringsten hievon in diesem lande nichts gefunden... ohn dass sie besondere sacros lucos oder wälder gehabt, darin

¹⁾ Тоеppen въ Gesch. d. preuss. Historiogr. p. 191 эту постройку считаетъ ни на чемъ не основанной выдумкой Грунау. Manches, wie die hübschen Tücher, mit welchen das Allerheiligste verhängt gewesen sein soll, und die gleichgiltigen Dimensionsbestimmungen, ist freilich willkürlich zugesetzt.

²⁾ Въ описаніи Пруссія.

³⁾ Vita et mores Sbignei Cardinalis p. 28.

ie ihre götter gæhret und angeruffen, in demselben aber ist weder tempel, noch altar, oder jenige seule und götzenbild gefunden worden¹⁾.

Эти свидѣтельства окончательнo рѣшаютъ вопросъ. Въ ихъ достовѣрности нельзя сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что Каллимахъ для поддержанія своего утвержденія, направленнаго противъ Длугоша, долженъ былъ основательно обдумать этотъ предметъ; — способъ же выраженія Einhorn'a доказываетъ, что онъ, какъ духовное лицо, заинтересованное въ отысканіи, преслѣдованіи и уничтоженіи всякихъ остатковъ язычества, самъ дѣлалъ розыски или приказалъ ихъ производить и, несмотря на это, никакихъ слѣдовъ святины и истукановъ не нашелъ.

Если же, несмотря на это, въ другихъ источникахъ читаемъ уже не то общее выраженіе „templa“²⁾, а конкретное „templum“, какъ напр. у Геронима Прагскаго³⁾; да, если Вигандъ⁴⁾ прямо указываетъ на aedes или domos sacras въ Вендзиголь, то слѣдуетъ надлежащимъ образомъ разобрать, какія Литовскія строенія они оба называли templum и aedes sacras. — Мы сдѣлаемъ это въ § 12.

§ 9. Грунау, какъ извѣстно, ставитъ свой дубъ на первое мѣсто, оставляя вѣчный огонь на второмъ планѣ. Но зато онъ говоритъ о двухъ огняхъ. Не зная очевидно объ нихъ ничего положительнаго, онъ разъ утверждаетъ, что передъ Перкунасомъ безпрестанно днемъ и ночью горѣлъ огонь изъ дубовыхъ дровъ⁵⁾, а на немъ сжигали жертвы, а затѣмъ въ другомъ мѣстѣ, забывъ о сказанномъ, пишетъ, что божества требуютъ, чтобы передъ ними (т.-е. передъ цѣлой тройцей) горѣли два постоянные огня, одинъ изъ чистаго воска, на который должно было сыпать ладонъ, а другой изъ сухого дерева, на которомъ сжигали бы предназначенныя богамъ жертвы⁶⁾.

Уже Арнольдъ (Arnoldt) удивляется, къ чему служилъ бы вѣчный огонь изъ воска, если другой равнымъ образомъ доставлялъ ночью жрецамъ желаемый свѣтъ⁷⁾. Будто бы вѣчный огонь былъ разводимъ съ этой цѣлью! Вообще вѣчный огонь, поддерживаемый воскомъ безъ дровъ и угольевъ, представляется намъ загадкой.

Мысль о неугасимомъ огнѣ заимствована Грунау у Дусбурга (§ 1) и изъ Священнаго Писанія, которое, вслѣдствіе недостатка у Дусбурга желаннаго матеріала, опять дѣлается его главнымъ руководствомъ. Итакъ въ Св. Пис. читаемъ: „Сей законъ всеожженія: сіе всеожженіе на горѣннн его на олтарѣ всю ночь до заутра, и огонь олтаря, да горитъ на немъ, и не угасаетъ“. Lev. VI. 9. „И огонь на олтарѣ да горитъ на немъ и не угасаетъ“... Lev. VI. 12. „И огонь всегда да горитъ на олтарѣ, и не угасаетъ. Ib. 13. и въ многихъ другихъ мѣстахъ.

Мысль о двухъ огняхъ Грунау могъ заимствовать только изъ Св. Писанія, въ которомъ читаемъ, что Богъ приказалъ Евреямъ построить два жертвенника, одинъ для возженія ладона: „И да сотвориши олтарь кадилный отъ дровъ негнющнхъ“. Ex. XXX. 1., а второй для жертвоприношеній. Ex. XXVII. 1⁸⁾. — Подражаніе замѣчательно.

¹⁾ Historia Lettica Sc. R. Liv. II. p. 583; мы уже сослались на это свидѣтельство въ § 3 прим. 4; для его важности мы его приводимъ въ подлинникѣ.

²⁾ См. § 6.

³⁾ Sc. R. Pr. IV, p. 237, 239.

⁴⁾ Cron. nova prut. c. 135-b, S. R. Pr. II, 623/4. См. Ź. M. L. I, p. 117.

⁵⁾ (Perkuno) cleinott war, damit man stetis feuir hette, von eichenen holtze, tag und nacht... auff man brandte die oppherung. Grun. 78.

⁶⁾ Sywellen, und eyn stetis feuir vor in(=ihnen) burnen sal, eines von guttem waxe sal gehalten werden, in dis nix andirs, den weiroch komen sal; das ander von gantz troygem holtze, in welchem man vorburnen sal, was man den göttin gantz zueigenen wil. Gr. 89.

⁷⁾ Kurzgefasste Kirchengeschichte d. Königr. Preussen. Kgsbg, 1769, p. 15.

⁸⁾ Vulgata Exod. 37, 25; 33. 1.

На этомъ-то основаніи Грунау придумалъ огонь для возженія ладона и самовольно сдѣлалъ его вѣчнымъ. Воскъ же, какъ матеріаль для жертвоприношенія, появляется у Грунау подъ вліяніемъ обычая, господствующаго даже во времена христіанскія; только что въ языческія времена, вѣроятно, воскъ дѣйствительно бросали въ огонь, а въ христіанскія дѣлали изъ него церковныя свѣчи¹⁾.

Сообщеніе писателей о томъ, что вайделоты жили вокругъ мѣста, гдѣ горѣлъ неугасимый огонь, уже по тому заслуживаетъ довѣрія, что стерегушіе его по необходимости должны были находиться вблизи.

По всей вѣроятности также и вблизи какого-нибудь священнаго дерева проживалъ вайделоть, такъ какъ намъ извѣстно, что еще въ XVII в. maldininkas (божкомалець) объявилъ Прѣторіусу, что онъ готовъ даже съ семействомъ проживать возлѣ дерева, считающагося священнымъ, еслибы ему только это разрѣшили, а дерево вѣдь не нуждается въ такомъ присмотрѣ, какъ огонь.

§ 10. Послѣ обстоятельнаго разбора подробностей о Ромове, сообщенныхъ Грунау, и повторяемыхъ всѣми летописцами и историками, писавшими о нашемъ предметѣ, мы считаемъ удобнымъ по поводу многочисленности и разнообразія этихъ подробностей собрать и свести результаты нашего изслѣдованія, къ которымъ мы до сихъ поръ пришли.

1) Названіе мѣстности Ромове и ея положеніе въ Надровіи Грунау заимствованы у Дусбурга.

2) Дубъ и его святость основаны на дѣйствительной литовской традиціи и на словахъ Erasmus Stella.

3) Дубъ, какъ жилище божества, взято также изъ дѣйствительной традиціи и Erasmus Stella.

4) Вѣчная зелень дуба въ Ромове вычитана у Адама Бременскаго, какъ кажется, не непосредственно.

5) Дѣленіе дуба на три равныя части и находящееся въ каждой изъ нихъ отверстіе — есть поддѣлка подъ дѣйствительную традицію, по которой всѣ деревья, стволъ которыхъ или вѣтви которыхъ, раздвоившись, опять срослись, образуя такимъ образомъ отверстіе, — считались священными.

6) Число трехъ божествъ основано главнымъ образомъ на описаніи Адама Бременскаго; но кромѣ этого могъ на это повліять христіанскій догматъ о Св. Троицѣ и литовское вѣрованіе въ святость числа три.

7) Названіе „Perkunas“ взято изъ дѣйствительнаго вѣрованія; названія „Rotrumpro“ и т. п. и „Patollus“ заимствованы изъ Collatio Ep. Varm. Форма „Patrimpro, Rotrumpro“, въ значеніи собственнаго имени, первый разъ встрѣчается у Грунау; оно образовано по аналогіи съ „Natrimpe“, въ Coll. (См. Прил. V). Patollus же перенялъ Грунау изъ той же Collatio безъ всякаго видоизмѣненія.

8) „Bilder“, изображеніе, образъ, въ данномъ случаѣ статуи, являются переводомъ слова „statuae“ у Адама Бременскаго; описаніе ихъ вида — чистая выдумка Грунау; цвѣтъ голубаго платя — это національный цвѣтъ одежды жителей самбійской области.

9) Опредѣленіе власти высшихъ божествъ составлено по аналогіи съ властію трехъ скандинавскихъ божествъ у Адама Бременскаго, съ тою только разницей, что

¹⁾ Еще 1578 г. курфирстъ Georg Friedrich «Мандатомъ», даннымъ на имя старостовъ (Heubtleute) Тизнитскаго и Рагантскаго округовъ, запрещаетъ всѣ языческіе обряды, каковы: посѣщеніе (свадебныхъ) рошъ, жертвоприношенія восковыхъ дѣтей, рукъ, ногъ, животныхъ. Gött. Nachrichten, 1877, № 12, стр. 241—264. Nessem. N. P. P. Bl. Andere Fol. 1852. Bd. 1. стр. 271. Beiträge zur Kunde d. Ind. Spr. Bd. 1, p. 35.

функциями трехъ скандинавскихъ божествъ Грунау надѣлилъ два свои божества; для третьяго — взялъ за основаніе существующее вѣрованіе въ домовыхъ и демоновъ страха — все другое присочинилъ отъ себя.

10) Надѣленіе божествъ символами заимствовано изъ описанія Адама Бременскаго; самые же символы — выдумка Грунау.

11) Widewutus, Widewuto и т. п. — это Vidvutus Эрасма Стелли; братъ его Brudeno — вымышленъ Грунау, имя же „Bruteno“ образовано отъ имени народа Пруссовъ (Bruteni Пруссы; Brutenus прусскій человѣкъ). Власть предводителя и законодателя Пруссовъ, Widowut'a, равно какъ власть его брата Brudeno, высшаго жреца (Kirvaido) Пруссовъ, составлены по аналогіи съ властью предводителя и законодателя Евреевъ, Моисея, и съ властью его брата, высшаго духовнаго лица Евреевъ, Аарона. Kirvaido — это исковерканное собственное имя жреца огня, Criwe (Дусбургъ), въ значеніи должности.

12) Обоготвореніе заслуженныхъ людей послѣ смерти — это подражаніе Адаму Бременскому; имя обоготвореннаго Видовута, „Virszaitis“ есть слово литовское, обозначающее предводителя въ жертвоприношеніяхъ, имя же обоготвореннаго послѣ смерти Brudeno — „Szvambrotto“, — это исковерканное прусское „swais brote“ означающее „его братъ“.

13) Простыни, повѣшенныя вокругъ дуба, образующія занавѣсъ и отдѣляющіе народъ отъ святѣйшаго мѣста, — также вымыселъ Грунау, основанный на описаніи еврейской скинии въ Свящ. Писаніи. — Запрещеніе, что кромѣ Kirvaido никому нельзя было входить за занавѣсъ — имѣеть источникомъ также Свящ. Писаніе.

14) Неугасимый огонь принадлежитъ къ дѣйствительнымъ вѣрованіямъ. Источникомъ для Грунау съ одной стороны былъ Дусбургъ, съ другой Священное Писаніе; источникомъ же для двухъ огней — только Свящ. Писаніе.

Изъ всѣхъ указанныхъ нами подробностей Грунау создалъ нѣчто цѣлое, съ дерзостью выдавая это выдуманное цѣлое, за истину, существовавшую въ Ромове.

Изъ критическаго же разбора этихъ подробностей — достовѣрны-ли онѣ, или нѣтъ, — оказывается въ окончательномъ, общемъ результатѣ: „что описаніе Ромове Грунау — это компилация извѣстій, почерпнутыхъ изъ разныхъ, указанныхъ нами, авторовъ, которыя мы знаемъ лучше и основательнѣе и безъ Грунау. Всѣ же другія извѣстія, которыя намъ представляются новыми, — это выдумки и ложь, переходящія границы воображенія и терпимости“.

§ 11. Покончивъ съ Грунау, мы свободнѣе можемъ приступить къ разсмотрѣнію вопроса о вѣчномъ огнѣ, требующаго однако предварительно нѣсколько общихъ замѣчаній относительно видовъ огня у Литовцевъ.

Огонь вообще занималъ первостепенное мѣсто въ религіозной, соціальной, публичной или частной жизни всѣхъ Литовцевъ. Мы различаемъ огни, такъ называемые вѣчные (jugis Dusb.), которые неугасаемо должны горѣть, главнымъ образомъ для подачи изрѣченій, каковыя огни горѣли напр. въ Ромове, въ Вильнѣ и въ другихъ важнѣйшихъ мѣстностяхъ (in celebrioribus locis. Dlug.), и огни временныя, раскладываемые въ извѣстныхъ только случаяхъ. Изъ послѣднихъ одни были періодическіе, какъ напр. огни на Ивана Купалу (Sobótki), другіе опять могли раскладываться во всякое время для сожженія умиловительныхъ или благодарственныхъ жертвъ. Если въ концѣ послѣдніе огни были зажигаемы по какому нибудь случаю, интересующему общество, то всѣ вышеуказанные виды огня можно назвать публичными. Дусбургъ, за исключеніемъ огней на Ивана Купалу и умиловительныхъ, упоминаеть и объ остальныхъ.

Первое извѣстіе о прусскихъ огняхъ на Ивана Купалу (Heilfeuer, Sobótki) сообщаетъ намъ Вармійскій епископъ Генрихъ III (1373—1401), запрещающій въ своей епархіи этотъ обычай „Prohibemus etiam, ne celebretur Sabbatum, quod vulgariter Heilfeuer ¹⁾ dicitur, prout suggestione diaboli et adinventione rusticorum, a quibusdam consuevit celebrari²⁾“. О томъ же прусско-литовскомъ обычаѣ упоминаетъ Геннебергеръ (Henneberger)³⁾, что наканунѣ Ивана Купалы вечеромъ добывали посредствомъ колеса, соломенныхъ веревокъ⁴⁾ и каватовъ огонь на мѣсть, предназначенномъ для пастбищъ.

Изъ умиловительныхъ жертвъ для отвращенія непріятельскихъ нашествій приведемъ примѣръ изъ временъ, когда христіанство господствовало уже болѣе двухъ вѣковъ. Происходило это въ 1520 г. Поляки, вытолкнувши крестоносцевъ изъ Варміи, завяли войсками всю Натангію и уже намѣревались пройти Прегелю, угрожая столицы герцога Альбрехта. Съ другой стороны приближался къ самбійскимъ берегамъ гданскій флотъ. Среди такихъ тяжелыхъ обстоятельствъ гроссмейстеръ ордена, герцогъ Альбрехтъ, исчерпавъ всѣ средства защиты, находился въ отчаянномъ положеніи. Прусскіе представители народа (Stände) въ этой всеобщей тревогѣ, вспомнивъ обѣтъ, данный при такихъ же обстоятельствахъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ Св. Войцѣху, покровителю Пруссіи, и до сихъ поръ еще не выполненный, возобновили обѣщаніе. Народъ, истощенный налогами, въ видѣ поставки солдатъ и денегъ, не зналъ, откуда и ждать себѣ спасенія. И вотъ является самбійскій вольный человекъ, Waltin Suplitt, очевидно вайделотъ, который публично извѣщаетъ, что обладаетъ способомъ для удержанія непріятелей отъ нашествія на Самбію, лишь-бы только правительство разрѣшило употребить его, и жители не отказали въ помощи. Отправленные къ герцогу послы, видно, вернулись съ позволеніемъ, такъ какъ жертва вскорѣ была совершена. Тогда Вальтинъ Суплиттъ потребовалъ отъ крестьянъ чернаго быка и двѣ бочки пива. Крестьяне, помня еще языческіе обряды, все охотно доставили въ деревню Рантау (Rantau). Тутъ на морскомъ берегу въ присутствіи однихъ только мужчинъ, такъ какъ языческіе обряды въ этомъ случаѣ запрещали присутствіе женщинъ, зарѣзавъ по обряду предковъ быка въ честь боговъ, онъ сжегъ на спеціально съ этой цѣлю устроенномъ кострѣ кости и внутренности, при произношеніи молитвъ, сопровождаемыхъ жестикуляціями рукъ и ногъ, да кромѣ того и другихъ, точнѣе не обозначенныхъ, обрядовъ. Сваривъ быка, присутствующіе пировали до крайности и этимъ закончилось жертвоприношеніе. Нѣсколько дней спустя послѣ жертвоприношенія показались гданскіе корабли, которые приблизившись къ берегамъ, вдругъ отплыли. Позднѣе стало извѣстнымъ, что самбійское побережіе представилось гданскому флоту въ такомъ ужасномъ видѣ, какого никогда въ жизни не случилось имъ видѣть. Это обстоятельство произвело на народъ такое сильное впечатлѣніе, что онъ былъ увѣренъ въ дѣйствительной помощи боговъ⁵⁾.

Однакожь это жертвоприношеніе имѣло свои печальныя послѣдствія. Ибо когда

1) Heilfeuer.

2) Statuta Synodalia, изд. по рукописи профессоромъ А. Thiel, въ Index lectionum Lycei Hosiani. Brunbergae 1861, p. 9 § 22; см. Bender A. Pr. M. Sch. Bd. IV, 1867, p. 8 прим. 4.

3) Vom Nothfener auff S.-Johannis des Teuffers abends. Erklärung d. preuss. grösseren Land-Taffel Ksgb. 1595, p. 322. — Tettau und Temme p. 227. — О литві упоминаетъ Юцевичъ (Ludwik z Pokiewia Litwa p. 226). Ks. Wołonczewskis: Żemajtiu Wiskupiste. Wil. 1848, dalis II p. 169 (§ 243). — О Латвшахъ А. Bielenstein das Johannisfest der Letten. Balt. Monatssch. Bd. 23, 1874. Трейлаудъ у Вольтера Матеріалы част. I p. 69. — О полякахъ Marcin z Urzędowa p. 32. О Nottfener Grimm D. Myth. p. 570 и др. Kuhn Herabk. d. Feuers, p. 43.

4) Въ подлинникѣ «gerstellen». Frischbier Preuss. Wörterbuch Ost und Westpreussische Provinzialismen Berlin, 1822 s. v. «Gerstel, dickes strohsseil, womit die garben des sommergetreides, besonders der erbsen und bohnen zusammengebunden werden. Natangen. Pisanski schreibt gerstellen.

5) Этотъ фактъ рассказываетъ со всеми подробностями Lucas David. T. 1, стр. 117 и др. Въ сокращеніи же сообщаютъ его N. P. P. Bl. 1846. T. II, стр. 211 и др.

въ теченіе семи лѣтъ послѣ него оказывался постоянный недостатокъ въ рыбѣ, и рыбаки, хотя пускались на нѣсколько миль въ глубь моря, всетаки возвращались съ пустыми почти сѣтями, опечаленные жители опять обратились за помощью къ Суплитту, который откровенно имъ сознался, что въ молитвѣ его произошла ошибка, такъ какъ онъ просилъ боговъ объ удаленіи всего, забывъ исключить рыбу. Вайделотъ, упрощенный вымолить у боговъ новое изобиліе рыбъ, потребовалъ отъ прибрежныхъ жителей откормленной черной свиньи, которую ему охотно доставили, прибавивъ еще нетребованныя двѣ бочки пива. Изъ совершенныхъ обрядовъ упоминаютъ объ одномъ, а именно, что вайделотъ, пробормотавъ надъ вырѣзанными выменами какія-то слова, бросилъ ихъ въ море, а всѣ, сваривъ оставшееся мясо, по древнему обычаю стали пировать и пить.

Но на этотъ разъ не избѣгли наказанія. Подъ предсѣдательствомъ перваго самбійскаго протестантскаго епископа Поленца былъ произведенъ судъ надъ Суплиттомъ и 73-ю участвующими, происходящими изъ восьми побережныхъ деревень. Наказаніе смертью, примѣняемое за такого рода преступленія, было замѣнено строгимъ церковнымъ покаяніемъ съ прибавленіемъ побоевъ розгами¹⁾.

Кромѣ тѣхъ огней, которые мы назвали публичными, были также частные, среди которыхъ важное мѣсто занималъ огонь на домашнемъ очагѣ, считаемый также священнымъ²⁾. Каждый хозяинъ поддерживалъ его съ большой заботливостью и усердіемъ со дня на день, уже по тому, что добываніе новаго огня представляло не малое затрудненіе, и что сосѣдства не были близки. Если же огонь потухъ, то это предвѣщало громадное несчастье. Въ одной латышской пѣснѣ читаемъ:

Потухъ у меня огонь,
Потеряла я свою матушку.
Огня я достала у сосѣда,
Но матушки не нашла (Спрогись 214).

Съ цѣлью сохранить огонь до слѣдующаго дня, сгребали красные уголья въ углубленіе (foculus) на очагѣ (focus) и покрывали золой. Въ Жмуди хозяйка, вечеромъ прикрывая ихъ золой, молилась: Szventa Gabėta, guvank su mumis linksmaj! Святая Габета живи съ нами весело!³⁾ Если Бендеръ только догадывался, что въ корнѣ gab скрывается значеніе „огня“⁴⁾, то Акелевичъ⁵⁾, литовецъ по происхожденію, ясно высказалъ, что огонь въ торжественной рѣчи называется Gabia, а Вольтеръ фактически доказываетъ, что до сихъ поръ огонь зовутъ Gabia szventa въ Россіенскомъ уѣздѣ, Gabėta же или Gabėt(?) въ Шадовскомъ приходѣ⁶⁾. Весьма интересная молитва изъ Ворнь (Медники) Тельшев-

¹⁾ Lucas David тамъ же стр. 120. N. P. P. Bl. стр. 213. — Другія жертвоприношенія приведемъ въ иной разъ.

²⁾ Вольтеръ сообщаетъ, что еще въ 1886 г. «въ Шавельскомъ и Россіенскомъ уѣздахъ огонь называется святымъ: šventa ugnis, šventa ugnė...» Матеріалы для этнографіи лат. плем. Часть I. Петерб. 1890, стр. 136.

³⁾ Jan Lasicki. Kraków 1870, p. 31. Янъ Ласицкій etc. Киевъ. 1875 г., стр. 17.

⁴⁾ Zur altpreussischen Myth. A. P. M. Sch. IV. 167 «der Stamm gab könnte also den Begriff Feuer (herd, ofen?) ausdrücken».

⁵⁾ Lelewel T. V ed. Župański p. 462, прим. 30.

⁶⁾ Матеріалы, стр. 136, прим. 3, гдѣ приводится рѣчь, произнесенная на свадьбѣ въ Шимкайцкой волѣ Россіенскаго уѣзда: «Prašau tu jaunū pañālu, piļkas suļas ir baltas stalas us(ž)tupitas, kursei ira lina gije užtestas gabije šventa ušsvēstas, peileis, widālceis ir wisokeis stotkais apdētas. Прошу этихъ молодыхъ дѣвицъ, сѣрая свамейка и бѣлый столъ уставленъ, который льняной нитью накрытъ, святымъ Огнемъ освѣщенъ, ножами, вилками и всяческимъ приборомъ убранъ. Въ такой же рѣчи крестьянинъ Шатайтисъ изъ Таурогенской вол. того же Росс. уѣзда говоритъ: Del to prašau pona staršoje, piļka suļa ir balta stala, kuri regu linagija ūstista ir šventa gabija apšvista ir Deva dovanums pripildita». Поэтому прошу старшаго пана, (завяты) сѣрую свамейку и бѣлый столъ, который вижу льняною нитью накрытымъ, и святымъ Огнемъ освѣщеннымъ, и дарами Бога наполненнымъ. (По несправности текста переводъ даю по смыслу). Равно и въ Скаудвильской вол. Росс. уѣзд. «Šventa Gabėt' aršvesta. Тамъ же прим. 4.

скаго уѣзда, совмѣщаетъ понятія языческія съ христіанскими: „Szventa Agota su szvintu Gabėtu keravokit muñi nū ugnės. Святая Агата вмѣстѣ со святою Габетою спасите меня отъ огня!“¹⁾ Въ этой молитвѣ Gabėta является уже защитницей огня вообще.

Жмудины въ XVI в. называли Gabija огонь, который раскладывался въ сушильняхъ, овинахъ для высушиванія несозрѣлаго или сырого зерна въ колосьяхъ. Лясковскій, благодаря Ласицкому, сохранилъ намъ молитву къ покровительницѣ этого огня: Gabije dėvaiti! pokelki garu, ne lejski kibirksztiu, Gabie богиня подними (усиль) жару, не распускай искръ!²⁾ Прусскіе источники для божества огня въ сушильняхъ имѣютъ специальное названіе: Gabjauja въ жен. родѣ, Gabjaujis въ мужскомъ³⁾.

Иное названіе сообщаетъ Ласицкій „Pelengabie“, сложенное изъ pelenai пепель и gabija, означающее этимологически огонь, жаръ подъ пепломъ⁴⁾, и, по литовскому обычаю обоготворенія всего, также богиню, сохраняющую огонь подъ пепломъ, точно такъ, какъ въ Пруссіи Gabwartas. О Matergabie Ласицкаго до сихъ поръ ничего положительнаго мнѣ неизвѣстно.

Въ Судавской книжкѣ Wahrhaftige Beschreibung etc. Геронимъ Малецкій сообщаетъ намъ, будто бы прозвищемъ огня на очагѣ было „Paniske, Panike“. Описывая моментъ свадебнаго обряда, когда невѣсту обводятъ вокругъ очага, онъ сообщаетъ:

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Въ подлинникѣ (Laš. ed. Mannhardt p. 15) читается nulejski визвускай искри; по латинскій переводъ имѣеть: ne demittas scintillas.

³⁾ Praetorius пишетъ Gabjauja, (стр. 22) и Gabjaugia (стр. 64), оба раза вмѣсто правильнаго Gabjauja, которое читаемъ въ нѣмецко-литов. словарѣ Бродовскаго: Gabjauja divitiarum (dea), см. Schleicher Lituanica въ Sitz-Berichte d. Wiener Ak. d. W. p. 84. — Schultz Gram. Lit. p. 29 [см. Ласицкій, изд. Маннгарда, p. 40 (117)] имѣеть Gabjaujis, deus horreorum, мужск. рода. — Такъ какъ Gabija огонь жен. р. — и jauja, сушильня, также жен. р., полагаемъ, что форма Gabjauja, богиня огня въ сушильнѣ, существовала раньше формы Gabjaujis, бога огня. — Тотъ же Schultz l. l. [по Маннгарду l. l. pag. 41 (118)] приводитъ также божество Gabwartas; Praetorius же p. 30 «Gabwartus et Gabartus. Тотъ же Praet. p. 26 и Martini (см. D. Klein'a у Mhd. l. l.) приводитъ формы Gabartaі, множ. число. Правильной является форма Gabwartas; plur. Gabwartai, сложное изъ извѣстнаго намъ gab, и wartas, сторожъ, слѣдовательно: сторожъ огня, opiekунъ огня вообще, а въ нѣкоторыхъ странахъ Пруссіи, можетъ быть, покровитель огня, тлѣющаго подъ пепломъ. Кстати припомнимъ сообщеніе Ласицкаго: (paterfamilias) ad ostium (хижины) subat, deastro foci custodia commissa (см. прил. VIII); въ Жмуди этимъ deaster могла быть «Pelengabie = diva est, cui foci lucentis (?) administratio creditur» (Ласицкій).

Загадочное Gabjaukurs, находящееся въ латинскихъ стихахъ, сочиненныхъ пасторомъ Мартини, а напечатанныхъ Д. Клейномъ (см. Mhd. p. 41 118), — это по моему мнѣнію, произвольное сокращеніе двухъ именъ въ одно ради стиха, т. е. Gabjau (-jis, или -ja) и *Jaukurs; послѣднее имя — сложное изъ Jau'ja) и Kurti топить, *Jaukurs, топитель сушильни, и можетъ быть, божество огня, = Jaugabis. Возможно также принять, сложное: Gab + jaukurs, въ значеніи топителя священнаго огня въ jaujach. Бродовскій l. l. приводитъ в. в. «Vulcanus, Jagaubis (sic) Ugnis szwenta, Feurgott» см. Schleicher Lit. въ Sitz. Ber. p. 84; у него же p. 100; «die etymologie ist dunkel. По моему мнѣнію Бродовскій ошибся, вмѣсто jagaubis должно быть Jau-gabis, того же сложенія, что и Gab-jaujis. Забѣнно-сложныя имена нерѣдко встрѣчаются въ литовскомъ языкѣ. Butwilis и Wilbutas; Kantygirdus і Girdkants, или Girkants; Widmants и Mantwidas, см. Buszyński Opisanie powiatu Rossieńskiego. Wil. 1873 p. 84 примѣчаніе; онъ ссылается на Мякутскаго Kuryer Wileński 1860 г. № 10. — Bezzenberger Bildung der altpreussischen Personenamen A. P. M. Sch. XIII p. 398 приводитъ прусс. Teutevil и Wiltaute; Narwais и Waisnar. Норре же въ статьѣ Orts und Personennamen der Provinz Preussen, A. P. M. Sch. XV. 1878, p. 579: Gayleminne і Munnegail; Gynthauite и Tawtegunne; Girdemante и Mantegirde, Villegayde и Gedwill. — Онъ же сообщаетъ названія мѣстностей: Lackmedien и Medlauk равно какъ и Medlauken; Laukwargen и Warglauken; Kalkeim и Keimkallen; Matzblieden и Bliematzen. Ortsnamen der Provinz Preussen A. P. M. Sch. XII 1875, p. 550. — Затѣмъ A. P. M. Sch. XIII 1876, p. 572/3: Weynenkand и Kandwoynen, Kantweinen; Mantwilleiten и Willmantienen; Norwischeiten и Weischnuren. Есть и существительныя забѣннаго сложенія въ родѣ: medwinia и wynmedis виноградная вѣтвь, лоза; gyszgalwis и galwarysztis, повязка на голову. Норре A. P. M. Sch. XII. 1875, p. 356.

⁴⁾ Акелевичъ у Делевеля V p. 474 «Купа popiołu, żа г zgarnięty w gromadę і pokryty popiołem». Иначе Mannhardt: Pelengabe (sic) wäre heerdfeuer (въ изд. Ласицкаго p. 39. — Справ. Praet. p. 39.

(Ihre freunde) führen die braut zum feuer, da spricht sie dann: „Ocho moy myle schwante panike, das ist, o mein liebes heyliges feuerlein“¹⁾. Pierson²⁾ сопоставляет Panike, Panicke съ старопрусскимъ „rapno“, огонь, Mannhardt же прибавляетъ старопрусск. „rapustaclan feyerstahl“ огниво, т.-е. стальная полоска для высѣканія огня, и греческое *παρός* — факель, готское „foп“ огонь³⁾. Несмотря на это, я считалъ бы всѣ приведенныя слова польскими мазовецкаго нарѣчья⁴⁾.

§ 12. Указавъ на существованіе вышеупомянутыхъ видовъ огня въ Литвѣ, мы приступаемъ къ возможному опредѣленію огня вѣчнаго, пророческаго, какой горѣлъ также въ Ромове. Источниками намъ будутъ служить намеки отъ Дусбурга и мелкія указанія авторовъ о вѣчномъ огнѣ, пылающемъ въ различныхъ мѣстахъ, а собранныя подробности пополнимъ выводами, вытекающими изъ самаго существа данныхъ.

Условій, требуемыхъ для избранія мѣста, мы точно не знаемъ. Извѣстно только, что въ Вильнѣ горѣлъ огонь въ долину, расположенной въ углу, окруженномъ холмами, при впаденіи Вилейки въ Вилью⁵⁾. Эту мѣстность называютъ долиной Свенторога или Свинторога. Какъ я уже въ другомъ мѣстѣ старался доказать, имя Szventragas является только олицетвореніемъ названія мѣстности „szventas ragas“ т.-е. священный клинъ, священный уголь⁶⁾.

Затѣмъ намъ извѣстно, что въ Жмуди вѣчный огонь пылалъ на вершинѣ самой высокой горы при Невяжѣ⁷⁾. Наконецъ Rostowski сообщаетъ, что вѣчный огонь горѣлъ тамъ же въ лѣсахъ въ честь Перкунаса (?)⁸⁾.

Небольшое число положительныхъ данныхъ не даетъ намъ права установить общія правила, какими руководились при избраніи мѣста для вѣчнаго огня. Подтверждаемъ только фактъ, что вѣчный огонь пылалъ 1) въ клинѣ при слияніи двухъ рѣкъ, 2) на горѣ при рѣкѣ, 3) въ лѣсахъ.

Однакожь нужно предполагать, что клинъ, гора или лѣсъ заключалъ какой-нибудь священный предметъ, была ли это роща или священное дерево, либо другой почитаемый предметъ, напр., камень значительной величины и т. п. Лѣса, преимущественно дубовые, и вода непременно должны были находиться вблизи, первые для поддержанія постоянного огня и топлива, а вторая хотя бы на нужды жрецовъ и другихъ жителей⁹⁾.

1) Есть варианты: „Oho — myli — panike“, въ другомъ изданіи того же Геронима Мал. — Oho mey mile swente panike у Mannh. Lett. Sonnenmythen въ Ztschft f. Ethnologie 1875, p. 290. — Praet. p. 34 сообщаетъ, что въ Надровіи говорятъ: „Szventa Ponyke (Ugnele) du heilige fraw (fewer).“

2) Сравни Pierson (Praetorius) p. 34 прим. и А. Р. Т. Sch. VII 7.

3) Lett. Son. Myth. p. 290; Nesselm. Thes. s. v. rapno и rapustaclan. Форма описаннаго имъ огнива и способъ высѣканія огня былъ нѣсколько другой въ Познанскомъ. Стальная полоска съ однимъ усикомъ или крючкомъ бралась за усикъ въ правую руку. Имъ ударили о камень въ лѣвой рукѣ надъ приготовленнымъ тругомъ, который отъ высѣченной искры загорался. Приложенной къ нему сѣрной ниткой зажигали салную свѣчку. Восковыя свѣчи находились только въ зажиточныхъ домахъ для парада, и зажигались въ высокаторжественные дни.

4) Ocho, och, есть польское выраженіе, по-литовски же необходимо сказать „ак“ „ок“. Moy, mey (!) также польская форма, по-лит. непременно mano; по-жмуд. mana; myle, mile, myli, похожее на лит. milas, mēlas; swente, schwante, польское święty (въ нарѣчьи świanty), лит. szventas. Ponicke, Ponike Преторіусъ переводитъ словомъ „frau“; это было бы польское Panniczka, дѣвица. Такимъ образомъ вся фраза ocho! moja miła święta ranniczko ближе фразѣ, сообщенной въ текстѣ, нежели литовская: ak mano mila szventa Ponicke.

5) .. pogrzeby, przez ogień na tym miejscu, gdzie Wilna w Wilię, wpada, i gdzie naprzód Świntoroħa spalili, odprawowali... Giermont ustawił na tym miejscu... Kapłany i wróżbity, którzyby modły i ofiary odprawowali. Ogięń też wieczny z dębowych drew na tych żgłiskach zawzdy we dnie i nocy gorzał. Stryjk. p. 311.

6) Comptes-Rendus du Congrès à Buda-Pest, 1876.

7) Другомъ lib. XI, p. 342 (ed. Przeddziecki).

8) Lit. S. J. Histor. Vilnae, 1768, p. 118.

9) Мѣстомъ, имѣющимъ всѣ указанныя условія, было Heiligenbeil (Święta Siekierka, Święte miejsce, Sancta Civitas, Hieropolis), Лит. Szventorpile, собственно святой насыпь, святой холмъ. Heiligenbeil произошло отъ

Такъ какъ священный огонь самъ по себѣ долженъ былъ давать пророческія знаменія, то нужно было защитить его отъ атмосферныхъ вліяній и другихъ вѣшнихъ случайностей; а условіе, чтобы огонь неугасаемо горѣлъ, или, по крайней мѣрѣ чтобы онъ тлѣлъ подъ золой, требовало не только охраны, но также постояннаго присмотра напр. въ виду подкладыванія дровъ. Это послѣднее могла сдѣлать прислуга, а толковать знаменія могли только свѣдующіе, т.-е. жрецы.

Состояніе воздуха въ прибалтійскихъ странахъ, какъ и вездѣ, въ разные времена года было не одинаково. Правда, бывали и теплыя зимы, допустимъ, что и осень иногда бывала сухой, но все-таки такіе случаи уже являлись исключеніями и притомъ рѣдкими¹⁾. Вообще господствовали суровыя, холодныя и чрезвычайно продолжительныя зимы, а дожди особенно осенью были часты и продолжительны²⁾. Бывали также и вѣтры, переходившіе иной разъ въ страшные ураганы, которые разнесли бы во всѣ стороны пылающій огонь, на открытомъ воздухѣ, хотя бы его защищали и самые густые лѣса. А что случались ураганы, вырывавшіе деревья съ корнями и срывавшіе хижины и другія постройки, то мы не только читаемъ въ лѣтописяхъ³⁾, но и до сихъ поръ испытываемъ на дѣлѣ. Густые лѣса не могли бы также послужить надежной охраной для огня, горящаго на открытомъ воздухѣ, во время проливныхъ дождей или продолжительнаго ненастья, изъ-за которыхъ въ Литвѣ не дозрѣвали хлѣба, а если ихъ и убирали, то все-таки нужно было досушивать ихъ въ яуяхъ (*jaujai*)⁴⁾. Вѣдь только это обиліе ненастныхъ дней наводило на мысль, произвести самое названіе Литвы отъ слова *lētus, lytus* — дождь⁵⁾. Далѣе, эти лѣса не защищали огонь отъ града, лежащаго иной разъ цѣлыми слоями на побитыхъ и смѣшанныхъ съ грязью хлѣбахъ и травахъ. Наконецъ глубокіе снѣга и слѣдующія за ними оттепели⁶⁾ несомнѣнно заставляли подумать

первоначальнаго Heiligenbuel, т.-е. буквального перевода Szventopile, такъ какъ *buel* — *bügel*, хребетъ, холмъ. Henneb. Erkl. p. 156 пишетъ Heiligenreyhel *gät* *reyhel* — *bügel*. Этотъ гороль лежитъ при устьѣ рѣки *Jarite*, теперь *Garft*, впадающей въ рѣку *Bahnau*. На этомъ клинѣ, углѣ (*ragas*), находился когда-то священный лѣсъ, о чемъ свидѣлствуетъ оставшееся до сихъ поръ названіе этого клина *Heiligenwald*, хотя и лѣса уже нѣтъ. Недалеко находятся большой камень, о которомъ утверждаютъ, что онъ былъ жертвеникомъ; кромѣ того стоялъ тутъ огромный дубъ, считавшійся священнымъ, срубленный по преданію епископомъ Ансельмомъ. Болѣе подробностей сообщаетъ Т. Н. Porsch, бывшій въ XVII вѣкѣ пасторомъ въ *Heiligenbeil*, въ статьѣ: *Wahrscheinliche Untersuchung des Alterthums d. Stadt Heiligenbeil (Erleutertes Preussen, Bd. II. Ksgb. 1725, p. 124—140)*. Нѣкоторые авторы сообщаютъ, что здѣсь почитали божество *Kurko*, иныя, что тутъ горѣлъ вѣчный огонь, а это весьма правдоподобно; опять иныя, что здѣсь лежало упомянутое *Дусбургомъ Ромове*, мѣстае, которое считаемъ невѣрнымъ.

1) Напр. зима 1412—13 года была весьма тепла: *Hyems calidissima et absque exemplo ab horrore pruinae aliena, adeo ut frigidissima regio litwanica circa purificationis Sanctae Mariae virginis festum (т.-е. 2 февр.), olera et flores, de quibus usus communis habebatur, producens, pene in miraculum atque, ut dici solet, in religionem fuerit.* *Diag. XI.*

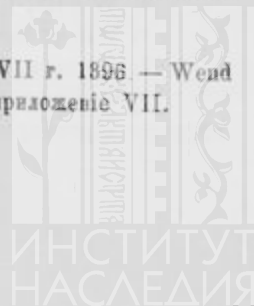
2) *Tam Lithuanicae quam Samogithicae gentes gelidissimum septemtrionis axem magna ex parte spectant, adeoque imbre et frigore rigescunt, ut plerosque vis algoris extinguat, multis nasis, quod illic major videtur inesse humor, in quem agat, mutilet. Duobus tantummodo mensibus in utraque regione sentitur magis, quam habetur aestas, reliqua anni tempora frigore rigent.* *Diag. X. p. 414 ed. Lips.—Frigus, quo regio (Samogitica) pro majore anni parte constricta est, repellens (ignis) Jb. XI.*

3) Въ лѣтописи *Detmaga* читаемъ о Пруссіи: *In deme jare Cristi MCCCXXVII in sunte Valentinus daghe (14 февр.), do was so greselik (=grässlicher) dunner unde stormwint in Prutzen, dat vele mechtiges buwes (gebäude) neder vil vom unwedere und schach (geschah) grod schade* *Sc. R. Pr. III, p. 66/7; срав. Annales Thorunenses l. l. p. 79/80 (13 авг. 1360).* Въ VII Приложеніи я сообщаю подробнѣя свѣдѣнія, чтобы составить себѣ понятіе о климатѣ въ прибалтійскихъ странахъ.

4) *Coguntur proinde male matura frumenta igne torrere et artificioso calore illis maturitatem conferre,* *Дзугошъ l. l. описаніе Яу (Jauja) у Praet. p. 107.* Еще въ 1893 г. я видѣлъ такую «*jauja*» въ Жеймовянахъ, въ именіи г. Гужевскаго, которую тутъ зовутъ «*osieć*».

5) *Kraszewski Litwa I, p. 69.* Этимологія этого слова неизвѣстна.

6) *propter multitudinem et profunditatem nivium.* *Annales Thorun.; см. приложеніе VII г. 1896 — Weid vil snes was und undir deme snee was is ungefroren.* *Jan Posilge Sc. R. Pr. III 202; см. приложеніе VII.*

о мѣрахъ, которыми можно было бы защитить огонь отъ потушенія, а единственною мѣрою въ этомъ случаѣ представлялось — прикрыть огонь постройкой.

Мы не имѣемъ ни одного описанія постройки, назначенной для вѣчнаго огня, и поэтому обобщимъ предметъ изслѣдованія вопросомъ, какія постройки вообще существовали на Литвѣ въ XV и XVI вѣкахъ. Не станемъ упоминать о слишкомъ общихъ замѣчаніяхъ Гилберта (Guilbert)¹⁾, а сразу перейдемъ къ Длугошу, который первый сталъ подробнѣе описывать литовскія постройки. Въ Жмуди, говоритъ авторъ, нѣтъ никакихъ домовъ (stubaе), ни болѣе обширныхъ строеній, а существуютъ только хижины, неуклюже сдѣланыя изъ дерева и соломы. Внизу онѣ бываютъ шире, а по мѣрѣ возвышенія суживаются, напоминая своимъ видомъ опрокинутыя лодки. На самой вершинѣ (сacumіne) такой хижины есть отверстіе (fenestra) пропускающее свѣтъ. Непосредственно подъ этимъ окошкомъ раскладывается огонь для приготовленія ѣды, а равнымъ образомъ и обезпеченія отъ мороза, держащаго землю въ оковахъ въ продолженіе ббльшей части года. Въ такой-то хижинѣ живутъ хозяева, ихъ жены, дѣти, слуги, служанки; содержится скотъ, рабочія животныя и всякаго рода хозяйскія принадлежности, а иныхъ строеній въ родѣ двухъ-этажныхъ домовъ, дворцовъ, амбаровъ, клѣтушекъ, конюшенъ (скотныхъ сараевъ, хлѣбовъ) нѣтъ, а жители помѣщаются въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ со всѣмъ своимъ скотомъ и другими домашними животными, и тутъ же хранится домашняя утварь²⁾.

Младшій сверстникъ Длугоша, Callimachus (1437—1496), ссылается на мнѣнія нѣкоторыхъ (впрочемъ не упомянутыхъ по имени) писателей, утверждающихъ, будто бы Литовцы происходили отъ Веспоранцевъ (Vosporani), и, сравнивая обычаи однихъ съ обычаями другихъ сообщаетъ, что тѣ и другіе относились съ одинаковой небрежностью къ воспитанію дѣтей, которыхъ содержали въ одномъ помѣщеніи вмѣстѣ со скотомъ. Затѣмъ строительный матеріалъ какъ у однихъ, такъ и у другихъ неуклюжій и необработанный. Форма строеній по большей части круглая, конусообразная; на самомъ верху хижины находится плетенная (изъ лозы) дымовая труба, служащая также окномъ. Хижины внутри не скрѣпляются балками, и нѣтъ въ нихъ никакихъ особыхъ перегородокъ. Огонь раскладывается посрединѣ хижины, въ кругъ котораго располагается кое-какъ и гдѣ попало, вся семья безъ различія мѣста и первенства, а въ размѣщеніи всего хозяйскаго имущества нѣтъ ни малѣйшаго порядка, ни обдуманнаго плана³⁾.

Сигизмундъ Герберштейнъ (Herberstein 1486—1576), вернувшись со своего вторичнаго посольства (1526/27)) отъ римскаго императора къ великому князю московскому, описалъ страны, по которымъ проѣзжалъ. О жмудскихъ жилищахъ онъ говоритъ слѣдующее: Жмудины живутъ въ низкихъ и продолговато-круглыхъ (oblongioribus) хижинахъ, посреди которыхъ раскладывается огонь. Сидящій возлѣ него хозяинъ видитъ свой скотъ и всю домашнюю утварь, такъ какъ по существующему обычаю жители помѣщаются съ собой подъ одной кровлей безъ всякой перегородки и свой скотъ⁴⁾.

Янъ Ласицкій (около 1579/80), будучи такъ же, какъ и предыдущіе авторы, самъ очевидцемъ, сообщаетъ о жмудскихъ хижинахъ слѣдующее: Хижины, которыя они называютъ „turres“, суживаются къ верху и имѣютъ отверстіе для прохода дыма и тяжелаго воздуха; строятъ ихъ изъ брусевъ, жердей, валежника и коры. Въ нихъ помѣщаются жильцы со всѣмъ своимъ достояніемъ, которое располагаютъ на полу (pavimentum tabulatum)⁵⁾. Итакъ, хозяинъ имѣетъ на глазахъ все свое достояніе и защи-

1) Lelewel, Tom. XVII Poznań 1865, о Виленскомъ замкѣ и домахъ, р. 379, 381; о грокахъ, р. 181.

2) Т. XIII, р. 113 ed Przewd.

3) Vita et mores Sbignei Card. ed Finkel Leop. 1891 р. 27; см. приложение VIII.

4) Comment. Rer. Mosc. Antv. 1557. fol. 84.

5) О turres см. Комментаръ къ Ласицкому въ VIII приложеніи. О pavimentum stabulatum тамъ же. Это вѣроятно страмбировка.

щаетъ его отъ хищнаго звѣря и мороза; онъ обыкновенно спитъ при дверяхъ, поручивъ опеку надъ очагомъ божку огня для того, чтобы съ одной стороны огонь не причинилъ какого-нибудь вреда хижинѣ, а съ другой — чтобы онъ не погасъ. Тамъ часто случается, что свинья или собака похищаетъ изъ горшка, стоящаго у огня, мясо или обвариваетъ морду кипяткомъ. Живущіе въ застѣнкахъ имѣютъ для скота отдѣльныя отъ жилыхъ хижинъ отгороженныя мѣста¹⁾.

Кажется намъ, что будетъ достаточно приведеннаго матеріала для составленія себѣ понятія о состояніи литовскихъ строеній въ XV и XVI вѣкахъ. Въ особомъ приложеніи (VIII) сообщимъ еще нѣсколько особенныхъ подробностей изъ позднѣйшихъ источниковъ, не лишенныхъ интереса для нашего предмета и для изслѣдователей развитія литовской хижины.

I. Общій видъ хижины XV и XVI вѣковъ уже на основаніи традиціи, держащейся въ этомъ отношеніи довольно твердо, не могъ отличаться отъ хижинъ предыдущихъ вѣковъ, такъ какъ она въ сущности мало развита отъ первобытныхъ пещерныхъ жилищъ и даже отъ пещеры Полифема. Гдѣ не было горъ и пещеръ, необходимо было самимъ построить подобнаго рода жилища изъ подручнаго матеріала, какимъ являлись дерево, тростникъ, солома и т. п. Единственный успѣхъ можно замѣтить въ томъ, что кое-гдѣ для прохода дыма оставляли отверстіе.

Что касается формы, хижины представляются преимущественно продолговато-круглыми, суживающимися кверху (Dlug., Herberst.), съ выпуклыми, выгнутыми боками, какъ у лодокъ (Dlug.); онѣ низки (Herb.); иногда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ хижины были выстроены конусообразно (Callim.).

Строительный матеріалъ намъ уже извѣстенъ. Кажется, что необтесанные стволы укрѣплялись наискось въ землѣ такъ, чтобы они наверху сходились; къ нимъ прикрѣпляли по всей вѣроятности горизонтально положенныя жерди, а на нихъ кору; затѣмъ всю хижину покрывали соломой. Кора накладывалась потому, чтобы черезъ щели не пробивалась солома, которая могла загорѣться отъ разложеннаго внутри хижины огня. Затѣмъ, чтобы вѣтеръ не срывалъ соломы, клали на нее еще дернъ, шесты и т. п. — (Ср. описаніе Д. Пашкевича въ VIII приложеніи).

Во внутрь хижины вели двери вѣроятно съ южной стороны^{1а)}.

II. Хижина внутри представлялась совершенно свободной, т.-е. безъ всякихъ скрѣпляющихъ стволы балокъ, и безъ всякихъ перегородокъ (Call. Herb.). Она, вмѣщая въ себѣ хозяина, его семью, слугъ, животныхъ и все его достояніе, должно быть, была обширна. — Во времена Д. Пашкевича (XIX в.), когда хижины строились четырехугольными, размѣръ ихъ достигалъ отъ 10 до 15 саж. длины и отъ 5 до 6 саж. ширины.

Въ самой срединѣ хижины находился очагъ (ugnavête), круглый или четырехугольный. Пашкевичъ сообщаетъ, что въ его времена длина и ширина очага доходила отъ 3 до 4 локтей, а глубина на локоть. Въ нѣкоторыхъ однако мѣстностяхъ огонь раскладывали или непосредственно на землѣ²⁾, или на возвышеніи³⁾, сооруженномъ по всей вѣроятности въ большинствѣ случаевъ изъ камня; (прусское *stabni* обозначаетъ каменную печь, а *stabis* камень; Nessel. Thes. Pruss. s. v.; въ Литвѣ *krosnis*, печь, клавшаяся въ давнее время изъ камня, теперь изъ кирпича (Nessel. L. W. s. v. p. 280; описаніе у Praet. p. 107).

1) De diis Samogitarum, ed. Grasser p. 45; ed. Mhd. p. (86).

1а) «Meridiem versus fenestrae» у Ласицкаго, окна же помѣщали надъ дверьми (Д. Пашкевичъ).

2) Lepner Preuss. Littauer p. 71. In hause ist ein heerd gar platt auf der erden. Praet. p. 109. Feuerheerd, der insgemein bloss und gleich der erden auffm Flor ist.

3) Das rauchhaus... worin kein ofen, in dessen mitte aber ein etwas erhöhter estrich geschlagen, feuer darauff zu halten, insgemein mit tannen oder lindenborcke bedeckt. Praet. 107 о Надроніа.

Въ срединѣ на этомъ очагѣ находилось углубленіе (foculus), въ которое хозяйка сгребала вечеромъ жаръ (красные уголья) и прикрывала золой, чтобы огонь продержался до слѣдующаго дня¹⁾.

Вокругъ очага и на нѣкоторомъ отъ него разстояніи были уставлены камни достаточной для сидѣнія высоты. Тутъ жильцы грѣлись и сушили мокрую одежду, либо занятые хозяйской работой, проводили длинные зимніе вечера среди пѣсней и разсказовъ. Еще далѣе очага, уже подъ стѣной помѣщался хлѣбъ, скоть, животныя и хозяйскія принадлежности.

Надъ самымъ очагомъ находилось въ стропѣ отверстіе для дыма; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ надъ этимъ отверстіемъ торчала плетеная изъ вѣтвей, тростника и т. п. труба. Въ другихъ же мѣстностяхъ не было никакихъ отверстій для прохода дыма, какъ свидѣтельствуєтъ Bruin v. Graun въ концѣ XVI и началѣ XVII в. „non enim ulla fumibula habent“²⁾. Въ началѣ XIX в. находимъ уже надъ дверями два отверстія (см. Пашкевича въ VIII прил.).

Такую хижину, похожую на пещеру, называли *pamas* (прус. Литва), или *potas*, (какъ послѣдовательно пишетъ Довконтъ), или *pumas* (въ Жмуди)³⁾. Когда же изъ такой нумы выдѣлились отдѣльныя со специальнымъ предназначеніемъ хозяйскія строенія (напр. для скота, утвари, запасовъ и т. п.), всѣ вмѣстѣ получили названіе *pumai* (plur.), а каждое изъ нихъ въ отдѣльности особое названіе.

Такимъ образомъ литовское жилище, *pumas*, состояло изъ двухъ необходимыхъ частей, изъ собственно хижины и очага. Само собою разумѣется, что разница въ способѣ удаленія дыма или устройства оконъ отнюдь не повліяла на уменьшеніе значенія этихъ двухъ главныхъ частей.

Принимая теперь во вниманіе, что авторы описываютъ намъ нумы въ существенныхъ частяхъ вездѣ одинаковыми, несмотря на то, были ли онѣ выстраиваемы порознь, или цѣлыми селеніями и городками⁴⁾, и основываясь на ясномъ, твердомъ и двукратномъ свидѣтельствѣ Длугоша, что Литовцы кромѣ нумъ не знали никакихъ другихъ строеній, какого рода бы ни было, приходимъ къ весьма важному для нашего предмета заключенію, что строенія, вооруженныя для охраны вѣчнаго огня, не могли отличаться ни формой, ни матеріаломъ, ни общимъ внутреннимъ видомъ отъ нумъ, въ которыхъ жили окрестные жители.

Это-то именно сходство хижинъ, построенныхъ для охраны вѣчнаго огня, съ нумами окрестныхъ поселенъ и объясняетъ намъ замѣчательный фактъ, что крестноносцы, уничтожая посады, поселки и городки, среди или вблизи которыхъ несомнѣнно находились также хижины для огня, ничего не говорятъ объ ихъ отличномъ отъ другихъ строеній видѣ. Равнымъ образомъ и Вигандъ, который въ одномъ мѣстѣ (Sc. R. Pr. II p. 623/4)⁵⁾ прямо упоминаетъ объ „*aedes sacras*“, называя ихъ также „*domos sacras*“, объ ихъ разницѣ въ строеніи отъ жилыхъ нумъ ни словомъ не упоминаетъ. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ, можетъ быть, и было больше подробностей относительно

¹⁾ Jetztiger zeit unsere nadrauischen weiber, wenn sie des abends das feuer verscharren, gebrauchen noch diese worte. Szventa Ponyke (Ugnele), asz tawe grazei palaidosiu, kada ne papykstum bai, d. i. Du heilige Fraw (Fever), ich will dich recht schön bedecken (begraben), damit du ja nicht über mich mögest zürnen. Hiebey ist zu wissen, dass in Nadraven die leute ein sonderliches loch auffm herde halten, worinn sie das feuer einscharrren und wenn ein solch eingescharrttes feuer ausgegangen und man den folgenden tag kein feuer in dem loch findet, halten sie es vor ein böses zeichen (см. выше текст.).

²⁾ Bezenberger d. lit. haus. A. P. M. Sch. XXIII. 1886, p. 34—79.

³⁾ О другихъ и латинскихъ названіяхъ см. VIII прил.

⁴⁾ См. Прилож. VIII.

⁵⁾ Срав. ŽML. II, p. 117, № 17.

этого, но отъ него, какъ извѣстно, дошло до насъ сухое, не всегда ясное извлечение на латинскомъ языкѣ, не заключающее для даннаго случая никакихъ объясненій.

Что же касается строительнаго матеріала для упомянутыхъ хижинъ, считаю достаточнымъ свидѣтельство Длугоша, сообщающаго, что всѣ строенія на Литвѣ сооружались изъ дерева и соломы, слѣдовательно и хижины для обезпеченія вѣчнаго огня. Поэтому и послѣ сожженія не осталось и слѣда ихъ существованія.

Несомнѣнно, что эти хижины въ отличіе отъ жилыхъ нумъ имѣли свои особыя названія. Въ этомъ отношеніи извѣстны мнѣ только слѣдующія свѣдѣнія:

Вышеупомянутый Вигандъ впервые (1387 г.) свидѣтельствуеъ о „domos sacras, aedes sacras“ священныя домахъ, находящихся въ Вендзиголѣ (Wandeiagel). — Это только могли быть дома, выстроенные для вѣчнаго огня, потому что о строеніяхъ для какого-нибудь другаго божества никакой серьезный источникъ не упоминаетъ и упоминать не можетъ. Множественное число „domos“ показываетъ, что такихъ домовъ въ данномъ случаѣ по крайней мѣрѣ было два: одинъ, какъ мы уже въ другомъ мѣстѣ объяснили¹⁾, для священнаго огня, а другой для жреца или жрецовъ, проживающихъ по необходимости вблизи вѣчнаго огня.

Слѣдующій за Вигандомъ авторъ и почти его современникъ, Геронимъ Прагскій, какъ очевидецъ, сообщаетъ, что священныя огонь горѣлъ въ зданіи, которое онъ называетъ *templum* безъ всякихъ къ сожалѣнію другихъ подробностей о самомъ зданіи²⁾.

Длугошъ, рассказывая о крещеніи Литвы въ 1387 г., свидѣтельствуеъ, что Владиславъ Ягелло приказалъ потушить въ Вильнѣ священныя огонь и уничтожить святилище съ жертвенникомъ (*templum aramque*), въ которомъ и на которомъ совершались жертвоприношенія³⁾. Въ рассказѣ же о крещеніи Жмуди въ 1413 г. говоритъ, что король Владиславъ приказалъ разбросать и потушить священныя огонь, горящій на высокой горѣ при р. Неважѣ въ зданіи, которое авторъ называетъ *turris*⁴⁾, а самое зданіе велѣлъ сжечь⁵⁾.

Гвагнини вѣроятно только повторяетъ слова Длугоша, говоря что въ Вильнѣ по королевскому повелѣнію потушили священныя огонь и разорили „*templum aramque ejus*“, откуда жрецы объявляли волю боговъ⁶⁾.

Здѣсь вездѣ *templum* имѣетъ свое конкретное значеніе зданія, а точнѣе хижины, въ видѣ нумы, построенной не въ честь божества, а вслѣдствіе необходимости защитить огонь отъ атмосферическихъ явленій.

Подобнаго рода охрана оказалась бы необходимой, не только для сохраненія вѣчнаго огня, но также для каждаго огня, коль-скоро было бы желательнымъ продержатъ его въ теченіи долгаго времени.

Если мы еще возьмемъ въ соображеніе положительныя свидѣтельства Каллимаха⁷⁾ и Эйнгорна⁸⁾, изъ которыхъ первое касается Литвы вообще, второе же латышской земли въ частности, то со всякой увѣренностью можно утверждать, что во всѣхъ литовскихъ земляхъ никакихъ святилищъ не существовало.

Мѣсто, гдѣ горѣлъ священныя огонь и стояла его хижина, Литовцы называли *Žiniczė*, Жиниче, хотя, можетъ быть не вездѣ⁹⁾. Слово *Žiniczė* я первый разъ вычиталъ

1) Тамъ же.

2) Sc. R. Pr. IV, p. 238.

3) ed. Przewdziecki T. XII, p. 465 и др.

4) *Turris* едва ли здѣсь латинское слово. См. Прилож. VIII.

5) T. XIII, p. 159 и др.

6) ed. Pistorius T. II, p. 391.

7) *Vita et mores Sbig.* 28.

8) *Hist Lett.* p. 583.

9) Нпр. въ Пруссіи я не нашелъ подобнаго названія.

у Довконта, *Žiniczia* же у Акелевича¹⁾, слѣдовательно у писателей XIX в. — Прибавивъ къ корню *žin*, звать, суффиксъ — *niczia*, — *nicze*, означающей мѣстность, получимъ *Žin-niczia*, а по правиламъ лит. языка *Žinicze*, означающее мѣсто узнанія (о воли боговъ), прорицалище, а въ данномъ случаѣ, мѣсто узнанія о воли боговъ посредствомъ огня; затѣмъ это названіе перенесено на самый огонь. Такая метонимія встрѣчается во всѣхъ языкахъ, напр. *Apollo — Pythia — oraculum respondit*. Вышеупомянутое значеніе вполне согласуется съ общимъ литовскимъ вѣрованіемъ, по которому въ случаѣ нужды и въ болѣе важныхъ дѣлахъ спрашивали совѣта у священнаго огня, согласно ли божество съ предпринимаемыми намѣреніями, или нѣтъ.

Такого рода прорицалища, *Žinicze*, существовали во многихъ мѣстностяхъ (въ Пруссіи), въ Литвѣ и въ Жмуди, какъ о послѣднихъ свидѣтельствуется Длугошъ „*in civitatibus principalibus*“ (var. *principalioribus*) и Гвагнини (вѣроятно заимствуя у Длугоша) „*in celebrioribus locis atque oppidis*“. Довконтъ сообщаетъ нѣсколько такихъ мѣстностей безъ указанія на источники (Buda, p. 104—109). По источникамъ намъ извѣстны Ромове въ Пруссіи²⁾; Вильна въ Литвѣ; гора безъ названія при р. Невяжѣ³⁾; Вендзигола въ Жмуди безъ упоминанія о томъ, что здѣсь горѣлъ вѣчный огонь^{3а)}.

Какъ въ нумахъ очагъ находился въ самой срединѣ, точно такъ и въ хижинѣ для огня; онъ представлялъ собой или извѣстной глубины яму, круглую, можетъ быть, и четырехугольную, или онъ устраивался на ровной землѣ, или же на нѣкоторомъ возвышеніи. Судя по слову *aga*⁴⁾, употребленному Длугошемъ (и Гвагниномъ) для означенія такого именно очага въ Вильнѣ и при Невяжѣ, предполагаемъ, что какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ мѣстѣ, очагъ этотъ былъ устроенъ на извѣстномъ возвышеніи, вѣроятно изъ камней. На этомъ очагѣ находилось углубленіе — *foculus*. Къ этому мнѣнію приводитъ насъ аналогія съ нумой, гдѣ для сбереженія огня было устроено углубленіе, а также и слова Длугоша, что когда по погашеніи священнаго огня при Невяжѣ король Владиславъ узналъ, что Жмудины намѣрены по уходѣ короля возстановить вѣчный огонь изъ тлѣющихъ угольевъ, то повелѣлъ воинамъ привести воды изъ Невяжи и „*focum locumque ignis profani aquarum multitudine usque ad os complui et inebriari*“. Если *locus ignis* означаетъ все мѣсто внутри хижины, то *focus* только имѣетъ свое настоящее значеніе очага. Если же „*locus ignis*“ означаетъ мѣсто, занимаемое огнемъ, т.-е. очагъ, а *focus* не есть плеоназмомъ, то *focus* здѣсь употреблено въ значеніи „*foculus*“, т.-е. углубленіе на самомъ жертвенникѣ. Основываясь на главномъ назначеніи этого *foculus*, на сбереженіи огня на болѣе долгое время, равно какъ и на аналогіи хижины для огня съ нумой, мнѣ кажется послѣднее объясненіе болѣе правдоподобнымъ.

1) Lelewel Dzieje Polski T. V, p. 482.

2) Dusb. III. 5.

3) Długosz II. II.

3а) Wigand, с. 1356 p. 623/4. Можно еще прибавить: *villam Sethen (Szatyje), que dicitur sancta* (Herm. de Wart. p. 86, см. *ŽML* II, p. 83), именно по поводу эпитета «*sancta*»; здѣсь также поймали «святого мужа» т.-е. жреца «*et capiunt ibi quendam sanctum virum*» (Wig. с. 56. p. 542; ср. *ŽML* II, p. 11), который вѣроятно былъ жрецомъ огня; болѣе убѣдительныхъ указаній не имѣется.

4) Ага называется всякое возвышеніе, предназначенное для жертвоприношеній. Во многихъ мѣстностяхъ Литвы разсыпаны были большіе камни, названные писателями Агае и считавшіеся священными, потому что на нихъ клали разнаго рода жертвы; какъ льявныя издѣлія, подтяжки, цѣты, пищу, хлѣбъ и пр. (Rostowski S. J. *Historiarum Pars. I.* 271). Имѣются также въ Лат. пѣсняхъ указанія на то, что на нихъ сожигались мелкія жертвоприношенія. — Въ *Žinicze* (хижинѣ), пожалуй, можно было также сжечь мелкія жертвы, какъ напр. внутренности животныхъ и пр. (хотя для этого не имѣется ни одного источника); — но для того, чтобы сварить гола, свинью и т. п., для пира, совершающагося послѣ жертвоприношенія, или, чтобы сжечь третью часть добычи, необходимо было развести огонь въ *Žinicze*.

Огонь на очагѣ раскладывался изъ дубовыхъ или березовыхъ дровъ. Такъ какъ вездѣ, гдѣ только зажигали священные, обрядовые огни, какъ напр. „Собутки“ (Johannisfeuer), и т. п. ихъ добывали посредствомъ тренія, положимъ, двухъ полѣнъ¹⁾ [а въ Пруссіи такіе огни хорошо были извѣстны²⁾], то мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что прорицательный, святой огонь, посредствомъ котораго божества извѣщали свою волю, зажигали точно такимъ же образомъ. Кромѣ того мы имѣемъ неопровержимыя свидѣтельства у Henneberger'a³⁾ и Praetorius'a (р. 19/20), хотя сравнительно и позднѣйшихъ временъ: „Существуютъ, пишетъ послѣдній, извѣстнаго рода дубы, которые весьма легко зажигаются. Дерево этихъ дубовъ, какъ мнѣ рассказывалъ какой-то старикъ изъ Надровіи, употребляли вайделоты для разложенія новаго священнаго огня въ случаѣ, если бы старый случайно погасъ. Это они производили такимъ образомъ, что сѣрыми, но никакъ не красными, полевыми камнями, били дрова, предназначенныя для тренія, до тѣхъ поръ, пока они не становились теплыми, а затѣмъ терли одно о другое, пока не загорались. Наткнуться на такого рода дубъ (въ его еще времена, т.-е. XVII в.) считалось большимъ счастьемъ“. — Священный огонь, кажется, называли szventugnis, szventugnele (названіе Gabija невѣроятно). Гвагвини называетъ его по-литовски „Znicz“: „Imprimisque ignem (quem sua lingua Znicz, ut rem sacram appellabant) cultu divino prosequabantur“⁴⁾, а Стрыйковскій пишетъ: „Тамъ приносили жертвы своимъ богамъ, тамъ же неустанно поддерживали вѣчный огонь, который называли Znic (sic)“⁵⁾.

Литовскія слова приведены въ неправильной формѣ, такъ какъ окончаній sz(ъ), с(ц), въ литовскомъ языкѣ нѣтъ; по моему должно быть „Žinicze“ Жиниче, значеніе котораго только можетъ быть „мѣсто узнанія (воли боговъ)“ прорицалище, и которое затѣмъ могло быть перенесено на огонь, горѣвшій въ этой мѣстности.

Поддерживать неугасимый огонь лежало на обязанности установленнаго съ этой цѣлью жреца или жрецовъ.

Одни авторы упоминаютъ объ одномъ жрецѣ, другіе о жрецахъ. Дусбургъ говоритъ объ одномъ жрецѣ въ надровскомъ Ромове, Crive, власть котораго на подобіе папской, простиралась будто бы на всѣ литовскія области и на сосѣднія нелитовскія племена. Притомъ, не прочитавъ внимательно слова Дусбурга, толкуютъ, будто бы Crive было названіемъ высшей гіерархической должности. Между тѣмъ мы старались уже доказать, что Crive не названіе должности, а собственное имя, и въ данномъ случаѣ имя послѣдняго жреца огня въ Надровіи, а затѣмъ, что онъ никогда не имѣлъ столь обширной власти⁶⁾.

Если бы мы на основаніи того, что жрецы, упомянутые въ договорѣ 1249 г., обладали однимъ и тѣмъ же общимъ съ Crive атрибутомъ видѣнія душъ умершихъ, считали себя въ правѣ сдѣлать общее заключеніе, то мы могли бы утвердить, что обозначенные тамъ Tulisûnes и Ligasûnes (singul. Tulisû, Ligasû) были, такъ сказать, должностныя названія жрецовъ въ Варміи, Помезаніи и Натангіи, употребляемыя одно въ одной, другое въ другой области⁷⁾. Дѣлать болѣе точное заключеніе источникъ не дозволяетъ, а относительно числа не имѣется въ немъ никакихъ указаній.

1) Kuhn, Die Herabkunft des Feuers. Berlin. 1859, p. 15, а вообще p. 36 и др.

2) См. выше § II.

3) Тамъ же.

4) ed. Pistorius p. 391.

5) ed. Warszawa, 1846, p. 143; о значеніи этого слова я уже высказалъ свое мнѣніе въ книжкѣ: Jan La-sicki. Kraków 1870.

6) О надровскомъ жрецѣ Crive. Рефератъ читанный въ августѣ 1893 г. на Виленскомъ Археологическомъ Съѣздѣ. Т. I, p. 276 и др.— См. ŹML. II, p. 21 и др.

7) ŹML. I, p. 96.

Длугошъ въ описаніи Литвы, сообщая общія свѣдѣнія о литовскихъ божествахъ говоритъ, что главнымъ божествомъ считался Огонь: *Ignis... qui per sacerdotes... nocte atque interdium adolebatur...* (ed Przewd. T. III (T. XII) p. 465 sq). — Это мѣсто для опредѣленія числа жрецовъ не убѣдительно, потому что можно еще его понимать въ томъ смыслѣ, что у каждаго огня было по одному жрецу, т.-е. огонь поддерживался жрецами. — Сравнивая же литовскія божества съ римскими, онъ говоритъ объ одномъ только жрецѣ: „*tenendo ignem... a sacerdote custoditum...* (Ib. p. 473). И тамъ, гдѣ указываетъ на опредѣленные мѣстности, въ которыхъ горѣлъ вѣчный огонь, онъ употребляетъ *Sacerdos* въ Sing. „*Ignem... in Vilmensi civitate... a sacerdote eorum, qui Zincz appellabatur... extinguere... disposuit*“ (Dług. Lib. X ed. Przewd. T. III (T. XII) p. 465—467). — Въ описаніи же Жмуди: „*Ignem... qui in montis altissimi jugo super fluvium Nyewyaszas sito... a sacerdotum sacerdote alebatur* (Lib. XI, ed Przewd. T. XIII. 159—163). Слѣдуетъ однакожь замѣтить, что въ послѣднемъ мѣстѣ за *sacerdote* читается также *var. sacerdotibus*.

Такимъ образомъ изъ словъ Длугоша нельзя вывести опредѣленныхъ заключеній о числѣ жрецовъ.

Точнѣе выражается Геронимъ Прагскій. Онъ описывая одну мѣстность, одинъ священный огонь, говоритъ опредѣленно о жрецахъ этого одного огня въ множественномъ числѣ. *Sacerdotes templi materiam, ne deficeret, ministrabant*¹⁾. Здѣсь нельзя сомнѣваться относительно ихъ числа. — Гвагини же — не знаемъ по какому источнику, — пишетъ жрецы и ихъ помощники „*Sacerdotes cum ministris*“²⁾.

Во всякомъ случаѣ, хотя бы и не было у насъ столь рѣшающаго свидѣтельства, какое намъ представляетъ самъ очевидецъ сообщеннаго, Геронимъ, то мы все-таки пришли бы къ заключенію, что жрецовъ было больше одного, имѣя въ виду, что для поддерживанія неугасимаго огня необходимъ былъ постоянный присмотръ за нимъ, требующій поочередной смѣны стерегущихъ его жрецовъ или ихъ помощниковъ. „*Ministri*“, по Гвагину, могли быть лица, готовящіяся въ жрецы и помогающія имъ, или обыкновенная прислуга, необходимая для помощи при жертвоприношеніяхъ, а также для личной услуги.

Кажущееся противорѣчіе источниковъ, упоминающихъ одни объ одномъ жрецѣ, другіе о большомъ ихъ количествѣ, легко можно устранить, сообразовавшись съ тѣмъ, что всѣ лица, служившія при вѣчномъ огнѣ, находились подъ предводительствомъ одного, главнаго, который, истолковавъ явившіяся знаменія огня, и объявлялъ спрашивавшимъ совѣта рѣшенія боговъ по предложенному вопросу или дѣлу³⁾.

Не имѣя ни малѣйшихъ данныхъ относительно организаціи жрецовъ, мы не рѣшаемся пускаться ни на какія догадки.

Длугошъ называетъ Виленскаго жреца огня *Zincz* (var. *Zyncz, Zinze*)⁴⁾. Изуродованную форму *Zincz* пытались объяснить сокращеніемъ полной **Žinczus*. Несмотря на правильное образованіе ея, *Žin-tius* = **Žinczus*, на подобіе *Kurczus, imczus, sukczus* (Schleicher Gr. I p. 117) — она однакожь въ литовскомъ языкѣ не употребляется, а только другая *Žynis*, образованная отъ того же корня *Žin* съ суффиксомъ — *jas* = *jis* = *us* или *is*, обозначающая вездѣ знающаго, свѣдущаго, т.-е. знахаря, колдуна, а въ

¹⁾ Sc. R. Pr. IV, p. 238.

²⁾ L. Pistorius, II, p. 391.

³⁾ Dług. Lib X ed. Przewd. p. 465 (*sacerdos*) ..*qui supplicantibus ac de futuro rerum eventu numen consultantibus falsa edebat.. responsa.* — Ib. p. 473. (*Sacerdos*), *qui sacrificantibus et petentibus ambigua dabat responsa.*

⁴⁾ Dług. I. I. p. 475.

данномъ случаѣ, умѣющаго истолковывать знаменія огня¹⁾). Такимъ образомъ слѣдовало бы форму *Žinys, Žinis* возстановить въ текстѣ Длугоша. Ошибочное *Žincz* вѣроятно произошло отъ незнанія литовскаго языка, или ведетъ свое начало отъ кописта, читавшаго вмѣсто окончанія — *is = sz*.

Одной изъ главныхъ задачъ вѣчнаго огня было давать предзнаменованія (*žinklai*), по которымъ жрецы истолковывали волю боговъ. Но намъ неизвѣстно, на какія именно знаменія они обращали вниманіе, и какія считали благопріятными, а какія неблагопріятными. Единственный примѣръ, указывающій на толкованіе предзнаменованій, читаемъ въ одной латышской пѣснѣ:

Разложимъ огонь, молодець,
Изъ березовыхъ дровъ:
Если дрова будутъ горѣть тихо,
То мы будемъ жить согласно;
Если разгорятся съ трескомъ,
Будемъ ссориться, драться. — Спрогись Пам. р. ⁴⁶/₂₃.

Guillebert de Lannoу пишетъ, что у Латышей при сжиганіи умершихъ на кострѣ изъ дубовыхъ дровъ обращали вниманіе на дымъ и вѣрили, что дымъ, прямо поднимающійся къ нему, указываетъ на спасеніе души человѣка, а уклоняющійся въ сторону — на ея гибель²⁾ Очень вѣроятно, что на это обращали также вниманіе и въ Живичѣ.

Укажемъ еще на одинъ любопытный фактъ, касающійся священнаго огня. По Дусбургу извѣстно, что души умершихъ (всѣ ли?) являлись у жилища жреца огня въ Ромове; но Геронимъ Прагскій сообщаетъ, что и души больныхъ являлись предъ самимъ священнымъ огнемъ, и если явившаяся душа была обращена къ огню, то больной выздорѣветъ, если плечомъ, то больной умретъ³⁾.

Вотъ какое представленіе выработалось у насъ не только о прусскомъ Ромове, но также о священныхъ мѣстностяхъ въ литовскихъ земляхъ, въ которыхъ равно какъ въ прусскомъ Ромове горѣлъ вѣчный вѣщій огонь; о его необходимой охранѣ въ зданіи, и о его жрецахъ. Мы старались это представленіе основать на источникахъ, хотя скудныхъ, и на аналогіи съ домашнимъ огнемъ, пополняя данныя заключеніями, истекающими изъ самой сути предмета. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы обращали вниманіе и на малѣйшія подробности, высказывая и о нихъ свое мнѣніе, чтобы этимъ доставить дальнѣйшимъ изслѣдователямъ удобный случай пополнить пробѣлы и исправить неточности.

1) Еще въ началѣ XVIII в. существовали въ Пруссіи колдуны, называвшіеся *Žinys*; о нихъ имѣется слѣдующее свидѣтельство: «*Seynd rechte Zauberer, die heissen sie Szynys (sic), wenn die von einem Menschen ein Hembd, oder nur ein Stück von seinen Kleidern bekommen, machen sie, dass er gantz vertreugen, oder gantz dick aufschwellen, oder von Reissen in allen Gliedern nicht Tag und Nacht ruhen muss, bis er stirbt. Sie haben auch ein Kraut, das nennen sie Maulda, wenn sie einen was schuldig, sehen sie wie sie ihm solches im Trinken beibringen, der das Kraut ins Leib bekommt, muss sterben, dagegen hilft die gantze Apotheke nicht. (Pseudo Praetorius): Von der Litauer Art, Natur und Leben, p. 130 etc. въ части озаглавленной: Von ihren abgöttischen Handeln so bei ihnen sehr im schwange gehen № 6.*

2) *Voyages et Ambassades etc.* См. Lelewel-Rozbiór dzieł et. Poznań 1865, p. 369, ср. *ŻML*, II, p. 181... en feu fait de purain bois de quesne, et croyent, se la fumiere va droit en ciel, que l'ame est sauvee, mais s'elle va soufflant de coste, que l'ame est perie.

3) *Sc. R. Pr.* IV, p. 237—239.

Приложение I.

Praetorius Preussische Schaubühne (рукопись).

Buch IV, C. I, § 6–7 (Извлечение).

§ 6. Als ich einmahls in Zalavonien im Ragnitischen Gebiete reiste, wurde mir eine Eiche gewiesen, die sonderlich mit den Aesten verwachsen und den Bewohnern heilig war. Недалеко отъ этого дуба стояла гостиница (herberge), въ которой остановился Прэторіусъ. Осторожный и лукавый содержатель ея, спрошенный о значеніи дуба отвѣтилъ: dass sie diesen Baum vor anderen beehrten, wären sie von ihren Eltern und Vorfahren so gewiss unterrichtet, dass wenn sie dem Baume nicht sollten eine Ehre anthun, etwa nur dass sie ihn schonten und ihn nicht ab, oder behauten, würden sie unfehlbar bestrafet werden... Er wäre belehret von seinen Vorfahren, dass Gott bey solchen Eichen einen Engel öfters bestellet, der den Frommen Glückes, den Bösen böses thäte... er meinte, dass man nicht unrecht thäte, dass man daselbst was opferte, welches er nicht den Bäumen thäte, sondern dem Engel oder vielmehr Gott, der den Engel daselbst hingesezt hätte. Er erzählte mir, wie einmahls ein gottloser und Epicurischer Mensch auss Frevel einige Aeste von der Eiche abgebrochen und selbige auss Übermuth mit Füßen getreten, sey sofort darauff von der Hand, womit der Ast gebrochen und dann auch von dem Fuss, damit er den Ast betreten, die Haut abgegangen. Auch soll dieses geschehen seyn denen, die dieses Menschen Hand und Fuss etwa zu heilen angerührt haben. Прэторіусъ припоминаетъ себѣ, что онъ читалъ у Caelius'a Rhod. lib. VII. Lection. antiquae c. 27 „quod in quercuum radicibus animal ad perniciem adeo potens sit, ut supergressu tantum excidat pedum cutis, intumescantque insigniter crura tota. Id vero etiamnum mirabilius: si quis mederi vult, manus itidem excoriantur“... Jedoch ersiehet man, wie ohnstrittig die Oerter, bey welchen einige rarer Art Bäume und sonderlich Eichen vorhanden gewesen, hoch bey den alten Preussen sind geachtet worden, jedoch mit Unterscheid.

§ 7. Obzwar ein Baum an einem Ort ist heilig geachtet worden, so ist doch nicht fort der Baum, so dabey gestanden, da er gleich von derselben Gattung gewesen, heilig gewesen. Weil ihrer Meinung nach Gott einen Baum höher begnädiget, als den Andern... Anno 1669 geht in Sudermannia (einer schwedischen Provinz) unweit dem Hoff Wandelsoo zur Osterhänningsischen Pfarrei gehörig, ein Knecht in den nechst gelegenen Wald. Замѣтивъ на маленькомъ холмѣ прекрасный можжевельникъ собирался срубить его. Поднявъ топоръ слышитъ голосъ: „Hau du nicht den Wacholder“. Отвернувшись и не замѣтивъ никого, опять поднявъ топоръ и вновь былъ слышанъ тотъ же голосъ. Испугавшись, удаляется и, увидѣвъ другое ему удобное дерево, срубилъ его уже безъ всякихъ препятствій. Съ тѣхъ поръ окрестные жители почитаютъ упомянутый можжевельникъ (Johann Lossenius Antiquit. Sueco-Goth. c. 5).

§ 8. Unter den preussischen Ortern nun, so ihrem Götzen Dienste geweiht gewesen, werden am meisten angeführet und sind berühmt Romowe und Rykoioth. Romowe oder nach der Alt-Preussischen Mund-Arth Rombhowe ist der Ort genannt worden von einem wunderbahren Gewächse, so sie bey den dasiegen Eichen gefunden; herrührend vom Wort Romiu, Rombiu, Rombothi, so auff Alt-Preussisch heisst Zusahmen wachsen. Wird eigentlich geredet von den Bäumen in sonderheit, wenn ein Ast an,

und in den Andern wächst. Weil nun an dem Ort eine so wunderbare Zusamen gewachsene Eiche gestanden, die die alten Preussen vor heilig und vor einen sonderbaren Sitz ihrer Götter gehalten, haben sie solchen Ort oder vielmehr die Eiche Rommove geheissen.

§ 10. Wo man anders auff die preussische Sprache sich hierin fundiren soll, muss man davor halten, dass der Ort, wo die Häuser um die Eiche gestanden, Romove von der Eiche geheissen; der Ort aber der Solennität, die sie bey der Romowe gehalten, oder vielmehr die Solennität bey der Romowe, Rykaioth geheissen (?). Denn daselbst bey Romove haben sie nach abgelegten Götzendienste, nach denen Gesetzen ihres Weidywuti und Krywe, ihr Feyer gehalten, welche Feyer mehrentheils in Rykiauti seu Rykaujoti i. e. Wolleben im Sauffen p. p. bestanden. Denn Rykauti unb Rykaujoti heist noch Fröhlich seyn, vornehmlich beym Soff p. p. Dabey man jetzo an einigen Orten der Zemynelen der Erdgöttin diene...

Dass II Capittel.

Handelt von andern heiligen Bäumen der Preussen.

§ 1. Die Alten Preussen haben nicht also fort eine jedwede Eiche oder Baum vor ein Heiligthum gehalten, sondern insgemein die Rombhota, dass ist die so wunderlich in einander gewachsen, welche Arten der Eichen noch bey den Nadravern und Zalavoniern heimlich beehret worden...

§ 2. Henneberger gedenket Comment. I, p. 416 Einer grossen Linde in Zalavonien im Dorfe Schakuhnen...

§ 3. So war auch eine Tanne mit Zwey Zwolgen, welche oben zusamengewachsen in einem Revier des Waldes Niebudzenschen Kirch-Spiel gehörig, welche noch 1664 gestanden,... in welchem Jahr der Donner hineingeschlagen... der Stobben anno 1673 bey dem grossen Wald-Brande verbrennet ist. Zu selbiger Tanne lieffen Gross und Klein, nicht allein auss Nadrawen und Zalavonien, sondern auch gar auss Zamaiten und Littauen, und opferten daselbst Tücher, Hosenbänder, auch theils Kleider, auch Geld; denn sie die Impression hätten, wenn Jemand, der contract wäre, oder einen Bruch hätte, durch die Zwey Aeste durchginge, dass er davon gesund würde, und findet man noch viel Leute, die die Kraft desselben Baumes, ihrer Meynung nach, wolerfahren und dieselbe heilige Tanne zu rühmen sich nicht scheuen. Diese Tanne ward auch Rumbuota Egle genannt, und wenn welche dahingingen, sagten Sie Eikim Rombhova, und wenn sie geschwind aussprachen Eikim Rommova (!) Solcher Art Tannen sind zweiffels ohne mehr gewesen, weil man ausser denen noch unterschiedliche Örter findet, die nach der Preussischen Sprache heilig heissen, also Szwente Jozuno (?) p. p. Szwente mieste pp...

§ 4. Ausserdem haben die alten Preussen noch andere Bäume, insonderheit den Holunder, heilig gehalten, unter welchem sonderliche Erd-Götter, die sie Bezdukkai nennen, von welchem Wort andere Barzdukkai machen, wohnen sollen. Gewiss ist's, dass der Hollunder-Baum von unterschiedlichen Nadrawern noch gescheuet und gefürchtet wird, weil die Bezdukkai, die unter solchen wohnen sollen, den Menschen schädlich fallen... Bezdas heisst auff Preussisch auch in Nadravern und Zalavonien ein Holunder. Bezdukkai seind die so sich beym Holunder aufhalten, oder bey ihnen seyn...

§ 5. Ich meyne alle Art Bäume sind ihnen heilig gewesen, dessen Stamm sich von einander gezweiget und weder zusammen gewachsen gewesen; im Felde im Ragnitschen war eine Eiche so gewachsen, wie der Abriss zeigt, die auch vor Heilig gehalten, da hinauffstiegen, so einen Bruch hatten, und stiegen durch das Loch, so der eingezweigte Ast gemacht, meinten dadurch geholfen zu seyn. In meinen damaligen Garten zu Nibudzen war eine solche Rombotha Krauszis, i. e. zusammen gewachsener Birnbaum, bey dem fand ich einmahl einen alten Mann, der auff den Knien unter dem Baume lag und behtete. Er murmelte unter dem Bahrt, und weil ich mich dessen nicht versehe, auch nicht allerdings still und vorsichtig gnug mich verhielte, ward er verstöret und wollte davon gehen... *Послѣ долгихъ переговоровъ наконецъ удалось служителю Прѣториуса добиться слѣдующаго объясненія: „wie dieser Mann wäre von einem Weidullutin auss Zamaiten hieher geschickt. Er sollte vor seines Sohnes Kind, dass einen gefährlichen Bruch hätte, und dabey Contract wär worden, einen solchen durchwachsenen Baum suchen, seines Sohnes Kind durch selbigen durchstechen, es möchte der Weidulle die Kraft solche Kranke heil zu heilen den Baum von den Göttern verschaffen pp... und dass meinte er, hätte man aus Erfahrung, dass die einen solchen Baum nach Anleitung ihres Maldiniker¹⁾ und Weidullen²⁾... recht verehreten nicht hülfloss gelassen würde... Er bekannte endlich, dass er einen Maldiniker wüsste, der wenn er hier bey dem Baume sicher zu wohnen bekäme, nicht nur mit seiner gantzen Familie herziehen wolle, sondern es sollte auch mir ein gewisses Glück seyn. p. p., zumahlen wenn er den Baum recht einheiligen (iszwentit) würde.“* — По приказанію Прѣториуса отрубили сросшуюся вѣтвь „wobey aber dieses merkwürdige sich zuge tragen. Alss der Ast gehauen ward, und wie sie nun alle umb den Baum stehen, sehet sich der Gärtner, der ihn weghauete, nicht woll vor, dass er bey zeiten von dem abfallenden Ast wegsprung, darauff fällt ihm der fast schwäre Ast auff seine Füße (?), davon er über vier Wochen krank... wodurch bey den umbstehenden eine Confusion entstund, dass sie alle weggegangen“.

Удивительно, что вездѣ, гдѣ говорится о срубкѣ священнаго дерева, случается ли она въ Heiligenbeil при епископѣ Анзельмѣ, или въ Литвѣ во время Длугоша, или въ Жмуди при Лясковскомѣ, или у Латышей во время Эйнгорна (Einhorn Reformatio gentis Letticae Sc. R. Liv. II p. 636), или въ Германіи и т. п., всякій разъ рубящій подвергается наказанію черезъ поврежденія топоромъ ноги.

Трудно окончателно рѣшить, было ли это повѣріе общимъ достояніемъ народовъ, или образовалось ли оно отдѣльно у каждаго народа, почитающаго извѣстныя деревья, вслѣдствіе чего само собою рождалась мысль о наказаніи за поврежденіе священнаго предмета. Можетъ быть первое вѣриѣ, потому что оно уже существовало въ древней Греціи. Схолиастъ къ Облакамъ Аристофанеса v. 1005 отмѣчаетъ слѣдующее: *Αἱ ἑλαιαὶ τῆς Ἀθηνᾶς ἐν τῇ ἀκροπόλει μορία ἐκαλοῦντο. Λέγουσι γὰρ, ὅτι Ἀλιφρόθιος, ὁ παῖς Ποσειδῶνος, ἠθέλησεν ἐκκόψει αὐτάς διὰ τὸ τῆς ἐλαίας εὐρεθείσης κριθῆναι τῆς Ἀθηνᾶς τὴν πόλιν: ὁ δὲ ἀνατείνας τὸν πέλεκυν καὶ ταύτης ἀποτυχὼν ἐπληξεν ἑαυτὸν καὶ ἀπέθανε· καὶ διὰ τοῦτο μορία αἱ ἐλαίαὶ ἐκλήθησαν.*

Ἦτιθέεις τῆς Ἀθηνᾶς ὁ Ποσειδῶν ἐπὶ τῇ τῆς ἐλαίας ἐπιδείξει, ἔπεμψεν τὸν υἱὸν αὐτοῦ Ἀλιφρόθιον ταύτην τεμοῦντα. Ὁ δὲ ἀνατείνας τὸν πέλεκυν ταύτης μὲν ἠστόχησεν, τὸν δὲ πόδα αὐτοῦ πλήξας ἐτελεύτησε· καὶ οὕτω μορία ἢ ἐλαία ἐκλήθη, ὡς μόρου παρεκτικῆ.

¹⁾ На поляхъ: beter.

²⁾ «Ein weiser Mann».

Приложение II.

A.

Preussisches Archiv oder Denkwürdigkeiten aus der Kunde der Vorzeit von Karl Faber.

III. Sammlung. Königsberg 1810, p. 247/8.

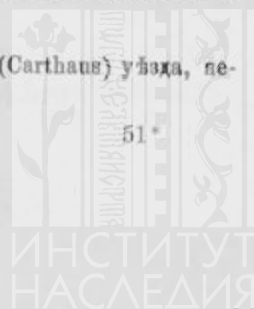
In der Landes Ordnung des ersten Herzogs von Preussen Markgraf Albrecht vom Jahr 1526 wird noch die im Lande gebräuchliche heidnische Abgötterey, namentlich die Bockheiligung auf Samland verboten. Aber auch noch weit später gingen dergleichen Missbräuche im Schwange. Die Litthauer hatten noch im Jahr 1657 eine so genannte heilige Eiche. Sie stand im Amte Ragnit, zwischen Bajorgallen und Rudschen, mitten im Walde. Einige Fuss hoch von der Erde theilte sich der Stamm in zwei Hauptstämme. An einem derselben war ein starker Ast bogenförmig in den Stamm eingewachsen und bildete also eine Oeffnung. Die abergläubischen Litthauer, die an Leibesgebrecchen litten z. B. böse Augen, Lähmungen an Händen und Füßen etc. hatten, wallfahrteten viele Meilen weit dahin, setzten zackige Tannenaeste an den Baum, stiegen darauf bis an den angewachsenen Ast hinauf und krochen dreymal durch die Oeffnung. Danach banden sie die Sachen, die sie zum Opfer brachten um den Ast und glaubten davon gesund zu werden. Der Ast hing voll Hosenbänder, Weiberschleyer, Messer und anderen Sachen. Etliche opferten auch Geld, welches sie vor dem Baum auf die Erde legten. Die preussische Regierung befahl auf die ihr davon gemachte Anzeige dem Hauptmann zu Ragnit, diese Eiche sofort umhauen und verbrennen zu lassen.

Подлинникъ этого донесенія правительству напечатанъ въ Neue Pr. Prov. Blätter, III Folge, 1863. Bd. X, p. 159; тамъ же отвѣтъ правительства отъ 31 июля 1657 съ приказомъ срубить дубъ, дѣло дьявола („damit die Wercke dess Teuffels zerstöret“).

B.

До сихъ поръ шла рѣчь о деревьяхъ, стволъ которыхъ разъединившись, опять срастался въ одинъ. Но кромѣ того случалось, что два вблизи другъ къ другу стоящіе ствола, выросшіе изъ одного или двухъ разныхъ корней, срастались такъ, что внизу образовывалось отверстие, черезъ которое можно было пролѣзть большому ради его излѣченія. Проф. Caspary называетъ такія деревья двуножными (zweibeinig), — а нашедши ихъ въ довольно громадномъ количествѣ, старался это явленіе объяснить въ монографіи Ueber zweibeinige Bäume. Schriften der physikalisch-oekonomischen Gesellschaft zu Königsberg, XXII Jahrg. 1883, p. 107—112. Утверждая, что никоимъ образомъ два отдѣльные ствола само собою не могли срастаться, продолжаетъ: „So bleibt nichts übrig als die Annahme, dass sie durch Kopulation zweier dicht neben einander aufgewachsenen jungen Bäumen gebildet seien, dass der Stamm des einen Baumes schief abgeschnitten, der des andern bis aufs Holz für eine kurze Strecke in gleicher Höhe tangential angeschnitten, das peripherische Kambium der beiden Stämme aufeinander gelegt und die Stämme in dieser Lage miteinander zusammen gebunden wurden, bis sie verwachsen. Auffallend... dass solche Bäume sich mitten in grossen Wäldern, in so entlegenen, menschenleeren Gegenden, wie die Beläufe Glinow und Wersk es sind, angetroffen werden“.¹⁾

¹⁾ Лѣсничество Еленѣво (Jeleniowo), теперь названное Глиновъ (Glinow) картузскаго (Carthaus) уѣзда, недалеко отъ поморской границы... Верскъ же (Wersk), лѣсничество золотовскаго уѣзда.

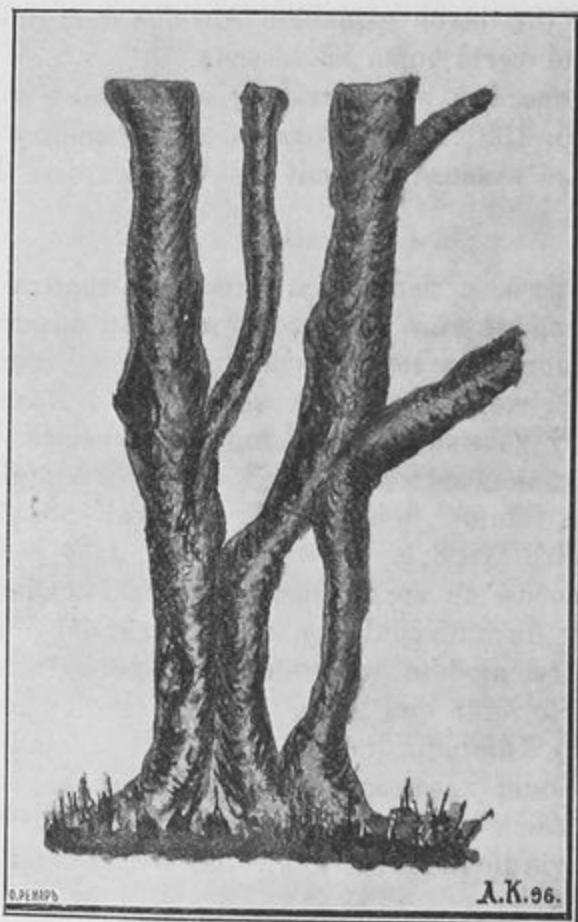
Не подлежит никакому сомнѣнію, что требуемое срастаніе пней или вѣтвей съ оставленіемъ отверстія для намѣреннаго протягиванія больныхъ могло производиться съ помощію искусственныхъ мѣръ. Вѣдь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ для исцѣленія больныхъ не было подходящаго дерева, пробивали въ данномъ случаѣ насквозь стволъ молодого дерева, расширяли щель посредствомъ клиновъ до надлежащей величины и, протянувъ больного, связывали дерево, чтобы оно срослось. Срастаніе было признакомъ, что больной выздоровѣетъ.

Но съ другой стороны нельзя отрицать возможности, чтобы вообще два разъединенные стволы или вѣтви не могли сами собою срастись безъ приложенія человѣческихъ рукъ. Еще до сихъ поръ находится дерево изъ породы граба (*carpinus betulus*) въ Elisenhain, недалеко отъ горъ Грифи (Greifswald), у котораго два стволы срослись и нѣтъ слѣда искусственнаго соединенія¹⁾.

Вслѣдствіе этого нѣтъ необходимости приписывать указанный профессоромъ Caspary видъ деревьевъ искусственному соединенію, тѣмъ болѣе, что онъ самъ удивляется тому, что эти деревья имъ замѣчены въ отдаленныхъ, мало заселенныхъ странахъ, въ глубокихъ и людьми не посѣщаемыхъ лѣсахъ.

Prætorius сообщаетъ намъ, что въ прусской Литвѣ существовалъ извѣстный родъ знахарей (*vaidelis*), названныхъ *Medziogei*, на обязанности которыхъ лежало отыскивать

¹⁾ Приложенный рисунокъ ствола сдѣланъ по Gaidoz'у стр. 13, который заимствовалъ его изъ *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde* Bd. II, Berlin, 1892, p. 81.

Стволъ дерева *Carpinus betulus*, растущаго въ Elisenhain недалеко отъ Greifswald.

въ лѣсахъ дѣревья, представляющія собой необыкновенный видъ вслѣдствіе срастанія. „Medziorei haben die heiligen Wälder bedient. In Nadrawen finden sich noch (XVII вѣкъ) welche, die in den Wäldern Acht geben, wo ein Romowe (sic), oder ein sonderlich durchwachsener Baum anzutreffen. Sie lassen sich wol bezahlen, wenn sie jemand an solche bringen sollen (р. 46/7). Это можетъ только касаться дѣревьевъ, видъ которыхъ произошелъ самъ собою, а не искусственнымъ образомъ.

Приложение III.

Mannhardt. Baumkultus der Germanen.

Berlin 1875, p. 23.

§ 9. Miteinanderwuchs des Baumes und des Menschenleibes. Das Gegenstück aber zu dem durch die Strafe für Baumschäler geforderten Ersatz zerstörter Baumglieder liefert der Volksglaube, dass umgekehrt Gebrechen des Menschen durch den Baum ausgeglichen werden könnten. Bekommt ein neugeborenes Kind einen Leibschaden, so schlitzt man am nächsten Charfreitag ein Weidenstämmchen auf, zieht das Kind hindurch und verbindet den Spalt wieder, sobald er verwächst, wird das Kind gesund¹⁾. Meistens ist es eine in der Mitte gespaltene mit grossen Keilen auf eine Weile auseinander gesperrte, später wieder festverbundene und verklebte junge Eiche, oder ein Obstbaum, wodurch man das lahme, oder an Nabelbruch, oder an zurückbleibendem Wachstum (englische Krankheit) leidende Kind vor Sonnenaufgang schweigend und nackt kriechen lässt²⁾. Ackermann sah um 1790 in dem Eichenschlage eines gewissen Dorfes viele junge Eichen, an denen dieser Versuch gemacht war³⁾. Rückgratsverkrümmungen heilt man, indem man den kranken Kleinen dreimal durch den aus der Erde hervorragenden Bogen einer Wurzel zieht; kann er nicht gehen lernen, so heisst man ihn durch die in die Erde gewachsenen Ranken des Brombeerstrauchs kriechen. Wenn der Bruch des Baumes verwächst, verwächst der Bruch des Menschenleibes, wenn der Baum, der Brombeerstrauch von der Wurzel aus grade und gesund in die Höhe wächst und Fortgang nimmt, so der darunter durchkriechende Mensch. Derselbe hat sein Schicksal, sein Leben mit demjenigen der Pflanze gleichsam auf mystische Weise verknüpft, sich selbst, mit ihr sozusagen für eins erklärt⁴⁾. Dies geht noch deutlicher aus dem Umstande hervor, dass es fortan für den so Geheilten sehr gefahrvoll sein soll, wenn der mit ihm in Sympathie gebrachte Baum abgehauen wird⁵⁾. Sein Leben geht mit dem des Baumes zu Ende. Und umgekehrt, stirbt der Mensch zuerst, so geht — nach Rügischen Glauben — sein Geist in den betreffenden Baum über und wird der letztere nach Jahren zum Schiffsbau

¹⁾ Oberpfalz Bavaria, II, 255.

²⁾ Wuttke Aberglauben § b03. Grimm Myth. 1118 sq. Schiller z. Tier und Kräuterbuch des Meklenburge Volkes III, 30.

³⁾ Deutsche Monatsschr. 1791, s. 439.

⁴⁾ Auf dieselbe Weise identifizierte man das menschliche Leben mit demjenigen von Tieren. Baker, Nilzflüsse in Abyssinien, I, 251, berichtet als Aberglauben der arabischen Weiber, dass Frauen, welche sich in interessanten Umständen befinden, einem recht starken Kameel zwischen Vorder und Hinterbeinen durchkriechen in der Meinung, dass diese Handlung dem Kinde die Stärke des Tieres mitteilen werde.

⁵⁾ Deut. Mon. Schrift, 1791 a. a. O. Bei entlegenen Naturvölkern begegnen Analogien. Nach Bastian Zischrift f. Völkerpsych. V. 297 knüpfen z. B. die Küstenbewohner im Kamerungebirge (Guinea) ihr Leben geheimnisvoll an einen Baum.

таglich und dazu benutzt, so entsteht aus dem im Holze weilenden Geiste der Klau-
bautermann, d. h. der Kobold oder Schutzgeist des Schiffes und der Schiffsmannschaft¹⁾.
Uebrigens lehrte schon unter Theodosius Marcellus von Bordeaux die in Rede stehende
Kur: Si puero ramex descenderit, cerasum novellam radicibus suis stantem mediam
findito, ita ut per plagam puer trajici possit, ac rursus arbusculam conjunge et fimo
bubulo aliisque fomentis obline, quo facilius in se, quae scissa sunt, coeant; quanto
autem celerius arbuscula coaluerit et cicatricem duxerit, tanto citius ramex pueri
sanabitur²⁾.

Es liegt von meinem gegenwärtigen Zwecke ab, auszuführen, wie dieses Durch-
kriechen durch einen gespaltenen Baum sich umgesetzt hat in das Durchkriechen durch
die natürliche Höhlung, welche durch zwei unten sich trennende oben wieder in eins
zusammenwachsende Aeste gebildet wird, oder durch alle möglichen anderen Spalten
und Höhlungen z. b. in Steinen, in der aufgegrabenen Erde (Friedberg, Bussbücher s. 99)
u. s. w. Was wir jedoch vom Baume geglaubt sehen, findet auch auf das Getreide
Anwendung. Hat ein Kind kein Gedeihen, so legt man es am Iohannismorgen nackt
in den Rasen und sät Leinsamen über dasselbe, oder man übersät es im Frühjahr mit
Sommergerste; wenn die Saat aufgeht, zu „laufen“ anfängt, fängt auch das Kind an
zu laufen³⁾. Der aufspriessende Halm ist hier der Doppelgänger des jungen Menschen
und sein Wachstum verbürgt das Emporschiessen und die Gesundheit desselben. Und
andererseits trat an die Stelle des Menschen auch wol das Tier. Im VII Jahrh. predigt
der h. Eligius im Frankenreiche „Nullus praesumat pecora per cavam arborem transire“
(Myth. p. 1118). Es ist also auch das Tier mit dem Baume gewissermassen identifiziert
worden.

Приложение IV.

Моровая язва и Giltiné.

Мидкевичъ описываетъ въ Конрадѣ Валленродѣ (пиръ, пѣснь вайделоты) моровую
дѣву слѣдующимъ образомъ:

1. Когда заразѣ предстоитъ поразить Литву,
Ея приходъ угадаетъ вѣщее око:
Ибо, если только должно вѣрить вайделотамъ,
Неоднократно на пустынныхъ кладбищахъ и лугахъ
5. Видимой станетъ моровая дѣва.
Вся въ бѣломъ съ вѣнкомъ на огненномъ челѣ,
Главою превышаетъ дерева Бѣловѣжа⁴⁾,
А машетъ окровавленнымъ платомъ въ рукѣ.
И кроетъ на замкахъ стражъ очи подъ шлемомъ,
10. А псы поселянъ, зарывъ пасти въ землю,
Роютъ, смерть чуютъ и съ ужасомъ воютъ.

¹⁾ Ztschrft. f. Deut. Myth. II, 141.

²⁾ Marcellus Burdigalensis C. XXXIII, p. 229. Grimm Marcellus p. 24, 91. Kleine Schriften II, 141.

³⁾ Wuttke a. a. O. § 543.

⁴⁾ Як. Гриммъ въ переводѣ этихъ стиховъ дѣлаетъ ошибки; напр. стихъ 7 переводится: An der Stirn trägt sie Zauberstäbe. D. Myth. II, ed. 1854, p. 1137.

Ступаетъ зловѣщими дѣва шагами
На замки, на села и грады богатые;
А сколько разъ махнетъ окровавленнымъ платомъ,
15. Столько дворцовъ обратится въ пустыни,
Ногою гдѣ ступить, тамъ свѣжій гробъ вырость. (Пер. А. Матвѣевъ).

По собственнымъ словамъ Мицкевича описанное имъ преданіе онъ заимствовалъ изъ сообщенной ему когда-то въ Литвѣ баллады (?) слѣдующаго содержанія: „Въ одной деревнѣ появилась моровая дѣва, которая по ея обыкновенію, всунувъ руку черезъ двери или окно, и махая окровавленнымъ платомъ, разсѣвала смерть по жилищамъ. Жители крѣпко затворяли двери и окна, но голодъ, хозяйскія и другія занятія скоро заставляли ихъ покинуть предпринятая мѣры. Всѣ ждали смерти. Одинъ дворянинъ, несмотря на то, что онъ запасся средствами къ пропитанію, поэтому дольше другихъ могъ выдержать эту странную осаду, все-таки рѣшился пожертвовать жизнью для общаго блага, и, вооружившись саблею (извѣстной подъ названіемъ *Zygmuntówka*), на которой выписано было имя Спасителя и Св. Маріи, растворилъ окно. Однимъ взмахомъ отсѣкъ руку чудовищу и захватилъ платокъ. Правда, онъ умеръ, и вся его семья вымерла, но съ тѣхъ поръ въ деревнѣ уже никогда моровая язва не появлялась. Платокъ же былъ переданъ въ костелъ, не помню, какого-то мѣстечка“. Этимъ оканчивается разсказъ Мицкевича.

Преданіе о моровой дѣвѣ существовало во всѣхъ предѣлахъ Европы (Grimm D. M. II, 1133—44). Оно держалось крѣпко по славянскимъ землямъ въ сообщенныхъ Мицкевичемъ главныхъ чертахъ (*Woycicki I. 51*, гдѣ платокъ можетъ быть реминисценція съ Мицкевича). Чисто литовское преданіе разнится во всѣхъ отношеніяхъ отъ сообщеннаго, поэтому утверждаю, что преданіе Мицкевича славянскаго происхожденія, перешедшее въ Литву.

Ксендзъ Олехновичъ въ книжкѣ *Pasakos pritrinimaj wesełos ir giesmes sudierinimais (sic) lietuviszkay paraszitos, Wilniui 1861*, p. 140, сообщаетъ намъ настоящее литовское преданіе, которое въ виду библиографической рѣдкости книжки приведемъ въ сокращеніи.

„*Giltinė* значитъ смерть... Она изображалась въ видѣ женщины съ длиннымъ, синимъ лицомъ и носомъ; языкъ ея, также длинный, былъ насыщенъ смертельнымъ ядомъ. Одѣтая въ бѣлое одѣяло, таскается она днемъ по могиламъ, собирая языкомъ ядъ изъ труповъ, который разноситъ ночью, то заражая ядомъ утварь, то причиняя языкомъ уколы спящимъ... Убыль же растраченнаго яда она пополняла сосаніемъ мертвецовъ“... „Однажды, рассказываетъ авторъ, въ моемъ дѣтствѣ вся наша семья, собравшись по своему обыкновенію однимъ зимнимъ вечеромъ, среди разныхъ хозяйственныхъ занятій стала рассказывать большое число случаевъ смерти сосѣдей. При этомъ было упомянуто между прочимъ, что *Giltinė* позволяетъ себѣ очень много. Мать моя тутъ выразила свое крайнее удивленіе по поводу того, что никто не находится такой, кто бы укротилъ дѣйствія *Giltinė* и отрѣзалъ ей языкъ. Прежде бывало иначе. Случилось разъ, что люди умирали въ громадномъ количествѣ. Тогда одинъ старикъ, почувствовавъ, что скоро умретъ, призвалъ къ себѣ дѣтей, родственниковъ и сосѣдей¹⁾, и обратился къ нимъ съ такою рѣчью: Братья мои! знаю, что я васъ скоро оставлю; чувствую, что мерзкая *Giltinė* лизнула меня языкомъ, а ядъ ея душитъ меня. Но я старикъ, поэтому я ей этого не ставлю въ вину... но я ей не могу простить того, что она забрала моихъ сыновей, моихъ родственниковъ и сосѣдей, все молодыхъ людей. Коль скоро умру, поло-

²⁾ Это древній литовскій обычай.

жите при мнѣ ножницы для стрижки овецъ. А зачѣмъ же это? спросили присутствующіе. Старикъ нѣкоторое время молчалъ — и затѣмъ промолвилъ: положите ножницы при мнѣ сбоку. Когда Giltiné приблизится ко мнѣ, чтобы напоить ядомъ языкъ, я подвинувшись къ ней, отрѣжу ей языкъ. Требованіе старика исполнили, и скоро дѣйствительно моровая язва прекратилась.

Когда мать окончила свой рассказъ, отецъ, разсмѣявшись, продолжалъ. А я видѣлъ собственными глазами Giltiné, на вечеринкахъ (wieczorunki) въ Купишкахъ у г. управляющаго. Собственно говоря, это не была сама Giltiné, но человекъ, переодѣвшійся въ Giltiné. Стоялъ онъ при столѣ надъ миской съ горящимъ „крупникомъ“, одѣтый простыней. Лицо, носъ у него былъ синий, словно бумага отъ сахара, а длинный языкъ его былъ отрѣзанъ (?). Этимъ оканчиваетъ авторъ свой рассказъ съ обѣщаніемъ, что при удобномъ случаѣ сообщитъ болѣе подробностей; но кажется, что при этомъ обѣщаніи и остался онъ.

Аналогическій обычай существовалъ, помню, около 50 лѣтъ тому назадъ въ Одоляновскомъ (Adelnau) уѣздѣ Великаго княжества Познанскаго. Собравшіеся, желая призвать смерть, закрывали ставнями окна и, зажегши разлитый на глубокой тарелкѣ спиртъ съ примѣсью соли, сѣкли пламя розгами, при чемъ никто не долженъ былъ оглядываться назадъ; провинившійся несомнѣнно долженъ былъ умереть въ теченіи одного года. Отъ этого пламени лица всѣхъ принимали видъ умершаго.

Въ продолженіи своего сообщенія прибавляетъ кс. Олехновичъ нѣсколько подробностей, не лишаемыхъ интереса для изслѣдователя литовской міеологіи.

Правда, говоритъ авторъ, Спаситель укротилъ нечистую силу, но не уничтожилъ ея; однихъ представителей ея низвергъ подъ землю; иные таскаются между людьми въ человѣческомъ видѣ; иные опять превращаются въ деревья, животные; иные наконецъ блуждаютъ въ ночномъ мракѣ по могиламъ (р. 138). „Злыя души (złe duchy) имѣютъ всѣ качества и свойства дьявола (velnisa), который ходитъ по людямъ и заключаетъ съ ними договоры“. Въ его „свитѣ“ находились „Aitivarai (летучія чудовища), Vilkatai (Wilkołaki), Wiliki, Laumes, Gavenai, Raganos, Giltines“. — Авторъ повидимому не различаетъ Айтиваровъ отъ Вилькатай. Эти существа или непосредственно сами, или воплотившись въ человекъ, наносятъ бѣднымъ Литовцамъ вредъ различнаго рода, чаруютъ, навязываютъ имъ болѣзни, выбираютъ изъ-подъ гусей яйца, стригутъ ночью овецъ, отнимаютъ молоко у коровъ и пр. Айтивары похищаютъ сокровища, Вильколаки барановъ, и передаютъ ихъ своимъ любимцамъ (р. 139).

Душа человекъ не только послѣ смерти его можетъ переходить въ тѣло животнаго, Айтиваръ можетъ еще при жизни человекъ проживать въ немъ — а иной разъ показываться въ настоящемъ своемъ видѣ, или въ видѣ Лаумы — какъ ему только захочется (р. 139).

Какое значеніе имѣлъ въ старинѣ Gawenas, чтимый во время масляницы, а Великіе — во время Воскресенія Христова, ксендзу неизвѣстно, и извѣстнымъ быть не могло, такъ какъ эти существа — олицетвореніе христіанскихъ священныхъ дней, т. е. дней до великаго поста и великой недѣли: „Въ настоящее время народъ представляетъ себѣ Гавенасъ существомъ, продѣлывающимъ различнаго рода шутки вреднаго характера, выѣдающимъ внутренности несоблюдающимъ великаго поста и заполняющимъ ихъ животъ гороховиной. Вообще Гавенасъ теперь только пугало для дѣтей. Такого-то Гавенасъ дѣлаетъ сельская молодежь въ день „попелъца“ изъ соломы, одѣваетъ его въ лохмотья, тянетъ отъ дома до дома, травитъ его собаками и т. п. — а все это дѣлается въ знакъ того, что великій постъ уже начался“ (р. 142). Ср. Marzappa, слов. божество зимы.

„Wilikia — это богиня, которая наканунѣ великой недѣли, разнося яйца для дѣтей, раскладываетъ ихъ по окнамъ“.

Для отвращенія чаровъ и наговоренныхъ болѣзней употребляются слѣдующія зелья: Dugnapore (Belladona); Warinczej, Parstupas (Przestęp) и т. п.— (р. 134).

„Литовскій простой народъ ничего не знаетъ о своихъ князьяхъ, ни о своей исторіи; но онъ знаетъ по имени своихъ божковъ, рассказываетъ о нихъ, вѣритъ и боится призраковъ. Онъ также знаетъ молитву первобытныхъ людей, которую, прыгая черезъ ровъ, произноситъ: Tej tau Dėvė, tej mañ Dėvė, это тебѣ божокъ, а это мнѣ божокъ. Онъ часто вспоминаетъ, что прежде было лучше и свободнѣе, когда народъ указаннымъ образомъ молился Богу“ (р. 143).

Приложение V.

Potrympus и Auszautis.

A). Potrympus.

Въ нижеслѣдующемъ разсужденіи постараемся собрать и критически разсмотрѣть извѣстные намъ источники о Potrympus и, оцѣнивъ ихъ, привести въ порядокъ относительно ихъ зависимости другъ отъ друга, а въ концѣ показать, въ какомъ положеніи находится вопросъ съ научной точки зрѣнія. Въ этомъ то и заключается единственная положительная сторона нашего изслѣдованія, такъ какъ намъ не возможно прійти къ окончательному, убѣдительному результату, вслѣдствіе скудости, жалкаго состоянія и бесполезности источниковъ¹⁾.

I. Въ первый разъ читаемъ о божествѣ подобнаго названія въ Collatio Episcopi Varmiensis съ 1418 г. Написанная съ цѣлью защиты Крестоносцевъ передъ столицей римскаго папы, она прославляетъ ихъ заслуги, оказанныя христіанству; къ нимъ причисляетъ и то, что они истребляли идолопоклонство, почитающее „Patullum et Natrimpe et alia ignominiosa fantasmata“²⁾.

Не сомнѣваясь въ достовѣрности источника относительно именъ божествъ, замѣчаемъ однако, что нигдѣ уже не находимъ названія Natrimpe, и вслѣдствіе этого Bender³⁾ предполагаетъ ошибку и предлагаетъ вмѣсто Natrimpe — Potrympus, каковая форма и водворилась въ литературѣ со временъ Грунау.

Такъ какъ источникъ, кромѣ самаго названія, не приводитъ никакихъ указаній на его значеніе, то мы не имѣемъ никакого критерія для оцѣнки догадки, которая въ такомъ случаѣ нисколько не способствуетъ разъясненію нашего вопроса.

II. Simon Grunau (1526) первый приводитъ формы Potrympo, Potrumpro и т. п., и причисляетъ это божество къ тремъ главнымъ въ Ромове, приписывая ему свойства: 1) божества счастья въ сраженіяхъ (glück in streiten) и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ (und auch in andern sachen); 2) божества земледѣльческихъ плодовъ (got des getreides).

Принявъ во вниманіе результаты нашего изслѣдованія о Ромове, именно:

а) что прославляемая тройца верховныхъ божествъ является пустою выдумкою Грунау⁴⁾;

б) что описаніе вида Potrympus, составленное на основаніи имъ также выдуманной хоругви, есть не подлежащая сомнѣнію поддѣлка⁵⁾;

1) Монографія Der sogenannte Potrimpus zu Christburg etc. Ztschrft. d. historischen Vereins für den Reg-Bezirk Marienwerder, 1877 2. Heft. не имѣетъ никакого научнаго достоинства.

2) ŽML. II, 145.

3) De Veterum Prutenorum Diis, p. 22 прим. 38.

4) Ромове § 5.

5) Тамъ же и Nuncius cum baculo p. 22.

АРХЕОЛОГ. СВѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

с) что приписываемое ему свойство божества войны не имѣетъ никакихъ основаній, такъ какъ о божествѣ войны у Литовцевъ ни одинъ серьезный источникъ не упоминаетъ, вслѣдствіе чего вообще можно сомнѣваться въ существованіи его¹⁾);

d) что атрибутъ „glük in andern sachen“ также произвольная выдумка Грунау, такъ какъ общеизвѣстнымъ во всѣхъ литовскихъ земляхъ божествомъ счастья была Laima, Laimėle, которую для снисканія благоденствія призывали во всѣхъ жизненныхъ нуждахъ²⁾)... А допустивъ, что существовало какое-нибудь божество счастья подъ другимъ названіемъ, то значеніе его, не исключая Natrimpe, въ сравненіи съ значеніемъ Laima было такъ незначительно, что оно никогда не могло быть причислено къ разряду верховныхъ божествъ³⁾);

e) что если божество одной болѣе обширной сферы дѣйствій, могло быть многоименное, какъ напр. въ сферѣ земледѣлія, гдѣ отдѣльные роды занятія имѣли своихъ особыхъ представителей, то Potrympus въ качествѣ „got des getreides“ также не можетъ удержаться на первомъ планѣ въ сравненіи съ Žeminele, Žemina, Žempats, Laukosargas, Laukpats, Vaisgamtis (v. Vaisgautis?) въ Литвѣ и Жмуди, а Žemesmate, Lauka-mâte у Латышей, т.-е. въ сравненіи съ божествами, имѣющими всѣ свое точное и въ самомъ названіи находящееся значеніе земли, либо ея плодовъ. Между тѣмъ въ Potrympus и въ т. п. формахъ мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда, обнаруживающаго какую-нибудь связь съ землей, или съ ея плодами, хотя бы въ самомъ его названіи.

Принявъ въ соображеніе все вышеуказанное, мы имѣемъ право утверждать, что Грунау нисколько не помогаетъ намъ въ разясненіи нашего вопроса.

III. Agenda Ecclesiastica съ 1530 г., составленная по повелѣнію прусскаго герцога Альбрехта первыми протестантскими епископами, Georgius a Polentz и Erhard von Queis († въ сент. 1529), послѣ смерти котораго начатое дѣло продолжалъ преемникъ его Paulus Speratus, заключала въ предисловіи, подписанномъ Polentz'омъ и Sperat'омъ, имена десяти божествъ самбійскихъ, послѣ которыхъ слѣдовало ихъ объясненіе названіями римскихъ боговъ.

Приведемъ эти названія и рядомъ съ ними въ скобкахъ латинское ихъ значеніе: 1) Occopirmus (Saturnus); 2) Suaixtix (Sol); 3) Ausschauts (Aesculapius); 4) Autrympus (Neptunus); 5) Potrympus (Castor); 6) Bardoayts (Pollux); 7) Piluuytus (Ceres); 8) Parcuns (Jupiter); 9) Pecols (Pluto); 10) Pocols (Furiae).

Какимъ вѣроятнымъ путемъ попали эти имена въ предисловіе Агенды, я старался указать въ другомъ мѣстѣ⁴⁾. Результатомъ оказалось, что вышеупомянутые епископы потребовали отъ подвѣдомственнаго своего духовенства донесеній о состояніи церкви во ввѣренныхъ имъ приходяхъ. Занятые дѣлами нововеденнаго и безъ всякаго порядка существовавшаго ученія епископы приказали себѣ составить краткій рапортъ изъ

1) Ромове § 5. Статья Jods der Kriegsgott der Letten, напечатанная въ Inland, 1840, № 15, мѣ неизвѣстна. Jods, Лит. Juodas, черный, чертъ, представлялъ собою духа злого, дѣйствующаго по воздуху; онъ вообще обнаруживаетъ вліяніе понятій христіанства. Предполагаю, что основаніемъ для упомянутой статьи послужилъ: Stender Lett. Gram. § 216 s. v.—См. еще Usener Lit u. Lett. Götternamen p. 107, s. v. Kuramate: Kriegsgöttin d. i. Karamâte, также не убѣдительно.

2) Ромове § 5.

3) Тоерпен (Geschichte d. Heidenthums in Preussen, напечатанн. въ N. P. P. Bl. 1846, I, 311) пришелъ къ подобному заключенію. Potrimpus, den Christian (собственно Грунау) zum gott der glücksgüter überhaupt macht, erscheint im XVI. Jahrhundert in sehr untergeordneter stellung, wenn nicht ganz ohne beziehung auf das glück. Einen gott des glückes brauchte die hierarchie (какая?), neben dem des schreckens; aber seine spätere einschrumpfung wäre kaum erklärlich. Во всякомъ случаѣ продолжала свое существованіе Lajma.

4) Прусскій жрецъ Sizzo, въ трудахъ Московскаго Археологическаго Съезда 1890. — Со знаку Sizzo Przewodnik Naukowy i Literacki. Lwów, 1891, 3—6.

этихъ донесеній, въ которыхъ выдающееся мѣсто заняли интересныя свѣдѣнія изъ Самбіи¹⁾ о явно господствующемъ тамъ язычествѣ, состоящемъ главнымъ образомъ въ совершеніи различныхъ обрядовъ и въ жертвоприношеніи козла, при чемъ призывали боговъ, которые названы по имени. Изъ этой то части рапорта заимствовали епископы названія боговъ и помѣстили ихъ вмѣстѣ съ замѣткой о жертвоприношеніи козла въ предисловіи къ своей Агендѣ. Эта Агенда по всей вѣроятности не была напечатана²⁾, и подлинникъ ея затерялся; но переписывали ее часто или съ подлинника, или съ его копій. Въ XVII вѣкѣ списалъ копію съ подлинника Болъць (Boltz), которая въ настоящее время находится въ Государственномъ Архивѣ въ Кенигсбергѣ подъ сигнатурою Boltzsche Sammlung № 17 in 4. Этою именно копіей я и пользуюсь.

IV. Съ этой Агенды переписалъ буквально названія божествъ и замѣтку о жертвоприношеніи козла Coelestinus Mislenta, проф. богословія и юдейскаго языка въ Кенигсбергѣ (1619—1653), и напечаталъ эту выдержку въ своемъ обширномъ сочиненіи *Manuale Prutenicum etc.* Kgsbg. 1626, pag. A².

V. Ioh. Behm, проф. богословія (1609—1648), въ своемъ трудѣ *De Statu Borussiae Ecclesiastico et Civili*, Kgsbg. 1644 in 4, перепечатанномъ въ *Acta Borussiae etc.*, Bd. III, p. 155—217, приводитъ названія божествъ съ ихъ латинскими переименованіями въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ихъ читаемъ въ Агендѣ. Авторъ ссылается на предисловіе къ Агендѣ, которую называетъ *Constitutiones Synodales*, и добавляетъ, что эти *Constitutiones* были напечатаны въ Кенигсбергѣ 1530 г. (См. однакожъ мнѣніе Чакерта).

VI. Christophorus Hartknoch, относящійся всегда добросовѣстно къ дѣлу, прямо говоритъ, что приведенный имъ рядъ самбійскихъ божествъ выписалъ изъ копій Агенды³⁾. Латинскихъ названій онъ однакожъ не сообщаетъ.

Между тѣмъ послѣ составленія рапорта изъ донесеній духовенства, изъ котораго вышеупомянутые епископы позаимствовали названія божествъ, и послѣ составленія предисловія къ Агендѣ 1530 г., послѣдовала новая и болѣе обширная редакція этихъ донесеній, пополненныхъ новыми, полученными изъ Самбіи. Это доказывается:

а) увеличеніемъ числа 10 божествъ, извѣстныхъ изъ прежнихъ донесеній, четырьмя новыми названіями, какими являются слѣдующія: Pergubrius (var. Pergrubius, Pergrubrius); Putscaetus (var. Puschkayts); Barstuccae; Markopele (var. Markopetae);

б) замѣной собственныхъ именъ римскихъ божествъ на обозначеніе сферы ихъ дѣятельности; напр. вмѣсто Neptunus, „deus maris“; вм. Jupiter, „deus tonitruum“;

γ) измѣненіемъ порядка при перечисленіи божествъ.

На основаніи этой новой редакція написалъ сочиненіе:

VII. Янъ Малецкій: *Libellus de sacrificiis et idolatria veterum Borussorum etc. ad Georgium Sabinum*, Kgsbg. 1551. Здѣсь находимъ интересующія насъ божества въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Occopirnus (sic), deus coeli et terrae; 2) Antrimpus (sic), d. maris; 3) Gardoetes⁴⁾, d. nautarum, qualis olim apud Romanos fuit Portumnus (sic.); 4) Potrympus, d. fluviorum ac fontium⁵⁾. Божество Suaixtix, занимающее въ Агендѣ

1) Est adhuc in Bruthenis nostris sambiensibus Sudorum quidam manipulus.. hirco.. faciens ac prisci erroris nomina (sic) tremens. Praef. Ag.

2) Такъ утверждаетъ Tschackert *Urkundenbuch zur Reformationgeschichte des Herzogthums Preussen* Leipzig. 1893 подъ 1526 годомъ; но окончательно этотъ вопросъ не рѣшенъ.

3) Manuscriptum exemplar, quod mihi se obtulit. Hartk. Diss. VII, 125/6.

4) Var. Bardoaetes; въ Агендѣ же Bardoaits.

5) Передъ самымъ описаніемъ свадебныхъ обрядовъ Янъ еще разъ упоминаетъ о Potrimpus, но уже ваятъ о божествѣ ворожбы: Ad haec eadem gentes habent inter sortilegos, qui lingua Ruthenica (!) «Bary vocantur, qui Potrimpum invocantes ceram in aquam fundunt, atque ex signis sive imaginibus inter fundendum figuratis, 52*

второе мѣсто, сейчасъ послѣ *Oscopirinus*, совсѣмъ пропущено. Вообще тутъ приведены имена тринадцати божествъ.

VIII. На основаніи этой же новой редакціи, не одинаково однако съ *Libellus Яна Малецкаго*, съ прибавленіемъ новыхъ свѣдѣній составилъ сынъ Яна, Геронимъ Малецкій, книжку, которую для краткости назовемъ „Судавскою“, подъ заглавіемъ *Warhafftige Beschreibung der Sudawen auff Samlandt sambt jren Bockheyligen und Ceremonien*, и которая въ скоромъ времени вышла въ двухъ отдѣльныхъ изданіяхъ¹⁾ безъ означенія мѣста печати и года. Одно изъ нихъ вѣроятно вышло 1560 г., или немного раньше²⁾; второе же до 1564 г.³⁾ Геронимъ прибавилъ къ 13-ти божествамъ, поименованнымъ Яномъ Малецкимъ, божество *Schwaytestiks*. Изъ этого перечня 14-ти божествъ приведемъ поочередно первыя шесть, имена которыхъ для нашего предмета нужны: 1) *Ockopirmus*, d. gott des himels und der erde; 2) *Schwaytestiks*, d. g. des liches; 3) *Auschlouis* (sic), d. g. der gebrechen, der kranken und gesunden (!). 4); *Antrimpus*, d. g. des mehrs und der see; 5) *Protrympus* (sic), d. g. der fließenden wasser; *Gardoayts* (sic), der schiff-gott.

Изъ предыдущаго обзора источниковъ оказывается результатомъ, что только слѣдующія сообщенія слѣдуетъ считать источниками:

1) *Collatio Episcopi Varmiensis* съ 1418 г.

2) Подлинныя донесенія Самбійскаго духовенства (утраченныя?)⁴⁾, изъ которыхъ были составлены двѣ редакціи. Изъ первой извѣстія перешли въ Агенду съ 1530 г., сохраненную намъ Больцомъ въ копіи. Изъ подлинной Агенды, или ея копіи выписали названія божествъ: *Mislenta* (№ 4); *Behm* (№ 5) и *Hartknoch* (№ 6). Вторая же редакція послужила источникомъ Яну и Иерониму Малецкимъ (№ 7 и № 8).

Между *Collatio* и Агендой, равно какъ между Агендой и Грунау, мы не замѣчаемъ никакой литературной связи; напротивъ Грунау заимствовалъ изъ *Collatio* названіе божествъ: *Natrimpe*, измѣнивъ его на *Potrympo* и т. п., названіе же *Patollus* заимствовалъ безъ измѣненія.

Что касается Агенды и ея источниковъ, т.-е. донесеній духовенства, мы сначала были убѣждены въ ихъ достовѣрности. Между тѣмъ при тщательномъ обсужденіи —

pronuntiant, ac vaticinantur, de quibuscunque rebus interrogati fuerint. Опять иная функція этого божества. Такимъ образомъ мать узнаетъ отъ гадателя, что сынъ ея утонулъ во время путешествія въ Давію.

1) О двухъ изданіяхъ s. a. et l. свидѣтельствуетъ вводная замѣтка, сдѣланная при перепечатаніи Судавской книжки въ *Erleutertes Preussen Bd. V, p. 701—702*.

2) Тамъ же сообщено, что Судавская книжка перепечатана по экземпляру, переплетенному 1560 г.

3) Въ этомъ 1564 г. Судавская книжка была вновь перепечатана какъ приложение къ компіляціи, написанной Вольфгангомъ Дитмаромъ (*Wolfgang Dietmar*) подъ заглавіемъ *Auszugk der Ankunfft, Regierung und Lebens aller Hochmeister etc.* — Въ предисловіи съ подписей Эльбингъ 27 апрѣля 1564 г., авторъ сообщаетъ, что уже многіе писали о вѣрованіяхъ, празднествахъ и обрядахъ Судавцевъ. Насколько намъ извѣстно, до 1564 г. писали объ этомъ предметѣ только Янъ и Геронимъ Малецкіе, поэтому и полагаемъ, что Дитмаръ ихъ имѣетъ въ виду: «(darum) hab ich vor gut geachtet... kürzlichen anzuzeigen, was jhr glaub gewesen sey, und wie sie es so wunderlich mit jhrem Gottesdienst getrieben haben, und etzliche noch itziger zeit bey denn Sudawen und andere mehr jhre alte Ceremonien halten, aber heimlich. Und ist zwar solchs bisher von vielen gelerten Historicis (?) mit sondern fleis vormercket und beschrieben worden, dass nuh mehr unseren nachkommen hievon wissenschaft zu haben fastgenug geschehen».

4) Несмотря на мои старанія въ Государственномъ Архивѣ въ Кѣнигсбергѣ, я не могъ отыскать подлинныхъ донесеній и составленныхъ о нихъ рапортовъ, по причинѣ ремонта архивныхъ залъ, вслѣдствіе чего документы были снесены въ одну залу. — Благодаря любезности проф. *Lohmeyer*, а главнымъ образомъ директора Архива *Joachima*, интересующихся нашими занятіями, сдѣланы были розыски въ Государственномъ Архивѣ, и найденъ былъ отрывокъ изъ одного донесенія, вѣроятно самбійскаго духовнаго. Изъ копіи отрывка, презанной мнѣ г. директоромъ, я убѣдился въ томъ, что этотъ отрывокъ прямо не относится къ нашему предмету, а заключаетъ въ себѣ конецъ разсказа о жертвоприношеніяхъ.

явились нѣкотораго рода сомнѣнія, усиливающіяся постепенно, и доходящія въ нѣкоторыхъ случаяхъ до опроверженія достовѣрности. Не желая упрекать духовныхъ лицъ въ преднамѣренной фальши, не можемъ ихъ освободить отъ упрека, что они весьма поверхностно занимались своей задачей, и что они надлежащимъ образомъ не справлялись у народа.

Вообще значеніе всѣхъ божествъ, за исключеніемъ одного *Parcuns*, производитъ на насъ впечатлѣніе, будто бы оно было написано наугадъ, наудачу.

Итакъ прежде всего замѣчается въ Агендѣ очевидная ошибка въ латинскихъ переименованіяхъ самбійскихъ божествъ, *Autrympus*, *Potrympus*, *Bardoayts*, которые названы по очереди: *Neptunus*, *Castor*, *Pollux*. Эта ошибка оказывается на основаніи слѣдующихъ соображеній. Какъ латинскія божества *Castor* и *Pollux* близки другъ къ другу по значенію, точно такъ самбійскія, *Autrympus* и *Potrympus*, не подлежатъ раздѣленію другъ отъ друга, потому что они близки не только по корню слова, но даже по словообразованію, и по значенію. Вслѣдствіе этого само собою приходитъ на мысль, переставить *Neptunus* послѣ *Castor* и *Pollux*, и возстановить текстъ въ Агендѣ слѣдующимъ образомъ: *Autrympus*, *Potrympus*, *Bardoayts* — *Castor*, *Pollux*, *Neptunus*¹⁾. По всей вѣроятности указанная ошибка произошла уже въ рапортѣ изъ донесеній.

Такая по моему мнѣнію очевидная ошибка вызываетъ вопросъ, вѣрны ли вообще приуроченныя къ самбійскимъ божествамъ латинскія названія, и насколько согласуются одни съ другими относительно значенія.

При рѣшеніи этого вопроса мы сообразовались съ основнымъ правиломъ происхожденія именъ литовскихъ божествъ, состоящимъ въ томъ, что эти божества получаютъ свое имя отъ того рода дѣятельности, или отъ того предмета, которыхъ они считаются опекунами, попечителями, и на которые указываетъ грамматически корень слова. Итакъ, напр. въ божествѣ земли *Zeminele*, въ *Lauksargas*, *Laukpatis* указываютъ *žema*, земля, *laukas* поле, лугъ на сферу ихъ дѣятельности; упомянутый въ Агендѣ *Parcuns*, *Jupiter*, — является божествомъ грома; на это указываетъ также лит. корень слова „*rag*“, „*reg*“ ударять, бить. — Затѣмъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе не существуетъ ли, помимо отмѣченныхъ въ Агендѣ названій божествъ, болѣе извѣстныхъ и распространенныхъ по всей Литвѣ?

На первомъ мѣстѣ въ Агендѣ значится *Oscoripmus*, *Saturnus*; корень этого слова намъ не ясный; латинское его значеніе по всей вѣроятности произошло отъ ученой догадки, комбинаціи; такъ какъ лит. *pirmus* = лат. *primus*, а *Saturnus* считался въ римской мифологіи первымъ божествомъ, слѣдовательно для *Oscoripmus* опредѣлено значеніе *Saturnus*; при чемъ первая часть *Occo* оставлена безъ всякаго вниманія. — У Яна Малецкаго *Oscoripnus* (*sic*) имѣетъ значеніе „*deus coeli et terrae*“, равно какъ у Геронима „*d. gott des himels und der erde*“. Если мы допустимъ сомнительное существованіе этого божества, и затѣмъ сомнительное его значеніе божества неба, то оно во всякомъ случаѣ никакимъ образомъ не можетъ быть богомъ земли, такъ какъ вообще извѣстнымъ богомъ земли была *Zeminele*, *Zemes-mâte*. — Въ иныхъ источникахъ *Oscoripmus* нигдѣ не встрѣчается.

Suaixtix по Агендѣ „*Sol*“; по Герониму *Schwaytestiks* „*got des liches*“; у Яна этого божества нѣтъ. Въ прусскомъ языкѣ имѣется *accus. swaigstan* отъ *nom. * swaigsta* блескъ, свѣтъ, въ лит. *žvaigžde* звѣзда, поэтому * *Zvaigždiks* можетъ значить богъ звѣздъ, но не солнца, потому что и въ прусск. и лит. языкѣ солнце всегда называется *saule*, *saulele*, а въ пѣсняхъ мифологическаго содержанія оно является матерью, несомнѣнно

1) Aber Potrimpus (ist) nicht Neptun (das ist Autrimpus), sondern Castor, ниметь Lohmeyer Gesch. v. Ost- u. Westpreussen. Gotha 1880, p. 30.

звѣздъ, такъ какъ звѣзды, когда ихъ вечеромъ оставляетъ мать солнце, называются ея сиротами.

Ausschauts, въ Агендѣ Aesculapius, вообще не божество, какъ будетъ показано въ концѣ нашего изслѣдованія.

Bardoayts, означающій по нашему возстановленію текста Агенды Neptunus, а не Pollux, все-таки останется для насъ загадочнымъ божествомъ по своему значенію. Янъ Малецкій называетъ его Gardoaetes; эта ошибочная форма произошла отъ того, что вмѣсто *B* поставлено *G*; слогъ же *ay* (*ai*) латинизованъ въ *ae*. Относительно значенія Янъ Малецкій руководился источниками Агенды, называя его „deus nautarum, qualis olim apud Romanos fuit Portumnus (собств. Portunus), а такимъ божествомъ былъ именно Pollux. Геронимъ пишетъ Gardoaets, въ которой формѣ опять является ошибка *G* вмѣсто *B*.— Значеніе же его: „Schiff-Gott“, каковымъ былъ также Pollux¹⁾. Тотъ же Геронимъ въ другомъ мѣстѣ называетъ его божествомъ вѣтровъ, успокаивающимъ вѣтры, а главнымъ образомъ ниспосылающимъ въ своемъ гнѣвѣ страшныя бури; тамъ же онъ именуетъ его также богомъ рыбаковъ²⁾.

Всѣ означенныя атрибуты, если считать ихъ вѣрными, сосредоточиваются въ одномъ главномъ атрибутѣ божества вѣтровъ, столь важнаго для приморскихъ странъ, каковою является самбійская земля, жители которой занимались главнымъ образомъ мореплаваніемъ и рыболовствомъ.

Корень, отъ котораго образовалось Bardoayts, неясный. Основываясь на значеніи „baras“ гнѣвъ — я предполагалъ бы форму Bar-devaitis, божества гнѣва, требующую однакожь подтвержденія.

Piluuytus, Ceres (Agend.); Pilvitus, deus divitiarum, quem Latini Plutum vocant (J. Mal.); Pilvitus, der Gott machet Reich und füllet die Scheunen (Hier. M.).— Корень этихъ словъ „pil“ наполнять; pil-nas, полный; pilninti, наполнять, отглагольное * Pilninitis, наполняющій, впр. овны. Это значеніе было бы подходящимъ къ данному значенію Ceres. — Pilvitus же, по моему мнѣнію, образовано отъ pilvas животь. Родъ знахарей называется Pilvitten „Bauchredner“ (см. ŽML, II, 128,9), такъ что и въ данномъ случаѣ рождается сомнѣніе относительно существованія божества въ формѣ Pilvitus.

Pecols, Pluto (Ag.); у J. M. Rocclus; у H. M. Rocklus; затѣмъ Rocols Furiae (Ag.); у J. M. Roccolus; у H. M. Roccollus; эти формы слишкомъ похожи другъ на друга, чтобы ими можно было обозначить два различныя божества. Въ основаніи ихъ лежитъ польское piekło, адъ, какъ еще видно въ прусской формѣ rekollin (Cat. I), перешедшей уже въ Cat. II въ rukullien, адъ. Равно временно (ок. 1545 г.) существовало слово pikuks, чертъ (отъ лит. корня pik злой, piktas злой, pikuls злой духъ), съ которымъ вытѣсненное впоследствии Pecols ассимилировалось. Другіе принимаютъ ошибку Pecols вмѣсто болѣе извѣстнаго Pikuls.

Pecols по Агендѣ значить Pluto; Rocklus у Яна М. deus inferni, а у Гер. М. got der hellen etc. Но эти слова никакимъ образомъ указаннаго значенія имѣть не могутъ, такъ какъ понятія „адъ“ литовское язычество не знало, а тамъ, гдѣ ада не было, божества ада быть не могло. Это понятіе появилось въ Литвѣ только подъ вліяніемъ христіанства. Впрочемъ хорошо намъ извѣстно, что по представленіямъ Литовцевъ образъ жизни души послѣ оставленія тѣла нисколько не отличался отъ образа жизни на землѣ. Если же существовало какое-нибудь представленіе о наказаніи злого

1) Это доказываетъ, что мною указанная ошибка т.-е. Pollux вм. Neptunus находилась уже въ рашортѣ, составленномъ изъ донесеній.

2) Выдержки изъ Гер. М. напечатаны мною въ трудахъ Московскаго Археологическаго Съезда въ статьѣ: Прусскій жрецъ Sicco.

человѣка послѣ смерти, состоящее въ томъ, что душа переходила въ какое-нибудь животное, то это не считалось дѣломъ какого-то божества, но послѣдовало само собою и основывалось на ассимиляціи дурныхъ качествъ человѣка съ соотвѣтствующими качествами животного, напр. волка и т. п. А если читаемъ въ преданіяхъ, что душа въ этомъ животномъ проживаетъ триста лѣтъ, то никто не будетъ столь наивнымъ приписывать этому опредѣленному числу какую-нибудь особую важность. Но во всякомъ случаѣ проявляется въ этомъ преданіи вѣрованіе въ переходъ души въ животное, а затѣмъ и вѣрованіе въ святость числа три.

Rocols не можетъ имѣть значенія римскихъ карательныхъ божествъ, Fugiae, какъ объясняетъ Агенда. Литовскія божества умѣли сами отъ себя отомстить за нанесенныя имъ обиды, или сами отъ себя, произвольно, причиняли вредъ людямъ. Что же касается объясненій Яна М. Roscolus, d. aëriorum spirituum, и Гер. М. die fliegenden geister oder teuffel, то въ нихъ кроется извѣстная часть истины, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ во всей литовской землѣ существовали летучіе демоны различнаго рода, о которыхъ уже Адамъ Бременскій¹⁾ сообщаетъ, что ихъ именно въ Самбіи огромное количество, называя ихъ „dracontes“. Къ такимъ летучимъ демонамъ принадлежали Aitivars, Raganas, Pukis; иного рода Kaukai, Parstukai (Puszaitis; Bezdukai?), которые всѣ называются у Ласицкаго „Spectra et visa“. Литовскимъ словомъ Deives обозначались не только этого же рода демоны, но также почитаемые камни. Какъ ихъ звали въ Пруссіи, именно въ Самбіи, намъ неизвѣстно.

Въ виду указанныхъ нами вообще недостоверныхъ свѣдѣній, находящихся въ Агендѣ, мы имѣемъ полное право также сомнѣваться въ истинѣ сообщенныхъ данныхъ о Potrimpus и Antrimpus, или Autrimpus. Изъ всѣхъ божествъ, упомянутыхъ Агендой, одинъ Ragsins, существовалъ дѣйствительно въ вѣрованіяхъ; изъ остальныхъ же меньшая часть подлежитъ весьма серьезному сомнѣнію, бѣльшая же часть вовсе не заслуживаетъ довѣрія. Поэтому Агенда не можетъ служить надежнымъ источникомъ для прусско-литовской мифологіи. Мы занимались разборомъ ея обстоятельнѣе потому, что мы до сихъ поръ нигдѣ не встрѣтились съ настоящей оцѣнкой ея.

IX. Пока не будетъ доказано, что деревня Potrimpen (иначе Narus-Potrimpen, а раньше Norkaiten, Narus Tallut), Шилокарчемскаго уѣзда (цѣмекъ. Heydekrug)²⁾, а также что и деревня Potremchen (иначе Potremschen, Potrimpchen), Инстербургскаго уѣзда³⁾, имѣли такія названія во время язычества, до сихъ поръ мы не можемъ воспользоваться ими для разбора нашего вопроса, такъ какъ онѣ могли быть даны сказаннымъ деревнямъ впоследствии, послѣ распространенія имени Potrimpus писателями.

Недалеко отъ г. Darkehmen (въ Восточной Пруссіи) находится холмъ Potrimposberg; по поводу его въ честь Potrimpos (sic) написалъ пасторъ Юнасъ стихи, неимѣющіе научнаго значенія⁴⁾. Въ деревнѣ Trömpau въ Самбіи на вывѣскѣ корчмы нарисовано чудовище съ надписью Zum Po-Trömpros⁵⁾. Все это представляетъ безполезный матеріалъ⁶⁾.

¹⁾ ed. Lappenberg (Pertz т. VII, p. 373): см. Sc. R. Liv, I, 322, № 17.

²⁾ Słownik Geograficzny s. v. Norkaiten.

³⁾ Тамъ же s. v. Potremchen.

⁴⁾ N. P. P. Bl. 1846. II, 185/6.

⁵⁾ Тамъ же 314.

⁶⁾ Die frage, wie weit Potrimpus der litauischen mythologie angehöre, verdient nähere erwägung. In den Dainos komt er nicht vor, und litauische geistlichen versichern auch, dass er dem gemeinen volke in der that unbekannt ist. Neulich ist von Jonas eine sage über den Potrimposberg bei Darkehmen mitgetheilt, aber alter und echtheit derselben darf... bezweifelt werden. Es scheint nicht unmöglich, dass ein liebhaber litauischen volkstums wie den berg, so auch die sage geschaffen habe. Auch die natur und bedeutung des Potrimpus für die alten Preussen ist noch sehr räthselhaft. Тамъ же. Toeppen p. 472.

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе сдѣланные нами изъ всѣхъ приведенныхъ источниковъ и сообщеній выводы, мы относительно Potrympus и Natrimpe (№ I) пришли къ весьма скуднымъ и можно сказать къ ничтожнымъ результатамъ, именно:

1) что въ Варміи существовало какое-то божество Natrimpe, значеніе котораго намъ неизвѣстно;

2) что въ Самбіи существовали будто бы божества Autrympus v. Antrympus и Potrympus, названія которыхъ, равно какъ и значеніе ихъ въ смыслѣ Castor и Neptunus весьма сомнительны.

На основаніи такого рода матеріала невозможно составить себѣ какое-нибудь положительное мнѣніе объ этихъ божествахъ. Поэтому мы и вынуждены собрать себѣ матеріалъ иного рода, можетъ быть, болѣе благопріятствующаго нашей задачѣ.

Названія Natrimpe, Autrympus v. Antrympus, Patrympus v. Potrympus разнятся между собою только первымъ слогомъ, который въ живомъ языкѣ существуетъ отдѣльно, въ качествѣ предлоговъ Na, Po, Pa, Ant, либо въ качествѣ префикса Au; всѣмъ же обща часть trimpe, или trimpus съ латинскимъ, или trimpos будто бы съ литовскимъ окончаніями.

Слово Trimpus въ самомъ дѣлѣ читается отдѣльно у Стендера, и Brivzemniaksa; Trimpa же у Довконта.

X. Стендеръ въ упомянутомъ нами алфавитномъ указателѣ латышскихъ божествъ, приуроченномъ къ его латышской грамматикѣ, сообщивъ по Герониуму Малецкому свѣдѣнія объ Antrympus и Potrympus, отводитъ особую замѣтку для Trimpus (см. s. v. Trimpus), о которомъ и упоминаетъ первый, и объясняетъ его слѣдующимъ образомъ: Trimpus der heidnischen Letten Bacchus oder saufgott, dem sie ihr halbes feld zu saufgelägen widmeten und solches ihm zu ehren und sich selbst zum besten freudig verzehrten. Diesem Trimpus waren zwei andere beygeordnet. Antrimpus, der gott des meeres, und Potrimpus, der gott der flüsse und der quellen, dass sie als getreue saufkameraden des Trimpus zu dem seegen des halben felde auch ihren segenreichen antheil aus meer und flüssen dazu geben sollten.

Подтверженіе обычая, что извѣстная часть поля (вѣроятно общими силами) обрабатывалась, и что жатва обращалась на издержки для приготовления и совершенія общихъ празднествъ, мы находимъ у Герониума Малецкого: Das bier wirdt gemeiniglich gekauft von einem stück acker; was das stück einbringt, dar wirdt verkaufft und das bier damit bezahlet¹⁾. Описаніе Стендера касается осеннихъ праздниковъ; выраженіе „halbes feld“ произошло отъ ошибочнаго объясненія слова Trimpus, какъ будто бы сложнаго изъ „tiharum“ поле и „pus“ половина. Такъ какъ число три считалось священнымъ и господствовало во всѣхъ обрядахъ, мы ожидали-бы здѣсь не „половины поля“, а третью его часть. Всѣ другія объясненія считаемъ произвольною комбинаціею самаго Стендера; одно однакожь обстоятельство заслуживаетъ вниманія, именно то, что онъ Trimpus называетъ saufgott и соединяетъ его съ пиршествами, saufgelage, составляющими существенную часть всѣхъ праздниковъ, такъ что теперь уже рождается предположеніе, что Trimpus можетъ быть названіе какого-то праздника, или какого-то обряда, совершаемаго во время праздника, а это названіе впоследствии могло пройти въ собственное имя личности.

XI. Jokybs Laukys (Довконтъ) описалъ „Быть древнихъ Литовцевъ“ подъ заглавіемъ: Buda Senowęs Letuviū Kalnieniū ir Zamaitiū. Petropilie 1845. Этотъ выдающийся и неутомимый труженикъ на поприщѣ Литовщины, самъ по происхожденію Литовецъ, проводилъ почти всю свою жизнь въ Литвѣ, и уже съ самаго дѣтскаго возраста слушалъ

¹⁾ Судавская книжка.

народныя преданія и пѣсни, и былъ свидѣтелемъ обычаевъ и суевѣрій и различныхъ обрядовъ, имѣющихъ свое начало въ языческихъ вѣрованіяхъ. Получивъ высшее образованіе, и преданный народному дѣлу, онъ сталъ изучать латинскія, польскія и нѣмецкія хроники и сочиненія, касающіяся его любимаго предмета. Зная при этомъ родной языкъ со всеми его тонкостями, и пиша на немъ, какъ рѣдко кто до него писалъ, онъ старался между прочими изложить религіозный, общественный и домашній бытъ своего народа. Такимъ образомъ онъ не только по этимъ предметамъ можетъ считаться источникомъ, но также и по языку для лингвистовъ. Но къ сожалѣнію въ описаніи религіознаго быта, а именно въ миѳологической части онъ слишкомъ держался прусскихъ писателей (а именно Луки Давида), пользовавшихся всѣ безъ исключенія Симономъ Грунау, и Судавской книжкой Геронима Малецкаго, не примѣняя къ нимъ ни малѣйшей методической критики. Въ остальныхъ многочисленныхъ сообщеніяхъ его, непосредственно касающихся живого быта Литовцевъ, я не отказалъ бы ему въ достовѣрности.

Главные мѣста, относящіяся къ нашему предмету, приводимъ здѣсь въ подлинникъ:

1. Описавъ идолъ Перкуна, поставленный въ отверстіи предполагаемаго дуба въ Ромове, переходитъ къ описанію второго идола: *Antrasis stabas amtramiji ouksi buwes graksztos jaunikajtis, galwa jo warpū wajniko apkliesta, wejdo linksmo, wadinusis Trimpo arba Drimbo, kajp patarlie szenden dar yra sakoma „Ek sau po Trimprū; arba Jōri beje: pawasario Dijwo, fajmos dawiejo, ikurejo pakajaus, brandos ir gausumo, globiejo gywoliū, oręs ir jawū, kajp Perunas (sic) buwes szilimos Dijwo, tajp szis wajsius“* (р. 94). „Второй идолъ во второмъ отверстіи изображалъ юношу молодцоватаго вида; голову его украшалъ вѣнокъ, сплетенный изъ колосьевъ; взглядъ его веселъ, а имя его было Trimpa, или Drimba, какъ еще до сихъ поръ говорится въ пословицѣ „Ступай себѣ по Trimprū“; или (назывался) Юрій, т.-е. божество весны, даятель благоденствія, творецъ міра, урожая (собств. наливанія зерна) и изобилія, покровитель животныхъ, птицъ и хлѣба; какъ Perunas (sic) былъ божествомъ тепла¹⁾, такъ онъ былъ божествомъ плодовъ.

Этотъ отрывокъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей трехъ различныхъ авторовъ:

а) Сообщение отъ *antrasis* до *linksmo* заимствовано у Луки Давида, источникомъ котораго былъ Грунау.

б) Отъ *Jōri* до *wajsius* — это дальнѣйшее развитіе сообщенія Грунау: *gott des getreides*, что отчасти уже сдѣлано Л. Давидомъ²⁾. Все же остальное касается торжества весны, праздновавшагося 23 апрѣля въ день *Szwents Giergis* (Praet. 57), св. Юрія, Юрьевъ день (Вольтеръ, Матеріалы etc. стр. 4 и др.), когда въ первый разъ выгоняли скоть на луга (ср. польское *Na 'S. Wojciech, kobyli rosiech*). Такъ какъ Довконтъ тутъ ссылается на *Neueste Nordische Beyträge Peterb. и Leipz. 1793. I р. 227³⁾*, предполагаемъ, что онъ отсюда заимствовалъ эти свои свѣдѣнія. Слѣдовательно по Довконтъ Trimpa, Drimba, божество благоденствія и весны.

γ) Средняя часть отъ *wadinusis* до *Ek sau po Trimprū* принадлежитъ къ сообщеніямъ самого Довконта, заимствованнымъ изъ жизни народа. Главное затрудненіе представляется въ объясненіи „ро Trimprū“. Предлогъ *po* с. gen. говоря о времени, имѣеть значеніе „послѣ“, нпр. *po metū* послѣ, по истеченіи года, черезъ годъ; о мѣстѣ: послѣ, за, нпр. *po kits kitos*, одна послѣ другой, одна за другой (Schleich. Gr. 1. 202). А такъ

1) Онъ былъ также богъ морозовъ *Alnpeke* стихъ 1434—7; Прилож. VII, годъ 1219 и *ŽMI. I, 116*.

2) «*Potrimpo war der ander abgott der Preussen, wardt gehalten für einen gott von deme alles glück keme in streitten, regirung, haushaltung auffm ackerland und andern mehr*» L. Dav. ed. Hennig, Kngsbrg 1812. Bd. I, р. 34.

3) Смысла ошибочна, по свравкѣ, сдѣланной мною въ Берлинѣ; для насъ важно, что Довконтъ ссылается на печатное сочиненіе, а не на традицію.

какъ Trimpa по Довконтѣ божество благоденствія, то Ek sau по Trimprū имѣло бы значеніе „Иди, ступай себѣ за божествами счастья“, къ бож. счастья. — Gen. plur. заставляетъ насъ принять извѣстное количество божествъ этого рода. Въ живомъ языкѣ еще до сихъ поръ говорится Ek sau po velniū, собственно: иди себѣ за чертями, убирайся къ чертямъ. Довконтъ¹⁾ приводитъ еще фразу Ek sau po Giltiniū, ступай себѣ къ Гильтинамъ, къ демонамъ смерти, на гибель²⁾. — Въ концѣ нашего изслѣдованія мы вернемся къ этому предмету.

2. „Kamieni to ouzolo buwi trys ouksaj, koriusi stowiejusi istatyti trys Dijwaj wirsziaus minawoti. Pergunas (sic) widorie, Trimpa kajrioie o Pukulys deszinioie szalie Perguno“ (p. 103). На верхнемъ концѣ этого дуба были три отверстия, въ которыхъ поставлены были три вышеупомянутыя божества въ стоячемъ положеніи, Pergunas (sic) посрединѣ, Trimpa налѣво, а Pukulis направо возлѣ Perguna.

Это описаніе противорѣчитъ основнымъ вѣрованіямъ Литовцевъ. Литовецъ же по происхожденію, какимъ былъ Довконтъ, долженъ былъ необходимо написать, что Trimpa, какъ божество благоденствія, стоялъ по правую руку возлѣ Perguna, такъ какъ эта сторона считалась благопріятной; лѣвая же считалась всегда несчастной (Z. M. L. I. 109. 19). Названіе Patollus Довконтъ произвольно замѣняетъ болѣе извѣстнымъ Pukulis. Впрочемъ споръ относительно того, какое мѣсто занимали божества, считаемъ совершенно бесполезнымъ въ виду несуществованія этой тройцы вообще, а истукановъ въ частности. Срав. еще Hartk. Diss. III. 3, p. 128.

3. „Letuwej turieiusis jį ož szwenta i karę traukdamis sotikij kelie žalti tarusis, iog jį essos Trimpos Dijwas, arba kajp praszalejtej waden po Trimpos Dijws“ (p. 94—5). Литовцы считали его (змѣя) святымъ и встрѣтивъ змѣя по пути во время отправленія на войну, говорили, что онъ будто бы божество Trimpa, или какъ посторонніе его звали „po Trimpos Dijws“.

Грунау, а затѣмъ его послѣдователи, придаютъ Potrympus атрибутъ glück in streiten — а символомъ его считаютъ змѣя. По Довконтѣ казалось бы, что только войны, отправляющіеся противъ непріятелей, считали встрѣчу со змѣемъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Между тѣмъ неожиданное появленіе змѣя не только военному, но и каждому, предвѣщало благопріятный исходъ въ предпринятомъ дѣлѣ. Очевидно Довконтъ это писалъ подъ вліяніемъ словъ „glück in streiten“.

4. „Pirmoje szwente buo rawasario Trimpos arba Jores szwente wadinama“. Первый праздникъ былъ весною и назывался „праздникомъ Trimpa или Юріа“.

Изъ вышеприведенныхъ отрывковъ слѣдуетъ:

а) Довконтъ рѣшительно отвергаетъ форму Potrimpus очевидно потому, что она не существовала въ Литвѣ.

б) вмѣсто ея приводитъ Trimpa (№ 2) мужескаго рода, какъ показываетъ „Dijws“, а не Dijwa, Dėwe; склоненіе же ея въ женскомъ родѣ: Trimpos gen. sing. (№ 3 и 4).

γ) Самъ колеблется какъ его звать, Trimpa или Drimba (№ 1), вѣроятно потому, что и форма Trimpa не была ему положительно извѣстна.

δ) Желая разъяснить, откуда произошла загадочная форма Potrympus, вмѣняетъ это въ вину чужестранцамъ (не знающимъ по-литовски), которые вмѣсто Trimpos будто бы говорили „po Trimpos Dijws“ (№ 3). — Только бѣда, что этого нельзя понять, и вѣроятно самъ Довконтъ не понималъ.

1) Buda p. 95, 97.

2) Въ словахъ Довконтѣ Ek sau po Giltiniū, arba giltiniū kaŗa послѣднія слова не ясны. Karschatz, v. kaŗa объясняетъ, что это бревно, соединяющее впереди полозья саней; но и конструкція для меня не понятна. Г-въ Станиславъ Рауба сообщил мнѣ, что kaŗa означаетъ «добыча» и что во фразѣ пропущено: «buk» пусть будетъ; такимъ образомъ слѣдовало бы читать «arba buk Giltiniū kaŗa», пусть будешь добычей Гильтинъ.

в) Значеніе Trimpa опредѣлено Довконтомъ по значенію Potrimpus у Луки Да-вида (= Грунау), съ присоединеніемъ значенія весеннихъ праздниковъ.

з) Новымъ является у Довконта фраза Ek sau po Trimprū, значенія которой не со-общаетъ.

Итакъ мы убѣждаемся, что Довконтъ нисколько не способствуетъ разъясненію даннаго вопроса. Въ крайнемъ только случаѣ можно принять, что существовало какое-то слово, похожее на Trimpa, Trimpe¹⁾.

XII. Brivzemniaks - Treuland помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Императ. Общества Люб. Естеств. и Этнографіи. Т. XL. п. загл. „Матеріалы по Этнографіи Латышскаго племени“. Москва 1881, стр. 173, № 526, заклятіе, доставленное ему г. Сиверсомъ, землевладѣль-цемъ изъ волости Вальтайкенъ Газенпотскаго уѣзда, Курляндской губерніи: Vaj tevi skaudu, vaj nabagūju kū nū tevim, kad tu manus laūkus (lūpus, dārzus un c.) apērmūji: Es isāku savus dārbus ar Laimas mātes paligu un nūbeidziu Divu divu minēdams. Kāpēc tu sūtīji Jūdu man virsū! Nūlādēts tamdēl tu esi! Laj Trimpus nū tavim laūkim, lūpim, plavām, dārzim un ganiklām nūgrižās, un ļaj Pērkūna rūsu mākūnas (v. nū muklu purvim rūsa) par tavim laūkim, dārzim, plavām, ganiklām lidinās! Laj visu, kas aug un dzem samaitā Pērkūnu gari! Laj Pērkūns spērdams visu laūnumu nū manim aizden un tev pašam tū deviūkārtīgi uzlik, ka tu nūdēdētu, ka rudeni nidres purvūs. Laj tava skaudiba mūžam pimētās pi cikstūša kūka — ne pi mana, vaj cita labuma! Развѣ я тебя завистью повредилъ, или милостыни у тебя испросилъ, что ты заколдовалъ мои поля (стада, огороды и пр.). Я начиналъ свои работы, призывая Лайму — мать, а окон-чилъ воспоминаніемъ бога боговъ. Зачѣмъ ты наслалъ черта на меня? Поэтому будь проклятъ! Пусть Trimpus отвернется отъ твоихъ полей, стадъ, луговъ, огородовъ и пастбищъ, и пусть зарничныя тучи Перкуна (v. зарница съ болотъ-топей) несутся надъ твоими полями, огородами, лугами, пастбищами! Пусть все, что растетъ и ро-ждается, испортятъ духи Перкуна! Пусть Перкувъ, поражая, прогонитъ отъ меня все зло и наброситъ на тебя вдевятиро больше, такъ чтобы ты изсохъ, какъ осенью камышъ въ болотахъ! Пусть твоя вредная зависть на вѣки прильнетъ къ скрипучему дереву, а не къ моему или къ чьему-нибудь добру.

„Произнося это заклинаніе стань голыми колѣнами на землю, лицомъ противъ солнца. Если завистникъ (колдунъ) послѣ этого придетъ къ тебѣ въ домъ, опшелемленный или больной, и станетъ просить напитокъ, то не давай ему. Какъ скоро онъ получилъ отъ тебя хоть одинъ глотокъ воды, то онъ спасенъ, наговоръ болѣе не дѣйствуетъ (Трейляндъ *ibid.*).

Trimpus въ вышеприведенномъ заклятіи обладаетъ громадною властью, и вслѣдствіе этого значеніе его между земледѣльческими божествами должно быть первостепенное, и поэтому извѣстнѣе другихъ этого разряда божествъ, такъ какъ онъ является сово-купно божествомъ полей, луговъ, огородовъ, стадъ и пастбищъ. Однакожъ мы относи-тельно его значенія до сихъ поръ не нашли никакихъ неоспоримыхъ данныхъ, и даже самое названіе его подлежитъ сомнѣнію (см. напр. у Довконта, Trimpa или Drimba?). Поэтому и мы относимся къ упоминанію его въ этомъ заклятіи съ недоувѣріемъ. Вѣдь удивительно, что о божествѣ столь обширнаго значенія осталось такъ мало свѣдѣній, которыя еще послѣ подробнаго разбора оказываются сомнительными и недостовѣрными. Въ народныхъ пѣсняхъ онъ вовсе не упоминается; въ народныхъ преданіяхъ о немъ нѣтъ рѣчи — что впрочемъ окончательно не рѣшаетъ объ его существованіи. Изъ авто-ровъ Стендеръ именуетъ его б. пьяницъ, а Довконтъ основывается главнымъ образомъ на поддѣлкахъ Грунау. Личныя мои старанія были тщетны²⁾.

1) См. въ концѣ этого разсужденія нашу догадку.

2) Извѣстный знатокъ латышской исторіи, баронъ Г. Мантейфель, къ которому я обратился при разгле-

Неужели Trimpus только въ этой одной деревнѣ былъ извѣстенъ и только тутъ пользовался столь обширною властію? Намъ кажется, что, хотя самое закліаніе совершенно соотвѣтствуетъ и по своей формѣ, и по своему содержанію латышскимъ обычаямъ, однако все-таки упоминаніе въ немъ „бога боговъ“, а затѣмъ поименованіе „Trimpus“ возбуждаетъ въ насъ подозрѣніе, что „богъ боговъ“ христіанскаго происхожденія, а „Trimpus“ вытѣснилъ какое-то другое, болѣе подходящее названіе божества.

Въ то время, какъ значеніе Trimpus становится для насъ неувидимымъ, очерчиваются ясно и выразительно другіе представители его власти, какъ представители специальныхъ функций ея, такъ и болѣе общихъ. Итакъ представителями специальныхъ функций сказанной власти являются напр. Laukamate, мать полей (литов. Laukpatis, Laukosargas); Lopumate, бож. стадъ; Darža-mate, бож. огородовъ. Къ этимъ-то божествамъ прибѣгали именно въ случаѣ нужды, а не къ какому-то Trimpus¹⁾.

Кромѣ того каждый латышскій хозяинъ имѣлъ особаго покровителя своего дома и поля, называвшагося Majaskungs, а не Trimpus, а въ Литвѣ Zemrats²⁾.

Затѣмъ болѣе обширную власть, нежели упомянутыя божества, имѣла Zemes-mate, мать земли, и вообще плодородія. Она въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ является главнымъ образомъ ключницей могилъ, затѣмъ божествомъ земли и божествомъ всякаго блага, какимъ именно намъ являлся Trimpus, напр.

Ой, добрая мать земли,
Дай мнѣ ключъ отъ могилы,
Чтобы я могла отомкнуть могилу
Для старой бабушки (Спрогись стр. 218/21).

Иногда вмѣсто Zemes-mate говорится прямо земля:

Растворились ворота земли,
Сокрыли ключъ земли,

невія даннаго вопроса, отвѣтилъ мнѣ: никто изъ насъ ничего не слышалъ о Тримпѣ. Спросивъ мною и г. Билештейномъ, г. Трейландъ на ежегодномъ засѣданіи Общества (der lettisch-literarischen Gesellschaft), признался, что и онъ ничего о Тримпусѣ не слышалъ, кромѣ того, что о немъ говорится въ закліаніи, сообщенномъ г. Сиверсомъ изъ Вальтайкенъ.—Даже «Pikis», «Piktulis» имѣютъ болѣе выразительныя черты дѣйствительности, чѣмъ Trimpus. По крайней мѣрѣ кое-гдѣ слышатся у Латышей эти названія, хотя и они могутъ быть только книжными божествами, перешедшими въ народъ. Но это рѣшительно опровергаетъ г. Трейландъ, не будучи однако въ состояніи опроверженіе подтвердить доказательствами».

¹⁾ «auch haben sie... besondere götter und göttinnen gehabt, als die mutter oder göttin des ackers... der garten». P. Einhorn Hist. Lett. Sc. R. Liv. II, 584.—Затѣмъ: «und riefen ihre Laukamaat, Meschamaat, Lopemaat .. mit fleiss an» Reform. gent. lett. въ Sc. R. Liv. II, 616. — «und deswegen nicht die Lauka Maat umb getreyde, die Daarsa Maat umb gartengewächs... die Lopu Maat umb viehe, sondern Gott der Herr allein umb alles anzurufen (sei)». Ibid. p. 618. — Wann sie im garten arbeiten, so ruffen sie die Dahrsemate, die göttin oder mutter der garten an. Wann sie auff's feld hinausgehen, so ruffen sie die Laukamate, die mutter oder göttin der felder oder der acker an, wie sie denn auch derselben dancken, wann das getreide wol stehet... Also wird von jhnen die mutter und göttinne des viehes (т.-е. Lopumate) angeruffen. Einh. Wiederlegung der Abgotterey etc. S. R. Liv. II, 642. Если въ язычествѣ встрѣчались понятія, сходныя съ христіанскими, то Латыши соединяли одно съ другимъ: «denn wie sie dazu gehalten wurden, dass sie die Jungfraw Mariam anruffen solten, und sie sahen, dass es mit der anruffung ihrer götter und göttinnen übereinkam, da riefen sie beydes, die Jungfraw Mariam und andere heiligen, und denn auch ihre götter und göttinnen an, vermeineten also, sie weren miteinander und köndten beyderseyts helfen, wie sie dasselbe aus jhren worten oft vernehmen lassen: O Maringa darga, o Lopu Matiet (sic) bagata! (О дорогая Марія, о щедрая мать животныхъ. Reform. g. lett. Sc. R. Liv. II, 616/617.

²⁾ Это божество принадлежитъ собственно къ домашнимъ божествамъ. Литовскій Zemrats считался братомъ Zeminele (Praet. p. 31). Zempattys (sic) ist eigentlich gott der bau und wohnstätte. Diesem zu ehren pflegt der wirth zur zeit des kürzesten tages eine feier zu halten... Молитва къ нему: du Zemypatie (sic) du giebst uns solch gut brot. Dafür danken wir dir! Hilf dass wir durch deinen seegen unsere äcker betreiben und durch zuthun der Zeminele mehr deiner guten gaben empfangen и пр. Praet. p. 66.—O Majas Kungs см. Das Inland, Dorpat 1836, № 39. p. 641.

Спать мнѣ теперь подъ землею,
Пока солнце на небѣ! (Спрогись 218/17).

Въ другой пѣснѣ покойникъ прощается съ семьей и привѣтствуетъ мать-землю, попеченію которой поручаетъ свое тѣло:

Прощайте, батюшка, матушка!
Добрый вечеръ тебѣ, мать земли!
Добрый вечеръ тебѣ, мать земли,
Храни мою красоту! (Спрогись 218/18).

Вмѣстѣ съ тѣмъ она была богиней пропитанія и всевозможныхъ благъ (точно такъ, какъ и Trimpus).

Говорятъ, что земля причиняетъ зло;
Земля дѣлаетъ всякое добро,
Земля даетъ ѣсть, пить,
Скрываетъ мою красоту (Спр. 218/19).

Такимъ образомъ названіе земли Zedu-mamulite, мать цвѣтовъ, рядомъ съ названіемъ ея „ключницею могилъ“ получаетъ свое объясненіе.

Впрочемъ вмѣсто Trimpus могли призывать Lajma, извѣстное во всей Литвѣ божество благоденствія вообще, слѣдовательно и урожая. Въ этомъ смыслѣ упоминается Lajma и въ приведенномъ нами заклятіи, равно и въ народныхъ пѣсняхъ:

Lajme ходитъ черезъ овсяное поле,
У ней плащъ изъ овсяной шелухи;
Богъ ходитъ чрезъ ржаную ниву,
У него шапка изъ иголь ржи (Спр. 307/23).

И этотъ безымянный богъ (deviŭs) считается виновникомъ урожая; онъ распространяетъ спокойствіе надъ полями, покрытыми цвѣтущимъ хлѣбомъ:

Тихо, тихо ѣдетъ богъ (deviŭs)
Съ горы въ долину:
Отъ него не колышется цвѣтъ ржи,
Не пугаются кони пахарей (Спр. 299/3).

Разобравшись во всѣхъ приведенныхъ подробностяхъ мы дѣлаемъ предположеніе, что имя Trimpus въ данномъ заклятіи поставлено вмѣсто настоящаго имени божества плодородія, или вмѣсто общаго deviŭs; и что его внесъ туда какой то книжный ученый, которому имя Trimpus, положимъ изъ Стендера, стало извѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ мы старались сдѣлать вѣроятнымъ, что упоминаніе Trimpus въ заклятіи въ виду выше изложенныхъ соображеній, не заслуживаетъ безусловнаго довѣрія.

Для нагляднаго обзора разницы въ приписанныхъ Potrimpus Potrimpe, Trimpus атрибутахъ считаемъ полезнымъ еще разъ вкратцѣ перечислить ихъ безъ всякаго отношенія къ ихъ достовѣрности.

a) Potrimpus: glück in streitten und sust in anderen sachen; gott des getreydes (Grunau). — Pollux (Agenda). — Deus fluviorum ac fontium; божество ворожбъ (Явъ Мал.). — Gott der fliessenden wasser (Гер. Мал.).

b) Antrimpus v. Autrimpus: Neptunus (Ag., по нашему Castor). — „Deus maris (Явъ М.). — Der gott des mehrs und der see (Гер. М.).

c) Trimpa: богъ весны, даятель благоденствія, творецъ міра, наливанія зерна, обилія; покровитель стадъ, птицъ, хлѣба (Довконтъ).

d) Trimpus: saufgott (Stender). — Покровитель полей, луговъ, огородовъ, пастбищъ; богъ стадъ (Трейландъ).

Слѣдовательно было бы у насъ довольно, да, изобиліе матеріала, но къ сожалѣнію мы не знаемъ, что именно изъ этого всего избрать, такъ какъ послѣ нашего разбора ни одинъ атрибутъ не оказался достаточно достовѣрнымъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что большинство атрибутовъ указываетъ на связь съ плодородіемъ.

Такимъ образомъ въ виду этихъ вообще сомнительныхъ или прямо недостовѣрныхъ данныхъ, и въ виду фактическаго существованія какого-то слова, похожаго на *trimpe*, *trimpus*, изслѣдованіе наше встрѣчается съ непреодолимыми препятствіями и не можетъ прійти ни къ какому положительному результату. Поэтому слѣдовало бы оставить весь вопросъ нерѣшеннымъ, или прибѣгнуть къ догадкамъ, не всегда удачнымъ. Съ этой оговоркой мы представимъ нашу догадку, основаніемъ для которой послужитъ одинъ общій, но дѣйствительно существовавшій, обычай или обрядъ, и затѣмъ одна замѣтка Стендера.

Всѣмъ специалистамъ по Литовщинѣ извѣстно, что Литовцы во время каждаго праздника совершали пиршества, переходящія обыкновенно въ необузданное пьянство. Свидѣтельство о Пруссіи вообще, приводитъ *Dusb. III, 5*; о прусской Литвѣ *Praetorius* по разнымъ мѣстамъ, а о Латышахъ уже самъ языкъ, въ которомъ вмѣсто „праздновать, совершать торжество“, говорится прямо: пить торжество, напр. *Kazas dzert*, пить свадьбу; *beres dzert*, пить тризну и пр.

Для покрытія издержекъ на общіе праздники извѣстной деревни, или нѣсколькихъ деревень засѣвали общее поле; часть жатвы продавали, и на вырученныя деньги покупали жертву, быка, свинью, козла и т. п., а изъ остатковъ этой жатвы варили пиво и пекли печеніе. Или также, каждый хозяинъ отдѣльно приносилъ опредѣленное количество хлѣба (*Суд. книж.*).

Общія жертвоприношенія совершались также въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр. во время чумы, морового повѣтрія. Такое жертвоприношеніе описываетъ *Einhorn*. „*Und haben solche offer auch diese leute oder unteustchen (т.-е. Латыши) gethan in solcher zeit (во время чумы), welches sie Sobar geheissen, das ist ein zusammengeleget, oder von vielen zusammengesossen offer, denn jhrer viel zusammengetreten, und jglicher so viel geldes wie der ander, zusammengeleget und dafür zu solchem offer ein stück viehes gekauft und dasselbe geopfert, hernach aber das übrige verzehret. So haben sie auch einer so viel wie der ander an getreyde zusammenschüttet, davon gebrawet und gebacken, und alsdenn zusammen abergläubiger weise mit jhren heydnischen ceremonien Gott angeruffen, das er die pestilenz abwenden wolte; wann das geschehen, haben sie ein convivium miteinander gehalten und die zu hauff gebrachte speise und tranck mit einander verfressen und versoffen. Dieser gebrauch wird noch bei vielen in acht genommen, denn ob sie es schon nicht öffentlich thun dürfen, to thun sie es doch heimlich... Das haben sie anno 1602 in der grossen und geschwinden pestilenz gethan, und da sich anno 1625 wiederumb eine pestilenz erregte, hat mans... auch ins werck gerichtet, die pestilenz damit auff zu heben und zu vertreiben¹⁾.*“

Стендеръ вѣроятно пользуется *Einhorn*'омъ сообщая s. v. *Sobarri* слѣдующее: *die offer, die man zur pestzeit dem Auskut (?)²⁾ brachte. Von sobahrt anstatt sabethrt, zusammenschüttten, weil sie das zusammengebrachte korn zusammenschütteln und daraus ein saufopfer bereiteten³⁾.* Онъ какъ видимъ наравнѣ съ *Einhorn*'омъ пишетъ, что такое жертвоприношеніе совершалось въ случаѣ моровой язвы.

Praetorius подъ заглавіемъ *Vom fest Samborius oder Getreidigtteste* описываетъ

¹⁾ *Reform. g. lett. Sc. R. Liv. II, 620.*

²⁾ См. ниже Приложение: *Auszautis*.

³⁾ *Lett. Gram. § 218 s. v. Sobarri.*

подобное жертвоприношение, совершаемое периодически, ежегодно в началѣ декабря, т.-е. поздною осенью, во время молотбы, когда уже все было собрано.

Главные интересующія насъ мѣста этого подробнаго и слишкомъ обширнаго описанія слѣдующія: хозяинъ беретъ девять пригоршней хлѣба всякаго рода, т.-е. три раза по три пригоршни, но такимъ образомъ, что для наполненія одной горсти онъ трижды захватываетъ изъ одного и того же хлѣба. Всѣ же зерна ржи, пшеницы, львяного сѣмени, ячменя, гороха, чечевицы перемѣшиваются со собою и изъ этой смѣси варятъ пиво. Затѣмъ каждый изъ семи (чужимъ нельзя присутствовать) долженъ былъ выпить $3 \times 3 \times 3$, (3×9) т.-е. три раза по девять кубковъ. вмѣсто маленькихъ дѣтей выпиваютъ родители¹⁾.

Brodowski в нѣмецко-литовской части своего словаря (рукопись) s. v. Pluto сообщаетъ о подобномъ жертвоприношеніи, совершаемомъ периодически во время весны: Pluto, Sambarys. Dem jährlich umb ostern drei handvoll von jedweder saat und von jeder speise drei biszen auff ein weisses tuch geweiht, das essen frassen die hunde, die saat wurde ausgesäet und den (sic) Alaus (sic) gebraun, unde Alus Samberinis²⁾.

Затѣмъ припомнимъ себѣ, что какъ литовскія божества привимаютъ названія одни отъ дѣйствій, которыя совершаютъ (нпр. Perkunas, отъ perti ударять, Dūtojas отъ dūti давать), другія отъ предмета, которому покровительствуютъ (нпр. Zeminele, Žemes-mâte, Laukpatis), точно также и празднества принимаютъ главнымъ образомъ свое названіе отъ главнаго дѣйствія въ обрядѣ, какъ нпр. Inkurtuves, Ikures (Довк. p. 112) отъ главнаго дѣйствія зажиганія перваго огня въ хижинѣ.

Этимъ также путемъ возникло названіе торжества, называвшагося Samborius (Praet. гдѣ уже произошло олицетвореніе); Sobar (Einhorn); Sobarri, (Stender). Это торжество праздновалось въ различныя времена года, непериодически въ исключительныхъ, необыкновенныхъ случаяхъ, нпр. во время моровой язвы, и периодически, ежегодно, весной и осенью. Эти слова сложены изъ предлога sam (sa, so), русское съ лат. cum, и глагола beriū сыплю, слѣдовательно samberiu, soberiu, samberti, ссыпать, а въ данномъ случаѣ, ссыпать, смѣшивать различныя хлѣба вмѣстѣ, въ кучу, для вариванія изъ этой смѣси праздничнаго пива и печенія праздничныхъ пироговъ. Правильное названіе этого праздника будетъ Sambares (plur.); Samberinis alus же, вываренное изъ этой смѣси пиво, въ отличіе обыкновеннаго пива Alus.

Отъ этого названія празднества произошло, какъ олицетвореніе его, названіе мнимаго божества Sambarys (Brodowski, который придаетъ ему значеніе Pluto?). Samborius (Praetor.); авторы же, желавшіе облегчить себѣ этимологическій выводъ, перемѣнили Sambarys въ Zembarys (Mielcke) і Žemberys (Voigt Preus. Gesch. I, p. 593 и прим. 3), въ значеніи Erdbestreuer (zeme земля и beriū)³⁾. Этотъ выводъ вмѣстѣ съ значеніемъ Erdbestreuer слѣдуетъ оставить безъ вниманія.

Мы уже говорили, что такія празднества сыпки, Sambares, праздновались главнымъ образомъ периодически, ежегодно, весной (Brod.) и осенью (Praet.). Для отличія празднествъ весеннихъ отъ осеннихъ давали осеннимъ праздникамъ наименованіе отъ другого главнаго момента этого обряда, именно отъ свойственнаго ему набирания три раза по девять пригоршней хлѣба (и затѣмъ отъ послѣдовавшаго выпиванія три раза по девять кубковъ пива), такъ что вмѣсто на осенній праздникъ „Sambares“ говорили „Ant trin deviniu“, т.-е. на праздникъ три раза девять⁴⁾. Можетъ быть, что это на-

¹⁾ ed. Pierson p. 60.

²⁾ Schleicher Sitz. Ber. d. phil Classe d. Akad. d. Wiss. XI Bd. Wien, 1854, p. 85.

³⁾ Voigt l. l.—Nesselm. Lit. Wört. s. v. p. 543; Schleicher l. l.

⁴⁾ (Sie) halten ein fest, das sie Sabarios nennen, kommt her von zusammenwerfen... wird auch sonst genannt Ant trin devinu i. e. das fest der dreimal neun. Praet. ed Pierson p. 60.

звание обобщено въ значеніи „на осень“, какъ это водится у многихъ народовъ въ родѣ „на Рождество“, „на Wielkanoc“ и т. п. Если же говорили *Ant trin deviniu*, можно было также сказать „*Po trin deviniu*“, послѣ праздниковъ три раза девять, точно такъ, какъ говорится *ant Veliku* на Пасху, *po Veliku* послѣ Пасхи, *ant Kristaus užgimimo* на Рождество, *po Kristaus užgimimo* послѣ Рождества.

Отсюда, какъ думаю, имѣемъ нѣкоторое основаніе для нашего предположенія, что весення празднества ссыпки, *Sambaręs*, могли также быть названы отъ числа трехъ пригоршней разнороднаго хлѣба, употребляемаго для совершенія весеннихъ обрядовъ. А такъ какъ *Trimpus* (или тому подобное слово) могло служить названіемъ праздника, то мы предполагаемъ, что въ *trimpe* находится обозначеніе второго названія весеннихъ *Sambaręs*, точно такъ, какъ... *trin deviniu* вторымъ названіемъ осеннихъ *Sambaręs*. Изъ этого слѣдуетъ, что въ — *trimpe* мы находимъ корень числа *tris*, три, а не, какъ другіе принимаютъ, корень *trip* или *trem*, отъ котораго образуется *tripiu*, *tripti* и *tremiu*, *tremti* въ значеніи ударять ногами въ землю, топтать, значеніе которое ни въ чемъ не объясняетъ слово — *trimpe*, *Trimpus*.

Взявъ въ основаніе слово *Natrimpe* (въ *Coll. Ep. Varm.*), въ которомъ первый разъ читаемъ — *trimpe* (1418 г.), я считаю — *trimpe* сложнымъ изъ *trium* (gen. pl. отъ *tris*) и постпозиціей — *pi*, сокращенное *p*¹⁾, а затѣмъ съ неорганическимъ призвукомъ *e* = *pe*, т.-е. *triumpi*, *triump*, *triumpe*, которое могло сократиться въ *trimpe*²⁾.

Въ такомъ случаѣ означало бы *Ant trimpe*, на праздники трехъ пригоршней, на весення *Sambaręs* („весной“?). *Po trimpe* послѣ этихъ праздниковъ. А такъ какъ литовское *Ant* равняется по значенію прусскому *Na*, то *Natrimpe* = лит. *Ant trimpe*. — *Au trimpus* же считаю орфографической ошибкой вмѣсто *Antrimpus*.

Такимъ образомъ мы можемъ легко объяснить себѣ, зачѣмъ „*Potrympus*, *Po trimpe* считается главнымъ образомъ божествомъ весны.

Авторы иногда не изслѣдовавъ тщательно предмета, часто названіе празднества принимаютъ за названіе божества. Это случается также и въ народѣ, когда исчезло язычество и вмѣстѣ съ тѣмъ народъ позабылъ настоящее значеніе названія, блуждающаго еще среди народа. Тоже самое случается и съ христіанскими названіями, колы скоро народу настоящее ихъ значеніе неизвѣстно. Напр. Италіанецъ праздникъ „*Eriphania*“ (6-го янв.) олицетворилъ въ Святую Бѣфану³⁾. Такимъ точно образомъ изъ названія праздника * *Trimpe* образовалась личность, съ лат. окончаніемъ — *us*, *Trimpus*, а по аналогіи фразъ „*Ek sau po Velniu*, *Ek sau po Giltiniu*“ могла образоваться фраза *Ek sau po Trimpu* (замѣчательный plur.), конечно, что предлогъ *po* уже не значить „послѣ“, а „къ“; сообразно съ: „убирайся къ чертямъ“ убирайся къ *Giltin'am*, т.-е. на смерть, на погибель, *po Trimpu* будетъ означать убирайся къ „Тримпамъ“, только не ясно, считать ли Тримповъ тутъ благосклонными божествами, или какъ бы христіанскія понятія требовали, несчастными, каковыми также *Velnias*, *Giltiné*.

Такимъ же образомъ изъ „*Ant Trimpe*“ произошло мнимое божество *Antrimpus* съ лат. окончаніемъ — *us*. Прусское *Natrimpe* сохранило свою первоначальную форму.

1) Schleich. Gram p. 293.

2) Если *trin* во фразѣ «*trin deviniu*» не ошибка вмѣсто *triu*, старое *triu*, то мы имѣли бы примѣръ сокращенія *trium* въ *trin*; на такое сокращеніе повліяло бы какъ стремленіе удержать главный звукъ «и» вмѣстѣ съ главнымъ значеніемъ три, такъ и желаніе, отличить это слово отъ *trumpas*, краткій, нпр. *ant trumpo* черезъ короткое время, незадолго; *po trumpo* послѣ к. вр, незадолго, вскорѣ.

3) Такимъ образомъ не понимавшіе старинную польскую фразу, *do siego roku*, до сего года, образовали фразу *Dosiego roku*, въ которой *dosiego* считалось прилагательнымъ отъ уменьшительнаго собственнаго имени *Dosia*, Дорога, Дороея; а соответственно смыслу пожеланія увидѣться черезъ годъ, придумали для этой Дороеи преклонныя лѣта. — Изъ фразы *Vera ikon*, по Максу Мюллеру, произошло имя Вероника.

В). Auszautis.

Первый разъ упоминается Auszautis въ Агендѣ 1530 г.: Auschauts, Aesculapius. Изъ Агенды или изъ ея копій выписалъ Coelestinus Mislenta: „Auxschautis, Aesculapius (Man. Prut. 1626 p. A²); изъ того же источника сообщаетъ I. Behm: Auschauts Aesculapius (De statu Borussiae 1644, см. Acta Boruss. III. 156) и Hartknoch: Auxschautis безъ латинской интерпретации (Diss. VII 125). — Янъ Малецкій въ Libellus de Idolol. Vet. Boruss. съ 1551 г. пишетъ: Auscautus (sc = sz), въ иномъ изданіи: Autscutus, deus incolumitatis et aegritudinis; въ перепечаткѣ того же Libellus Ласицкимъ съ 1580 г. „Auscutus, incolumitatis et aegritudinis deus (De diis Sam. ed. Grasser p. 54; ed. Mhdt. p. 19 (96). — Въ Судавской книжкѣ Геронима Малецкаго (до 1560) читается Auschlawis, der gott der gebrechen, der kranken und gesunden, а немного дальше тотъ же самый божокъ, но въ формѣ Ausskayten считается милостивымъ и могущественнымъ божествомъ, ходатаемъ передъ божествами Pergrubius (?), Perkuuius (опечат. вмѣсто Perkunius), Schweygstix (sic) и Piltut (?).

Съ тѣхъ поръ оба Малецкіе служатъ источниками для слѣдующихъ писателей, одни изъ которыхъ заимствуютъ свѣдѣнія буквально, другіе же видоизмѣняютъ форму названія для облегченія себѣ этимологическаго вывода, и вмѣстѣ съ тѣмъ и значенія; иныя наконецъ принимаютъ два божества: Auszautis v. Auschaitis, и Auszlawis.

Приведу нѣсколько примѣровъ: Стрыйковскій (около 1578 г.) безъ упоминанія о своемъ источникѣ, Геронимъ Малецкимъ, пишетъ: Auschlawis, bóg niemocnych choruch i zdrowych; Варш. изд. стр. 144. — Л. Давидъ (до 1580 г.) стр. 91: Auschkauten и Auschlauts; М. Вайссель перепечатывая въ своей хроникѣ (изд. въ Кенигсбергѣ 1599) Судавскую книжку: „Auschweytus, gott der gebrechhaftigen, kranken und gesunden“, а на поляхъ объясняетъ его римскимъ Saturnus (!). И изъ этого сообщенія можно также увидѣть, что латинскія объясненія прусскихъ божествъ дѣлали наудачу; въ другомъ мѣстѣ у этого автора читаемъ тоже божество въ формѣ Ausschweytissen. М. Praetorius p. 27 имѣетъ форму „Auszweitis, nach Bretkuis Auszweikus, ein gott der kranken und gesunden, von sweikas gesund, sweikata gesundheit“. Но какъ объяснить krank? Stender s. v. Auskuts говоритъ: Auskuts, der gott über krankheit und gesundheit, dem man bey menschen und viehseuchen offer brachte (см. s. v. Sobarri). Sein name ist so viel als Auskuttis, schaafsscheerer von „aws“ ein schaaf, welches einige wie „aus“ aussprechen, und „skust“ abscheeren. Denn ihm eignete es man zu, wenn manches schaaf des morgens mit befressenen und abgewolleten rücken angetroffen wurde, welches die abergläubischen Letten gleich als einen vorboten der pest unter den menschen und vieh ansahen. Ich erinnere mich selbst eines solchen ehemaligen schaafs scheerlärms, der sich sehr verbreitet hatte. Объясненіе очевидно заимствовано у Геронима Малецкаго; упоминаніе же о моровой язвѣ — у Einhorn'a, а этимологія выдумана самимъ Стендеромъ. Ostermann пишетъ Ausweitis, eigentlich Atsweikcius von sweiks gesund, atsweikti wieder gesund werden¹⁾; Bender же Ausschweyt²⁾, а Schwenk³⁾ Ausschwaixt, eine blosse nebenform von Swaixtix.

Кажется будетъ довольно примѣровъ.

За основную форму слѣдуетъ принять Ausschauts въ Агендѣ; въ виду же изложеннаго о достовѣрности Агенды по поводу латинскихъ объясненій въ статьѣ о Rotrimpe, мы сомнѣваемся въ приписанномъ этому божеству значеніи „Aesculapius“.

1) Kritischer Beytrag zur Altpreuss. Religionsgeschichte. Kgsbg. 1776; см. АРМ Sch. IV, p. 192 прим. 10.

2) Zur altpr. Mythologie АРМ. Sch. IV, p. 102.

3) Mythologie Bd. VII, s. v. Auszlawis.

VI Приложение.

Deives. Ebrozas. Bałvonas. Stulpas. Stēbas. Stabas. Камни.

Такъ какъ не имѣемъ возможности пользоваться рукописью перевода Св. Писанія, сдѣланнаго Бреткунасомъ, то рассмотримъ только тотъ матеріалъ, на которомъ пр. А. Беценбергеръ основываетъ свое мнѣніе о значеніи вышеприведенныхъ словъ, изложенное въ Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen Bd. I 1877 въ статьѣ: Mythologisches in altlitauischen Texten p. 41—47.

Бреткунасъ перевелъ ветхій законъ между 1585—1590 гг. за исключеніемъ псалмовъ, которые вмѣстѣ съ новымъ закономъ перевелъ 1580 г., взявъ въ основаніе переводъ Мартина Лютера (=L). Главною задачею будетъ сравнить переводъ Бреткунаса (=Br.) съ переводомъ I, и указать, какое значеніе имѣютъ въ заглавіи приведенныя литовскія слова. Мы пользовались переводомъ Лютера съ 1603 г. Bibel, Das ist die gantze Heilige Schrift, Deusch D. Martin Luth. Cum Gratia et Privilegio Gedruckt durch Lorentz Seuberlich. Wittenberg 1603. fol. Кромѣ того я взялъ въ соображеніе другой литовскій переводъ Библии Лютера: Biblia Tai esti Wissas Szwentas Rasztas Seno ir Naujo Testamento pagal Wokiszka Perstattima D. Martino Luteraus. Nū keltu Mokytojū Lietuwoj' Letuwyszkaų perstatytas Ir antrą kartą ispraustas. Karalauczuje 1755. (=Kr.); затѣмъ латинскую Вульгату (=V) Biblia sacra Latino-Polonica. Vratislaviae. Anno 1771, польскій переводъ которой напечатанъ по тексту Вуйка (=W), и славянскій переводъ: Библия или книги Священнаго Писанія. Москва 1806.

	Ветх. законъ.	Пер. Лютера.	Пер. Бретк.	Пер. Кенигсб.	Vulgata.	Byekz.	Ст. слово.
1	Reg. III. 14, 23 (Reg. I.)	Seulen	stulpus	stulpus	statuas	bałwany	столбъ
2	Judic. 3, 19.	Götzen	stulpū	bałwonū	idola.	bałwany.	идолъ.
3	Judic. 17, 3.	Bildniss und Abgott	ebroza ir stulpą	Ebroza ir bałwoną	Sculptile atque confla- tile	Rycinę i licinę	(кумиръ) изваянь и сляня.
4	Judic. 17, 4.	Bilde und Abgott	ebroza ir stulpą	abroza ir bałwoną	Sculptile atque con- flatile	Rycinę i licinę.	(кумиръ) изваянь и сляня.
5	Chron. I. 5, 25.	Götzen	(su) stulpais glos. Deiwemis	(su) bał- wonais;	Deos (populorum)	Bogów narodów.	Боговъ людей земли.
6	Hos. 12, 15. (18, 2).	Götzen	Deiwes glos. stulpai	bałwonai	Amaritudi- nes	gorzkości	идоловъ.
7	Zach. 10, 2.	Götzen	Deiwes gl. stulpai	bałwonai	simulacra	bałwany	
8	Zach. 11, 17.	O Götzen- hirten!	O Stulpū piemenci!	Ak bałwonū gannytojej!	O pastor et idolum	O pasterzu i bałwanie	О пасущій суетная и оставшій овець!
9	Mich. 1, 7.	Götzen	Ebrozus gl. stulpus	bałwonai	sculptilia	ryciny	изваянная кумиръ.
10	Nah. 1, 14.	Götzen und Bilder	Deiwes ir stulpus.	bałwonus bey Abrozus.	sculptile et conflatile.	rycinę i licinę.	изваянная и слянная.
11	Mich. 5, 13.	Bilder und Götzen	Stulpas ir ebrozus. Gloss. Götzen, Dei- wes;	bałwonus	Statuas	Stupy	изваянная (твоя) и ку- миръ (твоя)
12	Hab. 2, 18.	Bilde	bilder, bałwo- nas. ebrozas gl. stulpas	abrozas	sculptile	rycina	кумиръ

Въ приведенномъ сопоставленіи текстовъ Св. Писанія слово „Götzen“ находится восемь разъ въ текстѣ Лютера, и это одно слово Бреткунасъ переводить тремя литовскими, т.-е. посредствомъ *stuļpas* (4 раза №№ 2, 5, 6, 8), *deives* (2 раза №№ 7, 10), *ebrozās* (2 раза №№ 9, 11). Несмотря на то, переводъ кажется ему не вполне удачнымъ, и по этому то поводу онъ къ этимъ словамъ, еще добавляетъ глоссы, къ *stuļpas* глоссу *deives* (№ 5), и наоборотъ, къ *deives* глоссу *stuļpai* (№ 7); къ *ebrozās* гл. *stuļpas* (№ 9) и *deives* (№ 11). — *Bilder*, *Bildniss*, находящіяся въ текстѣ Лютера пять разъ, переводить Бреткунасъ три раза посредствомъ *ebrozās* (№№ 3, 4, 12), разъ посредствомъ *stuļpas* (№ 10) и разъ *baļwonas* (глосса къ № 11).

Säulen, оба раза у него *stuļpas* (№№ 1, 14).

Въ Кенигсбергскомъ изданіи „Götzen“ постоянно переведено словомъ *baļwonai*, „*Bilder* же сл. *abrozai*“.

Такимъ образомъ у Бреткунаса значить:

a) <i>Stuļpas</i> seule (1, 14),	<i>götze</i> (2, 5, 6, 8, 9 и глос. 7),	<i>abgott</i> (3, 4),	<i>bilder</i> (10, 11 и глос. 12);
b) <i>Ebrozās</i>	<i>götze</i> (9, 11)		<i>bild</i> (3, 4, 9, 12);
c) <i>Deives</i>	<i>götze</i> (7, 10 и гл. 5, 11);		
d) <i>Baļwonas</i>			<i>bild</i> (гл. 11).

Слѣдовательно, если *baļwonas* у Бреткунаса означаетъ нѣмецк. *bild* (d), а то же слово *bild* имъ также переведено по-литовски *ebrozās* (b), и *stuļpas* (a), то *baļwonas* у Бреткунаса имѣеть то же самое значеніе, что и *stuļpas*.

Въ приведенномъ г. Вецценбергеромъ молитвенникѣ, авторъ его въ фразѣ „*stuļpai, meadis, arba baļwonas*“ придаетъ по моему мнѣнію послѣднему слову болѣе обширный смыслъ, такъ что *stuļpai* и *meadis* (дерево) составляютъ только отдѣльные виды общаго „*baļwonas*“. Въ противномъ случаѣ *baļwonas* въ этомъ мѣстѣ можетъ только значить или камень, или пукъ (кисть) изъ полевыхъ плодовъ, зелья, напр., сдѣланный для совершенія обрядовъ.

Во всякомъ случаѣ поражаетъ насъ колебаніе и непостоянство въ переводѣ Св. Писанія, въ которомъ каждое слово должно имѣть свое ясное, точное и опредѣленное значеніе. Бреткунасъ же зналъ отлично литовскій языкъ. Какъ пасторъ въ Лабіау наблюдалъ также оставшіеся обычаи язычества и имѣлъ ежедневныя сношенія съ простымъ народомъ, бывшимъ сплошь литовскимъ. — Такимъ образомъ онъ былъ въ состояніи каждый предметъ назвать настоящимъ литовскимъ словомъ, а въ крайнемъ случаѣ онъ могъ о немъ узнать у вѣреннаго его духовной власти населенія. При переводѣ Св. Писанія на литовскій языкъ онъ долженъ былъ обдумывать значеніе словъ, а что онъ въ самомъ дѣлѣ это дѣлалъ, доказываютъ глоссы. Будучи теологомъ и воспитанникомъ Кенигсбергскаго Университета онъ обязательно зналъ греческій, латинскій и еврейскій языки, а нѣмецкій былъ его природнымъ языкомъ; однимъ словомъ, у него были всѣ условія, требуемыя отъ хорошаго переводчика Св. Писанія. Слѣдовательно, коль скоро Бреткунасъ для перевода *Götzen*, *Bilder* употребляетъ нѣсколько разныхъ литовскихъ словъ, то становится яснымъ, что въ литовскомъ языкѣ не нашелъ соотвѣтственнаго для перевода слова, а не нашелъ потому, что Литовцу не было нужно слова для неизвѣстнаго ему понятія или предмета.

Настоящее значеніе словъ, посредствомъ которыхъ Бреткунасъ перевелъ нѣмецкое *Goetzen*, слѣдующее:

Deive, plur. *Deives* значить: злой духъ, призракъ, *böse geister, gespenster* (*Kurschat, Nesselm. s. v.*); у Ласицкаго „*visa et spectra*“; у Schleicher'a: „*Gespenst; scheint früher Gottheit bedeutet zu haben*“ (*Sitz. Ber. Wien 1854, p. 97*). Затѣмъ оно имѣеть

также значеніе почитаемаго предмета, какъ напр. камня (Rostowski)¹⁾; но отъ этого еще далеко до предмета, искусственно обработаннаго и представляющаго человѣческую фигуру, статую. *Abrozās, Ebrozās, Baļwonas* указываютъ на славянское происхожденіе; значить, для выраженія чужого, нелитовскаго понятія слѣдовало обратиться къ чужому, не литовскому языку. Мнѣ кажется, что эти слова заимствованы изъ польскаго языка, такъ какъ въ велико-польскомъ нарѣчїи, буква *a* въ послѣднемъ слогѣ слова *baļwan* произносилась какъ *o* (*a rochylone*), какъ напр. въ польскомъ *rap* (*rop*), лит. *ropas*.

Польское *baļwan* означаетъ необработанную глыбу значительной величины, напр. глыбу снѣга, льда, соли, камня, руды; затѣмъ глыбу, обработанную человѣческой рукой; предметъ различной величины, изваянный, литый, струганный (напр. каменная баба), которому отдавали честь, поклонялись; см. (слов. *Linde*, и *Słownik jęz. polskiego*, издаваемый въ Варшавѣ 1898, s. v.). Послѣдняго — рода предметовъ Литовцы не знали, и именно поэтому настоящаго литовскаго слова для ихъ обозначенія не существовало.

Сказанное о *baļwonas* касается также слова *Abrozās, Ebrozās*.

Stuļpas, рѣже *stuļpa*, также славянскаго происхожденія, водворившееся съ давнихъ временъ въ литовскій языкъ и вытѣснившее мало-по-малу въ нѣкоторыхъ областяхъ настоящее литовское *stėbas*. Оба слова, *stuļpas* и *stėbas*, означаютъ жердь, а главнымъ образомъ столбъ различной величины въ стоячемъ положенїи, все равно стоялъ ли онъ особнякомъ или въ извѣстномъ количествѣ, какъ косяки и т. п.²⁾

Не подлежитъ никакому сомнѣнїю, что Литовцы столбамъ, поставленнымъ для совершенія извѣстныхъ обрядовъ, отдавали извѣстную честь. На это указываетъ самъ языкъ, въ которомъ „*stėbmeldis*“ означаетъ почитателя столба, „*stėbmeldiste*“ почитаніе столбовъ, принявшее впоследствии у писателей общее значеніе идолопоклонника, идолопоклонства, точно такъ, какъ „почитатель огня“ перешло въ общее „идолопоклонникъ“.

Теперь рождается вопросъ, въ какомъ видѣ представлялись этого рода столбы?

Вещественныхъ памятниковъ не имѣется. Деревянные столбы были уничтожены временемъ, или нарочно низвержены и истреблены; однако изъ памяти народа они не исчезли, и сохранились при совершенїи извѣстныхъ обрядовъ, и смѣю утверждать, что высокіе кресты, поставленные въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ Литвы на могилахъ, напоминаютъ собою высокіе когда то почитаемые столбы. Въ литературѣ рѣдко упоминается о столбахъ. Вотъ что о нихъ сообщаетъ *Praetorius*: „*Hier felt mir ein, was oben erwehnter Wilhelmus Martinius bey antretung seines amtes einsmahl bei Marternik, einem dorffe seines kirchspiels gesehen. Dieses dorff lieget noch an der Żamaitischen grentze, gegenüber einem andern dorffe, so nun zu Żamaiten gehöret, nur das ein kleines strömchen Szusse genandt, die gräntze scheidet. Auf der seyte nach Żamaiten war eine eiche, dabey etwa fünf schritt davon ein ziemlich grosser stein. Nicht weit von dem stein ist eine hohe stange, seiner meynung nach zum wenigsten acht klafftern hoch, gesetzt worden, worauff ein ziegenfell ausgedehnet, über dessen haupt ein grosser pusch von allerhandt getreydigt, auch kraut gemacht gewesen. Vorgedachter Martinius ist eben dazu kommen, als sie selbige stange herausgehoben und dessen idolum abgenommen; ehe solches geschehen, hat er observiret, dass ein alter mann bey dem stein, darauff eine gefüllte kauszel gesetzt worden, gestanden. Baldt ist ein altes wolbekleydetes weib kommen mit einer grossen kauszel, die der alte mann, den wir waidulutt nennen wollen, von ihr genommen, was in die kauszel gegossen, die kauszel in die hand genommen und gebethet, was er aber gebethet, hat der sehliche mann nicht hören können, auch seinen unwill zu bezeigen, sich absentiret, jedoch aber hat*

1) *Lituanicarum S. J. Hist. ed. Vilnae p. 118*, см. конецъ нашей статьи (*Lapides... Deyves appellati*).

2) Жердь вообще = лит. *kartis*.

er nach fleissiger nachforschung erfahren, dass sie ihren gott, der ihnen essen und trinken, nahrung und auffenthalt gegeben, gedanket, haben aber denselben nicht nennen wollen. Nach verrichtetem gebeth hat sich das junge volk bey den händen gefast und umb die eiche und umb die stange getanzt, welcher tantz sobald der weydulut wieder mit der kauszel gebethet, uffgehöret; sobald er nach dem gebeth die kauszel ausgetrunken, hat er die stange ausgehoben, auch alle nach dem pusch gegrieffen. Das ziegenfell aber hat der weydulut zu sich genommen, als eine belohnung vor seine mühe, wiewol er dem kraut, so sie auf der stange gehabt, jedem sehr sparsam ausgetheilte. Darauf haben sie sich um die eiche und stein niedergesetzt, der Weydulut aber uf den stein das fell gelegt, sich darauf gesetzt, einen sermon gehalten von ihrem herkommen und alten gebräuchen, glauben p. p., den (?) Zemyna, den Perkuns und andere mehr genennet. Nach gehaltenem sermon haben sie alle mit dem kopf auf die erde sich gebeuget, darauff er vom stein herab und unter sie gangen, worauf ein fressen und saufen entstanden, so bis in den dritten tag gewehret. Solch ziegenfell sollen sie aufgerichtet haben, wenn sie angefangen die wintersaat zu säen. Dabey sie mit allerhand abergläubischen possen das fleisch verzehret und zugleich braff herumbgesoffen haben. Es scheint, dass diese ceremonie eine reliquie sey der verehrung, damit sie vordem den Gurcho beehret haben.

О другомъ родѣ высокой жерди или столба, поставленныхъ въ день св. Ивана, и названныхъ Kaupole, Kupole, упоминаетъ тотъ же Praetorius въ продолженіи (р. ²⁴/₂₅)...

„...jetziger zeit haben auch die Nadroven und Zalavonen, wie auch die Zamaiten den gebrauch, dass sie in Iohannis, wenn sie zusäet haben, pflegen oben uff einer langen stange ein pusch von allerhandt kraut anzubinden, mit fröhlichkeit die stange erheben und an dem pfosten, da das heck ader da künftig die einfuhr des getreydigts, fest zu machen. Eine solche stange nennen sie kaupole, welche so lange stehet, bis man das getreydigt pflegt einzuaugsten. Denn nehmen sie denselben pusch von der stangen ab und legen ein theil des krautes, davon der pusch gemacht, unter das getreydigt und vermeinen, ein solches kraut, so durch die hitze der sonnen durchgetreuet worden, soll gutt vor das ungezieffer, ratzen, meyse seyn, dass sie das getreydigt in der scheune nicht fressen... Ein theil heben sie auf zur Artzney, den sie meinen, das solches kraut auch wider alle krankheit dienen sol⁴.

Обращаемъ вниманіе на то, что въ первой выдержкѣ Praetorius жердь или столбъ называетъ „statua“ (р. 24), козлиную кожу же, развѣшенную на столбѣ, „idolum“ (р. 26).

Около дня св. Ивана совершался подобный обрядъ. „Um S. Iohannis pflegen die wirthe ihr gesinde, in sonderheit die mägde, aufs feld zu schicken, Iohannis-kraut¹⁾ zu sammeln. Wenn sie nun selbiges einbringen, nimmt der wirth oder wirthen soviel Kräuter als personen seind und steckt sie in die wand oder an den balken, zu dem ende, dass es ausblühen solle, da sie dann acht haben auf das kraut; dessen, das nicht blühet, von dem sagen sie, das er krank, auch wol gar sterben werde. Das übrige binden sie in ein bund, steckens auf eine lange stange mit frohlocken und setzen die stange am thorwege oder sonst wo künftig das korn geführet wird; diesen pusch nennen sie auch Kupole und die feier Kupoles; da der wirth auf sein preussisch wieder betet, dabei er die kauszel in der hand hält und nach seiner gewohnheit palabindams und zemynelaudams trinket, gott anrufet um einen guten heu-augst u. s. w.“ (р. 56).

Въ XIX вѣкѣ (1832) Schulz, прецедиторъ въ Lasdehnen, описалъ бытъ Литовцевъ въ приходахъ Вилуны, Ширвинты, Шилены, Будветы и Вишвилы, подъ заглавіемъ

¹⁾ Kupola Johanniskraut, Hypericum perforatum. Nesselm. L. W. 211 s. v; выше жердь называется Kaupole; а дальше Kupole «pusch»; у Schulz'a «stange Kopolis»; по моему, всё эти слова образуются отъ лит. «Кира, Каура» (ср. Каура), куча, польск. Кира, отъ собраннаго въ кисть зелья. — Kupoles: торжество собраннаго зелья; сравни польское Wianki).

Einige Bemerkungen über die Nationalität der Litthauer. Рукопись in 4°, состоящая изъ 191 стран., находится въ Wallenrodsche Bibliothek s. sig. M. S. № 78, въ Кенигсбергѣ¹⁾. Съ 65 стр. начинается описаніе обрядовъ въ день св. Ивана. Наканувъ этого дня дѣвицы собираютъ румянокъ (ramune)²⁾ и другіе полевые цвѣты. Раздѣлившись на двѣ партіи, при встрѣчѣ поютъ разныя пѣсни попеременно. Собравши цвѣты, возвращаются въ деревню „wo sie auf dem felde eine lange stange mit ihnen (т.-е. цвѣтами) umwunden wird, an welcher auch noch viele farbige bänder befestigt werden, die frei in der luft umherflattern. Diese stange, Kopolis, wird an dem ende des dorfes dem kornfelde zu aufgerichtet und wacker, aber nur von mädchen, unter gesang von johannisliedern zwei nächte und einen tag ununterbrochen bewacht und gegen die angriffe der jungen männer, welche sie zu rauben suchen, vertheidigt. Unter den mancherlei tänzen um den johannisbaum verdient der erwähnung, welcher einige aehnlichkeit mit einem modischen tantze des ausgebildeten deutschen volkes (der gallopade) hat. Die mädchen nemlich, welche den johannisbaum bewachen, schliessen, indem sie sich an die hände fassen, einen kreis um denselben und nehmen darin zwei andere mädchen auf“. Всѣ дѣвицы пляшутъ около этой жерди или столба и поютъ, повторяя каждый стихъ: Ryla, rala padedaus. Ryluze, Raluze, padedaus³⁾. Пляска приостанавливается, двѣ же дѣвицы, находившіяся въ колѣ, продолжаютъ пляску и поютъ: Ryla, Rala, taj dėkuj, Ryluze, Raluze, taj dėkuj⁴⁾. Затѣмъ первая въ колѣ (А) поетъ: Ryla, Rala, ko jeszkot⁵⁾. Ryluze, Raluze, k. j.? Отвѣчаетъ другая въ колѣ (В): R. r. marzeiczu⁶⁾; Ryluzè, r. m. A: R. r. kokios?⁷⁾ B: R. r. Illutes⁸⁾, R. R. Illutes.

Hierauf tritt das aufgerufene mädchen (Illute) aus dem kreise in die mitte und die, welche gerufen hat, schliesst sich an den kreis an. Und auf diese weise geht es weiter fort.

Ist nun der johannisbaum glücklich bis zur festgesetzten zeit bewacht worden, so wird er dann unter gesang wieder entkleidet und die daran angebrachten blumen gewissenhaft unter die wächterinnen vertheilt. Den so geweihten pflanzen wird eine besondere kraft zur abweh rung des schädlichen einflusses böser geister zugeschrieben“.

Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что для совершенія обрядовъ были поставлены столбы въ различныя времена года, по крайней мѣрѣ разъ во время св. Ивана, а затѣмъ во время посѣвовъ⁹⁾. Если бы мы Kupole, поставленную въ день св. Ивана, называли только „жердью“, то мы уже навѣрно можемъ назвать „столбомъ“ стволъ въ восемь саженой высоты, поставленный во время посѣвовъ.

О другихъ столбахъ мнѣ не пришлось читать. Упоминается еще о пняхъ (kelmai), оставшихся послѣ срубки дерева, на которые иногда также клали жертвы, но едва ли можно ихъ назвать столбами. Впрочемъ о пняхъ очень мало намъ извѣстно.

Что мы сказали о stuřpas, относится также къ stėbas.

Переходимъ къ stabas. По мнѣнію Беценбергера Stabas значитъ „aufrecht stehender pfeiler“, слѣдовательно тоже самое, что stėbas. Такимъ образомъ Stėbumeldiste

1) Этой рук. пользовался и напечаталъ ее, какъ собственное сочиненіе: Kuntze Bilder aus dem preuss. Littauen. Rostok 1884, что уже замѣчалъ А. Bezzenberger d. lit. haus.

2) Ramune, gemune, matricaria chamomilla.

3) Вм. padeda Dewes, helfe Gott. Nessel. L. W-buch p. 133 s. v.

4) Благодарю.

5) Кого ищите?

6) Невѣсту.

7) Какую?

8) Каролинку, Шарлоту.

9) Еще до сихъ поръ ставятся подобнаго рода столбы во многихъ мѣстностяхъ, обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ, или въ другія времена.

означает тоже самое, что *Stabumeldiste, Stabumeldimas*¹⁾ т. j: „Anbetung, verehrung der (heiligen) säulen“, только не „bildsäulen“.

Stabas однако может имѣть другое значеніе. Въ Курляндіи на берегахъ Двины, торчитъ скала, которую Густавъ Мантейфель²⁾ еще до сихъ поръ называетъ „настоящимъ чудомъ природы“. Сначала звали ее *Rags*³⁾, а затѣмъ „*Stabenrags* (столбій рогъ, *Słupiróg*); *Kurisches horn, Stabenhorn*“; она имѣетъ 200' длины а 70' высоты. Въ приведенныхъ этимъ ученымъ преданіяхъ о *Stabenrags* нѣтъ ни малѣйшаго намека на „столбъ“, а читаемъ постоянно о скалѣ, скалахъ, въ которую превратилась дѣвица, оплакивающая, словно Ниобе, потерю своего любимца; или, что въ этихъ скалахъ проживаетъ старикъ, раздѣляющій сокровища просителямъ⁴⁾; или, что это дѣлаетъ дѣвица. Повторяемъ, что вездѣ рѣчь идетъ о скалахъ, а не о столбахъ. Зная теперь, что Литовцы поклонялись также камнямъ, скаламъ⁵⁾, дѣлаемъ заключеніе, что тутъ *stabas* означаетъ камень, скалу, которой отдавали честь, и что *Staburags* имѣетъ значеніе каменный рогъ, а не рогъ столбовъ, столбій рогъ.

Такимъ же образомъ объясняемъ *Stabunkalne*, мѣстность въ Жмуди, упомянутую въ маршрутахъ Крестonosцевъ (*Litauische Wegeberichte*), посредствомъ „холмъ камней“; а для почитанія камней посредствомъ „холмъ священныхъ камней“ и наконецъ холмъ божествъ⁶⁾. Догадка наша подтверждается прусскимъ нарѣчіемъ, въ которомъ *stabis* значить въ самомъ дѣлѣ камень⁷⁾; отъ этого *stabis* много прусскихъ мѣстностей получило названіе⁸⁾. Прусское *stabni* значить печку построенную изъ камней⁹⁾.

Въ результатѣ оказывается, что *stūpas, stēbas* значить: 1) столбъ вообще, какой-бы онъ ни былъ; 2) столбъ, поставленный для совершенія обрядовъ, на верху котораго находилась распяленная кожа отъ принесенной жертвы, или пукъ, кисть полевыхъ плодовъ, или различнаго зелья — но никогда не значить какое-то искусственно сдѣланное изображеніе божества, имѣющее видъ человѣка.

**Stabas, stabis* имѣетъ два значенія 1) тоже самое что *stēbas*; 2) торчащаго надъ землей камня, скалы. Они служили, насколько намъ до сихъ поръ извѣстно, алтаремъ, на который клали жертвы.

**Stabumeldis, stabumeldiste, stabumeldimas* собственно означаютъ поклонника камней, поклонство камнямъ, а затѣмъ вообще идолопоклонника, т.-е. тоже самое, что *stēbumeldis, stēbumeldiste, stēbumeldimas*.

Какія же свойства должны были имѣть камни для того, чтобы они считались священными, мнѣ не извѣстно. *Rostowski* говоритъ только: *Saxa pro diis culta* и что такая скала была *Saxum grandius*¹⁰⁾.

Мы уже упомянули¹¹⁾, что много мѣстностей получило наименованіе отъ *stabis*, камень; число приведенныхъ можно еще увеличить, напр., *Stabigoide villa* (*Mon. Hist. Varm. № 246, докум. 1357 г.*); *Paitistabs locus*, (въ Самбіи или Сембіи), вблизи двухъ большихъ камней (*A. P. M. Sch. VII, p. 308, 602*); *Gildestabs locus* (*ibid. p. 396*); *Stabo-*

1) Мандатъ съ 1578, напечатанъ и объясненъ А. Беценбергеровъ *Göttinger Nachrichten* 1877, № 12, 241—264.

2) *Słupi Róg. Kraków. 1885, p. 5.*

3) Тамъ же p. 7.

4) Тамъ же 10—14.

5) *ŽML. I, стр. 79/80.*

6) *ŽML. II, стр. 105.*

7) *Nesselm. Thes. s. v.*

8) *ŽML. I, стр. 79.*

9) *Nesselm. Thes. s. v. и Berneker l. l. 323 s. v.*

10) *L. l. p. 271.*

11) *ŽML. стр. 79/80.*

brast, ad vadum Stabobrast pruthenice dictum (ibid. p. 298 и 599); Sarguttinstabs, qui dicitur Sarguthinstein (ibid.).

Были также камни, имѣющіе собственные имена, въ которыхъ stabis не обозначено; напр. Plausdinis doc. 1284 г., Kogonassantle lapis (Cod. dipl. Varm. I, doc. № 103); Tammissis v. Tanussis lapis (ibid, doc. 112); Mutercaupe, eyn steyn der da heizet (ibid. Reg. 183); Ubbacobe (A. P. M. Sch. VII, 296) не названіе камня, а дуба¹⁾. Deinde ad aliam quercum, que Ubbacobe, juxta quam grossus lapis jacet in terra²⁾.

Людвигъ Юцевичъ напечаталъ въ журналѣ: Tygodnik Petersburski (1836 г. № 17, 105) статью изъ Шавельскаго уѣзда подъ заглавіемъ „Kamienie litewskich bogiń“, которую для рѣдкости этого журнала здѣсь приводимъ въ переводѣ.

На берегу рѣчки въ имѣніи Керези³⁾ лежалъ рядъ выглаженныхъ камней, симметрически (?) расположенныхъ. Всего было ихъ 14, каждый въ три локтя длины. Спрошенный объ ихъ значеніи человекъ отвѣтилъ: камни у древнихъ Литовцевъ, расположенные при рѣкѣ, означали мѣсто, посвященное богинямъ, Dejwas Walditojes⁴⁾, власти которыхъ, какъ у Грековъ Паркамъ, была ввѣрена жизнь и смерть человека, съ тою однако разницей, что у Литовцевъ было ихъ больше, и что не нить означала жизнь человека, а полотно, выдѣлкой котораго они занимались. Всего было ихъ семь (?). Первая пряла ленъ изъ кудели, ввѣренной ей самимъ высшимъ божествомъ „вѣроятно Окорipnos'омъ“ (!) и называлась Werpantiey⁵⁾; вторая Metantiey⁶⁾ протягивала прекрасныя нити. Третья Audietoy⁷⁾ ткала полотно, четвертая же Gadintoy⁸⁾ прекрасными словами и рассказами очаровывала ихъ душу до того, что всѣ другія прекращали занятія и слушали; она же тотчасъ пользовалась этимъ и портила имъ полотно. Отъ этого постигали различныя несчастья того, полотно котораго попало въ ея руки... Пятая Sargietoy⁹⁾ вела съ послѣдней упорную и постоянную борьбу и мѣшала ей въ ея обманчивыхъ рассказахъ тѣмъ, что приводила ея слушательницамъ на память героическіе подвиги Литовцевъ, ихъ побѣды и пр. Счастливымъ былъ тотъ человекъ, покровителемъ котораго была Sargietoy во все время, пока Dejwa Nukirptoy¹⁰⁾ не отрѣзала полотно его жизни. Седмая богиня была Yszkałbtoy¹¹⁾, обязанностью которой было стирать отрѣзанное богиней Nukirptoy полотно.

Изъ этого полотна дѣлали умершему рубашку.

Этимъ богинямъ были посвящены камни на берегахъ рѣкъ и потоковъ. Каждый житель имѣлъ свой отдѣльный камень, на которомъ клали жертвоприношенія; воины приносили головы враговъ (?), или извѣстную часть добычи, хозяева плоды, дѣвицы ленъ.

Сохранилась одна пѣсня, сочиненная въ честь Deiwa Yszkałbtoj, начало которой слѣдующее:

1) Намъ уже извѣстны названія дубовъ Baublis и Bamblis; см. Ромове § 3.

2) Часть этихъ названій приводит Nesselm. Thes. s vv. и Pierson Litauische Aequivalente въ AMP. Sch. VII, (1870), p. 599.

3) См. Kierezy Słow. Geog. s. v.

4) Божества-Владѣльницы.

5) Verpaз, verpanti, пряющая; съ указател. мѣстоим. verpaзis g. masc.; verpancozi g. fem. «эта пряющая» (Schleich. Gram. p. 214); жмудская форма: Verpantieji; verpantieji?

6) Metu, mēsti бросать, метать, снуть; das garn aufbringen Ness. L. W., part. pr. съ указ. metaзis, metancozi; жмуд. metantieji; metantieji? эта снующая.

7) Audmi, и audziu (Ширвидъ), и audėju пряду, какъ слѣдуетъ принять по аналогіи съ sergmi, и sergiu и sergėju; inf. sergėti; такъ и inf. audėti, nom. ag. Audė-toje Schleich. gr. p. 100.

8) Gadinu-gadinti портить; nom. agentis Gadin-toje портящая.

9) Sergmi, sergiu, serg-eju inf. sergėti стеречь, оберегать; nom. ag. Sergė-toje, жмуд. Sargė-toje стережущая.

10) Kirpiu, kirpti стричь напр. овецъ; nukirpti отрѣзать, тутъ отрѣзать полотно; nom. ag. Nukirp-toje, отрѣзывающая.

11) Skalbiu, skalbti стирать, мыть бѣлье; iszskalbiu, стирать до-чиста, nom. ag. Iszskalb-toje, стирающая.

АРХЕОЛОГ. СВЪЗДЪ ВЪ РИГѢ.

Oj dejvute dejwuziaŭy,
Yszkalbk mana amžutiaŭy,
Kad skajstus ejty galecziau,
Nuogas danguj ne stowiecziau¹⁾.

Охотнѣ всего собирались эти богини въ лунную ночь; сѣвъ на камняхъ, занимались своей работой. Окрестная молодежь очень часто ихъ видѣла, и отъ нихъ не испытывала никакихъ неприятностей. Но если она не оказывала имъ должнаго уваженія, тогда она подвергалась наказанію, даже смерти.

Описанные камни видѣны Юцевичемъ въ с. Кережи (Kierezy) Шавельскаго уѣзда, въ имѣніи Мартина Урбановича; нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ находились такіе камни при рѣкѣ Шешува, недалеко отъ Шынолавковъ, имѣнія В. Станевича, которыми выстроили фундаменты. Г. Норейко рассказывалъ, что большое ихъ количество видѣлъ въ Тельшевскомъ, Упитскомъ и Вилькомирскомъ уѣздахъ. Народъ называетъ ихъ „Dejwa (?) Akminaj²⁾“. Эта статья подписана: Л. А. Юцевичъ. Вильно 1836. 26 февраля.

Оставляя въ сторонѣ литовскаго мужика (wieśniak) съ его знакомствомъ съ греческими Парками, и съ его хвастаніемъ, что у Грековъ только три, а у Литовцевъ ихъ больше, именно семь Паркъ, и что греческія Парки только прядутъ нить, литовскія же и прядутъ и выдѣлываютъ полотно человѣческой жизни, дѣлаемъ только намекъ на то обстоятельство, что въ рассказѣ Юцевича смѣшаны извѣстія объ общихъ священныхъ камняхъ и частныхъ, почитаемыхъ каждымъ семействомъ отдѣльно. Достоверными данными считаемъ почитаніе извѣстныхъ камней вообще, положеніе на нихъ жертвоприношеній и названіе ихъ Deives. Невѣрными же — сравненіе этихъ deives съ греческими Парками, затѣмъ сообщеніе, что ихъ было семь, такъ какъ это число не согласуется съ общимъ вѣрованіемъ въ святость числа 3, 3×3 , и $3 \times 3 \times 3 = (3 \times 9)$. Имѣя же въ виду, что Литовцы для каждаго дѣйствія и занятія изображали себѣ покровителя, мы можемъ приведенныя собственныя имена считать достоверными, такъ какъ онѣ всѣ представляютъ собою отдѣльные моменты сложнаго дѣйствія, начиная съ пряденія льна до окончательной выдѣлки полотна. А такого рода занятіе принадлежало къ важнѣйшимъ въ жизни литовскаго человѣка. Пряденіе льна навело Юцевича на сравненіе этихъ покровительницъ съ греческими Парками, изъ которыхъ Клооо начинаетъ прядь нить человѣческой жизни, Лахезисъ прядетъ ее черезъ всю жизнь, а Атропосъ прорѣзываетъ ее.

Послѣ окончанія нашего труда я получилъ 22-й выпускъ журнала Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft. 1897, въ которомъ, на стр. 393—5, Э. Вольтеръ подъ заглавіемъ „Perkunastempel und litauische Opfer oder Deivensteine“ помѣстилъ весьма интересныя выдержки изъ отчетовъ Іезуитовъ, одну изъ Annuae Litterae Soc. Iesu anni 1600. Antverpiae 1618, p. 550/1, другую изъ такихъ же Annuae Litterae ann 1605. Antv. 1618, p. 944.

Для новости и важности содержанія этихъ выдержекъ позволю себѣ привести буквально эти свѣдѣнія, которыя могутъ служить объясненіемъ занимающаго насъ вопроса.

...Alibi³⁾ lapides non parvi in horreis in terra defossi, superficie plana sursum versus, non terra sed stramine contacti, asservantur, quos Deives appellant, atque ut

1) Oj deivute deivuzėle, (i)
Iszkalbk mana amziutėle, (i),
Kad skaistus eiti galėczau,
Nūgas danguj ne stovėczau.

Ой богиня божечокъ!
Очисти мою жизнь,
Чтобы я могъ чистымъ явиться,
Неодѣтымъ (неопрятнымъ) не представляться въ вебѣ.

2) Форма Akminaj для меня не ясна; вѣроятно слѣдуетъ писать Deives akmeninies, либо Deivias akmeninies каменные божества. Но если Akminaj въ самомъ дѣлѣ жмудская форма, то исправленіе Э. Вольтера Deiva въ Deivu проше. Mitteil. I. I. p. 395.

3) Сообщенія отрывка вѣроятно касаются Латышей.

custodes frumentorum et pecorum religiose colunt. Locus¹⁾ ipse ita ab omnibus observatur religiose, ut nemo accedere proprius audeat; quod si quis eum attingat, eum confractum iri credunt. Mactant porcellum lactantem, omni parte nigrum, quem coctum²⁾ pater et mater familias cum anu sacrificia³⁾ comedunt; particulas autem tam ex porcello, quam ex aliis cibis, si qui forte parati fuerint, cum ter novem⁴⁾ buccellis panis anus in horreum defert, ubi dictum Deyves sola, remotis omnibus, placat. Ad quendam rusticum e morbo decumbentem daemon⁵⁾, specie deum referens, venit, suadens, ut si pristinam recipere vellet salutem, pateram cerevisiae sibi quotannis offeret et sexta feria ab omni opere abstineret. Alius gallinam ad ripam fluminis sacrificium annuum offerebat, quod aliquando in ejus fluminis transitu grave periculum adiisset; illa oblatione placatum sibi fluvium reddere studebat. Nonnulli, quoties nascitur infans, ad lacum deducunt hoedum, ibi capite et pedibus praecisis, truncum in lacum injiciunt: quo ritu deo gratias agunt, quod partus sit editus feliciter. Vulgo credunt feminam, quae non placato prius Deyves, Christiano eum non colenti nuberet, macie confectum iri; pecora, si quae in domum mariti, non facta pro illis oblatione, adduceret, esse interitura. Hos lapides primum quidem aegre, ut demonstrarent, adduci potuere, veriti, ne quod malum grave in poenam numinis violati incurrerent. At ubi viderunt impune a nostris suos deos abjecte tractari et pedibus conculcari, stultitiamque suam rideri, tum et ipsi accurrere intrepidi, lapides effodere suamque in tam vilibus diis colendis stultitiam ridere et admirari non cessabant (p. 550/1).

Und in denselben Annuae Lit. Soc. Jesu vom Jahre 1605, Antv. 1618,.. lesen wir auf seite 944 über Litauens Deyvensteine noch diese worte: Quidam rudissimi villani opera nostrorum pravam exuere consuetudinem colendi lapidem quendam, quem horrei ac foecunditatis⁶⁾ domesticae felicitatis deum esse putarunt. Ohne auf die weiteren sehr wertvollen Schätze dieser Jesuitenberichte einzugehen, heben wir hervor, dass dreier götter und ihrer verehrung ibid. erwähnt wird: des deus dirvolira gleich * dirvolita für dirvalyte, des deus Nosolum nuncupatus, vielleicht onzolius⁷⁾ eichengott, und endlich des schon aus Rostovski bekannten Dimstipatis⁸⁾. Dem ersten opferte man schweine, dem zweiten ziegenböcke, (caprum immolant ejusque sanguinem in fluvium effundunt eo fine, ut prosperent eorum fruges hi Dij); was man dem dritten opferte blieb unbekannt. Hujus dei colendi ritum Patri quaerenti nolebant omnino patefacere (p. 494).

Изъ этого отрывка оказывается, что Литовцами были почитаемы не только камни, лежащiе подъ открытымъ небомъ и торчащiе надъ землей, какъ мы до сихъ поръ думали, но также такiе, которые находились подъ крышей, вкопанные до равной поверхности съ землей; дальше, что Юдевичемъ въ самомъ дѣлѣ оба рода камней были смѣшаны, и что словомъ Deives обозначались и тѣ и другiе камни, а не только призраки, пугала.

1) Focus, по видимому опечатка.

2) Не жареное.

3) Помимо присутствiя отца и матери семейства.

4) Это священное число въ обрядахъ.

5) Имя этого божества исцѣленiя не сообщено.

6) Въ подлинникѣ: horrei ac foecundatis (опечатка?), domesticae felicitatis deum.

7) Onzolius опечатка.

8) Rost. L. I. p. 119 (Dimstipam).

Приложение VII.

Погоды въ прибалтійскихъ земляхъ.

На вопросъ, возможно ли допустить, чтобы огонь на воздухъ, хотя бы онъ былъ расположенъ подъ громаднѣйшимъ деревомъ въ самомъ густомъ лѣсу, горѣлъ непрерывно и вѣчно, мы по поводу атмосферическихъ, неблагоприятныхъ явленій, каковы сильные морозы, громадныя снѣга, проливные дожди, орканы, только можемъ дать отрицательный отвѣтъ. Отыскивая въ различныхъ хроникахъ матеріалъ для литовской мифологіи, мы также обратили наше вниманіе на различныя, довольно часто попадающія замѣтки объ атмосферическихъ явленіяхъ, доказывающія, что именно по ихъ поводу оказывается невозможнымъ, чтобы огонь подъ открытымъ небомъ непрерывно горѣлъ, и что для достиженія этой цѣли онъ долженъ былъ находиться подъ извѣстной охраной, каковую только могло доставлять крытое строеніе. Такая же охрана необходима была также для стерегущихъ огонь людей, жрецовъ со всѣмъ ихъ достояніемъ. Съ этимъ результатомъ связанъ вопросъ другой, а именно, въ какомъ видѣ представлялось такое строеніе, и для рѣшенія его мы должны были обобщить его въ особомъ изслѣдованіи о строеніяхъ вообще въ прибалтійскихъ земляхъ (Прил. VIII).

Въ настоящемъ приложеніи мы собрали атмосферическія явленія въ упомянутыхъ земляхъ, случившіяся въ теченіи двухъ вѣковъ, до 1417 г. т.-е. до того времени, когда Жмудъ, послѣдняя языческая, литовская земля, официально уже приняла крещеніе.

Таковъ же матеріалъ для Пруссіи собранъ въ статьѣ: *Nachrichten über besondere Witterungs-erscheinungen in Preussen, während des 14, 15, 16 und 17 Jahrhunderts. Zusammengestellt von F. Strehlke und E. Strehlke. A. Pr. M. Sch. Bd. X. Herausgeg. von Rudolf Reicke und Ernst Wichert. Kngsbg. 1873; Hct 8 pg. 650.*

1204. *Christiani... frigore multos dies deducentes (Лот. Chr. Liv. p. 84. 4).
Non valentes autem propter gelu, quod immensum erat, navim littori applicare, eam in glacie relinquunt (Ib. p. 86).*
1205. *Letthones (здѣсь Литовцы)... propter nimiam profunditatis nivis per unam tantum viam singuli gradiuntur (Лат. ib. p. 88. 3).*
1208. *Nocte vero sequenti factum est gelu maximum (Лат. ib. p. 128. 6).*
1210. *Multi etiam paganorum, qui in silvis et in glacie maris per fugam evaserunt, frigore congelati perierunt (Эст. ib. p. 146. 10).*
1212. *...et in glacie euntes in Livoniam redierunt (Эст. ib. p. 162. 7).*
1215. *Rigenses cum Livonibus et Letthis... euntes in glacie maris, quod erat continua frigoris asperitate congelatum firmissime... prae nimia frigoris intensione castrum expugnare non potuerunt... quidam frigore congelati ceciderunt (Эст. ib. p. 198. 9).*
1218. *Et occurrit eis ventus ab aquilone frigidissimus. Erat enim frigoris tanta asperitas, ut extremitates membrorum ipsorum in frigiditate multis perirent, et aliis nasus, aliis manus, aliis pedes congelarentur et omnibus nobis domum postea redeuntibus, nova cutis in facie supercresceret, vetere projecta. Quidam etiam postea mortui sunt (Эст. ib. p. 224. 9).*
1218. *Post festum nativitatis Dominicae conveniunt seniores Livoniensis ecclesiae expeditionem indicentes .. sed a ventis australibus et pluviis impediuntur. (Livonia, ibid. 236. 8).*

1219. Zu swurben¹⁾ vuren sie ubir se,
Das ist genant das osterhap,
Als es perkune ir apgot gap,
Das nimmer so hart gevros (Эст. Alnp. 1434—37. p. 59).
1226. Consumatis itaque festis Natalis et Epiphaniae Domini, nix tegit terras et glacies undas, eo quod superficies abyssi constringitur et aquae durantur in Livonia, ut lapides, et fit glacies estque melior via super aquas, quam terras (Liv. Chr. Liv. p. 304. 3).
1227. Das wart im doch gemachet kunt,
Das also starke gevruere der sunt,
Damite das lant bevlossen ist (Alnp. 1633—35).
Wer da suchen wil mit her
Es wirt in winter kalden tagen,
Es mochte hundert her getragen (Лат. Эст. Alnp. 1640—2).
- 1259/60. Do man begunde buwen
Doben — des sult ir getruwen
Do was der winter harte kalt (Лат. Жм. Alnp. 5479—81).
1261. ...darnach in kurzer vrist.
Wart ein winter also kalt,
Das manchir oseler entkalt.
Des winters macht die was so gros,
Das sie die wilden sehe beslos
An allerhande stuke,
Sam es were ein brucke
Zwischen osele und eistlant (Эст. Лат. Ib. 6152—59).
1264. Dy quamen zcu Prusyn mite groszem volke... abyr der winttyr waz zo weich, daz sy leidyр den vindin keyn arg gethun mochtin (Прус. Aeltere Hochmeister Chronik c. 69 въ S, R. P. 111 p. 568).
1265. Im nesten jare... do waz der winter aber weich (Прус. Ib. c. 70).
1270. Der winter der was also kalt,
Des mancher muter kint entkalt (Alnp. v. 7833).
Das ies, das uf dem mere lac,
Der grosen burden²⁾ nicht erschrac,
Die es zu beiden siten truc;
Es war in allen uaste gnuc (Лат. Эст. Alnp. 7847—50).
1279. Der winter der was also kalt,
Das manich mensche entkalt
Von cristen und von heiden.
Da ervros von in beiden
Manich unverzageter helt,
Kune und da bie us erwelt (Лит. Alnp. 8489—94).
1322. Съ 30 ноября до марта господствовалъ на Балтійскомъ морѣ ужасный морозъ... In der Osterzee wuste nement jeneghe sunde eder wathere, se ne weren mit yse hart beleghet (Detmar S. R. P. III 65, прим. I).
1323. In hac hyeme intensissimum fuit gelu, sic quod quasi omnes arbores fructifere in partibus Lyvonie et Prussie aut omnino aruerunt, vel infra multos annos

¹⁾ Schworben на островъ Эзель.

²⁾ Var. burgen.

vires pristinas resumere non valebant. Unde licet exercitus magnus a fratribus congregatus venisset fere ad medium vie inter Lethoviam et Prussiam, tamen ultra procedere non valebat, quia pre nimio frigore communis populus periisset (Dusb. c. 342 (335) S. R. P. I 186/7. Прус. и лит.).

1323. A. D. (13) 23 fuit frigidissima yemps et intensissima et continuata in nive. (Прус. Can. Samb. S. R. P. I p. 282).
1323. (15 авг.). In deme sulven jare in deme daghe Unser leven Vrowen der hemel-vart, do was grot dusternisse van reghen, storme, dunner in der lucht¹⁾, dat darvore des ghelikes²⁾ nicht vele was vornomen. Bi den daghen, de do leveden, de lude, worden sere vorveret; oc scach grot schade, sun-derliken in Prutzen (Detm. S. R. P. III p. 65).
1327. (14 февр.). In deme jare Cristi MCCCXXVII in sunte Valentinus daghe, do was so greselik dunner, hagel unde stormwint in Prutzen, dat vele mechtiges buwes nedervil van unwedere und schach grod schade (Detm. S. R. P. III p. 66/7).
1331. (Послѣ 6 янв.). A. D. 1331. Post festum epyphanie fuit frigus adeo vehemens intensum, quod multi homines in Lyvonia et Estonia et Curonia perierunt (Can. Samb. S. R. P. I 285).
1331. (3 марта). In deme sulven jare in deme dridden sundaghe der vasten, do was de Wisla bi Torun in Prutzen so hoghe upghestowet van ys weghene, dat se vordrenkede vele lude oc quekes unde buwes, unde dede groten schaden (Detm. S. R. P. III 69/70).
1360. (15 авг.). Anno 1360 in die assumpcionis beate Marie fuit magnus impetus venti, quod in parvo spacio terre prope Grunehof ceciderunt ultra quatuor sexagenas magnarum quercuum funditus eradicatas. Campanile in Mispilwalde cum campanis integrum sine fractura fuit motum de loco suo ad spacium XIII pedum (Прус. Ann. Thorun. S. R. P. III 79/80).
1360. Anno domini 1360 was gros wint umbe assumpcionis Marie, das dy eychin unde dy bowme umvilen usz der erdin mit den worczeln. Der wint furte eyn glochus zcu Mispilwalde bobin XL (? ср. выше) fusze von der stat, als is stunt, mit den glocken, unde bleb dach gantcz (Pos. S. R. P. III p. 79/80). Тоже самое сообщает Detmar ошибочно подъ 1359 г.
1361. In deme sulven somer was so grot hette³⁾ in Prutzen, das vele kornes ver-brande up deme velde. (Det. S. R. P. III 81).
1361. In desin czeiten was der zomir gar heis, das das getreide viel vordorrete ane reyn; unde der winter enfros wenig ichtes icht⁴⁾, das man nicht usz mochte komen zu reisen (Pos. S. R. P. III 81).
1363. Anno domini 1363 was vil gruwsames wetters, donre unde blitze, das die luthe sulches wetters unde gewitters nicht su vil gedochten, als dis yor was; unde geschach ouch vil schade dovon (Pos. S. R. P. III 82/83).
1364. Anno domini 1364. In desim jare was so herter winter unde werte eyn virteil jares, das man vil guter reysen tate den winter mit grossin vromen (Pos. S. R. P. III 83. Тоже самое сообщает Detmar подъ 1363 г. съ добавле-

1) Luft.

2) Desgleichen.

3) Hitze.

4) Etwas.

- вiемъ: Bynnen der tyd vorghing vele volkes unde queckes¹⁾ van vrostē. Ib.).
1365. Darna wort in Prutzen so tidigen²⁾ jar, dat dat korn hadde arn in sunte Urbanus dage (25 мая) (Det. S. R. P. III 84).
In deme sulven jare des dinxstedages to pinxsten (3 Юня) umme vespertyd dages, do vil hagel so grot in Prutzen alse eyere, unde warde den neghesten dach over, unde dede deme korne groten schaden (Det. S. R. P. III 48).
1366. In deme sulven jare bi sunte Gallendage (около 16 окт.) do schegen in Prutzen so grote tekene³⁾ in der lucht, dat des ghelikes was ne vornomen. In ener nacht vloch in deme hevene dat vur⁴⁾ alse vurighe blase unde warde von (mid)dernacht beth in den dach (Det. S. R. P. III 85).
1368. Darna dre tage na sunte Ghertrudes dage (около 20 марта) do was so grot dunre in Prutzen unde unwedder, dat vor Ilghincberch⁵⁾ slogh id entwey enen balken in der molen. Darsulves sloch id enen manne dat been entwe unde enen wive den arm entwe, das se beide legen up deme bedde (Det. S. R. P. III 87).
1372. A. D. (13)72 geschach gros schade von deme donre und hayle (sic) an dem getreyde. Ouch vil also gros snee uf den Karefritag (26 марта), das die lute kume mochten komen czu iren pfarren; und andirs wunders vaste vil geschach ouch in desim jare (Прус. Pos. S. R. P. p. 91).
1372.qui omnes libenter ivissent contra Letwinos, sed aura prohibuit; aque enim non fuerunt congelate (Прус. Her. de W. S. R. P. II 101).
1372. Въ февралѣ... sed quia hyems talis fuit inabilis ad reysas, hospites... tristes revertuntur (Прус. Ib. p. 568).
1374. A. D. (13)74 was gros wint, das uf eyne czüt vil gebuwdes und schunen derneder vilen von dem sthorme (Прус. Pos. S. R. P. III 94).
1375. 5 фев. Frigus fuit maximum et nivium profunditas ac durities, quod totus exercitus non potuit nisi singillatim transire (Лит. H. de W. S. R. P. II 106)
1376. A. 1376 comes de Cleven fuit in Prussia et multi validi milites et barones; sed marscalcus non potuit stare propter hiemis humiditatem (Прус. Ann. Thor. S. R. P. III p. 99).
Anno domini (13)76 was im lande der grafe von Cleve und vil rittir und knechte, und man kunde nicht gereysen, wend der winter gar weich was, und was ouch so gros wassir, das dy Wysel usbrach an vier enden, das den werderen gros schade geschach (Pos. S. R. P. III p. 99/100).
Item in desim zomir was is so truge, das die Wysel vor Thorun so cleyne und sichte was, das man sie mochte obirwaten an vil endin. Ouch bluettihin die bowme uf den herbist an vil enden (Прус. Pos. S. R. P. III 104).
In deme sulven jare was de hervest so droge unde so warm, dat in Prutzen bi sunte Gallendage (26 окт.) vele bome bloyden⁶⁾ (Прус. Det. S. R. P. III 104).

1) Vieh.
2) Zeitiges.
3) Zeichen.
4) Feuer.
5) Gilgenburg.
6) Blüheten.

1379. Anno domini (13)79 was der winter gar unstete, das die Wysel drystunt¹⁾ bestunt und weder abeing, das nicht reyse wart (Прус. Pos. S. R. P. III 109/10).
...Item aggeres insulares fuerunt rupti... et isti de magna insula (d. grosse werder) propter magnitudinem aque et glaciei vix se continebant (Ann. Thor. III p. 110).
Item was huer gar eyn fru jar, wend um sinte Johannis Baptisten tag (24 июня) was der auwst²⁾ das meiste teyl geschen, und die kyrsen woren ryfe vor pfingesten (до 29 мая), und der win uf Jacobi (25 июля) (Прус. Pos. S. R. P. III p. 111/12).
1379. In deme somere des jares in sunte Johannis Baptisten dage, do was de rogge ripe³⁾ in Prutzen unde was in vele jeghene⁴⁾ des landes alrede meyet⁵⁾ (Det. S. R. P. III p. 111/112).
1379. Ouch mit dem letzten froste tate der marschalk eyne gute reyse (Прус. Pos. S. R. P. III 110. — См. Ibid. p. 109).
1380. Anno domini (13)80. In desim jare was weich winter, das man nicht mochte gereysen (Pos. S. R. P. III 113).
Anno 1380 non fuit reise propter defectum nivis et glaciei (Прус. Ann. Thor. S. R. P. III p. 113).
1383. A. 1383 non potuit esse reysa propter defectionen hiemis (lb. p. 124).
Anno domini 1383 was der winter gar weich, das man nicht mochte gereysen (Прус. Pos. S. R. P. III 124).
1384. Anno 1384 worin vil geste⁶⁾ czu Kongsberg und der winter was weich, das man nicht mochte reysen (Прус. Pos. ibid. 129).
A. 1384 non fuit hyemps, ideo neque reysa (Прус. Ann. Thor. ibid. p. 129).
1385. Fuerunt multi hospites in Prussia, sed non fuit reysa defectu hiemis (Ann. Thor. ibid. p. 136).
Anno domini 1385 do worin gar vil geste czu Kongsberg unde men mochte nicht reysen, wend is nicht herte winter was (Pos. ibid. p. 136).
1386. ...sed non fuit reisa, quia hyems nimis cito dissoluta (Ann. Thor. p. 144).
1387. Anno 1387 fuerunt hospites in Prussia... qui per Marchiam intraverunt; sed non fuit reysa, quia nives fuerunt in partibus inferioribus nimis magne (Ann. Thor. S. R. P. III 148/9).
Reyse quedam in hyeme erant, sed non consumate propter aure intemperiem (Wig. c. 141. S. R. P. II 633).
1388. A. D. 1388... doch wart nicht reyse weters halbin und man mochte nicht gereysen (Pos. S. R. P. III 149).
Item dry tage vor Margarethe (10 июля), was so gros reyn im lande czu Pruszyn, das desin gebitegeren: Strasburg, Redin, Roghusen, Engelsberg ere molen usbrochin, und geschach gros schade, das des Kompthurs gemach von Grudencz neder vil in die Wysel. Und czu Fredecke (Wąbrzeźno) vylen czwene torme neder in deme vorborge, und die mole czu Starkinberg, und die mole vor dem huse brochin ouch us, und ouch schach schade

1) Drei mal.

2) Ernte.

3) Reif.

4) Gegend.

5) Ueberal gemähet.

6) Князь, графы, вельможи съ войсками.

- an deme huse czu Roghusin. Ouch worin dy temme do vor purificationis Marie (2 фев.) usgebrochin, das das grosze werder und ouch das cleyne, das dy werder alle worin beflossin. Und dornoch czu ostern (29 марта) brochen sie andersweit us, und was so gros wasser, das die lute des glichin nicht gedochtin (Pos. S. R. P. III 152/3).
1388. (11 нояб.). Die Mummel gefros, das man die schiff muste lassen czu Rangnith, und die lute muste das meiste teyl czu fusze heym geen (Pos. I. I. 154).
1389. Anno domini 1389 was so gut winter, als her by manchen jaren gewest was (Pos. I. I. 155).
(28 фев.) ... und do sie weder uswoldin, do was der snee gros (Жмудь. Pos. I. I. 157).
Item in desim jare wart wening hering gefangen: also bezitin quam der winter, das man nicht geschaffen mochte (Прус. Pos. I. I. p. 160).
1391. A. 1391 non fuit reysa propter tarditatem hyemis (Ann. Thor. I. I. p. 168). Anno domini 1391 was weich winter, das man nicht mochte gereysen, alleyne vil geste worin in deme lande (Pos. S. R. P. III 166).
Item was dis jor gar truge ane reyn, und der nordinwint stunt lange czüt, das wening getreydes wuchs (Pos. I. I. 170).
(Послѣ 6 дек.). Do wart das weter also weych, das sie weder heym musten czin. Лит. окрестность Гродно (Pos. I. I. 176).
1393. Der marschalk wolte vort habin geczogin ken Salseniken¹⁾, do kunde her nicht vor weter, wend is sere towte²⁾, das sy kume weder komen mochten obir die Mummel. Und woren XV nacht in dem lande. Лит. въ февралѣ (Pos. I. I. 191).
1395. Anno domini (13)95 was weych winter, das man nicht mochte gereysen (Pos. 199).
1396. A. 1396 non fuit reysa propter multitudinem et profunditatem nivium (Ann. Thor.) S. R. P. III 202).
Unde deden dar nynen vromen, wente alto vele snees hindernde en in deme weghe (Det. S. R. P. III p. 202).
1396. A. D. 1396 quam der herczoge von Gelre in das lant, und man hette gerne gereyset, man mochte nicht, wend vil snes was, und undir deme snee was is ungefrozen; und woren komen mit deme heere in dy wiltnisse³⁾ und muste weder keren (Жмудь. Pos. 202).
1397. Ouch mochte man nicht gereysin, wend der winter weich was (Прус. Pos. p. 209).
1398. Sed quia non fuit constrictio, ire non potuerunt (Ann. Thor. S. R. P. p. 217).
An. Dom. (13)98 czuhant noch wynnachten was der meister gereyt⁴⁾ und wolte reyse habin geczogin; do brach das weter und was so unstete, das is underwegin bleyb. Dornoch uf die vastin (20 фев. 1399) fros is gar sere weder (Прус. Pos. S. R. P. III 217).
Item in desim jare was vil reynes in dem Awestmonden und hewmonden, das vil getreydes und hews vortarb und vorfulete (Pos. I. I. p. 225).
1399. Anno 1399 in principio XL me (12 фев.) domini nostri intrarunt in magnis nivibus terram Samaytarum (Жмудь. Ann. Thor. S. R. P. III 226).

1) Soleczniki въ Литвѣ.

2) Tauete.

3) Западная граница Жмуди.

4) Bereit.

АРХЕОЛОГ. СЪЗДЪ ВЪ РИГЪ.

- Anno domini (13)99 mochte nicht reyse werdin, wend das weter gar unstete was gewest, das kein frost nicht redelich was, wen uf sente Lucientag (13 дек. 1398) hub is an czu frysen und werte bis Invocavit (16 февр. 1399). Ouch woren wening geste ym lande; ydoch reysete der marschalk ken Samaythin in das land czu Medeniken noch unser frouwintag purificacionis (послѣ 2 февр.) und lag IV nacht in dem lande. Das weter ging yn abe, das sy nicht lenger dorynne mochtin blibin (Жмудь. Pos. l. l. p. 226).
- In deme jare Cristi 1399 do was so grot vrost in deme wintere, else ye bi den daghen unses levendes was vornomen; men mochte in der tit wanderen up deme yse von Rostok bet in Dennemarken; dat sulve dede men van Lubeke ut over ys went to dem Sunde (Stralsund) (Det. S. R. P. III 225/6), см. выше.
1402. A. D. XIII^c secundo was der winter beyde¹⁾ vor wynnachten und ouch dornoch alzo weych, das man nicht mochte gereysin (Pos. l. l. p. 254).
Item an dem ende des februarji und in dem beginne des merczen entstunt eyn comete ken der sonnen undirgank, und schein wol IIII wochin alle obinde mit grosin flammen. Und die meister der astronomyen wissaten, das her wurde bedutin grosin krig in vil landin und vorgisunge des blutes und grosze trockinheit ane reyn; das ouch geschach (Pos. l. l. p. 256/7).
1405. Item was der herbist gar nas und vil reynes und fuchte, das vil lute blebin ungeseyget obir winter und fros nicht bis e noch sente Lucientag (13 дек.) (Pos. Forts. l. l. p. 281).
1406. A. XIII^c sexto was der winter gar weich, des man nich mochte gereysin (Ib. p. 282).
1406. Ouch was deser winter ane allin vrost und reynik, das keyne flys bestundin, und dy lute gedochtin des glichen nymer. Und die lute storbin vaste in vil enden; ydoch was is nicht gemeyne obirall. Dornoch conversio Pauli (23 янв. 1407) wart frost also, das die Wysel bestunt und etliche andere flys; und werte doch nicht lange, und ging snellichin wede ab und bleib dornoch lustig (sic) und der ganzte monde aprilis was sundir sne und vrost und reyn (Pos. Forts. l. l. 284).
1407. Anno XIII^c septimo was der winter weich ane frost, als vor gescrebin ist, des glichin nymont gedochte. XIII tage noch wynnachten (8 янв.) lys ich grabin im garthin und petircylien und moen seen, als noch ostern; und was gemeynlich in Dutschin landin also, das is donnerte sam in dem zomir (Pos. Fort. p. 284). Это свидѣніе списалъ Konrad Bitschin, помѣстивъ его подъ 1382 г.
1408. Anno XIII^c octavo was also gut winter, als her by langer czüt was gewest, wend her sich bie cziten irhub vor wynnachtin (1407 г.) und werte vier ganzte monde und lenger (Pos. F. p. 289).
Item als der winter abegink, wart gros wassir, das die Wysel usbrach binedin Grudentz und uff der Nerye und tat grossin schadin (Pos. Fort. 289/90).
1409. Das jar was trockin und wart wenning getreyde (Ib. 298).
О явленіяхъ достопамятнаго года сраженія при Грунвальдѣ вѣтъ замѣти.
1412. Ouch was gros wasser in desim jare gewest; dy flysze hattin sich also gros irgossin, das in vilen endin das gras bleib ungehouwin und vortarb mit enander (Ib. p. 332).

¹⁾ Т. е. въ началѣ года и въ концѣ года.

1413/14. Gilbert de Lannoу описываетъ чрезвычайную зиму, хотя преувеличенную въ подробностяхъ, господствовавшую 1413/14 г. во время его возвращенiя съ Великаго Новгорода въ Гданскъ: Et fist cest uver sy froit, que chose merueilleuse seroit a racompter les froidures qu'il y faisoit, car il me failly partir pour le froit... (§ 42 p. 372).

§ 43. Item: une merueille de froit y avoit, que, quant on chevauchoit par les forets on y oyoit crocquier les arbres et fendre de hault enbas de froit. Et y veoit on les crottes de la fiente des chevaulz qui estoient sur la terre engelles saillir contre mont de froit (!) et quant on dormoit de nuit ou dit desert, on y trouvoit au matin sa barbe et ses sourcieux et paupieres engellees de l'aleine de l'omme et plaines de glachons, sy ques au reveillier a paines pouvoit ou ouvrir ses yeulz.

§ 44. Item une autre merueille de froit y vey de long: ung pot de terre, plain d'eau et de char, mis au feu par ung matin sur ung lacq ou desert: que je veis l'eaue bouillir a l'un des lez du pot et engeler a glace a l'autre lez (!!!).

§ 45. Item ung autre merueille y vey de froit: de deux tasses d'argents pesans trois mars de Troye, dont j'avoye puisie eaue de nuit en ung lacq dessoubz la glace pour boire, en maniant icelles a mes mains chaudes estre engellees a mes dois et tantost icelles widies mis l'une en l'autre estre engellees ensamble tellement, qu'en prenant l'une, sourdre les deux par force de gelee.

Эта зима была до того строга, что Жильберъ на саняхъ отправился изъ Кенигсберга въ Гданскъ по замершемъ моръ; она продолжалась по его сообщенiю черезъ двадцать семь недѣль, что Лелевель исправляетъ на семнадцать. Et fit cette saison sy grant froidure es pais de Russie, de Leteau et de Liufant, que moult de poeuple morut et engella de froits (§ 67).

1413. Item was der nochwinter so weich, das czuhant noch wynnachten dy wassir uffin worin, das man mochte varin und flyszin uff dem wassir, das czuhant kegin ostern qwam us der Masow und allumme vil holczes, ronen, delen unde wagenschos, wend dy lute bynnen dryn jarin von Polan und us der Masow nicht mochtin komen in das lant czu Pruszin (Pos. Fort. I. I. p. 333).

1415. Ouch geschach gros schade von dem wasser. Der Nogath hatte sich vorstoppit, also do das yes abeging, do brach der Nogath us off jhensit der Somerow, das dy dorffer alle beflossin, dy do login in der nederunge beyde von Kirsburg und Elbing (Ib. 356).

Ouch was das vorjar dornoch gar truge und ane reyn und stund lange zeit. Ib. 1416. A. D. XIIIe dornach im XVI jare, was der winthir also weich, das keyn frost wart so gros, das dy wasser hertlichin bestandin werin, das man czu yse mochte habin gevyschit, und das was yn allin mondin den ganczin winthir obir, des glichin nymand gedochte; und wart eyne grose tuweringe dornoch im lande zcu Prusin. Vil lute lebetin der knospin von den boumen und wuchs wenyng von allirley getreyde (Ib. p. 360).

Ouch worin dy wasser in dessim jare von dem aeste so gros, das desglichen nymant gedochte, und tat grosin schadin an wesin und an dem getreide,

das yn der nederunge was gelegin. lb. 364. Wynes wart gnug dis jar, sundir tuwerunge was an deme getreyde (lb)

1417. In dem jare des herrin XIIIe im XVII jare was eyn hartir winthir und hub sich beziten an und werte off mette fastin (21 марта) und wart gar eyn fruchtbar jar zcu allin dingin. (lb. 368). На этомъ году остававливаемся; послѣ истребленія священнаго огня Владиславомъ Ягеллою на Жмуди вѣроятно уже не зажигались такіе огни, и пропали на всегда столь высоко цѣнныя прорицалица.

Приложеніе VIII.

Замѣтки о Литовской хижинѣ XV и XVI вѣковъ.

Выдержки изъ сочиненій авторовъ, помѣщенные въ нашемъ трудѣ о Ромове въ переводѣ, приведемъ въ подлинникѣ съ объясненіями; кромѣ того прибавимъ выдержки изъ другихъ менѣе извѣстныхъ авторовъ съ тою цѣлью, чтобы мы могли составить себѣ болѣе ясное представленіе о хижинѣ, предназначенной для охраны вѣчнаго огня. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ могутъ служить матеріаломъ для изслѣдователя Литовской хижины вообще.

А). Въ описаніи крещенія Жмуди Длугошь сообщаетъ намъ также нѣкоторыя этнографическія подробности, и между ими также замѣтки о жмудской хижинѣ.

...Nullus ibi stubarum aut aedificiorum nobilium, sed tantummodo tugurii unius usus... Structura aedificii ex ligno et culmo, largius ab imo, sensim operis incremento in arctius cogitur, in carinae maximae similitudinem elaborata; in cacumine fenestra una, superne lumen reddens. Supter quam focus et cibos parabiles coquens et trigus, quo regio pro majore anni parte constricta est, repellens. In ea domo se, uxores, pignora, servos, ancillas, pecus, armentum, frumentum et omnem suppellectilem concludunt, nec alia aedificia, coenacula, palatia, promptuaria aut stabula norunt; sed iisdem habitatio-nibus se et pecus suum, armenta atque alia omnia animalia domestica includunt. T. XIII p. 163 ed. Przewdz.

Stuba означаетъ небольшое зданіе, малый домъ: „Facere vias, vel stubas, vel alia aedificia“. Она низка „Est in Kayro domus ampla, et admodum stubae demissa.

2) Хижина, которая отопляется, и въ которой проживаетъ хозяинъ, владѣлецъ: Oves de quolibet aestuario vel stubae regni; корчма (taberna); 3) Часть жилая строенія, комната, пол. izba, нѣм. stube; лавка, баня (т.-е. varogarium). Другія подробности см. Du Cange Lexic. mediae latin s. v. stuba, aestuarium.

У Длугоша stuba означаетъ зданіе, назначенное исключительно для людей, а не для помѣщенія въ немъ животныхъ, и такого то зданія предназначеннаго только для жилья людей тогда во всей Жмуди не было, а тѣмъ болѣе не было домовъ болѣе изящныхъ. Во всей Жмуди существовали единственно tuguria, т.-е. хижины, какія устраивалъ себѣ римскій крестьянинъ изъ круглыхъ, необтесанныхъ бревенъ, покрытыхъ ситникомъ, соломой, тростникомъ, корой; см. Rich Illustrirtes Wörterb. s. v. tugurium, casa, casula. Въ такомъ жмудскомъ tugurium, неимѣющемъ, какъ ниже увидимъ, никакихъ отдѣленій, или особыхъ перегородокъ, не только проживалъ хозяинъ съ семьей и прислугой, но также помѣщались всякаго рода домашнія животныя, вся хозяйская

утварь, земледѣльческія орудія, все хлѣбное имущество, какъ это подробно перечисляетъ Длугошъ. Ему самому казался такой образъ жизни столь страннымъ явленіемъ, что онъ для убѣжденія читающаго въ томъ, что сообщеніе его не фраза, а правда, еще разъ подробно перечисляетъ зданія, какихъ въ Жмуди не существовало, а затѣмъ и все то, что помѣщалось въ жмудзской хижинѣ.

Въ Длугошово время жмудзская хижина различалась отъ римской внѣшнимъ видомъ, состоящимъ въ томъ, что стѣны и крыша составляли одно цѣлое, а цѣлая хижина представлялась въ видѣ лодки, опрокинутой дномъ къверху, какъ выражается Длугошъ, который это сравненіе заимствовалъ у Sallust. Jug. 18.8: „Ceterum adhuc aedificia Numidarum agrestium, quae Maralia¹⁾ illi vocant, oblonga, incurvis lateribus tecta, quasi navium carinae sunt“.

В. Каллимахъ (Callimachus), младшій современникъ Длугоша, проживавшій также извѣстное время въ Литвѣ, описываетъ Литовскія хижины слѣдующимъ образомъ:

...Non desunt argumenta illis, qui a Bosporianis (Litifanos, т.-е. Литовцевъ) profectos ajunt, cum totius agendaе vitae rationem, qua Bosporiani degunt, prisca etiam Litifani inter se agitent... similis negligentia educandorum liberorum sine ullis deliciis sub eodem tugurio promiscue cum pecoribus... Aedificandi materia tam his, quam illis, crassa et informis; habitudo aedificiorum maxime rotunda et in conum fastigata; extat scriplum (sic), relicto foramine, accipiendo lumini et ad fumum emittendum, sine ulla contignatione aut discreto receptaculo; ignis in medio tugurii, circa quem accubitus ac discubitus sine loci alicujus electione aut observantia; neque ullius rei domesticae ordo aut disciplina“. Vita et mores Sbiguei Cardinalis, Auctore Philippo Buonacorsi Callimachi ed. Finkel cap. XIV p. 27²⁾.

Въ скрытой и упорной борьбѣ съ Длугошомъ и ему въ укоръ, какъ это постараемся доказать въ предполагаемомъ продолженіи нашихъ „Источниковъ къ лит. миѳологіи“, Каллимахъ утверждаетъ, что Литовцы не происходятъ отъ Римлянъ³⁾, такъ какъ они другъ отъ друга разнятся учрежденіями и обычаями, какъ напр. въ военной организаціи и въ способѣ похоронъ и пр.; но что у Литовцевъ во многихъ отношеніяхъ есть большое сходство съ Кельтами и Галлами, или также съ Веспоранцами. Самое же названіе Литвы произошло отъ мѣстнаго слова „Litifa“⁴⁾, обозначающаго родъ хлѣба, производившагося для поддержанія жизни всѣми сѣверными народами, къ которымъ принадлежали и Литовцы.

По Каллимаху, въ литовской хижинѣ, названной имъ также tugurium, проживаетъ согласно съ предъидущимъ авторомъ хозяинъ съ семьей и съ животными. Хижины, построенныя всѣ изъ грубаго и необработаннаго матеріала, имѣютъ по большей части видъ круглый⁵⁾, конусообразный; наверху у нихъ торчитъ „scriplum“, какъ рукописное „scriptum“ исправляетъ Dr. Finkel. Но и того и другого я не понимаю; помоему миѳнію слѣдовало бы читать scirplum, sirplum, какъ сокращеніе слова scirpulum, sirpulum, уменьшительнаго отъ scirpus, sirpus, ситникъ, означающаго здѣсь корзину безъ

1) О maralia см. ниже сообщеніе Ласвицкаго.

2) Полученіемъ этой для нашего предмета важной книжки я обязанъ любезности г. директора библіотеки Оссолинскихъ, Кевтржинскаго (Kętrzyński).

3) Это направлено противъ Длугоша.

4) Это также направлено противъ Длугоша, утверждающаго, что названіе Lituania произошло отъ L'. Italia; но мы не извѣстно, что значить «Litifa».

5) На основаніи сравненія языковъ и культуръ Шрадеръ (Schrader) приходитъ къ слѣдующему, окончательному результату: Ich glaube nun, dass sich für die ältesten häuser der Indogermanen zweierlei feststellen lässt: erstens, dass das material zu denselben lediglich aus holz, flechtwerk, lehm, nicht aus stein, bestand, und zweitens, dass die gewöhnliche, vielleicht älteste form, wenigstens der europäischen hütte, der Kreis gewesen ist. Sprachvergleichung und Urgeschichte p. 494.

дна (*relicto foramine*), образующую такимъ образомъ родъ трубы, черезъ которую проходилъ дымъ и тяжелый воздухъ и впускался свѣжій. Круглая форма хижины, о которой авторъ первый и единственный упоминаетъ, принадлежала къ древнѣйшимъ формамъ; онъ, вѣроятно, описываетъ хижины другой мѣстности Литвы, въ которой преобладала круглая форма, при существованіи продолговато-круглой. На это указываетъ и его выраженіе: „по большей части круглая“. Можетъ-быть, и тутъ на это сообщеніе повліяло желаніе Каллимаха исправить Длугоша, писавшаго только о продолговато-круглой формѣ хижины.

Каллимахъ также первый сообщаетъ, что внутри хижины не было никакихъ бабокъ и никакихъ особыхъ отдѣленій или перегородокъ, и что очагъ находился въ срединѣ ея, около котораго каждый ложился, гдѣ и какъ ему захотѣлось, и что въ помѣщеніи животныхъ, припасовъ, утвари и орудій не было никакого опредѣленнаго порядка.

C. Sigismundus de Herberstein въ началѣ XVI в. два раза былъ въ Москвѣ. Проѣзжая черезъ Литву, внимательно наблюдалъ литовскій образъ жизни и свои впечатлѣнія изложилъ въ сочиненіи *Commentatio Rerum Moscovitarum, Antverpiae 1557, fol. 84* :

„*In humilibus casis iisque oblongioribus vitam ducunt, in quibus ignis in medio conservatur; ad quem cum paterfamilias sedet, jumenta totamque domus suae supellectilem cernit. Solent enim sub eodem, quo ipsi habitant, tecto sine ullo interstitio pecora habere*“.

У него литовскія хижины низки и продолговато-круглы, какъ на это указываетъ слово „*oblongior*“, употребленное въ этомъ смыслѣ у Длугоша, остальные подробности согласуются также съ описаніемъ двухъ приведенныхъ авторовъ, и это я считаю важнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ Герберштейнъ совершенно отъ нихъ независимъ. И у него хозяинъ проживаетъ совмѣстно съ животными и остальнымъ имуществомъ, и очагъ находится въ срединѣ хижины, въ которой также нѣтъ никакихъ особыхъ отдѣленій для помѣщенія жильцовъ и разнообразнаго имущества, такъ что хозяинъ, сидящій при очагѣ, имѣетъ на глазахъ все свое имущество.

Такъ какъ сочиненіе Герберштейна издано раньше вышеупомянутыхъ авторовъ, то слѣдующіе за нимъ писатели въ описаніи Литвы пользуются имъ, но безъ всякой ссылки на настоящій ихъ источникъ, на что до сихъ поръ не обращено надлежащаго вниманія.

D. Итакъ, уже Guagnini, на авторитетъ котораго часто ссылаются, буквально списалъ много свѣдѣній изъ Герберштейна съ маленькой стилистической разницей, какъ объ этомъ уже свидѣтельствуетъ его описаніе жмудской хижины:

„*Agrestis turba in humilibus casis, iisque oblongioribus vitam ducunt, in quibus ignis in medio accensus ardet; ad ignem vero paterfamilias cum domesticis servisque sedet, jumentaque et totam supellectilem domesticam cernit. Solent enim sub eodem, quo ipsi habitant, tecto sine ullo interstitio pecora habere. Sarmatiae Europaeae descriptio, p. 14.*“

E. Ласицкій въ своемъ сочиненіи *De diis Samagitarum* пользуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гвагниномъ, на котораго разъ и ссылается. Въ описаніи же жмудской хижины онъ исключительно руководится собственными наблюденіями, хотя замѣчаніе о *paterfamilias* можно считать реминисценціей изъ Гвагнина:

„...*iidem (Samagitae) deni aut viceni, plures vel pauciores, in uno tugurio linum, lanam, cannabim pectunt, nent, texunt, vestes conficiunt... Disperse per silvas, campos degunt; rara oppida, nec pagos nimium multos, arces autem munitas nullas habent; quorum fenestrae meridiem versus spectant... Mapalia, quae turres appellant, sursum angusta, atque qua fumus et foetor exeat, aperta, ex tignis, asseribus, stramine, corticibus faciunt; in his homines cum omni peculio, in pavimento tabulato stante, habitant; ita paterfamilias*“

omnia sua in conspectu habet, et feram noxiam et frigus a pecore arcet; ad ostium cubat, deastro foci custodia commissa, ne vel ignis damnum domicilio det, vel prunae nocte extinguantur. Ubi crebro accidit, ut vel sus vel canis ex olla in foco stante carnes auferat, aut rostrum aqua fervente laedat. Qui in pagis degunt, ii caulas separatas ab aestuariis habent⁴. Ed. Mannhardt, p. 8, 9; ed. Grasser, p. 45.

Не вечеринки, требующія близкаго сосѣдства, а только занятія хозяина и его семейства съ прислугою Ласицкій имѣетъ въ виду, сообщая, что болѣе десяти или двадцати человекъ работаютъ въ одной хижинѣ. Еще въ концѣ XVI в., когда въ прусской Литвѣ отведены были особыя постройки для женатыхъ въ семействахъ, для животныхъ, для домашней утвари, для земледѣльческихъ орудій, для амбаровъ да для нѣкоторыхъ занятій, то еще тогда всѣ члены семейства, отъ 20 до 40 человекъ, собирались, положимъ, для обѣда, въ одномъ хозяйскомъ домѣ, названномъ *pumas*, другія же постройки для отличія отъ этого *pumas* назывались *kletis*¹⁾.

Постоянное разрастаніе семьи и постоянное накопленіе всякаго рода движимаго имущества, орудій и припасовъ должно было вызвать недостатокъ въ помѣщеніи. И тогда только и притомъ постепенно стали отдѣляться отъ одного дома, *pumas*, женатые, стали отводиться отдѣльныя постройки для животныхъ, и все имущество — хлѣбъ, орудія и пр., размѣщаться по отдѣльнымъ, съ этой цѣлью построеннымъ помѣщеніямъ.

Во время Ласицкаго большинство жмудскаго народонаселенія проживало разсѣянно по лѣсамъ, откуда вызывалъ ихъ Лясковскій, надѣлая каждого, по королевскому повелѣнію, тремя влуками земли въ собственность. Городки, состоящія изъ нѣсколькихъ дворовъ, были рѣдкостью; деревень было также немного, а укрѣпленныхъ мѣстностей, замковъ вовсе не существовало. Въ маршрутахъ крестоносцевъ, составленныхъ въ XIV и въ началѣ XV вѣка, упоминаются деревни и такъ называемые городки, состоящія изъ 6 или 8 дворовъ, какъ напр. Бопты (*Babtindorf*: Маршр. 37), гдѣ всего было 6 дворовъ; однако большинство населенныхъ мѣстъ составляли отдѣльные дворы, получившіе названіе отъ ихъ основателя, владѣльца, напр. *Girstawtendorf* (in) *Crasien* (Кроже), до *Girstawt wonet* (Маршр. 8³).

Maralia, *Magalia*, отъ кареагенскаго „*magar, magal*“ (ср. греч. *μέγαρον*) назывались сельскія хижины въ Нумидіи. Онѣ строились, соотвѣтственно климату, изъ толстыхъ вѣтвей, ситника и тростника и были круглы (*Cato у Festus'a s. v.*, ed. Ponor., p. 130) или продолговато-круглы съ боками, выгнутыми наподобіе лодки (*Sall., Jug. 18, 8*); о ковусообразныхъ не упоминается. Въ этихъ мапаліяхъ не было никакихъ отдѣленій, перегородокъ: „*Maralia casae Poenicae appellantur, in quibus nihil secreti* (*Festus l. l.*). Отсюда всѣ хижины безъ внутреннихъ стѣнъ или перегородокъ назывались вообще *maralia* (*Rich. s. v. magalia, casa, casula*), которыя въ этомъ отношеніи ни въ чемъ не различались отъ *tugurium* (*Rich. s. v.*). *Sursum angusta*, къ верху суживающіяся, объясняется описаніемъ Длугоша. *Aperta*, у Длугоша отверстіе, *fenestra*, оставленное въ верху хижины, служило для свѣта, вѣроятно также для прохода дыма, о чемъ онъ

¹⁾ Генебергеру объ этомъ рассказывалъ Hans Rückerling, бывший въ теченіи двадцати лѣтъ бургграфомъ въ Инстербургѣ, проживавшій слѣдовательно среди коренного литовскаго народа: «Auch ist sich dis an jnen zu uerwundern, das jr so viel in einem gehöfite beisammen sich so friedlich können verhalten, wol in die 20, 30 oder 40, auch wol mehr personen eines geschlechts; essen alle gleich einerley kost, trinken eines getränkts, die alte mutter regiret die kost... Erklärung d. preuss. Land-Taff. p. 161. Hans Rückerling saget, wie ein vater sechs söhne gehabt, jnen allen weiber gegeben, der elteste son hab auch zween söhne ausgegeben, des andern sohn auch einer ein weib genommen und kinder gezeuget, solche alle, nemlich 54 personen, haben in einem gehöfft unter des alten vaters regiment friedlich gewonet и пр. (*Ibid*). Эти, какъ и многія другія свѣдѣнія списалъ у Генебергера Седраг Stein и напечаталъ ихъ на латинскомъ языкѣ безъ ссылки на источникъ подъ заглавіемъ: *Memorabilia Prussica*. Этотъ, такъ сказать, латинскій переводъ перепечатанъ: въ *Acta Borussiae* т. I, стр. 159 и др. — Поэтому слѣдовало мнѣ сослаться на Генебергера, а не на Stein'a въ *ZML*, I, p. 62.

однако не упоминаетъ. По Каллимаху отверстие, *foramen*, съ трубой служило и для прохода дыма и для свѣта. У Ласицкаго въ устройствѣ хижины замѣчается прогрессъ, а именно: отверстие въ верху хижины оставлено исключительно для прохода дыма „*aperta, qua fumus... exeat*“; для свѣта же служило отдѣльное отверстие, обращенное къ югу (*fenestrae meridiem versus spectant*), а такъ какъ по свидѣтельству Пашкевича (см. ниже) окно находилось надъ дверями, то и входъ въ хижину устроенъ былъ со стороны юга. Затѣмъ для животныхъ былъ положенъ полъ (*pavimentum tabulatum*), вѣроятно утрамбованный, о чемъ предшествовавшіе ему авторы не упоминаютъ.

Ласицкій весьма подробно описываетъ строительный матеріалъ. *Tigna*, это необтесанные пни, стволы, бревна, которыя, должно-быть, ставились косо, какъ козлы, потому что иначе не вышла бы суживающаяся къ верху форма хижины. *Asseres*, т.-е. *tignum parvum, sudes, palus*, — не очень толстыя *tigna*, жерди, шести, которые по всей вѣроятности клались горизонтально для устройства боковыхъ стѣнъ и прикрѣплялись къ *tigna*.

Между этими *asseres*, т.-е. шестами или жердями, оставались щели, которыя извнѣ тщательно покрывали корой, главнымъ образомъ липовой, для того, чтобы *stramen*, т.-е. солома, ситникъ или тростникъ, которымъ окончательно накрывали всю хижину, не проходилъ сквозь эти щели и не загорался отъ огня на очагѣ.

Иногда на все это накладывали еще дернъ, бревна съ тою цѣлью, чтобы сильныя вѣтры не разнесли соломы и пр., какъ уже сказано въ текстѣ.

Сообщеніе: „*Ita paterfamilias... habet*“ заимствовано изъ Гвагнина, который самъ его списалъ у Герберштейна. Такъ какъ въ хижинѣ не было никакихъ особыхъ отдѣленій, что Ласицкій глухо выражаетъ словомъ *Maralia*, то хозяинъ въ самомъ дѣлѣ могъ видѣть все свое имущество и замѣтить, не мерзнутъ ли его домашнія животныя, или не воровался ли въ хижину какой-нибудь хищный звѣрь.

Хозяинъ у Ласицкаго имѣетъ свое опредѣленное мѣсто для сна при входѣ хижины, и въ этомъ отношеніи этотъ авторъ отличается отъ Каллимаха, у котораго каждый жилецъ ложился, гдѣ ему хотѣлось, не разбирая мѣста и первенства. Попеченіе объ огнѣ предоставлялось божеству (*deastro*), которымъ по всей вѣроятности было божество *Pelegabie*, упомянутое также Ласицкимъ. *Aestuarium* означаетъ точно такъ же, какъ и *stuba*, зданіе, въ которомъ можно топить (*Oves de quolibet aestuario vel stuba*); малый домъ, домъ священника (*Datum in aestuario plebani. Du Cange, Lex. s. v.*); у Ласицкаго — то же, что и *maralia* и *tuguria*.

Ласицкій добавляетъ, что жителями въ деревняхъ (*in pagis*) устраивались внѣ хижины огороженныя мѣста „*caulae*“, заборы, ограды, очевидно, потому, чтобы держать въ нихъ лѣтомъ домашнихъ животныхъ, какъ овецъ, лошадей, скотъ, и чтобы они не разбѣгались. *Caulae*, по-лит. *gardas*, по-жмуд. *twora*, по-лат. также *septum, sepimentum*. Не вижу никакой причины, чтобы жители городовъ, такъ мало населенныхъ, какъ въ Жмуди, не могли себѣ устроить подобныхъ *caulae* вблизи своей хижины.

Желая объяснить, откуда произошелъ внѣшній видъ и внутреннее устройство хижины, Ласицкій приводитъ мнѣніе Михалона, что Римляне, пригнанные бурями, причалили къ жмудскимъ берегамъ и, рѣшивши оставаться въ этой землѣ, проживали тутъ, по обычаю римскихъ воиновъ, въ палаткахъ; и что уже потомки ихъ устроили себѣ по образцу этихъ палатокъ жилища, и что этотъ родъ и видъ построекъ удержался до его времени: „*Ubi Litwanorum progenitores... in tabernaculis ad focus more militari et adhuc in eadem Samagitia recepto, habitarint.*“

Какъ мы уже отмѣтили, Ласицкій называетъ жмудскія жилища *tuguria*, *maralia*, *aestuarium* и *turres*, изъ которыхъ мы первыя три названія уже объяснили. Остается *turris*. Это слово читается въ слѣдующей связи: (*Samagitae*) „*studio Sigismundi Augusti*

Regis... in coetus et societates convocati. Maralia, quae turres appellant... ex tignis... faciunt¹. Повидимому, подлежащее къ appellant есть Samagitae, значить, что appellant не безличное выражение; слѣдовательно, turres не латинское, а жмудское слово, имѣющее значеніе зданія, видъ котораго въ сущности не отличался отъ всѣхъ другихъ жилыхъ строеній въ Жмуди.

Въ лит. языкѣ существуетъ корень tur, имѣющій значеніе: держать, имѣть, владѣть; онъ общъ многимъ другимъ языкамъ въ этомъ же значеніи, какъ указываетъ, напр., греч. *τύρος, τύρατος*, лат. *turgis*, польское *trzymać*. Отъ лит. tur образуется громадное количество словъ, удерживающихъ главное значеніе корня (ср. Nesselm. L. W., p. 110, 111), напр. *turiu, turėjau, turėsiu, turetī*, имѣю, держу; *part. praes. turis*, имѣющій и проч.; *turtas, turtė, tureimas*, имѣніе, имущество, владѣніе (держава)¹). Такъ какъ литовская хижина и все то, что въ ней помѣщалось, составляли собственность хозяина, то все въ совокупности представляло его имущество и обозначалось по-лит. словомъ *turtas, turte*. Итакъ, Nesselm. (L. W., p. 110, s. v. *turtas* и *turte*) пишетъ: *d. Habe, der besitz, besonders bewegliche Güter*; слѣдовательно, значеніе недвижимости, жилища не исключается. И на этомъ именно основаніи я утверждаю, что *turres* у Ласицкаго не латинское слово, а жмудское, образованное отъ лит. корня tur.

Зданіе, построенное на высшей горѣ при рѣкѣ Неважѣ, въ которомъ горѣлъ священный огонь, Длугошемъ также названо *turris*. „*Ignem... accedens, turrim, in qua consistebat, incendit*“. Но тотъ же Длугошъ, какъ намъ извѣстно, съ весьма характернымъ упорствомъ повторяетъ два раза, что по всей Литвѣ другихъ строеній, кромѣ имъ указанныхъ, и относительно формы и относительно строительнаго матеріала, не существовало: и на этомъ-то также основаніи утверждаю, что въ нашемъ мѣстѣ *turris* не можетъ значить туру, башню, а только хижину, не отличавшуюся отъ другихъ обыкновенныхъ жилищъ. Въ крайности можно бы допустить, что она была, можетъ-быть, выше другихъ, такъ какъ въ ней горѣлъ неугасаемый огонь. Что касается формы, можно бы у Ласицкаго допустить опечатку *turres* вм. *turtes* (п. plur. отъ *turte*); но этому мѣшаетъ Длугошево *turris*; поэтому предлагаю **ture* (= *tur ja*), п. plur. *tures*, которое по звуку у незнающихъ легко могло слиться съ лат. *turris*, башня.

F. Bruin v. Braun въ сочиненіи *Civitates Orbis Terrarum*. Т. III. Colon. 1593, p. 59, вкратцѣ описываетъ литовскую хижину и затѣмъ г. Вильну. Не имѣя этой книги, выдержки изъ нея приведу по труду А. Беценбергера: *Ueber das litauische Haus*. A. P. M. Sch. Bd. XXIII, p. 34 (1886).

Domus in universum sunt lignae, depressae ac humiles, nec cubilibus, nec coquinis, imo nec stabulis, licet jumenta et bestias complures alant, distinctae (p. 39).

О г. Вильнѣ же пишетъ: „*Uno et perpetuo quodam suburbio septa et circumvallata Vilna conspicitur, ubi infinitus aedicularum numerus, nullo delectu, nullo platearum ordine, sed pro agresti barbarorum voluntate, prout sors et occasio tulit, quasi consitus videtur. Alibi namque casas hasce suas, ex pinorum aliquot trabibus, rudi structura compactas, huc deferunt et, quo libuerit, indiscriminatim collocant... in domibus suis, perpetuo fumo oppletis (non enim ulla fumibula habent)... videas parentes cum liberis, jumentis ac bestiis ad focum eodem in hypocausto foetido agere, ubi et hospitibus conjunx puerpera duro incumbat scamno*“ (p. 39).

Перемѣщеніе хижины съ одного мѣста на другое случалось, по свидѣтельству г. Карловича, еще въ половинѣ нашего вѣка. „Маленькая хижинка, пишетъ онъ какъ очевидецъ²), бѣднаго литовца, построенная изъ нетолстыхъ бревень, разбирается на

1) У Довковта мѣсто буквы *u* въ корнѣ очень часто занимаетъ *o*, напр. *nomas* = *numas*; *foreti* = *turetī*; *tortas* и *turtas*, *turte*. Поэтому предполагаю, что и *tro-ba, trobele*, постройка, жилище, образуется отъ *tur, tor, tro*.

2) *Chata polska. Pamiętnik Fizyograficzny Warsz.* 1881 Т. IV, стр. 395.

отдѣльныя части, какъ балки, козлы, двери и пр., и все это вмѣстѣ со всѣмъ движимымъ имуществомъ перевозится на вновь избранное для постройки мѣсто. Тутъ на фундаментѣ, устроенномъ изъ извѣстнаго количества большихъ камней, строится новое жилище, въ которомъ жилецъ проживаетъ до тѣхъ поръ, пока не пожелаетъ вновь перемѣнить мѣсто жительства¹⁾.

Приведенныя два свидѣтельства весьма полезны для объясненія Ласицкаго, по которому жители Жмуди, какъ только у нихъ родилось какое-нибудь слѣпое, изувѣченное или слабое животное, сейчасъ перемѣняли мѣсто проживанія, потому что они этотъ случай считали для себя несчастнымъ предзнаменованіемъ. Покровительница такого переселенія называется *Apidėme*¹⁾. *Api-dėti* значить перекладывать, переносить кое-что съ одного мѣста на другое; *apidėme* же — мѣсто перенесеннаго жилища, застѣнокъ. Мѣстностей такого названія до сихъ поръ множество въ Литвѣ, напр., *Apidėme* въ Порюрской волости Россіенскаго уѣзда, *Apedėmiszki* — село и два застѣнка въ Бахмацкой вол. Новоалександрійскаго уѣзда²⁾. Спрогись въ своемъ Географ. Словарѣ насчитываетъ около 48 подобныхъ названій мѣстностей, полей, грунтовъ и нивъ, какъ напр. *Apidėmai*, *Apidėmaite*, *Apidėme*, *Apidėmela*(?), *Apidėmi*, *Apidėmojte* и т. п.³⁾.

G. Erhard Wagner, жившій въ началѣ XVII в., сообщаетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія о литовской хижинѣ своего времени въ трудѣ: *Vita et mores Lithuanorum, in Borussia sub districtu Insterburgensi et Ragnitensi degentium, brevi delineatione adumbrata per Erhardum Wagner Insterburgensem. Regiomonti 1621, in 4°, typis Osterbergerianis*. Этотъ трудъ перепечатанъ въ *Acta Borussica etc. T. I 531—550*⁴⁾. Выноски, касающіяся литовской хижины, перепечаталъ A. Bezzenberger, *Ueber das litauische Haus. APM Sch XXIII. 1886, p. 34* и слѣд.

Excitant autem illi domos suas terete saltem ligno, sibi pecorique communes, illasque stramento operiunt, fumo nullus nisi per fores datur exitus, cui longo usu ita assueti, ut illum ne quidem sentiant.

H. Немного раньше, именно въ 1559 г. описалъ Геннебергеръ (*Erklärung der pr. Landtaffel*)⁵⁾, также на основаніи собственныхъ наблюденій, хижины въ Инстербургскомъ округѣ: *Das haus, darinnen sie alle essen, heist das schwartzhaus, und ist in warheit vom rauch und rusz schwartz genug. Darneben hat ein jeglich par ehegatten ein sonderliches heuszlein, das heist man ein kleidt*⁶⁾, *ist von rundem holtz gesetzt, unten hats wie ein nidriges kellerlein, oben darauff wie ein kamer ohne fenster, nur eine thür, da sie hineingehen, darinnen haben sie jhre kleyderchen, die gar schlecht und gering, und einerley farben und form sein, und was sie sonderliches haben. Derselbigen heuserchen sein so viel, als par volckes im gehöffte sein.*

Sonsten haben sie auch viel kleiner heuserchen, denn zu einer jeglichen arbeit haben sie ein sonderliches kleines heuszlein, als eins, da man das Korn jnnen treuget und trischet, eines da man das getreyd meelet, eines darinnen man bucket, eins zu browen, eines kleider zu waschen, eins zur badstuben etc., die alle sein mit brettern

1) *Habentque Apidome (sic), mutati domicilii deum; nato cujusvis generis vel coeco, vel debili pullo, actutum sedes mutantur, ed. Mhdt. 28 (89). Apidome* ошибочная форма, равно какъ ошибочное объясненіе у Mhdt. p. 46 (123).

2) Списокъ насел. мѣстъ Ковенской г. p. 72 и p. 142.—*Epidemi*, или Пустошка въ Браславской вол. Ново-Александр. уѣзда p. 319.

3) Стр. 12 и 13.

4) Такъ по моимъ спискамъ; Безценбергеръ ссылается на стр. 126; не имѣя въ настоящее время возможности справиться, не знаю, кто правъ.

5) Стр. 160 s. v. *Insterburg*.

6) Литовское *Kletis*.

bedeckt. Haben keine scheunen, sondern wie hohe ricke¹⁾, da legen sie die aherende (= ähren) einwärts und also auff einander, fragen nicht darnach, ob schon die stopfel verfaulen, denn kein dach darauff ist. Die Menner thun die feldarbeit, die weiber die hausarbeit. Die alte regirt, gibt zu kochen, der söhne weiber kochen, waschen, malen, sichten, backen etc., doch umbzech.

Сравнивъ это описаніе съ краткой замѣткой Вагнера, приходимъ къ тому заключенію, что въ XVI в. въ одной и той же землѣ строились въ одной ея части общія для людей и животныхъ жилища (Вагнеръ), а въ другой существуетъ уже много строеній для помѣщенія людей (кромѣ *namus*, еще *kletis*) и различнаго рода занятій.

I. Обычай строить отдѣльныя помѣщенія для всего того, что прежде находилось въ одной хижинѣ, такъ сказать, подъ одной крышей, обычай, существовавшій, по свидѣтельству Геннебергера, уже во второй половинѣ XVI в. въ нѣкоторыхъ странахъ прусской Литвы, быстро распространился по всеѣмъ областямъ этой земли и сталъ господствующимъ въ теченіе XVII в. Объ этомъ сообщаетъ намъ Матвѣй Преториусъ слѣдующее:

Man sieht noch bei den Nadravern, dass sie vielerhand gebäude auffrichten. So bauen sie ein haus, das sie des sommers für sich und den gast halten; ein apartes haus für ihre kinder, gesinde und junges vieh, welches man das rauchhaus nennt, worin kein ofen, in dessen mitte aber ein etwas erhöhtes estrich geschlagen, feuer darauff zu halten, insgemein mit tannen odes lindenborke bedeckt. Sie bauen aparte kammern vom wohnhaus abgesondert, die theils zu getreide, theils zu speiswaaren, theils zu verwahrung ihrer haussachen, betten, kleider p. p. emploirt werden. Selbige werden Kleten genennet. Sie haben ihre Maltuwen, das sind aparte mahlhäuser, worin sie mahlen und brot backen. Ausser vilerhand ställen, scheunen p. p. haben sie auch Jaugien, worin sie das auszudreschende korn vemittelst einer gewissen kammer, darin ein von feldsteinen gemachter ofen eingeheizt wird, dörren und audreschen. Die Jauge ist ein gebäude, wie hiesiger orten²⁾ die ziegelscheunen gebaut sind, nur dass von einem ende ein festes estrich geschlagen wird, darauff sie das ausgedorte getreide audreschen können, woselbst eine ziemlich breite thür gelassen wird, theils dass darin das getreide aus der scheune kann eingebracht werden, theils dass dadurch der windt eingehen kann, wenn sie das ausgedroschne getreide auswürfeln wollen. Am andern ende aber ist auffgerichtet insgemein ins vierkannt, oft auch länglicht, ein dichtes schürtzwerk in guten moos gelegt mit einer thür, doch ohne fenster, nur dass unten bei der erde ein fensterchen gelassen wird, dass der fraden von dem zu dorrenden getreide gelassen, ausgehen kann. An den beiden seiten der langen wand wird etwa 1½ ellen hoch und dicht au der wand, inwendig von der erde zu rechnen, ein balcken festgemacht. Auff solchen balcken werden lange stangen gelegt, so breit das schürtzwerk ist. Darauf man das getreide stehend fleihet, welches mehr schier als drei viertel einnimbt des inwendigen raumes. In demselben schürtzwerk daneben ist an der einen seite ein ofen von feldsteinen oder ein kleiner backofen von ziegel gemacht, darin feuer gemacht kann werden von trockenem harten holz, so wenig flammen giebt, dadurch das ganze schürtzwerk recht wie eine badstube warm wird. Jedoch muss acht gegeben werden, dass von dem eingebrachtem getreide nicht etwa stroh zu nahe an den ofen komme.

1) Лит. rike (rije?), шесть, жерди, горизонтально положенныя на двухъ стоячихъ столбахъ для висушки хлѣба, по польски *przerplot*; описаніе у Jaroszewicza *Obraz Litwy* p. 213, прим. 28. Срав. ZML, I, 29 и ниже, описаніе Прает. литовскихъ *žardai*.

2) Praetorius очевидно это писалъ послѣ оставленія Надровія, проживая уже въ польской странѣ, какъ нир. въ Бродяндѣ (Strasburg), въ Староградѣ, а въ концѣ въ Вейеровѣ, т.-е. послѣ 1685 г.

Ihre badstuben stehen auch apart, die einfältig genug, doch dicht mit einem vorschauer pflegen gemacht zu werden, in welchem sie insgemein einen ofen von grauen feldsteinen setzen, den sie innerhalb der stuben einheizen, und wenn der glühend ist, mit wasser begiessen, und so ihre badstube heitzen. Und sind auch bei ihnen die zardai, (welche einige eine ruste nennen, wegen der form desselben), auf welche sie das noch nicht genug auff dem felde getrocknete getreide, in sonderheit die noch grünen erbsen auffhängen. Darauff sie in der luft reifen und dörren können. Andere gebäude, als brachstuben, darrhäuser p. p. übergehen wir, gewiss ist, dass bei manchem wolhabenden Nadraver 20 aparte gebäude in seinem gehöfte finden wird.

Bei diesen gebäuden, sonderlich in Zalavonien und an den gräntzen an Zemaiten ist zu merken, dass sie oft in ihren stuben keine ofen haben, sondern machen mitten in der stube feuer, über welchen feuerort in der decke ein loch, so mit thon umfängen, in gestalt einer glocke, durch welches loch der rauch sich aus der stube ziehet. Die wohnhäuser pflegen auch so gebaut zu werden, dass durch die thür der wind auff dem feuerherde, der insgemein bloß und gleich der erde auffm flor(?) ist, das feuer nicht fassen oder aufwehen kann. Doch haben auch einige wohlhabende Nadraver oft zierliche grüne und weisse ofen von guten kacheln. Vor diesem ists vermuthlich, dass sie keine kachelofen, sondern Krosnis d. i. steinofen gehabt haben, als sie noch selbige in ihren pirten d. i. badstuben und jaugen d. i. dreschhäusern gebrauchen. Selbige krosnis dienen ihnen oft auch statt des backofens, auch darrofens; sie werden insgemein also gemacht. Sie suchen hervor grosse, lange und breite feldsteine, die setzen sie gegeneinander, so dass die obertheil zusammen kommen, die untertheil von einander abstehen. Solcher steine setzen sie nach der reyge hin, als sie den ofen lang haben wollen. Die wissen sie so fest und dicht zu setzen, dass man eine grosse quantität kleiner steine darauff legen kann, die sich leicht durchhitzen, aber keine flamme auslassen können. Praet. p. 106 etc.

J. Изъ этого же времени, т.-е. около 1690 г., имѣется описаніе строеній въ прусской Литвѣ, а именно въ Рагнитскомъ округѣ: Der preussische Littauer etc. von Theodoro Lepner. Danzig 1744, p. 70. Авторъ, будучи пасторомъ въ Будвехтен, сообщаетъ намъ на основаніи собственныхъ наблюденій о лит. жилищахъ слѣдующее:

„Die Littauer dieses orthes haben niedrige, schmähle häuser, welche sie selbst aus runden holtz bauen... darin haben sie ein paar kleine fenster, gar selten findet man einen schorstein drinnen. Der ofen ist von hohlen, schlechten unegläserten kacheln, bey einigen wenigen wohlhabenden siehet man auch gegläsete grüne kacheloefen. Inwendig haben sie gemeiniglich kleine von leim und holtz zusammen geklebete kacheln, darin ihnen des abends das schorsteinfeuer leuchten muss. Einige haben ein rundes von leim und holtz fest zusammengekleibtes wesen, welches sie Szibintas¹⁾, eine leuchte nennen (von szibinti leuchten); unten ist es breit und rund, mitten drinn hänget ein eisen, gleich einer rost, darauf der kiehn oder klein gehauenes holtz brennet, und ihnen licht im finsternen giebet; es gehet etwas zugespitzt durch die bretter und das estreich auf die lucht, dahin sich der rauch ziehet, welchen sie gar wohl vertragen können. Darum bedurffen sie keine oder gar wenige talchlichter... Im hause ist ein heerd gar platt auf der erden. Ihre kammern haben sie gar selten bey den stuben oder in den wohnhäusern, sondern absonderlich; sie werden Klete genannt; in etlichen von diesen schlafen sie, in etlichen halten sie ihr getreydigt; diese sind mit brettern wohl ausgelegt, damit das getreydigt trocken liege, und nicht schaden leide. Auch halten

1) Żibintis, Żiburis, лучина для освѣщенія; здѣсь сварядъ, въ которомъ горѣла лучина. Справ. Jaroszewicz Obr. Litwy p. 84.

sie rauch-häuser, welches sie *namas* heissen, das andere wohnhaus heisset *stubba*..., in welchem sie nur des winters wohnen. In solchen rauchhause halten sie allezeit feuer, um welches sie sitzen, sich wärmen, und die kleider, wenn sie von schlagg und regen nass seyn, trockenen. Des sommern essen sie auch darinn und trocknen das fleisch gar wohl darinn. Noch haben sie ein absonderliches gebäudchen zur mahlkammer *Maltuwe*, darinnen sie eine oder mehr handmühlen (querlen) ¹⁾ halten. Ihr getreydigt dreschen sie in den zaugen ²⁾ (*sic*), darinn ist ihr badstube ³⁾. Diese (*r. e.* *Jauja*) hat rund umher stangen, darauf das getreydigt geleyet und getrocknet wird, denn sie wird gehitzt; auch zuweilen zur darre, wie auch zur badstube (*pirit*) gebraucht. Auf der tennen ⁴⁾, wo sie dreschen, haben sie ein gar kleines von leim und steinen zusammen geklebtes oefgen, darinn brennen sie klein gehauen holtz, wenn sie dreschen, welches im herbst und winter sehr frühe im anderen hahnengeschrey geschieht. Dieses dreschen ist sehr gefährlich und verursacht öfters feuer... Daneben haben sie noch eine scheun ⁵⁾, darinnen das übrige getreydigt geführet ist, welches nochmals in die Jauge getragen und ausgedroschen wird, und dann sind noch etliche ställe vor das viehe. Einige in sonderheit die bey der wildniss ⁶⁾ wohnende, haben wol acht und mehr solcher gebäude, welche sie nahe beiander setzen, weil sie dem acker wenig raum abnehmen wollen, und daher wohnet auch ein nachbar rühr an den andern... durch solche nahe zusammenwohnung... geschieht, ... dass sie oft in feuersnoth gerathen und um alle das ihrige kommen... weil sie viel feuer in ihren häusern halten, als in der stuben, in dem rauchhause, auf dem heerde, in dem schorstein *szibintas*, in der mahlkammer zum licht, zu dem backen, maltzen, brauen, wie auch bey der hüttung des viehes und der pferde von den hirtensöhnen auf dem felde...

Insonderheit da sie den brand nicht gern gebührlich löschen aus dem argwohn, es werde das feuer dadurch nur erzürnet, welches ohne zweifel daher kommet, weil sie es im heydenthum vor einen gott gehalten und angebetet haben (p. 70—74).

К. Благодаря усердію и преданности литовской старинѣ, имѣемъ отъ Діонисія Пашкевича, владѣльца имѣнія Бордзе, довольно подробное описаніе жмудской хижины въ началѣ второй четверти XIX в., напечатанное въ журналѣ *Dziennik Warszawski* 1829 г., № 44, стр. 39. Такъ какъ при описаніи лит. хижины вообще мы имѣ уже воспользовались, то мы приведемъ его въ виду его важности въ подлинникѣ:

„Wiemy to z doświadczenia patrząc na budników potaż palących, że w lasach wielkich bydło ich nietylko na wiosnę i w jesieni, ale także całą zimę w największe mrozy, samemi tylko gałęziami drzewa najpiękniej się hoduje i dostatkem mleka daje. Ale w nocy i bydło i człowiek potrzebuje spoczynku, więc dla konserwy w nocy bydła, a razem na mieszkanie ludziom stawili chaty, które nazywają się numy, czyli numy i w całym kraju litewskim i żmudzkiem znajdowały się. W Litwie może rzadko gdzie, bo w miejsce numów stoją dwory, pałace, folwarki, miasta. Lecz w księstwie żmudzkim we wszystkich dzisiejszych powiatach Rosieńskim, Szawelskim i Telszewskim, mianowicie koło pogranicza Kurlandyi, Prus i koło morza bałtyckiego, pewnie (i) teraz znalazłbyśmy numów kilka tysięcy... Co to są numy żmudzkie takie dają wyobrażenie.

1. Jest budynek 10, 12 albo 15 sążni dłużyńy, a 5 lub 6 szerzyńy, powszechnie

1) *Girna*, plur. *girnos*, жерновъ.

2) *Jauja*.

3) *Pirtis*.

4) *Klūimas*.

5) *Klūnas*.

6) Пустой, незаселенный, и на нѣсколько верстъ широкій лѣсъ отдѣлялъ Пруссію отъ Жмуды; онъ назывался *Wildniss*.

z bierwion okrągłaków stawiony, którego dach na łątach pierwo — korą jodłową wysłany dla bezpieczeństwa od ognia, a na wierzchu słomą pokryty. Żadnego lub niekiedy jedno tylko okno; i drzwi z obu końców numy, z których jedne drzwi szerokie są dla wejścia ludziom w niej mieszkającym, a drugie dla wejścia bydła i wywózki gnoju. A nad drzwiami są okienka dla ujścia dymu, a we dnie światła, ze środka zasuwane.

2. We śródzinie tej numy jest wykopana jama szeroka na ognisko, najmniej na łokci 3 lub 4 w figurze kwadratu lub cyrkułu, a na łokieć jeden tylko głęboka. We śródzinie tej jamy z łuczyn brzozowych, lub olchowych rozkłada się ogień. Obwód ogniska kamieniami obłożony zastępuje miejsce ławy lub krzesła do siedzenia domownikom, którzy w około ognia posiadawszy w czasie zimy wszystkie roboty robią. Że zaś w czasie lata jest gorąco, oraz żeby od ognia nie było niebezpieczeństwa, to od obwodu ogniska wkoło odstąpiwszy najmniej na łokci 3 lub 4, daje się czworościenna ścianka z bierwionów, albo z desek, albo z płotu ogrodzona, ale nie wyższa jak półtora łokcia, a najwięcej ze dwa łokcie. Żeby domownicy robiąc, albo chodząc koło ogniska mogli widzieć bydło i wszelkie żywioły¹⁾, które się rozstawują w około po za samą, ścianą budynku, to przestrzeń między ogniskiem a przedziałem, gdzie się bydło stawi, utrzymuje się czysto zamiecione.

3. Poddasza numy są bardzo wielkie, zapuszczone. Gdyż pod tem poddaszem składają się narzędzia gospodarskie, wozy, brony etc., a nawet małe chlewiki trzyściankowe dla świń, gęsi etc. stawiają się. Słowem jeden budynek numa składał niegdyś całego gospodarstwa budowlę. Dzisiaj bowiem na Żmudzi po za granicami Kurlandyi, Prus, oraz po za morzem bałtyckiem wieśniacy mają budynki mieszkalne dość piękne które są tylko dla gościa, za mieszkanie w zimie służą; a w wiosnie, latem i w jesieni w numach i jeść gotują, i jedzą, i wszystkie domowe roboty pełnią, mając na oku w numie całe gospodarstwo. Przytem niechaj wie czytelnik i o tem, że ogólne zabudowanie rolnika, kmiecia albo w obrębie szlachcica, w języku litewskim mają dotąd nazwisko jednym słowem numaj.

Подробности въ этомъ описаніи для насъ весьма поучительны. Оставляя всѣ другія въ сторонѣ, мы обратимъ вниманіе на одно весьма интересное указаніе, именно на то, въ какомъ порядкѣ разъединялись находящіеся внутри хижины предметы и размѣщались внѣ ея. Итакъ, сначала устранялись предметы, не требующіе защиты отъ мороза, каковы земледѣльческія орудія, солома, дрова и т. п.; отъ дождей они достаточно защищались продолженіемъ крыши внѣ хижины. Подъ этимъ продолженіемъ крыши пристраивались къ внѣшней стѣнѣ три стѣнки, такъ что образовывалось огороженное мѣсто, въ родѣ сарая, хлѣва, въ которомъ помѣщались свиньи, гуси, курицы; другія же животныя, какъ овцы, коровы, оставались еще внутри.

Л. Двадцать лѣтъ спустя послѣ описанія хижины Пашкевичемъ, появился уже намъ извѣстный трудъ Довконта: „Buda“, въ которомъ авторъ весьма подробно описываетъ литовскія строенія десяти различныхъ наименованій, требующія однако для нѣкоторыхъ неясныхъ (для нелитовца) выраженій подробнаго комментарія. Въ настоящее время отмѣтимъ только два наименованія, имѣющія для объясненія Ласицкаго особое значеніе, а именно ratajnicze (р. 22), въ которомъ хранились колеса (ratai), возы (važeis) и сани (rages); а затѣмъ ublade (р. 26), въ которомъ мололи зерна, пекли хлѣбъ, пироги и пр.²⁾

Очень хорошо намъ извѣстно, что вышеприведенными выдержками и замѣтками далеко не исчерпанъ вопросъ о литовской хижинѣ. Прежде всего недостаетъ описанія

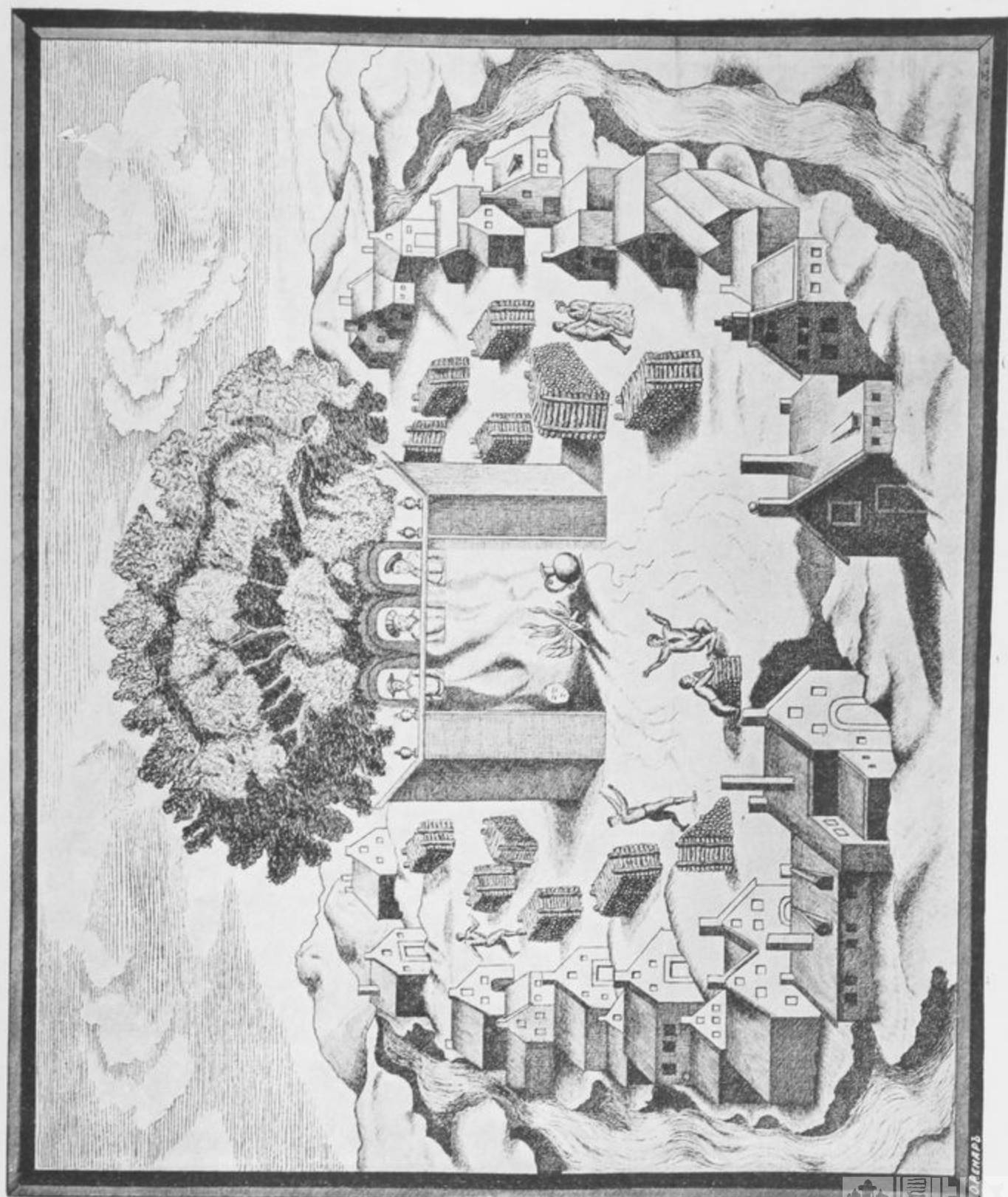
¹⁾ Животныя.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ мы уже объяснили эти слова въ Рефератѣ на III Археолог. Съѣздѣ въ Києвѣ, 1876 г., стр. 7 (оттиски).

латышскихъ строеній. Но не въ полнотѣ обработки заключалась задача нашего приложенія. Мы желали только показать, что въ XV вѣкѣ и началѣ XVI общій видъ литовскихъ строеній былъ продолговато-круглый, рѣдко конусообразный; что строительнымъ матеріаломъ служило исключительно дерево, солома, тростникъ, ситникъ; что внутри хижины никакихъ балокъ, ни отдѣленій или перегородокъ не существовало; что вездѣ въ срединѣ хижины находился очагъ; что другихъ особыхъ строеній отдѣльнаго вида не было: слѣдовательно и хижина для охраны вѣчнаго огня другого вида имѣть не могла.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Крашедишской
и Музейной работы

Минимый видъ Ромове по Гартноху, замѣствованный у Геннебергера, который его возстановилъ на основаніи описанія святилища у Грунау.